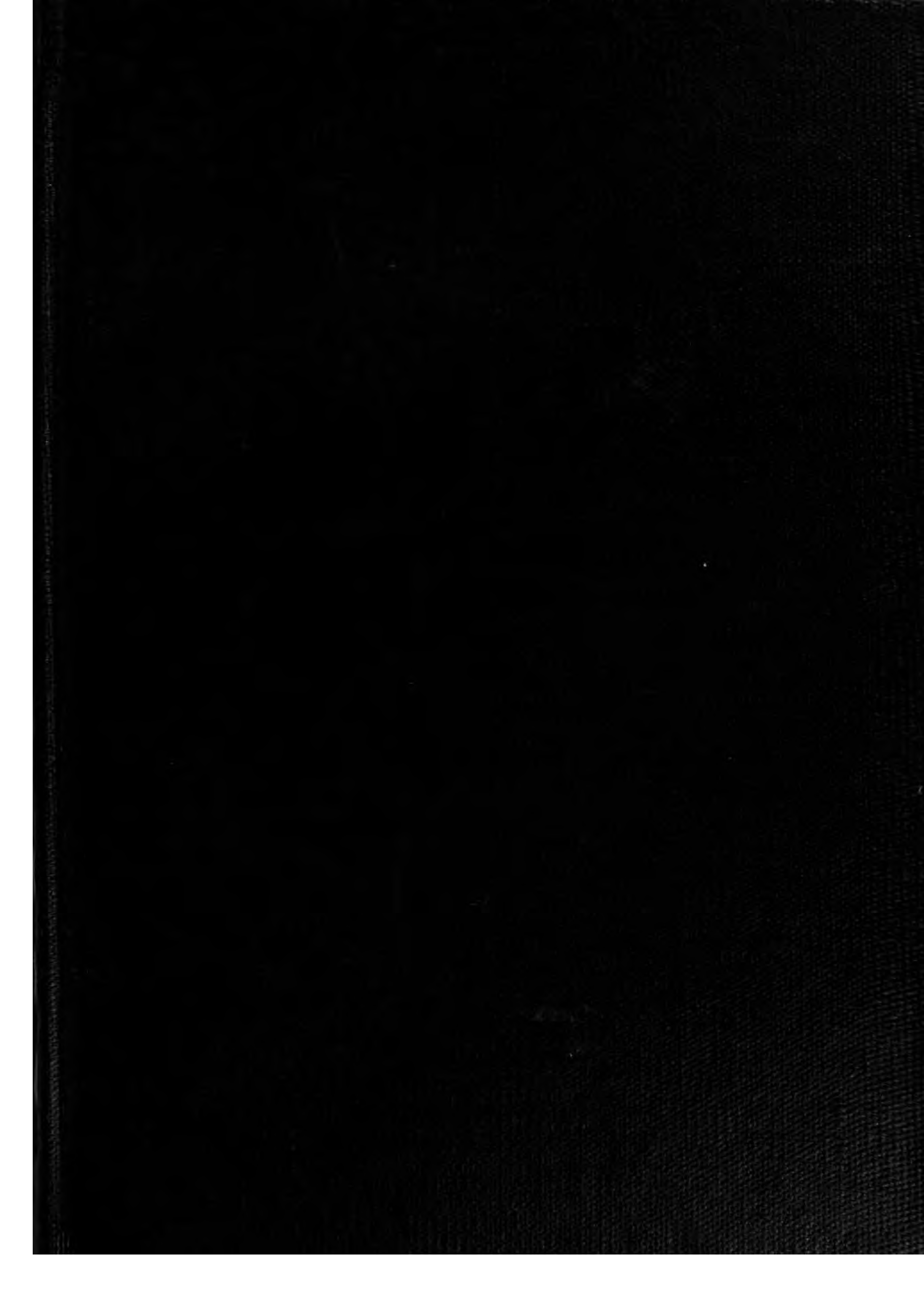
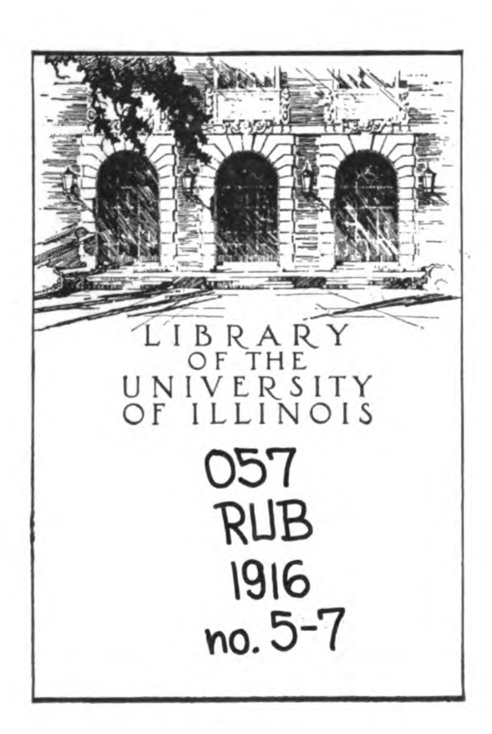

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

Русскія Записки

1916 г.

№ 5. МАЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

№ 5. МАЙ

Русскія Записки

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 5.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1916.

СОДЕРЖАНІЕ.

АМАЗОНКА.

Романъ.

IX.

— А превкусныя эти карамельки. Кстати, дай же мнѣ рецептъ засахаренныхъ орѣховъ, Рахиль.

Рахиль обстоятельно объясняетъ Танѣ способъ приготовленія засахаренныхъ орѣховъ. Таня слушаетъ и записываетъ.

— Прелестно! Завтра же это устрою. Но вотъ уже добрая недѣля, какъ мы только и дѣлаемъ, что болтаемъ, ѣдимъ конфекты и шатаемся по театрамъ со студентами. Даже Павлищевъ жалуется, что «всего себя растерялъ». Чѣмъ бы намъ это прилично объяснить?

— Переутомились,—замѣтила я.

— Просто надоѣло заниматься,—призналась Лена.

Рахиль пожала плечами.

— Никто еще не придумалъ ничего блаженнѣе безпардонной лѣни. Мы предпочли это блаженство всему остальному.

— Присоединяюсь къ Рахили,—сказала Таня.—И притомъ еще въ первый разъ въ жизни. Ѣсть конфекты и ничего не дѣлать—одинъ восторгъ. Да, вотъ еще, не помечтать ли о любви?

Я такъ и подпрыгнула на мѣстѣ.

— Ты ли это, Таня?

— Могу показать тебѣ мой паспортъ.

— Но въ особыхъ примѣтахъ тамъ сказано: «не признаетъ любви». Это не совпадаетъ съ дѣйствительностью.

— Я уже подчистила это мѣсто. Право, среди «ихняго брата» есть вполнѣ приличные экземпляры. Но, по совѣсти говоря, мнѣ что-то стало надоѣдать вести междуусобную войну.

И еслибы у нихъ нашелся хорошій дипломатъ, я не прочь на время объявить перемиріе.

Въ дверяхъ показалась Матреша, которую звали, «не въ примѣръ прочимъ», Матильдой, но чаще почему-то «этнографіей».

— Барышни, тамъ васъ баринъ какой-то спрашиваетъ.

Таня обрадовалась.

— «Этнографія», сегодня вы положительно deus ex machina! Доставьте этого барина сюда и постарайтесь сдѣлать это безъ поврежденій.

— Да они такіе почтенные, у насъ еще не были.

— Ахъ, почтенные,... — разочарованно протянула Таня.— Ну, иди сама къ нему, Маша, и постарайся его выжить. Имѣйте въ виду, Матильда, что слово «почтенный»—гибель для всякаго романтическаго начала!

Матильда растерянно хлопала глазами. Я пошла узнать, въ чемъ дѣло.

Въ прихожей стоялъ человѣкъ, закутанный въ шубу. У него были густые, съ сильной просѣдью, кудри, улыбающіеся глаза и бѣлые зубы подъ темными усами, тоже сѣдѣющими. Но лицо я гдѣ-то, когда-то видѣла.

— Боже мой! Алексѣй Ивановичъ!

— Очень радъ, что вы узнали меня. Но я только догадываюсь, что вы—Маша Богданова. Въ послѣдній разъ я видѣлъ васъ подросткомъ.

Это былъ двоюродный братъ моего отца, прославленный губернскій Донъ-Жуанъ, когда-то, за что-то «пострадавшій» и высланный въ деревню на поруки отцу. Можно себѣ представить, какимъ головокружительнымъ успѣхомъ пользовался этотъ красивый, талантливый краснобай, съ его ореоломъ «борца за идею».

Положительно имѣло смыслъ показать его подругамъ. Онъ же разскажетъ мнѣ о Богдановкѣ и обо всѣхъ, кого я тамъ оставила. Мама ушла къ знакомой дамѣ, и я все равно должна была принять его.

— Раздѣвайтесь же скорѣе, Алексѣй Ивановичъ. Я вамъ очень рада. Давайте намъ самоваръ, Матреша, и что-нибудь еще... Вы, вѣрно, голодны?

— Не очень.

— Я васъ оставлю на одну минутку...

Я побѣжала къ подругамъ.

— Mesdames, имѣйте въ виду, что это мой дядя, бывшій покоритель сердецъ. Теперь онъ не опасенъ, не бойтесь...

Таня хохотала.

— Ну, развѣ это не чудо? Зови его скорѣе!

И я представила его тремъ дѣвушкамъ, такъ и впившимся

въ него глазами. И хотя ему было лѣтъ пятьдесятъ, но онъ все еще былъ красивъ, самоувѣренъ, обаятельно простъ.

Черезъ полчаса мы вели необыкновенно интересную бесѣду обо всемъ сразу.

Мы не услышали, собственно, ни одного не пустого слова, ни одной «идеи», ничего, что говорило бы о пятидесятилѣтнемъ возрастѣ, о бурномъ прошломъ «борца за идею», о самой обыкновенной серьезности, наконецъ. Онъ радовался, что мы всѣ молоды и красивы, восхищался туалетомъ Тани, прической Рахили и моими короткими кудрями и прелестными руками Лены. Само легкомысліе посѣтило насъ и... побѣдило.

Ни одной изъ насъ онъ не далъ понять, что она красивѣе или интереснѣе другихъ, и ни за что не захотѣлъ поддержать разговора о нашихъ научныхъ занятіяхъ. Сказалъ только:

— Я не раскаиваюсь, что помѣшалъ вамъ заниматься. Современныя молодыя дѣвушки слишкомъ серьезны, а жизнь, повѣрьте мнѣ, только притворяется затѣйливой и трудной.

— А какая же она?—полюбопытствовала Таня.

— Да вотъ вродѣ васъ. Юная и веселая. Иногда плачетъ, иногда сердится, много времени ухлопываетъ надъ книгами, но съ наслажденіемъ предпочла бы лѣнь и танцы...

— И конфекты,—неожиданно вставила Рахиль.

— И любовь,—не удержалась Лена.

Алексѣй Ивановичъ смѣялся вмѣстѣ съ нами, хоть и не вполнѣ былъ причастенъ къ причинамъ этого смѣха.

— Вотъ видите, вы все это знаете не хуже меня.

Никогда еще мы не смѣялись и не веселились такъ, какъ въ этотъ вечеръ. Я вспомнила, что онъ хорошо читалъ стихи, и мы непремѣнно захотѣли услышать его чтеніе,—вѣдь это былъ его козырь для наиболѣе стойкихъ дамъ, интересно было посмотрѣть, чѣмъ такъ плѣнялись деревенскія простушки.

Онъ согласился сразу.

— Только я не люблю декламировать при этомъ освѣщеніи. Вѣдь у васъ есть каминъ, мы погасимъ лампу, разведемъ огонь и сядемъ на полу у камина.

— У меня есть коверъ еще изъ Богдановки,—сказала я и принесла изъ гостиной выцвѣтшій коверъ.

— Ба!—закричалъ онъ.—Коверъ съ оленемъ, старый знакомый! Вы не знаете сами, что за подарокъ вы дѣлаете мнѣ, Машенька. Вѣдь мы брали его, бывало, въ рощу, ту, у рѣки, вы помните?

Но могла ли я когда-нибудь забыть темную рощу у рѣки, костеръ на берегу, пѣсни, доносившіяся оттуда со стороны деревни. И я стояла такъ съ минуту надъ полинявшимъ ков-

ромъ, вся вздрогнувъ въ попыткѣ заглушить постоянно скрываемую боль...

Этотъ сѣдой человѣкъ былъ оттуда, изъ страны воспоминаній, и сейчасъ мы были на одинъ моментъ своими среди чужихъ, и легкое чувство насмѣшливаго снисхожденія вдругъ уступило мѣсто ощущенію уваженія къ нему.

«Это братъ моего отца, а я рекомендовала его пріятельницамъ, какъ провинціальнаго Донъ-Жуана»,—подумала я. На минутку даже показалось, будто кто-то погрозилъ мнѣ пальцемъ: «ай, ай! къ лицу ли это дѣвушкѣ изъ порядочной семьи!».

Скоро мы сидѣли всѣ на коврѣ, у камина, и слушали. Я не любила вообще декламаціи, казавшейся мнѣ самымъ лживымъ изъ искусствъ, но онъ читалъ просто и спокойно, выбиралъ только лирическія стихотворенія, и все такія, которыя выбрала бы я сама,—такъ совпадали наши вкусы. Я была тронута и взволнована, у всѣхъ горѣли щеки, всѣ безъ конца просили повтореній.

Вернулась мама, но я просила ее лечь спать и не мѣшать намъ, и мы просидѣли такъ, тихо болтая у камина, до поздней ночи. Потомъ онъ простился съ нами до слѣдующаго дня, а Таня, Лена и Рахиль остались ночевать у меня.

Мы улеглись сейчасъ же, но спать не могли. Въ комнату, гдѣ помѣстились мы съ Леной, очень скоро пришли Таня и Рахиль, обѣ закутанныя въ одѣяла, и усѣлись ко мнѣ на постель. Таня сказала:

— Мы должны сначала подѣлиться впечатлѣніями, mesdames. И, если желаете знать мое мнѣніе, то скажу вамъ, что это самый интересный и красивый человѣкъ, какого я только знаю.

Всѣ разомъ согласились.

— Я не выбрала бы другого.

— Вотъ, кого стоитъ любить.

— Какъ хорошо съ нимъ вообще и весело.

— Ужъ не влюбились ли мы него всѣ сразу? Маша, онъ женатъ?

— Нѣтъ.

— Бѣдняга, значитъ, онъ никого не любилъ?

Мы шепотомъ перебивали другъ друга, повторяли его слова, спорили и волновались. Казалось, комната была полна любви, ласкъ и огня. Мы не находили словъ для выраженія восторга передъ нимъ и намъ не приходило въ голову, что всѣ мы попались на ту самую удочку, надъ которой такъ зло издѣвались, что тайна нравиться осталась неразгаданной и не обойденной нами.

Поздно мы заснули тогда.

На другой день онъ долженъ былъ придти въ шесть часовъ, но въ пять я уже не могла ничего дѣлать. Хотѣла играть на роялѣ, и сама нашла, что нѣтъ никакого резона истязать безотвѣтную маму и безотвѣтный инструментъ. Потомъ перемѣнила два раза прическу, надѣла красную блузку и черезъ нѣсколько минутъ ее бросила, чтобы остаться въ прежней.

Половина седьмого... семь... Я металась уже отъ двери къ окну, отъ окна къ роялю.

— Что съ тобой? — сказала мама; но она ни о чемъ не догадывалась.

«Онъ не пріѣдетъ, онъ вѣдь не обѣщалъ навѣрное», — подумала я наконецъ и какъ-то сразу успокоилась, хотя стало такъ скучно и смутно. Хотѣлось, чтобы скорѣе пришли подруги.

Въ половинѣ восьмого рѣзко звякнулъ звонокъ. Я вскочила. Но вѣдь такъ звонитъ Таня. Нѣтъ, это его голосъ слышенъ въ передней.

— Дома ли барыня и барышня?

Я чуть не разрыдалась отъ нервной встряски, и онъ увидѣлъ мое искаженное лицо, замѣтилъ дрожанье рукъ и прическу съ проборомъ влѣво. Онъ захотѣлъ даже пощадить меня.

— Да, такъ вотъ лучше, съ этимъ проборомъ, вы должны причесываться именно такъ.

Онъ пробылъ въ Москвѣ мѣсяца два, и за это время мы всѣ успѣли потерять голову, кромѣ, впрочемъ, Рахили, у которой объявился женихъ. За него то-она и ухватилась— спасайся, кто можетъ!

Всѣ мы усиленно слѣдили, чтобы кто-нибудь не занялъ перваго мѣста. Въ лучшихъ условіяхъ была я, какъ родственница, потому что ко мнѣ именно онъ приходилъ. Но Таня была красива и настойчива, да къ тому же это былъ первый мужчина, не сложившій передъ ней сразу оружія, а она кокетничала, какъ никогда.

Лена пряталась по угламъ, но Алексѣй Ивановичъ то и дѣло подходилъ къ ней.

— Куда вы все исчезаете, вы знаете, что время отъ времени я долженъ поцѣловать вашу руку, такія руки встрѣчаются разъ въ столѣтіе.

Рахиль, сбѣжавшая къ жениху и не выносившая борьбы и соперничества, признавалась, что ей стоитъ огромнаго труда справиться съ желаніемъ придти ко мнѣ и побыть съ нами въ атмосферѣ опасной игры, созданной Алексѣемъ Ивановичемъ.

Мы говорили объ этомъ шутя, но первая сдалась и измѣнила тонъ Лена. Она пришла ко мнѣ за нѣсколько дней до отъѣзда Алексѣя Ивановича, блѣдная и разбитая, и сказала:

— Если ты сколько-нибудь любишь меня, сдѣлай такъ, чтобы я не видѣла его больше. Достань мнѣ билетъ и отправь въ Бѣлокринъ, сама я этого не сдѣлаю.

И краска все сбѣгала съ ея лица и съ искусанныхъ губъ.

Я началъ было растерянно убѣждать ее.

— Останься, Леночка. Возьми себя въ руки.

Но она только усмѣхнулась.

— Ничего изъ этого не выйдетъ. Я вѣдь знаю себя. У самой нѣтъ воли, а онъ... Читай.

Она протянула мнѣ письмо. Слабѣя отъ волненія, я прочла:

«Милая, славная Леночка. Я не стою ни вашей любви, ни вашего вниманія. Ваше письмо говоритъ о прекрасной, юной и переполненной душѣ, а мое послужитъ лучшимъ доказательствомъ моего банкротства. Я ужъ старъ, хоть для любви у меня и остался небольшой запасъ. Но что дастъ молодая любовь человѣку съ состарившейся душой? Черезъ пять лѣтъ мнѣ больше нужна будетъ нянька, чѣмъ жена, и не поможетъ даже то, что я могъ бы безконечно любить васъ, давъ себѣ волю. Но я знаю, что опоздалъ съ этимъ. Довольно съ меня и просто дружескаго общенія съ молодыми женщинами, которыхъ я искренно считалъ и считаю лучшимъ изо всего, что только есть на землѣ. Простите меня за многое, вы знаете. за что, и поставьте крестъ надо мной. Цѣлую нѣжно и почтительно вашу прелестную руку, отъ которой съ болью въ сердцѣ вынужденъ оторваться».

— Ты поняла?

— Одѣвайся,—сказала я.— И ѣдемъ!

Мы поѣхали къ ней, собрали ея вещи и еле поспѣли къ поѣзду, увезшему бѣдную дѣвушку въ Бѣлокринъ, гдѣ отецъ ея былъ священникомъ.

Вернувшись, я застала Алексѣя Ивановича у насъ и мысленно похвалила себя за то, что была достаточно сдержана съ нимъ. Но потомъ я сразу разсказала ему все, что произошло.

— Вы осуждаете меня?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Но я хотѣла бы имѣть право просить васъ объяснить мнѣ все это.

— Даю вамъ это право. Вашей подругѣ показалось, что она любитъ меня. Это немудрено. Я искушенъ въ «наукѣ страсти нѣжной» куда больше, чѣмъ самый ослѣпительный студентъ. Мой возрастъ не помѣха—я смотрю моложе. Да воз-

расть, кстати, и не входитъ въ число моихъ преимуществъ. Я пользуюсь всѣми средствами, чтобы быть всегда въ любимомъ мною обществѣ женщинъ, и это тоже вамъ понятно. Но теперь, подумайте, что дѣлать съ тѣми, кто переоцѣниваетъ меня? Могъ ли я жениться на Леночкѣ? Вѣдь такихъ писемъ, какъ ея, я получалъ немало, почему я долженъ былъ тронуться именно этимъ и испортить жизнь хорошей дѣвушкѣ, хотя она сама этого хочетъ? Еслибы я женился на ней, она сбѣжала бы отъ меня черезъ недѣлю. Вѣдь преданностью и ласками меня не удивишь, мнѣ нужна большая нравственная сила, которая подняла бы меня, подчинила, взяла противъ моей воли, но на это я пока не натолкнулся. Вы поняли?

— Да,—сказала я,—ну, а еслибы на ея мѣстѣ была Таня?

— Я поступилъ бы точно такъ же. Таня—красавица, но я уже пережилъ время, когда внѣшность играла для меня рѣшающую роль. Къ тому же она изъ тѣхъ, которыя знаютъ только испепеляющую страсть или холодную ненависть. Я старъ, старъ; тамъ, гдѣ я молодъ, я беру свое, но есть вещи, возможныя только въ юности, одна изъ нихъ — физическая любовь.

— Скажите теперь, какъ, по-вашему, мы-то должны относиться къ вамъ? Мы, женщины, которыхъ вы такъ успѣшно стараетесь увлечь. Не можемъ же мы сами смотрѣть на себя, какъ на матеріалъ для спорта или для опытовъ...

— Это ужъ ваше дѣло. Но на мѣстѣ женщинъ, я бы не избѣгалъ такихъ, какъ я, и бралъ бы отъ нихъ то, что они могутъ дать: мимолетное увлеченіе или...

— Вы циникъ,—перебила я.—Но ваша откровенность дѣлаетъ вамъ честь.

— Очень пріятно. Да, кстати, она ничего и не мѣняетъ. Развѣ вы стали относиться ко мнѣ изъ-за этого хуже? Дайте-ка мнѣ ваши ручки.

Онъ взялъ меня за обѣ руки и смотрѣлъ, улыбаясь, мнѣ въ лицо.

— Ну, хотите вы теперь знать, что я отвѣтилъ бы вамъ на письмо съ объясненіемъ и предложеніемъ?

Я покраснѣла, разсердилась, разсмѣялась...

— Вотъ видите. Но я отвѣчу вамъ и безъ вопроса. Я увезъ бы васъ, потому что ужъ если тутъ и пострадалъ бы кто, такъ ужъ навѣрное не вы, а я. Ради васъ стоитъ и пострадать, вы, не стали бы, пожалуй, плакать и ныть. Но я говорю вздоръ. У меня просто кружится голова отъ мысли, что стоитъ захотѣть...

Его дерзость не имѣла границъ, но она же и придала мнѣ силы.

— То есть, стоитъ мнѣ захотѣть, не правда ли?—спросила я.

— А развѣ вы не хотите?

Онъ положилъ мои руки себѣ на плечи. Во мнѣ поднялась буря, и на минуту показалось, что полъ уходитъ у меня изъ-подъ ногъ.

— Нѣтъ,—съ трудомъ сказала я, отнимая руки. — Меня тянетъ къ вамъ, это вѣрно, но я не хочу этого, не хочу совсѣмъ.

— Что такое?

Звонокъ въ передней прервалъ нашъ разговоръ, и я была рада этому. Пришла Таня съ братомъ, который молчаливо и терпѣливо мнѣ поклонился.

На зло Алексѣю Ивановичу, я принялась занимать моего юнаго поклонника, а его юность прямо била сегодня въ глаза, точно кричала о себѣ.

Алексѣй Ивановичъ немедленно заговорилъ съ Таней и въ его поведеніи я усмотрѣла что-то, противорѣчившее его словамъ. Онъ не могъ скрыть восхищенія передъ Таней, и, къ ужасу моему, я почувствовала непріязнь къ ней, желаніе удалить ее какъ-нибудь или хоть досадить ей.

Съ трудомъ говорила я съ Левой, то и дѣло теряя нить разговора, и была рада, когда всѣ, наконецъ, стали прощаться.

— Завтра въ семь я буду у васъ,—тихо сказалъ мнѣ Алексѣй Ивановичъ.—Я пересталъ васъ понимать.

— Приходите завтра, Лева,—громко сказала я,—часамъ къ семи.

Алексѣй Ивановичъ насмѣшливо улыбнулся.

— Ага, теперь я опять васъ понимаю. До завтра. Днемъ мы рѣшили съ Татьяной Григорьевной покататься за городомъ, какъ жаль, что вы заняты днемъ.

Не очень-то охотно подала я руку Танѣ, но она, чуткая и самолюбивая, на этотъ разъ не замѣтила ничего.

X.

Было ясно, что мы всѣ выбиты изъ колеи, всѣ совершаемъ «глупости на bis», какъ выражалась Таня, и не можемъ остановиться. То мы откровенничали во всю, то скрывали всякій пустякъ другъ отъ друга, вели себя словомъ какъ разъ такъ, какъ осмѣянныя нами провинціальныя дамы, по шаблону, по правиламъ вѣковыхъ традицій. Насъ спасало только то, что мы не обманывали себя, стѣснялись и собственныхъ поступковъ, и даже собственныхъ мыслей.

Леночка Разумова поступила, какъ героиня, показавъ мнѣ письмо и уѣхавъ. Слѣдовало бы и намъ съ Таней принять

мѣры противъ дурмана, такъ легко насъ одолѣвшаго. Не знаю, чего мы ждали и на что надѣялись. Еще днемъ я строила какіе-то планы, но вечеромъ сдавалась немедленно и почти безъ боя, опять ревновала, угасала и загоралась, сердилась и радовалась.

Онъ сказалъ, что придетъ въ семь, но въ семь приходитъ только Лева, и я почти ненавижу этого мальчишку. Все же легче однако ждать вдвоемъ. Я старалась быть спокойной, но... онъ уѣхалъ за городъ съ Таней, а у Левы тѣ же глаза, тотъ же яркій, сжатый ротъ и гордый профиль, что у сестры.

— Удивительно, какъ обманчива наружность,—говорю я, наслаждаясь внутренней злобой,—у васъ лицо Александра Македонскаго, когда онъ былъ мальчикомъ, конечно, а характеръ плаксивой бабы, вотъ и суди по наружности.

Юноша краснѣетъ, сдвигаетъ брови, дѣлается похожимъ, и правда, на молодого бога, но, вмѣсто грома и молніи, я слышу лепетъ:

— Вы безпощадны ко мнѣ.

Скоро восемь, а его нѣтъ.

— Пройдемтесь-ка, Лева, — говорю я,—не сердитесь на меня.

Я знаю, какой дорогой онъ долженъ пріѣхать, и мы идемъ тихо по Басманной, возвращаемся назадъ, я прошу Леву справиться, не приходилъ ли кто-нибудь.

Нѣтъ, никого не было. А стрѣлка моихъ маленькихъ часовъ подвигалась къ девяти.

Истерическая злоба овладѣваетъ мной и мнѣ уже трудно сдержать настоящую ненависть къ Левѣ; я принимаюсь дразнить и язвить его, какъ злой и подлый инквизиторъ.

— Какъ жаль, что въ нашъ вѣкъ нѣтъ больше героевъ! Или это мнѣ везетъ на сахарныхъ мальчишекъ?

— Ну, что вы! Вамъ везетъ еще на классическія развалины,—неожиданно парируетъ Лева.

— Что такое?

— На классическія развалины —упрямо повторяетъ онъ — или, если хотите, на Донъ-Жуановъ въ отставкѣ, съ правомъ носить мундиръ.

У меня темнѣетъ въ глазахъ.

— Вы съ ума что-ли сошли? Такъ знайте, что Донъ-Жуанъ этотъ все-таки мужчина, умный и сильный, а не баба, не мальчишка, который можетъ только завидовать изъ-за угла....

Лева останавливается.

— Вы правы. Я обидѣлъ васъ, я забылся .Что мнѣ дѣлать, чтобы вы простили меня?

Лучше бы онъ молчалъ и злился, но это внезапное раскаяніе только подлило масла въ огонь.

— Вы заслуживаете розги, понимаете, розги или пощечины.

— Дайте мнѣ пощечину.

Съ ужасомъ, чувствуя, что совершаю жестокую и непоправимую глупость, я вдругъ ударила его по щекѣ, и тутъ же все во мнѣ сжалось, погасло, охладѣло, осталось ощущеніе глубокаго отвращенія къ себѣ и стыда передъ Левой.

— Что же это?—съ недоумѣніемъ спросилъ остановившійся подлѣ насъ господинъ.

— Не ваше дѣло,—отрѣзалъ Лева.—Дайте мнѣ руку, Маша. Вы успокоились?

Я подала ему руку и въ тотъ же моментъ мимо промчались сани: въ нихъ сидѣлъ Алексѣй Ивановичъ.

Лева не замѣтилъ его, но у меня совсѣмъ помутилось въ головѣ. Мы молча и быстро пошли къ дому.

Въ сѣняхъ я сказала Левѣ:

— Подождите. Мнѣ стыдно смотрѣть на васъ, и я прошу васъ не заходить сейчасъ къ намъ, я вижу, до чего это скверно и безобразно. Простите меня, я сама не знаю, что дѣлается со мной. Вотъ у васъ горитъ щека.

— Я люблю васъ,—прошепталъ онъ —и я отлично понимаю васъ; вѣдь и со мной дѣло обстоитъ не лучше.

Его лицо было слабо освѣщено, казалось темнымъ и мужественнымъ.

Я стояла выше на ступенькѣ и, повинуясь чувству внезапной близости и нѣжности къ нему, я поцѣловала его въ губы.

— Вы простили?

Онъ вдругъ обнялъ меня и началъ бурно цѣловать, такъ, что я съ трудомъ вырвалась. Но я не разсердилась на него. Эти первые мужскіе поцѣлуи мнѣ не были непріятны.

— Довольно, — прошептала я.—Уходите скорѣе, я сама позову васъ...

И я убѣжала.

— Что это съ вами?—спросилъ Алексѣй Ивановичъ.—И гдѣ вы были? Я хотѣлъ уже уходить.

Но у меня было ясно и весело на душѣ, хотѣлось смѣяться и радоваться тому, что я равнодушно смотрю на Алексѣя Ивановича, вижу морщины подъ глазами, желтые виски, безцвѣтныя губы. Онъ порядочно горбится, сидя въ креслѣ, и прикосновеніе жесткихъ усовъ къ моей рукѣ мнѣ скорѣе непріятно.

Почему я сама еще разъ, еще много разъ не цѣловала яркія губы Левы? Впрочемъ никто не запрещаетъ мнѣ завтра же это сдѣлать. Вотъ глупость, которую стоитъ биссировать

Все пѣло и дрожало во мнѣ, хоть и совѣстно было думать о поцѣлуяхъ Левы, совѣстно было желать ихъ и ждать.

А какую серьезную атаку велъ противъ меня въ этотъ вечеръ Алексѣй Ивановичъ! Какъ много остроумныхъ и интересныхъ афоризмовъ я выслушала, сколько чудесныхъ стихотвореній! Я слушала и думала о томъ, что завтра я увижу Леву.

Но на другой день мнѣ не удалось ни написать ему, ни позвать черезъ Таню—Алексѣй Ивановичъ собрался уѣзжать ускоривъ свой отъѣздъ. Ему не вѣрилось, что я безповоротно охладѣла къ нему, а это именно такъ и было. Сначала я пыталась было разобраться въ этихъ внезапныхъ, почти мгновенныхъ, переходахъ, объяснить ихъ сколько-нибудь благополучно для своей репутаціи, но потомъ махнула на все рукой: значитъ, я родилась испорченной, и у меня нѣтъ даже желанія исправиться. Сегодня одинъ, завтра другой, пускай это безнравственно, но сейчасъ я не могу ничего измѣнить. Я хочу только поскорѣе спровадить Алексѣя Ивановича и позвать Леву. Думайте обо мнѣ, что хотите.

— Вы гораздо болѣе тонкая кокетка, чѣмъ я думалъ,—распѣвалъ Алексѣй Ивановичъ.

— Знайте нашихъ,—храбрилась я—надо же было немножко проучить васъ.

Онъ написалъ мнѣ въ альбомъ нѣсколько пылкихъ стихотвореній,—я еще не отказалась отъ альбома,—говорилъ, декламировалъ, позировалъ, сдалъ всѣ свои позиціи и кончилъ тѣмъ, что сталъ замѣтно сердиться и иронизировать.

— Что же это?—спрашивала я.—Вѣдь съ васъ достаточно дружескаго общенія, а въ немъ я вамъ не отказываю.

— Если вы таковы сейчасъ, какой же вы будуте въ тридцать лѣтъ?

— Пріѣзжайте взглянуть, я дорожу вашей оцѣнкой.

Онъ упросилъ меня проводить его на вокзалъ, поѣздъ отходилъ въ шесть часовъ утра.

Мнѣ не хотѣлось вставать въ то утро. Было еще темно, падалъ снѣгъ. Я дрогла и зябла на извозчикѣ. Алексѣй Ивановичъ ждалъ меня на вокзалѣ. Трудно ему было примириться съ своей неудачей, свидѣтельствовавшей о старости, которая вступала, наконецъ, въ свои права.

Онъ просилъ меня писать, прислать карточку, не забывать его, былъ искренно печаленъ и разстроенъ. Но ни одна жилка не дрогнула во мнѣ. Я разсѣянно и холодно его слушала, ждала съ нетерпѣніемъ отхода поѣзда, лѣниво обѣщала и писать, и прислать портретъ.

Проводивъ его, я съ облегченной душой поспѣшила къ выходу и столкнулась съ Таней.

— Онъ уѣхалъ? Уже?—не здороваясь, крикнула она.

— Да, только-что.

— Но поѣздъ отходитъ въ половинѣ седьмого

— Нѣтъ, въ шесть, ты ошиблась, Таня.

— Онъ такъ сказалъ мнѣ.

— Онъ тоже ошибся.

Она подошла къ скамьѣ и сѣла, поблѣднѣвшая, видимо, упавъ духомъ. Изъ глазъ ея медленно потекли слезы.

— Помоги мнѣ,—прошептала она—мнѣ тяжело.

Недавно я непріязнь къ ней перенесла на ея брата, теперь же нѣжность къ Левѣ переносила на нее.

Я смотрѣла на знакомый рисунокъ бровей, на общую обоимъ манеру сжимать губы и, наклонившись, почти пламенно поцѣловала Таню въ лобъ.

— Милая, хорошая моя. Стоитъ ли онъ того?

Она закрыла глаза и закусила до крови губу.

— Скорѣе, сдѣлай же что-нибудь, я не могу больше. Ужасно... ужасно...

Она стонала, силилась сдержаться и не могла.

«Хорошо, что я такъ легко отдѣлалась,—подумала я—а то недурна была бы эта встрѣча».

Точно отвѣчая мнѣ, Таня спросила:

— Но ты... ты не сердишься, вѣдь мы обѣ?...

— Танечка, я безгранично равнодушна къ нему, даю тебѣ слово. Ты вѣришь мнѣ?

— Вѣрю,—сквозь слезы прошептала она.

На насъ обращали вниманіе, и я поспѣшила увезти ее къ себѣ.

По дорогѣ я заѣхала къ теткѣ Тани предупредить, что Таня пробудетъ у меня цѣлый день.

Ко мнѣ вышелъ Лева, на ходу застегивая тужурку. Онъ только-что всталъ.

Мы стояли, обрадованные и смущенные, глядя другъ на друга. Онъ казался мнѣ новымъ и близкимъ, и меня неудержимо тянуло къ нему, но тетка была тутъ же.

— Вѣчно Таня устраиваетъ какіе-нибудь фокусы, — говорила она.—Совсѣмъ я съ ней замучилась, только Лева и утѣшаетъ. Да и то послѣднее время мечется тоже, я уже думала, не поссорился ли съ вами.

— Нѣтъ, нѣтъ,—спѣшно перебила я.— Мы не ссорились. Приходите сегодня непремѣнно, Лева, я васъ жду.

Еле сдержавъ крикъ отъ боли, когда онъ сжалъ мою руку, я заторопилась къ Танѣ.

Долго я возилась съ ней, пока она не заснула, наконецъ, разрѣшивъ мнѣ прочитать письмо Алексѣя Ивановича.

«Я бѣгу отъ васъ,—писалъ этотъ незатѣйливый малый—

бѣгу отъ вашей красоты, отъ любви, отъ всего, что погубило бы насъ обоихъ»... и т. д.

Мнѣ стало смѣшно и скучно. Не спрашивая разрѣшенія Тани, я сожгла письмо и прилегла въ гостиной на диванѣ. Я устала и скоро заснула.

Проснулась въ сумеркахъ отъ устремленнаго на меня взгляда. Лева сидѣлъ противъ меня на стулѣ и смотрѣлъ на меня.

— Вы?—удивилась я.—Какъ я рада! Отчего же я не слыхала звонка?

Онъ схватилъ мою руку.

— Дорогая моя, я чуть не сошелъ съ ума. Какъ долго вы меня мучили.

Было такъ тихо и почти темно. Не помня себя, я обняла его.

Похожая на бредъ, сумасшедшая любовь охватила насъ. И вообще любовь окольными путями пробралась ко мнѣ въ домъ, такъ долго отъ нея охранявшійся.

Мы съ Левой никого не замѣчали и цѣлые дни проводили вмѣстѣ, къ большой радости Тани. Мы обѣщали ей обвѣнчаться, какъ только Лева окончитъ курсъ.

Сама Таня тосковала и подвергала самымъ изысканнымъ истязаніямъ Ключарева и Павлищева.

Леночка сама не своя, и одна среди насъ зубрила и читала безъ отдыха, стараясь забыться.

Туго намъ всѣмъ пришлось съ экзаменами, но 1-го іюня мы всѣ праздновали наше освобожденіе. И Лена и Таня понемногу развеселились, стали уже подшучивать надъ своей «разнесчастной любовью», и теперь мы всѣ разсказывали другъ другу о письмахъ, разговорахъ и свиданіяхъ съ Алексѣемъ Ивановичемъ. Мы узнали немало интереснаго и посмѣялись вволю.

Таня кричала отъ радости, схвативъ за вьющійся надо лбомъ вихоръ Леву, когда онъ вернулся съ послѣдняго экзамена.

— Нѣтъ, вы не можете себѣ представить, что это за блаженство вцѣпиться въ хорошіе кудри и при этомъ страшно визжать,—увѣряла она.

Я не удержалась.

— Даже въ сѣдые?

— А что же? «Порой и старца строгій видъ, рубцы чела, власы сѣдые...».

Съ Алексѣемъ Ивановичемъ было покончено.

X.

На лѣто тетя Соня приглашала насъ на дачу подъ Петербургомъ, гдѣ поселилась она у брата, стараго холостяка и чудака, дяди Саши.

Я отправилась туда съ мамой, хотя Леночка Разумова взяла съ меня слово провести лѣто у нея. Я разсчитала, что недѣли двѣ проведу у дяди, а потомъ оставлю тамъ маму и уѣду

У дяди нѣсколько дачъ и одну, самую большую, онъ занимаетъ самъ. Тутъ-то я насмотрѣлась на всякія чудачества досыта.

Прежде всего дача походила на крѣпость, которую вотъ-вотъ начнутъ осаждать враги. Высокій заборъ вокругъ, собаки, которыя смѣло могли бы служить образцами самой настоящей собачьей злости и свирѣпости, сторожа, оружіе въ каждой комнатѣ. Вся прислуга мужская, такъ какъ дядя вообще не жалуетъ женщинъ. Любитъ онъ только сестру, да сохранилъ симпатію къ моей матери, за которой, говорятъ, когда-то слегка ухаживалъ. Съ моимъ отцомъ онъ не имѣлъ ни единой общей черты, такъ же, какъ и съ тетей Соней. Трудно даже представить себѣ болѣе разношерстную семью, особенно если принять еще въ разсчетъ, что бабушка была большая либералка, знала латынь и оставила послѣ себя тетрадь весьма недурныхъ стихотвореній и вполнѣ литературно написанный дневникъ, а дѣдушка писалъ «лошадь» черезъ «т» и общество конюховъ и горничныхъ предпочиталъ всякому другому.

Тетя Соня воспитывалась въ институтѣ, мой отецъ въ корпусѣ, дядя—въ училищѣ правовѣдѣнія. Была еще сестра, тетя Женя, мать Миши Нежданова, та воспитывалась дома, рано вышла замужъ и рано скончалась.

Всѣ эти братья и сестры чрезвычайно рѣдко видѣлись, никогда не переписывались, а если встрѣчались, то такъ, точно они видѣлись только вчера.

Говорятъ, въ отвѣтъ на извѣстіе о смерти тети Жени, дядя Александръ Ивановичъ сказалъ только: «Да неужто? Ну, царство ей небесное!» и продолжалъ окапывать клумбу, такъ какъ былъ прерванъ на этомъ занятіи.

Тѣмъ не менѣе, пріѣхавъ къ нему, мы съ мамой не испытали ни малѣйшаго чувства неловкости.

Бритый старикъ съ сѣдыми подстриженными усами, съ молодымъ смѣющимся взоромъ красивыхъ глазъ, встрѣтилъ насъ неожиданно тепло и сердечно.

Онъ немного картавилъ.

— Очень, очень радъ васъ видѣть. Да неужели это дочь ваша, Елена Дмитріевна?

— Да, какъ видите,—пролепетала мама.

— А вы почти и не измѣнились. Все такъ же краснѣете на каждомъ словѣ. Г-р-ишка, покажи барышнямъ ихъ комнаты.

Въ тотъ же день мы себя чувствовали дома. Можетъ быть, этому способствовало присутствіе тети Сони, хотя, я думаю, и безъ нея было бы то же самое.

Дядя, въ сущности, попросту ничѣмъ не подчеркивалъ того, что онъ хозяинъ, а мы — гости. Онъ не нарушилъ ни одной изъ своихъ привычекъ. Иногда мы не видѣли его цѣлый день, а когда встрѣчались, онъ даже не предлагалъ обычныхъ вопросовъ, и это было какъ разъ то, что нужно для насъ всѣхъ. Одна семья, очевидно, сказалась въ странной манерѣ не стѣснять и не стѣсняться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, положившись всецѣло на деликатность окружающихъ.

Дядя вставалъ въ семь часовъ, обѣдалъ въ двѣнадцать, пилъ чай въ три и ужиналъ въ шесть вечера. Спать ложился ровно въ двѣнадцать.

Мы пріурочили нашъ завтракъ къ двѣнадцати, обѣдъ къ шести, стараясь немного примѣниться къ нему. Онъ пилъ какія-то воды, два раза въ день бралъ ванну, совершенно холодную, дѣлалъ гимнастику, обрабатывалъ самъ садъ и огородъ и нѣсколько разъ въ день мѣнялъ костюмъ, хотя гости къ нему заглядывали очень рѣдко.

Вообще о себѣ онъ заботился до смѣшного и немало возился съ руками, которыя портились отъ работы въ саду.

Какъ-то я сѣла за рояль и начала играть любимую мною пьесу Грига. Неслышными шагами вошелъ дядя, прослушалъ до конца и растроганно поцѣловалъ мою руку.

— Какъ хорошо, что вы это играете, Машенька, хоть и не виртуозно. Но эту вещь я особенно люблю, и вы мнѣ доставили большое удовольствіе. Не хотите ли поѣхать со мной какъ-нибудь въ Павловскъ, на концертъ?

Я обрадовалась предложенію, такъ какъ въ домѣ было довольно скучно. Дядя прибавилъ:

— Только извольте нарядиться, дитя, я красивые туалеты люблю не меньше, чѣмъ музыку.

— Этого я не могу вамъ обѣщать. У меня всего одно болѣе или менѣе порядочное платье, черное...

— Черное?! Лѣтомъ, для молодой дѣвушки? Это ужасно дорогая. Вы непремѣнно должны заказать себѣ два нарядныхъ платья и костюмъ.

— Это дорого для меня, дядя.

— Машенька! Я слыву женофобомъ. Но, увѣряю васъ, я не люблю только безобразныхъ и вульгарныхъ женщинъ, а ихъ невѣроятно много. Но если женщина изящна, знаетъ, когда

и что нужно надѣть, когда надо быть печальной и когда веселой, то это уже дѣло другое, и мнѣ бы хотѣлось...

— Дядя, я страшно боюсь, что мы не сойдемся съ вами во взглядахъ и никогда не сговоримся...

— А зачѣмъ намъ сходиться или сговариваться? Мы можемъ вполнѣ быть политическими врагами (вѣдь вы, навѣрно, республиканка?), но вы не можете отрицать, что красивый туалетъ лучше безобразнаго и изящная дѣвушка лучше вульгарной.

— Это само собой...

— Вотъ видите. Сонечка будетъ такъ добра все это намъ устроить.

Черезъ двѣ недѣли у меня былъ полный гардеробъ, весь сдѣланный по вкусу дяди, и я не могла не признаться, что одѣвалась съ истиннымъ наслажденіемъ, хотя и бранила себя за это отъ души.

Когда я пришла поблагодарить дядю, онъ удивился.

— За что вы благодарите меня?

— Но за все... за туалеты...

Онъ поморщился.

— Откуда это у васъ, дитя? Молодая дѣвушка не должна думать, откуда берутся платья, они должны у нея быть, вотъ и все.

Высокій заборъ отдѣлилъ дядю отъ времени и пространства такъ основательно, что спорить не стоило.

Теперь ужъ неловко было уѣзжать такъ скоро, тѣмъ болѣе, что дядя даже нанялъ для насъ горничную. Я написала Леночкѣ, въ чемъ дѣло, выждала еще три недѣли и наконецъ сказала дядѣ, что мнѣ надо ѣхать.

Онъ спросилъ, куда.

— Къ одной пріятельницѣ, въ Харьковскую губернію.

— Такъ далеко вы поѣдете одна!

Мы говорили съ дядей о музыкѣ, о платьяхъ, о живописи и литературѣ, но онъ ни разу не спросилъ меня, какъ я живу въ Москвѣ, чѣмъ занимаюсь и въ какомъ обществѣ провожу время. Что я могла отвѣтить на вопросъ, одна ли я поѣду.

— Ахъ вы, современныя дѣвушки! Слишкомъ ужъ вы храбры, американки какія-то! Но не забывайте все-же, что у насъ не Америка, и возьмите съ собой свой револьверъ.

Онъ выучилъ меня стрѣлять въ цѣль и подарилъ мнѣ револьверъ, которымъ я пользовалась во время нашихъ уроковъ. Молодой дѣвушкѣ, по его мнѣнію, иногда къ лицу быть мужественной, это такъ романтично.

Въ день отъѣзда онъ былъ особенно любезенъ, приготовилъ для меня большой букетъ, и въ комнатѣ у себя я нашла дорожный несессеръ и новый сакъ-вояжъ.

— Мнѣ жаль, что вы уѣзжаете, но, я надѣюсь, вы навѣстите меня будущимъ лѣтомъ на болѣе долгій срокъ. Вы славная дѣвушка и въ сущности, мало современны... это хорошо... это идетъ къ женщинѣ. Нынѣшнія дѣвицы—сплошной кошмаръ: всѣ курсистки, всѣ вульгарны и всѣ трещатъ о какомъ-то равноправіи, о феминизмѣ... Слава Богу, въ нашей семьѣ это не привилось...

Въ его женофобствѣ мнѣ лично не пришлось убѣдиться, и я, собственно, не знаю, почему его въ этомъ обвиняли. Можетъ быть, потому, что онъ остался холостымъ и отзывался хорошо только о женщинахъ, принадлежащихъ къ его семьѣ.

Со скуки я каждый день писала Левѣ и каждый день получала отъ него письма. Тонъ его писемъ былъ радостенъ, но немного слишкомъ однообразенъ, и меня это нѣсколько расхолаживало.

Когда я переѣзжала къ Леночкѣ въ Бѣлокринъ, пришлось прекратить переписку дней на пять, и я получила письмо на двѣнадцати страницахъ, съ жалобами и упреками,—цѣлое наводненіе горькихъ слезъ и горькихъ словъ. Онъ уже подозрѣвалъ меня въ охлажденіи, отыскивалъ противорѣчія въ моихъ письмахъ, просилъ скорѣе убѣдить его, что его страхи напрасны.

Я написала длинное, основательное и увѣщательное письмо, но... мнѣ было скучно его писать.

У Леночки было куда веселѣе, свободнѣе и проще, чѣмъ у дяди. Большое богатое село стояло на высокомъ берегу рѣки. Домъ батюшки былъ свѣтелъ и достаточно просторенъ для семьи, состоявшей изъ самого батюшки, отца Георгія, Леночки и ея брата, семинариста, очень славнаго и очень ядовитаго малаго.

Густой яблонный садъ, бѣлая церковь неподалеку, старое, тѣнистое кладбище, все такое ясное, чистое и спокойное, и все сразу захватывало красотой и миромъ.

Загорѣлая, веселая Леночка обрадовалась мнѣ чуть не до слезъ и представила своему отцу, сгорбленному, бѣлому больше отъ заботъ, чѣмъ отъ лѣтъ. У него были кроткіе, выцвѣтшіе глаза и хорошая улыбка. Я поцѣловала благословившую меня руку, спасовавъ передъ этими наивными сѣдинами.

И сейчасъ-же Лена потащила меня купаться, показала садъ, робко замѣтила, что сегодня суббота и, можетъ быть, я пойду ко всенощной «посмотрѣть здѣшнихъ крестьянъ».

Я поняла, въ чемъ дѣло: Леночка скрывала отъ отца свое невѣріе и хотѣла скрыть и мое. Я поспѣшила увѣрить ее что буду вообще ходить въ церковь, я люблю церковную

службу. Хорошо, что всѣ уступки, на которыя приходилось намъ идти, ради сѣдыхъ и отжившихъ, пока еще ничего не портили и не доставляли намъ ни хлопотъ, ни убытковъ, ни огорченій.

И когда я стояла въ церкви, смотрѣла на умиленныя, строгія лица стариковъ, на сдержанныхъ «дивчатъ» въ живописныхъ костюмахъ, на полуслѣпого діакона, невѣроятно сочетавшаго малороссійскій акцентъ съ славянскимъ текстомъ молитвъ, у меня было какъ-то такъ хорошо на душѣ, точно туда переселился кусочекъ неба, бездумнаго и вѣчнаго.

Мнѣ захотѣлось молиться, захотѣлось опять вѣрить въ мудраго, ветхаго Бога, въ вѣчную любовь, въ сладость подвига, любви и страданія на землѣ.

«Какой странной, чужой жизнью я живу,—думала я,—вѣдь я, настоящая я, вовсе не хочу жить въ городѣ, ходить въ театръ. учиться, добиваться гражданскихъ правъ и искать истину. Мнѣ хотѣлось бы бродить по свѣту, любить мимолетно красивыхъ и умныхъ людей, радоваться жизни и имѣть кого-нибудь, кому я могла бы молиться и благодарить за все. Хорошо бы потомъ, къ старости, жить въ теплой странѣ, имѣть домъ, полный дѣтей и молодежи, а вообще никогда ни о чемъ не думать и пользоваться всѣмъ, что придумаютъ и сдѣлаютъ для меня техники и ученые, эти чернорабочіе жизни».

Прямо противъ меня висѣлъ образъ Христа. Голова въ терновомъ вѣнцѣ еле выдѣлялась на почернѣвшемъ фонѣ.

Какъ мало я думала о Немъ, о мудрѣйшемъ, о величайшемъ, а Онъ вѣдь не выдумка.

И совершенно невольно я вдругъ искренно перекрестилась и прошептала:

— Прости меня, я не лицемѣрю сейчасъ. Одного тебя я люблю и принимаю всей моей душой. Я бы хотѣла пойти за Тобой, какъ Магдалина, и убирать каждый камешекъ съ Твоей дороги, и отирать Твои ноги волосами, и плакать отъ радости оттого, что Ты бѣденъ, и у Тебя нѣтъ ни крова, ни хлѣба, и оттого, что Ты ничего не изобрѣлъ и не придумалъ.

Невольно я стала думать о томъ, какой счастливой женщиной была Магдалина, бродившая за Нимъ по холмамъ и долинамъ Іудеи. Самая счастливая и горящая душа, какая только радовалась и страдала на землѣ.

Леночка смотрѣла на меня, буквально раскрывъ ротъ. Но она ни о чемъ не спросила меня послѣ всенощной.

Вечеръ былъ ясенъ и тепелъ. Леночка, ея братъ и я пошли въ садъ, разложили костеръ подъ яблоней, жарили на палкахъ малороссійское сало и пекли картофель, болтая и смѣясь

безъ умолку. Я разсказывала о пребываніи у дяди и Леночка все время теребила брата:

— Какъ она смѣшно разсказываетъ, Тёма! Нѣтъ, ты только послушай, до чего это курьезно.

— Вѣроятно, дядя вашъ находитъ, что «молодой дѣвушкѣ къ лицу иногда склоняться передъ иконой», — неожиданно задѣлъ меня семинаристъ.

Я растерялась было, но скоро оправилась и сказала, что не вполнѣ еще покончила съ религіей.

— Напрасно,—улыбнулся семинаристъ.—Умной и ученой дѣвушкѣ слѣдовало бы бороться съ такими предразсудками.

— Ого! Вы, кажется, предпочитаете хозяекъ дома и матерей семействъ.

— Объ этомъ не думалъ. Но, думаю, что всѣ не плохи, если онѣ не плохи.

— Тогда почему вы иронизируете?

— Да просто такъ себѣ. Въ общемъ я даже люблю, когда дѣвицы умничаютъ. Леночка каждый годъ привозитъ добрый возъ новыхъ идей, и идеи совсѣмъ иногда недурныя.

— «Дѣвицы умничаютъ», звучитъ у васъ очень мило.

— А то какъ-же!

— Почему именно «умничаютъ», — вдругъ обидѣлась Лена.—Самъ ты раньше говорилъ...

— Я не отказываюсь отъ того, что говорилъ. Но мнѣ не везло на дѣвицъ. Всѣ были пылки, умны и идейны до жениха... дальше все шло, какъ шло и сто лѣтъ назадъ.

— Боже мой! до чего допотопное обвиненіе! Неужели нѣтъ ничего поновѣе?

— Зачѣмъ? Вѣдь вы еще не оправдались въ старомъ. А кромѣ всего прочаго я никогда не могъ понять, чего именно вы хотите и зачѣмъ именно вамъ это нужно. Леночка по крайней мѣрѣ, путается, какъ птица въ силкахъ.

Леночка покраснѣла.

— Неправда, Тимофей! Мы хотимъ свободно развиваться и работать, совершенно такъ, какъ это могутъ мужчины. Не ясно-ли?

— Для чего именно?

— Для того, чтобы быть такими же самостоятельными, какъ они, такъ же строить жизнь и отвѣчать за всѣ неурядицы и исправлять всѣ промахи. Да и противно и обидно сознаніе, что полъ будто бы ставитъ тебя ниже твоего брата, и мужа, и отца. Ахъ, мнѣ, по крайней мѣрѣ это безконечно обидно и тяжело.

— Тебѣ лично, Леночка? Вотъ это интересно.

— Да, мнѣ лично. Но не за себя, а за другихъ,

Я чувствовала себя, какъ солдатъ передъ боемъ. И набросилась же я на семинариста!

До самаго разсвѣта спорили мы у угасшаго костра о радостяхъ борьбы и новыхъ завоеваній, о золотомъ вѣкѣ для женщины, который долженъ скоро, скоро наступить, о томъ, что ей, слѣпой, бездарной, потерявшей себя, надо искать и бороться, пока не овладѣетъ она своей половиной міра и не зажжетъ угасающихъ творческихъ силъ.

XI.

Чуть-ли не послѣ каждаго новаго письма Левы я съ отчаяніемъ чувствовала, что охладѣваю къ нему. Любовь уплывала куда-то, и я не могла ничѣмъ удержать ее.

И тутъ даже не было большой постепенности: всего двѣ недѣли тому назадъ жизнь безъ него мнѣ представлялась невозможной, а теперь я не очень пожалѣла бы, если бы и совсѣмъ не встрѣтилась съ нимъ больше.

И ничѣмъ не могла объяснить я этого, кромѣ собственнаго легкомыслія, бѣдности души, отсутствія твердыхъ нравственныхъ устоевъ. Съ дѣтства я привыкла уважать вѣрную и самоотверженную любовь. Меня трогали разсказы о женщинахъ, всю жизнь любившихъ лишь одного человѣка, иногда безобразнаго, злого, испорченнаго, онѣ пытались его спасти, исправить своей любовью, и имъ это часто удавалось, но во мнѣ не было даже искры подобныхъ чувствъ, и понимала я ихъ только на словахъ.

На дѣлѣ дрожь охватывала меня при мысли о необходимости исправлять пошляка или преступника, да еще исправлять съ помощью супружеской любви, и въ глубинѣ души я всегда была увѣрена, что эта игра ни подъ какимъ видомъ не стоитъ свѣчъ. Притомъ же Таня, страстная и въ эгоизмѣ, и въ самопожертвованіи, поддержала меня какъ-то въ свойственномъ ей тонѣ злобной шутки:

— Э, нѣтъ! Пусть они сами раздѣлываются съ пошлостью и подлостью. Развели адвокатовъ, прокуроровъ, присяжныхъ, понастроили тюремъ, вотъ и пусть борятся этими средствами. Они вѣдь умные: того и гляди весь міръ превратятъ въ острогъ. А о насъ они и пишутъ, и болтаютъ, что мы безнравственны и жестоки, и даже не можемъ быть присяжными, потому что будемъ, пожалуй, обвинять подлецовъ и оправдывать нищихъ бабъ за аборты. Догадливый народъ!

Я возражала ей:

— Ты самымъ настоящимъ образомъ «по бабьи» разсуждаешь, Таня

— И слава Богу! Лишь бы не такъ, какъ эти аспиды логики и благоразумія.

Ничего болѣе путнаго я не добилась, но меня утѣшило немного равнодушіе и почти презрѣніе Тани къ благотворительности въ любви.

Тѣмъ не менѣе чего-то тутъ сильно не хватало, и я мучилась, запутывалась, потому что боялась написать Левѣ правду,—я оказалась безталанной въ любви.

Милая, кроткая Леночка утѣшала меня, какъ умѣла. Но она отказывалась понимать меня: ей было ясно, что любовь—долгъ, добровольно принятое на себя обязательство, которое честный человѣкъ долженъ выполнять.

— Но если я уже разлюбила его?—спрашивала я съ тоской и злобой.

— Какъ это такъ разлюбить человѣка, ни дай, ни вынеси, за что?

Ну, что можно отвѣтить на это?

Я усиленно занималась исторіей, а Леночка вся погрузилась въ хозяйство и дѣлала она это съ большимъ удовольствіемъ.

Ее радовало, когда хвалили обѣдъ, просили дать квасу или варенья, восхищались ея цвѣтникомъ или огородомъ. Немало времени отнимали у нея бабы, приходившія за совѣтами или лекарствами.

Я спрашивала, почему не поступила она на медицинскіе курсы.

— Боюсь рѣзать покойниковъ. А, что нужно для деревни, я знаю и такъ,—вѣдь я съ самаго дѣтства занимаюсь врачеваньемъ... И акушеркой бывала, и хирургомъ, а для трудныхъ случаевъ у насъ есть докторъ, хотя бабы и идутъ къ нему, только, если я прикажу.

Лечила она какими-то домашними средствами, и больше уходъ, чѣмъ лекарствами.

Въ шесть часовъ утра бѣлокурая головка показывалась у меня въ дверяхъ:

— Проснись на минуту, Маша, и выпей парного молока.

Она поила меня сонную молокомъ и я, еле успѣвъ поцѣловать теплую ея ладонь, засыпала до восьми. А въ восемь она ждала меня въ столовой, свѣтлой и уютной, гдѣ заставляла ѣсть и пить все, что, по ея мнѣнію, было мнѣ полезно.

Лѣто было для нея настоящей страдной порой. Она готовила на зиму запасы, варила, солила, сушила всякую всячину, шила бѣлье и штопала носки, уѣзжала осенью только тогда, когда все было готово, всего достаточно для отца и брата.

У каждаго изъ нихъ въ комнатѣ висѣлъ листъ бумаги, съ

различными указаніями, даже съ расписаніемъ обѣдовъ, съ самыми курьезными мелочами.

Братъ ея довольно часто пріѣзжалъ къ отцу и тоже долженъ былъ справляться съ замѣтками на листѣ.

— Отдохну зимой,—говорила Леночка.—Вѣдь эти занятія на курсахъ—одно сплошное удовольствіе и дармоѣдство

— Зачѣмъ же ты учишься?

— Просто интересно. А ты зачѣмъ, Маша?

— Тоже интересно. Но я еще разсчитываю найти что-нибудь, изъ чего я-бы сдѣлала хорошій фундаментъ для жизни.

— Ну что жь, ты практичнѣе.

Но я не была практична, просто была жаж использовать себя какъ можно полнѣе.

Получили обѣ вмѣстѣ письмо отъ Тани:

«Маша и Леночка! Сейчасъ же обѣ напишите мнѣ длинное, длинное, хорошее, хорошее письмо, гдѣ видно было бы, что вы обѣ меня любите и страшно хотите видѣть, совершенно такъ, какъ я васъ. Еслибы сейчасъ я могла потрепать Машу за вихоръ и поцѣловать Леночку въ пушистый глазъ, я отдала бы за это свой новешенькій костюмъ, который только что принесли. Идетъ ко мнѣ чертовски! Еслибы въ домѣ у меня былъ не застѣнокъ, я потребовала бы, чтобы вы обѣ немедленно явились. Но, подумайте только: папа съ утра начинаетъ говорить, что все «это» ему давно опротивѣло и что скоро мы увидимъ нѣчто такое, что заставитъ насъ опомниться. Рѣжьте меня на части, если я знаю, что именно ему нужно. За то мама это, очевидно, отлично знаетъ и тоже оскорблена съ утра. Она ограничивается заявленіемъ, что Господь все знаетъ и что скоро и ея мученьямъ настанетъ конецъ. Насъ, «дѣтей», во всѣ эти страданія никогда не посвящаютъ, и мы дѣлаемъ идіотскія лица. Папа и мама явно до смерти надоѣли другъ другу, но попробуй одинъ изъ нихъ пойти хоть въ гости безъ другого и такимъ образомъ дать ему вздохнуть свободно! Оставшаяся половина готовитъ, во-первыхъ, «рѣчь», во-вторыхъ, графинъ съ водой, валерьянку, иногда, о, ужасъ, даже револьверъ, и готовится къ встрѣчѣ. Мы съ Левой уже знаемъ, что намъ не слѣдуетъ находиться поблизости, и показываемся только послѣ «грозы», причемъ воюющія стороны распредѣляютъ насъ братски между собой: папа дѣлается особенно нѣженъ со мной, мама съ Левой, въ глазахъ у обоихъ невысказанная грусть... Если я скажу вамъ, что сцены эти повторяются съ самой смѣхотворной регулярностью, при чемъ ни прислуга, ни гости, ни, я думаю, самыя стихіи не могутъ имъ помѣшать, вы поймете, что вы бы очень скоро отъ меня сбѣжали, хотя, видитъ Богъ, каждый лишній свидѣтель—сплошное удовольствіе для папы и

мамы. Отъ насъ тоже требуютъ ежеминутно выраженія привязанности и почтенія, что блестяще удается Левѣ и ни на іоту мнѣ. Лева часами изнемогаетъ въ бесѣдѣ съ мамой, ѣдетъ съ «родителями» въ театръ зимой и въ гости лѣтомъ, остается иногда дома въ тѣ вечера, когда хоть и предстоитъ интересное развлеченіе, но «мамочкѣ что-то не по себѣ», и такъ далѣе. Я ничего подобнаго не дѣлаю и слыву «волкомъ, который въ лѣсъ глядитъ», чужимъ человѣкомъ въ семьѣ, «неблагодарной», «безсердечной», чѣмъ угодно. Но, такъ какъ мнѣ самымъ искреннимъ образомъ море по колѣно, и всѣмъ это ясно, то со мной ужь больше не объясняются, только вздыхаютъ, причемъ папа меня все-таки выгораживаетъ, дай Богъ ему здоровья. Вообще-же семья—это клубокъ человѣческихъ тѣлъ, которыя осуждены на тѣсноту, лицемѣріе, тайное озлобленіе и тоску по одиночеству; для мѣщанъ въ этомъ весь смыслъ и смакъ жизни: сначала быть прижатымъ и копить злобу, потомъ прижимать самому и еще припѣвать: «вотъ и мы такъ росли»! Но каково не мѣщанамъ!? Копмаръ!

«Такъ или иначе, мы до сентября не увидимся и еслибы вы только знали, какъ мнѣ это тяжело, какъ бы всласть наболталась съ вами. Гдѣ вы, золотые вечера, когда я истязала Павлищева (Кстати, чье это стихотвореніе: «Вотъ этого пса я-бъ теперь цѣловалъ, и въ темя, и въ очи, и въ морду!» Толстого, что ли?), выуживала перлы изъ монологовъ Рахили и адаманты изъ афоризмовъ Ключарева!

«Прощайте, я люблю васъ и цѣлую васъ съ готтентотской жадностью. Таня».

Леночка спросила:

— Почему бы ей не пріѣхать сюда, какъ ты думаешь, Маша?

Я боялась, что Таню не отпустятъ, но была надежда на ея упрямство. Немедленно написали ей, что ждемъ ее хоть на недѣлю и полагаемся на ея изобрѣтательность и на слабость къ ней отца.

Черезъ недѣлю, вмѣсто отвѣта, она пріѣхала сама, веселая и радостная.

— Какъ ты вырвалась?—допытывались мы.

— Подлость и предательство на этотъ разъ пришли ко мнѣ на помощь.

— То есть?

— Дѣло въ томъ, что простое заявленіе вызвало бы только протесты и негодованіе. Но я пустилась на хитрость: мама и папа поссорились, я воспользовалась случаемъ и сказала отцу, что съ отчаяніемъ въ душѣ начинаю чувствовать непріязнь къ мамѣ, которая крутомъ не права, что мнѣ необходимо разобраться во всемъ, я не ребенокъ и потому умоляю

дать мнѣ нѣсколько дней отдыха отъ этихъ сценъ, иначе... впрочемъ, тогда это выходило какъ-то убѣдительно, а сейчасъ получается настоящая ерунда...

— Ну, а мама?

— Мамѣ я сказала то же, только на оборотъ.

— Боже мой! И разбранить то тебя не знаешь какъ! Но, разъ ты здѣсь, все хорошо.

— И я то же думаю. Вотъ въ тотъ же день я и собралась и уѣхала, пока они еще не остыли.

Намъ оставалось только пользоваться плодами «подлости и предательства».

Мнѣ же предстояло немедленно сознаться передъ Таней въ своей собственной подлости и просить у нея совѣта, что предпринять.

— Такъ и знала!—вспыхнула Таня.—Нечего сказать, сюрпризъ будетъ Левѣ! Да ты даже представить не можешь себѣ, что ты сдѣлала! Онъ считаетъ дни и часы до сентября!

— Какъ-же это уладить?

— Миленькій вопросъ! Улаживай, какъ знаешь, но я возмущена, помни это. Такія штуки можно устраивать съ разными самонадѣянными нахалами, въ родѣ Павлищева, но Лева... вѣдь это же чистѣйшая душа, это мальчикъ...

— Стой, Таня, прежде всего я и не думаю «устраивать штуки», видишь сама, я смотрю на это, какъ на несчастье.

У Тани уже лицо покрылось пятнами и губы задрожали.

— И ты не выйдешь за него, не станешь жить съ нами? Какъ же сказать ему объ этомъ? Неужели тебѣ не жаль и не страшно? У тебя нѣтъ сердца, простого состраданія...

Она отвернулась и ушла. Лена прошла за ней. Я не хотѣла мѣшать имъ, но оставаться одной было такъ тяжело.

Страннымъ и несправедливымъ показался мнѣ гнѣвъ Тани. Неужели только потому, что дѣло коснулось ея брата, она заговорила о благотворительности и долгѣ въ любви?

Сдѣлалось мутно и скучно на душѣ. Вотъ, будь у насъ всѣхъ ясные и опредѣленные принципы, мы бы всѣ знали, что дѣлать, но этого нѣтъ и передъ самымъ простымъ, обыденнымъ житейскимъ вопросомъ мы становимся въ тупикъ, путаемся, теряемся, ищемъ опоры и указаній то въ книгахъ, то въ традиціяхъ, а сами ясно видимъ, что уже не можемъ больше считаться ни съ тѣми, ни съ другими, точно свалились мы всѣ съ луны или другой планеты на землю и идемъ въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ, да и устава-то у насъ еще нѣтъ.

Я пошла къ рѣкѣ, тамъ семинаристъ возился у лодки.

— Прокатите меня, Тимофей Георгіевичъ.

— Съ удовольствіемъ, а гдѣ же ваша новая ослѣпительная подруга и Леночка?

— Мы повздорили немного.

— Скоро! Ну, поѣдемте разгонять вмѣстѣ ваше скверное настроеніе.

И мы поѣхал

— Можно узнать, по какому поводу вы спорили такъ жестоко?

— Принципіальный вопросъ, — улыбаясь отвѣтила я.

— Все умничаете?

— Все умничаемъ, ничего не подѣлаешь.

— Валяйте. Хорошо, что хоть сознаетесь. Когда увязнете гдѣ-нибудь, позовите меня васъ вытаскивать.

— Э, нѣтъ! Ужь мы будемъ выкарабкиваться сами, на свой страхъ.

Я вернулась поздно, нарочно тихо прошла къ себѣ и легла въ постель, мнѣ не хотѣлось встрѣчаться сегодня съ Таней.

Заботливая рука Леночки поставила у моей постели хлѣбъ, молоко и кусокъ ветчины. Значитъ, и правда надо было пережидать.

Но утромъ, вмѣстѣ съ Леночкой, вошла и Таня, уже одѣтая и веселая.

— Мусикъ, прости меня. Я берусь подготовить Леву къ краху. Вчера во мнѣ говорила сестра, а сегодня я опомнилась. Вѣдь и правда, на что тебѣ Лева? Ну, миримся!

Она сѣла около меня, болтала, смѣялась, цѣловала меня, и на этотъ разъ я должна была подняться въ шесть часовъ.

Мой грѣхъ былъ отпущенъ и Таня только просила меня до ея объясненія съ братомъ не очень измѣнять характеръ писемъ. А Лева строчилъ цѣлые томы, въ которыхъ были все тѣ же упреки, тѣ же «разъясненія» моихъ словъ и фразъ, описаніе всѣхъ его ощущеній и настроеній и даже — это было убійственно — описанія природы: «надо мной раскинулось голубое небо».

Мнѣ хотѣлось и смѣяться, и плакать. Совершенно не понимаю, почему я не замѣчала раньше, что Лева какъ-то ужь очень наивенъ, мало развитъ, на рѣдкость безхарактеренъ.

Время теперь летѣло съ невѣроятной быстротой. Черезъ три недѣли Таня уѣхала, написала мнѣ, что Лева «трагически» принялъ извѣстіе о моемъ охлажденіи и по письму видно было, что ей очень тяжело.

На восьми страницахъ, исписанныхъ убористымъ, бисернымъ почеркомъ, Лева изложилъ разультаты перваго потрясенія. Здѣсь было уже все, вплоть до угрозы самоубійствомъ: «порой мнѣ хочется уйти изъ этого міра лжи и миражей».

Но такъ какъ тутъ-же были приведены двѣ порядкомъ не-

ревранныя цитаты изъ Лермонтова, то я нашла, что опасаться за жизнь Левы пока еще рано.

XII.

Мама осталась у тети Сони въ Петербургѣ. Зимой дядя и тетка жили вмѣстѣ въ городѣ, и тетя очень просила меня не вызывать маму.

«Ей спокойнѣе у насъ,—писала она—тебѣ она плохая помощница, а навѣщать ее ты можешь во всѣ большіе праздники и вообще знаешь сама, что нашъ домъ—твой домъ. У тебя слишкомъ шумно, и живешь ты не такъ, какъ мы привыкли. У меня создалось такое впечатлѣніе, что ты немного запутала мать. Мы рады были бы, еслибы ты совсѣмъ переселилась въ Петербургъ, но ты, кажется, все больше и больше любишь Москву. Очень обидишь меня, если во время какой-нибудь неурядицы не обратишься ко мнѣ. Правда, я тоже не люблю ни къ кому обращаться за поддержкой, но теперь, когда я живу вмѣстѣ съ Сашей, мои денежныя дѣла обстоятъ отлично и для меня ты смѣло можешь сдѣлать исключеніе...».

Но въ матеріальной поддержкѣ я больше не нуждалась.

Теперь, въ шести комнатахъ моего деревяннаго дома, мнѣ было скучно одной и Таня съ Леночкой переселились ко мнѣ. У насъ устроилась самая уютная и веселая женская коммуна, причемъ все хозяйство какъ-то само собой перешло къ Леночкѣ.

На всякій случай она предупредила насъ, что, по ея соображеніямъ, домъ не рушится на наши головы только потому, что забываетъ это сдѣлать.

Таня нашла, однако, что это даже интересно и мы должны все время заботиться о томъ, чтобы катастрофа не застала насъ въ дезабилье или въ недостаточно живописной позѣ.

— Ну, позу ты успѣешь принять, — успокаивала ее Леночка.

Такъ какъ къ намъ то и дѣло забѣгали знакомые студенты и курсистки, мы съ трудомъ налаживали наши занятія. Въ концѣ-концовъ Таня вывѣсила на дверяхъ объявленіе: «Визиты по дѣламъ—ежедневно отъ 9-ти до 11-ти вечера. Бездѣльники благоволятъ являться лишь по средамъ и субботамъ послѣ 8-ми, а по воскресеньямъ хоть цѣлый день».

Объявленіе это, хотя и не сразу, но все-же было принято всѣми къ свѣдѣнію.

Мы тщетно искали Рахиль, но не нашли, и только въ концѣ сентября она явилась къ намъ.

Мы засыпали ее вопросами.

— Подождите, не всѣ сразу,—осадила она насъ.—Садитесь слушайте.

Мы послушно усѣлись.

— Имѣйте въ виду, что я вышла замужъ!

Единодушный вопль былъ отвѣтомъ.

— Почему не написала?..

— Когда вѣнчалась?...

— Гдѣ теперь живешь?.

Она выждала солидно нѣсколько минутъ и начала:

— Я вѣнчалась въ іюлѣ, но такъ какъ все равно вы не могли бы пріѣхать ко мнѣ на свадьбу, то я рѣшила сдѣлать вамъ сюрпризъ и пригласить васъ всѣхъ прямо къ себѣ на новоселье. Вчера была закончена хозяйственная часть и сегодня вечеромъ вы должны быть у меня. Такъ?

Мы шумно радовались. Таня спросила ее:

— Но твой Шиферзонъ позволитъ тебѣ продолжать ходить на курсы?

— Не Шиферзонъ, а Фишъ... А затѣмъ онъ ничего не имѣетъ противъ, но мнѣ самой не хочется.

— Рахиль, ты уже обабилась!

— Совсѣмъ нѣтъ, но столько хлопотъ въ домѣ, что я все равно не успѣла бы.

Она оставила намъ свой адресъ и поспѣшила домой: господинъ Фишъ любилъ обѣдать во-время и непремѣнно въ обществѣ жены.

Таня обернулась къ намъ.

— Не Шиферзонъ, а Фишъ! Вы слышали? Просятъ не смѣшивать! Миръ праху твоему, Рахиль, и да здравствуетъ madame Фишъ! А теперь, пока еще не поздно, идемте покупать подарокъ новобрачнымъ.

— Сначала придумаемъ, что купить,—сказала я

— Какъ что? Неужели не ясно?

— О чемъ ты думаешь?

— Но кофейный серебряный приборъ на двѣ персоны! Господинъ Фишъ будетъ себѣ пить утромъ кофе и вспоминать насъ. «И сколько, ты думаешь, Рахиль, онѣ имѣли заплатить за это серебро?»

— Это ужъ совсѣмъ скверно, Таня, — серьезно замѣтила Леночка.

— Дай мнѣ отвести душу. Вѣдь Фишъ отнялъ у насъ подругу. Если ты, Лена, вздумаешь выйти замужъ, я спалю вашъ домъ.

— Что мы, дали клятву, что-ли, не выходить замужъ?

— Около того. Во всякомъ случаѣ, женихъ долженъ быть,

если не одобренъ, такъ хоть проэкзаменованъ остальными. А Рахиль вѣдь упорно скрывала отъ насъ своего Фиша.

Мы выбрали для Рахили все-таки не кофейный, а туалетный приборъ и портситаръ для ея мужа.

— Охъ, поссорюсь я сегодня съ этимъ Фишемъ,—запугивала насъ Таня.

— Ради Бога, Таня! Нельзя-ли отложить?

— Да просто ужь и не знаю.

Но у всѣхъ отлегло отъ сердца, когда мы увидѣли господина Фиша.

Это былъ живой и веселый малый, который, повидимому, звѣздъ съ неба не хваталъ, но на землѣ оріентировался отлично; только онъ былъ желтъ, какъ лимонъ.

У нихъ въ домѣ легко дышалось, хотя Рахиль и металась безъ толку, стараясь блеснуть гостепріимствомъ.

Все было новенькое, блестящее и бездушное, какъ во всѣхъ только-что устроенныхъ квартирахъ.

Пришли два товарища Фиша: журналистъ Яновскій и начинающій адвокатъ Кенцъ.

— «Родню» я пригласила на послѣ завтра,—шепнула мнѣ Рахиль.

— Рахиль не пропала,—сказала я, когда мы возвращались домой.

— Она пропала,—убѣжденно упрямилась Таня. — Фишенята посыпятся градомъ и засыплютъ Рахиль, ибо, какъ добрая еврейка, она разсчитываетъ, что потомство ея размножится, какъ песокъ морской.

Дома нашли письмо отъ Левы; черезъ два дня онъ долженъ былъ пріѣхать. Опаздывалъ онъ умышленно, стараясь забыть нашъ печальный романъ.

Я совсѣмъ упала духомъ. Каково будетъ теперь объясняться!

Первый вечеръ былъ мучителенъ, а уйти изъ дома было неловко. Я сидѣла за чаемъ, какъ на иголкахъ. Лева говорилъ съ Таней и Леночкой и ни разу не обратился ко мнѣ, а я пряталась за самоваръ и усердно разливала чай.

Онъ похудѣлъ немного и поблѣднѣлъ. Блѣдность шла къ нему и онъ несомнѣнно сталъ красивѣе и мужественнѣе. Но ни единаго намека на прежнее чувство я не находила въ себѣ, а яркія, безвольныя губы Левы вызывали во мнѣ даже легкое отвращеніе.

Таня щурилась, кусала губы, безцеремонно язвила меня и я покорно принимала всѣ ея издѣвательства.

Когда Лева ушелъ, она заперлась у себя и я не посмѣла къ ней постучатся.

Черная кошка пробѣжала между нами. Лева приходилъ довольно часто, но со мной не говорилъ и даже не смотрѣлъ на меня. Таня была ровна и спокойна, но тоже избѣгала и говорить, и оставаться со мной наединѣ, Леночка хмурилась. я не находила себѣ мѣста отъ тоски и на душѣ у меня шелъ осенній дождь.

Осенній дождь накрапывалъ, а иногда и лилъ все время и на улицѣ, и хорошо еще, что мнѣ удалось устроиться постоянной сотрудницей въ дѣтскомъ журналѣ и въ газетѣ, куда я давала рецензіи о книгахъ и театрѣ и переводные разсказы. Дѣла было достаточно и это утѣшало меня. Три раза въ недѣлю я ѣздила на урокъ въ Замоскворѣчье, заниматься съ двумя прелестными дѣтьми, мальчикомъ и дѣвочкой. Солидная и надутая мамаша иногда появлялась на урокахъ и портила намъ настроеніе, но мальчикъ по-французски сказалъ мнѣ, что она не понимаетъ ни звука и ей больше нравится, когда мы серьезны.

Въ сколько-нибудь сносные дни я шла на вокзалъ, брала билетъ до какой-нибудь неизвѣстной мнѣ станціи и уѣзжала. Бродила потомъ мимо пустыхъ дачъ или въ прозрачномъ, печальномъ лѣсу, напоминавшемъ теперь картину влюбленнаго въ краски безумца, стояла надъ бѣлой водой прудовъ и озеръ. Безкорыстная и патетическая красота осени всегда скорѣе возбуждала, чѣмъ печалила меня. Запасъ силъ, не израсходованныхъ лѣтомъ, поднималъ во мнѣ энергію и жажду труда и передвиженія.

Фантастическіе планы овладѣвали мной и ѣхала я домой почти счастливая, чаще всего въ пустомъ вагонѣ.

Одинъ разъ я возвращалась довольно поздно. Уже наступили сумерки; я прошла въ послѣдній вагонъ, гдѣ былъ одинъ только пассажиръ, и сѣла тамъ, съ наслажденіемъ отдыхая отъ ходьбы.

У противоположнаго моему окна стоялъ невысокій, растрепанный человѣкъ. Рѣзкій его профиль четко выдѣлялся на стеклѣ, и стоялъ онъ неподвижно, какъ каменный.

Я смотрѣла въ окно на медленно гаснущія краски заката, на борьбу послѣднихъ дневныхъ лучей съ голубыми мирными тѣнями.

Кондукторъ зажегъ свѣчи и я могла теперь лучше разсмотрѣть лицо моего спутника. У него былъ красивый, большой лобъ и густые кудри, но все-же онъ былъ безобразенъ и похожъ на какую-то трагическую маску.

Ѣхать надо было часа полтора. Скудный и неровный свѣтъ не давалъ возможности читать газету. Я увидѣла сложенный

мольбертъ въ сѣткѣ надъ головой молодого человѣка и ящикъ съ красками.

— Вы художникъ?—спросила я его.

— Собственно, архитекторъ, но для себя пишу красками. Сегодня я только зря таскалъ мольбертъ и ящикъ, все бродилъ, да смотрѣлъ.

Мы разговорились съ нимъ объ искусствѣ, и я созналась, что въ концѣ-концовъ люблю только самыя фантастическія краски, яркій орнаментъ, пляску линій. А раньше я любила картины съ опредѣленнымъ сюжетомъ.

— Что же вы любите теперь?

— О, если ужъ непремѣнно нуженъ сюжетъ, пускай это будетъ сказка, фантазія, пускай nature morte ради красокъ, но жанръ, даже пейзажъ, даже портретъ, представляются мнѣ скучными и почти антихудожественными.

— Это что-же,—декадансъ?

— Помилуйте, это живопись будущаго, безъ литературщины и безъ проповѣди, и безъ цѣпей реализма. Пѣсня красокъ, съ аккомпаниментомъ линій.

Совсѣмъ незамѣтно бесѣда перешла въ жаркій споръ, и мы опомнились только на станціи въ Москвѣ.

— Разрѣшите мнѣ представиться вамъ — сказалъ онъ мнѣ—и позвольте немного проводить васъ, мнѣ хочется еще поболтать съ вами. Я—Николай Степановичъ Никитинъ.

— Ахъ, вы, можетъ быть..

Случайно я слышала о какомъ-то архитекторѣ Никитинѣ, талантливомъ чудакѣ, и я не знала, какъ спросить его, не онъ-ли это. Онъ засмѣялся.

— Я догадываюсь. Если вы слышали объ архитекторѣ Никитинѣ, то это я и есть.

Я обрадовалась, съ нимъ стоило завязать болѣе короткое знакомство.

— А я Марья Васильевна Богданова, журналистка немного, но настолько немного, что мое имя вамъ рѣшительно ничего не скажетъ. Если у васъ есть охота, то я рада, если проводите меня.

И мы отправились, ужъ какъ знакомые. Его мольбертъ и ящикъ мѣшали ему, и я непремѣнно захотѣла взять ящикъ и настояла на своемъ.

— А свободную руку вы предложите мнѣ,—сказала я ему въ утѣшеніе.

Онъ былъ немного ниже меня и я замѣтила еще, что онъ прихрамываетъ.

На улицѣ онъ сталъ нѣсколько инымъ. Это былъ уже жела-

ющій нравиться, оскорбленный своимъ внѣшнимъ уродствомъ, молодой человѣкъ, франтоватый, чрезмѣрно самолюбивый.

— На этотъ разъ судьба неблагосклонна къ вамъ, вы заслуживаете болѣе элегантнаго и благообразнаго кавалера, — вдругъ некстати замѣтилъ онъ, немного искуственно смѣясь.

— Нѣтъ, вашей внѣшносью я довольна,—спокойно сказала я—мнѣ остается только пожелать, чтобы вы поменьше о ней думали; мужчины, которые хотятъ нравиться внѣшними качествами, такъ безконечно неинтересны.

Онъ не нашелся, что отвѣтить.

— Надѣюсь, я васъ не очень огорчила? — спросила я.—А теперь посмотримъ поскорѣе книги въ витринѣ, пока не заперли магазины, нѣтъ-ли чего новаго. Вы знаете, я имѣю слабость постоянно ждать появленія какой-то необыкновенной книги.

— Что вы говорите?—чуть не закричалъ онъ.—Вѣдь совершенно тоже и я. Недавно я наткнулся на «Пѣснь о Гайаватѣ», а предпослѣдней книгой была Библія. Вы, конечно. хорошо знаете ее, и, не знаю, что нашли тамъ вы, за то я долго считалъ для себя, своей книгой, «Экклезіаста» и «Книгу Іова». Вы помните?

— А я какъ разъ не читала Библіи. Не странно-ли это? И вѣдь я была очень религіозна раньше. Просто не попадала она мнѣ въ руки.

— Можетъ быть, вы позволите мнѣ доставить ее вамъ? Мнѣ такъ хотѣлось-бы, чтобы вы прочли.

Онъ получилъ разрѣшеніе и на другой день пришелъ съ книгой, въ нелѣпомъ галстукѣ и даже надушенный. А у него былъ умный, высокій лобъ, трагически изогнутыя брови и бѣлые зубы, и во всей его внѣшности очень скоро начинали выдвигаться на первый планъ именно эти черты. Но онъ явно думалъ, что замѣтны только его выдающаяся лопатка, небольшой ростъ и хромая нога, и онъ страдалъ отъ этого, самолюбивый, вѣроятно, влюбчивый и чуткій.

Къ намъ вышла Таня и надо было видѣть его смущеніе передъ ней и внезапную перемѣну. Онъ сталъ шумно веселъ, старался острить и былъ даже золъ въ своемъ остроуміи. Было ясно, что такъ онъ никогда не будетъ имѣть успѣха, а неуспѣхъ и отнесетъ на счетъ своего безобразія и жестокости женщинъ.

Онъ спросилъ меня:

— Какую же книгу нашли вы?

Послѣ такой импозантной книги, какъ Библія, мнѣ показались немного бѣдными мои книги, но я все-таки назвала ихъ по порядку.

— Фетъ, Дарвинъ, «Братья Карамазовы», «Панъ» Гам-

суна, и тоже «Пѣснь о Гайаватѣ». Это главныя. Онѣ, можетъ быть, не самыя значительныя, но за то каждая попала въ точку и дала мнѣ много новаго и глубокаго. Теперь я жду немало отъ Библіи.

— Будемъ читать вмѣстѣ, — вдругъ сказала Таня, и я встрѣтила смѣющійся, любящій взглядъ, безъ тѣни злобы. Сердце задрожало во мнѣ отъ радости, я не вѣрила глазамъ.

Она встала, подошла ко мнѣ и взяла мое лицо въ обѣ руки.

— Какая ты розовая сегодня.

И поцѣловала меня нѣжно и крѣпко въ лобъ. Такъ неожиданно она захотѣла мира.

Никитинъ смотрѣлъ на насъ съ изумленіемъ.

— Нарядить бы васъ въ какую-нибудь восточную одежду, да и писать Ревекку или Зюлейку, что-ли,—сказалъ онъ Танѣ.

— Что-жь, пишите,—отвѣтила она.

— Да вы не шутите?

— Нѣтъ.

Онъ обрадовался безконечно, сейчасъ же началъ уговариваться съ ней на счетъ сеансовъ, а я тихомолкомъ перелистывала книгу, всю испещренную краснымъ карандашемъ.

Прежде всего обратила вниманіе на нѣкоторыя подчеркнутыя мѣста.

«На что данъ стардальцу свѣтъ и жизнь огорченному душою!»

«Отступи отъ меня, ибо дни мои суета».

«Доколѣ будете мучить душу мою и терзать меня рѣчами».

«Помилуйте меня, помилуйте меня вы, друзья мои, ибо рука Божія коснулась меня».

— Такъ онъ считаетъ себя «огорченнымъ душою», котораго «коснулась рука Бога»,—подумала я. Неужели я встрѣтила дѣйствительно интереснаго человѣка, если предположить, что страдаетъ онъ не изъ-за формы своего носа?

Когда ушелъ Никитинъ, мы съ Таней сейчасъ же сѣли за Библію. Пришла и Леночка.

— Я знаю хорошо эту книгу,—сказала она, — и меня она не трогаетъ.

Мы читали внимательно, съ интересомъ и жаждой, только Библіей занимались цѣлую недѣлю, но мнѣ настоящимъ образомъ понравились только съ десятокъ стиховъ изъ «Пѣсни Пѣсней», да столько-же изъ «Экклезіаста». Мнѣ было ближе, понятнѣе Евангеліе, книга жизни и любви, и, въ сущности, настоящая моя книга, но я почему-то не думала о немъ, какъ о книгѣ.

За то Танѣ все пришлось по душѣ и, въ концѣ концовъ, я нашла прямо вредной для нея Библію и вернула ее Никитину.

Онъ удивился, онъ ждалъ другого эффекта.

— Нѣтъ,—сказала я—я вѣроятно слишкомъ проста и въ душѣ у меня нѣтъ ни трагическаго пафоса, ни тяготѣнія къ смерти. Пока я живу, я хочу носить въ душѣ небо, во что бы то ни стало.

— Небо безъ грозъ?—спросилъ Никитинъ.

— Нѣтъ, только безъ осеннихъ тучъ.

Е. В. Бровцына.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Аграрныя перспективы въ связи съ войною.

III.

Если въ земледѣльческой сферѣ война ударила, главнымъ образомъ, въ двѣ окраины Россіи, то въ области *скотоводства*—она не пощадила и центра. Въ предыдущей главѣ мы указывали, что въ количественномъ отношеніи, въ послѣднее десятилѣтіе передъ войной, эволюціи скотоводства не наблюдалось, и нарушенное экстенсивной распашкой всѣхъ угодій равновѣсіе между земледѣліемъ и скотоводствомъ не было возстановлено. Къ моменту войны Россія была беднѣе скотомъ, идущимъ на мясо, чѣмъ любое изъ воюющихъ государствъ: напр., въ 1911 г. у насъ на 100 жителей крупнаго рогатаго скота было 30 головъ, въ Германіи—31 гол., въ Австріи—32, Венгріи—35, во Франціи—36,5 гол.; свиней—у насъ 9 гол., въ Германіи—34 гол., Австріи—23, Венгріи—36, Франціи—17. И это—не смотря на то, что земледѣльческаго населенія у насъ 3/4, а въ европейскихъ странахъ вездѣ меньше половины, а въ Германіи — четверть. Наше видимое богатство скотомъ держалось лишь на такомъ шаткомъ базисѣ, какъ вынужденное вегетаріанство сельскаго населенія, видѣвшаго мясо на своемъ столѣ только 5—6 разъ въ году. Не такъ много ѣли его и горожане, потреблявшіе на душу 4,3 пуда въ годъ, но у деревенскихъ жителей расходовалось всего лишь 0,3 пуда—какихъ-нибудь 13 фунтовъ на ѣдока.

Когда началась война, милліоны крестьянъ, призванныхъ въ армію, превратились изъ вегетаріанцевъ въ ежедневныхъ потребителей мяса и, вмѣсто 0,3 пуда, стали получать 6 пудовъ въ годъ. Этого одного уже было достаточно, чтобы нарушить въ странѣ равновѣсіе между мяснымъ потребленіемъ и производстомъ и породить уничтоженіе не только прироста, а и основного капитала нашего скотоводческаго хозяйства. Армія, по словамъ министра земледѣлія, за первый годъ войны взяла 5 милліоновъ гол. крупнаго рогатаго скота, а по разсчету С. Н. Прокоповича (въ Трудахъ Чупровскаго О-ва) 51—54 мил. пудовъ мяса, т. е. нѣсколько больше

(если даже считать по 10 пудовъ на голову взрослаго скота). Затѣмъ въ занятыхъ непріятелемъ губерніяхъ утрачено свыше 4 мил. головъ, частью оставшихся тамъ, частью погибшихъ въ дорогѣ. Вотъ картина гибели *эвакуированнаго* скота, нарисованная очевидцемъ—докладчикомъ въ мясопромышленномъ ком-тѣ Россійской экспортной палаты.

„Масса скота въ сотни тысячъ головъ, крупнаго и мелкаго, находится въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ, безъ корма, безъ крова, часто даже безъ водопоя. Скотъ крайне исхудалый, истощенный и падаетъ массами. Подножный кормъ давно вытоптанъ и съѣденъ, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе неудачнаго плана прогона гуртовъ послѣдній происходитъ по однимъ и тѣмъ же трактамъ, такъ что послѣдующіе гурты по пути не находятъ ни подножнаго, ни какихъ-либо другихъ кормовъ". Стало-быть, эти 4 слишкомъ милліона головъ (по даннымъ 1913 г. 4374 тыс.) пропали для насъ, что называется, совсѣмъ зря. Потомъ во время войны увеличилось количество городскихъ жителей и вообще населенія, живущаго торговлей и промыслами. Страна превратилась въ тылъ арміи; полтора десятка милліардовъ, израсходованныхъ на войну, несомнѣнно, значительно повысили общій торгово-промышленный оборотъ, и, въ связи съ ростомъ транспорта, желѣзно-дорожнаго и гужевого, отвлекли изъ деревень милліоны крестьянъ, которые въ городѣ и въ пути стали потреблять больше мяса. Увеличили потребленіе его и бѣженцы, осѣвшіе въ городахъ, а также военноплѣнные. Наконецъ, и деревня, „по даннымъ нѣкоторыхъ земствъ, увеличила мясное довольствіе на 150—200%". (См. ст. Я. П. В. о мясномъ довольствіи въ Россіи въ „Торгово-Промышл. Газетѣ"). Впрочемъ, это послѣднее указаніе требуетъ болѣе тщательнаго изслѣдованія, потому что оно основано на презумпціи „разбогатѣнія" деревни, а эта презумпція, послѣ всего изложеннаго, дѣлается болѣе, чѣмъ сомнительной.

Но какъ бы то ни было, а война, во-первыхъ, прямымъ и косвеннымъ воздѣйствіемъ сильно подняла мясное довольствіе въ странѣ, во-вторыхъ,—уничтожила безполезно милліоны головъ на западѣ. Г. Наумовъ считаетъ, что за годъ было израсходовано 18 милліоновъ головъ крупн. рог. скота, тогда какъ нормальный приростъ равенъ 9 милліонамъ, слѣдовательно, израсходованъ основной капиталъ въ 9 милліоновъ головъ. Но, по другому офиціальному источнику (см. „Вѣстн. Мелк. Кред." № 7), годовой приростъ равенъ всего $4^1/_2$ мил. головъ, а по третьему (см. заимствованныя г. Лосицкимъ данныя ветеринарнаго управленія)—6,9 мил. гол. При крайне плачевномъ состояніи у насъ статистики скотоводства разобраться во всѣхъ этихъ данныхъ невозможно, но все же основной выводъ о сокращеніи количества крупнаго рогатаго скота послѣ перваго года войны не менѣе, чѣмъ на 20%, несомнѣнно, крайне

ленъ. На второй годъ ожидается дальнѣйшее сокращеніе не въ меньшемъ, а скорѣе въ большемъ процентѣ, такъ какъ число призванныхъ въ армію за годъ выросло на нѣсколько милліоновъ, если даже исключить изъ него попавшихъ въ плѣнъ и умершихъ.

Такимъ образомъ послѣ двухъ лѣтъ войны одинъ изъ видовъ сельско-хозяйственнаго капитала — крупный рогатый скотъ, на который, при переходѣ въ интенсивный фазисъ, все болѣе и болѣе опирается сельское хозяйство (ибо этотъ родъ скота наиболѣе продуктивенъ), — сократится, вѣроятно, не менѣе, чѣмъ на 40%.

Крупный рогатый скотъ при болѣе интенсивныхъ системахъ важенъ уже потому, что онъ доставляетъ массу навоза, безъ котораго, даже при широкомъ примѣненіи минеральнаго удобренія, ни одинъ культурный хозяинъ не обходился. Затѣмъ и молоко, перерабатываемое въ рыночный продуктъ, пріобрѣтаетъ при ростѣ городовъ все болѣе крупное значеніе. Правда, и при экстенсивныхъ системахъ, напр., въ Сибири, оказалось возможнымъ широкое развитіе молочнаго скотоводства, но тамъ оно базируется на огромныхъ естественныхъ лугахъ. На югѣ же Россіи, гдѣ луговъ мало, гдѣ содержаніе скота стоитъ дороже, его разводятъ, главнымъ образомъ, на мясо и шкуры. Вотъ почему, напримѣръ, въ Великобританіи на 11,9 мил. головъ крупн. рог. скота приходится всего 2 мил. лошадей (1912 г.), въ Германіи на 20,2 мил. первыхъ 4,5 мил. вторыхъ, въ Австріи на 9,2 мил.—1,8 мил., во Франціи—на 14,4 мил.—3,2.; вездѣ, при интенсивныхъ системахъ хозяйства, на одну лошадь приходится 4—5—6 головъ крупнаго рогатаго скота. А у насъ въ 1913 г. при 51,4 мил. крупн. рог. скота было 33,9 мил. лошадей—отношеніе 1$^1/_2$: 1. Однако и у насъ въ болѣе культурныхъ западныхъ районахъ это отношеніе выше и доходитъ въ Прибалтійскомъ краѣ до 3: 1. Отсюда очевидно, что въ интересахъ агрикультурнаго прогресса, съ самаго начала войны, когда выяснился ростъ потребленія мяса, надо было, во-первыхъ,—стараться повернуть мясное довольствіе, поскольку оно находилось въ рукахъ правительственныхъ и общественныхъ силъ, въ сторону отъ рогатаго скота къ видамъ менѣе цѣннымъ и нужнымъ для интенсивнаго земледѣлія; во-вторыхъ,—отъ районовъ болѣе культурныхъ къ экстенсивнымъ. Возможность такихъ поворотовъ была въ рукахъ организующихъ силъ страны, такъ какъ крупнѣйшимъ потребителемъ являлась армія; но они ею не воспользовались, а поплыли по бурному, извилистому теченію стихійнаго народно-хозяйственнаго оборота, который въ области торговли скотомъ и его продуктами пришелъ въ хаотическое состояніе не только благодаря войнѣ, но и вслѣдствіе неурожая кормовъ въ 1914 г.

Неурожай кормовъ и овса въ этомъ году охватилъ большую часть нечерноземныхъ и центральныхъ губерній Россіи и съ особенной силой ударилъ по промышленнымъ областямъ—тамъ, гдѣ до войны наиболѣе успѣшно развивалось молочное скотоводство.

Сильнѣе другихъ пострадали Вологодская, Ярославская, Костромская и Тверская губ., а на западѣ—Смоленская, Новгородская, Псковская. Въ этихъ и другихъ губерніяхъ, общимъ счетомъ—до 29, цѣна сѣна поднялась до 80 коп. и до 1 рубля за пудъ, и началась массовая распродажа скота, убывшаго въ цѣнѣ на 50% и болѣе. Фунтъ мяса, котораго некуда было дѣвать, такъ какъ скотина похуже пріобрѣталась ради шкуры, продавался на базарахъ по пятаку. А тутъ еще навалились безпорядочныя реквизиціи, то назначавшіяся, то отмѣнявшіяся, секвестръ овса въ Сибири и цѣлый рядъ другихъ административныхъ мѣръ, вносившихъ полное разстройство и стимулировавшихъ продажу скота за безцѣнокъ. Растерявшіяся земства, заваленныя всякой другой работой и путанными правительственными распоряженіями, плохо справились съ задачей снабженія населенія кормами и овсомъ, — и въ результатѣ во многихъ губерніяхъ весь молоднякъ былъ оголенъ начисто, пошла на базары и часть взрослаго молочнаго, иногда племенного, скота. То, что многолѣтнимъ трудомъ и терпѣніемъ было взрощено, пропало въ нечерноземномъ центрѣ въ одну зиму, а весной и лѣтомъ 1915 г. мы лишились другого очага культурнаго скотоводства—западныхъ районовъ. Въ этихъ районахъ, въ губерніяхъ, даже еще не вошедшихъ въ сферу военныхъ дѣйствій, напримѣръ, въ Витебской, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, количество крупнаго рогатаго скота сократилось вдвое противъ остальной Россіи—на 40%, отчасти благодаря опасеніямъ населенія, ожидавшаго эвакуаціи, отчасти вслѣдствіе страшно поднявшихся цѣнъ на кормъ, а главной причиной распродажи мѣстнаго скота явился выпасъ интендантскаго, такъ какъ интендантское вѣдомство назначило высокія цѣны за его откормъ.

Итакъ, если земледѣліе переживаетъ, благодаря обезрабоченію, жестокій кризисъ на югѣ и востокѣ, то скотоводство потерпѣло наибольшій ущербъ въ центральныхъ районахъ сѣвера и на западѣ, т. е. тамъ, гдѣ формы его были наиболѣе культурны. Эта послѣдняя выпуклость аграрной эволюціи XX вѣка уже полустерта войной и неурожаемъ и можно опасаться, что при отсутствіи у органовъ власти раціональнаго плана пріобрѣтенія скота для нуждъ арміи, при возможности повторныхъ неурожаевъ, разрушительная работа будетъ додѣлана.

И, конечно, никакіе „постные дни“ тутъ не помогутъ. Наиболѣе цѣлесообразной мѣрой было бы перенесеніе закупокъ для арміи, плѣнныхъ и пр. на восточныя окраины—въ Сибирь и особенно въ киргизскія степи: въ Азіатской Россіи, кромѣ 17 мил. головъ крупнаго рогатаго скота, имѣется еще 38 милліоновъ овецъ, тогда какъ въ 60 губ. Европейской Россіи ихъ только 37 мил.

Конечно, такая мѣра была бы наиболѣе цѣлесообразной при иной организаціи дѣла; а сейчасъ, въ то время, какъ Москва переживаетъ мясной кризисъ, въ Сибири—въ одномъ Петропав-

ловскомъ округѣ—скопилось до 2.000.000 пудовъ мяса, которое не подвергается реквизиціи, и, тѣмъ не менѣе, его запрещаютъ вывозить. Мясо это, повидимому, сгнило, какъ можно судить по первымъ подвозамъ его въ Москву. Вывозить скотъ живьемъ—задача еще потруднѣе въ нынѣшнихъ условіяхъ. И по этой ли или по другой причинѣ, но правительство и на 1916 г., считая необходимымъ прибѣгнуть для продовольствія арміи къ реквизиціи $3^1/_2$ милліоновъ головъ, разверстало ихъ между большинствомъ губерній Европейской Россіи. Какой эффектъ это произведетъ—можно видѣть изъ примѣра Самарской губ., въ которой скотъ сохранился гораздо лучше, чѣмъ въ центральныхъ. Относительно вліянія этой мѣры на скотоводство Самарской губ., въ которой предположено реквизировать 100.000 головъ, Гр. Ив. Баскинъ прочелъ на послѣднемъ съѣздѣ статистиковъ въ Москвѣ докладъ, въ которомъ выяснилъ, что эта губернія сама питалась привознымъ скотомъ въ количествѣ 160 тыс. головъ, тогда какъ изъ запасовъ своего скота она потребляла 140 тыс. Теперь, въ виду оскудѣнія скотомъ тѣхъ губерній, которыя доставляли его въ Самарскую, ей и для собственнаго потребленія придется уничтожить не только приростъ, но и затронуть „основной капиталъ“ скота, а тутъ еще реквизиція отнимаетъ 100.000 головъ. Понятно, какъ сильно должно будетъ сократиться скотоводство губерніи къ 1917 году.

Отсюда одинъ выводъ: паденіе скотоводства въ Россіи, благодаря войнѣ, неурожаю и нераціональному его истребленію, представитъ къ концу войны явленіе еще болѣе грозное, чѣмъ паденіе земледѣлія. Между тѣмъ возстановить и развить наше скотоводство, которое и до войны отставало отъ земледѣлія, возможно лишь съ большимъ трудомъ, усиліями и затратами со стороны населенія, общественныхъ силъ и правительства, втеченіе ряда долгихъ лѣтъ... Поэтому, надо думать, то *равновѣсіе* между земледѣліемъ и скотоводствомъ, которое требуется раціональной постановкой агрикультуры, отодвигается въ даль грядущаго...

IV.

Не менѣе, если не болѣе, сильно война отразилась и на распредѣленіи земли. Прежде всего упала мобилизація земель черезъ Крестьянскій банкъ. Паденіе это выразилось въ такой убывающей прогрессіи.

			Продано земель крестьянамъ (въ тыс. дес.)		Принимая 1-ое число за 100.
Во 2-мъ полугодіи	1913 г.	—	449,4	—	100
Въ 1-мъ „	1914 г.	—	392,5	—	87
Во 2-мъ „	„	—	281,5	—	63
Въ 1-мъ „	1915 г.	—	197,0	—	44
Во 2-мъ „	„	—	142,6	—	32

Теперь, когда кн. Трубецкой на страницахъ „Рус. Слова" провозгласилъ, что онъ за Россію спокоенъ, ибо основа Россіи—деревня, а деревня наша богатѣетъ, когда все дорожаетъ, кромѣ земли,—нашъ мужикъ отказывается отъ покупки той земли, безъ которой до сихъ поръ ему „смерть", къ которой онъ тянется всѣми фибрами своего существа съ тѣхъ поръ, какъ „отрѣзочная" освободительная реформа урѣзала опору его существованія. Или правъ г. Федоровъ, провозгласившій въ „Петрогр. Вѣдом." (№ 230) „финалъ аграрнаго вопроса", доказывающій, что пресловутый земельный голодъ „отошелъ въ область преданія, ибо наступило невѣроятное обезцѣненіе земли, и лица, владѣющія сотнями и тысячами дес., оказались чуть-ли не бѣднѣе зажиточнаго крестьянина"?..

Земельный голодъ исчезъ, „земля потеряла цѣну". Да, конечно, если судить по дѣятельности Крестьянскаго банка, такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Банкъ сократилъ не только продажу—онъ свелъ почти на нѣтъ собственную покупку земель. Еще въ 1913 г. онъ пріобрѣлъ 202 тыс. дес., въ 1914 г.—83 тыс., а въ 1915 г.—всего 17,7 тыс. Онъ отказался отъ пріобрѣтенія частновладѣльческой земли и ограничился скупкой остатковъ угодій башкирскихъ вотчинниковъ, да ликвидаціей нѣмецкаго землевладѣнія; впрочемъ, въ послѣдней, какъ видно изъ цифры покупокъ 1915 г., онъ фактически до нынѣшняго года участія не принималъ. На нѣмецкую землю, равно какъ и землю помѣщиковъ, потерявшихъ своихъ арендаторовъ, набросились спекулянты, пріобрѣтая ее за половинную цѣну. Въ „Южно-Русскую С.-Хоз. Газету" пишутъ изъ Таврической губ.: „Въ связи съ „ненормальностями" въ текущемъ сельскохозяйственномъ году замѣчается въ губерніи быстрое паденіе цѣнъ на землю. Особенно трудно приходится землевладѣльцамъ, сдававшимъ обыкновенно свою землю въ аренду. Какой-то „странный характеръ" носятъ послѣднее время также и сдѣлки по покупкѣ и продажѣ земли. Покупная цѣна на землю здѣсь упала до 50 процентовъ и этимъ обстоятельствомъ широко пользуются находящіеся здѣсь теперь „при деньгахъ" купцы, деревенскіе кулаки и просто спекулянты, закупающіе землю чуть-ли не задаромъ. Неудивительно, конечно, будетъ, если послѣ войны населенію придется страдать отъ искусственнаго вздуванія цѣнъ на землю, благодаря этой „дѣятельности коммерсантовъ и спекулянтовъ"—любителей легкой наживы".

Земельная нужда у крестьянъ вдругъ пропала, благодаря войнѣ. Пусть такъ: но почему вдругъ кулаковъ и спекулянтовъ обуяла жажда земли? Корреспондентъ изъ Таврической губ. объясняетъ: потому, что *послѣ* войны эти господа вполнѣ логично ждутъ усиленнаго на нее спроса и, въ ожиданіи легкой наживы, спѣшатъ запастись землей по дешевкѣ. Что спросъ на землю повысится, что тяга къ землѣ вспыхнетъ съ прежней силой,—это вѣдь предвидятъ не только одни спекулянты: это предвидѣлъ ни

кто иной, какъ бывшій министръ земледѣлія г. Кривошеинъ, обѣщавшій въ своей знаменитой „запискѣ“ награду сѣрымъ воинамъ въ видѣ расширенія ихъ землевладѣнія. Но Крестьянскій банкъ, видимо, не раздѣлялъ этихъ плановъ и старательно уклонялся отъ ликвидаціи помѣстныхъ земель

Если въ количественномъ отношеніи дѣятельность банка рѣзко измѣнилась въ сторону ея сокращенія, то зато въ банковой *политикѣ* никакихъ почти перемѣнъ не произошло. По прежнему царитъ все та же тенденція индивидуализировать формы крестьянскаго землевладѣнія и, благодаря ей, главная цѣль банка—земельное обезпеченіе нуждающихся въ землѣ крестьянъ сводится почти на нѣтъ. Банкъ продалъ въ 1915 г. хуторами и отрубами 92,2% своей земли,—въ 1914 г.—93,9%, въ 1913 г.—94,6%. Преслѣдуя неуклонно тенденцію, во что бы то ни стало, проводить принципъ хуторизаціи, банкъ не считается ни съ сокращеніемъ наличнаго персонала своихъ работниковъ, ни съ техническими условіями и въ результатѣ—въ 1915 г. продалъ всего 2.721 хуторъ по 18,7 дес. въ среднемъ, и 3.697 отрубовъ (по 12,6—17 дес.), наградивъ такимъ образомъ землей около $6^1/_2$ тыс. хозяевъ, менѣе $^1/_{1000}$ нуждающейся въ землѣ 8—9-милліонной массы хозяйствъ. И банкъ не находитъ нужнымъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что по посредническимъ сдѣлкамъ, гдѣ крестьяне имѣютъ большую свободу выбора формъ землевладѣнія, процентъ купленныхъ въ единоличную собственность земель систематически падаетъ за время войны: такъ, въ 1913 г. площадь единоличныхъ покупокъ, произведенныхъ черезъ посредство банка, составляла 35,3% всѣхъ покупокъ, въ 1914 г.—31,9%, а въ 1915 г.—всего 28,4%; 72%—почти три четверти—было куплено въ коллективную собственность.

Въ то время, какъ покупка крестьянами частновладѣльческихъ земель убавилась за время войны болѣе, чѣмъ въ три раза, мобилизація крестьянскихъ *надѣловъ* уменьшилась въ гораздо меньшей пропорціи.

	Продано надѣльныхъ земель въ тыс. дес.	Продажная цѣна 1 дес. въ рубляхъ.	Средній размѣръ продан. участка въ дес.
Въ 1-е полугодіе 1914 г. . . .	372,8	136,3	3,2
Во 2-е „ 1914 г. . . .	312,3	140,6	2,9
Въ 1-е „ 1915 г. . . .	255,8	131,4	3,2

Въ 1914 г. продало свои надѣлы 222,7 тыс. крестьянъ, въ первое полугодіе 1915 г.—79,1 тыс. И всѣ почти эти 300 тыс. крестьянскихъ хозяйствъ принадлежатъ, судя по размѣрамъ проданныхъ участковъ, къ малоземельнымъ и маломочнымъ хозяйствамъ: слѣдовательно, процессъ обезземеленія нижнихъ слоевъ де-

ревни, такъ широко развившійся на почвѣ новыхъ аграрныхъ законовъ, очень мало задерживается военными обстоятельствами, что опять-таки не свидѣтельствуетъ объ общемъ разбогатѣніи деревни, такъ же, какъ и фактъ пониженія цѣнъ на проданную надѣльную землю. Вотъ одна изъ газетныхъ корреспонденцій, повѣтствующая о причинахъ продажъ (изъ Мокши Николаев. уѣзда). „Сейчасъ у насъ замѣчается движеніе по продажѣ земли. Многимъ стало не въ моготу работать, а особенно бѣднымъ хозяйствамъ, за отсутствіемъ рабочихъ рукъ. Больше всего замѣчается стремленіе продать землю у отрубниковъ. Отрубники все понижают и понижаютъ цѣны. Иные пробуютъ узнать, не возьметъ ли ихъ землю поземельный банкъ, даже запросы объ этомъ пишутъ".

Надо еще отмѣтить, что одной изъ причинъ нѣкотораго сокращенія мобилизаціи надѣловъ является близость западныхъ губерній къ району, захваченному войной: такъ, въ Гродненской губ. въ первое полугодіе 1914 года было произведено сдѣлокъ 1.065, во 2-мъ—только 449, въ Ковенской—вмѣсто 545 сдѣлокъ, заключено лишь 164. Въ 8 западныхъ губ., прилегавшихъ къ фронту (литовско-бѣлорусскихъ, Волынской и Подольской) и попавшихъ теперь частью въ руки непріятеля, въ первое полугодіе 1914 г. было продано около 38 тыс. дес.—свыше 10% всѣхъ продажъ надѣловъ въ Россіи.

Ростетъ обезземеленіе малоземельныхъ крестьянъ, падаетъ покупка помѣщичьихъ земель, еще болѣе сократилась *аренда*. Точныхъ массовыхъ итоговъ сокращенія аренды почти нѣтъ, да и рано еще ихъ подводить, такъ какъ главную убыль фонда арендуемыхъ земель нужно предвидѣть въ нынѣшнемъ году. Эта убыль является основной причиной недосѣвовъ и если предположить ее только въ 50%, что, по нашему мнѣнію, будетъ преуменьшеніемъ дѣйствительности, то и такое сокращеніе будетъ обозначать уменьшеніе площади крестьянскаго землепользованія на 10—12 милліоновъ десятинъ.

Наконецъ, сошелъ почти на нѣтъ и еще одинъ источникъ расширенія крестьянскаго землепользованія—*переселеніе*. Офиціально оно пріостановлено, но въ дѣйствительности небольшія струи переселенческаго потока, быстро изсякающія, продолжаютъ еще переливаться. Между тѣмъ до войны оно снова начинало нарастать.

	Число переселенцевъ и ходоковъ (въ тыс.).
въ 1912 г.	259,6
„ 1913 г.	327,6
„ 1914 г.	323,3
„ 1915 г.	26,4
„ 1916 г. (янв.—февр.)	1,6

Въ первую половину 1913 г. переселенцевъ и ходоковъ прошло ъ Сибирь 250,0 тыс., въ первую половину 1914 г.—297,2 тыс. Нарастаніе переселенческой волны было оборвано войной въ самомъ началѣ. А вѣдь, какъ-никакъ, 50—60 тыс. семей, преимущественно изъ самыхъ малоземельныхъ крестьянъ, увеличивали этимъ способомъ ежегодно свое землепользованіе на 1—1½ милліона дес.

И, въ общемъ итогѣ, можно смѣло считать, что война, сократившая покупку помѣщичьихъ земель, аренду и переселеніе, лишила этимъ самымъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, полутора десятковъ милліоновъ дес. Площадь крестьянскаго землепользованія уменьшилась, но нужда въ землѣ, конечно, не упала, потому что число крестьянскихъ хозяйствъ вообще и малоземельныхъ, въ частности, едва-ли убудетъ послѣ войны. На войнѣ истребляются, теряютъ работоспособность хозяева, работники, кормильцы семей, но самыя семьи сохраняются, да и потерявшіе трудоспособность на войнѣ тоже ѣсть просятъ. Война уменьшаетъ рабочія силы народа, но не убавляетъ количества ртовъ, кормящихся отъ земли.

Изъ всего изложеннаго видно, что отрицательное вліяніе войны на положеніе сельскаго хозяйства въ Россіи сказывается въ трехъ главныхъ направленіяхъ.

Во 1-хъ—сокращается площадь крестьянскаго *землепользованія.*

Во 2-хъ—уменьшается с.-хоз. *капиталъ*: уменьшается численность скота, рабочихъ рукъ, изнашивается и не возобновляется инвентарь, на театрѣ же военныхъ дѣйствій гибнутъ постройки, многолѣтнія насажденія и портится даже земля.

Въ 3-хъ—какъ слѣдствіе первыхъ двухъ явленій, падаетъ с.-хоз. *производство*—сжимается посѣвная площадь...

Количественное паденіе сопровождается качественнымъ: ухудшается обработка полей, уменьшается ихъ удобряемость, изъ сѣвооборота выпадаютъ болѣе интенсивныя культуры, истребляются лучшія породы скота, понижается агрикультурная и меліораціонная дѣятельность правительственныхъ и общественныхъ органовъ.

И наибольшимъ потрясеніямъ подвергаются тѣ области Россіи и тѣ хозяйственныя группы, которыя шли въ XX вѣкѣ во главѣ с.-хозяйственной эволюціи...

V.

Ущербъ, наносимый войной сельскому хозяйству, состоитъ, главнымъ образомъ, въ потерѣ с.-хоз. капитала, изъ всѣхъ видовъ котораго наиболѣе растрачиваются рабочія руки и скотъ. Но скотъ, какъ рабочая сила, менѣе подвергается уничтоженію, чѣмъ продуктивный; большая часть рабочихъ рукъ, надо надѣять-

ся, все-же вернется съ войны невредимой, такъ что послѣ войны по крайней мѣрѣ, земледѣліе будетъ имѣть достаточный притокъ силъ, съ которыми легче возстановить то, что теряется въ настоящій моментъ, благодаря обезрабоченію земледѣльческихъ массъ.

Однако задача сельскаго хозяйства въ Россіи послѣ войны—не только въ возстановленіи прежняго положенія: война всѣми своими послѣдствіями повелительно потребуетъ отъ этой основы народнаго хозяйства страны одновременнаго и рѣзкаго подъема производительныхъ силъ. Доказывать подробно это самоочевидное положеніе—нѣтъ особенной надобности. Достаточно напомнить, что государственные долги болѣе чѣмъ утроятся, что весь бюджетъ, какъ высчитываютъ теперь, повысится не менѣе, чѣмъ до 5 милліардовъ, т. е. почти удвоится, что погибшій на западѣ и въ другихъ мѣстахъ основной сел.-хоз. капиталъ потребуетъ немедленнаго возстановленія, ибо безъ него немыслимо приступить къ производству; на народъ будетъ взвалено огромное бремя поддержки семей погибшихъ на войнѣ и ставшихъ инвалидами; для того, чтобы пустить полнымъ ходомъ народно-хозяйственную и, въ частности, сельско-хозяйственную машину, понадобятся многомилліардныя затраты для созданія новаго хозяйственнаго капитала: желѣзно-дорожныхъ путей, гаваней, торговаго флота, заводовъ и фабрикъ, рудниковъ и копей, грандіозныхъ земельныхъ мелиорацій, раціональнаго землеустройства, связаннаго съ разселеніемъ большихъ селъ на мелкіе поселки и образованіемъ правильной сѣти грунтовыхъ дорогъ, и т. д., и т. д.... Наконецъ, и назрѣвшая аграрная реформа, безъ которой, какъ мы уже доказывали вначалѣ, немыслима широкая с.-хоз. эволюція, также, быть можетъ, потребуетъ нѣсколькихъ милліардовъ.

Совладать съ этимъ колоссальнымъ бременемъ новыхъ затратъ, скомпенсировать его соотвѣтственнымъ подъемомъ производительныхъ силъ для русскаго народа неизбѣжно, если Россіи предстоитъ жить и развиваться,

И дальнѣйшее будущее нашей родины въ сильнѣйшей степени зависитъ отъ того, насколько способно будетъ ея сельское хозяйство перейти сразу отъ *паденія къ прыжку*—отъ сокращенія посѣвовъ къ ихъ расширенію, отъ истребленія скота къ его размноженію, отъ сжиманія хозяйственныхъ функцій къ ихъ энергичной пульсаціи. Слѣдовательно, весь вопросъ въ томъ, имѣются ли въ нашей земледѣльческой массѣ такіе запасы, такой резервъ неиспользованныхъ еще силъ, которыя, будучи поставлены въ благопріятныя условія, могли бы въ короткое время поднять производительность сельскаго хозяйства на необходимую высоту.

Эти запасы имѣются, о нихъ въ продолженіе 40 лѣтъ передъ революціей безъ устали напоминали обществу и власти лучшіе люди Россіи, о нихъ забыли на время, но снова были вынуждены

вспомнить передъ войной, начинаютъ вспоминать и теперь. Эти запасы кроются въ огромныхъ кадрахъ безземельнаго и малоземельнаго всероссійскаго крестьянства, охватывающаго почти двѣ трети всей трудовой земледѣльческой массы, наличность которыхъ, какъ мы доказывали въ началѣ статьи, является главнымъ тормазомъ аграрной эволюціи и для пріобщенія которыхъ къ сельско-хозяйственному прогрессу есть лишь одно средство—полное уничтоженіе малоземелья, или, если это невозможно за отсутствіемъ достаточнаго земельнаго фонда,—по крайней мѣрѣ, смягченіе относительнаго и истребленіе всѣхъ слѣдовъ такъ называемаго „абсолютнаго“ малоземелья [1]).

Еще почти годъ тому назадъ записка А. В. Кривошеина поставила вопросъ объ удовлетвореніи землей семей воиновъ-крестьянъ, „вернувшихся съ войны“. Опубликованная формула группы крестьянъ членовъ Государственной Думы предлагаетъ Думѣ высказать пожеланіе, „чтобы министерство земледѣлія незамедлительно и обязательно до конца войны разработало и внесло въ Государственную Думу законопроектъ о надѣленіи малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ и безземельныхъ воиновъ-земледѣльцевъ, участниковъ настоящей и прошлой японской войны, также семей погибшихъ въ этихъ войнахъ, землей безвозмездно и чтобы для этой цѣли министерство земледѣлія использовало земли казенныя, и земли, секвестрованныя у нѣмцевъ-колонистовъ“.

Государственная Дума, при обсужденіи смѣты м-ва земледѣлія на текущій годъ, выразила пожеланіе о незамедлительномъ до конца войны внесеніи правительствомъ законопроекта объ обезпеченіи землей участниковъ настоящей войны. По словамъ „Рус. Вѣд.“ (№ 89), нынѣшній министръ земледѣлія г. Наумовъ отнесся къ указанію Думы съ полнымъ вниманіемъ и представилъ недавно по этому поводу записку, въ которой говоритъ, что, во исполненіе полученныхъ бывшимъ главноуправляющимъ землеустройствомъ директивъ, а равно въ виду выраженнаго пожеланія Г. Думы, м-во земледѣлія нынѣ же предприняло работы по подготовкѣ казенныхъ земель для предоставленія ихъ участковъ воинамъ-земледѣльцамъ. „Вмѣстѣ съ тѣмъ, говорится въ запискѣ, уже теперь должны быть опредѣлены условія предоставленія участковъ изъ этихъ земель, причемъ надо имѣть въ виду, что предложенныя мѣры подлежатъ распространенію не только на нижнихъ чиновъ арміи и флота, но *и* на *командный* составъ этихъ послѣднихъ“.

[1]) Подъ „абсолютнымъ“ малоземельемъ А. А. Кауфманъ подразумѣваетъ такое, которое не даетъ земледѣльцу никакой возможности перейти къ слѣдующей стадіи агрикультурнаго развитія; подъ „относительнымъ“— ощутительное лишь при данной системѣ полеводства, но исчезающее при переходѣ къ слѣдующей, болѣе интенсивной, требующей меньшей площади земли.

Такимъ образомъ записка г. Наумова расширяетъ кругъ лицъ имѣющихъ право на земельный надѣлъ: не только малоземельные воины-крестьяне, но и офицерскіе чины пріобрѣтаютъ это право причемъ въ запискѣ не указывается, какія именно категоріи офицеровъ могутъ предъявлять претензію на надѣленіе ихъ землей. А вѣдь теперь офицеровъ, въ подавляющемъ большинствѣ совсѣмъ безземельныхъ,—сотни тысячъ. Между тѣмъ земельный фондъ, который можетъ остаться въ распоряженіи правительства, для удовлетворенія не только офицерскихъ, но даже однихъ солдатскихъ претензій слишкомъ ничтоженъ.

Въ прошломъ году, вскорѣ послѣ опубликованія записки Кривошеина, намъ пришлось произвести спеціальный подсчетъ количества земли, нужной для этой цѣли. По „запискѣ" къ 1 іюня 1915 г. было взято на войну $5^1/_2$ милліоновъ крестьянъ-работниковъ изъ Европейской Россіи. На основаніи распредѣленія дворовъ по числу работниковъ, мы опредѣлили, что мобилизаціи затронули, приблизительно, около $4^1/_2$ мил. семей, изъ которыхъ, согласно даннымъ „Статистики землевладѣнія"—67% или 3 милліона съ лишкомъ имѣютъ менѣе 10 дес. на дворъ. Въ среднемъ ихъ надѣльное землевладѣніе равнялось 5,8 дес. на дворъ т. е. до 10-десятинной нормы имъ не хватало по 4,2 дес. или для всѣхъ—12,8 мил. дес. Правда, около 10% малоземельныхъ владѣютъ купчей землей, но, съ другой стороны, безземельныхъ дворовъ, имѣющихъ право претендовать на дополнительное надѣленіе и не вошедшихъ въ нашъ подсчетъ,—5—6% (по свѣдѣніямъ до 1905 г.) Въ общемъ, по этимъ, конечно, въ значительной мѣрѣ устарѣлымъ даннымъ дополнительное надѣленіе до потребительной нормы семей малоземельныхъ и безземельныхъ воиновъ къ серединѣ 1915 г. потребовало бы не менѣе *12 мил. дес.;* а теперь количество такихъ семей увеличилось еще на 25—30% и, вѣроятно, увеличится еще больше, такъ что въ настоящій моментъ размѣры нужнаго фонда приходится исчислять не менѣе, чѣмъ въ *15—16 мил. дес.*

Такъ какъ во время войны Крестьянскій банкъ пріостановилъ покупку частновладѣльческихъ земель, то его земельные запасы сократились за 2 года на 326 тыс. дес. и къ 1 января 1916 г. составляли 2.512,526 дес., изъ которыхъ однако далеко не всѣ пригодны и доступны продажѣ. По послѣднему подробному отчету банка за 1914 г., въ его запасѣ числится 822 тыс. дес., которыя не могутъ быть немедленно распроданы: это—земли, обремененныя долгосрочными арендными договорами (355 тыс. дес); 141 тыс. дес. степи въ Ставропольской губ. требуютъ предварительныхъ сложныхъ работъ по обводненію и, наконецъ, 200 тыс. дес. лѣсовъ, „назначеніе коихъ еще не выяснено окончательно"; остальныя земли—заболочены или вообще непригодны для земледѣлія. Далѣе 343 тыс. не подлежатъ продажѣ на общихъ основаніяхъ: это—главнымъ образомъ лѣсныя дачи, сохраненіе которыхъ признано

желательнымъ. Наконецъ, нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ уже запроданы, и свободный для ближайшей ликвидаціи остатокъ къ 1915 г., составилъ 1082 тыс. дес., а къ 1916 г., сократившись на 120 тыс. дес.,—только *960 тыс.* Въ число банковскихъ включены почти всѣ свободныя оброчныя статьи удѣльныхъ земель. Казенныхъ земель, болѣе или менѣе пригодныхъ для отчужденія, въ 47 губ.—3½ мил. дес., но изъ нихъ къ 1915 г. запродано 381 тыс. дес. Въ послѣднемъ отчетѣ землеустроительныхъ коммиссій по поводу этого факта говорится: „при оцѣнкѣ этихъ данныхъ необходимо имѣть въ виду, что большая часть казенныхъ земель расположена въ Самарской и Астраханской губ., гдѣ сельское населеніе получило самые крупные надѣлы по сравненію съ крестьянами остальной Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ губерніяхъ государственныя земли, по естественнымъ условіямъ, главнымъ образомъ—отсутствію водоснабженія, допускаютъ возможность ихъ заселенія лишь послѣ выполненія сложныхъ меліоративныхъ сооруженій“. Согласно запискѣ г. Наумова, на ближайшее время можетъ быть подготовлено къ продажѣ на льготныхъ условіяхъ не болѣе 600 тыс. десятинъ. Нѣмецкія земли, подлежащія ликвидаціи, по послѣднимъ подсчетамъ м-ва внутр. дѣлъ, опредѣляются въ 2038 тыс. дес. (въ 107 уѣздахъ). До сихъ поръ, какъ мы видѣли, Крестьянскій банкъ совсѣмъ не приступалъ къ ихъ покупкѣ, за то спекулянты, вѣроятно, кое-что прибрали къ рукамъ. Въ прошломъ году въ „Нов. Вр.“ чуть-ли не ежедневно печатались объявленія спекулянтовъ, предлагавшихъ покупать и продавать нѣмецкія имѣнья; о случаяхъ такихъ продажъ попадались довольно часто извѣстія въ газетахъ и, къ объявленному сроку принудительной ликвидаціи, возможно, что останется не болѣе ¾, т. е. 1½ мил. дес. Такимъ образомъ общій итогъ того земельнаго фонда, которымъ правительство можетъ располагать для осуществленія указаннаго проекта, равняется, приблизительно, 3,1 мил. дес. А понадобится *впятеро* болѣе...

Но для „прыжка“—для быстраго, соотвѣтствующаго будущему колоссальному напряженію государственныхъ и народныхъ расходовъ, подъема производительныхъ силъ всего с.-хоз. населенія страны,—необходима *широкая* постановка этой задачи, т. е. удовлетвореніе, насколько это возможно,

всѣхъ малоземельныхъ и безземельныхъ элементовъ деревни. И если ставить цѣлью не благотворительность, не награду за защиту отечества, какъ это имѣютъ въ виду авторы формулы, а развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ,—то иного рѣшенія этой *основной* проблемы нашей аграрной политики не можетъ быть.

Насколько можетъ земельная реформа поднять производительность рабочихъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ, даже при ны-

нѣшнемъ его уровнѣ,—можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія данныхъ послѣднихъ земскихъ переписей по двумъ губ.—Симбирской и Полтавской.

	Мужчинъ-работниковъ. (Въ тысячахъ) Всѣхъ	Занятыхъ въ с.-хоз.	Посѣвная площадь (Въ тыс. дес.).	На 1 работника, занятаго въ хоз. дес.
Симбирская губ.:				
въ хоз. съ посѣвомъ до 4-хъ дес.	174,4	110,4	309,9	2,8
въ хоз. съ посѣвомъ до 4—8 дес.	126,3	105,5	458,5	4,4
Полтавская губ.:				
въ хоз., имѣющихъ до 5-ти дес.	350,1	263,1	614,7	2,3
въ хоз., имѣющихъ до 5—9 дес.	118,5	102,4	446,5	4,4

Еслибы въ этихъ двухъ губерніяхъ первыя группы сравнялись по посѣву и землевладѣнію со вторыми, то работники первыхъ группъ, занятые лишь въ своемъ хозяйствѣ, не отрывающіеся на сторону, общимъ количествомъ 373,5 тыс., могли бы обработать не 924,6 тыс. дес. посѣва, какъ сейчасъ, а 1643,3 тыс., т. е. на 78% или на 4/5 болѣе. Производительность труда этихъ работниковъ, при увеличеніи землепользованія каждой семьи приблизительно на 4 дес., поднялась бы на четыре пятыхъ. Если принять въ соображеніе, что въ Европейской Россіи сейчасъ не менѣе 8—9 милліоновъ малоземельныхъ хозяйствъ, у которыхъ до 11—12 милліоновъ рабочихъ околачиваются безъ толку или съ очень малымъ толкомъ вокругъ своихъ жалкихъ клочковъ, то увеличеніе производительности труда каждаго изъ такихъ работниковъ только на 2 дес. посѣва дало бы въ результатѣ расширеніе посѣвной площади Россіи на 22—24 милліона дес., т. е. повышеніе сбора на 1 милліардъ пудовъ. А, принимая въ разсчетъ подъемъ скотоводства, которое особенно развивается въ мелкихъ хозяйствахъ, и вообще—весь подъемъ продуктивности земли и труда, неизбѣжно возникающій, даже при нынѣшнемъ уровнѣ сельскаго хозяйства, при указанномъ расширеніи хозяйственной площади у малоземельныхъ, можно смѣло предполагать увеличеніе доходности ихъ хозяйствъ на 1½—2 милліарда рублей.

Но земельная реформа, первымъ приступомъ къ которой могло бы служить предложеніе Московскаго о-ва сельскаго хозяйства о проведеніи закона, дающаго права мѣстнымъ общественнымъ органамъ обрабатывать пустующія земли на правахъ принудительной аренды, является, въ сущности, только необходимой предпосылкой для развитія производительныхъ силъ, самое же это развитіе, въ полной мѣрѣ, можетъ быть проведено въ жизнь осу-

ществленіемъ второго принципа современной аграрной политики—принципа *соединенія труда* мелкихъ индивидуальныхъ хозяйствъ.

Что соединеніе труда отдѣльныхъ раздробленныхъ хозяйственныхъ ячеекъ придаетъ ему максимальную производительность, — это инстинктивно чувствовали и общественные дѣятели, и самъ народъ съ перваго момента войны, когда мобилизаціи сразу вывели изъ строя нѣсколько милліоновъ работниковъ. Тогда самъ собой выплылъ наружу мірской „ударъ", который устранилъ опасность оставить хлѣбъ неубраннымъ на поляхъ. Но роль „міра" была недолговѣчной: въ Рязанской губ., напримѣръ, въ 1914 г. съ помощью міра и сосѣдей озимыя поля солдатскихъ семей были обсѣменены въ 34% случаевь, въ 1915 г.—только въ 8%. Главная причина—общее оскудѣніе рабочими силами: „нѣтъ никакихъ помочей, потому что некому—всѣ на войнѣ", „міромъ помощь не оказывалась—сами съ трудомъ убирали", „помогало общество, но очень мало, въ виду того, что работать некому". Старинныя формы мірской помощи оказались несостоятельными, можетъ быть, потому, что, благодаря уходу на войну привычныхъ къ нимъ работниковъ мужчинъ, тѣ рабочія силы, которыя выдвинулись для ихъ замѣны—женщины, подростки, старики,—не сумѣли сорганизоваться. Понадобились новыя формы организаціи общественнаго труда—эти формы явились и наростаютъ теперь довольно быстро въ видѣ „трудовыхъ дружинъ" разнаго вида. Тысячи фактовъ показываютъ сейчасъ наглядно, какъ потребность въ подъемѣ производительности уменьшенныхъ количественно рабочихъ силъ непроизвольно и властно понуждаетъ эти силы къ объединенію.

Но во время войны, когда въ населеніе широкимъ потокомъ вливаются милліарды средствъ, затрачиваемыхъ на нее, эта потребность въ подъемѣ производительности ощущается еще не такъ остро, какъ будетъ она чувствоваться послѣ войны, когда народу придется долгіе годы расплачиваться за нынѣшнія колоссальныя растраты его труда и капитала и быстро возстанавливать все разрушенное въ лихую годину. Тогда станетъ яснымъ всѣмъ, что для *такого* подъема производительности, какой потребуется послѣ войны,—нѣтъ иного средства, какъ планомѣрное осуществленіе принципа соединенія труда всюду, гдѣ этотъ принципъ окажется приложимымъ. И вотъ уже сейчасъ, напримѣръ, А. В. Чаяновъ,—ученый, отнюдь не принадлежащій къ соціалистическому лагерю, предлагаетъ организовать работу возстановленія сельскаго хозяйства въ мѣстностяхъ, раззоренныхъ войной, при помощи особыхъ „товариществъ возрожденія"—изъ всѣхъ мѣстныхъ земледѣльцевъ, получающихъ отъ государства необходимыя для этого средства и связанныхъ круговой имущественной порукой" [1]). У другихъ дѣятелей

[1]) См. А. В. Чаяновъ. Къ вопросу о возстановленіи с.-хозяйства въ мѣстностяхъ, раззоренныхъ войной. Агр. Ж. 1915 г. № 1.

особенно работающихъ въ сферѣ кооперацiи, все чаще и чаще мелькаетъ мысль о широкомъ развитiи *кооперативной аренды.* И намъ представляется, что осуществленiе этой мысли должно явиться необходимымъ дополненiемъ и завершенiемъ земельной реформы, которая, естественно, должна строиться на иныхъ, публично-правовыхъ, основанiяхъ.

Что широкое развитiе кооперативной аренды, связанное съ совмѣстной обработкой земли въ различныхъ формахъ и на различныхъ стадiяхъ с.-хоз. производства,—не утопiя, а вполнѣ реальная возможность, показываетъ не только англiйскiй планъ нацiонализацiи выкупленной государствомъ земли и передачи ея въ аренду кооперативамъ изъ уволенныхъ солдатъ и ихъ семей,—тутъ еще можно ссылаться на высокую культурность англiйскаго народа,—но и фактъ распространенiя кооперативной аренды въ такихъ малокультурныхъ странахъ, какъ Румынiя и Сицилiя. Рядъ льготъ, планомѣрное руководство и организованное содѣйствiе, несомнѣнно, и въ Россiи могутъ выдвинуть кооперативную аренду въ рядъ наиболѣе могущественныхъ средствъ для подъема производительности сельскаго хозяйства.

Слѣдовательно, опять-таки, во имя развитiя производительныхъ силъ необходимо, чтобы земельный фондъ, предназначенный для удовлетворенiя безземельныхъ крестьянъ, не распылился въ мелкой индивидуальной собственности, а, оставаясь государственнымъ достоянiемъ, предоставлялся въ долгосрочную, можетъ быть, даже столѣтнюю, аренду нуждающимся въ землѣ крестьянамъ, причемъ тѣмъ изъ нихъ, которые согласятся брать землю и обрабатывать ее на товарищескихъ началахъ, слѣдовало бы предоставить льготы по выплатѣ арендной платы, с.-хоз. кредитъ, усовершенствованныя орудiя и пр.—словомъ, весь аппаратъ современной агрикультуры вмѣстѣ съ организованной помощью агрономовъ и кооперативовъ. Новое вино требуетъ новыхъ мѣховъ...

Итакъ, переходъ „отъ паденiя къ прыжку" въ сельско-хозяйственной сферѣ осуществимъ: онъ требуетъ лишь выполненiя двухъ задачъ: уничтоженiя *крестьянскаго малоземелья,* поскольку оно возможно по размѣрамъ доступнаго отчужденiю у насъ земельнаго фонда, и *соединенiя земледѣльческаго труда* при посредствѣ широкаго распространенiя кооперативной аренды и обработки земли. Это—основныя задачи аграрной политики, выдвигаемыя на авансцену войной и ея послѣдствiями. Къ нимъ примыкаетъ рядъ задачъ *текущей* политики, въ сферѣ агрикультуры, рыночныхъ отношенiй, мелiорацiй, переселенiя, землеустройства, въ достаточной мѣрѣ уже проясненныхъ и провѣренныхъ опытомъ послѣднихъ лѣтъ и представляющихъ, вмѣстѣ съ основными, элементы современной *аграрной программы,* къ выработкѣ которой жизнь настойчиво толкаетъ уснувшую общественную мысль.

Н. Огановскiй.

ВЕСНОЮ.

Разсказъ.

Лиловый снѣгъ! Бываетъ же, чтобъ такъ повторялись минуты! Вотъ точно такъ, много лѣтъ тому назадъ, Марья Павловна испуганно кинула охапку дровъ и они съ трескомъ разлетѣлись по обледенѣвшей у полѣницы тропочкѣ... Точно такъ же нагнулась къ ноздреватому, ярко лиловѣвшему снѣгу и пошарила въ немъ озябшей рукой. И, какъ тогда, запестрѣли передъ глазами мокрые клочки съ расплывавшимися буквами. И, когда мчалась къ дому, старенькая, худая, съ выбившимися сѣдыми волосами, въ рваной коричневой шали, ставшей совсѣмъ рыжей—думала: «Такъ же, какъ Костя, погибнетъ Сашенька».

Еще рано. Саша спитъ, свернувшись въ комочекъ, на короткой кушеткѣ. На столѣ, среди книгъ, лежатъ стопочкой таинственныя аккуратныя пачки, и у Саши, возлѣ ребячьихъ сонныхъ губъ, чуть замѣтное пятнышко тѣхъ же лиловыхъ чернилъ...

Въ кухнѣ Леша возился съ самоваромъ, щипалъ старательно лучину и мурлыкалъ что-то... высокій худенькій мальчикъ, коротко стриженый, съ веселыми глазами... И отъ его старанья, и мурлыканья, и веселыхъ глазъ—дрогнула Марья Павловна жалостью къ нему. Но вмѣстѣ съ жалостью — злость: все онъ куралеситъ, онъ старшій. Сашѣ только шестнадцать сравнялось! Не давъ накинуть шинелишки, такъ и потащила его, недоумѣвающаго, черезъ дворъ, къ полѣницѣ.

— Вотъ изволь, любуйся... ваши труды... Мало мнѣ, видно, что одинъ сынъ въ Сибири...

И еще хотѣла что-то сказать, но задохнулась и наклонилась надъ дровами, чтобъ Леша не увидалъ слезъ. Леша постоялъ, посмотрѣлъ, проворчалъ сердито:

— Эхъ, Санька! Нашелъ куда бросить!

Разсовалъ клочки по карманамъ, затопталъ снѣгъ, стряхнулъ съ полѣницы пушистые сверкающіе хлопья и сказалъ ласково:

— Ну, вотъ и все, тетя. До Сибири намъ далеко, вы не думайте. А Саньку я выругаю.

Марья Павловна отерла слезы краемъ той же вѣчной шали. Будто спокойнѣе стало, когда исчезли лиловыя пятна... А Леша ужь мчался къ крыльцу, на-перегонки съ лохматымъ сѣдымъ Шарикомъ, ошалѣвшимъ отъ солнечнаго утра.

— Вставай, Санька! Пора идти.

Морозъ и солнце. Голубѣютъ и искрятся сосульки, и узкая улица—сплошной сугробъ, только посреди лоснится наѣзженный слѣдъ дровней. Весело! Хочется кинуться на хрустящій искрящійся снѣгъ или помчаться, утопая въ сугробахъ, внизъ, къ рѣкѣ... да и нѣтъ ужь рѣки—одна бѣлая равнина.

Саша пробирался сзади. Жался въ короткой шинелькѣ и башлыкъ надвинулъ низко — одни глаза, мечтательные, подъ снѣжными рѣсницами, видны.

Шли и переругивались мирно. Леша упрекалъ:

— Ты, Сашка, неконспиративенъ! И мать напугалъ, и другіе увидѣть могли... и вообще глупо!

А Саша оправдывался смущенно:

— Что-жъ... я зарылъ глубоко... да они слиняли... Ужъ ты пожалуста **е м у** не говори!

— Доложу непремѣнно! Вотъ, молъ, имѣйте съ нами дѣло... Ну, скажетъ, — мальчишки и щенки, идите, откуда пришли!

И на ходу, захвативъ снѣга съ высокаго сугроба, обернулся неожиданно и кинулъ въ Сашу, всего запорошилъ. Неслись съ хохотомъ мимо низенькихъ укутанныхъ снѣгомъ домовъ. Опомнились въ полѣ. Занесло дорогу, всю ночь мятелило—лишь по телеграфнымъ столбамъ выбирали, гдѣ держаться. Далеко залегли бѣлыя поля, и смутно синѣетъ лѣсъ, и ужь не видно города... только соборъ, бѣлый, на фонѣ блѣднаго неба и снѣга, блеститъ золотомъ креста.

— Да, какой-то онъ, Трифонычъ?..—сказалъ Саша мечтательно.

— Говорятъ, молодой еще... Многое говорятъ. Ну, увидимъ.

И жутко было. Вотъ жили сами по себѣ и какія-то немудрыя гимназическія дѣла вершили... лиловыми чернилами вы-

водили размашистыя строчки и лимономъ да луковымъ сокомъ писали письма «съ товарищескимъ привѣтомъ». Но это все свое, мальчишеское... такъ, простенькое... вотъ, какъ Сашкины стихи въ гимназическомъ журналѣ...

И вдругъ,—новое и большое... и будто ужь взрослое... и Трифонычъ пожелалъ съ ними встрѣтиться, и вотъ они—пароль на-готовѣ—подходятъ къ мельницѣ. Занесло ее снѣгомъ, повисла на опущенныхъ крыльяхъ тяжелая бахрома... жаромъ горитъ замокъ и желѣзный листъ у дверей. Повернули за уголъ, а навстрѣчу Трифонычъ... «здравствуйте» говоритъ. Такъ безъ всякаго пароля и вышло.

Былъ онъ тонкій да невысокій, въ теплой курткѣ (въ такихъ ходили всѣ заводскіе)... высокая барашковая шапка, и голубымъ платочкомъ замотана шея. Глаза простые, синіе, и весь—румяный, открытый морозу, съ свѣтлыми усиками и сверкающими въ улыбкѣ зубами. Такъ—молодой рабочій... и непохоже, что за нимъ сложная и большая жизнь! Осмотрѣлъ зорко и весело, сказалъ, улыбаясь:

— Вотъ вы какіе...

И повелъ черезъ дорогу къ кирпичнымъ сараямъ. Сараи длинные, хмурые. Бѣлѣютъ снѣжныя полосы на выбитой глинистой землѣ, легко вздрагиваетъ паутина въ щеляхъ и серебрится сухая, шуршащая трава у пролетовъ.

Усѣлись на промерзлой соломѣ, а Трифонычъ все ходитъ отъ стѣны къ стѣнѣ ровнымъ и четкимъ шагомъ... «Тюремная привычка»,—рѣшилъ Леша. Скрипитъ ловко прилаженными сапогами, весь ловкій, складный, и говоритъ:

— Ну, вотъ... Не хотѣлъ я съ вами знакомиться. Признаться, отъ учащихся немногаго жду. Да вотъ слышу и слышу про васъ—парнишки, молъ, зашевелились! Ну и не вытерпѣлъ!

И засмѣялся звонко. Стало просто. Такой же мальчикъ—надѣть на него шинель и фуражку—за гимназиста сойдетъ! А потомъ, вдругъ, пересталъ улыбаться и сталъ серьезный, какъ будто—постарѣвшій даже—Только вотъ, объ одномъ прошу—не вводите въ работу женщинъ. Это обидно, что такъ говорить приходится. Но такъ надо. Пойдутъ проводы, встрѣчи и романы. Обо всемъ этомъ хорошо въ стихахъ пишутъ... Но намъ нельзя. Отъ прошлыхъ ошибокъ уберечься надо, слишкомъ много ихъ было.

И, остановившись у двери, передъ снѣжной блестящей ширью полей—повторилъ холодно:

— Прошу васъ, не туманьте наше дѣло романами!

Саша улыбнулся весело и одобрительно. А Лешѣ хотѣлось обидѣться и сказать что-то колкое... Но подумалъ смутно:

«Правъ онъ, пожалуй... дѣйствительно, если влюбленность...» И забилось сердце взволнованно и виновато, хоть и влюбленъ не былъ.

— Это хорошо, отъ любви отреченье!—говорилъ Саша, когда шли обратно,

— Чудесно!

— Стихи, поди напишешь, благородный рыцарь!—ворчалъ Леша шутливо, но тоже думалъ:

«Отреченіе — чудесно! Эхъ, двинемъ мы горы съ Трифонычемъ! И по-новому двинемъ!».

Марья Павловна поджидала мальчиковъ, неспокойная. Вотъ убѣжали по какимъ-то своимъ дѣламъ. «Хорошо сегодня на лыжахъ кататься!» Знаетъ она теперь эти лыжи!... Ходила по маленькимъ комнатамъ. Скосились полы... Снѣгомъ занесло низкія окна, и днемъ полутемно и тихо, какъ въ сумерки. Высокіе фикусы... столики съ вязаными салфетками... Костины книжки въ шкапикѣ, и надъ диваномъ портретъ покойнаго мужа. Молодымъ снятъ... Худое лицо... старинные воротнички... и волосы откинуты, и глаза нездѣшніе. Такіе же у сыновей. Внутренне гордилась ими—и тѣмъ, что старшій въ Сибири, и тѣмъ, что Сашенька стихи пишетъ... Но столько боли и отчаянной женской тревоги приняла она съ обоими, что думала строптиво: «Господи, ужъ были бы, какъ всѣ!» И поглядывала безпокойно въ окно.

На дворѣ Люба Гудкова возится съ собаками. Черноглазая, въ драповомъ пальтишкѣ съ короткими рукавами... высунулись голыя озябшія руки, и изъ-подъ красной вязаной шапки лохматятся капризные вихры. Бѣгаетъ по сугробамъ и скачутъ за ней собаки.

И не похоже, что шестнадцать лѣтъ!

И подумала Марья Павловна про Гудковыхъ что-то обиженное и сердитое.

Темная квартира у Гудковыхъ... Въ прихожей бокомъ торчатъ ощипанные диваны, въ гостиной—пыльные олеандры и рояль, всегда открытый, съ желтыми клавишами, и круглый столъ съ ворохомъ растрепанныхъ альбомовъ... Сухо лаютъ и бросаются подъ ноги старыя таксы.

Евгеніи Михайловнѣ—пятьдесятъ съ лишнимъ. Волосы краситъ до лоска, и глаза блестятъ, говоритъ быстро и обиженно и куритъ безъ счета тонкія папиросы. Какъ-то непонятно все... Будто и недавно—была первая дама по уѣзду, ѣздила на тройкахъ и головы кружила своимъ судейскимъ.

и деньги откуда-то шли безмѣрно. И вотъ, словно провалилось все... только и осталось, что куча хлама, да таксы!..

Дѣти... Старшая, Анна—актриса. О, сколько было шума, истерикъ и проклятій и словъ о родительскомъ гнетѣ! Блѣдная... желтые волосы распутались... въ глазахъ страданье... «Я не смѣю губить свой талантъ, я отвѣчаю за него передъ Богомъ!»—Это «тотъ» научилъ, трагикъ, игравшій Отелло.

Ну, что-жъ, примиреніе и проводы... Пили шампанокое на маленькомъ вокзалѣ. Бритые люди изъ заѣзжей труппы кричали яростно: «На новую жизнь!» «Къ свѣту!» А помѣщикъ Владиміръ Петровичъ, тотъ, что уѣхалъ за ней слѣдомъ, раззорился и мыкается гдѣ-то,—тогда, молодой и праздничный, кидалъ цвѣты къ ея ногамъ, на площадку вагона и говорилъ восторженно спутанныя рѣчи... Теперь она на маленькихъ роляхъ, въ провинціальныхъ театрахъ. Все интриги, интриги... и все друзья... Отъ кого-то изъ нихъ Борька, плаксивый мальчикъ... тутъ же, въ хламѣ, подымается, какъ вялая и больная травка.

Младшая—Люба весело и вольно росла. Съ мальчишками—Лешей и Сашей, въ валенкахъ, катается на деревянныхъ конькахъ. Несутся по улицамъ съ гикомъ: «Ай да барышня Гудкова,—скажетъ укоризненно чья-нибудь нянька—и не стыдно!» Разсмѣется и катитъ дальше. И вѣчно собаки сворой. Въ гимназіи у подругъ грозно требуетъ дани хлѣбомъ для голодныхъ, всегда поджидающихъ, дворнягъ.

Забѣгутъ на дровяной складъ, тѣсный и таинственный отъ путаныхъ узкихъ коридоровъ, межъ дровами. Заберутся на дрова и шагаютъ по-верху, смотрятъ на сосѣдніе дворики, сжатые сѣрыми заборами, на снѣжныя крыши и голыя березы въ тихихъ бѣлыхъ садахъ. Иной разъ вывернется изъ-подъ ногъ полѣно, гулко стукнетъ, и гдѣ-то близко, сзади, разсыпятся потревоженныя дрова. Захолонетъ на мигъ сердце и вспомнится угроза: «Погодите, озорники, переломаете ноги!» Но что-то звонко кричитъ опередившій всѣхъ Леша, и нѣтъ ужъ страха. Весело съ разбѣга перелетѣть на сосѣднюю полѣницу, и такъ съ одной на другую, вдоль всего длиннаго безлюднаго склада... А за складомъ—глухой пустырь, весь въ овратахъ и застывшихъ болотахъ, надъ которыми клонится высокій сухой аиръ и гибкія, словно ужъ весеннія, вербы. Обратно бѣгутъ низомъ, разными коридорами. Темнѣетъ, и конца нѣтъ угрюмымъ шаткимъ стѣнамъ... и кажется—запутаешься, пропадешь... и весело выбѣжать на свѣтлую скользкую площадку передъ воротами.

Въ сумеркахъ подстерегутъ мужика съ базара.

— Дяденька, покатай!

— Ну, полѣзайте.

Прикурнутъ на самомъ краешкѣ мягко скользящихъ дровней и сидятъ тихонько, жмутся другъ къ другу. Пахнетъ морознымъ сѣномъ, овчиной, погромыхиваетъ что-то на передкѣ и шевелятся узелки съ баранками. Хорошо ѣхать по темнѣющимъ окраиннымъ улицамъ... За «столбами» вылѣзутъ и сонные побредутъ домой. А ночью снится крутой Романовскій спускъ, и снѣжные пустыри, и жуткій, весь въ трещинахъ, ледъ у Гордѣевской фабрики.

По лѣтамъ—разбой. Наберутъ ребятъ со всей улицы—и въ лодку. Такая была утлая лодчонка, безъ скамеекъ, съ кривыми веслами. Живо перемахнутъ рѣчку, всю заросшую кувшинками и цѣпкой, путающей весла, травой. Спрячутъ лодку въ ивнякъ и тихонько, припадая къ землѣ, проберутся къ Воробьевскимъ огородамъ. Верховодятъ Леша и Сенька Плотниковъ,—впереди ползутъ, дѣлаютъ знаки—отпрянуть или выстроиться. А Саша сзади, смотритъ на траву, на небо, на рѣчку, сверкающую подъ откосомъ... Люба толкнетъ его тихонько—«подвигайся»,—и онъ опомнится. У сторожки бабы и самъ Воробьевъ, кривой старичишка въ бѣломъ картузѣ, бѣгаютъ собаки на длинныхъ веревкахъ. Колотится сердце, руки путаются въ колючемъ осотѣ.

Что можетъ быть вкуснѣе краденаго корявaго огурца?

Распредѣляли добычу по картузамъ и карманамъ и мчались съ откоса къ челноку. Лихо гребли и пѣли:

Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина работнички...

А съ берега кричалъ что-то гнѣвное Воробьевъ и растерянно суетились бабы.

Замечтался разъ Саша, отъ своихъ отсталъ и очутился въ жилистыхъ крѣпкихъ рукахъ. Тряхнулъ его Воробьевъ и сказалъ обрадованно:

— А, голубчикъ! Попробуешь ты у меня крапивы.

Но разглядѣвъ гимназическую фуражку, раздумалъ.

— Ты чьей фамиліи?

— Сергѣевъ.

— Это Марьи Павловны сынокъ!—ввернула баба, хитренькая, маленькая, съ темными старушечьими губами и морщинками возлѣ острыхъ глазъ. А другая, молодая и голубоглазая, добавила весело:

— Такъ вдова тутъ одна бѣдная, чиновница. У нихъ другой сынъ въ Сибири.

— Ну, и этотъ до Сибири допрыгается!

И загорѣлось дѣло.

Частный повѣренный Марковъ, ненавистникъ и «искоренитель», писалъ въ «Н-скомъ листкѣ» такъ:

«Сынъ вдовы Сергѣевой, ученикъ четвертаго класса, братъ лица, обвиненнаго по статьѣ, карающей политическія преступленія каторгой,—замѣченъ въ систематическомъ хищеніи огурцовъ. При чемъ оный Сергѣевъ руководитъ цѣлой шайкой, поставившей себѣ цѣлью—нападенье на окрестные огороды».

— Въ колонію малолѣтнихъ преступниковъ его надо!—разсуждали въ городѣ. И, хоть такой ужъ обычай былъ заведенъ въ Н., что огурцы съ Воробьевскихъ огородовъ да яблоки изъ казначейскихъ садовъ нельзя было не воровать—такъ ужъ на этомъ всѣ взросли,—тутъ вдругъ заволновались. Вспомнили недавнее и заёжились испуганно.

— Экспропріація-съ — твердилъ учитель чистописанья Булкинъ.

— Отъ попустительства—большой вредъ можетъ быть!

И мѣщане изъ слободы говорили успокоенно:

— Это тебѣ не пятый годъ, нѣ-ѣтъ! Видѣли мы такихъ отчаянныхъ!

Марья Павловна глазъ не осушала. Саша недоумѣвалъ. Люба запертая сидѣла. За всѣхъ старался Леша.

Ходилъ озабоченный и похудѣвшій и все думалъ, какъ выручить Сашу. Пошелъ къ единственному «высланному», студенту Митрюкову. Митрюковъ, рыхлый, розовый, въ вышитой рубашкѣ безъ пояса, сидѣлъ въ палисадникѣ и помогалъ сестрѣ чистить смородину.

Лешу выслушалъ ласково, потрепалъ по плечу, но ничего путнаго придумать не могъ. Мямлилъ что-то о граняхъ между анархіей и грабежомъ... и, разомлѣвъ отъ жары, жаловался, что вмѣсто «яркаго страданья» — сидитъ на Соборной и пьетъ чай съ вареньемъ. Сестра слушала угрюмо, потомъ сердито засмѣялась, схватила корзину съ ягодами и ушла въ домъ.

Леша посочувствовалъ, помолчалъ и простился.

Долго сидѣлъ на лавочкѣ у чьихъ-то воротъ и думалъ, къ кому еще обратиться. Остановился на чиновникѣ Ѳоминѣ, о которомъ въ городѣ шли почтительные и странные слухи. Говорили, что онъ каждый день учитъ сорокъ французскихъ и сорокъ англійскихъ словъ, исповѣдуетъ буддизмъ, ведетъ на эсперанто переписку съ владѣтельнымъ испанскимъ грандомъ... и состоитъ женихомъ высокопоставленной англичанки, которую заочно плѣнилъ эсперантскими же письмами.

Леша съ Ѳоминымъ знакомъ не былъ и довѣрія къ нему питалъ меньше, чѣмъ къ Митрюкову, но нравился ему гордый его видъ, таинственная эсперантская звѣздочка и фантастическіе слухи. Сидя въ кабинетѣ Ѳомина, смотря на гипсоваго Наполеона въ углу, на солнечныя пятна, свѣтло и мятко кравшіяся

изъ-за спущенныхъ зеленыхъ гардинъ,—онъ разсказывалъ смущенно объ огурцахъ и о Сашиной возможной гибели... А Ѳоминъ, странно-высокій и узкій, нетерпѣливо постукивалъ пальцами о край стола. Потомъ всталъ и, глядя въ упоръ спокойными глазами, разъяснилъ сухо и запутанно, что «проступки должны караться», назвалъ Лешу «молодымъ человѣкомъ» и сказалъ, что «не намѣренъ вмѣшиваться».

Леша разозлился, запрезиралъ и Ѳомина, и Митрюкова и сталъ самъ искать выхода. А когда нашелъ—успокоился, прошелся на рукахъ черезъ весь дворъ и торжественно поклялся Марьѣ Павловнѣ, что Саша не пропадетъ.

Передъ судомъ у Любы и мальчишекъ было совѣщаніе. Въ темную августовскую полночь, крадучись, вылѣзли въ окна и, замирая отъ жути, пробрались въ сосѣдній заглохшій садъ... Тамъ—въ бесѣдѣ подъ грибомъ—всегда держали совѣты. Пахло влажной землей и стучалъ о крышу дождь. Было жутко, таинственно и странно весело сидѣть, тѣсно прижавшись, на полу и говорить шепотомъ... Леша открылъ планъ:—«если осудятъ Сашку—бѣжимъ. Ну, въ Америку, такъ или нѣтъ—не знаю. Куда-нибудь да дѣнемся! Можно на пароходъ поступить!».

Саша обрадовался чрезвычайно, засмѣялся, завозился въ темнотѣ. Люба спросила робко: «А я?» И хоть Леша рѣшилъ раньше (онъ планъ вырабатывалъ тщательно и очень серьезно), и по плану выходило, что Любу брать не надо, — тутъ вдругъ показалось невозможнымъ ее оставить. И сказалъ сердито:

— Ну, и ты съ нами!

Было такъ весело, что хотѣлось смѣяться и громко говорить. Но сдерживались и разсуждали серьезно. И рѣшено было — если осудятъ — завтра, въ полночь встрѣтиться за городскимъ садомъ. Было грустно, было жаль оставить родное и привычное, но такимъ волнующе-прекраснымъ казалось все—и эта ночь, звѣздная и дождливая, и пароходъ, и большія рѣки, и какая-то страна, не то Америка, не то другое что, необычайное и широкое.

Сашу оправдали. И въ гимназію приняли снова. И какъ-то затихло все, и долго было жаль, что не пришлось бѣжать. Зимой мальчиковъ вдругъ перестали занимать коньки и ледянки. И напрасно Люба стучала къ нимъ въ окно. Выбѣгалъ Саша, ежился отъ холода и говорилъ разсѣянно:

— Мы, Любочка, занимаемся.

На слѣдующее лѣто уѣхали въ Заиванье.

Тянулись тамъ на многія версты лѣса, сверкали въ низинахъ глухія озерца, а въ селѣ, въ каждомъ домѣ, писали ико-

ны... и люди были медленные, неговорливые и во-всемъ глубокое и задумчивое спокойствіе.

Дядя—высокій, молчаливый, за вольнодумье разстриженный дьячекъ — писалъ печальные и строгіе лики... и чудесныя краски ложились подъ кистью блаженненькаго Вани, сына купца-краснорядца, безшумнаго и ласковаго юноши, похожаго на ребенка. Тихо и мечтательно шли дни.

Саша, таясь, писалъ стихи, читалъ Шпильгагена и удивлялся и радовался всему. А Леша смѣялся надъ стихами и Шпильгагеномъ, жилъ по какому-то мудреному и суровому расписанью... и фуражку сталъ носить особенно, и вырѣзалъ себѣ бѣлую палку, ко всему присматривался и улыбался чему-то.

По вечерамъ долго сидѣли на крылечкѣ. Вѣяло гарью—горѣли лѣса и видно было, какъ по оврагамъ прячется желтое пламя. Изъ-за погоста, гдѣ лагеремъ стали пріѣхавшіе на сѣнокосъ хуторскіе,—тянулась скучная и плачущая пѣсня. И тихо разсказывалъ дядя о своей обиженной жизни. Мальчики слушали и думали удивленно о томъ, какъ робко и безрадостно живутъ люди.

Шли въ горенку, гдѣ пахло красками и кипарисомъ и со стѣнъ, съ застывшими смоляными слезами, смотрѣли новые одинаковые лики. И до разсвѣта не спали отъ волнующаго предчувствія жизни.

Вернулись и зажили по новому. Носили откуда-то толстыя книжки, говорили на таинственномъ выдуманномъ языкѣ и ночью Леша пугалъ Сашу вопросами:

— Трансцендентный или трансцедентальный?

Передъ Рождествомъ имъ поручили хранить тайную гимназическую библіотеку, переходившую изъ поколѣнья въ поколѣнье. Старенькія это были книги и вѣяло отъ нихъ прекраснымъ и гордымъ прошлымъ, и было радостно думать, что ихъ когда-то, волнуясь, читалъ Костя... И когда ночью, на салазкахъ, мальчики перевозили библіотеку черезъ спящій городъ—имъ казалось, что совершается пріобщеніе къ чему-то большому.

Приходилъ Миша Ивановъ, бѣленькій суетливый пятиклассникъ, выбиралъ книгу и спрашивалъ робко:

— Леша, а «мелкое» нужно?

Леша поглядывалъ сердито и внушалъ:

— Читай все. Это тебѣ не Иловайскій!

И чувствовалъ себя взрослымъ и увѣреннымъ.

Съ Любой ужъ не о чемъ было говорить.

Иногда, по вечерамъ, она заглядывала тихонько въ окно, въ край, гдѣ отстала занавѣска.. Читаютъ «умныя» книжки!

Пожимала плечиками и думала зло: «Ну и пусть читаютъ, пусть умничаютъ! А я вотъ не буду, на зло не буду!»—И, чувствуя острую вражду и боль, ласкала единственнаго друга, облѣзлую и злую дворнягу.

При встрѣчахъ Леша приподымалъ фуражку и спрашивалъ насмѣшливо:

— Такъ и болтаешься?

Щурила темные глаза, сдвигала на затылокъ красную шапку и отвѣчала холодно:

— Такъ и болтаюсь.

Въ гимназіи сидѣла на послѣдней скамейкѣ. Высокая, неуклюжая, съ лѣзущими на глаза черными волосами. Двойки получала со стоическимъ равнодушіемъ. Подруги хоть и звали ее за стриженые волосы и неустрашимую храбрость «Борисомъ», сторонились.—Рѣзкая и угрюмая... возится съ собаками, да читаетъ романы. Читала и «Тайны Мадридскаго двора», и «Трехъ Мушкатеровъ», и «Родину», и неизвѣстныя, безъ конца, безъ начала, увлекательныя затрепанныя книги.

Но въ эту весну пришло что-то новое. Затихла и стали внимательнѣй и глубже глаза, и слабый румянецъ появился.

И легла застѣнчивая улыбка у безпокойнаго нѣжнаго рта.

Скучно ей стало отъ всего,—отъ темныхъ комнатъ, и жалостныхъ материнскихъ разговоровъ, и отъ ревущаго, всегда обиженнаго, Борьки... и отъ пыльнаго класса, и спокойныхъ дѣвочекъ, и воркотни классныхъ дамъ.

И надоѣли жестокіе романы о безнравственныхъ герцогахъ и обиженныхъ поселянкахъ... Хотѣлось говорить дерзости и куда-то, очертя голову, кинуться и влюбиться не то въ техника Дивинскаго, съ тонкими усиками и кривой улыбкой, не то въ красавца-псаломщика...

Или отравиться и умереть... Но, когда представляла себѣ какъ будетъ стоять гробъ въ гостиной подъ олеандрами, и станетъ плакать мать, и зашепчутся недоумѣло гимназистки, и какъ Леша съ Сашей забѣгутъ посмотрѣть, вздохнуть, можетъ быть, и уйдутъ—становилось скучно и зло. И томилась странной тоской и ненавистнымъ казался домъ. И опять хваталась за оборванныя книжки или, созвавъ собакъ, ходила по весеннимъ сумрачнымъ улицамъ, не чувствуя весны.

На Страстной пріѣхала Анна. Мать всегда плакала въ эти рѣдкіе пріѣзды. И все въ этихъ слезахъ было.—И то, что своя молодость ушла, и, хоть была неумной и веселой, нечѣмъ ее вспомнить, и то, что Анна обижена, замучена, играетъ гдѣ-то горничныхъ... и печальны и не молоды губы, и который ужъ

годъ пріѣзжаетъ въ этой красной шубѣ съ грязнымъ кисло-пахнущимъ мѣхомъ. И было обидно, что вотъ тогда, давно, не послушала, уѣхала, запуталась въ мелкихъ любовныхъ исторіяхъ и стыдно передъ сосѣдями за всѣ тѣ слухи, которые ходятъ о ней...

И Аннѣ хотѣлось плакать и жаловаться, но вставалъ стыдъ и раздраженье, и казалось, что чѣмъ-то ея жизнь испортила и отравила эта суетливая легкомысленная старуха.

Но обѣ сдерживались.

— Тебя Боря ждетъ!

Кололо что-то непріятное и настойчивое. Ахъ, нѣтъ любви къ сынишкѣ. Что-то докучное и случайное напоминаетъ онъ, то, что хотѣлось бы забыть. Но сказала нѣжно...

— Я ему игрушекъ привезла.

Мальчикъ, блѣдненькій, съ несмѣлыми свѣтлыми рѣсницами, цѣплялся за платье. Ужъ готовъ былъ заплакать. Схватила его на руки и подняла. Вотъ близко испуганные безцвѣтные какіе-то глаза и жиденькіе волосы въ жалкомъ неровно подстриженномъ чубикѣ. Нѣтъ, нѣтъ любви... даже чуть брезгливость,..

Поцѣловала и освободилась отъ цѣпкихъ ручекъ.

Но милымъ и желаннымъ все казалось... Все старыя родныя вещи. Альбомы въ истертыхъ бархатныхъ переплетахъ (въ дѣтствѣ любила гладить ихъ «противъ шерстки»), и олеандры, и желтые клавиши, на которыхъ такъ скучно было играть упражненія Ганона. Но, все осмотрѣвъ и поплакавъ, начала тосковать. Казалось—не то все... просто—стертое и жалкое...

Пошла въ дѣтскую. Борька спитъ съ открытымъ ртомъ и тяжело дышитъ. Люба, на кровати, читаетъ затрепанную книгу.

Остановилась передъ ней.

— Ты все романы читаешь, Любочка?

— Что жь мнѣ читать?

— Ну, Бѣлинскаго, что-ли... Мы въ шестомъ классѣ серьезное читали...

Люба вскинула насмѣшливый и недобрый взглядъ, такъ съ ногъ до головы оглядѣла и заслонилась книгой.

— «Звѣренокъ какой-то!» подумала жалобно Анна, и такъ тоскливо стало, что хотѣлось накинуть красную шубу и опять туда—къ интригамъ, къ грязнымъ гостиницамъ, маленькимъ ролямъ—только безъ муки покаянья и тоски.

Но вспомнила, что не была внизу, у Марьи Павловны.

Долго оправляла передъ зеркаломъ прекрасные волосы и пудрила лицо, и мѣняла алую кофточку съ продранными локтями—на бѣлую.

———

Марья Павловна встрѣтила нѣжно, усадила въ горбатое креслицо и вглядѣлась внимательно.

— Похудѣла ты, Анечка! Тяжелая, видно, жизнь?...

Казалось, что вотъ только она и понимаетъ, что тяжелая жизнь, и ей хотѣлось жаловаться простыми и грустными словами, не какъ матери, а какъ-то глубже и нѣжнѣй. Но гордо улыбнулась и сказала:

— Я люблю искусство больше жизни!

Марья Павловна разсказывала не спѣша о Костѣ.—Годъ еще осталось отбыть. Потомъ—на вольное поселенье.

Пишетъ—здоровъ и веселъ. А кто его знаетъ.—Онъ съ дѣтства сдержанъ и терпѣливъ.

Потомъ долго сидѣли молча. Анна вспоминала смутно далекое—то, что было до театра... тотъ же дворъ и эти вонъ низенькія комнаты... и застѣнчиваго неловкаго мальчика. Была его старше и рано угадала любовь... Грезила тогда сценой и влюблена была не то въ трагика изъ малороссійской труппы, не то во Владиміра Петровича.

Но нравилось, что есть вотъ такой влюбленный, красивый и тихій мальчикъ, и иногда любила дразнить его незначущимъ нѣжнымъ словомъ.

И только потомъ, когда онъ уже былъ въ тюрьмѣ, а ея жизнь покатилась стремительно и печально въ пустоту—показалось, что милъ и дорогъ онъ...

И было жаль чего-то... И такъ хорошо вспомнить...

А Марья Павловна думала печально о Костѣ:—однолюбъ онъ... черезъ много лѣтъ пронесъ эту любовь къ «пустой дѣвченкѣ»... И въ короткихъ и рѣдкихъ письмахъ неизмѣнный вопросъ,—гдѣ Анюта.

Вошли мальчики. Договаривали весело что-то свое.

Анна задержала Сашину руку, заглянула въ мечтательные глаза...

— Какъ на брата похожъ!

— Да, похожъ, похожъ. Ну, идите, мальчики! Иди! Сашенька!

Испугалась—а ну, какъ и младшаго очаруетъ на-вѣки!

— Такъ вы поклонитесь Костѣ!

— Поклонюсь.

И когда ушла—писала Марья Павловна Костѣ матерински—жестокія слова: «Анюта поблекла и стала какая-то грубая и жалкая... Да и то сказать — актриса никудышная, а живнь живетъ съ кѣмъ попало».

Пріѣхалъ Владиміръ Петровичъ. И, какъ всегда, была ревнивая и громкая ссора. Истерически кричала Анна, слезливо и растерянно упрекалъ онъ, а мать металась по гостиной, въ дрожащихъ пальцахъ мяла недокуренныя папиросы и говорила

гупыя и горькія слова. Отчаянно ревѣлъ поставленный въ уголъ Борька, и Люба смотрѣла на все злыми, полными слезъ, глазами.

Но къ сумеркамъ устали отъ крика, упрековъ и плача, помирились, и Владиміръ Петровичъ, съ повисшими мягкими усами, жалкій и милый въ своей бархатной мальчишеской курточкѣ, повеселѣлъ, сыгралъ фальшиво и нѣжно на желтыхъ плачущихъ клавишахъ два вальса Шопена и откуда-то принесъ лиловыхъ гіацинтовъ.

И стало такъ мирно и празднично, что хотѣлось еще большаго успокоенія и умиленности.

Анна съ матерью ушли въ церковь.

Люба и Владиміръ Петровичъ въ гостиной...

Прибрала она, и не лѣзетъ изъ угловъ хламъ, и пахнутъ гіацинты, и изъ дѣтской, отъ голубой лампадки, тянется въ сумерки мягкая и трепещущая полоса.

Смотрѣлъ Владиміръ Петровичъ на Любу. Вотъ такъ, въ профиль, она напоминаетъ Анну, ту, какой была когда-то... И голова кружится, и будто нѣтъ скитаній, и униженій, и ссоръ, и нищеты, и раскаянья, какъ будто жизнь впереди. Склонился надъ задумавшейся Любой. Взялъ красныя ручки—не отошли еще отъ зимнихъ морозовъ, и сѣлъ у ногъ на коврѣ.

Цѣловалъ руки и говорилъ:

«Милая Любочка, гимназистка... Вы не сердитесь и не думайте—«старый пошлякъ»... Смотрю на васъ—и хочется молодости, и, кажется—все бы сдѣлалъ. Слушайте, Любочка, бываетъ же чудо! вотъ, хотите—двери вѣдь не заперты—закутайтесь въ платокъ—и уйдемъ. Куда?... Развѣ я знаю! Совсѣмъ! Хотите, уѣдемъ за границу. Въ Швецію, напримѣръ! Льды и снѣга... И я наймусь рабочимъ... Каменьщикомъ! «Каменьщикъ, каменьщикъ въ фартукѣ бѣломъ!» Или въ Сибирь, на пріиски. Вы не думайте, что это фантазія! Ахъ, Любочка, прелестныя у васъ руки. И на глазахъ слезы... Отчего?

Люба слушала и смѣялась. Было пріятно, что онъ сидитъ у ногъ, въ бархатной курткѣ... И говоритъ что-то нѣжное... И пахнутъ гіацинты.

И когда онъ всталъ и обнялъ тихонько и прильнулъ жадно къ губамъ—она отвѣтила нѣжнымъ и взволнованнымъ поцѣлуемъ. Но вдругъ стало противно отъ запаха табака и частаго дыханія, и смѣшонъ онъ показался. Оттолкнула и убѣжала въ дѣтскую и тамъ, уткнувшись въ подушку, смѣялась и плакала.

Всю ночь не спала, шли оборванныя и грустныя мысли... А на утро рѣшила:

— Пойду въ монастырь. Все равно не сумѣю жить или буду, какъ Анюта...

И было радостно думать о бѣломъ монастырѣ, о тихой и безгрѣшной жизни.

Къ игуменьѣ не пускали долго. И пока стояла въ коридорчикѣ, темномъ послѣ солнечной сіяющей улицы—и слушала, какъ падалъ тяжелый страстной звонъ,—ужь не было радостно и желанно, а просто скучно и чуть жутко.

Игуменья смотрѣла близорукими усталыми глазами, перебирала блѣдными пальцами край бѣлоснѣжнаго платка. Потомъ вздохнула, взглянула куда-то въ окно, въ глубь сада, гдѣ у церкви синѣли лужи и на лужайкѣ изъ-подъ снѣга выглядывали ржавыя пятна прошлогодней травы—и сказала.

— Нѣтъ, безъ вѣры хочешь идти и безъ разумѣнья. Кончай лучше гимназію.

И заговорила озабоченно и ворчливо съ вошедшей келейницей.

Люба шла изъ монастыря. Грустно было и радостно. И все радовало—ручьи текли по улицамъ, и тронулась рѣка, и подъ мостомъ идетъ сдвинутая зимняя дорога въ елкахъ, и въ окнахъ алѣютъ бумажныя розы на куличахъ, и у выбѣленной праздничной часовни продаютъ хрупкихъ восковыхъ лебедей.

И грустно было, вѣдь все осталось тѣмъ же.

На дворѣ Леша, за зиму выросшій, блѣдный, въ распахнутой шинели, гналъ метлой застоявшуюся воду. Жестко и весело трещали и обламывались прутики объ синѣющій ледъ и журчала снѣговая вода. Увидалъ Любу, остановился и сказалъ ласково:

— Откуда? Давно тебя не видѣлъ.

И даже странно стало, что «на ты» назвалъ,—такой она показалась ему взрослой, серьезной и красивой, хоть та же красная шапка на ней и знакомое оборванное пальтишко.

И Любѣ хотѣлось разсказать ему все—и о тоскѣ, и о томъ, что цѣловалась съ Владиміромъ Петровичемъ, и о томъ, что ходила въ монастырь, и что ей очень грустно и хорошо.

А Леша смотрѣлъ на нее, на журчащую воду, на грачей, безпокойно летающихъ надъ почернѣвшимъ отсырѣлымъ сараемъ, и думалъ:

— «Чудесно! Романовъ не надо».

И билось сердце взволнованно и весело.

С. Дамская.

Мигэль Сервантесъ.

(23 апрѣля 1616—1916 г.)

I.

Вступая въ сознательную жизнь, мы не намѣчаемъ заранѣе всего плана ея и не разбиваемъ ее впередъ на главы. Мы не можемъ опредѣлить, что юность наша будетъ такая-то, что въ „годы странствованій“ встрѣтимъ такія-то приключенія и что первая любовь заключится такъ, а не иначе. Вольтеровскій Мемнонъ составилъ себѣ программу только на одинъ день, да и то дѣйствительность совершенно измѣнила первоначальныя намѣренія и подсказала поступки, о которыхъ герой не думалъ. Люди живутъ „безъ плана“, присматриваются къ окружающему, составляютъ себѣ постепенно представленіе о немъ, мѣняютъ свои взгляды на жизнь въ зависимости отъ новыхъ фактовъ, вѣрятъ въ иллюзіи, разочаровываются въ нихъ и придумываютъ другія. И, когда конченъ „подъемъ на гору“, за которой скрывается смерть, когда начинается стремительный спускъ и мы видимъ въ лицо ту, про которую раньше только слышали,—мы, если считаемъ себя мыслящими людьми, пытаемся „разбить на главы“ уже прожитое и найти для него формулу. Тогда это сдѣлать легче, ибо мы всѣ къ концу жизни, какъ на маскированномъ балу къ утру, когда маски сняты.

Сколько такихъ формулъ для пройденнаго пути предложено уже въ разные вѣка и на разныхъ языкахъ! „Что было, то и будетъ; и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться; и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ!“ Жизнь это—„sogno d'infermi e fola di romanzi“, т. е. „сонъ больного и фабула сказки“. „La vie est un songe un peu moins inconstant, — даетъ свою формулу Паскаль (Жизнь—сонъ, только нѣсколько болѣе связный). Великій итальянскій писатель приходитъ къ заключенію, что „жизнь лишь безпрерывное бѣгство отъ мысли о смерти“. „Мы живемъ не такъ, какъ хотимъ, а какъ можемъ“. Тѣмъ, у которыхъ впереди есть

большой подъемъ въ гору, всѣ эти формулы кажутся общими мѣстами. Передъ ними еще много иллюзій, и идущіе вверхъ восклицаютъ вмѣстѣ съ Шиллеромъ:

O Gott, das Leben ist doch schön!

(О, Боже, жизнь прекрасна!). Не такъ смотрятъ тѣ, которые подводятъ итогъ пройденному пути, ибо они вкладываютъ въ старую, какъ міръ, формулу свои собственныя переживанія...

Отраженіемъ всего долголѣтняго опыта геніальнаго наблюдателя является *Донъ-Кихотъ*. Какъ сама жизнь, произведеніе это безъ плана. Авторъ только постепенно присматривается къ самой наружности своихъ героевъ и постепенно понимаетъ ихъ. Сервантесъ, напримѣръ, сперва говоритъ о „длинныхъ ногахъ" Санчо Пансо. Какъ результатъ долгаго жизненнаго опыта, романъ долженъ быть изучаемъ въ связи съ біографіей Сервантеса. Лѣтопись похожденій „хитроумнаго гидальго" начинается абсолютной вѣрой въ иллюзію. Донъ-Кихотъ ѣдетъ искоренять всю неправду, существующую въ мірѣ. Онъ твердо вѣритъ въ существованіе прекрасной дамы и готовъ лучше принять смерть, чѣмъ отречься отъ нея. „Дульцинея Тобозская самая прекрасная женщина въ мірѣ,—глухо говоритъ сраженный рыцарь:—не подобаетъ, чтобы мое безсиліе разрушило эту истину. Ударьте же, рыцарь, копьемъ и отнимите у меня жизнь". Рыцарь Печальнаго образа вѣритъ что личная доблесть можетъ искоренить зло, хотя въ другіе моменты говоритъ о жизни, какъ о великой иллюзіи. „Ничто такъ не напоминаетъ намъ о томъ, что мы въ дѣйствительности, какъ комедія и комедіанты,—объясняетъ Донъ-Кихотъ своему оруженосцу.—Развѣ ты не видѣлъ пьесъ съ королями, папами, императорами, рыцарями, дамами и другими лицами на сценѣ? Одинъ играетъ роль хвастуна, другой—обманщика, тотъ—воина или купца, или честнаго малаго, или влюбленнаго глупца. И когда комедія кончена, когда актеры переодѣваются, то всѣ они становятся равными за кулисами... То же самое происходитъ въ комедіи жизни. Одни играютъ роль императоровъ, другіе — первосвященниковъ, словомъ, столько ролей, сколько можно ввести въ пьесу. Но, когда комедія кончена, т. е. когда жизнь завершена, смерть отнимаетъ у актеровъ всѣ тряпки, отличавшія ихъ во время представленія. Y quedan iguales en la sepultura. (И всѣ становятся равными въ могилѣ)" [1]).

Стремленіе искоренить зло въ мірѣ и создать на землѣ царство справедливости приноситъ рыцарю палочные удары и насмѣшки. Его топчутъ свиньи. Но Донъ-Кихотъ вѣритъ въ прекрасную даму даже тогда, когда видитъ передъ собою, вмѣсто богорав

[1]) „Don Quijote", ч. II, гл. 12.

ной принцессы, толстощекую, и курносую деревенскую дѣвку. И романъ кончается такъ, какъ часто завершается жизнь, т. е. разочарованіемъ. Донъ-Кихотъ вѣрилъ и заразилъ своей вѣрой практичнаго, умнаго, дѣловитаго крестьянина. А передъ смертью рыцарь печально говоритъ своему оруженосцу: „Прости мнѣ, другъ мой, за то, что я тебя увѣрилъ, будто существуютъ еще странствующіе рыцари“. Вотъ та формула жизни, тотъ итогъ, съ которыми могутъ быть поставлены рядомъ выводы Петрарки и Паскаля.

Сервантесъ вступилъ въ сознательную жизнь съ большой вѣрой, онъ смѣло боролся, имѣлъ безчисленныя приключенія. Онъ испыталъ страданія, неволю, бичъ надсмотрщика; надъ нимъ тоже смѣялись; и его, какъ Донъ-Кихота, „топтали свиньи“. Приведу два примѣра. Въ 1613 г. нѣкій Алонсо Фернандесъ де Авельянеда написалъ вторую часть Донъ-Кихота. Литературный пиратъ этотъ не только обобралъ Сервантеса, но обругалъ его еще въ предисловіи. Алонсо Фернандесъ посмѣялся не только надъ бѣдностью Сервантеса, но даже надъ тѣмъ, что тотъ не владѣетъ одною рукою. „Можно подумать, что я потерялъ руку во время попойки или въ дракѣ въ кабакѣ,—отвѣтилъ Сервантесъ въ предисловіи къ второй части Донъ-Кихота. — Рука у меня перебита во время сраженія при Лепанто, гдѣ я дрался за Испанію и за короля“. Или вотъ еще случай, когда Сервантеса „топтали свиньи“. Больной, старый, прозябавшій въ великой нищетѣ, романистъ написалъ сонетъ по поводу пріѣзда въ Испанію англійскаго адмирала Чарльса Говарда. Дѣло шло о мирномъ договорѣ между Англіей и Испаніей. Поэтъ Гонгора, представитель испанскаго футуризма, написалъ злобный памфлетъ въ стихахъ, направленный какъ противъ англичанъ, такъ и противъ Сервантеса. „Лютеранство прибыло къ намъ вмѣстѣ съ шестьюстами еретиками и съ такимъ же количествомъ другихъ ересей. Мы израсходовали въ двѣ недѣли милліонъ червонцевъ на пріемъ еретиковъ. Испанія бѣдна, какъ раньше; еретики, клявшіеся своимъ Кальвиномъ, богаты, а всѣ эти событія воспѣли Донъ-Кихотъ, Санчо Панса и его оселъ“.

Передъ смертью Сервантесъ далъ такую же формулу для жизни, какъ и Донъ-Кихотъ. Формула эта говоритъ о разсѣянныхъ иллюзіяхъ, о грустномъ разочарованіи, о „desengaño“. Это слово означаетъ разочарованіе, но точно оно не можетъ быть передано ни на одинъ языкъ. Итакъ, чтобы понять Донъ-Кихота, мы должны познакомиться съ жизнью автора.

„Иные пишутъ романы; жизнь другихъ — напоминаетъ романъ. О Сервантесѣ можно сказать и то, и другое. Жизнь его была романъ, и этотъ романъ Сервантесъ самъ описалъ“,—говоритъ Джемсъ Фитцморисъ Келли въ своихъ „Chapters on Spanish Literature“. Составители „житія“ какого-нибудь святого непремѣнно давали ему знатное происхожденіе, прекрасное образованіе и бо-

гатство. Такимъ же образомъ поступаютъ біографы знаменитыхъ писателей, ставшихъ уже давно національной гордостью. Испанскіе біографы, напр., составили Сервантесу родословное дерево, восходящее до десятаго вѣка. Въ дѣйствительности, изъ предковъ великаго писателя мы знаемъ только дѣда, провинціальнаго адвоката Хуана де Сервантеса, не нажившаго состоянія и скончавшагося въ серединѣ XVI вѣка. Хуанъ Сервантесъ оставилъ сына Родриго, „доктора“. Собственно говоря, то былъ плохой цирульникъ, лечившій всѣ болѣзни, какъ докторъ Санградо въ *Жиль-Блазѣ*, горячей водой и кровопусканіями. „Докторъ“ Родриго Сервантесъ перебивался кое-какъ. Онъ странствовалъ по деревнямъ и по ярмаркамъ, гдѣ продавалъ лекарства. Бѣдность его увеличивалась вмѣстѣ съ семьей, состоявшей въ концѣ изъ семи человѣкъ.

Четвертымъ ребенкомъ былъ Мигэль, родившійся 29 сентября 1547 г. въ Алкала де-Генаресъ и крещенный 9 октября. Испанскіе біографы, „стыдившіеся“, что величайшій писатель ихъ родины,— самоучка, давно уже пустили въ ходъ легенду о томъ, что Сервантесъ учился въ университетѣ въ Алкала. Одинъ біографъ нашелъ даже списокъ студентовъ съ именемъ Мигэля Сервантеса; но бѣдный, кочующій цирульникъ, съ семью дѣтьми на рукахъ, не могъ дать сыну ни университетскаго, ни вообще какого-нибудь образованія. Родриго Сервантесъ долженъ былъ кочевать изъ Алкала въ Вальядолидъ, изъ Вальядолида въ Мадридъ, изъ Мадрида въ Севилью. Мальчикъ Мигэль провелъ нѣкоторое время (очень недолгое) въ іезуитской школѣ въ Севильѣ. Такъ какъ отецъ не могъ платить за сына, то мальчикъ скорѣе былъ на побѣгушкахъ у отцовъ іезуитовъ, чѣмъ ученикомъ ихъ. Сервантесъ прошелъ другой университетъ,—университетъ жизни. Свои знанія авторъ Донъ-Кихота черпалъ, когда удавалось, изъ книгъ. До тѣхъ поръ, покуда не началась у Сервантеса жизнь, полная приключеній, онъ читалъ много, и отраженіе этого чтенія мы находимъ во всѣхъ произведеніяхъ его.

Что же именно читалъ Сервантесъ? Прежде всего, какъ всѣ провинціальные юноши того времени, онъ воспитался на рыцарскихъ романахъ. Въ шестой главѣ первой части *Донъ-Кихота* мы находимъ подробный обзоръ наиболѣе популярныхъ тогда произведеній этого рода. Въ первую голову, конечно, идетъ знаменитый *Амадисъ Гальскій*, написанный въ XIV вѣкѣ (Авторомъ его былъ португалецъ Васко де Лобейра). Когда священникъ собирается бросить въ огонь *Амадиса Гальскаго*, Сервантесъ, устами цирульника Николая, говоритъ: „Нѣтъ, мой другъ не жгите. Я слышалъ, что *Амадисъ*—лучшая книга этого рода. Ее надо поэтому сохранить, какъ особенный родъ искусства“, Кромѣ подвиговъ *Амадиса Гальскаго*, Сервантесъ читалъ „Подвиги Эспландіона, законнаго сына Амадиса Гальскаго“, „Амадиса

Греческаго", „Дона Аливанте де Лаура", „Флорисмарса Гирканскаго", „Зеркало Рыцарства" и т. п. безчисленные романы этого рода. Въ *Донъ-Кихотѣ* мы находимъ также отраженіе чтенія двухъ книгъ, имѣвшихъ тѣсное родство съ рыцарскими романами: „El Baladro del sabio Merlin" и „La Demanda del sancto grial". Большинство „Caballerias", т. е. рыцарскихъ романовъ, написано въ XVI вѣкѣ и носитъ сильный отпечатокъ этого времени.

Каждый знаетъ, что въ рыцарскихъ романахъ много нелѣпостей, не замѣчавшихся въ свое время. (Къ такимъ нелѣпостямъ относятся всѣ удивительныя экскурсіи въ область исторіи и географіи). Художникъ двадцатаго вѣка, выводя въ своемъ романѣ совершенно не существующій типъ, говоритъ: „Я знаю, конечно, что такихъ людей нѣтъ въ жизни. Я взялъ присущее каждому человѣку естественное стремленіе къ злу, стремленіе, иногда совершенно „безкорыстное", и обобщилъ его". Такимъ образомъ, между прочимъ, „объясняетъ" г. Сологубъ своего Передонова въ предисловіи къ англійскому переводу „Мелкаго бѣса". И это объясненіе кажется намъ вполнѣ естественнымъ. Авторы такихъ рыцарскихъ романовъ, какъ „Don Florisel de Niquea" или „Las Sergas de Esplandian", поступали по тому же правилу: они брали стремленіе къ подвигамъ и приключеніямъ, жившее въ душѣ каждаго испанца XVI вѣка (то былъ вѣкъ завоеванія новаго міра и чудесныхъ приключеній въ Мексикѣ и Перу), выдѣляли и обобщали. Нелѣпую неестественность рыцарскихъ романовъ мы ясно видимъ потому что далеко отошли отъ нихъ. Точно такъ же русскимъ читателямъ черезъ тридцать лѣтъ будетъ казаться забавнымъ желаніе нашихъ современниковъ выдѣлить только одно стремленіе къ злу или эротизму и обобщить.

Надо замѣтить, что при Сервантесѣ рыцарскіе романы были уже въ значительной степени достояніемъ прошлаго. Во все царствованіе Филиппа II, напр., въ Испаніи не появилось ни одного произведенія подобнаго рода. Только въ провинціи еще зачитывались *Амадисомъ Гальскимъ* и всѣми подражаніями этому роману. Литературные вкусы тогда уже радикально измѣнились, что доказывается поразительнымъ успѣхомъ перваго испанскаго реалистическаго романа, о которомъ дальше. Сервантесъ въ юности, несомнѣнно, видѣлъ въ рыцарскихъ романахъ нѣчто другое, чѣмъ изумительныя приключенія невѣроятныхъ героевъ въ несуществующихъ странахъ. Всѣ эти Амадисы, Эспландіоны и Флоризели привлекали юношу тѣмъ, что всегда являлись безстрашными защитниками слабыхъ и доблестными борцами за правду.

— Я вижу, что ваша милость много учились,—говоритъ Донъ-Кихоту донъ Діего де Миранда, или Caballero del Verde Caban, т. е. Рыцарь въ зеленомъ плащѣ.—Какой наукой вы больше всего увлекались?

— La de la caballeria andante,—скромно и спокойно отвѣчаетъ

Донъ-Кихотъ (т. е. наукой о странствующихъ рыцаряхъ). — Она заключаетъ въ себѣ всѣ другія науки. Странствующій рыцарь долженъ изучить право, чтобы умѣть разбираться въ законахъ о справедливости. Онъ долженъ быть философомъ, естествоиспытателемъ, астрономомъ, математикомъ, и все для того, чтобы лучше умѣть бороться за униженныхъ и чтобы помогать имъ. Странствующій рыцарь долженъ быть вѣренъ своему идеалу: „ha de guardar la fe à Dios y à su dama", т. е. онъ долженъ хранить вѣру въ Бога и въ свою даму [1]).

Кромѣ рыцарскихъ романовъ, Сервантесъ усиленно читалъ „хроники", или лѣтописи, на которыхъ до совсѣмъ недавняго времени воспитывались литературные вкусы испанской молодежи. Лѣтописи начали составляться еще въ XIII вѣкѣ по порученію Альфонса X. Тогда именно появилась „Crónica general", вошедшая въ Испанскую исторію падре Маріана, которая до сихъ поръ составляетъ любимое чтеніе испанцевъ, хотя вышла еще въ XVII вѣкѣ. *Общая лѣтопись* (crónica general) состоитъ изъ двухъ частей: въ первой говорится объ исторіи всѣхъ народовъ отъ сотворенія міра, а во второй—объ исторіи Испаніи до смерти Фердинанда III (въ 1252 г.). Затѣмъ Сервантесъ усиленно читалъ „Cronica del Cid" и „Grand Cronica de los conqueridores", т. е. Великую лѣтопись завоевателей. Эти источники часто цитируются Сервантесомъ. Иныя испанскія лѣтописи носятъ характеръ рыцарскихъ романовъ. Мы видимъ въ нихъ такой же элементъ чудеснаго и такое же смѣлое обращеніе съ исторіей и географіей, какъ въ *Флорисмарсѣ Гирканскомъ*. Но другія хроники (напримѣръ, тѣ, на которыхъ падре Маріано основываетъ свою Исторію) составлены очень добросовѣстно и обстоятельно. Онѣ просты по языку и благородны по чувству. Лѣтописи перваго и второго рода одинаково проникнуты духомъ свободы и независимости. Когда Донъ-Кихотъ говоритъ своему оруженосцу: „Свобода, Санчо, наиболѣе драгоцѣнный даръ, отпущенный Небомъ человѣку; передъ этимъ даромъ ничто всѣ сокровища, таящіяся въ нѣдрахъ земли и въ безднахъ моря" [2]), онъ вѣрно передаетъ духъ испанскихъ лѣтописей.

Затѣмъ литературный багажъ Сервантеса состоялъ изъ знакомства съ поэтами, а въ особенности съ произведеніями Хуана Альмогавера и Гарсиласо де ла Вега. То были поэты, привившіе тогда испанской литературѣ подраженіе итальянцамъ. Они первые стали писать „sonetos" и „canciones", подражая школѣ Петрарка. Къ итальянской нѣжности прибавилась испанская бурность чувства и то стремленіе къ преувеличеніямъ, которое мы до сихъ поръ неизмѣнно находимъ въ каждой „частушкѣ" (copla). У меня подъ

1) „Don Quijote", ч. II, гл. 18.
2) „Don Quijote" ч. II. гл. 8.

рукой сборникъ старинныхъ испанскихъ романсовъ, и я раскрываю Mar de Amor (Море любви) Боскана. Поэтъ говоритъ, что онъ такъ глубоко потонулъ въ морѣ любви, что потерялъ всякую надежду.

De salir ni a pie ni a nado.

(Выбраться пѣшкомъ или вплавь). Вотъ другое стихотвореніе. Безнадежно влюбленнаго и страдающаго поэта раздражаютъ поля,

Porque todos no estan secos y muertas.

(потому что не всѣ они мертвы и безплодны). Этимъ поэтамъ Сервантесъ пытался подражать всю жизнь. Многочисленные сонеты, мадригалы, пѣсни и рондо внесены въ текстъ Донъ-Кихота.

Устами своего героя Сервантесъ высказываетъ свой взглядъ на поэзію. „Поэзія, по моему мнѣнію, похожа на нѣжную дѣвушку, очень молодую и чрезвычайно красивую, которую всѣ другія дѣвы, а именно науки, стараются обогатить, воспитать и украсить. Отъ поэзіи зависитъ, принять ли эти дары. Она, если пожелаетъ, можетъ въ свою очередь украсить другихъ дѣвъ. Но съ этой дѣвушкой нельзя грубо обращаться; ее нельзя волочить по улицамъ выставлять на перекресткахъ, площадяхъ и у городскихъ воротъ. По природѣ своей она такова, что умѣющій съ нею обращаться легко превратитъ ее въ чистое золото. Владѣющій ею долженъ крѣпко держать ее въ рукахъ, не разрѣшая ей экскурсіи въ область низкой сатиры и безжизненныхъ сонетовъ. Ни въ коемъ случаѣ она не должна быть продажна“ [1]). Надо сказать, что Сервантесъ гораздо лучше умѣлъ разсуждать о „donzella tierna“ (нѣжной дѣвушкѣ), какъ онъ называлъ поэзію, чѣмъ быть повелителемъ ея. Поэтическое образованіе Сервантеса было дополнено знакомствомъ съ народными балладами и знаменитой пасторалью XVI вѣка *Діана*. Подъ впечатлѣніемъ ея Донъ-Кихотъ едва не становится пастушкомъ. Авторъ пасторали, которою зачитывался рядъ поколѣній и которой подражали сотни поэтовъ,—Хорхе (Георгъ) Монтемайоръ, португалецъ родомъ, для котораго испанскій языкъ сталъ роднымъ. Поэтъ пѣлъ про свою отвергнутую любовь. Пастораль *Діана* имѣла такой же поразительный успѣхъ, какъ нѣкогда Амадисъ Гальскій. Поэтъ покончилъ самоубійствомъ въ 1561 г., сорока лѣтъ отъ роду. Въ пасторали описывается пастушокъ Сирено, котораго обманула его подруга, прекрасная Діана. Въ *Донъ-Кихотѣ* мы встрѣчаемъ вводную главу (про прекрасную Китерію, которая должна выйти замужъ за богатаго Камачо), всецѣло навѣянную пасторалью Монтемайора.

Накопецъ, литературное образованіе Сервантеса было завершено двумя романами, имѣвшими колоссальное вліяніе не только на испанскую, но и на всю европейскую литературу. Передъ нами ори-

[1]) „Don Quijote“, ч. II, гл. 5.

гинальныя произведенія, указавшія беллетристамъ всѣхъ странъ новые горизонты. Произведенія эти „Лазарильо изъ Тормесъ“ и „Гусманъ де Альфараче“. Авторъ перваго произведенія неизвѣстенъ, ибо всѣ новѣйшія изслѣдованія доказали, что Діего Уртадо де Мендоса, которому романъ приписывался раньше, *не могъ* написать его. Романъ „Гусманъ де Альфараче“ принадлежитъ Матео Алеману. Оба эти произведенія—романы *реалистическіе*. Авторы оставляютъ въ покоѣ не только рыцарей, волшебниковъ и фей, но и страдающихъ отъ нераздѣленной любви пастушковъ; они обращаются къ живой дѣйствительности. И авторъ „Лазарильо изъ Тормесъ“, и Матео Алеманъ въ яркихъ и сочныхъ краскахъ точно воспроизводятъ окружающее. Авторы много видѣли, умѣютъ наблюдать и выпукло изображаютъ наблюдаемое. Они создали Novela picaresca, т. е. плутовской романъ, которому подражали до XIX вѣка то геніально (Лесажъ), то совершенно бездарно (напр., у насъ въ Россіи Булгаринъ, давшій *Ивана Выжигина*).

Въ чемъ же суть Novela picaresca? И авторъ „Лазарильо изъ Тормесъ“, и Матео Алеманъ внимательно присматриваются къ жизни, но замѣчаютъ въ ней только большихъ и маленькихъ лицемѣровъ. И, исходя изъ положенія, что въ мірѣ дѣйствуютъ только плуты, Лазарильо изъ Тормесъ и Гусманъ де Альфараче приходятъ къ выводу, что лучше обманывать другихъ, чѣмъ быть самому обманутымъ. Лазарильо видитъ нищихъ, бродягъ, трактирщиковъ, воровъ, монаховъ, законниковъ, контрабандистовъ, „putas“ (потаскушекъ) и альгвазиловъ. Гусманъ де Альфараче, кромѣ всѣхъ этихъ героевъ, наблюдаетъ еще кардиналовъ, знатныхъ дамъ, богатыхъ купцовъ, посланниковъ, капитановъ. Оба изображаютъ свои наблюденія ярко, красочно, увлекательно, остроумно. И оба приходятъ къ заключенію, что міръ, какъ онъ есть, — гнѣздо откровенныхъ или лицемѣрныхъ плутовъ. И Лазарильо, и Гусманъ постоянно бываютъ обмануты. Тогда они сами начинаютъ плутовать и обманывать. Лазарильо спокойно повѣствуетъ, какъ ловко завелъ въ яму слѣпого нищаго, который до того жестоко билъ героя. Гусманъ де Альфараче повѣствуетъ о такихъ же подвигахъ, но имѣетъ слабость каждый разъ, когда самъ плутуетъ, морализировать. Оба согласны, что самая лучшая философія та, которая насыщаетъ.

„Имѣя чѣмъ питаться, можно перенести всѣ жизненныя огорченія“,—философствуетъ Гусманъ де Альфараче. „Хорошо имѣть отца; недурно имѣть мать, но еще лучше имѣть что поѣсть“. Имѣющій что ѣсть, если и замѣчаетъ голоднаго, то только съ опасеніемъ, какъ лицо, могущее покуситься на сумку съ припасами. Въ этомъ мірѣ, гдѣ всѣ жестоки и лицемѣрны, надо выкручиваться самому. Надо помнить, что волка ноги кормятъ, а человѣка — изворотливость. Во всякомъ случаѣ, надо скорѣе отдѣлаться отъ стыда. „Прежде, чѣмъ прибыть въ Мадридъ, — повѣствуетъ Гусманъ де

Альфараче,—я имѣлъ предосторожность оставить по дорогѣ стыдъ, какъ слишкомъ обременительную тяжесть для человѣка, вынужденнаго путешествовать пѣшкомъ" [1]). „Не подобаетъ быть гордымъ, въ особенности же человѣку, у котораго ничего нѣтъ въ карманѣ. Только хамелеонъ можетъ питаться воздухомъ". „Естественное стремленіе человѣка — желаніе забрать себѣ достояніе другого... Я поэтому началъ выть вмѣстѣ съ волками" [2]). „Степень цивилизаціи общества измѣряется совершенствомъ, съ которымъ люди отнимаютъ другъ у друга достояніе".

Гусманъ де Альфараче противъ суровыхъ наказаній для воровъ, а въ особенности онъ противъ смертной казни. Героя только-что ловко обобрали. Альгвазилъ, надѣясь получить награду, запыхавшись, приноситъ Гусману вѣсть, что одинъ изъ воровъ пойманъ, хотя при немъ уже ничего не нашли. „Когда я увидалъ пойманнаго вора, то пришелъ въ такое бѣшенство, что готовъ былъ всадить въ него шпагу. Къ счастью, мнѣ сейчасъ же пришелъ въ голову цѣлый рядъ благоразумныхъ соображеній, укротившихъ мой гнѣвъ. „Успокойся,—сказалъ я себѣ.—Не бѣснуйся и оставь въ живыхъ этого висѣльника. Если онъ будетъ жить, то сможетъ тебѣ еще заплатить... Наконецъ, станетъ ли твой кошелекъ толще оттого, что этого вора вздернутъ?" И, убѣдившись, что добро пропало, Гусманъ де Альфараче настаиваетъ на томъ, чтобы вора отпустили. Именно этотъ воръ становится впослѣдствіи лакеемъ у Гусмана. Оба тогда задумываютъ рядъ плутней и артистически выполняютъ ихъ. Извѣстное правило „живи и давай жить другимъ" Гусманъ де Альфараче понимаетъ такъ: „плутуй и давай плутовать другимъ". Ни Лазарильо, ни Гусманъ де Альфараче не вѣрятъ ни во что, кромѣ какъ въ изворотливость. Люди придумали культъ, чтобы лучше обманывать другихъ, а законы для того, чтобы сильные плуты могли удержать то, что забрали себѣ. Вотъ міровоззрѣніе двухъ первыхъ реалистическихъ романовъ. Они пропитаны глубокимъ скептицизмомъ и полнымъ презрѣніемъ къ человѣческому роду.

Таковъ литературный багажъ Сервантеса, какъ мы можемъ точно судить по всѣмъ произведеніямъ его. Изъ перечисленныхъ книгъ Сервантесъ извлекъ свои знанія, которыя безконечно дополнилъ потомъ въ великомъ университетѣ жизни.

III.

Девятнадцатилѣтнимъ юношей, въ 1566 г., Сервантесъ возлагалъ, повидимому, всѣ надежды на музу. Мы всѣ знаемъ знаменитую остроту Гейне, что поэты похожи на дыни: тѣ и другія хо-

---

[1]) „Guzman de Alfarache", ч. II, гл. 2.
[2]) Ib., гл. 3.

роши только послѣ того, какъ *полежатъ на соломѣ*. Въ особенности острота эта справедлива въ примѣненіи къ испанскимъ поэтамъ всѣхъ временъ и XVI вѣка въ особенности. Поэтъ тогда нищенствовалъ въ буквальномъ смыслѣ, покуда не находилъ знатныхъ покровителей или не попадалъ ко двору. Въ томъ и другомъ случаѣ поэтъ занималъ среднее положеніе между челядью и пажами. Поэтъ долженъ былъ приспособиться къ придворнымъ вкусамъ того времени и этимъ объясняется вычурность и причудливость стихотвореній того времени. Даже очень талантливые поэты изощрялись въ акростихахъ и въ такихъ затѣйливыхъ игрушкахъ, какъ „glosa". Давалось четверостишіе. Поэтъ долженъ былъ написать четыре строфы въ десять стиховъ каждая. Строфа являлась комментаріемъ каждой строчки заданнаго четверостишія. Первая строфа должна была закончиться первымъ стихомъ его, вторая— вторымъ стихомъ и т. д. Образчикъ такого упражненія можно найти въ XVIII главѣ второй части *Донъ-Кихота*. Надо прибавить еще, что заданное четверостишіе нарочно бывало темно, а отдѣльные стихи иногда лишены смысла; такъ, напримѣръ, для „глосы" задается такое темное четверостишіе:

Si mi fué tornase á es,
Sin esperar mas será,
O viniese el tiempo ya
De lo que será despues.

(Если мнѣ возвратится то, что было, тогда не надо больше надѣяться. Пусть же наступитъ уже теперь то, что должно быть потомъ). Оригинальные поэты, надѣленные громаднымъ талантомъ, попадая ко двору, становились подражателями готовыхъ образцовъ и тускнѣли, какъ, напримѣръ, Кальдеронъ. При дворѣ въ лицѣ Гонгоры зародился тотъ испанскій футуризмъ, который похоронилъ на два вѣка національную литературу.

Сервантесъ пріѣхалъ юношей изъ провинціи въ Мадридъ, разсчитывая выдвинуться, какъ поэтъ. Геніальный романистъ хорошо владѣлъ стихомъ и очень внимательно изучилъ существовавшіе тогда образцы, но онъ не былъ поэтомъ. Конечно, гораздо менѣе способные версификаторы достигали тогда извѣстности своими „canciones", если попадали ко двору; но, къ счастью для міровой литературы, Сервантесъ не попалъ въ придворные поэты. Попытка не то, что выдвинуться стихами, но прямо существовать на литературный заработокъ кончилась полной неудачей, и черезъ два года, въ 1566 г., мы видимъ Сервантеса, какъ „camarero", въ свитѣ кардинала. „Camarero",—это должность, немногимъ только почетнѣе лакейской. Вмѣстѣ съ кардиналомъ, Сервантесъ отправляется въ Италію, гдѣ выучился хорошо итальянскому языку и пополнилъ свой литературный багажъ *Неистовымъ Орландомъ*; на эту поэму онъ часто ссылается въ Донъ-Кихотѣ.

Въ 1571 г. въ Римѣ Сервантесъ узналъ, что Испанія вмѣстѣ съ Венеціей составили коалицію противъ турецкаго султана Селима и тотчасъ же записался солдатомъ въ отрядъ, во главѣ котораго стоялъ Діего де Урбина, „знаменитый вождь изъ Гвадалахары", какъ аттестуетъ его освобожденный невольникъ, герой вводной повѣсти въ *Донъ-Кихотѣ*. Солдаты изъ мелкихъ гидальго занимали тогда такое же положеніе, какъ шляхтичи въ войскахъ польской республики: каждый солдатъ считалъ себя равнымъ съ офицерами. Въ сентябрѣ 1571 г. отрядъ, въ которомъ служилъ Сервантесъ, отплылъ изъ Мессины на галерѣ „Marquesa", составлявшей часть флота подъ командой дона Хуана Австрійскаго. Седьмого октября испанцы и венеціанцы усмотрѣли турецкій флотъ близъ Лепанто. Сервантесъ тогда былъ боленъ лихорадкой, но, не смотря на всѣ убѣжденія товарищей, принялъ участіе въ бою. Галера „Marquesa" находилась въ самомъ жаркомъ мѣстѣ боя. Сервантесъ получилъ три раны: двѣ въ грудь и одну—въ лѣвую руку. Пуля пробила ему локоть и повредила руку на всю жизнь. Сервантесъ пролежалъ семь мѣсяцевъ въ госпиталѣ въ Мессинѣ, получилъ прибавку жалованія и въ апрѣлѣ 1572 г. возвратился въ свой полкъ. Апокрифическій портретъ, написанный только въ XVIII вѣкѣ, изображаетъ Сервантеса однорукимъ. Такимъ же однорукимъ изображенъ авторъ Донъ-Кихота на памятникѣ въ Мадридѣ.

Передъ нами одна изъ безчисленныхъ укоренившихся легендъ. Будь Сервантесъ безъ руки, онъ, конечно, не представлялъ бы никакой цѣнности, какъ солдатъ. Лѣвая рука его была прострѣлена, онъ плохо владѣлъ ею, но она не была ампутирована. Возвратившись въ армію, Сервантесъ убѣдился, что сраженія не предвидится и что поэтому нѣтъ надежды выдвинуться. Тогда онъ рѣшилъ возвратиться въ Испанію, чтобы тамъ хлопотать о повышеніи. Сервантесъ повезъ съ собою рекомендательное письмо отъ дона Хуана Австрійскаго, отозвавшагося въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о „храбрости и заслугахъ" великаго романиста. Такимъ же лестнымъ рекомендательнымъ письмомъ снабдилъ Сервантеса вице-король Сицилійскій. Эти рекомендательныя письма, вмѣсто того, чтобы помочь Сервантесу, сильно отягчили потомъ его участь. Двадцать шестого сентября 1575 г. Мигель Сервантесъ и его братъ Родриго, тоже солдатъ, поплыли въ Испанію на галерѣ „Sol". Недалеко отъ Марселя на галеру напали пираты-мавры. Испанцы оказали отчаянное сопротивленіе; но пираты подавили ихъ своею численностью. Испанцевъ взяли въ плѣнъ и увезли въ неволю въ Алжиръ. Когда у Сервантеса нашли рекомендательныя письма дона Хуана Австрійскаго и вице-короля, то плѣнника приняли за очень важнаго человѣка. Разсчитывая на большой выкупъ, мавры заковали Сервантеса и держали его особенно строго.

Смѣлый и энергичный Сервантесъ сдѣлалъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ къ побѣгу и пытался организовать возстаніе всѣхъ христіанскихъ невольниковъ. Когда заговоръ былъ открытъ, Сервантесъ, не смотря на угрозы пыткой и казнью, не только не выдалъ соучастниковъ, но смѣло взялъ на себя всю отвѣтственность. Смѣлость Сервантеса импонировала маврамъ; кромѣ того, они все еще надѣялись получить за него большой выкупъ. И въ результатѣ было то, что Сервантеса не повѣсили и не посадили на колъ, а только заковали еще сильнѣе. Пять лѣтъ провелъ онъ въ неволѣ, работая, вмѣстѣ съ другими плѣнниками, подъ бичомъ надсмотрщика. Свои испытанія Сервантесъ описалъ потомъ въ XXXIX и въ XL главахъ первой части *Донъ-Кихота*. Тутъ мы находимъ и яркую картину морскаго сраженія при Лепанто, и пребываніе въ плѣну, и попытки къ побѣгу. Сервантесъ упоминаетъ даже свое имя.

Плѣнникъ, разсказывая Донъ-Кихоту о своихъ приключеніяхъ на варварійскомъ берегу, говоритъ про свирѣпаго испанскаго ренегата Азанага, т. е. Гассанъ-Ага, достигшаго большого богатства и важнаго значенія въ Алжирѣ. Во власти этого ренегата находились всѣ невольники-испанцы. Гассанъ-Ага обращался съ ними необыкновенно сурово. „Даже турки признавали, что онъ дѣлаетъ зло только ради зла",—говоритъ освобожденный невольникъ. „Только съ однимъ плѣнникомъ Азанага обращался хорошо, то былъ испанскій солдатъ, нѣкій Сааведра [1]) „el cual, con haber hecho cosas que quedarán en la memoria de aquellas gentes por muchos anos" [2]) (надѣлавшій дѣлъ, о которыхъ всѣ эти люди будутъ помнить много лѣтъ). Въ этихъ словахъ нѣтъ преувеличенія.

Наконецъ, послѣ пятилѣтней неволи, Сервантесъ былъ выкупленъ изъ плѣна и возвратился въ Испанію. О томъ, какъ Сервантесъ велъ себя въ неволѣ, мы имѣемъ еще одно свидѣтельство, кромѣ мимолетнаго замѣчанія плѣнника въ *Донъ-Кихотѣ*. Въ Испаніи Сервантесу пришлось оправдываться въ лживыхъ обвиненіяхъ, возведенныхъ противъ него нѣкіимъ монахомъ Хуаномъ Бланко де Пасъ, тоже побывавшимъ въ Алжирѣ, но не плѣнникомъ, а уполномоченнымъ отъ общества для выкупа невольниковъ. Для опроверженія обвиненій Сервантесъ вызвалъ одиннадцать свидѣтелей, которые всѣ побывали въ плѣну на варварійскомъ берегу. Они согласно показали, что всѣ плѣнники крайне высоко цѣнили исключительное мужество, доброту и благородство Сервантеса. По словамъ свидѣтелей, обвиненія монаха были вызваны только завистью къ тому уваженію, которымъ товарищи окружали Сервантеса. Еще въ Алжирѣ монахъ пробовалъ подкупать лжесвидѣ-

---

[1]) Сааведра—часть фамиліи Сервантеса.

[2]) „Don Quijote", ч. II, гл. 40.

гелей. Одному изъ нихъ Хуанъ Бланко де Пасъ посулилъ „дукатъ и кувшинъ масла".

Сервантесъ вышелъ обѣленнымъ и направился въ Мадридъ, куда прибылъ въ декабрѣ 1580 г. Здѣсь онъ очутился въ положеніи, хорошо знакомомъ многимъ русскимъ, возвращающимся изъ ссылки: на тридцать четвертомъ году Сервантесу пришлось начать жизнь съ начала, не имѣя ни диплома, ни профессіи, ни ремесла, ни средствъ. Сервантесъ умѣлъ только сочинять сонеты. Донъ Хуанъ Австрійскій въ то время уже скончался и къ его памяти относились плохо при дворѣ. Очутившись въ Мадридѣ на мели, Сервантесъ принялся, какъ за послѣднее средство, за литературу. Онъ сталъ писать для сцены. Къ тому времени относится цѣлый рядъ пьесъ, отъ которыхъ до насъ дошли только названія: „Numancia, Los Tratos de Argel" и др. Ущемленный нищетой, Сервантесъ готовъ былъ тогда писать что угодно: трагедіи, комедіи, историческія и трагико-комико-историческія пасторали и героическія поэмы.

Читавшіе романъ Бласко-Ибаньеса *Орда* знаютъ, что и теперь литературная богема въ Мадридѣ работаетъ, какъ каторжная, и хронически голодаетъ. Можно себѣ представить, какъ она голодала въ XVI вѣкѣ! Антрепренеры платили авторамъ очень мало за комедіи и трагедіи. Выцарапать этотъ гонораръ было очень трудно. Черезъ семь лѣтъ послѣ освобожденія изъ плѣна мы находимъ Сервантеса все еще въ рядахъ литературной богемы. Запасъ его наблюденій и опыта, конечно, крайне обогатился, но Сервантесу приходилось закладывать плащъ, чтобы добыть нѣсколько реаловъ. Въ сорокъ лѣтъ Сервантесъ женился на девятнадцатилѣтней Каталинѣ де Паласіосъ-Саласаръ-и-Восмедіано, дочери помѣщика средней руки. Мать дѣвушки и братья ея, провинціальные дворянчики, имѣвшіе, какъ и Донъ-Кихотъ, „тощую кобылу и охотничью собаку", ѣвшіе „duelos y quebrantos" (особое блюдо изъ солонины) по субботамъ и голубей по воскресеньямъ, глядѣли на замужество Каталины съ „писателемъ"-бѣднякомъ, какъ на страшный мезальянсъ. По всей вѣроятности, свое ухаживаніе за молоденькой дѣвушкой Сервантесъ могъ бы передать словами Отелло:

Я говорилъ о всѣхъ моихъ несчастьяхъ,
О бѣдствіяхъ на сушѣ и моряхъ:
Какъ ускользнулъ въ проломѣ я отъ смерти,
На волосокъ висѣвшей отъ меня;
Какъ взятъ былъ въ плѣнъ врагомъ жестокосердымъ
И проданъ въ рабство; какъ, затѣмъ, опять
Я получилъ свободу.

Бракъ состоялся 12 декабря 1584 г. Невѣста принесла маленькое приданое, въ числѣ котораго было „сорокъ пять куръ"

Но братья отдали приданое, и куръ въ томъ числѣ, только съ боя, черезъ двадцать мѣсяцевъ послѣ вѣнчанія.

IV.

Чтобы имѣть возможность устроить подобіе семейнаго уюта, Сервантесъ написалъ первую часть пасторали „La Galatea“ которую продалъ издателю своего родного города за 1336 реаловъ, что теперь равно приблизительно 1500 руб. Какъ видите, Сервантесъ очень выгодно пристроилъ свое дѣтище, такъ какъ гонораръ этотъ показался бы и теперь вполнѣ приличнымъ для начинающаго романиста.

Сервантесъ написалъ вторую часть *Галатеи* только въ 1614 г., черезъ 30 лѣтъ. Въ этой пасторали онъ очень хорошо подражаетъ *Діанѣ* Монтемайора или, точнѣе, Хилю Поло, написавшему подражаніе знаменитому пастушескому роману. Сервантесъ проявилъ въ *Галатеѣ* большое искусство писать гладкіе стихи, но очень мало оригинальности. Повидимому, главной цѣлью автора является попытка связать вмѣстѣ рядъ поэмъ и сонетовъ, написанныхъ частью въ старо-испанскомъ стилѣ, частью „по итальянскому образцу“, введенному Боскономъ и Гарсиласо де ла Вега. Фабула *Галатеи*, это—только тонкая нитка, соединяющая кое-какъ вмѣстѣ эти стихотворенія. Сервантесъ въ своей пасторали, повидимому, стремится прежде всего показать, что съ одинаковой легкостью можетъ обращаться со всѣми размѣрами, даже съ архаическимъ въ испанской поэзіи дактилемъ. Въ особенности же ему легко дается итальянская октава. Приведу образецъ того, какъ Сервантесъ „справляется съ тройнымъ созвучіемъ“. Эти стихи дадутъ также представленіе о всей пасторали.

Al dulce son de mi templada lira
Prestad, pastores, el oido atento.
Oires como en mi voz y en él respira
De mis hermanas el sagrado aliento:
Vezeis como os suspende y os admira,
Y colma vuestras almas de contento,
Quando os de relacion aqui en el suelo
De los ingenios que ya son del cielo.

(Пастухи, внимательно прислушайтесь къ сладкому звуку моей скромной лиры. Внемлите, какъ въ моемъ голосѣ и въ ея слышится священное дыханіе моихъ сестеръ. Увидите, какъ лира васъ изумитъ, восхититъ и наполнитъ сердца ваши веселіемъ, когда разскажу вамъ здѣсь, сидя на землѣ, о геніяхъ, которые уже на небесахъ).

Поетъ все это муза Калліопа, спустившаяся къ пастухамъ и къ пастушкамъ. Она собирается воспѣть знаменитыхъ поэтовъ Пастораль *Галатея* наглядно доказываетъ намъ, что даж

міровой геній пишетъ совершенно шаблонныя вещи, когда онъ, какъ говорятъ англичане, is not in his line, не въ своей сферѣ.

Гонораръ, полученный за первую часть *Галатеи*, далъ возможность молодоженамъ устроиться кое-какъ въ Мадридѣ. Бракъ вообще оказался не несчастнымъ. Но съ первыхъ же мѣсяцевъ, какъ только прожитъ былъ гонораръ за пастораль, въ домѣ Сервантеса поселился врагъ, преслѣдовавшій всю жизнь знаменитаго писателя: нищета. Въ іюнѣ 1585 г., т. е. черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ женитьбы Сервантеса, скончался его отецъ Родриго, и писатель сталъ кормильцемъ сестеръ и матери. Благосостояніе Сервантеса отъ этого, конечно, не улучшилось. Чтобы имѣть хлѣбъ, Сервантесъ снова принялся писать пьесы. До насъ дошелъ контрактъ, въ силу котораго Сервантесъ за ничтожный гонораръ обязался поставлять новыя пьесы для нѣкоего антрепренера Херонимо Веласкеса. По собственному признанію, Сервантесъ не помнитъ, „написалъ ли онъ двадцать или тридцать трагедій“ по заказу. Должно быть, антрепренеръ не платилъ обѣщанныхъ денегъ, такъ что Сервантесъ вынужденъ былъ закладывать платье. Затѣмъ Сервантесъ впалъ въ такую крайнюю нищету, что вынужденъ былъ отказаться отъ литературы и искать какойнибудь должности.

По всѣмъ современнымъ документамъ мы видимъ Сервантеса, какъ крайняго оптимиста. Онъ всегда вѣритъ, что завтра какъ-нибудь все неожиданно обернется въ его пользу. Сервантесъ любилъ литературу больше всего и только въ ней видѣлъ для себя жизнь. Поэтому рѣшеніе оставить литературу, чтобы искать какого-нибудь хлѣбнаго мѣста, свидѣтельствуетъ о томъ, что Сервантесъ, какъ и Донъ-Кихотъ, призналъ себя пораженнымъ. Вмѣсто Самсона Карраско Сервантеса выбила изъ сѣдла нищета. Онъ уѣхалъ въ Севилью, гдѣ подготовлялась къ плаванью великая армада, и здѣсь, какъ бывшій солдатъ, получилъ мѣсто надсмотрщика въ провіантскомъ магазинѣ, съ крошечнымъ жалованіемъ. Мѣсто онъ получилъ въ 1588 г., а въ 1591 г. ему еще не выдали слѣдуемаго жалованья. Семья бѣдствовала. Напридачу, провіантскій смотритель изъ Сервантеса вышелъ очень плохой. У него запутались какіе-то счеты, хотя злого умысла тутъ не было. (Сервантесъ потомъ былъ оправданъ). Въ августѣ 1592 г. начальство нашло, что вѣдомости ведутся неправильно и что Сервантесъ долженъ пополнить убытки, понесенные казной. Такъ какъ денегъ у провіантскаго смотрителя не было, то его арестовали и посадили въ тюрьму въ Кастро-дель-Ріо; но его скоро освободили.

Въ сентябрѣ 1592 г., еще до ареста, Сервантесъ подрядился по контракту доставить антрепренеру Родриго Осоріо шесть пьесъ, за что имѣлъ получить по пятьдесяти дукатовъ „за штуку“. Испанскій дукатъ, или d u c a d o, на нынѣшнія деньги стоилъ рубль (двѣ песеты и 75 сентимосъ). Пятьдесять дукатовъ за трагедію по-

этому ни въ коемъ случаѣ не „поразительный" гонораръ. Къ тому же контрактъ былъ довольно странный: антрепренеръ обязывался уплатить гонораръ только въ томъ случаѣ, если написанныя пьесы будутъ „самыя лучшія, какія были когда-либо поставлены въ Севильѣ". Такимъ образомъ у антрепренера была всегда возможность оспаривать обязательность платежа. И надо сознаться, что Родриго Осоріо широко пользовался этою возможностью. Арестъ Сервантеса уничтожилъ этотъ любопытный контрактъ. Когда знаменитый писатель вышелъ изъ тюрьмы, онъ очутился въ еще болѣе бѣдственномъ положеніи, чѣмъ раньше. Въ маѣ 1595 г. онъ получилъ въ Сарагоссѣ первый призъ за поэму, но это не улучшило его матеріальнаго положенія, такъ какъ призъ состоялъ изъ „трехъ серебряныхъ ложекъ". Между тѣмъ дѣло объ упущеніяхъ въ вѣдомостяхъ провіантскаго магазина тянулось. Въ сентябрѣ 1597 г. отъ Сервантеса потребовали, чтобы онъ представилъ въ двадцать дней залогъ, что явится въ судъ, когда его вызовутъ. Сервантесъ не нашелъ залога, и писателя посадили въ тюрьму, на этотъ разъ въ мадридскую. Продержали его, впрочемъ, только до декабря и освободили съ обязательствомъ явиться въ судъ въ тридцатидневный срокъ. Сервантесъ уѣхалъ въ Севилью и, когда въ февралѣ 1599 года былъ вызванъ въ судъ, не явился, такъ какъ не имѣлъ средствъ на поѣздку въ Мадридъ.

Здѣсь въ біографіи великаго писателя наступаетъ провалъ до февраля 1603 г. Сервантесъ жилъ тогда въ Севильѣ въ великой бѣдности. Затѣмъ онъ появляется въ Вальядолидѣ, гдѣ, повидимому, матеріальное положеніе его не улучшилось. Сестра его Андреа служила швеей у маркиза Вильяфранка и грошевый счетъ, предъявленный ею, написанъ рукою бѣднаго дона Мигэля. Судъ къ тому времени оставилъ Сервантеса въ покоѣ по дѣлу о неправильныхъ вѣдомостяхъ. Великій писатель, повидимому, достигъ до дна нищеты. Дальше опускаться уже было некуда. Какъ и Донъ-Кихота, Сервантеса топтали тогда „бараны". Провинціальные дворянчики сторонились Сервантеса, состоявшаго долго подъ судомъ. Всѣ двери передъ нимъ были закрыты. Никакихъ занятій, т. е. какой-нибудь новой службы въ провіантскомъ магазинѣ, къ счастью, онъ не могъ найти и поэтому великій писатель снова направился въ литературу. Еще въ севильской тюрьмѣ началъ онъ произведеніе, въ которое задумалъ включить весь свой жизненный опытъ. Здѣсь Сервантесу представился образъ чудака, въѣзжающаго въ суровую дѣйствительность со своими мечтами. И гдѣ онъ мечтаетъ? Въ наиболѣе прозаической остановкѣ: въ плоской, какъ тарелка, Ламанчѣ, гдѣ нѣтъ ни деревца; гдѣ, согласно испанской поговоркѣ, жаворонокъ, направляющійся къ другому концу равнины, долженъ захватить съ собою припасы. Сервантесъ сперва совершенно отчетливо ви-

дѣлъ только „обстановку“, т. е. тотъ міръ, наполненный плутами, ворами, обманщиками и дураками, который съ такимъ искусствомъ изображенъ въ *Лазарильо изъ Тормесъ* и въ *Гусманъ де Альфараче.* Къ фигурѣ мечтателя Сервантесъ еще не присмотрѣлся. Онъ сознавалъ только комическое положеніе чудака, явившагося съ мечтами въ *такой* ультра-прозаическій міръ. И авторъ снабдилъ своего героя *внѣшне*-комическимъ обликомъ, ставшимъ безсмертнымъ.

Только по мѣрѣ того, какъ авторъ писалъ свое произведеніе, онъ самъ уяснялъ себѣ характеръ героя. Когда въ 1603 г. Сервантесъ прибылъ въ Вальядолидъ, онъ привезъ съ собой почти законченную первую часть Донъ-Кихота. Недоставало только предисловія и тѣхъ шуточныхъ стихотвореній передъ текстомъ, которыя часто опускались переводчиками, а имен о: посланія Амадиса Гальскаго и Беліаниса Греческаго къ Донъ-Кихоту; обращенія сеньоры Оріаны къ Дульцинеѣ Тобозской; стихотворнаго письма оруженосца Амадиса Гальскаго, Гандалина, къ Санчо-Пансѣ; сонета къ Росинанту и т. д. Чтобы дать представленіе объ этихъ стихахъ, я приведу первый куплетъ изъ „сонета“ къ знаменитому скакуну, составленнаго въ видѣ разговора между конемъ Амадиса Гальскаго и Росинантомъ.

— Como estais, Rocinante, tan delgado?
„Porque nunca se come, y se trabaja“.
— Pues qué es de la cebada y de la paja?
„No me deja mi amo ni un bocado“.

(— Почему ты такъ тощъ, Росинантъ?—„Потому что я работаю и никогда не ѣмъ“.—Что же дѣлается съ овсомъ и соломой? —„Хозяинъ не даетъ мнѣ сдѣлать даже глотка“). Лѣтомъ 1604 г. первая часть Донъ-Кихота была кончена, и Сервантесъ нашелъ издателя. Издатель показалъ корректуру Лопе де Вега, который тогда считался величайшимъ писателемъ. Талантливый драматургъ въ августѣ 1604 г. напечаталъ критику, раньше, чѣмъ произведеніе Сервантеса появилось. „Нѣтъ хуже поэта, чѣмъ Сервантесъ, и нѣтъ глупѣе произведенія, чѣмъ *Донъ-Кихотъ*“. Таковъ былъ рѣшительный отзывъ Лопе де Вега.

Читатели не согласились съ этимъ мнѣніемъ. Когда *Донъ-Кихотъ* появился въ началѣ 1605 г., то былъ принятъ восторженно. Рукопись обогатила издателя, но не автора. Несчастія продолжали сыпаться на него. Въ іюнѣ 1605 г. онъ снова былъ арестованъ по ложному обвиненію, но выпущенъ черезъ нѣсколько дней. *Донъ-Кихотъ* немедленно былъ переведенъ на португальскій, французскій и итальянскій языки. Въ Испаніи книга немедленно стала любимымъ чтеніемъ. Даже педанты признали, что такой прозой никто раньше не писалъ въ Испаніи. И это остается вѣрнымъ до настоящаго времени. Какъ у

стилиста, у Сервантеса нѣтъ соперниковъ, и это обстоятельство является камнемъ преткновенія для всѣхъ переводчиковъ. Языкъ романа мѣняется въ зависимости отъ каждаго лица. Оттѣнки языка соотвѣтствуютъ характеру каждаго героя. Удивительно, напр., выдержанъ языкъ, которымъ говоритъ Донъ-Кихотъ. И оттѣнки языка измѣняются немедленно, когда Рыцарь Печальнаго Образа становится „безумцемъ своего безумія“. Донъ-Кихотъ тогда употребляетъ старинное выраженіе „Las fazanas que han fecho“ (дѣянія, совершенныя имъ) вмѣсто современнаго „hazanas que han hecho“. Очень неглупый, Санчо-Панса не видитъ странности въ томъ, что на островъ Баратарія онъ пріѣзжаетъ верхомъ. Объясняется это тѣмъ, что Донъ-Кихотъ, бесѣдуя съ оруженосцемъ о наградѣ, всегда употребляетъ для обозначенія острова, вмѣсто обыкновеннаго слова isla, старинное insula. Санчо-Панса, конечно, очень хорошо знаетъ, что такое „isla“, но книжное „insula“, отъ котораго пахнетъ рыцарскимъ романомъ и старинной лѣтописью, ему неизвѣстно. Въ такой же степени колоритенъ языкъ оруженосца, крестьянъ, погонщиковъ муловъ, пастуховъ, веселыхъ дѣвицъ, священника, монаховъ и т. д. Къ характеру романа я еще возвращусь.

Повидимому, первая часть Донъ-Кихота, доставившая Сервантесу славу, не вполнѣ поправила его дѣла: въ ноябрѣ 1607 г. онъ проситъ у своего издателя авансъ въ 450 реаловъ подъ будущія произведенія. Чѣмъ старѣе становился Сервантесъ, тѣмъ больше ему приходилось писать. Въ 1612 г. онъ собралъ свои напечатанныя уже раньше повѣсти, прибавилъ къ нимъ новыя и выпустилъ сборникъ подъ названіемъ „Novelas Exemplares“, т.-е. назидательные разсказы. Сборникъ состоитъ изъ двѣнадцати разсказовъ. Одинъ изъ нихъ „Rinconete y Cortadillo“ упоминается въ первой части *Донъ-Кихота* и, повидимому, былъ написанъ еще раньше 1602 г. Другой разсказъ „Coloquio de los Perros“ относится къ 1608 г. И эти ранніе разсказы — самые лучшіе въ сборникѣ. Кромѣ этихъ разсказовъ, очень хороши также „La Gitanilla“ и „El Celoso extremen“, представляющіе собою образецъ испанской реалистической повѣсти. Сервантесъ самъ рекомендуетъ читателямъ свой сборникъ (это было вполнѣ согласно съ литературными нравами того времени). „Читатель, ты найдешь здѣсь первую попытку повѣсти на кастильскомъ языкѣ,—пишетъ Сервантесъ.—Всѣ безчисленные разсказы, обращающіеся въ Испаніи, переведены съ иностранныхъ языковъ, тогда какъ эти повѣсти—мои собственныя. Я ихъ не укралъ и никому не подражалъ въ нихъ“.

Сервантесъ не правъ въ данномъ случаѣ. Сборники оригинальныхъ повѣстей появлялись въ Испаніи и до *Назидательныхъ разсказовъ*. Таковъ, напримѣръ, сборникъ Эславве

„Noches de Invierno“ (Зимнія ночи), откуда заимствованъ сюжетъ шекспировской *Бури*. Двѣнадцать назидательныхъ разсказовъ далеко не равноцѣнны по литературному достоинству. Не смотря на заявленіе Сервантеса, что онъ никому не подражалъ, онъ, повидимому, желалъ дать Испаніи такой же циклъ разсказовъ, изображающихъ нравы, какой имѣетъ Италія въ Декамеронѣ. Нѣкоторые разсказы представляютъ собою анекдоты, а нѣкоторые— конденсированные, такъ сказать, романы. Одни разсказы—юмористическіе, другіе серьезны. Написаны они тою же великолѣпной прозой, какъ и Донъ-Кихотъ, и представляютъ собою яркую картину нравовъ. Читателю бросается въ глаза та же черта, которою отличается Донъ-Кихотъ: отсутствіе плана. Въ особенности это относится къ разсказу „Licenciado Vidriera“, т. е. *Стеклянный Лиценціатъ*.

Черезъ годъ послѣ *Назидательныхъ разсказовъ* Сервантесъ издаетъ полушуточную, полусерьезную поэму „Viaje al Parnaso“, т. е. *Путешествіе на Парнасъ*, къ которой приложенъ былъ прозаическій діалогъ „Adjunta al Parnaso“, т. е. въ *Оградѣ Парнаса*. Сервантесъ встрѣчается съ поэтомъ, который передаетъ ему пригласительный билетъ отъ Аполлона. Мы совершенно расходимся съ испанскими критиками въ оцѣнкѣ этой поэмы, которая, по ихъ мнѣнію, должна быть поставлена рядомъ съ Донъ-Кихотомъ. Авторъ оцѣниваетъ современныхъ ему испанскихъ поэтовъ и надъ многими изъ нихъ подшучиваетъ, осыпая другихъ выспренними похвалами. Такая поэма уже потому не можетъ имѣть мірового значенія, что нуждается въ комментаріяхъ. Нѣчто подобное, какъ Сервантесъ, пробовалъ сдѣлать впослѣдствіи Гете, и тѣ сцены въ *Вальпургіевой ночи*, гдѣ онъ осмѣиваетъ поэтовъ-современниковъ, конечно, самыя слабыя мѣста въ Фаустѣ. Испанскіе критики и біографы Сервантеса [1]) восхищаются, напримѣръ, въ поэмѣ „скрытой сатирой, остроуміемъ и энтузіазмомъ къ прекрасному“. Читатель не-испанецъ усматриваетъ въ поэмѣ прежде всего тѣ вычурныя ученыя остроты, которыми отличаются „graciosos“, т. е. шуты, въ пьесахъ Лопе де Вега и Кальдерона.

Итакъ, Сервантесъ, получивъ пригласительный билетъ отъ Аполлона, путешествуетъ на Парнасъ. Послѣ многихъ веселыхъ приключеній авторъ встрѣчаетъ Меркурія, который привѣтствуетъ странника, какъ Адама поэтовъ:

O Adan de poetas, o Cervantes!
Que alforjas y que trage es este, o amigo!“—

говоритъ посланникъ боговъ. (О, Адамъ поэтовъ, о Сервантесъ! Что это за переметы у сѣдла и что за платье на тебѣ, мой другъ?).

---

1) Напр. Л. Ріусъ, „Bibliografia critica de las obras de Miguel de Cervantes Saavedra“; Madrid, 1895—1905. Vol. II—III.

Меркурій еще говоритъ Сервантесу много лестныхъ вещей и, наконецъ, ведетъ его на корабль, весь выстроенный не изъ дерева, а изъ разныхъ стиховъ:

De la quilla á la gavia, ó estrana cosa!
Toda de versos era fabricada,
Sin que se entremetiesa alguna prosa,
La ballesteras eran de ensalada
De glosas....
Era la chusma de romances toda, etc.

(т. е. „Отъ киля до грота все было слажено изъ стиховъ, безъ малѣйшей примѣси какой-нибудь прозы. Снасти были изъ сплетенныхъ *глосъ* [1]). Гребцами были романсы", и т. д.). Этотъ корабль долженъ доставить пѣвцовъ въ царство поэзіи. Меркурій показываетъ Сервантесу списокъ испанскихъ поэтовъ, съ которыми Аполлонъ желалъ бы познакомиться. Отзывы о нѣкоторыхъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ поэтахъ такъ хвалебны, что испанскіе критики усматриваютъ тутъ иронію. Сервантесъ не дочитываетъ списка до конца. Поэты устремляются на палубу. Ихъ такъ много, какъ капель въ морѣ или какъ песчинокъ на морскомъ берегу. И, несмотря на то, что набралось уже столько поэтовъ, сзади валитъ еще несмѣтная толпа, грозящая потопить корабль. Тогда сирены, чтобы спасти судно отъ гибели, поднимаютъ бурю и гонятъ его впередъ. Когда штормъ утихаетъ, начинается ливень... поэтовъ. Они, какъ водяныя капли, падаютъ изъ тучъ. Первой каплей оказывается Лопе де Вега, которому Сервантесъ говоритъ напыщенное похвальное слово.

Теперь читатель, вѣроятно, имѣетъ уже нѣкоторое представленіе о *Путешествіи на Парнасъ*. Скажу еще нѣсколько словъ о содержаніи. Слѣдуетъ вторая буря. На этотъ разъ Нептунъ пытается утопить всѣхъ риемачей, забравшихся на корабль вмѣстѣ съ настоящими поэтами; но Венера, заинтересованная въ ихъ спасеніи, превращаетъ ихъ въ пустыя тыквы и бутылки. Поэма заканчивается генеральнымъ боемъ между риемачами и поэтами.

Сервантесу было 68 лѣтъ. Но появленіе поэмы *Путешествіе на Парнасъ* не доказывало, что геній его потухъ. Напротивъ, онъ вспыхнулъ пламенемъ болѣе яркимъ, чѣмъ когда-либо раньше. Въ 1614 г. въ Таррагонѣ появился апокрифическій Донъ-Кихотъ, авторомъ котораго былъ, какъ мы уже видѣли, нѣкій Алонсо Фернандесъ де Авельянеда. Произведенію предшествовало предисловіе, наполненное грубой бранью по адресу Сервантеса. Великій писатель отвѣтилъ тѣмъ что въ 1615 г. выпустилъ вторую часть Донъ-Кихота, гораздо болѣе зрѣлую и глубокую, чѣмъ первая часть. Авторъ теперь

[1]) Поэтическія упражненія на заданную тему, о которыхъ смотри выше.

отчетливо видитъ фигуры своихъ главныхъ героевъ и понимаетъ значеніе ихъ. Въ этой второй части, между прочимъ, Сервантесъ даетъ всей испанской литературѣ боевой лозунгъ, которому она слѣдуетъ до настоящаго времени. Лозунгъ этотъ—терпимость, уваженіе къ мысли, словомъ, борьба съ „hombre negro", съ „чернымъ человѣкомъ", т. е. съ монахами, погубившими Испанію. Бласко Ибаньесъ въ „La Catedral" и въ „El Intruso" ставитъ тѣ же вопросы, которые поднялъ,—насколько можно было въ вѣкѣ, когда жгли людей,—Сервантесъ. Царствованіе Филиппа II ознаменовано было самымъ мрачнымъ фанатизмомъ. Но мы напрасно будемъ искать изображенія его въ произведеніяхъ Сервантеса. Донъ-Кихотъ живетъ иллюзіями, но это не тѣ, которыя „черные люди" насаждали тогда кострами. Не только Донъ-Кихотъ, но и Санчо Панса знаетъ, что „detrás de la cruz esta el diabolo" [1]. (Діаволъ часто прикрывается крестомъ).

Вторая часть *Донъ-Кихота* это итогъ, подведенный подъ всей жизнью Сервантеса; это—отвѣтъ на извѣстный вопросъ: „Что такое жизнь"! Объ отвѣтѣ этомъ—дальше. Въ *Донъ-Кихотѣ*, повидимому, Сервантесъ исчерпалъ *весь* свой жизненный опытъ. Нагляднымъ доказательствомъ являются произведенія, написанныя авторомъ послѣ второй части Донъ-Кихота. Сервантесъ наконецъ закончилъ пастораль *Галатея* и написалъ рыцарскій романъ „Los Trabajos de Persiles y Sigismunda" (Дѣянія Персилеса и Сигизмунды). Произведеніе это, появившееся въ свѣтъ уже послѣ смерти Сервантеса, поражаетъ запутанностью фабулы. Тутъ тоже нѣтъ плана, но авторъ совершаетъ экскурсію не въ область живой жизни, не признающей вообще „раздѣленія впередъ на главы" (она сама любитъ дѣлать это дѣленіе), а въ міръ чистой *выдумки*. *Персилесъ и Сигизмунда*—произведеніе совершенно неудачное, хотя, что крайне любопытно, Сервантесъ разсчитывалъ дойти до потомства только, какъ авторъ этого рыцарскаго романа. *Персилесъ и Сигизмунда*—произведеніе, состоящее изъ ряда отдѣльныхъ эпизодовъ, странныхъ встрѣчъ и невѣроятныхъ приключеній. Тутъ нѣтъ фона *дѣйствительности*, какъ въ Донъ-Кихотѣ, а все сочинено. Тутъ нѣтъ характеровъ и нѣтъ, такъ сказать, географической среды. А между тѣмъ надъ этимъ произведеніемъ Сервантесъ работалъ больше, чѣмъ надъ Донъ-Кихотомъ. Похожденія Рыцаря Печальнаго Образа писались такъ поспѣшно, что авторъ въ одной главѣ забывалъ, что сказалъ въ другой; но тутъ диктовала *жизнь*, а она не можетъ совершать художественныхъ ошибокъ. *Персилесъ и Сигизмунда*—произведеніе, въ которомъ авторъ полировалъ каждую фразу, а между тѣмъ оно мертворожденное.

Въ декабрѣ 1615 г. въ Мадридъ прибылъ французскій по-

---

[1] „Don Quijote", ч. II, гл. 33.

сланникъ Ноэль Брюларъ де-Сильери и первымъ дѣломъ попросилъ, чтобы ему сообщили что-нибудь о Сервантесѣ. *Донъ-Кихотъ* имѣлъ восторженныхъ поклонниковъ во Франціи, а при дворѣ желали знать какія-нибудь подробности объ авторѣ. Въ Испаніи всѣ читали *Донъ-Кихота*, всѣ восторгались имъ, но почти никто ничего не зналъ про автора. „Сервантесъ старъ, былъ солдатомъ, онъ гидальго и бѣденъ". Вотъ всѣ свѣдѣнія, собранныя тогда Ноэлемъ де-Сильери въ Мадридѣ. Къ тому времени относится авто-портретъ, сдѣланный Сервантесомъ (*словесный* авто-портретъ, конечно). О своей наружности авторъ пишетъ: „Орлиный взоръ, каштановые волосы, гладкія не кустистыя брови, сверкающіе глаза, носъ съ горбиной, сѣдая (а двадцать лѣтъ тому назадъ рыжая) борода, длинные усы, маленькій ротъ, въ которомъ осталось только шесть зубовъ, не приходящихся другъ къ другу, ростъ средній, лицо съ легкимъ румянцемъ, скорѣе свѣтлое, чѣмъ смуглое". Сервантесъ прибавляетъ, что онъ „слегка сутуловатъ и не вполнѣ свободно владѣетъ ногами". Двадцать третьяго апрѣля 1616 г. Сервантесъ скончался и былъ похороненъ въ монастырѣ, уже давно разрушенномъ. Крайне характерно, что послѣднее произведеніе Сервантеса, законченное передъ самой смертью, называется „El Engano a los ojos", т. е. *Обманъ зрѣнія*. Это—комедія, символизирующая заглавіемъ весь итогъ жизни. Какъ и Донъ-Кихотъ, Сервантесъ вступилъ въ жизнь со многими иллюзіями. Какъ и герой его романа, донъ Мигэль ушелъ изъ жизни съ грустнымъ desengano, т. е. разочарованный въ возможности появленія странствующихъ рыцарей въ нашъ желѣзный вѣкъ.

V.

Самсонъ Карраско, глумясь надъ Донъ-Кихотомъ, сказалъ ему: „скоро не будетъ языка, на которомъ похожденія ваши не были бы извѣстны". И веселый баккалавръ сказалъ глубокую истину. Нѣтъ, кажется, народа, имѣющаго литературу, который не обладалъ бы переводомъ Донъ-Кихота. Десятки поколѣній читали книгу и будутъ читать ее. Конечно, прежде всего, содѣйствуетъ этому неумирающему успѣху жизненная правда великаго произведенія. Передъ нами громадное полотно, съ котораго глядятъ выпукло вырисованныя фигуры, знакомыя каждому, кто знаетъ хоть немного Испанію, лежащую въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ. Веселыя и не особенно строгія дѣвицы, угостившія Донъ-Кихота къ концу перваго дня перваго выѣзда треской и чернымъ хлѣбомъ; мальчишка, котораго поучаетъ въ дубовой рощѣ Хуанъ Альдудо, по прозванію Богатей; пастухи, сидящіе у огня, надъ которымъ виситъ котелъ съ варящимся кускомъ соленаго козьяго мяса; полуночная процессія, сопровождавшая мертвое тѣло изъ Баэсы въ Сеговію; каторжники, нищіе, погонщики муловъ, деревенскіе

дворянчики—все это осталось теперь, какъ во времена Сервантеса. Ихъ встрѣчаетъ до сихъ поръ туристъ, странствующій по Астуріи. И реализмъ этихъ фигуръ до такой степени великъ, что читатель, не бывшій никогда въ Испаніи, чувствуетъ, что соприкасается съ живою жизнью.

Но крайній реализмъ мы видимъ также въ „Лазарильо изъ Тормесъ“ и въ „Гусманѣ де Альфараче“. Почему же мы читаемъ два послѣднихъ романа только какъ любопытный литературный памятникъ, тогда какъ *Донъ-Кихотъ* остался и долго еще останется одною изъ самыхъ любимыхъ книгъ? Для отвѣта намъ надо только вспомнить главные типы, выведенные Сервантесомъ, и ихъ отношеніе къ дѣйствительности. Главный герой не можетъ принять дѣйствительность, такъ какъ въ ней царятъ неправда и насиліе. Онъ дерзаетъ вѣрить въ прекрасную даму, идеалъ; онъ имѣетъ мужество отправиться въ поиски за нимъ, не смотря на то, что, по согласному рѣшенію всѣхъ положительныхъ людей, это смѣшно. Донъ-Кихотъ имѣетъ смѣлость поступать такъ, какъ *онъ* считаетъ правильнымъ. Онъ безстрашенъ: „истинный странствующій рыцарь никогда не долженъ знать страха, даже если онъ увидитъ десять великановъ, касающихся головами облаковъ“,—объясняетъ Донъ-Кихотъ. Ему не страшны не только великаны, но даже возможность быть смѣшнымъ. Мы увлекаемся часто героями, которыхъ *слова* дышатъ священнымъ безуміемъ, но *поступки* которыхъ мѣщански-благоразумны. Донъ-Кихотъ разсуждаетъ, какъ нормальный человѣкъ, но *поступки* его безумны. Донъ Діего де Миранда (Рыцарь зеленаго плаща) замѣчаетъ, что Донъ-Кихотъ „умный человѣкъ, пораженный безуміемъ, и безумецъ, надѣленный здравымъ смысломъ“. „Все, что Донъ-Кихотъ говоритъ, разумно, справедливо и красиво выражено, тогда какъ все то, что онъ дѣлаетъ, безумно, дерзко и нелѣпо (disparatado, temerario y tonto“ [1]). Объясняется эта характеристика тѣмъ, что всѣ мы привыкли къ двойственности и разладу между дѣйствительностью и идеаломъ, тогда какъ Донъ-Кихотъ, прежде всего, человѣкъ *цѣльный*, не признающій разлада между мыслью и дѣйствіемъ.

Затѣмъ мы видимъ въ романѣ Сервантеса цѣлый рядъ защитниковъ всего утвержденнаго, самоувѣренныхъ, самодовольныхъ, глубоко убѣжденныхъ, что все на землѣ создано для нихъ. Всякій порывъ къ идеалу кажется имъ смѣшнымъ; всякое сомнѣніе въ томъ, что дѣйствительное совершенно,—безуміемъ или преступленіемъ. Невѣжественная толпа бьетъ Донъ-Кихота и швыряетъ въ него камнями, тогда какъ хозяева положенія, какъ герцогъ во второй части романа, превращаютъ рыцаря въ шута и потѣшаются надъ нимъ. Таковъ удѣлъ всѣхъ борцовъ за идеалъ, отъ Рыцаря печальнаго образа до Галилеянина. „Тогда плевали Ему въ лицо и заушали

[1]) Don Quijote“, ч. II, гл. 17.

Его; другіе же ударяли Его по ланитамъ". „Хозяевамъ положенія" кажется безуміемъ уже одно то, что за исправленіе міра взялся какой-то провинціальный чудакъ, Алонсо Кихада „con cuatro cepas y dos yugadas de tierra, y con un trapo atrás y otro adelante" (съ четырьмя футами виноградника, двумя десятинами земли, тряпкой впереди и тряпкой позади). Самые лучшіе изъ этихъ „хозяевъ положенія", какъ донъ Лоренсо, какъ Діего,—скептики. „Я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы въ наше время были странствующіе рыцари, надѣленные высокой добродѣтелью"—говоритъ онъ.

Поддерживаютъ этихъ хозяевъ положенія священники, лиценціаты и баккалавры. Самсонъ Карраско — герой, родственный по духу Лазарильо изъ Тормеса, но только онъ окончилъ университетъ въ Саламанкѣ. „Лицо у него было круглое, носъ вздернутый и ротъ большой; характеръ у него былъ веселый и насмѣшливый. Баккалавръ очень любилъ потѣшаться на счетъ ближняго". Таковъ портретъ того, кто побѣдилъ въ концѣ концовъ Донъ-Кихота. Саламанкскій баккалавръ всегда готовъ зубоскалить, когда заходитъ разговоръ объ иллюзіяхъ и объ исправленіи неправды въ жизни. Родственъ ему вполнѣ по духу, хотя менѣе образованъ, цирульникъ Николай. „Все это только вымыселъ, басни, ложь, мечта безумцевъ или, точнѣе говоря, бредъ еще не вполнѣ проснувшихся людей",—рѣшительно отвѣчаетъ онъ, когда Донъ-Кихотъ говоритъ ему о странствующихъ рыцаряхъ. „Вотъ это и есть основная ошибка многихъ, — спокойно и съ глубокой вѣрой замѣчаетъ Донъ-Кихотъ"—многіе не хотятъ вѣрить, что странствующіе рыцари возможны". Донъ-Кихотъ въ каждой встрѣчной Мариторнѣ видитъ прекрасную, идеальную даму. Еслибы баккалавръ встрѣтилъ прекрасную и идеальную даму, онъ усмотрѣлъ бы въ ней Мариторну.

Затѣмъ Сервантесъ выводитъ народъ. Передъ нами трудолюбивый, хозяйственный, дѣловитый крестьянинъ. Санчо-Панса умѣетъ дѣлать глубокія замѣчанія, какъ, напр., тогда, когда сравниваетъ жизнь съ игрой въ шахматы. Мы всѣ исполняемъ роль разныхъ фигуръ; но когда игра кончена, время одинаково бросаетъ и пѣшекъ, и королеву, и короля въ мѣшокъ, т. е. въ могилу [1]). Сервантесъ не думаетъ идеализировать крестьянина. Санчо-Панса жаденъ на деньги: „разстаться съ деньгами ему было почти такъ же трудно, какъ разстаться съ душой. Ему казалось, что каждый, покушающійся на его кошелекъ, вынимаетъ у него глаза" [2]). Санчо-Панса—хитеръ, плутовать и трусъ. Но онъ вѣдь не понимаетъ, зачѣмъ драться. Онъ глубоко убѣжденъ, что на землѣ хватитъ мѣста для всѣхъ. „Будемъ жить; будемъ ѣсть мирно, въ доброй компаніи, такъ какъ Богъ сотворилъ солнце для всѣхъ людей",—говоритъ онъ. Опытъ въ Баратаріи доказываетъ, что въ концѣ концовъ

[1]) „Don Quijote", ч. II, гл. 12.
[2]) Ib., гл. 30.

такіе, какъ Санчо-Панса, могутъ устроить очень хорошій коллективъ, безъ войнъ, со справедливымъ распредѣленіемъ тяготъ, соотвѣтственно платежнымъ способностямъ населенія,—коллективъ, въ которомъ не будетъ бездѣльниковъ. Санчо-Панса былъ губернаторомъ только девять дней, но законодательство его осталось до нашихъ временъ подъ названіемъ „Las constituciones del gran gobernador Sancho Panza" (законъ великаго правителя Санчо Пансы). Крестьянинъ жаденъ и плутоватъ, но смотрите, какъ бережно и скрупулёзно онъ относится къ общественнымъ средствамъ! „Когда я сталъ губернаторомъ, у меня не было ни обола; теперь также—безъ гроша я оставляю мой постъ. Иначе поступаютъ правители другихъ острововъ".

Санчо-Панса — „здравомыслъ" и практиченъ. Онъ видитъ безуміе Донъ-Кихота, а между тѣмъ именно этого положительнаго крестьянина заражаетъ странствующій рыцарь своимъ безуміемъ: Санчо-Панса слѣдуетъ всюду за Донъ-Кихотомъ и вѣритъ въ странствующихъ рыцарей даже тогда, когда у его господина наступаетъ разочарованіе. Мнѣ скажутъ, что Донъ-Кихотъ увлекъ крестьянина обѣщаніемъ губернаторства; но съ тѣхъ поръ, какъ на нашей планетѣ появляются, къ счастью для человѣчества, странствующіе рыцари, они всегда обѣщаютъ „Баратаріи" на землѣ или за предѣлами ея. Санчо Панса всѣхъ народовъ и всѣхъ эпохъ вѣрятъ въ „Баратаріи", но не корысть руководитъ ими. Они слѣдуютъ всюду за странствующими рыцарями, потому что смутно сознаютъ, что безъ идеала сгнила бы жизнь. Великій современникъ Сервантеса не вѣрилъ въ народъ и презиралъ его. Народъ, по мнѣнію Шекспира, это „the mutable, rank-scented many" (измѣнчивое, воняющее кислымъ, множество). Тотъ, кто писалъ Коріолана, былъ аристократъ, наблюдавшій народъ только издалека. Сервантесъ же близко зналъ крестьянъ, и потому онъ, не идеализируя, далъ намъ Санчо-Панса...

Конечно, безуміе вѣрить, что странствующіе рыцари существуютъ и что они могутъ появиться въ прозаической обстановкѣ Ламанчи. Конечно, Дульсинеи Тобозской нѣтъ; конечно „рыцарь въ золоченыхъ доспѣхахъ, съ коронованнымъ львомъ на щитѣ" и „рыцарь съ тремя серебряными коронами по лазоревому полю", которыхъ такъ отчетливо видитъ Донъ-Кихотъ, оказываются въ дѣйствительности не „доблестнымъ Лауркалько, властелиномъ серебрянаго моста" и не „безстрашнымъ Микоколембо", а только баранами. Все это такъ. Но чѣмъ же будетъ міръ безъ прекрасныхъ призраковъ? Жизнь безъ иллюзій это тотъ міръ, въ которомъ вращаются Лазарильо изъ Тормесъ и Гусманъ де Альфараче. Вполнѣ возможно, что Дульсинея это только псевдонимъ кривой, безобразной Альдонсы; но когда кончаются иллюзіи, тогда наступаетъ смерть. Самсонъ Карраско, цирульникъ и грумъ, живущіе дѣйствительностью,—ходячіе мертвецы.

Донъ-Кихотъ—безумецъ, котораго Сервантесъ нарочно вывелъ старымъ, некрасивымъ, смѣшнымъ. Его бьютъ „положительные люди". Его топчутъ свиньи. Но все то, чѣмъ жизнь мила, все то, что миритъ Тимоновъ Аѳинскихъ съ родомъ человѣческимъ,—существуетъ потому, что есть еще безумцы, не страшащіеся гнаться за иллюзіей. Гейне совѣтуетъ мечтать всегда, когда сердце болитъ въ груди, но убѣждаетъ не искать въ жизни олицетворенія мечты.

Sohn der Thorheit! träume immer,
Wenn dir's Herz im Busen schwillt;
Doch im Leben suche nimmer
Deines Traumes Ebenbild!

Благо человѣчеству, что время отъ времени являются безумцы, не слѣдующіе этому совѣту, вѣрующіе въ существованіе Дульсинеи Тобозской и желающіе приблизиться къ ней подвигами....

Діонео.

МЕЛАНХОЛІЯ.

Разсказъ.

Маріэтта, грудастая, толстая и глупая на весь околотокъ Пиццофалконэ, стояла раннимъ утромъ на узкой, заплеванной, загаженной, забросанной остатками фруктовъ и зелени улицѣ, и кричала въ окошко тратторіи здоровымъ, груднымъ голосомъ:

— Джакино! Джак-кино! Идите-же сюда, если я говорю... О, mamma mia!

А изъ темной тратторіи слышалось хриплое:

— О, Dio mio, che spettacolo? Что надо?

Что это было за прекрасное утро, уже начинающее отягощаться жарой и синевой, но все еще таящее нѣжность, прозрачность и чистоту тоновъ, какъ молодая женщина, въ развившихся формахъ которой предугадывается могучая сила, сила, зрѣющая въ ея тѣлѣ, въ ея мысляхъ, а въ то-же время... нѣтъ, нѣтъ, это еще вчерашній угрюменькій подростокъ!

Какой смѣшной и нормальной казалась Маріэтта, круглая, добрая и взволнованная, подъ этимъ синимъ небомъ Неаполя, на этой типичной, узкой, извилистой уличкѣ съ множествомъ жидкихъ, ежеминутно готовыхъ задребезжать балконовъ, съ высокими крышами и исконно-грязными стѣнами, которыя уже начинали ослѣпительно сіять, зажженныя солнцемъ. А черезъ улицу изъ одного третьяго этажа въ другой было развѣшено мокрое бѣлье и легкій-легкій вѣтеръ, шедшій съ утренняго моря, навѣрно посмѣиваясь про себя, шевелилъ бѣлыя рубашки и кружевныя панталоны.

Вѣдь вѣтеръ тоже былъ молодымъ неаполитанцемъ, лукавымъ бездѣльникомъ и легкомысленнѣйшимъ бродячимъ музыкантомъ!

— Да выйдите же, сдѣлайте милость, винная бочка, да проститъ меня Мадонна!

— Зачѣмъ?

Наконецъ, Маріэтта разразилась такой звонкой и долгой, но малопонятной отъ гнѣва тирадой, что двое черномазыхъ и ободранныхъ ребятъ, съ хохотомъ мазавшихъ другъ друга грязью, бросили занятіе и стали наблюдать съ большимъ любопытствомъ столь разсерженную женщину, а изъ подвала показалась фигура Джакино, старика въ черномъ, пыльномъ, длиннополомъ сюртукѣ и туфляхъ на босу ногу. Онъ былъ разсерженъ. На низкомъ лбу легли морщины напряженнаго отношенія къ жизни, а давно бритыя щеки, свисавшія по бульдожьи, дрожали, какъ желе, отъ волненія.

Этотъ старикъ, привратникъ по профессіи, былъ добрымъ и вялымъ существомъ, тихо проводившимъ дни въ посасываніи дешевенькаго вина, но иногда въ немъ сказывалась неаполитанская готовность схватиться за coltello (ножъ).

Выкарабкавшись по тяжелымъ ступенямъ на улицу, онъ сорвалъ съ головы шляпу и съ размаху брякнулъ ее о-земь, а потомъ, безмысленно выпучивъ глаза, злобнымъ и порывистымъ движеніемъ сдѣлалъ рукой характерно-неаполитанскій неприличный жестъ, считающійся высшимъ оскорбленіемъ среди мѣстнаго простонародья.

— О, душа Мадонны, чтобъ тебѣ сдѣлали гадость! Что тебѣ надо, чума?

Впрочемъ, онъ тотчасъ же надѣлъ шляпу и прежде чѣмъ это сдѣлать, благочестиво и вѣжливо сказалъ:

— Прости, Мадонна.

Его гнѣвъ умеръ такъ же моментально, какъ и родился, такъ какъ старикъ уставалъ черезъ минуту отъ всякаго душевнаго движенія. Смотавъ съ шеи красный платокъ, онъ сталъ вытирать имъ лобъ и за воротникомъ; это занятіе всегда приводило его въ добродушное настроеніе. Онъ поглядѣлъ на небо, на знакомую улицу и, безсознательно поблагодаривъ Бога за день, прищурился на Маріэтту.

— Ну, что-же случилось?—спросилъ онъ уже спокойно.

Маріэтта, какъ всѣ неаполитанки, немного струхнула и смолкла, услышавъ, что Джакино желаетъ всякой гадости душѣ Мадонны.

Она подумала, что часть этого грѣха будетъ зачтена и ей, Маріэттѣ, а у нея и такъ уже достаточно грѣховъ: вчера она все-таки уступила, уступила, стыдно сказать, на чердакѣ этому живчику, студенту Пепе, а сегодня она согрѣшила дважды—во-первыхъ, она заподозрила Пепе, что онъ въ чаду любовныхъ объятій стащилъ у нея кошелекъ съ двумя лирами, а, во-вторыхъ, она дала фальшивые двадцать чентезими зеленщику. Впрочемъ, она сдѣлала это по давнишнему настоянію своей хозяйки и на нее приходится только часть этого грѣха. А что касается Пепе... то вѣдь все-таки она

сегодня бѣгала опять на чердакъ и не нашла тамъ кошелька! И она помнитъ, что онъ былъ, этотъ кошелекъ, у нея до рокового момента...

Но, увидѣвъ, что Джакино пришелъ въ норму, она снова внезапно вскипѣла въ силу закона противодѣйствія.

— Зачѣмъ только синьора Изабелла держитъ привратникомъ такого стараго мула, какъ этотъ Джакино!—закричала она, трагически жестикулируя и подсовывая кулаки къ носу старика: — Что у васъ дѣлается въ домѣ? Онъ дѣйствительно глупъ... Уродъ! Язычникъ! Старый дуракъ! Такъ васъ зоветъ все Пиццофалконэ. Сколько времени мнѣ васъ звать, важный синьоръ? Дуракъ... Развалина!

Мальчишки захохотали и одинъ изъ нихъ швырнулъ въ Джакино старой, подобранной съ земли апельсинной коркой, такъ какъ онъ не могъ не реагировать дѣйствіемъ на жизненныя явленія. Солнце всегда дѣйствуетъ такъ на мальчугановъ.

Но Джакино былъ уже невозмутимо апатиченъ. Трудно было выйти изъ кабачка, а если уже вышелъ... Онъ сдѣлалъ властный, величественный и безмолвный жестъ успокоенія и потомъ солидно сказалъ:

— As-petta. Подождите. Что случилось?

— Чортъ пришелъ васъ исповѣдывать! Вотъ что случилось.

— Я это вижу.

И такъ какъ онъ уже повернулся, чтобъ провалиться въ темной тратторіи, то Маріэтта должна была перейти къ сути дѣла. Она стала трещать, быстро и добродушно:

— Что-то неладно съ иностранцемъ. Въ мансардѣ. Я сегодня иду на чердакъ и слышу, что у него за дверью мяучитъ кошка. Я и подумала—зачѣмъ ей мяукать? Навѣрно, старый чернокнижникъ ее не кормитъ, вотъ она и воетъ съ голоду. И пошла дальше.

Только вдругъ я вспомнила — вѣдь она-то, эта кошка, еще вчера днемъ такъ же мяукала. Я вчера тоже ходила на чердакъ и помню, что она мяукала. Что такое? Или колдунъ не выходитъ уже второй день изъ дому? А вотъ уже годъ, какъ я его вижу каждое утро въ 7 часовъ, когда онъ идетъ пить кофе и потомъ въ 9, когда онъ возвращается. И такъ же вечеромъ. Я всегда знаю, когда онъ выходитъ или приходитъ, такъ какъ онъ идетъ мимо кухни и кашляетъ. А тутъ-то я и вспомнила, что я дня три его не слыхала.

Я пошла и спросила синьору Изабеллу, не видала-ли она астролога вчера или третьяго дня? Она говоритъ—не видала. Тутъ я ей сказала, что я тоже не видала, а кошка второй день мяучитъ за дверью. Синьора Изабелла страшно испу-

галась и пошла со мной наверхъ. Мы смотримъ—дверь заперта изнутри на задвижку. Мы и стучали, и кричали,—ничего. Только кошка мяучитъ. Тогда синьора говоритъ: «Поди и позови Джакино. Пусть онъ откроетъ дверь».

— А зачѣмъ-же вы ходили вчера и сегодня на чердакъ?—презрительно спросилъ Джакино.

Онъ не былъ догадливъ, но «студентъ Пепе» вчера самъ разсказывалъ въ тратторіи всю исторію грѣхопаденія Маріэтты.

— Зачѣмъ?... Такой оселъ, какъ вы! Пьяница... Ходила, потому что надо было...

— Что-же надо?—продолжалъ брезгливо Джакино и черезъ секунду самъ-же хладнокровно опредѣлилъ, пожавъ плечами:—Puttana.

— Негодяй! Ходила просить чорта взять вашу душу! Вотъ что надо. Но куда-же вы? Синьора ждетъ!

— Куда? — важно переспросилъ Джакино. — За свидѣтелями.

— Какими свидѣтелями?

— Какими? А вотъ такими...

— Подождите, подождите! Вы опять идете въ погребокъ. Что за несчастье! О, Мадонна! Зачѣмъ свидѣтели?

— Зачѣмъ? А затѣмъ, что астрологъ, можетъ быть, умеръ, хе-хе. Вотъ зачѣмъ.

И онъ рѣшительно сталъ спускаться въ погребокъ.

Въ тратторіи было полутемно, пахло сыростью и виномъ. Столики были липкіе, милые, привычные, а вся задняя стѣна была уставлена почтеннѣйшими, грязными бочками, такими дорогими, что, взглянувъ на нихъ, можно было только глубоко вздохнуть.

О, если бы все это выпить! Какое-то слезливое чувство уюта обняло душу Джакино, когда онъ грузно сѣлъ къ своей только-что налитой фляжкѣ. Бездѣльникъ пилъ каждое утро съ самаго утра, читая газеты, кряхтя, играя въ шашки и разсуждая съ посѣтителями объ иностранной политикѣ и дѣлахъ околотка. Потому-то онъ и былъ неопрятнымъ и обрюзгшимъ старикомъ съ тупымъ лбомъ и безразличными глазами.

— Э, Марино!—крикнулъ онъ въ дверь хозяйской комнаты.

Въ отвѣтъ донеслось равнодушно-вопросительное молчаніе.

— Поди-ка сюда, Марино. Въ домѣ, кажется, что-то новенькое,—не спѣша, говорилъ Джакино, посасывая вино маленькими глотками и стараясь протянуть время. Онъ и жадничалъ на вино, и смаковалъ его, и чуть-чуть покачивалъ съ сожалѣніемъ головой, находя кой-какіе оттѣнки вкуса неудо-

влетворительными. Что подѣлать, онъ имѣетъ средства пить только молодое вино, которое отдаетъ «сѣроводородомъ», какъ говоритъ «студентъ Пепе», изучившій всѣ науки и знавшій толкъ и въ винѣ.

— Что такое?—спросилъ равнодушно басъ за дверью.

— Кажется, умеръ чернокнижникъ. Маріэтта говоритъ, что онъ три дня не выходилъ и дверь заперта изнутри... И не откликается.

— Если онъ умеръ, то ему будетъ на томъ свѣтѣ еще хуже, чѣмъ на этомъ. Онъ не очень-то вѣрилъ въ Бога, этотъ чернокнижникъ.

— Хе-хе. Ученые всегда не вѣрятъ въ Бога. Вонъ Пепе тоже не вѣритъ. А къ тому-же старикъ торговалъ чертовщиной, это вѣрно. Онъ продавалъ амулеты и предсказывалъ судьбу по звѣздамъ.

Хе-хе. Падрэ не очень хвалитъ такія занятія, хотя, по моему, въ нихъ есть толкъ. Какъ думаешь, а? И можно на нихъ пить по маленьку. Porco Madonna! Хотя онъ не пилъ. Это вѣрно. Но вотъ что: надо свидѣтеля, Марино. Пойдемъ вмѣстѣ, а то меня зоветъ синьора Изабелла и я, по правдѣ сказать, боюсь, что, пойди я одинъ, опять начнется скандалъ. Пойдемъ вмѣстѣ, я не хочу съ ней встрѣчаться одинъ на одинъ. А если старикъ умеръ, то свидѣтель необходимъ.

Но ему не хотѣлось выходить; здѣсь было тихо и такъ мудро, въ сыромъ, полутемномъ кабачкѣ съ низкими, мощными сводами. А толстыя бочки глядѣли, какъ много-знающіе про себя старые люди, какъ солидные и безмолвные друзья.

Виноторговцевъ вышелъ изъ своей комнаты и сталъ передъ Джакино, уперевъ руки въ бока. Онъ былъ колоссаленъ и вверхъ и вширь; его совершенно бездумная красная физіономія съ такой тяжелой челюстью, что Самсонъ могъ бы ею избивать филистимлянъ, носила на себѣ печать того несокрушимаго покоя, который данъ здоровымъ людямъ, прожившимъ полъ-столѣтія и давно имѣющимъ свою семью и свое правильно идущее предпріятіе.

Рукава на волосатыхъ рукахъ были засучены; грудь и колѣни закрывалъ передникъ, не имѣвшій права называться бѣлымъ.

Но Марино былъ дорогъ для Джакино, который отъ сидячей жизни привыкъ покрывать дѣйствительность пленкой сентиментализма—Марино былъ для него добрымъ геніемъ траттоміи, ея королемъ и походилъ на бочки съ виномъ. Онъ всегда носилъ съ собой запахъ вина, этотъ многообѣщающій, кисловатый, раздражающій, очаровательный ароматъ. И вѣдь они проводятъ каждый день вмѣстѣ, вотъ уже почти сорокъ

лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ Джакино переселился въ Неаполь съ Капри. Потому что онъ не неаполитанецъ, Джакино. Онъ— caprese.

— Свидѣтелемъ? Вотъ это хорошо, Джакино! А кто-же будетъ за прилавкомъ?

Джакино былъ доволенъ, что онъ можетъ тянуть время. И, слава Богу, Маріэтта не кричитъ подъ окномъ; навѣрно, эта ужасная женщина ушла.

— Э, Марино, кто придетъ въ такой ранній часъ? Пиццофалконэ еще спитъ. Только женщины и разносчики встали.

— Пепе съ Энрико хотѣли придти утромъ. Сальваторе принесетъ устрицъ...

Слава Богу, обстояельства сами собой складываются такъ, что можно еще посмаковать немного вино.

— Пепе... Пепе теперь жметъ гдѣ-нибудь Маріэтту. Бравый мальчуганъ, этотъ Пепе. Ну, тогда позови Джованну.

— На рынкѣ,—коротко отрѣзалъ Марино и, ворочая задомъ, какъ грузовой пароходъ, прошелъ тяжелыми шагами въ свою комнату.

Онъ былъ дѣловой человѣкъ; онъ сводилъ тамъ счета.

И Джакино сѣлъ поудобнѣе, улыбнулся и закурилъ сигару. Плутяга... Но въ то же время въ маленькое рѣшетчатое окно тратторіи, какъ грохотъ мѣдной посуды, спущенной съ лѣстницы, ворвался голосъ толстой Маріэтты.

— Посмотрите на него, добрые люди, посмотрите! Онъ сидитъ и пьетъ вино, о, чтобъ крысы съѣли его печень! Синьора Изабелла ждетъ, я жду, кошка мяучитъ, можетъ быть, въ домѣ умеръ иностранецъ, а онъ пьетъ вино, мулъ! Синьора Изабелла сказала, что она васъ прогонитъ, если вы не придете сейчасъ! Поняли? Она такъ и сказала. Она сказала: «Хорошо, пусть онъ приведетъ двухъ свидѣтелей! Но если онъ сидитъ у Марино и пьетъ вино, онъ можетъ уѣзжать на Капри обратно». Вы поняли? Мулъ, да проститъ меня Мадонна!

— Ну пойдемъ, Марино, — грустно сказалъ старый привратникъ, кряхтя и подымаясь со своего милаго табурета.— Съ синьорой плохія шутки. Э, пойдемъ! Вѣдь мы-же старые друзья. Пойдемъ. Дѣло сдѣлаемъ въ пять минутъ.

— Чортъ побралъ бы этихъ иностранцевъ... Когда лѣнтяй умираетъ, рабочій человѣкъ долженъ бросать дѣло,—бормоталъ виноторговецъ, звякая тяжелыми ключами, которые годились бы, чтобъ запирать главныя двери собора...—Надо закрыть погребъ.

Выйдя на улицу, они увидѣли, что Маріэтта, какъ всегда необычайно жестикулируя, болтала съ двумя величественными, сухими старухами, сестрами Петруччини. Онѣ обѣ были остроглазы. тощи и одѣты въ поношенныя черныя платья, но

одна изъ нихъ, младшая, была горбата, почему улица звала ее теткой-вѣдьмой—strega; въ рукахъ у нихъ были корзины съ хлѣбомъ и овощами.

Тутъ же стояли и оба оборванныхъ, босоногихъ мальчугана, засунувъ пальцы въ ротъ и слушая одинъ съ глупымъ, а другой, постарше, съ очаровательно лукавымъ видомъ.

Маріэтта трещала безъ умолку. Теперь вся исторія не казалась ей больше ни страшной, ни досадной; напротивъ, она становилась необычайно занимательной. День, солнечный и веселый, дѣйствовалъ на нее и, конечно, говорить, говорить безъ конца и махать руками надо было ея языку и ея рукамъ, толстымъ, пухлымъ и сальнымъ.

— Я и слышу, что она не просто мяукаетъ, а такъ, какъ будто бы она голодна. О, mamma mia... Ну, думаю, если она вчера мяукала и сегодня, значитъ чернокнижникъ боленъ и не можетъ выйти. А тутъ я и вспомнила, что вотъ уже три дня, какъ я не видала старика. И подумала, не отъ науки-ли, что-нибудь съ нимъ случилось, да проститъ мнѣ Матерь Божья! Самъ падрэ говорилъ, что ученые продаютъ душу дьяволу... Ужъ хорошаго тутъ ничего не можетъ быть, если человѣкъ отгадываетъ судьбу, потому, что судьба — это дѣло Божье, какъ я полагаю, и человѣкъ не долженъ въ это вмѣшиваться. Да, я такъ думаю. Я неграмотная дѣвушка, но я очень набожна. Я и подергала дверь. Ничего не слышно. Тогда я и говорю погромче: — «Синьоръ Антоніо, а, синьоръ Антоніо!»—Ничего не слышно. Тутъ мнѣ стало страшно, и я пошла сказать синьорѣ Изабеллѣ. Потому что онъ иностранецъ и еще ученый, и если онъ умеръ или съ нимъ что-нибудь случилось, то все это можетъ выйти и не такъ просто, какъ обыкновенно, если умираетъ старый человѣкъ. Потому, что старые люди и должны умирать, какъ я полагаю...

— Да сохранитъ насъ Богъ,—вставила степенно старшая строглазая старуха, поджимая губы.

— Вотъ теперь онъ увѣруетъ въ Бога, этотъ колдунъ...— сказала другая; она могла говорить только шепотомъ, такъ какъ у нея былъ порванъ голосъ; это дѣлало ея рѣчь страшной. Въ этой старинной улицѣ сиплая горбунья, дѣйствительно, казалась какимъ-то недобрымъ существомъ изъ зловѣщей сказки.

— Вѣрно, что онъ былъ колдунъ! — воскликнула Маріэтта.—Потому что онъ гадалъ Этеръ, когда она родила отъ того Луиджино, что уѣхалъ въ Африку. Я сама ее провела къ старику въ мансарду. Этеръ пришла ко мнѣ и все плакала. Луиджино, говоритъ, уѣхалъ въ Африку и ничего не пишетъ; навѣрно, онъ ее бросилъ совсѣмъ и связался съ другой дѣвушкой. А вѣдь и правда, Луиджино былъ такимъ гулякой и

краснобаемъ. А она родила и истратила почти всѣ деньги на роды и куда же ей дѣвать ребенка? Тутъ Этеръ еще больше заплакала и говоритъ: «Навѣрно, nini (ребенокъ) будетъ несчастенъ въ жизни. Онъ выйдетъ бродягой, лаццарони, и будетъ только пить да играть въ банко-лотто». А я ей говорю:—«Ты знаешь, Этеръ, это можно узнать у иностранца, у этого старика, у синьора Антоніо, что живетъ въ мансардѣ. Онъ гадаетъ по звѣздамъ и по рукѣ и можетъ сказать все,—такъ и написано внизу, на вывѣскѣ». Къ намъ разъ пріѣзжали даже синьоръ и синьора, такіе богатые, синьора въ шелковомъ платьѣ, синьоръ въ цилиндрѣ, на собственномъ автомобилѣ. Синьоръ увидѣлъ меня и спросилъ:—«Гдѣ тутъ живетъ астрологъ?» и самъ смѣется, все смѣется... Я не поняла тогда, потому что это уже потомъ студентъ Пепе сказалъ мнѣ, что такое астрологъ. Это кто знаетъ все по звѣздамъ. Но я догадалась, что синьоръ говоритъ про иностранца, и показала ему. Онъ имъ хорошо нагадалъ. Они были молодожены и я сама слышала, какъ синьоръ сказалъ, когда они выходили отъ старика:—Ты видишь, что онъ умный человѣкъ.—А синьора сказала—«Но какой онъ несчастный старикъ»... Значитъ, онъ все-таки хорошо имъ нагадалъ. Да, и они оставили ему золотой; они говорили и объ этомъ на лѣстницѣ. Ну, такъ вотъ я и сказала Этеръ. «Можно пойти къ астрологу, но надо будетъ заплатить ему лиру». А я знала, что у Этеръ были все-таки деньги, такъ какъ она тогда уже начала ходить по вечерамъ по Толедо. Этеръ говоритъ:—«Хорошо, пойдемъ, узнаемъ, что будетъ съ nini».—Мы и пошли къ иностранцу. А онъ совсѣмъ бѣдный, все самъ дѣлаетъ, и комнату самъ мететъ и сюртукъ на лѣстницѣ чиститъ. Старый, сѣдой, весь сгорбленный, а глаза какъ двѣ вилки. Но онъ все-таки добрый, этотъ синьоръ Антоніо, скажу правду. Что правда, то правда, какъ я полагаю. Онъ дарилъ иногда конфекты и апельсины мальчишкамъ на улицѣ, хотя синьора Изабелла и не хвалитъ этого, такъ какъ онъ былъ чернокнижникомъ и кто знаетъ, хорошо ли было дѣтямъ брать отъ него...

Обѣ старухи перекрестились и продолжали слушать съ любопытствомъ и достоинствомъ.

— Да. Мы и пришли и сказали ему. Намъ было немного страшно, скажу правду. Потому что у него въ мансардѣ разные инструменты, большой шаръ на палкѣ и стеклянныя штучки на столѣ, вродѣ вазочекъ, а въ нихъ, въ одной что-то синее, а въ другой мутное, какъ вода съ молокомъ. Онъ тогда досталъ изъ подъ стола большой листъ, а на листѣ синій кругъ и все точки, точки и разныя закорючки, и написано не по итальянски. Я неграмотна, но Этеръ послѣ говорила,

что не по итальянски. Синьоръ Антоніо сказалъ, что это все звѣзды, а потомъ положилъ какое-то деревянное колесо, совсѣмъ колесо, съ тоненькими спицами, спросилъ, когда родился ребенокъ, и сталъ наставлять колесо по синему кругу. Наставляетъ, а самъ все разспрашиваетъ, какъ и отъ кого родился, и гдѣ отецъ. И онъ добрый человѣкъ, синьоръ Антоніо. Когда онъ узналъ, что ребенокъ незаконный, а Луиджино уѣхалъ искать счастья въ Африку и не пишетъ, онъ только покачалъ головой, свистнулъ и махнулъ рукой..

— А что-же онъ сказалъ?—спросила одна изъ старухъ.

— Ахъ, сказалъ, что nini будетъ несчастный, будетъ недобрый и будетъ странствовать. Онъ спросилъ, въ какомъ мѣсяцѣ nini родился? А nini родился... да кажется въ ноябрѣ... Да, конечно, въ ноябрѣ, потому что Этеръ забеременѣла въ мартѣ, прошлой весной. Какъ разъ когда у меня зубы болѣли, тогда она и забеременѣла, скажу правду. Синьоръ Антоніо перевернулъ колесо и сказалъ (это я хорошо помню, потому что онъ все это потомъ написалъ Этеръ и Этеръ много разъ читала), сказалъ:

— «Его планета Сатурнъ. Твой сынъ будетъ всегда искать и не находить и всегда будетъ недоволенъ, что бы ни находилъ»... И еще что-то, много всего... Вотъ какой онъ будетъ! И семьи у него не будетъ. «Потому что, сказалъ синьоръ Антоніо, Сатурнъ планета холодная и кто родился подъ ней, тотъ непремѣнно будетъ несчастнымъ въ жизни». Тогда Этеръ разсердилась и не хотѣла отдавать лиру, но онъ ей сказалъ, чтобы она сдѣлала для nini кольцо изъ свинца и вставила камень ониксъ, и написалъ ониксъ на бумагѣ, потому что мы съ Этеръ никогда не слыхали о такомъ камнѣ. И тогда nini будетъ почитать ее всю жизнь. И тутъ синьоръ Антоніо показалъ ей такое-же кольцо у себя на пальцѣ и сказалъ, что и онъ родился подъ Сатурномъ, но сдѣлалъ кольцо и сталъ веселымъ человѣкомъ. Тогда Этеръ отдала ему лиру, а я спросила: «А мнѣ что будетъ; я родилась въ маѣ». — Синьоръ Антоніо засмѣялся и сказалъ:—«Я твою планету и такъ знаю; твоя планета счастливая и горючая, Юпитеръ», и сказалъ сдѣлать кольцо изъ олова и камень вставить янтарь. Я его еще спросила—сколько лѣтъ буду жить. Тутъ онъ вынулъ толстую книгу въ красномъ переплетѣ съ застежками, долго смотрѣлъ въ нее, читалъ, читалъ, а намъ велѣлъ стоять, не шевелиться и молчать, пока онъ не скажетъ, а если помѣшаемъ, то вовсе не сможетъ сказать. Мы такъ, какъ двѣ тумбы, и стояли съ полъ-часа, такъ что я подумала, ужъ не забылъ-ли онъ объ насъ? Сидитъ и читаетъ, потомъ напишетъ что-то и опять читаетъ... И самъ страшный такой, какъ старый дьяволъ, право... И пишетъ не буквы, а кружки или

черточки разныя или еще цифры; это я понимала, потому что знаю цифры. А потомъ просто сидитъ—откинетъ голову и что-то думаетъ, думаетъ... И самъ такой худой, блѣдный, какъ бумага. Наконецъ, я не вытерпѣла и спросила, хотя страшно было, что-же онъ скажетъ? А онъ и говоритъ: «вы изъ деревни?»—«Да, говорю, мы, Спадаро, изъ подъ Амальфи».—«А корова, говоритъ, у васъ есть?» — «Есть», говорю.— «Молодая?»—«Молодая», говорю, а самой мнѣ странно, зачѣмъ онъ объ этомъ спрашиваетъ? «Такъ вотъ, говоритъ, ты проживешь въ пять разъ больше, чѣмъ та корова...»

Слушатели внезапно всѣ разомъ загоготали. Горбунья, что не имѣла голоса, смѣялась беззвучно, но все ея лицо торжествовало и прыгало; у нея было непріятное, сухое лицо совсѣмъ желтаго цвѣта.

— Э, да онъ подшутилъ надъ вами, бѣдная женщина!— пробасилъ Марино, упирая руки въ бока, что было его любимой позой.

— Ахъ, дуры, дуры...—качалъ головой Джакино.

— Подшутилъ? Молчали бы вы, жирный мулъ!—огрызнулась опѣшившая было сперва Маріэтта.—Видали бы вы его, когда онъ это говорилъ...

— А что?

— А то, что говорилъ, какъ человѣкъ, а не какой-нибудь брехунъ. Даже грустный такой былъ, долго такъ смотрѣлъ на меня... А послѣ и мѣсто въ книгѣ показалъ, откуда онъ это взялъ... про корову...

Марино и Джакино загоготали снова на всю улицу.

— Ахъ, дура, дура эта Маріэтта, вѣритъ въ такой вздоръ... Ужь эти женщины!

— Но это правда, что астрологъ говорилъ иногда непонятное и все для того, чтобы дурачить людей, какъ я думаю...—по обыкновенію вяло сказалъ Джакино.—Это отъ ученыхъ занятій, ха-ха. Разъ я съ нимъ вечеромъ столкнулся на улицѣ, какъ разъ отъ тебя выходилъ, Марино.—«Добрый вечеръ, говорю, синьоръ, хороши-ли звѣзды?»—«Про какія звѣзды вы говорите», — спрашиваетъ онъ меня. — «А вотъ хоть бы про эти»,—отвѣчаю и показываю на небо, куда пальцемъ попалъ.— «А вы знаете,—говоритъ тогда синьоръ Антоніо—что тѣ звѣзды, на которыя вы показываете, вовсе не тамъ, а примѣрно вонъ тамъ», и показываетъ совсѣмъ въ другое мѣсто.—«Вотъ такъ разъ, говорю, какъ же эти звѣзды могутъ быть тамъ, если онѣ тутъ?»—«Что вы, говоритъ, тутъ нѣтъ ничего изумительнаго, а если вы не понимаете, такъ потому, что вы, Джакино, изъ погребка...» — Онъ былъ хитрецъ и враль, этотъ иностранецъ. Но онъ былъ тихій человѣкъ. Очень спокойный.

— А кто онъ такой былъ? — спросила старшая Петруччини:—Нѣмецъ или англичанинъ?

— Кто его знаетъ. Можетъ быть, это знаетъ синьора Изабелла..

Но Марино надоѣла эта безконечная болтовня. Чортъ возьми, онъ оставилъ счета и заперъ погребъ вовсе не для того, чтобы слушать бабьи розсказни. Онъ сталъ ругаться и грозилъ уйти.

Тогда всѣ, и старухи и двое мальчишекъ тоже, вошли въ невысокую и дурно пахнувшую дверь и растянулись цѣпью по лѣстницѣ, такъ какъ она была очень узка, какъ обыкновенно въ старыхъ неаполитанскихъ домахъ.

На третьемъ этажѣ Маріэтта постучала въ дверь и почтительно окликнула:

— Синьора Изабелла!

Синьора Изабелла вышла въ старомъ, легкомъ, розовомъ капотѣ, волнистыя складки котораго не могли закрыть ея черезчуръ большого живота. У нея было жирное и нездоровое лицо немолодой женщины, равнодушной, но и плотоядной, потому что ея губы были толсты и мягки, носъ мясистый, а черные глаза походили на двѣ большія тусклыя оливки. Плохо причесанные, тоже жирные и черные, волосы выбивались прядями.

Синьора Изабелла была домовладѣлица и богачка, но она происходила изъ крестьянъ и получила все по наслѣдству. Она была жадна, какъ крестьянка: въ своемъ домѣ она держала квартиры съ проститутками, сдирая съ нихъ втридорога. И она была неопрятна, какъ большинство неаполитанокъ; ея капотъ, пахнущій прованскимъ масломъ и свѣжими овощами, не застегивался спереди и, когда она не придерживала полы рукой, виднѣлось бѣлье; впрочемъ, оно настолько противорѣчило гигіенѣ и эстетикѣ, что не могло возбуждать никакихъ грѣшныхъ мыслей.

— А, ты здѣсь, Джакино...—медленно и зловѣще протянула она на низкихъ нотахъ.

— Да, синьора.

— Да, синьора...—передразнила она цѣлую гамму вялыхъ, смиренныхъ и трусливыхъ оттѣнковъ рѣчи своего привратника.—Да, синьора... Мавръ!—неожиданно вскипѣла она и прыгнула подъ самый подбородокъ Джакино. Она была низкоросла:—Когда же ты подохнешь, мавръ! Ты жрешь и пьешь цѣлый день, а что ты дѣлаешь? Сколько разъ я говорила тебѣ, чтобъ ты сидѣлъ у воротъ, а не шлялся къ Марино... Каморра! Платить деньги, чтобы надрывать свое сердце... Проклятые. Когда-нибудь вы уложите меня на кладбище...

Джакино рѣшилъ было терпѣть, но въ немъ опять внезапно

проснулся неаполитанецъ. Привычнымъ жестомъ онъ схватилъ шляпу и бросилъ ее на полъ въ очевидномъ и полномъ отчаяніи.

— Да, синьора всегда сердится не на кого другого, какъ на меня. Я встаю въ 5 часовъ утра, раньше всего Пиццофалконэ, мету дворъ, чищу лѣстницу, выбиваю ковры; я дѣлаю все, чтобъ угодить синьорѣ, но синьора не принимаетъ ничего во вниманіе! Синьора нападаетъ всегда на меня, только на меня, хотя я работаю больше всѣхъ въ домѣ.. Маріэттѣ синьора никогда не скажетъ ни слова, хотя она только и дѣлаетъ, что носится на чердакъ со студентомъ Пепе... Что они тамъ дѣлаютъ, кто ихъ знаетъ, но во всякомъ случаѣ это не работа по дому..

Хозяйка и привратникъ размахивали руками, наскакивали другъ на друга и кричали на перебой...

Наконецъ, Джакино закашлялся и, жалко всхлипнувъ, поднялъ съ пола свою шляпу. Синьора Изабелла остро взглянула на Маріэтту, лицо которой моментально стало пурпурнымъ, двѣ старухи приняли натянутый, скромный, чутко-выжидательный видъ, полный достоинства, а оборвыши-мальчишки хихикнули, толкнули другъ друга подъ-бокъ и шепнули неприличныя слова.

Одинъ Марино оставался колоссально тупымъ. На его лицѣ съ тяжелымъ подбородкомъ было написано, что онъ по лѣни никогда не понимаетъ происходящаго; его мозгъ кое-какъ ворочался въ привычной и вполнѣ необходимой для него сферѣ. Только что-нибудь необычайное могло возбудить въ немъ посторонній интересъ: онъ ходилъ иногда на бойню, любилъ смотрѣть, какъ дерутся... Но ругань—это было слишкомъ блѣдно для него.

Однако, пора въ погребъ, чортъ возьми!

— Синьора Изабелла,— сказалъ онъ грубовато—Ваша милость не должны забывать, что мнѣ пора въ лавку, чортъ возьми.

—Ты у меня потеряешь мѣсто,—медленно процѣдила синьора въ сторону Джакино.—И ты тоже.. putaccia...—добавила она Маріэттѣ.—Я не потерплю въ своемъ домѣ разврата, безбожница. А теперь идемъ. Ужъ такъ вы спѣшите, синьоръ Марино. Но, Джакино, ты сказалъ, что приведешь двухъ свидѣтелей?

— А, синьора...—смиренно заговорилъ Джакино — вонъ сколько народу...

— Это все женщины. Надо мужчинъ. Я не знаю, что тамъ у него, у иностранца. Можетъ быть, тамъ бомбы или бандиты.

Кто его знаетъ? Надо еще одного мужчину. Я и такъ всего боюсь съ самаго утра, какъ узнала про этого иностранца...

— Можно позвать студента Пепе,—равнодушно согласился Джакино и прибавилъ не безъ лукавства:—Поди, Маріэтта, позови сюда Пепе. Скажи, синьора проситъ.

Полное лицо Маріэтты опять залилось пурпуромъ; она хотѣла было начать ругаться, но сдержалась при хозяйкѣ и только угрожающе блеснула глазами.

— Что-жъ, пойди за своимъ любовникомъ!—крикнула и синьора Изабелла. — Сколько хлопотъ людямъ изъ-за этого колдуна.

Маріэтта понеслась внизъ по лѣстницѣ, такъ какъ Пепэ жилъ въ подвалѣ у сапожника Энрико, за перегородкой.

Все-таки хорошо, что ее послали за Пепе. Онъ не былъ ея первой любовью, но онъ былъ такой черненькій, стройный, веселый... Только бы онъ не разлюбилъ ея. Ахъ, онъ любитъ полныхъ, этотъ Пепе; онъ самъ это говорилъ, обнимая ее на чердакѣ. Не дай ей Мадонна похудѣть, а это вѣдь совсѣмъ не мудрено, если живешь у синьоры Изабеллы. Господа' кушаютъ все сами: синьора, два синьорино и четыре синьорины, а ей, Маріэттѣ, остается только соскребать съ кастрюлей. Но Пепе сказалъ ей, что если она будетъ хорошей дѣвочкой, то онъ переѣдетъ въ другую часть города, въ комнату... Тогда не придется бѣгать по чердакамъ, какъ кошкѣ, да проститъ ее Мадонна... Онъ возьметъ ее къ себѣ... Что это будетъ за жизнь!

Маріэттѣ отворила дверь на стукъ жена Энрико, Тереза, нестарая женщина съ изможденнымъ, когда-то красивымъ, лицомъ и блестящими глазами. Она поминутно заливалась долгимъ кашлемъ.

— Добрый день, добрый день, Маріэтта,—сказала она довольно раздраженно:—ты пришла къ Пепе, разумѣется?..

— Меня прислала сама синьора. Въ домѣ несчастіе. Иностранецъ вотъ уже три дня не выходилъ изъ мансарды и не откликается. И кошка мяучитъ. За дверью.

Маріэтта говорила, задыхаясь, такъ какъ она бѣжала по лѣстницѣ.

— Ну, такъ что?

— Синьора велѣла позвать мужчинъ и какъ-нибудь открыть дверь, потому, что онъ, можетъ быть, умеръ, иностранецъ, или, синьора думаетъ, что можетъ быть тамъ бандиты, спаси насъ Христосъ. Тамъ уже ждутъ. Джакино, Марино изъ виннаго погреба...

— А, такъ тамъ и Марино, чтобъ онъ издохъ! И ты пришла за Энрико?—крикнула Тереза тѣмъ звенящимъ, срывающимся голосомъ, который бываетъ у чахоточныхъ, и засмѣялась:— Такъ ты его не дождешься, mia cara. Онъ спитъ, какъ чурбанъ.

Онъ опять напился вчера съ твоимъ проклятымъ Пепе у этого кабана, у Марино. Да, да, пойди, побуди его, да и Пепе тоже. Онъ еще въ постели, такъ что ты можешь влѣзть въ нее, если хочешь...

Она сердито пошла къ печкѣ, которую растапливала хворостомъ.

Но по пути она постучала въ деревянную перегородку и ядовито крикнула:—Синьоръ Джузеппе, къ вамъ пришла ваша милая, поцѣлуйте ее покрѣпче...

— Что за дьяволъ? — пробормоталъ молодой сонный голосъ: — Что вамъ надо, синьора Тереза? Вы будите людей, какъ будто въ Неаполѣ землетресеніе...

— Синьоръ Джузеппе,—по возможности мелодично произнесла Маріэтта:—васъ проситъ немедленно придти синьора Изабелла. Въ домѣ несчастье.

— О, Маріэтта! О, крокодилъ моей души!—раздался воодушевленный ревъ изъ-за перегородки:—Фіалка моего жилета! Приди, приди ко мнѣ, и я выдавлю изъ тебя жиръ своими влюбленными объятіями!

Онъ всегда говорилъ очень странно. Онъ былъ образованъ и каждый день читалъ газету.

— Что-жь? Иди къ нему...—усмѣхнулась Тереза.

Ея печь растопилась; Тереза звякнула посудой.

— Ахъ, синьоръ,—застыдилась Маріэтта,—вы не одѣты...

— Какъ юный богъ, carina. Но все равно Тереза не дастъ намъ познать счастье. Что-жь тебѣ надо, о возлюбленная?

— Синьора Изабелла проситъ васъ немедленно придти наверхъ. Въ домѣ несчастье. Кажется, умеръ иностранецъ или, можетъ, что-нибудь еще хуже, потому что онъ не отпираетъ и не откликается. И вотъ уже два дня, какъ кошка мяучитъ за дверью, и я думаю, она мяучитъ съ голоду. Синьора Изабелла велѣла мнѣ позвать мужчинъ, потому что она боится идти со мною одна. Тамъ уже ждутъ и Джакино, и Марино изъ виннаго погреба, и сама синьора. И двѣ тетки Петруччини тоже.

— О, весь сенатъ!—расхохотался Пепе.—Для кворума не хватаетъ меня и Энрико. Ну, это надо пойти. Это скандалъ. Колдунъ померъ... Эй, вставай, сапожникъ! Какъ твоя отрыжка? Эй, Энрико, слушай; иностранецъ отправился къ черту! Эй, пріятель!

Но сапожникъ не подавалъ голоса и можно было слышать, какъ изъ сосѣдней комнаты несется ровный, счастливый, носовой свистъ.

— Sancte senex!... презираетъ суету...—пробормоталъ Пепе, одѣваясь, и сталъ насвистывать шансонетку.

Онъ не былъ студентомъ, хотя и утверждалъ, что посту-

палъ когда-то на медицинскій факультетъ и, если бы не несчастныя обстоятельства, то онъ не сталъ бы искать мѣсто приказчика. Что дѣлать, если ему не даютъ даже такого спеціальнаго положенія изъ-за плохого костюма! Тутъ волей-неволей начнешь зарабатывать картами въ тратторіяхъ, выпивать и возлагать необычайныя надежды на удачу въ банко-лотто. Ему везетъ и въ любви, и въ картахъ, но ему рѣшительно не везетъ въ банко-лотто. Ни у себя, во Флоренціи, не везло, ни здѣсь, въ этомъ проклятомъ Неаполѣ. Вотъ этому ослу Энрико везетъ, но онъ все равно все пропиваетъ и еще дерется пьяный на ножахъ въ порту... А онъ, Пепе, купилъ бы себѣ новый костюмъ, поступилъ бы на мѣсто, ходилъ бы съ дѣвочками въ кинематографъ и не пилъ бы кислаго вина въ тратторіи Марино, а сидѣлъ по вечерамъ въ Гамбринусѣ. Тѣмъ болѣе, что онъ образованный человѣкъ: дай ему латинскую книжку, онъ все прочтетъ. И всѣ въ Пиццофалконэ зовутъ его студентомъ.

Онъ вышелъ наконецъ изъ-за перегородки, счищая засохшую грязь съ пиджака, такъ какъ вчера они съ Энрико странствовали не безъ несчастій.

Пепе былъ тощій, черноволосый парень съ фальшивыми, веселыми, блестящими глазами и шмыгающей походкой. Онъ никогда не ходилъ прямо, а всегда втягивалъ голову въ плечи, комично горбился и подгибалъ колѣни. — Это оттого,—объяснялъ онъ иногда,— что на мнѣ нѣтъ крахмальнаго бѣлья и хорошихъ брюкъ. Мнѣ не идетъ сейчасъ осанка людей моего рода.

Увидѣвъ Маріэтту, онъ скорчилъ рожу, вытянулъ губы для поцѣлуя и дзыкнулъ.

— О, моя толстая, да благословитъ тебя Мадонна! Говори, какіе номера мнѣ загадать въ банко-лотто? Но только сразу, что на душѣ...

— Спѣшимте, синьоръ Пепе,—говорила мясистая Маріэтта,—сіяя отъ встрѣчи съ любимымъ человѣкомъ.—Синьора насъ ждетъ. Она навѣрно сердится, синьора Изабелла.

Когда они вышли на лѣстницу, Пепе спокойно остановился и прижалъ Маріэтту къ стѣнѣ...

— Basta, Пепе, basta!...—бормотала шепотомъ Маріэтта, тяжело дыша, но оставаясь неподвижной.

Но когда онъ быстро, хитро и явно-преступно оглянулся, то Маріэтта собралась съ волей и, послѣ минутной молчаливой борьбы, вырвалась грубыми движеніями крестьянки и побѣжала по лѣстницѣ, мелькая толстыми икрами въ бѣлыхъ чулкахъ.

Пепе сплюнулъ и побѣжалъ за ней, приглаживая на ходу жесткіе волосы на потномъ отъ волненія лбу.

Старая горбунья Петруччини, говорившая зловѣщимъ шо-

потомъ, благочестиво прошипѣла, что они ждали довольно долго, но сама синьора Изабелла не очень сердилась, такъ какъ среди оставшихся шелъ живой и волновавшій всѣхъ разговоръ. Муниципалитетъ обложилъ новой пошлиной и рыбу, и зелень, и мясо... Эти депутаты только крадутъ! Имъ нѣтъ никакого дѣла до простого народа, всѣмъ этимъ важнымъ сеньорамъ разъѣзжающимъ на моторахъ по Corso Umberto и Ривьерѣ. Виноторговецъ Марино тоже горячился. Попадись-ка ему кто-нибудь изъ этихъ членовъ муниципалитета одинъ на одинъ! Онъ намялъ бы ему бока самымъ лучшимъ образомъ... Говорятъ, что рабочіе хотятъ устроить въ ближайшее воскресенье демонстрацію на Пьяцца-Муничіо..Такъ и надо, porco Madonna!

— Такъ и надо,—сразу согласился Пепе.—Но и вино надо давать получше, если ужъ за бутылку люди платятъ лиру.

Компанія двинулась наверхъ.

Впереди, размахивая грязными полами капота, грузно ползла сама синьора Изабелла, проклиная иностранца, жалуясь на сердце и ругая Джакино за нечистоту лѣстницы. Лѣстница дѣйствительно пахла мерзко—кошками и помоями

Джакино плелся за ней, флегматично сложивъ руки на спинѣ, тяжело вздыхая и не противорѣча изъ философскихъ мотивовъ. Впрочемъ, иногда онъ оглядывался на Марино, шедшаго за нимъ, и лукаво подмигивалъ на хозяйку, хотя лицо виноторговца стало опять колоссально-тупымъ и онъ ступалъ съ равнодушіемъ и тяжестью слона изъ желѣза.

За Марино слѣдовала старуха Петруччини, держась прямо, что по ея мнѣнію выглядѣло благочестиво. За ней ползла зловѣщая горбунья. Онѣ обѣ догадывались по неровнымъ шагамъ, олчанію и внезапнымъ рѣзкимъ движеніямъ за ихъ спиной; что тамъ долговязый и разбитной Пепе щиплетъ толстую Маріэтту или гладитъ ей слишкомъ сильно спину и бедра. И онѣ обѣ завидовали немного двумъ оборвышамъ, которые замыкали шествіе и потому могли видѣть все, что она позволяла съ собой дѣлать, эта развратная дѣвушка. И мальчишки, дѣйствительно, все время фыркали.

Наконецъ, на самомъ верху синьора Изабелла остановилась передъ досчатой дверью въ глубокой черной нишѣ и, отдышавшись отъ усталости и волненія, приложила ухо къ щели. Съ минуту царило полное молчаніе и даже Пепе пересталъ щипать Маріэтту.

— Мяучитъ кошка и больше ничего,—со страхомъ объявила наконецъ синьора.

Обѣ старухи Петруччини захотѣли послушать тоже, но кошка предупредила ихъ: заслышавъ людей, она подошла къ двери и жалобно замяукала, какъ бы прося о помощи.

— Дверь заперта на задвижку изнутри. Философъ, очевидно, сдохъ,—констатировалъ Пепе не безъ глубокомыслія, но и не безъ веселости.

Синьора Изабелла остановилась въ нерѣшительности; на ея лицѣ появились красныя пятна. Въ ея домѣ и—такая непріятность!

— Позвать полицію?—спросила она.

— Но, чортъ возьми,—зарычалъ сердито Марино.—если звать полицію, то не надо было безпокоить рабочихъ людей. У вашей милости есть домъ, а у меня только тратторія въ домѣ вашей милости, и мнѣ время дорого. У меня счета.

— Зачѣмъ полицію?—вмѣшался и Пепе.—Чего ждать? Насъ много; что ни случись, всѣ свидѣтели. А съ полиціей только непріятности. Э!—закричалъ онъ въ дверь—синьоръ Антоніо!

Въ мансардѣ было тихо.

Только кошка мяукнула раза-два

— Синьоръ Антоніо!

Тишина.

— Спитъ онъ, что ли, старый?—пробормоталъ Пепе.—Напился, какъ сапожникъ Энрико...

— Не пилъ,—отвѣтилъ съ явнымъ пренебреженіемъ Джакино.

Тогда синьора Изабелла заколотила въ дверь кулаками и закричала изо всѣхъ силъ взволнованнымъ, низкимъ, женскимъ, глупымъ голосомъ:—Синьоръ Антоніо! Синьоръ Антоніо! Проснитесь! Это я, синьора Изабелла Мело! Синьоръ Антоніо!

Тишина. Всѣ затаили дыханіе на минуту.

— Ну, надо ломать...—сказалъ Пепе.

— Ломайте дверь въ своемъ домѣ,—отрѣзала хозяйка.— Если иностранецъ померъ тамъ, то, я думаю, мансарда будетъ сдаваться?

Она поскребла ногтями по щели, стараясь просунуть мизинецъ и отворить задвижку, но это не удавалось.

— Маріэтта, сбѣгай за гвоздемъ. У меня есть длинный гвоздь въ жестянкѣ, на балконѣ...

Снова стали ждать.

— Надо будетъ посмотрѣть по соннику для банко-лотто, что значитъ, если померъ колдунъ,—сказалъ Пепе, садясь на ступеньку и закуривая папиросу.—Вотъ еслибы понахиня родила, такъ я зналъ бы, какіе номера брать. Это прямо указано. Эй, Джакино, ты знаешь, что было третьяго дня у Порта-Капуана?

— Что?

— А то, что люди подумали, будто монахиня родила, ха-ха. Сталъ трамвай; что-то тамъ испортилось. Ну, какъ обыкновенно у васъ, неаполитанцевъ, сейчасъ же вокругъ толпа. Что такое? А кондукторъ былъ умный человѣкъ и сказалъ: «Монахиня въ трамваѣ родила. Вотъ что». А если монахиня родила, то по соннику бери 3 и 77—это вѣрное дѣло. Такъ что тутъ сдѣлалось, mamma mia! Другъ друга давали передъ банко-лотто; не пробиться было. Вотъ какіе мы въ Неаполѣ, ха-ха-ха!..

Джакино засмѣялся тоже и покачалъ головой, но старуха Петруччини съ убѣжденіемъ прошипѣла:—А еслибы и вправду родила, то такъ бы и вышло: 3 и 77...

Маріэтта прибѣжала съ гвоздемъ и стала царапать въ щели. Но задвижка не поддавалась и въ минуты молчанія и всеобщей напряженности опять изъ мансарды шла на людей какая-то недобрая, многозначительная, насмѣшливая тишина. На лѣстницѣ было почти темно.

Это начинало раздражать. Толстая и неловкая Маріэтта потѣла и пыхтѣла, но задвижка не соскакивала.

— Ты дура,—разсердилась синьора Изабелла.—Дай сюда гвоздь.—Она энергично заворочала гвоздемъ, но желѣзо только пронзительно взвизгнуло.

— Надо загнуть, надо загнуть гвоздь, тогда пойдетъ,—шипѣла безголосая старуха.

Но въ тупомъ мозгу Марино, ужъ начинавшемъ каменѣть отъ безрезультатности всеобщихъ усилій, съ внезапной силой опять вспыхнула несложная мысль о счетахъ и погребѣ. Этотъ гигантъ способенъ былъ иногда на совершенно дикіе поступки, правда, по неожиданному вдохновенію, что случалось съ нимъ не часто.

Крякнувъ, онъ безцеремонно оттолкнулъ синьору Изабеллу и сразу налегъ на дверь съ такой силой, что край одной доски съ визгомъ выскочилъ изъ ветхой скрѣпы. Марино просунулъ руку и, оцарапавъ кожу, отодвинулъ задвижку. Въ открытую дверь стрѣлой шмыгнула жалкая, рыжая кошка о трехъ ногахъ.

Всѣ вошли въ мансарду.

Она была пуста.

Нѣсколько мгновеній люди недоумѣнно и неподвижно разглядывали обширную комнату и надъ ними стояла, неопредѣлимая для нихъ, но чуемая даже ими, какая-то особенная, легкая, глубокая, древняя тишина. Она жила здѣсь, можетъ быть, потому, что мансарда была очень высоко, на седьмомъ этажѣ, или потому что здѣсь думалъ свои мысли какой-то странный и одинокій человѣкъ, ученый и колдунъ, жившій не какъ всѣ, непонятно и даже страшно. Мансарда была неправильной

формы съ косымъ, низкимъ потолкомъ; она освѣщалась однимъ большимъ, трехстворчатымъ окномъ, расположеннымъ въ одномъ изъ угловъ, и бо́льшая половина комнаты, скрытая за выступомъ, была почти совсѣмъ темной. Изъ окна падалъ широкій и тихій, веселящійся пылинками, столбъ свѣта, дорогой даже самымъ грубымъ людямъ по воспоминаніямъ дѣтства.

Мебели было немного. У темной стѣны стояла несмятая кровать съ тонкимъ краснымъ одѣяломъ, а подушки не было. Надъ ней висѣла выцвѣтшая фотографія женщины; и тутъ же была приколота прядь золотыхъ волосъ, связанная голубой лентой.

Передъ окномъ—большой, досчатый столъ, на которомъ было навалено множество вещей. Надъ грудами трепанныхъ тяжелыхъ томовъ въ пергаментахъ и безъ корешковъ и кипами исписанныхъ листовъ бумаги высились продавленный небесный глобусъ съ странными рисунками, среди которыхъ можно было отыскать льва, рыбу, женщину, и дешевая гипсовая статуя человѣка въ длинномъ кафтанѣ, съ злымъ лицомъ и рукою, энергично сжатой въ кулакъ.

На пьедесталѣ была надпись: «Eppur si muove».

На другомъ концѣ стола стояли склянки, колбы, какія-то коробочки, былъ насыпанъ горкой какой-то бѣлый порошокъ.

Подъ столомъ и около были навалены книги, книги...

Стояла корзина, пара стульевъ. Вотъ и все.

Первою прервала молчаніе синьора Изабелла.

—Что-же! Его нѣтъ, старика...

— Да, нѣту...—изумленно согласился Джакино.

Пепе подошелъ къ столу и за нимъ двинулись всѣ остальные.

— Ну, конечно, старый чортъ не былъ уже дня три дома,—сказалъ онъ весело.—Видите, сколько пыли?—И онъ провелъ пальцемъ бѣлую дорожку по страницѣ развернутаго тома.

— А какъ же задвижка?—спросила синьора.

— Онъ умѣлъ какъ-нибудь затворять снаружи,—прошипѣла проницательная горбунья.

Какъ только люди заговорили, въ мансардѣ вдругъ стало совсѣмъ не страшно.

Всѣ трогали вещи, колбы, книги и бумаги, Пепе щелкалъ по глобусу и по носу статуи, и Маріэтта, подымая тучу пыли, достала изъ-подъ-стола кипу звѣздныхъ картъ и большое деревянное колесо съ тонкими спицами. На ободкѣ были намазаны красной краской знаки зодіака.

— Вотъ это самое колесо онъ положилъ на карту, когда гадалъ для Этеръ,—сказала Маріэтта.

И Маріэтта, и остроносыя, хищныя и полныя достоинства,

старухи Петруччини были полны мистическаго почтенія къ вещамъ.

— А это что? Гаданье?—спросила Маріэтта у Пепе, указывая на листы бумаги, испещренные геометрическими рисунками.

— Это—математика,—важно сказалъ Пепе.—Я ее училъ тоже. Но она ненужна для жизни.

— Ахъ, синьоръ Пепе, а вотъ по этой самой книгѣ онъ сказалъ мнѣ, сколько лѣтъ я буду жить. Я хорошо помню, что по этой, потому что вонъ у нея какой переплетъ: красный...—Пепе, презрительно улыбаясь, взялъ томъ и тотчасъ же чихнулъ отъ пыли.

— О, чортъ... Ап-чхи... о чортъ... Ап-чхи! Ну, тутъ, моя толстуха, наврядъ-ли что-нибудь написано о тебѣ. Это по-латыни.

Онъ посмотрѣлъ на заголовокъ:

Какой-то Кеплеръ... Tertius interveniens.

— По-латыни, — съ уваженіемъ произнесла Маріэтта. — Какъ падрэ...

— Ну, прочтемъ, что онъ пишетъ, этотъ Кеплеръ...

Пепе хотѣлъ похвастать своимъ знаніемъ латинскаго языка, такъ какъ онъ зналъ, что это разнесется по околотку. Онъ прочелъ длинную фразу, отчеркнутую на поляхъ краснымъ карандашемъ. Старухи Петруччини перекрестилась изъ почтенія къ латинской рѣчи.

— Что это значитъ, синьоръ Пепе?

— Сейчасъ переведу, добрѣйшія, если вамъ нравится...

Онъ дѣйствительно зналъ немного по-латыни, Пепе.

И онъ перевелъ: «Астрологія есть, конечно, глупая дочка но Боже мой, что бы сталось съ ея многоразумной матерью астрономіей, еслибы она не имѣла этой дочки, ибо и вообще matematicorum salaria такъ невелики, что мать навѣрно страдала бы отъ голода, еслибы дочь ея не зарабатывала что-нибудь...»

Но это малопонятное чтеніе было внезапно прервано всеобщимъ крикомъ ужаса.

На столѣ высокимъ столбомъ вспыхнуло синее пламя и старухи съ крикомъ отскочили въ сторону—босоногіе оборвыши пролили какую-то жидкость на бѣлый порошокъ.

— Спаси насъ Богъ...—шептали Петруччини, дрожа и крестясь, такъ какъ онѣ были увѣрены, что нечистая сила наконецъ-таки дала себя знать.

— Вы мнѣ домъ спалите, лаццарони!—кричала синьора Изабелла, давая крѣпкіе подзатыльники мальчишкамъ.—Подите прочь, проклятые! Пепе, Джакино, да тушите-же! Тушите! Смотрите—горитъ бумага!

Всѣ кинулись къ столу и засуетились. Статуя съ громомъ полетѣла на полъ и раскололась на бѣлые обломки.

Но пламя скоро удалось затушить и затоптать и только ѣдкій запахъ жженой бумаги прошелъ по мансардѣ.

Пепе, который весь измазался въ гари, схватилъ глобусъ и хлопнулъ имъ о полъ, такъ что шаръ выскочилъ изъ ножки.

— Чортъ бы побралъ этого философа!..

Синьора Изабелла дрожала отъ негодованія. Ее, наконецъ, прорвало.

Красная и растрепанная, съ плохо причесанными волосами, она походила на престарѣлую фурію. Подумать только, что этотъ колдунъ могъ каждую минуту сжечь ея домъ, ея единственное достояніе.

— Я выгоню этого старика!—кричала она, взволнованно шагая по комнатѣ.—Пусть онъ убирается туда, откуда онъ пріѣхалъ! Потому что я еще вѣрю въ Бога и не желаю, чтобъ въ моемъ домѣ заводили всякую чертовщину. Держать какіе-то порошки, которые, чуть тронешь, горятъ! Я его выгоню. У меня не богадѣльня для негодяевъ... Я такъ и знала, что у него тутъ какая-нибудь дрянь! Да я не засну, пока я не выброшу весь этотъ хламъ въ окошко...

— И освятите потомъ мансарду,—прохрипѣла горбатая старуха своимъ зловѣщимъ шопотомъ.

— А придется и освятить. Потому что я не безбожница. И я его выгоню, негодяя...

И вдругъ, принявъ героическое рѣшеніе, она яростно распахнула окно и крикнула Маріэттѣ:—Кидай сейчасъ всѣ эти порошки въ окно! И склянки! Къ чорту! Къ чорту!

Перепуганная Маріэтта схватила самую большую колбу и пустила ею въ окошко—черезъ секунду слышно было, какъ она звонко разлетѣлась на мостовой.

Въ мансардѣ алхимика начался погромъ. Маріэтта сгребала колбы, склянки, трубки и коробочки съ порошками и швыряла ихъ въ окно, а мальчишки съ радостнымъ визгомъ волокли и пачку звѣздныхъ картъ. Веселый Пепе хохоталъ отъ души. Онъ поднялъ съ полу какой-то старинный томикъ и прочелъ: Lucretius Carus. De rerum natura.

— Ну, что же, Лукрецій Каръ, иди и ты съ седьмого этажа.—И онъ запустилъ имъ въ окошко.

— То-то будетъ удивленъ философъ, когда онъ вернется..

— Да, только гдѣ онъ, философъ-то?—мрачно спросилъ колоссальный Марино, все время неподвижно стоявшій посреди комнаты, уперевшись руками въ бока.

— А гдѣ бы ни былъ!—огрызнулась синьора Изабелла.—

Chi lo sa? Кто его знаетъ? Я еще на него подамъ жалобу въ полицію. И падрэ сообщу. Потому что это нечистое дѣло. Поджигатель. Чертовъ слуга...

— Да не на чердакѣ-ли онъ?—воскликнула вдругъ Маріэтта.

Всѣ сразу смолкли и застыли.

— Гдѣ на чердакѣ?

— Да тутъ же есть еще каморка наверху, рядомъ съ чердакомъ. И тамъ у него тоже былъ столъ и стулъ. Вонъ та дверь. Онъ сидѣлъ тамъ иногда по вечерамъ, и глядѣлъ, навѣрно, какъ заходитъ солнце. Я видѣла его разъ тамъ съ чердака, потому что тамъ такія щели, что все видно.

Дѣйствительно въ самомъ черномъ и далекомъ углу темнѣла маленькая дверца. Синьора хлопнула себя двумя пальцами по лбу. Какъ она могла забыть про эту дверь! Всѣ глядѣли съ любопытствомъ и снова со страхомъ. Значитъ, онъ, можетъ быть, и не ушелъ и совсѣмъ рядомъ здѣсь, старикъ...

И опять людьми внезапно почувствовалась въ мансардѣ большая, пустая, насмѣшливая тишина, которая какъ будто была древнѣе этихъ людей, древнѣе дома... У которой какъ будто была какая-то нездѣщняя важность... Какой-то свой запахъ...

— Ну, что-жь, пойдемъ туда,—нерѣшительно, хотя и бодрясь, сказала синьора Изабелла.

Они взбирались гуськомъ по небольшой, деревянной, очень крутой лѣсенкѣ. Пепе, который лѣзъ первымъ, открылъ надъ собой люкъ и оказался въ крохотномъ отдѣленіи чердака съ круглымъ слуховымъ окномъ.

Всѣ стали съ широко открытыми глазами.

За небольшимъ столикомъ въ ветхомъ креслѣ сидѣлъ, откинувъ голову назадъ, желтый и тощій старикъ. Черты его лица были тонки и правильны, кожа казалась прозрачной, скорбная улыбка застыла на губахъ, но на все лицо легло такое неизъяснимое спокойствіе. Бѣлые волосы, рѣдкіе и длинные, падали на плечи, жидкая клинообразная тоже совсѣмъ бѣлая борода разметалась по жилету. Двѣ худыя пергаментныя руки съ рѣзко обозначившимися костями кисти лежали на столѣ, на листѣ бумаги. На безымянномъ пальцѣ лѣвой руки было простое литое кольцо съ ониксомъ, кольцо, которое должны носить несчастные, родившіеся подъ холодною планетою Сатурномъ. Косой лучъ солнца падалъ на лицо мертваго. Шелъ чуть слышный запахъ тлѣнія. Но большой, прямой лобъ, покрытый морщинами, тонкій, острый носъ, узкія ироническія губы, полузакрытые глаза и вся по-

за съ легко откинутой назадъ головой говорили еще о мысли, о моментѣ мечтательнаго забвенія, когда мы геніально, свѣтло и грустно прикасаемся къ своему прошлому, и оно проходитъ передъ нами, какъ когда-то видѣнная во снѣ изящная, дѣвическая тѣнь въ траурѣ... А въ круглое слуховое окно глядѣло всѣмъ синее, несказанно прекрасное небо, расцвѣтшее жаромъ, жизнью, восторгомъ и трепетомъ блеска.

И Неаполь лежалъ внизу, какъ безконечная черная груда крышъ, съ узкими и глубокими прощелинами, которыя вились и пересѣкались по всѣмъ направленіямъ. Дальше лежало море—нѣжащееся и улыбающееся милліардами солнечныхъ, танцующихъ блестокъ, и на немъ бѣлѣли напоминающіе чаекъ стройные и далекіе паруса; горизонтъ, голубой и дымный и прозрачный, сливался съ небомъ. Облака, легкія-легкія, перистыя и небольшія, были раскинуты по страстному, синему небу, какъ кружевные платочки Мадонны, которые она уронила на землю, задумавшись со всей своей великой человѣческой, божьей, женской нѣжностью о трогательной прелести міра.

— Онъ умеръ,—сказала, наконецъ, синьора Изабелла недовольно.—Я такъ и думала. Теперь будетъ возня... Потому что я даже не знаю хорошенько, кто онъ и откуда. Что-же, Джакино, сходи за полиціей.

Старухи Петруччини перекрестились съ достоинствомъ, а виноторговецъ сказалъ:

— Ну, а я пойду домой. У меня счета.—Но синьора Изабелла все-таки удержала его—онъ былъ свидѣтелемъ и долженъ остаться до прихода полиціи.

Тогда Пепе взялъ со столика листъ бумаги, пошевеливъ застывшіе пальцы мертваго. На листѣ было написано красивыми, изысканными буквами, написано, очевидно, отъ скуки, очень, очень медленно, съ множествомъ длинныхъ хвостовъ, лѣнивыхъ завитушекъ и красивыхъ хитросплетеній:

Μελαγχολια.

— Что это значитъ?—шопотомъ спросила Маріэтта.

— Не знаю,—важно сказалъ Пепе.—Это написано по-русски.

А. Лозина-Лозинскій.

Великая научная революція

(Принципъ относительности).

I. Переворотъ въ наукѣ.

Невозможно безъ чувства глубокаго изумленія думать о томъ состояніи, въ которомъ находится въ настоящее время наука объ окружающихъ насъ явленіяхъ. Правда, небывалый прогрессъ въ техникѣ экспериментированія успѣлъ уже пріучить насъ чуть не къ ежедневнымъ успѣхамъ знанія и какъ будто притупилъ нашу чувствительность къ новизнѣ вещей. Но тѣ теоретическіе выводы, которые неожиданно поднялись за послѣднее время на полѣ экспериментальной науки и существеннѣйшимъ образомъ затронули наши основные взгляды на міръ, страшно взбудоражили научную мысль, заставивъ ее приступить къ полной переоцѣнкѣ нашего міровоззрѣнія. Даже такія „вѣчныя твердыни“, какъ, напримѣръ, законы механики и законъ сохраненія матеріи, выдержавшіе неоднократно огненное испытаніе самаго тонкаго эксперимента и самой сильной умственной абстракціи, стали подвергаться сомнѣнію и рѣзкой критикѣ. Мы переживаемъ теперь время такой ломки прежняго научнаго зданія, которой не знаетъ исторія естествознанія и которая по обширности и основательности далеко оставляетъ за собою всѣ прежнія, не исключая даже перехода отъ птоломеевской системы міра къ коперниковской.

Эта совершающаяся сейчасъ, неслыханная по своей грандіозности научная революція тѣмъ замѣчательна, что почти одинаково затрагиваетъ всѣ отдѣлы физики, этой основной науки, на которой покоится вся область нашего положительнаго знанія. Подъ натискомъ новыхъ фактовъ и идей ни одна изъ частей классическаго научнаго зданія, сооруженнаго неустанной работой нѣсколькихъ столѣтій и считавшагося „незыблемымъ“, не остается въ прежнемъ видѣ. Всѣ онѣ до основанія перестраиваются. Вся физика замѣняется новой, мало похожей на старую. Словомъ, „старый поря-

докъ“ расшатанъ и его мѣсто стремится занять другой, „новый порядокъ“.

Но это еще не все! Уничтожается не только наука, составляющая достояніе немногихъ, но и самыя основныя, „самоочевиднѣйшія“ представленія обыденной жизни, съ которыми мы свыклись съ малолѣтства, которыя казалось безсмысленнымъ подвергать какому-либо сомнѣнію. Уничтожаются даже такія истины, которыя никогда и никѣмъ не подчеркивались, потому что онѣ казались настолько элементарно, дѣтски простыми, само собою понятными, что ими „безсознательно“ пользовались всѣ и клали ихъ въ основу всевозможныхъ разсужденій. Я имѣю, главнымъ образомъ, въ виду безпримѣрный по своей смѣлости и сокрушительной силѣ взглядъ на понятія времени, длины, пространства, скорости, силы и массы.

Правда, не всѣ теоретики-физики съ одинаковой увѣренностью говорятъ объ успѣхѣ этой всеобъемлющей научной революціи. Въ то время, какъ одни считаютъ старое зданіе уже окончательно и безповоротно разрушеннымъ, считаютъ, что мы сейчасъ присутствуемъ на похоронахъ старой физики, другіе полагаютъ, что борьба еще не окончена, и надѣются, что старые принципы выйдутъ все-таки въ той или иной формѣ побѣдителями. Однако приходится признать, что происходящая борьба—безпримѣрная и что въ этой борьбѣ всѣ наши самые основные принципы и элементарнѣйшія представленія получили такіе значительные удары, что реформированное научное зданіе нисколько не похоже на старое.

Новое научное зданіе воздвигнуто въ 1905 г. нѣмецкимъ физикомъ, профессоромъ Альбертомъ Эйнштейномъ, и извѣстно подъ именемъ „принципа относительности“ (или, какъ иногда говорятъ, „релятивности“). Чрезвычайно странными признаками характеризуется это ученіе. Вѣдь, сокрушивъ до основанія все старое, оно приводитъ насъ къ выводамъ, противъ которыхъ возстаетъ весь нашъ разсудокъ, весь нашъ укладъ мыслей. Главный интересъ этого новаго ученія въ томъ, что вмѣсто разрушенныхъ принциповъ и представленій, съ которыми человѣчество сжилось втеченіе тысячелѣтій, оно вынуждено предлагать другіе, поражающіе насъ своею исключительною парадоксальностью, явно противорѣчащіе тому, что обыкновенно принято называть „здравымъ смысломъ“. Словомъ, почти невозможно передать, становясь на привычную намъ точку зрѣнія, всю курьезность и абсолютную безсмысленность тѣхъ принциповъ и представленій, которые призваны новымъ ученіемъ замѣнить вѣковыя положенія науки. Чтобы вдуматься въ основы новаго ученія, чтобы хоть мало-по малу пріучить себя мыслить и разсуждать „по-новому“, необходимо отказаться отъ всего, къ чему мы привыкли. А для этого требуется не мало усилій надъ самимъ собою и продолжительная работа. Но еще труднѣе принять и переварить все это ученіе цѣликомъ. Даже амъ Эйнштейнъ признается, что онъ долженъ былъ усиленно раз-

мышлять втеченіе нѣсколькихъ недѣль прежде, чѣмъ полученныя имъ выводы не перестали ему казаться невѣроятными, абсурдными.

Вспыхнувъ совершенно неожиданно и чуть ли не мгновенно, принципъ относительности достигъ за короткое время неслыханнаго успѣха. Но успѣхъ этотъ не временный, не преходящій,—по крайней мѣрѣ, въ настоящее время не видно, чтобы въ будущемъ новый принципъ не занялъ мѣста въ ряду основныхъ принциповъ физики. Вѣдь за сравнительно короткое время,—всего за десять лѣтъ,—ему посвящено около 400 серьезныхъ научныхъ работъ и даже спеціальный обширный учебникъ, и весьма большое число наиболѣе выдающихся ученыхъ всѣхъ странъ всецѣло принимаютъ его и считаютъ навсегда включеннымъ въ сокровищницу науки. Все это даетъ основаніе думать, что придетъ время, когда новыя идеи добьются всеобщаго признанія и станутъ обязательнымъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей. Тогда человѣчеству придется пережить такой интеллектуальный переворотъ, который не имѣетъ себѣ аналогіи въ прошломъ, сравнительно съ которымъ даже смѣщеніе земли съ центра вселенной показалось бы совершенно простымъ и ничтожнымъ.

У всякаго, кому дорогъ прогрессъ пониманія окружающаго насъ міра, новое ученіе, не смотря на свой отвлеченный характеръ, должно возбудить огромный интересъ. Поэтому въ настоящей статьѣ я попытаюсь познакомить читателей съ сущностью принципа относительности и вытекающими изъ него различными слѣдствіями.

Должно замѣтить, что трудности пониманія кроются вовсе не въ самомъ принципѣ относительности, а въ тѣхъ, даже простѣйшихъ слѣдствіяхъ, которыя съ неизбѣжностью изъ него вытекаютъ, разъ только мы положимъ его въ основу. Самъ же по себѣ онъ не представляетъ ничего труднаго для пониманія, такъ какъ то, что въ настоящее время получило имя принципа относительности, есть не что иное, какъ обобщеніе основного положенія механики, высказаннаго уже триста слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Слѣдовательно, та часть этой статьи, которая посвящена обоснованію и уясненію самаго принципа относительности, не будетъ содержать въ себѣ особенныхъ затрудненій. За то въ остальной части, гдѣ будутъ изложены выводы и слѣдствія, вытекающіе изъ принципа относительности, мы натолкнемся на огромныя препятствія. Не имѣя ни достаточно мѣста, ни возможности пользоваться математическимъ и физическимъ языкомъ, я принужденъ буду лишь слегка коснуться новыхъ идей, не доказывая ихъ, такъ что здѣсь многому придется повѣрить на слово. Все-таки я надѣюсь, что вдумчивый читатель получитъ изъ этой статьи болѣе или менѣе ясное представленіе о сущ-

ности и нѣкоторыхъ результатахъ величайшей научной революціи, на которой нынѣ сосредоточено вниманіе какъ физиковъ, такъ и математиковъ и философовъ.

II. Старый принципъ относительности.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что мы можемъ черезъ посредство нашего ума получать знаніе лишь относительнаго положенія предметовъ въ пространствѣ. Черезъ посредство глазъ—безразлично, невооруженныхъ или вооруженныхъ—мы можемъ получить отчетъ о положеніи тѣла лишь по отношенію къ самому глазу и ровно ничего не можемъ знать объ абсолютномъ положеніи тѣла. То же самое надо сказать и о движеніи тѣла въ пространствѣ, такъ какъ движеніе любого тѣла мы можемъ измѣрить лишь измѣненіемъ его разстоянія отъ другихъ тѣлъ. Напримѣръ, человѣкъ, движущійся по палубѣ плывущаго парохода, совершаетъ относительное движеніе по отношенію къ пароходу. Но этотъ же человѣкъ движется вмѣстѣ съ пароходомъ по водѣ, а вмѣстѣ съ пароходомъ принимаетъ участіе и во вращеніи земли вокругъ своей оси и въ движеніи ея вокругъ солнца. Ясно, что всѣ движенія, которыя мы замѣчаемъ на земномъ шарѣ, представляютъ собою движенія не абсолютныя, а относительныя.

Исходя изъ этого, мы какъ-то невольно ставимъ себѣ основной вопросъ: можно ли вообще говорить о движеніи абсолютномъ, истинномъ, безотносительномъ въ буквальномъ смыслѣ? Имѣетъ ли выраженіе „абсолютное движеніе“ вообще какой-либо смыслъ? Существуетъ ли такое движеніе въ дѣйствительности и какъ его характеризовать, опредѣлить и, наконецъ, узнать? Не трудно видѣть, что вопросъ этотъ немедленно сводится къ другому: существуетъ ли абсолютный покой, хотя бы въ видѣ отвлеченнаго понятія, не имѣющаго реальнаго осуществленія въ природѣ? Есть ли возможность точно опредѣлить понятіе объ абсолютномъ покоѣ? Если мы найдемъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ рѣшенъ и вопросъ объ абсолютномъ движеніи.

Съ глубокой древности до Коперника, т.-е. до середины XVI столѣтія, эти вопросы считались рѣшенными. Тогда всѣ предполагали, что земля находится въ абсолютномъ покоѣ и что всѣ явленія, отнесенныя къ ней, какъ къ совершенно неподвижной, представляютъ собой движенія абсолютныя, безотносительныя, истинныя: передвигается ли что-нибудь на поверхности земли, движется ли луна или другое небесное свѣтило вокругъ земли,—все это движенія абсолютныя. Когда же, благодаря Копернику, земля должна была уступить свое мѣсто солнцу,—понятіе объ абсолютномъ движеніи утратило свою прежнюю конкретность. Уже не

стало никакой возможности, какъ раньше, считать перемѣщенія по землѣ и движеніе небесныхъ тѣлъ движеніями истинными, абсолютными, такъ какъ земля не покоится въ пространствѣ, а движется вокругъ солнца со скоростью около 30 километровъ въ секунду. Скорость эта, какъ и самое движеніе земли, найдены относительно солнца, т.-е. въ томъ предположеніи, что солнце остается неподвижнымъ.

Но вотъ Гершель показалъ, что и это предположеніе невѣрно, и этимъ нанесъ страшный ударъ понятіямъ объ абсолютномъ покоѣ и абсолютномъ движеніи. Онъ показалъ, что вся наша планетная система вмѣстѣ съ солнцемъ совершаетъ общее движеніе въ пространствѣ и, чтобы его замѣтить, необходимо, чтобы внѣ системы существовало тѣло, которое мы могли бы считать неподвижнымъ, и относительно котораго система совершала бы свое движеніе. Примѣненіе такого именно метода и дало возможность узнать, что солнце съ планетами движется въ нѣкоторомъ направленіи со скоростью около 20 километровъ въ секунду. Но какая у насъ можетъ быть увѣренность въ томъ, что міровыя тѣла, которыя приняты нами за неподвижныя, сами не совершаютъ движенія въ пространствѣ? Въ настоящее время мы навѣрно знаемъ, что всѣ наблюдаемыя нами свѣтила не находятся въ покоѣ.

Шаръ катится по палубѣ судна, что же мы должны считать его истинной скоростью? Иначе говоря: что же принять за абсолютный покой, къ какому же пункту отнести движенія шара? Къ землѣ, къ солнцу, къ какой-нибудь звѣздѣ, къ воображаемому центру звѣздной системы? Нѣтъ, такъ какъ все это движется, непрестанно измѣняется. И вообще—ничто не стоитъ на мѣстѣ! Но въ такомъ случаѣ является вопросъ: да есть ли вообще неподвижный центръ, относительно котораго можно было бы считать движенія во вселенной?

Итакъ, мы видимъ, что то, что считалось раньше само собою понятнымъ, нынѣ оказалось чрезвычайно запутаннымъ, почти безсмысленнымъ. А между тѣмъ, наблюдая хаотическое движеніе звѣздъ, среди которыхъ наше затерявшееся солнце представляетъ самую обыкновенную звѣзду, нашъ духъ невольно требуетъ существованія единаго абсолютнаго покоя, къ котором можно было бы отнести всѣ запутанныя движенія въ мірѣ. И вотъ въ поискахъ за абсолютнымъ покоемъ мы наталкиваемся на такъ называемый „галилео - ньютоновскій принципъ относительности". Принципъ этотъ лежитъ въ основѣ классической механики и гласитъ: „никакими механическими опытами нѣтъ никакой возможности обнаружить абсолютнаго движенія, а, значитъ, и абсолютнаго покоя". Разъясню этотъ законъ на примѣрѣ.

Физики называютъ „системой" такое тѣло или такую совокупность многихъ тѣлъ, которая движется, какъ нѣчто цѣлое: примѣрами могутъ служить корабль съ пассажирами, земля со

всѣми на ней тѣлами и т. д. Предположимъ, что въ данной системѣ,—напримѣръ, внутри корабля,—находится наблюдатель, который слѣдитъ за тѣмъ, что въ этой системѣ, на этомъ кораблѣ, происходитъ. Само собою разумѣется, что если корабль находится въ покоѣ (стоитъ на якорѣ), то различныя явленія, происходящія внутри, будутъ протекать точно такъ же, какъ на сушѣ. Если привести въ качаніе маятникъ, то онъ будетъ качаться по хорошо извѣстнымъ законамъ. Если привѣсить къ потолку сосудъ съ водой, изъ котораго по каплямъ текла бы вода въ бутыль съ узкимъ горлышкомъ, то капли неизмѣнно будутъ падать въ бутыль, и т. д. Все это вполнѣ понятно и естественно. Но предположимъ, что, когда наблюдатель заснулъ, корабль приведенъ въ равномѣрное и прямолинейное поступательное движеніе, т.-е. что онъ, не испытывая никакой качки, сталъ перемѣщаться прямо впередъ, не сворачивая ни вправо, ни влѣво, не ускоряя и не замедляя своего хода. Тогда всѣ наблюдаемыя явленія будутъ протекать точно такъ же, какъ и раньше: проснувшійся наблюдатель увидитъ, что движущійся маятникъ качается такъ же, какъ и раньше; капля воды падаетъ по прежнему строго отвѣсно и т. д. Однимъ словомъ, ничто не измѣнится: равномѣрное и поступательное прямолинейное движеніе рѣшительно нисколько не повліяетъ на механическіе процессы, происходящіе на кораблѣ. Другими словами, всѣ механическія явленія, происходящія въ какой-либо системѣ, происходятъ совершенно одинаково, независимо отъ того, находится ли вся система въ покоѣ или же въ постоянномъ движеніи: движенія, тамъ происходящія, зависятъ отъ причинъ, внѣ этихъ обстоятельствъ лежащихъ. Ясно, что, какіе бы механическіе опыты ни придумалъ наблюдатель, ему никогда не удалось бы обнаружить движенія корабля и вообще системы, съ которой онъ связанъ, такъ что онъ съ одинаковымъ правомъ можетъ считать себя покоющимся и движущимся.

Лишь тогда наблюдатель сможетъ убѣдиться въ своемъ собственномъ движеніи, когда обратитъ свой взоръ на предметъ, находящійся въ относительномъ покоѣ, т.-е. если у него есть въ распоряженіи какой-нибудь способъ сравненія. Наблюдатель на движущемся пароходѣ не замѣчаетъ его и, слѣдовательно, своего движенія до тѣхъ поръ, пока онъ не посмотритъ на берегъ. Если бы мы не могли видѣть звѣзднаго неба, то мы никоимъ образомъ не могли бы узнать, движется ли земля вокругъ солнца или нѣтъ. Въ движеніи земли вокругъ ея оси мы можемъ убѣдиться и безъ внѣ находящагося предмета, безъ посредства звѣздъ, разсматривая, напримѣръ, колебанія маятника (знаменитый опытъ Фуко) или движеніе пассатныхъ вѣтровъ. Но вѣдь движеніе земли вокругъ оси не поступательное движеніе, а вращательное. Въ поступательномъ же движеніи системы—а только о такомъ движеніи у насъ здѣсь будетъ рѣчь впереди—мы, находясь на этой системѣ

и двигаясь вмѣстѣ съ нею, убѣдиться не можемъ безъ посредства посторонняго предмета. Но, понятно, обнаруженное движеніе никоимъ образомъ нельзя считать движеніемъ абсолютнымъ, такъ какъ мы не имѣемъ никакой возможности рѣшить, мы ли сами движемся относительно посторонняго тѣла, которое остается въ покоѣ, или же тѣло движется по отношенію къ намъ, остающимся въ покоѣ: обнаруженное движеніе—движеніе относительное. Слѣдовательно, двѣ равномѣрно движущіяся другъ относительно друга системы совершенно равнозначущи, т.-е. сказать, что система А въ покоѣ, а система В движется, или, наоборотъ, что система В въ покоѣ, а А движется,—одно и то же.

III. Міровой эфиръ и абсолютное движеніе.

Итакъ, наблюдатель не замѣчаетъ своего движенія, т.-е у него нѣтъ никакихъ способовъ распознать это движеніе, такъ какъ всѣ механическія явленія совершаются вполнѣ одинаково какъ въ томъ случаѣ, когда онъ находится въ покоѣ, такъ и въ томъ случаѣ, когда онъ движется. Другими словами: путь къ познанію абсолютнаго движенія, а, значитъ, и абсолютнаго покоя, черезъ механическіе опыты закрытъ.

Но, можетъ быть, есть другіе пути? Не можемъ ли мы познать абсолютное движеніе на основаніи другихъ явленій, не механическихъ, напримѣръ, свѣтовыхъ или электрическихъ? Иными словами: примѣнимъ ли принципъ относительности также и къ другимъ явленіямъ—свѣтовымъ, тепловымъ, электрическимъ и пр.? Теоретическій и экспериментальный разборъ этого вопроса и привелъ къ результатамъ, которые переполошили всѣхъ физиковъ и тѣмъ вызвали тотъ великій переворотъ въ наукѣ, о которомъ я говорилъ въ началѣ этой статьи. Главнѣйшіе изъ этихъ результатовъ я и постараюсь здѣсь изложить.

Какъ извѣстно, ближайшіе къ намъ предметы и отдаленнѣйшія звѣздныя системы доступны намъ, только благодаря свѣту. И вообще все, что мы знаемъ о звѣздномъ мірѣ,—все или почти все,—имѣетъ своимъ источникомъ свѣтовыя явленія. Но что такое свѣтъ? До недавняго времени всѣ безъ исключенія ученые допускали, безо всякихъ серьезныхъ возраженій, что какъ все междузвѣздное пространство, такъ и всѣ промежутки между молекулами (частицами) обыкновенной вѣсомой матеріи, заполнены нѣкоторой средой, особымъ веществомъ, которое назвали „міровымъ эфиромъ". Словомъ, наука допускала, что всѣ безъ исключенія тѣла находятся въ эфирѣ, подобно губкѣ, опущенной въ воду, что весь матеріальный міръ окунутъ въ эфирѣ. И вотъ это особое вещество, проникающее во всѣ тѣла и охватывающее собою самые далекіе уголки звѣзднаго міра, считалось передатчикомъ свѣта.

Благодаря особымъ свойствомъ эфира, свѣтовыя волны (волнообразная природа свѣта доказывается многочисленными опытами) распространяются въ немъ отъ одного конца вселенной до другого со скоростью 300.000 километровъ въ секунду, подобно тому, какъ звуковыя волны распространяются въ воздушной средѣ со скоростью 330 метровъ въ секунду, т.-е. эфиръ играетъ ту же роль для свѣта, что воздухъ—для звука. Различныя волны могутъ отличаться одна отъ другой своей длиной, т.-е. разстояніемъ между своими гребнями, а отъ длины волны свѣтовыхъ лучей зависитъ дѣйствіе ихъ на нашъ глазъ, т.-е. ихъ цвѣтъ,—опять таки подобно тому, какъ въ звуковыхъ волнахъ отъ длины волны зависитъ высота звука.

Не излагая подробнѣе это представленіе, скажу, что эфиръ, по мнѣнію всѣхъ прежнихъ физиковъ, является необходимой гипотезой, такъ какъ съ его допущеніемъ получаютъ наилучшее объясненіе какъ свѣтовыя явленія, такъ и электрическія, или герцовскія волны, использованныя для безпроволочнаго телеграфа: послѣднія, какъ оказалось, предоставляютъ собою не что иное, какъ свѣтовыя волны, свѣтъ, только свѣтъ, не воспринимаемый глазомъ, ибо глазъ воспринимаетъ только опредѣленныя окраски—лучи опредѣленной длины волны.

Много было сдѣлано попытокъ разгадать свойства эфира, сдѣлать ихъ наглядными и понятными. Ученые старались опредѣлить его плотность, разгадать тѣ движенія, которыя въ немъ происходятъ, и тѣ упругія измѣненія или деформаціи, которымъ онъ подвергается, и другія его свойства. Но попытки эти не увѣнчались успѣхомъ: ученые приходили къ самымъ неожиданнымъ и необъяснимымъ противорѣчивымъ результатамъ; тайна міровой среды не была разгадана. Словомъ, объясняя явленія свѣта, эфиръ самъ остался необъяснимымъ.

Но, каковы бы ни были свойства эфира, какъ бы мы ни смотрѣли на его природу, если всѣ тѣла находятся въ немъ, подобно губкѣ, опущенной въ воду, а онъ въ свою очередь проникаетъ въ эти тѣла, то является вопросъ: что происходитъ съ эфиромъ, заключеннымъ внутри тѣла, когда послѣднее приведено въ движеніе? увлекается ли эфиръ движущимися тѣлами, или же это „особое вещество" всегда остается неподвижнымъ? На этотъ вопросъ въ разное время отвѣчали различно. Френель и Физо допускали, что эфиръ только отчасти увлекается движущимся тѣломъ, т.-е. что эфиръ пріобрѣтаетъ не полную скорость движущагося тѣла, а только часть ея. Герцъ развилъ ученіе, по которому эфиръ вполнѣ увлекается движущейся матеріей, такъ что скорость эфира, находящагося внутри тѣла, равняется скорости движенія самого тѣла. Но къ настоящему моменту обѣ эти точки зрѣнія надо считать совершенно отвергнутыми въ виду общепризнаннаго торжества гипотезы великаго голландскаго физика Ген-

рика Антона Лоренца, который, на основаніи многочисленныхъ соображеній, пришелъ (въ 1890 г.) къ выводу, что эфиръ, находящійся внутри и вблизи движущихся матеріальныхъ тѣлъ, рѣшительно никакого участія въ этомъ не принимаетъ: онъ абсолютно неподвиженъ. Значитъ, лучи свѣта въ воздухѣ распространяются съ одинаковою быстротою, какъ противъ вѣтра, такъ и по направленію вѣтра: воздухъ въ своемъ движеніи не увлекаетъ свѣтовой эфирной волны, какъ онъ это дѣлаетъ съ волнами звуковыми. Съ этимъ допущеніемъ должны согласиться всѣ, кто признаетъ гипотезу о существованіи эфира.

Итакъ, что же мы видимъ? Мы видимъ, что среди различныхъ гипотезъ, объясняющихъ свѣтовыя явленія, наиболѣе правдоподобной, по мнѣнію физиковъ, слѣдуетъ считать гипотезу о существованіи міровой среды,—эфира,—а, принимая существованіе эфира, мы принуждены признать, что эфиръ совершенно не увлекается движущимъ тѣломъ, что онъ совершенно неподвиженъ. Это—фактъ громаднаго значенія. Вѣдь если эфиръ есть всепроникающая среда, заключающая въ себѣ весь доступный нашему воспріятію міръ, а съ другой стороны, если эфиръ обладаетъ свойствомъ не увлекаться тѣлами, находящимися въ движеніи, то ничто не мѣшаетъ принять его за среду, абсолютно покоющуюся, и къ нему отнести всѣ движенія въ мірѣ. Иначе говоря, если эфиръ въ своей общей массѣ совершенно неподвиженъ, то онъ можетъ служить мѣриломъ абсолютнаго покоя въ мірѣ, съ нимъ можно сравнивать состояніе міровыхъ тѣлъ для рѣшенія вопроса, находятся ли они въ покоѣ или въ движеніи и съ какой быстротой они совершаютъ путь. Однимъ словомъ, для того, кто ищетъ абсолютный покой, эфиръ является единственной и послѣдней надеждой!..

Такимъ образомъ, мы ясно видимъ, что вопросъ объ абсолютномъ покоѣ и абсолютномъ движеніи тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ допущеніемъ гипотезы о существованіи эфира. Если существуетъ эфиръ, какъ субстанція, заполняющая міровое пространство, то мы должны считать его совершенно неподвижнымъ, и потому мы можемъ къ нему отнести всѣ движенія въ мірѣ и тѣмъ самымъ очень просто рѣшить вопросъ объ абсолютномъ покоѣ и абсолютномъ движеніи. Тѣло покоющееся относительно эфира, мы должны считать находящимся въ абсолютномъ покоѣ, а прямолинейное и равномѣрное движеніе тѣла относительно покоющагося эфира мы должны признать за движеніе абсолютное или истинное. Иными словами, если существуетъ неподвижный эфиръ, то должны существовать и абсолютный покой, и абсолютное прямолинейное и равномѣрное движеніе И, наоборотъ, если эфира нѣтъ, то становятся праздными всѣ разговоры объ абсолютномъ покоѣ и, значитъ, объ абсолютномъ движеніи! Однимъ словомъ, только эфиръ можетъ намъ отвѣтить

на интересующій насъ вопросъ. Только отъ него зависитъ разгадка вопроса объ абсолютномъ покоѣ въ мірѣ.

Само собою разумѣется, что, дойдя до этого пункта своего развитія, научная мысль получила новое направленіе. Вѣдь если Лоренцъ правъ, если эфиръ, въ которомъ распространяются свѣтовыя волны, дѣйствительно абсолютно неподвиженъ и совершенно не увлекается тѣлами, мы непремѣнно должны ожидать, что абсолютное прямолинейное и равномѣрное движеніе тѣла,—напримѣръ, земли,—отразится на тѣхъ явленіяхъ распространенія свѣта, которыя наблюдаются на этомъ тѣлѣ. Другими словами: если наше допущеніе объ эфирѣ правильно, то старый принципъ относительности, вѣрный для всѣхъ механическихъ явленій, не приложимъ къ явленіямъ свѣтовымъ, къ явленіямъ, происходящимъ въ эфирѣ. Чтобы узнать, такъ ли это на самомъ дѣлѣ, ученые съ необычайной настойчивостью принялись производить многочисленные эксперименты надъ распространеніемъ свѣта въ различныхъ движущихся и покоющихся тѣлахъ. И вотъ здѣсь-то и случилось нѣчто совершенно неожиданное, нѣчто такое, къ чему ни одинъ физикъ не былъ подготовленъ и что привело старую физику къ ужасной неслыханной катастрофѣ. Что именно произошло, мы увидимъ ниже. А теперь я постараюсь на примѣрахъ выяснить въ общихъ чертахъ сущность послѣдняго слѣдствія.

IV. Движеніе тѣла и скорость свѣта.

Такъ какъ эфиръ остается неподвижнымъ, а свѣтовыя явленія представляютъ собою волнообразныя колебанія эфира, которыя распространяются въ немъ всегда съ одной и той же скоростью, именно, со скоростью 300.000 километровъ въ одну секунду, то эту скорость мы можемъ принять за абсолютную. Слѣдовательно, теоретически существуетъ возможность сравнивать движеніе всякаго тѣла съ абсолютнымъ движеніемъ,—со скоростью распространенія свѣта,—т.-е. существуетъ возможность установить, находится ли тѣло въ абсолютномъ движеніи или нѣтъ.

Вотъ примѣръ. Представимъ себѣ два тѣла, одно изъ которыхъ движется по прямому направленію, отдаляясь отъ другого, находящагося въ покоѣ, и допустимъ, что на одномъ изъ нихъ находится наблюдатель, а на другомъ—источникъ свѣта, дающій каждую секунду попеременно два разноцвѣтныхъ пламени, напримѣръ, желтое и зеленое. Если скорость движенія тѣла меньше скорости свѣта, меньше 300.000 километровъ въ секунду, то наблюдатель будетъ одинаково воспринимать чередованіе желтыхъ и зеленыхъ цвѣтовъ, независимо отъ того, онъ ли со своимъ тѣломъ движется, или отъ него убѣгаетъ тѣло съ источникомъ свѣта. Если же тѣло движется, отдаляясь отъ источника свѣта, со скоростью, равною

скорости распространенія свѣта, то наблюдатель будетъ видѣть одинъ только свѣтъ, желтый или зеленый,—тотъ свѣтъ, который онъ видѣлъ въ моментъ начала движенія. Если онъ тогда воспринимаетъ желтый свѣтъ, то при его движеніи съ нимъ вмѣстѣ будутъ двигаться съ одинаковой скоростью желтые лучи, а зеленые лучи никогда до него не дойдутъ и онъ ихъ не увидитъ. И, наоборотъ, если онъ въ началѣ движенія воспринималъ зеленый свѣтъ, то зеленые лучи всегда будутъ оставаться при немъ, а желтые лучи никогда его не догонятъ и онъ ихъ никогда не увидитъ. Но если наблюдатель находится въ покоѣ, а движется тѣло, обладающее источникомъ свѣта со свѣтовой скоростью, то до наблюдателя дойдутъ и желтые, и зеленые лучи, только промежутки между ними будутъ бо̀льшіе, соотвѣтственно увеличивающемуся разстоянію, т.-е. онъ будетъ воспринимать чередованіе желтыхъ и зеленыхъ цвѣтовъ, только чередованіе это будетъ протекать медленнѣе. Ясно, что въ свѣтовыхъ явленіяхъ наблюдатель при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ получить средство для распознанія своего движенія, для рѣшенія вопроса: онъ ли удаляется отъ источника свѣта или приближается къ нему, или, наоборотъ, источникъ свѣта къ нему, наблюдателю, приближается или отъ него, наблюдателя, удаляется.

Чтобы еще лучше выяснить сущность дѣла, разсмотримъ крайній случай, для чего обратимся къ одной чудесной фантазіи всѣмъ извѣстнаго астронома Фламмаріона. Наблюдатель, котораго онъ назвалъ Люменомъ, движется на своемъ чудесномъ кораблѣ по волнамъ эфира со скоростью 400.000 километровъ въсекунду, т.-е. со скоростью, превышающей скорость свѣта. Этотъ путешественникъ обладаетъ глазомъ, который совершеннѣе всѣхъ нашихъ телескоповъ: онъ способенъ обозрѣвать мельчайшія подробности съ какого угодно разстоянія. Какъ же ему представятся явленія, если тѣло, отъ котораго онъ удаляется, остается неподвижнымъ? Легко понять, что въ этомъ случаѣ Люменъ будетъ видѣть явленія въ обратномъ порядкѣ.

Допустимъ, напримѣръ, что онъ покинулъ землю въ тотъ моментъ, когда закончилась какая-то битва. Тогда вначалѣ онъ будетъ видѣть поле битвы, усѣянное трупами. Но такъ какъ онъ перемѣщается значительно быстрѣе свѣтовыхъ волнъ, то съ теченіемъ времени онъ догонитъ тѣ лучи, которые ушли раньше, чѣмъ кончилась битва, когда еще сраженіе было въ полномъ ходу, и онъ увидитъ сражающихся. Еще спустя нѣкоторое время онъ достигнетъ лучей свѣта, унесшихъ съ собою изображеніе выстроенныхъ баталіоновъ, и т. д. Такимъ образомъ Люменъ будетъ видѣть нѣчто необычайное, нѣчто такое, что мы считаемъ сверхъестественнымъ, божественнымъ: мертвецы, лежащіе на полѣ битвы, съ теченіемъ времени одинъ за другимъ начинаютъ подниматься, чтобы занимать свои мѣста на аренѣ битвы, и, невредимые,

начинаютъ сражаться, и, наконецъ, строиться. Однимъ словомъ, для него получится не больше и не меньше, какъ превращеніе времени: поворотъ теченія времени вспять!..

Итакъ, если Люменъ будетъ двигаться все дальше и дальше и, слѣдовательно, все больше и больше отдаляться отъ земли, то онъ сможетъ видѣть все, что было, навыворотъ повторять исторію. Но въ такомъ случаѣ всѣ такъ называемыя преходящія явленія абсолютны: ничто въ мірѣ не проходитъ—все вѣчно, все безсмертно [1]). Явленіе проходитъ не само по себѣ, а вслѣдствіе той или другой скорости свѣта, такъ что если мы по отношенію къ нашему глазу прекращаемъ скорость свѣта или обращаемъ ее въ величину отрицательную, то прошедшее становится настоящимъ, умершее воскресаетъ. Все происходитъ во времени, но если стать надъ временемъ, если стать господиномъ времени, если умѣть, какъ это дѣлаетъ Люменъ, выворачивать время наизнанку, то прекращается всякое „былое", все получаетъ характеръ „возможнаго настоящаго"! Все это нисколько не грѣшитъ противъ законовъ классической механики и извѣстныхъ намъ явленій свѣта, а, наоборотъ, необходимо, вполнѣ логично и послѣдовательно вытекаетъ изъ законовъ обычной механики и добытыхъ наукой законовъ свѣтовыхъ явленій.

Но изображенная картина уже никоимъ образомъ не представится Люмену, если онъ будетъ находиться въ покоѣ, тогда какъ источникъ свѣта—земной шаръ—будетъ удаляться отъ него съ быстротой 400.000 километровъ въ секунду. Въ этомъ случаѣ Люменъ, обращая свой совершенный взоръ на улетающую отъ него землю, будетъ видѣть битву и вообще всѣ явленія въ ихъ нормальномъ порядкѣ, въ ихъ обычномъ теченіи, только протекать они будутъ передъ нимъ съ величайшимъ спокойствіемъ, съ какой-то особенной величественностью: вѣдь земля, убѣгая, шлетъ къ нему лучи, которые доходятъ до него позднѣе, потому что имъ приходится пробѣгать большій путь. Но совершенно противоположное будетъ въ томъ случаѣ, когда источникъ свѣта приближается къ нашему чудесному путешественнику со скоростью 400.000 километровъ въ секунду: всѣ наблюдаемыя имъ событія снова представятся въ обратномъ порядкѣ, ибо свѣтовые лучи, отправившіеся къ концу событія, будутъ исходить съ болѣе близкаго разстоянія и, имѣя передъ собою болѣе короткій путь, очевидно, опередятъ предыдущіе лучи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что у Люмена всегда будетъ имѣться средство для распознанія своего движенія, для рѣшенія вопроса, движется ли онъ или тотъ предметъ, на который

[1]) Человѣческій духъ, выйдя, напр., съ нашей земли при смерти человѣка или иначе и перенесясь въ нѣсколько часовъ на извѣстное разстояніе, увидѣлъ бы, слѣдовательно, землю прежняго времени, увидѣлъ бы самого себя въ моментъ рожденія, ребенкомъ и т. д.

обращенъ его взоръ. Словомъ, онъ имѣетъ средство для обхода принципа относительности механики и, слѣдовательно, онъ имѣетъ возможность вникнуть въ абсолютное...

Конечно, современными средствами нашихъ лабораторій стать Люменомъ, осуществить опытъ по замыслу Фламмаріона, не такъ-то легко. Такія фантастическія скорости не находятся въ нашемъ распоряженіи, а еслибы даже мы ими и располагали, то все-таки наблюдатель не могъ бы вполнѣ разобраться въ нихъ. Но я преднамѣренно выбралъ такой исключительный примѣръ, необходимый выводъ изъ котораго (обращеніе времени вспять) настолько же исключителенъ. Само собою разумѣется, что если мы воспользуемся болѣе скромными средствами, то, соотвѣтственно этому, и сами результаты будутъ скромнѣе, но за то они, слѣдуя старымъ теоріямъ, пожалуй, могутъ быть провѣрены нашими приборами Я думаю, что крайній примѣръ, мною приведенный, вполнѣ достаточенъ, чтобы пояснить читателю, въ чемъ сущность дѣла.

Итакъ, мы приходимъ къ неизбѣжному выводу, что галилео-ньютоновскій принципъ относительности для свѣтовыхъ явленій не подходитъ, что онъ имѣетъ лишь относительный характеръ, что онъ вѣренъ лишь по отношенію къ механическимъ процессамъ, а нашему представленію доступно также абсолютное.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

V. Опытъ Майкельсона.

Если принципъ относительности для свѣтовыхъ явленій не имѣетъ мѣста,—а это, какъ мы видѣли, является необходимымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всѣхъ извѣстныхъ намъ фактовъ,—то ясно, что скорость свѣта должна измѣниться отъ поступательнаго движенія системы. Именно, время, потребное для луча свѣта, чтобы пройти нѣкоторое данное разстояніе и вернуться обратно, будетъ различно въ томъ случаѣ, когда путь, проходимый свѣтомъ, параллеленъ направленію движенія, и въ томъ случаѣ, когда онъ перпендикуляренъ къ этому направленію. Слѣдовательно, скорость свѣта на поверхности земли не во всѣхъ направленіяхъ должна быть одинакова; именно, она будетъ меньше въ направленіи движенія земли и больше—въ обратномъ направленіи: вѣдь въ первомъ случаѣ земля уходитъ отъ луча и увеличиваетъ его путь, а во-второмъ,—она движется на встрѣчу лучу и дѣлаетъ его путь *короче*. Возьмемъ для сравненія воздухъ вмѣсто эфира и звукъ вмѣсто свѣта: когда вѣтеръ дуетъ въ направленіи распространенія звука, то онъ уноситъ съ собой звуковыя волны, и онѣ передаются поэтому быстрѣе, чѣмъ въ спокойномъ воздухѣ или тогда, когда вѣтеръ дуетъ перпендикулярно распространенію звука.

Такимъ образомъ, если, построивъ соотвѣтствующій приборъ,

мы будемъ сравнивать время пробѣга свѣтовой волны по направленію движенія земли черезъ покоющійся эфиръ и противъ этого движенія, и если при этомъ обнаружится какая-нибудь разница,— ее, конечно, легко теоретически вычислить, — то это послужитъ нагляднымъ доказательствомъ движенія земли въ эфирѣ, того самаго абсолютнаго движенія, о которомъ такъ долго мечтали. А если никакой разницы нельзя будетъ обнаружить... Но какъ же это можетъ быть? Вѣдь разница должна непремѣнно обнаружиться, разъ вся астрономія, эта точнѣйшая изъ наукъ, построена на допущеніи движенія земли и разъ всѣ принимаютъ, что свѣтовыя явленія представляютъ колебанія эфира, распространяющіяся въ немъ всегда съ постоянной скоростью.

И вотъ, съ глубокой вѣрой въ положительный результатъ, знаменитый американскій физикъ-экспериментаторъ Майкельсонъ соорудилъ въ 1881 г. чрезвычайно чувствительный оптическій приборъ—интерферометръ—и приступилъ къ выполненію труднѣйшаго опыта: къ одновременному измѣренію скорости свѣта по двумъ различнымъ направленіямъ,—въ направленіи движенія земли и въ направленіи, ему перпендикулярномъ. На рис. 1 виденъ путь лучей свѣта въ этомъ опытѣ. Пучокъ свѣта, выходящій изъ источника S, въ точкѣ A раздѣляется на два полупучка, причемъ одинъ полупучокъ направляется къ зеркалу B и обратно, поперекъ направленію поступательнаго движенія земли, а другой полупучокъ—къ зеркалу C и обратно, вдоль направленія движенія земли. Посредствомъ интерферометра, находящагося въ точкѣ I, сравнивается время пробѣга свѣта по этимъ двумъ направленіямъ.

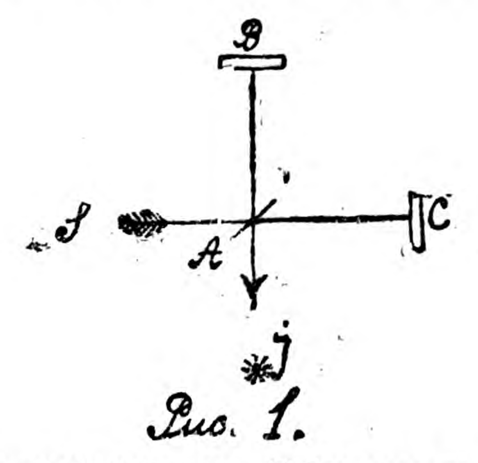

Рис. 1.

Никто, не исключая и самого Майкельсона, не сомнѣвался въ томъ, что интерферометръ обнаружитъ ожидаемую разницу, обнаружитъ поступательное движеніе земли и тѣмъ окончательно рѣшитъ вопросъ объ абсолютномъ движеніи. Но случилось нѣчто непостижимое нѣчто, подобно чуду, совершенно необъяснимое

нашими обычными представленіями. Инструментъ пошелъ наперекоръ всѣмъ желаніямъ ученыхъ и всѣмъ теоретическимъ выкладкамъ, всѣмъ элементарнымъ разсужденіямъ: онъ далъ отрицательный результатъ, т. е. онъ никакой разницы не обнаружилъ. Другими словами: опытъ Майкельсона не обнаружилъ движенія земли относительно эфира; онъ лишь привелъ къ непостижимому заключенію, что скорость свѣта нисколько не измѣняется отъ поступательнаго движенія земли.

Ошеломленные неожиданностью результата, ученые стали искать его причину. Сначала они полагали, что причина эта кроется въ погрѣшностяхъ инструмента, въ его недостаточной чувствительности. Тогда Майкельсонъ совмѣстно съ Морлеемъ въ 1887 г. повторили этотъ опытъ и показали, что въ этомъ отношеніи все обстоитъ благополучно, что ихъ инструментъ въ состояніи замѣтить разницу, въ 17 разъ меньшую той, которую предсказываетъ вычисленіе. Впослѣдствіи, въ 1904 и 1909 гг., Морлей въ сотрудничествѣ съ Миллеромъ еще болѣе усовершенствовалъ приборъ Майкельсона, такъ что интерферометръ въ состояніи былъ показать одну 190-ую часть ожидаемой разницы. И все-таки никакой разницы не обнаружилось. Послѣ этого стали искать ошибку въ теоретическомъ обоснованіи опыта. Но и здѣсь все оказалось безупречнымъ: теоретическія обоснованія такъ просты и очевидны, что ошибкѣ негдѣ укрыться Вѣдь не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что земля движется въ пространствѣ, которое, по глубокому убѣжденію физиковъ, заполнено неподвижнымъ эфиромъ. Столь же несомнѣнно, что инструменты, употребленные для опытовъ, во много разъ чувствительнѣе, чѣмъ это требуется: они могутъ обнаружить величину, во много разъ меньшую ожидаемой.

Откуда же берется этотъ необъяснимый отрицательный результатъ? Почему же относительное движеніе земли и эфира не производитъ никакого вліянія на скорость свѣта, наблюдаемую на землѣ? Почему?

А между тѣмъ этотъ поразительный фактъ, что мы не въ состояніи обнаружить движенія земли въ эфирѣ, получилъ подтвержденіе не только со стороны опыта Майкельсона. Всѣ вообще опыты надъ свѣтовыми и надъ электрическими явленіями, сдѣланные цѣлымъ рядомъ выдающихся физиковъ-экспериментаторовъ съ цѣлью найти и опредѣлить абсолютное поступательное движеніе земли, кончались полной неудачей, приводили все къ одному и тому же непостижимому отрицательному результату: природа отказывалась отвѣчать на поставленный ей вопросъ. Однимъ словомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда очень простое вычисленіе показызывало, что на такомъ-то опытѣ должно обнаружиться то и то, какъ слѣдствіе движенія земли черезъ эфиръ, опытъ, какъ бы онъ ни былъ тщателенъ и чувствителенъ, не подтверждалъ умо-

заключенія ученыхъ, и то, что предсказывалось, чего требовало и къ чему приводило элементарное разсужденіе и просто здравый смыслъ, на опытѣ не обнаруживалось, оно какъ бы куда-то исчезало!..

VI. Теорія Лоренца и Фицжеральда.

Чтобы объяснить удивительный отрицательный результатъ этихъ опытовъ, чтобы спасти теорію неподвижнаго эфира, Лоренцъ въ 1904 г. и, совершенно независимо отъ него, англійскій физикъ Фицжеральдъ, сдѣлали смѣлое допущеніе, состоящее въ томъ, что размѣры всѣхъ тѣлъ сами собой мѣняются, когда они движутся въ эфирѣ: они сокращаются, укорачиваются по направленію своего движенія. Точнѣе говоря, если тѣло движется, то линейные размѣры въ направленіи, перпендикулярномъ къ движенію, остаются неизмѣнными, въ направленіи же самого движенія они, исключительно только вслѣдствіе этого движенія, претерпѣваютъ нѣкоторое сокращеніе—укорочиваются. Такъ, напримѣръ, шаръ сплющивается, принимаетъ форму такъ называемаго приплюснутаго эллипсоида, или даже превращается въ безконечно-тонкую пластинку, когда его скорость достигаетъ скорости свѣта. Но это укорачиваніе чрезвычайно мало, когда скорость тѣла мала сравнительно со скоростью свѣта; если мы даже возьмемъ движеніе, соотвѣтствующее землѣ на ея пути относительно солнца, то и въ этомъ случаѣ сжатіе составляетъ лишь одну двухсотъ-милліонную долю размѣровъ тѣла. Само собою разумѣется, что это измѣненіе размѣровъ невозможно было бы обнаружитъ и въ томъ случаѣ, еслибы оно было гораздо больше или еслибы даже точность нашихъ измѣрительныхъ приборовъ была безконечна. Вѣдь всѣ тѣла деформируются въ одинаковой степени, а, слѣдовательно, и измѣрительные инструменты (наши метры, аршины, измѣрительныя ленты и т. д.) и тѣла, подлежащія измѣренію, подвергаются одинаковому измѣненію, и въ результатѣ измѣненія размѣровъ не могутъ стать замѣченными.

По этой теоріи выходитъ, что инструментъ Майкельсона сокращался въ направленіи движенія земли, а въ перпендикулярномъ направленіи онъ оставался неизмѣннымъ, причемъ это сокращеніе какъ разъ и соотвѣтствовало той разницѣ въ длинѣ пути свѣтовыхъ лучей, которая ожидалась и которая, не будь сокращенія, была бы обнаружена. Другими словами: хотя продолжительность распространенія свѣта въ направленіи движенія и въ направленіи, перпендикулярномъ къ нему, различна, какъ это требуется извѣстными намъ разсужденіями, но мы не можемъ обнаружить этого различія, потому что всѣ наши приборы сокращаются въ направленіи движенія, благодаря чему уменьшается путь, проходимый свѣтомъ въ этомъ направленіи, а, слѣдо-

вательно, и промежутокъ времени, который, по вычисленію, требуется для соотвѣтствующаго свѣтового пучка, дѣлается одинаковымъ. Благодаря этому-то неожиданному и чудесному выравниванію временъ, отъ насъ и ускользаетъ возможность замѣтить абсолютное движеніе земли.

Смѣлая и странная гипотеза Лоренца и Фицжеральда дѣйствительно уничтожила разногласіе между теоріей и опытомъ, нашла выходъ изъ затрудненія. Въ этой теоріи математически содержится все то, что потомъ получило названіе новой теоріи относительности. Но самая теорія не представила собою совокупности, достаточно удовлетворяющей нашъ умъ. Трудно допустить, что размѣры тѣлъ мѣняются въ зависимости отъ ихъ движенія, и не легко подыскать причины такого измѣненія, хотя, напримѣръ, Лоренцъ указалъ на возможную причину, исходя изъ мысли (подтвержденной электронной теоріей), что силы сцѣпленія, дѣйствующія между молекулами вещества, являются силами электрическими. Съ другой стороны, теорія основывалась всецѣло на допущеніи существованія эфира, который нужно было разсматривать движущимся относительно земли, причемъ слѣдствія такого движенія никогда не могутъ быть замѣчены наблюденіями, т. е. она допускала, что въ физикѣ имѣется вліяніе абсолютнаго движенія, но различныя вліянія всегда такъ взаимно компенсируются, что наблюдатель, увлекаемый тѣмъ же движеніемъ, не замѣчаетъ ихъ вовсе. Эта гипотеза однако не уничтожаетъ возможности опредѣленія абсолютнаго движенія при помощи другихъ опытовъ, которые еще не были произведены. Вѣдь если эта гипотеза правильна, соотвѣтствуетъ природѣ, то въ обратномъ случаѣ, когда движется не аппаратъ, а наблюдатель, покоится же не наблюдатель, а аппаратъ, сокращенія не должно быть, такъ что опять появляется возможность изслѣдованія абсолютнаго движенія.

Въ 1905 г. Эйнштейнъ, давъ новое объясненіе неудачи вышеупомянутыхъ опытовъ, придалъ теоріи, созданной Лоренцомъ, болѣе изящную форму, и въ этомъ видѣ она получила особенную прочность и жизнеспособность. При этомъ онъ высказалъ такія мысли, которыя по своей смѣлости не имѣютъ себѣ подобныхъ, и тѣмъ положилъ фундаментъ новому физическому міровоззрѣнію и тому великому научному перевороту, который не имѣетъ себѣ подобнаго въ прошломъ. Законченъ былъ этотъ революціонный трудъ въ 1908 г. другимъ молодымъ геніальнымъ умомъ, къ сожалѣнію, рано похищеннымъ у насъ смертью, Германомъ Минковскимъ. Оба они придали теоріи Лоренца такую интересную и великолѣпную форму, которая поражаетъ и въ то же время очаровываетъ и увлекаетъ самые избранные умы.

Лоренцъ предполагаетъ, что существуетъ возможность создать

прочную теорію явленій природы, не основывая ее на принципѣ относительности, т. е. исходя изъ допущенія, что абсолютное движеніе оказываетъ вліяніе на физическія явленія. По мнѣнію Эйнштейна, именно въ этомъ и заключалась ошибка. Зданіе было возведено, но оказалось неустойчивымъ именно потому, что фундаментъ его не покоился на твердомъ, какъ гранитъ, основаніи принципа относительности. Сама природа, отвѣчая на вопросъ Майкельсона и другихъ ученыхъ, указала на это обстоятельство. И самому Лоренцу пришлось соотвѣтственно измѣнить свою прежнюю теорію: ввести въ представленіе о неподвижномъ эфирѣ представленіе о сокращеніи размѣровъ движущихся тѣлъ въ направленіи движенія. По Эйнштейну, слѣдовательно, на первомъ мѣстѣ долженъ стоять принципъ относительности и на немъ уже должна покоиться теорія Лоренца.

Разсмотримъ же основы новой теоріи относительности—ученія Эйнштейна.

VII. Принципъ относительности Эйнштейна.

Размышляя надъ многочисленными неудавшимися попытками построить вѣчно-движущуюся машину (perpetuum mobile), великій Гельмгольцъ сдѣлалъ постановку вопросовъ въ такомъ порядкѣ: а что если „вѣчное движеніе" невозможно? Каковы должны быть соотношенія между силами природы, если сдѣлать такое предположеніе? Это, какъ извѣстно, привело его къ открытію закона сохраненія энергіи, развернувшаго столь широкіе горизонты передъ теоретической физикой. Существованіе закона и дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе машины съ вѣчнымъ движеніемъ.

Точно такіе же коренные вопросы были поставлены Эйнштейномъ, когда онъ думалъ о неудавшихся попыткахъ обнаружить абсолютное движеніе, и это привело его къ провозглашенію новаго физическаго міровоззрѣнія—знаменитаго принципа относительности.

Сущность этого новаго принципа не трудно понять. Многочисленныя разнообразныя попытки опытнымъ путемъ обнаружить прямолинейное и равномѣрное движеніе земли черезъ эфиръ оказались безуспѣшными. Но можно ли надѣяться, что когда-нибудь въ будущемъ опыты окажутся успѣшнѣе? Можетъ ли быть, что то, что до сихъ поръ не удалось, когда-нибудь да удастся? Эйнштейнъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, и этотъ отвѣтъ онъ и кладетъ въ основу своихъ дальнѣйшихъ разсужденій. Слѣдовательно, сущность его теоріи заключается только въ замѣнѣ словъ „не удалось" словами „не можетъ удаться". Вѣдь „не удалось"

предполагаетъ исторически сложившійся фактъ, которому можно или должно найти объясненіе (гипотеза Лоренца-Фицжеральда и представляетъ смѣлую попытку такого объясненія), а „не можетъ удаться“ указываетъ на предположеніе, не требующее доказательства, на уму непостижимое свойство міра. Другими словами, по Эйнштейну, еслибы была какая-нибудь возможность подмѣтить поступательное движеніе земли въ эфирѣ, то произведенными опытами это было бы съ несомнѣнностью установлено, а разъ ни однимъ изъ опытовъ это движеніе не обнаружено, стало быть, законы природы таковы, что его и нельзя обнаружить.

Значитъ, заключаетъ Эйнштейнъ, наша вселенная устроена такъ, что такими наблюденіями, произведенными внутри какой-нибудь системы, напримѣръ, на землѣ или въ предѣлахъ солнечной системы, нельзя обнаружить, что всѣ ея составныя части обладаютъ одной какой-нибудь скоростью. Если такая общая скорость равномѣрнаго и прямолинейнаго движенія и существуетъ, то ее нельзя открыть внутри системы не только механическими, какъ объ этомъ училъ извѣстный намъ галилео-ньютоновскій принципъ относительности, но и никакими другими средствами: оптическими, электрическими, магнитными и т. д. Словомъ, явленія природы въ любой подвижной системѣ протекаютъ независимо отъ движенія системы и отъ ея скорости, т. е. всѣ событія происходятъ такъ, какъ еслибы система находилась въ полномъ покоѣ. Поэтому два подобныхъ тѣла, имѣющія относительныя движенія по параллельнымъ путямъ, образуютъ совершенно симметричную систему: если мы вправѣ разсматривать первое тѣло, какъ покоющееся, а второе, какъ движущееся, то мы столь же въ правѣ принять, что второе въ покоѣ, а первое движется.

Итакъ, галилео-ньютоновскій принципъ относительности относится не только къ явленіямъ механическимъ, но ко всему вообще міру физическихъ явленій. Онъ имѣетъ, если можно такъ выразиться, абсолютное значеніе. Въ новой, расширенной, формѣ онъ можетъ быть формулированъ такъ: міръ, въ которомъ мы живемъ, надѣленъ такими свойствами, что мы не можемъ и никогда не сможемъ никакими опытами обнаружить наше прямолинейное и равномѣрное движеніе черезъ эфиръ. Или иначе: законы явленій, происходящихъ въ любой системѣ, не зависятъ отъ этой системы, если только скорость ея движенія не мѣняется ни по величинѣ, ни по направленію. А разъ это такъ, то въ мірѣ покой и движеніе имѣютъ не истинное, не абсолютное, но лишь относительное, условное значеніе, то-есть, въ мірѣ нѣтъ состоянія, которое соотвѣтствовало бы абсолютному покою, — нѣтъ того состоянія, которое могло бы служить мѣриломъ для обнаруженія абсолютнаго движенія. Однимъ словомъ, какъ абсолютный покой, такъ

и абсолютное движеніе—это при[illegible] созданные нами же самими мы ихъ не знаемъ и никогда знать не будемъ)..

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что новый, эйнштейновскій, принципъ лишь весьма мало отличается отъ стараго, галилео-ньютоновскаго, и что поэтому такое небольшое на видъ обобщеніе не можетъ быть связано съ величайшимъ переворотомъ въ основныхъ нашихъ представленіяхъ. Но если мы хоть немного вдумаемся въ здѣсь изложенное, мы увидимъ, что въ дѣйствительности это не такъ: вѣдь эфиръ, если онъ существуетъ, неподвиженъ, и потому всѣ наши основныя понятія и такъ называемый „здравый смыслъ“ безусловно требуютъ, чтобы движеніе системы въ этой средѣ могло быть замѣчено. Обобщенный принципъ противорѣчитъ этому требованію, а потому и неудивительно, что вытекающія изъ него послѣдствія рѣзко противорѣчатъ нашимъ основнымъ представленіямъ.

Какъ видно, положеніе Эйнштейна представляетъ собою апріорно-выставленную аксіому, постулатъ, положенный въ основу новаго міровоззрѣнія. Ни о какомъ его доказательствѣ, ни о какой попыткѣ его объясненія не можетъ быть никакой рѣчи, но за то онъ долженъ быть согласованъ со всѣми окружающими насъ явленіями, его выводы не должны противорѣчить ни одному изъ опытныхъ данныхъ. Подобнаго рода истинъ, принятыхъ въ качествѣ основоположной посылки науки, имѣется уже немало. Такъ, напримѣръ, когда послѣ безчисленныхъ попытокъ найти доказательство для знаменитой теоріи параллельныхъ Лобачевскій и Риманъ высказали, что такого доказательства нѣтъ и не можетъ быть, въ силу внутреннихъ, уму непостижимыхъ, свойствъ пространства, была создана такъ называемая „не-Эвклидовская геометрія“. Точно такъ же, когда многочисленные опыты надъ изобрѣтеніемъ „вѣчнаго двигателя“ привели изслѣдователей къ отрицательному результату, то Гельмгольцъ, Майеръ и Джоуль высказали постулатъ: невозможно создать вѣчно-работающую машину, и на основаніи этого постулата создали капитальный фундаментъ для новѣйшаго развитія физико-химическихъ наукъ.

Изъ постулата относительности можно сдѣлать выводъ, что въ равномѣрно движущейся системѣ, напримѣръ, на землѣ, скорость распространенія свѣта во всѣхъ направленіяхъ должна быть одинакова. Стало быть, совершенно отпадаетъ необходимость искать объясненія отрицательнаго результата опыта, произведеннаго Майкельсономъ. Такой опытъ не могъ и не долженъ былъ дать положительнаго результата просто потому, что нѣтъ никакого смысла ожидать различной скорости свѣта въ различныхъ направленіяхъ: скорость эта совершенно одинакова какъ въ направленіи движенія земли, такъ и въ направленіи, перпендикулярномъ этому движенію. Въ опытѣ Майкельсона заключеніе о независимости скорости

свѣта отъ направленія получаетъ, слѣдовательно, свое экспериментальное подтвержденіе.

Къ этому выводу Эйнштейнъ присоединяетъ второе обобщенное положеніе, второй постулатъ, названный „принципомъ постоянства скорости свѣта", который гласитъ: гдѣ и при какихъ бы условіяхъ ни измѣрялась скорость свѣта, для нея въ пустомъ пространствѣ всегда получается одна и та же величина. Другими словами, скорость распространенія свѣта въ пустотѣ есть всегда „міровая постоянная",—величина, всегда остающаяся неизмѣнной. Или еще иначе, скорость свѣта, измѣряемая какимънибудь наблюденіемъ, не зависитъ отъ скорости наблюдателя относительно источника свѣта: она имѣетъ одну и ту же величину, одно и то же численное значеніе для двухъ различныхъ наблюдателей даже и въ томъ случаѣ, если одинъ приближается, къ источнику свѣта со скоростью, близкой къ скорости свѣта, а другой отъ него удаляется съ такою же скоростью. Вѣдь въ противномъ случаѣ, мы могли бы—въ противорѣчіе съ первымъ постулатомъ, съ принципомъ относительности всѣхъ движеній—отличать физически другъ отъ друга различныя системы путемъ экспериментальнаго опредѣленія скорости свѣта. Поэтому этотъ постулатъ, хотя онъ и кажется противорѣчащимъ элементарной логикѣ, связанъ съ первымъ, и связанъ настолько тѣсно, что нѣкоторые ученые вмѣстѣ съ знаменитымъ Максомъ Планкомъ считаютъ его за простое слѣдствіе, вытекающее изъ перваго.

Итакъ, будучи вынуждены допустить невозможность наблюденія абсолютнаго движенія, мы въ то же время должны признать наличность абсолютной скорости,—скорости свѣта. Эйнштейнъ же—и въ этомъ его великая заслуга—математически доказалъ, что оба эти, повидимому противорѣчивыя, допущенія могутъ быть прекрасно согласованы другъ съ другомъ и могутъ обобщить цѣлый рядъ опытныхъ фактовъ, не противорѣча ни одному. Дѣлая это, согласовывая между собою эти постулаты, онъ уяснилъ себѣ, что физику ждетъ великое, грозное разрушеніе, что должно рухнуть все ея зданіе вмѣстѣ съ такими элементарно-простыми и неоспоримо-очевидными положеніями, въ истинности которыхъ никто и никогда не думалъ сомнѣваться. Но онъ продолжалъ свою дерзкую революціонную работу, продолжалъ заново перестраивать все научное зданіе, такъ какъ не видѣлъ никакой возможности объяснить, разгадать противорѣчіе между теоріей и опытомъ на основаніи общепринятыхъ, вѣковыхъ представленій. И, провозгласивъ свое новое ученіе, свою теорію относительности, онъ открылъ новую эру для физики, новое физическое міропониманіе.

Къ изложенію нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ, чертъ новаго ученія и перехожу теперь. Но, какъ сказано уже здѣсь, эти

крайне смѣлыя воззрѣнія имѣютъ страшно отвлеченный характеръ, и, только постепенно привыкая къ нимъ, можно дойти до ихъ точнаго пониманія, такъ какъ они не допускаютъ никакой аналогіи съ болѣе доступнымъ и болѣе привычнымъ для насъ, а именно механическимъ міромъ. Съ другой стороны, въ началѣ дороги, ведущей насъ къ этимъ идеямъ, стоитъ надпись: „входъ не-геометрамъ закрытъ". Поэтому все, что я могу сдѣлать, это — лишь кратко сообщить полученные результаты, лишь формулировать главнѣйшіе выводы, вытекающіе изъ новаго ученія.

Прежде всего обратимся къ міровому эфиру.

Г. А. Гуревичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

У ВРАТЪ САМАРІИ.

Романъ Уильяма Дж. Локка.

Пер. съ англійскаго З. Н. Журавской.

(Продолженіе).

XVIII.

Послѣдніе три дня ихъ пребыванія въ Парижѣ прошли чудесно. Торнтонъ, казалось, снова вернулся къ первымъ днямъ своей любви. Онъ отклонялъ всѣ приглашенія и почти все время проводилъ съ своей женой. По внѣшности они снова были влюбленною четой, но духъ, животворившій ихъ отношенія, какъ будто отлетѣлъ. Они вмѣстѣ предпринимали экскурсіи ѣздили въ Фонтенебло, въ Мелюнъ, въ Пасси. Одинъ разъ они цѣлый день бродили въ Венсенскомъ лѣсу и Торнтонъ цѣловалъ подъ деревьями свою красавицу-жену, какъ это дѣлалъ въ Бордитерѣ. Они весело закусывали въ маленькихъ прирѣчныхъ ресторанахъ. Самыми страстными и нѣжными словами онъ говорилъ ей о своей любви и восхищался ея красотой, съ отрицательнымъ тактомъ страсти избѣгая всякихъ темъ, которыя могли-бы быть непріятны Клитіи. Втеченіе трехъ дней съ нею снова былъ Торнтонъ ея медоваго мѣсяца.

Вначалѣ Клитія не понимала причины этой перемѣны. И не безъ робости спросила Торнтона.

— Глупенькая, какъ же ты не понимаешь, что я люблю тебя и что намъ осталось всего лишь только три дня еще гулять безъ дѣла.

И послѣ этого она снова поддалась чарамъ и стала дѣлить съ нимъ его настроеніе. Но только теперь уже не безсознательно, а сознательно переступивъ порогъ веселаго, смѣющагося міра, волшебныя врата котораго снова разверзлись передъ нею. Прежней непосредственной радости ужъ не было. Клитіи было предоставлено на выборъ: смѣяться или плакать. Она была

молода; ей хотѣлось любить своего мужа—она предпочла смѣяться. Но горе любви, которая ужь начинаетъ разсуждать, въ которой разумъ имѣетъ право голоса!

Къ Троицѣ они уже устроились въ Лондонѣ, въ своемъ домѣ на Кромвель-Родъ. За три дня нахлынувшая страсть остыла, и теперь атмосфера была холоднѣе, чѣмъ когда-либо. Но втеченіе нѣсколькихъ недѣль Клитія была такъ занята, что ей некогда было много времени удѣлять разрѣшенію волнующихъ вопросовъ. Надо было устраиваться, покупать добавочную мебель, позаботиться о деталяхъ убранства, которыя бы отвѣчали ея изысканному художественному вкусу.

Торнтонъ предоставилъ ей въ этомъ полную свободу; для него важно было только, чтобы въ домѣ было нарядно и красиво, а детали его не интересовали. Раза два онъ побывалъ съ Клитіей на аукціонахъ картинъ, купилъ ихъ нѣсколько по ея выбору, заказалъ по ея рисунку кожаныя кресла для своего кабинета и затѣмъ перенесъ свое вниманіе на болѣе серьезныя дѣла, такъ что Клитіи никто не мѣшалъ устраивать все, какъ ей нравится. И это отнимало много времени, а остальное уходило цѣликомъ на выполненіе разныхъ общественныхъ повинностей.

Художница, жена прогремѣвшаго авантюрами путешественника, притомъ обладавшаго значительными средствами,—все это создавало извѣстное общественное положеніе, и Торнтонъ очень заботился о томъ, чтобъ поддержать и укрѣпить его, въ видахъ осуществленія дальнѣйшихъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Рѣшивъ жениться, онъ сталъ искать какого-нибудь практическаго интереса въ своей новой жизни. Отъ Африки и дальнихъ странствованій онъ отказался—и очень хвалилъ себя за такое самоотверженіе. Что же оставалось для него достойнаго серьезнаго вниманія мужчины? Съ Клитіей онъ не совѣтовался. Ему даже въ голову не пришло, что это можетъ интересовать и ее. Изъ немногихъ карьеръ, улыбавшихся ему, онъ намѣтилъ двѣ: коннозаводство и политику, и нѣкоторое время колебался между ними; потомъ, какъ онъ это нерѣдко дѣлалъ, очутившись въ лѣсу на перекресткѣ двухъ дорогъ, бросилъ жребій.

Монета упала портретомъ королевы вверхъ—значитъ, надо останавливаться на политикѣ. Торнтонъ былъ тори и притомъ очень крайній. Помимо вліянія семьи и семейныхъ традицій, люди, привыкшіе деспотически властвовать и водворять порядокъ при помощи оружія, притомъ пуская въ ходъ оба конца—и дуло, и прикладъ, рѣдко бываютъ склонны къ либеральнымъ миндальничаньямъ и сентиментальности въ политикѣ. Въ авантюристѣ вы всегда почти встрѣтите тори. Торнтонъ же не признавалъ даже и просвѣщеннаго консерватизма нашихъ

дней, не умѣя найти разницы между нимъ и нынѣшнимъ либерализмомъ. Его политическіе взгляды, поскольку они у него были, годились бы скорѣе для начала вѣка, чѣмъ для конца его, но высказывалъ онъ ихъ такъ горячо, что сомнѣваться въ его искренности было невозможно.

Ему не трудно было пустить въ ходъ механизмъ всякихъ ходатайствъ и протекцій, и, въ результатѣ, ему очень скоро предложили мѣсто личнаго секретаря у одного изъ товарищей министра. И онъ принялъ его. Это не только давало ему возможность ознакомиться со всѣми закулисными пружинами политики, но и случай ознакомить съ собою вождей консервативной партіи и заручиться ихъ содѣйствіемъ на будущее, когда онъ захочетъ самъ попасть въ парламентъ. И только когда все было уже устроено, онъ въ Парижѣ, въ случайномъ разговорѣ, сказалъ Клитіи, куда стремится его честолюбіе.— Она, съ своей стороны, давно спрашивала себя, чѣмъ же займется ея мужъ, если откажется отъ путешествій, и какой выходъ найдетъ для себя его неистощимая энергія, и, не рѣшаясь докучать ему разспросами, смутно тревожилась. Теперь она почувствовала, что онъ сдѣлалъ достойный выборъ, и, хотя Торнтонъ не очень поощрялъ ее, силилась проникнуться его интересами. Правда, ее немножко огорчало, что ей придется отказаться отъ своихъ собственныхъ общественныхъ теорій, клонившихся скорѣй къ прогрессивному зачаточному радикализму, и работать на пользу дѣла, входившаго въ составъ той схемы жизни, противъ которой она такъ страстно возставала. Но она сознательно упорно закрывала глаза на все это и твердила себѣ, что она всѣмъ сердцемъ и душой будетъ служить дѣлу, за которое стоитъ Торнтонъ, и то, что ей пришлось ради него принести въ жертву свои принципы, только усилитъ его торжество. Но этой жертвы Торнтонъ не цѣнилъ и какъ будто даже не замѣчалъ. Немногіе мужчины умѣютъ замѣчать такія вещи. Какъ мы видѣли, онъ даже трунилъ надъ этимъ.

Вернувшись въ Лондонъ, онъ тотчасъ же съ головой окунулся въ политику и сталъ вести жизнь, очень занятую, дѣля ее между работою и развеченіями и въ обоихъ случаяхъ развивая необычайную силу и энергію. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые умѣютъ ждать. Общественное положеніе и власть—все это добывается борьбой, все это нужно вырвать у другихъ. И чѣмъ скорѣй начать борьбу, тѣмъ лучше, и чѣмъ она жесточе, тѣмъ скорѣй придетъ успѣхъ. А, слѣдовательно, и Клитіи надлежало сейчасъ же вмѣстѣ съ нимъ начать эту борьбу. И прежде, чѣмъ она успѣла освоиться съ новою ролью хозяйки большого и на широкую ногу поставленнаго дома, оторванной отъ прежнихъ своихъ привычекъ и отношенія къ Лондону отъ Кента и Винифредъ, отъ своего искусства, художествен

ныхъ замысловъ и собственныхъ честолюбивыхъ грезъ, она уже была захвачена вихремъ лондонской свѣтской жизни и вынуждена подчиниться всѣмъ ея условностямъ, льстить ея слабостямъ, интриговать, болтать о пустякахъ, ѣздить верхомъ, плясать, метаться, не имѣя минуты отдыха, чтобы подумать.

Такъ началась ея новая жизнь — совсѣмъ не та, какую она представляла себѣ. Клитія едва узнавала себя въ этой новой женщинѣ, добровольно подчинявшейся болѣе сильной натурѣ, властвовавшей надъ нею. Она плыла по теченію, цѣпляясь за свою любовь къ мужу, какъ за единственную доску, спасавшую ее отъ гибели.

Съ Винифредъ она все-же видалась иногда, когда ей удавалось урвать полчаса для подруги, и съ нею забывала о своихъ страхахъ и надеждахъ, радуясь счастью Винни, которая недавно обручилась съ Трэгерномъ. Съ Кентомъ же совсѣмъ не видѣлась. Чувство, котораго она не умѣла анализировать, мѣшало ей написать ему хотя бы оффиціальное письмо,—чувство, аналогичное тому, которое не дало ей набросать его портретъ, когда они впервые встрѣтились. Но отъ Винифредъ она знала, что онъ изрѣдка заходитъ въ студію, попить чайку и поболтать—«все больше о тебѣ, милая, о прежнихъ дняхъ и о твоей теперешней жизни».

— Перемѣнился онъ?—спрашивала Клитія.—Мнѣ кажется, цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ, какъ мы видались каждый день. Мнѣ почти хочется спросить, не сѣдая-ли у него борода и не ослабло-ли его зрѣніе.

— Да, это ушло далеко, — задумчиво вздохнула Винифредъ.—Но вѣдь на самомъ дѣлѣ не много времени прошло, и Кентъ ни чуточки не измѣнился. Поѣздка за границу очень освѣжила его. Ты знаешь, милочка, послѣ Виктора—и, конечно, м-ра Гаммердайка—я думаю, лучше нѣтъ человѣка на свѣтѣ.

Смуглыя щечки ея раскраснѣлись; Клитія нагнулась и поцѣловала ихъ.

— Ахъ, Винни, милая, еслибы всѣ были такія же честныя и правдивыя, какъ ты!

Ее душили рыданія; она дорого бы дала за то, чтобы припасть головой на грудь Винифредъ и дать волю слезамъ. Но она преодолѣла себя и, прежде чѣмъ ея подруга уловила въ ея голосѣ отзвукъ ея волненія, уже заговорила о другомъ:

— Скажи мнѣ, Винни, а какъ его работа—та, большая?

— Повидимому, быстро подвигается впередъ. Онъ вѣдь теперь только и живетъ этой работой. Мнѣ кажется, онъ тоскуетъ по тебѣ и, чтобъ утѣшиться, зарылся съ головой въ работу. Слыхала ты, какъ его расхвалили? Онъ встрѣтился тамъ, за границей, съ однимъ австрійскимъ ученымъ, герръ —не могу вспомнить фамиліи—ну, да это не очень важно. Словомъ,

онъ показалъ этому профессору свою работу, говорилъ съ нимъ о томъ, какъ это трудно будетъ напечатать и какъ дорого,—и вотъ, на-дняхъ, представь себѣ, онъ получаетъ отъ вѣнскаго университета предложеніе перевести то, что онъ уже написалъ, на нѣмецкій языкъ и издать это въ Вѣнѣ. А расходы университетъ беретъ на себя. Кентъ говоритъ, что это большая честь для него.

— Я такъ за него рада, милая. Я такъ горжусь имъ и хотѣла бы повидать его, чтобы поздравить. Ты ему скажешь, что я спрашивала о немъ—не забудешь, Винни?

— Конечно, не забуду. Вѣдь мы и всегда говоримъ все больше о тебѣ.

———

М-ссъ Блазеръ очень просила Клитію пріѣхать съ мужемъ погостить въ Дурдльгемъ по окончаніи лондонскаго сезона. Но Клитія отвѣтила уклончиво. Она боялась Дурдльгема еще больше, чѣмъ боялась заглянуть въ свою душу. Теперь, когда огорченіе по поводу того, что имъ не пришлось быть на свадьбѣ Клитіи, прошло, м-ссъ Блазеръ была въ восторгѣ отъ такой блестящей партіи.—Какъ разъ такой мужъ, какого можно было желать для Клитіи,—говорила она своимъ знакомымъ въ Дурдльгемѣ. Притомъ же это означало, что теперь Клитія въ тихой пристани, и онѣ могутъ жить спокойно, не опасаясь, что ея безпринципность и легкомысленное поведеніе набросятъ тѣнь скандала и на нихъ. Теперь бояться было нечего. И еще въ другомъ отношеніи этотъ бракъ былъ торжествомъ для м-ссъ Блазеръ. Вѣдь она съ самаго начала говорила, что желаніе Клитіи жить одной и только для искусства въ Лондонѣ—временная блажь, которая скоро пройдетъ, какъ фантазія Дженэтъ учиться кулинарному искусству. Она, какъ и Дженэтъ, была увѣрена, что Клитія сама теперь посмѣивается надъ прежними своими увлеченіями, и обѣ писали ей по этому поводу шутливыя и снисходительныя письма. А Клитіи было труднѣе, чѣмъ когда-либо, писать сестрамъ, не насилуя себя, и отвѣчать имъ въ томъ же тонѣ. Если сестры не въ состояніи были понять ее, когда ея молодые горячіе порывы были такъ ясны и понятны для нея самой, что же онѣ въ ней поймутъ теперь, когда и для нея самой все стало такъ неясно и туманно? Поѣздка въ Дурдльгемъ, при такихъ обстоятельствахъ, представлялась ей какой-то пыткой. Хотя, конечно, присутствіе Торнтона можетъ внести разницу...

Съ нимъ она о своихъ родныхъ почти не говорила. Но онъ самъ затронулъ эту тему какъ-то за завтракомъ—теперь почти единственный часъ, кромѣ поздняго вечера, когда они видѣлись на-единѣ. Это было уже въ концѣ іюля и парламентская сессія близилась къ концу.

— Ты когда поѣдешь повидаться со своими, Клитія?— спросилъ онъ, глядя на нее поверхъ газеты.

— Я вѣдь, кажется, говорила тебѣ. Они зовутъ насъ погостить недѣльку-другую по окончаніи сезона.

— Насъ?

— Ну да. Развѣ ты не поѣдешь?

— О нѣтъ, спасибо! Мнѣ это вовсе не подходитъ. Ты поѣзжай одна и извинись за меня.

— Конечно, тамъ не очень весело, но я думаю, что тебѣ захочется поѣхать со мной.

— Это невозможно, моя дорогая. Ты лучше поѣзжай одна и отдохни тамъ хорошенько, а я двинусь въ Шотландію...

— Я думала, ты и меня возьмешь съ собой въ Шотландію: мы такъ мало видимся теперь наединѣ. Неужели же ты тамъ всю осень будешь жить одинъ, безъ меня?—Голосъ ея слегка дрожалъ.

— Нѣтъ, почему-же, милая—ты тоже можешь пожить тамъ, если хочешь.—Торнтонъ отодвинулъ свой стулъ отъ стола.— Только тебѣ скучно будетъ тамъ въ горахъ: мѣстность глухая, публика соберется все охотничья. Знаешь, что?—ты погости тамъ, съ мѣсяцъ, у своихъ, а затѣмъ, если хочешь, пріѣзжай ко мнѣ—т. е. это въ томъ случаѣ, если у Картерэ будетъ жить кто-либо изъ его родственницъ, что, повидимому, еще не рѣшено—иначе тебѣ, разумѣется, нельзя будетъ пріѣхать.

— Въ такомъ случаѣ я не поѣду въ Дурдльгемъ—я не могу тамъ жить одна. Почему—этого ты не поймешь. Тогда я останусь въ Лондонѣ и буду смотрѣть за домомъ.

— Ну, этого я не желаю.

— Почему?

— Потому что это мнѣ не нравится.—Торнтонъ все больше хмурился.

— Ты долго думаешь пробыть въ отсутствіи?—не выдывая своего волненія, спросила Клитія.

— Августъ и сентябрь; можетъ, и дольше—навѣрное не могу сказать.

— Слѣдовательно, ты предлагаешь мнѣ цѣлыхъ два мѣсяца прожить въ Дурдльгемѣ, у своихъ?

Онъ этого не предлагалъ, но его раздражало, что ему перечили. Онъ разсердился и отвѣтилъ рѣзко:

— Да. Или, если желаешь, у какихъ-нибудь знакомыхъ. Но здѣсь я не позволю тебѣ жить одной.

— Быть можетъ, ты мнѣ скажешь, почему?

Онъ гнѣвно скомкалъ газету и швырнулъ ее на столъ. Жилы на лбу его вздулись и побагровѣли. И лицо отъ этого сразу стало некрасивымъ.

— Когда я говорю, что надо дѣлать, это должно быть сдѣлано и я не привыкъ, чтобъ меня спрашивали о причинахъ.

— Я оставлю тебя, чтобы дать тебѣ время овладѣть собой, —съ достоинствомъ сказала Клитія и вышла изъ комнаты.

Это была первая ихъ серьезная ссора. Не разъ кровь бросалась въ лицо Клитіи и сердце ея начинало биться ускореннымъ темпомъ отъ какого-нибудь рѣзкаго слова мужа, но до этого дня она сдерживалась, чувствуя, что первое же ея возмущеніе будетъ началомъ конца.

Она провела мучительный день. Подъ вечеръ Торнтонъ заѣхалъ домой переодѣться къ званому обѣду,—очень веселый Нѣсколько недѣль тому назадъ онъ держалъ крупное пари за одну скаковую лошадь, не принадлежавшую къ числу фаворитовъ. Сегодня были скачки, и эта лошадь пришла къ столбу первой; Торнтонъ выигралъ около двухъ тысячъ фунтовъ—что пришлось очень кстати, такъ какъ онъ временно былъ нѣсколько стѣсненъ въ деньгахъ. Поэтому онъ пріѣхалъ домой веселый, какъ будто позабывъ о ссорѣ, снова называлъ Клитію «женкой» и обѣщалъ купить ей въ добавленіе къ скромной кареткѣ хорошую коляску, въ которой они теперь ѣздили. Онъ обнималъ ее и цѣловалъ, восхищался красотой ея волосъ, ея прелестными руками, изяществомъ ея наряда. Передалъ ей нѣсколько свѣтскихъ сплетень, и такъ забавно, что она невольно разсмѣялась. Но, когда онъ обнялъ ее, она немножко отстранилась. Въ упоеніи своей побѣдой, Торнтонъ и не замѣтилъ, что Клитія не отвѣчаетъ на его поцѣлуи; впрочемъ, онъ въ такихъ вещахъ и вообще не былъ особенно чутокъ. Домой съ обѣда, на которомъ они были вмѣстѣ, Торнтонъ вернулся въ томъ же настроеніи. И о планахъ супруговъ на августъ и сентябрь больше не было рѣчи.

Но примиреніе длилось недолго. Клитія дѣлала надъ собой мучительныя усилія, чтобы сохранить миръ въ семьѣ, но иногда ея природа мстила за себя и прорывалась невольнымъ самоутвержденіемъ. Всего четыре мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ они обвѣнчались, и отношенія ихъ были уже надтреснуты, и трещина постепенно расширялась. И вина за это отчужденіе падала на Клитію. Она сама постепенно отстранялась отъ мужа. Будь она менѣе крупнымъ человѣкомъ, ей, можетъ быть, и удалось бы удержать и его, и свою любовь. Женщина низшаго типа сумѣла бы удержать Торнтона у своихъ ногъ и ласкою, и лестью, и потворствомъ. Она не обижалась бы на его высокомѣрно-презрительное отношеніе къ собственнымъ запросамъ, жестоко оскорблявшее Клитію, объясняя его естественнымъ, глупымъ тщеславіемъ мужчины, всегда считающаго себя высшимъ существомъ, утѣшалась бы вспышками его страсти за предшествовавшій періодъ равнодушія. Но Клитія

не только не искушена была во всѣхъ этихъ женскихъ ухищреніяхъ, но и глубоко презирала ихъ въ другихъ женщинахъ. А приливовъ нѣжности Торнтона она теперь боялась не меньше, чѣмъ приливовъ его гнѣва.

Кончилось тѣмъ, что однажды утромъ онъ ушелъ отъ нея, весь дрожа отъ обиды и подавленнаго гнѣва. Самъ онъ не сознавалъ, какую боль онъ причиняетъ Клитіи, и настроеніе его оставалось прекраснымъ. Но случилось такъ, что разговоръ у нихъ зашелъ объ одномъ членѣ совѣта министровъ, по фамиліи Годдерихѣ, протекціей котораго Торнтонъ очень хотѣлъ бы заручиться. Этотъ Годдерихъ открыто и очень недвусмысленно ухаживалъ за Клитіей, и она его возненавидѣла. И сообщила это мужу, объяснивъ причины.

— Я не привыкла къ такому роду поклоненія и мнѣ оно не нравится. Пожалуйста, устрой такъ, чтобы я не встрѣчалась съ этимъ человѣкомъ.

Но Торнтонъ громко расхохотался, называя ее **une prude farouche**, и началъ ей доказывать, какъ важно для него заручиться благоволеніемъ Годдериха.

— Тебѣ придется спрятать въ карманъ свою антипатію къ нему, милая Клитія. Господи, помилуй мою душу, девяносто девять женщинъ изъ ста руками и ногами уцѣпились бы за такой случай использовать вліятельнаго человѣка.

— Тебѣ хотѣлось бы, чтобъ я была одной изъ девяноста-девяти, а не сотой, Торнтонъ?

— Ахъ, какой вздоръ! Ты же понимаешь, о чемъ я говорю. Ну, полно, Клитія. Неужели же ты не понимаешь, что такой случай упустить нельзя? Ну что за бѣда, что этотъ оселъ ухаживаетъ за тобой? Ты можешь посмѣяться надъ нимъ. Не выпускай его изъ рукъ, пока онъ нуженъ намъ. Поняла? Разумѣется, я вѣрю тебѣ вполнѣ и все такое.

— Спасибо тебѣ за довѣріе. Но не думаю, чтобы тебѣ пришлось часто проявлять его.

— Что ты хочешь сказать этимъ?

— Нѣтъ, такъ, ничего. Такъ ты серьезно хочешь, Торнтонъ, чтобы я поощряла этого господина объясняться мнѣ въ любви, потомъ использовать его для другихъ цѣлей?

— Удивительно ты любишь ставить точки надъ i, — засмѣялся Торнтонъ.—Но, приблизительно, это вѣрно. Неужели же ты не видишь, какъ славно мы можемъ его околпачить? Словомъ, подумай объ этомъ, женка. До свиданья!

Онъ распахнулъ входную дверь—разговоръ этотъ происходилъ въ холлѣ, куда Клитія вышла проводить его—и сбѣжалъ по лѣстницѣ, перескакивая черезъ двѣ ступеньки, очень довольный собой.

Но сердце Клитіи отвернулось отъ него въ этотъ день—

тѣмъ болѣе мучительный для нея, что она поѣхала завтракать къ м-ссъ Фаркгарсонъ и та все время восхваляла Торнтона, а она, Клитія, волей-неволей вынуждена была вторить ей.

Въ тотъ вечеръ они обѣдали въ гостяхъ. Онъ уже передъ самымъ обѣдомъ заѣхалъ домой, наскоро переодѣлся и сошелъ въ гостиную, гдѣ его ждала Клитія. На ней было платье съ глубокимъ вырѣзомъ, безъ рукавовъ. Изящный брилліантовый кулонъ на тонкой золотой цѣпочкѣ сверкалъ у нея на груди.

— Чортъ возьми, какъ ты красива. Сегодня, кажется, красивѣй, чѣмъ когда-либо. Поди сюда, дай мнѣ поцѣловать тебя.

Онъ привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ ее сперва въ верхнюю часть руки, потомъ въ губы. Но она не отвѣтила на его поцѣлуй и отстранилась слегка, и на этотъ разъ онъ замѣтилъ. Не выпуская ее изъ своихъ объятій, онъ запрокинулъ назадъ голову, посмотрѣлъ на нее и съ любовной укоризной выговорилъ:

— Клитія!

Онъ опять поцѣловалъ ее, и опять она вся съежилась подъ его поцѣлуемъ. Онъ грубо оттолкнулъ ее отъ себя и топнулъ ногой.

— Чортъ побери, Клитія! Ты какая-то льдинка стала.

Онъ некрасиво осклабился, показавъ крупные, хищные зубы.

Клитія, не отвѣтивъ, отвернулась и начала застегивать перчатки. Торнтонъ позвонилъ и, когда вошелъ лакей, съ гнѣвомъ накинулся на него, спрашивая, какого чорта карета до сихъ поръ еще не подана. Затѣмъ бросился въ кресло и раскрылъ на удачу книгу. И такъ они сидѣли молча, пока не доложили, что лошади поданы. По дорогѣ въ гости они не обмѣнялись словомъ. На Торнтона нашелъ одинъ изъ его приступовъ угрюмой молчаливости, а у Клитіи было слишкомъ тяжело на сердцѣ, чтобъ разговаривать. Послѣ обѣда онъ уѣхалъ въ клубъ, а она вернулась домой одна.

И такія сцены могутъ у нихъ происходить послѣ четырехъ мѣсяцевъ супружества! Что же будетъ черезъ четыре года, черезъ четырнадцать? Клитія попробовала было обвинить себя, упрекая себя въ чрезмѣрной щепетильности, въ бездушіи и эгоизмѣ. Но все ея существо возмутилось противъ такихъ обвиненій. Постепенно для нея выяснялся характеръ любви къ ней Торнтона и то мѣсто, которое она на дѣлѣ занимала въ его сердцѣ и въ его уваженіи. Случайныя словечки, тривіальныя шуточки, небрежность отношенія къ ней—все это сразу предстало передъ ней въ надлежащемъ свѣтѣ, такомъ яркомъ и рѣжущемъ глаза, послѣ сѣрой дымки, которой она умышленно окутывала эти мелочи, чтобы не замѣчать ихъ. Она заставила

себя посмотрѣть въ лицо фактамъ, и вся душа ея переполнилась ужаса и отвращенія.

О, какой позоръ! Какое униженіе! Что она для своего мужа, какъ не его собственность, игрушка, женщина, которая обязана выносить его ласки, когда ему вздумается приласкать ее, любовница, которую онъ превратилъ въ жену, потому что это могло служить интересамъ его честолюбія. Чѣмъ она лучше въ его глазахъ тѣхъ женщинъ, которыхъ покупаютъ—той же Лулу Мендэсъ—кромѣ того, что онъ можетъ разсчитывать—такъ онъ самъ сказалъ—на ея вѣрность. Все, что она раньше приписывала небрежной фамильярности любви, теперь припоминалось, заливая краской ея щеки, заставляя ее корчиться отъ стыда и униженія.

Естественно, добившись своего, Торнтонъ пресытился ею и теперь ему все равно прожить два мѣсяца съ ней или безъ нея. Но и въ его отсутствіе она обязана слѣпо повиноваться даже его капризамъ. И она съ горечью думала о томъ, что даже дурдльгемскія правила жизни ставятъ жену въ лучшее положеніе, предоставляя и ей рѣшающее право голоса въ семейной жизни. Или это, или ужъ тогда полная независимость такихъ, какъ Лулу Мендэсъ, дѣлающей, что вздумается и свободной избрать любого изъ сатировъ, которые за ней гоняются. Даже такая свобода пріятнѣй ея рабства.

Передъ самымъ концомъ сессіи Клитія, наконецъ, договорилась съ мужемъ до конца и между ними установилось нѣчто вродѣ соглашенія. Она никогда не думала, чтобъ это могло причинять столько боли.

Разговоръ снова происходилъ въ столовой. Оба супруга просматривали свою корреспонденцію. Торнтонъ перебросилъ черезъ столъ женѣ письмо, полученное имъ.

— У Картерэ бабъ никакихъ не будетъ. Чертовски умныя женщины, эти его родственницы—понимаютъ, что тамъ для нихъ никакого веселья быть не можетъ. Значитъ, рѣшено. Я уѣзжаю какъ только эта дурацкая мельница перестанетъ молоть.

— Отлично,—спокойно молвила Клитія.—Надѣюсь, ты хорошо проведешь время.

— Благодарствуй,—небрежно бросилъ онъ.—Почувствую себя опять холостякомъ. А ты отдохнешь хорошенько мѣсяца два на покоѣ, у своихъ.

Клитія прикусила губы. Сердце ея забилось быстрѣе. Вотъ сейчасъ начнется—сейчасъ она окажетъ ему открытое сопротивленіе. Прежде, чѣмъ отвѣтить, она взглянула на мужа — онъ какъ будто и не ждалъ отвѣта—читалъ другія письма. У него было сейчасъ славное, доброе, открытое лицо; такимъ му-

жемъ каждая женщина гордилась бы,—думала она. Только что умывшійся, свѣжій, гладко выбритый, элегантный въ своемъ утреннемъ костюмѣ, онъ былъ красивѣй, чѣмъ когда-либо. Въ его коротко подстриженныхъ темныхъ волосахъ еще не серебрилась сѣдина; почти не было даже морщинокъ на лбу и подъ глазами; смуглая кожа щекъ была окрашена живымъ румянцемъ силы и здоровья. Письмо, очевидно, было забавное; онъ вдругъ расхохотался, поднялъ голову и взглянулъ на Клитію. Но, встрѣтивъ ея взглядъ, тотчасъ сталъ серьезенъ.

— Что ты такъ смотришь на меня, такими большими, синими глазами?

Она перегнулась къ нему черезъ столъ, опершись подбородкомъ на руку.

— Хочу сказать тебѣ—по поводу того, что ты давеча говорилъ о Дурдльгемѣ—что я туда не ѣду. У меня много причинъ не ѣхать, и очень уважительныхъ. Я вѣдь и тогда сказала тебѣ, Торнтонъ, что я не хочу.

— Помню. И, тѣмъ не менѣе, ты поѣдешь.

Онъ смотрѣлъ ей прямо въ глаза, она, спокойно, не смутившись, выдержала его взглядъ.

— Не будемъ ссориться, Торнтонъ. Это такъ мелочно и гадко. Попробуемъ понять другъ друга.

Онъ первый опустилъ глаза, смѣясь, откинулся на спинку стула и развернулъ газету.

— Ладно—сцены, и въ самомъ дѣлѣ, непріятны. Только не будь слишкомъ строга, чтобъ не испортить мнѣ пищеваренія.

— Торнтонъ,—начала она, не мѣняя позы,—мнѣ кажется, я знаю свой долгъ по отношенію къ тебѣ и стараюсь исполнять его. Приходило-ли тебѣ когда-нибудь въ голову, что и у тебя есть обязанности по отношенію ко мнѣ?

— Не могу сказать, чтобъ приходило.

— Ты, кажется, не понялъ меня, Торнтонъ. Попытаюсь сказать яснѣе. Насколько ты позволяешь мнѣ жить твоими интересами, я живу ими. Я болѣе, чѣмъ готова всѣмъ для тебя пожертвовать, на все пойти ради тебя. Но въ такое время, когда я не нужна тебѣ—ну вотъ, какъ этой осенью—вѣдь имѣю же я право вспоминать, что и у меня есть свои интересы, своя собственная жизнь.

— А если эта жизнь мнѣ не по вкусу?

— Въ томъ-то и дѣло, Торнтонъ. Еслибы ты попросилъ меня, изъ любви къ тебѣ, сдѣлать что-нибудь, я сдѣлала бы это. Но любовь здѣсь не при чемъ. При участіи, что я свято выполняю всѣ свои обязанности по отношенію къ тебѣ, я имѣю право жить и своею жизнью, имѣть свои симпатіи и антипатіи, преслѣдовать цѣли, которыя мнѣ дороги—словомъ, чувство-

вать себя человѣкомъ, личностью, и твой долгъ по отношенію ко мнѣ признавать это.

— Я не совсѣмъ понимаю, къ чему ты клонишь. Никто тебѣ не запрещаетъ не любить сладкаго шампанскаго, читать Шопенгауэра и рисовать картинки. Кто же тебѣ мѣшаетъ? Но есть случаи, когда ты должна дѣлать то, что я говорю, такъ какъ ты—моя жена.

— Ну, хорошо, возьмемъ крайность, такъ, для примѣра. Предположимъ, что тебѣ пришла бы фантазія приказать мнѣ весь день лежать въ постели—неужели ты думаешь, что я обязана была бы слушаться тебя?

— Чортъ возьми! Ну, конечно!—вскричалъ Торнтонъ, вскакивая на ноги. Глаза его горѣли; жилы на лбу снова вздулись.

— Повидимому, Торнтонъ,—еще спокойнѣй выговорила она,—ты взялъ себѣ неподходящую жену.

Она тоже поднялась съ мѣста, подошла къ нему и положила руку ему на плечо. Онъ выругался, нетерпѣливо сбросилъ ея руку и отошелъ къ окну. Клитія слишкомъ привыкла къ его выходкамъ, чтобы обидѣться по-настоящему. Она машинально срывала увядшіе листочки съ цвѣтовъ, стоявшихъ на каминѣ, выжидая, пока онъ заговоритъ. Наконецъ, онъ повернулся къ ней и угрюмо спросилъ:

— Ты еще имѣешь сказать что-нибудь, такое же милое?

— Если ты готовъ спокойно слушать.

— Ну-съ, что же тебѣ нужно отъ меня. Согласенъ, что я сдѣлалъ глупость, женившись на тебѣ. Я желалъ бы узнать, какая кара ожидаетъ меня за эту глупость.

Злобная усмѣшка снова исказила его красивое лицо. Со времени того, памятнаго вечера въ Парижѣ Клитія уже не однократно видѣла эту усмѣшку на лицѣ своего мужа. Слезы брызнули изъ глазъ ея.

— О, не гляди такъ, Торнтонъ. Не говори со мною такъ. Я не вынесу этого. Я не хотѣла сказать тебѣ ничего непріятнаго. Я хотѣла только сказать, что ты не понялъ меня, моихъ запросовъ, всей моей натуры. Я четыре мѣсяца старалась смотрѣть на семейную жизнь съ твоей точки зрѣнія— и больше не могу. Ты говоришь, что я должна во всемъ слѣпо повиноваться тебѣ, и даже твоимъ прихотямъ, абсолютно подчиниться тебѣ во всемъ. Торнтонъ, вѣрь мнѣ, тамъ, гдѣ замѣшаны твои интересы, гдѣ замѣшана любовь, я такъ и буду дѣлать; но гдѣ этого нѣтъ, я не могу такъ обезволить себя; и лучше для обоихъ насъ, чтобъ я сказала тебѣ это откровенно. Если ты идешь одинъ своей дорогой, и я должна итти своей.

— Т. е., какъ это понимать—что ты намѣрена поступать наперекоръ моей волѣ?

У Клитіи вырвался нетерпѣливый жестъ, но она сдержалась.

— Если ты не желаешь понять меня и предпочитаешь такъ поставить вопросъ—да, намѣрена.

Нѣкоторое время оба молча смотрѣли другъ на друга. Наконецъ, Торнтонъ гнѣвно сверкнулъ глазами и процѣдилъ сквозь зубы:

— Дѣлай, какъ знаешь, только предупреждаю тебя, что ты жестоко раскаешься.

И онъ съ проклятіемъ выбѣжалъ изъ комнаты и хлопнулъ дверью.

Клитія сѣла тутъ же, у окна. Не смотря на всю ея гордость слезы хлынули у нея изъ глазъ. Она вышла побѣдительницей изъ борьбы. Но есть побѣды, похожія на пораженія и вызывающія ту же щемящую боль въ груди.

XIX.

На другой день послѣ этого разговора изъ Дурдльгема пришло очень удивившее Клитію извѣщеніе, что м-ссъ Блазеръ и Джэнетъ неожиданно собрались въ городъ и охотно воспользуются неоднократно повторяемымъ приглашеніемъ Клитіи погостить у нея въ ея новомъ домѣ. Джэнетъ давно уже прихварываетъ. Слишкомъ голубая кровь Давенантовъ никогда не отличалась большою жизненною силой, а такъ какъ теперь состояніе Джэнетъ рѣзко ухудшилось, дурдльгемскій докторъ совѣтуетъ показаться извѣстному лондонскому специалисту. И онѣ спѣшатъ захватить великаго человѣка, пока онъ еще не уѣхалъ отдыхать на лѣто. Оттого онѣ и не успѣли предупредить Клитію заблаговременно. Обыкновенно въ свои рѣдкіе пріѣзды въ городъ онѣ останавливались въ Дьюрфейсъ-отелѣ на Албани-стритъ. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ останавливались ихъ отецъ и дѣдъ, и онѣ говорили о Дьюрфейсъ-отелѣ такъ торжественно и фамильярно, какъ будто онъ былъ въ Лондонѣ единственной гостиницей. На этотъ разъ, однакожь, онѣ заѣдутъ прямо къ Клитіи.

Пріѣздъ сестеръ былъ облегченіемъ для нея, хоть и дѣйствовалъ вродѣ горчишника, отвлекая раздраженіе въ другую сторону. Торнтонъ выказалъ себя по отношенію къ нимъ любезнѣйшимъ хозяиномъ и привелъ въ восторгъ своихъ belles soeurs. Онѣ не могли нахвалиться имъ и горячо поздравляли Клитію съ ея выборомъ мужа. Всѣ прежнія недоразумѣнія были забыты; сестры не сомнѣвались, что Клитія пришла въ тихую пристань, счастлива, и больше ужь ее никуда не потянетъ. Гостьи обошли весь домъ. М-ссъ Блазеръ восхищалась

солидностью мебели и домашней посуды; Джэнетъ вскрикивала отъ восторга при видѣ убранства каждой комнаты.

— Вотъ никогда не думала, милая Клитія, что ты можешь быть такой прекрасной хозяйкой,—говорила м-ссъ Блазеръ послѣ осмотра бѣльевыхъ шкафовъ и шкафчиковъ съ фарфоромъ.

— Мнѣ кажется, не требуется особой геніальности слѣдить за тѣмъ, чтобы простыни были аккуратно сложены и тарелки не ставили въ буфетъ грязными.

— Ахъ!—вздохнула ея старшая сестра.—Молодыя хозяйки по большей части такъ неопытны.

М-ссъ Блазеръ искренно восхищалась Клитіей въ ея новой роли. Теперь у нея была общая почва для разговоровъ съ младшею сестрой: Клитія стала обыкновенной женщиной, съ которой можно говорить о вещахъ, заполняющихъ жизнь здравомыслящей женщины: о прислугѣ, о модныхъ дамскихъ рукодѣліяхъ и о цѣнѣ рыбы. М-ссъ Блазеръ знала, что Гаммердайкъ—человѣкъ состоятельный, однакожь сочла долгомъ преподать Клитіи немало цѣнныхъ наставленій относительно того, какъ соблюдать экономію въ домашнихъ расходахъ, какъ готовить то или иное кушанье, какъ стирать кружево и выводить винныя пятна со скатертей, а также какъ обращаться съ мужемъ. Все это Клитія выслушивала разсѣянно и кротко.

— Впрочемъ, твой мужъ—само совершенство,—прибавляла м-ссъ Блазеръ.—Счастливица ты, Клитія!

Было что-то трогательно юмористическое въ этой новой роли Клитіи, которую ей приходилось разыгрывать передъ сестрами. Въ первый разъ въ жизни онѣ восхищались ею и хвалили ее. Такъ забавно было изображать изъ себя по отношенію къ нимъ хозяйку дома и развлекать Джэнетъ и Грэси. Это немножко развлекало и ее самое, и, хотя нерѣдко у нея щемило сердце острой болью отъ разговоровъ съ сестрами, она продолжала быть ласковой и кроткой и дѣлать довольное лицо. Къ тому же сестры прогостили у нея всего три дня. Будь это недѣля, она бы не выдержала. Потому она и не поѣхала съ ними вмѣстѣ въ Дурдльгемъ, какъ онѣ усиленно приглашали ее. Вначалѣ м-ссъ Блазеръ немножко обидѣлась на ея отказъ, но Клитія сдѣлала все чтобъ сгладить это, тактично обойдя причины.

Хотя при гостяхъ Торнтонъ и былъ чрезвычайно милъ и любезенъ съ Клитіей, наединѣ въ ихъ отношеніяхъ чувствовался какой-то надрывъ — результатъ послѣдняго рѣшительнаго разговора. Клитія силилась залечить эту ранку, вернуть если не любовь мужа, то его ласковость и доброе отношеніе.

— Какъ я признательна тебѣ, Торнтонъ, за то, что ты такъ милъ съ моими сестрами,—сказала она ему однажды.

— Я знаю, какъ мнѣ слѣдуетъ держать себя у себя дома,—

холодно отвѣтилъ онъ, и Клитія ушла, съ болью въ сердцѣ, слушать панегирики ему м-ссъ Блазеръ.

Все-же ей пріятно было видѣть Торнтона снова безпечнымъ и веселымъ, какъ до свадьбы, хотя она и знала, что чело его снова омрачится, какъ только уѣдутъ гости. Она радовалась, слушая, какъ картинно онъ разсказываетъ Джэнетъ о чудесахъ дѣвственнаго лѣса и о романтичности войны. Холлъ, лѣстница и стѣны курительной комнаты были сплошь заставлены или увѣшаны трофеями, которые онъ вывезъ изъ своихъ путешествій: копья, щиты, обтянутые кожей, мечи, деревянныя палицы—цѣлый арсеналъ оружья дикарей. Были здѣсь и головные уборы съ перьями и огромныя кольца для губъ, грубо скованныя изъ необработаннаго золота, и странныя одежды, порой запачканныя кровью. На первой площадкѣ лѣстниюы, ведущей въ холлъ, висѣло съ одной стороны тяжелое деревянное ярмо со свѣшивающимися съ него цѣпями, снятое Торнтономъ съ шеи мертваго невольника, брошеннаго караваномъ гнить у дороги; а рядомъ поблескивали гнѣвно стеклянными глазами двѣ огромныхъ львиныхъ головы. Съ каждой реликвіей была связана какая-нибудь исторія, порой жестокая или ужасная. Клитія знала всѣ ихъ наизусть, но она вмѣстѣ съ сестрами вновь обошла всѣ комнаты, по которымъ водилъ ихъ Торнтонъ, какъ образцовый чичероне, и радовалась, когда лицо его прояснилось и глаза блестѣли при воспоминаніи объ опасностяхъ и смѣлыхъ подвигахъ. Это бодрило и ее, будя радостныя воспоминанія о прошломъ и надежды на лучшее будущее. Она была благодарна мужу и за то, что онъ не далъ сестрамъ замѣтить никакого раздора между ними. По крайней мѣрѣ, она могла хмуро улыбаться про себя, слушая ихъ поздравленія. Еслибъ онѣ жалѣли ее, какъ бы деликатно, съ какимъ бы искреннимъ сочувствіемъ ни выражалась эта жалость, ей было бы мучительно больно. Даже м-ссъ Фаркгарсонъ, наблюдательная и чуткая, и любящая Клитію, ничуть не сомнѣвалась въ полномъ ея счастьѣ. При постороннихъ Торнтонъ былъ по прежнему галантнымъ влюбленнымъ и образцовымъ мужемъ, и Клитія цѣнила это. Когда ее спрашивали относительно плановъ Торнтона на осень, она отвѣчала уклончиво. Сессія утомила его. Онъ собирается въ Шотландію, поохотиться на тетеревовъ, а она останется смотрѣть за домомъ. Она предпочитаетъ прожить августъ въ Лондонѣ, чѣмъ ѣхать куда-нибудь безъ мужа. М-ссъ Блазеръ вполнѣ удовольствовалась такимъ объясненіемъ, похвалила ее за то, что она такая примѣрная жена, и посовѣтовала ей заняться разными хозяйственными дѣлами, чтобъ скоротать періодъ своего соломеннаго вдовства.

М-ссъ Блазеръ и Джэнетъ вернулись въ Дурдльгемъ—

плѣнять за чайными столами тамошнихъ жителей и вызывать ихъ зависть разсказами о моральномъ и матерьяльномъ благополучіи Клитіи и о совершенствахъ ея мужа. Только старый м-ръ Давенантъ вздыхалъ, покачивая головой. Онъ туго воспринималъ новыя впечатлѣнія и не могъ себѣ представить Клитію иначе, какъ своевольной и парадоксальной. И авантюристъ Торнтонъ не внушалъ ему особаго довѣрія. Онъ предпочелъ бы видѣть дочь замужемъ за болѣе солиднымъ человѣкомъ, помѣщикомъ или представителемъ опредѣленной профессіи. Однакожь онъ не находилъ, въ чемъ упрекнуть Гаммердайка, который былъ по отношенію къ нему сама любезность.

Передъ отъѣздомъ Торнтона въ Шотландію между супругами произошло нѣчто вродѣ примиренія. Первые шаги были сдѣланы Клитіей. Вѣдь все-же Торнтонъ—мужъ ея. Они связаны на всю жизнь и въ горѣ или радости должны быть неразлучны, пока смерть не оторветъ ихъ другъ отъ друга. Простой здравый смыслъ требуетъ добиваться того, чтобы въ жизни ихъ было больше радости, чѣмъ горя. Поэтому Клитія смирила себя и созналась, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она была неразсудительна и неправа. Моментъ былъ выбранъ удачно: Торнтонъ какъ разъ былъ въ хорошемъ настроеніи и, когда Клитія, поощряемая имъ, сказала, что она жалѣетъ, если была холодна и эгоистична, онъ совсѣмъ смягчился, поцѣловалъ жену, попросилъ ее больше объ этомъ не думать и даже великодушно снизошелъ до того, что самъ отмѣнилъ свой приказъ.

— Въ сущности, ты, пожалуй, и права, что не хочешь ѣхать въ Дурдльгемъ. Сестрицы у тебя не очень-то занятныя.

Хотя эти слова немножко и кольнули Клитію, у которой нервы теперь были натянуты, какъ струны, она, все-же, приняла ихъ какъ символъ мира.

Второй разъ въ жизни она сознательно унизилась передъ мужчиной. Странная боль щемила ея сердце, когда она думала объ этомъ. Когда она смирила свою юную гордость, чтобы сберечь дружбу и уваженіе Кента, въ тотъ день, какъ Джекъ испортилъ картину Винифредъ, ничего, кромѣ радости и торжества, она не ощущала. Въ тотъ вечеръ она легла спать счастливая, довольная собой; что-то подсознательное, женское торжествовало въ ней. А теперь...—Она пожала плечами и постаралась забыть объ этомъ.

Въ половинѣ августа Клитія осталась одна въ своемъ огромномъ домѣ, наслаждаясь отдыхомъ и одиночествомъ, независимостью и отсутствіемъ непріятныхъ треній. Большую часть времени она посвящала живописи, которую совсѣмъ забросила послѣ выхода замужъ. Ея студія была большая,

веселая комната, съ прекраснымъ освѣщеніемъ, не такая строгая и дѣловая, какъ на Кингсъ-родъ,—теплая, съ бархатными портьерами, съ дорогой, изящной мебелью. Вмѣсто выбѣленныхъ известкой стѣнъ, испачканныхъ грубыми карикатурами, стѣны были обиты здѣсь мавританскими обоями, мягкаго тона и нѣжнаго рисунка. Полъ былъ паркетный, устланный толстыми коврами; передъ каминомъ лежала огромная шкура бѣлаго медвѣдя. Холсты, натянутые на грубыхъ деревянныхъ рамахъ, стоявшіе у нея тамъ по всѣмъ угламъ, Торнтонъ, сюрпризомъ для нея, велѣлъ оправить къ ихъ пріѣзду въ Лондонъ, и теперь лучшіе изъ нихъ украшали собою стѣны. Въ томъ числѣ ея любимые—гравюра работы Руперта Кента, два-три нѣжныхъ этюда Винифредъ и восхитительный Жакемартъ, давно уже подаренный ей Кентомъ. Но, кромѣ этихъ дорогихъ ей по воспоминанію этюдовъ, все здѣсь было новое, роскошное и ставившее грань между нею и ея прежней жизнью вольной художницы.

Подыскивая тему для этюда, она напала на свои эскизы для большой картины «Фаустина». Но только содрогнулась и отложила ихъ въ сторону. Теперь живопись стала для нея только забавой, удовлетвореніемъ художественнаго творческаго импульса. Надежда, неустанно толкавшая ее впередъ, къ достиженію ея честолюбивой цѣли, надежда славы и усовершенствованія, исчезла, повидимому, умерла совсѣмъ; и Клитія съ грустью думала объ этомъ. Характеренъ этотъ пессимизмъ молодости—всѣ ея рѣшенія кажутся ей незыблемыми и окончательными. И все-же Клитія была рада снова взять въ руки кисть и обонять знакомый запахъ скипидара и видѣть, какъ ея фантазіи подъ прикосновеніемъ къ холсту ея руки облекаются въ образы и формы. Въ ней незамѣтно просыпалась похороненная въ ея душѣ художница. Что-то въ ней измѣнилось, и она проявляла себя слабо, вчернѣ, какъ это всегда бываетъ въ переходные періоды. Но Клитія не знала этого.

Въ концѣ мѣсяца вернулись въ городъ Фаркгарсоны и Винифредъ, по обыкновенію, возившая дѣтей отдыхать на море. И многіе другіе изъ друзей и знакомыхъ Клитіи жили это лѣто въ Лондонѣ и радостно привѣтствовали ея появленіе среди нихъ. Это было какъ бы возвратомъ къ прежней жизни. Среди окружавшихъ ее недоставало одного лишь—Кента, и Клитія скучала по немъ, тихонько вздыхая о невозможности вернуть его.

Торнтонъ писалъ изъ Шотландіи коротенькія, ласковыя письма.—Онъ не зналъ, что ему будетъ такъ скучно безъ его милой женки. Сегодня онъ вернулся домой съ полнымъ ягдташемъ. Онъ жаждетъ увидаться съ ней, но, пожалуй, останется еще у Картерэ до тѣхъ поръ, пока будетъ хоть какая-нибудь

дичь.—Его письма, набросанныя широкимъ, разгонистымъ почеркомъ на четырехъ страницахъ, приходили аккуратно разъ въ недѣлю. Клитія не имѣла основанія жаловаться на недостатокъ вниманія со стороны своего мужа и надѣялась, что отношенія у нихъ наладятся, когда ихъ совмѣстная жизнь возобновится.

Иногда къ ней заходилъ ея старый знакомый—бывшій ея натурщикъ, Джекъ. Эту зиму онъ учился въ ремесленной школѣ, куда его помѣстили Трэгернъ и Кентъ, и теперь всѣ его покровители отзывались о немъ восторженно, увѣряя, что онъ совсѣмъ преобразился. Правда, его учителя могли бы коечто поразсказать о бурныхъ сценахъ, которыя у нихъ выходили съ новообращеннымъ; но эти учителя были далеко, отдыхали на вакаціяхъ, радуясь, что могли забыть о Джекѣ и ему подобныхъ. Четыре мѣсяца надъ букваремъ и за рубанкомъ, хотя бы и за городомъ, среди полей,—это слишкомъ короткій срокъ для того, чтобы очистить кровь отъ всей грязи, которой она пропитывается на лондонскихъ улицахъ; даже и цѣлой жизни мало, чтобы изгладить наслѣдственные недостатки; но за четыре мѣсяца можно научиться употребленію воды и мыла и привыкнуть чисто одѣваться. И Джекъ теперь былъ чистенькій, опрятный; его локоны были острижены и припомажены, такъ что поневолѣ лежали гладко, и одѣтъ онъ былъ вполнѣ прилично. Эта внѣшняя перемѣна была такъ разительна, что не вѣрилось, чтобы ей не сопутствовало и внутреннее нравственное перерожденіе. Даже тупой пессимизмъ его матери поколебался. Теперь, покончивъ свой рабочій день, она пичкала сына хлѣбомъ съ патокой, а сама усаживалась въ уголкѣ и любовалась имъ, вмѣсто того, чтобъ гнать его на улицу, какъ прежде. Но Джекъ, наѣвшись хлѣба съ патокой, самъ убѣгалъ на улицу. Лицезрѣніе матери не восхищало его, и ея поученія онъ удостоивалъ выслушивать только тогда, когда они преподносились въ общей формѣ, не задѣвая его лично. Онъ могъ восхищаться только одной особой — Винифредъ. Она сумѣла приручить этого юнаго звѣрька, и съ нею онъ былъ кротокъ и послушенъ, готовъ лизать ей руки, какъ собака. Теперь, когда у него были вакаціи, онъ часто прибѣгалъ къ ней въ студію, подметалъ полъ, мылъ окна, приводилъ въ порядокъ кисти и краски, подготовляя все къ приходу Винифредъ, и когда она позволяла ему лежалъ въ растяжку возлѣ нея на полу, слѣдя за каждымъ ея движеніемъ своими живыми карими глазами. Чтобы не давать ему тратить все свое время и энергію на это пассивное обожаніе, Винифредъ часто придумывала для него порученія, которыя онъ выполнялъ быстро и толково, гордясь довѣріемъ Винифредъ и оберегая священную особу ея посла отъ всякихъ искушеній, соблазнявшихъ его по пути. И къ

Клитіи онъ попалъ въ качествѣ гонца своей покровительницы. Вначалѣ онъ робѣлъ. Онъ еще не отрѣшился отъ благоговѣйнаго страха передъ Клитіей и не забылъ, какъ она страшно рассердилась на него и выгнала за его скверную проказу съ картиной Винифредъ. Только его преданность Винни могла заставить его, какъ онъ думалъ, самому вложить голову въ львиную пасть. Но, когда оказалось, что левъ подобрѣлъ и рычитъ такъ же нѣжно, какъ его голубка, и, вдобавокъ, угощаетъ его какими-то невѣроятными сластями и даетъ ему шиллинги, на которые украдкой можно купить табаку,—домъ на Кромвель-Родъ сталъ для него милымъ и пріятнымъ.

Послѣ двухъ-трехъ такихъ визитовъ, Клитіи пришло въ голову написать портретъ новаго, реформированнаго Джека. Сеансы продолжались и послѣ того, какъ портретъ былъ оконченъ: Джекъ являлся самъ, по собственной иниціативѣ. И въ одинъ прекрасный день удивилъ Клитію, отказавшись отъ шиллинга, который она хотѣла дать ему.

— Я не за этимъ шелъ. Я пришелъ повидать васъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ Клитія и мальчикъ въ плисовой школьной курткѣ пристально смотрѣли другъ на друга, и каждый чувствовалъ, что это что-то прибавляетъ къ его жизненному опыту. Съ этого дня они взаправду подружились. Клитія теперь прониклась къ Джеку неподдѣльнымъ интересомъ и участіемъ, браня себя за то, что прежде она относилась къ нему такъ презрительно-легко, и искупала это, стараясь отвоевать себѣ мѣстечко въ сердцѣ и въ жизни мальчика и внести въ нее новыя краски. Теперь это было тѣмъ легче, что Винифредъ сгладила многое, и Джекъ уже не былъ такъ колючъ. Хотя рѣчь его и не блистала утонченностью, все же онъ больше не ругался въ студіи площадными словами и не разсказывалъ кровожадныхъ исторій объ истязаніяхъ кошекъ. И, когда настало время Джеку вернуться въ свою школу, Клитія искренно огорчилась.

XX.

Въ свое время вернулся Торнтонъ. Началась осенняя парламентская сессія. Отношенія супруговъ оставались тѣми же, какими они были лѣтомъ, передъ разставаньемъ. Пока Клитія не перечила мужу, онъ относился къ ней ласково и равнодушно; при первомъ же противорѣчіи сердился, выходилъ изъ себя и ругался, непріятно скаля зубы; въ такихъ случаяхъ Клитія гордо выпрямлялась и выходила изъ комнаты, высоко неся голову, и запиралась у себя въ мастерской. Затѣмъ, послѣ двухъ-трехъ дней угрюмаго дутья, Торнтону вдругъ приходила

фантазія поцѣловать ее, клянясь, что все-таки красивѣй и милѣе ея нѣтъ на свѣтѣ. Но Клитія уже не откликалась на такіе возвраты былой интимности. Она спокойно и послушно подставляла щеку его поцѣлуямъ, но сама не отвѣчала на нихъ. Это иной разъ вызывало бурю—или смѣхъ и напоминанія о томъ времени, когда ея губы сами искали его губъ, и вопросы: почему она теперь стала такою льдинкой и куда дѣвалась страстная Клитія ихъ медоваго мѣсяца. Иногда онъ въ такія минуты молилъ, какъ женщина, мягко и нѣжно, и тогда Клитія слегка отталкивала, сдавалась, уступала, силясь отогнать отъ себя все, что мѣшало ей быть прежней. Затѣмъ снова наступалъ періодъ равнодушія, и Клитія теперь ужъ радовалась этому.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Жизнь шла довольно ровно, день за днемъ, заполняемая визитами, гостями, живописью—и грустными мечтами Клитіи.

А затѣмъ—затѣмъ въ душу Клитіи снизошелъ торжественный покой, новое странное счастье,—вмѣсто разбитой, какъ она думала, жизни, Часто она часами сидѣла одна и думала, и улыбка играла на ея губахъ, и въ глазахъ ея былъ новый свѣтъ. Снова порядокъ вещей какъ будто измѣнился. Снова передъ нею была новая жизнь, новыя надежды и отвѣтственности. На время и искусство, и ея духовные запросы—все было забыто. Осенніе вечера она сидѣла у камина за шитьемъ очаровательныхъ чепчиковъ и рубашечекъ для своего будущаго, съ наслажденіемъ грѣясь у огня и кутая зябкія ножки въ бѣлый медвѣжій мѣхъ. Иногда м-ссъ Фаркгарсонъ помогала ей, и въ глазахъ ея свѣтилась голодная тоска, значеніе которой Клитія угадывала—Каролина всю жизнь была бездѣтна, хоть и жаждала имѣть ребенка. Въ такія минуты Клитія молча цѣловала ее, а Каролина встряхивала головкой и смѣялась и говорила, какъ всегда, весело о томъ, какой чудесный долженъ у нея быть ребенокъ.

Лишь изрѣдка горечь волною заливала ея душу. Зачѣмъ такъ измѣнилось все въ ея замужней жизни съ тѣхъ поръ, какъ поѣздъ увезъ ее изъ Бордигеры? Какъ она была бы счастлива теперь, еслибъ могла относиться къ своему мужу по-прежнему, какъ тогда, когда, у развалинъ башни, она гладила его волосы, думая о томъ, что всѣ женщины должны завидовать ей, что у нея мужъ, который можетъ удовлетворить всѣ запросы женщины. Теперь она нерѣдко, украдкою, приглядывалась къ нему, когда его лицо было спокойно. На видъ онъ былъ все тотъ же, красивый, смѣлый и идеально мужественный. Какъ жаль, что ореолъ разсѣялся, что дѣйствительность не оправдывала мечты! Клитія съ болью въ сердцѣ отворачивалась и думала:

— Лучше бы у меня не раскрывались глаза. Лучше бы я такъ никогда и не узнала, какой онъ на самомъ дѣлѣ. —

Все же теперь Торнтонъ былъ ласковѣй съ женой. Правда, нѣжность его была грубоватая и покровительственная, но Клитія была благодарна ему и за это. Каждое маленькое проявленіе предупредительности и вниманія смягчало ее къ нему даже больше, чѣмъ оно того заслуживало. Быть можетъ, Торнтонъ и могъ бы еще вернуть ея любовь—въ женщинѣ иной разъ таятся неисчерпаемыя глубины нѣжности и всепрощенія. Но онъ упустилъ рѣдкій случай, весь поглощенный хлопотами объ устройствѣ своей политической карьеры.

Однажды, передъ обѣдомъ, онъ пришелъ домой очень не въ духѣ. Клитія, поджидавшая его въ студіи, ласково подняла на него глаза съ кушетки, на которой она полулежала; но при видѣ его угрюмаго лица сердце ея упало. Скамеечка попалась ему подъ ноги; онъ толкнулъ ее ногой, такъ что она отлетѣла въ уголъ по паркету.

— Охота тебѣ, Клитія загромождать всѣ комнаты такою дрянью!—рѣзко бросилъ онъ, подходя къ огню и грѣя руки.

Клитія благоразумно промолчала. Молчаніе бываетъ иной разъ очень полезно. Но, такъ какъ Торнтонъ продолжалъ стоять спиною къ ней, мрачно глядя въ огонь и ни слова не говоря, молчаніе начало тяготить ее, и она спросила его, что случилось,—какая-нибудь непріятность?

— Куча непріятностей. И все изъ-за твоего дурацкаго упрямства. Вотъ, прочти.

Онъ вынулъ изъ бумажника письмо и бросилъ ей на колѣни. Оно гласило:

«Любезный Герншоу, мнѣ думается, что для Борчестера Симмонсъ болѣе подходящій человѣкъ, чѣмъ Гаммердайкъ, и потому я предложилъ его въ качествѣ кандидата мѣстному консервативному союзу. А такъ какъ они до сихъ поръ сами не сумѣли найти подходящаго кандидата, я полагаю, что они примутъ моего.

Преданный вамъ Э. Годдерихъ».

— Мнѣ очень жаль, Торнтонъ, — сказала Клитія, кладя письмо на столикъ.—Но вѣдь трудно же было ожидать, чтобы случай попасть въ парламентъ представился такъ скоро.

— А ты что же думаешь, что я еще три года буду работать, какъ каторжный, на какого-то дурака?

— Нѣтъ; но, вѣдь, это, кажется, только вторая или третья вакансія?

— Что же изъ этого? Годдерихъ обѣщалъ устроить меня, какъ только явится возможность. Герншоу очень удивленъ этимъ письмомъ. Ничего ты не понимаешь, такъ и не говори. Просто этотъ дьяволъ Годдерихъ обидѣлся и мститъ теперь.

Что такое Симмонсъ? Какой-то сыроваръ, съ весьма сомнительнымъ ворянствомъ, и притомъ болванъ. Знаю я Годдериха—это его манера. Потому я и хотѣлъ поддержать хорошія съ нимъ отношенія. Еслибъ ты хоть чуточку интересовалась моими дѣлами, этого бы не случилось. А ты третировала этого человѣка свысока, была съ нимъ леденяще холодна, и онъ обидѣлся.

— Я всегда была съ нимъ вѣжлива.

— Знаемъ мы эту вѣжливость. Ну, вотъ и радуйся теперь, что твоя «вѣжливость» опрокинула всѣ мои планы.

— Я не понимаю тебя, Торнтонъ,—устало возразила Клитія.—Казалось бы, ты вовсе не такой человѣкъ, чтобъ добиваться чего-либо черезъ другихъ. Ты всегда предпочиталъ бороться одинъ.

— Такъ я и буду поступать на будущее время. И ужь, конечно, никогда больше не попрошу тебя помочь мнѣ. Послѣ всѣхъ твоихъ торжественныхъ завѣреній, что ты хочешь жить моей жизнью и тому подобной ерунды, я было сдуру и впрямь повѣрилъ, что ты захочешь мнѣ помочь — единственнымъ способомъ, доступнымъ женщинѣ.

— При помощи глупаго и грязнаго флирта? Неужели же ты, дѣйствительно, способенъ добиваться успѣха цѣной безчестья твоей жены?

— Ахъ, чушь какая! Кто говоритъ о безчестьи?

— Ну, значитъ, мы съ тобой неодинаково смотримъ на вещи,—спокойно возразила Клитія.—И, если твой успѣхъ зависѣлъ, дѣйствительно, отъ этого, я очень рада, что Годдерихъ отказываетъ тебѣ въ своей поддержкѣ.

Торнтонъ кинулся къ ней, охваченный слѣпой яростью:

— Ты бы ужь лучше прямо сказала, что ты ни капельки не любишь меня и никакого тебѣ до меня нѣтъ дѣла. Это было бы ближе къ правдѣ. Какого чорта я женился на тебѣ! Тысячи женщинъ куда лучше тебя съ радостью пошли бы за меня,—только позови. А она еще кобенится. Разъ въ жизни попросили ее немножко посодѣйствовать, проявить чуточку женскаго такта, такъ она сейчасъ же влѣзаетъ на ходули и вопитъ о безчестьѣ. Можно подумать, что ты воспитана въ монастырѣ, а не въ какой-то грязной трущобѣ на Кингсродъ, изъ которой я взялъ тебя.

— Довольно!—сказала Клитія, вставая.—Будь я здорова, я, быть можетъ, обозлилась бы и позабавила тебя истерикой. Но сейчасъ, повѣрь, я ни на какія сцены не способна. Мы увидимся за обѣдомъ.

Она направилась къ двери, но Торнтонъ въ два прыжка нагналъ ее.

— Нѣтъ, не увидимся, чортъ побери. Я слишкомъ дорожу своимъ пищевареніемъ. Не останусь я подъ однимъ кровомъ съ тобою.

И онъ выбѣжалъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

— И слава Богу!—прошептала Клитія.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ новыхъ обстоятельствъ, тонкая пленка примиренія, затянувшая было образовавшуюся трещину, была разорвана грубой рукой и трещина стала еще шире. Нѣсколько дней Клитія промучилась; затѣмъ покорилась неизбѣжному и перестала думать о мужѣ. У нея было другое, о чемъ думать, радостное и невыразимо-милое. Недѣля смѣняла недѣлю; вечера становились все короче, а запасъ крохотныхъ распашеночекъ и чепчиковъ въ шкафу все больше. Торнтонъ рѣдко заглядывалъ къ женѣ; мало ли въ большомъ городѣ способовъ развлечься въ свободное время для мужчины!.. Онъ отъ природы не отличался склонностью къ семейной жизни, а теперь и подавно его не тянуло домой. Съ женой ему было скучно; поваръ въ клубѣ готовилъ лучше и его стряпня была Торнтону болѣе по вкусу, чѣмъ то, чѣмъ его угощали дома. А потому не было никакихъ основаній ему приходить домой иначе, какъ для того, чтобы позавтракать, выспаться, ну—и позволить себѣ маленькое удовольствіе—да и это на время пришлось отложить. Онъ жилъ своею жизнью, болѣе или менѣе удовлетворявшей его, и предоставлялъ Клитіи дѣлать что ей угодно. И за это она нерѣдко благодарила Бога. Фактически она жила одна. Изрѣдка ее навѣщала Винифредъ. М-ссъ Фаркгарсонъ бывала часто. Зоркіе глаза ея давно подмѣтили, что бракъ, отъ котораго она пророчила столько счастья, не очень-то удался, но такъ какъ Клитія гордо таила свои горести про себя, Каролина могла только безъ словъ выказывать свое сочувствіе. Это открытіе было ей очень непріятно: оно подрывало ея вѣру въ людей. Очевидно, кто-то изъ двухъ недостоинъ ея любви, но кто именно? Чутье говорило ей, что не Клитія; мужъ ея категорически утверждалъ, что виноватъ Гаммердайкъ. Когда чутье подсказывало м-ссъ Фаркгарсонъ одно, а мужъ ея другое, она иногда вѣрила ему, иногда, для разнообразія, своему чутью; но, когда они сходились во мнѣніяхъ, ей оставалось только вѣрить приговору. И, хотя ей очень больно было развѣнчать своего героя, сердце ея болѣе, чѣмъ когда-либо, прилѣпилось къ Клитіи.

Для Клитіи это былъ періодъ страннаго и неизвѣданнаго счастья. Ни съ кѣмъ она не дѣлилась своими счастливыми мечтами, никому не показывала тѣхъ картинъ, которыя она въ это время рисовала—ни даже Каролинѣ. То были все больше незаконченные, спѣшные, полу-импрессіонистскіе наброски.

въ какихъ она съ ранней юности привыкла воплощать свои желанья и мечты; но всѣ веселые, смѣющіеся, нѣжные, полные изящества и сладостныхъ надеждъ. Не перечесть, сколько миніатюрныхъ холстовъ покрыла она обѣтованіями этой новой жизни. Иногда, оставшись одна, Клитія запирала дверь, вынимала ихъ всѣ, ставила рядышкомъ на карнизѣ вдоль стѣны и тѣшилась, любуясь ими. Потомъ поспѣшно собирала ихъ и прятала, улыбаясь сама надъ собой. Порой она сидѣла у огня, съ закрытыми глазами, мысленно перелистывая свою Книгу Новыхъ Формулъ, уже немножко запыленную и съ пятнами отъ слезъ, но въ ней не предусматривалось того, что она теперь переживала, и молодая женщина тихонько посмѣивалась надъ этимъ упущеніемъ, давая себѣ слово наверстать его. Странно, что она не включила материнства въ свою схему жизни. А, впрочемъ, развѣ ужъ такъ странно? Она не могла рѣшить. Но въ будущее не заглядывала. Эволюція ея индивидуальности, повидимому, перестала ее интересовать. Она ушла цѣликомъ въ другую жизнь.

И снова міръ казался ей прекраснымъ; и сонъ ея былъ сладокъ и спокоенъ. А время шло, недѣли за недѣлями.

Однажды вечеромъ въ половинѣ декабря Торнтонъ сидѣлъ одинъ съ женою въ столовой, послѣ обѣда, за сигарой и за кофе. Отношенія между супругами снова нѣсколько улучшились. Иными словами, Торнтонъ сдерживалъ свои вспышки, справлялся о здоровьѣ Клитіи и время отъ времени проводилъ вечеръ дома. За обѣдомъ они разговаривали мало. Теперь, когда у нихъ почти не было общихъ интересовъ, естественно, что и разговоры между ними не вязались. О томъ единственномъ, что связывало ихъ глубоко и сильно, они рѣдко упоминали. Для Клитіи это было слишкомъ дорого и свято, чтобъ говорить объ этомъ при случайныхъ встрѣчахъ съ мужемъ; интересъ же Торнтона къ будущему наслѣднику не шелъ дальше довольно докучнаго сознанія своей отвѣтственности. Именно это и побудило его въ тотъ вечеръ сообщить женѣ:

— Я нынче утромъ получилъ письмо отъ Клаверинговъ.— Онъ стряхнулъ пепелъ съ сигары за каменную рѣшетку.—Они зовутъ насъ провести съ ними Рождество въ ихъ новомъ помѣстьѣ въ Гемпширѣ.

— Ахъ, вотъ какъ!

Клитія нѣсколько разъ видалась съ м-ссъ Клаверингъ этимъ лѣтомъ въ городѣ и болѣе близкое знакомство только усилило антипатію, внушенную ей съ первой встрѣчи пріятельницей Торнтона. Мужъ ея, наоборотъ, осенью часто бывалъ у нихъ и снова встрѣтился съ майоромъ Торнтономъ въ Шотландіи. Отсюда приглашеніе.

— Такъ вотъ,—продолжалъ Торнтонъ.—Какъ же мнѣ быть? Ты, конечно, не ѣдешь—объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

— Само собой,—сказала Клитія, радуясь, что этотъ вопросъ разрѣшился самъ собой, безъ всякихъ споровъ.—Почему ты спрашиваешь?

— Чтобъ узнать, какъ бы ты хотѣла, чтобъ я поступилъ. У Клаверинга тамъ, кажется, хорошая охота, а его жена принять всегда умѣетъ. Я не вижу, какая польза отъ меня можетъ быть здѣсь, но тѣмъ не менѣе, если тебѣ хочется, чтобъ я остался и побылъ съ тобою это время,—я ничего не имѣю противъ.

Онъ хотѣлъ проявить великодушіе. Быть можетъ, ждалъ, что жена оцѣнитъ это и начнетъ благодарить его; но она только молвила устало:

— Дѣлай, какъ найдешь лучшимъ, Торнтонъ. Мнѣ не хотѣлось бы удерживать тебя возлѣ себя, когда ты можешь повеселиться это время въ обществѣ друзей.

— О, мнѣ безразлично. Какъ ты хочешь.

Клитія уныло покачала головой. Еслибъ имъ обоимъ хорошо было вмѣстѣ, подобные вопросы не возникали бы. Любовь, а не учтивость, должна была бы удержать его возлѣ нея.

— Ты очень добръ, что подумалъ объ этомъ, Торнтонъ, и я благодарю тебя за то, что ты спросилъ меня; но вѣдь, если ты и останешься, помочь ты мнѣ особенно не можешь.

— И даже, пожалуй, буду мѣшать,—добродушно усмѣхнулся онъ.—Такія дѣла не по моей части. Но, все-таки, мнѣ не хотѣлось принять приглашенія, не спросивъ тебя. Такъ ты, вправду, не обидишься, если я уѣду?

— Да нѣтъ же, ничуть,—мягко сказала Клитія.

Такимъ образомъ, дѣло уладилось полюбовно и Торнтонъ уѣхалъ въ Гемпширъ стрѣлять фазановъ Клаверинга и ухаживать весьма безцеремонно за его женой. Чтобъ не подавать этой послѣдней повода къ насмѣшкамъ, онъ даже не обмолвился о томъ, почему Клитія не могла сопровождать его, сообщивъ только вскользь, что она проведетъ праздники съ родными. М-ссъ Клаверингъ не допытывалась: она тоже терпѣть не могла Клитіи и была глубоко равнодушна къ ея участи. Она даже очень обрадовалась, что Торнтонъ пріѣхалъ безъ жены. Имъ она могла вертѣть, какъ хотѣла—или думала, что могла,—что, въ конечномъ счетѣ, одно и то же.

Домъ, гдѣ поселились на эту зиму Клаверинги, былъ какъ разъ по душѣ такому человѣку, какъ Торнтонъ. Поблизости была хорошая охота, и конюшни были полны лошадей и гончихъ, частью принанятыхъ майоромъ на охотничій сезонъ. Въ паркѣ была уйма куропатокъ, а въ лѣсу фазановъ. Домъ былъ огромный, съ флигелями, настоящая деревенская усадьба, гдѣ мож-

но удобно размѣстить десятка два гостей, собравшихся на Рождество. Съ двумя билліардами, съ концертной залой, въ которой устроена была эстрада для любительскихъ спектаклей, съ роскошно, по-клубному обставленной курилкой и даже съ отдѣльнымъ столикомъ для баккара. Среди гостей преобладалъ мужской элементъ; но было и нѣсколько дамъ, тщательно подобранныхъ хозяйкой. Мужчинъ пригласилъ майоръ, а жена его, просмотрѣвъ списокъ приглашенныхъ, выбрала соотвѣтствующихъ дамъ. И вдвойнѣ рада была, что Клитія предпочла отклонить приглашеніе.

Въ первый же вечеръ по пріѣздѣ Торнтонъ первымъ сошелъ внизъ и засталъ въ гостиной м-ссъ Клаверингъ одну въ роскошномъ креслѣ передъ мраморнымъ каминомъ, въ которомъ пылалъ яркій огонь.

— Клаверингъ, должно быть, кладъ нашелъ, что поселился въ такомъ домѣ,—сказалъ онъ, расправляя фалды фрака, прежде, чѣмъ сѣсть.—Я только что обошелъ все помѣстье. Мнѣ и въ голову не приходило, что оно такое огромное.

— Да. Это получше, чѣмъ жить на бивакахъ. Томъ присматриваетъ для себя имѣньице въ такомъ же родѣ. Дайневорамъ хотѣлось поѣхать на зиму въ Австралію, поэтому они намъ уступили дешево свою усадьбу.

Торнтонъ кивнулъ головой, мало интересуясь этой темой, и, молча, принялся крутить усы.

— Ну, для начала, вы не очень-то занятный собесѣдникъ,—сказала м-ссъ Клаверингъ.—Какъ поживаетъ ваша жена?

— Отлично. Но я не вижу, чѣмъ разговоръ о ней можетъ быть для васъ интересенъ. Супружеская жизнь вообще не очень-то забавна.

— Такъ что вы рады немножко отдохнуть отъ семейнаго счастья?

— Пожалуй. Тѣмъ болѣе, что это даетъ мнѣ возможность проводить время въ обществѣ единственной женщины, которую я сколько-нибудь любилъ,—сказалъ онъ, не мѣняя позы.

— Вы затѣмъ и пріѣхали, чтобы опять начать эту игру?—спросила она, надменно сдвинувъ брови и слегка кривя тонкія губы.

— Я полагаю, вы именно за этимъ и звали меня.

— Насколько мнѣ извѣстно, вы пріѣхали стрѣлять куропатокъ и фазановъ по приглашенію моего обожаемаго супруга.

— Отчасти и за этимъ. Вы не повѣрили бы мнѣ, еслибъ я сказалъ, что я ѣхалъ только для васъ. Но все же главнымъ магнитомъ были вы. По всей вѣроятности, мнѣ слѣдовало бы начать иначе и сказать вамъ, какъ я грустилъ, какъ тосковалъ по васъ. Ну, что же, Клара, позвольте мнѣ теперь заявить вамъ это.

— Ба, мой другъ. Что это значитъ? Любить меня, вы, вѣдь, ни капельки не любите—вы сами мнѣ сказали, что я страшно подурнѣла. Я тоже отлично знаю вамъ цѣну. Вы—красивый мужчина съ импульсами и животными страстями вмѣсто ума и сердца; и еслибы вы завтра умерли, это нисколько не испортило бы мнѣ аппетита за обѣдомъ. А потому, во имя здраваго смысла, зачѣмъ намъ возобновлять этотъ жалкій фарсъ?

— Это вродѣ абсента. Мы оба любимъ его.

— Еслибъ я еще могла сколько-нибудь взвинтить себя, чтобы хоть чуточку повѣрить вамъ,—продолжала она, не обративъ вниманія на его слова,—это было бы еще понятно. Но я же знаю васъ насквозь, что вы за человѣкъ. Вы и недѣли не будете вѣрны мнѣ, какъ не были вѣрны вашей женѣ

— Кой чортъ! О чемъ вы говорите?—съ живостью спросилъ Торнтонъ, гнѣвно оскаливъ зубы. Но м-ссъ Клаверингъ только смѣялась.

— Что же я, по-вашему—дура, или женщина, знающая свѣтъ? У меня есть уши и глаза. Хотите, сообщу подробности?

—Едва-ли это будетъ интересно.

Онъ посмотрѣлъ на нее и вдругъ покатился со смѣху, увѣренный, что она отнесется снисходительно къ его мальчишескимъ проказамъ. Искренній веселый смѣхъ его былъ неотразимъ. Женщина не выдержала и разсмѣялась тоже.

— Не знаю, кто изъ насъ хуже. Можетъ быть, я. Ну, Богъ съ вами! Прощаю васъ.

Пикантная циничность этой возобновленной связи привлекала Торнтона, была пріятнымъ дополненіемъ къ чисто-мужской пріятности жизни въ этомъ радушномъ помѣщичьемъ домѣ. Торнтонъ былъ блестящій спортсменъ, мѣткій стрѣлокъ, превосходный, хоть и безжалостный наѣздникъ, своими физическими достоинствами превосходившій всѣхъ другихъ гостей того же типа, собравшихся у Клаверинговъ. Они льстили ему, восхищались имъ, почтительно прислушивались къ его мнѣніямъ. Въ искусствѣ убивать живыхъ существъ, двуногихъ и четвероногихъ, онъ былъ признаннымъ авторитетомъ. И, хотя онъ вообще привыкъ къ почтительному отношенію, лесть и поклоненіе всегда были пріятны его нѣсколько варварской натурѣ. Какою-нибудь мелочью можно было плѣнить и удержать его. Человѣкъ пламенныхъ страстей и героическаго мужества, онъ, какъ ребенокъ, искренно тѣшился тѣмъ, что былъ центральною фигурой въ этомъ крохотномъ спортивномъ міркѣ. А примѣсь горечи въ его отношеніяхъ съ м-ссъ Клаверингъ забавляла его, подстрекала, раздражала и плѣняла. Такъ что, по-своему, онъ проводилъ время чудесно. Клитіи онъ наскоро черкнулъ открытку на второй день послѣ пріѣзда и потомъ

ужъ почти не вспоминалъ о ней, иначе, какъ съ досадой и со скукой. И надо же ему было свалять такого дурака—жениться! И еще ребятъ плодить! Ну, да, впрочемъ, это дѣло его супруги —какое счастье, что дѣтей рожаютъ женщины, а не мужчины!

Рождество отпраздновали очень пышно. На третій день назначена была большая охота на куропатокъ въ дальнемъ уголкѣ помѣстья, котораго нарочно до этого дня не трогали, такъ что птицъ тамъ была масса. Лучшій участокъ, — поле, спускающееся по склону горы, окаймляя сосновый лѣсъ, и затѣмъ переходящее въ широкое пастбище, поросшее дрокомъ— былъ оставленъ на послѣзавтра. Но охота была хорошая и по сосѣдству, и Торнтонъ не безъ досады распечаталъ телеграмму, принесенную ему запыхавшимся почтальономъ. Она извѣщала о рожденіи сына. Торнтонъ вмѣстѣ съ другими пошелъ дальше по мокрому, вспаханному полю, но до самаго завтрака ему не везло.

М-ссъ Клаверингъ вмѣстѣ съ другими дамами принесли завтракъ на гору, въ корзиночкахъ. День былъ пріятный, теплый. За завтракомъ засидѣлись дольше, чѣмъ предполагали. Когда егерь пришелъ доложить, что до сумерекъ остается уже немного времени и лучше бы господа поторопились, мужчины повскакали съ мѣстъ и устремились къ мѣсту охоты. Торнтонъ стоялъ первымъ справа, у самой опушки лѣса, изъ котораго выгоняли куропатокъ. Утренняя неудача задѣла его тщеславіе. Въ такихъ вещахъ онъ привыкъ быть первымъ. Какъ только ему удалось положить первую птицу, онъ весь загорѣлся жаждой убійства. Онъ даже куропатокъ не могъ убивать спокойно. Спугнутые собаками, выводки одинъ за другимъ вылетали изъ лѣсу и, такъ какъ лучшій шансъ былъ у него, его охотничья сумка быстро наполнялась. Постепенно они спускались по длинному, отлогому скату. Егерь только что подалъ Торнтону заряженное ружье, указывая рукой стаю куропатокъ, летѣвшихъ прямо на него, когда прибѣжалъ другой посолъ изъ усадьбы, мальчикъ-подростокъ, и сунулъ Торнтону въ руку еще телеграмму. Нетерпѣливо выругавшись, онъ сунулъ непрочитанную телеграмму въ карманъ охотничьей куртки, —какъ разъ во время, чтобъ успѣть выпустить двѣ пули въ сгрудившуюся перепутанную стаю птицъ. Одновременно выстрѣлилъ его сосѣдъ, поставленный вторымъ. Двѣ куропатки упали. Поднялся споръ о томъ, кому онѣ должны принадлежать, и Торнтонъ, увлекшись, совсѣмъ забылъ о лежавшей въ его карманѣ телеграммѣ. А потомъ занялся охотой и такъ и не удосужился прочесть ее.

Но, когда охотники вернулись домой и на минуту задержались въ холлѣ, м-ссъ Клаверингъ спросила Торнтона, доставили ли ему вторую телеграмму. Тогда онъ вспомнилъ, вынулъ

ее изъ кармана, пробѣжалъ, пробормоталъ: «А, чортъ!» и, нетерпѣливо скомкавъ телеграфный бланкъ, швырнулъ его въ каминъ. А затѣмъ повернулся къ м-ссъ Клавѳрингъ и болталъ съ ней, пока не пришло время идти наверхъ переодѣваться къ обѣду.

Случилось такъ, что скомканная телеграмма упала не въ огонь, а, ударившись о сырое чуть тлѣвшее полѣно, легла съ того бока его, который не горѣлъ. Случилось также, что м-ссъ Клаверингъ замѣтила это. Женщины ея типа не слишкомъ щепетильны. Какъ только мужчины ушли изъ холла, она подняла телеграмму и прочла ее. Лицо ея, само по себѣ довольно безцвѣтное, стало еще на одну тѣнь сѣрѣе. Телеграмму она спрятала въ карманъ.

Тому же случаю угодно было, чтобы Торнтонъ и м-ссъ Клаверингъ остались на нѣсколько минутъ послѣ обѣда одни въ маленькой проходной гостиной, гдѣ разрѣшалось курить. Большинство мужчинъ, утомленные труднымъ днемъ, ушли къ себѣ, и съ ними двѣ-три дамы. Остальные играли на билліардѣ. Торнтонъ былъ веселъ, прекрасно настроенъ и болталъ безъ умолку, самъ напрашиваясь на подтруниванья Клары и затѣмъ обрывая ихъ дерзостями. Это была занятная игра.

Неожиданно и какъ будто совсѣм— не кстати Клара спросила его:

— Когда вы ѣдете обратно въ Лондонъ?

— Вы умница. Но что вы хотите сказать этимъ?

— Такъ, просто, спрашиваю. Такъ когда же вы ѣдете въ Лондонъ—завтра?

— Нѣтъ; зачѣмъ? Или, быть можетъ, васъ одолѣла сентиментальность и вы предпочитаете идеализировать меня въ мое отсутствіе и не разочаровываться моимъ присутствіемъ? Если это намекъ, разумѣется, я уѣду.

— Да, намекъ,—ядовито подчеркнула она.—Я не знала, что вы такая неразумная скотина. Неужели вамъ не пришло въ голову, что уже изъ приличія вы обязаны быть на похоронахъ своего первенца?

Прежде, чѣмъ Торнтонъ опомнился, она встала и, подобравъ юбки, выплыла изъ комнаты.

XXI.

Вотъ что случилось съ Клитіей за время отсутствія Торнтона. Въ концѣ стараго года настало утро, когда дождь съ изморозью били въ окна спальни, но ихъ не слышно было за тяжелыми спущенными занавѣсями. Въ это утро измученная Клитія слабо шепнула: «Дайте мнѣ ребенка». И ей осторожно

объяснили, что жизнь только на мигъ затеплилась въ немъ слабой искрой на порогѣ міра и погасла. И она упала снова на подушки, пораженная въ самое сердце нѣмымъ безнадежнымъ отчаяніемъ.

Выздоровленіе шло медленно. Въ теченіе многихъ дней Клитія лежала неподвижно; слезы непрестанно катились по ея щекамъ; ей было невыразимо жаль себя, и физическая слабость еще усиливала упадокъ духа. Долгое ожиданіе, страхъ и боль —все это ничего бы не значило, еслибы въ результатѣ на ея рукахъ лежалъ ребенокъ, одно прикосновеніе котораго излечило бы боль ея сердца и заставило бы ее забыть всѣ свои былыя горести. И страстная жажда материнства, заглушенная родовыми муками, снова проснулась въ ней и требовала удовлетворенія.

Словно все горе міра сразу тяжкимъ бременемъ легло на ея плечи. Міръ уже не улыбался ей. Все потускнѣло въ немъ, краски его поблекли, все стало сѣрымъ и безцвѣтнымъ. Нечего ждать, не для чего жить впереди... Глубокая тоска овладѣла Клитіей. Зачѣмъ влачить это безцѣльное тоскливое существованіе, пока не настанетъ еще такой далекій часъ кончины. —теперь, когда кровь снова быстро бѣжала въ ея жилахъ, онъ казался Клитіи такимъ далекимъ. Она переживала фазу, черезъ которую проходитъ каждый сильный человѣкъ въ моментъ тяжкой душевной усталости и утомленія жизнью, когда смерть представляется единственнымъ исходомъ. Одинъ глотокъ изъ завѣтной бутылочки, мучительная спазма въ сердцѣ—и все кончено, дальше—вѣчное безмолвіе и пустота. Какъ истая матеріалистка, Клитія была убѣждена, что со смертью все кончается, но это не пугало ея. Она была чужда сентиментальности. Но инстинктъ здороваго животнаго, не смотря ни на что цѣпляющагося за жизнь, удержалъ ее отъ самоубійства; а затѣмъ приступъ унынія прошелъ и она рѣшила пережить второй актъ печальной трагедіи.

Всякій слѣдъ нѣжности, довѣрія, сознанія своей общности съ мужемъ угасъ въ ея душѣ,—и навсегда. Малѣйшій пробескъ былого влеченія вызывалъ въ ней дрожь ужаса и отвращенія. Отнынѣ они были только знакомые, жившіе подъ одною кровлей и на одни и тѣ же средства и выполнявшіе совмѣстно нѣкоторыя установленныя дѣйствія, ради поддержанія своей связи съ обществомъ, требующимъ хотя бы видимости дружества и согласія между мужемъ и женой. Торнтонъ пріѣхалъ изъ Гемпшира въ отвратительнѣйшемъ настроеніи. Въ теченіе двухъ дней онъ прямо-таки ненавидѣлъ Клитію. Затѣмъ опасность ея положенія пробудила въ немъ что-то вродѣ состраданія. Но, когда только врачи объявили ее внѣ опасности, она вновь стала ему непріятной и кромѣ враждебности къ

ней онъ ничего питать не могъ. Изъ-за нея ему пришлось оборвать на половинѣ пріятнѣйшее препровожденіе времени. Она испортила его отношенія съ единственною женщиной, которая влекла его къ себѣ не только чувственно, что придавало особую странную прелесть этой связи, и грубо напомнила ему, что женатый человѣкъ, если онъ желаетъ жить въ ладу съ обществомъ, не долженъ слишкомъ наглядно показывать, что онъ самъ себѣ господинъ. А у Торнтона были свои причины не возстанавливать противъ себя общества.

Какъ только Клитія оправилась настолько, что могла перенести дорогу, она поѣхала въ Дурдльгемъ, въ первый разъ послѣ своего выхода замужъ. Тихая, размѣренная жизнь подѣйствовала на нее успокоительно. Она находилась въ томъ безнадежномъ настроеніи, когда бездѣйствіе кажется высшимъ благомъ. М-ссъ Блазеръ объясняла ея подавленное состояніе скорбью о ребенкѣ, сочувствовала ей, какъ только можетъ одна женщина сочувствовать другой, и всячески старалась развлечь ее, но втайнѣ находила, что это уже нездорово—такъ долго убиваться по ребенкѣ, котораго она даже не видѣла живымъ. Но Клитія безъ крайностей не можетъ... Однакожъ, хотя она и не умѣла разобраться въ тонкостяхъ сложнаго душевнаго состоянія свое сестры, все же ласка и участіе были цѣлительны—а нерѣдко участіе бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ уже его источникъ и то русло, по которому оно изливается.

Февраль и мартъ прошли спокойно и однообразно, какъ всегда въ Дурдльгемѣ. Но съ весною Клитія снова ожила, почувствовала приливъ новыхъ силъ; періодъ бездѣйствія прошелъ. По натурѣ она была не изъ тѣхъ, кто способенъ долго сидѣть, сложа руки, и плакаться на суетность всего земнаго. Былая дѣвичья неугомонность, хотя и въ измѣненной формѣ, снова толкала ее къ болѣе яркому и полному существованію Снова она думала о мірѣ и тайнахъ, сокрытыхъ въ немъ, теперь уже умудренная скорбью; снова смутныя томленья и порывы томили ея душу. Она мужественно смотрѣла въ лицо своему новому положенію, порѣшивъ бороться за то, чтобы заполнить свою жизнь новымъ и лучшимъ содержаніемъ. Еслибы краткая мечта ея осуществилась, она нашла бы счастье въ воспитаніи новаго человѣка; но великіе боги судили иначе. Какъ и до замужества, теперь единственной ея задачей была выработка своей личности, ибо отнынѣ Торнтонъ будетъ ея мужемъ только по имени. Какой же курсъ ей взять въ этомъ саморазвитіи и самовоспитаніи, чтобы осуществленіе своихъ запросовъ не перешло въ низменный, грубый эгоизмъ? Въ дѣвушкахъ она изучала жизнь, занималась живописью, чтобъ удовлетворить свои художественные запросы, и ради жажды славы, и изъ матеріальной необходимости. Ея энтузіазмъ, ин-

тимность ея былаго общенія съ такими чистыми людьми, какъ Кентъ и Винифредъ, хранили чистой ея душу. Теперь все измѣнилось. Она познала многое: и пламень страсти, и вкусъ горькаго осадка въ чашѣ жизни. Она стала одинокой. Энтузіазмъ какъ-то увялъ и не на что было его направить; только художественные запросы, жажда творчества остались ей и съ ними механическіе навыки. Какъ же ей направить свою жизнь, такъ, чтобъ она служила прекрасной, благородной цѣли? Она пыталась спокойно разрѣшить этотъ вопросъ и даже настолько развила въ себѣ благоразуміе, что съ улыбкою созналась себѣ, что это ей не удалось. Нельзя же поставить передъ собою рядъ потенціальныхъ энтузіазмовъ, словно рядъ апельсиновъ, и хладнокровно выбирать. И Клитія рѣшила терпѣливо ждать, что скажетъ время...

Придя къ такому рѣшенію, она отогнала уныніе и вновь стала веселой и живой, къ великой радости старшей сестры, которая все огорчалась, что Клитія и на Пасху не повеселится, насколько это возможно въ Дурдльгемѣ. Въ угоду сестрамъ, Клитія начала бывать въ обществѣ и явилась для Дурдльгема какъ бы откровеніемъ. Въ ея дѣвическіе годы Дурдльгемъ смотрѣлъ на нее, какъ на чудачку, и не ждалъ отъ нея ничего добраго. Теперь всѣ восхищались ею, обожали ее—коловоротъ временъ приноситъ иногда съ собой такія превращенія и возмѣщенія. Это немножко забавляло Клитію и вмѣстѣ съ тѣмъ все же будило въ ней добрыя чувства по отношенію къ городку, гдѣ она провела свое дѣтство. Быть можетъ, впервые она замѣтила, что царившая здѣсь чинная скука, въ былое время доводившая ее до бѣшенства, проистекаетъ изъ почти дѣтскаго невѣдѣнія способовъ и возможностей развлекаться. На мигъ ей пришло въ голову совратить Дурдльгемъ въ эпикурейство. Джэнетъ, которой она повѣрила свою затѣю, ротъ разинула отъ изумленія, а Клитія покатилась со смѣху. Дурдльгемъ охотно шелъ за нею, куда она вела его, охотно позволялъ развлекать себя блестящей свѣтской женщинѣ; но своихъ убѣжденій онъ не перемѣнилъ, своихъ принциповъ держался свято и ни на іоту не урѣзалъ бы ни единой изъ своихъ формулъ жизни. И все же его можно было научить относиться къ парадоксу, какъ къ шуткѣ, вмѣсто того, чтобъ сокрушенно размышлять о немъ съ упорствомъ курицы, силящейся высидѣть фарфоровое яйцо. И этого Клитіи удалось добиться за недолгій сезонъ ея общественныхъ дебютовъ въ Дурдльгемѣ.

Въ половинѣ апрѣля Торнтонъ вызвалъ жену обратно въ Лондонъ. Онъ отказался отъ мѣста личнаго секретаря, такъ какъ это мѣсто уже сослужило ему желанную службу. Онъ сумѣлъ втереться въ группу торійскихъ внѣ-парламентскихъ лидеровъ и въ началѣ весны оказалъ этой партіи крупныя

услуги на выборахъ. Такъ что его избраніе въ парламентъ было теперь только вопросомъ времени. Но, такъ какъ онъ не хотѣлъ упустить ничего, что помогло бы ему быть на виду, все еще нужна была жена, чтобы предсѣдательствовать за его столомъ и принимать его гостей. Эту роль Клитія не прочь была взять на себя, тѣмъ болѣе, что письмо Торнтона было вѣжливое и доброе. Поэтому она простилась съ Дурдльгемомъ и вернулась въ Лондонъ.

На вокзалѣ, къ ея изумленію, ее встрѣтилъ Торнтонъ, въ сѣромъ сюртукѣ съ темной розой въ петличкѣ и лавандоваго цвѣта перчаткахъ. Онъ помогъ ей выйти, приподнявъ шляпу, прежде чѣмъ пожать ей руку.

— Ну, какъ доѣхала? Хорошо? Не очень устала съ дороги? Видъ у тебя чудесный. Мнѣ тутъ надо было быть поблизости, на Примрозъ-Хиллѣ—ужасная трущоба,—я подумалъ, не заѣхать ли мнѣ за тобою.

— Это очень мило съ твоей стороны, Торнтонъ.

Всю долгую дорогу до Южнаго Кенсингтона шелъ разговоръ о пустякахъ; Торнтонъ разсказывалъ женѣ содержаніе новыхъ пьесъ, передавалъ свѣтскія сплетни. По пріѣздѣ домой онъ посидѣлъ съ нею въ гостиной и выпилъ чашку чая.

— А, знаешь, Клитія, ты чертовски хорошенькая женщина,—сказалъ онъ ей, втискивая свое грузное тѣло въ небольшое кресло и закладывая руки въ карманы.—Я, кажется, не прочь влюбиться въ тебя снова. Если ты еще не оледенѣла окончательно, пожалуй, и влюблюсь. Кожа у тебя удивительная, какое-то въ ней колдовство, которое, бывало, до того меня доводило, что я, какъ бѣшеный, накидывался на тебя.

— Пожалуйста, не говори объ этомъ, Торнтонъ,—сказала она, вздрогнувъ.—Это дѣло прошлое.

— Ей богу, я не вижу, почему бы этому прошлому не стать и настоящимъ,—возразилъ онъ, весь подобравшись, словно хищный звѣрь.—Я было собирался предложить тебѣ маленькій modus vivendi, при помощи котораго мы можемъ жить въ ладу и не мѣшать другъ другу, но, чортъ возьми! вотъ теперь я смотрю на тебя и думаю, что, вѣдь, въ конечномъ счетѣ, ты моя жена—ты такая красавица, Клитія!

Онъ поднялся. Она вскочила съ мѣста, вся дрожа, съ лихорадочно бьющимся сердцемъ. Когда онъ шагнулъ къ ней, она отступила въ ужасѣ, невѣдомомъ ей раньше.

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога!—вскрикнула она, задыхаясь, инстинктивно вытягивая руки, чтобъ отстранить его.—Это прошло и умерло. Мы когда-то любили другъ друга. Не надо издѣваться надъ этой любовью. Это слишкомъ ужасно. Я не вынесу этого.

— Чортъ побери, Клитія!—онъ гнѣвно стиснулъ кулаки,—

вѣдь ты—жена моя, и, клянусь Богомъ, я буду цѣловать тебя, когда хочу.

Огонь въ темныхъ глазахъ, когда-то имѣвшій такую неотразимую власть надъ нею, теперь вызвалъ въ ней только дрожь ужаса и отвращенія. Вся кровь сбѣжала съ ея щекъ, тѣло словно окаменѣло; она закрыла глаза и уронила руки вдоль тѣла.

— Цѣлуй, если считаешь себя вправѣ это дѣлать,—выговорила она глухо.

Съ минуту онъ стоялъ недвижно, глядя на нее. Затѣмъ съ хохотомъ снова плюхнулся въ кресло. Клитія, вся горя стыдомъ и негодованіемъ, выбѣжала изъ комнаты.

Не много добраго сулило такое возвращеніе къ семейной жизни. Инцидентъ не повторялся; однакожъ онъ опрокинулъ всѣ планы Клитіи на переустройство ея жизни на новыхъ началахъ, внеся въ ея жизнь новые страхи. Она разсчитывала, что Торнтонъ будетъ относиться къ ней по прежнему съ полнымъ равнодушіемъ. Вспышекъ страсти она не видала отъ него ужъ много мѣсяцевъ. Чѣмъ же она гарантирована, что онѣ не будутъ повторяться, разъ огонь, который она считала погасшимъ, еще тлѣетъ, что мужъ ея не станетъ предъявлять своихъ правъ мужа?.. Нѣсколько дней она провела въ тревогѣ. Но человѣческая душа гибка: еслибъ не это, какъ бы мы и жили!—и понемногу Клитія успокоилась; вначалѣ Торнтонъ обращался съ нею съ насмѣшливой учтивостью, затѣмъ снова вернулся къ своему безпечному равнодушію. Однажды, въ разговорѣ объ ихъ отношеніяхъ, Клитія упомянула о разводѣ.

— Я не согласенъ,—сказалъ Торнтонъ.—Ну, положимъ, мы не можемъ быть влюбленными, но почему же намъ не быть друзьями? Тебѣ самой разводъ невыгоденъ. Что ты выиграешь? Притомъ же, люди будутъ говорить, а мнѣ, по многимъ соображеніямъ, это неудобно.

— Ну, это-то мнѣ безразлично,—отвѣтила она съ оттѣнкомъ цинизма, прежде чуждаго ей.—Но, если ты желаешь, я останусь.

— Да, я хочу этого, Клитія,—сказалъ онъ мягче.—Мы можемъ каждый жить своею жизнью. Но въ глазахъ свѣта мы должны жить вмѣстѣ.

Клитія уступила, хотя и не безъ колебаній, и принялась искать для себя новыхъ интересовъ въ жизни.

Свѣтская жизнь, въ которой она могла играть видную роль, не удовлетворяла ея. Она слишкомъ привыкла заглядывать дальше поверхности, чтобы съ глупымъ цинизмомъ объявить, что свѣтъ весь сплошь ничтоженъ, пустъ, живетъ однимъ тщеславіемъ и развращенъ насквозь. И среди мужчинъ и женщинъ свѣта есть хорошіе, образованные, серьезные люди. Но

все же свѣтъ живетъ условностями, высоко цѣнитъ форму и во внѣшнихъ правилахъ своего поведенія немногимъ отличается отъ Дурдльгема. Онъ разрѣшаетъ культивировать и даже высказывать идеи, но лишь въ корректной формѣ. Сложный церемоніалъ свѣтскихъ приличій былъ тягостенъ для Клитіи. Она предпочитала болѣе простыя, болѣе искреннія отношенія. Здѣсь, чтобы добраться до сущности какого-нибудь факта или до сердца человѣка, надо было отдернуть тысячу завѣсъ, и это раздражало, утомляло ее. А такъ какъ теперь Торнтонъ не требовалъ отъ нея частыхъ выѣздовъ, довольствуясь тѣмъ, что, когда у него бывали гости, она играла роль хозяйки дома, Клитія принимала только тѣ приглашенія, которыя были ей пріятны. Но кругъ, откуда исходили эти приглашенія, былъ кругъ, куда ввели ее политическія стремленія и вкусы ея мужа, и здѣсь Клитія не находила интересовъ, которые могли бы увлечь ее. Вдобавокъ теперь она уже не считала себя обязанной исповѣдывать одну съ Торнтономъ политическую вѣру—и была одинокой радикалкой среди убѣжденныхъ и очень нетерпимыхъ торіевъ—положеніе не изъ пріятныхъ. Поэтому она старательно избѣгала бывать въ тѣхъ домахъ, гдѣ говорили, главнымъ образомъ, о политикѣ. Другая, болѣе легкомысленная часть этого класса, то фешенебельное общество, которое ѣздитъ на балы и скачки и старается только объ одномъ—жить весело, вначалѣ плѣнила ее своимъ изящнымъ эпикурействомъ. Она и посейчасъ гордилась внѣшностью своего мужа, его юношескимъ умѣньемъ беззаботно отдаваться веселью и заразилась отъ него духомъ смѣющагося Вавилона. Но теперь ей больно было видѣть, какъ онъ болтаетъ и шутитъ съ хорошенькими дѣвушками и свѣтскими молодыми людьми. Его безпечная веселость раздражала ее. Она видѣла, что онъ очаровываетъ и мужчинъ, и женщинъ, и ей хотѣлось крикнуть имъ: «Не вѣрьте! Совсѣмъ онъ не такой простой и милый». И постепенно она начала отдаляться и отъ этихъ свѣтскихъ кружковъ. Такимъ образомъ кругъ знакомыхъ Клитіи естественно все больше суживался и она все больше возвращалась къ друзьямъ своей юности.

Снова по воскресеньямъ она проводила вечера у Фаркгарсоновъ, и это были единственные праздники ея скучной недѣли. Она бывала тамъ одна, какъ въ старину. Тамъ все было по прежнему: тѣ же люди, тотъ же живой, веселый разговоръ, то же радушіе и ласка по отношенію къ ней. Тамъ Клитія вновь становилась прежней и сама дивилась, какъ много еще у нея тамъ восторженныхъ друзей. Тамъ она почти забывала, что она замужемъ и простилась навсегда съ теоріями жизни и тому подобными тщеславными затѣями. Только когда кто-нибудь спрашивалъ ее, какъ поживаетъ ея живопись, она съ болью въ сердцѣ вспоминала, что Клитія Давенантъ умерла. Редгрэвъ,

съ которымъ она тамъ встрѣчалась иногда, съ инстинктивной деликатностью художника-портретиста, не спрашивалъ ее, какъ приспособилось ея искусство къ новымъ условіямъ жизни. Онъ догадывался, что его пророчество сбылось, и огорчался этимъ, такъ какъ онъ возлагалъ большія надежды на Клитію. Чтобы позондировать почву, онъ завелъ рѣчь объ этомъ съ м-ссъ Фаркгарсонъ; та повѣрила ему свои догадки относительно неудачности этого брака. Редгрэвъ просіялъ и радостно сказалъ, что, значитъ, еще не все потеряно.

— Что вы хотите сказать этимъ?—негодующе вскричала Каролина; но художникъ только ясно улыбнулся.

— Я хочу сказать, что до сихъ поръ она пыталась смотрѣть на жизнь сквозь призму своего искусства. А теперь она научится смотрѣть на искусство сквозь призму своей жизни.

— Въ такомъ случаѣ ея искусство станетъ жалкимъ и блѣднымъ.

— Жизнь Клитіи никогда не была жалкой и блѣдной. Я боялся—вы понимаете—что подъ вліяніемъ замужества въ ней возьметъ верхъ физика, что она превратится въ обыкновенную свѣтскую даму, чуждую духовныхъ интересовъ, а, слѣдовательно, и чистаго искусства.

— Не вижу, чѣмъ неудачное замужество можетъ помочь ей,—возразила Каролина.—Если Клитія могла такъ измѣниться, перемѣна уже произошла.

— Несомнѣнно,—но не окончательная. Если она снова будетъ жить одна съ самой собой, вернется и духовность, и способность цѣликомъ отдаваться искусству—усиленная опытомъ и страданьемъ. Самое драгоцѣнное знаніе, милая м-ссъ Фаркгарсонъ, то, которое мы покупаемъ цѣною скорби.

— Ну, значитъ, мой жизненный опытъ ничего не стоитъ. И я очень рада этому. Я предпочитаю быть несвѣдущей и счастливой, чѣмъ мудрой и печальной. И желала бы того же бѣдной Клитіи. Я понимаю, цѣню искусство не меньше большинства людей, но я не вѣрю въ искусство такъ ужь безпредѣльно. Можетъ быть, я тоже филистерка—не дай Богъ! но, можетъ быть, это и такъ—и я люблю видѣть людей счастливыми.

— Это зависитъ отъ того, что вы зовете счастьемъ.

Но Каролина не любила спорить. У нея были свои взгляды и она высказала ихъ.

— Что я зову счастьемъ?—Да самое обыкновенное, самое простое человѣческое счастье, отъ котораго человѣкъ вдругъ смѣется, безъ всякой видимой причины. И я бы предпочла, чтобъ Клитія была счастлива этимъ счастьемъ и никогда не брала въ руки кистей, чѣмъ писала переворачивающія весь міръ картины и была несчастна.

— Но, вѣдь, еслибы она писала переворачивающія весь міръ

картины, какъ вы выражаетесь, она была бы счастлива—много счастливѣе, чѣмъ при другихъ условіяхъ.

— Ахъ, нѣтъ! Что вы такое говорите, дорогой мой другъ. Ничего вы въ этомъ не понимаете. Для женщины совсѣмъ не главное—перевернуть весь міръ. Это можетъ забавлять и радовать ее — но только en passant. Повѣрьте мнѣ. Я вообще не выдаю своихъ, но, такъ ужъ и быть—для васъ, открою тайну. Вѣдь женщинъ-то я знаю лучше васъ. Такъ что, если вы радуетесь, что Клитія несчастлива въ своей семейной жизни, по-моему, это прямо-таки гнусно съ вашей стороны.

И Редгрэвъ, посрамленный, удалился; но, тѣмъ не менѣе, остался при своемъ

Въ одно изъ такихъ воскресеній, въ началѣ іюня, м-ссъ Фаркгарсонъ вбѣжала въ комнату, гдѣ Клитія, только что пріѣхавшая, снимала шляпу и пальто.

— Я все смотрѣла въ окно, когда подъѣдетъ ваша карета. Вы страшно запоздали. А мнѣ хотѣлось повидаться съ вами раньше, чѣмъ вы войдете въ гостиную. Какъ вы думаете, кто у насъ сегодня? Угадайте.

По лицу Каролины Клитія сразу догадалась, кто. И слегка зарумянилась отъ радости, и глаза ея заблестѣли ярче

— Кентъ?

М-ссъ Фаркгарсонъ радостно кивнула головой. Ей пріятно было, что Клитія довольна.

— Я хотѣла предупредить васъ открыткой, но въ этомъ ужасномъ городѣ по воскресеньямъ не ходитъ даже почта. А Джорджъ, какъ водится, удостоилъ только вчера вечеромъ сообщить мнѣ, что Кентъ обѣщалъ быть сегодня. Удивительно безмозглые эти мужчины! Еслибъ мы были такими, ужъ не знаю, какъ бы мы и жили.

— Вотъ славно. Это будетъ совсѣмъ, какъ прежде, дорогая,—говорила Клитія.—Какъ я рада увидаться съ нимъ!

— Странно, что вы до сихъ поръ не видѣлись,—сказала Каролина и задумчиво прибавила:—А, впрочемъ, можетъ быть, и не странно.

У нея были на этотъ счетъ свои теоріи.

— Я только не понимаю, почему онъ и отъ насъ сбѣжалъ.

— А какъ онъ объясняетъ это?

— Да никакъ. Пришелъ и говоритъ: «Грѣшенъ, молъ, и нѣтъ мнѣ оправданій. И причинъ никакихъ нѣтъ. Просто, скверный человѣкъ, потому и согрѣшилъ. А теперь смиренно каюсь». Ну, какъ вы его не простите, когда человѣкъ-то милый. Онъ, правда, очень кается и клянется исправиться

Клитія поправила прическу передъ зеркаломъ и сошла

внизъ вмѣстѣ съ Каролиной. По дорогѣ та спросила ее, гдѣ сегодня Торнтонъ.

— Онъ у кого-то гоститъ въ Гудсвудѣ. Вчера уѣхалъ--тамъ скачки или что-то въ этомъ родѣ.

— А почему же вы съ нимъ не поѣхали? Развлеклись бы хоть немножко?—спросила Каролина съ умышленной безтактностью, быстро, искоса, вскинувъ глаза на Клитію. Но Клитія только расхохоталась.

— О, Боже! нѣтъ, зачѣмъ? Я даже не знала, что онъ ѣдетъ, до вчерашняго дня, когда Робертъ спросилъ у меня, чѣмъ ему заняться во время отсутствія барина. Мы вѣдь уже старые супруги, Каролина, и живемъ болѣе или менѣе каждый по своему. Такъ гораздо удобнѣе. Онъ же знаетъ, что я не люблю Гудсвуда и всей этой компаніи—Клаверинговъ и подобныхъ имъ.

— Да, пожалуй, здѣсь вамъ будетъ лучше.

— Разумѣется.—И онѣ подъ руку вошли въ гостиную.

Войдя, Клитія инстинктивно оглядѣлась вокругъ, ища глазами Кента. И, встрѣтивъ его взглядъ, устремленный на нее съ другого конца комнаты, привѣтливо кивнула ему головой. Онъ всталъ и присоединился къ небольшой группѣ, тотчасъ окружившей ее. Всѣ знали, что они прежде были неразлучны, и обоимъ не хотѣлось дать замѣтить постороннимъ, что они встрѣтились случайно. Они обмѣнялись дружескимъ рукопожатіемъ, нѣсколькими привѣтливыми фразами, и затѣмъ разговоръ сталъ общимъ. Новыхъ лицъ въ гостиной было мало; все больше старыя: Редгрэвъ, журналистъ Френчъ, м-ръ Синглтонъ, м-ссъ Тредегаръ. Клитія душою радовалась, снова видя среди нихъ Кента. Она такъ и не поняла, почему дружба ихъ распалась. По временамъ ей приходила въ голову вѣрная догадка, но Клитія отвергла ее. Это было несовмѣстимо съ его образомъ дѣйствій. Любовь рождаетъ желанія, и въ натурѣ мужчинъ стремиться удовлетворить свои желанія. Таковъ былъ ея спѣшный выводъ. А вдуматься поглубже—она смутно чувствовала, что отъ этого благоразумнѣй воздержаться.

Она нашла, что Кентъ ничуть не измѣнился, и спрашивала себя, найдетъ ли онъ большую перемѣну въ ней. И все время прислушивалась къ тому, что онъ говорилъ, невольно отмѣчая знакомые обороты мысли и рѣчи и восхищаясь его прямотой, и неподдѣльностью его энтузіазма. И снова, какъ бывало, охотно смирялась передъ нимъ. Насколько его жизнь лучше и выше ея жизни! Какъ многому она научилась и могла бы еще научиться отъ него. На одинъ короткій мигъ смѣхъ и говоръ вокругъ нея и все окружающее, всѣ лица, кромѣ одного, словно расплылись, растаяли, въ клубахъ голубоватаго табачнаго дыма—и одно это лицо, съ сдвинутыми отъ напряженія мысли бровями, она видѣла напротивъ себя, черезъ столъ, освѣщенное

лампой,—наклоненнымъ надъ листомъ бумаги, на которомъ рука его что-то прилежно писала. И вокругъ нихъ двоихъ была прежняя обстановка ея гостиной на Кингсъ-Родъ... Но видѣнье исчезло такъ же внезапно, какъ и появилось, и Клитія слегка вздохнула. Разговоръ завялъ. Кентъ какъ-то грустно посмотрѣлъ на нее. Она нагнулась впередъ и съ улыбкой подозвала его взглядомъ, чуть-чуть при этомъ вздернувъ подбородокъ.

— Сведите меня поужинать, я сегодня не обѣдала.

— И очень глупо съ вашей стороны!—невольно вырвалось у него.

Оба разсмѣялись.

— Вы все такой же,—сказала Клитія. И они спустились внизъ, въ столовую.

У Фаркгарсоновъ былъ такой порядокъ, что по воскресеньямъ въ столовой внизу подавался на столъ холодный ужинъ, и гости ужинали всѣ, когда хотѣли, чтобъ не прерывать бесѣдъ по уголкамъ переходомъ всѣхъ гурьбой въ столовую. Этого Каролина не любила; да и вообще въ домѣ у нея не соблюдалось особой правильности въ трапезахъ. Можно было опаздывать и къ обѣду, и къ ужину, и для опоздавшаго всегда находилось что закусить. А за лишній трудъ Каролина платила своей прислугѣ добавочное жалованье. Такъ что маленькій маневръ Клитіи не представлялъ собою ничего необычайнаго.

Въ столовой никого не было. Клитія сѣла въ концѣ стола. Кентъ съ серьезнымъ видомъ выбралъ для нея кусокъ цыпленка, положилъ ей салату и налилъ стаканчикъ кларета. Потомъ и самъ присѣлъ возлѣ нея.

— А вы развѣ не будете ѣсть?—смѣясь, спросила она.

— Я не голоденъ.

— О, это ничего не значитъ. Возьмите себѣ чего-нибудь, чтобы составить мнѣ компанію. Не могу же я ѣсть, когда вы сидите и смотрите на меня, подпершись локтемъ.

— Почему? Прежде это часто бывало. Мнѣ казалось такимъ естественнымъ сидѣть и смотрѣть на васъ, пока вы ѣдите. Я и забылъ... Какъ видите, мои манеры не улучшились. Впрочемъ...

Онъ всталъ, чтобъ положить и себѣ чего-нибудь, но Клитія удержала его за руку и усадила снова.

— Ну, вотъ. Простите. Это было глупо съ моей стороны. Пожалуйста, будьте такимъ, какъ прежде были. Давайте, вообразимъ, что это одинъ изъ прежнихъ воскресныхъ вечеровъ. Ахъ! еслибъ вы знали, какъ я рада васъ видѣть! Мы цѣлую вѣчность не видѣлись.

— Да. Восемнадцать мѣсяцевъ. Полтора года. Никогда еще полтора года не казались мнѣ такими долгими.

—Почему?

— Вы что же думаете—я не тосковалъ по васъ?

— Даже такъ?

— Да; даже такъ.

— Мой бѣдный Кентъ! Еслибы я могла...

— Ну, es ist vorbei...—нахмурился онъ и вдругъ сконфузился, замѣтивъ, что перевернулъ стаканъ и оставилъ винный кругъ на скатерти. Но вдругъ лицо его прояснилось и онъ весело разсмѣялся.

— Какъ видите, я все такой же медвѣдь. Вмѣсто того, чтобы сказать вамъ, какъ я счастливъ снова быть съ вами, я жалуюсь, а, между тѣмъ, мнѣ ли плакаться на свою участь?

— Вы, говорятъ, попали въ знаменитости. Разскажите мнѣ о себѣ.

— Въ знаменитости я, положимъ, не попалъ, и разсказывать собственно не о чемъ. Книга моя переводится на нѣмецкій языкъ и часть ея скоро появится въ свѣтъ, изданная вѣнскимъ университетомъ.

— Это успѣхъ.

— И крупный. До знаменитости еще далеко, но все же пріятно до извѣстной степени быть признаннымъ. Это подбодряетъ.

— Еще бы!—воскликнула Клитія, и это вышло у нея много значительнѣе, чѣмъ бы ей хотѣлось.

— Такъ что я теперь работаю еще усерднѣе

— Хотѣла бы я обладать вашимъ энтузіазмомъ,—вздохнула она.—И вашей выдержкой въ работѣ. Помните, какъ вы читали мнѣ нотаціи?

Грустно и съ нѣжностью они вспоминали былые дни. Воспоминанія были отрадны. Затѣмъ перешли къ настоящему.

— Винни говорила мнѣ, что вы теперь—важная шишка въ Музеѣ. Какъ я рада.

Кентъ махнулъ рукой и засмѣялся.

— Винифредъ для меня—Ирисъ, посланница боговъ. Она иногда спускается на землю и разсказываетъ мнѣ о васъ. Да, мои дѣла поправились. Я теперь завѣдующій отдѣломъ. И денегъ у меня столько, что я не знаю, куда ихъ дѣвать.

— Надѣсь, хотя часть ихъ вы тратите на то, чтобъ ѣсть, какъ слѣдуетъ. Или все еще устраиваете себѣ свои необыкновенные ужины?

— О, живу-то я по прежнему. Это такое дѣло, что только начни—и не оглянешься, какъ станешь респектабельнымъ.

— И комнаты у васъ тѣ же?

— Только картинъ стало побольше и всякой чепухи. И коверъ купилъ. Это уже Уизеръ настоялъ. Пришелъ какъ-то зимой ко мнѣ и простудился—увѣряетъ, будто потому, что полъ у меня ничѣмъ не покрытъ и отъ пола дуетъ. И, когда выздоро-

вѣлъ, заставилъ меня вмѣстѣ съ нимъ пойти въ магазинъ и купить толстенный турецкій коверъ. Я ужъ хотѣлъ раззнакомиться съ нимъ, или, по крайней мѣрѣ, запретить ему ходить ко мнѣ, а то онъ мою комнату превратитъ въ настоящій будуаръ.

Оба смѣялись. Клитія допытывалась, по прежнему ли у него возлѣ камина стоятъ треножникъ и кастрюльки и гармонируетъ ли жестянка съ керосиномъ въ углу съ пышнымъ турецкимъ ковромъ. Она была оживлена; смѣялась. Словно свѣжимъ воздухомъ пахнуло на нее отъ этой встрѣчи съ Кентомъ.

Неожиданно онъ указалъ ей на ея тарелку.

— Вы ничего не ѣдите?

— Не хочется.

— Но, если вы не поужинаете, у васъ голова будетъ кружиться. Зачѣмъ же было приходить сюда, если вы только ткнули вилкою въ цыпленка и не проглотили и кусочка?

Клитія покатилась со смѣху.—Онъ опять читалъ ей нотаціи, какъ въ былые дни. Ахъ, какъ это хорошо! Онъ все такой же.

— Ахъ, вы милый, глупый Кентъ! Даже вы могли бы догадаться, зачѣмъ я шла сюда.

— Неужто вы и вправду хотѣли видѣть меня?

— Ну, конечно же. Вы что же—думаете, я лишена всякихъ человѣческихъ чувствъ?

Это сразу сблизило ихъ. Для Кента эта встрѣча была сплошнымъ очарованіемъ. Видѣть ее рядомъ съ собою, веселою, смѣющейся, прежней,—этого одного было достаточно, чтобы изгладить восемнадцать мѣсяцевъ безнадежныхъ томленій. И онъ про себя думалъ, какъ это хорошо, что она не узнала объ его любви—иначе она не была бы съ нимъ такъ проста и мила.

— Ну, кажется, скоро намъ пора будетъ идти наверхъ,—сказала Клитія, грустно наморщивъ лобъ.—Когда я васъ увижу снова?

Кентъ вздрогнулъ. Вопросъ смутилъ его. Онъ не зналъ, что отвѣтить.

— Надѣюсь, меньше, чѣмъ опять черезъ полтора года,—пошутилъ онъ.

— О, да, конечно. Мы не должны больше быть чужими, Кентъ. Это нехорошо для насъ обоихъ. Вѣдь вамъ хотѣлось бы почаще видѣться со мной?

— Къ вамъ я ходить не стану,—вырвалось у него.

Тонъ его словъ былъ рѣзкій. Но въ глазахъ свѣтилась страстная тоска, придававшая словамъ иной смыслъ. И Клитія, наконецъ, поняла. И ахнула, вставая изъ-за стола:

— Ахъ, Кентъ, Кентъ!..

Глаза ихъ встрѣтились. И на этотъ разъ уже не могло быть

сомнѣній. Онъ понялъ, что она знаетъ, догадалась и съ усиліемъ выговорилъ хриплымъ голосомъ:

— Я не могу бывать у васъ. У себя дома вы будете для меня м-ссъ Гаммердайкъ, не та Клитія, которую я знаю. Вашъ домъ полонъ для васъ такихъ интересовъ и ассоціацій, среди которыхъ я буду чужимъ и лишнимъ. А для меня вы все та же Клитія, жизнь которой я изо-дня въ день дѣлилъ, и видѣться съ вами я могъ бы только, какъ съ этой Клитіей.

— Такъ вамъ легче было бы?

— О, да!

— Тогда приходите въ студію къ Винифредъ, когда я буду тамъ, а я буду бывать здѣсь всякій разъ по воскресеньямъ. Вы думаете, я сама не хочу видѣть васъ, какъ Клитія?

— Спасибо, спасибо!—тихо молвилъ онъ, взявъ ея руку:— а теперь намъ пора идти наверхъ.

XXII.

Оба они провели эту ночь безъ сна. Клитія была поражена открытіемъ, что Кентъ любитъ ее. И еще больше поражена тѣмъ, какъ она раньше не догадалась, что онъ любитъ ее. Почему же теперь, послѣ восемнадцати мѣсяцевъ разлуки, при первой же встрѣчѣ она сумѣла прочесть въ его глазахъ тайну его души, а раньше была такъ слѣпа? Она не вполнѣ понимала, почему онъ сейчасъ же не признался ей, но чутьемъ угадывала, что его удержала деликатность, рѣдкая и странная черта его натуры, отличавшая его отъ всѣхъ другихъ мужчинъ, которыхъ она знала. И сердце ея исходило жалостью къ нему.

— Какъ онъ долженъ былъ страдать!—повторяла она мысленно. Ей припоминались отдѣльныя сценки между ними, его отдѣльныя слова, и теперь, при свѣтѣ новаго открытія, все казалось такимъ яснымъ и понятнымъ: и его отчужденность и натянутость послѣ возвращенія ея изъ Дурдльгема; и послѣдній вечеръ, проведенный ею въ Лондонѣ, когда онъ растопилъ ея каминъ и она поднялась къ нему наверхъ, чтобъ поблагодарить его и попрощаться съ нимъ. Какъ могла она быть такой слѣпою и глухой? Какъ могла не разслышать дрожи въ его голосѣ, когда онъ на прощанье, цѣлуя ея руку, молвилъ ей: «Вы—дорогая моему сердцу дама, которой я буду служить до послѣдняго моего вздоха».

И тутъ, со дна души, шипя, какъ змѣйка, поднялась мысль, подсказавшая ей отвѣтъ, и Клитія вся содрогнулась, словно что-то нечистое дотронулось до нея.

Послѣ этого она ужъ не могла уснуть. Встала, зажгла свѣчу и наудачу взяла съ полки книгу. Это былъ старый, истрепан-

ный томикъ Шекспира, еще въ раннемъ дѣвичествѣ тайкомъ пріобрѣтенный ею, въ видѣ протеста противъ того подбора книгъ, которымъ угощали ее старшіе. Затѣмъ снова легла и наудачу раскрыла книгу. Первыя же строки, попавшіяся ей на глаза, прозвучали для нея голосомъ изъ другого міра:

«Гармонія живетъ въ безсмертныхъ душахъ,
Но подъ покровомъ грубымъ и нечистымъ
Одежды тлѣнья—мы ея не слышимъ».

Это былъ какъ бы отзвукъ ея собственной взволнованной мысли. Дальше читать она не стала. Погасила свѣчу и лежала въ темнотѣ съ открытыми глазами, пока сѣрый разсвѣтъ не пробился сквозь шторы окна—тогда только она уснула.

Не спалъ и Кентъ. Онъ добросовѣстно боролся съ своею любовью, напрягая всю свою незаурядную силу воли, чтобы преодолѣть ее и заставить служить своему счастью, а не омрачать его жизнь мучительнымъ, безплоднымъ томленьемъ. И достигъ желаемаго. Любовь къ Клитіи открыла ему глаза на цѣлый невѣдомый міръ красоты, углубила его пониманіе, расширила интуицію. Поистинѣ можно сказать, что любовь многому научила его,—научила его понимать и цѣнить женщинъ, вывела его изъ затворничества въ общество, котораго онъ раньше избѣгалъ. Женскія сужденія, которыя онъ раньше презрительно отметалъ, не вдумываясь въ нихъ, какъ неразумныя и нелогичныя, теперь поражали его своей интуитивной тонкостью и вѣрностью. Онъ разглядѣлъ, что женскій умъ, если и уступаетъ въ широтѣ мужскому, то превосходитъ его чуткостью и тонкостью, и дивился умѣнью женщинъ чутьемъ улавливать въ данномъ явленіи все самое существенное и давать ему вѣрную оцѣнку. Онъ находилъ теперь большое удовольствіе въ обществѣ образованныхъ женщинъ. Ни одна изъ нихъ не обладала всѣми очарованіями Клитіи, но въ каждой было свое очарованіе и каждая нравилась ему по-своему. Однажды онъ сообщилъ это Уизеру; тотъ, смѣясь, сказалъ, ему, что онъ слишкомъ поддается женскимъ чарамъ и, того и гляди, на-дняхъ женится Но Кентъ покачалъ головой: «Для того, чтобы найти вторую Клитію, мнѣ пришлось бы жениться на всѣхъ женщинахъ заразъ и выжать изъ нихъ экстрактъ». И онъ говорилъ искренно. Но тѣмъ не менѣе теперь, когда онъ научился цѣнить высшія качества женской души, онъ начиналъ замѣчать и другое: привлекательность красивой внѣшности, изящество манеръ, доставлявшую ему эстетическое наслажденіе, какого онъ раньше не испытывалъ. До сихъ поръ, казалось ему, онъ жилъ половинчатой жизнью, оставляя въ небреженіи половину своихъ способностей. И онъ съ удовольствіемъ подмѣчалъ въ себѣ новыя возможности, новыя силы воспріятія.

Ему не легко было отказаться отъ удовольствія бывать въ веселомъ и блестящемъ обществѣ, которое собирала вокругъ себя м-ссъ Фаркгарсонъ. Вначалѣ онъ пересталъ бывать на Гарлей-стритъ, чтобъ не встрѣчаться съ Клитіей, которую ему непріятно было видѣть женою Гамердайка. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, онъ привыкъ къ мысли, что Клитія утрачена для него, что она замужемъ и стала свѣтской дамой, и ему уже хотѣлось пойти туда, но мѣшала застѣнчивость. Неловко казалось вдругъ возобновить свои посѣщенія послѣ такого долгаго перерыва, съ виду грубаго и рѣзкаго. По всей вѣроятности, Фаркгарсоны и не видѣли бы его больше, еслибъ случайно онъ не встрѣтился съ Джорджемъ на одномъ собраніи археологовъ и тотъ первый не подошелъ къ нему съ протянутой рукой и съ самымъ сердечнымъ приглашеніемъ.

Но, кромѣ Фаркгарсоновъ, у него были и еще знакомые, разсѣянные по разнымъ концамъ города, гдѣ онъ бывалъ хотя и рѣдко, но всегда находилъ радушный пріемъ. И теперь онъ видался съ ними часто, вызывая добродушныя подтруниванья относительно причинъ такой внезапной и пріятной перемѣны; и еще, вдобавокъ, иногда сопровождалъ Уизера, у котораго кругъ знакомыхъ, какъ у Сэма Уэллера, былъ обширенъ и весьма своеобразенъ. Такимъ образомъ Кентъ измѣнилъ свои привычки, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и свой образъ мыслей. Расширеніе кругозора внесло въ его жизнь новые интересы. И все это вслѣдствіе его любви къ Клитіи. Пробужденіе дремавшаго инстинкта пола сдѣлало его человѣчнѣе, расширило и углубило его душу. Не смотря на свою страстную и безнадежную любовь, Кентъ могъ назвать себя счастливымъ человѣкомъ.

И вотъ теперь все это ея благотворное вліяніе было подорвано или, по крайней мѣрѣ, вылилось въ другую форму. Онъ видѣлъ ее, упивался бархатной мягкостью ея голоса, лаской ея взгляда. И, помимо воли, выдалъ свою тайну. Клитія узнала, что онъ любитъ ее. И пожалѣла его, обѣщала, что теперь они снова будутъ часто видѣться, какъ старые друзья. Какъ она добра и великодушна, чтобы такъ спуститься съ высотъ своего семейнаго счастья, чтобъ утѣшить его своей симпатіей и дружбой. Неожиданно счастье улыбнулось ему. Быть можетъ, въ концѣ концовъ, его беззавѣтная преданность и пригодится ей.

Но хотя Кентъ и былъ сильный и честный человѣкъ, все же эта неожиданная встрѣча смутила его. Какъ искренно и хорошо она относится къ нему! Быть можетъ, еслибъ онъ признался раньше до появленія того, другого, ему и удалось бы завоевать ея любовь. Снова мучительныя сожалѣнія овладѣли имъ и онъ безпокойно метался на кровати. Сонъ бѣжалъ его. Любовь, которая всѣ эти мѣсяцы, именно по причинѣ своей

безнадежности, дарила ему миръ душевный и даже своего рода счастье, прорвалась снова пламенно и бурно. Что за нелѣпость лежать такъ въ темнотѣ, когда знаешь, что, все равно, не уснешь! Кентъ всталъ, перешелъ въ кабинетъ и зажегъ газъ. Затѣмъ присѣлъ къ столу, съ той стороны, гдѣ лежали его письменныя принадлежности, и, закрывъ лицо руками, долгое время сидѣлъ въ задумчивости. Потомъ въ глаза ему бросился листикъ почтовой бумаги, такъ призывно бѣлѣвшій на бюварѣ. И ему пришло въ голову написать Клитіи. Не задумываясь, онъ схватилъ перо и всѣ четыре страницы покрылъ страстными изліяніями. Потомъ изорвалъ ихъ въ клочки и началъ сызнова. Лѣтнее солнышко уже свѣтило въ комнату сквозь окна, не завѣшенныя шторами, причудливо мѣшая свѣтъ дневной съ желтымъ свѣтомъ газа, когда Кентъ вложилъ въ конвертъ и надписалъ первое письмо къ Клитіи, въ которомъ онъ говорилъ ей о своей любви. А затѣмъ поднялся, расправилъ члены, закоченѣвшіе отъ долгаго сидѣнья, легъ въ постель и спалъ сномъ праведныхъ, пока не наступилъ обычный часъ его вставанья.

На другой день, возвратившись съ прогулки, Клитія нашла въ холлѣ на столѣ письмо. Унесла его къ себѣ въ комнату и тамъ, присѣвъ на край кровати, прочла. Оно гласило:

«Милая Клитія!

Теперь Вы знаете. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. Я видѣлъ это по Вашимъ глазамъ. Но, если я ошибся, позвольте мнѣ сказать Вамъ это на словахъ, и, такъ какъ я приношу Вамъ лучшее и самое правдивое, что есть во мнѣ,—ни мнѣ не стыдно сказать это, ни для Васъ не безчестье слушать. А такъ какъ Вы, по добротѣ своей, предлагаете мнѣ возобновить старую дружбу, сказать это я долженъ, чтобъ разъ навсегда покончить съ этимъ. Я люблю Васъ, Клитія, всей силой души человѣка, который до сихъ поръ не тратилъ своихъ чувствъ на женщинъ. Я любилъ Васъ задолго до того, какъ самъ узналъ это. Это чувство выростало постепенно, и только, когда Вы уѣхали въ Дурдльгемъ, маленькая случайность заставила меня понять, что Вы для меня не только близкій и дорогой другъ, но и женщина, которую я страстно люблю. Но сказать Вамъ это я не могъ, боясь васъ огорчить и испортить наши дружескія отношенія—ибо кто же я такой, чтобы любить Васъ? И еще я боялся, чтобы Вы не подумали, что я обманулъ Ваше довѣріе. Въ концѣ-концовъ я все же пришелъ, чтобы сказать Вамъ это—но было уже слишкомъ поздно. Пусть Вамъ разскажетъ Винифредъ.

Съ этого дня я ношу въ душѣ свою любовь, какъ животво-

рящее начало своей жизни. Я думалъ, что Вы никогда не узнаете о ней, но случилось такъ, что я самъ выдалъ себя.

Вамъ не очень больно будетъ теперь, когда Вы сами счастливы, видѣть меня въ новомъ свѣтѣ? Ахъ, Клитія! отвѣтьте мнѣ искренно и правдиво, какъ Вы всегда были правдивы со мной.

Никогда, никогда я не нарушу добровольно Вашего покоя. Я слишкомъ искренно и преданно люблю Васъ, и любовь моя дѣлаетъ меня счастливымъ. Если Вы послѣ этого письма захотите все же иногда встрѣчаться со мной у нашихъ общихъ друзей, Вы будете видѣть во мнѣ только прежняго Кента, который иногда бранилъ Васъ, иногда Вамъ помогалъ и для котораго Вы всегда были выше и дороже, и значительнѣй всѣхъ прочихъ женщинъ; но Вы должны позволить мнѣ любить себя —иначе я не могу. Эта любовь слилась со всѣмъ моимъ существомъ, и, по своему, она даетъ мнѣ счастье. Вы сами всегда меня называли чудакомъ, а у чудаковъ есть свои привилегіи и, разъ Вы знаете, что въ этомъ мое счастье, а Вашего счастья это не омрачаетъ, Вамъ не будетъ тяжело, что я люблю Васъ.

Будь Вы заурядной, банальной женщиной, я не сказалъ бы Вамъ этого, чтобъ Вы не истолковали моихъ словъ превратно.

Немного я теперь могу сдѣлать для Васъ—а мнѣ хотѣлось бы такъ много. Но жизнь полна странныхъ случайностей, и, быть можетъ, я еще пригожусь Вамъ. Знайте же, что я готовъ умереть, чтобъ избавить Васъ отъ минутнаго огорченія.

Вашъ всей душою преданный Вамъ

Кентъ».

Клитія нѣсколько разъ перечла это письмо. Вначалѣ слезы туманили ея глаза и что-то сдавливало горло. Потомъ это прошло. Ей было и больно, и радостно отъ этой наивной, ничего не требующей любви. Только теперь поняла она, какая у него большая и нѣжная душа. Чѣмъ она заслужила такую любовь, такія жертвы? И какъ же ей сказать ему, что гордость ея давно сломлена, что она ошиблась, жестоко, обидно, промѣняла высокое на низкое, что его чистая и безкорыстная любовь настолько же выше низменнаго чувственнаго опьяненія, неожиданно завладѣвшаго ею, насколько духъ выше плоти? Что она, какъ пастухъ въ нѣмецкой сказкѣ, погнавшись за блестящимъ кладомъ, уронила и растоптала ногами голубой цвѣточекъ, отпиравшій заколдованную гору. Хватитъ ли у нея мужества сказать ему это?

Она еще разъ перечла письмо и ее больно кольнула безсознательная иронія его словъ: «теперь, когда Вы такъ счастливы...».

— О, Боже!—вырвалось у нея.—Еслибъ онъ зналъ, какъ я жажду счастья и какъ оно далеко отъ меня!

И тутъ силы покинули ее: вся горечь обидъ, усталости и разочарованій, накопившаяся за послѣдніе мѣсяцы, прорвалась наружу, и Клитія, рыдая, упала головой въ подушки.

Выплакавшись, она написала Кенту такой отвѣтъ:

«Дорогой мой другъ Кентъ!

Не стою я такой любви. Я могу только дивиться ей и принять ее съ смиренной благодарностью. Такихъ словъ, какъ Ваши, Кентъ, я никогда бы не могла истолковать превратно. Если Вамъ пріятно видѣться со мной, не избѣгайте меня больше.

Клитія».

Въ понедѣльникъ Кентъ зашелъ въ студію, чтобъ разсказать Винифредъ о встрѣчѣ съ Клитіей; во вторникъ—съ смутной надеждой увидать Клитію; въ среду, потому что Винифредъ ждала ее—но, какъ оказалось, напрасно. Наконецъ, въ четвергъ онъ услыхалъ за дверью голосъ Клитіи, и сердце его заколотилось. Онъ вошелъ. Ни одинъ изъ нихъ не помянулъ о письмахъ; но слабое пожатіе ея руки и взглядъ сказали ему, что она поняла.

Послѣ этого они стали встрѣчаться—по воскресеньямъ вечеромъ, у Фаркгарсоновъ, на недѣлѣ въ студіи, куда за послѣдніе мѣсяцы Клитія стала часто заходить, чтобъ отвести душу съ Винифредъ. Клитія держала себя, какъ всегда; Кентъ старался держать себя по старому. Порой это до странности было похоже на прежнія времена. Быть можетъ, отчасти для того, чтобъ усилить иллюзію, а также и для того, чтобъ чѣмъ-нибудь заполнить время, пока Винифредъ работала, Клитія начала писать картину, съ насмѣшливою нѣжностью избравъ моделью Винни. Портретъ такъ и не былъ законченъ—Клитіи не удалось правильно изобразить на холстѣ тоненькую фигурку въ скромномъ лѣтнемъ платьицѣ, и нѣжное смуглое личико, озабоченно нагнувшееся надъ палитрой и пучкомъ кистей. Но, пока она писала его, она чувствовала себя прежней. А для Кента было такою радостью, возвращаясь домой, забѣгать въ мастерскую и видѣть у мольберта Клитію, дружески кивающую ему головой, въ рабочемъ передникѣ поверхъ нарядного платья и съ руками, перепачканными углемъ и красками. Портретъ ему не нравился и онъ не стѣснялся высказывать это. Но онъ угадывалъ, зачѣмъ Клитія пишетъ его, и, критику, все же поощрялъ ее. Однако появленіе его, какъ и въ былое время, обыкновенно служило сигналомъ къ прекращенію работы. Винифредъ аккуратно вытирала кисти и складывала ихъ въ ящикъ, подбирала тубочки съ краской и все, что имѣла привычку разбрасывать около себя Клитія, далеко не такая аккуратная; Клитія же придвигала столикъ и звонила м-ссъ Гуркинсъ, чтобъ она подавала чай. Все свое маленькое хозяйство Клитія оставила въ мастерской, въ наслѣдство Винни. Такъ

что сервизъ былъ прежній—изящныя чашеки и ложечки—непозволительная расточительность со стороны Клитіи для ея прежнихъ заработковъ,—сѣрый японскій чайникъ съ плетеною ивовой ручкой, за которую и сейчасъ надо было браться съ осторожностью—и стеклянная сахарница, такая плебейская рядомъ съ аристократическимъ фарфоромъ. Въ студіи почти ничто не измѣнилось. Каррикатуры углемъ на стѣнахъ были въ глазахъ Винни такою же святыней, какъ еслибъ это были фрески старыхъ итальянскихъ мастеровъ, и, когда весной здѣсь дѣлали ремонтъ, она строго-на-строго наказала не трогать ихъ. Даже мольбертъ Клитіи стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Эти чаепитія въ мастерской были для Кента свѣтлой точкой, вознаграждавшей его за весь остальной день.

Однажды Кентъ пошелъ изъ мастерской обѣдать къ Уизеру и Ферфаксу. Такъ какъ ему было по пути съ Клитіей, они вышли вмѣстѣ. Это было чуть ли не въ первый разъ, что они остались наединѣ. Онъ вскользь напомнилъ ей объ этомъ

— Да,—подтвердила она.—А мнѣ такъ хотѣлось повидать васъ одного. Я еще не поблагодарила васъ за письмо. Но вы же видите, что я сумѣла оцѣнить его.

— Меня благодарить не за что—для меня было радостью писать его. Это мнѣ надо благодарить васъ за то, какъ вы поступили со мной.

— О, нѣтъ!—Клитія покачала головой, не глядя на него,—Вамъ не понять— и лучше, чтобы вы не понимали—что значить такое письмо для женщины. Для меня, по крайней мѣрѣ, оно много значило—очень-очень много. И единственное, чѣмъ я могу отблагодарить васъ—сказать вамъ это?

— Зачѣмъ объ этомъ говорить. Я не могъ видѣться съ вами, какъ другъ, подъ личиной обмана.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча; потомъ она возобновила разговоръ.

— А вы не думаете, что для васъ лучше было бы забыть о моемъ существованіи и поискать другую, каторая могла бы сдѣлать васъ счастливымъ—по настоящему счастливымъ?

— Ну, этой другой мнѣ придется ждать до второго пришествія.

— Полноте, Кентъ. Это смѣшно. Вѣдь вы же понимаете, что мнѣ иной разъ больно, что вы приносите мнѣ въ жертву свою жизнь.

— Не думаю я приносить вамъ въ жертву свою жизнь. И я даже не понимаю—при чемъ тутъ вы. Я васъ люблю и не могу любить другой—чѣмъ же вы виноваты? Спасибо и за то, что вы такъ умны и настолько широко смотрите на вещи, что позволяете говорить мнѣ это и не гнѣваетесь на меня.

Она слегка вздохнула.

— Все это хорошо. Еслибъ я была святая, я, можетъ быть, и принимала бы это, какъ должное. Но я только женщина, и далеко не изъ лучшихъ, и мнѣ обидно, что такая любовь, какъ ваша, пропадетъ даромъ: любовь—такая рѣдкость въ этомъ мірѣ...

— Но вѣдь ей пришлось бы по міру идти, еслибы вы не приняли ее,—возразилъ онъ, смѣясь.—Полноте, оставимъ этотъ разговоръ. Вы счастливы—у васъ свой домъ, своя жизнь, свои интересы; а я счастливъ тѣмъ, что вижу васъ и сохранилъ вашу дружбу. Конечно, я страдалъ—но теперь это все прошло.

— Ахъ! жизнь, кажется, вся полна этимъ.

— Чѣмъ?

— Страданіемъ.

Онъ энергически взмахнулъ палкой въ видѣ протеста.

— Съ какихъ это поръ вы стали пессимисткой? Неправда. Жизнь состоитъ изъ интересовъ и отвѣтственностей. Есть въ ней, конечно, и страданіе; но есть и то, что облегчаетъ его. Это какъ холодъ и морозъ. Если вы стоите въ снѣгу и безъ теплой одежды, вамъ будетъ казаться, что весь міръ дрогнетъ отъ холода. Но одѣньтесь потеплѣе, и вы не будете чувствовать его.

— А бѣдняки, не имѣющіе теплой одежды—какъ же они-то?

— Я говорю о людяхъ средняго достатка. И сравненіе очень подходящее. Люди средняго моральнаго достатка могутъ оберечь себя отъ излишнихъ страданій. Я не люблю нытья и болѣзненнаго отношенія къ жизни. Это никому пользы не приноситъ. Помните, у Лонгфелло, въ «Гиперіонѣ»—то мѣсто, гдѣ онъ критикуетъ двухъ нѣмецкихъ поэтовъ—меланхолическаго вида джентльменовъ, которымъ жизнь представляется грязнымъ болотомъ, по краю котораго они ходятъ, обмахиваясь батистовыми платочками, ахая и вздыхая, и дѣлая знаки Смерти, чтобъ она пришла и перевезла ихъ на ту сторону. Это немножко зло по отношенію къ пессимистамъ; но хорошо сказано и не мѣшаетъ запомнить.

Немного погодя они простились. Кентъ пошелъ дальше, размахивая палкой, убѣжденный въ томъ, что Клитія счастлива, но все же немножко удивляясь необычному въ ней пессимистическому настроенію; Клитія же кликнула извозчика, такъ какъ она уже запоздала къ обѣду, и поѣхала домой, полная противорѣчивыхъ и волнующихъ чувствъ и мыслей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О томъ, что будетъ...

I

Что будетъ послѣ войны? Быть можетъ, скажутъ: гадать безполезно и притомъ преждевременно, такъ какъ будущее зависитъ отъ того, чѣмъ кончится война, кто будетъ побѣдителемъ, какъ перестроится Европа въ географическомъ, политическомъ и иныхъ отношеніяхъ.

Да, конечно, но все же гадается и не уйдешь отъ этихъ гаданій. И потомъ всѣ гадаютъ, и друзья, и враги, и гаданія уже облекаются въ реальную форму,—собираются совѣщанія именно въ цѣляхъ предвидѣнія будущаго, учреждаются коммиссіи, съ цѣлью не столько урегулировать настоящее экономическое положеніе, сколько предусмотрѣть будущее и пойти на встрѣчу этому будущему...

Да, конечно, результаты войны и условія мира опредѣлятъ очень многое, но кое-что въ общихъ контурахъ уже успѣло обозначиться съ достаточной ясностью. За спиной войны, и, пожалуй, для многихъ, всецѣло поглощенныхъ сегодняшнимъ днемъ, за предѣлами сознанія, уже творится будущее,—что-то отмираетъ и отпадаетъ, какъ изжившее себя, ненужное, лишнее, и что-то нарождается, нестойкое и не вполнѣ сложившееся, но неизбѣжное, неуклонное. И, чѣмъ бы война ни кончилась, это новое войдетъ въ жизнь независимо отъ желаній и воли людей, такъ какъ это повелительно диктуется всѣмъ тѣмъ неимовѣрно огромнымъ и новымъ, что вскрылось въ теперешнюю войну и чего въ безконечно большихъ размѣрахъ и еще болѣе повелительно потребуетъ будущая война. Если она будетъ...

Намъ, современникамъ, и нынѣшняя война представляется неимовѣрно огромной и невообразимо страшной. На сколько тысячъ верстъ тянется теперь линія фронта, гдѣ сражаются люди?

И это не просто соприкасающіяся границы воюющихъ государствъ, гдѣ *возможны* сраженія, это фактическій фронтъ, гдѣ, какъ, по крайней мѣрѣ, на самыхъ главныхъ, восточномъ и запад-

томъ, фронтахъ, войска стоятъ плечо къ плечу, непрерывно, день и ночь—сражаясь вотъ уже почти два года. И это не узенькая полоска земли, по которой маневрируютъ, проходятъ войска. Съ теперешними пушками, стрѣляющими на 20 верстъ и больше, съ огромной линіей укрѣпленій, съ резервами и обозами, сложной линіей желѣзнодорожныхъ тыловыхъ линій,—фронтъ на той и другой сторонѣ занимаетъ широкую полосу, гдѣ вся земля изрыта укрѣпленіями, засыпана снарядами, обезлюжена, сдѣлана надолго непригодной для земледѣлія, для использованія человѣкомъ... И не только въ ширину. Газеты сообщаютъ, что подземныя сооруженія для войскъ уходятъ въ землю, случается, на глубину до 10—15 метровъ, то есть на 7 саженъ.

А по морю ходятъ корабли-крѣпости; выстроить и оборудовать каждый изъ нихъ стоитъ не одинъ десятокъ милліоновъ. Носятся со скоростью курьерскихъ поѣздовъ миноносцы и контръ-миноносцы, а подъ водой подводныя лодки, которыя въ минуту могутъ взорвать корабли-крѣпости, а, съ другой стороны, сѣти, что протянуты отъ поверхности до дна, отъ береговъ Англіи до береговъ Франціи, чтобы ловить подводныя лодки. А въ небѣ плаваютъ воздушные корабли, оборудованные пушками и пулеметами, и ведутъ сраженія другъ съ другомъ, и бросаютъ на землю зажигательные снаряды и пудовыя бомбы, чтобы взрывать крѣпости и корабли, вокзалы и поѣзда, города и деревни и убивать женщинъ и дѣтей, что ѣздятъ въ поѣздахъ, живутъ въ городахъ и деревняхъ.

Все новые пріемы войны. Невиданныя пушки, выбрасывающія снаряды въ 42 пуда, пулеметы, всяческихъ сортовъ газы, горячія и горящія жидкости, которыми заливаютъ людей, сидящихъ въ окопахъ...

Сколько милліоновъ солдатъ сражается теперь на протяженіи указанныхъ тысячъ километровъ? Взяты на войну мужчины отъ 19 лѣтъ до 40-45, и въ одной изъ воюющихъ странъ отъ 18 до 50 лѣтъ, а тѣ, которые остались стоять у рабочихъ станковъ, учтены, какъ солдаты въ строю, или работаютъ на войну въ другой области. Гдѣ теперь резервъ, гдѣ старый тылъ? Вся страна тылъ, все непризванное населеніе—резервъ, все оно въ нѣкоторомъ родѣ нестроевая военная часть.

И развѣ внутри воюющихъ государствъ жизнь та же, что и въ прежнія войны? Въ Германіи государство опредѣляетъ потребленіе и производство, помимо принудительнаго обслуживанія военныхъ нуждъ, оно диктуетъ заводчикамъ и промышленникамъ, что можно производить и чего нельзя, купцамъ—чѣмъ можно торговать и чѣмъ нельзя. Въ Англіи государство также регламентируетъ производство и закупило огромныя количества всякаго мяса, муки, сахару, почему многіе торговцы Англіи являются по существу приказчиками государства, а не самостоятельными хозяевами.

Наименѣе подготовлена была къ войнѣ и наименѣе организо-

вана оказалась во время войны Россія, но и ее логика жизни новыя требованія войны неудержимо толкаютъ на путь этой новой государственной организованности. Извѣстно, какъ теперь производится работа въ нѣкоторыхъ производствахъ. Казна доставляетъ на фабрику сырье, положимъ—шерсть, казна даетъ образцы и указываетъ, сколько и какихъ шерстяныхъ матерій должна выработать фабрика—при этомъ она не можетъ работать ничего „неуказаннаго",—и казна расплачивается за сработанные продукты,—расплачивается добрыми русскими цѣнами, весьма неубыточными для владѣльца. И владѣльцу-собственнику въ сущности нечего дѣлать на своей фабрикѣ и вообще въ своемъ дѣлѣ,—искать рынки, оглядываться на конкурентовъ—и онъ могъ бы безъ особаго ущерба уѣхать на Сандвичевы острова, въ Новую Зеландію на все время войны.

Гдѣ же теперь священный институтъ собственности, когда прусскій аграрій, первѣйшая персона прусскаго государства, не можетъ кормить *собственнымъ* картофелемъ *собственныхъ* свиней въ мѣру своего желанія и ихъ, свиней, аппетита? Гдѣ же принципъ конкуренціи и „свободной игры интересовъ"—эта неприкосновенная основа и великій двигатель и регуляторъ экономической жизни цивилизованнаго государства, когда это самое государство является главнымъ купцомъ, вырываетъ у частныхъ людей продукты, назначаетъ таксы, реквизируетъ и пр., и пр.

Измѣнились не только методы, но, такъ сказать, и манеры войны, тѣ подобія рыцарскихъ турнировъ, что оставались въ ней,—взаимныя салютованія и всякіе вѣжливые жесты,—отпали и во всякомъ случаѣ ослабли договоры, уговоры не трогать мирныхъ городовъ и мирныхъ жителей, брать въ плѣнъ и обращаться съ плѣнными, какъ съ рыцарями, впавшими въ несчастіе, или съ мореплавателями, потерпѣвшими кораблекрушеніе, и такъ далѣе. Война стала проще, откровеннѣе и какъ бы полнѣе, ярче осуществляя идею войны, глубже вскрывая ея подлинную, не затушеванную, сущность. Пожалуй, и не только войны, но и вообще международныхъ отношеній. Гдѣ эти договоры, соглашенія, фикціи и иллюзіи права, справедливости и морали, поскольку они касаются международныхъ отношеній? Гдѣ эти фикціи и иллюзіи, которыя по нѣкоему негласному уговору вчера еще выдавались за нѣчто подлинное и дѣйственное?

Есть мнѣніе, что война кончится ни въ чью, что не будетъ ни несомнѣнной побѣды, ни сокрушительнаго пораженія, что люди разойдутся по своимъ угламъ къ status quo ante bellum. И не будетъ крупныхъ перемѣнъ, ни на картѣ Европы, ни въ политической, ни въ экономической области, ни въ моральномъ обликѣ. Пройдутъ страшные, кровавые дни, и вернутся люди подъ свои смоковницы, жить да поживать, да добра наживать, мирно, по-

тихоньку да полегоньку, какъ раньше поживали и наживали, землю обрабатывать, торговать, сукна на свой страхъ и на всякіе вкусы дѣлать, служить, купоны рѣзать и... готовиться къ новой войнѣ. И пролежавшая два года на печи давно хроменькая справедливость нищей старухой снова побредетъ по миру, стучаться подъ окнами и поминать Христово имя...

Такъ-ли это? Вѣрнѣе, все-ли это такъ будетъ? Нѣтъ, не такъ и многое будетъ не такъ, какъ раньше...

II.

Будущее человѣчества,—по крайней мѣрѣ Европы, мыслимо только въ двухъ видахъ—или вѣчнаго мира и немедленнаго разоруженія странъ или непрестаннаго, со дня заключенія мира, приготовленія къ новой, еще болѣе обширной и болѣе страшной войнѣ.

Думать о возможности вѣчнаго мира, о томъ, чего такъ хочется и что многіе допускаютъ, какъ возможное, думать, что теперешняя война будетъ послѣдняя,—значитъ допускать, что измѣнится роль государства, самое понятіе государства и на новыхъ, небывалыхъ въ исторіи міра основаніяхъ и принципахъ сложатся будущія международныя отношенія... И не вѣрится этому,—слишкомъ хорошо это было бы,—тогда всѣ были бы побѣдители и всѣ ликовали бы, — и какъ-то люди не подошли еще къ этой точкѣ. Быть можетъ, война, если она еще затянется и ожесточится, приведетъ къ этому людей, но пока, думается, рано говорить о послѣдней войнѣ.

Есть срединное мнѣніе, что народы испугаются, когда оглянутся на результаты войны, и приложатъ всѣ усилія, чтобы гарантировать, по крайней мѣрѣ, продолжительный миръ и для этого ограничатъ вооруженія и установятъ нѣкоторыя международныя гарантіи, чтобы миръ не могъ быть нарушенъ единичной злой волей и въ ближайшемъ будущемъ. А за время долгаго отдыха мирная эволюція государствъ и народовъ настолько подвинется, что война сдѣлается уже немыслимою и отомретъ изъ жизни, какъ изжившее себя, ненужное, лишнее.

Возможно, что здѣсь есть доля правды и нѣкоторыя изъ этихъ пожеланій-надеждъ сбудутся,—въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, но существа дѣла это не измѣнитъ. Теперешняя война такъ страшна и такъ напугала и еще напугаетъ людей, что уже одинъ призракъ войны заставитъ народы настораживаться и лихорадочно готовиться къ возможности войны. А призракъ, даже, быть можетъ, и не одинъ призракъ, останется, такъ какъ трудно себѣ представить форму, а, главное, прочность и убѣдительность, международныхъ гарантій, которыя бы предохранили и отъ нарушенія мира, и отъ разныхъ формъ подготовки къ войнѣ.

Итакъ, готовиться къ новой войнѣ... Что это значитъ? Къ войнѣ оказались всѣ неподготовленными, и даже столько лѣтъ и больше всѣхъ готовившаяся Германія была вынуждена готовиться во время самой войны, наспѣхъ придумывать новые методы, замѣнять то, чего недоставало, подъ громъ пушекъ перестраивать свою экономическую жизнь и нѣкоторыя гражданскія отношенія. Значитъ, готовиться нужно будетъ и раньше, и тщательнѣе, обширнѣе, такъ какъ будущая война война будетъ настолько огромнѣе и страшнѣе (и прежде всего дороже), что будущіе дѣятели той войны станутъ, быть можетъ, говорить о теперешней войнѣ съ такимъ же пренебреженіемъ, съ такой же снисходительной усмѣшкой, съ какой говорятъ теперь о Наполеоновскихъ войнахъ, въ которыхъ вѣдь тоже участвовала почти вся Европа.

Въ какихъ комбинаціяхъ встанетъ война будущаго, какъ великъ будетъ фронтъ и сколько народу будетъ сражаться на этомъ фронтѣ,—конечно, нельзя предугадать, но техническій прогрессъ несомнѣнно страшно подымется, такъ какъ огромное количество умственной энергіи будетъ направлено на изобрѣтеніе новыхъ методовъ войны и разрушенія. Быть можетъ, явятся пушки и снаряды, размѣръ и разрушительную мощность которыхъ нельзя сейчасъ и вообразить, быть можетъ, подводныя лодки будутъ, какъ дредноуты, или дредноуты будутъ плавать и надъ водой и подъ водой, какъ гидроаэропланы и летаютъ и плаваютъ, а аэропланы будутъ настоящими громадными воздушными кораблями, которые будутъ свободно летать отъ Берлина до Владивостока и засыпать землю бомбами, заливать огненнымъ дождемъ, сметать съ лица земли города и крѣпости и все живущее. И глубоко въ землѣ будутъ крѣпости и лагери, цѣлые города, и будутъ сражаться тамъ въ землѣ другъ съ другомъ невиданными нами новыми способами...

И одно несомнѣнно: втянутая въ войну, страна будетъ *вся* воевать, *всѣ*, способные носить оружіе, будутъ взяты на войну, и не будетъ фантазіей допустить мысль, что женское населеніе въ той или иной формѣ будетъ тоже призвано и учтено. *Всѣ* стороны жизни будутъ подчинены одному — войнѣ и прежде всего хозяйственная жизнь страны...

Съ перваго же дня, на завтра же послѣ заключенія мира...

И прежде всего добывать деньги, искать новыхъ источниковъ, акъ какъ старыхъ будетъ недостаточно. Понадобятся колоссальныя деньги. Нужно будетъ расплачиваться за теперешнюю войну, платить по милліарднымъ займамъ, возстановлять на протяженіи тысячъ верстъ разрушенные города и деревни, раззоренныя хозяйства и промышленныя предпріятія, нужно содержать громадную армію, которую нельзя будетъ просто распустить, — армію больныхъ и всякихъ увѣчныхъ, платить пенсіи сотнямъ тысячъ семействъ, которыя останутся безъ отца, безъ кормильца-работника,

пріютить и воспитать огромное количество дѣтей, коотрыя уже остались и еще останутся круглыми сиротами, безпріютными и безпризорными...

И нужно готовиться тратить деньги на новые пушки и снаряды, на оборудованіе границъ надземными и подземными крѣпостями, на дредноуты и подводные корабли, на воздушные корабли, на газы и противогазы и пр., и пр.

Откуда взять денегъ на всѣ эти нужды? Разсчитывать на старыя, обычныя, даже повышенныя, поступленія нельзя.

И косвенные налоги, и подоходный налогъ, и налогъ на наслѣдства, на незаработанную прибыль, на военную прибыль, разные виды военнаго, налога,—все это растяжимо до извѣстной степени и всего этого едва-ли хватитъ на указанныя потребности. Много говорятъ теперь о развитіи производительныхъ силъ въ странѣ, объ интенсификаціи промышленной жизни,—но сразу это не дѣлается и не на другой день являются плоды.

Для западно-европейскихъ странъ съ ихъ устойчивой, давно и крѣпко налаженной, гражданской жизнью, съ ихъ великими всякими „сбереженіями", съ огромнымъ опытомъ и превосходно организованнымъ кредитомъ, съ ихъ высокимъ техническимъ уровнемъ,—эта задача, быть можетъ, не такъ еще трудна, но такимъ отсталымъ въ гражданскомъ и промышленномъ отношеніи странамъ, какъ Россія, предстоятъ великія испытанія, и указанная задача явится чрезвычайно трудной. И, напримѣръ, подоходный налогъ, такой огромный, трудно истощимый рессурсъ въ Англіи,—въ Россіи, столь богатой бѣдными гражданами, этотъ, только-что утвержденный, налогъ, являясь крупнымъ соціально-психологическимъ фактомъ, окажется ничтожнымъ предъ огромностью предстоящихъ финансовыхъ задачъ.

И даже развитіе производительныхъ силъ, о чемъ больше всего говорятъ въ Россіи и на что возлагается особенно много надеждъ, очень не скоро можетъ явиться такимъ источникомъ удовлетворенія финансовыхъ нуждъ страны, не смотря на то, что эти силы именно въ Россіи наиболѣе обѣщаютъ и наименѣе использованы. Изъ практики другихъ странъ явствуетъ, что эти производительныя силы просыпаются и расцвѣтаютъ явочнымъ порядкомъ, а не по нарядамъ и благословенію участка, что онѣ не терпятъ ни препонъ, ни стекляннаго колпака, обереганія и поощренія, что онѣ требуютъ широкихъ, никого не стѣсняющихъ, гражданскихъ нормъ, развитія просвѣщенія, низшаго, средняго и высшаго, образованія общаго и профессіональнаго, образованныхъ и умѣлыхъ инженеровъ, химиковъ, механиковъ, геологовъ, агрономовъ, всякаго рода техниковъ, квалифицированныхъ, спеціально подготовленныхъ, рабочихъ и многаго другого, что нужно еще добывать и вводить въ жизнь и добываніе чего представляетъ само по себѣ большія трудности. И всякаго рода техническіе люди, и универ-

ситеты, и техническія высшія школы, и профессіональныя училища, и всякія лабораторіи, научныя станціи и институты не сразу являются, и оборудованіе всѣмъ этимъ Россіи потребуетъ долговременнаго и крупнаго расходованія опять-таки денегъ, пока „производительныя силы" сами станутъ обильнымъ источникомъ средствъ.

Придется искать другихъ источниковъ. Искать, конечно, тамъ, гдѣ ихъ легче всего найти, откуда отдѣльныя группы лицъ уже добываютъ крупныя средства. Создавать монополію, монополизировать предпріятія, и теперь уже широкія, объемлющія цѣлыя отрасли промышленности,—и далеко проведенная линія синдицированія нѣкоторыхъ изъ нихъ только поможетъ и облегчитъ дѣло перехода этихъ предпріятій въ руки государства, — такихъ, какъ желѣзнодорожное дѣло, всякіе виды страхового дѣла, сахарныя, чайныя, спичечныя, табачныя монополіи, быть можетъ, въ той или иной формѣ наложить государственную руку на добычу нефти, каменнаго угля, на нѣдра вообще.

Возможно, что государство въ той или иной формѣ наложитъ руку на нѣкоторые посредническіе доходы, извлекать которые государству будетъ, конечно, не труднѣе, чѣмъ банкамъ, такъ широко развившимъ свои посредническія операціи.

Есть основаніе думать, что однимъ изъ первыхъ новыхъ фактовъ жизни послѣ войны будетъ болѣе широкое и болѣе энергичное вмѣшательство государства въ промышленную жизнь, въ сферу частныхъ интересовъ, — огосударствленіе нѣкоторыхъ областей хозяйственной жизни страны. И дѣло здѣсь не только въ поискахъ новыхъ источниковъ финансовыхъ средствъ,—къ тому же будетъ толкать государство необходимость пересмотра и перестройки всей хозяйственной жизни страны въ смыслѣ приспособленія ея къ нуждамъ будущаго, которое повелительно диктуется всей практикой, всѣми, уже обозначившимся, итогами нынѣшней войны.

Если желѣзныя дороги—по существу въ не меньшей мѣрѣ общее дѣло, государственное предпріятіе, чѣмъ почта и телеграфъ, печатаніе монетныхъ знаковъ и пр. — являлись и въ мирное время абсурдомъ, какъ частное предпріятіе, собственность частныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои, и только свои, частные или областные, интересы, — то въ военное время и въ подготовительное къ войнѣ время такое положеніе является противогосударственнымъ, опаснымъ для страны дѣломъ и терпимо быть не можетъ. Все, начиная съ обслуживанія границъ и заблаговременнаго осуществленія плана будущей войны и кончая планомѣрнымъ обслуживаніемъ тыла страны, вплоть до споспѣшествованія пробужденію производительныхъ силъ въ странѣ,—потребуетъ отъ государства изъятія желѣзнодорожнаго дѣла изъ частныхъ рукъ, огосударствленія его.

Повидимому, и первые успѣхи на войнѣ Германіи и ея упорное сопротивленіе огромной коалиціи, помимо многихъ другихъ причинъ, и въ томъ числѣ высокаго технического уровня,—обязаны тому, что государство давно уже взяло въ свои руки нѣкоторыя частныя желѣзнодорожныя предпріятія и въ своемъ желѣзнодорожномъ строительствѣ и оборудованіи заранѣе учло всякія возможности и подготовило ту невѣроятную способность въ минимальное время перебрасывать куда угодно огромныя части войскъ, артиллеріи, припасовъ и проч., которая удивляла и удивляетъ ея противниковъ.

Въ значительной мѣрѣ тѣ же соображенія государственной необходимости встанутъ въ вопросѣ о монополизированіи нѣкоторыхъ другихъ областей хозяйственной жизни страны, изъятія ихъ изъ частныхъ рукъ.

Та анархія, которая, гдѣ больше, гдѣ меньше, вскрылась съ начала войны въ вопросѣ дороговизны и снабженія населенія предметами первой необходимости—хлѣбомъ, мясомъ, сахаромъ, всякими видами топлива,—не можетъ быть терпима государствомъ Если и въ мирное время у насъ, въ Россіи, цѣны на сахаръ, желѣзо, уголь и на многое другое являлись какой-то трудно объяснимой и ничѣмъ на оправдываемой преміей за добродѣтель кучкамъ промышленниковъ, то вакханалія цѣнъ на эти предметы и получаемыхъ на нихъ прибылей въ военное время является государственной угрозой, такъ какъ ослабляетъ питаніе низшихъ слоевъ населенія городовъ, волнуетъ жителей, понижаетъ сопротивляемость во время войны. И между прочимъ сводитъ на нѣтъ государственную и всякую иную денежную помощь многимъ семьямъ ушедшихъ на войну гражданъ, такъ какъ при наличныхъ условіяхъ эта помощь является перекачиваніемъ денегъ отъ казны, муниципалитетовъ и частныхъ лицъ въ карманы предпринимателей и промышленниковъ.

И пора бы перестать винить въ этой анархіи и вакханаліи только разстройство желѣзнодорожнаго транспорта, какъ дѣлаетъ большая часть общества, или только спекуляцію, какъ стремится убѣдить кого-то правительство, и понять, что это только слагаемыя, пусть крупныя слагаемыя, — въ общей суммѣ условій, изъ которыхъ выростаетъ дезорганизація и анархія.

Въ высокой степени характерно, что та же анархія и вакханалія цѣнъ проявлялась во всѣхъ воюющихъ странахъ, пока государство не вмѣшивалось. И объ алчности и хищничествѣ и о безумныхъ прибыляхъ промышленниковъ идутъ согласныя извѣстія изъ всѣхъ странъ, независимо отъ степени ихъ культурности и различій въ государственной конструкціи.

И всегда такъ было. Исторія всѣхъ послѣднихъ войнъ говоритъ всегда о спекулятивномъ ростѣ цѣнъ, о недовольствѣ, иногда и бунтахъ, населенія и біографіи многихъ и многихъ крупныхъ дѣя-

телей промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій въ первой главѣ заключаютъ: основаніе капиталу и предпріятію или быстрому росту его положила такая-то война, такое-то участіе въ ней создателя фирмы...

Дѣло, слѣдовательно, не въ одной злой волѣ отдѣльныхъ лицъ или группъ лицъ, не только въ алчности, хищничествѣ, въ отсутствіи подлиннаго патріотизма, а въ чемъ-то болѣе широкомъ, общемъ всѣмъ странамъ, присущемъ даннымъ условіямъ производства и распредѣленія продуктовъ въ странѣ. Это общее и широкое — отсутствіе организованности, анархическое начало, коренящееся въ самыхъ основахъ капиталистической промышленности, — это именно „свободная игра интересовъ“, какъ основа промышленной жизни и какъ всякая игра, — игра съ игрецкимъ азартомъ, съ игрецкими пріемами и... съ малою обоснованностью и планомѣрностью, какъ во всякой „игрѣ“.

Да, есть и злая воля, и алчность, и хищничество, и богатому человѣку такъ же трудно войти въ царство небесное, какъ и проявить патріотизмъ въ мѣру его богатства. Но есть нѣчто, дѣлающее эту алчность, это стремленіе на войнѣ и нѣкоторомъ ограбленіи своихъ согражданъ нажить наибольшія деньги, до извѣстной степени обязательными. Когда бѣгутъ другіе, бѣги и ты, рвутъ сосѣди безумныя цѣны, рви и ты, —иначе отстанешь, очутишься въ хвостѣ,—и, когда война кончится, мѣсто, которое ты занималъ въ данной промышленности, будетъ занято твоимъ сосѣдомъ-конкурентомъ, болѣе алчнымъ, болѣе умѣлымъ или болѣе азартнымъ игрокомъ.

И предъ государствомъ, умѣющимъ далеко смотрѣть въ будущее, ставящимъ предъ собою точныя цѣли и выбирающимъ наиболѣе подходящія средства, встанетъ повелительная задача вмѣшаться въ свободную игру интересовъ, организовать и упорядочить то, что не организовано, хаотично и анархично.

И опять-таки примѣръ Германіи, очутившейся въ положеніи осажденной крѣпости и тѣмъ не менѣе справившейся и съ плохимъ урожаемъ, и съ недостаткомъ сырья и вообще цѣлаго ряда продуктовъ, и при этихъ условіяхъ два года ведущей войну на два фронта,—лучше всего показываетъ, какое огромное значеніе имѣетъ вмѣшательство государства и внесеніе имъ организованности во всю хозяйственную жизнь страны.

Къ указанной дезорганизаціи, къ свободной отъ всякаго общественнаго контроля безумной азартной игрѣ интересовъ производителей присоединяется игра посредниковъ, и въ результатѣ то, что не добрано производителями, добирается изъ кармана населенія посредниками-купцами.

Государство не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ

и опять-таки, уже не изъ финансовыхъ соображенiй, должно будетъ вмѣшаться и начать борьбу съ посредничествомъ, внести организованность въ эту огромной важности сторону хозяйственной жизни страны. И въ частности—въ той или иной формѣ положить свою руку на дѣятельность банковъ, посредническая роль которыхъ такъ страшно выросла въ послѣднее время.

Итакъ, внесенiе организованности, огосударствленiе нѣкоторыхъ сферъ хозяйственной жизни страны должно явиться неизбѣжнымъ результатомъ нынѣшней войны.

III.

Условiя этой войны въ томъ же направленiи будутъ влiять и на мѣстныя самоуправленiя и на общественные круги въ широкомъ смыслѣ. Не совпадая съ государственными задачами, объемля собой мѣстныя нужды, органы самоуправленiя и всякаго рода общественные коллективы тѣмъ не менѣе будутъ логически приведены къ тому-же—къ необходимости широкой организованности и къ расширенiю и углубленiю своей компетенцiи. Въ особенности въ странахъ огромной территорiи, великаго разнообразiя племенного состава и всякихъ бытовыхъ условiй, гдѣ уже въ силу одного этого государственная машина слишкомъ громоздка и недостаточно гибка, чтобы заполнить страну одной государственной организованностью. И если новая организованность государства выразится въ огосударствленiи, то мѣстное самоуправленiе приведено будетъ къ необходимости муниципализацiи, обобществленiя нѣкоторыхъ отраслей хозяйственной жизни, входящихъ въ сферу дѣятельности мѣстныхъ самоуправленiй.

Имъ, земствамъ и городамъ, также придется изыскивать новые источники доходовъ. На нихъ несомнѣнно ляжетъ доля государственныхъ задачъ; забота о больныхъ и увѣчныхъ воинахъ, устройство сиротъ, пенсiи семьямъ своихъ служащихъ, погибшихъ на войнѣ, возстановленiе запущеннаго за время войны хозяйства лягутъ на плечи земствъ и городовъ и долго еще будутъ обременять ихъ бюджетъ.

А напрягать значительно обычные источники доходовъ нельзя будетъ. Пусть справедливое будетъ обложенiе и будетъ обложено то, что теперь ускользаетъ отъ обложенiя, но земство приметъ послѣ войны запущенныя хозяйства, недосѣянныя поля, хуже обычнаго обработанныя земли, убыль и недостачу живаго и мертваго инвентаря и настоящее разоренiе отдѣльныхъ хозяйствъ,—не увеличивать обложенiе придется земству, а изыскивать средства, чтобы придти на помощь и поднять упавшее и наклонившееся.

И земству, и городамъ придется обратиться къ тому же источнику, какъ и государству,—къ обобществленiю многаго, что сей-

часъ остается въ вѣдѣніи частной инициативы, къ предпринимательской и посреднической дѣятельности.

Если и въ мирное время города въ западной Европѣ давно уже вступили на путь широкой муниципализаціи различныхъ отраслей хозяйственной жизни городовъ (трамваи, телефоны, освѣщеніе, городской кредитъ, постройка жилищъ для бѣдныхъ, обслуживаніе всякихъ нуждъ все ростущаго контигента городскихъ служащихъ и рабочихъ), если даже и русскіе, во многихъ отношеніяхъ отсталые города съ узко - цензовымъ составомъ, съ ограниченной, суженной областью компетенціи, хотя и робкими неувѣренными шагами, но шли въ послѣднее время въ томъ же направленіи, то во время войны логикой жизни наши города должны были взять на себя нѣкоторыя посредническія функціи, организацію заготовки топлива, устройство городскихъ лавокъ и хлѣбопекаренъ и проч.

Земства еще ранѣе городовъ вступили на этотъ путь многообразнаго обслуживанія нуждъ населенія (организація страхового дѣла, закупки кровельнаго желѣза, сельско-хозяйственныхъ машинъ, сѣмянъ и пр.) и за послѣднее время, даже еще до войны, проявляли тенденціи къ расширенію и углубленію своей дѣятельности. Что дѣлали и дѣлаютъ земскій и городской союзы во время теперешней войны, какъ велика, помимо обслуживанія больныхъ и раненыхъ, ихъ предпринимательская и посредническая роль,— видно всякому.

И, какъ въ вопросѣ о государствѣ, этого потребуютъ не одни финансовыя соображенія, а все то, что вскрыла теперешняя война. И люди центра, и люди дальнихъ окраинъ убѣдились, что они останутся безъ дровъ и угля, безъ мяса и муки, безъ обуви и одежды, безъ хозяйственнаго живого инвентаря, съ недосѣянными полями, если не организуются внутри себя, не учтутъ и не распредѣлятъ планомѣрно свои запасы, если не введутъ порядка вмѣсто анархіи, не возьмутъ въ свои руки изъ рукъ посредниковъ дѣло доставки и распредѣленія потребныхъ жизненныхъ продуктовъ.

Мы видѣли, какъ война на нашихъ глазахъ собирала людей, стягивала къ себѣ кооперативы и всякіе коллективы, какъ сбивала въ кучу распыленныхъ людей, организовывала ихъ въ союзы, свертывала въ круги, какъ постепенно все меньше и меньше оставалось въ городахъ и деревняхъ отдѣльныхъ, непричастныхъ, несобранныхъ людей.

Собранность и организованность — есть то, что ярче всего сказалось за теперешнюю войну, собранность и организованность будутъ и лозунгами ближайшаго будущаго. Организованность и въ ширину, и въ глубину.

Какъ государственная организованность въ силу страшно выросшихъ задачъ должна идти не только по линіямъ государственности, но и по линіямъ общественности, такъ и общественная

организованность для достиженія своихъ неимовѣрно усложнившихся задачъ должна развертываться на всю страну, а съ другой стороны проникать глубоко въ толщу населенія, захватывать не отдѣльные слои гражданъ, а все населеніе, использовать всѣ силы, имѣющіяся въ наличности, такъ какъ исполненіе указанныхъ огромныхъ и сложныхъ задачъ возможно только при демократизаціи общественности, при использованіи всѣхъ живыхъ силъ страны.

Вотъ было сказано: „побѣдитъ тотъ, у кого окажутся крѣпче нервы". Какъ и большинство подобныхъ, обрубныхъ, умно-глупыхъ фразъ, и эта содержитъ долю истины. Да, правда, что побѣдитъ тотъ, у кого крѣпче нервы, правда, что для побѣды необходимо развитіе техническихъ силъ и матеріальныхъ средствъ страны, какъ и многое другое, напримѣръ, гражданское благоустройство, убѣжденіе — правильное или неправильное — народа въ правотѣ своего дѣла, но, думаю, наибольшая правда—побѣдитъ тотъ народъ, кто шире, полнѣе собранъ и разумнѣе, крѣпче и глубже сорганизованъ. Я не думаю, что „собранность" и „организованность" потребны только для войны, но война особенно повелительно требуетъ этой собранности и организованности.

Я понимаю, какъ неудобно изолировать одну сторону жизни отъ многихъ, ей сопутствующихъ и ее осложняющихъ, и знаю, что въ предвидѣніи будущаго нужно было бы коснуться многаго,— будущей эволюціи государственности и гражданственности, судьбы тѣхъ многочисленныхъ вопросовъ, внутреннихъ и международныхъ, которые давно стояли предъ государствами Европы и, нужно думать, будутъ такъ или иначе рѣшены нынѣшней войной. Но это вывело бы меня далеко за предѣлы настоящей статьи.

С. Елпатьевскій.

„Средняя Европа".

I.

„Война не была начата—жаловался недавно извѣстный Фридрихъ Науманъ—во имя осуществленія какой-либо одной опредѣленной цѣли. Поэтому войнѣ не хватало внутренно-объединяющей идеи, а всѣмъ монархическимъ и министерскимъ выступленіямъ по поводу нея—цѣльнаго, програмнаго характера. Не было единаго пароля, заставлявшаго биться сильнѣе сердца всѣхъ воиновъ отъ Апенраде до Фіуме" [1]). Война же безъ популярнаго знамени, война безъ властно-зовущихъ созидательныхъ задачъ естественно не

[1]) F. Naumann. „Mitteleuropa"; Berlin, 1915, стр. 9.

могла вызвать въ широкихъ слояхъ націи истиннаго энтузіазма и превратить для нихъ подневольное убійство себѣ подобныхъ въ мощное проявленіе исторически-творческаго вдохновенія.

Науманъ въ своей жалобѣ несомнѣнно правъ. Онъ имѣетъ въ виду ближайшимъ образомъ Германію. Но его замѣчаніе приложимо къ обоимъ лагерямъ. Нынѣшняя война, въ противоположность, напр., войнамъ первой французской революціи или даже позднѣйшимъ войнамъ за итальянское и германское объединеніе, не выдвинула вначалѣ ни одного *новаго* великаго лозунга, который увлекалъ бы умы человѣчества. Когда полководцы конвента отбивали натискъ европейской коалиціи, они защищали только-что родившуюся французскую демократію отъ темныхъ силъ реакціи, они стремились принести свѣтъ этой демократіи и другимъ народамъ. „Свобода, равенство и братство“ былъ, несомнѣнно, новый великій лозунгъ. И его реализація означала собой огромный шагъ впередъ по пути міроваго развитія. Когда Кавуръ велъ войну съ австрійцами, а Бисмаркъ выигрывалъ битвы подъ Кёниггрецомъ и Седаномъ,—оба они тоже творили что-то новое и большое, и оба пристально вглядывались впередъ. Изъ разсыпанныхъ осколковъ націи они создавали единое отечество, изъ разрозненныхъ городовъ и провинцій они строили современное крупное государство. Это было уже гораздо меньше, чѣмъ заданія французскихъ революціонныхъ войнъ, но все-таки и здѣсь были еще и великій лозунгъ, и ярко горящій впереди идеалъ. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ силы историческаго прогресса *наступали*, онѣ завоевывали новыя позиціи, онѣ осуществляли или, по крайней мѣрѣ, стремились осуществлять новыя широкія задачи.

Въ настоящее время мы видимъ совсѣмъ иную картину.

Въ сущности единственная попытка со стороны германскихъ правящихъ круговъ накинуть какой-либо „благородно-идеалистическій“ планъ на нынѣшнюю войну была сдѣлана въ самомъ началѣ, когда былъ пущенъ въ обращеніе пароль: „война противъ русскаго абсолютизма, война за освобожденіе русскаго народа отъ ига политической реакціи“. Однако планъ этотъ былъ сшитъ настолько грубо и такъ мало шелъ къ лицу Вильгельму II, что очень скоро отъ него не осталось даже лоскутковъ. Тогда выдвинуты были другіе, оказавшіеся несравненно болѣе устойчивыми, лозунги: „оборона отечества“ и „охрана свободнаго развитія нѣмецкаго народнаго хозяйства“. Это были уже гораздо менѣе возвышенныя, гораздо болѣе прозаическія заданія, сильно гипнотизирующія еще понынѣ сознаніе широкихъ круговъ германскаго населенія. Однако и они скоро перестали давать полное удовлетвореніе. Они вѣдь тоже были не наступательнаго, а оборонительнаго характера. Они вѣдь тоже не намѣчали никакой опредѣленной великой цѣли впереди. И, какъ только военное счастье улыбнулось нѣмецкому оружію, нація не могла не почувствовать, что выставленные лозунги

фактически уже реализованы или почти реализованы. Но тогда естественно рождался вопросъ: во имя чего же продолжать войну?

Съ весны прошлаго года мы замѣчаемъ усиленную дѣятельность въ рядахъ идеологовъ правящей Германіи, пытающихся хотя бы теперь, хотя бы заднимъ числомъ, заштопать внезапно обнаружившуюся прорѣху и найти такой яркій пароль, воздвигнуть въ отдаленіи такую властно-притягательную цѣль, которая оправдывала бы дальнѣйшія жертвы кровью и деньгами и, по формулировкѣ Наумана, заставляла бы „биться сильнѣе сердца всѣхъ воиновъ отъ Апенраде до Фіуме". Дѣятельность эта оказалась не совсѣмъ безплодной, и къ эпохѣ второй зимней кампаніи новый, широко подхваченный прессой, политическими и торгово-промышленными кругами, лозунгъ всталъ во всеоружіи аргументовъ логики и чувства предъ сознаніемъ германскаго народа. Этотъ лозунгъ кратко формулировался терминомъ: „Mitteleuropa". Онъ былъ первой попыткой обосновать нынѣшнюю войну большой „творческой" идеей, которая въ случаѣ своей реализаціи имѣла бы громадныя политическія и экономическія послѣдствія. Едва-ли нужно при такихъ условіяхъ особо подчеркивать, что проблема „Средней Европы" заслуживаетъ самаго внимательнаго къ себѣ отношенія.

II.

Идея „Средней Европы" не явилась, какъ deus ex machina, изъ головы нѣсколькихъ писателей во время нынѣшней войны. Эта идея имѣетъ свою исторію. Втеченіе минувшихъ 30—35 лѣтъ она неоднократно выплывала на поверхность общественной жизни Германіи и находила себѣ горячихъ сторонниковъ какъ среди практиковъ, такъ и среди людей теоріи. Еще Бисмаркъ, заключая въ 1879 г. военно-политическій союзъ съ Австро-Венгріей, находилъ, что экономическое объединеніе обѣихъ имперій являлось бы весьма желательнымъ, хотя въ тотъ моментъ оно и представлялось ему неосуществимымъ. Въ дальнѣйшемъ эта проблема продолжала занимать умы видныхъ политиковъ, экономистовъ, ученыхъ обществъ и промышленныхъ организацій, какъ въ имперіи Габсбурговъ, такъ и въ имперіи Гогенцоллерновъ. Особенно ярыми пропагандистами хозяйственнаго сближенія обѣихъ монархій выступили въ Германіи проф. Юліусъ Вольфъ, въ Австро-Венгріи — проф. Евгеній Филипповичъ. Ихъ неустанная агитаціонная дѣятельность, ихъ тщательная разработка всѣхъ связанныхъ съ созданіемъ „Средней Европы" экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ, несомнѣнно, въ сильной степени подготовили почву для воспріятія даннаго лозунга широкими кругами населенія. Въ 1904 г. проф. Юліусу Вольфу удалось основать „Mitteleuropäischer Wirtschaftsverein" съ отдѣленіями въ Германіи, Австріи, Венгріи

(позднѣе въ Бельгіи). Задачи этой организаціи явствуютъ изъ слѣдующихъ словъ параграфа 1 ея устава:

„Среднеевропейскій экономическій союзъ, рѣшительно отклоняя преслѣдованіе какихъ бы то ни было политическихъ цѣлей, стремится привлечь вниманіе общества и правительствъ къ такимъ проблемамъ народно-хозяйственной жизни, по отношенію къ которымъ среднеевропейскія государства имѣютъ не противорѣчивые, взаимно согласованные, интересы. При этомъ какъ право экономическаго суверенитета отдѣльныхъ государствъ, такъ и вся область политики остаются незатронутыми. Точно также союзъ никоимъ образомъ не желаетъ препятствовать выявленію и защитѣ различныхъ интересовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется налицо ихъ несомнѣнное противорѣчіе“ [1]).

Въ виду этого „Wirtschaftsverein“ отказывался въ тотъ моментъ, какъ отъ „утопической“, отъ идеи полнаго таможеннаго единенія (Zollunion) между Германіей и Австро-Венгріей и допускалъ лишь стремленіе къ таможенному соглашенію (Zollallianz). Въ качествѣ мѣръ, ведущихъ въ этомъ направленіи, онъ рекомендовалъ постепенное увеличеніе взаимныхъ таможенныхъ льготъ, унификацію торговаго и экономическаго законодательства (вексельнаго права, статистики, транспорта, пограничной службы и т. д.), совмѣстное представительство интересовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ между отдѣльными среднеевропейскими государствами не существуетъ конкуренціи, установленіе третейскихъ судовъ для разрѣшенія столкновеній въ таможенной области и т. д.

Втеченіе послѣдующихъ лѣтъ „Mitteleuropäischer Wirtschaftsverein“ сумѣлъ привлечь въ свои ряды виднѣйшихъ представителей торговли, промышленности и государственнаго управленія въ Германіи, Австріи и Венгріи, устроилъ рядъ интересныхъ съѣздовъ своихъ представителей (въ Вѣнѣ, 1906 г., въ Берлинѣ, 1909, въ Брюсселѣ, 1912, въ Будапештѣ, 1914), добился нѣкоторыхъ таможенно-почтовыхъ облегченій въ сношеніяхъ между среднеевропейскими державами и началъ мало-по-малу превращаться въ серьезный факторъ экономическихъ отношеній центральной Европы. Любопытно отмѣтить, что въ глазахъ проф. Ю. Вольфа и его сторонниковъ идея „Средней Европы“ въ тотъ періодъ была обращена своимъ остріемъ противъ Америки: экономическое объединеніе Германіи и Австро-Венгріи (а въ дальнѣйшемъ еще Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи, Балканскихъ государствъ и, можетъ быть, Италіи и Франціи) разсматривалось, какъ мѣра борьбы противъ становящейся все болѣе грозной конкуренціи Соединенныхъ Штатовъ.

---

[1]) D-r Julius Wolf, „Materialien betreffend den Mitteleuropäischen Wirtschaftsverein“; Berlin, 1904, стр. 108.

Такъ обстояло дѣло до войны. Но вотъ пришла военно-политическая катастрофа. По горамъ и равнинамъ Европы раздался грохотъ артиллерійской канонады. Міръ закипѣлъ въ еще небываломъ водоворотѣ. Граница между реальностью и фантазіей начала стираться почти до полнаго исчезновенія. И какъ разъ теперь, въ эту безпримѣрную по грандіозности историческую эпоху, идея экономически объединенной „Средней Европы", правда, въ нѣсколько иной постановкѣ и съ нѣсколько иными цѣлями, внезапно покинула тихіе кабинеты ученыхъ и политиковъ и превратилась въ боевой лозунгъ дня. О ней писали, о ней говорили, по ея поводу шли пренія въ представительныхъ учрежденіяхъ. Создалась цѣлая литература—газетная, журнальная, книжная, посвященная данной проблемѣ [1]). Выросъ рядъ организацій, поставившихъ своей задачей пропаганду и подготовку осуществленія заманчивой цѣли. Предъ правительствами и народами ряда государствъ во весь ростъ былъ выдвинутъ вопросъ величайшаго экономическаго и политическаго значенія. Идея „Средней Европы" была, несомнѣнно, шагомъ назадъ по сравненію съ идеей міровой колоніальной имперіи, которая владѣла сознаніемъ правящей Германіи въ первыя недѣли войны до исхода битвы на Марнѣ. Увлеченіе „Средней Европой" явилось рефлексомъ политической мысли на первую крупную стратегическую неудачу тевтонской монархіи, показавшую, что на завоеваніе дѣйствительно мірового царства у нея не хватитъ силъ. Пришлось нѣсколько сжаться и умѣрить свои аппетиты. Міровое царство было замѣнено „Средней Европой".

И, когда мы въ настоящее время подходимъ къ разсмотрѣнію данныхъ проектовъ, прежде всего возникаетъ вопросъ: что подразумѣвается подъ терминомъ „Средняя Европа" сейчасъ, въ нынѣшней постановкѣ старой проблемы? Терминъ этотъ за короткій періодъ войны въ зависимости отъ успѣховъ австро-германскаго оружія не разъ уже мѣнялъ свои географическіе контуры и отчасти даже свое внутреннее содержаніе. Первоначально подъ „Средней Европой" понимались только Германія и Австро-Венгрія, которыя, создавъ такъ называемое „Wirtschaftsgemeinschaft" (экономическое объединеніе), должны были бы превратиться въ могущественный центръ притяженія для всѣхъ окружающихъ ихъ небольшихъ странъ и государствъ.

---

[1]) Изъ болѣе крупныхъ произведеній подобнаго рода можно упомянуть слѣдующія: E. v. Philippovich, „Ein Wirtschafts-u. Zollverband zwischen Deutschland und Osterreich-Ungarn"; 1915, Leipzig.—H. I. Losch, „Der mitteleuropäische Wirtschaftsblock und das Schicksal Belgiens"; 1915, Leipzig.—M. Apt, „Der Krieg und die Weltmachstellung Deutschlands"; 1915, Leipzig.—K. Diehl, „Zur Frage eines Zollbündnisses zwischen Deutschland u. Osterreich-Ungarn"; 1915, Jena.—F. Naumann, „Mitteleuropa"; 1915, Berlin.—K. Kautsky, „Die Vereinigten Staaten von Mitteleuropas"; 1916, Stuttgart.—Ed. Palyi, „Deutschland und Ungarn"; 1915, Leipzig, и др

Самымъ же раціональнымъ способомъ этого экономическаго объединенія считалось заключеніе таможеннаго союза между обѣими тевтонскими монархіями. Именно эти проекты разрабатывались зимой 1914-15 г., именно о нихъ писали и ихъ имѣли въ виду Филипповичъ, Лошъ, Диль, Келлеръ, Ю. Вольфъ и др. партизаны заманчивой идеи. Позднѣе, когда разыгрались извѣстныя событія на Балканахъ и открылся прямой путь Берлинъ—Константинополь, понятіе „Средней Европы" значительно расширилось и стало включать въ себя, кромѣ Германіи и Австро-Венгріи, еще Болгарію и Турцію. Наконецъ, на случай дальнѣйшихъ военныхъ успѣховъ у нѣмецкихъ имперіалистовъ имѣется еще третій варіантъ „Средней Европы", покрывающей собой, помимо уже перечисленныхъ выше государствъ, Грецію, Румынію, Швейцарію, Голландію, Данію, Швецію и Норвегію. Бельгія, если она будетъ эвакуирована и Польша, если она получитъ какую-либо политическую независимость, о чемъ сейчасъ идетъ много разговоровъ въ Германіи, должны также стать непремѣнными членами громадной экономической концентраціи.

Находятся отдѣльные публицисты, которые не удовлетворяются даже и указаннымъ. Такъ, напр., извѣстный пангерманистъ д-ръ А. Риттеръ полагаетъ, что къ „Средней Европѣ", такъ сказать „органически", принадлежатъ еще сѣверо-востокъ Франціи, Венеціанская область, Закавказье, западная Персія, Египетъ, Суданъ, восточная Африка, центральная Африка, Конго и все пространство вплоть до Нѣмецкой Юго-западной Африки *). Аппетитъ у д-ра Риттера большой, даже гигантскій. И, конечно, въ серьезъ его карта „Средней Европы" едва-ли кѣмъ принимается: фантазеры и мечтатели встрѣчаются вездѣ. Какъ видимъ, „Средняя Европа" имѣетъ свои минимальныя и свои максимальныя границы. И, поскольку можно судить по устнымъ и печатнымъ выступленіямъ нѣмецкихъ имперіалистовъ, сейчасъ они считаются въ своихъ построеніяхъ съ среднимъ варіантомъ (т. е. Германія, Австро-Венгрія, Турція и Болгарія), имѣющимъ, по ихъ мнѣнію, больше всего шансовъ на осуществленіе. Присмотримся и мы нѣсколько ближе къ этому проекту „Средней Европы".

III.

Что заставляетъ правящую Германію прилагать усилія къ созданію подобной концентраціи? Каковы выгоды, приносимыя ими, по крайней мѣрѣ, обѣщаемыя ею монархіи Гогенцоллерновъ? Мотивы, лежащіе въ основѣ устремленій нѣмецкаго имперіализма въ сторону „Средней Европы", двоякаго рода: экономи-

*) Dr. A. Ritter (Wulterstetten), „Der organische Aufbau Europas" Berlin, 1916.

ческіе и политическіе. Тѣ и другіе тѣсно переплетены между собой. Но въ интересахъ большаго удобства изложенія я буду разсматривать ихъ отдѣльно.

Если не обманываютъ многочисленные признаки, однимъ изъ непосредственныхъ результатовъ нынѣшней войны будетъ значительное усиленіе во всѣхъ крупныхъ государствахъ тенденціи къ такъ называемой экономической „аутаркіи" (самодовлѣемости). Въ теченіе минувшаго полувѣка мы жили въ обстановкѣ быстро развивающагося міроваго хозяйства. Между отдѣльными странами, провинціями и городами создавалось извѣстное раздѣленіе труда въ соотвѣтствіи съ ихъ почвенными, климатическими, племенными, соціальными и всякими другими условіями. Господствующій въ современномъ обществѣ принципъ конкуренціи стихійно велъ къ тому, что каждая область все больше вынуждалась къ производству именно тѣхъ продуктовъ, которые въ ея предѣлахъ могли быть изготовляемы легче и дешевле, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Бывали примѣры, когда различныя государства или территоріи становились фактически почти монополистами въ дѣлѣ снабженія человѣчества тѣми или иными предметами потребленія. Таковыми являлись, напр., Бразилія въ сферѣ производства кофе или Германія въ сферѣ производства анилиновыхъ красокъ. Въ менѣе яркой формѣ аналогичные факты наблюдались и въ другихъ странахъ и по отношенію къ другимъ продуктамъ. И, конечно, съ чисто экономической точки зрѣнія подобную „специализацію" мѣстностей и народовъ можно было только привѣтствовать, ибо это означало, что каждый продуктъ производится въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ и съ наименьшей затратой человѣческой энергіи. Но это означало также съ другой стороны, что взаимная зависимость націй и государствъ постепенно возростаетъ и что всѣ они мало-по-малу превращаются въ членовъ одного огромнаго хозяйственнаго цѣлаго, неспособныхъ къ изолированному существованію. Такова была общая линія развитія (конечно, не вездѣ еще и не въ полной мѣрѣ проявившаяся). Такова была та „матеріалистическая" база, на которой нѣкоторыя теченія соціалистической мысли основывали свои ожиданія общечеловѣческаго братства.

Едва-ли можно сомнѣваться, что эта общая линія развитія въ конечномъ счетѣ не будетъ измѣнена и нынѣшней войной: слишкомъ ужъ могущественны опредѣляющія ее силы. Но за то есть много основаній полагать, что именно нынѣшняя война побудитъ правительства великихъ державъ пока что сдѣлать отчаянную попытку искусственно отклонить эту общую линію въ сторону и въ максимальной степени приблизить свою народнохозяйственную машину къ типу „самодовлѣющей". Въ чисто экономическомъ смыслѣ данный шагъ явился бы, конечно, реакціоннымъ. Онъ былъ бы возвратомъ назадъ къ пройденнымъ уже сту-

пенямъ хозяйственной эволюціи. Но за то съ точки зрѣнія военно-стратегической онъ имѣлъ бы очень крупныя преимущества, такъ какъ въ случаѣ какого-либо новаго вооруженнаго конфликта ставилъ бы каждое государство въ болѣе независимое положеніе. Данная тенденція наблюдается сейчасъ повсюду, какъ въ воюющихъ, такъ и въ нейтральныхъ странахъ. Но по вполнѣ понятнымъ причинамъ нигдѣ она не проступаетъ такъ ярко, какъ въ Германіи.

Имперія Гогенцоллерновъ страстно стремится сейчасъ стать „аутаркіей", однимъ ударомъ оборвать свою зависимость отъ заграницы, поскольку дѣло идетъ, по крайней мѣрѣ, о важнѣйшихъ продуктахъ питанія и индустріальнаго сырья. Въ этой же послѣдней области, какъ показалъ опытъ нынѣшней войны, ея наиболѣе слабыми пунктами являются: хлѣбъ, кормовыя средства для скота, хлопокъ, шерсть, мѣдь, резина. И вотъ съ точки зрѣнія приближенія къ идеалу „самодовлѣющаго хозяйства", разъ англійское господство на морѣ остается непреложнымъ фактомъ дѣйствительности, „Средняя Европа" являлась бы несомнѣнно очень крупнымъ шагомъ впередъ. Она въ сильной степени расширяла бы размѣры „собственной" или почти собственной территоріи Германіи и открывала бы тѣмъ самымъ предъ ней возможности находить если не все, то хотя бы большую часть всего необходимаго у себя дома. Въ самомъ дѣлѣ, Балканы и плодородныя равнины передней Азіи могли бы дать ей недостающее сейчасъ количество хлѣба и кормовыхъ средствъ для скота. Анатолія и Месопотамія, при достаточномъ приложеніи капитала и науки, обезпечили бы полученіе большихъ количествъ хлопка и шерсти. Рудныя богатства Сербіи и Малой Азіи открыли бы крупные источники добыванія мѣди, свинца и т. д.

Конечно, не слѣдуетъ питать какихъ-либо преувеличенныхъ иллюзій: даже и „Средняя Европа" отъ Гамбурга до Багдада, которую, пожалуй, правильнѣе было бы назвать „Великой Германіей", не въ состояніи была бы совершенно освободить имперію Гогенцоллерновъ отъ „заокеанскаго ига". Оттуда, изъ-за морей, приходилось бы всетаки привозить резину, кофе и др. тропическіе продукты. Далѣе оттуда же приходилось бы, вѣроятно, привозить и значительныя массы хлопка и мѣди (можетъ быть, также шерсти и с.-х. удобреній), такъ какъ свое домашнее производство всего этого сырья, особенно на первыхъ порахъ, едва-ли было бы въ силахъ покрыть исполинскія потребности громадной концентраціи. Не надо забывать, что, напр., одного только хлопка Германія ввезла въ 1913 г. на 607 мил. мар. А вѣдь кромѣ Германіи въ „Средней Европѣ" пришлось бы принимать во вниманіе хотя бы еще Австро-Венгрію. Извѣстная зависимость отъ заграницы, такимъ образомъ, осталась бы, но она была бы, несомнѣнно, значительно ослаблена. И, чтобы окончательно свести эту зависимость въ случаѣ новой

войны къ нулю, популярный финансистъ и предсѣдатель „Hansabund“ проф. Я. Риссеръ выступилъ съ предложеніемъ создать въ качествѣ постояннаго института особый „Экономическій генеральный штабъ“. Этотъ послѣдній, по его проекту, долженъ былъ бы состоять изъ представителей торговли, промышленности, сельскаго хозяйства, потребительскихъ круговъ и государственной власти и имѣть своей задачей заботу о „боеспособности“ германскаго народнаго хозяйства. Между прочимъ, важнѣйшей обязанностью „Экономическаго генеральнаго штаба“ было бы принятіе мѣръ къ тому, чтобы въ странѣ находились въ каждый данный моментъ такіе запасы необходимыхъ привозныхъ продуктовъ, которые исключали бы самую мысль о возможности взять имперію Гогенцоллерновъ измoромъ [1]).

Предложеніе проф. Риссера было встрѣчено очень сочувственно, даже восторженно, самыми разнообразными слоями населенія. Для его разработки были образованы спеціальныя коммиссіи. И его реализація въ той или иной формѣ по заключеніи мира не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Такимъ образомъ „Средняя Европа“ плюсъ „Экономическій генеральный штабъ“ обѣщали бы превратить Германію, если не въ экономическую, то во всякомъ случаѣ въ военно-экономическую „аутаркію“, обѣщали бы сдѣлать ее неуязвимой для англійской блокады на будущее время. Здѣсь—одна изъ главныхъ причинъ хозяйственнаго свойства, объясняющая неодолимую тягу нѣмецкихъ имперіалистовъ къ созданію единой концентраціи отъ Гамбурга до Багдада.

Но есть и другая серьезная причина аналогичнаго характера, толкающая ихъ въ томъ же направленіи: это—заботы о рынкѣ сбыта для продуктовъ германской промышленности. Какъ бы ни кончилась нынѣшняя война, она оставитъ въ наслѣдіе послѣ себя ближайшему періоду тяжелый грузъ взаимнаго національнаго озлобленія, подозрительности, недоброжелательства. И это естественно должно будетъ болѣзненно отозваться на коммерческихъ отношеніяхъ между отдѣльными странами. Конечно, полная пріостановка торговли, скажемъ между Германіей и Англіей или Германіей и Россіей, немыслима. Но что эта торговля и тамъ, и здѣсь можетъ быть серьезно осложнена мѣрами таможенной политики, оффиціальнымъ или неоффиціальнымъ бойкотомъ „вражескихъ“ товаровъ и т. д., вполнѣ допустимо, болѣе того: весьма вѣроятно. Въ Англіи ведется агитація въ пользу установленія таможеннаго тарифа, направленнаго своимъ остріемъ противъ центральныхъ монархій. Британскія колоніи серьезно обсуждаютъ сейчасъ мѣры освобожденія себя отъ „нѣмецкаго экономическаго ига“. Россія и Франція клянутся разъ навсегда разбить цѣпи „нѣмецкаго засилья“. Конечно, не все, что говорится сейчасъ по этому поводу,

[1]) См. „Tag.“ отъ 21 и 23 іюня 1915 г.

можно принимать въ серьезъ. Но кое-что все-таки имѣетъ шансы на осуществленіе. Далѣе, цѣлый рядъ „нейтральныхъ“ рынковъ, напр., въ Южной Америкѣ, Восточной Азіи и т. д., на которые до сихъ поръ опиралась нѣмецкая торговля, будетъ, по всѣмъ признакамъ, захваченъ Соединенными Штатами. И новое завоеваніе ихъ едва-ли представитъ собой особенно легкую задачу. Міръ, такимъ образомъ, съ точки зрѣнія интересовъ германской индустріи послѣ войны,—по крайней мѣрѣ, на первое время,—станетъ гораздо меньше и уже, взаимная конкуренція странъ въ сферѣ международнаго обмѣна—неизмѣримо острѣе и ожесточеннѣе, чѣмъ раньше. Эти мрачныя перспективы заранѣе заставляютъ принять необходимыя подготовительныя мѣры, заранѣе поискать соотвѣтственныхъ компенсацій за предстоящія потери. „Средняя Европа“ и обѣщаетъ стать такой компенсаціей.

Во-первыхъ, единая таможенная черта отъ Гамбурга до Багдада предоставила бы въ распоряженіе германской промышленности громадный внутренній рынокъ (не меньше 150 мил. жителей) со всѣми преимуществами, свойственными подобнаго рода рынкамъ. Правда, этотъ рынокъ и до сихъ поръ уже въ извѣстной степени обслуживался нѣмецкой индустріей. Правда и то, что соперницей послѣдней здѣсь отчасти выступаетъ австрійская индустрія. Однако емкость даннаго рынка въ процессѣ дальнѣйшаго капиталистическаго развитія способна сильно увеличиться (между прочимъ, и путемъ вытѣсненія обширной англо-французской торговли на Ближнемъ Востокѣ). А изъ двухъ конкурентовъ—германскаго и австрійскаго—первый, какъ гораздо болѣе могущественный, имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ.

Но, конечно, одного внутренняго рынка, хотя бы и отъ Гамбурга до Багдада, нѣмецкой промышленности мало. Она разсчитана на міровой сбытъ и не можетъ удовлетвориться только „Средней Европой“, какъ не можетъ взрослый человѣкъ снова влѣзть въ платье, которое онъ носилъ ребенкомъ. Въ области же мірового сбыта германскую индустрію ожидаютъ послѣ войны столь тяжелыя условія, о какихъ она до сихъ поръ еще не имѣла представленія. Необходимо поэтому получше вооружиться для предстоящей экономической борьбы на внѣшнихъ рынкахъ. И это опять-таки приводитъ кормчихъ нѣмецкаго государственнаго корабля все къ той же „Средней Европѣ“.

Прежде всего, при заключеніи торговыхъ договоровъ съ другими державами, положеніе Германіи будетъ тѣмъ болѣе благопріятно, чѣмъ болѣе крупный рынокъ она сама будетъ представлять. Экономическая единица съ 150 мил. населенія естественно можетъ оказать болѣе сильное давленіе, вырвать у противника болѣе значительныя уступки, чѣмъ экономическая единица съ количествомъ населенія вдвое меньшимъ. Далѣе, обширные размѣры обезпеченнаго внутренняго рынка съ извѣстной однородностью

потребленія и однообразіемъ тарифныхъ, транспортныхъ, законодательныхъ и др. условій чрезвычайно облегчаютъ широкое проведеніе спеціализаціи производства. А спеціализація производства означаетъ, въ свою очередь, неизбѣжное удешевленіе изготовляемыхъ продуктовъ. Удешевленіе же продуктовъ является наиболѣе могущественнымъ оружіемъ данной промышленности въ борьбѣ со своими конкурентами на міровомъ рынкѣ. Не безъ основанія считаютъ, что, именно благодаря крупнымъ размѣрамъ внутренняго рынка, сѣверо-американская индустрія въ столь короткій срокъ смогла достигнуть того положенія, которое она сейчасъ занимаетъ [1]). И, наконецъ, еще одно. Успѣхи германской промышленности въ области мірового сбыта до сихъ поръ были въ очень значительной степени основаны на ея приверженности къ принципу картеллированія. Могущественные индустріальные синдикаты подъ защитой таможенныхъ пошлинъ фактически монополизировали внутренній рынокъ и, устанавливая здѣсь искусственно высокія цѣны, получали возможность продавать свои товары заграницей по искусственно низкой цѣнѣ, не оправдывающей иногда даже издержекъ производства, только для того, чтобы бить оружіемъ дешевизны иностраннаго конкурента. Но совершенно естественно, что, чѣмъ обширнѣе внутренній рынокъ, тѣмъ больше сумма „экстра-прибыли“, получаемой индустріей у себя дома, тѣмъ легче она оказывается въ состояніи развить систему Schleuderexport'а (вывоза за безцѣнокъ) и тѣмъ вѣрнѣе добиваться успѣховъ на міровомъ рынкѣ.

Какъ видимъ, экономическія выгоды, обѣщаемыя „Средней Европой“ имперіи Гогенцоллерновъ, очень существенны. Онѣ однѣ уже вполнѣ оправдывали бы стремленіе правящей Германіи къ созданію великой восточно-тевтонской концентраціи. Но, кромѣ экономическихъ выгодъ, имѣются еще политическія, и притомъ такія, которыя едва-ли уступаютъ экономическимъ въ важности и значеніи.

Наиболѣе непосредственнымъ результатомъ „Средней Европы“ въ области политики было бы, конечно, громадное увеличеніе боевой силы всей тевтонской коалиціи. Опытъ нынѣшней войны съ достаточной убѣдительностью показалъ, какимъ страшнымъ оружіемъ является современная германская армія. Но сейчасъ

---

1) Уже упоминавшійся выше проф. Юліусъ Вольфъ на учредительномъ собраніи „Среднеевропейскаго экономическаго союза“ 21 января 1904 г., говоря объ американской промышленности, указалъ на слѣдующія техническія преимущества ея по сравненію съ европейской, преимущества, вытекающія изъ обширности имѣвшагося къ ея услугамъ внутренняго рынка: 1) возможность устанавливать такъ наз. „штандартные типы“ продуктовъ для всей страны, 2) массовый характеръ производства, 3) чрезвычайное дифференцированіе труда и 4) употребленіе спеціальныхъ машинъ для всѣхъ мельчайшихъ процессовъ производства.

германская армія составляетъ примѣрно только около половины всѣхъ войскъ, противостоящихъ четверному согласію. Другая половина, приходящаяся на долю Австріи, Венгріи, Болгаріи и Турціи, уже значительно ниже по качеству, какъ въ смыслѣ выучки, такъ и въ смыслѣ экипировки и организаціи. Но допустите на минуту, что „Средняя Европа" стала совершившимся фактомъ, что германскій генеральный штабъ взялъ на себя фактическое руководство всѣми вооруженными силами концентраціи, что втеченіе длиннаго ряда лѣтъ онъ обучаетъ, тренируетъ и вооружаетъ австро-венгерскую, турецкую и балканскія арміи такъ же тщательно и заботливо, какъ германскую, и вы легко поймете, какую страшную военную мощь должна представить собой „Средняя Европа" уже въ самомъ близкомъ будущемъ.

Но дальше. „Центральная Европа", простирающаяся отъ Сѣвернаго моря до Персидскаго залива, давала бы правящей Германіи возможность держать въ постоянномъ страхѣ—и, стало быть, повиновеніи—двухъ своихъ крупнѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ: Россію и Англію. Лишая Россію надежды на полученіе въ сколько-нибудь исторически-предвидимомъ времени выхода изъ Чернаго моря и будучи въ состояніи въ любой моментъ перерѣзать выходъ изъ Балтійскаго моря, Германія наглухо запирала бы наше отечество въ предѣлахъ континента и держала бы въ своихъ рукахъ ключъ отъ всей его внѣшней торговли и отъ всѣхъ его сношеній съ западными странами. Это имѣло бы своимъ послѣдствіемъ замедленіе темпа экономическаго развитія Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ установленіе извѣстной политической зависимости ея отъ Германіи.

Еще опаснѣе „Средняя Европа" для Великобританіи. Ибо она приводила бы имперію Гогенцоллерновъ къ воротамъ богатѣйшихъ колоній Англіи: Египта, Центральной Африки и Индіи. Получивъ свободу дѣйствій на Ближнемъ Востокѣ, правящая Германія въ короткое время, конечно, изрѣзала бы Малую Азію въ разныхъ направленіяхъ линіями желѣзныхъ дорогъ, настроила бы крѣпостей и арсеналовъ въ Сиріи, Анатоліи и Месопотаміи, отправила бы серьезную эскадру въ воды Персидскаго залива, вообще приняла бы всѣ необходимыя подготовительныя мѣры (а мы знаемъ, какъ нѣмцы умѣютъ готовиться!) къ тому, чтобы при первомъ подходящемъ случаѣ занести мечъ надъ лучшими владѣніями британской короны. И эта страшная угроза на Ближнемъ Востокѣ нависла бы надъ Англіей, подобно кошмару, сковывая свободу ея движеній и вѣчно заставляя ее опасаться за самыя основы ея государственнаго существованія. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, какъ могла бы защитить себя Англія отъ этой опасности? Главная сила островного королевства лежитъ въ его гегемоніи на водахъ океана, но въ данномъ случаѣ могучій британскій

флотъ оказывался бы совершенно безполезнымъ. Создать въ короткое время армію, достаточно обширную и совершенную для того, чтобы она была въ состояніи оказывать успѣшное сопротивленіе натиску „Великой Германіи",—задача едва-ли особенно легко разрѣшимая. Наконецъ, система компенсаціи мощи противника путемъ договоровъ и соглашеній съ другими державами далеко не всегда имѣетъ желательный эффектъ, да къ тому же представляетъ собой слишкомъ сложную и невѣрную игру. Какъ видимъ, „Средняя Европа" являлась бы острымъ „сухопутнымъ" оружіемъ Германіи противъ британскаго господства на морѣ Не выстроивъ ни одного новаго судна, не высадивъ ни одного солдата на англійскомъ берегу, Германія фактически уничтожила бы это господство, взявъ блестящій реваншъ за нынѣшнюю блокаду въ Сѣверномъ морѣ на берегахъ Персидскаго залива и Суэцкаго канала.

IV.

Мы знаемъ теперь тѣ выгоды и плюсы, которые осуществленіе „Средней Европы" принесло бы юнкерско-капиталистической Германіи. Но каковы шансы ея осуществленія?

Нельзя отрицать, что на пути къ реализаціи грандіознаго замысла „Гамбургъ—Багдадъ" стоитъ цѣлый рядъ крупныхъ преградъ и осложненій. И въ виду выплывшихъ въ послѣднее время проектовъ экономическаго сближенія или даже объединенія странъ четверного согласія вдвойнѣ интересно на живомъ примѣрѣ познакомиться съ тѣми подводными рифами, на которые натыкается заключеніе „хозяйственнаго союза" между нѣсколькими самостоятельными государствами. Подобно выгодамъ, и затрудненія здѣсь носятъ двоякій характеръ: политическій и экономическій. Обратимся сначала къ первымъ.

Для Александра Македонскаго, Цезаря и даже Наполеона I завоеваніе странъ и народовъ мыслимо было только въ одной формѣ,—въ формѣ непосредственнаго политическаго подчиненія послѣднихъ державной волѣ завоевателя. Наша эпоха знаетъ иныя формы зависимости одного государства отъ другого, формы, менѣе грубыя и откровенныя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не менѣе (а, пожалуй, болѣе) прочныя и дѣйствительныя, чѣмъ прежнія, — формы финансово-экономическія. На нихъ именно строятъ сейчасъ нѣмецкіе капиталистическіе круги свои честолюбивые проекты Великой Германіи. То „Mitleleuropäische Wirtschaftsgemeinschaft" (средне-европейское экономическое объединеніе), которое сейчасъ стоитъ въ полѣ зрѣнія тевтонскихъ монархій, пока официально не покушается на политическій суверенитетъ ни одной изъ предполагаемыхъ частей будущей концентраціи. Можно думать даже, что „Средняя Европа" и вообще не посягнетъ на ихъ номинальную государственную самостоятельность (по крайней мѣрѣ, втеченіе очень значительнаго

промежутка времени) просто потому, что это совсѣмъ не лежитъ въ интересахъ главной движущей силы всей колоссальной схемы,— германскаго капитала. Капиталу нужна не столько политическая, сколько *экономическая имперія*, т. е. экономическое господство надъ опредѣленнымъ рынкомъ сбыта или пріобрѣтенія сырья, и онъ это получаетъ при наличности одного лишь таможеннаго объединенія. Дополнять же фактическое экономическое обладаніе еще формально-политическимъ господствомъ едва-ли представлялось бы, съ его точки зрѣнія, цѣлесообразнымъ. Даже въ случаѣ своей осуществимости въ настоящій моментъ это господство чрезвычайно усложнило бы задачи управленія исполинскимъ государственнымъ организмомъ, превратилось бы въ источникъ его постоянной внутренней слабости и, въ концѣ концовъ, очень быстро повело бы къ распаденію всего грандіознаго зданія „Великой Германіи".

Можно безъ преувеличенія утверждать, что послѣдній часъ ея пробилъ бы въ тотъ день, когда рейхстагъ занялся бы обсужденіемъ внутреннихъ венгерскихъ, болгарскихъ или турецкихъ дѣлъ. Неудивительно при такихъ условіяхъ, что нѣмецкіе имперіалисты легко отказываются сейчасъ отъ повторенія опытовъ въ стилѣ Цезаря или Наполеона. Исторія кое-чему учитъ, и они не обнаруживаютъ склонности къ построенію интернаціонально-государственнаго колосса на глиняныхъ ногахъ. Послѣ 1870 г. въ Европѣ многіе ожидали, что опьяненный военными успѣхами Бисмаркъ пойдетъ по стопамъ великаго корсиканца и откроетъ длительную эру завоевательныхъ походовъ. Бисмаркъ оказался гораздо трезвѣе и разсчетливѣе и устоялъ противъ открывавшихся предъ нимъ соблазновъ. Да и вся международно-политическая обстановка была тогда иная, чѣмъ семь десятилѣтій передъ тѣмъ. „Отвѣтственные" германскіе имперіалисты нашихъ дней, не смотря на все ихъ упоеніе капиталистическимъ и военнымъ могуществомъ своей родины, тоже обладаютъ достаточной дозой реализма для того, чтобы не пускаться въ явно безнадежныя авантюры политическихъ завоеваній стараго типа.

И тѣмъ не менѣе едва-ли приходится отрицать, что государства и народы, расположенные къ юго-востоку отъ Германіи, относятся съ извѣстнымъ недовѣріемъ и подозрительностью къ проектамъ „Средней Европы", исходящимъ съ сѣвера: они боятся за свою независимость. Рорбахъ, Науманъ, гр. Ревентловъ и др. могутъ пѣть ангельскими голосами, Бетманъ-Гольвегъ и Фалькенгейнъ могутъ давать самыя торжественныя обѣщанія о неприкосновенности политическаго суверенитета союзныхъ націй, — это мало помогаетъ дѣлу. Жестокій опытъ войны лежитъ открыто передъ всѣми, и ни для кого больше не составляетъ тайны реальная цѣнность международныхъ договоровъ и министерскихъ декларацій. Къ тому же въ прошломъ имѣется такой въ высокой

степени поучительный примѣръ, какъ „Нѣмецкій таможенный союзъ“ первой половины XIX в. Въ исторической наукѣ стало общимъ мѣстомъ утвержденіе, что именно это чисто экономическое объединеніе подготовило и ускорило политическую консолидацію Германіи. И австріецъ, венгерецъ, болгаринъ или турокъ естественно задаются сейчасъ вопросомъ: а не повторится ли на этотъ разъ исторія? Не явится ли таможенный союзъ отъ Гамбурга до Багдада только предтечей политической имперіи того же объема?

Положеніе осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ государства, о которыхъ идетъ рѣчь,—монархіи. И, стало быть, каждое изъ нихъ имѣетъ своего короля, свой дворъ, свое династическое честолюбіе и свою династическую подозрительность. Какъ не безъ основанія указываетъ К. Каутскій [1]), прочное сочетаніе двухъ или болѣе приблизительно равносильныхъ республикъ вполнѣ возможно. Но таковое же сочетаніе монархій представляется очень трудно осуществимымъ. Длительное объединеніе монархическихъ государствъ мыслимо только въ томъ случаѣ, если одно изъ нихъ настолько превосходитъ всѣ остальныя по силѣ и значенію, что вопросъ о политической гегемоніи не вызываетъ никакихъ сомнѣній (Германія съ Пруссіей во главѣ). Между тѣмъ въ будущей „Средней Европѣ“ дѣло должно обстоять не такъ просто. Если даже оставить въ сторонѣ Болгарію и Турцію, которымъ придется, очевидно, перейти на роль безвластныхъ нѣмецкихъ колоній, то какъ быть съ Австро-Венгріей? Что Габсбургская имперія гораздо слабѣе Германіи и не можетъ претендовать на руководящую роль въ проектируемой тевтонской концентраціи,—ясно, какъ Божій день. Но настолько ли она слаба, чтобы превратиться въ простое орудіе своей былой соперницы, чтобы разъ навсегда примириться съ политическимъ подчиненіемъ Берлину? Это очень сложный вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ только путемъ опыта.

Пожалуй, еще болѣе значительны препятствія и затрудненія экономическаго свойства. Вытекаютъ они изъ различія хозяйственныхъ интересовъ отдѣльныхъ частей будущей концентраціи, въ особенности же изъ различія экономической структуры Германіи и Австро-Венгріи.

Германія, какъ извѣстно, высоко индустріализованная страна, вывозящая громадныя количества готовыхъ фабрикатовъ и ввозящая большія массы сырья и пищевыхъ продуктовъ. Австро-Венгрія, наоборотъ, является въ цѣломъ страной съ еще очень умѣренно развитой промышленностью. Она мало ввозитъ и вывозитъ и покрываетъ свои потребности въ пищѣ и сырьѣ по преимуществу

[1]) Ст. „Mitteleuropa“ въ „Neue Zeit“ отъ 7 января 1916 г., стр. 458—9.

собственными силами. Отсюда—разница экономическихъ интересовъ обѣихъ монархій, особенно ярко сказывающаяся въ таможенной сферѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, внѣшняя торговля Германіи и Австро-Венгріи въ 1913 г. представляла слѣдующую картину (въ милл. марокъ):

	Ввозъ	Вывозъ	Сумма
Германія	10.770	10.098	20.868
Австро-Венгрія	2.885	2.349	5.234

Какъ видимъ, размѣры внѣшней торговли Дунайской монархіи въ четыре раза меньше торговли Германіи, не смотря на то, что населеніе первой (51 мил.) всего лишь на 27% меньше, чѣмъ населеніе второй (65 мил.). Изъ этихъ цифръ ясно, что въ то время, какъ все германское народное хозяйство построено на базисѣ мірового обмѣна и для него благопріятныя условія внѣшней торговли являются важнѣйшей жизненной необходимостью,—народное хозяйство Австро-Венгріи носитъ гораздо болѣе самодовлѣющій характеръ и далеко не такъ серьезно зависитъ отъ развитія коммерческихъ сношеній съ заграницей. Вотъ почему правящіе круги Германіи разсматриваютъ проекты средне-европейскаго таможеннаго объединенія прежде всего подъ угломъ зрѣнія торговли съ другими государствами, какъ нейтральными, такъ и нынѣ враждебными. Наоборотъ, правящіе круги Австро-Венгріи обнаруживаютъ къ потребностямъ этой торговли гораздо меньше вниманія и сочувствія. Любопытенъ въ этомъ отношеніи небольшой обмѣнъ мнѣній по поводу „Средней Европы", на засѣданіи прусскаго ландтага 19 февраля. Министръ торговли, фонъ-Сидовъ, отвѣчая на запросъ нѣсколькихъ депутатовъ о прогрессѣ „объединительныхъ" переговоровъ между Берлиномъ, Вѣной и Будапештомъ, между прочимъ замѣтилъ:

„Экономическіе вопросы—не вопросы чувства, а вопросы интересовъ. Ихъ рѣшеніе должно послѣдовать съ такимъ разсчетомъ, чтобы оно было пріемлемо для обѣихъ частей. Иначе это рѣшеніе будетъ имѣть на политическія отношенія не укрѣпляющее, а, наоборотъ, разъединяющее дѣйствіе... Въ нашихъ интересахъ лежитъ вести переговоры такимъ образомъ, чтобы нашей промышленности и торговлѣ послѣ войны не были слишкомъ затруднены сношенія какъ съ нейтральными, такъ и съ враждебными странами. Наши промышленность и торговля не въ состояніи обойтись безъ мірового рынка".

Націоналъ-либеральный депутатъ Гаусманъ прибавилъ, что онъ „вполнѣ согласенъ" съ министромъ. А прогрессистскій депутатъ Эзеръ еще опредѣленнѣе поставилъ точку надъ і, сказавъ, что, „конечно, мы не можемъ сконцентрировать все свое вниманіе на Востокѣ: нашей торговлѣ нуженъ міровой обмѣнъ" [1]).

---

[1]) „Berliner Tageblatt" отъ 20 февраля 1916.

Весь реальный народно-хозяйственный смыслъ этихъ знаменательныхъ заявленій станетъ намъ особенно понятенъ, если мы обратимъ вниманіе на территоріальное распредѣленіе германской внѣшней торговли. По даннымъ 1913 г., германскій ввозъ составлялъ (въ милл. марокъ [1]):

Изъ Австро-Венгріи	827,5	Изъ Англіи	875,6
„ Болгаріи	8,8	„ Франціи	583,2
„ Турціи	74,0	„ Италіи	317,6
		„ Россіи	1.424,6
	910,3		3.2201,3
(8,5% всего ввоза)		(29,7% всего ввоза)	

Точно также германскій вывозъ равнялся:

(въ милл. мк.):

Въ Австро-Венгрію	1.104,2	Въ Англію	1.438,1
„ Болгарію	30,3	„ Францію	789,4
„ Турцію	98,4	„ Италію	393,4
		„ Россію	880,1
	1.232,9		3.501,5
(12,2% всего вывоза).		(34,7% всего ввоза)	

Достаточно сопоставить эти два ряда цифръ для того, чтобы понять, гдѣ лежитъ центръ тяжести нѣмецкой внѣшней торговли. Онъ лежитъ, конечно, въ тѣхъ странахъ, съ которыми Германія сейчасъ воюетъ, и никакая „Средняя Европа“ не въ состояніи была бы замѣстить ей потерю, или хотя бы сильное сокращеніе, рынка въ государствахъ четверного согласія. Такая мѣна была бы для Германіи крайне невыгодна. Отсюда ясна основная линія ея поведенія въ вопросѣ о „Средней Европѣ“: убить сразу двухъ зайцевъ, т. е. получить и „Среднюю Европу“, и въ то же время не лишиться богатѣйшихъ рынковъ Англіи, Франціи, Италіи и Россіи. Практически это означаетъ, что, вступая въ экономическое объединеніе съ Австро-Венгріей, правящая Германія меньше всего хотѣла бы придавать ему *явно аггрессивный* характеръ, напр., окружать всю исполинскую концентрацію стѣной слишкомъ высокихъ пошлинъ. По существу, стремленія нѣмецкихъ капиталистическихъ круговъ сводятся къ удержанію въ проектируемомъ „среднеевропейскомъ“ тарифѣ ставокъ нынѣшняго германскаго тарифа (быть можетъ, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями), не больше. Ибо, какъ показалъ опытъ прошлаго, эти ставки являлись совершенно достаточной, съ ихъ точки зрѣнія, защитой нѣмецкой промышленности отъ иностранной конкуренціи и вмѣстѣ съ тѣмъ допускали относительно свободный товарообмѣнъ съ другими странами.

Нѣсколько иначе смотрятъ на дѣло „капитаны“ австро-венгерской индустріи. Эта послѣдняя по сравненію съ германской находится еще на первыхъ ступеняхъ своего развитія, особенно въ

[1]) „Statistisches Jahrbuch für d. Deutsche Reich“, 1914.

Венгріи. Заграничной конкуренціи она выдерживать еще не въ состояніи и потому охотно прибѣгаетъ къ защитѣ энергичнаго протекціонизма. Австро-венгерскія пошлины уже сейчасъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., въ желѣзодѣлательной промышленности) значительно выше германскихъ. А между тѣмъ австро-венгерскіе капиталистическіе круги и ими недовольны и не перестаютъ требовать дальнѣйшаго взвинчиванія ставокъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ среднеевропейскій тарифъ рисуется имъ, какъ тарифъ максимально-протекціонистскій, аггрессивный по отношенію къ внѣшнему міру. Рѣшиться на него имъ тѣмъ легче, что австро-венгерская торговля съ государствами четверного согласія довольно незначительна (въ 1913 г. ввозъ—643 мил. мк., вывозъ—573 мил. мк.). И они могутъ позволить себѣ роскошь таможенной борьбы съ послѣдними. Здѣсь лежитъ несомнѣнно серьезный конфликтъ интересовъ между имперіей Гасбурговъ и имперіей Гогенцоллерновъ и удовлетворительное разрѣшеніе его является дѣломъ далеко не легкимъ.

Указанный конфликтъ не единственный. Я только что упомянулъ объ относительной отсталости австро-венгерской промышленности по сравненію съ германской. Это обстоятельство оказывается крайне неблагопріятнымъ въ смыслѣ созданія „Средней Европы" еще и съ другой стороны. Среднеевропейское экономическое объединеніе предполагаетъ, очевидно, уничтоженіе таможенной черты между обѣими тевтонскими монархіями. И данная перспектива наполняетъ сердца австро-венгерскихъ промышленниковъ немалой тревогой: они боятся, что германскій капиталъ просто убьетъ ихъ своей могущественной конкуренціей. Очень характерно, что, когда въ 1900 г. въ „Cesellschaft der österreichische Volkswirte" обсуждался вопросъ о таможенномъ союзѣ съ Германіей, почти всѣ производители продуктовъ массоваго потребленія рѣшительно высказывались противъ союза. Наоборотъ, большинство производителей „тонкихъ" товаровъ, требующихъ извѣстнаго вкуса, изящества и т. д., склонялось въ пользу союза. Съ тѣхъ поръ, конечно, много воды утекло. Австрійская промышленность сдѣлала крупный шагъ впередъ. Но въ основѣ проблема и нынѣ осталась та же, что и 15 лѣтъ назадъ.

Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сопоставить слѣдующія цифры. Производство каменнаго угля въ 1911 г. составляло: въ Германіи—160,7 мил. тоннъ, въ Австро-Венгріи—15,7 мил. т.; производство желѣзной руды: въ Германіи въ томъ же 1911 г.—29,9 мил. т., въ Австро-Венгріи—4,7 мил. т.; производство чугуна въ 1912 г.: въ Германіи—17,6 мил. т., въ Австро-Венгріи—2,6 мил. т.; производство свинца: въ Германіи—181 тыс. т., въ Австро-Венгріи—21 т. т.; производство мѣди: въ Германіи—45,5 т. т., въ Австро-Венгріи—4 т. т.; производство цинка: въ Германіи—26,9 т. т.; въ Австріи (безъ Венгріи)—17 т. т. Число веретенъ въ хлопчато-

бумажной промышленности на 1 марта 1914 г. равнялось: въ Германіи—11,4 мил., въ Австріи (безъ Венгріи)—4,9 мил.; число ткацкихъ станковъ въ 1909 г. достигало: въ Германіи 230 тыс., въ Австріи—130 т., въ Венгріи—4½ тыс. [1]). По даннымъ 1906 г. изъ каждой сотни жителей Германіи и Австріи были заняты:

	Германія	Австрія
Въ металлургич. промышл. . . .	3,21	1,37
„ строительной „	2,34	1,05
„ изготовленіи платья	1,80	1,16
„ текстильной промышл. . . .	1,73	2,04
„ деревообдѣлочн. „ . . .	1,69	1,27
„ химической „	0,82	0,37 [2])

Послѣ этихъ цифръ индустріальной отсталости Дунайской монархіи мы легко можемъ понять все безпокойство австро-венгерскихъ промышленниковъ при мысли о рожденіи „Средней Европы“.

Трудность положенія увеличивается еще отъ того, что сама Габсбургская имперія не представляетъ собой единаго цѣлаго, а распадается на двѣ, почти независимыя другъ отъ друга, части. Въ результатѣ венгерскіе промышленники чувствуютъ себя чѣмъ-то совсѣмъ особымъ отъ австрійскихъ и, въ свою очередь, мечтаютъ о государственной защитѣ себя отъ послѣднихъ. Такъ, на конференціи „Deutsch - Osterreichisch - Ungarischer Wirtschaftsverband“, происходившей въ концѣ іюня 1915 г. въ Вѣнѣ, венгерскій депутатъ д-ръ Грацъ настойчиво требовалъ установленія особой таможенной черты между Венгріей и Австріей [3]). Того же хочетъ венгерскій политикъ Іосифъ Четереній въ недавно выпущенной имъ брошюрѣ „Экономическая связь съ Германіей“ [4]). О томъ же неоднократно раздавались въ послѣдніе мѣсяцы рѣчи въ венгерскомъ парламентѣ. Опять-таки и здѣсь имѣется налицо несомнѣнный конфликтъ могущественныхъ интересовъ между Германіей и Австро-Венгріей и примиреніе послѣднихъ представитъ собой не слишкомъ-то простую задачу.

Далѣе, сельское хозяйство. Въ этой области роли совершенно мѣняются: Германія оказывается въ положеніи обороняющейся, а Австро-Венгрія въ положеніи нападающей стороны. Впрочемъ, лишь до извѣстной степени. Вопреки широко распространеннымъ представленіямъ, имперія Габсбурговъ не является особенно земледѣльческой державой. Правда, согласно переписи 1900 г., изъ каждыхъ 100 самодѣятельныхъ въ Австріи на долю сельскаго и

---

[1]) K. Keller „Ein deutsch-österreichisch-ungarischer Zollverein?“; Schmollers Jahrbücher, 1915. Heft 2, стр. 306 и 326.

[2]) „Résultats statistiques du recensement général de la population 1906“; Paris, 1910, стр. 47.

[3]) A. Hofrichter, „Der deutsch-österreichischer Zollverein“; „Neue Zeit“, 1 окт. 1915.

[4]) Joseph Szterenyi, „Wirtschaftiche Verbindung mit Deutschland“; Warnsdorf, 1915.

лѣсного хозяйства приходилось 60,9%, въ Венгріи—даже 69,7% противъ 35,2% въ Германіи (1907 г.). Наоборотъ, въ промышленности и горномъ дѣлѣ были заняты: въ Австріи—23,3% и въ Венгріи—13,6% противъ 40% въ Германіи. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе главнымъ образомъ технической отсталости своего сельскаго хозяйства (напр., средній сборъ пшеницы съ гектара въ 1912—13 г. составилъ въ Германіи—2360 кгр., въ Австріи—1500, въ Венгріи—1280), Дунайская монархія въ общемъ оказывается способной лишь покрывать свои собственныя потребности въ продуктахъ земледѣлія, да еще вывозить незначительное количество ячменя за границу.

Такимъ образомъ въ настоящее время при уничтоженіи таможенной границы между Германіей и Австро-Венгріей прусскіе аграріи едва-ли могутъ ожидать какой-либо серьезной конкуренціи себѣ со стороны союзныхъ „хлѣборобовъ". Но прусскіе аграріи предусмотрительны и потому задаются вопросомъ: а въ будущемъ? Въ будущемъ вѣдь техническій уровень австро-венгерскаго сельскаго хозяйства можетъ подняться. Въ будущемъ Балканы и Турція могутъ сильно развить свое земледѣліе и наводнить дешевой пшеницей нѣмецкій рынокъ. Что тогда? Аграріи сомнѣваются и колеблются, и сторонникамъ „Средней Европы" приходится преодолѣвать еще одно крупное препятствіе на пути къ достиженію своей цѣли.

Кромѣ политическихъ и экономическихъ преградъ, имѣются еще серьезныя трудности административнаго и финансоваго характера. Должны-ли таможенное законодательство и таможенная практика регулироваться существующими парламентами и правительствами входящихъ въ составъ „Средней Европы" государствъ или же для этой цѣли долженъ быть созданъ спеціальный органъ въ видѣ общаго таможеннаго парламента и таможеннаго союзнаго совѣта? Какъ должны дѣлиться таможенные доходы между отдѣльными частями концентраціи: по размѣрамъ потребленія или по количеству жителей? Заключается-ли таможенное объединеніе навсегда или только на опредѣленный срокъ? И если на опредѣленный срокъ, то на какой именно? Какова должна быть валюта будущей „Средней Европы"? Каково должно быть ея торговое право, ея желѣзнодорожная политика, ея банковская система?..

Я далеко еще не закончилъ перечисленія сложныхъ и спорныхъ вопросовъ, которые всѣ должны быть рѣшены для того, чтобы экономическая имперія отъ Гамбурга до Багдада или хотя бы даже только до Будапешта стала совершившимся фактомъ. Но уже изъ приведенныхъ выше образчиковъ читатель можетъ убѣдиться, насколько серьезна и отвѣтственна работа, предстоящая творцамъ новой хозяйственной концентраціи. Въ итогѣ препятствій оказывается такъ много, что Фридрихъ Науманъ находитъ нужнымъ

аппеллировать ради осуществленія манящаго его идеала даже къ помощи ирраціональныхъ, сверхчувственныхъ силъ.

„Ты, исторія прошлаго, — патетически восклицаетъ онъ, — ты, чудесный хаосъ, ты, вереница образовъ, мы просимъ васъ: помогите намъ! Если вы захотите, вы сможете облегчить намъ нашу задачу! Придите же вы, герои исторіи, вы, вѣщіе прорицатели грядущихъ судебъ народовъ, откройте таинственный смыслъ въ исканіяхъ и борьбѣ за „Среднюю Европу!“ [1]).

V.

Значитъ ли это, однако, что „Средняя Европа“ на практикѣ неосуществима?

Такое заключеніе было бы слишкомъ поспѣшнымъ. Какъ читатель могъ видѣть изъ предыдущаго изложенія, препятствія, стоящія на пути къ образованію восточно-тевтонской концентраціи, не носятъ абсолютно непреодолимаго характера. Противорѣчія политическихъ и экономическихъ интересовъ поддаются вѣдь извѣстному примиренію и выравниванію при помощи компромиссовъ. И апологеты „Средней Европы“ по ту и по сю сторону границы сейчасъ не жалѣютъ остроумія и энергіи на изобрѣтеніе таковыхъ. Вѣнскій профессоръ Е. Филиповичъ [2]), напр., послѣ тщательнаго изслѣдованія вопроса приходитъ къ выводу, что разница между нынѣ дѣйствующими ставками германскаго и австро-венгерскаго таможенныхъ тарифовъ, въ концѣ концовъ, не такъ ужъ велика, и вполнѣ допускаетъ возможность пріемлемаго для обѣихъ державъ соглашенія. Онъ же предлагаетъ въ видахъ облегченія участи австро-венгерской промышленности оставить въ качествѣ переходной мѣры такъ называемый Zwischenzoll (промежуточный тарифъ) между обѣими тевтонскими монархіями. Этотъ внутренній таможенный барьеръ долженъ быть ниже общаго „среднеевропейскаго“ тарифа и черезъ опредѣленный срокъ, достаточный для приспособленія австро-венгерской индустріи къ новымъ условіямъ, подлежать отмѣнѣ. Идея Zwischenzoll пріобрѣла въ дальнѣйшемъ очень большую популярность и въ настоящее время признается почти всѣми сторонниками „Средней Европы“. Ф. Науманъ, съ своей стороны, возлагаетъ большія надежды на принципъ картеллированія промышленности. Въ своей, уже упоминавшейся выше, книгѣ „Mitteleuropa“ онъ, между прочимъ, пишетъ:

„Въ центрѣ картельныхъ договоровъ долженъ стоять среднеевропейскій желѣзодѣлательный синдикатъ, который, при содѣйствіи правительствъ, путемъ подраздѣленія рынка на участки,

---

[1]) F. Naumann, „Mitteleuropa“; стр. 58.

[2]) E. Philippovich, „Ein Wirtschafts u. Zollverband zwischen Deutschland und Osterreich-Ungarn“.

гарантировалъ бы австрійскимъ и венгерскимъ желѣзодѣлательнымъ промышленникамъ сохраненіе всѣхъ выгодъ и преимуществъ, доставлявшихся имъ раньше пошлинами и государственной поддержкой... Разъ подобная цѣль была бы достигнута въ центральной области—производствѣ желѣза,—данная схема съ нѣкоторыми неизбѣжными измѣненіями безъ особаго труда могла бы быть примѣнена и къ другимъ, поддающимся картеллированію, отраслямъ индустріи. Такимъ способомъ шагъ за шагомъ уменьшалось бы число производствъ, нуждающихся въ таможенномъ барьерѣ между Германіей и Австро-Венгріей. Для объединенныхъ же синдикатовъ съ точно разсчитанными размѣрами контингентовъ и съ тщательно подраздѣленными сферами вліянія на внутреннемъ рынкѣ — при наличности гарантированныхъ государствомъ штрафовъ за нарушеніе договоровъ и статутовъ—необходимо было бы только одно: общая таможенная линія по отношенію къ внѣшнему міру" [1]).

К. Келлеръ доказываетъ, что венгерская индустрія могла бы удовлетвориться въ видѣ компенсаціи за нѣсколько неблагопріятныя таможенныя ставки правительственными субсидіями, налоговыми льготами, казенными и муниципальными заказами и т. п. [2]). Венгерскій политикъ Эдуардъ Палій, въ свою очередь, полагаетъ, что Венгріи стоило бы пойти на объединеніе съ Германіей при условіи, если будетъ установленъ Zwischenzoll на границѣ Австро-Венгріи и если Германія предоставитъ 1 милліардъ марокъ изъ 3% для развитія венгерской промышленности и венгерскаго сельскаго хозяйства [3]). Обезпокоеннымъ прусскимъ аграріямъ сторонники „Средней Европы" ставятъ на видъ, что техническій прогрессъ земледѣлія въ Австро-Венгріи, на Балканахъ и въ Месопотаміи—длительный процессъ и что, поэтому, у нихъ будетъ достаточно времени освоиться съ новымъ положеніемъ. Притомъ же въ случаѣ необходимости государство всегда будетъ готово въ той или иной формѣ протянуть имъ руку. Наконецъ, чтобы устранить послѣднія возраженія колеблющихся и сомнѣвающихся, пропагандисты схемы Гамбургъ-Багдадъ предлагаютъ отложить установленіе общаго таможеннаго тарифа до болѣе благопріятнаго момента, а пока ограничиться болѣе скромными мѣрами, идущими въ томъ же направленіи. Такъ, конференція уже знакомаго намъ „Mitteleuropäischer Wirtschaftsverein", состоявшаяся въ концѣ іюля 1915 г. въ Берлинѣ, приняла слѣдующее рѣшеніе:

„1. Экономическое объединеніе (между Германіей и Австро-Венгріей) должно носить форму взаимнаго таможенно-политическаго благопріятствованія, допускающую однако дальнѣйшее развитіе въ томъ же направленіи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ,

---

[1]) F. Naumann, Ibid., стр. 224.
[2]) K. Keller, Ibid, стр. 328.
[3]) Ed. Palyi, „Deutchland und Ungarn".

„2. Желательно, чтобы Германія и Австро-Венгрія во время мирныхъ переговоровъ заявили, что Германія, Австрія и Венгрія, въ виду существующихъ между ними союзныхъ и дружественныхъ отношеній, выговариваютъ себѣ право взаимно устанавливать такія таможенныя льготы, которыя не распространяются на другія государства.

„3. Необходима выработка общихъ основныхъ линій, которыя руководили бы дѣйствіями Германіи и Австро-Венгріи при заключеніи торговыхъ договоровъ съ другими странами; переговоры объ этихъ договорахъ должны вестись по возможности одновременно и при взаимной поддержкѣ.

„4. Необходимо неотложное проведеніе унификаціи законодательныхъ и административно-техническихъ мѣропріятій, касающихся производства, торговли, транспорта и финансоваго хозяйства, во всѣхъ трехъ экономическихъ областяхъ (Германіи, Австріи, Венгріи) въ цѣляхъ облегченія ихъ дальнѣйшаго сближенія".

Каковъ будетъ практическій результатъ всѣхъ этихъ построеній компромисса, — пока еще трудно сказать. Но для составленія болѣе правильнаго представленія о возможностяхъ дальнѣйшаго хода событій, не надо забывать, что въ рукахъ правящей Германіи, поскольку въ ея собственныхъ рядахъ будетъ достигнуто единеніе по данному вопросу, находится ultima ratio современной государственности: физическая *сила*. Полстолѣтія назадъ Бисмаркъ *силой* рѣшилъ проблему объединенія Германіи, рѣшить которую мирными средствами нѣмецкій народъ тщетно добивался втеченіе длиннаго ряда десятилѣтій. Этотъ историческій предметный урокъ оставилъ неизгладимый слѣдъ на всей психологіи націи и, несомнѣнно, далеко не въ послѣдней степени обусловилъ въ наступившую затѣмъ эпоху то преклоненіе предъ силой, какъ предъ высшимъ судьей всѣхъ сложныхъ задачъ и вопросовъ, тотъ культъ бронированнаго кулака, которые составляютъ столь отличительныя черты нѣмецкаго „духа" въ наше время. Но Бисмаркъ—великій образецъ и для нынѣшнихъ кормчихъ имперіи Гогенцоллерновъ, его принципы—ихъ принципы, его методы дѣйствія—ихъ методы дѣйствія. Вотъ почему нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что и теперь, при созданіи „Средней Европы", они пойдутъ протореннымъ и однажды уже оказавшимся столь успѣшнымъ путемъ.

Гдѣ не хватитъ аргументовъ выгоды и разсчета, они будутъ дополнены аргументами карающей десницы. Гдѣ не обнаружится достаточно доброй воли, будетъ примѣнена система запугиваній и угрозъ. Пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ въ рядахъ созданной ею коалиціи, Германія можетъ (въ извѣстныхъ предѣлахъ, конечно,) просто заставить связанныя съ нею государства творить свою волю, можетъ хитростью

и давленіемъ принудить ихъ пойти на экономическое объединеніе съ нею. А что руководители германской политики не чужды подобныхъ соображеній, свидѣтельствуетъ та поспѣшность, съ которой они стремятся достигнуть осуществленія своихъ плановъ. Они хотятъ, чтобы весь вопросъ былъ окончательно рѣшенъ теперь же, во время войны. Они хотятъ, чтобы къ моменту заключенія мира „Средняя Европа“ стала уже фактомъ. Въ погонѣ за манящимъ ихъ идеаломъ они боятся потерять лишній день, лишній часъ. Не даромъ уже въ концѣ января 1916 г. въ Дрезденѣ состоялась особая конференція изъ представителей Германіи, Австро-Венгріи, Турціи и Болгаріи, на которой тщательно обсуждались различныя проблемы предстоящаго объединенія (желѣзнодорожный транспортъ, почта и телеграфъ, валюта и т. д.) Очевидно, кормчіе нѣмецкаго государственнаго корабля чувствуютъ, что безъ извѣстнаго примѣненія силы достиженіе ея цѣлей представляется мало вѣроятнымъ, и потому стараются ловить наиболѣе благопріятный для этого моментъ,—въ разгаръ міровой войны, когда нѣтъ ни времени, ни возможности трезво оцѣнить всѣ выгоды и невыгоды предлагаемыхъ проектовъ и когда могущество и авторитетъ имперіи Гогенцоллерновъ, какъ спасительницы сосѣдней монархіи отъ полнаго разгрома, котируются на биржахъ Вѣны и Будапешта особенно высоко.

Удастся ли тѣмъ не менѣе правящей Германіи осуществленіе грандіозной схемы Гамбургъ-Багдадъ до конца войны, — очень сложный вопросъ, дать категорическій отвѣтъ на который въ настоящій моментъ едва-ли представляется возможнымъ. Физическая сила, конечно, весьма серьезный факторъ. Но и онъ не всегда можетъ гарантировать успѣхъ. Удача Бисмарка еще отнюдь не дѣлаетъ обязательной удачу Бетманъ-Гольвега. Все зависитъ отъ условій исторической обстановки, а сейчасъ ближайшимъ образомъ отъ хода операцій на полѣ битвы и отъ шахматной игры международной дипломатіи. Одно во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію. Идея „Средней Европы“ не является какой-то случайной фантазіей горячечнаго времени. Эта идея имѣетъ глубокіе экономическіе и политическіе корни и нынѣ полновласно царитъ надъ сознаніемъ юнкерско-капиталистической Германіи. „Средняя Европа“,—очень серьезный, волею судебъ вдвинутый въ сферу практической политики проектъ. И, еслибы его реализація втеченіе ближайшихъ мѣсяцевъ даже оказалась невозможной, это еще отнюдь не означало бы окончательную сдачу его въ архивъ. Наоборотъ, есть много основаній полагать, что, поскольку правящая Германія послѣ ликвидаціи войны будетъ вообще въ состояніи вести какую-либо активную внѣшнюю политику, центральнымъ пунктомъ и главной осью этой политики станетъ созданіе великой экономической имперіи отъ Сѣвернаго моря до Персидскаго залива...

Я началъ статью указаніемъ на то, что идея „Средней Европы“ является пока единственной большой „творческой идеей“, которую оказалась въ состояніи выдвинуть нынѣшняя война. И вотъ, когда теперь, послѣ разсмотрѣнія ея съ различныхъ сторонъ, начинаешь подводить конечные итоги, невольно приходишь къ тому заключенію, что эта единственная творческая идея представляетъ собой по существу чистый типъ аггрессивно-имперіалистской идеи, имперіалистской по цѣлямъ, имперіалистской по формамъ, имперіалистской по методамъ осуществленія. Не свѣтлые образы равенства и братства народовъ стояли у ея колыбели, а мрачныя тѣни взаимоистребленія и человѣконенавистничества. Не миръ, но мечъ несетъ она съ собой на землю, и новые потоки крови обѣщаетъ она. И потому нисколько неудивительно, что эта идея встрѣчается съ явными опасеніями и неприкрытой враждебностью на лѣвомъ флангѣ германской соціалъ-демократіи, въ тѣхъ постепенно все ростущихъ кругахъ, гдѣ голосъ великихъ принциповъ общечеловѣческой солидарности не потерялъ своего значенія даже въ наши смутные дни.

Давая оцѣнку выше цитированной книги Ф. Наумана „Mitteleuropa“, берлинскій „Vorwärts“, между прочимъ, писалъ:

„Мы тоже хотимъ „Средней Европы“, но насъ отличаетъ отъ Наумана какъ обоснованіе нашихъ стремленій, такъ и—это тѣсно связано одно съ другимъ—формулировка нашихъ цѣлей...

...Для насъ германско-австрійское сближеніе имѣетъ цѣнность и значеніе единственно лишь какъ *переходъ* къ высшей формѣ организаціи всей Европы и далѣе всего міра. Наши планы начинаются тамъ, гдѣ кончаются планы Наумана“ [1]).

„Средняя Европа“ въ ея нынѣшней аггрессивно-имперіалистской постановкѣ не только не обѣщаетъ явиться переходомъ къ высшимъ государственно-организаціоннымъ формамъ, но, наоборотъ, грозитъ еще больше задержать медленный ходъ исторической эволюціи. И потому окончательный приговоръ, который выноситъ ей сейчасъ независимая соціалистическая мысль, гласитъ: виновна и не заслуживаетъ снисхожденія.

В. Майскій.

---

[1]) „Vorwärts“ отъ 15 ноября 1915 г.

ВНУТРЕННЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. Сахарная бѣда.

Никакъ нельзя понять, почему собственно и за что въ апрѣлѣ 1916 г. населеніе приговорено оставаться сначала безъ рафинада, а затѣмъ и совсѣмъ безъ сахара. Первое и совершенно внезапное извѣстіе объ этомъ послѣдовало 12 апрѣля въ порядкѣ обычнаго бюллетеня, разсылаемаго газетамъ и другимъ подписчикамъ „Петроградскимъ телеграфнымъ агентствомъ". Соотвѣтственный пунктъ бюллетеня былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Кіевъ. Центральнымъ бюро по объединенію закупокъ сахара разослана рафинаднымъ заводамъ циркулярная телеграмма о прекращеніи отпуска литого рафинада, за исключеніемъ брака, частнымъ покупателямъ и о пріостановкѣ исполненіемъ прежнихъ нарядовъ бюро на поставку рафинада на адреса губернскихъ уполномоченныхъ по продовольственному дѣлу. Распоряженіе не распространяется на рафинадъ, погруженный въ вагоны. Мѣра вызвана выяснившейся невозможностью нормальной работы рафинадныхъ заводовъ, вслѣдствіе недостатка топлива, а также необходимости удовлетворить безъ задержекъ потребности въ рафинадѣ со стороны арміи.

Русскій обыватель вообще не очень пристально слѣдитъ за узаконеніями и распоряженіями правительства. А теперь и трудновато стало слѣдить. И многіе только изъ этого ошеломляющаго извѣстія, разосланнаго офиціознымъ агентствомъ, узнали, что въ Кіевѣ существуетъ такое сахарное бюро, и что ему—вѣрнѣе, его завѣдующему, М. А. Суковкину—дана такая власть.

Первое сообщеніе явилось, какъ пасхальный сюрпризъ. Но оно казалось понятнымъ: рафинада можетъ хватить только для нуждъ арміи, основная масса населенія должна отказаться отъ привычнаго и единственно доступнаго ей по экономическимъ условіямъ способа пить чай въ прикуску. Собственно это значитъ, что основная масса населенія должна вовсе отказаться отъ употребленія сахара (за исключеніемъ развѣ праздничныхъ дней, когда можно позволить себѣ нѣкоторую роскошь—выпить чаю съ песочкомъ, въ накладку). Но такова прискорбная необходимость: недостаетъ топлива для переработки сахарнаго песку въ рафинадъ. Правда, возникалъ новый тревожный вопросъ: почему же не хватаетъ топлива даже для такой надобности? Но это относится къ компетенціи иного учрежденія, а не центральнаго сахарнаго бюро.

Изъ дальнѣйшихъ разъясненій, исходящихъ отъ министерства путей сообщенія, оказалось, что нельзя въ чемъ-либо винить же-

лѣзныя дороги. Осенью и вообще въ концѣ 1915 года своевременная доставка топлива, куда слѣдуетъ, дѣйствительно тормозилась вслѣдствіе „недостатка порожнихъ вагоновъ". Но къ веснѣ недостатокъ устраненъ. На дорогахъ, прорѣзывающихъ угольный Донецкій районъ, путейское вѣдомство располагаетъ „громаднымъ количествомъ порожняка", „порожнякомъ заставлены всѣ станціи". Къ серединѣ апрѣля по даннымъ, полученнымъ „Приднѣпровскимъ Краемъ" (20. IV) отъ Екатерининской дороги, на одной только этой дорогѣ скопилось свыше 47.000 порожнихъ вагоновъ, но углепромышленники уклоняются отъ погрузокъ подъ разными болѣе или менѣе сомнительными, какъ представляется путейцамъ, предлогами:

Со всѣхъ сторонъ летятъ телеграммы въ управленіе дороги: „грузить не можемъ за недостаткомъ рабочихъ рукъ", „затопило шахту", „испортились проселочныя дороги", „порвались канаты на шахтѣ", „поломались клѣти", и т. д., до безконечности.

Словомъ, углепромышленники спекулируютъ. И, очевидно, по этой главнымъ образомъ причинѣ населеніе должно остаться безъ рафинада... Такое объясненіе, быть можетъ, не способно удовлетворить серьезную критику. Но оно было все-таки понятно. Увы,— понятно лишь втеченіе нѣсколькихъ дней. А затѣмъ пошла путаница. Прежде всего оказалось, что приведенная въ бюллетенѣ Петроградскаго агентства ссылка на недостатокъ топлива страдаетъ неточностью. Нѣкоторымъ рафинаднымъ предпріятіямъ, быть можетъ, топлива и недостаетъ, но, по крайней мѣрѣ, одно изъ самыхъ крупныхъ среди нихъ—заводъ Кенига—обезпечилъ себя топливомъ заблаговременно и можетъ даже усилить производство. Что-жь, — кіевское сахарное бюро могло и ошибиться: учитывало положеніе южныхъ заводовъ, а предпріятіе Кенига обслуживаетъ сѣверъ Россіи и сосредоточено въ Петроградѣ. Конечно, какъ ни обширно это предпріятіе, но едва-ли оно можетъ возмѣстить работу заводовъ гр. Бобринскихъ, Терещенка, Бродскаго и т. д. Но все-таки самъ собою являлся выходъ: сложивъ уменьшенное производство южныхъ заводовъ съ усиленнымъ производствомъ Кенига, можно было и удовлетворить потребности арміи, и получить нѣкоторый остатокъ для той части населенія, которая пьетъ чай въ прикуску (пьющимъ въ накладку нетрудно перейти на песокъ). Но случилось иное: предпріятіе Кенига было вынуждено прекратить производство и разсчитать рабочихъ, такъ какъ начальство сочло несправедливымъ обезпечивать населеніе сѣверной Россіи кениговскимъ рафинадомъ, когда на остальномъ пространствѣ государства рафинада нѣтъ. Никто однако не мѣшалъ тому же кіевскому бюро по закупкамъ брать для государственныхъ надобностей изъ сѣвернаго района, отъ Кенига, побольше, а изъ южнаго поменьше, и этимъ простымъ способомъ можно было бы выровнять шансы населенія на рафинадъ. И получалось такъ:

производство рафинада для частныхъ нуждъ можетъ идти, но тѣ, кто взялъ на себя заботу о распредѣленіи продукта между потребностями арміи и страны, относятся къ этой своей обязанности очень загадочно.

Такъ получалось на оцѣнку непосвященныхъ въ сахарныя тайны. Сахарозаводчики же, въ качествѣ авгуровъ, спѣшно собрались въ Кіевѣ на съѣздъ, главнымъ образомъ для обсужденія „вопроса объ отпускѣ рафинада для частнаго рынка". Какъ они тамъ, на съѣздѣ, судили и рѣшали,—въ точности неизвѣстно. Но, вернувшись со съѣзда, сахарозаводчики Московскаго района сочли нужнымъ для свѣдѣнія своихъ кліентовъ и покупателей объяснить слѣдующее. Рафинадные заводы могутъ снабжать частный рынокъ продуктомъ. Могутъ въ настоящее время, могутъ и въ будущую кампанію 1916—1917 гг. Если же производство рафинада сократилось, то единственно по той причинѣ, что находящееся въ Кіевѣ центральное бюро по закупкамъ сахара „ввело путаницу". Въ распоряженіи бюро имѣются достаточныя транспортныя и иныя средства. Но оно ими распоряжается такъ: а) когда рафинадный заводъ требуетъ песку, ему даютъ уголь; б) когда рафинадный заводъ, обезпеченный пескомъ, требуетъ угля,—ему даютъ песокъ; в) запасы песку, приготовленные для выработки рафинада, необоснованно реквизируются; г) нѣкоторые заводы обременяются заказами, превышающими складочныя помѣщенія; заводъ работаетъ, вынужденъ, за несвоевременностью пріемки и вывоза, держать все выработанное на складахъ, а, когда склады переполняются,—сокращать или даже прекращать производство. Сверхъ того „бюро вызвало массу недоразумѣній между сахаро-заводчиками, устанавливая нелѣпыя расцѣнки на сахаръ". И, наконецъ, „стоящіе во главѣ бюро совсѣмъ незнакомы ни съ сахарнымъ производствомъ, ни съ торговлей сахаромъ" [1].

Пока заводчики все это выясняли и объясняли,—состоялось новое распоряженіе, прекратившее отпускъ съ заводовъ и сахарнаго песку для частныхъ надобностей: было объявлено, что и сахарный песокъ населеніе можетъ получать не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія все того же сахарнаго бюро. Но при этомъ не было объяснено, кому же будетъ собственно выдаваться разрѣшеніе, на какихъ условіяхъ и основаніяхъ. Настала подлинная „сахарная бѣда",—какъ опредѣлили, по словамъ мѣстныхъ газетъ, саратовскіе крестьяне. И потребители, и торговцы „потеряли голову". Потребители бросились запасаться хоть пескомъ. Торговцы естественно пожелали придержать продуктъ, который, можетъ быть, и не удастся получить. Кооперативная торговля подверглась своеобразному кризису: вдругъ появилось чрезвычайно много желающихъ записаться въ члены.

1) „Утро Россіи", 26 апрѣля.

Въ первые дни наплыва новыхъ членовъ кооперативы были рады этому явленію, но затѣмъ оно совсѣмъ перестало нравиться. Дѣло въ томъ, что по уставамъ обществъ члены имѣютъ кредитъ въ размѣрѣ взносовъ, и такіе новые или, какъ ихъ стали называть, „сахарные" члены въ первые же дни старались набрать въ кредитъ на сумму взноса только сахару, а другого ничего покупать не хотятъ („Кіевлянинъ", 5. V).

Съ рафинадомъ давно были заминки. А теперь во многихъ мѣстахъ въ розничной торговлѣ исчезъ и песокъ. Заводы не отпускаютъ безъ разрѣшенія бюро. А какъ получить разрѣшеніе,—неизвѣстно. Быстро родилась молва, что разрѣшенія—только отговорка, а истина, дескать, въ томъ, что сахара нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, только, видите ли, отъ публики это скрываютъ. Въ газетахъ появилось утѣшающее извѣстіе: бѣдѣ могутъ помочь „англичане"—изъ Русско-Англійскаго банка,—предлагаютъ доставить въ Россію сахаръ съ острова Кубы. Тамъ есть крупные избытки... Въ Екатеринославѣ городское управленіе собралось выписывать сахаръ изъ Японіи... Понадобились успокоительныя завѣренія. И они были даны частью въ офиціальномъ, частью въ офиціозномъ порядкѣ. Сахаръ въ Россіи, конечно, есть, сахарный песокъ населеніе можетъ получить въ достаточномъ количествѣ, но „постановленіемъ 22 апрѣля 1916 г. центральное бюро по закупкамъ сахара установило нормы потребленія сахара для отпусковъ таковаго въ губерніи или уѣзды на душу въ мѣсяцъ по $^{8}/_{6}$ ф. въ городахъ и по $^{5}/_{6}$ ф. въ селахъ". И вотъ, чтобы регулировать доставку въ каждое мѣсто сообразно этимъ нормамъ, и установлено: никому и никуда сахаръ не отпускается безъ разрѣшенія... Тутъ даже „Кіевлянинъ", благорасположенный къ г. Суковкину и въ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выступающій какъ бы офиціозомъ сахарнаго бюро, не выдержалъ и позволилъ себѣ выступить съ критическими замѣчаніями:

Намъ кажется,—писалъ онъ (5. V)—что распредѣленіе сахара по нормамъ возможно лишь при карточной системѣ... Вообще слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ этотъ трудный и сложный, а при полномъ отсутствіи достаточныхъ контрольныхъ организацій и врядъ-ли выполнимый. Постановить, разумѣется, не трудно, но выполнить постановленное не всегда бываетъ возможно...

Если не считать нѣсколькихъ пунктовъ, произведшихъ въ послѣднее время перепись населенія, то ни сахарному бюро и никому другому въ цѣломъ мірѣ неизвѣстно точное число душъ въ нашихъ городахъ и губерніяхъ. Не можетъ руководиться центральное бюро и приблизительными или гадательными цифрами жителей каждаго отдѣльнаго мѣста. Нельзя же—скажемъ, напримѣръ,—Москвѣ отпускать сахаръ по числу потребителей, живущихъ на ея территоріи, не принимая во вниманіе потребности Москвы, какъ распредѣлительнаго центра. А сколько душъ обслуживается каждымъ городомъ, мѣстечкомъ, торговымъ селомъ, въ

качествѣ распредѣлительныхъ центровъ, и какъ эти души распредѣляются по районамъ торговаго и экономическаго тяготѣнія,— совсѣмъ неизвѣстно. И тѣмъ не менѣе безъ обсужденій, безъ подготовки, безъ предупрежденія, вдругъ, сразу, 22 апрѣля постановили и того же 22 апрѣля, ни минуты не медля, въ исполненіе привели. До того все это налегкѣ, что даже понять нельзя. Пусть даже г. Суковкинъ увѣренъ въ своемъ сходствѣ съ Александромъ Македонскимъ. И все-таки самоочевидныя препятствія на пути отъ замысла къ исполненію не замѣчаются совершенно непонятнымъ образомъ.

Нѣкоторый свѣтъ въ это сплетеніе странностей проливаетъ комментаторская замѣтка, напечатанная въ „Кіевлянинѣ" (I. V). подъ заглавіемъ: „Страшное Слово". Замѣтка—не только комментарій, но и апологія распоряженій сахарнаго бюро. По словамъ комментатора и апологета, подписавшагося подъ замѣткой буквами „NN", для правильнаго пониманія политики г. Суковкина нужно учитывать нѣсколько обстоятельствъ. Первое—„ограниченное количество выработаннаго и наличнаго сахара въ странѣ" (а ограничено оно—замѣтимъ отъ себя—прежде всего потому, что сахарозаводчики еще въ началѣ войны добились сокращенія контингента, опредѣленнаго для производственной кампаніи 1915—1916 гг., послѣ же того, какъ фронтъ передвинулся съ запада на востокъ, изъ завѣдомо сокращеннаго производства выпала работа заводовъ, находящихся въ мѣстностяхъ, подвергшихся непріятельскому нашествію). Второе обстоятельство, которое г. NN рекомендуетъ учитывать, состоитъ въ томъ, что „на нашихъ сахарныхъ рынкахъ обнаружилась большая неурядица, рынками всецѣло завладѣла спекуляція съ банками во главѣ, погнавшая быстро вверхъ цѣны сахара", правительство же не оказываетъ рѣшительнаго противодѣйствія спекулянтамъ, ограничивается полумѣрами. И вотъ г. Суковкинъ полагаетъ и г. NN съ нимъ согласенъ, что

при такихъ условіяхъ единственнымъ выходомъ для урегулированія снабженія населенія сахаромъ по нормальнымъ цѣнамъ было бы установленіе въ томъ или другомъ видѣ монополіи торговли сахаромъ, хотя бы въ той или иной формѣ контроля правительства надъ всей безъ исключенія торговлей сахаромъ безъ преслѣдованія фискальныхъ цѣлей.

„Монополія"—и есть „страшное слово". А то, что оно страшное, доказано опытомъ:

„М. А. Суковкинъ попробовалъ было не только произнести это страшное слово, но и энергично хотѣлъ провести его на дѣлѣ". Однако „поднялся такой шумъ, что сахарозаводчики, сами же подписавшіе постановленіе совѣщанія въ Кіевѣ въ центральномъ бюро о необходимости монополизированія въ рукахъ правительства торговли сахаромъ, ...испугались и поспѣшили отречься отъ этого и на ближайшемъ совѣщаніи въ Петроградѣ по этому поводу настаивали на томъ, чтобы проектъ М. А. Суковкина провалить, что имъ и удалось"

Проектъ провалили. Но г. Суковнинъ не сложилъ оружія. Онъ подошелъ къ вопросу съ другой стороны.

Послѣднія два распоряженія... совершенно прекратили какой бы то ни было отпускъ изъ заводовъ и рафинада, и песка кому бы то ни было безъ разрѣшенія центральнаго бюро. Этимъ сказано все и торговля сахаромъ, хотя и подъ другимъ соусомъ, монополизирована въ рукахъ центральнаго бюро, чего собственно и добивался г. Суковкинъ, хотя онъ предлагалъ болѣе краткій путь—скупку правительствомъ всего сахара. Теперь скупка сахара не установлена, но торговля и отправка заводами сахара совершенно связаны и находятся въ полномъ распоряженіи бюро, которое теперь будетъ слѣдить, чтобы сахаръ продавался заводами по установленнымъ цѣнамъ.

Будетъ слѣдить за заводами... А если тамъ гдѣ-то населеніе стало платить до 60 коп. за фунтъ рафинада и до 40 коп. за фунтъ песку,—то это ужъ не дѣло г. Суковкина. За этимъ пусть слѣдитъ кто-нибудь другой... Побѣду г. Суковкинъ одержалъ, во всякомъ случаѣ, такую, что разнымъ группамъ населенія пришлось обратиться за помощью въ Петроградъ.

Въ числѣ прочихъ обратились содержатели московскихъ чайныхъ. Ихъ депутація посѣтила министерство земледѣлія, объяснила тамъ, съ своей точки зрѣнія, почему бѣднѣйшее населеніе пьетъ чай въ прикуску и почему необходимъ рафинадъ (этотъ высшій сортъ сахара потому вѣдь и нуженъ у насъ, что Россія—страна бѣдная). Въ министерствѣ земледѣлія выслушали и сказали, что „помочь безсильны", такъ какъ рафинадные заводы „лишены топлива", а топливомъ „распоряжается министръ торговли"... Отвѣтъ, какъ мы уже знаемъ, не вполнѣ точенъ: не всѣ заводы лишены топлива... Но дѣлать нечего,—пошла депутація къ министру торговли. Кн. В. Н. Шаховской не призналъ ея резоновъ заслуживающими уваженія.

Что же касается—заявилъ онъ—московской привычки пить чай въ прикуску, то изъ этого есть выходъ: заворачивать сахарный песокъ въ тряпочку и сосать,—вотъ вамъ и получится въ прикуску („Утро Россіи", 6. V).

Сосите тряпочку... Совѣтъ великолѣпный, способный стать историческимъ. Но, конечно, скромная корпорація московскихъ содержателей чайныхъ для простонародья и не могла разсчитывать на успѣхъ. Иное дѣло предсѣдательствовавшій на апрѣльскомъ съѣздѣ—или „совѣщаніи"—сахарозаводчиковъ И. Г. Чернышъ. Онъ прибылъ въ Петроградъ, чтобы представить заключенія происходившаго подъ его предсѣдательствомъ съѣзда на разрѣшеніе министровъ военнаго и земледѣлія. Въ то же время И. Г. Чернышъ—„замѣститель предсѣдателя центральнаго бюро по объединенію закупокъ сахара", стало быть, ближайшій помощникъ М. А. Суковкина, одержавшаго побѣду. Въ этой двойственной роли г. Чернышъ представилъ такія данныя, выясненныя совѣщаніемъ сахарозаводчиковъ:

При снабженіи заводовъ указаннымъ ими опредѣленнымъ количествомъ минеральнаго топлива и рабочихъ рукъ до новаго производства (до октября) возможно выработать 18 мил. пуд. рафинада, что удовлетворило бы потребности арміи и населенія („Кіевская Мысль", 5. V).

Въ министерствѣ земледѣлія отнеслись къ этимъ даннымъ внимательно. Безъ промедленія

вопросъ этотъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе совѣщанія пяти министровъ, въ засѣданіе котораго былъ приглашенъ и г. Чернышъ. Обсудивъ сдѣланный послѣднимъ докладъ, совѣщаніе постановило просить министра торговли вновь пересмотрѣть въ особомъ совѣщаніи по топливу вопросъ о снабженіи рафинадныхъ заводовъ углемъ (тамже).

Въ концѣ концовъ „распорядительный комитетъ особаго совѣщанія о топливѣ удовлетворилъ полностью представленіе центральнаго бюро о снабженіи рафинадныхъ заводовъ твердымъ минеральнымъ топливомъ на іюнь, кромѣ Московскаго района, о чемъ слѣдуетъ возбудить ходатайство передъ московскимъ уполномоченнымъ по топливу. Что касается снабженія заводовъ топливомъ на іюль, августъ, сентябрь, то вопросъ этотъ еще не разсматривался, но есть основаніе предполагать, что и онъ будетъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ". Уголь нашелся...

Такимъ образомъ—говорится въ бюллетенѣ Петроградскаго телеграфнаго агентства отъ 5 мая—рафинадные заводы, прекратившіе производство за недостаткомъ топлива, возобновятъ работу.

И незачѣмъ больше запрещать работу заводамъ Кенига. И совсѣмъ неизвѣстно, зачѣмъ собственно вся эта передряга создавалась?

Въ этой запутанной исторіи трудно что-либо разобрать безъ спеціальнаго разслѣдованія. Но въ числѣ осадковъ отъ нея остаются чрезвычайно взвинченныя цѣны на сахаръ и то, что апологету г. Суковкина изъ „Кіевлянина" угодно было назвать „монополіей". Первый изъ этихъ осадковъ очень пріятенъ спекулянтамъ. О болѣзни говорятъ: входитъ пудами, выходитъ золотниками. То же и съ цѣнами: скачутъ кверху гривенниками, а сползаютъ внизъ полушками. Поднять рафинадъ до 60 коп. за фунтъ удалось быстро. А сбить обратно до 20—либо удастся, либо нѣтъ. Съ „монополіей" сложнѣе, а кое въ чемъ и хуже.

Собственно монополію предлагалъ лишь первоначальный проектъ г. Суковкина: весь сахаръ, производимый заводами, покупаетъ государственная организація и она распредѣляетъ его на рынкѣ. Послѣ казенной продажи питей слово монополія совсѣмъ не страшное. Вообще не страшное. А теперь и подавно. Въ сторону огосударствленія посредническихъ, а отчасти, пожалуй, и производственныхъ, функцій толкаетъ не только экономическая, но, быть можетъ, и финансовая необходимость. Пугаетъ не слово, а тотъ методъ которымъ сахарное бюро пыталось поставить страну передъ

совершившимся фактомъ. Мѣропріятія столь крупнаго значенія должны быть проводимы съ непремѣннымъ соблюденіемъ гарантій и надлежаще правомочной государственной властью. А если нынче въ порядкѣ почти приватныхъ соглашеній и почти приватнымъ способомъ ведетъ сахарную монополію дѣйствительный статскій совѣтникъ Суковкинъ, завтра—хлѣбную монополію тайный совѣтникъ Глинка, послѣ-завтра—мясную монополію тайный совѣтникъ Ленинъ, то получится у насъ Богъ вѣсть что.

Порядокъ, установленный правилами, запретившими заводамъ отпускать сахаръ покупателямъ безъ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія центральнаго бюро, можетъ стать нѣкоторымъ подобіемъ монополіи лишь при томъ условіи, если г. Суковкинъ возьметъ за правило: никому не разрѣшать покупку сахара на заводахъ для страны, кромѣ, скажемъ, мѣстныхъ уполномоченныхъ продовольственнаго совѣщанія, губернаторовъ, городскихъ и земскихъ управленій и иныхъ государственныхъ лицъ и мѣстъ. При этомъ условіи получится собственно не монополія, а свободное отъ соображеній фиска государственное распредѣленіе сахара по губерніямъ (черезъ губернаторовъ или губернскихъ продовольственныхъ уполномоченныхъ), а затѣмъ въ предѣлахъ каждой губерніи по земскимъ единицамъ (или по административнымъ районамъ). Въ предѣлахъ же каждой земской или административной единицы сахаръ распредѣляется опять-таки государственными мѣстами и лицами между заведеніями для розничной продажи,—т. е. главнымъ ооразомъ между торговцами. Таковъ, повидимому, планъ. Нельзя сказать, что онъ плохъ. Но многое позволяетъ думать, что именно черезъ этотъ планъ и получилось съ половины апрѣля крайнее и рѣзкое обостреніе сахарной бѣды.

И не могло не получиться. Прежде всего,—мѣстныя государственныя мѣста и лица вовсе не обязаны сообразоваться съ творческими замыслами г. Суковкина, могутъ даже не подозрѣвать о существованіи этихъ замысловъ. А, сверхъ того, и просто не подготовлены, чтобъ взять на свою обязанность и отвѣтственность столь сложную задачу. И вышло такъ. До апрѣльскихъ правилъ главное русло сахарнаго питанія шло все-таки черезъ торговцевъ и находилось въ ихъ рукахъ. И вдругъ между торговцами и сахарными заводами сразу воздвигнута стѣна. Кинулись къ полиціи,—она ничего не знаетъ и не можетъ. Кинулись къ городскимъ управамъ,—онѣ тоже (за исключеніемъ мѣстъ, гдѣ усиліями общества создана продовольственная организація) ничего не могутъ, да частенько и не очень интересуются. Кинулись къ губернскимъ уполномоченнымъ, къ губернаторамъ. Тѣ готовы помочь,—обѣщаютъ снестись, написать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ согласны даже отпустить пока нѣкоторое количество сахарнаго песку изъ

губернскаго запаса, но кому поручить распредѣленіе между торговцами? Городскому головѣ, скажемъ, уѣзднаго города? Поручаютъ головѣ. И кое-гдѣ сразу возникли маленькія „панамы“: голова передаетъ сахаръ, отпущенный изъ губернскаго запаса, своему пріятелю-купцу или нѣсколькимъ пріятелямъ, и устанавливается „монополія“... Передаютъ не головѣ, а земству, земство обращается къ кооперативамъ. А въ нѣкоторыхъ кооперативахъ сахаръ расхватываютъ по рукамъ члены,—и населеніе все-таки сидитъ и безъ рафинада, и безъ песка...

Планъ, повторяю, не плохъ. Но, чтобы выполнить его, нужна не малая подготовка, организованность, сложная система координацій. Это не возникаетъ по щучьему велѣнью. И не при всякихъ условіяхъ можетъ возникнуть. Надо доказать, что въ предѣлахъ, управляемыхъ, напримѣръ, г. Мосальскимъ-Кошуро, возможна координація, необходимая для государственнаго распредѣленія продуктовъ. Обратное же положеніе,—что подъ началомъ г. Масальскаго-Кошуро такая координація не возникнетъ,—убѣдительно доказано жизнью.

О планѣ государственнаго распредѣленія пока можно лишь мечтать. Жить же приходится пока по прежнему, но съ прибавленіемъ апрѣльскихъ правилъ, устанавливающихъ дополнительный контроль надъ торговою дѣятельностью заводовъ и ихъ покупателей. Въ принципѣ нельзя возражать противъ усиленія государственнаго контроля надъ частно-торговою дѣятельностью. Бѣда лишь въ томъ, что, во-первыхъ, правила проведены не такъ, какъ подобаетъ проводить государственныя мѣропріятія, а во-вторыхъ, они сулятъ усиленіе скорѣе произвола, чѣмъ контроля. Въ кампанію 1915—1916 гг. многіе сахарные заводы фактически установили отпускъ товара не всякому покупателю, а болѣе „по протекціи“. „Протекцію“ желающимъ получить сахаръ стали оказывать прежде всего заинтересованные банки, а затѣмъ лица, съ которыми тому или иному заводу интересно жить въ ладу. О протекціи банковъ не разъ писали. „Протекція“ лицъ меньше подвергалась свѣту гласности. Но не составляетъ секрета. Дѣлается просто: торговцу нуженъ сахаръ; онъ разыскиваетъ человѣчка, котораго заводъ послушаетъ, хотя и не обязанъ формально слушать; человѣчекъ даетъ рекомендательное письмо,—иногда въ награду за услуги, а иногда и за прямую мзду... Система протекцій помогаетъ обострять сахарный голодъ, а чѣмъ острѣе голодъ, тѣмъ выше дивиденды сахарныхъ предпріятій,—дивиденды и достигли въ нынѣшнемъ году совершенно непозволительныхъ размѣровъ.

Что вноситъ въ это построеніе проведенный г. Суковкинымъ контроль? И что собственно предполагается контролировать? Цѣны? Но г. Суковкинъ будетъ знать только ту цѣну, какую ему скажутъ по взаимному соглашенію заводъ и покупатель, а торговецъ дастъ хорошую надбавку сверхъ объявленной цѣны, лишь бы

поскорѣй получить сахаръ. И не такъ просто контролировать сдѣлки. Сахаръ не лежитъ вѣдь на заводахъ въ ожиданіи покупателя. Вывозится на склады. А склады... Въ извѣстномъ, по газетнымъ разоблаченіямъ, случаѣ склады, напр., южныхъ заводовъ гр. Мусина-Пушкина оказались въ Москвѣ. Далѣе,—продуктъ не только вывозится, оставаясь собственностью завода, но и поступаетъ въ сложные кредитные обороты, покрывается ссудами банковъ и т. д. Постановлено сахарнымъ бюро контролировать продажу заводами,—въ томъ смыслѣ, чтобы каждая мѣстность получала не болѣе, чѣмъ слѣдуетъ по разсчету на потребительскія души. Но это—явное недоразумѣніе, пока нѣтъ ни организацій, способныхъ выполнить такой контрактъ, ни свѣдѣній, которыми центральное сахарное бюро могло бы руководиться.

Можно бы найти хотя и очень сомнительное, но все же утѣшеніе: пусть на нѣсколько недѣль (а, можетъ быть, и мѣсяцевъ) устроена настоящая „сахарная бѣда“, за то, благодаря принятымъ мѣрамъ, впослѣдствіи необходимый продуктъ будетъ поступать на рынокъ исправнѣе и продаваться по болѣе умѣренной цѣнѣ. Но и такого утѣшенія въ данномъ случаѣ нѣтъ. Бѣда-то вышла. А принятыя въ цѣляхъ контроля мѣры грозятъ стать всего лишь дополнительнымъ барьеромъ между производствомъ сахара и потребителями. Получить сахаръ съ завода стало еще труднѣе... И если въ такомъ видѣ дѣло оставить, то питаніе рынка будетъ еще болѣе случайнымъ, пароксизмы сахарнаго голода еще болѣе острыми,—къ удовольствію спекулянтовъ и къ выгодѣ сахарозаводчиковъ.

II. Къ положенію вопроса о распредѣленіи и нормировкѣ продуктовъ. Еще одна мобилизація общественныхъ силъ.

Мысль въ существѣ правильная: надо въ государственномъ порядкѣ регулировать распредѣленіе сахара, руководясь тѣми или иными, но строго ограниченными, потребительными нормами. Сейчасъ это—одна изъ тѣхъ мыслей, которыя не надо подтверждать доказательствами и противъ которыхъ мало кто возражаетъ. И не съ однимъ сахаромъ до этого дошло. Съ мясомъ не лучше. А въ городахъ, и особенно крупныхъ или бойкихъ, даже гораздо хуже. То же съ масломъ, крупчатой мукой, многими мануфактурными и скобяными товарами, обувью... Трудно назвать какой-либо продуктъ или предметъ необходимости, распредѣленіе котораго сейчасъ не требовало бы государственнаго регулированія. А нѣкоторые продукты требуютъ и прямой нормировки потребленія,—одни, какъ сахаръ, повсемѣстной и общей, другіе — по крайней мѣрѣ, въ отдѣльныхъ районахъ, находящихся въ особо стѣснительныхъ условіяхъ въ смыслѣ подвоза. Противъ этого, повторяю, не возра-

жаютъ даже охранительныя группы населенія. Не возражаетъ и начальство. Но... апрѣльская сахарная бѣда характерна въ качествѣ нагляднаго урока—какъ у насъ переходятъ отъ правильныхъ въ существѣ мыслей къ дѣлу и что при этомъ получается. У центральнаго бюро по закупкамъ сахара такъ получилось при попыткахъ регулировать распредѣленіе. Часто не лучше получается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подъ давленіемъ необходимости дѣлаютъ попытку нормировать потребленіе. Беру хотя бы такое, напр., сообщеніе изъ Астрахани:

Городская управа объявляетъ, что со 2 мая с. г. продажа сахара изъ городскихъ лавокъ будетъ производиться исключительно городскимъ жителямъ по предъявленіи паспортовъ и удостовѣреній полиціи о личности. Размѣръ отпуска: одинъ фунтъ на человѣка въ мѣсяцъ. На паспортахъ будутъ дѣлаться отмѣтки объ отпущенномъ сахарѣ („Рѣчь", 6. V).

Выдача по паспортамъ—результатъ плачевнаго опыта. Въ муниципальныя лавки, гдѣ онѣ есть, за дешевыми продуктами бросается населеніе изъ уѣздовъ. Свои жители, не довольствуясь нормами, иногда не такъ ужь скудными, всячески стараются получить по нѣскольку порцій одновременно (иное для себя, а бываетъ и для перепродажи). Наладить регистраціонную и контрольную систему, ввести тотъ или иной видъ потребительныхъ карточекъ, — для этого наши городскія управы часто не располагаютъ достаточными интеллигентными силами, а порою и сами очень малограмотны. Организацій, на которыя можно бы опереться, обыкновенно нѣтъ. Вотъ и рѣшаютъ продавать по паспортамъ, съ провѣркою самоличности покупателя и съ помѣтками на паспортѣ о каждой продажѣ. Легко представить, съ какими неудобствами все это связано. Независимо отъ всѣхъ другихъ неудобствъ ,— сколько часовъ надо торчать въ очереди, пока лавка провѣряетъ паспорта, отмѣтки о прежнихъ отпускахъ, дѣлаетъ новыя отмѣтки... И если все это для того, чтобы получить 1 фунтъ сахару на мѣсяцъ, то выходитъ не столько нормировка потребленія, сколько расшатываніе нервной системы. Даже малоимущій рабочій человѣкъ предпочитаетъ заплатить частному продавцу хоть вдвое дороже, чѣмъ городской лавкѣ, лишь бы не тратить зря время и не подвергаться напраснымъ мученіямъ. Такъ складывается даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ избранники отсталыхъ владѣльческихъ группъ, распоряжающихся общественными управленіями, считаютъ все-таки необходимымъ принимать мѣры къ смягченію невзгоды.

Сахаръ—индустріальный продуктъ: производятъ заводы, а все населеніе заинтересовано въ томъ, что съ заводовъ получить. На невзгодѣ съ мясомъ, продуктомъ хозяйственнымъ, неравномѣрно распредѣленнымъ по странѣ въ силу естественныхъ и экономическихъ условій, можно замѣтить другую черту. Противъ той мысли, что надо регулировать распредѣленіе убойнаго скота, никто не возражаетъ. Но фактически каждая губернія, даже каждый уѣздъ,

старается что-либо получить, но ничего изъ своихъ предѣловъ не выпустить. Земскія постановленія, запретившія вывозъ скота изъ многихъ губерній, отмѣнены министерствомъ земледѣлія. Но взамѣнъ земскихъ постановленій стали появляться совершенно такія же губернаторскія постановленія, — ихъ министерство земледѣлія отмѣнить не можетъ. О нормировкѣ потребленія одинаково говорятъ и въ Москвѣ, и въ Харьковѣ. Но Москва сидитъ безъ мяса. А харьковская городская управа въ основу своихъ расчетовъ кладетъ норму 0,5 фунта въ день на душу населенія.

Нельзя перейти къ правильному распредѣленію и нормировкѣ, не считаясь съ сложными соціальными противорѣчіями и треніями. Но соціальныя противорѣчія и тренія—такая величина, съ которою государственная власть можетъ справиться, лишь солидно мобилизовавъ свои силы. Даже и признаковъ такой мобилизаціи пока незамѣтно. Законодательныя учрежденія мало касаются этихъ дѣлъ. Совѣтъ министровъ выдѣлилъ ихъ и передалъ „совѣщанію пяти". Оно возникло и дѣйствуетъ въ порядкѣ факта, но даже председателю Государственной Думы неизвѣстно, на какихъ юридическихъ основаніяхъ оно существуетъ и какими правами можетъ легально располагать. Кромѣ него, существуютъ совѣщанія, государственныя закупочныя организаціи. Онѣ надѣлены большою властью, но не тою, какая нужна, чтобы примирять соціальныя противорѣчія и смягчать соціальныя тренія. Мало того,— ихъ власть постольку и власть, поскольку обходитъ главнѣйшіе подводные камни, засоряющіе фарватеръ. Наконецъ, и это—власть чиновниковъ, а не политическихъ дѣятелей, и притомъ чиновниковъ, поставленныхъ въ строго опредѣленныя рамки: прежде всего исполнять то, что требуетъ начальство, а чего начальство прямо не требуетъ, о томъ заботиться по мѣрѣ возможности. И, между прочимъ, отсюда и беретъ начало большой пересолъ въ запасахъ, собираемыхъ и хранимыхъ для казенныхъ надобностей, и столь же большой недосолъ во всемъ, что оставляется для потребителей страны. Весною нынѣшняго года въ газетахъ были жалобы на абсурдное положеніе, которое получилось съ пшеницей Камскаго района: огромные запасы задержаны и лежатъ безъ движенія на тотъ случай, что, можетъ быть, потребуетъ начальство, а все питаемое Камой верхнее Поволжье со всею своею мукомольной промышленностью сидитъ безъ зерна. Камское зерно хоть, надо надѣяться, не пропало. Съ сибирскимъ мясомъ вышло хуже. Запасали безъ соображенія даже съ возможностью вывезти. Покуда можно было, берегли. Когда стало не въ мочь сберегать, повернули казенный запасъ на частную потребу. Стали было возить въ Москву. Но здѣсь пришлось лишь удостовѣрить, что свыше 150 доставленныхъ вагоновъ нагружены испорченнымъ и негоднымъ къ употребленію мясомъ. То же бывало съ дровами: задержано и хранится, т. е. лежитъ на мѣстахъ безъ движенія, много тысячъ

кубовъ,—на случай, если для чего-нибудь потребуется начальствомъ, а населеніе совсѣмъ безъ топлива. То же съ сапожнымъ товаромъ. То же и со многимъ другимъ. И никакъ нельзя добиться даже того, чтобы необходимое распредѣлялось разумно между запасами для вѣдомствъ и потребностями населенія.

Всѣ, повторяю, говорятъ: надо регулировать распредѣленіе, какъ будто никто не возражаетъ, что по отношенію къ нѣкоторымъ продуктамъ своевременна общая нормировка (а не только въ отдѣльныхъ мѣстахъ). Но надежды приблизиться къ цѣли въ порядкѣ официальной иниціативы надо совершенно оставить. Приходится производить и еще одну „мобилизацію общественныхъ силъ",—чтобы упорядочить, насколько возможно, снабженіе страны необходимымъ. Новую мобилизацію можно вести не на пустомъ мѣстѣ. Есть земскій союзъ съ учрежденнымъ при немъ экономическимъ отдѣломъ. Есть городской союзъ съ его продовольственнымъ отдѣломъ. Есть военно-промышленные комитеты, — а при нихъ создаются закупочно-распредѣлительные органы. Происходившій въ апрѣлѣ всероссійскій—по счету второй—съѣздъ представителей биржевой торговли и сельскаго хозяства постановилъ

принять непосредственное участіе въ общемъ со всѣми другими организаціями служеніи родинѣ. Русскимъ торгово-промышленнымъ дѣятелямъ ясно, что въ настоящихъ трудныхъ условіяхъ торговля и промышленность должны организовать всѣ свои силы и объединить ихъ съ остальными организованными силами страны... Исходя изъ этихъ положеній, съѣздъ представителей биржевой торговли и сельскаго хозяйства примыкаетъ къ постановленію IV всероссійскаго съѣзда городовъ о созданіи продовольственнаго органа, объединяющаго всѣ общественныя торгово-промышленныя организаціи страны. Задачи этого органа: возможно полное освѣдомленіе о состояніи хозяйственной жизни страны, обсужденіе необходимыхъ экономическихъ мѣропріятій и производство объединенныхъ хозяйственныхъ операцій.

Сельское хозяйство собственно мало участвуетъ въ дѣлахъ объединенной биржевой торговли, опирающейся на биржевые комитеты, какъ на мѣстные органы. Но биржевая торговля всетаки вошла въ данное общественное начинаніе. Вошли и входятъ и нѣкоторыя другія организаціи. Въ порядкѣ взаимнаго соглашенія имъ и предстоитъ создать нѣкоторый общій аппаратъ. Работа лишь началась. Сравнительно проста она въ крупныхъ и особенно столичныхъ центрахъ. Безъ сомнѣнія, труднѣе создать опорныя точки на периферіи. Но, быть, можетъ, самымъ труднымъ дѣломъ окажется—занять надлежащее мѣсто и добиться признанія.

Прежде всего на мѣстахъ неизбѣжно столкновеніе съ уже готовыми организаціями. Беру для примѣра свѣдѣнія изъ города Бѣлаго (Смоленской губ.).

За послѣдніе два мѣсяца снабженіе города и окрестныхъ деревень колоніальными и лабазными товарами проходитъ черезъ руки такъ называемой продовольственной коммиссіи. Ни сахару, ни муки, ни крупы, ни соли вы не можете

получить помимо продовольственной коммиссіи... По инструкціи въ составъ коммиссіи должны входить: два представителя отъ земскаго самоуправленія, два отъ городского самоуправленія, два отъ кооперативовъ, два отъ торговцевъ. Поскольку намъ извѣстно, во многихъ уѣздахъ главную роль въ продовольственныхъ коммиссіяхъ заняли представители кооперативовъ, какъ наиболѣе опытные въ продовольственномъ вопросѣ. Въ нашей продовольственной коммиссіи кооперативы, какъ общественныя организаціи, совершенно не представлены. Предложеній о выборѣ представителя ни одинъ кооперативъ не получилъ, составъ продовольственной коммиссіи образованъ только по приглашенію предсѣдателя земской управы („Смоленскій Вѣстникъ", 7. V).

„Продовольственныя коммиссіи" Смоленской губерніи создались вслѣдствіе новогодняго циркуляра бывшаго министра А. Н. Хвостова. Къ участію въ нихъ постановлено было привлечь и представителей отъ рабочихъ (черезъ больничныя кассы), но это постановленіе, кажется, осталось лишь на бумагѣ. Въ Смоленской губерніи планъ организаціи былъ сравнительно либераленъ. Въ другихъ мѣстахъ коммиссіи, возникшія на основаніи того же новогодняго циркуляра, составлены въ значительной степени изъ чиновъ полиціи. О плодахъ работы, производимой этими, возникшими по циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ, коммиссіями можно судить по тому, что въ апрѣлѣ понадобился новый циркуляръ—на сей разъ министра земледѣлія — опять о привлеченіи общественныхъ силъ. На основаніи новаго циркуляра началась на мѣстахъ и новая организація, идущая такъ, словно никакого новогодняго распоряженія, подписаннаго А. Н. Хвостовымъ, никогда не было и никакихъ слѣдовъ оно не оставило. Но слѣды, конечно, остались. Не со всѣми изъ нихъ можно войти въ соглашеніе. И не всѣ изъ нихъ пожелаютъ добровольно уступить предоставленную имъ—хотя и незакономѣрно—власть.

Приходится, далѣе, организацію силъ по инициативѣ общества вести параллельно и одновременно съ организаціонными трудами, начатыми на основаніи только что упомянутаго апрѣльскаго циркуляра министра земледѣлія мѣстами и лицами, состоящими въ этомъ вѣдомствѣ. Возможно, что мѣстами обѣ организаціонныя линіи, не смотря на различіе источниковъ, совпадутъ. Но во многихъ случаяхъ онѣ могутъ рѣзко разойтись. Да, вѣроятно, и разойдутся.

Съѣздъ представителей биржевой торговли полагалъ, что въ порядкѣ общественной инициативы надо создать такой „продовольственный аппаратъ", опираясь на который, „правительственная власть получитъ возможность справиться съ выдвинутой войною отвѣтственной и огромной продовольственной задачею". Въ этомъ одно изъ главнѣйшихъ препятствій. Продовольственная мобилизація общественныхъ силъ совпала съ особымъ политическимъ курсомъ. Предсѣдатель совѣта министровъ сталъ еще менѣе виденъ, чѣмъ было при И. Л. Горемыкинѣ. За то виденъ министръ внутреннихъ дѣлъ, И въ газетахъ отражаются, примѣрно, такія общественныя ожиданія: военно-промыш-

ленные комитеты, можетъ быть, не будутъ совсѣмъ закрыты, а только заполнены представителями вѣдомствъ; земскій и городской союзы также, вѣроятно, не подвергнутся въ ближайшее время ликвидаціи, но на экстренномъ съѣздѣ губернаторовъ обсуждалось, какъ привести дѣятельность этихъ организацій въ соотвѣтствіе съ видами правительства; съѣздъ бюро труда, созывавшійся носящимъ это названіе отдѣломъ совѣта помощи бѣженцамъ земскаго и городского союзовъ, не разрѣшенъ, всероссійскій кооперативный съѣздъ не разрѣшенъ, а послѣ того, какъ на пироговскомъ и даже на биржевомъ съѣздѣ приняты нежелательныя, по мнѣнію начальства, резолюціи, рѣшено впредь не допускать даже съѣздовъ городского и земскаго союзовъ; думскихъ разговоровъ рѣшено не терпѣть; печать рѣшено еще больше подтянуть; рѣшено широко воспользоваться 87 статьею. Такъ изо дня въ день предупреждаетъ печать. Въ правовой обстановкѣ, соотвѣтствующей такимъ ожиданіямъ, подкрѣпляемымъ достаточно убѣдительными фактами, трудно строить обширную общественную организацію. А еще труднѣе разсчитывать на какое-либо сотрудничество.

Самое важное для строящейся всероссійской продовольственной организаціи углубиться настолько, чтобы стать организаціей не только общественной, но и народной,—хотя бы только до нѣкоторой степени. Самое важное. Но и самое трудное.

III. Къ состоянію кооперативовъ. Еще о продовольственной мобилизаціи.

По трафаретной рецептурѣ дѣло принято представлять довольно просто: въ низахъ, и особенно деревенскихъ низахъ, пустила корни и дѣлаетъ огромные успѣхи кооперація; стоитъ привлечь представителей кооперативовъ, предоставивъ имъ надлежащія права,—вотъ и получатся опорныя точки въ глубинѣ народныхъ массъ. Правда, это будетъ глубина по преимуществу крестьянства, а не фабрично-заводскаго пролетаріата, наиболѣе остро чувствующаго продовольственную невзгоду. Но все-таки...

Въ защиту трафаретной рецептуры надо сказать, что на глубинѣ кооперативы—наиболѣе замѣтныя, а во многихъ случаяхъ и единственныя, ячейки, на которыя можетъ опереться мобилизація силъ страны по продовольственной части. А затѣмъ—кооперативы, дѣйствительно, пустили корень и, несомнѣнно, достигаютъ крупныхъ успѣховъ. На недавнемъ саратовскомъ губернскомъ кооперативномъ съѣздѣ представитель московскаго союза потребительныхъ обществъ далъ такую фактическую справку:

— Московскій союзъ возникъ 17 лѣтъ назадъ „при капиталѣ всего въ 1000 р.“... „Сначала мы занимались коммиссіонными операціями, а закупки производили сами потребительныя обще

ства"... Теперь „союзъ дошелъ почти до 50 мил. руб. годового оборота, расширилъ свою дѣятельность далеко за предѣлы Москвы, учредилъ агентуры для закупки товаровъ въ Рыбинскѣ, Астрахани, Н.-Новгородѣ, Ростовѣ и Лондонѣ... Союзъ переходитъ и къ созданію собственнаго производства. Мы имѣемъ уже махорочную фабрику съ оборотомъ въ 3 мил. руб., гдѣ скоро будетъ выдѣлываться и табакъ высшихъ сортовъ, двѣ мукомольныхъ мельницы и одну недавно купили въ Саратовской губ., въ Калистратовкѣ. Затѣмъ у насъ своя конфектная фабрика, спичечная, собственные пароходы и баржи. Мы развѣшиваемъ въ своей упаковкѣ чай и какао, имѣется лабораторія для изслѣдованія образцовъ товаровъ и продуктовъ. Союзъ имѣетъ два склада. Паевой капиталъ союза составляетъ 400.000 р... Не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ, и, несомнѣнно, наша кооперація не развивалась бы, еслибы мы думали только объ однихъ оборотахъ и прибыляхъ. Первые шаги нашего союза были въ области культурно-просвѣтительныхъ идей... Образовался секретаріатъ союза, который теперь разсылаетъ по всей Россіи инструкторовъ и лекторовъ, а также образовалъ издательскій отдѣлъ, выпустившій уже 250 тыс. экземпляровъ сочиненій, по коопераціи, издаетъ журналы: „Союзъ потребителей", „Объединеніе" и „Общее Дѣло". Устраиваемъ театры, имѣемъ для кооперативовъ декораціи, которыя даемъ на прокатъ. Издаемъ пьесы"... Въ союзъ входятъ теперь 300 потребительныхъ обществъ. „Въ настоящее время союзу стало уже не подъ силу обслуживать отдѣльныя общества по присылкѣ имъ мелкихъ разнообразныхъ заказовъ... Появилась нужда въ промежуточныхъ организаціяхъ,— провинціальныхъ союзахъ, и только за одну войну такихъ союзовъ возникло свыше 200"... [1]).

И продолжаютъ возникать. Въ видѣ примѣра укажу хотя бы на недавнее объединеніе 57 кредитныхъ товариществъ трехъ уѣздовъ Тамбовской губерніи (Елатомскаго, Шацкаго, Темниковскаго), объединеніе потребительныхъ кооперативовъ Саратовской губерніи. Извѣстно, какъ относился къ союзамъ кооперативовъ Н. А. Маклаковъ. А. Н. Хвостовъ держался еще правѣе и относительно кооперативныхъ союзовъ проявлялъ подчеркнутую непреклонность.

А все-таки возникаютъ и возникаютъ,—даже союзы кооперативовъ.

Въ еще болѣе сильной степени съ изумительной быстротою ростетъ число отдѣльныхъ кооперативовъ и число членовъ въ кооперативахъ. И опять-таки не смотря на внѣшнія препятствія. Они, конечно, задерживаютъ развитіе въ смыслѣ количественномъ. Отражаются и на качественной сторонѣ. Въ частности, они вынуждаютъ союзы ко-

---

[1]) „Саратовскій Листокъ", 17 апрѣля.

оперативовъ существовать не на основаніи уставовъ, а на началахъ компанейскихъ торгово-промышленныхъ предпріятій, оформленныхъ нотаріальнымъ договоромъ. Юридическія различія между уставнымъ и договорнымъ порядкомъ очень существенны и важны. Но все-таки препятствія безсильны остановить движеніе. И уже одно это—показатель его жизненности. Все такъ. Но есть у медали не только лицевая сторона.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ читаемъ:

Если и до войны ростъ числа потребительныхъ обществъ называли стихійно-быстрымъ, то теперь процессъ сталъ исключительно грандіознымъ и, пожалуй, даже тревожнымъ. Потребительныя общества возникаютъ не подъ вліяніемъ естественной тяги къ объединенію, а просто подъ давленіемъ неимовѣрной дороговизны... Къ созданію кооперативовъ устремляются повсюду, не заботясь о томъ, что неподалеку имѣются потребительныя общества. Общества открываются въ рядѣ сосѣднихъ селъ и деревень, отстоящихъ одна отъ другой на разстояніи 1—2 верстъ. Конечно, при такихъ условіяхъ не можетъ хватить ни организаціонныхъ силъ, ни средствъ, и получаются карликовыя общества.

Не совсѣмъ здоровый это ростъ. И не все благополучно съ грандіознымъ возростаніемъ числа членовъ,—среди нихъ, какъ выше сказано, есть и „сахарные члены“.

На недавнемъ совѣщаніи мѣстныхъ дѣятелей въ Казани по вопросу объ организаціи общественныхъ силъ для борьбы съ дороговизной (совѣщаніе было созвано на основаніи циркуляра министра земледѣлія) указывалось, что „включеніе кооперативовъ въ общій планъ продовольственныхъ мѣропріятій должно быть обусловлено однимъ непремѣннымъ обязательствомъ: обслуживать въ одинаковой степени какъ нужды своихъ членовъ, такъ и всѣхъ вообще потребителей“. Казанскіе общественные дѣятели (и притомъ отнюдь не черносотенные) предпочитаютъ опираться въ деревняхъ не столько на существующія кооперативныя ячейки, сколько на „волостныя продовольственныя попечительства“,—которыя еще надо создавать; „сельскую общественную лавку“ тѣ же казанскіе дѣятели, видимо, склонны считать болѣе надежнымъ распредѣлителемъ продуктовъ среди всего населенія, чѣмъ лавку кооперативную. И характерно,—съ казанскими дѣятелями въ этомъ, повидимому, согласны крестьяне, напр., Кіевской губерніи. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, буйный ростъ потребительской кооперации. Но одновременно съ этимъ „многія сельскія общества ходатайствуютъ“ о разрѣшеніи открывать общественныя потребительныя лавки... Причина проста. Кооперативы удовлетворяютъ прежде всего своихъ членовъ. Это ихъ право. Для этого они юридически и возникаютъ. Но, во-первыхъ, въ нихъ нахлынула масса новыхъ членовъ, которые только тѣмъ и интересуются, чтобы получить продукты себѣ и въ возможно большемъ количествѣ. Во-вторыхъ, въ руки кооперативовъ, какъ единственныхъ организованныхъ ячеекъ мѣстами попадаетъ все, что можетъ

быть получено на общую потребу. Естественно, здоровый государственный инстинктъ самого крестьянства не мирится съ такимъ положеніемъ. И возникаетъ движеніе въ пользу лавокъ сельскихъ обществъ. Движеніе въ смыслѣ практическомъ сомнительное. Въ лавкѣ сельскаго общества фактическимъ хозяиномъ быстро станетъ очередной любимчикъ земскаго начальника. Но самый фактъ тяготѣнія къ „общественному", публично-правовому принципу рядомъ съ ростомъ кооперативныхъ, частно-правовыхъ организацій симптоматиченъ.

Характерно подошелъ къ тому же вопросу упомянутый мною саратовскій губернскій съѣздъ представителей потребительныхъ обществъ. Среди постановленій этого съѣзда находимъ такой пунктъ:

Съѣздъ устанавливаетъ нежелательность потребительныхъ организацій, которыя учреждаются торговцами въ цѣляхъ эксплуатаціи населенія подъ вывѣской общественныхъ организацій, и проситъ обратить на это вниманіе проектируемаго бюро союзнаго объединенія и инструкторовъ.

Въ видахъ борьбы противъ торгашескихъ вліяній на жизнь и дѣятельность кооперативовъ съѣздъ намѣтилъ нѣкоторыя мѣры. Съ одной стороны, онъ постановилъ „воспретить торговцамъ-конкурентамъ вступать въ кооперативъ". Съ другой,—попытался формулировать положительныя нормы для организацій, вошедшихъ или имѣющихъ войти на правахъ членовъ въ возникающій губернскій союзъ. Постановлено „признать" за правило,

что культурно-просвѣтительная дѣятельность кооперативовъ есть неотъемлемая часть, душа кооперативнаго строительства. Съѣздъ предлагаетъ всѣмъ кооперативамъ, которые сейчасъ или впослѣдствіи войдутъ въ союзъ, производить обязательныя отчисленія на образованіе капитала на культурно-просвѣтительныя цѣли въ размѣрѣ не ниже 5% чистой прибыли и, помимо этого, проводить въ смѣтномъ порядкѣ отчисленія на тѣ же цѣли.

Въ развитіе этого пункта намѣчена программа культурно-просвѣтительной дѣятельности: 1) образовать при каждомъ кооперативѣ мѣстныя, а при саратовскомъ союзѣ центральную, коммиссіи для разработки и осуществленія мѣропріятій культурно-просвѣтительнаго характера; 2) учредить постоянные или временные кооперативные курсы; 3) организовать районный книжный складъ; 4) признать необходимымъ устройство лекцій и музея по коопераціи; 5) организовать какъ при самыхъ кооперативахъ, такъ и въ мѣстахъ населенія народа, разумные кинематографы, спектакли, экскурсіи и другія разумныя развлеченія; 6) организовать еженедѣльный кооперативный органъ, расходы по изданію котораго „должны быть приняты на средства всѣхъ кооперативовъ, вошедшихъ въ союзъ", и т. д. Къ этому прибавленъ и еще пунктъ, едва-ли пріемлемый для „потребительныхъ организацій, которыя учреждаются торговцами въ цѣляхъ эксплуатаціи населенія". Съѣздъ постановилъ, чтобы „прибыль, оставшаяся за от-

численіемъ на спеціальные фонды, распредѣлялась слѣдующимъ образомъ“:

а) на паи членамъ общества не свыше 6%; б) остальная сумма распредѣляется соотвѣтственно заборамъ, причемъ отчисленія на забранный рубль, причитающіяся не-членамъ, подлежатъ зачисленію въ культурно-просвѣтительный фондъ.

Наконецъ, и еще одинъ пунктъ: по какой цѣнѣ продавать продукты населенію,—по заготовительной, какъ принято земствами и городскими управленіями (съ надбавкою умѣренной торговой прибыли), или по рыночной,—какъ продаютъ частные торговцы? Саратовскій съѣздъ рѣшилъ, что

потребительныя общества должны продавать товаръ только по умѣреннымъ рыночнымъ цѣнамъ, а не по цѣнамъ закупки товаровъ, исключая случаи, когда на мѣстахъ устанавливаются явно спекулятивныя цѣны, къ каковымъ общества отнюдь не должны примѣняться,

за исключеніемъ нѣкоторыхъ—впрочемъ, умѣренныхъ и не предосудительныхъ—уступокъ коммерческому началу; все это хорошо, но едва-ли очень привлекательно для той публики, которая нахлынула въ кооперативы собственно ради полученія возможно большаго количества продуктовъ по возможно болѣе низкимъ цѣнамъ. И едва-ли можно удивляться, если эта публика пойдетъ не за съѣздомъ съ его постановленіями, а за тѣми же хотя бы торговцами.

„Кооперативы, учреждаемые торговцами“... Явленіе это замѣчается не только въ Саратовской губерніи. Въ видѣ примѣра беру корреспонденцію изъ Ветлужскаго уѣзда.

Открывшаяся въ с. Воскресенскомъ 14 декабря 1915 г. потребительская лавка нарушила радужныя мечты мѣстныхъ торговцевъ. На первыхъ порахъ торговцы надѣялись, что лавка не выживетъ долго. „Мы съ деньгами, да едва достаемъ товаръ; нижегородскіе купцы скорѣе отпустятъ товаръ намъ, чѣмъ потребилкамъ“,—говорили торговцы и ошиблись. Они не знали, что есть разныя организаціи, поддерживающія и снабжающія потребительныя общества средствами и товаромъ. Получка воскресенскимъ обществомъ потребителей крупной партіи сахара изъ московскаго союза потребительскихъ обществъ отрезвила торговцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ тоже направились въ Москву... Когда затѣя сорвалась, торговцы предлагали воскресенскому обществу потребителей жить въ дружбѣ, закупать и на ихъ долю сахаръ въ московскомъ союзѣ. Но и это сорвалось. Потребилка развивается, начинаетъ торговать по 3 и даже по 4 тысячи руб. въ базаръ, а у торговцевъ въ лавкахъ—пусто.

Коммерсанты рѣшили, что задавить потребилку можно только объединеніемъ, устройствомъ общей лавки съ капиталомъ не менѣе 50.000 р., а то и всѣхъ 100.000 р.; другими словами,—открыть второе потребительское общество и записаться во всѣ союзы (т. е. въ Московскій, центральный, и мѣстный, областной)... Долго торговцы не раздумывали... На-дняхъ созвали собраніе. Написали ходатайство о разрѣшеніи открыть въ Воскресенскомъ второе потребительское общество. Въ составъ будущаго синдиката, если онъ, конечно, будетъ разрѣшенъ, входятъ крупнѣйшіе торговцы... Уставъ общества посланъ. Размѣръ пая опредѣленъ въ 10 р. Все населеніе съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, чѣмъ окончится это... Если уловка торговцевъ увѣн-

чается успѣхомъ, то синдикаты подъ фирмой кооператива вездѣ будутъ забирать товары, и тогда держись потребитель. И теперь торговцы, получая отъ уполномоченнаго по продовольственному дѣлу крупчатку, брали за нее цѣны гораздо выше той, по какой обязывались подпиской торговать, и выше цѣнъ потребительской лавки („Нижегородскій Листокъ“, 28. IV).

Дѣло, быть можетъ, нѣсколько сложнѣе, чѣмъ рисуется корреспондентомъ. Представимъ однако, что оно обстоитъ именно такъ просто, какъ описывается въ „Нижегородскомъ Листкѣ“: торговцы села Воскресенскаго рѣшили образовать „синдикатъ“ и юридически оформляютъ этотъ замыселъ подъ флагомъ кооператива,—подобно, скажемъ, тому, какъ поступилъ недавній областной мукомольный съѣздъ въ Самарѣ, рѣшившій „образовать кооперативъ поволжскихъ мукомоловъ по закупкѣ зерна, топлива и прочихъ матеріаловъ для мельницъ“. Закупка и доставка стали до того сложной операціей, что синдицированіе промышленныхъ предпріятій можетъ усиливаться внѣ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ отношеній къ кооперативнымъ организаціямъ. А затѣмъ,—почему бы и не воспользоваться кооперативнымъ флагомъ? Флагъ популярный. Работа подъ нимъ протекаетъ въ атмосферѣ общественнаго сочувствія, пользуется поддержкою не только центральнаго кооперативнаго союза, но и другихъ организацій, а отчасти и государственныхъ учрежденій. И не однихъ земскихъ. Между прочимъ, уполномоченные по государственнымъ закупкамъ, организуя мѣстную агентуру, вступаютъ въ соглашеніе съ кооперативами и стараются обойтись безъ посредничества торговцевъ и скупщиковъ. Репутація, сочувствіе, поддержка, довѣріе—все это вѣдь капиталъ. Большой капиталъ. И промысловый человѣкъ пересталъ бы быть самимъ собою, еслибы не постарался присосѣдиться къ этому капиталу.

Если десять сельскихъ торговцевъ составятъ компанію, раздробятъ для видимости совмѣстную сумму на десяти-рублевые паи и на этомъ основаніи назовутъ свое сообщество кооперативомъ, уплатятъ членскій взносъ Московскому центральному союзу и союзу губернскому или областному, то вѣдь и въ самомъ дѣлѣ могутъ пользоваться... И товаръ могутъ для себя получить при помощи общественныхъ организацій и учрежденій, и сами могутъ помогать тѣмъ же хотя бы уполномоченнымъ по государственнымъ закупкамъ, и уполномоченнымъ ничто не помѣшаетъ сохранить увѣренность, что они обходятся безъ посредничества торговцевъ... Такая поддѣлка возможна. Но она груба, неумна. Да, пожалуй, и не вездѣ нужна. Дѣло, повторяю, сложное... Въ потребительскую организацію нахлынули... Въ кредитной такого наплыва нѣтъ... Но и о ней не сплошь отрадныя вѣсти. Беру еще одно газетное сообщеніе.

Лукояновское земство для организаціи продажи населенію хлѣба и кормовъ по заготовительной цѣнѣ получило отъ правительства ссуду въ 65.000 р. Самую продажу земство рѣшило производить черезъ кредитныя товарище-

тва въ уѣздѣ. Между прочимъ, земская управа вступила съ починковскимъ кредитнымъ товариществомъ въ договорное соглашеніе, по которому было условлено продавать населенію ржаную муку (размолъ за счетъ товарищества) по 1 р. 50 коп. за пудъ, а пшено по 2 р. 85 коп. за пудъ, предоставляя товариществу коммисіонныхъ по 4 коп. съ пуда. Еще не обсохло, можно сказать, перо, которымъ было подписано условіе съ земствомъ, какъ правленіе товарищества начало орудовать. Муку продавали по цѣнѣ выше указанной въ договорѣ. Покупателей заставляли брать ордеръ въ кредитной лавкѣ, а самимъ путешествовать на мельницу ($3^1/_2$ в.) за мукой. По повышенной цѣнѣ продавалось и пшено—3 руб. и дороже („Нижегородскій Листокъ", 24. IV).

Узнавъ объ этомъ, предсѣдатель земской управы обратился къ секретарю той же управы, состоящему въ числѣ выборныхъ должностныхъ лицъ починковскаго кредитнаго кооператива... Мѣры были приняты. И безобразіе, какъ можно надѣяться, прекратилось... Но эксплуатація населенія все-таки была. А руководятъ дѣломъ не торговцы...

Человѣческая масса, вошедшая въ кооперативы, вообще сложна и пестра. Вошла сельская крестьянская интеллигенція. Вошли и хозяйственные мужички. Одни настроены идеалистически, для нихъ наиболѣе привлекательна общественная сторона дѣла. Другимъ наиболѣе нравится сторона коммерческая. До войны во главѣ кооперативнаго движенія шла интеллигенція, но уже тогда выгоду „потребилокъ" и „кредитокъ" стали понимать и учитывать и люди коммерческихъ настроеній. Теперь, во время войны, интеллигенція продолжаетъ оставаться во главѣ, а выгоды стали еще болѣе значительными и наглядными. Въ кооперацію двинулись даже торговцы и скупщики. Кооперативная масса не могла не вырости за счетъ элементовъ населенія, настроенныхъ, во всякомъ случаѣ, не идеалистически. Въ связи съ нѣкоторымъ ослабленіемъ интеллигентныхъ силъ „молодой деревни", потребованныхъ мобилизаціями, это и привело къ замѣтному возростанію коммерческихъ, а порою и слишкомъ коммерческихъ, тенденцій. Немудрено, если рядомъ съ вліяніемъ интеллигенціи стали обозначаться вліянія иного рода,—въ частности, вліяніе профессіональныхъ торговцевъ. Въ этомъ одна изъ причинъ появленія новыхъ мелкихъ кооперативовъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ старыхъ, успѣвшихъ окрѣпнуть. Тутъ не всегда организаціонныя ошибки,—а просто размежеваніе разнородныхъ элементовъ.

Лично я смотрю на это, какъ на неизбѣжную болѣзнь роста. „Зубки прорѣзываются". Разумѣется, неизбѣжна борьба. Въ борьбѣ, безъ сомнѣнія, отпадутъ крайне идеалистическія представленія о возможной роли кооперативовъ. Но не одержатъ побѣду и слишкомъ коммерческія тенденціи. Въ конечномъ счетѣ получатся, вѣроятно, такіе же кооперативы, какъ и у всѣхъ культурныхъ народовъ,—великолѣпное изобрѣтеніе культуры, но не панацея.

За будущее собственно кооперацiи нѣтъ основанія опасаться. Но сейчасъ передъ нами другая задача — мобилизовать силы

страны для возможно болѣе разумнаго распредѣленія, а отчасти и сформированія предметовъ необходимости. Мы все предъ тѣмъ же вопросомъ: какъ продвинуть организаціонную линію въ глубину. Ввести въ планъ кооперативы? Мы уже отмѣтили, что говорятъ по этому поводу нѣкоторые мѣстные люди. А они говорятъ на основаніи не только апріорныхъ соображеній,—впрочемъ, безспорныхъ. Есть вѣдь и указанія опыта. Между прочимъ, есть мѣста, въ которыхъ продовольственную часть обслуживаютъ главнымъ образомъ представители кооператива. Примѣръ этихъ мѣстъ въ особенности побуждаетъ отдавать предпочтеніе публично-правовому началу. „Волостныя продовольственныя попечительства"? Мы пережили печальный опытъ волостныхъ попечительствъ по призрѣнію солдатскихъ семей. И онъ дополнительно показалъ намъ, во что превращаются самыя лучшія намѣренія и настроенія крестьянъ, если они попадаютъ въ ту правовую и бытовую обстановку, въ которой принуждена жить волость. Есть еще предложеніе: созвать крестьянскій и рабочій съѣздъ. Это дастъ, по крайней мѣрѣ, возможность услыхать подлинный голосъ земли и установить съ землею ту или иную связь. Высказаться за созывъ крестьянскаго и рабочаго съѣзда предлагалось и апрѣльскому съѣзду биржевой торговли. Но предложеніе было отвергнуто, за него подано лишь 3 голоса. Не только внѣшнія, значитъ, препятствія. Въ составъ самихъ общественныхъ группъ, взявшихся за организацію силъ, вошли элементы, которые не очень сильно хотятъ, а, можетъ быть, и не хотятъ созыва рабочаго и крестьянскаго съѣздовъ.

Въ трудныя историческія эпохи часто сила энтузіазма устраняетъ и внѣшнія преграды, и внутреннія тренія, находитъ порою блестящій выходъ изъ положеній, которыя кажутся безвыходными. Но энтузіазма у насъ нѣтъ. Сейчасъ нѣтъ даже того огонька воодушевленія, какой былъ въ извѣстной части общества, когда мобилизовались силы для военно промышленныхъ комитетовъ. Та, военно-промышленная, мобилизація шла все-таки съ нѣкоторымъ подъемомъ. Эта, продовольственная, — идетъ даже безъ подъема (не говоря уже объ энтузіазмѣ). Есть представленіе, передъ чѣмъ страна стоитъ. Есть сознаніе, что надо хоть что-нибудь дѣлать, хоть какъ-нибудь выполнить долгъ. И долгъ выполняется,—но безъ воодушевленія, скорѣе съ холодкомъ безнадежности. И это понятно. Было время, когда общество переоцѣнивало свои силы. И тогда казалось, что силы народа не такъ ужъ важны,—„своими обойдемся". Жизнь дала много жестокихъ уроковъ. Въ свои силы общество изверилось. А силы народа... Я вотъ читаю въ газетахъ, какое видное участіе принимаетъ въ продовольственной мобилизаціи Н. И. Гучковъ. Но, право, не знаю, измѣнилось ли его прежнее, весьма отрицательное, отношеніе къ силамъ народа...

А. Петрищевъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. Дублинское возстаніе: возникновеніе Синнъ-Фейна и вожаки движенія.—
2. Ходъ мятежа, парламентскія пренія о немъ и его возможныя послѣдствія.—
3. Положеніе дѣлъ на рубежѣ 23-го мѣсяца войны.

I.

Англійскія газеты кишатъ подробностями о возстаніи синнъ-фейнеровъ, которое длилось недѣлю въ Дублинѣ и сопровождалось разрозненными вспышками на западномъ и юго-восточномъ побережьѣ Ирландіи. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, эти наскоро печатаемыя свѣдѣнія заключаютъ въ себѣ не мало вещей видимо ложныхъ и прямо нелѣпыхъ. А подробныя офиціальныя сообщенія только что начинаютъ появляться [1]). Кромѣ того, большинство органовъ печати разсматриваютъ все движеніе съ крайне враждебной точки зрѣнія. И издали не такъ-то легко оріентироваться въ характерѣ возстанія. Я попробую подвести здѣсь итоги тому, что мнѣ представляется наиболѣе достовѣрнымъ, и высказать нѣсколько соображеній относительно почвы, на которой возникла и выросла революціонная попытка.

Партія, или, лучше сказать, теченіе Синнъ-Фейна при своемъ возникновеніи не было тѣмъ, чѣмъ стало позже, когда осложнилось привносами двухъ-трехъ различныхъ политическихъ факторовъ. Впервые имя Синнъ-Фейнъ [2]) появляется въ еженедѣльникѣ „Объединенный Ирландецъ“, который издавался въ началѣ этого столѣтія нѣкіимъ Артуромъ Гриффитомъ. Гриффитъ вышелъ изъ рядовъ рабочаго класса, въ молодости былъ наборщикомъ, но по своему направленію принадлежалъ къ тѣмъ крайнимъ революціонерамъ-націоналистамъ, которые никогда не переводились въ Ирландіи и въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, четверти вѣка, съ конца 50-хъ до средины 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, пріобрѣли подъ именемъ феніевъ кровавую извѣстность своей заговорщицкой и террористической дѣятельностью. Революціонные пріемы играли вообще значительную роль въ программахъ политическихъ дѣятелей Ирландіи, стремившихся оторваться отъ того насильствен-

[1]) Начатый противъ Кэзмента процессъ по обвиненію въ измѣнѣ и показанія подавшихъ въ отставку статсъ-секретаря Ирландіи и его товарища передъ соціальной королевской коммиссіей впервые устанавливаютъ съ достаточной точностью кой-какіе прецеденты и факты возстанія.

[2]) На современномъ ирландскомъ діалектѣ произносится Шиннъ-Фейнъ согласно правилу: палатальное (смягченное) s почти какъ англійское sh.

наго союза съ Англіей, который, послѣ продолжительной борьбы за независимость, былъ навязанъ окончательно „Зеленому Эрину“ побѣдителями съ 1 января 1801 г. Даже такой крупный политикъ, какъ Парнелль, прославившійся необыкновеннымъ искусствомъ въ парламентской борьбѣ, въ сущности не считалъ цѣлесообразнымъ ограничиваться для защиты интересовъ Ирландіи исключительно легальной дѣятельностью. И, самъ лично не питая вкуса къ заговорамъ и возстаніямъ, никогда однако не осуждалъ людей, стремившихся къ независимости родины иными путями.

Да и какъ ему было отрицательно относиться къ этимъ другимъ путямъ, когда сами гладстоніанцы признавались, что два первыхъ мало-мальски значительныхъ акта, открывавшіе эру реформъ въ Ирландіи,—а именно отдѣленіе англиканской церкви отъ государства въ 1869 г. и аграрный законъ 1870 г., дававшій фермерамъ возможность дешевле пріобрѣтать землю,—были въ значительной мѣрѣ внушены правительству желаніемъ ослабить революціонное настроеніе ирландцевъ, сказывавшееся въ безпрестанныхъ заговорахъ феніевъ. Одною изъ сильныхъ сторонъ Парнелля и было умѣнье пользоваться даже старыми феніанскими традиціями и симпатіями для требованія политическаго самоуправленія и аграрныхъ реформъ [1]). И хотя съ теченіемъ времени Парнелль выдвигалъ на первый планъ все болѣе и болѣе практическое осуществленіе автономіи Ирландіи въ формѣ гомруля, онъ всегда ставилъ своей окончательной цѣлью полнѣйшее освобожденіе своего отечества отъ англійскаго владычества, а революцію отвергалъ лишь за ея нецѣлесообразность.

Такъ, во время своего путешествія въ Америку въ началѣ 1880 г., онъ публично заявлялъ, что не имѣлъ бы ничего противъ вооруженнаго возстанія, какъ быстрѣйшаго способа покончить съ ирландскимъ вопросомъ, еслибы не считалъ его при данныхъ обстоятельствахъ безусловно невозможнымъ, и что во всякомъ случаѣ его идеалъ — независимость Ирландіи. „Не забудемъ, что это является окончательною цѣлью всѣхъ ирландцевъ. Никто изъ насъ, находись онъ въ Америкѣ, въ Ирландіи или еще гдѣ, не можетъ считать себя удовлетвореннымъ, покамѣстъ мы не

---

[1]) У англійскихъ историковъ нерѣдко замѣчается склонность разсматривать феніанское движеніе, какъ движеніе исключительно политическое. Но Марксъ еще въ ноябрѣ 1867 г., во время большого процесса ирландскихъ террористовъ, указывалъ на соціальную сторону этого революціоннаго теченія: „Съ 1846 г. экономическое содержаніе, а потому и политическая цѣль, англійскаго владычества въ Ирландіи вступили въ совершенно новую фазу, и именно поэтому феніанизмъ отличается соціалистическими тенденціями (въ отрицательномъ смыслѣ, т. е. идущими противъ присвоенія земельной собственности) и носитъ характеръ движенія низшихъ классовъ“, „Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx“, Штуттгартъ, 1913, т. III, стр. 434—435.

разорвемъ послѣдняго звена, которое приковываетъ Ирландію къ Англіи". Что касается до пріемовъ борьбы, то тогда же онъ опредѣлялъ ихъ такъ: „Истинное революціонное движеніе въ Ирландіи должно, по моему мнѣнію, одновременно носить и конституціонный, и нелегальный характеръ. Оно должно быть одинаково и открытой, и тайной организаціей, пользоваться для своихъ цѣлей конституціей и въ то же время опираться на тайное сплоченіе силъ (secret combination)".

Я напомнилъ объ этихъ взглядахъ замѣчательнѣйшаго дѣятеля Ирландіи съ цѣлью указать, что независимость родины являлась окончательнымъ идеаломъ всѣхъ ирландскихъ патріотовъ, которые при извѣстныхъ условіяхъ не отказались бы для достиженія его ни отъ какихъ видовъ борьбы. Но возвратимся къ Артуру Гриффиту и его „Объединенному Ирландцу". Въ своемъ органѣ онъ проповѣдывалъ сначала независимую ирландскую республику, осуществляемую старыми пріемами революціоннаго феніанства. Однако въ 1904 г. онъ внесъ поправку въ эту революціонную тактику, раздумывая надъ результатами, полученными въ борьбѣ противъ Австріи венгерскою партіею независимости, которая, путемъ энергичной и искусной парламентской обструкціи, достигшей своего кульминаціоннаго пункта какъ разъ въ 1904 г., сломила долго господствовавшую въ странѣ и парламентѣ либеральную партію. Гриффитъ, разсматривая по-своему эту полосу венгерской исторіи, пришелъ къ заключенію, что и Ирландія можетъ добиться своей независимости, не прибѣгая къ силѣ оружія. Отсюда—новая программа.

Гриффитъ требовалъ теперь, чтобы ирландская парламентская партія ушла изъ англійскаго парламента и образовала ядро національнаго совѣта изъ 300 членовъ (недостающее до этой цифры число представителей должно было, по его плану, быть выбрано мѣстными учрежденіями). Этотъ совѣтъ долженъ засѣдать въ Дублинѣ и посвятить себя исключительно рѣшенію національныхъ вопросовъ и управленію всѣми дѣлами страны. Для того, чтобы подорвать зависимость своего отечества отъ Англіи въ судебной сферѣ, Гриффитъ рекомендовалъ установленіе по всей Ирландіи особыхъ національныхъ третейскихъ судовъ, которые рѣшали бы всѣ споры и недоразумѣнія, могущіе возникать между жителями. Въ области фискальной политики Гриффитъ требовалъ отъ своихъ соотечественниковъ пассивнаго, но рѣшительнаго, сопротивленія платежу какихъ бы то ни было налоговъ, голосуемыхъ англійскимъ парламентомъ. Въ экономической сферѣ онъ ставилъ передъ ирландцами задачу дѣятельнаго развитія мѣстной промышленности, чтобы уничтожить экономическую зависимость Ирландіи отъ Англіи, сочетая земледѣліе съ индустріей. Наконецъ, въ области культурной Гриффитъ страстно пропагандировалъ необходимость возрожденія и расширенія гэльской (ирландской) лите-

ратуры, гэльскаго искусства, старинныхъ ирландскихъ ремеслъ. Тогда же онъ придалъ новому движенію и эпитетъ Синнъ-Фейнъ, т. е. „мы сами одни". Это названіе замѣнило и на газетѣ прежнее названіе „Объединенный Ирландецъ", и подъ заглавіемъ красовался напечатанный крупнымъ шрифтомъ лозунгъ: „Пусть мы не можемъ побѣдить Англію,—мы можемъ ее игнорировать".

Таковъ одинъ изъ элементовъ, вошедшихъ въ образованіе теченія синнъ-фейнеровъ. Но приблизительно въ это же время, а именно въ 1905 г., долго стоявшіе у власти консерваторы, которые вынуждались къ реформамъ въ Ирландіи лишь самимъ ходомъ событій и борьбою съ либералами, принуждены были уступить мѣсто либераламъ, которые со временъ парнеллевской агитаціи все съ большею и большею доброжелательностью смотрѣли на ирландцевъ и готовы были имъ дать болѣе или менѣе широкую автономію, при сохраненіи связи съ Великобританіей. Чисто политическія требованія ирландскихъ патріотовъ теряли при такихъ условіяхъ всю свою болѣзненную остроту,—какъ еще ранѣе потеряли свою остроту экономическія требованія, которыя были въ немалой степени удовлетворены аграрными реформами послѣднихъ десятилѣтій. Въ сердцѣ населенія загоралась надежда на близкій гомруль. Частныя реформы въ культурной области казались предвѣстниками національной автономіи. Умѣренные патріоты были, напр., очень довольны тѣмъ, что законъ объ ирландскихъ высшихъ школахъ 1908 г. закрылъ королевскій университетъ въ Дублинѣ и королевскій же колледжъ въ Бельфастѣ и замѣнилъ ихъ національнымъ ирландскимъ университетомъ въ Дублинѣ, такимъ же университетомъ въ Бельфастѣ, колледжами въ Дублинѣ, Коркѣ и Голуэ.

Когда либеральный кабинетъ внесъ въ парламентъ весной 1912 г. билль о столь давно требуемомъ Ирландіей гомрулѣ, то этимъ самымъ онъ сильно выкосилъ траву подъ ногами синнъ-фейнеровъ, которымъ оставалась теперь роль почтенныхъ фольклористовъ, возстановителей стараго языка и любителей старинной культуры. Возможность осуществленія національныхъ требованій въ политической, а отчасти и соціальной, сферѣ естественно заставляла большинство населенія группироваться вокругъ ирландскаго представительства въ англійскомъ парламентѣ, главнымъ образомъ слагавшагося изъ тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые во главѣ съ Рэдмондомъ остались въ общемъ вѣрны политикѣ Парнелля, хотя, можетъ быть, и усилили въ ней элементъ конституціонности на счетъ нелегальности. Въ рядахъ синнъ-фейнеровъ оказались теперь, кромѣ уже упомянутыхъ любителей гэльской цивилизаціи, развѣ лишь непримиримые идеологи обособленной отъ всего англійскаго ирландской республики. Они вербовались почти исключительно среди интеллигенціи и выдвигали лозунгъ совершенно независимаго отъ Велико-

британіи гэльскаго національнаго государства. Однако это не мѣшало парламентскимъ націоналистамъ смотрѣть на синнъ-фейнеровъ, какъ на людей, съ которыми можно было при случаѣ столковываться, тѣмъ болѣе, что по самой отвлеченности своихъ воззрѣній эти утописты, казалось, не могли оказывать особенно вреднаго вліянія на движеніе Ирландіи по пути къ автономіи.

Однако въ исторіи почти всякое крупное общественное преобразованіе вызываетъ сложныя и отчасти противорѣчивыя послѣдствія. Та самая программа гомруля, которая непосредственно отнимала поддержку массъ у синнъ-фейнеровъ, своеобразнымъ отраженнымъ ударомъ оживляла это движеніе, выдвигая въ сердцѣ Ирландіи ожесточенныхъ враговъ національныхъ стремленій и по закону реакціи усиливая сопротивленіе крайнихъ партій. Въ 1913 г. и въ первой половинѣ 1914 г. вплоть до самой войны протестантская часть жителей сѣверной провинціи Ирландіи, или такъ называемаго Эльстера, поджигаемая политиканами уніонистскаго лагеря, развернула знамя открытаго возстанія противъ Ирландіи во имя великодержавной британской политики. Сейчасъ же получился рядъ вопіющихъ парадоксовъ, и положеніе дѣлъ въ странѣ сильно усложнилось.

Дѣйствительно, согласно переписи 1911 г. громадное большинство населенія Ирландіи, а именно изъ общаго числа 4.390.219 жителей, 3.238.656 чел. принадлежали къ римско-католическому вѣроисповѣданію; протестантовъ-епископалистовъ считалось 574.489 чел., пресвитеріанцевъ—439.876 чел., методистовъ—61.806 чел. А по провинціямъ римскіе католики составляли: въ Линстерѣ—85,2%, въ Мёнстерѣ—94%, въ Коннотѣ—96,3%. Только въ протестантскомъ Эльстерѣ на 794.274 чел. разныхъ вѣроисповѣданій римскихъ католиковъ было всего 394.421, т. е. 33,1% [1]). И что же? Такъ называемые оранжисты, хотя почти повсюду находящіеся въ крайнемъ меньшинствѣ и лишь въ Эльстерѣ доходящіе до 2/3 мѣстнаго населенія, выставили претензію навязать свою волю большинству. Однако во имя чего они боролись противъ самоуправленія Ирландіи? Во имя того, что 4 съ третью милліона ирландцевъ составляютъ едва-ли одну десятую 45 милліоновъ жителей Соединеннаго королевства, этнографической и политической осью котораго должны являться, по ихъ мнѣнію, 34 милліона чел. державной національности. Но, составляя въ свою очередь незначительную часть всего ирландскаго населенія, они однако считали возможнымъ диктовать свои притязанія на господство цѣлой страны. Далѣе. Что представлялось имъ самымъ тяжелымъ грѣхомъ ирландцевъ по отношенію къ Англіи? Ихъ стремленіе отдѣлиться отъ Соединеннаго королевства. И однако тѣ же самые оранжисты громогласно заявляли, что они не только отдѣлятся отъ Ирландіи

[1]) „The Britannica Year-Book"; Лондонъ, 1913, стр. 601.

въ случаѣ, если она станетъ самостоятельной, но съ оружіемъ въ рукахъ будутъ защищать право Эльстера быть совершенно независимой и обособленной частью Ирландіи.

Они бросали въ лицо ирландцамъ эпитетъ „измѣнники“, потому что тѣ пытались искать втеченіе своей многострадальной исторіи союзниковъ за границею, добывать оружіе на чужбинѣ, организовать вооруженную силу для сопротивленія. Но чѣмъ занимались сами оранжисты, вдохновляемые людьми вродѣ Эдуарда Карсона? Они выписывали оружіе изъ нѣмецкихъ портовъ. Устами своихъ протестантскихъ проповѣдниковъ они заявляли, что вмѣсто того, чтобы подчиниться папистамъ, они передадутся могущественному континентальному монарху протестантскаго же вѣроисповѣданія,—читай: германскому императору. Они сорганизовали армію въ 100.000 человѣкъ, обученіемъ которой занимались англійскіе офицеры и генералы, устраивая смотры и производя настоящіе маневры. И, благодаря попустительству и симпатіямъ мѣстной администраціи, которая недостаточно слѣдовала инструкціямъ либеральнаго кабинета, они готовились поднять знамя возстанія не только противъ громаднаго большинства ирландскаго населенія, но и противъ законнаго рѣшенія англійскаго парламента. Они провозглашали право на революцію. Они проповѣдывали гражданскую войну. Они очень чувствительно и горячо доказывали, что обязанность подчиняться законамъ есть не абсолютная, а условная обязанность и находится въ зависимости отъ того, справедливъ ли данный законъ, не нарушаетъ ли онъ основныхъ правъ человѣка и гражданина. Они, нисколько не стѣсняясь, говорили, что предпочтутъ своему королю чужого властителя, разъ онъ дастъ имъ возможность сохранить неприкосновенными ихъ національныя, религіозныя и политическія традиціи. Мало того, они не ограничивались словами, а приступали не разъ къ дѣйствіямъ, напр., не только привозя оружіе изъ Германіи, но и перерѣзывая при этой операціи телеграфные и телефонные провода, захватывая желѣзнодорожныя станціи, арестуя таможенныхъ и т. п.

Это боевое, ни передъ чѣмъ не останавливающееся настроеніе незначительнаго оранжистскаго меньшинства, шедшаго противъ всего ирландскаго населенія, не могло не вызвать среди послѣднихъ желанія сопротивляться такимъ притязаніямъ, силѣ противоставить силу. И вотъ противъ эльстерской арміи стала формироваться армія „ирландскихъ волонтеровъ“ (вначалѣ называвшихъ себя также и „національными волонтерами“). Иниціаторами этого движенія явились профессоръ средневѣковаго ирландскаго языка Джонъ Макнейль и сэръ Роджэръ Кэзментъ (о которомъ ниже). Возникновеніе этой добровольческой милиціи было разсказано въ появившейся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ книгѣ „Тайная исторія ирландскихъ волонтеровъ“, написанной казначеемъ организа-

ціи Тэ-О'Рэхилли [1]), Въ этомъ этюдѣ сообщаются, между прочимъ небезынтересныя данныя о томъ, какъ отнеслись къ формированію ирландскихъ національныхъ дружинъ парламентскіе націоналисты.

Рэдмондъ, глубоко вѣрившій въ то, что Ирландія при либеральномъ министерствѣ можетъ чисто парламентскимъ путемъ получить національную автономію, не смотря на досадное сопротивленіе оранжистовъ, считалъ, что организація ирландскихъ волонтеровъ можетъ принести только вредъ и притомъ заранѣе обречена на неуспѣхъ. Однако по мѣрѣ того, какъ вербовка добровольцевъ принимала все болѣе широкіе размѣры и синнъ-фейнеры стали руководителями этого движенія, старый вождь ирландцевъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе на растущую силу и пріобрѣсти контроль надъ нею. Въ іюнѣ 1914 г. онъ предложилъ ввести въ верховный комитетъ, управлявшій всей военно-національной организаціей, 25 членовъ по назначенію ирландской парламентской партіи. Предложеніе Рэдмонда было принято, но крайніе націоналисты зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы его сторонники не взяли верха въ комитетѣ.

Когда вспыхнула великая война съ центральными державами и англійское правительство стало на сторонѣ Россіи и Франціи, среди комитета возникли отчаянныя распри и онъ распался. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и добровольческое движеніе приняло въ Ирландіи двоякую форму. Дружины синнъ-фейнеровъ стали на точку зрѣнія непримиримыхъ республиканцевъ, которые видятъ въ Англіи своего врага, а въ тѣхъ державахъ, которыя начали борьбу противъ Англіи, своихъ естественныхъ союзниковъ. Но рядомъ съ „ирландскими волонтерами" крайне націоналистскаго пошиба продолжали формироваться въ Ирландіи и отправляться на фронтъ добровольцы, оставшіеся вѣрными Соединенному королевству и называвшіе себя, въ отличіе отъ „ирландскихъ волонтеровъ", исключительно „національными волонтерами". Большинство добровольцевъ, хотя уменьшившееся подъ вліяніемъ пропаганды синнъ-фейнеровъ, принадлежитъ къ этой послѣдней категоріи. Передъ возстаніемъ ихъ насчитывалось,—по словамъ товарища ирландскаго статсъ-секретаря, Мэтью Натана, дававшаго показанія спеціальной коммиссіи,—105.000 чел., тогда какъ „ирландскихъ волонтеровъ" было всего 15.200, изъ которыхъ 12.850 въ Дублинѣ [2]). Одновременно съ организаціей крайнихъ националистическихъ дружинъ возникли подъ названіемъ „гражданской арміи" рабочія дружины, которыя вызвалъ къ жизни извѣстный агитаторъ-синдикалистъ Ларкинъ. Отрицательно относясь къ участію ирландскаго народа въ великой войнѣ, Ларкинъ,—кстати сказать, уѣхавшій въ концѣ 1914 г. въ

[1]) The O'Rahilly, „The Secret History of Irish Volunteers".

[2]) „The Times", 19 мая 1916 г.

Америку и до сихъ поръ остающійся въ Соединенныхъ Штатахъ,— не возражалъ ничего противъ совмѣстной или, по крайней мѣрѣ параллельной дѣятельности синдикалистскихъ дружинъ съ волонтерами Синнъ-Фейна.

Въ нашихъ рукахъ не находится, впрочемъ, пока достаточно данныхъ для точнаго установленія отношеній, въ которыхъ рабочія дружины стояли къ волонтерамъ крайней націоналистской партіи. Тотъ фактъ, что въ числѣ мятежниковъ видную роль игралъ Джэмсъ Конколли, одинъ изъ главныхъ адъютантовъ Ларкина, указываетъ на то, что между синдикалистами и синнъ-фейнерами установилось боевое сотрудничество. Но насколько прочень узелъ, связывающій эти двѣ организаціи, трудно сказать. И рабочіе волонтеры Ларкина, и революціонеры Синнъ-Фейна избрали своей военной формой общій сѣро-зеленый мундиръ, но сохранили и особенности костюма: синдикалисты носятъ шляпу съ полями, а ирландскіе дружинники—маленькую шапочку, напоминающую головной уборъ англійскихъ солдатъ. Во всякомъ случаѣ уже довольно давно между революціонными націоналистами и ларкинистами происходили переговоры, иниціатива которыхъ принадлежала синнъ-фейнерамъ и которые приняли особенно оживленный характеръ съ конца 1915 г. Интеллигенты, стоявшіе во главѣ Синнъ-Фейна, должны были, дѣйствительно, понять, что съ однѣми силами своихъ сторонниковъ,—профессоровъ, учителей, литераторовъ, артистовъ, чиновниковъ, — они не могутъ сформировать значительную армію и рѣшили вступить въ соглашеніе съ ларкинистской милиціей, контингентъ которой составляли главнымъ образомъ молодые члены союза рабочихъ разныхъ транспортныхъ предпріятій, сорганизованныхъ Ларкинымъ во время огромныхъ стачекъ 1913 г. Натанъ полагаетъ, что уже съ половины марта 1916 г. обѣ организаціи объединились для борьбы съ „англійскимъ врагомъ“.

Не надо забывать, что до великой войны партія Синнъ-Фейнъ очень рѣзко критиковала съ узко-націоналистической точки зрѣнія ирландскихъ соціалистовъ и синдикалистовъ. Боевой ирландскій соціализмъ былъ ввезенъ въ Ирландію еще раньше Ларкина,—и, по странной ироніи судьбы, уже упомянутымъ Коннолли, который былъ взятъ теперь съ оружіемъ въ рукахъ и разстрѣлянъ военнымъ судомъ. Попытка Уильяма Морриса въ концѣ 80-хъ годовъ пропагандировать идеи интернаціональнаго соціализма въ Ирландіи потерпѣла крупное фіаско. Немногіе рабочіе, примкнувшіе здѣсь къ организовавшейся тогда повсюду въ Англіи соціалистической партіи, были исключительно англійскаго или шотландскаго происхожденія, или же принадлежали къ категоріи ирландцевъ, долго жившихъ въ Великобританіи. Всякій разъ, когда англійскіе соціалисты обращались къ ирландской аудиторіи съ проповѣдью обобществленія земельной собственности, они встрѣчались

съ крайнимъ раздраженіемъ ирландскихъ націоналистовъ, идеаломъ которыхъ была частная—мелкая и средняя—собственность, принадлежащая исконнымъ дѣтямъ „Зеленаго Эрина". Частная собственность и религія—въ данномъ случаѣ религія римско-католическая—были въ глазахъ ирландскихъ патріотовъ краеугольными камнями національнаго благополучія.

Однако уже упомянутому Коннолли, возвратившемуся на родину въ 1910 г., послѣ тщетныхъ попытокъ распространить соціализмъ среди ирландцевъ, живущихъ въ Америкѣ, удалось положить въ Дублинѣ основаніе первой соціалистической организаціи. Къ этому времени относится его книга „Трудъ въ исторіи Ирландіи" [1]), которую даже въ настоящій моментъ крайняго возбужденія англичанъ противъ ирландскаго мятежа и даже заклятые враги соціализма считаютъ незаурряднымъ изслѣдованіемъ ирландскихъ соціальныхъ отношеній въ дотолѣ неизученныхъ областяхъ, притомъ написаннымъ съ большимъ литературнымъ талантомъ. Въ этой книгѣ Коннолли старался показать, что „лишь ирландскій рабочій классъ остался неподкупнымъ и вѣрнымъ наслѣдникомъ борьбы за свободу Ирландіи".

Только послѣ того, какъ Джемсъ Коннолли пріобрѣлъ извѣстную популярность въ Ирландіи, здѣсь появился ирландецъ же, Джемсъ Ларкинъ,—внукъ казненнаго въ 1867 г. фенія Ларкина,—который быстро пріобрѣлъ громадное вліяніе на рабочихъ энергіею своихъ убѣжденій, рѣзкостью своихъ соціальныхъ и политическихъ требованій, идущихъ въ духѣ крайняго синдикализма противъ всякой парламентской и вообще легальной дѣятельности соціалистовъ, а также своимъ неправильнымъ, порою почти несвязнымъ, но очень образнымъ и поистинѣ народнымъ краснорѣчіемъ. Джемсъ Коннолли съ радостью привѣтствовалъ появленіе на ирландской почвѣ Джемса Ларкина и претендовалъ отнынѣ лишь на роль правой руки и помощника народнаго агитатора. „Партія двухъ Джимовъ" въ короткое время достигла среди рабочихъ Ирландіи невиданныхъ дотолѣ размѣровъ. Литературнымъ выразителемъ взглядовъ этого боевого синдикализма оставался Коннолли, который въ органѣ „Irish Worker" (Ирландскій Рабочій) искусно примѣшивалъ къ пропагандѣ крайнихъ націоналистическихъ республиканскихъ идеаловъ пропаганду принциповъ международнаго рабочаго соціализма. Однако до самой войны проповѣдь этихъ идей встрѣчала сопротивленіе не только со стороны умѣренныхъ націоналистовъ Ирландіи, вродѣ Рэдмонда, но и со стороны синнъ-фейнеровъ. Во время гигантской стачки 1913 г. въ Дублинѣ на Ларкина и его сторонниковъ ополчались не только умѣренные націоналисты-католики, не только протестанты-оранжисты, но и самые крайніе послѣдователи Синнъ-Фейна. Въ органѣ такъ называемаго гэльскаго союза „An Claid-

[1]) James Connolly, „Labour in Irish History".

heamn Solus" (Свѣтлый Мечъ) ларкинисты клеймились, какъ „эмиссары изъ страны наслѣдственныхъ враговъ Ирландіи", которые обращаются къ ирландцамъ съ кощунственнымъ приглашеніемъ „отречься отъ родной земли и самое имя ирландца замѣнить названіемъ „гражданина всего міра". „Съ глубокимъ смущеніемъ и печальнымъ удивленіемъ слушаешь такія вещи и спрашиваешь себя: Да гдѣ же мы? Въ Ирландіи, или въ какомъ-то англійскомъ графствѣ?".

Какъ бы то ни было, Коннолли сталъ въ послѣднее время однимъ изъ вожаковъ синнъ-фейнеровъ на ряду съ прежними лидерами этой крайне націоналистской партіи. Вотъ нѣсколько бѣглыхъ абрисовъ выдающихся дѣятелей этого движенія, часть которыхъ уже разстрѣляна англичанами, а другая ждетъ или смерти, или долговременной каторги. Душею всей организаціи былъ Патрикъ Пирсъ,—или Падраикъ Макъ-Піорайсъ, какъ онъ называется на гэльскомъ языкѣ,—игравшій въ послѣднемъ мя тежѣ роль генералиссимуса арміи Ирландской республики и президента временнаго правительства. Это еще молодой человѣкъ, 36 лѣтъ отъ роду, адвокатъ и педагогъ, занимавшій постъ директора одного очень популярнаго въ Дублинѣ средняго мужского заведенія. Колледжъ Пирса посѣщался нѣсколькими сотнями мальчиковъ и молодыхъ людей и пользовался широкой извѣстностью среди національныхъ круговъ Ирландіи, такъ какъ всѣ предметы въ этомъ заведеніи, вплоть до математики, физики и философіи, проходились на двухъ языкахъ: на ирландскомъ и на англійскомъ.

Когда въ августѣ 1915 г. тѣло стараго ирландскаго революціонера, О'Донована Россы, было перевезено изъ Америки въ Ирландію, то на большой національной демонстраціи Пирсъ былъ избранъ ораторомъ крайнихъ націоналистовъ. Ставъ у могилы въ формѣ офицера ирландскихъ волонтеровъ, онъ произнесъ сначала по-ирландски, а затѣмъ по-англійски нѣсколько горячихъ словъ: „Сѣмена, брошенныя молодежью 65 и 67 гг., готовы дать чудесную жатву. Жизнь рождается изъ смерти, и изъ гробовъ патріотовъ-мужчинъ и женщинъ возстають живыя націи. Защитники англійскаго государства усиленно работали и тайно, и явно. Они воображали, что купили половину изъ насъ и терроризировали другую. Они думали, что все предвидѣли, противъ всего приняли предосторожности. Но, — о тройные глупцы!—они оставили намъ нашихъ великихъ мертвецовъ,—феніевъ. И пока ирландская земля хранитъ ихъ могилы, наше порабощенное отечество никогда не успокоится".

Литературнымъ украшеніемъ партіи служилъ Томасъ Макъ-Дона, „поэтъ революціи", нынѣ тоже разстрѣлянный. Онъ получилъ ученую степень отъ національнаго ирландскаго университета и читалъ лекціи по англійской литературѣ въ нѣсколькихъ высшихъ школахъ Дублина. Кромѣ его магистерской диссертаціи объ одномъ

изъ современниковъ Шекспира, онъ издалъ нѣсколько книжекъ стиховъ, между которыми большой популярностью въ націоналистскихъ кругахъ пользуются его политическія поэмы, въ особенности одна изъ нихъ, обращенная „Къ Ирландіи“ и посвященная „Памяти событій, происшедшихъ въ апрѣлѣ и маѣ 1798 г.“, т. е. во время послѣдняго крупнаго ирландскаго возстанія. Газеты цитируютъ наиболѣе энергичныя строки изъ этого стихотворенія:

„Пусть Эринъ помнитъ своихъ доблестныхъ героевъ и золотомъ впишетъ въ свою исторію имена тѣхъ, кто благородно палъ, чтобы спасти свое отечество, когда низкіе люди забывали о славѣ своей родины. Иные лишь реторически говорятъ вамъ о побѣдахъ, о грозныхъ битвахъ, среди которыхъ ни разу не прогремѣлъ звукъ пушечнаго выстрѣла; разсуждаютъ о завоеванной свободѣ, о пріобрѣтенныхъ правахъ, никогда не запечатлѣвъ ихъ свою горячею кровью. Нѣтъ, народъ зоветъ на настоящую борьбу, и эхо отвѣчаетъ ему звономъ стали. И тотъ любитъ свою родину больше, кто съ непобѣдимымъ сердцемъ въ груди падаетъ за Ирландію“ [1]).

Своеобразную фигуру среди вожаковъ возстанія представляетъ Роджеръ Кэзментъ, или сэръ Роджеръ Кэзментъ, какъ онъ называется съ того времени, какъ Георгъ V при восшествіи на престолъ сдѣлалъ его кавалеромъ ордена Бани за услуги на дипломатическомъ поприщѣ. Сэръ Роджеръ, рожденный въ 1864 г., занималъ, дѣйствительно, втеченіе 18 лѣтъ, между 1895 и 1913 гг., постъ британскаго консула и генеральнаго консула въ португальской колоніи Мозамбикъ, въ независимомъ государствѣ Конго, въ Бразиліи и т. д. Его имя связано съ разоблаченіемъ ужасныхъ звѣрствъ, которыя совершались европейскими колонизаторами надъ туземцами.

Докладъ Кэзмента о Конго, появившійся въ декабрѣ 1903 г., съ предисловіемъ лорда Кромера, вызвалъ возмущеніе всего культурнаго міра противъ жестокостей современныхъ конкистадоровъ. Неменьшее впечатлѣніе произвелъ и напечатанный въ іюлѣ 1912 г. докладъ Кэзмента относительно фактическаго рабства, введеннаго англо-перувіанскимъ обществомъ для добыванія каучука въ округѣ Путумайо. Обличенія эти, основанныя на четырехлѣтнихъ наблюденіяхъ Кэзмента между 1909—1913 гг., заставили правительства обѣихъ странъ назначить спеціальныя коммиссіи для изслѣдованія положенія дѣлъ на мѣстѣ, между тѣмъ, какъ особый комитетъ, избранный англійскою палатою общинъ, засѣдалъ втеченіе цѣлыхъ недѣль, собирая показанія свидѣтелей [2]).

[1]) См. небезынтересную статью „Personalities of the Rebellion“ въ „The Times“, 2 мая 1916.

[2]) „Свидѣтельствами очевидцевъ было установлено, что индійцы этой мѣстности были порабощены агентами Перувіанской Амазонской компаніи... Туземцевъ сѣкли, подвергали пыткамъ и прямо убивали. Докладъ является

До сихъ поръ Кэзментъ былъ образцовымъ британскимъ чиновникомъ. Но великая война, которая произвела въ стольких умахъ самыя неожиданныя измѣненія въ ту или другую сторону, сдѣлала изъ уравновѣшеннаго бюрократа крайняго ирландскаго націоналиста и даже перебросила его въ лагерь прямыхъ враговъ Англіи. Въ ноябрѣ 1914 г., уже находясь въ отставкѣ, сэръ Роджеръ появился въ Берлинѣ и вступилъ въ переговоры съ нѣмецкимъ правительствомъ съ цѣлью воспользоваться возникшей войной для освобожденія своего отечества [1]). Онъ былъ допускаемъ не разъ въ лагерь военноплѣнныхъ ирландцевъ въ Германіи и побуждалъ ихъ вступать въ національную революціонную бригаду Онъ же участвовалъ въ послѣдней экспедиціи на западный берегъ Ирландіи, куда онъ пытался высадиться съ грузомъ оружія для мятежниковъ.

II.

Предварительное слѣдствіе по дѣлу Кэзмента, ведшееся при лондонскомъ судѣ полиціи и только-что закончившееся рѣшеніемъ о передачѣ этого дѣла такъ называемому большому жюри, установило внѣшній ходъ событій слѣдующимъ образомъ [2]).

Въ пятницу на страстной недѣлѣ 21 апрѣля н. с., въ 4 часа утра, на западно-ирландскомъ побережьѣ Бэннэ, между заливомъ Трэли и устьемъ рѣки Шэннона, крестьянинъ наткнулся на челнъ который увязъ въ песокъ и захлестывался волнами прилива. На днѣ лодки былъ брошенъ кинжалъ. Фермеръ попросилъ своего сосѣда сообщить о находкѣ въ ближайшій постъ королевскихъ ирландскихъ констэблей. Когда на берегъ явились два констэбля съ сержантомъ, дѣти крестьянина, играя, уже отрыли въ пескѣ три револьвера, и тутъ же были найдены большая коробка съ патронами и ручные саквояжи съ электрическими лампами, картами Ирландіи, зеленымъ знаменемъ республики Синнъ-Фейнъ, тремя спасательными поясами, тремя пальто и т. п. вещами. Вблизи виднѣлись человѣческіе слѣды, уходившіе отъ берега внутрь страны. Кой-кто изъ жителей видѣлъ, что раннимъ утромъ шли быстро по дорогѣ въ Трэли три незнакомыхъ человѣка.

мастерской и яркой картиной условій, при которыхъ собирался каучукъ на верхней Амазонкѣ и ея притокахъ". „The Annual Register for the year 1912"; Лондонъ, 1913, стр. 489.

[1]) Нѣкоторые англійскіе публицисты сравниваютъ Кэзмента съ Теобальдомъ Тономъ, умнымъ, энергичнымъ ирландскимъ революціонеромъ, который въ концѣ XVIII вѣка пытался освободить Ирландію въ союзѣ съ республиканской Франціей и ея генералами: Карно, Гошемъ и Бонапарте.

[2]) См. отчетъ о преніяхъ въ „The Times" 16, 17 и 18 мая 1916 г. Кэзментъ и его соучастникъ солдатъ Бэли, какъ обвиняемые въ преступленіи, совершенномъ до введенія военнаго положенія въ Ирландіи, судятся не военнымъ, а обыкновеннымъ уголовнымъ судомъ

Отправившись по слѣдамъ, констэбли нашли въ прибрежномъ углубленіи, оставшемся отъ старой ирландской крѣпостцы, высокаго брюнета, въ которомъ, не смотря на сбритую бороду, узнали по разосланнымъ ранѣе фотографіямъ сэра Роджера. Арестованный полицейскими Кэзментъ пытался выбросить изъ кармана какую-то бумагу. Но шедшій за нимъ мальчикъ поднялъ ее и показалъ констэблямъ. То былъ шифрованный кодексъ сигналовъ, относившихся къ высадкѣ. На слѣдующій день Кэзментъ былъ перевезенъ уже въ Англію и здѣсь впервые назвалъ свое настоящее имя. Туда же былъ доставленъ и арестованный сутками позже въ окрестностяхъ Трэли ирландскій солдатъ Бэли, увезенный Кэзментомъ изъ германскаго лагеря плѣнныхъ въ Лимбургѣ. Третьяго спутника Кэзмента, называвшагося по словамъ Бэли Монтейтомъ, такъ и не нашли. Этотъ загадочный господинъ, продѣлавшій, согласно показаніямъ все того же Бэли, все путешествіе вмѣстѣ съ ними, изъ Берлина по желѣзной дорогѣ въ Вильгельмсгафенъ, изъ Вильгельмсгафена на подводной лодкѣ къ берегамъ Ирландіи, исчезъ безъ слѣда.

Кромѣ подводной лодки, ссадившей Кэзмента и его товарищей на челнъ, который опрокинулся и былъ оставленъ ими въ пескѣ, въ экспедиціи участвовало и другое нѣмецкое судно, везшее грузъ изъ 20.000 ружей и 1.000.000 патроновъ. Оно шло подъ норвежскимъ флагомъ, направлясь къ заливу Трэли, но здѣсь было замѣчено англійскимъ сторожевымъ судномъ, хотѣло ускользнуть, было повреждено пущеннымъ въ него снарядомъ и принуждено слѣдовать за дозорнымъ судномъ къ южно-ирландскому порту Квинстоунъ. При входѣ въ заливъ Корко, оно взорвало себя, а экипажъ изъ 23 человѣкъ былъ спасенъ англичанами.

Предполагаютъ, что Кэзментъ высадился на берегъ съ цѣлью принять непосредственное участіе въ дублинскомъ возстаніи. Но случайность за случайностью помѣшали ему осуществить этотъ планъ. Оказалось, напр., что два заговорщика, которые въ ночь на 21 апрѣля неслись на автомобилѣ на встрѣчу Кэзменту, упали въ прибрежную рѣчку близъ Трэли и потонули. Увозившій Кэзмента въ Англію полицейскій разсказывалъ, что когда сэръ Роджеръ случайно узналъ по дорогѣ о случившемся, то разрыдался: „Я зналъ погибшихъ. Они ѣхали сюда ради меня. То были настоящіе ирландскіе патріоты“.

Было ли то простое совпаденіе, или вожаки Синнъ-Фейна въ Дублинѣ узнали о случившемся, но въ страстную субботу, 22 апрѣля н. с., начальники ирландскихъ волонтеровъ извѣстили свои бригады объ отмѣнѣ большого парада, который готовился на первый день Пасхи. Надо сказать, что на эти военныя процессіи въ Ирландіи не особенно обращалось вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ къ этому боевому времяпрепровожденію пріучили публику сами же оранжисты, предводимые Эдуардомъ Карсономъ. На первый день

Пасхи, 23 апрѣля н. с., неизвѣстныя лица пытались взорвать поѣздъ на линіи Дублинъ—Кильдэръ, вблизи равнины Кэрра (The Curragh), гдѣ находится извѣстный ипподромъ и одинъ изъ важнѣйшихъ маневренныхъ лагерей Ирландіи. Эта попытка имѣла, повидимому, цѣлью прервать сообщеніе между Дублиномъ и главной квартирой англійской арміи въ Ирландіи.

На второй день Пасхи, въ понедѣльникъ 24 апрѣля, на улицы столицы, ровно въ полдень, высыпали отряды ирландскихъ дружинниковъ и быстро захватили главнѣйшіе пункты въ центрѣ и на юго-востокѣ города: паркъ Стивенсъ-Гринъ, ратушу, зданіе суда, городской почтамтъ,—гдѣ находилось много сторонниковъ Синнъ-Фейна между служащими,—залъ общественныхъ собраній Либерти, прославившійся со временъ агитаціи Ларкина, главную городскую артерію, Сэквилль, съ прилежащей набережной и смежными улицами, рядъ большихъ отелей вродѣ Шельбёрна, двѣ желѣзнодорожныхъ станціи и т. д. Было произведено и „вялое",—какъ говоритъ офиціальное сообщеніе,—нападеніе на Дублинскій замокъ, служащій резиденціей высшей ирландской администраціи. Повидимому, здѣсь мятежники боялись попасть въ западню, не зная, что зданіе охранялось лишь нѣсколькими солдатами и полицейскими. Въ первую же минуту возстанія мятежниками были оборваны телеграфные и телефонные провода и Дублинъ отрѣзанъ отъ сообщенія съ Англіей и южной частью Ирландіи. Повсюду на улицахъ и перекресткахъ, ограничивавшихъ импровизированный лагерь инсургентовъ, воздвиглись баррикады изъ трамвайныхъ вагоновъ, телѣгъ, фіакровъ, камней, бочекъ, столовъ, всевозможной мебели, даже книгъ и кипъ бумаги. На стѣнахъ появились прокламаціи временнаго правительства, возвѣщавшія объ учрежденіи Ирландской республики:

„Къ народу Ирландіи. Ирландскіе мужчины и женщины! Во имя Бога и прошлыхъ поколѣній, отъ которыхъ мы получили старыя національныя традиціи, Ирландія чрезъ наше посредство зоветъ своихъ сыновъ сплотиться вокругъ ея знамени и возстать на борьбу за свободу. Сорганизовавъ и дисциплинировавъ мужскія силы населенія при помощи тайной революціонной организаціи, „Ирландскаго Республиканскаго Братства", и открытыхъ военныхъ организацій, „Ирландскихъ волонтеровъ" и „Ирландской гражданской арміи", она избираетъ данный моментъ, чтобы явиться предъ всѣми. Опираясь на своихъ изгнанныхъ сыновъ, находящихся въ Америкѣ, и на доблестныхъ союзниковъ въ Европѣ, но прежде всего полагаясь на свою собственную мощь, она вступаетъ въ борьбу съ полной увѣренностью въ побѣдѣ.

„Мы провозглашаемъ право ирландскаго народа на обладаніе Ирландіей и на неограниченное распоряженіе ея судьбами. Продолжительная узурпація этого права чуждыми намъ народомъ и правительствомъ не могла уничтожить этого права. Она и не

можетъ уничтожить его, развѣ истребитъ весь ирландскій народъ. Одно поколѣніе за другимъ заявляли о своемъ правѣ на національную свободу и суверенитетъ. Шестикратно втеченіе послѣднихъ 300 лѣтъ они провозглашали его съ оружіемъ въ рукахъ. Нынѣ, снова поднимая оружіе, мы объявляемъ предъ лицомъ всего міра Ирландскую республику, какъ суверенное и независимое государство. Республика гарантируетъ собственность, какъ гражданскую, такъ и принадлежащую религіознымъ учрежденіямъ, равныя права и равную возможность проявлять свои способности всѣмъ гражданамъ. Она заявляетъ о своемъ твердомъ рѣшеніи преслѣдовать счастье и благополучіе всей націи и всѣхъ ея частей, окружая одинаковой любовью всѣхъ сыновъ народа и предавая забвенію несогласія между нами, которыя искусственно поддерживались чуждымъ намъ правительствомъ, постоянно стремившимся отдѣлить меньшинство отъ большинства.

„Пока наше оружіе не дастъ намъ возможности установить правильное національное правительство, являющееся представителемъ всего ирландскаго народа и избираемое всеобщей подачей голосовъ мужчинъ и женщинъ, образовавшееся въ Дублинѣ временное правительство будетъ управлять гражданскими и военными дѣлами республики по довѣрію отъ народа. Призывая покровительство всемогущаго Бога на Ирландскую республику и Его благословеніе на нашу армію, мы обращаемся ко всѣмъ тѣмъ, кто служитъ общему дѣлу, съ просьбою не опозорить его. Въ этотъ торжественный часъ ирландская нація должна своею доблестью и дисциплиною, равно какъ готовностью своихъ сыновъ принести себя въ жертву общему благу, оказаться достойною великихъ судебъ, къ которымъ она предназначена. Подписали отъ имени временнаго правительства: Томасъ Клэркъ. Синнъ-Макъ-Дермоттъ. Патрикъ Пирсъ. Джэмсъ Коннолли. Томасъ Макъ-Дона. Эморнъ Кеантъ (Эдмундъ Кентъ). Джозефъ Плёнкэтъ“.

Вначалѣ дублинское населеніе было захвачено врасплохъ и плохо понимало, что дѣлается. Многимъ казалось, что это было лишь воинственнымъ фарсомъ, продолжающимъ репетиціи оранжистскихъ и националистскихъ парадовъ и маневровъ. Уличные мальчишки, независимо отъ того, въ какихъ семьяхъ воспитывались, охотно присоединялись къ мятежникамъ и принимались усердно строить баррикады и рыть окопы. Черезъ часъ-два во многихъ мѣстахъ мятежниками были вырыты траншеи, въ которыхъ они частью и размѣстились. Масса зданій и частныхъ домовъ были реквизирована ими въ цѣляхъ защиты. Окна заложены мѣшками, утварью, книгами. Были также реквизированы и, повидимому, отчасти оплачены запасы провизіи, находившіеся въ гостиницахъ, мясныхъ, булочныхъ, магазинахъ колоніальныхъ и другихъ товаровъ. Въ общемъ же, не смотря на увѣреніяконсервативныхъ органовъ, случаевъ грабежа было сравнительно мало. Захвачены

были всѣ проѣзжавшіе мимо повозки и моторы, въ шофферовъ которыхъ мятежники стрѣляли при малѣйшей попыткѣ ускользнуть. А такъ какъ въ этотъ день въ окрестностяхъ Дублина были скачки, то количество реквизированныхъ автомобилей и экипажей скоро дошло до очень значительной цифры.

Враждебныя дѣйствія были открыты ружейнымъ огнемъ инсургентовъ, размѣстившихся въ окопахъ, на набережной, въ садахъ, но преимущественно въ различныхъ этажахъ домовъ и особенно на крышахъ. Этотъ огонь былъ направленъ противъ полицейскихъ и военныхъ и вообще противъ людей, появлявшихся на улицахъ въ хаки. Правительство растерялось не менѣе жителей. Непосвященные нескоро сообразили, что̀ происходитъ, такъ какъ никакого офиціальнаго объявленія враждебныхъ дѣйствій, кромѣ уже упомянутой стрѣльбы по солдатамъ и полиціи, не было. Полицейскіе, находившіеся въ незначительномъ количествѣ получили приказъ скрыться въ посты. И небольшіе же отряды солдатъ были отведены въ казармы. Къ вечеру понедѣльника всѣ жизненные центры и важнѣйшія артеріи города были въ рукахъ мятежниковъ, которыхъ было, впрочемъ, всего нѣсколько тысячъ. Громадная же часть населенія испытывала лишь смущеніе, страхъ и мало симпатизировала инсургентамъ, которые не вызвали сочувствія ни республиканскими прокламаціями, ни распространеннымъ ими фальшивымъ документомъ о репрессіяхъ, тайно готовившихся якобы англійской администраціей противъ всѣхъ видныхъ ирландцевъ.

Положеніе дѣлъ стало измѣняться ночью на вторникъ, когда войска, прибывшія изъ лагеря Кёрра, были встрѣчены ружейнымъ огнемъ инсургентовъ изъ оконъ домовъ и изъ траншей, но успѣли прорваться къ парку Стивенсъ-Гринъ. Серьезное нападеніе на мятежниковъ было сдѣлано только утромъ во вторникъ, когда къ мѣстнымъ солдатамъ присоединился гарнизонъ Бельфаста и прибывшія изъ Англіи войска. Тактика инсургентовъ состояла въ томъ, чтобы по возможности не вступать въ перестрѣлку съ войсками на улицахъ и не принимать классической въ свое время во Франціи баррикадной борьбы на мостовой, но укрываться въ домахъ и оттуда направлять выстрѣлы въ остававшихся безъ прикрытія солдатъ. Вооружены были республиканцы довольно плохо, зачастую охотничьими, порою допотопными, ружьями. Солдатскихъ винтовокъ было во всякомъ случаѣ меньше. Впрочемъ, у нихъ, кажется, было два пулемета. Войска же были обильно снабжены пулеметами и пускали въ ходъ новѣйшія усовершенствованія вплоть до удушливыхъ газовъ. Рѣшительный перевѣсъ придала солдатамъ артиллерія, громившая—порою безъ особаго разбора—зданія, занятыя мятежниками. Особенно энергично дѣйствовала въ этомъ

смыслѣ канонерка на рѣкѣ Лиффеѣ. Не смотря на отчаянное сопротивленіе инсургентовъ, въ рядахъ которыхъ было не мало женщинъ и дѣтей, — что заставило англійскихъ консерваторовъ утверждать, что въ Дублинѣ была „вторая парижская коммуна",— втеченіе вторника мятежники были выбиты изъ парка Стивенсъ-Грина, покинули полуразрушенное зданіе Либерти и были разрѣзаны на двѣ половины линіею солдатъ, укрѣпившеюся вдоль рѣки. Тѣмъ временемъ по телеграфу изъ Лондона было объявлено военное положеніе, сначала въ Дублинѣ и Дублинскомъ графствѣ, а затѣмъ и во всей Ирландіи. Къ вечеру вторника статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ, Бёррэлль, сдѣлалъ въ парламентѣ первое офиціальное сообщеніе о безпорядкахъ въ Ирландіи въ тотъ самый моментъ, какъ парламентъ приступалъ къ переработкѣ билля о всеобщей повинности.

Въ среду войскамъ удалось укрѣпиться въ сѣверной части города и здѣсь окружить кордономъ улицы и дома, еще удерживавшіеся мятежниками, между тѣмъ, какъ значительные отряды солдатъ продолжали стоять шпалерами вдоль Лиффея, пересѣкая на всемъ пространствѣ центральный Дублинъ, между желѣзнодорожной станціей Кингсбриджъ на западѣ и таможней на востокѣ. Въ тотъ же день были быстро подавлены попытки мятежа въ окрестностяхъ столицы: въ Сордсѣ и Лёскѣ, и въ городкѣ Арди (графство Лоусъ). Бёррэлль выѣхалъ въ Дублинъ. Въ четвергъ солдаты продолжали отнимать у мятежниковъ домъ за домомъ. Въ пятницу, съ прибытіемъ генерала сэра Джона Максуэлля, снабженнаго неограниченными полномочіями, мятежъ сталъ рѣшительно близиться къ концу. Перебѣгая подземными ходами черезъ проломы, сдѣланные въ стѣнахъ сосѣднихъ домовъ, инсургенты сосредоточились въ улицѣ Сэквилль и отчаянно защищали свою главную квартиру въ почтамтѣ. Были кой-гдѣ мелкія вспышки въ провинціи: на западѣ въ Этенри и Крогуэллѣ (графство Голуэ); на юговостокѣ, въ Эннискорти и Горэ (графство Уэксфордъ), и въ Клонмелѣ (графства Типперэри и Уотерфордъ); на юго-западѣ, въ Килларнэ (графство Керри), и еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Втеченіе субботы мятежники оказывали сопротивленіе войскамъ лишь на улицѣ Сэквилль, гдѣ почтамтъ и другія зданія были истреблены пожаромъ, въ которомъ одинаковы виновны были обѣ стороны. Къ вечеру того же дня вожаки мятежниковъ пробовали вступать съ начальниками войскъ въ переговоры о капитуляціи, отдаваясь сами въ руки солдатъ, но пытаясь выговорить условія свободнаго пропуска для рядовыхъ бунтовщиковъ. Эти предложенія были отвергнуты властями. И послѣ колебанія, продолжавшагося нѣсколько часовъ, въ воскресенье большая часть инсургентовъ сдалась безъ всякихъ условій на волю побѣдителей, еще раньше, впрочемъ, приступившихъ къ экзекуціи попадавшихся въ ихъ руки мятежниковъ, а скоро пустившихъ въ ходъ и военные суды,

результаты дѣйствія которыхъ сообщались Максуэллемъ лишь урывками членамъ правительства. Въ понедѣльникъ, 1 мая, т. е. ровно черезъ недѣлю, всѣ участники возстанія въ Дублинѣ, кромѣ успѣвшихъ скрыться, сдались, и городъ перешелъ въ руки законныхъ властей. Въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ происходили волненія внутри страны, мятежники тоже стали складывать оружіе, получивъ вѣсти о неудачѣ движенія въ Дублинѣ.

Каковы будутъ окончательные результаты злополучной попытки революціи, пока сказать еще нельзя съ большой увѣренностью. Судя по тому, какъ велись пренія въ парламентѣ, который былъ страшно возбужденъ скудно приходившими изъ Ирландіи офиціальными сообщеніями при обиліи невѣроятныхъ частныхъ слуховъ, можно было опасаться, чтъ это движеніе усилитъ требованія репрессивной политики противъ Ирландіи со стороны уніонистовъ, поставитъ въ фальшивое положеніе либераловъ, которыхъ консерваторы упрекаютъ въ мирволеніи мятежнымъ ирландскимъ элементамъ и, наконецъ, снова расширитъ ту пропасть между Англіей и Ирландіей, которую стала заполнять въ послѣдніе годы совмѣстная примиряющая дѣятельность либеральнаго кабинета и большинства ирландскихъ депутатовъ.

Прежде всего уніонисты въ палатѣ лордовъ и въ палатѣ общинъ направили свои удары противъ Бёррэлля, обвиняя его въ крайней небрежности и потаканіи ирладскимъ революціонерамъ, не смотря, молъ, на то, что администрація уже неоднократно получала предостереженія отъ компетентныхъ лицъ относительно бунтовского настроенія умовъ и готовящагося возстанія. Къ сожалѣнію, защищаясь противъ нападеній уніонистовъ, либералы были связаны принципомъ священнаго единенія партій, нарушаемаго прежде всего именно консерваторами. Они чувствовали себя неловко при этой защитѣ, такъ какъ избѣгали единственно цѣлесообразной аргументаціи противъ уніонистовъ, а именно указанія на то, что они же пропагандировали среди населенія Эльстера право меньшинства на возстаніе.

Меланхолически прозвучали въ палатѣ лордовъ, на засѣданіи 26 апрѣля, слова испытаннаго радикала, виконта Морлея. Возражая на рѣзкую критику консерваторовъ, упрекавшихъ правительство въ томъ, что оно заранѣе не подавило движенія Синнъ-Фейна, онъ припоминалъ, что когда онъ былъ статсъ-секретаремъ Ирландіи въ выдвинувшемъ гомруль кабинетѣ Гладстона, то онъ рѣшительно отказывался примѣнять суровыя мѣры подавленія противъ кровавыхъ безпорядковъ лѣтомъ 1886 г. въ Бельфастѣ, гдѣ мятежъ поднимали уже не націоналисты, а оранжисты, приходившіе въ неистовство при малѣйшемъ слухѣ о дарованіи автономіи Ирландіи. Морлей говорилъ, что онъ не раскаивается и до сихъ поръ въ такой политикѣ, такъ какъ, прибѣгая къ репрессіямъ

онъ вызвалъ бы большіе безпорядки, чѣмъ тѣ, что обагряли тогда улицы Бельфаста кровью и стоили жизни столькимъ людямъ. Съ этой точки зрѣнія онъ находилъ вполнѣ естественнымъ и теперешнее поведеніе министерства, которое отказывалось силою подавить движеніе Синнъ-Фейна, тѣмъ болѣе, что оно не проявило себя до самыхъ послѣднихъ дней ни въ чемъ прямо противозаконномъ [1]).

На засѣданіи 28 апрѣля въ палатѣ общинъ лидеръ большинства націоналистовъ, Джонъ Рэдмондъ, выразилъ отъ своего лица и отъ имени своей партіи „чувство отвращенія и ужаса“ къ возстанію,—чувство, раздѣляемое, по его мнѣнію, и „огромнымъ большинствомъ ирландскаго народа“. А Карсонъ, который былъ болѣе всего виновенъ въ созданіи мятежническаго настроенія среди преданныхъ ему оранжистовъ и вызвалъ своимъ поведеніемъ, по закону реакціи, такое же настроеніе у націоналистовъ, принималъ на себя великодушную роль человѣка, понимающаго тяжелое положеніе, въ какое попалъ противникъ, и соглашающагося до поры до времени не добивать лежачаго. Карсонъ прекрасно взвѣшивалъ, какимъ козыремъ въ его игрѣ является это возстаніе, дающее ему возможность требовать строгихъ мѣръ по отношенію къ ирландскимъ революціонерамъ, опираясь на вынужденное согласіе глубоко потрясенныхъ этимъ печальнымъ происшествіемъ націоналистскихъ депутатовъ и либеральныхъ членовъ коалиціоннаго кабинета.

Что касается до консервативной и джингоистской печати съ „Таймсомъ“ лорда Норсклифа во главѣ, то она подняла положительно вой краснокожихъ, преслѣдуя кликами плохо скрываемаго торжества добровольное оставленіе Бѣррэллемъ своего поста [2]) и рекомендуя „твердою рукою приложить хирургическій ножъ къ язвѣ“ Ирландіи. А коалиціонный кабинетъ, на которомъ сказывается разница не только политическихъ міровоззрѣній, но и политическихъ темпераментовъ его членовъ, занималъ слишкомъ долго по отношенію къ печальнымъ ирландскимъ дѣламъ колеблющуюся позицію. Онъ не удовлетворилъ уніонистовъ, которые жестоко нападаютъ на него за его нерѣшительность и потаканье мятежникамъ. Но имъ оставались недовольны и лѣвые либералы, и ирландскіе націоналисты, которые обвиняютъ его, наоборотъ, въ томъ, что онъ недостаточно сдерживаетъ дѣйствія военной диктатуры, стремящейся водворить теперь въ Ирландіи настоящую систему террора. По мѣрѣ того, какъ проходили первые дни смущенія и въ Лондонѣ

---

[1]) Изъ показаній Бѣррэлля передъ спеціальной коммиссіей выходитъ, что оранжисты ни за что не позволили бы себя обезоружить. Но еслибы, оставляя у нихъ оружіе, администрація стала отбирать его у синнъ-фейнеровъ, то это произвело бы раздраженіе уже среди всѣхъ ирландцевъ.

[2]) За нимъ вышли въ отставку и его товарищъ, Мэтью Натанъ, и самъ намѣстникъ, лордъ Уимборнъ.

стали стекаться свѣдѣнія о жестокой расправѣ съ бунтовщиками, въ рядахъ парламентской ирландской партіи стало обнаруживаться все большее и большее раздраженіе. Громадное большинство ея членовъ, не смотря на оттѣнки взглядовъ, очень отрицательно относится къ возстанію синнъ-фейнеровъ, но въ то же время его глубоко возмущаютъ пріемы военныхъ властей. Націоналистская оппозиція находитъ, что размѣры и дѣйствительная опасность движенія, страшно преувеличенные уніонистами, вовсе не вынуждали генерала Максуэлля громить цѣлыя улицы снарядами, позволять офицерамъ разстрѣливать безъ суда мятежниковъ во время самаго дѣйствія и затѣмъ, при посредствѣ скорой юстиціи военно-полевыхъ судовъ, подвергать смертной казни людей, изъ которыхъ иные даже не принимали прямого участія въ возстаніи, а лишь подписали прокламацію временнаго правительства.

На засѣданіи палаты общинъ 3 мая либералы и ирландцы были непріятно поражены тѣмъ, что три вожака возстанія, уже извѣстные читателю Пирсъ, Макъ-Дона и Клэркъ, были немедленно же послѣ суда разстрѣляны и правительству не было даже предварительно сообщено о приговорѣ. Четыре дня спустя, парламентъ узналъ, что были разстрѣляны еще два выдающихся синнъ-фейнера, одинъ изъ семьи графовъ Плёнкэтовъ, другой майоръ Макъ-Брайдъ; а ирландская феминистка графиня Маркевичъ, урожденная Горъ-Бусъ, еле избѣжала смертной казни, которая была замѣнена для нея пожизненнымъ заключеніемъ. 8 мая были приговорены къ смерти и тотчасъ же казнены еще 4 вожака. Въ общемъ, къ большому парламентскому засѣданію палаты общинъ, состоявшемуся 11 мая и посвященному различнымъ запросамъ и интерпелляціямъ по поводу ирландскаго возстанія, было казнено „не то 13, не то 14 человѣкъ“: правительство само не знало, какова точная цифра.

Согласно сообщенію товарища военнаго министра Тэннента, данныя котораго расходились съ данными премьера, всего къ смертной казни было окончательно приговорено 16 человѣкъ, изъ которыхъ не было казнено только два, 79 человѣкъ были приговорены къ различнымъ тяжелымъ наказаніямъ. Ссылкѣ подверглись 1706 человѣкъ, притомъ безъ всякаго суда, такъ какъ, по мнѣнію уже упомянутаго Тэннента, „не было времени для судебныхъ формальностей“. На сторонѣ войскъ пострадалъ 521 человѣкъ, изъ которыхъ 124 было убито; на сторонѣ гражданъ—790 человѣкъ, изъ которыхъ 180 было убито. Администрація не могла сказать, кто между убитыми принадлежалъ къ мирнымъ жителямъ и кто сражался въ рядахъ мятежниковъ, такъ какъ въ послѣдніе дни возстанія синнъ-фейнеры, чувствуя, что ихъ дѣло безнадежно проиграно, сбрасывали форму и пытались исчезнуть въ населеніи. Съ другой стороны, нельзя было опредѣлить, сколько мирныхъ жителей легло подъ

пулями бунтовщиковъ и сколько отъ ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ усмирявшей арміи. Принимая во вниманіе, что число всѣхъ синнъ-фейнеровъ въ Ирландіи не превышало 10.000—15.000 человѣкъ, что ихъ участвовало въ дублинскомъ возстаніи, одни говорятъ—1.500, другіе—во всякомъ случаѣ, не болѣе 3.000, слѣдуетъ предположить, что значительное число сосланныхъ безъ суда было захвачено военными сгоряча и, вѣроятно, не принадлежало къ мятежникамъ.

На томъ же засѣданіи 11 мая нѣкоторые націоналистскіе депутаты, принимавшіе участіе въ преніяхъ, подчеркивали, что въ самомъ началѣ дѣйствій, когда еще не функціонировали правильно военно-полевые суды, солдатами, по приказанію или съ попустительства офицеровъ, были хладнокровно разстрѣляны въ казармахъ тутъ же захваченные военно-плѣнные. При этомъ происходили очень серьезныя ошибки, какъ это случилось съ журналистомъ Скеффингтономъ, который въ первые два дня возстанія энергично противился отдѣльнымъ случаямъ грабежа, происходившимъ въ городѣ, и былъ разстрѣлянъ по приказу офицера, не смотря на то, что былъ взятъ безъ всякаго оружія и своимъ поведеніемъ не могъ давать никакого повода къ подозрѣнію.

Страстную рѣчь произнесъ Диллонъ, который предлагалъ понудить правительство „въ интересахъ мира и надлежащаго управленія Ирландіею отказаться отъ казней, отъ военнаго положенія, отъ тайныхъ военныхъ судовъ, отъ обысковъ и арестовъ, производимыхъ подъ покровомъ военнаго положенія" и отъ общаго нарушенія законовъ, выражавшагося, напр., въ томъ, что въ нѣкоторыхъ графствахъ, какъ Лимерикъ и Клэръ, гдѣ населеніе оставалось лойяльнымъ, задерживали и сажали въ тюрьму такъ называемыхъ „подозрительныхъ людей". Что касается до обращенія военныхъ съ захваченными мятежниками, то Диллонъ считалъ его достойнымъ всякаго порицанія. Въ возстаніи, какъ извѣстно, принимали участіе женщины и дѣти. И военныя власти не останавливались въ цѣляхъ сыска передъ нравственною пыткою подростковъ,—что должно быть совершенно чуждо нравамъ Англіи.

Дрожа отъ негодованія, Диллонъ восклицалъ: „Я желалъ бы знать, оправдываетъ ли парламентъ, что несчастнымъ военноплѣннымъ угрожали смертью, если они не согласятся стать доносчиками. Это былъ вопіющій скандалъ. Нѣкоторые соглашались давать такія показанія, но такихъ, я думаю, нашлось мало. Былъ случай, когда 15-лѣтняго мальчика вынуждали назвать имена мятежниковъ. Тотъ отказался. Тогда ему объявили, что черезъ полчаса его разстрѣляютъ. Онъ отвѣтилъ: „И разстрѣливайте" (shot away). Ему завязали глаза, поставили его къ стѣнѣ и онъ уже слышалъ щелканье ружей. Тогда офицеры начали опрашивать мальчика, захочетъ ли онъ хоть теперь, передъ смертью, отвѣчать на предложенные вопросы. Тотъ опять отказался. Тогда

ему, наконецъ, сказали, чтобы онъ убирался домой къ матери Это—поистинѣ дьявольская пытка (*рукоплесканія*). Недопустимо, чтобы подобныя вещи происходили въ Дублинѣ".

Депутатъ горько жаловался, что, „принимая крайнія мѣры усмиренія, правительство не посовѣтовалось съ лидерами націоналистовъ, которые такъ много сдѣлали въ интересахъ имперіи во время этой войны. Ихъ мнѣніе относительно того, какъ нужно было поступать въ Ирландіи, презрительно игнорировалось... Я прошу остановить теперь же и окончательно всѣ эти казни. Если людей обвиняютъ въ убійствѣ, то пускай же ихъ судятъ открыто. Инсургенты дрались храбро. (*Ого! и прерывающія восклицанія...*) Что же? Право, для англичанъ было бы очень хорошо, еслибы ихъ солдаты дрались такъ же доблестно, какъ мятежники въ Дублинѣ".

Другой націоналистъ, Хили, заявлялъ, что, конечно, онъ считается съ тѣмъ, что въ Ирландіи былъ мятежъ, и одновременно была сдѣлана попытка высадиться на берегъ при помощи непріятелей. И все-таки онъ полагаетъ, что подавленіе возстанія приняло гигантскіе размѣры, совершенно несоотвѣтствующіе дѣйствительной серьезности положенія: „Изъ-за возстанія 1.500 человѣкъ, которыхъ можно было бы усмирить при помощи полиціи, власти громили Дублинъ снарядами, выпуская ихъ до 20 въ минуту. Много смертныхъ случаевъ было такимъ образомъ вызвано безцѣльно. И если здѣсь пытаются представить сэра Джона Максуэлля великимъ человѣкомъ, то я, наоборотъ, будь я англичаниномъ, очень бы желалъ, чтобы на поляхъ Фландріи командовалъ вмѣсто Максуэлля кой-кто изъ вожаковъ мятежниковъ (*смѣхъ*). Я очень внимательно присматривался ко всему этому дѣлу и прихожу къ заключенію, что возстаніе было подавлено крайне неискусно въ военномъ смыслѣ, безъ здраваго пониманія положенія, съ колоссальной потерей жизней и собственности" [1].

Рѣзче всѣхъ въ парламентѣ говорилъ Джиннэлль,—enfant perdu „независимаго" націонализма,—который на цѣломъ рядѣ послѣднихъ засѣданій уже скандализировалъ палату общинъ своими восклицаніями и замѣчаніями. Такъ, когда правительство впервые сообщило парламенту о разстрѣлахъ мятежниковъ, произведенныхъ военными властями, даже не предупредившими министерство, то Джиннэлль крикнулъ: „Вотъ кто настоящіе гунны!" Когда въ палатѣ обсуждалось сообщеніе объ условіяхъ капитуляціи генерала Тоунз[illegible]а, то Джиннэлль поднялся съ мѣста и спросилъ: „Значитъ, турки не поступили такъ съ нашими солдатами, какъ наши солдаты обошлись съ дублинцами?" На засѣданіи 11 мая рѣчь Джиннэлля на каждомъ словѣ прерывалась большинствомъ. Въ самомъ

---

[1]) „T[illegible] 1916.

же началѣ громкіе крики: „къ порядку“, „взять обратно“ заглушили оратора, когда онъ воскликнулъ, что ему приходится „обращаться къ собранію, запятнавшему себя кровью нѣкоторыхъ изъ самыхъ дорогихъ его друзей, кровью людей, не совершившихъ никакого другого преступленія, кромѣ попытки сдѣлать для своего ирландскаго отечества то, что англичане заклинали бельгійцевъ сдѣлать для Бельгіи“.

Когда Джиннэлль сталъ разсказывать о томъ, какъ въ самый разгаръ возстанія 50 взятыхъ въ плѣнъ мятежниковъ были приставлены къ стѣнѣ въ Дублинскихъ казармахъ и хладнокровно разстрѣляны, а тѣла ихъ брошены безъ установленія личности въ огромную яму въ Гласнэвинѣ [1]), на скамьяхъ палаты раздался смѣхъ, страшно раздражившій оратора: „Такъ смѣются—воскликнулъ онъ—только трусы, издѣвающіеся надъ людьми, положившими свою жизнь въ великомъ порывѣ за свободу своего отечества. Въ настоящей войнѣ Англія пускаетъ въ ходъ, гдѣ и какъ только можетъ, ирландцевъ, шотландцевъ и уэльсцевъ. Видно, ей сильно хочется „покончить со всей этой кельтской язвой“, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ горделиво утверждалъ „Таймсъ“. Но Англія еще не покончила съ нами и почтенные члены парламента увидятъ, что для этого нужно кое-что иное, кромѣ издѣвательства надъ людьми, пожертвовавшими своею жизнью для самаго благороднаго дѣла, какое только они могли защищать“ [2]).

Разумѣется, эти страстные выпады не могутъ служить выраженіемъ мнѣнія всѣхъ націоналистовъ и вообще ирландскаго народа. Однако и самые умѣренные ирландскіе депутаты, вродѣ Рэдмонда, настоятельно говорятъ теперь о томъ, чтобы правительство поскорѣе прекратило исключительныя мѣры въ Ирландіи и поняло, наконецъ, что огромное большинство населенія, вначалѣ отрицательно отнесшееся къ дублинскому возстанію, въ настоящее время, подъ вліяніемъ правительственныхъ репрессій, раздражено противъ министерства, которое не могло, молъ, остановиться, гдѣ слѣдовало, при подавленіи возстанія и позволило мѣрамъ необходимости выродиться въ орудіе уніонистской мести.

Даже въ одной изъ отвѣтныхъ рѣчей Аскита, съѣздившаго въ Ирландію и тамъ пытавшагося способствовать возвращенію адми-

---

[1]) Деревня, въ трехъ верстахъ отъ сѣвера отъ Дублина, съ кладбищемъ, гдѣ похороненъ О'Коннелль.

[2]) Въ прессѣ было отмѣчено, что приговоренные къ смерти вожаки встрѣтили ее чрезвычайно мужественно. Повидимому, почти всѣ исповѣдывались и причастились у католическихъ священниковъ. Между синнъ-фейнерами, кстати сказать, большинство вѣрующіе. Не смотря на ихъ сотрудничество съ синдикалистами, среди которыхъ не мало атеистовъ, временное правительство призывало, какъ мы видѣли, на Ирландскую республику „благословеніе всемогущаго Бога“. Сколько тутъ политики и сколько убѣжденія,—сказать трудно.

нистраціи къ болѣе нормальнымъ пріемамъ управленія, слышится извѣстное смущеніе, вызванное въ душѣ стараго либерала столкновеніемъ съ трагическими обстоятельствами. Такъ, касаясь обвиненій военныхъ властей въ томъ, что онѣ поступаютъ не по закону, премьеръ счелъ нужнымъ объяснять, что въ сущности нужно различать между военнымъ положеніемъ, которое только формально называется на англійскомъ языкѣ „военнымъ закономъ (martial law)", и правильнымъ функціонированіемъ военныхъ судовъ. „Военное положеніе означаетъ отнюдь не господство какого-либо закона, а голый фактъ возстанія, фактъ войны, при которомъ приложимъ афоризмъ: salus populi suprema lex (спасеніе народа — высшій законъ)". Тутъ, молъ, приходится мириться со всѣмъ. Что же касается до дѣятельности военно-полевыхъ судовъ, то, по мнѣнію Асквита, „ихъ приговоры основываются отнюдь не на военномъ положеніи, а на авторитетѣ Акта о защитѣ королевства, и выносятся трибуналами, обладающими строго опредѣленной юрисдикціей, причемъ исполнительная власть, осуществляя эти приговоры, дѣйствуетъ въ согласіи съ закономъ, который былъ вотированъ самимъ парламентомъ".

Впрочемъ, всѣ эти трагическія событія нельзя разсматривать исключительно съ юридической точки зрѣнія. Главный вопросъ, прежде всего, въ томъ, сумѣетъ-ли теперешнее коалиціонное правительство рѣшительно стать на путь благожелательности по отношенію къ Ирландіи и не превращать казнями и ссылками злополучныхъ, но искренно заблуждающихся, инсургентовъ въ національныхъ героевъ. А, съ другой стороны, въ томъ, успѣетъ-ли ирландскій народъ подавить въ себѣ раздраженіе, вызванное у него репрессіями, и попытается-ли обезпечить себѣ пріобрѣтеніе гомруля въ сотрудничествѣ съ лучшими элементами Англіи. Въ этомъ направленіи пробуетъ дѣйствовать парламентская партія ирландскихъ націоналистовъ, которая на засѣданіи 9 мая составила торжественное обращеніе къ ирландскому народу.

Это воззваніе заключаетъ въ себѣ рѣзкое осужденіе „безумной и неудачной попытки революціи". Истолковывая дѣятельность Парнелля немножко по-своему, черезчуръ въ легальномъ смыслѣ, парламентскіе націоналисты ставятъ во всякомъ случаѣ передъ ирландскими избирателями вопросъ ребромъ. Или народъ признаетъ вмѣстѣ съ ними, что только конституціоннымъ путемъ Ирландія можетъ добиться автономіи, и тогда партія готова проводить ту политику, какую она проводитъ, по ея мнѣнію, очень успѣшно, вотъ уже 40 лѣтъ. Или же народъ отвергнетъ эту форму политической дѣятельности, и тогда партія намѣрена удалиться съ арены борьбы. Но даже и въ этомъ умѣренномъ и сдержанномъ обращеніи дѣлается указаніе, что революціонное состояніе умовъ было создано предшествующей оранжистской тактикой: „Ирландіи бросался жесточайшій вызовъ ростомъ подобнаго же революціон-

наго и нелегальнаго движенія въ другой части острова, движенія, опиравшагося на взбунтовавшуюся противъ закона армію (backed by an army in revolt)" [1]).

Въ телеграммахъ нашего офиціознаго агентства, по обыкновенію неясныхъ и неудачно усѣченныхъ, говорится о рѣчи Аскита на засѣданіи 26 (13) мая, въ которой премьеръ обратился ко всѣмъ партіямъ съ призывомъ достигнуть соглашенія по ирландскому вопросу. Это, конечно, умный совѣтъ и благородный призывъ. Но соглашеніе дастъ хорошіе результаты лишь подъ условіемъ признанія необходимости скорѣйшаго введенія гомруля, хотя бы и съ сохраненіемъ извѣстныхъ правъ за Эльстеромъ. Не забудемъ, что автономія уже до войны получила форму закона и была только отодвинута въ цѣляхъ „священнаго единенія". Будемъ надѣяться, что Ллойду-Джорджу, которому — очевидно, какъ тоже кельту (уэльсцу)—поручена миссія примирить враждующія партіи, удастся выполнить эту серьезную задачу. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, всѣ партіи начинаютъ находить, что надо во что бы то ни стало рѣшить наболѣвшій ирландскій вопросъ и что оттягиваніе—плохая политика въ данномъ случаѣ...

III.

На рубежѣ 23-го мѣсяца положеніе борющихся сторонъ на всѣхъ фронтахъ представляется, въ общемъ, мало измѣнившимся. Русское сообщеніе отъ 22 (9) мая говоритъ объ оживленной перестрѣлкѣ между русскими и австро-германскими войсками на всемъ восточномъ фронтѣ, начиная отъ Рижскаго залива и до румынской границы, при максимумѣ напряженія военныхъ операцій въ озерномъ районѣ восточной половины Виленской губерніи, въ частности начиная съ 27 (14) мая между оз. Нарочемъ и оз. Мядзіоломъ. Но до сихъ поръ со стороны нѣмцевъ не обнаруживается ни на одномъ участкѣ чего-либо подобнаго прошлогоднему массовому наступленію. И стратеги союзной прессы обсуждаютъ возможность различныхъ перспективъ, до такой степени гипотетическихъ, что одни ждутъ германскаго напора на югѣ, въ сторону Одессы, другіе—на сѣверѣ, въ сторону Риги. Гипотезы эти сопровождаются разсужденіями на ту тему, что центральныя державы, начинающія чувствовать ослабленіе своей активности, не смотря на высокую военную технику, стремятся развивать теперь исключительно такія стратегическія операціи, которыя были бы вмѣстѣ съ тѣмъ и политическими, слѣдуя требованію Карла фонъ-Клаузевица ставить въ тѣсную зависимость военныя дѣйствія и дипломатическія цѣли. Такъ, часть уже упомянутыхъ стратеговъ считаютъ возможнымъ пред-

---

[1]) „Nationalist Party's Solemn Appeal"; „The Times", 11 мая 1916.

сказывать наступленіе нѣмцевъ на Одессу, видя въ этомъ попытку произвести сильное воздѣйствіе на Румынію. Другая часть точно также предвидитъ наступленіе на Ригу, какъ удобный пріемъ втянуть въ военный водоворотъ скандинавскія страны, и прежде всего Швецію.

На западномъ фронтѣ уже четвертый мѣсяцъ продолжается борьба за Верденъ. Но, не смотря на усилившіяся атаки германцевъ, начиная съ 21 мая н. с., они не успѣли придвинуться къ крѣпости на сѣверо-востокѣ ближе взятаго имъ въ разрушенномъ состояніи форта Дуомонъ, тогда какъ на западо-сѣверо-западѣ, у Авокура, они (26 мая) бомбардируютъ вторую линію французскихъ траншей. Во всякомъ случаѣ, разстояніе въ 8 - 10 километровъ между силами нападающаго и ядромъ укрѣпленій не сократилось.

Съ половины мая н. с. на итальянскомъ фронтѣ обнаружилось обширное наступленіе (въ числѣ 18 дивизій = 300.000 чел.) австрійскихъ войскъ, которыя поставили себѣ задачей проникнуть изъ южной оконечности Трентино, клиномъ врѣзающагося въ Италію, на Венеціанскую территорію, угрожая такимъ образомъ пройти мимо знаменитаго итальянскаго четыреугольника крѣпостей, зацѣпивъ его лишь у Вероны, и отрѣзать пути сообщенія для итальянскихъ войскъ, оперирующихъ въ восточной части Венеціи, на фронтѣ Изонцо. Силы непріятеля двигаются вѣерообразно въ трехъ направленіяхъ: по теченію Эча, итальянскаго Адидже (долина Лагарина); по теченію Астико; и по теченію Бренты (долина Сугана). Въ настоящее время австрійскія колонны всего болѣе продвинулись въ центрѣ, вдоль рѣки Астико, гдѣ они достигли итальянскихъ крѣпостей Азіаго и Арсіеро (11-12 километровъ отъ границы). Итальянское сообщеніе отъ 25 мая очень подробно объясняетъ, почему войска королевства „эвакуировали главную линію обороны на небольшомъ участкѣ", а именно „не вслѣдствіе недостатка доблести нашей защиты, но вслѣдствіе слишкомъ большой близости этой линіи отъ непріятельской линіи". Однако общественное мнѣніе волнуется и требуетъ болѣе серьезнаго ознакомленія съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Еще при началѣ наступленія итальянскіе соціалисты требовали помѣщенія въ газетахъ точнаго перевода сообщеній австрійскаго генеральнаго штаба, который уже не первый, молъ, разъ иронизируетъ надъ итальянской офиціальной версіей происходящаго на фронтѣ.

На балканскомъ фронтѣ усиливается бомбардировка и учащаются столкновенія патрулей во многихъ пунктахъ на Вардарѣ. Греція платонически протестуетъ во имя нейтралитета противъ дѣйствій обоихъ борющихся лагерей. Съ одной стороны она тщетно возставала противъ закончившейся нынѣ перевозки сербской арміи съ острова Корфу въ Солунь. Съ другой—она заявляетъ протестъ противъ захвата болгарами (27 мая) укрѣпленій Рупеля, Канкоры и Дагори на Струмицѣ. Болгары дви-

жутся къ Кавалѣ, и можно ожидать серьезныхъ операцій вокругъ Солуни.

На малоазіатскомъ театрѣ русскія войска продолжаютъ проходить этапъ за этапомъ разстояніе между Ванскимъ озеромъ и Діарбекиромъ, а въ Персіи продвинулись къ границѣ персидскаго и турецкаго Курдистана, захвативъ городъ Сердештъ, который черезъ долины восточныхъ притоковъ Тигра ведетъ въ Моссулъ. Турки сопротивлялись 28 (15) мая дальнѣйшему движенію русскихъ войскъ, наступая со стороны Огнета на Каргабазаръ и—временно—овладѣвъ Ганиретомъ. 30 (17) мая нами былъ оставленъ Мамахатунъ. Согласно сообщенію 25 (12) мая, казачьи отряды черезъ горы Луристана вступили въ соприкосновеніе съ кавалерійскими отрядами арміи генерала Горринджа въ пунктѣ, находящемся на Тигрѣ ниже Кутъ-эль-Амары. Нѣсколькими днями ранѣе (извѣстіе отъ 23 мая) англичане достигли нѣкоторыхъ успѣховъ на правомъ берегу Тигра при впаденіи Шатъ-эль-Хая. На противоположномъ, лѣвомъ, берегу турки продолжаютъ занимать позиціи у Санаята. На египетскомъ театрѣ англичане одержали побѣду надъ Дафурскимъ (Дарфурскимъ?) султаномъ (22 мая).

Изъ дѣйствій на моряхъ придется отмѣтить нападеніе турецкаго крейсера „Медилли“ (бывшій нѣмецкій „Бреславль“) на Евпаторію, 7 мая (24 апрѣля). Судно выпустило до 50 залповъ,

дѣлало обстрѣлъ фабричныхъ заведеній, повредило нѣсколько общественныхъ зданій и частныхъ домовъ; убило двухъ человѣкъ на парусной шхунѣ и ранило нѣсколькихъ въ городѣ.

Многочисленныя столкновенія воздушныхъ флотовъ Германіи и союзниковъ происходятъ ежедневно на поляхъ Бельгіи и Фландріи, отчасти и въ Эльзасѣ. Наступленіе австрійцевъ на итальянскомъ фронтѣ, о которомъ мы говорили выше, сопровождалось налетомъ аэроплановъ 15 мая на Венецію и Местре, 19 мая на Чивидале, 21 мая на Виченцу, Вальданьо, Фельтре и Фонцазо, 25 мая на Бари (гдѣ убито и ранено около 40 человѣкъ). Согласно сообщенію агентства Рейтера отъ 22 мая, два непріятельскихъ аэроплана сбрасывали бомбы надъ арабскими кварталами Каира и убили и ранили около 20 солдатъ и мирныхъ обывателей. Въ видѣ возмездія, четыре англійскихъ аэроплана сбросили до 40 бомбъ на цѣлый рядъ турецкихъ аванпостовъ (сообщеніе отъ 26 мая). 20 мая нѣсколько нѣмецкихъ аэроплановъ и гидроплановъ произвели налетъ на сѣверо-восточную часть графства Кентъ,—такъ называемый „островъ Тэнетъ“ (Isle of Thanet) съ курортами Маргэтъ, Бродстэрзъ и Рамсгэтъ.

Н. С. Русановъ.

На очередныя темы.

Экономическая проблема и экономическіе планы [1]).

II. Общее разстройство.

I.

Разрушительное дѣйствіе войны въ экономической сферѣ далеко не ограничивается тѣми предѣлами, въ какихъ я разсматривалъ этотъ вопросъ въ предыдущемъ очеркѣ. Оно распространяется гораздо шире и захватываетъ экономическую жизнь гораздо глубже, чѣмъ это было тамъ очерчено.

Отмѣчу прежде всего, что война грозитъ матеріальнымъ истощеніемъ, конечно, не только Россіи, но и другимъ странамъ, притомъ—не только воюющимъ, но и нейтральнымъ. О воюющихъ нечего и говорить, пожалуй [2]). Но мысль, что та же опасность угрожаетъ и нейтральнымъ странамъ, можетъ показаться на первый взглядъ совершенно парадоксальной, идущей прямо въ разрѣзъ съ извѣстными всѣмъ фактами.

---

[1]) См. „Русскія Записки", мартъ.

[2]) Достаточно выразительные по этому вопросу разсчеты, заимствованные изъ англійскаго журнала „The Economist", можно найти между прочимъ въ бюджетной рѣчи нашего министра финансовъ, сказанной имъ 31 марта въ Госуд. Совѣтѣ. Приведу два изъ этихъ разсчетовъ. По вычисленіямъ Economist'a, военные расходы составляютъ по отношенію:

	Къ ежегодному національному доходу.	Къ ежегоднымъ національнымъ сбереженіямъ.
У Англіи	71%	424%
„ Россіи	113 „	678 „
„ Австріи	120 „	717 „
„ Германіи	121 „	727 „
„ Франціи	128 „	766 „

Министръ финансовъ привелъ эти цифры, желая показать, что мы находимся все-таки въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ Германія или Австрія. Но тѣ же данныя годятся для характеристики и общаго положенія воюющихъ странъ. Всѣ онѣ живутъ теперь и ведутъ войну не за счетъ дохода только, но и за счетъ капитала,—даже „исключительно богатая" Англія, у которой, за покрытіемъ военныхъ издержекъ, остается менѣе 30% ея обычнаго дохода, на что прожить она, конечно, не можетъ. Эта страна тратитъ на войну въ четыре слишкомъ раза больше того, сколько она ежегодно сберегала въ мирное время и сколько, стало быть, могла бы тратить на чрезвычайныя надобности безъ риска затронуть свой національный капиталъ; другія же воюющія страны расходуютъ на войну въ семь-восемь разъ больше обычнаго избытка своей производительности...

Кто же, въ самомъ дѣлѣ, не знаетъ, какъ наживаются теперь эти страны,—по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, въ особенности, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты,—выполняя заказы и поставки для воюющихъ государствъ? Послѣднія готовы платить какія угодно цѣны, лишь бы получить то, что имъ необходимо, и деньги, можно сказать, рѣкой текутъ теперь въ нейтральныя страны.

Да, деньги... Но это вѣдь богатство условное: деньгами сытъ не будешь, земли ими не вспашешь и хлѣбъ даже съ ближайшаго поля на нихъ не привезешь. Реальныя же хозяйственныя блага,—тѣ, которыя необходимы для производства, транспорта и потребленія,—утекаютъ изъ нейтральныхъ странъ и утекаютъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше притекаетъ къ нимъ денегъ. А въ дальнѣйшемъ и самое производство этихъ благъ грозитъ сократиться. Чтобы пояснить эту мысль, приведу два-три конкретныхъ примѣра.

Истребивши значительную часть своего продуктивнаго скота, мы намѣрены теперь вплотную приняться за монгольскій. Казалось бы, Монголія лежитъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ войны и съ воюющими странами ничѣмъ почти не связана. Однако и ея скотъ—это чуть ли не единственное ея богатство—въ значительной своей части можетъ оказаться уничтоженнымъ... Я не знаю хорошенько, чѣмъ мы расплачиваемся и будемъ расплачиваться за покупаемый у монголовъ скотъ: бумажными деньгами, серебромъ или золотомъ. Кажется, для этого проектируется чеканить спеціальную серебряную монету, долженствующую, какъ разсчитываютъ, имѣть особый успѣхъ среди мѣстнаго населенія. Но каковы бы ни были деньги, которыми разбогатѣетъ Монголія, приплода въ видѣ телятъ и ягнятъ онѣ во всякомъ случаѣ дать не въ состояніи, и количество скота, отгуливающагося на монгольскихъ пастбищахъ, неизбѣжно такимъ образомъ сократится.

До скота другихъ странъ, поскольку ими не поставлены на этотъ счетъ прямые запреты, войнѣ, конечно, было еще легче добраться. Между прочимъ за время войны рѣзко увеличился вывозъ лошадей изъ Америки и Австраліи въ Европу, — главнымъ образомъ, для военныхъ, конечно, надобностей. Какъ ни богаты еще названныя страны лошадьми, но и ихъ резервы могутъ оказаться въ концѣ концовъ истощенными.

Въ сферѣ индустріи этотъ угрожающій процессъ менѣе замѣтенъ, но и здѣсь начали уже обнаруживаться характерныя и многозначительныя явленія. Напримѣръ, американскія фирмы стали отказываться отъ поставки намъ земледѣльческихъ машинъ и орудій. Американскіе заводы находятъ болѣе выгоднымъ для себя готовить военные припасы, къ каковому производству многіе изъ нихъ и перешли уже. Если Соединенные Штаты уменьшатъ свой экспортъ машинъ и орудій, то, конечно, не только въ Россію, но и въ другія страны, — напримѣръ, въ страны Дальняго

Востока и Южной Америки, — въ оборудованіи которыхъ они играли несравненно большую и при данныхъ обстоятельствахъ совершенно незамѣнимую роль. Такимъ образомъ пагубное дѣйствіе войны скажется на хозяйствѣ и этихъ далекихъ странъ, до которыхъ гулъ ея, быть можетъ, едва лишь доносится [1]). Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что С.-Штаты сократятъ производство нѣкоторыхъ хозяйственныхъ машинъ и орудій не только для экспорта, но и для внутренняго потребленія. Въ такомъ случаѣ и ихъ собственный производительный капиталъ въ соотвѣтствующихъ отрасляхъ начнетъ таять...

Возможно, что этотъ процессъ уже начался, но онъ маскируется необычайнымъ промышленнымъ и торговымъ оживленіемъ, какое воцарилось въ Соединенныхъ Штатахъ приблизительно съ весны прошлаго года. О безработицѣ, свирѣпствовавшей тамъ всю прошлую зиму, теперь нѣтъ и помина. Производство въ нѣкоторыхъ отрасляхъ (напримѣръ, чугуна) увеличилось чуть не въ полтора раза сравнительно съ мирнымъ временемъ и чуть не въ два раза сравнительно съ зимними мѣсяцами прошлаго года, причемъ оно далеко еще отстаетъ отъ предъявляемыхъ къ нему требованій. По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ United States Steel Corporation, въ началѣ марта нынѣшняго года количество невыполненныхъ заказовъ у нея достигло небывалой цифры—8.569 тыс. тоннъ, т. е. 520 милл. пуд. Какъ велика эта цифра, ясно будетъ изъ того, что вся наша желѣзная промышленность не въ состояніи была бы справиться съ такой работой и въ два года (въ 1914 г. у насъ произведено желѣза и стали 240 милл. пуд., въ 1915 г. и того меньше—199 милл. п.)... Но не трудно, конечно, понять, на кого именно такъ напряженно работаютъ Соединенные Штаты и что именно такъ усиленно они готовятъ...

„Стержнемъ, вокругъ котораго вращаются теперь всѣ промышленные и торговые успѣхи Соединенныхъ Штатовъ, — пишетъ нью-іоркскій корреспондентъ „Торгово-Промышленной Газеты“,— являются, конечно, военные заказы. Биржа изо-дня въ день отражаетъ это въ необычайныхъ цѣнахъ на акціи предпріятій, изготовляющихъ эти заказы“ [2]). Отражается это и въ цѣломъ рядѣ дру-

---

[1]) Уже въ 1914/5 отчетномъ году (съ 1 іюля по 30 іюня) Соединенные Штаты сократили, по сравненію съ предыдущимъ годомъ, свой вывозъ въ Японію на 19%, въ Китай на 34%, въ Бразилію на 14% и въ Аргентину на 28%. Правда, это сокращеніе, нужно думать, было обусловлено не столько недостаткомъ нужныхъ для экспорта продуктовъ и издѣлій, сколько замѣшательствомъ, какое произвела въ международной торговлѣ война. Когда это замѣшательство прошло, Соединенные Штаты опять увеличили свой экспортъ. Но, чѣмъ бы это первоначальное сокращеніе ни объяснялось, фактъ недополученія названными странами нужныхъ имъ продуктовъ и издѣлій имѣлъ, конечно, для ихъ хозяйства неблагопріятное значеніе, — тѣмъ большее, что ввозъ къ нимъ изъ воюющихъ странъ сократился еще рѣзче.

[2]) „Торгово-Промышленная Газета“. 21 апрѣля.

гихъ фактовъ... Соединенные Штаты, равно какъ и нѣкоторыя другія нейтральныя страны, попали, какъ принято теперь выражаться, въ орбиту войны, которая и заставляетъ ихъ на себя лихорадочно работать. Громадный военный спросъ, необычайно высокія цѣны и баснословныя прибыли сыграли роль доппинга для капиталистической промышленности и заставили ее напрячь всѣ силы...

Къ чему это можетъ привести,—мы хорошо знаемъ по собственному опыту. Вѣдь и у насъ въ промышленности, въ особенности, въ тѣхъ ея отрасляхъ, которыя непосредственно работаютъ на оборону, царило и царитъ необычайное оживленіе, но это не мѣшало и не мѣшаетъ пагубному дѣйствію войны на хозяйственную жизнь населенія: какъ мы видѣли, именно этимъ путемъ,—отвлекая чрезмѣрно большія силы къ военной промышленности,—она и производитъ въ нашемъ тылу значительную часть своей разрушительной работы. Та же, въ сущности, опасность угрожаетъ и нейтральнымъ странамъ, попавшимъ въ районъ ея дѣйствія. Въ этомъ отношеніи, равно какъ и во многихъ другихъ, имъ предстоитъ, повидимому, пережить то же, что и воюющимъ.

Приведу еще одинъ фактъ. Площадь подъ озимой пшеницей въ Соединенныхъ Штатахъ, по отчету вашингтонскаго земледѣльческаго бюро, съ 40,2 милл. акровъ уменьшилась въ нынѣшнемъ году до 33 милл. акр., т. е. почти на 18%. По отчету на 1 мая н. ст. ожидается значительное сокращеніе площади и подъ яровой пшеницей[1]). Общій недосѣвъ въ Соединенныхъ Штатахъ, хотя тамъ и не было мобилизацій, можетъ оказаться, повидимому, не менѣе значительнымъ, чѣмъ даже въ Россіи. И въ этомъ, въ сущности, не было бы ничего удивительнаго. Земледѣліе имѣетъ тамъ рѣзко выраженный капиталистическій характеръ и, если у насъ во многихъ случаяхъ можно было оторвать крестьянина отъ его полосы только силой, причемъ въ его дворѣ все-таки остались жена, старики, дѣти, которые всячески стараются поддержать хозяйство, то тамъ сравнительно легко отвлечь рабочаго отъ земли высокой заработной платой и притомъ отвлечь со всей его семьей, которая вмѣстѣ съ нимъ переберется въ городъ. А военная промышленность сейчасъ въ состояніи соблазнить не только земледѣльческаго рабочаго своими высокими заработками, но и сельскохозяйственнаго предпринимателя своими баснословными прибылями. Напомню, что и у насъ посѣвная площадь сильнѣе всего сократилась именно въ помѣщичьихъ и другихъ хозяйствахъ, приближающихся, по своему типу, къ капиталистическимъ...

Производительныя силы людей не безграничны и даже въ Соединенныхъ Штатахъ онѣ, повидимому, не настолько еще велики, чтобы, выполняя громадную и все увеличивающуюся работу для

[1]) „Торгово-Промышленная Газета", 3 мая.

нынѣшней войны, можно было поддерживать обычную хозяйственную дѣятельность хотя бы на прежнемъ только уровнѣ. Капитализмъ, который распоряжается этими силами, никогда, даже въ мирное время, не умѣлъ соразмѣрять ихъ и каждый промышленный подъемъ неизмѣнно оканчивался поэтому срывомъ, послѣ котораго наступала болѣе или менѣе продолжительная депрессія. Соразмѣрить силы теперь—удѣлить войнѣ лишь избытокъ ихъ—особенно трудно, а при частно-хозяйственномъ строѣ даже и для нейтральныхъ странъ едва-ли возможно. Каждый капиталистъ стремится вѣдь производить то, на что имѣется въ данное время наиболѣе сильный спросъ, и сбывать свои продукты и издѣлія тому, кто даетъ за нихъ наивысшую цѣну. А военный спросъ—по крайней мѣрѣ, до извѣстныхъ предѣловъ—несравненно сильнѣе хозяйственнаго и своими цѣнами послѣдній не можетъ конкурировать съ первымъ. Вполнѣ естественно поэтому, что производительныя силы все больше и больше отливаютъ отъ мирной хозяйственной дѣятельности къ военной промышленности.

Нейтральныя страны уже съ самаго начала войны вынуждены были принимать мѣры, чтобы не остаться безъ необходимыхъ имъ самимъ продуктовъ и издѣлій. Но эти мѣры, сводившіяся къ воспрещенію и ограниченію вывоза и сыгравшія на первыхъ порахъ свою роль, теперь, явно, уже недостаточны При длящемся характерѣ войны онѣ неизбѣжно ведутъ къ тому, что производство продуктовъ и издѣлій, вывозъ которыхъ воспрещенъ или ограниченъ, начинаетъ сокращаться и производительныя силы начинаютъ работать на войну въ другихъ формахъ. Правительства нѣкоторыхъ нейтральныхъ странъ уже озабочены тѣмъ, чтобы такъ или иначе уменьшить эту растрату производительныхъ силъ,—растрату, ничѣмъ почти до поры, до времени не возмѣщаемую, кромѣ денегъ, которыя, какъ увидимъ дальше, уже начали превращаться для нейтральныхъ странъ въ проклятіе. Можетъ быть, имъ и удастся найти необходимыя въ этомъ отношеніи мѣры и такимъ образомъ уберечь себя отъ общей участи.

А эта участь—оскудѣніе. Начинаясь въ воюющихъ странахъ и проявляясь на первыхъ порахъ лишь пятнами—въ формѣ недостатка то того, то другого,—оно распространяется все шире, захватывая все новыя области хозяйственной жизни, все болѣе далекія страны, и грозитъ уже сдѣлаться сплошнымъ и всеобщимъ. Начинаясь, такъ сказать, съ поверхности,—съ уменьшенія запасовъ и недостатка рабочихъ рукъ,—этотъ процессъ проникаетъ въ хозяйственную жизнь все глубже и, сокращая производство нѣкоторыхъ хозяйственныхъ благъ, грозитъ подточить самыя его основы. Нельзя, конечно, предугадать, какъ далеко зайдетъ этотъ процессъ, но не трудно уже предвидѣть, что человѣчество въ цѣломъ выйдетъ изъ войны не только сильно обѣднѣвшимъ, но, можетъ

быть, и съ значительно ослабленными производительными силами... если, конечно, та же война не порветъ путъ, которыя до сихъ поръ мѣшали гораздо болѣе быстрому ихъ развитію, и не приведетъ къ созданію формъ, которыя обезпечатъ болѣе планомѣрное и цѣлесообразное ихъ расходованіе.

II.

Великія войны бывали и прежде—по масштабамъ своего времени не менѣе громадныя, но вліяніе ихъ на хозяйственную жизнь было болѣе ограничено. Главная особенность нынѣшней войны въ томъ, что она ведется въ условіяхъ небывало еще развитого мѣнового хозяйства, получившаго уже міровой характеръ. Этимъ, конечно, и объясняется, что разрушительное дѣйствіе ея въ экономической сферѣ не локализуется, а распространяется все дальше и дальше, какъ будто для него ни вглубь, ни вширь нѣтъ предѣла. При помощи мѣнового механизма, какой сложился въ процессѣ мирной хозяйственной дѣятельности, воюющими державами привлекаются къ работѣ на войну все новыя и новыя хозяйственныя силы, не только свои, но и чужія, — силы чуть не всего свѣта.

Но, широко пользуясь для своихъ надобностей мѣновымъ механизмомъ, война въ то же время нисколько не щадитъ его. Съ одной стороны, она требуетъ отъ него напряженной и, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, односторонней, т. е. противной самому его назначенію, работы, а съ другой—всячески тормазитъ его, затрудняетъ его регулярное дѣйствіе. Въ результатѣ, онъ совсѣмъ расшатался, работаетъ крайне плохо, а въ нѣкоторыхъ частяхъ, того и гляди, совсѣмъ откажется служить.

. . . .

Англію или Францію донимаютъ сильнѣе всего морскіе фрахты. Послѣдніе достигли прямо невѣроятной высоты: за одинъ рейсъ парохода теперь приходится иной разъ платить чуть не полную его стоимость, а въ два-три сколько-нибудь значительныхъ и отвѣтственныхъ рейса почти всякій пароходъ окупаетъ себя.

Эта дороговизна фрахтовъ объясняется до извѣстной степени военнымъ рискомъ, съ чѣмъ связаны высокія страховыя преміи, и повышеніемъ цѣнъ на топливо, матеріалы и рабочія силы, но едва-ли не главную роль играетъ въ ней недостатокъ судовъ торговаго флота, чѣмъ „арматоры“ и пользуются для увеличенія своихъ прибылей. По разсчетамъ англійскихъ спеціалистовъ [1]), міровой коммерческій флотъ лишился за 20 мѣсяцевъ войны около 36% своего тоннажа и, хотя обороты морской торговли значи-

---

[1]) Пользуюсь данными, сгруппированными въ № 19 „Вѣстника Финансовъ“.

тельно сократились, ему все-таки не хватаетъ для ея обслуживанія около 20%. Главную роль въ уменьшеніи торговаго флота сыграло обращеніе коммерческихъ пароходовъ на военныя надобности, а затѣмъ интернированіе коммерческаго флота нѣкоторыхъ воюющихъ странъ (Германіи, Австріи, отчасти Россіи) въ ихъ собственныхъ и нейтральныхъ гаваняхъ. Но на ряду съ этими причинами, дѣйствіе которыхъ съ окончаніемъ войны прекратится, въ томъ же направленіи дѣйствовали и дѣйствуютъ другія, уже длящагося значенія. Такъ, постройка новыхъ судовъ за время войны, хотя нейтральныя страны и усилили свою производительность въ этой отрасли, сократилась вдвое, если не втрое, противъ мирнаго времени. Въ то же время потери торговаго флота значительно увеличились, — увеличились даже отъ обычныхъ аварій (что объясняютъ менѣе опытнымъ, чѣмъ въ мирное время, составомъ судовыхъ командъ), не говоря уже о гибели коммерческихъ судовъ отъ минъ и орудійныхъ выстрѣловъ. Въ итогѣ теперь гибнетъ почти вдвое больше судовъ, чѣмъ строится новыхъ, и коммерческій флотъ теряетъ, по разсчету на годъ, около 800—1.000 тыс. тоннъ, тогда какъ въ мирное время (по даннымъ за 1909—1913 г.г.) онъ ежегодно увеличивался въ среднемъ на 1.650 тыс. тоннъ. Легко понять, что наверстать недостроенное, погубленное и изношенное за время войны удастся потомъ не сразу.

Можно опасаться, что то же происходитъ и съ другими видами транспорта. Постройка новыхъ желѣзныхъ дорогъ, поскольку она не требуется военными надобностями, вѣроятно, во всемъ мірѣ сократилась, — сначала вслѣдствіе замѣшательства, вызваннаго войной, а затѣмъ—изъ-за дороговизны и недостатка рабочихъ силъ и матеріаловъ, изъ-за тѣхъ же, наконецъ, транспортныхъ затрудненій. Между тѣмъ потребность въ новыхъ дорогахъ, въ связи съ перемѣщеніемъ экономическихъ центровъ и вообще съ измѣненіями въ экономической ситуаціи, какія произвела и произведетъ война, почувствуется потомъ, да и чувствуется уже, съ особой силой... О гужевомъ транспортѣ я и не говорю: отъ урона, какой нанесла ему война, онъ, конечно, не скоро оправится, а можетъ быть, и никогда уже прежней роли играть не будетъ.

война потрясла и привела въ разстройство всю организацію обмѣна. Равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ чуть не повсемѣстно было нарушено; возстановить и поддерживать его немыслимо; во всякомъ случаѣ немыслимо разсчитывать при этихъ условіяхъ на дѣятельную конкуренцію между торговцами. Съ ослабленіемъ же ея открылся широкій просторъ для спекуляціи и именно для игры на повышеніе: во многихъ случаяхъ достаточно

было придержать товаръ или на время его припрятать, чтобы нажиться. И цѣны, послѣ кратковременнаго замѣшательства, смѣло пошли въ гору.

А между тѣмъ,—по мѣрѣ того, какъ война затягивалась, запасы истощались, производство сжималось,—къ затрудненіямъ начали присоединяться еще общія нехватки самыхъ разнообразныхъ продуктовъ. О возрожденіи конкуренціи при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи: не только подвезти товаръ въ нужномъ для этого количествѣ, но нерѣдко и найти его стало невозможно. И это—не случайная и скоропреходящая заминка, а длящаяся, конца-краю которой пока никто не видитъ. Естественно, что стремленіе придерживать и прятать продукты начало распространяться, захватило широкіе круги производителей и перекинулось въ потребительскую массу,—въ видѣ стремленія покупать въ запасъ и тоже прятать, чтобы не платить потомъ дороже или не остаться вовсе безъ необходимыхъ припасовъ. А это лишь обостряетъ нехватки, родитъ новыя и еще быстрѣе гонитъ вверхъ цѣны... Можно сказать, что теперь всѣ играютъ на повышеніе. Еслибы не находились въ жизни сдерживающія силы, то мѣновой механизмъ въ его нынѣшней конструкціи, предоставленный „свободной игрѣ частныхъ интересовъ", вѣроятно, очень скоро довелъ бы эту игру и весь теперешній процессъ обмѣна до абсурда.

Какъ бы то ни было, равновѣсіе между двумя сторонами этого механизма, явно, нарушено, между тѣмъ это равновѣсіе—необходимое условіе, чтобы онъ могъ сколько-нибудь правильно работать. Покупатели находятся теперь чуть не въ полной зависимости отъ продавцовъ, и это сказывается даже въ личныхъ между ними отношеніяхъ. Первые, по общему теперь правилу, держатъ себя заискивающе, чуть не подобострастно; вторые—высокомѣрно, чуть не нахально. Достаточно зайти въ лавку, чтобы сразу это почувствовать: о былой предупредительности нѣтъ и помина; напротивъ, малѣйшая попытка браковать товаръ или торговаться вызываетъ въ отвѣтъ грубость. Но этотъ же самый лавочникъ, отправившись къ оптовику, явится къ нему въ качествѣ просителя и, быть можетъ, не рѣшится даже заикнуться о цѣнахъ, лишь бы получить то, что ему необходимо. А оптовикъ находится почти въ такихъ же отношеніяхъ къ производителю, этотъ послѣдній—къ поставщикамъ сырья и топлива... Весь мѣновой механизмъ накренился въ одну сторону, ибо нѣтъ конкуренціи, которая хотя сколько-нибудь его выравнивала бы.

Съ прекращеніемъ торговой конкуренціи исчезъ регуляторъ цѣнъ и послѣднія совершенно утратили закономѣрность. Себѣстоимостью продукта, при назначеніи ихъ, перестали руководиться даже солидныя фирмы; о какихъ-либо нормахъ прибыли исчезло всякое представленіе; за товаръ берутъ столько, сколько вздумается и сколько только можно взять...

Публика нерѣдко негодуетъ на торговцевъ, что, купивъ товаръ по „старымъ" цѣнамъ, они продаютъ его по „новымъ" (иной разъ это вѣдь по ярлыкамъ видно). Но вдумайтесь въ ихъ положеніе и вы поймете, что дѣло тутъ, быть можетъ, не столько даже въ личной ихъ алчности, сколько въ объективной невозможности торговать иначе. Представьте себѣ, что купецъ имѣетъ 1.000 паръ сапогъ и добросовѣстно продаетъ ихъ по „старымъ" цѣнамъ, довольствуясь обычной, т. е. мирной прибылью, которая позволяла ему жить безбѣдно. А тѣмъ временемъ цѣны на сапоги удвоятся. Стало быть, распродавъ имѣвшуюся у него партію, онъ купитъ на вырученныя деньги всего лишь 500 паръ. При слѣдующемъ оборотѣ, если цѣны будутъ все такъ же повышаться, онъ окажется въ состояніи купить лишь 250 паръ и т. д... По извѣстному софистическому разсчету Ахиллесъ никогда не догонитъ черепахи. Не трудно и для этого купца составить такой же разсчетъ,—доказать съ допускаемою въ математикѣ скрупулезностью, что онъ всегда останется купцомъ и даже будетъ получать все время прежнюю прибыль. Но легко вмѣстѣ съ тѣмъ понять, что послѣ нѣсколькихъ „добросовѣстныхъ" оборотовъ въ его торговлѣ останется такъ мало товара, что въ дѣйствительности онъ будетъ нищимъ. Чтобы не проторговаться, купецъ и спѣшитъ поднять цѣны, — поднимаетъ ихъ даже раньше, чѣмъ получится очередной циркуляръ о „новыхъ" цѣнахъ отъ оптовой фирмы.

Добросовѣстная торговля и даже просто сколько-нибудь правильная торговля, въ основѣ которой лежитъ устойчивый коммерческій разсчетъ, при данныхъ условіяхъ, въ сущности, не возможна. И то, что мы имѣемъ теперь, трудно даже назвать торговлей,—какъ трудно назвать коммерціей азартную игру или всеобщій грабежъ, хотя они и могутъ давать отдѣльнымъ участникамъ ихъ большія прибыли. Подобной торговлей, можетъ быть, и могла удовлетворяться хозяйственная жизнь въ первоначальныхъ своихъ стадіяхъ, но это—не тотъ мѣновой процессъ, который необходимъ современному хозяйству для его ровнаго хода и дальнѣйшаго развитія.

Нынѣшнія торговыя неурядицы,—въ значительной ихъ части каждымъ изъ насъ лично испытанныя и испытываемыя, — слишкомъ общеизвѣстны, чтобы стоило на нихъ еще задерживаться. Отмѣчу лишь, что торговое разстройство грозитъ затянуться и можетъ даже получить хроническій характеръ. Во всякомъ случаѣ нельзя разсчитывать, что съ окончаніемъ войны торговыя отношенія сразу наладятся и примутъ свой прежній, хотя и далекій отъ совершенства, но все-таки сносный, видъ.

всяческія нехватки успѣютъ сдѣлаться еще болѣе общими и острыми. Помѣшаютъ налаживаться торговлѣ и тѣ измѣненія въ психикѣ торговаго сословія, которыми сказалась и скажется война.

Добрые торговые навыки усвоивались вѣдь очень медленно въ процессѣ хозяйственнаго развитія и мы, въ частности, были очень еще не богаты ими. Тѣмъ труднѣе имъ будетъ возродиться и упрочиться, тѣмъ труднѣе будетъ отъ спекуляціи, которая получила такую силу и распространеніе, перейти къ правильной торговлѣ.

Опасность, которая угрожаетъ въ сферѣ мѣновыхъ отношеній хозяйственной жизни, тѣмъ больше, что дѣйствіе войны совпало въ данномъ случаѣ съ нѣкоторыми общими тенденціями экономическаго развитія, обнаружившимися задолго до нея и получившими за время ея необычайную силу. Такова, прежде всего, дороговизна. Подъемъ товарныхъ цѣнъ начался вѣдь еще съ половины 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія и уже передъ войной дороговизна достигла въ нѣкоторыхъ странахъ размѣровъ соціальнаго бѣдствія. Въ ряду причинъ, которыми было обусловлено общее „вздорожаніе жизни", видную, а, можетъ быть, и главную роль играло ослабленіе конкуренціи вслѣдствіе быстро распространявшагося картеллированія въ сферѣ торговли и промышленности. Это картеллированіе отливалось въ разныя формы—отъ полнаго сліянія (трестированія и комбинированія) предпріятій до установленія никому почти невиднаго контроля банковъ надъ ними,—но неизмѣнно вело къ рѣзкому ослабленію конкуренціи въ синдицированныхъ отрасляхъ. За время войны этотъ процессъ синдицированія, судя по всему, чрезвычайно усилился, и уже поэтому нельзя надѣяться на возрожденіе дѣятельной конкуренціи въ средѣ торговцевъ и промышленниковъ. А безъ этой конкуренціи нынѣшній мѣновой механизмъ, какъ уже сказано, вовсе не можетъ правильно работать: онъ можетъ лишь взвинчивать цѣны...

До войны же начались и нехватки... Напомню чугунный голодъ, угольный, цементный и т. д., какіе, одинъ за другимъ, мы переживали въ послѣдніе передъ войной годы. Синдикаты не были тогда пойманы съ поличнымъ, но остались въ сильномъ подозрѣніи, что искусственно создавали эти голодовки, помогавшія имъ поднимать цѣны. За время войны вкусъ къ подобнымъ голодовкамъ, несомнѣнно, увеличился и широко распространился въ средѣ торговцевъ и предпринимателей, да и умѣнье устраивать ихъ тоже сдѣлало не малые успѣхи. Легко понять, какія изъ этого могутъ проистечь послѣдствія для хозяйственной жизни.

Прибавлю, что и зависимость покупателей отъ продавцовъ, сдѣлавшаяся теперь общимъ явленіемъ и дающая о себѣ знать въ такихъ наглядныхъ формахъ, начала устанавливаться еще въ мирное время. Достаточно припомнить хотя бы письма и циркуляры, какіе „Продамета" уже до войны начала посылать своимъ заказчикамъ и которые, съ непривычки, прямо поражали своимъ властнымъ тономъ. Заправилы синдиката не только диктовали и мѣняли, по своему усмотрѣнію, условія сдѣлокъ, но еще и налагали взы-

сканія на осмѣливавшихся возражать имъ покупателей. Тогда это поражало, ну, а теперь, пожалуй, никто бы уже не удивился.

Война лишь ускорила и обострила въ данномъ случаѣ процессы, которые и безъ того уже происходили въ жизни,—сдѣлала въ два года то, на что при обычныхъ условіяхъ ушли бы, можетъ быть, десятилѣтія. Тѣмъ труднѣе, конечно, разсчитывать, что съ окончаніемъ ея равновѣсіе въ обмѣнѣ само собой возстановится. Едва-ли рѣка экономической жизни вспять побѣжитъ. Болѣе вѣроятнымъ представляется другое: мѣновой механизмъ, который уже до войны работалъ односторонне, послѣ нея и вовсе окажется негоднымъ. Во всякомъ случаѣ безъ серьезнаго корректива, въ которомъ онъ давно уже нуждается, дѣло на этотъ разъ не обойдется.

III.

Возможно, что понадобятся и другіе коррективы, совершенно даже неожиданные. Война повредила и грозитъ привести въ негодность даже ту часть мѣнового механизма, безъ которой нынѣшній обмѣнъ совершенно невозможенъ. Я имѣю сейчасъ въ виду самое орудіе обмѣна, посредствующее звено во всѣхъ почти современныхъ мѣновыхъ сдѣлкахъ,—деньги. Когда-то люди обходились безъ нихъ, мѣняли товаръ на товаръ, но это было давно, лишь въ первоначальной стадіи мѣнового хозяйства; при нынѣшнемъ же развитомъ его состояніи это звено представляется совершенно неустранимымъ и незамѣнимымъ. Самая мысль, что оно можетъ выпасть, что его придется, быть можетъ, кореннымъ образомъ передѣлать, замѣнить новымъ или на-ряду съ нимъ вставить другое звено,—съ трудомъ усвоивается. А между тѣмъ и въ этомъ нѣтъ уже чего-либо невѣроятнаго. Разстройство денежнаго обращенія, которое до послѣдняго времени привлекало къ себѣ сравнительно мало вниманія, начинаетъ угрожать хозяйственной жизни невиданными еще осложненіями.

Началось, какъ извѣстно, съ того, что вовлеченныя въ конфликтъ державы одновременно съ мобилизаціей и даже раньше, какъ только война надвинулась, прекратили размѣнъ и перешли къ бумажно-денежному обращенію. Это была, прежде всего, предупредительная мѣра, продиктованная, съ одной стороны, желаніемъ удержать золото, которое иначе могло отхлынуть въ другія страны, а съ другой — опасеніемъ, что банки окажутся не въ состояніи удовлетворить всѣ требованія, какія къ нимъ могутъ быть предъявлены. Немедленно же количество бумажныхъ денегъ было значительно увеличено. Но и въ этомъ не было еще ничего угрожающаго для денежнаго обращенія: спросъ на деньги былъ громадный. Вслѣдствіе неизбѣжной въ такихъ случаяхъ паники многіе стремились изъять свои капиталы изъ оборота и при-

прятать. Кромѣ того, бумажныя деньги должны были замѣнить, во-первыхъ, золото, которое, какъ только былъ прекращенъ размѣнъ, исчезло изъ обращенія, а во-вторыхъ,—и для этого ихъ понадобилось еще больше—векселя и другія обязательства, такъ какъ торговля въ кредитъ почти прекратилась. Послѣ того, какъ эти потребности были удовлетворены, дальнѣйшій выпускъ бумажныхъ денегъ долженъ былъ, конечно, прекратиться, а по мѣрѣ того, какъ проходила паника и въ хозяйственной жизни возстановлялось довѣріе, слѣдовало и выпущенныя уже бумажки постепенно извлекать изъ оборота. Въ дѣйствительности однако выпускъ бумажныхъ денегъ и послѣ того продолжался,—при отсутствіи уже какой бы то ни было въ томъ хозяйственной надобности, исключительно съ цѣлями финансированія войны.

У насъ разсчитывали, что излишекъ выпускаемыхъ денегъ удастся вслѣдъ затѣмъ извлекать изъ оборота при помощи займовъ. Но надежды на эту операцію не оправдались. Достаточно сказать, что за время подписки на послѣдній двухмилліардный заемъ количество бумажныхъ денегъ въ обращеніи не только не уменьшилось, но еще увеличилось — больше, чѣмъ на 300 милл. руб. Другими словами: вмѣсто того, чтобы извлекать выпущенныя раньше бумажки, одновременно съ займомъ, т. е. когда деньги со всѣхъ сторонъ текли въ Государственный банкъ, выпускались новыя [1]). Въ промежуткахъ же между займами этотъ способъ добыванія ресурсовъ, необходимыхъ для войны, является теперь главнымъ, а внутри страны—почти и единственнымъ. Само собой понятно, что количество бумажныхъ денегъ, находящихся въ народномъ обращеніи, все увеличивается. Оно давно уже превзошло сумму, необходимую для хозяйственнаго оборота, и грозитъ превратиться въ лавину.

Избытокъ денегъ въ народно-хозяйственномъ оборотѣ неизбѣжно ведетъ къ обезцѣненію ихъ, —другими словами, къ повышенію цѣнъ на всѣ продукты и услуги; это, въ свою очередь, увеличиваетъ расходы государства и для покрытія ихъ ему приходится прибѣгать къ еще болѣе усиленному выпуску бумажныхъ денегъ, а это ведетъ къ еще болѣе быстрому обезцѣненію ихъ и т. д. Легко понять, что этотъ процессъ, по самой природѣ своей, долженъ идти все ускоряющимся темпомъ, почему я и упомянулъ о лавинѣ, съ которой его принято сравнивать: вѣдь и снѣжный комъ сначала движется и наростаетъ медленно, но чѣмъ дальше, —

[1]) Это, конечно, понятно: подписка на этотъ заемъ открылась 15 марта и будетъ продолжаться до 1 іюня, т. е. 78 дней; наши военные расходы, достигающіе теперь, по словамъ министра финансовъ, 31½ милл. р. въ день, должны составить за это время болѣе 2.400 милл. р., а двухмилліардный заемъ въ лучшемъ случаѣ дастъ 1.876 милл. р. (считаю 800 милл. р., реализуемыхъ Гос. банкомъ по 95, и 1.200 милл., уступленныхъ частнымъ банкамъ, по 93 за 100).

тѣмъ быстрѣе. Нынѣшніе займы, несомнѣнно, задерживаютъ этотъ стихійный ростъ бумажно-денежнаго обращенія, но, какъ уже упомянуто, оказались не въ состояніи остановить его,—они оказались не въ состояніи даже сдѣлать его равномѣрнымъ [1]). Если не найдутся другіе факторы, способные затормазить его, то цѣнность денегъ начнетъ въ концѣ концовъ падать, какъ это и случилось когда-то во Франціи, съ головокружительною быстротою.

Конечно, эта опасность угрожаетъ не только намъ, но въ большей или меньшей степени и другимъ воюющимъ странамъ (за исключеніемъ, быть можетъ, пока только Англіи). Само собой понятно также, что эта опасность съ самаго начала была извѣстна финансистамъ. Наличность излишнихъ денегъ въ народно-хозяйственномъ оборотѣ тоже давно уже чувствуется, и пагубное дѣйствіе этого излишка, хотя оно затушевывается другими факторамь (недостаткомъ рабочихъ рукъ, спекуляціей и т. д.), дѣйствующими въ томъ же направленіи, съ каждымъ днемъ становится все очевиднѣе. Даже убѣжденные сторонники финансированія войны при помощи бумажныхъ денегъ, какъ, напримѣръ, г. Шингаревъ, не мало потрудившійся для популяризаціи этой идеи, начали приходить въ смущеніе. Однако и за всѣмъ тѣмъ, какъ я уже сказалъ, давно, въ сущности, начавшееся разстройство денежнаго обращенія до самаго послѣдняго времени привлекало къ себѣ сравнительно мало вниманія. Главная опасность—полное обезцѣненіе рубля—представлялась (да и сейчасъ представляется) далекой: авось, до этого и не дойдетъ,—не вѣкъ же война будетъ длиться. Что касается большаго или меньшаго паденія цѣнности денегъ,—даже на треть, на половину, на три четверти, — то это вѣдь въ нашей исторіи уже бывало. Однако жили же,—цѣлыми десятилѣтіями жили при пониженной и неустойчивой цѣнности нашего рубля,—стало быть, и теперь проживемъ какъ-нибудь, до конца войны дотянемъ. И наши финансисты склонны были больше разсуждать о томъ, какъ мы будемъ по окончаніи войны возстанавливать размѣнъ, придется или не придется тогда прибѣгать къ девальваціи и т. п., чѣмъ думать о мѣрахъ, какія требуются теперь или по-

---

[1]) За первые 21 мѣсяцъ войны количество кредитныхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи, увеличилось у насъ на 4.621 милл. руб., а именно: за первые семь мѣсяцевъ (съ 16 іюля 1914 г. по 16 февраля 1915 г.)—на 1.461 милл. р., за вторые семь мѣсяцевъ (съ 16 февраля по 16 сентября 1915 г.)—на 1.528 милл. р. и за третьи семь мѣсяцевъ (съ 16 сентября 1915 г. по 16 апрѣля 1916 г.)—на 1.632 милл. р. Разница въ темпѣ, на первый взглядъ, не очень значительная, но дѣйствительное значеніе ея усиливается, съ одной стороны, тѣмъ, что въ первомъ періодѣ бумажныя деньги выпускались, главнымъ образомъ, для вышеупомянутыхъ хозяйственныхъ надобностей (изъ 1.461 милл. р. за первый только мѣсяцъ войны было выпущено 800 милл. р.), а съ другой—тѣмъ, что какъ разъ на третій періодъ пришлись наиболѣе крупные военные займы, но и они не въ силахъ были замѣтно ослабить выпускъ бумажныхъ денегъ.

требуются въ ближайшее время въ сферѣ денежнаго обращенія, чтобы избѣжать серьезныхъ осложненій, а, быть можетъ, и тяжкихъ потрясеній въ дѣлѣ обмѣна.

Что конца войнѣ не видно, что размѣры и предѣлы болѣзненныхъ явленій въ сферѣ денежнаго обращенія далеко еще не опредѣлились, что во всякомъ случаѣ на этотъ разъ ими одновременно захваченъ цѣлый рядъ странъ и что весь процессъ происходитъ при существенно иныхъ, чѣмъ раньше, условіяхъ,—все это какъ-то упускалось изъ виду. Начавшееся разстройство денежнаго обращенія, какъ и случавшіяся въ прежнія времена, представлялось всѣмъ мѣстнымъ и временнымъ явленіемъ. Казалось, что война можетъ разстроить денежную систему той или иной отдѣльной страны, быть можетъ, даже нѣсколькихъ странъ и имъ придется оказаться въ тяжеломъ положеніи, но все-таки не въ безвыходномъ. Переживъ потрясенія, онѣ могутъ вѣдь, опираясь на „всеобщій эквивалентъ"—на золото, этотъ испытанный устой денежнаго обращенія, — перестроить заново свою денежную систему. О томъ, что нынѣшняя война поколеблетъ даже „всеобщій эквивалентъ", что она можетъ поставить вопросъ не только о той или иной денежной системѣ той или иной отдѣльной страны, но и вопросъ вообще о деньгахъ, притомъ поставить его въ качествѣ міровой проблемы, — объ этомъ никто до самаго послѣдняго времени даже не думалъ.

Правда, съ самаго начала войны,—прежде, чѣмъ переходъ къ бумажно-денежной валютѣ воюющихъ странъ началъ осложняться внутри ихъ явно болѣзненными явленіями,—передъ ними всталъ и уже не сходилъ съ очереди, а привлекалъ все больше и больше къ себѣ вниманія вопросъ о заграничныхъ платежахъ.

Въ особенно трудномъ положеніи оказалась Россія въ виду ея заграничной задолженности. Въ мирное время мы балансировали наши внѣшніе разсчеты при помощи продуктовъ, вывозя ихъ изъ года въ годъ на большую сумму, чѣмъ получали сами. Такимъ путемъ мы и выплачивали проценты по нашимъ внѣшнимъ займамъ и дивиденды по иностраннымъ капиталамъ, вложеннымъ въ русскія предпріятія. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій наша внѣшняя торговля рѣзко сократилась, причемъ вывозъ уменьшился гораздо болѣе значительно, чѣмъ ввозъ, и нашъ торговый балансъ, бывшій дотолѣ активнымъ, сдѣлался пассивнымъ. Теперь, кромѣ платежей по займамъ, мы должны еще приплачивать и за товары, получаемые изъ другихъ странъ. Въ виду значительнаго превышенія нашихъ внѣшнихъ платежей надъ полученіями изъ-за границы, курсъ нашего рубля, хотя цѣнность его внутри страны и не была, быть можетъ, еще поколеблена, сразу же упалъ и чѣмъ дальше, тѣмъ падалъ ниже.

Положеніе создалось въ высшей степени трудное, грозившее даже сдѣлаться безвыходнымъ... Когда началась война, у казны

имѣлись довольно значительные запасы золота за границей, которые передъ самымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій удалось переправить изъ Германіи во Францію. Этимъ золотомъ въ первое время и балансировались наши внѣшніе разсчеты, но его могло хватить, конечно, не на долго. А дальше что? Пріостановить платежи по внѣшнимъ займамъ—не допускало достоинство Россіи, и притомъ это могло бы осложнить наши добрыя отношенія съ тою же Франціей и въ дальнѣйшемъ до нельзя бы затруднило намъ внѣшній кредитъ. Усилить вывозъ,—но этому мѣшалъ недостатокъ дорогъ и открытыхъ портовъ, а въ дальнѣйшемъ и продуктовъ не хватило бы. Не до того намъ теперь, чтобы еще на заграницу работать. Прекратить ввозъ,—но это было немыслимо, такъ какъ многіе заграничные продукты и издѣлія были необходимы для государственной обороны. Оставалось какъ будто одно: платить золотомъ, постепенно отправляя его за границу, пока кладовыя Государственнаго банка не опустѣютъ. Можетъ быть, въ этомъ и не было ничего ужаснаго, но этотъ способъ расплаты представлялся въ то время въ высшей степени опаснымъ и безусловно нежелательнымъ: вѣра въ золото не была еще поколеблена, да и надежда возстановить въ странѣ въ ближайшее время металлическое денежное обращеніе не была такъ, какъ теперь, расшатана. Однако осенью 1914 года были случаи отправки и золота за границу; пришлось бы, вѣроятно, отправлять его и дольше... Но выходъ нашелся: на помощь намъ въ нашихъ заграничныхъ платежахъ пришли Франція и, въ особенности, Англія. Сначала эта помощь оказывалась въ формѣ отдѣльныхъ и точно опредѣленныхъ займовъ, а затѣмъ было заключено финансовое соглашеніе съ Англіей, которая открыла намъ кредитъ (въ суммѣ до 7 милліардовъ) для нашихъ заграничныхъ платежей...

На ряду съ помощью, оказываемой намъ въ заграничныхъ платежахъ, Англія обязалась снабжать насъ золотомъ и для „внутреннихъ", такъ сказать, надобностей,—съ тѣмъ, чтобы это золото оставалось все время въ кладовыхъ англійскаго банка, а по окончаніи войны немедленно было возвращено ссудившей его намъ Англіи. Такого „золота за границей" — по балансу Государственнаго банка на 23 мая — у насъ числится теперь свыше 1.400 милл. руб., тогда какъ передъ началомъ войны нашъ заграничный запасъ золота, казавшійся очень большимъ, составлялъ менѣ 140 милл. руб. Такимъ образомъ, „золотомъ заграницей" мы очень разбогатѣли и имѣемъ теперь тамъ лишь немного меньше, чѣмъ въ здѣшнихъ кладовыхъ Госуд. банка (1.540 милл. руб.). Это заграничное,—въ сущности, номинальное—золото, необходимо Гос. банку, чтобы производить внутри Россіи выпуски бумажныхъ денегъ безъ нарушенія своего эмиссіоннаго права, которое, не смотря на троекратное уже расширеніе его за время войны, безъ этого заграничнаго золота было бы давнымъ давно уже исчерпано.

Помимо финансоваго соглашенія съ Англіей, а можетъ быть, до извѣстной степени и въ связи съ нимъ, правительствомъ принятъ еще цѣлый рядъ мѣръ съ цѣлью облегчить и урегулировать наши разсчеты съ заграницей. Прежде всего, были всячески урѣзаны—частью вовсе воспрещены, частью существенно ограничены—частные платежи за границу. Въ этихъ видахъ надъ ними установленъ контроль, становившійся съ теченіемъ времени все болѣе общимъ и строгимъ. Въ дальнѣйшемъ правительство сосредоточило въ своихъ рукахъ распоряженіе всей заграничной валютой, какая поступаетъ на денежный рынокъ, и при посредствѣ „валютнаго отдѣла“ стало устанавливать на нее предѣльныя цѣны, которыми должны руководиться и частные банки въ своихъ заграничныхъ операціяхъ. При этомъ сдѣлки на сумму свыше 2.000 руб. (за счетъ одного и того же лица втеченіе мѣсяца) подлежатъ предварительному разсмотрѣнію въ томъ же валютномъ отдѣлѣ и такимъ образомъ отъ правительства, въ сущности, зависитъ разрѣшить или не разрѣшить заграничный платежъ,—въ зависимости отъ того, конечно, кѣмъ и за что онъ производится. Установленіе предѣльныхъ цѣнъ на заграничную валюту повело однако къ тому, что часть ея, минуя банки и валютный отдѣлъ, стала продаваться по вольной цѣнѣ на сторонѣ, ускользая такимъ образомъ отъ всякаго контроля. Тогда правительство пошло еще дальше и стало разрѣшать вывозъ товаровъ лишь тѣмъ экспортерамъ, которые обязываются всѣ полученные за нихъ за границей деньги предоставлять въ распоряженіе валютнаго отдѣла. Такимъ образомъ необходимость регулировать наши разсчеты съ заграницей, независимо даже отъ другихъ цѣлей, ради которыхъ устанавливается теперь надзоръ надъ ввозомъ и вывозомъ, привела къ тому, что отъ правительства зависитъ, съ одной стороны, кто и что можетъ купить за границей, а съ другой—кто и что можетъ продать туда. Другими словами: вся внѣшняя торговля находится сейчасъ подъ дѣятельнымъ, и притомъ проникающимъ довольно глубоко въ народнохозяйственную жизнь, контролемъ государственной власти.

Финансовое соглашеніе съ Англіей и принятыя правительствомъ мѣры валютнаго характера, несомнѣнно, облегчили намъ внѣшніе разсчеты и въ частности—платежи по военнымъ заказамъ за границей. Но общія затрудненія въ международныхъ разсчетахъ все усиливаются и притомъ, насколько можно судить, ускоряющимся за послѣднее время темпомъ. Прежде всего, увеличились они для воюющихъ странъ, въ частности—для Франціи и Англіи.

Положеніе этихъ странъ до сихъ поръ было гораздо благопріятнѣе, чѣмъ положеніе Россіи, потому, что не онѣ были должны другимъ, а имъ были должны. По своимъ капиталамъ, вложеннымъ въ займы и предпріятія другихъ странъ, онѣ изъ года въ годъ получали значительные доходы, въ связи съ чѣмъ и балансъ ихъ

внѣшней торговли былъ пассивнымъ, т. е. онѣ получали продуктовъ и издѣлій больше, чѣмъ отдавали сами. За время войны эта разница между ввозомъ и вывозомъ сдѣлалась еще больше и не покрывалась уже платежами, причитавшимися имъ отъ другихъ странъ за пользованіе ихъ капиталами, и имъ пришлось за получаемые товары уже приплачивать. Съ этою цѣлью онѣ начали реализовать принадлежавшія имъ въ другихъ странахъ цѣнности, т. е. продавать, прежде всего, принадлежавшія имъ заграничныя цѣнныя бумаги и вырученными такимъ образомъ деньгами балансировать свои внѣшніе разсчеты. Иначе говоря, онѣ расплачивались за оказываемую имъ извнѣ помощь обязательствами соотвѣтствующихъ странъ. Платить приходилось, главнымъ образомъ, нейтральнымъ странамъ, и, напримѣръ, скандинавскія страны, какъ разсчитываютъ, выкупили такимъ путемъ чуть ли не всѣ свои внѣшнія обязательства. Выкупили значительную часть своихъ цѣнныхъ бумагъ, принадлежавшихъ англичанамъ и французамъ, также и Соединенные Штаты.

Какъ бы то ни было, количество иностранныхъ цѣнностей, принадлежавшихъ Англіи и Франціи, значительно уже уменьшилось,— остались, быть можетъ, лишь такія, которыя реализовать трудно и даже невозможно (капиталы, вложенные въ займы и предпріятія враждебныхъ и вообще воюющихъ странъ). Само собой понятно, что по мѣрѣ того, какъ Англія и Франція распродавали принадлежавшія имъ заграничныя цѣнности, причитавшіеся имъ доходы изъ-за границы становились все меньше и приплачивать за ввозимые продукты и издѣлія приходилось все больше. Вмѣстѣ съ тѣмъ и балансировать свои внѣшніе разсчеты имъ становилось все труднѣе. Съ цѣлью облегчить эти затрудненія, ими принимались, конечно, и другія мѣры. Такъ, „ненужный ввозъ“ воспрещенъ теперь даже въ Англіи, которая, какъ извѣстно, менѣе всѣхъ другихъ странъ склонна ограничивать свободу торговли. Далѣе, Англіи и Франціи удалось и удается заключать займы въ Соединенныхъ Штатахъ, что также облегчаетъ имъ разсчеты съ заграницей, и прежде всего съ тѣми же Штатами. Но получаемыхъ такимъ образомъ денегъ все-таки недостаточно, и имъ приходится все больше и больше платить имѣющимся въ наличности золотомъ.

Можетъ быть, это и не представило бы пока затрудненій Золота въ воюющихъ государствахъ имѣется довольно много,—не даромъ вѣдь онѣ такъ усиленно старались стянуть его и удержать въ своихъ государственныхъ хранилищахъ, имѣя, быть можетъ, въ виду именно этотъ случай, когда платить, кромѣ него, по заграничнымъ сдѣлкамъ будетъ нечѣмъ. Во всякомъ случаѣ имѣющагося въ наличности золота хватило бы еще на достаточно продолжительный срокъ. Но тутъ встрѣтилось совершенно неожиданное и невиданное до сихъ поръ затрудненіе: нейтральныя страны начинаютъ отказываться брать въ уплату золото...

Это,—несомнѣнно, любопытнѣйшее и характернѣйшее явленіе, какимъ нынѣшняя война сказалась въ сферѣ денежнаго обращенія. Золото перестаетъ быть „всеобщимъ эквивалентомъ", —по крайней мѣрѣ въ международныхъ разсчетахъ. Про серебро и говорить нечего: въ международной торговлѣ оно давно уже не играетъ этой роли, если не считать торговли съ нѣкоторыми отсталыми странами. Цѣнность его оказалась слишкомъ неустойчивой и люди все меньше и меньше стали опираться на него въ своихъ мѣновыхъ сдѣлкахъ. То же происходитъ сейчасъ и съ золотомъ.

Само по себѣ золото—„безполезнѣйшій металлъ". Реальнымъ хозяйственнымъ благомъ оно отнюдь не является, — если не считать, конечно, спроса на него со стороны любителей блеска. Но и въ этомъ отношеніи, при нынѣшнемъ уровнѣ техники, оно сравнительно легко поддается замѣнѣ. И если такая замѣна до сихъ поръ не всегда удавалась, если золото оставалось все-таки продуктомъ потребленія, то въ значительномъ числѣ случаевъ потому только, что пользующіеся имъ для украшенія люди желаютъ блестѣть и его цѣнностью. Цѣнность же оно имѣло, главнымъ образомъ, въ качествѣ орудія обмѣна, въ качествѣ денегъ.

Но излишекъ денегъ въ хозяйственномъ оборотѣ неизбѣжно ведетъ къ ихъ обезцѣненію, къ разстройству денежнаго обращенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ повышенію цѣнъ на всѣ товары и услуги, къ затрудненіямъ и осложненіямъ въ хозяйственной жизни. Это именно и стало наблюдаться въ нейтральныхъ странахъ, куда со всѣхъ сторонъ потекло золото.

Въ этомъ отношеніи,—какъ и во многихъ другихъ, повторяю,—имъ приходится переживать то же, что и воюющимъ, хотя въ данномъ случаѣ и по прямо противоположной какъ будто причинѣ. Но по существу это одна и та же болѣзнь, и на языкѣ финансистовъ она получила даже одно названіе: инфляція,—въ однѣхъ бумажная, въ другихъ золотая. Если хозяйственная жизнь воюющихъ странъ осложнилась цѣлымъ рядомъ болѣзненныхъ явленій вслѣдствіе затопленія ея бумажными деньгами, то въ нейтральныхъ она страдаетъ тѣмъ же самымъ вслѣдствіе наплыва золота. Въ нихъ царитъ та же непомѣрная дороговизна, та же необузданная спекуляція, та же неразсчетливая трата силъ, то же расточительное истребленіе хозяйственныхъ благъ,—и въ результатѣ къ нимъ такъ же незамѣтно, а можетъ быть, и такъ же неизбѣжно подкрадывается, какъ и къ воюющимъ странамъ, истощеніе, о чемъ я говорилъ выше...

Конечно, эти болѣзненныя явленія не остались незамѣченными. Руководящій банкъ Соединенныхъ Штатовъ, National City Bank, уже прошлою осенью обратилъ вниманіе на происходящую золотую инфляцію, угрожающую экономической устойчивости Америки, а скандинавскія страны, которымъ первымъ выпало на долю вынести золотой ливень, уже начали принимать мѣры, чтобы

обезопасить себя отъ золотого потопа. Швеція, Норвегія и Данія уже воспретили своимъ эмиссіоннымъ банкамъ покупать золото и пріостановили свободную чеканку монеты. Въ результатѣ тотчасъ же обнаружилось, что золото не имѣетъ уже цѣнности денегъ, цѣна на него стала падать. Создалось до-нельзя странное положеніе: въ странахъ съ золотой валютой, въ которыхъ между деньгами и золотомъ узаконено постоянное отношеніе (по законамъ скандинавскихъ странъ, 1 фунтъ золота равенъ 2.480 кронамъ), послѣднія начали расходиться между собою въ цѣнѣ. Съ полною наглядностью такимъ образомъ обнаружилось, что золотыя деньги могутъ имѣть цѣну, совершенно независимую отъ количества заключающагося въ нихъ золота.

Мѣры, принятыя Швеціей, Норвегіей и Даніей, особенно если имъ примѣру въ той или иной формѣ послѣдуютъ и другія нейтральныя страны, прежде всего, до крайности затруднятъ теперешніе международные разсчеты. Воюющимъ государствамъ за необходимые для нихъ товары изъ нейтральныхъ странъ нельзя будетъ платить даже золотомъ, — онѣ должны будутъ платить деньгами той именно страны, матеріалами, продуктами и издѣліями которой желаютъ воспользоваться. Конечно, и раньше, покупая что-либо въ Швеціи или Норвегіи, приходилось платить кронами, но при недостачѣ ихъ можно было привезти золото, которое мѣстные банки приняли бы по установленной цѣнѣ. Но откуда взять кроны теперь, если банки лишены права принимать его, если свободная чеканка монеты прекращена?

Мѣстныя деньги можно, конечно, получить въ обмѣнъ на матеріалы, продукты и издѣлія, и воюющія государства должны, стало-быть, усилить свой вывозъ. Если нейтральныя страны за оказываемую ими помощь воюющимъ будутъ получать плату реальными хозяйственными благами,—чего онѣ, въ сущности, и добиваются,—то это предохранитъ ихъ отъ истощенія, и онѣ въ состояніи будутъ безпрепятственно развивать свои производительныя силы, если, конечно, будутъ пользоваться ими достаточно равномѣрно, не допуская срыва. Но тѣмъ быстрѣе въ такомъ случаѣ будетъ происходить истощеніе самихъ воюющихъ странъ, которыя вынуждены будутъ отдавать нужные имъ самимъ продукты или тратить на производство для экспорта силы, которыхъ имъ и безъ того не хватаетъ. Вѣроятно, онѣ окажутся просто не въ состояніи сколько-нибудь значительно увеличить свой вывозъ. А въ такомъ случаѣ, не имѣя чѣмъ платить, онѣ вынуждены будутъ сократить свой ввозъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пользованіе чужими производительными силами для обслуживанія войны. Можетъ быть, такимъ путемъ и опредѣлится граница разрушительному дѣйствію послѣдней...

Но возможно, конечно, что воюющія страны найдутъ еще какой-либо выходъ изъ возникшихъ и намѣчающихся затрудненій.

Онѣ могутъ, напримѣръ, расплачиваться съ нейтральными странами долговыми обязательствами, закладывая, такъ сказать, продукты своего будущаго труда, или своимъ основнымъ капиталомъ, продавая иностранцамъ дома и фабрики, заводы и рудники, лѣса и землю, ея поверхность и нѣдра. Къ слову сказать, у насъ имѣются финансисты, которые во всякаго рода совѣщаніяхъ настойчиво указываютъ на этотъ путь, какъ на единственно намъ доступный и неизбѣжный, для привлеченія иностранныхъ капиталовъ. Этотъ процессъ можетъ, конечно, начаться и независимо отъ сознательнаго рѣшенія того или другого органа государственной власти. Возможно, что онъ и идетъ уже... Но не трудно предвидѣть, что и на этомъ пути финансированіе войны встрѣтитъ въ концѣ концовъ серьезныя, а, быть можетъ, и неодолимыя препятствія.

Какъ бы ни разрѣшился вопросъ о теперешнихъ международныхъ разсчетахъ, переживаемыя въ этой области затрудненія, несомнѣнно, не пройдутъ безслѣдно для денежнаго обращенія, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ своихъ частяхъ послѣднее, какъ мы видѣли, приведено въ разстройство. Деньги, явно, оторвались отъ металлической своей основы и притомъ такъ: въ воюющихъ странахъ—въ одну сторону, въ нейтральныхъ—въ другую. Въ первыхъ деньги стоятъ теперь значительно ниже своего золотого паритета, въ послѣднихъ—выше. „Замѣчательно,—говоритъ по этому поводу „Вѣстникъ Финансовъ"—что обѣ эти противоположныя разновидности ненормальнаго денежнаго обращенія существуютъ одновременно. Подобный фактъ лучше всего иллюстрируетъ тотъ хаосъ, въ который ввергла война денежное обращеніе всего міра"[1]). Чтобы выйти изъ этого хаоса, необходимо для денегъ найти какую-нибудь основу, притомъ общую для тѣхъ и другихъ странъ, воюющихъ и нейтральныхъ. Быть такой основой золото въ настоящее время, какъ мы видимъ, не можетъ, и при его помощи трудно урегулировать международные разсчеты. Еще труднѣе, какъ предвидятъ, будетъ урегулировать ихъ на этой основѣ послѣ войны,—по крайней мѣрѣ, урегулировать безобидно для тѣхъ и другихъ странъ.

Возвращаясь черезъ нѣкоторое время къ тому же вопросу, органъ нашего министерства финансовъ пишетъ: „Въ силу установившейся инфляціи—бумажной у воюющихъ странъ и металлической у нейтральныхъ, — золото, какъ мѣрило цѣнностей и универсальное орудіе обращенія, отошло на задній планъ и, повидимому, уже не играетъ той важной роли, какую оно играло въ хозяйственной жизни народовъ втеченіе многихъ предыдущихъ десятилѣтій. Несомнѣнно, совершающееся нынѣ въ большомъ масштабѣ насильственное освобожденіе денежнаго обращенія отъ тѣсной золотой оболочки будетъ учтено при переходѣ къ нормальному режиму и

[1]) „Вѣстникъ Финансовъ", № 14.

скажетъ вліяніе на постановку и рѣшеніе многихъ валютныхъ и банково-эмиссіонныхъ проблемъ въ ближайшемъ будущемъ" [1]).

Какъ бы то ни было, роль золота въ качествѣ всеобщаго эквивалента нынѣшней войной сильно скомпрометирована. Уже пишутъ статьи о „паденіи кумира", которому такъ долго поклонялся и котораго такъ чтилъ весь родъ людской... Но правильнѣе, быть можетъ, говорить не объ этомъ только кумирѣ, а вообще о „фетишизмѣ денегъ", которымъ до сихъ поръ проникнута вся современная жизнь и который является источникомъ цѣлаго ряда ненормальныхъ, пагубныхъ и безобразныхъ явленій въ ней. Вотъ именно этотъ-то фетишизмъ, какъ можно надѣяться, и расшатываетъ нынѣшняя война,—притомъ расшатываетъ одновременно въ разныхъ его частяхъ.

Не только тамъ, въ международныхъ разсчетахъ, гдѣ чуть не прямо начинаютъ говорить: не нужно намъ вашего золота, вашихъ денегъ, давайте ваши продукты и издѣлія, давайте вашу работу,—только трудъ на трудъ мы согласны обмѣнивать... Эта область хозяйственной жизни — область международнаго обмѣна — почти совсѣмъ не видна большой публикѣ и явленія, въ ней происходящія, мало интересуютъ послѣднюю, а, по большей части, остаются даже неизвѣстными ей. Въ виду этого гораздо важнѣе, быть можетъ, что фетишизмъ денегъ война расшатываетъ и въ повседневной жизни, въ душѣ каждаго, даже самаго зауряднаго обывателя. Кто, въ самомъ дѣлѣ, изъ насъ по личному опыту уже не позналъ громадную разницу между деньгами и реальными хозяйственными благами,—между этими бумажками, которыхъ чуть не у всѣхъ много, и хотя бы мясомъ, котораго нигдѣ нельзя достать, или желѣзнодорожнымъ билетомъ, который такъ трудно получить?

Съ прежнею и даже еще большею алчностью люди кидаются на деньги, продолжая твердо вѣрить, что это и есть богатство. Не останавливаются даже передъ преступленіями ради нихъ. Но вновь и вновь убѣждаются, что это богатство таетъ, — таетъ не по днямъ, а по часамъ, того и гляди, исчезнетъ и въ рукахъ останутся лишь болѣе или менѣе новенькія, болѣе или менѣе затасканныя бумажки. Волей-неволей прокрадется въ душу сомнѣніе: дѣйствительно-ли это—богатство? И даже тѣ, которые сознательно не ставятъ и не рѣшаютъ этого вопроса, начинаютъ больше дорожить старыми сапогами, чѣмъ новенькимъ кредитнымъ билетомъ.

Многимъ кажется, что это только наши деньги — такія, что сила—въ золотѣ. Извѣстны случаи, что въ петроградскіе ювелирные магазины являлись, видимо, только что разбогатѣвшіе люди и скупали все золото, не глядя и не торгуясь. Вѣроятно, они разсчи-

[1]) „Вѣстникъ Финансовъ", № 18.

тываютъ въ такомъ видѣ сохранить до лучшихъ временъ въ цѣлости свое нажитое, наворованное или награбленное богатство. Но, вотъ, оказывается, въ нейтральныхъ странахъ именно золото стало падать въ цѣнѣ, и неизвѣстно еще, до какой степени обезцѣненія оно можетъ дойти. Тамъ деньги цѣнятся дороже золота, но и съ этими дорогими деньгами людямъ приходится поститься. Стало быть, и не въ дорогихъ даже деньгахъ дѣло.

Все большему числу людей и все яснѣе становится, что дѣйствительное богатство — въ реальныхъ хозяйственныхъ благахъ. Но и то не сразу угадаешь: въ какихъ? — одно можетъ испортиться, другое—не пригодиться... Можетъ быть, въ землѣ наиболѣе вѣрное помѣщеніе богатства? Но и то, кто еще знаетъ, какъ сложатся обстоятельства и дорого ли земля будетъ стоить, если ее, напримѣръ, пахать будетъ нечѣмъ? Одно лишь богатство въ эту пору общаго потрясенія и общей переоцѣнки цѣнностей остается внѣ сомнѣнія: это—трудъ человѣка, и прежде всего—живой трудъ, а изъ накопленнаго — лишь та его часть, которая можетъ пойти въ производство или потребленіе.

Многіе ли замѣтятъ этотъ основной источникъ цѣнностей,—не только замѣтятъ, но и будутъ затѣмъ все время имѣть его въ виду,—сказать трудно. Вѣроятно, немногіе... Но условность денегъ въ качествѣ богатства — если не разсмотрятъ, то почувствуютъ,—массы людей. И это уже много значитъ: хотя немного онѣ отойдутъ отъ фетишизма.

Безъ орудія обмѣна люди, конечно, не останутся. Вѣроятно, и отказаться отъ привычнаго орудія, — отъ денегъ, если это звено само окончательно не выпадетъ,—они не рѣшатся. Возможно, что то же золото они постараются сохранить въ основѣ денежнаго обращенія,—хотя бы номинально только и найдя для послѣдняго какую-либо другую опору. Но въ какомъ бы видѣ ни былъ возсозданъ „всеобщій эквивалентъ“, если онъ хотя немного лучше, чѣмъ нынѣшнія деньги, будетъ совпадать съ истиннымъ мѣриломъ цѣнностей—съ трудомъ, то изъ хозяйственной жизни будетъ устранена значительная часть фальшивыхъ и болѣзненныхъ явленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и процессъ ея развитія облегчится.

IV.

Война настолько расшатала и разстроила мѣновой механизмъ, притомъ въ важнѣйшихъ его частяхъ—въ транспортѣ, въ торговлѣ, въ денежномъ обращеніи,—что работать сколько-нибудь правильно и плодотворно онъ уже не можетъ. Между тѣмъ такая работа, прежде всего, требуется для надобностей самой войны. Государственная власть напрягаетъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать эту работу болѣе успѣшной и, оказываясь не въ состояніи этого достигнуть, не останавливается передъ самыми сильными и рѣшительными, хотя,

по большей части, разрозненными и несогласованными, мѣрами, чтобы ее восполнить.

Я не буду сейчасъ говорить о томъ, что этимъ мѣрамъ часто не хватаетъ главнаго—цѣлесообразности. Не буду говорить и о томъ, что даже при отсутствіи всякаго плана въ нихъ онѣ сами собой, силою вещей, все больше и больше начинаютъ складываться въ опредѣленную систему. Меня сейчасъ интересуютъ не творческія задачи и не творческая роль, хотя бы безсознательная, государственной власти, а разрушительное дѣйствіе войны, которое даетъ себя знать во всякаго рода мѣропріятіяхъ. Чтобы прослѣдить до конца это дѣйствіе, я и остановлюсь на нѣкоторыхъ мѣрахъ, касающихся центральной части нынѣшняго мѣнового механизма,—его торговаго аппарата.

Какъ извѣстно, послѣдній приводится въ движеніе „свободной игрой частныхъ интересовъ", въ основѣ которой лежитъ рѣзкое противоположеніе „моего" и „твоего", стремленіе каждаго присвоить возможно большую долю общественнаго продукта. Опорой торговаго аппарата служитъ такимъ образомъ частная собственность на создаваемыя въ процессѣ коллективнаго производства цѣнности. Въ немъ нѣтъ приспособленій, которыя ограждали бы интересы слабой стороны,—онъ основанъ на предположеніи, что всѣ участвующіе въ обмѣнѣ равносильны. Нѣтъ въ немъ и приспособленій, ограждающихъ общіе интересы, ибо предполагается, что послѣдніе равны суммѣ частныхъ, и только. Таковъ этотъ аппаратъ, который, по господствовавшему когда-то среди экономистовъ мнѣнію, долженъ чуть ли не идеально работать.

Однако уже до войны, какъ мы видѣли, въ его работѣ стала замѣчаться существенная неправильность, обусловленная какимъ-то органическимъ его дефектомъ. Въ условіяхъ же военнаго времени онъ и совсѣмъ сталъ скверно работать, отказываясь въ иныхъ случаяхъ вовсе служить своей цѣли.

Государственная власть не останавливается передъ самыми сильными мѣрами, чтобы выпрямить торговый аппаратъ и заставить его болѣе правильно работать. Со спекуляціей она борется штрафами, арестами, высылками; ростъ дороговизны пытается остановить таксами и предѣльными цѣнами; на отказъ продавать продукты и попытки создавать искусственныя голодовки отвѣчаетъ реквизиціями. Такъ или иначе, но она должна оградить общіе, государственные, интересы отъ препятствій, какія ставятъ ихъ защитѣ частные своекорыстные разсчеты. Дѣло вѣдь идетъ сейчасъ о такихъ исключительной важности общихъ интересахъ, какъ цѣлость и независимость государства. Не можетъ государственная власть оставить безъ всякаго огражденія и частные интересы наиболѣе слабыхъ группъ,—не можетъ уже потому, что всякое осложненіе во внутренней жизни и даже не осложненіе, а хотя

бы только рѣзкое ухудшеніе, напримѣръ, санитарныхъ условій, грозитъ до-нельзя затруднить оборону государства.

Но создать нужныя для указанныхъ цѣлей приспособленія можно не иначе, какъ затронувъ самую основу нынѣшняго, не только торговаго аппарата, но и всего хозяйственнаго строя, — частную собственность. Ее все время задѣваютъ, — противъ нея, можно сказать, прежде всего и направлены — принимаемыя правительствомъ мѣры въ борьбѣ съ торговыми неурядицами, доходя порой чуть ли не до полнаго ея отрицанія.

Правда, эти мѣры оказываются все же недостаточными, и государственной власти для обслуживанія общегосударственныхъ нуждъ приходится спѣшно создавать свой собственный, существенно отличный отъ частнаго, торговый аппаратъ, имѣющій въ виду уже не частные интересы, а общегосударственный, хотя и щадящій частные и нерѣдко даже отступающій передъ ними, но въ конечномъ счетѣ все-таки стремящійся подчинить ихъ себѣ или, по крайней мѣрѣ, согласовать ихъ съ собою. При всемъ недовѣріи, какое государственная власть питаетъ у насъ къ общественнымъ силамъ, она не препятствуетъ и имъ,—во всякомъ случаѣ меньше препятствуетъ, чѣмъ въ обычное время,—тоже строить свой торговый аппаратъ для лучшаго обслуживанія государственныхъ и общественныхъ нуждъ въ дѣлѣ обмѣна и снабженія. Но о созидательной работѣ, какая идетъ во время войны, какъ уже сказано, я не намѣренъ сейчасъ говорить. Слѣдя же за разрушительнымъ дѣйствіемъ войны, нельзя было не отмѣтить, что она расшатываетъ основной устой современнаго соціальнаго и хозяйственнаго уклада, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главный кумиръ, предъ которымъ преклоняются люди и который доселѣ считался „неприкосновеннымъ“.

И не только въ сферѣ обмѣна она это дѣлаетъ... Не менѣе существеннымъ ограниченіямъ частная собственность подвергается и въ сферѣ производства. Заводскія совѣщанія и комитеты по дѣламъ цѣлаго ряда отраслей промышленности во многихъ случаяхъ права частнаго хозяина надъ орудіями и средствами производства уже свели къ правамъ приказчика, который получаетъ инструкціи и приказы, для кого, что и даже какъ работать.

Все больше назрѣваетъ для государственной и общественной власти необходимость вмѣшательства со своими ограниченіями и распоряженіями даже въ наиболѣе интимную область хозяйственной жизни—въ сферу потребленія. Безъ общихъ и притомъ довольно глубоко проникающихъ мѣръ—будетъ ли это прямая нормировка потребленія или косвенное на него воздѣйствіе (при помощи устраненія съ рынка нѣкоторыхъ товаровъ или запретительнаго обложенія ихъ)—намъ, явно уже, не обойтись. И въ дѣйствительности такія мѣры уже принимаются... Не хватаетъ лишь рѣшимости придать имъ общій и систематическій характеръ. Какъ

бы то ни было, даже въ этой области, наименѣе доступной, казалось бы, для воздѣйствія, право частной собственности—власть частнаго лица надъ вещью,—по требованію войны, несомнѣнно, придется ограничить.

Когда эта война только еще начиналась,—въ своемъ первомъ откликѣ на разразившуюся катастрофу,—я писалъ: „Во время войны, когда всѣ живутъ подъ впечатлѣніемъ общей бѣды, когда приходится жертвовать не только имуществомъ, но и жизнью, принципъ неприкосновенности частной собственности пріобрѣтаетъ условный характеръ, а въ осажденныхъ городахъ и крѣпостяхъ съ нимъ и вовсе не считаются. При нынѣшней войнѣ на осадномъ положеніи вынуждены будутъ жить цѣлыя громадныя страны, и если такое положеніе затянется, то институтъ частной собственности очень сильно можетъ быть расшатанъ. Массы людей свыкнутся съ совершенно другими взглядами на нее, и если не успѣютъ окончательно выработать новыя формы распоряженія ею, то почва для этого все-таки будетъ расчищена“ [1]). Помню, за эти строки на меня тогда сразу обрушились съ двухъ сторнъ: съ одной стороны, издавна стоящее на стражѣ всякихъ основъ „Новое Время“, а съ другой—либерально-радикальный „День“ въ лицѣ г. Бикермана.

„Новое Время“ теперь своими рѣзкими нападками на торговцевъ и неумолчными требованіями обуздать ихъ, пожалуй, сильнѣе, чѣмъ кто либо другой, расшатываетъ въ обслуживаемыхъ имъ кругахъ неприкосновенный принципъ. Г. Бикерманъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, продолжаетъ всячески защищать частно-хозяйственный строй, но уже то, что онъ считаетъ нужнымъ такъ много силъ удѣлять этой темѣ, показываетъ, что и въ его глазахъ частная собственность находится сейчасъ отнюдь не въ полной безопасности. Да и кто же не видитъ, что не только въ „осажденныхъ странахъ“, какъ Германія и Австрія, но и во всѣхъ другихъ война наноситъ ей все болѣе частые и все болѣе сильные удары? А эта война все затягивается...

Но отсюда—возражаютъ—нельзя дѣлать никакихъ выводовъ для будущаго, для мирнаго времени. Принципъ неприкосновенности по отношенію къ частной собственности всегда вѣдь былъ условнымъ: нигдѣ и никогда такой собственности не было, а въ военное время принципъ ея всегда подвергался особенно сильнымъ ударамъ. И нынѣшняя война не внесла принципіально ничего новаго. Все дѣло лишь въ степени, а не въ качествѣ...

Да, въ степени... Но вѣдь количественное различіе, за извѣстными предѣлами, превращается въ качественное. Въ количественномъ же отношеніи удары, наносимые войной частной собственности, существенно разнятся отъ прежнихъ: они распространяются

---

[1]) „Русское Богатство“, 1914 г. № 8, стр. 298.

на гораздо большую площадь хозяйственныхъ отношеній, сыплются чаще и по своему характеру гораздо разнообразнѣе. И прежде продукты реквизировались, но реквизировались лишь для нуждъ арміи, для непосредственныхъ нуждъ обороны. А теперь ихъ реквизируютъ и для потребностей мирнаго населенія и для надобностей хозяйственной жизни и притомъ по очень разнообразнымъ соображеніямъ. Конечно, эти соображенія ставятся такъ или иначе въ связь съ нуждами государственной обороны, но каждому легко понять, что они, и независимо отъ послѣдней, могутъ имѣть почти такую же непререкаемую силу.

Бывшій министръ г. Хвостовъ опасался, что дороговизна и недостатокъ продуктовъ первой необходимости могутъ вызвать безпорядки, и онъ считалъ необходимымъ бороться съ продовольственными затрудненіями, не особенно считаясь съ какими-либо „неприкосновенными" принципами. Какъ извѣстно, онъ ошибся въ своихъ опасеніяхъ... Жизнь реагировала на продовольственныя затрудненія не безпорядками, а цынгою,—цынгою даже въ столицѣ, чего какъ будто еще не бывало. Но и это, конечно, достаточно серьезный мотивъ, чтобы вести самую энергичную борьбу съ продовольственными затрудненіями. Какъ бы то ни было, опасенія насчетъ безпорядковъ, быть можетъ, совсѣмъ разсѣялись или значительно уменьшились, но реквизиціи и всякія другія мѣры этого рода продолжаютъ примѣняться и въ интересахъ мирнаго населенія. Какъ-никакъ всѣ привыкаютъ къ мысли, что не только для арміи и нуждъ обороны, но и для народнаго спокойствія, народнаго здравія и даже для безостановочной хозяйственной дѣятельности иной разъ необходимы и „допустимы" рѣшительныя мѣры, хотя бы онѣ и затрогивали тѣ или иные частные интересы, представляющіеся „неприкосновенными". И надобность въ такихъ мѣрахъ можетъ оказаться въ мирное время не менѣе острой и настоятельной, чѣмъ и въ военное.

Повторю однако то, что я писалъ и два года тому назадъ. Настаивая, что война расшатываетъ институтъ частной собственности, я вовсе не хочу сказать, что за время той же войны успѣютъ окончательно выработаться новыя формы распоряженія ею. Не такъ легко и скоро, конечно, люди откажутся отъ основного устоя, на которомъ они построили всю свою соціальную жизнь. Но если даже онъ только будетъ существенно суженъ, ограниченъ, то и то для развитія производительныхъ силъ окажется гораздо больше простора.

Въ прошлый разъ я попытался намѣтить центральный пунктъ экономической проблемы, въ настоящій разъ—ея общія очертанія, а также и общія условія, въ какихъ намъ предстоитъ рѣшать ее. Но это не значитъ, что мы имѣемъ уже передъ собою всѣ элементы задачи.

До сихъ поръ я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, разруши-

тельное дѣйствіе войны, какимъ она сказывается въ экономической сферѣ. Но жизнь вѣдь не остается пассивной. Она реагируетъ на это дѣйствіе и притомъ двоякимъ образомъ: съ одной стороны, всѣми доступными ей средствами она старается ограничить и ослабить пагубное дѣйствіе войны, а съ другой,—найти и проложить себѣ новые пути. И намъ прежде, чѣмъ придти къ тѣмъ или инымъ выводамъ, необходимо присмотрѣться къ результатамъ достигнутымъ ею въ томъ и другомъ направленіи.

А. Пѣшехоновъ.

Новая книга о національномъ вопросѣ въ Россіи.

(Отечество. Сборники національной литературы Россіи. Пути и достиженія національныхъ литературъ Россіи. Національный вопросъ. Томъ I. Редакція проф. И. А. Бодуэнъ де Куртенэ, проф. Н. А. Гредескула, Б. А. Гуревича, кн. П. Д. Долгорукова, проф. В. Н. Сперанскаго. Книгоиздательство бывш. М. В. Попова. Петроградъ. Стр. 104+481. Ц. 3 р. 75 к.).

I.

Національный вопросъ — вопросъ о нормахъ сожительства въ предѣлахъ одного государства различныхъ національностей, большихъ и малыхъ, родственныхъ и чуждыхъ одна другой, — давно поставленъ исторіей въ Россіи и давно зоветъ къ себѣ вниманіе русскаго общества. Въ самое послѣднее время война и связанныя съ нею событія еще болѣе обострили этотъ вопросъ, сдѣлали его еще болѣе болѣзненнымъ и напряженнымъ, чѣмъ былъ онъ раньше. Вмѣстѣ съ тѣмъ обострилось и вниманіе къ нему широкихъ круговъ русскаго общества, а пріобрѣтенное въ практическихъ урокахъ текущей жизни сознаніе важности національнаго вопроса повысило интересъ и къ теоретическому освѣщенію его. Можно смѣло утверждать, что всякій сколько-нибудь серьезный трудъ, посвященный выясненію современнаго положенія національнаго вопроса въ Россіи, найдетъ теперь для себя среди русскихъ читателей большую и внимательную аудиторію. И, вѣроятно, не одинъ изъ этихъ читателей обратится къ сборнику, заглавіе котораго выписано въ началѣ настоящей замѣтки, въ надеждѣ найти на страницахъ этого сборника, вышедшаго подъ редакціей пяти писателей, въ томъ числѣ трехъ профессоровъ, именно такой серьезный трудъ о національномъ вопросѣ въ Россіи.

Надо сразу сказать,—такая надежда, если она и зародится у кого-нибудь, будетъ жестоко обманута. И обманутой она окажется

прежде всего потому, что писатели, организовавшіе изданіе даннаго сборника, не потрудились заранѣе отчетливо выяснить себѣ тѣ цѣли и задачи, которыя они собрались преслѣдовать въ немъ общими силами. Въ приложеніи къ вышедшему въ свѣтъ первому тому „Отечества" его редакція помѣстила извлеченіе изъ текста своего обращенія къ предполагавшимся сотрудникамъ сборника. Въ этомъ обращеніи много громкихъ словъ, но очень мало ясныхъ мыслей.

„Въ эти дни великихъ свершеній,—говорится здѣсь, — когда на поляхъ битвы народы Россіи кровью освящаютъ сознаніе общегосударственной солидарности и надежду на свѣтлый расцвѣтъ общей имъ культурной работы, становится необходимостью ознакомить широкіе круги русскаго общества съ тѣми безчисленными культурными цѣнностями, которыя накоплены вѣковой работой національностей Россіи.

„Однимъ изъ скромныхъ вкладовъ въ создающуюся лишь нынѣ литературу о творческихъ силахъ народовъ Россіи должно явиться предпринятое нами изданіе сборника „Отечество".

„Въ краткихъ и популярныхъ очеркахъ предполагаемъ мы дать картину развитія литературъ главныхъ національностей Россіи, прослѣдить часто далекіе истоки ихъ традицій и указать на важнѣйшія связи, сближенія ихъ съ русской литературой, — а также подробно выяснить политическій идеалъ сближенія національностей Россіи".

Такимъ образомъ сборникъ „Отечество", по мысли его организатсровъ, долженъ явиться вкладомъ, хотя и „скромнымъ", въ совершенно новую, только теперь создающуюся, „литературу о творческихъ силахъ народовъ Россіи". Темами же этого сборника служатъ, съ одной стороны, исторія литературъ различныхъ національностей Россіи, съ другой—политическій идеалъ сближенія этихъ національностей. Нельзя сказать однако, чтобы эти темы являлись такой ужь новинкой въ русской литературѣ. Нельзя сказать и того, чтобы онѣ были очень тѣсно, органически связаны одна съ другой, не допуская отдѣльнаго разсмотрѣнія. Повидимому, составляя свое обращеніе къ сотрудникамъ сборника, его редакція сама не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ, что собственно она имѣетъ въ виду, и, не сочтя нужнымъ выработать отчетливое пониманіе своей задачи, удовольствовалась громозвучными словами о „дняхъ великихъ свершеній" и о „создающейся лишь нынѣ литературѣ", вкладомъ въ которую долженъ послужить проектированный сборникъ.

Результатъ этого отсутствія яснаго и отчетливаго пониманія поставленной книгѣ задачи оказался именно такимъ, какого и слѣдовало ожидать. Въ сборникѣ, вышедшемъ въ свѣтъ подъ редакціей пяти писателей, нѣтъ никакого опредѣленнаго плана, нѣтъ никакой продуманной и послѣдовательной системы, нѣтъ, наконецъ, даже одной общей идеи.

Съ внѣшней стороны этотъ сборникъ раздѣляется на два отдѣла—общественно-политическій и историко-литературный. Эти

отдѣлы, въ сущности, ничѣмъ между собою не связаны и каждый изъ нихъ представляетъ собою какъ бы самостоятельное цѣлое или, вѣрнѣе, какъ бы самостоятельный сборникъ, объединенный съ другимъ только одною общей обложкой. Даже и редакція второго изъ этихъ отдѣловъ, какъ узнаемъ мы изъ его заглавія, принадлежитъ не всѣмъ пяти писателямъ, имена которыхъ значатся на обложкѣ сборника въ качествѣ его редакторовъ, а лишь одному изъ нихъ—Б. А. Гуревичу.

Этотъ второй, историко-литературный, отдѣлъ по объему своему занимаетъ главное мѣсто въ книгѣ, составляя чуть не пять шестыхъ частей ея. Въ свою очередь онъ состоитъ какъ бы изъ двухъ частей—изъ ряда краткихъ очерковъ, принадлежащихъ различнымъ авторамъ и посвященныхъ исторіи финляндской, эстонской, латышской, литовской, малорусской, еврейской, польской и грузинской литературъ, и изъ приложеній къ этимъ очеркамъ, представляющихъ собою образцы данныхъ литературъ въ русскомъ переводѣ. Очерки, вошедшіе въ этотъ отдѣлъ книги, въ общемъ можно назвать болѣе или менѣе удачными, хотя надо сказать, что всѣ они очень мало связаны или, вѣрнѣе, совсѣмъ не связаны между собою и что вмѣстѣ съ тѣмъ среди нихъ нѣтъ ни одного, который былъ бы способенъ привлечь къ себѣ особенное вниманіе читателя. Что же касается упомянутыхъ приложеній къ этимъ очеркамъ, то ихъ уже никакъ нельзя назвать удачными. Едва-ли правильна была и самая мысль дать къ статьямъ о литературахъ различныхъ народностей еще приложенія въ видѣ образцовъ этихъ литературъ. Два-три, въ лучшемъ случаѣ пять-десять, отрывковъ изъ различныхъ писателей, конечно, не могутъ дать никакого понятія о литературѣ. Вдобавокъ, и выборъ этихъ отрывковъ въ настоящемъ сборникѣ весьма неудаченъ. Такъ, для характеристики польской беллетристики въ книгѣ приведены три отрывка: лубочное описаніе сраженія подъ Збаражемъ изъ романа Сенкевича „Огнемъ и мечемъ", „Сумерки" Жеромскаго и „Разбитый колоколъ" Реймонта. Малорусская художественная проза представлена въ сборникѣ не особенно удачнымъ разсказомъ Ив. Франка „Звѣриный бюджетъ", тремя миніатюрами Коцюбинскаго и разсказомъ Ив. Семанюка „Святой Николай подъ арестомъ". Немногимъ лучше подборъ образцовъ и изъ другихъ литературъ. Къ тому же переводъ, если не всѣхъ, то многихъ изъ этихъ образцовъ выполненъ далеко не безупречно. Благодаря всему этому, приведенные въ сборникѣ образцы національныхъ литературъ врядъ-ли заинтересуютъ собою читателя и ужь во всякомъ случаѣ не дадутъ ему сколько-нибудь яснаго понятія о тѣхъ литературахъ, которыя они должны представлять. Несравненно бо̀льшую роль въ этомъ смыслѣ способны сыграть помѣщенныя въ данномъ отдѣлѣ сборника статьи, но эти послѣднія, давая читателю фактическія свѣдѣнія по исторіи литературъ отдѣльныхъ національностей Россіи, не особенно обогатятъ его въ смыслѣ пониманія

современнаго положенія національнаго вопроса въ Россіи. Эта тема прямо почти не затрагивается въ нихъ, а, кромѣ того, онѣ и слишкомъ разнотипны, написаны по слишкомъ различнымъ планамъ, для того, чтобы читатель могъ на основаніи ихъ придти къ вполнѣ опредѣленнымъ выводамъ въ этомъ вопросѣ.

Такіе выводы долженъ былъ бы дать читателю первый, общественно-политическій, отдѣлъ сборника. Но если второй отдѣлъ „Отечества" страдаетъ отсутствіемъ литературной стройности и вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ есть много лишняго и ненужнаго, то первый отдѣлъ способенъ прямо поразить читателя полнымъ отсутствіемъ сколько-нибудь серьезнаго отношенія къ тѣмъ вопросамъ, которые въ нихъ обсуждаются.

Весь этотъ отдѣлъ состоитъ изъ четырехъ небольшихъ статей. На первомъ мѣстѣ среди нихъ стоитъ статья одного изъ редакторовъ „Отечества", г. Бориса Гуревича, „Россія—творимая Нація". Вычурности этого заглавія вполнѣ отвѣчаетъ и вычурность, чтобы не сказать—истеричность, самой статьи. „Ликъ русской культуры—пишетъ г. Гуревичъ—витаетъ надъ полями битвъ, и мучительныя загадки нашей кошмарной эпохи должны быть разрѣшены вѣрой въ его вѣчную и незыблемую цѣнность. Теперь или никогда долженъ быть созданъ идеалъ русской культуры, идеалъ, который долженъ стать палладіумомъ, общимъ всѣмъ народамъ Россіи... Въ горнилѣ рокового года слились въ одно цѣлое чаянія славянофильскаго мессіанизма и мечты западника. Нѣкій новый, властный и чистый мессіанизмъ овладѣваетъ сердцами: Россія, подобная Западу и равная ему, но изъ себя ростящая новые и невиданные побѣги духа, создающая мощнымъ творческимъ порывомъ свой культурный міръ, свою систему сверкающихъ вокругъ русской культуры народныхъ культуръ и соборнымъ творчествомъ созидающая всечеловѣческую стихійно-многогранную и глубокую культуру, русскую культуру въ ея соединеніи съ оживляющимъ многообразіемъ сливающихся съ ней культуръ народовъ Россіи". И дальше на протяженіи шести страницъ г. Гуревичъ съ томительнымъ однообразіемъ къ одному громозвучному слову подбираетъ другое, не менѣе громозвучное, къ одной крикливой фразѣ прицѣпляетъ другую, еще болѣе крикливую. Поскольку за этими крикливыми фразами можно разглядѣть мысль автора, она сводится къ тому, что изъ всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, должна подъ культурнымъ верховенствомъ русскаго народа сложиться одна нація, какъ сложилась нѣкогда одна нація изъ „провансальца, бретонца и нормандца". Доказать правильность такой мысли было бы, конечно, не легко. Но г. Гуревичъ и не трудится что-либо доказывать и аргументировать—онъ просто вѣщаетъ. Вѣщаетъ онъ тогда, когда говоритъ о русской культурѣ, вѣщаетъ и тогда, когда говоритъ объ отношеніи къ ней культуръ другихъ національностей. „Мнѣ кажется желательнымъ,—заявляетъ онъ—чтобы ростъ вліянія украинскаго и бѣлорусскаго языковъ не

грозилъ распадомъ духовныхъ силъ русскаго народа, единство которыхъ такъ еще нужно для созданія сердца Россіи—обще-русской культуры, къ которой бы могли тяготѣть и культуры національностей. Возможно, что русскій языкъ вступитъ равноправнымъ членомъ въ семью языковъ Запада и своей міровой ролью компенсируетъ уступки, сдѣланныя языкамъ національностей, съ нимъ связанныхъ. Но эти уступки должны быть во всѣхъ случаяхъ велики, такъ какъ ихъ требуетъ моральное единство націи—всѣ ея литературы принадлежатъ ей, всѣ—въ большей или меньшей степени — національны". Что собственно конкретно означаютъ эти вѣщанія, неясно, вѣроятно, и самому автору и во всякомъ случаѣ остается неизвѣстнымъ читателю.

За статьею г. Гуревича слѣдуетъ статья г. В. Бехтерева „Русскій націонализмъ и славянство", занимающая также шесть страницъ. Въ ней нѣтъ такихъ высокопарныхъ вѣщаній, какъ въ статьѣ г. Гуревича, но нѣтъ также и большого содержанія. Авторъ довольствуется бѣглымъ указаніемъ на то, какъ политика національнаго давленія въ Царствѣ Польскомъ вооружала противъ Россіи остальныхъ славянъ, и заканчиваетъ свою статью заявленіемъ, что „всѣ, кто хочетъ видѣть Россію морально и политически сильной страной, должны пожелать, чтобы насиліе, какъ система, исключалось изъ ея внутренней политики". Но о томъ, на какихъ основаніяхъ должна быть построена противоположная система и какъ она должна быть проводима въ жизни, объ этомъ авторъ ничего не говоритъ.

Нѣсколько больше вниманія этому вопросу удѣлено въ слѣдующей статьѣ сборника, озаглавленной: „Возможно ли мирное сожительство разныхъ народностей въ Россіи?", принадлежащей проф. Бодуэну де Куртенэ и представляющей собою воспроизведеніе, съ нѣкоторыми сокращеніями, доклада, читаннаго имъ на „съѣздѣ автономистовъ" 1905 г. И здѣсь нѣтъ, правда, обстоятельнаго разбора указаннаго вопроса, но есть все же нѣкоторыя интересныя мысли и замѣчанія по его поводу. Однако же, ознакомившись съ съ тѣмъ предисловіемъ, которое г. Бодуэнъ де Куртенэ счелъ нужнымъ предпослать обнародованію своего доклада, читатель въ правѣ будетъ сильно усомниться въ серьезности этихъ мыслей почтеннаго профессора.

„Когда легковѣренъ и—увы!—не молодъ я былъ,—пишетъ г. Бодуэнъ де Куртенэ въ этомъ предисловіи—я увлекался безсмысленными мечтаніями и праздными затѣями. Наивному младенцу въ почтенномъ возрастѣ кривлянія сорвавшихся съ цѣпи рабовъ показались серьезными стремленіями къ свободѣ и законности. Благодаря этому, въ ущербъ научнымъ занятіямъ, терялось очень много времени на никому ненужныя словоизверженія и бумагомаранія.

„На общемъ фонѣ „освободительно"-разрушительной свистопляски выростали, какъ грибы, разные съѣзды, общества, союзы, составлялись уставы и программы, провозглашались торжественно широковѣщательныя „резолюціи", которыя, при общемъ отсутствіи чувства отвѣтственности, ни къ чему

не обязывали и чуть ли не на слѣдующій день основательно забывались. А крикунамъ и щелкоперамъ казалось, что они дѣло дѣлаютъ и занимаются „переоцѣнкой цѣнностей“ и переустройствомъ государства и общества“.

Къ числу подобныхъ дѣлъ „крикуновъ и щелкоперовъ“ г. Бодуэнъ де Куртенэ относитъ теперь и „съѣздъ автономистовъ“ 1905 г.

„Вообще,—говоритъ онъ—я могу себѣ простить участіе и въ съѣздѣ, и въ союзѣ автономистовъ-федералистовъ лишь при мысли о своей тогдашней наивности и легкомысліи. Только впослѣдствіи я понялъ, что на плоскостяхъ, опредѣляемыхъ пересѣченіемъ координатъ извѣстнаго пространства и извѣстнаго времени, смѣшно и нелѣпо говорить о правахъ человѣка, о человѣческомъ достоинствѣ, о правахъ національностей, о мирномъ сожительствѣ и т. д. Какъ всѣ эти прелести осуществляются, показываетъ намъ воочію хотя бы переживаемое нами въ настоящую минуту“.

И въ соотвѣтствіи съ этимъ г. Бодуэнъ де Куртенэ заявляетъ, что, если онъ публикуетъ теперь свой старый докладъ, то „не потому, что приписываетъ ему какое-либо значеніе по существу, а лишь какъ скромный историческій памятникъ наивныхъ заблужденій и несбыточныхъ мечтаній“. Казалось бы однако, что почтенный профессоръ, разъ ужъ онъ рѣшилъ покаяться въ своей „наивности“, заведшей его въ компанію „крикуновъ и щелкоперовъ“ и побудившей принять участіе въ такихъ похожденіяхъ „освободительно-разрушительной свистопляски“ 1905 г., какъ съѣздъ и союзъ автономистовъ-федералистовъ, долженъ былъ проявить въ своемъ покаяніи нѣсколько больше серьезности и послѣдовательности. Теперь же отъ этого покаянія отдаетъ черезчуръ ужъ большимъ легкомысліемъ. Трудно понять, въ самомъ дѣлѣ, какъ человѣкъ, считающій, по его словамъ, „смѣшнымъ и нелѣпымъ“ говорить о правахъ національностей и объ ихъ мирномъ сожительствѣ, не только продолжаетъ говорить на эти темы, но и принимаетъ участіе въ редактированіи цѣлаго сборника, посвященнаго ихъ разработкѣ. Или г. Бодуэнъ де Куртенэ взялся за редакцію этого сборника, полагая, что и онъ долженъ явиться „лишь скромнымъ историческимъ памятникомъ наивныхъ заблужденій и несбыточныхъ мечтаній“? Но въ такомъ случаѣ какъ согласовать этотъ взглядъ съ утвержденіями авторовъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ „Отечества“?

Отвѣта на эти недоумѣнные вопросы читатель напрасно сталъ бы искать въ сборникѣ. Г. Бодуэнъ де Куртенэ стоитъ въ немъ самъ по себѣ, другіе авторы, въ томъ числѣ и другіе редакторы сборника,—сами по себѣ. Ни одинъ изъ нихъ, повидимому, не позаботился освѣдомиться о томъ, что будутъ говорить его сосѣди, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ не потрудился додумать до конца свои мысли по тому вопросу, о которомъ онъ взялся бесѣдовать съ читателями. Въ этомъ смыслѣ не составляетъ исключенія и послѣдняя, наиболѣе значительная по объему, статья перваго отдѣла сборника,

---

принадлежащая проф. Гредескулу. Статья эта, носящая заглавіе „Россія и ея народы“, распадается на двѣ части. Въ первой авторъ говоритъ вообще объ эволюціи государства и въ частности объ его эволюціи въ дѣлѣ отношенія къ различнымъ національностямъ, входящимъ въ его составъ, во второй—объ условіяхъ правильнаго разрѣшенія національнаго вопроса въ Россіи. Но въ обѣихъ этихъ частяхъ статья г. Гредескула черезчуръ отвлеченна, чтобъ не сказать—поверхностна. Авторъ относится къ различнымъ національностямъ, входящимъ въ составъ русскаго государственнаго организма, благожелательно, настаиваетъ на желательности и необходимости признанія за ними правъ на самостоятельное національное развитіе, но не считаетъ нужнымъ сколько-нибудь подробно останавливаться на томъ, какъ же должны быть формулированы, согласованы и ограждены эти права. Благодаря этому, вся его статья носитъ чрезмѣрно абстрактный и упрощенный характеръ и въ потокѣ составляющихъ ее благожелательныхъ, но черезчуръ ужь гладкихъ и плоскихъ разсужденій не выступаютъ съ достаточной отчетливостью ни конкретныя очертанія національнаго вопроса въ Россіи, ни намѣчаемый авторомъ планъ разрѣшенія этого вопроса. И въ концѣ концовъ знакомство и съ этой статьей, послѣдней въ общественно-политическомъ отдѣлѣ сборника, не устраняетъ недоумѣнія: что же собственно хотѣла дать читателю редакція сборника „Отечество“, собираясь внести свой вкладъ въ дѣло выясненія національнаго вопроса въ Россіи?

II.

Но была ли вообще въ этомъ сборникѣ редакція? Казалось бы, это вопросъ праздный, разъ на обложкѣ сборника красуются имена цѣлыхъ пяти редакторовъ. Однако же бываетъ такъ, что наличность редакторскихъ именъ на обложкѣ книги еще не обезпечиваетъ наличности самой редакціи на дѣлѣ. И, кажется, именно такъ обстояло дѣло и въ данномъ случаѣ.

Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ перваго тома „Отечества“ два польскіе писателя, гг. Домбровскій и Гростернъ, помѣстившіе въ немъ свои статьи о польской литературѣ, печатно заявили, что въ виду „объединительной тенденціи“ даннаго сборника, нашедшей особенно яркое выраженіе въ статьѣ г. Гуревича, они не считаютъ для себя возможнымъ участіе въ дальнѣйшихъ томахъ „Отечества“ [1]). Послѣ того въ „Рѣчи“ появилось „письмо въ редакцію“ г. Бодуэна де Куртенэ. „Мое номинальное участіе въ

[1]) „Dziennik Petrogradzki“, № 1765

редакціи" сборника „Отечество" — кратко заявлялъ онъ здѣсь— было слѣдствіемъ недоразумѣнія и неосторожности. Въ спискѣ „редакторовъ" 2-го тома этого изданія моя фамилія значиться не будетъ" [1]). Болѣе подробныя объясненія даны были г. Бодуэномъ де Куртенэ на столбцахъ польской газеты „Dziennik Petrogradzki", гдѣ онъ помѣстилъ большую статью, разъясняющую и оправдывающую его участіе въ первомъ томѣ „Отечества" [2]).

„Фактическимъ редакторомъ „Отечества" — заявлялъ онъ, между прочимъ, въ этой статьѣ—былъ г. Гуревичъ, у другихъ же редакторовъ, какъ „номинальныхъ", только въ рѣдкихъ случаяхъ спрашивали совѣта и просили помощи, и о томъ, что происходило, они обыкновенно узнавали post factum или не во-время... „Редакція" въ полномъ составѣ никогда не собиралась, а кн. П. Долгоруковъ сговаривался, вѣроятно, письменно только съ г. Гуревичемъ"...

Порядки редакціи сборника зависѣли, надо думать, отъ самихъ редакторовъ. Но г. Бодуэнъ де Куртенэ не объясняетъ, почему онъ считалъ возможнымъ мириться съ такими порядками. Взамѣнъ того онъ лишь указываетъ, почему онъ согласился участвовать въ редакціи перваго тома „Отечества". Случилось это, по его словамъ, въ виду данныхъ ему завѣреній, что „рѣчь идетъ главнымъ образомъ объ ознакомленіи русскаго общества съ умственнымъ и литературнымъ движеніемъ различныхъ народовъ въ предѣлахъ Россіи и что въ политическомъ отдѣлѣ будетъ проводиться принципъ автономіи національностей и во всякомъ случаѣ полнаго равноправія".

„Согласившись принять участіе въ редактированіи понимаемаго такимъ образомъ сборника „Отечество", — продолжаетъ г. Бодуэнъ де Куртенэ—я однако съ большой неохотой и даже съ нѣкоторымъ отвращеніемъ подписалъ предложенное мнѣ обращеніе къ сотрудникамъ, написанное въ барабанномъ, напыщенномъ, ходульномъ стилѣ, совершенно не считающемся съ дикимъ ужасомъ переживаемой нами исторической минуты.

„Послѣ эпопеи лѣта 1915 г., послѣ выразительнаго воплощенія въ жизни „славянскаго братства", „общегосударственной солидарности" и принциповъ „мирнаго сожительства народовъ" я заявилъ, что выхожу изъ редакціи. Однако два члена „редакціи" такъ усиленно и горячо просили меня не дѣлать этого, что я наконецъ подчинился, остался въ составѣ редакціи и... сильно жалѣю объ этомъ. Въ качествѣ удовлетворенія мнѣ обѣщали прежде всего, что въ общественно-политическомъ отдѣлѣ будетъ выражено рѣшительное осужденіе происходившаго (конечно, наивно было предполагать, что это удастся осуществить), затѣмъ, что не будетъ допущено ничего, задѣвающаго чувства обиженныхъ, и, наконецъ, что въ самомъ заглавіи слово „Отечество" будетъ помѣщено сбоку, мелкимъ шрифтомъ и непремѣнно въ кавычкахъ, какъ названіе предпринимательской фирмы, вродѣ „Треугольника", „Скорохода", „Продаметы" и т. п...

„Эти обѣщанія не были выполнены. Безъ моего вѣдома были устранены

1) „Рѣчь", 16 мая 1916 г.
2) „Dziennik Petrogrdadzki", № 1771.

кавычки въ словѣ „Отечество", а самое это слово было напечатано на главномъ мѣстѣ огромными и даже красными буквами. Никакого „осужденія" того, что происходило лѣтомъ 1915 г., конечно, не было помѣщено. Вмѣсто того—и это, пожалуй, хуже всего—во главѣ изданія была напечатана барабанная патетическая, экзальтированная и—что особенно плохо—покушающаяся на культурную независимость не-россійскихъ народовъ статья: „Россія—творимая Нація. Я очутился передъ совершившимся фактомъ и могу только сожалѣть о томъ, что далъ ввести себя въ заблужденіе, быть можетъ, даже безъ злого умысла со стороны того, кто создалъ для меня это заблужденіе".

Объясненія г. Бодуэна де Куртенэ вызвали возраженіе со стороны другого участника редакціи „Отечества", г. Гредескула, который, по его словамъ, „не имѣлъ основанія считать себя „номинальнымъ" редакторомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не пользовался и никакими особыми правами, какими не пользовались другіе редакторы". Въ своемъ возраженіи г. Гредескулъ указываетъ, что исходнымъ пунктомъ для всѣхъ участниковъ „Отечества" должны были служить задачи, сформулированныя въ обращеніи редакторовъ сборника къ его сотрудникамъ.

„Вотъ—продолжаетъ г. Гредескулъ—знамя, подъ которымъ велась работа: сознаніе общегосударственной солидарности, надежда на свѣтлый расцвѣтъ общей культурной работы, политическій идеалъ сближенія національностей. Каждый изъ участниковъ имѣлъ право разсчитывать, что онъ работаетъ въ кругѣ этихъ идей и что никто другой ни въ чемъ не измѣнитъ этимъ идеямъ. Въ этомъ заключалась общая почва для работы и къ этому сводилось взаимное довѣріе работниковъ. Внутри этого круга сознательно предоставлялась свобода мнѣній, которой каждый могъ пользоваться по своему желанію. Поэтому въ книгѣ и не должно было быть ни вступленій, ни манифестовъ. Были отдѣльныя статьи отдѣльныхъ авторовъ, возможенъ былъ яркій индивидуализмъ. Онъ нашелъ себѣ выраженіе, напр., въ статьѣ проф. Бодуэна де Куртенэ. Никто изъ насъ не былъ отвѣтствененъ, а, слѣдовательно, не могъ подвергаться и упрекамъ за его слова объ „освободительно-разрушительной свистоплясκѣ", о „кривляніяхъ сорвавшихся съ цѣпи рабовъ", которыя въ 1905-6 гг. показались ему „серьезными стремленіями къ свободѣ и законности. Ему, а не всѣмъ намъ, принадлежитъ также мнѣніе, что „по экономическимъ соображеніямъ, для наименьшей траты времени, принимая во вниманіе численное превосходство великорусскаго племени, принимая затѣмъ во вниманіе національный обликъ современнаго историческаго момента въ Россіи, мы должны оставить за великорусскимъ языкомъ роль общаго языка, роль объединителя отдѣльныхъ областей всего государства" [1]).

Въ дальнѣйшемъ ходѣ своего возраженія г. Гредескулъ вступается за г. Гуревича и доказываетъ, что и онъ въ своей статьѣ лишь воспользовался въ законныхъ предѣлахъ принадлежавшей всѣмъ участникамъ сборника свободой мнѣній. Но мы уже не будемъ слѣдить за этими доказательствами. Не будемъ мы и разбирать вопросъ о томъ, были ли участники редакціи „Отечества"

---

[1]) „Dziennki Petrogradzki", № 177.

номинальными или не номинальными редакторами. Изъ приведенныхъ показаній ихъ самихъ во всякомъ случаѣ выясняется съ полною очевидностью, что никакой настоящей редакціи въ „Отечествѣ", дѣйствительно, не было. И именно это обстоятельство, надо думать, больше всего и повліяло на характеръ названнаго сборника, сообщивъ ему тотъ видъ, какой онъ имѣетъ въ настоящее время.

Пять писателей, взявшихъ на себя редакцію „Отечества", собрались сдѣлать, хотя и скромный, но все же „вкладъ" въ литературу, собрались разъяснить читателямъ одинъ изъ самыхъ жгучихъ и болѣзненныхъ вопросовъ въ современной жизни русскаго государства. Но приступили они къ этому дѣлу съ поразительнымъ легкомысліемъ. Они упустили изъ виду, что о серьезныхъ вещахъ надо и бесѣдовать серьезно и что, говоря о національномъ вопросѣ, слѣдуетъ имѣть въ запасѣ не только благожелательныя слова, но и вполнѣ опредѣленное мнѣніе. Объ этомъ мнѣніи они не потрудились сколько-нибудь столковаться между собою, удовольствовавшись, въ качествѣ общей платформы, лишь нѣсколькими двусмысленными или совершенно безсодержательными фразами. И въ результатѣ этого легкомысленнаго отношенія къ серьезному дѣлу получилась пухлая, но никчемная книга, обратившаяся въ траги-о ическій спектакль, участники котораго сами не могутъ сейчасъ толкомъ разобраться въ тѣхъ роляхъ, какія выпали на ихъ долю.

В. Мякотинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Б. Верхоустинскій. Утренняя Звѣзда. Изд. Лукоморье. П. Стр. 203. Ц. 1 р. 50 к.

Война выбила изъ колеи и до неузнаваемости измѣнила обликъ писателей даже крупнаго калибра, но подлинными жертвами ея сдѣлались литераторы массового типа, именно массой своей накладывающаго печать на свою эпоху. Это жертвы вполнѣ безкровныя, но все-таки печальныя. Одна изъ нихъ и притомъ типическая—г. Верхоустинскій.

Не требуется знать, какъ и что писалъ онъ внѣ войны, чтобы установить рѣзкую перемѣну, произведенную въ немъ войною: для этого вполнѣ достаточно прочесть даже не всю его разбираемую книжку цѣликомъ, а лишь первый разсказъ и, напримѣръ, предпослѣдній. Особенной какой-нибудь глубиной или силой не отмѣченъ и второй изъ указанныхъ, но въ этой бытовой непритязательной картинѣ есть и живое наблюденіе, и живой языкъ, и движеніе, и характерность лицъ. Въ томъ же духѣ и остальные „мирные" разсказы въ книжкѣ.

Совсѣмъ иное дѣло военная половина книги, вполнѣ, какъ указано, постигаемая и по одному какому-нибудь образчику, хотя бы и по первому разсказу. Здѣсь буквально хоть шаромъ покати: ни единаго живого слова, ни единой живой черты, — сплошная фальшивая выдумка въ самомъ банальномъ стилѣ. Войны авторъ, повидимому, не наблюдалъ, вдохновился онъ передовицами и фельетонами первоначальнаго періода, и, такъ сказать, жарилъ по шаблону. Тутъ—если ужъ владѣлецъ фольварка панъ Сигизмундъ, то, само собою разумѣется, голову онъ „поднимаетъ столь вельможно, словно сенаторъ на сеймѣ", а когда въ его фольваркъ врывается нѣмецкій отрядъ, поджигаетъ строенія, когда рубятъ его садъ и грабятъ домъ, то для пана превыше всѣхъ испытаній все-таки оказывается бѣдствіе возвышенно-эстетическаго характера: „Гибель розъ особенно удручаетъ пана. Разбросанные по черной землѣ лепестки розъ—точно обрывки платья, сорваннаго съ невѣсты: поругана, опозорена, убита... Кровь приливаетъ къ головѣ и къ сердцу пана Сигизмунда, онъ прислоняется къ стѣнѣ, чтобы не упасть, онъ ожидаетъ смерти отъ удара". И панъ Сигизмундъ поступаетъ далѣе именно такъ, какъ панъ Сигизмундъ въ подобныхъ случаяхъ

и въ подобныхъ разсказахъ долженъ поступить: снимаетъ со стѣны доставшійся отъ предковъ „тяжелый шестоперъ“, называемый „Утренняя Звѣзда“, поражаетъ въ голову старшаго нѣмецкаго офицера, затѣмъ другого и, перебивъ нѣсколькихъ, падаетъ мертвый подъ ударами нѣмцевъ, не выпуская изъ рукъ „Утреней Звѣзды“. Въ томъ же родѣ и другіе военные разсказы. Слесарь Король, чтобы избѣгнуть мобилизаціи, отрубилъ себѣ палецъ. Кажется, трудно автору и здѣсь найти примѣненіе для фельетоннаго умиленія и шаблонной восторженности: не тутъ-то было, — всѣ знакомые слесаря отворачиваются съ презрѣніемъ отъ него, и Король кончаетъ тѣмъ, что отправляется на войну добровольцемъ... Надо ли пояснять, что послѣ заявленія его объ этомъ всѣ, кто прежде отвернулся, снова примиряются со слесаремъ и всѣ чувствуютъ себя превосходно.

Въ одномъ изъ „мирныхъ“ разсказовъ книжки дѣвочка спрашиваетъ бродячаго деревенскаго портного: „А ты, дяденька, Царю можешь шить?—Шишовъ ухмыляется:—Слободно! Покрыть алое сукно гарностаями, да и тутъ“. Приблизительно столь же „слободно“ пишутся или точнѣе писались до послѣдняго времени разсказы на военные мотивы: беллетристъ пользовался исключительно двухъ сортовъ матеріаломъ, соотвѣтствующимъ алому сукну и „гарностаямъ“: собственнымъ умиленіемъ, которымъ онъ покрывалъ необыкновенно возвышенные поступки своихъ героевъ. Безъ такихъ поступковъ и безъ авторскаго умиленія трудно было встрѣтить военный разсказъ. Дѣлать это было, конечно, довольно „слободно“, но и результаты получались приблизительно тѣ же, какъ еслибы Шишовъ сшилъ царское одѣяніе. Здѣсь легкость исполненія состояла въ обратной пропорціи съ достоинствомъ послѣдняго и появилось такихъ разсказовъ великое множество, только не осталось изъ всего этого въ памяти—ничего. Осталось общее впечатлѣніе легкомыслія и фальши. Въ этомъ отношеніи первая половина книжки г. Верхоустинскаго прямо образцовая вещь.

Все это почти схлынуло и культивируется уже въ самыхъ базарныхъ листкахъ. Если же иные беллетристы собираютъ свои грѣхи въ книжки и преподносятъ читателю, то на это ихъ добрая воля, хотя и самоубійственная.

Панкратовъ А. С. Кровавое зарево. Очерки войны. Ц. 1 р. 50 к. Стр. 280.

На обложкѣ пущено изрядное количество если не „наваринскаго дыма съ пламенемъ“, то „брусничнаго цвѣта съ искрой“: зарево во все небо, обугленныя развалины, кроваво-красныя литеры вперемежку съ черными—нарядъ, крикливо-пышный до слезъ. Эта внѣшность достаточно близко опредѣляетъ и весь характеръ книги г. Панкратова... Наступитъ, вѣроятно, время, когда о войнѣ

мы будемъ имѣть литературу „настоящую“, достойную серьезнаго вниманія, свободную отъ фальши, соотвѣтствующую переживаемымъ нынѣ событіямъ. Пусть это будетъ даже сырье: приказы, офиціальныя реляціи, отчеты, письма, дневники, мемуары... Но въ этомъ сырьѣ окажется налицо наконецъ—хоть крупицами, хоть малыми осколками—то дорогое, о чемъ теперь изголодалась душа: правда... Именно въ сырыхъ матеріалахъ, можетъ быть, какъ въ водномъ зеркалѣ, въ неожиданныхъ ручейкахъ и лужицахъ послѣ грозы отражается небо и земля, найдетъ подлинное свое величавое, загадочное и потрясающее отраженіе—страшный ликъ нынѣшней войны. Если въ этихъ писаніяхъ и не все будетъ равноцѣнно, то съ увѣренностью можно сказать, что среди нихъ не окажется того удручающаго обилія вранья и пустословія, какимъ нынѣ затоплена большая часть книгъ и статей на военныя темы. Порой эти современныя писанія о „кровавомъ заревѣ“ могутъ немножко и повеселить. Невольно скажешь: „прочелъ съ удовольствіемъ“, когда „собственный корреспондентъ“ какой-нибудь „Биржевки“ изобразитъ, какъ на его глазахъ лихой казакъ накинулъ *капканъ* на убѣгающаго нѣмецкаго офицера. Какъ-никакъ, а забавно: *капканъ* или *арканъ* (въ представленіи „собственнаго корреспондента“ это, очевидно, одно и то же)—все равно, ни одному роду оружія въ русской арміи таковое вооруженіе не присвоено, но мило то, что „собственный корреспондентъ“ это видѣлъ и драматически живописалъ, а газета напечатала и преподнесла своему читателю... Къ слову сказать, бываетъ порой и на фронтѣ—особенно въ хмурые періоды затяжной скуки и общей хандры—потребность въ такого рода юмористикѣ... Пишущему эти строки приходилось быть свидѣтелемъ совмѣстнаго чтенія вслухъ иныхъ корреспонденцій „Русскаго Слова“ или „Кіевской Мысли“. Изображаетъ, напримѣръ, статья перевязочный пунктъ. Все, что полагается, налицо: солдатикъ съ зіяющей раной, утомленный врачъ (непремѣнно съ окровавленнымъ зондомъ въ рукахъ), нѣжно участливая сестра милосердія,—трогательно все и умилительно... но голое вранье въ самыхъ обычныхъ и существенныхъ деталяхъ, въ терминахъ, слащавая фальшь, заѣзженная выдумка,—и у слушателей ничего, кромѣ дружнаго безудержнаго смѣха, не смотря на тяжелую и не располагающую къ веселью обстановку... Можетъ быть, въ этомъ элементѣ забавности есть и извѣстная доля оправданія для такого рода писаній. Но есть и предѣлъ, за которымъ забавное перестаетъ забавлять, вызываетъ уже досаду и тошноту. И является вопросъ: для кого все это пишется? какой потребитель своимъ спросомъ поддерживаетъ этотъ рынокъ? А кому-то, очевидно, требуются и таковыя произведенія печати, какъ для деревенской улицы требуются сѣмена подсолнечника: лакомство не Богъ вѣсть какое, но

доступное, дешевое, удобное --расщелкнулъ, шелуху выплюнулъ, зерно— крошечное, а все какъ-будто что то и вязнетъ на зубахъ. Очевидно, есть улица, которой вмѣсто подсолнышковъ для лущенія нужно что-нибудь вродѣ такихъ статеекъ съ короткими строчками, многоточіями и восклицательными знаками, — вотъ вродѣ тѣхъ, какою открывается книга г. Панкратова: „Уѣзжая 7-го іюля изъ Львова, я простился съ этимъ городомъ на время:

— До свиданья, прекрасный городъ!

— До свиданья, Галиція!

Когда-нибудь и, можетъ быть, очень скоро русскія войска снова и навсегда займутъ родную галиційскую землю...“

Во всей книгѣ—такая почти воздушная легкость, дробный аллюръ, порханіе и въ то же время—подмывающія любопытство заглавія: „Лошадиное кладбище“, „Насадители порядка“, „По разоренной странѣ“... Авторъ—несомнѣнно, человѣкъ бывалый, опытный газетный корреспондентъ, голаго вранья у него нѣтъ,—нѣтъ, напримѣръ, какъ у г. Окунева, атакъ подъ трель барабана (попадаются, правда, маленькіе lapsus'ы вродѣ видѣнныхъ имъ въ Львовѣ „прусскихъ“ вагоновъ „съ надписью Würtemberg“),—но его фиксирующій аппаратъ наблюдателя дешевъ и плохъ, и снимки его—сплошной лубокъ третьяго сорта. Возьмемъ „Насадителей порядка“,—это о русскихъ чиновникахъ въ Галиціи. Сюжетъ любопытнѣйшій. Читаемъ (читается необычайно легко, коротенькія строчки горохомъ отскакиваютъ):—„Куда направляетесь?—Въ Збаражскій уѣздъ.—Въ како-о-й?—Въ Збаражскій.—Не слыхалъ.—Это въ Галиціи. —А-а-а-а!—Въ Галичинѣ водворяется русскій законъ и порядокъ“... Строкъ десятокъ еще въ этомъ же родѣ и, наконецъ, характеристика „насадителей“: „Всѣ они (чиновники) ѣхали въ Галицію насаждать порядокъ и направлять разоренную войной страну на мирную дорогу. Говорили, конечно, объ окладахъ, чинопроизводствѣ, дороговизнѣ квартиръ въ Галиціи... Въ разговорахъ не замѣтили, какъ подъѣхали къ Волочиску“... И все. Больше о „насадителяхъ порядка“ нигдѣ ни звукомъ не упоминается, весь сюжетъ исчерпанъ на полъстраницѣ. Въ томъ же родѣ — „Разоренная страна“, картина опустошенной Галиціи: „Всѣ станціи таковы. Безъ звонковъ, безъ буфетовъ. Безъ пассажировъ. Съ разбитыми окнами. Путь устланъ соромъ“... И ни однимъ штрихомъ не отмѣчаетъ авторъ того, что онъ видѣлъ (несомнѣнно же, видѣлъ) за предѣлами станціонныхъ буфетовъ. Вотъ тамъ, гдѣ онъ отъ реальнаго и непосредственно-осязаемаго предпринимаетъ легкій полетъ воображенія, онъ болѣе обстоятеленъ. Не угодно ли перенестись съ нимъ въ покинутую польскую квартиру во Львовѣ: „Портретъ Мицкевича и томикъ его стиховъ. Рядъ картинъ. Кухарка говоритъ, что ихъ рисовала дочь Вронскаго. Которая? Ихъ нѣсколько на фотографіяхъ. Маленькая ли улыбающаяся блондинка, или брюнетка съ

крутыми и острыми чертами лица? Вѣроятно, блондинка, такъ какъ темы картинъ наивныя... Незапертый рояль. Вѣроятно, около него произошелъ споръ. Жена настаивала запереть.—Варвары будутъ бить по клавишамъ и разобьютъ. А мужъ разумно разсудилъ:—если запереть, варвары оторвутъ крышку. И оставили рояль отпертымъ"... Страницы двѣ-три въ этомъ родѣ.

Нужно-ли отмѣчать, что въ оцѣнкѣ непріятеля авторъ стоитъ на обычномъ уровнѣ бойкихъ корреспондентовъ? „Мнѣ показывали мѣсто (въ Ярославѣ), гдѣ стояла австрійская висѣлица... Не было ничего легче, какъ попасть на австрійскую висѣлицу. Легче, чѣмъ персу на колъ"... Иной разъ онъ какъ будто и жалѣетъ врага. Жалѣетъ, но неизмѣнно разитъ. „Австрійская армія оригинальна. Она даетъ плѣнныхъ въ массѣ даже тогда, когда наступаетъ и побѣждаетъ. Все въ ней такъ расшатано, что никто не вѣритъ въ успѣхъ"... И тутъ же, подъ руками, выразительная параллель. Онъ встрѣчаетъ толпу австрійскихъ плѣнныхъ въ три тысячи человѣкъ (ни болѣе, ни менѣе)—„сбродъ въ оборванныхъ шинеляхъ съ отмороженными носами". „Картина комическая, но хочется плакать: за человѣка жалко (sic)"... А на встрѣчу плѣннымъ—наши маршевыя роты: „солдаты—серьезные, сосредоченные, видимо, усталые, но идутъ они твердой, увѣренной походкой, и желѣзомъ отдаетъ гулъ ихъ шаговъ. И фигуры ихъ въ морозномъ туманѣ, какъ желѣзныя, выкованныя, а въ непреклонномъ движеніи слышится желѣзное слово:—впередъ!.." Для кого-нибудь это необъятный вопросъ, трудно постижимая загадка—движеніе человѣческихъ массъ, покорныхъ единой волѣ, сложность и пестрота настроеній коллективной человѣческой души. Для г. Панкратова все ясно и просто: впередъ!—и кромѣ—ничего. Пожалуй, тутъ объ авторѣ можно бы и сказать его же собственнымъ выраженіемъ: *за человѣка жалко...*

Письма А. П. Чехова. Подъ ред. М. П. Чеховой. Т. VI. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1916. Стр. X+431. Ц. 2 р. 25 к.

Настоящій томъ, заканчивающій собраніе писемъ Чехова и охватывающій послѣднее пятилѣтіе жизни писателя, нѣсколько менѣе интересенъ, чѣмъ предыдущіе. Потому ли, что обострившаяся болѣзнь связывала былую живость интересовъ и отношеній, или потому, что въ эти годы все наиболѣе волновавшее писателя отливалось въ письма къ женѣ—въ извѣстной части еще не подлежащія обнародованію,—новая группа писемъ производитъ менѣе яркое впечатлѣніе. Здѣсь нѣтъ уже открытій, нѣтъ этихъ неожиданныхъ просвѣтовъ въ душу писателя; здѣсь все интересно, но нѣтъ ничего захватывающе-новаго и значительнаго. Но этотъ томъ, конечно, не разочаруетъ того, кого предыдущіе научили любить Чехова писемъ, быть можетъ, менѣе непреклонно правди-

ваго, чѣмъ Чеховъ-художникъ, но еще болѣе простого, человѣчнаго, близкаго намъ. Попрежнему онъ нѣженъ и внимателенъ къ любимымъ людямъ, попрежнему уклончивъ въ осужденiи,—отъ котораго однако не отказывается, когда надо. Дружеской мягкостью дышетъ его письмо къ беллетристу Щеглову, котораго онъ убѣждаетъ отрѣшиться отъ литературныхъ дрязгъ и вернуться къ настоящему творчеству. „Будьте объективны, взгляните на все окомъ добраго человѣка, то-есть вашимъ собственнымъ окомъ—и засядьте писать повѣсть или пьесу изъ русской жизни, не критику на русскую жизнь, а радостную пѣснь Щегла по поводу русской жизни... Отнеситесь къ себѣ, къ своему дарованiю справедливо, пустите вашъ большой корабль плавать по широкому морю, не держите его въ Фонтанкѣ“. Какъ ясны и добры эти дружескiе совѣты и какой вѣрой дышатъ! Больной и усталый, Чеховъ остается вѣчнымъ работникомъ и другихъ не перестаетъ толкать къ тому же. „Работать для науки и для общихъ идей—это то и есть личное счастье. Не *въ этомъ*, а *это*“. Съ мыслью о работѣ, о дѣятельномъ культурномъ строительствѣ Чеховъ подходитъ и къ вопросамъ религiознаго движенiя. „Про Россiю я ничего не скажу,—пишетъ онъ С. П. Дягилеву,—интеллигенцiя же пока только играетъ въ религiю и уходитъ отъ нея все дальше и дальше, что бы тамъ ни говорили и какiя бы философско-религiозныя общества ни собирались. Хорошо это или дурно, рѣшать не берусь, скажу только, что религiозное движенiе, о которомъ вы пишете,—само по себѣ, а вся современная культура—сама по себѣ, и ставить вторую въ причинную зависимость отъ первой нельзя. Теперешняя культура—это начало работы во имя великаго будущаго, работы, которая будетъ продолжаться, можетъ быть, еще десятки тысячъ лѣтъ для того, чтобы хоть въ далекомъ будущемъ человѣчество познало истину настоящаго Бога—т. е. не угадывало бы, не искало бы въ Достоевскомъ, а познало ясно, какъ познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура это начало работы, и религiозное движенiе, о которомъ мы говорили, есть пережитокъ, уже почти конецъ того, что отжило или отживаетъ“. Великой требовательностью, глубокой серьезностью дышитъ каждое слово Чехова о религiи. Не даромъ онъ объясняетъ Суворину религiозность турокъ тѣмъ, что „у нихъ нѣтъ религiозныхъ дамъ—сего элемента, отъ котораго мельчаетъ религiя, какъ Волга отъ песку“.

Въ этомъ письмѣ къ Суворину любопытны указанiя, что Чеховъ старался при основанiи академическаго отдѣла изящной словесности, чтобы академiя выбрала въ отдѣлъ Н. К. Михайловскаго—въ это время Чеховъ часто встрѣчался съ академикомъ Кондаковымъ и все старался его „загипнотизировать“: „Михайловскiй положилъ бы прочное основанiе новому отдѣленiю и избранiе его удовлетворило-бы $^3/_4$ всей литературной братiи“. Не весьма

пріятно, вѣрно, было Суворину получить такое письмо отъ Чехова, гдѣ говорилось объ избраніи не Суворина или Буренина—это, очевидно, молчаливо признавалось немыслимымъ,—а поносимаго въ „Новомъ Времени" Михайловскаго. Чеховъ вообще умѣлъ подчасъ быть жестокимъ. „Вы спрашиваете,—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ Суворину:—почему „Сѣверный Курьеръ" имѣетъ успѣхъ? Потому, что наше общество утомлено, отъ ненавистничества оно ржавѣетъ и киснетъ, какъ трава въ болотѣ, и ему хочется чего-нибудь свѣжаго, свободнаго, легкаго". Не въ бровь, а въ глазъ. Надо однако оговориться: Чеховъ все-таки нѣсколько ошибся въ оцѣнкѣ русскаго общества: оно вѣдь разнохарактерно. „Новое Время" поднять нельзя,—писалъ онъ брату:—оно умретъ вмѣстѣ съ А. С. Суворинымъ. Думать о поднятіи нововременской репутаціи значитъ не имѣть понятія о русскомъ обществѣ". Очевидно, объ обществѣ, читающемъ „Новое Время", Чеховъ былъ слишкомъ высокаго мнѣнія: оно продолжаетъ поддерживать и цѣнить достойную своихъ читателей газету. Онъ пытался то въ томъ, то въ другомъ повліять на Суворина, въ большомъ письмѣ убѣждалъ его, напримѣръ, въ томъ, что нападки его газеты на судъ присяжныхъ неосновательны, но, конечно, это было безцѣльно по той простой причинѣ, что Суворинъ хорошо зналъ свою публику и считался съ ея требованіями, а не съ мнѣніемъ Чехова. Въ это время Меньшиковъ писалъ еще въ „Недѣлѣ" и считался толстовцемъ, и Чеховъ писалъ ему о Львѣ Толстомъ, болѣвшемъ въ Ялтѣ. Болѣзнь Толстого испугала Чехова—ему даже показалось, что ни одного человѣка не любилъ такъ, какъ Толстого,—это, вѣроятно, преувеличеніе. Но какія прекрасныя въ своей простотѣ слова онъ нашелъ, чтобы объяснить нравственное значеніе Толстого: „Когда въ литературѣ есть Толстой, то легко и пріятно быть литераторомъ; даже сознавать, что ничего не сдѣлалъ и не сдѣлаешь—не такъ страшно, такъ какъ Толстой дѣлаетъ за всѣхъ. Его дѣятельность служитъ оправданіемъ тѣхъ чаяній и упованій, какія на литературу возлагаются... Пока онъ живъ, дурные вкусы въ литературѣ, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякія шершавыя, озлобленныя самолюбія будутъ далеко и глубоко въ тѣни"... Какая иронія въ томъ, что слова эти обращены именно къ Меньшикову и какъ хорошо они объясняютъ, почему, переселившись въ „Новое Время", этотъ писатель такъ хлопоталъ о пониженіи нравственнаго авторитета Толстого.

Живыя и выразительныя сужденія Чехова о современной литературѣ, хотя и въ меньшемъ, чѣмъ раньше, количествѣ, разсыпаны все-же въ его письмахъ; вновь сверкаетъ иногда милое остроуміе, въ письмахъ къ близкимъ онъ полонъ бодрости до послѣднихъ дней, и ничто какъ будто не говоритъ ему о столь близкомъ концѣ. Только въ письмѣ къ д-ру Россолимо за пять дней до смерти легкій намекъ: „сегодня все благополучно, чув-

ствую себя здоровымъ, особенно, когда не хожу, т. е. не чувствую одышки. Одышка тяжелая, просто хоть караулъ кричи, *даже минутами падаю духомъ*". Вотъ и все—единственная жалоба во всѣхъ шести томахъ переписки. Тутъ не сдержанность, во всякомъ случаѣ не только она, но и подлинная жизненность, громадная внутренняя энергія, которой запечатлѣно каждое слово этого „пѣвца восьмидесятыхъ годовъ", „поэта нытиковъ" и т. д. Его письма съ особенной силой подчеркиваютъ въ немъ непобѣдимаго оптимиста, который тѣмъ скорбнѣе смотрѣлъ на язвы окружавшей его человѣческой жизни, чѣмъ тверже вѣровалъ въ ихъ устранимость. Работа, честность, знаніе—красной нитью проходятъ эти слова по письмамъ Чехова: это не девизъ личной жизни, для личной жизни этого мало,—но это для Чехова единственный путь къ оздоровленію общественной жизни, къ очеловѣченію человѣчества. Въ этомъ смыслѣ его письма не только цѣнный матеріалъ для знакомства съ внутренней жизнью большого художника, не только источникъ разнообразнаго духовнаго настроенія, даваемаго общеніемъ съ очень умнымъ и хорошимъ человѣкомъ, но и общественно-воспитательная книга, распространенію которой можно только радоваться.

Владиміръ Каренинъ. Жоржъ-Сандъ, ея жизнь и произведенія. Томъ II. К-во „Прометей". П. 1916. Стр. XVI+672. Ц. 4 р.

Медленно, но неуклонно подвигается впередъ обширный трудъ, которымъ такъ достойно образованная Россія платитъ свой старый долгъ прекрасной родинѣ Жоржъ-Сандъ. Этотъ долгъ Россія всегда признавала съ особенной радостью: ея великіе писатели прошлаго вѣка отъ Бѣлинскаго до Писемскаго и отъ Салтыкова до Герцена наперерывъ свидѣтельствуютъ о благотворномъ вліяніи, оказанномъ романами Жоржъ Сандъ на ихъ личность и творчество. Кто знаетъ, сколько добра и правды перелилось черезъ нихъ въ душу русскаго интеллигента изъ произведеній романистки, которую Тургеневъ называлъ „одной изъ нашихъ святыхъ", а Достоевскій — „одной изъ самыхъ ясновидящихъ предчувственницъ болѣе счастливаго будущаго, ожидающаго человѣчество". Болѣе пятнадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы, привѣтствуя появленіе перваго тома капитальнаго труда о Жоржъ-Сандъ, желали автору достойно продолжить и закончить его. Теперь передъ нами — продолженіе работы г. Каренина, уже знакомое французскимъ читателямъ. Второй томъ охватываетъ интереснѣйшую часть жизни Жоржъ - Сандъ, если въ этой бурной жизни большого человѣка можно различать болѣе и менѣе интересные періоды. Но, въ самомъ дѣлѣ, на десятилѣтіе 1838 — 1848 гг., охваченное лежащимъ предъ нами томомъ, падаютъ такія многозначительныя событія, какъ идейное сближеніе съ Пьеромъ Леру и его группой.

связь и разрывъ съ Шопеномъ, усложненіе отношеній съ дочерью, такія произведенія, какъ „Товарищъ круговыхъ путешествій", „Орасъ", „Консюэло" и рядъ деревенскихъ и соціальныхъ романовъ и повѣстей. Съ полнымъ правомъ оттѣняетъ авторъ значеніе чисто-литературныхъ мотивовъ и художественной традиціи въ идейно-общественныхъ произведеніяхъ Жоржъ-Сандъ. Конечно, ея соціалистическія тенденціи въ тяготѣніи къ художественному воплощенію должны были найти выраженіе въ ея творчествѣ, но не съ неба упали реальныя, бытовыя формы этого творчества и не были принесены готовыми самою Жоржъ-Сандъ: она застала почву подготовленной предыдущимъ движеніемъ. Какъ это ни странно, но бываетъ такъ въ исторіи: движеніе обращается въ свою противоположность; и такъ было здѣсь: націонализмъ и историзмъ романтиковъ съ неизбѣжностью естественнаго процесса привели къ реализму, и Жоржъ-Сандъ была одна изъ первыхъ, воспользовавшихся его завоеваніями. Все, что касается ея жизни и работы за это замѣчательное десятилѣтіе, разработано съ полной самостоятельностью и исчерпывающей освѣдомленностью въ книгѣ г. Каренина. Въ сущности, мы и не можемъ до конца оцѣнить эту освѣдомленность: для этого надо быть такимъ же „единственнымъ" спеціалистомъ по Жоржъ-Сандъ, какъ г. Каренинъ. Мы надѣемся, что отъ третьяго тома насъ отдѣлитъ меньшій промежутокъ времени, чѣмъ семнадцать лѣтъ, легшія между первымъ и вторымъ; мы тѣмъ болѣе хотѣли бы скорѣйшаго завершенія труда г. Каренина, что, намъ кажется, по окончаніи его ждетъ новая, для него не трудная, но необходимая для русскихъ читателей, работа. Въ предисловіи ко второму тому г. В. Каренинъ съ усмѣшкой говоритъ о тѣхъ „весьма любезныхъ писателяхъ", которые смотрятъ на него „лишь какъ на добросовѣстнаго рабочаго, доставляющаго имъ кирпичи, дабы они, великіе и талантливые архитекторы, могли выстроить прекрасное сооруженіе: достойную Жоржъ - Сандъ біографію". Мы думаемъ, что достойную біографію Жоржъ-Сандъ мы уже имѣемъ предъ собой. Но не всѣмъ по плечу эта біографія; у насъ есть широкіе круги читателей, которымъ нужна бы небольшая, сжатая книга о Жоржъ-Сандъ, написанная не компиляторомъ, не литературнымъ ремесленникомъ, а подлиннымъ знатокомъ. Одну такую англійскую книжку хвалитъ г. Каренинъ, но, намъ кажется, имѣя въ своей средѣ такого знатока, намъ не годится обращаться къ переводной литературѣ. Заслуги обязываютъ и, надо полагать, авторъ біографіи Жоржъ-Сандъ не уклонится отъ исполненія небольшого долга, возлагаемаго на него самой значительностью его многолѣтней работы.

П. С. Коганъ. Теорія словесности. Изд. насл. бр. Салаевыхъ. Москва. 1915. Стр. VIII + 119. Ц. 40 коп.

Аркадій Прессъ. Теорія словесности. Стр. 95. Ц. 60 коп. **Его же. Теорія словесности. Для учителей.** Стр. 96. Ц. 60 коп. Петроградъ. 1916.

Гимназическіе курсы теоріи словесности обычно производятъ очень печальное впечатлѣніе. Въ самомъ существѣ ихъ лежитъ нѣкоторое неустранимое противорѣчіе. Въ предѣлахъ сотни страницъ, общепонятно и достовѣрно приходится изложить начала науки, которая, можно сказать, не существуетъ. Хорошо учить начинающаго тому, что закончено, опредѣлено, приняло ясныя формы. Конечно, окончательно завершенной нельзя считать никакую науку; здѣсь есть различныя степени: школьная грамматика или школьная ариѳметика могутъ мѣняться въ незначительныхъ подробностяхъ, могутъ въ дидактическихъ цѣляхъ перестраиваться радикально,—но во всякомъ случаѣ основной научный ихъ матеріалъ достаточно устойчивъ. Въ наукѣ о литературѣ все еще находится въ состояніи первичнаго хаоса; десятки сложнѣйшихъ вопросовъ въ ней едва намѣчаются; то, что унаслѣдовано отъ стараго времени подъ названіемъ теоріи слове сности,—груда словесныхъ опредѣленій изъ области логики, эстетики, грамматики, стилистики — очевидно, должно искать новаго мѣста въ научной системѣ; теорія литературы должна объединить новыя теоретическія данныя, еще окончательно не собранныя въ систему. Сравните различные учебники политической экономіи: при всемъ различіи вы найдете въ нихъ общій фондъ свѣдѣній; сравнивъ нѣсколько курсовъ „поэтики"—нѣмецкій, французскій, англійскій—вы отыщете въ нихъ лишь крупицы общаго содержанія: точно рѣчь идетъ о разныхъ областяхъ знанія. Шереръ повліялъ на Веселовскаго, и у послѣдняго тамъ и здѣсь видны слѣды этого вліянія, но между курсами, скажемъ, Реттекена и Ватсона просто нѣтъ никакой точки соприкосновенія: двѣ разныя науки. Даже самыя названія различны: у русскихъ это „теорія словесности", у нѣмцевъ чаще всего „поэтика"; иногда это „введеніе въ изученіе литературы", иногда „литературная эстетика". Что касается отдѣльныхъ частностей этой несобранной науки, то онѣ находятся вездѣ отъ психологіи до исторіи и отъ физической теоріи звука до метафизической теоріи познанія. При такихъ условіяхъ приходится составлять учебникъ, то-есть приспособлять систему знаній къ программамъ преподаванія, „выработаннымъ" министерствомъ; о программахъ этихъ говорено много, но хорошаго ничего не было сказано; однако въ нихъ есть достоинство, правда, весьма относительное, но зато безспорное: онѣ не эклектичны; новѣйшія научныя вѣянія, столь бурныя и столь противорѣчивыя, ихъ не коснулись совершенно, и онѣ твердо и спокойно стоятъ на почвѣ старой схоластики. Былъ у насъ въ концѣ XVIII вѣка такой „Словарь піитико-историческихъ примѣчаній"

Аполлоса; онъ заключалъ въ себѣ: „1) вещи къ изобрѣтенію и размноженію въ поэзіи служащія; 2) баснословныя имена собственныя боговъ съ ихъ краткою исторіею; 3) смыслъ нравственный или натуральный, который подозрѣвали піиты въ басняхъ; 4) превращенія Овидіевы, изо всѣхъ его писаній вкратцѣ выбранныя". Вотъ духомъ этого Аполлоса и проникнуты программы; понятно, что приспособить къ нимъ новую науку, да еще такую незавершенную, едва намѣченную, какъ современная теорія словесности, не легко.

Тѣмъ не менѣе спросъ на учебники, одобренные ученымъ комитетомъ министерства, естественно, не прекращается, какъ-ни будь излагать науку надо—и потому въ школьныхъ курсахъ теоріи словесности недостатка нѣтъ. Сдѣлавъ небольшой нажимъ на науку, составители учебниковъ извлекаютъ изъ нея то, что пригодно для программы и втискиваютъ этотъ матеріалъ въ рамки старой реторики. Если отвлечься отъ этого основного порока, если считать, что съ узко-дидактической точки зрѣнія можно строить искусственныя системы, то можно примириться и съ нѣкоторыми учебниками теоріи словесности. Такъ, напримѣръ, учебникъ г. Когана кажется намъ очень сухимъ, думать онъ едва ли кого заставитъ, но все изложенное въ его книжкѣ, болѣе или менѣе пріемлемо; составитель не громоздитъ цитатъ, не ослѣпляетъ библіографіей, но читалъ кой-что изъ того, что нужно, и не плохо воспользовался тѣмъ, что читалъ. Многое здѣсь, конечно, спорно, а то и просто невѣрно. Не вѣрно, что „словесностью называется совокупность произведеній слова", такъ какъ есть не мало произведеній слова, стоящихъ внѣ словесности; невѣрно, что слогомъ или стилемъ называется языкъ выдающихся писателей: слогъ есть у всякаго; невѣрно, что ослабленное удареніе въ стихѣ есть повышеніе голоса: русское удареніе не имѣетъ ничего общаго съ повышеніемъ голоса. Нельзя называть „Новую жизнь" Данте „сборникомъ сонетовъ", такъ какъ тамъ есть и проза; нельзя говорить, что Гейне собралъ свои стихотворенія въ „Книгѣ пѣсенъ": это не единственный сборникъ его стиховъ. Учениковъ необходимо пріучать къ точности, не годится сообщать свѣдѣнія, колеблющіяся гдѣ-то на границѣ между вѣрнымъ и невѣрнымъ. Съ этой точки зрѣнія очень неудачными кажутся намъ книжки г. Пресса. Уже на первой страницѣ онъ сообщаетъ, что словесность есть изобразительное искусство, что „архитектура это—родъ скульптуры, примѣненной къ постройкѣ зданій", что „музыка изображаетъ предметъ и явленія"—и въ этомъ родѣ онъ поучаетъ до конца. Что-то безнадежно дилетантское есть и въ неизбѣжной неточности, характерной для каждаго его слова, и въ случайности его разнообразныхъ свѣдѣній, и въ совершенно произвольныхъ утвержденіяхъ, вродѣ того, что „финское слово „pàkanen" кажется красивѣе русск го „морозъ". Звукъ „а" и самое слово съ удареніемъ на пер-

вомъ слогѣ передаютъ вѣрнѣе чувство холода". Имѣя въ своемъ распоряженiи всего 96 страничекъ, г. Прессъ находитъ возможнымъ сообщить въ пособiи по теорiи словесности для учителей, что „послѣ португальцевъ первый путешественникъ, посѣтившiй и описавшiй Японiю, былъ Энгельбертъ Кемпферъ (Kaempfer), вестфальскiй нѣмецъ въ самомъ концѣ XVII вѣка. (Ему впослѣдствiи (въ срединѣ XIX в.) знаменитый путешественникъ по Японiи Филиппъ Зибольдъ поставилъ въ голландской факторiи въ Нагасаки памятникъ). Нужды въ этомъ сообщенiи нѣтъ ни малѣйшей,— просто г. Прессъ узналъ нѣчто и радуется, что узналъ, и дѣлится своимъ знанiемъ съ своими читателями: такъ сказать, безплатная премiя. При этихъ условiяхъ, конечно, теряетъ всякое значенiе интересная попытка г. Пресса основать правила и сужденiя на фактахъ, взятыхъ изъ менѣе извѣстныхъ языковъ и литературъ, напр. азiатскихъ. При склонности его къ поверхностному и неосновательному обобщенiю эта попытка не имѣетъ никакой подлинной цѣнности. Мало педагогическими мы считаемъ и заключающiя каждую главу опредѣленiя и формулы, помѣщенныя въ въ особую рамку. Не говоря уже о томъ, что здѣсь въ лапидарной формѣ преподносится весьма неустойчивое содержанiе, это перечисленiе тезисовъ есть какъ бы приглашенiе къ заучиванiю наизусть, между тѣмъ меньше всего наука о литературѣ должна въ школѣ отливаться въ зазубриваемыя формулы.

Нашъ Журналъ. Наша первая книжка. Приложенiе: „Художественное творчество дѣтей". Изд. т-ва „Свободное Искусство". Ц. 3 р. 25 к.

Трудно представить себѣ такого хмураго человѣка, который безъ улыбки бы перелисталъ этотъ художественный журналъ,— до такой степени все мило-забавно и въ литературной, и въ художественной его части, не взирая на преобладанiе драматическихъ сюжетовъ. Журналъ во всѣхъ смыслахъ самый молодой: и по моменту своего появленiя на свѣтъ, и по составу редакцiи и сотрудниковъ, и по свѣжести мiроощущенiя, и по методамъ творчества. Редакцiя и сотрудники — въ возрастѣ отъ 4-хъ до 12 лѣтъ. Программа: живопись, поэзiя, художественная проза. Все одинаково мило, трудно отдать кому-либо пальму первенства, одинаково интересны художники и маленькiя поэтессы, иллюстраторы и 4-лѣтнiе новеллисты. Одно чуть-чуть вноситъ дисгармонiю: ореографiя не обошлась безъ вмѣшательства „академической рутины", ни одной погрѣшности противъ буквы ѣ... Тутъ приходится немножко заподозрить анонимное сотрудничество взрослыхъ.

Въ приложенiи къ этому великолѣпному художественному изданiю идетъ рѣчь объ исторiи возникновенiя „Нашего Журнала" и о предполагаемой его роли въ вопросахъ дѣтскаго художественнаго творчества. Въ сопроводительной статьѣ г. А. Арнштама,

включающей въ себѣ цѣликомъ газетную замѣтку г. Философова, сообщается, что мысль издавать „Нашъ Журналъ" принадлежитъ Жоржику 7 лѣтъ и Гаррику 4-хъ лѣтъ, а осуществленіе этой мысли взяли на себя художники: А. Бенуа, Рерихъ, Добужинскій и др., причемъ рѣшено было въ дѣтскую работу не вмѣшиваться, а помочь лишь технически. Начинаніе это, по увѣренію г. Арнштама, вызвало сочувственный и восторженный откликъ со всѣхъ концовъ Россіи: „многіе родители увидѣли въ этомъ живую струю, лучъ свѣта въ сложной области дѣтскаго воспитанія". Самъ авторъ статьи, уклоняясь отъ болѣе обстоятельнаго раскрытія значенія такого изданія, какъ журналъ дѣтей,—„это покажетъ будущее, да и въ собранныхъ здѣсь (въ „приложеніи") нѣсколькихъ прекрасныхъ мысляхъ достаточно сказано по этому поводу", — надѣется, что журналъ „поможетъ въ дальнѣйшемъ проникнуть въ недоступную область творчества, воспитанія и неразгаданную тайну дѣтства". Прилагаемыя при семъ „прекрасныя мысли" чрезвычайно пестры и разнствуютъ одна отъ другой не одной красотой, но и глубиной. Очень разноголосый хоръ получился, не взирая на участіе въ немъ Шаляпина („Привѣтствую прекрасную идею Дѣтскаго Журнала. О, еслибы всѣ мы могли быть, какъ дѣти") и другихъ почтенныхъ голосовъ (Арк. Аверченко, А. Бенуа, Ѳ. Д. Батюшкова, Н. Л. Морозова, Н. Евреинова, В. Каррика, Ѳ. Сологуба и пр.). Напримѣръ, г. Евреиновъ привѣтствуетъ журналъ, какъ „все подлинно далекое отъ путъ академизма", а Ѳедоръ Сологубъ находитъ, что „это все еще слишкомъ мы, и слишкомъ по-нашему". Алексѣй Ремизовъ восторженно-кратокъ: „Что можетъ быть чудеснѣе ребятишкиныхъ картинокъ". Если не считать отзывовъ педагоговъ (Я. Гуревича, д-ра Оршанскаго, З. А. Макшеева, Я. Душечкина и др.), которые довольно сдержанно говорятъ, что этотъ опытъ можетъ дать документы, небезполезные для изученія процесса развитія дѣтскаго творчества,—всѣ нотабли нѣсколько преувеличенно восторгаются начинаніемъ художниковъ, какъ „лучомъ свѣта" въ области воспитанія, „новой, свѣжей струей". Новизна идеи не столь ужь безспорна: даже у насъ въ области дѣтскаго воспитанія дѣтскому художественному творчеству уже лѣтъ двадцать какъ стали отводить видное мѣсто. Значеніе этого воспитательнаго элемента выяснялось не разъ школьными анкетами. Тѣ заправскіе художники, которые затѣю *своихъ* дѣтей провели въ жизнь, могли бы узнать изъ этихъ обслѣдованій кое-что и объ отношеніи къ творчеству другихъ дѣтей—разныхъ тамъ Тимохъ, Ванюшекъ и Кузекъ. „Ой, люблю (рисовать) такъ, что хто его знаетъ", „люблю больше всего, потому что такое рисуешь, что я его никогда не видѣлъ, а тогда умѣю"... „рисованіе я такъ люблю, что не хотѣлъ бы ничего"... Творчество этихъ маленькихъ художниковъ едва-ли когда увидитъ свѣтъ,—родители Тимохъ и Кузекъ не издадутъ ихъ произведеній изящной (и дорогой—3 р. 25 к.!) книжкой...

А вѣдь если въ серьезъ поставить задачу „проникнуть въ недоступную область творчества, воспитанія и неразгаданную тайну дѣтства“, то въ журналѣ рядомъ съ Жоржикомъ и Гаррикомъ А-ми, Женей и Наташей Л-ре, Свѣтикомъ и Юрикомъ Р-хами, Колей Б-уа надо ввести въ качествѣ сотрудниковъ тысячи, а, пожалуй, и десятки тысячъ Митюхъ, Тимохъ, Өеонекъ, Марфутокъ, Антиповъ и пр. Творецъ „трудовой школы“ Кершенштейнеръ, поставивъ себѣ подобную задачу—конечно, въ масштабѣ не столь широковѣщательномъ, — изслѣдовалъ художественныя работы 58.000 дѣтей. Цѣлый рядъ опытовъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи представителями экспериментальной педагогики на Западѣ (Торреръ, Вине, Оппенгеймъ, Штернъ), могъ бы дать указаніе нашимъ художникамъ, какъ это дѣлается въ серьезъ. Во всякомъ случаѣ— иначе, не такъ, какъ сдѣлано изданіемъ этой дорогой, изящной книжки, уже по одной цѣнѣ недоступной большинству родителей и дѣтей. И да простятъ намъ милые Жоржикъ и Гаррикъ: всяческаго процвѣтанія желали бы мы ихъ великолѣпному журналу, но нѣтъ никакой вѣры въ его прочность и долговѣчность...

Кауфманъ. И. И. Неразмѣнныя банкноты въ Англіи. Изд. 2-е. Петроградъ. 1915.

Сочиненіе недавно умершаго профессора петроградскаго университета И. И. Кауфмана о неразмѣнныхъ банкнотахъ въ Англіи вышло въ свѣтъ въ 1877 году и составляло его докторскую диссертацію. Въ прошломъ году, незадолго до своей смерти, авторъ выпустилъ вторымъ изданіемъ эту книгу, ставшую уже давно библіографической рѣдкостью.

Покойный И. И. Кауфманъ принадлежалъ къ числу наиболѣе крупныхъ знатаковъ въ области денежнаго обращенія, кредита и банковаго дѣла. Имъ написано свыше двадцати сочиненій по этимъ вопросамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ крупную научную цѣнность и пользуются заслуженной извѣстностью въ средѣ экономистовъ, хотя и мало извѣстны широкой публикѣ. Особенно цѣненъ его первый крупный научный трудъ „Кредитъ, банки и денежное обращеніе“ 1873 года, въ которомъ выясняются основы денежнаго обращенія и кредита и который до сихъ поръ не утратилъ своего значенія. Далѣе, большой интересъ представляютъ его сочиненія, относящіяся къ нашимъ бумажнымъ деньгамъ и къ возстановленію у насъ металлическаго обращенія („Обзоръ проектовъ, вышедшихъ въ 1861—1878 г.г. о преобразованіи кредитной денежной системы Россіи“, 1878 г., „Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе“, 1888 г., „Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи“, 1909 г.). Наконецъ, заслуживаетъ вниманія его исторія металлическихъ денегъ въ Россіи съ древнѣйшихъ

временъ вплоть до установленія золотой валюты („Серебряный рубль отъ его возникновенія до конца XIX вѣка", 1910).

Въ послѣдніе годы, какъ-будто предчувствуя, что вопросъ о бумажныхъ деньгахъ у насъ снова будетъ выдвинутъ на очередь самой жизнью, И. И. Кауфманъ опять принялся за изученіе проблемы бумажно-денежнаго обращенія и выпустилъ большое изслѣдованіе о бумажныхъ деньгахъ въ Австріи въ 1762—1911 г. (Спб. 1913 г.), а затѣмъ напечаталъ вторымъ изданіемъ свое сочиненіе о неразмѣнныхъ банкнотахъ въ Англіи въ 1797—1819 гг.— послѣдній выпущенный имъ трудъ.

Этому второму изданію онъ предпослалъ любопытное, отсутствовавшее въ первомъ, введеніе, въ которомъ онъ проводитъ параллель между Англіей и странами континента въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Въ концѣ XVIII вѣка, — если не считать болѣе раннихъ экспериментовъ Джона Ло во Франціи — впервые появляются суррогаты металлическихъ денегъ въ видѣ неразмѣнныхъ банкнотъ и бумажныхъ денегъ. Во Франціи революціоннымъ правительствомъ были выпущены ассигнаціи, которыя уже въ 1794 г. упали до одной трети своей номинальной стоимости. Въ четыре года Франція посредствомъ ассигнацій добыла около 1/2 милліарда рублей; въ 1795 г. ихъ было выпущено на номинальную сумму 8,3 милліардовъ франковъ, но фактически они уже стоили менѣе милліарда, ибо успѣли упасть до 11 сантимовъ. А въ слѣдующіе полтора года произведено было новыхъ ассигнаціонныхъ выпусковъ на 37 милліардовъ франковъ и цѣнность ассигнацій дошла до 0,5 проц. (франкъ былъ равенъ 1/2 сантима). „Это очень похоже — говоритъ авторъ — на злоумышленное озорство, явно разсчитанное на уничтоженіе всякой цѣнности ассигнацій, или иначе говоря, на намѣренное и безцеремонное банкротство".

Нѣчто подобное, хотя и въ значительно меньшихъ размѣрахъ, произошло въ эту эпоху и въ другихъ странахъ. Въ Австріи выпуски ассигнацій начались еще раньше, чѣмъ во Франціи, именно съ начала 70-хъ годовъ XVIII вѣка и продолжались втеченіе не только революціонныхъ, но и наполеоновскихъ войнъ. Хотя ассигнацій было выпущено вдвое меньше, чѣмъ во Франціи, но уже въ 1810 г. онѣ упали до 10 проц. ихъ нарицательнаго достоинства Выпуски ихъ пришлось пріостановить для замѣны ихъ новымъ видомъ ассигнацій, который черезъ пять лѣтъ снова потерялъ три четверти своей нарицательной цѣны (за 100 металлическихъ давалось 407 бумажныхъ).

И у насъ при Екатеринѣ II появились ассигнаціи, но не только до конца ея царствованія, но и значительно позже, онѣ держались еще на сравнительно высокомъ уровнѣ, составляя еще въ 1805—1810 гг. въ среднемъ 52 проц. своей номинальной цѣнности, т. е стояли гораздо выше, чѣмъ во Франціи и Австріи, ибо выпуски въ Россіи были значительно умѣреннѣе, чѣмъ въ этихъ странахъ.

Они составляли въ 1805—10 г.г. всего 318 милл. руб. Лишь выпускъ новыхъ 256 милл. руб. ассигнацій въ 1811—1816 гг. привелъ къ паденію курса до одной четверти ихъ нарицательнаго достоинства (до $23^1/_2$ проц.).

Такимъ образомъ эпоха революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ оказалась періодомъ грандіозныхъ экспериментовъ съ государственными бумажными деньгами, которыя явились весьма обильнымъ источникомъ, но чрезвычайно гибельнымъ для государства и населенія, такъ какъ влекли за собой раззореніе и банкротство. Общій духъ эпохи коснулся даже Англіи, и она пріостановила размѣнъ на золото бумажныхъ суррогатовъ звонкой монеты.

Но разница между Англіей и континентомъ заключалась прежде всего въ томъ, что въ Англіи это были не государственныя бумажныя деньги, выпущенныя казной для полученія новаго источника доходовъ, а банкноты, которыя выпускались англійскимъ банкомъ, принадлежавшимъ частной акціонерной компаніи, и которыя служили нуждамъ промышленности и торговли. Конечно, необходимость прекратить размѣнъ банкнотъ находилась въ связи съ тѣми огромными требованіями, которыя въ началѣ 90-хъ годовъ XVIII вѣка были предъявлены казначействомъ къ англійскому банку, и, благодаря новымъ выпускамъ неразмѣнныхъ банкнотъ, казна получила необходимыя ей суммы.

Но при этомъ, какъ указываетъ И. И. Кауфманъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что настолько же, на сколько выгадало казначество, этими выпусками воспользовалась и частная предпріимчивость. Расширеніе бумажнаго обращенія увеличивало количество свободныхъ капиталовъ, дало возможность англійскому банку сильно развить свою учетную операцію и содѣйствовало оживленію англійской торговли и промышленности. Правительству же выпускъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ доставилъ не болѣе 18 мил. ф. ст. Это составляло весьма незначительную сумму, если имѣть въ виду, что въ 1815 г. государственные доходы равнялись 80 милл. ф. ст. въ годъ, а изъ общей суммы чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ періода 1792—1816 гг. неразмѣнныя банкноты едва достигали одной семнадцатой части.

Вообще, въ отличіе отъ континента Европы, гдѣ, какъ мы видѣли, выпуски бумажныхъ денегъ насчитывались милліардами, въ Англіи они достигли своей наивысшей цифры въ 30 милл. ф. ст., да и на этой высотѣ продержались всего нѣсколько недѣль. Въ то время, какъ въ другихъ государствахъ они теряли двѣ трети, три четверти и даже $^9/_{10}$ своей номинальной цѣны, въ Англіи они лишь временно стояли на уровнѣ 75 проц., большую же часть времени сохраняли 90 проц. своего номинальнаго достоинства. Поэтому-то въ Англіи оказалось возможнымъ то, что немыслимо было въ континентальныхъ государствахъ,—возстановленіе размѣна. Въ Англіи они не стали хронической болѣзнью и для воз-

становленія металлической валюты ей не пришлось объявить себя банкротомъ. Постепенно банкноты поднялись до своей номинальной цѣны и въ 1821 г. былъ вновь открытъ свободный размѣнъ ихъ на звонкую монету.

Сочиненіе И. И. Кауфмана представляетъ собою цѣнный трудъ по экономической исторіи Англіи конца XVIII и начала XIX вѣка и въ то же время даетъ отвѣтъ на рядъ теоретическихъ вопросовъ въ области бумажно-денежнаго обращенія. Хотя оно написано 40 лѣтъ тому назадъ, но сохраняетъ интересъ, не смотря на обширную англійскую литературу относительно неразмѣнныхъ денегъ въ Англіи въ 1797—1819 гг., имѣющуюся въ настоящее время.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

Книг.-во писателей. М. 1916.—А. Кипенъ. Томъ второй. Господская жизнь. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.—В. Майскій. Германія и война. Ц. 1 р. 50 к.—Энзисъ. Война и германская соціалъ-демократія. Ц. 75 к.—С. Елпатьевскій. Литературныя воспоминанія. Ц. 1 р.

Ив. Касаткинъ. Лѣсная быль. Разсказы. 1 р. 25 к.—Слово. Сборникъ шестой. Ц. 2 р.—Письма А. П. Чехова. Т. VI (1900–1904). Ц. 2 р. 20.

Леонидъ Андреевъ. Т. XVI. Полетъ. Разсказы и пьесы Ц. 1 р. 40 к.—Ив. Шмелевъ. Суровые дни. Ц. 1 р. 50 к.

Алексѣй Шиловъ. Предвзятыя теоріи и алкогольные предразсудки. Ц. 40 к.

Л. Н. Модзалевскій. Для дѣтей. Стишки. П. 1916. Ц. 80 к.

Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1916.—В. В. Брусянинъ. Въ странѣ озеръ. Ц. 1 р. 25 к.—В. Муйжель. Хуторъ № 16 и др. разсказы. Ц. 1 р. 40 к.—О. Рунова. Мудрость жизни. Ц. 1 р. 50 к.—Матеріалы къ исторіи и изученію религіозно-общественныхъ движеній въ Россіи. П. ред. Вл. Бончъ-Бруевича. В. 7-й. Чемреки. Отвѣтвленіе стараго Израиля. Ц. 8 рубл.—К. З. Яцута, д-ръ мед. проф. Краткій учебникъ анатоміи съ необходимыми данными изъ физіологіи. Для сестеръ милосердія, фельдшерицъ-акушерокъ и массажистокъ. Ц. 1 р. 60 к.

Ник. Асѣевъ. Четвертая книга стиховъ. М. 1916. Ц. 50 к.

Кн-во „Задруга". М. 1916.—Въ помощь плѣннымъ русскимъ воинамъ. Литературный сборникъ. П. ред. Н. В. Давыдова. и Н. Д. Телешова. Ц. 2 р. 50 к.—М. М. Рубинштейнъ. Общественное и семейное воспитаніе. Ц. 75 к.

Изд. М. и С. Сабашниковыхъ М. 916. Персидскіе лирики. Ц. 1 р. 25 к. Калидаса. Драмы. Ц. 2 р. 75 к. Памятники міровой литературы. Г. Масперо. Ассирія. Ц. 1 р. 25 к.—Н. Кабановъ. Учебникъ-атласъ анатоміи. Ц. 4 р. 50 к.

Б. Л. Богаевскій. Земледѣльческая религія Аѳинъ. Т. I. II. 1916. Ц. 1 р. 75 к.

К. И. Грищенко. Несостоятельность казенной винной монополіи и акцизное вѣдомство. Проектъ реформы. М. 1916. Ц. 1 р.

Всероссійскій союзъ городовъ. Труды экономическаго совѣщанія 3—4 января 1916 г. М.

И. Эренбургъ. Стихи о Канунахъ. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Эд. Карпентеръ. Промежуточный полъ. Пер. съ англ. П. 1916. Ц. 1 р.

П. Д. Успенскій. Разговоры съ дьяволомъ. П. 1916. Ц. 2 р.

Вадимъ Бѣловъ. Разумѣйте языцы. П. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

С. А. Новосельскій, д-ръ. Обзоръ главн. данныхъ по демографіи. П. 916.

Труды Харьковскаго съѣзда представителей городовъ по борьбѣ съ дороговизной топлива. 25—28—III—1915 г. Харьковъ 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Г. Писаревскій. Хозяйство и формы землевладѣнія въ колоніяхъ Поволжья въ XVIII и XIX вв. Ростовъ-на-Дону. 1916 г.

Земля. Сборникъ XVII. М. 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Евгеній Ивановъ. Такъ вотъ она любовь. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

А. И. Воронцова-Дандурова. Ники. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Ч. 1-я 1916. Ц. 1 р.

П. А. Кропоткинъ о войнѣ. Съ послѣсловіемъ Вл. Л. Бурцева. М. 1916 Ц. 40 к.

Кп.-во М. В. Попова. П. 1916—П. Булгаковъ. Власть лукаваго. Разсказъ Ц. 80 коп.—Левъ Ждановъ. Подъ властью фаворита. Романъ. Ц. 2 р. 50 коп.—Елена Кричевская. Письма о материнствѣ. Ц. 60 к.—Д. Ллойдъ-Джорджъ. Рѣчи, произнесенныя во время войны. Пер. съ англ. Ц. 1 р. 50 к.

Кн-во „Прометей" Н. Н. Михайловъ. П. 1916.—Мемуары князя Сапѣги 1803—1863 г. Ц. 3 р.—Джэкъ Лондонъ. Желѣзная пята. Пер. съ англ. Ц. 1 р. 50 к.

Холіокъ Д. Д. Современное кооперативное движеніе. Пер. съ англ. М. 916. Ц. 1 р.

А. Тришатовъ. Молодое, только молодое. Разсказы. П. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Изд-во „Зерно" М. 1916.—Амари. Глухія слова. Ц. 60 к.—Максиміліанъ Волошинъ. Anno mundi Ardentis. Ц. 75 к.—Франсуа Війонъ. Отрывки изъ „большого завѣщанія", баллады и разныя стихотворенія. Ц. 1 р.

Гр. Крекнинъ. Ревнитель свѣта—П. И. Макушинъ. Томскъ 916. Ц. 75 к.

Вл. Денисовъ. Война и лубокъ. П. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Щитъ. Литературный сборникъ п. ред. Леонида Андреева, Максима Горькаго и Θедора Сологуба. 2-е дополн. изд. М. 916. Ц. 1 р. 25 к.

Календарь русской природы на 1916 г. Изд. „Природа" М. 1916. Ц. 2 р. 25 к.

Кн-во бывш. М. В. Попова. П. 1916 г. —Б. Верхоустинскій. Маленькая буря. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.—Григорій Аронсонъ. Лирика. Ц. 1 р.

Григорьевъ. Недавнее. Романъ. Часть II. Ц. 1 руб. — Отечество. Сборники національной литературы Россіи. Т. I. Редакція проф. И. А. Бодуэнъ де Куртенэ, проф. Н. А. Гредескула, Б. А. Гуревича, кн. П. Д. Долгорукова, проф. В. Н. Сперанскаго. Ц. 3 р. 75 к.

А. М. Стопани. Нефтепромышленный рабочій и его бюджетъ. Баку. 1916. Ц. 3 р. 50 к.

Юрій Соболевъ. Антонъ Чеховъ. Неизданныя страницы. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

Дина Стожъ. Сердце и невѣжество. Изд. 4-е. Ц. 30 к.

М. Е. Стожъ. Словарь сибирскихъ писателей, поэтовъ и ученыхъ. Иркутскъ. Ц. 40 к.

П. Н. Колядо. Изъ ленскихъ впечатлѣній. Иркутскъ. 1916. Ц. 50 к.

Мих. Мукаловъ. Творецъ. Кіевъ. 1916. Ц. 50 к.

Труды комиссіи по изученію современной дороговизны. Вып. IV. М. 1916. Ц. 3 р.

Божидаръ. Бубенъ. 1916. Ц. 85 к.

Н. Лаврскій. А. Э. Миганаджанъ. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

Петръ Покровскій. Бентамъ и его время. П. 1916. Ц. 4 р.

Зинаида В. Лучи и тѣни. Стихотворенія. П. 1916. Ц. 2 р.

Ник. Черкасовъ. Выше! Лиремы. П. 1916. Ц. 75 к.

Журналы Екатеринославскаго Губ. Земск. Собр. за 1915 годъ. Екатер. 1916.

Кн—ское Т-во „Просвѣщеніе". П. 1916.—А. В. Амфитеатровъ. Арменія и Римъ. Ц. 1 р. 75 к.—Его-же. Свѣтъ и сила. Ц. 1 р. 75 к.—І. Крашевскій. Графиня Козель. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.—М. С. Крайновичъ. Въ щупальцахъ жизни. Ц. 1 р. 25 к.—Жанъ-Жакъ Руссо. Исповѣдь. Со вступ. статей пр. Л. Е. Владимірова. Ч. I. Ц. за 2 тома 2 р. 50 к.

Сергѣй Стрибожичъ. Рябины гроздья. Стихи. Вологда. 1916.

Сѣверныя зори. Литературно-публистическій сборникъ. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Борисъ Черный. Четвертая тетрадь. Стихи. М. 1916. Ц. 25 к.

Н. Каржанскій. Парижъ. Романъ. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

Андрей Бѣлый. Петербургъ. Романъ. 1916. Ц. 2 р.

Борисъ Садовскій. Ледоходъ. Статьи и замѣтки. П. 1916. Ц. 2 р. 50 к.

Михаилъ Мукаловъ. Я люблю мудрость. Кіевъ. 1916. Ц. 1 р.

И. Б. Розенфельдъ. Присоединеніе Малороссіи къ Россіи (1654—1793). П. Ц. 1 р. 25 к.

Юрій Соболевъ. О Чеховѣ. М. 1915. Ц. 50 к.

А. М. Евлаховъ, проф. Кто получаетъ пощечины въ новой драмѣ Л. Андреева. Ростовъ-на-Дону. 1916. Ц. 30 к.

Нашъ Журналъ, № 1. П. 1916. Ц. 3 р. 25 к.

Кн—во „Задруга". М. 1916 г.—Записки декабриста И. И. Горбачевскаго. Ц. 2 р. — Сестра Варенька. Повѣсть старыхъ годовъ Вѣры Жуковской. Ц. 1 р. 50 к.

Джэкъ Лондонъ. Желѣзная пята. Кн-во І. А. Маевскаго. М. Ц. 1 р. 25 к.

Надежда Санжарь. По своему. Драма. Ц. 75 к. М. 1916. — Ея же. Заколдованная. Изд. 2-е. Ц. 75 к.— Ея же. Записки Анны. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 20 к.

Е. Кузьмина - Караваева. Руѳь и др. стихотворенія. П. 1916. Ц. 1 р. 75 к.

А. Е. Лосицкій. Къ вопросу объ изученіи степени и формъ распаденія общины. М. 1916. Ц. 50 к.

Е. Звягинцевъ. Правовое положеніе народныхъ библіотекъ за 50 лѣтъ. М. 1916. Ц. 30 к.

К. О. Жаковъ. Гипотеза, ея природа и роль въ наукѣ и въ философіи. Ц. 60 к. П. 1916.

Е. В. де-Роберти. Понятія разума и законы вселенной. П. 1914. Ц. 45 к.

Публицистъ - гражданинъ. Литературный сборникъ, посвященный памяти Гр. Конст. Градовскаго съ портретами и снимками. П. 1916. Ц. 2 р.

Петръ Струве. Хозяйство и цѣна. Ч. 2-ая. В. 1-ый. М. 1916. Ц. 2 р.

Д. С. Шилкинъ. Искусство и мистика. П. 1916. Ц. 40 к.

М. Б. Краснянскій. Записки донского штейгера 1893—1913. Т. I. Ростовъ-на-Дону. 1916. Ц. 3 р.

Сполохи. Сборникъ. Книга 10-я. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

И. Девятининъ. Реквіемъ. Драмат. сцены.—Его же. Старческіе годы принца Шармель. Комедія. — Его же. У грани прошлаго. Драматич. этюдъ.—Его же. На томъ берегу. Драма. Новгородъ. 1915.

Отчетъ конторы журнала.

Въ контору журнала „Русскія Записки" поступило: въ пользу русскихъ волонтеровъ во Франціи и ихъ семей: отъ М. К. Ефимова изъ Иваново-Вознесенска — 3 р.; отъ в-ча Р. С. Крузенштернъ — 10 р.; отъ К. К. Грюнберга изъ Иркутска—10 р.; отъ С. А. Уманскаго изъ Енакіево, Екатериносл. губ.—3 р.; отъ П. С. Бардина — 3 р.; отъ Ф. И. Коганъ — 5 р.; отъ А. М. Митяньшевой—2 р.; отъ Александра Крамского изъ Кіева — 50 р.; отъ Ольховскаго о-ва потребителей—200 р.; отъ стараго рабочаго—3 р.; отъ „В. Н."— 25 р.; отъ учительницы З. Стойковой—3 р.; отъ Я. Ф. Достойникъ изъ Чикишляра—3 р.; отъ в-ча Э. Глазберга—25 р.; отъ Р. Б. Г.—10 р.; отъ Л. Бѣляцкой изъ Севастополя — 3 р.; отъ Е. П. Прокоповичъ — 3 р.; отъ П. Попова—3 р.; отъ П. А. Дѣева—3 р.; отъ С. Г. Тарелкина—1 р.; отъ И. С. Недашковскаго—1 р. 2 к.; отъ Н. А. Сардонникова—1 р.; отъ П. П. Астреина— 1 р. 1 к.; отъ О. Т. Шрамъ — 1 р. 3 к.; отъ И. И. Дульскаго — 1 р.; отъ служащихъ Ольховскаго завода—73 р. 75 к.; отъ Б. М. Юровской изъ Екатеринослава—10 р.; отъ В. Массонъ изъ Иркутска—5 р.; отъ З. В. Оглоблиной—50 р.; отъ И. В. Зубатенко изъ Павловки, Екатер. губ.—3 р.; отъ служащихъ и мастеровыхъ Сѣверныхъ пріисковъ Федоровскаго Золотопромышленнаго Общества — 91 р. 35 к.; отъ комитета земскихъ служащихъ при Ярославскомъ губернскомъ земствѣ 200 р.; отъ „Общества рус. писателей для помощи жертвамъ войны" — 1000 р.; отъ В. А. Немудраго, собранные въ с. Манзуркѣ, Верхоленскаго уѣзда — 41 р. 65 к.; отъ А. П. Трындина изъ Новочеркасска—10 р.; отъ Бакинскаго лит.-худож. кружка—677 р.; черезъ А. А. Шарапова, отъ разныхъ лицъ живущихъ въ с. Добромъ, Тамб. губ.— 11 р. 35 к.

Черезъ В. Г. Короленко: отъ А. Д. Коваленко со ст. Пограничной Кит.-Вост. жел. дор.—5 р. 50 к.; отъ рабочихъ Суганскаго рудника (Прим. обл.) шахты № 2 и 10, черезъ С. И. Шипачева—141 р. 40 к.

Итого . . . . 2.693 р. 06 к.

А всего съ прежде поступившими . . . . 12.536 р. 85 к.

Редакторъ **В. Н. Цѣховская.** Издатель **Н. С. Русановъ.**

Тип. Акц. Общ. „СЛОВО“. Петроградъ, ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. домъ.

Русскія Записки

1916 г.

№ 6. IЮНЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Статьи „Галиція" Д. П. Кончаловскаго и „Иностранная Лѣтопись" Н. С. Русанова не могли появиться въ этой книжкѣ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

№ 6. ІЮНЬ.

Русскія Записки

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 6.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1916.

СОДЕРЖАНІЕ.

———

АМАЗОНКА.

Романъ.

XIII.

Чей-то голосъ окликнулъ меня на улицѣ:

— Неужели это ты, Маша Богданова?

Я оглянулась: молодая дама, очень модно одѣтая, кивала мнѣ головой и протягивала руку. Лицо было знакомо, но такихъ ярко-рыжихъ кудрей я навѣрное никогда не видала.

— Ты все не узнаешь меня? Я—Лиза Остужева.

— Боже мой! до чего ты измѣнилась!

— Не мудрено, я устроила себѣ золотые волосы, и никто не хочетъ узнавать меня.

— Гдѣ ты живешь? Что дѣлаешь? Какъ это мы раньше не встрѣчались?

— Я только недавно въ Москвѣ. Вѣдь я вышла замужъ за присяжнаго повѣреннаго, моя фамилія теперь Горленко. Знаешь, я слышала какъ-то о тебѣ и о Танѣ Грановской. Вы, говорятъ, феминистки, я даже испугалась.

— Отъ кого ты слышала?

— Отъ знакомой курсистки. Ну, да вы вѣдь еще въ институтѣ считались учеными.

— Первый разъ слышу, что мы феминистки, но не отказываюсь отъ этого. Кстати, почему же ты испугалась?

— Да вспомнила, что вы были всегда такія веселыя и хорошенькія, и вдругъ—феминистки. Такъ и рѣшила было, что вы несчастливы въ любви.

Она была сильно подкрашена и преувеличенно модно одѣта и похожа на актрису, какъ я подумала тогда, на пѣвицу изъ кафе-шантана, какъ я опредѣлила бы теперь. Ее спасала про-

стота и изящество манеръ, добрая улыбка и наивный взглядъ кукольныхъ глазъ.

Намъ не хотѣлось разстаться сразу, и мы прошлись немного вмѣстѣ.

Сейчасъ же она разсказала мнѣ, что мужъ ея адвокатъ съ хорошей практикой, очень интересный, красивый, а ужъ умница!

— Вообрази, дорогая, онъ раньше защищалъ политическихъ и сдѣлалъ чудную карьеру. Но теперь ему ужъ это не нужно.

Въ домѣ у нихъ, по ея словамъ, собирались сливки интеллигенціи: адвокаты, литераторы, передовыя «новыя женщины».

— Ахъ, до чего я рада, что тебя встрѣтила. Непремѣнно скорѣе приходи. На институтокъ, знаешь, какъ-то такъ смотрятъ... А вотъ я покажу имъ васъ съ Таней.

Она заинтересовала меня и, когда я разсказала о встрѣчѣ Танѣ и Леночкѣ, обѣ тоже заинтересовались. Скоро Лиза пріѣхала къ намъ съ визитомъ, всѣмъ у насъ восхищалась, сказала, что мужъ ея не дождется, когда познакомится съ нами, и что она устраиваетъ скоро маленькій вечеръ, на которомъ будутъ только интересные люди, и мы должны быть непремѣнно, она беретъ съ насъ слово.

На ея вечеръ мы поѣхали съ удовольствіемъ. Леночку Лиза горячо приглашала, но та отказалась, отговорившись тѣмъ, что совсѣмъ теряется въ мало знакомомъ обществѣ, но запросто пріѣдетъ непремѣнно.

Мужъ Лизы былъ, правда, красивъ, но той слащавой красотой южныхъ брюнетовъ средняго возраста, которая меня больше отталкиваетъ, чѣмъ привлекаетъ.

Онъ довольно полонъ, глаза, длинные и прищуренные, смотрятъ почти нѣжно, иногда совсѣмъ пропадая, губы чувственны и уголки ихъ немного опущены книзу, голосъ звучитъ свирѣлью. Онъ сыплетъ комплиментами, неумѣренно восхищается и восторгается чуть-ли не каждымъ нашимъ словомъ и движеніемъ, и, въ концѣ концовъ, его податливость и нѣжность приводятъ насъ чуть-ли не въ отчаяніе. Да мы еще пришли слишкомъ рано, здѣсь гости собираются послѣ десяти.

— Я просто горѣлъ нетерпѣніемъ васъ увидѣть,—пѣлъ и разстилался любезный хозяинъ,—но Лизочка не нашла красокъ, чтобы описать васъ. Вѣдь Татьяна Григорьевна это—живая картина.

Я испугалась, какъ бы не сравнилъ онъ меня съ ожившей греческой статуей, что при его щедрости ему ничего не стоило бы сдѣлать, и поспѣшила предложить ему какой-то вопросъ.

Сдѣлала я это не очень ловко, онъ понялъ, въ чемъ дѣло, снисходительно улыбнулся по адресу «дѣвушки, которая бо

ится покраснѣть отъ комплимента, и это мило, ужасно мило», и сразу перевелъ разговоръ на темы, которыя, по его мнѣнію, были для насъ интересны.

— Современная женская молодежь, знаете ли, необыкновенно интересна, просто новая струя, и такая свѣжая, такая...

Онъ отрекомендовался намъ ярымъ феминистомъ, спѣлъ цѣлый гимнъ новой женщинѣ, передъ которой «готовъ былъ жечь фиміамъ», или «преклонить колѣна», или сдѣлать вообще что-то очень торжественное въ знакъ почтенія.

Я старалась не смотрѣть на упорно молчавшую Таню, которая сѣла прямо, сдѣлала овечье лицо и внимательно слушала оратора. Лизочка была довольна своимъ мужемъ. Она вызвала меня въ другую комнату, показала мнѣ кабинетъ мужа, свою спальню, свое новое платье и спросила, наконецъ, какъ нравится мнѣ ея мужъ.

— Онъ очарователенъ,—отвѣтила я.

— Неправда-ли? Рѣшительно всѣ это находятъ.

Когда мы вернулись въ гостиную, я съ изумленіемъ увидѣла, что говоритъ не Горленко, а Таня.

У нея было все то же невинно-овечье выраженіе лица и, повидимому, ея собесѣдникъ былъ не то удивленъ, не то сбитъ съ толку.

Она городила что-то о геніальности въ области чувства, о культурномъ значеніи половой любви, которую женщина сдѣлала чистой и возвышенной, о томъ, что это настоящая область ея творчества.

Я озябла отъ страха, что адвокатъ, который далеко не былъ глупъ, сообразитъ, наконецъ, что она надъ нимъ издѣвается.

Но онъ не подозрѣвалъ ничего, слушалъ съ выраженіемъ священнаго восторга и благоговѣйнаго вниманія на лицѣ, удивлялся, повторялъ нѣкоторыя фразы, какъ бы смакуя ихъ мудрость и прелесть.

Таня, однако, повела дѣло такъ, что и я сама начала сомнѣваться, ужъ не думаетъ ли она такъ на самомъ дѣлѣ.

Она шла къ какой-то цѣли и остановилась на полпути только потому, что стали собираться другіе гости.

— Что ты дѣлаешь, Таня?—шепнула я ей.

— Забавляюсь. Но онъ не глупъ, и мы въ концѣ концовъ сумѣемъ сговориться, только не сегодня... Сегодня онъ показываетъ мнѣ свою манеру держаться съ женщинами, а я ему свою манеру держаться съ мужчинами.

— Только не пересоли, Таня.

Но она устроила въ этотъ вечеръ такой спектакль, о которомъ я долго не могла вспоминать безъ легкаго содраганія.

Общество собралось небольшое но во-первыхъ, сплошь из-

бранное, а, во-вторыхъ, явно созванное съ цѣлью продемонстрировать ему насъ.

Прежде всего явился извѣстный адвокатъ Остужевъ, родственникъ Лизы, уже немолодой, порядкомъ потертый, любезный и фамильярный. Не знаю, кто кому подражалъ, но у него и у Горленко было что-то общее въ манерахъ. Женщинъ Остужевъ называлъ только «дитя», «дѣточка», «дуся», то и дѣло взасосъ чмокалъ ихъ руки и бралъ ихъ за талію. Говорилъ онъ лѣниво, громко и вульгарно, не стѣсняясь и перебивая другихъ, и то и дѣло я слышала фразы: «но тѣло у нея роскошное».. «ахъ, помню, да вѣдь она жила раньше съ этимъ, какъ его, съ актеромъ»... «вы не знаете, онъ не жилъ съ Лапшиной?» «А онъ зарабатываетъ недурно, только слишкомъ разоряется на женщинъ».

Съ нимъ вмѣстѣ явился его помощникъ, Левицкій, маленькій, желчный, сухой еврей, сильно жестикулирующій, нервный, то и дѣло ронявшій то пенснэ, то платокъ. Мнѣ онъ понравился.

Были еще два молодыхъ поэта, выпускавшихъ свои сочиненія уже третьимъ и четвертымъ изданіями, хоть и были еще очень молоды. Они держались все время вмѣстѣ и оба сразу немедленно подсѣли къ Танѣ. Одинъ былъ невысокій, румяный, подвыпившій немного, съ нахальными глазами и бѣлокурыми усами, другой—худой, зеленый и длинный. Они оба острили, хохотали, говорили о литературѣ и обо всемъ прочемъ, точно вынимали истину изъ жилетнаго кармана и тотчасъ подносили ее вамъ на ладони, понятную и непреложную, какъ мѣдный пятакъ.

«Кто же теперь читаетъ Льва Толстого?» «Не скоро еще толпа пресытится банальностями Пушкина». «Послѣ Оскара Уайльда во рту остается вкусъ шабли».

Всѣ эти фразы и еще многія другія запоминала злобно и точно Таня и потомъ пускала ихъ въ ходъ, выбирая для этого самые неожиданные моменты.

Послѣднимъ явился писатель Шатиловъ, добродушный, съ умными косящими глазами и инородческимъ лицомъ, лукавый и молчаливый.

Онъ много пилъ и больше смотрѣлъ да слушалъ, чѣмъ говорилъ.

Изъ «новыхъ женщинъ» пришли три. Веселая, шумливая, очень эффектная и очень смуглая беллетристка и поэтесса Кернъ больше другихъ бросалась въ глаза. Она походила на пеструю райскую птицу, смѣло и рискованно острила, разсказывала анекдоты.

Она ворвалась бурей.

— Лизокъ, дитятко, я опоздала. Здравствуйте, здравствуй-

те. Я—Кернъ. Очень, очень пріятно. Остужевъ, милый, я безумно счастлива, что вижу васъ, только не хватайте меня за все, что попадется подъ руку, платье на мнѣ газовое и вы мнѣ не любовникъ. Ба, Фликъ и Флокъ! Вы позеленѣли, Фликъ, развратничаете, должно быть? Вотъ что значитъ уйти изъ-подъ моего надзора...

Она трещала, вертѣлась и хохотала, пока не усадилъ ее около себя Остужевъ, какъ-то припавъ къ ней, точно липкій моллюскъ.

Вторымъ номеромъ была величественная журналистка, извѣстная подъ псевдонимомъ Ингеръ. На ней былъ мужской смокингъ, жилетъ и воротникъ, стриженные волосы вились.

Она много курила, казалась выхохоленной, не смотря на мужской стиль туалета, и замѣтно была занята своей особой, своимъ смокингомъ, туфлями и ногтями.

Говорила она громко, увѣренно и властно. Сейчасъ же принялась разносить какую-то «сволочь, которая торгуетъ убѣжденіями», «разную шваль, которую надо бы вышвырнуть изъ среды порядочныхъ людей и упрятать въ тартарары». Потомъ говорила еще о «хамѣ» и «выскочкахъ» и съ величайшимъ презрѣніемъ о равноправныхъ дамахъ, которыя «будучи у грацій въ отпуску и у любви въ отставкѣ», занялись разными идеями.

Третьей была художница Горянская, томная, большеглазая брюнетка, въ зеленомъ гладкомъ платьѣ и въ бѣломъ тюрбанѣ на головѣ. Она кошечкой свернулась около Горленко, говорила мало, каждый разъ вспоминала вожака модныхъ поэтовъ, которымъ, по ея словамъ, была «опредѣленно упоена», и влюблена въ него «впервые безъ похоти». Это и были «новыя женщины».

Съ непривычки меня сильно коробило то, что и мужчины, и женщины то и дѣло произносили цѣлый рядъ самыхъ противныхъ и вульгарныхъ словъ запросто и безо всякой крайней необходимости.

Таня дѣлала иногда то же, но всегда съ единственной цѣлью подразнить и досадить намъ съ Леной, заставить насъ возмущаться.

Вниманіе общества сосредоточивалось поочередно на Шатиловѣ, Кернъ, на Остужевѣ, и, наконецъ, на Ингеръ.

Я со страхомъ слѣдила за тѣмъ, какъ шалые, бездушные огоньки все больше разгорались въ глазахъ Тани и вотъ-вотъ готовы были выскочить и съ хохотомъ заплясать по столу. Но все невиннѣе складывался ея ротъ и все внимательнѣе приподнимались брови.

Ингеръ, повидимому, слышавшая о насъ, произнесла цѣлую рѣчь, полную насмѣшекъ и остротъ, по поводу женскаго движенія. Она принадлежала къ разряду женщинъ, почему-то

считающихъ феминизмъ занятіемъ неудачницъ, старухъ и уродовъ, чѣмъ-то смѣшнымъ и ненужнымъ.

То, что обѣ мы были слишкомъ молоды и едва ли смогли бы съ честью защищаться, развязывало ей языкъ. И, кромѣ того, почуяла она, какъ неглупый и чуткій человѣкъ, легкую враждебную напряженность во мнѣ и въ Танѣ. То, что мы слегка морщились отъ вульгарныхъ словъ и не хотѣли улыбаться вольнымъ шуткамъ, ей явно не нравилось, и это сказалось, когда она издѣвалась надъ «весталками», предпочитающими «баловаться тайкомъ».

Воспѣвала она почему-то романтизмъ и Пушкинскую Татьяну, сокрушалась о томъ, что «чумазый» захватилъ жизнь и заставилъ женщину заниматься черной работой.

Ее поддержала Кернъ, презабавно изобразившая въ лицахъ открытіе женскаго клуба, гдѣ въ рѣчахъ упоминалось и о «подлетахъ и тираніяхъ мужчинахъ», и о томъ, что «у нихъ Байронъ, а у насъ Ковалевская», «да вотъ, чѣмъ они заплатили намъ за наши ласки».

Было смѣшно и остроумно, и мы съ Таней тоже смѣялись отъ души.

Тѣмъ не менѣе это былъ открытый вызовъ, котораго мы упорно не принимали.

Но господину Горленко пришла несчастная мысль поставить точку надъ *i*.

— Вы, Марья Васильевна, придерживаетесь, кажется, нѣсколько иныхъ взглядовъ?—спросилъ онъ.

— Да. Но у меня нѣтъ охоты спорить.

— Барышни не удостоиваютъ насъ отвѣтомъ,—улыбаясь, сказалъ Шатиловъ.

— И отлично дѣлаютъ,—совершенно неожиданно проворчалъ Левицкій.

Таня вдругъ вмѣшалась.

— Да на что же здѣсь, собственно, возражать? Женщинамъ, которыя хотятъ, во что бы то ни стало, принять непосредственное участіе въ борьбѣ и строительствѣ, чтобы развить въ себѣ творческія силы, госпожа Ингеръ и госпожа Кернъ предпочитаютъ Аспазій или тургеневскихъ безжизненныхъ дѣвицъ. Но вѣдь это дѣло вкуса. И при чемъ тутъ будущее и новое? Все уже есть и все старо.

— Ну, знаете,—перебила Ингеръ,—мужчина-творецъ и женщина-Аспазія... можетъ быть, это и не ново, но это не правило, а исключеніе, а мнѣ хотѣлось бы, чтобы это было правиломъ.

— Ба! Вотъ ужасъ то,—ахнула Таня.—Вѣдь не думаете же вы, что при усердномъ выполненіи вашей программы мужчины обратятся всѣ въ Пушкиныхъ, а женщины всѣ въ Аспазій? И творцы, и Аспазіи будутъ народомъ средняго порядка. Одно

дѣло обязательство быть творцомъ или Аспазiей, а другое дѣло выполненiе этого обязательства. И будутъ это приблизительно все тѣ же адвокаты съ талантомъ, литераторы, поэты, и въ pendant къ нимъ остроумныя и ученыя дамы, или одѣтыя въ смокингъ, или почти не одѣтыя, смотря по спросу творцовъ. Все это у насъ уже имѣется, и мы вполнѣ можемъ судить о томъ, на небѣ мы или на землѣ.

— И глупости же ты говоришь, Таня,—попыталась я остановить ее.

— Чѣмъ богата, тѣмъ и рада. Отъ меня никто и не ждалъ откровенiя.

И притомъ, вы придаете моимъ словамъ какую-то странную окраску...—сказала Ингеръ.

— Помилуйте, окрашивала все по вашему вкусу. Я не думаю, чтобы выраженiе «побаловаться тайкомъ», какъ оно ни загадочно, могло соперничать въ окраскѣ съ радугой.

Ингеръ пожала плечами. Атмосфера сгущалась, и я ничего не могла предпринять противъ выходокъ Тани.

— Впрочемъ,—сказала она—я попытаюсь изобразить вамъ открытiе клуба творцовъ и Аспазiй. Кажется, у меня есть нѣкоторый даръ, сходный съ даромъ madame Кернъ.

Это было уже безопаснѣе, и всѣ закричали:

— Просимъ, просимъ.

— Отлично, я начинаю.

Положительно, она ничего въ мiрѣ не хотѣла стѣсняться и среди людей, которыхъ видѣла впервые, вела себя такъ, точно была наединѣ со мной.

— Предсѣдатель—творецъ—адвокатъ; секретарь—просто Аспазiя,—начала Таня.

Она стала въ позу и произнесла рѣчь въ духѣ Остужева, съ его позами, съ его жестами, называя дамъ «дѣтками» и «душами», почти генiально копируя Остужева, умиравшаго отъ смѣха, вмѣстѣ со всѣми остальными. И затѣмъ она, не менѣе вѣрно и точно, передразнила всю компанiю, кромѣ Лизочки, Шатилова и Левицкаго, такъ, что съ первой же ея гримасы узнавали, кого она высмѣиваетъ, злая и безпощадная, какъ Мефистофель. Невозможно было понять, когда она успѣла уловить самыя характерныя и яркiя черты каждаго изъ присутствовавшихъ, но копировала она ихъ такъ, точно давно ихъ знала вдоль и поперекъ.

«Она настоящая актриса,—подумала я,—комическая актриса съ самымъ несомнѣннымъ талантомъ».

Сначала она изобразила нѣсколько отдѣльныхъ выступленiй на темы «любовь и политика», «цвѣтокъ ли женщина, или что другое», «новыя теченiя въ области флирта и свободной

любви»,—все остроумныя и дерзкія импровизаціи, на мой взглядъ, даже оскорбительныя для слушателей.

Потомъ она представила «разъѣздъ», общій разговоръ, или якобы отрывки долетающихъ откуда-то фразъ:

— Скажите, а читаютъ ли еще этого бѣднаго пошляка Фета?.. Дуся, я вашъ, везите меня ко мнѣ, къ себѣ... Э-э... скажите, а съ кѣмъ же она теперь живетъ?... Ахъ, даже со мной? Совершенно забылъ! Женскій вопросъ? Милый, не вѣрьте намъ, женщинамъ, давайте я скажу вамъ на ушко, какъ мы рѣшаемъ этотъ вопросъ... Это прелестно! Какъ вы сказали? женщина--дитя? Прелестно! Я не раскаиваюсь, что прислушиваюсь къ голосу женщины, это мудро, я начинаю соглашаться съ вами. Вы переубѣдили меня. Женщина—дитя! Это положительно шедевръ! Это имѣетъ вкусъ мороженаго!

Но эффектъ былъ не въ словахъ, а въ выраженіи ея лица и глазъ, быстро превращавшихся изъ нагло-веселыхъ въ мутно-сладострастные, въ противно-заискивающіе, въ просто глупые.

Всѣ смѣялись безъ конца, но было ясно, что далеко не всѣмъ это пріятно. Я уловила нѣсколько кислыхъ гримасъ, нѣсколько презрительныхъ жестовъ, нѣсколько фразъ, въ родѣ: «Откуда она это взяла? это ужь даже и не остроумно. Не вижу сходства».

Я волновалась, нервничала и провела мучительнѣйшіе полчаса въ ожиданіи, когда ей будетъ угодно, наконецъ, кончить.

Ей апплодировали и ее окружили послѣ ея выходки. Стали говорить, что она обладаетъ большимъ талантомъ и что ей надо на сцену.

Мнѣ безконечно хотѣлось поскорѣй уйти. Было неловко и досадно, и устала я страшно.

На улицѣ я принялась бранить Таню, но она хохотала и радовалась.

— Вотъ еще, очень нужно молча служить мишенью для остроумія какихъ-то крашеныхъ Аспазій !

— Гдѣ ты выучилась такъ хорошо говорить и такъ необыкновенно передразнивать?

— Просто языкъ хорошо подвѣшенъ, а въ актерствѣ упражнялась съ дѣтства... Начала съ собственныхъ родителей.

На другой день пріѣхала Лизочка, которая, какъ оказалось, совершенно не поняла, въ чемъ дѣло, и смѣхъ и апплодисменты приняла за чистую монету и выраженіе искренняго восторга.

— Дорогія мои, вотъ спасибо-то, что пріѣхали! Вы имѣли такой колоссальный успѣхъ. Только о васъ потомъ и говорили, особенно о Танѣ. Всѣ почти непремѣнно хотятъ сдѣлать вамъ визитъ, даже самъ Шатиловъ. А Нинуся Горянская на-

шла, что Таня страшно дерзка, но что именно такого тона и надо держаться съ мужчинами, чтобы имъ нравиться.

Таня смѣялась такъ, что Леночка заподозрѣла близость истерики и заставила ее выпить валерьянки.

XI

Въ этомъ году я кончала курсъ и пришлось приналечь на занятія.

Радуясь, что Леночка взяла на себя хозяйство, я съ головой ушла въ свои дѣла. Но времени все же не хватало: нельзя было отказаться отъ урока, моего главнаго дохода, нельзя было не писать статей въ газету и въ дѣтскій журналъ, такъ какъ и это былъ необходимый заработокъ, лекціи и занятія дома не оставляли уже ни одного часа для любимой работы—большой повѣсти, которую я писала потихоньку отъ Лены и Тани.

И повѣсть приходилось писать вечеромъ, когда ложилась спать утомленная Леночка и уходила къ себѣ съ книгой Таня, больше всѣхъ читавшая.

Каждый разъ у меня билось сердце, когда я вынимала тетрадь, и хотѣлось сказать «здравствуйте» моимъ героямъ, съ которыми я считалась, какъ съ живыми людьми.

Таня часто пропадала по вечерамъ у двоюродной сестры Никитина, съ которой мы всѣ очень подружились. Самъ Никитинъ сдѣлался у насъ своимъ человѣкомъ и мы даже отвели ему столъ и шкафъ въ столовой.

Кузина его была жива, энергична, смѣшлива; она окончила юридическій факультетъ заграницей, а здѣсь участвовала въ разныхъ женскихъ кружкахъ, въ клубѣ, въ лигѣ равноправія женщинъ.

Таня часто возвращалась съ ней поздно изъ клуба, и онѣ пробирались въ столовую, гдѣ Леночка оставляла имъ ужинъ и чай. Онѣ шептались, спорили, смѣялись, и если мы еще не спали, то мы тоже выходили къ нимъ, иногда закутавшись въ одѣяла, а онѣ наперебой дѣлились съ нами впечатлѣніями.

Таня изображала всѣхъ въ лицахъ, и особенно хорошо ей удавалась Ингеръ.

— Представь-ка теперь, Таня, этого «трепанаго», съ сладкими глазами,—просила Лида.

И Таня изображала неизвѣстнаго намъ «трепанаго», котораго мы точно видѣли живымъ.

— М-милостивыя государыни, э-э... Мнѣ, какъ представителю, такъ сказать... э-э... какъ... другими словами, какъ мужчинѣ, конечно, трудно вамъ возражать... э-э..: Я хочу только сказать, сударыни, что вы... что вотъ у васъ тамъ и логика хромаетъ и... это самое, и мысли вы ваши не умѣете выражать, какъ

слѣдуетъ и вообще... вообще мы вотъ и талантливы, и говоримъ хорошо, а вы вотъ не создаете...

— Да ты преувеличиваешь, Таня!

— И не думаю! Ей Богу, онъ по всѣмъ правиламъ логики рѣшилъ, что разъ среди мужчинъ больше талантовъ, значитъ всѣ мужчины талантливы.

— Теперь изобрази «умнаго».

— «Господа! Современная конъюнктура общества...»—Она произносила рѣчь, сплошь состоявшую изъ тяжеловѣсныхъ иностранныхъ словъ, но смыслъ ея установить было невозможно.

— Какъ вамъ нравится этотъ собачій языкъ?!—Мы хохотали отъ души.

— Имѣйте въ виду, Маша и Леночка,—сказала намъ както Таня,—что предполагается диспутъ на тему «Женщина и романтизмъ». Вступленіе дѣлаетъ Ингеръ. И будетъ настоящимъ свинствомъ, если вы не поѣдете. Ужъ однимъ-то днемъ Маша могла бы пожертвовать.

И хоть я дала себѣ слово отдыхать только по воскресеньямъ, но соблазнъ былъ слишкомъ великъ, да и Таня съ Лидой собирались выступить на диспутѣ, и это было такъ интересно.

Лида разсказывала, что теперь образовалось два вполнѣ опредѣленныхъ теченія, къ одному примыкали женщины, требующія гражданскихъ правъ и полнаго уравненія въ нихъ съ мужчинами, къ другому — женщины, находящія это почему-то не только преждевременнымъ, но даже и вреднымъ для общественнаго блага. Таня и Лида примыкали, конечно, къ первымъ, и на ихъ сторонѣ были еще только двѣ болѣе или менѣе замѣтныя женщины—Гончарова и Лентовская.

Другая партія была сильнѣе и многочисленнѣе, тамъ было много молодежи, хорошихъ ораторовъ, талантливыхъ и извѣстныхъ женщинъ, среди которыхъ были и Ингеръ, и Кернъ. Сочувствіе мужчинъ, посѣщавшихъ собраніе клуба, тоже почти цѣликомъ было на ихъ сторонѣ.

Мы всѣ отказывались объяснить себѣ эту готовность женщинъ расписываться въ собственной гражданской безпомощности и незрѣлости и ихъ отказъ взять на себя половину отвѣтственности за все, что дѣлается въ странѣ.

Таня получила повѣстку изъ клуба съ тезисами вступленія Ингеръ. По нимъ мы поняли, что будетъ схватка, и притомъ довольно серьезная.

Въ день диспута я почему-то начала волноваться и цѣлый день ничего не дѣлала. Поѣхали цѣлой толпой: кромѣ насъ трехъ, отправились вмѣстѣ Никитинъ съ Лидой и Рахиль съ мужемъ, который все что-то кашлялъ и прескверно выглядѣлъ.

Аудиторія женскаго клуба была набита до крайнихъ предѣ-

ловъ, хотя засѣданіе и считалось закрытымъ. Было не меньше половины мужчинъ.

До начала оставалось еще нѣсколько минутъ, но публика все прибывала, многимъ пришлось стоять у стѣнъ.

Изъ толпы кивала намъ чья-то черная головка, смѣющаяся и растрепанная. Это пробиралась къ намъ Гончарова. Насъ познакомили.

— Смотрите-ка,—сказала она,—вонъ тамъ сидитъ все стадо Ингеръ.

«Стадо Ингеръ» состояло изъ десятка, по крайней мѣрѣ, женщинъ, и среди нихъ юлой вертѣлась хорошенькая Кернъ. Всѣ были разодѣты въ пухъ и прахъ, къ лицу замысловато причесаны, и у каждой былъ спутникъ или два. Онѣ всѣ тоже смотрѣли на насъ.

«Ну, что жъ,—подумала я,—не такъ ужъ плохо и у насъ».

Точно сговорившись, мы всѣ были въ темныхъ платьяхъ или англійскихъ блузкахъ и сопровождали насъ только Фишъ и Никитинъ.

Гончарова, повидимому, бывшая своимъ человѣкомъ и въ противоположномъ лагерѣ, передала намъ, что насъ тамъ называютъ «дамами съ тенденціей», «амазонками», «весталками», «василисками морали» и т. д.

— Ну, а съ нихъ довольно «крашеныхъ Аспазій»,—рѣзко заявила Таня.

Гончарова расхохоталась, немедленно написала что-то въ блокъ-нотѣ и передала записочку черезъ головы въ руки Кернъ. Тамъ прочли и добродушнѣйшимъ образомъ смѣялись и мужчины, и дамы.

Завязалась перестрѣлка. Записочки летали взадъ и впередъ, горьчайшія и обиднѣйшія насмѣшки и истины встрѣчались дружнымъ смѣхомъ обѣими сторонами. Антагонизмъ во взглядахъ не вызывалъ никакой злобы.

Мнѣ казалось страннымъ, что эта легкомысленная, разряженная толпа пришла сюда съ цѣлью публично защищать свои теоріи. Ни для кого не было тайной, что съ темой диспута будутъ считаться очень мало.

Ихъ лагерь былъ сильнѣе. Какъ ни какъ, Ингеръ—извѣстная журналистка, Кернъ—поэтесса и писательница, за ними была еще Ольга Гуревичъ, молодая, талантливая беллетристка и, по слухамъ, незаурядный ораторъ.

У насъ говорила только Лида. Гончарова положительно не внушала мнѣ довѣрія.

Раздался звонокъ. Шумъ моментально стихъ. Изъ двери позади эстрады вышли Ингеръ и секретарь клуба.

Онъ объявилъ собраніе открытымъ.

— Битва Аспазій съ амазонками начинается,—шепнула мнѣ Гончарова.

Ингеръ была спокойна и самоувѣренна, очень изящно одѣта въ полумужской костюмъ и видъ у нея былъ такой, точно она нехотя берется за чтеніе, но, такъ ужь и быть, соглашается бросить намъ нѣсколько афоризмовъ.

Начала она съ упрековъ по адресу нашей эпохи, когда никто не имѣетъ больше понятія о настоящей красотѣ, эстетикѣ и женственности. Въ противоположность нашему времени описывалась эпоха Пушкина и Тургенева, Татьяны и Лизы, княгиня Волконская, Смирнова и другія. Все это Ингеръ дѣлала съ подъемомъ и вдохновеніемъ настоящаго оратора.

Кто-то взялъ меня тихо на руки и перенесъ въ Богдановку. Широкое поле лежало передо мною, блестѣла рѣка, голубой дымокъ стоялъ надъ деревней.

Грубыя, кроткія лица одно за другимъ проходили передъ глазами. Въ конюшнѣ моего отца стояли козлы, облитые кровью многихъ изъ нихъ и ихъ родителей. Старый прудъ, обсаженный ивами, былъ вырытъ беременными дѣвушками, его рыла одно время и моя нянька, ни разу не вспоминавшая зла. И рыла по приказу романтичной бабушки, красавицы, умницы, большой либералки. Ея акварели и художественныя вышивки до сихъ поръ хранятся у меня, но она не додумалась за пяльцами и за «послѣдней книжкою Гизота» до самой простой и бѣдной истины: нельзя бить и мучить людей, совершенно беззащитныхъ и темныхъ. Романтизмъ заслонилъ кровь отъ ея прекрасныхъ глазъ и заглушилъ стоны, несшіеся изъ конюшни.

Чьи-то мужественныя сердца откликнулись и чьи-то грубыя руки вырвали бѣдныхъ рабовъ изъ-подъ страшной опеки женственныхъ бабушекъ и бравыхъ дѣдовъ. А не стало рабовъ, не стало и романтизма. Сколько бы ни распѣвала Ингеръ, какъ бы ни пеклась о ея возстановленіи,—этой женственности пришелъ конецъ. на свой счетъ и своимъ трудомъ содержать эту особу слишкомъ дорого.

Ингеръ говорила дальше, а внутри у меня все рвалось и дрожало и рядомъ со мной прыгала, какъ рыба на сковородкѣ, Гончарова, точно въ ней развертывалась и свертывалась стальная пружина.

Заключительныя слова Ингеръ, сопровождаемыя совѣтомъ почаще оглядываться на нашихъ очаровательныхъ бабушекъ и не искажать въ себѣ ихъ нѣжнаго образа, были покрыты аплодисментами.

— Вы будете возражать?—живо обернулась къ намъ Гончарова. — Идемте скорѣе записываться.

Она потащила меня, и Лиду, и Таню къ столу. Первымъ за-

писался неизвѣстный господинъ, второй была Ольга Гуревичъ, потомъ Гончарова.

— Какъ, ты хочешь говорить?—съ изумленіемъ спросила Таня.—Великолѣпно! Лидуся, мы сегодня отступаемъ, и такъ много народу, Маша скажетъ за насъ. Запишите Богданову,— обратилась она къ секретарю.

Но тотъ записалъ еще фамилію господина, который передалъ записку черезъ головы, а потомъ уже меня.

Я чувствовала себя, какъ въ туманѣ, почти ничего не сознавала ясно. Мнѣ было страшно за себя.

Первый записавшійся говорилъ что-то о томъ, что единственная цѣль и назначеніе женщины опредѣлены самой природой: это—материнство, это—обязанность вносить въ жизнь любовь и кротость, въ противовѣсъ мужскому эгоизму.

Ветхія, ненужныя слова, потерявшія и смыслъ и окраску, назойливо и скучно навязывались въ качествѣ руководства къ жизни. Проклятый языкъ популярной брошюры терзалъ нервы. Длинная и нудная рѣчь текла плавно и безъ запинокъ.

Такъ какъ мы стояли теперь позади эстрады, то мнѣ были видны лица всей публики. Слушали внимательно и съ интересомъ, только одно лицо откровенно выражало скуку, темное, нахмуренное лицо съ рѣзкими, очень мужественными чертами.

— Вы не знаете, кто этотъ вотъ, съ темными глазами?— спросила я Гончарову.

— Это Штурмъ, врачъ.

Въ это время ораторъ закончилъ свою рѣчь подъ шумные аплодисменты. Штурмъ не аплодировалъ.

У меня забилось сердце, когда взошла на эстраду Гуревичъ —изящная, нѣжная, съ восковымъ лицомъ и глазами ангела. Чувственная складка у рта и манера, съ какой она поднесла руку къ губамъ поздоровавшагося съ ней юноши, противорѣчили общему тону цѣломудренной чистоты въ ней, и одѣта она была всѣхъ проще, и причесана гладко, волнистыя бандо спускались на блѣдныя щеки и переходили на затылкѣ въ незатѣйливый узелъ.

— Боже мой! Да что же она скажетъ? Я впервые услышу женщину, говорящую безъ подготовки съ эстрады? Я совершенно забыла, что вѣдь сейчасъ должна буду говорить я сама.

Красивымъ, хрустально-разбитымъ голосомъ, сопровождая свою рѣчь нѣсколько театральными жестами, она стала говорить объ отживающемъ, къ сожалѣнію, романтизмѣ, о томъ, что вѣкъ машинъ и труда не пощадилъ женщину, и она вынуждена тоже выйти на арену борьбы, даже, о, ужасъ! добиваться ненужныхъ ей гражданскихъ правъ, забывая о любви, которая сводится на нѣтъ, но которая одна можетъ заполнить ея душу.

— что мнѣ гражданскія права, если любовь уходитъ отъ меня,—патетически закончила она.

Я дрожала внутренней мелкой дрожью, мнѣ казалось, что мнѣ плюнули въ лицо. Оглянулась на Гончарову. Вся въ розовыхъ пятнахъ, съ растрепавшейся прической, она тоже оглянулась на меня и въ невѣроятно злобныхъ глазахъ, въ насмѣшливой улыбкѣ я узнала союзницу. Мы кивнули другъ другу головой и мнѣ стало легче.

Гуревичъ съ милой улыбкой раскланивалась передъ бѣшено аплодирующей публикой. Въ первомъ ряду Штурманъ сидѣлъ неподвижно, скрестивъ руки.

— Посмотри-ка на этого господина,—шепнула мнѣ сзади Таня,—это имѣетъ смыслъ!

— Это имѣетъ смыслъ!—отвѣтила я тѣмъ же выраженіемъ, принятымъ въ нашемъ маленькомъ кружкѣ и имѣвшимъ тысячи значеній.

Въ первомъ ряду сидѣло человѣкъ десять мужчинъ, но у меня не возникло даже сомнѣній, что рѣчь шла о Штурмѣ.

— Его фамилія Штурмъ,—сказала я.

— Ого! Но вѣдь это ни больше, ни меньше, какъ нѣмецъ!

— Не думаю. Вѣрно, еврей,—сказала я.

— Пожалуй, но во всякомъ случаѣ, «ви здѣсь имѣете чего-нибудь особеннаго».

— Слово принадлежитъ госпожѣ Гончаровой,—громко выкрикнулъ секретарь.

Гончарова въ одинъ мигъ изъ своей растрепанной прически сдѣлала гладкую совершенно, приняла монашескій видъ и скромно съ опущенными глазами вышла, сложивъ по-институтски руки. Только розовыя щеки и выдавали ея волненіе.

Невольно посмотрѣла я на Штурма. Темное лицо, которое, казалось, не знало улыбки, слегка улыбалось. Онъ явно переглянулся съ Гончаровой и чуть покачалъ головой.

— Вотъ такъ глаза!—подумала я.

Но что такое говоритъ Гончарова ровнымъ голосомъ, безъ жестовъ и безъ гримасъ?

— Представимъ на минуту, что романтизмъ вернулся,—говоритъ она.—И вотъ, госпожа Ингеръ пишетъ письмо, ну, хоть доктору Штурма, что ли: «Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся, незримый ты мнѣ былъ ужь милъ»...

Эта дама не признавала ни условностей ораторской каѳедры, ни какихъ-либо стѣсненій вообще. Хохотъ всей залы покрылъ ея слова. Она выжидаетъ минуту и продолжаетъ тѣмъ же голосомъ:

— Затѣмъ Никитина бросаетъ занятія предсѣдательницы комитета борьбы съ дѣтской преступностью и удираетъ съ ка-

кимъ-нибудь армяниномъ спасать Арменію отъ турокъ или отъ рѣзни, что ли...

Опять смѣхъ, Штурмъ улыбается и качаетъ головой, сзади него я узнаю Левицкаго, у котораго пенснэ свалилось съ носа, и онъ тщетно пытается поймать собственный носъ, прыгающій отъ смѣха.

— А я ухожу въ монастырь, оттого, что Владимиръ Николаевичъ женатъ и не можетъ отвѣчать на мою любовь.

Это, оказывается, секретарь, который краснѣетъ, смѣется и звонитъ изо всѣхъ силъ, стараясь водворить порядокъ и заглушить аплодисменты.

Это были цвѣточки для начала. Гончарова перешла къ вопросу о «естественномъ» назначеніи мужчинъ и нарисовала такую картину жизни на землѣ по законамъ природы, что теперь уже и Штурмъ неудержимо смѣялся, и я еле удержалась на ногахъ, а сзади меня до слезъ хохотала сама Ингеръ.

— Да дайте же мнѣ, наконецъ, говорить,—внезапно разсердилась Гончарова.—Вѣдь я вовсе не шучу. Я не виновата, что само по себѣ это выходитъ смѣшно.

Аудиторія послушно смолкаетъ и дослушиваетъ злую рѣчь, полную сарказмовъ и парадоксовъ. Гончарову здѣсь, повидимому, отлично знаютъ и прощаютъ ей ея непозволительные пріемы. Больше всѣхъ пострадала за неосторожную фразу Гуревичъ, хотя нельзя было не отмѣтить, что высмѣяла Гончарова все-таки не лично ее, а самый романтизмъ въ ея пониманіи.

Послѣ долго не смолкавшихъ криковъ и рукоплесканій, слѣдующій оппонентъ, нервно жестикулируя, ни съ того, ни съ сего, принялся сокрушаться объ отсутствіи логики у женщинъ.

— А вѣдь послѣ-то говорю я,—вдругъ съ ужасомъ констатирую я.

— Съ ума я сошла, что ли?

Нервный ораторъ необыкновенно быстро окончилъ свою рѣчь, оставивъ въ полнѣйшемъ недоумѣніи публику. Когда онъ проходилъ мимо насъ, Гончарова не удержалась.

— Вотъ вамъ и примѣръ того, что логика можетъ быть совершенно лишней,—сказала она ему.—Ну, для чего, напримѣръ, она понадобилась сейчасъ? Просто клиномъ въѣхала.

Онъ что-то фыркнулъ ей въ отвѣтъ и исчезъ.

Громко и отчетливо прозвучала моя фамилія и, не помня себя, я пошла къ столу. Вспомнивъ случайно чей-то совѣтъ глубоко и медленно вздохнуть, я воспользовалась этимъ правиломъ, и средство помогло: я овладѣла собой и спокойно подумала о томъ, какъ лучше начать. Теперь ужъ прямо передъ

собой я видѣла Штурма, пристально смотрѣвшаго мнѣ въ лицо. Но его взглядъ меня не смущалъ.

— Когда мнѣ предлагаютъ что-нибудь дѣлать,—начала я — то первымъ моимъ вопросомъ всегда бываетъ вопросъ о цѣли. Для чего именно? Тутъ говорятъ, что женщина должна быть женственной прежде всего, то есть романтически настроенной, изящной, нѣжной, поглощенной любовью къ возлюбленному или къ ребенку. Я спрашиваю—для чего? И мнѣ отвѣчаютъ, что такія женщины вносятъ въ жизнь много красоты, любви, мира, порядка, и рекомендуютъ провѣрить это на примѣрахъ нашихъ прабабушекъ и героинь Пушкина и Тургенева.

— Я оглядываюсь назадъ и вижу, что жизнь при этихъ женщинахъ была страшна и груба, процвѣтало рабство и на немъ покоился романтизмъ. И нѣжныя кроткія женщины не понимали этого, хотя мужчины, многіе изъ мужчинъ, понимали и иные протестовали и боролись. Романтическія женщины молчали, какъ овцы, предоставивъ борьбу и протесты менѣе романтическимъ. И эти дамы не внесли въ жизнь ничего, кромѣ вялости и безжизненности, кромѣ застоя и скуки, хотя и служили красотѣ. Но я предпочитаю, чтобы красота была для меня, а не я для нея, и я не хочу романтизма. Затѣмъ, вмѣсто добровольной радости материнства, какъ общественной обязанности, мнѣ навязываютъ материнство, какъ частный и единственный притомъ долгъ женщины. И тоже не хочу. Потому что я женщина, открывшая глаза. Я женщина, которая видитъ не четыре стѣны дѣтской, но всю страну, и чувствуетъ себя равно и дочерью, и матерью своего народа. Выходитъ, однако, такъ, точно меня заставляютъ производить дѣтей, отнявъ у меня самое главное и самое важное: право устраивать ихъ жизнь въ будущемъ. Я вижу, что дѣти голодны, грязны, невѣжественны, что они будутъ преступны и несчастны, но я не смѣю ничего для нихъ сдѣлать; ихъ учатъ, имъ даютъ работу, ихъ судятъ и казнятъ другіе, я только машина, выбросившая кусокъ человѣческаго мяса, часть пушечнаго мяса, потому что десятки тысячъ нашихъ сыновей уничтожаютъ братоубійственныя войны, на которыя ни одна мать не согласилась бы послать своего сына, а посылаютъ отцы. Я—раба, а господинъ, строитель, распорядитель, царь—мужчина. Нѣтъ! Теперь я хочу сама попытаться устраивать и оберегать жизнь моихъ дѣтей. Моя совѣсть не позволяетъ мнѣ только смотрѣть и возмущаться. Пусть мнѣ не сразу это удастся, опытъ въ будущемъ научитъ меня.

— И не жажда власти, не честолюбіе и не самовластіе заставляютъ меня добиваться гражданскихъ правъ, а простая человѣческая совѣсть, желаніе защищать моихъ обиженныхъ дѣдей отъ болѣе сильныхъ. И я не вижу и не знаю ничего болѣе

важнаго для женщины. Не понимаю, какъ можно удовлетворяться животной радостью любви къ мужчинѣ и жалкимъ призваніемъ быть матерью, можетъ быть, единственнаго, можетъ быть, неудачнаго ребенка, когда милліоны здоровыхъ гибнутъ вокругъ меня. Я должна бороться, учиться, напрягать всѣ свои силы, во все вмѣшиваться, все знать и умѣть, не уклоняться отъ самой черной и отвѣтственной работы, это долгъ матери расы: вѣдь раса должна быть здоровой и счастливой. Это долгъ женщины-творца, идущей на смѣну женщины-самки: вѣдь мать должна отвѣчать на всѣ вопросы дѣтей и должна служить имъ примѣромъ во всемъ. Не такъ ли?

На этотъ разъ мнѣ нужно было убѣдить только одного человѣка, и этотъ одинъ слушалъ вдумчиво и серьезно, иногда кивая головой. Остальные могли и не апплодировать такъ шумно.

Но я внезапно ослабѣла и, почти шатаясь, вышла.

Меня окружили, жали мнѣ руки, привѣтствовали меня комплиментами. Пожилая дама растроганно поцѣловала меня въ лобъ.

— У-у, да и серьезная же вы особа,—сказала Гончарова—мы чувствуемъ себя такъ, точно пришла наша мама и всѣхъ насъ выдрала.

— Поѣдемъ-ка домой,—сказала Таня.—На тебѣ просто лица нѣтъ.

Она была права. Я устала и не могла больше оставаться въ клубѣ.

XV.

Жизнь стучалась ко мнѣ въ окна и двери. Оставалось только мечтать, чтобы хоть какъ-нибудь окончить курсы.

Еслибы можно было на время бросить урокъ, я не уставала бы такъ. И, пожалуй, послѣдніе мѣсяцы я имѣла право воспользоваться поддержкой друзей или тетки. Но я держалась, сколько могла.

Какъ-то въ январѣ вошли ко мнѣ Таня и Леночка, обѣ очень веселыя.

— Мы къ тебѣ съ сюрпризомъ.

— Ну!

— Я была у твоей патронессы на урокѣ и сказала ей, что ты внезапно уѣзжаешь и отказываешься отъ урока!—сказала Таня.

У меня захватило духъ.

— Что за глупая шутка!

— Нисколько. Мы съ Леной не платили тебѣ за квартиру, а теперь или будемъ платить, или завтра же уѣдемъ.

— Хотите сдѣлать изъ меня квартирную хозяйку?

— Ты удивительно догадлива. Какъ разъ именно объ этомъ мы заботились. Леночка находитъ, что ты просто родилась квартирной хозяйкой.

Онѣ смѣялись, дурачились, тормошили меня, и я должна была уступить, къ общей радости.

Но чувство огромнаго облегченія быстро пришло на смѣну неловкости и досады за самоуправство моихъ друзей

Ахъ, съ какимъ упоеніемъ я теперь зубрила, читала и писала, при чемъ мнѣ казалось, что я невыносимо бездѣльничаю. Трехчасовыя занятія черезъ день отнимали не три, а цѣлыхъ пять часовъ каждый разъ, и послѣ нихъ трудно было заниматься вечеромъ. Теперь было куда легче и мѣшала только суета въ домѣ, отъ которой я скрывалась къ Никитину.

Къ прежнимъ знакомымъ прибавилась Гончарова, не разъ приходившая вмѣстѣ съ Ингеръ, съ Кернъ и Гуревичъ. Всѣ онѣ были дружны, и мы въ концѣ концовъ сошлись съ ними, хотя спорили, бранились и часто очень зло вышучивали другъ друга.

Гончарова, что называется, хватала меня за горло.

— Думайте о планѣ. Непремѣнно думайте. Когда у васъ будетъ свободное время, я разскажу вамъ мои собственные планы и мы ихъ вмѣстѣ обсудимъ.

— Но я еще ничего не знаю.

— Э, что тамъ знать. Намъ приходится начинать сызнова исторію, вотъ и все.

У нея вѣчно были тысячи проектовъ наготовѣ.

— Главное поднять энергію и заставить молодежь, курсистокъ особенно, войти во вкусъ общественной жизни,—торопила она.

— Какъ же это сдѣлать?

— Думайте, думайте. Я сама обломала объ это голову. Всюду говорите, не теряйте времени даромъ. Старайтесь быть интересной, заразительной, занимательной. Мнѣ кажется, намъ начнутъ подражать, если мы выдвинемся.

— Дайте только мнѣ окончить курсы. Не бросать же мнѣ ихъ за четыре мѣсяца до окончанія.

— Соглашаюсь, но потомъ я вопьюсь въ васъ мертвой хваткой.

Съ другой стороны Таня иногда изображала докладъ «о значеніи женщины въ исторіи куроводства» въ лигѣ равноправія.

Мы видѣли пустой залъ, по которому расхаживаетъ докладчица, «профессоръ сельско-хозяйственнаго института» и тщетно ожидаетъ публику. Затѣмъ появляются десять дамъ, которыхъ моментально узнаютъ по походкѣ, по одной гримасѣ, по одному жесту. Само чтеніе доклада, гдѣ «женщина первая увидѣла, что и курица—человѣкъ, и чуткимъ умомъ и серд-

цемъ поняла и т. д.»,—прерывалось смѣхомъ то и дѣло. Поочередно изображались оппонентки, превозносившія женщину за таланты и другія высокія качества и извергавшія цѣлый потокъ обвиненій противъ мужчинъ.

— Давно ли вы набросились на меня за то, что я такъ же изображала эти засѣданія!—кричала Кернъ

— Ну, такъ что же,—не смущаясь отвѣчала Таня —вѣдь я беру только неудачный докладъ, а вы хотѣли доказать, что и всѣ собранія таковы, а теперь я изображу вамъ удачный.

Она передразнивала всѣхъ насъ и показывала «стеченіе» публики.

— Какъ вамъ нравится? Это Маша читаетъ докладъ на тему: «Да когда же вы, чортъ возьми, встряхнетесь?».

Изъ всего этого я дѣлала самые безотрадные выводы.

— Э, будетъ вамъ,—утѣшала меня Гончарова.—Таня преувеличиваетъ. И вначалѣ это всегда такъ, но вѣдь насъ будетъ прибывать съ каждымъ годомъ.

Она никогда не унывала и не сомнѣвалась въ томъ, что, какъ бы поздно весна ни пришла, ледъ все равно растаетъ.

Послѣ масленицы рѣшено было дать мнѣ и Леночкѣ возможность готовиться спокойно къ экзаменамъ, а Танѣ перейти на слѣдующій курсъ. Но иногда насъ все же отрывали отъ занятій. Уже въ мартѣ, когда Никитинъ возился однажды въ столовой съ какими-то чертежами, Таня читала, а мы съ Леной готовились къ экзамену, пришла Лида.

— У Рахили родился недоношенный младенецъ,—сказала она.—Преуродливый лягушенокъ. Оказалось, что у Фиша какая-то тяжелая наслѣдственная болѣзнь. Вы не могли остановить Рахиль, или х[illegible] посовѣтовать ей не имѣть дѣтей отъ этой развалины?

— Мы ничего не знали,—сказала я—но, еслибы и знали,—Рахиль такъ хотѣлось имѣть дѣтей.

— Могла бы выбрать отца получше.

— Но она любитъ Фиша.

— Вы дуры,—сказала Лида—а еще трещите объ оздоровленіи расы. Я вижу, что и вы склонны охранять монополію супруга на ласки, а тамъ хоть кунсткамеру разводи.

— Я ничего не понимаю,—изумленно прошептала Леночка.

— И не поймешь. Но внушите ей, чтобы она хоть впредь поберѣглась, она васъ послушаетъ. До свиданья. Я просто взбѣшена.

И она ушла.

— Куда ни повернись, все натыкаешься на какой-нибудь «вопросъ»,—раздраженно сказала Таня. Ни замужъ выйти нельзя безъ размышленій, ни любить, ни имѣть дѣтей, ни даже

остаться старой дѣвой. Я ужъ не говорю о томъ, чтобы что-нибудь предпринять. Гончарова и Лида все носятся съ какимъ-то проектами, и все нельзя, нельзя, не такъ, не принято, нездорово, невозможно, не разрѣшаютъ... Спутаны мы всѣ, какъ лошади на лугу—щипли траву вокругъ себя и не разсуждай. Но скучно все это.

— Вольно же вамъ умничать,—проворчалъ Никитинъ.

— Умничать?—вспыхнула Таня.—Хороша теперь Рахиль со своимъ лягушонкомъ? Вы думаете, ей весело? Надо бы теперь пойти къ ней, а мы не трогаемся съ мѣста, потому что ничего путнаго сказать ей въ утѣшеніе не можемъ.

— А вы знаете, что подразумѣвала Лида...—загорячился теперь Никитинъ.—Знаете, или нѣтъ?

— Ну?

Да то, что Рахиль должна была по просту, оставаясь женой Фиша, искать другого отца для ребенка. Эту подлость она и раньше проповѣдывала. Хорошо это? Вѣдь и вы къ тому же клоните.

Таня густо покраснѣла.

— Вы называете это подлостью? Пусть такъ. Но, если бываютъ случаи, что здороваго ребенка иначе, какъ подлостью, не получишь, такъ о чемъ тутъ толковать? Никто не сталъ бы сейчасъ исповѣдывать Рахиль, а какая была бы радость, если бы намъ сказали, что тамъ голоситъ великолѣпное новое дитя... И я не знаю, имѣли ли бы вы сейчасъ что-нибудь противъ здоровья и силы, купленныхъ цѣной «подлости» вашей матушки.

Никитинъ вдругъ поблѣднѣлъ.

— О, что касается меня... Да... Впрочемъ, по вашему, я не имѣю уже права на любовь, на бракъ, на дѣтей. Если я женюсь, жена обязана будетъ обманывать меня, во имя вашей новой морали... Я... я... отщепенецъ, я выброшенный за бортъ, потому только, что я безобразенъ...

— Стойте, стойте,—закричала я ему, чуть не согнувшись отъ жалости и состраданія,—не о томъ мы говоримъ...

Но онъ не хотѣлъ слушать.

— Вѣдь я и молчу... Я не пытаюсь говорить о любви или о чемъ другомъ... я молчу... но вы могли бы не подчеркивать этого... Ваша новая теорія не обязываетъ васъ бить лежачаго... Или и это нужно? Даже это?!.

Онъ неожиданно бросился въ прихожую.

— Таня, ты дрянь, ты подлая,—крикнула я Танѣ, спѣша за нимъ.

Но Таня обогнала меня.

— Оставь ихъ, Маша,—остановила меня Леночка,—она извинится...—И она схватила меня за руку. Я вырвалась.

— Она еще больше оскорбитъ его.

— Да нѣтъ же. Несчастье, что онъ влюбленъ въ нее. Ей надо бы... ахъ, ну иди, если хочешь...

Я все-таки побѣжала въ прихожую. Тамъ Таня крѣпко держала Никитина за руки, она была сильнѣе и выше ростомъ, и онъ напрасно пытался освободиться.

— Ника, милый, какъ вы могли думать? Развѣ вы уже не любите меня, что не хотите простить, и развѣ не видите, что я совершенно равнодушна къ тому, хороши вы или нѣтъ. Это ничему не мѣшаетъ.

— Оставьте, оставьте меня,—упорно повторялъ Никитинъ.

— Не оставлю, пока не согласитесь примириться.

Онъ вдругъ ослабѣлъ.

— Хорошо. Да вѣдь я же и не сержусь на васъ. Не только сердиться, но и крикнуть я не посмѣю, если вы ударите меня хоть ножомъ. И вы это знаете. Я приду, только дайте мнѣ уйти сейчасъ на полчаса, я слишкомъ взволнованъ, я даю слово, что вернусь.

— Дайте слово! Смотрите же. А теперь я хочу поцѣловать васъ.

— Вы, меня!

Онъ стоялъ передъ ней, растрепанный, смущенный, маленькій, и смотрѣлъ снизу вверхъ на ея смѣющееся лицо.

Она взяла его голову въ руки и крѣпко поцѣловала его.

— Возвращайтесь скорѣе, я положу передъ собой часы и буду ждать, считайте за мной еще одинъ поцѣлуй.

Мнѣ оставалось уйти. Слѣдомъ за мной вошла въ столовую и Таня.

— Ну, что ты вскипѣла? Видѣла, какъ я выпросила у него прощеніе?

— И все-таки, ты дрянь, а поцѣлуй твой—гадость. Ты видишь влюбленнаго юношу и еще больше разжигаешь его, а отвѣчать вѣдь не можешь ему?

— Какъ знать? Я начинаю цѣнить его.

— Когда же ты успѣла? Впрочемъ, я живу тутъ, какъ въ лѣсу, ничего не знаю.

— И не интересуешься новой работой Никитина.

— Какой?

— Это ужь совсѣмъ нехорошо! Ему поручили постройку санаторія. И еслибы ты знала, что у него за планъ! Просто грандіозный!

— Кто же строитъ?

— Какое-то акціонерное общество, но директоромъ будетъ докторъ Штурмъ, ему поручено все дѣло.

— Ахъ, вотъ какъ?

— Ба! ты даже покраснѣла?

— Ничуть!—Я разсмѣялась и покраснѣла еще больше. Ме-

ня радовало, что Штурмъ оцѣнилъ фантазера Никитина и именно ему поручилъ планъ постройки, и радовала мысль, что оцѣнку сдѣлалъ именно Штурмъ. Хорошо, когда незаурядной внѣшности соотвѣтствуетъ и содержаніе.

Въ передней опять позвонили.

— Ну, сегодня намъ, видно, придется все бросить,—съ неудовольствіемъ сказала Лена.

Всѣ наши гости являлись прямо въ столовую, но на этотъ разъ Матильда доложила, что пришелъ незнакомый человѣкъ.

— Просите его сюда,—сказала я.

Вошелъ бѣлокурый молодой человѣкъ, съ тонкимъ лицомъ, въ пенснэ, съ небольшой подстриженной бородкой.

— Я—Неждановъ,—сказалъ онъ мнѣ.—Вы не узнали меня, Маша?

Такъ вотъ какъ довелось встрѣтиться намъ съ нимъ послѣ долгой, добровольной разлуки! И когда мы всмотрѣлись другъ въ друга, мы обрадовались оба.

— Какъ это хорошо,—сказала я въ сильномъ волненіи,—какъ это хорошо, что ты пріѣхалъ. Таня, это тотъ Миша Неждановъ, о которомъ ты слышала отъ меня въ институтѣ.

Почему-то я перешла на «ты», и онъ сразу это принялъ.

— Очень, очень рада,—сказала Таня.

Съ интересомъ смотрѣла на него и Леночка, ей тоже была извѣстна исторія этой дѣтской любви.

Растерявшись, я не знала даже, съ чего начать разговоръ, такъ много воспоминаній и ощущеній всколыхнулось сразу во мнѣ. Память сердца откликнулась и на пожатіе руки, и на улыбку, и на знакомую манеру проводить рукой по волосамъ.

— Такъ вотъ ты какой?..—повторяла я.—Боже мой, до чего быстро идетъ время!

Леночка рѣшила насъ выручить.

— Таня, замѣни меня сегодня и распорядись насчетъ чая и ужина, а я пойду навѣстить Рахиль, мы и не подумали пойти къ ней.

— Иди, иди, непремѣнно,—затараторила Таня.—Уведи гостя къ себѣ, Маша, а я уберу эти чертежи и накрою столъ.

Мы съ Мишей ушли ко мнѣ и сѣли другъ противъ друга, какъ сидѣли когда-то, читая вмѣстѣ Писарева.

Онъ взялъ обѣ мои руки въ свои.

— У меня такое чувство, точно я пріѣхалъ домой изъ какого-то труднаго путешествія и все нашелъ на мѣстѣ.

— Почему мы такъ мало слышали другъ о другѣ?—спросила я.—Вѣдь ты жилъ въ Петербургѣ, тетя могла бы...

— Я скажу тебѣ правду. У меня была бурная исторія, которая шокировала и дядю Сашу, и тетю. Я любилъ одну женщину, она ушла ко мнѣ отъ мужа и недавно опять къ нему

уѣхала. Вотъ и все. Тебѣ, очевидно, не находили нужнымъ объ этомъ сообщать, да ты, навѣрно, и не очень-то интересовалась. Вотъ о тебѣ я знаю много.

— Отъ кого?

— Дядя въ восторгѣ отъ тебя. Нашелъ тебя скромной, изящной, умной, чѣмъ угодно. Я только удивился, что онъ считаетъ тебя непохожей на современныхъ «передовыхъ» дѣвицъ.

— Онъ былъ введенъ въ заблужденіе, Миша, и это помимо моей воли. Я просто не спорила съ нимъ, это не привело бы ни къ чему.

— Разскажи же мнѣ о себѣ. Можно ли теперь цѣловать твои руки? Ты когда-то упорно ихъ отнимала.

Мы говорили разомъ обо всемъ. И въ то же время скрытая жажда любви, которую я обычно скоро побѣждала, вдругъ вспыхнула во мнѣ сразу. Это была, повидимому, индивидуальная особенность моей любви—появляться внезапно, безъ предисловій и такъ же внезапно исчезать, безъ всякой рѣшительно причины.

Мнѣ нравилось, что онъ цѣлуетъ мои руки, хотѣлось поцѣловать и его самого, но я больше не довѣряла себѣ

— Долго ли ты пробудешь здѣсь?—спросила я.

Онъ оставался въ Москвѣ на недѣлю, такъ требовали его дѣла. Съ естественнаго факультета онъ перешелъ на юридическій и теперь уже два года, какъ занимался практикой. У него были хорошія знакомства ивъ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и его карьера была ясна и опредѣленна,—благо онъ былъ довольно талантливъ.

Въ этотъ вечеръ онъ долженъ былъ скоро уйти, было какое-то дѣло. Но онъ обѣщалъ прійти завтра съ утра.

Въ столовой Таня весело болтала съ Никитинымъ, совершенно счастливымъ и спокойнымъ.

Лена вернулась отъ Рахили, разбитая и мрачная.

— Ребенокъ ужасенъ,—сказала она—хотя, можетъ быть, онъ и выходится. Но, какъ вамъ нравится, Рахиль находитъ его прехорошенькимъ и только боится за его здоровье.

— Маша ужъ успѣла опять влюбиться въ свою первую любовь,—сказала Таня, обнимая меня.—И попадется же теперь, бѣдняга, въ кашу, не надолго намъ такихъ хватаетъ, вотъ еслибы такой, какъ Штурмъ.

— Да что ты все намекаешь на Штурма,—разсердилась я.—Я и не знаю-то его совсѣмъ, только разъ видѣла.

— Подозрителенъ ужъ очень. На-дняхъ начнутся стройки, мы будемъ иногда ходить смотрѣть и встрѣтимся съ нимъ. Мнѣ то онъ не нравится, но ты влетишь...

— Сама же говоришь, что я влюбилась въ Мишу.

— И все-таки влетишь. Миша и другъ дѣтства, и товарищъ,

и что хочешь, новъ Штурмѣ есть что-то отъ героя, а тебя вѣдь хлѣбомъ не корми, а подай Бранда или Лассаля.

— Откуда ты взяла? До сихъ поръ, пока что, мнѣ нравились самые заурядные люди.

— За неимѣніемъ лучшихъ. Да, по совѣсти говоря, эти заурядные люди и получали всѣ носы.

— Ну, нечего заниматься предсказаніями,—перебила Лена.—И такъ пропалъ день! Маша, дай слово, что до конца экзаменовъ ты не посмѣешь влюбиться?

— Идетъ!

— Кстати, сегодня я узнала, что женщинамъ можно поступать въ сельскохозяйственный институтъ. Я чуть не заплакала, что не сдѣлала этого. На будущій годъ начну снова...

— Боже мой! вотъ такъ исторія!—ахнула я.—Все опять сначала?

— Ну, да!—упрямо подтвердила Леночка.—Четыре года не вѣчность, а мнѣ это нужно. У насъ это пригодится вотъ какъ.

Я подивилась ей, ея рѣшимости и энергіи, и съ нѣжностью погладила ея гладкую шелковистую головку.

XVI.

Цѣлую недѣлю пришлось посвятить Мишѣ и заниматься только урывками. Теперь я обратила вниманіе на отношеніе Никитина къ Танѣ. Оно, видимо, мѣшало всему: его настроенію, его работѣ, самой Танѣ.

Но тѣмъ не менѣе было ясно, что Танѣ все это иногда нравилось, и поклоненіе Никитина, и его ревность, которой онъ не могъ скрыть.

Таня держалась, по моему, очень странно. Она какъ-то поддразнивала и безъ того запутавшагося человѣка, явно кокетничала, явно увлекала его. Она нарочно причесывалась и одѣвалась такъ, какъ ему нравилось.

Ничего добраго все это не предвѣщало, и я рѣшила поговорить съ ней.

— Дѣло идетъ не о тебѣ, Таня, а о нашемъ общемъ другѣ, о его спокойствіи и, можетъ быть, о цѣлой жизни. Скажи мнѣ, чего ты добиваешься, чтобы я хоть поняла тебя.

— Подумаешь, какія строгости! Да добиваюсь все того же, чего и ты, когда ты кокетничала съ Левой и Алексѣемъ Ивановичемъ. Почему же, когда то же самое дѣлаю я, ты возмущаешься?

— Лева и Алексѣй Ивановичъ красивы и здоровы. Я—эпизодъ въ ихъ жизни, и оба они, вѣрно, забыли меня. Но здѣсь, ты же видишь, что все обстоитъ иначе. И, наконецъ, я любила

сама Леву, и мнѣ нравился Алексѣй Ивановичъ. Тамъ было состязаніе, а здѣсь чуть не игра въ кошку и мышку.

— Не понимаю, почему ты все думаешь, что мнѣ не нравится Никитинъ! Не потому ли, что ты выбираешь только непремѣнно здоровыхъ и красивыхъ людей?

— Не говори глупостей, Таня.

— Чѣмъ же это глупости? Сколько бы ты ни философствовала, ты упорно сначала плѣняешься внѣшностью, а потомъ уже начинаешь разбираться, стоитъ или не стоитъ человѣкъ твоей любви.

Она была права на этотъ разъ и я понизила тонъ

— Я не была такъ жестока.

— Вспомни исторію съ Левой и молчи, тутъ не отъ насъ часто зависитъ наше собственное поведеніе

— Да что мы, куклы, что ли?

— Въ родѣ того, когда дѣло идетъ о любви.

Когда она не хотѣла о чемъ-нибудь говорить, то вы могли допрашивать ее цѣлыя сутки и ничего не узнать, хотя бы она отвѣчала на всѣ ваши вопросы. Чего-то очень важнаго не было въ ея отвѣтахъ и продолжать этотъ разговоръ было безцѣльно.

— А вотъ вчера вечеромъ я, дѣйствительно, вела себя безобразно,—вдругъ сказала Таня, сдѣлавшись на минуту серьезной.—Этого не слѣдовало дѣлать, и сейчасъ у меня скверно на душѣ.

— Что еще ты сдѣлала?

— Да просто срывала на немъ дурное настроеніе. Я вижу, что и ты, и Лена цѣлый день суетитесь и торопитесь, вы увѣрены, что все это нужно и вамъ, и другимъ, а меня вы забыли... вотъ и я вымещаю на немъ.

Она опять сдѣлала тупое, не желающее понимать, лицо.

— Ну, въ безсмыленную игру словами ты меня больше не втянешь,—сказала я,—пойдемъ, сыграемъ лучше въ четыре руки. Ну-ка, посмотри мнѣ въ глаза.

Я увидѣла глаза пустые, лишенные всякаго выраженія и потеряла послѣднюю надежду

— Давай играть!

Мнѣ хотѣлось играть Листа и потому я сказала:

— Только не Листа сегодня. Онъ надоѣлъ.

— А я какъ разъ именно его только и могу играть сегодня,—упрямо отвѣтила Таня.

Я пожала плечами и сдѣлала видъ, что недовольна. Когда мы кончили пьесу, я сказала:

— А вѣдь я поставила на своемъ, я хотѣла сыграть эту пьесу, но я знаю тебя.

Она широко раскрыла глаза и расхохоталась

— Ты поступаешь со мной, какъ съ ребенкомъ!

Въ этотъ моментъ вошелъ Никитинъ.

— Здравствуйте! Это съ вами-то поступаютъ, какъ съ ребенкомъ? удивляюсь, кому это удается. Но какъ вы опредѣлите свои поступки по отношенію ко мнѣ?

— Что такое?—нахмурилась Таня.

— Что она опять сдѣлала?—спросила я.

— О, ровно ничего, въ чемъ бы ей пришлось оправдываться. Но дѣло въ томъ, что мнѣ все-таки лучше разстаться съ вами навсегда.

Онъ былъ блѣденъ и больше, чѣмъ всегда, некрасивъ, небрежно одѣтъ и причесанъ. Его губы казались черными, глаза воспаленно блестѣли.

— Опасно часто встрѣчаться съ красавицей, надѣленной сердцемъ... но я лучше воздержусь... я лучше ограничусь простымъ заявленіемъ... хотя для васъ это и безразлично...

И такъ нелѣпъ и невыносимъ былъ его видъ, его растрепанная голова и несвязная рѣчь, что я схватила его руку и перебила его.

— Вы больны! Милый мой, славный мой другъ, успокойтесь. Вы нездоровы и нервны, и вамъ только кажется, что Таня зла. Мы обѣ васъ любимъ, мы только что говорили объ этомъ...

— О, добрыя души,—завопилъ онъ, вырывая руку.—О, добрыя и сострадательныя души! Какъ жаль, что я все-таки долженъ разъяснить вамъ, что мнѣ оскорбительна и ваша дружба, и ваша любовь. Воображаю, какъ вы тутъ распоряжались моей судьбой и распредѣляли роли. Вѣдь вы актрисы въ жизни. Вы говорите: современная женщина должна дѣлать то-то и то-то, и вотъ играете въ современную женщину, за неимѣніемъ настоящихъ чувствъ и мыслей...

— Господи! Да при чемъ тутъ все это? И кто играетъ?—въ отчаяніи взмолилась я.

— Вы, вы обѣ, всѣ три... куда тамъ, васъ развелось уже много, разсудительныхъ манекеновъ. Да любите же вы или ненавидьте безъ разсужденій! Чего вы хотите отъ меня-то, отъ вашей игрушки? Вы знаете, что я уменъ и талантливъ, хотя и безобразенъ, а современная женщина должна же цѣнить внутреннія качества и иногда наградить ихъ поцѣлуемъ, даже поцѣлуемъ! Ну, не проклятое ли это кощунство! Не подлость ли это въ квадратѣ!

Теперь разсердилась уже я.

— Ахъ, если такъ, такъ и не нужно мнѣ васъ, уходите! Теперь я хоть знаю ваше настоящее отношеніе къ намъ. Мы актрисы, мы думающіе манекены! Вы попрекаете насъ нашими ошибками, точно сами безупречны! Ну, и идите къ простымъ и добрымъ дѣвицамъ, ихъ найдется немало на вашу долю. Но помните, что вы все-таки зря оскорбили меня, и я не хочу боль-

ше считаться ни съ вашимъ самолюбіемъ, ни съ чѣмъ другимъ. Уходите!

Таня, блѣдная до синевы, упорно молчала, сжавъ губы. Никитинъ обратился къ ней:

— Ну, а вы что же не помогаете вашей подругѣ выбросить меня изъ дома? Или вы еще недостаточно измучили меня и недостаточно мной наигрались? Смотрите на меня. Развѣ я все еще похожъ на человѣка и изъ меня можно что-нибудь выжать? О, нѣтъ, увѣряю васъ, что больше нечего. Я сегодня утромъ отказался отъ работы у Штурма, у меня нѣтъ ни силъ ни воображенія, ни желанія...

Таня вздрогнула.

— Вы отказались?

— Конечно! Развѣ вы не видѣли, что меня не хватаетъ?

Вся злоба схлынула съ меня, и мнѣ захотѣлось ударить себя, какъ можно больнѣе, у него на глазахъ.

Онъ дрожалъ, силился сдержать себя, невѣрными руками схватилъ графинъ и лилъ воду мимо стакана. Таня молча подошла и налила ему воды. Онъ выпилъ, но лицо его все больше и страшнѣе искажалось.

— Бромъ, гдѣ мой бромъ?—заговорилъ онъ, ища что-то въ карманѣ.

Таня вдругъ расплакалась.

— Ника, любимый мой, неужели ты не можешь простить меня? Прости, милый! Ей Богу же, я не разсуждаю и не хочу тебя мучить. Ну, хочешь ты, я обвѣнчаюсь съ тобой? Я люблю тебя, повѣрь мнѣ хоть сейчасъ.

Она обняла его, и я должна была уйти. Въ прихожей я встрѣтила Мишу.

— Уфъ, наконецъ-то! Уйдемъ отсюда скорѣе. Сейчасъ разскажу тебѣ, въ чемъ дѣло, я только одѣнусь.

Но меня задержала еще Лена разспросами, и я была готова только черезъ полчаса. Передъ уходомъ я постучалась къ Танѣ, но войти не хотѣла и только заглянула въ дверь. Таня сидѣла въ качалкѣ, Никитинъ около нея на стулѣ.

— Ника, а со мной вы помирились?—спросила я.

Онъ вскочилъ и подошелъ ко мнѣ.

— Ну, ударьте меня своимъ зонтикомъ.

Я запустила пальцы въ его кудри и растрепала ихъ.

— Ну, вотъ! А Таня меня только что привела въ порядокъ!

— Ничего, вамъ къ лицу растрепанный хохолъ!

Мы пошли съ Мишей въ кафе и я немедленно разсказала ему всю исторію Никитина и Тани.

— Я заранѣе предскажу, что будетъ,—сказалъ Миша.—Онъ будетъ съ перваго же дня ревновать и мучиться, очень

скоро надоѣстъ и вопросъ сведется къ тому, кто именно падетъ жертвой этой общей глупости, если только не падутъ оба

— Не уговорить ли ихъ разойтись, пока не поздно?

— Это ни къ чему не поведетъ. Да и тебѣ не для чего вмѣшиваться въ чужія дѣла. Вѣдь навѣрное мы ничего не знаемъ. Бракъ такая загадка...

Мы перешли къ своимъ личнымъ дѣламъ.

Миша нравился мнѣ снова, но я хотѣла быть осторожной и сначала провѣрить себя. Онъ былъ настойчивѣе и несдержаннѣе. Онъ отсрочилъ еще на три дня свой отъѣздъ, каждую свободную минуту спѣшилъ ко мнѣ, скоро сталъ говорить о любви и даже о бракѣ.

— Я, собственно, никогда и не забывалъ тебя,—увѣрялъ онъ.—Ты такъ близка мнѣ и мы вѣдь такъ давно знаемъ другъ друга. Еслибы мы стали мужемъ и женой, мы бы навѣрное сумѣли быть счастливыми!

Я протестовала.

— Все это только кажется тебѣ и мы, во всякомъ случаѣ, должны хоть годъ подождать говорить объ этомъ серьезно. Тамъ видно будетъ. А то я до того ненадежный въ любви человѣкъ, что и сама себѣ не вѣрю.

— Но сейчасъ-то, какъ ты относишься ко мнѣ?

— Сейчасъ мнѣ хорошо съ тобой, и весело, и легко. Только я не знаю, продержится ли это долго, вѣдь такъ недавно была исторія съ Левой.

— Покажи мнѣ этого неудачнаго жениха.

Я устроила такъ, что они встрѣтились у меня, и была увѣрена, что Миша найдетъ его «пошловатымъ», или «самодовольнымъ», какъ всегда находятъ мужчины красивыхъ соперниковъ. Мои ожиданія не оправдались; Миша былъ серьезенъ и непріятно пораженъ.

— Ну, знаешь, ужъ я начинаю бояться за себя. необыкновенно красивъ, вовсе не глупъ, а главное, несомнѣнно порядочный и милый человѣкъ. Чего же тебѣ еще было нужно?

— Вотъ видишь? Все это я нахожу сама, а смотрю на него, какъ на картину.

— Однако!

Онъ хмурился и былъ искренно огорченъ, а передъ самымъ отъѣздомъ сталъ умолять меня не забывать его, думать о немъ почаще и больше. Онъ, видимо, растерялся, и это было трогательно въ немъ.

Распускать себя я все-таки не хотѣла. Лѣтомъ я собиралась пріѣхать къ дядѣ, Миша теперь тоже будетъ бывать тамъ, и мы еще успѣемъ узнать какъ слѣдуетъ другъ друга

Мы съ Таней отправились провожать Мишу на вокзалъ. Тамъ онъ выбралъ моментъ, чтобы шепнуть мнѣ:

— Зачѣмъ ты взяла Таню, мнѣ такъ и не придется поболтать съ тобой на прощанье.

– Но мы переговорили обо всемъ —сказалъ я.

Онъ поморщился.

— Ахъ, вотъ какъ!

И потомъ прибавилъ:

— Не любишь ты меня, Маша, но я разсчитываю на лѣто.

Поѣздъ отошелъ и мы съ Таней пошли къ выходу.

— Помнишь, мы были здѣсь, когда провожали Алексѣя Ивановича,—сказала я.—Какъ ты плакала тогда! Но теперь, собственно, я должна была бы плакать.

— Да, а плакать хочется опять мнѣ же.—неожиданно сказала Таня.

Я съ изумленіемъ остановилась.

— Ты шутишь? О чемъ это?

Она взяла меня подъ руку.

— Пройдемся-ка немного вдвоемъ, мы такъ давно не говорили.

Я вдругъ почувствовала ее близко, точно мы и правда встрѣтились послѣ долгой разлуки. Она прижалась ко мнѣ.

— Ухъ, какъ славно побыть съ тобой! Свернемъ сюда, тутъ пусто. Надоѣли мнѣ всѣ, вплоть до собственнаго жениха, очень ужь мы безалаберно живемъ.

— Что это, Таня, ты говоришь такъ, точно не любишь Нику!

— Нѣтъ, представь себѣ, самымъ настоящимъ образомъ люблю, скучаю безъ него, готова жизнь, кажется, отдать за его счастье, но то, что его жизнь теперь въ моихъ рукахъ, цѣликомъ, что я не смѣю отказаться, если вздумаю... если... ты понимаешь? Я обязана любить, если не хочу быть убійцей, а я такъ боюсь всякой отвѣтственности...

— Я тоже думала объ этомъ и нахожу, что это надо серьезно обдумать еще разъ. Но и ты, и Ника сердитесь, говорите, что я умничаю, слишкомъ много разсуждаю. А я просто не хочу зря разматывать жизнь, вѣдь ее беречь надо.

— Конечно, права ты, но я такъ лѣнива. Мнѣ хочется чтобы кто-нибудь все дѣлалъ за меня, даже любилъ и выходилъ замужъ.

— Можетъ быть, не поздно еще?..

— Поздно, Маша... хотя... можетъ быть, такъ и лучше, я вѣдь пустоцвѣтъ. Надо радоваться, что могу хоть одного человѣка сдѣлать счастливымъ. Онъ имѣетъ на это право; боюсь только, что и это мнѣ не удастся.

— Какъ жаль, Таня, что я не вижу тебя всю. цѣликомъ, до самаго дна.

Она остановилась противъ меня.

— Хочешь, дамъ тебѣ ключъ?

— Дай.

— Такъ вотъ. Я сознаюсь тебѣ. Во мнѣ просыпается иногда злой и дикій звѣрь, вѣроятно, то, что называютъ темпераментомъ. Но я пассивна, а мои поклонники робки. Я мечтаю о томъ, чтобы на меня напалъ красивый и сильный дикарь, а тутъ... Ника... И дикаря я бы навѣрное убила, возненавидѣла бы, какъ только звѣрь пресытился бы. Мнѣ нуженъ человѣкъ для бѣлаго ангела, котораго я ношу въ душѣ, и звѣрь для звѣря....

У нея потемнѣли глаза, а мнѣ показалось, что кто-то вывернулъ на изнанку и мою собственную душу. Минуту назадъ со мной шла чужая женщина, сейчасъ мы слились въ одно.

— Я—кентавръ, я еще не человѣкъ, но я уже не звѣрь, и земля и небо рвутъ меня пополамъ. Понимаешь ли хоть ты? Вѣдь ты для меня единственный свой человѣкъ на землѣ.

— Понимаю, Таня, потому что страдаю тѣмъ же и все время душу своего звѣря въ пользу человѣка.

— Неужели и ты? Ты мечтаешь о дикарѣ?

— Э, что тамъ дикарь! Видишь сама, я иногда пыталась уступать, но плохо это удавалось.

— Потому-то, вѣрно, мы и не можемъ любить.

— Таня, неужели мы не найдемъ для себя Адама, тоже кентавра!

— Не знаю. Смотри, какъ они скучны и противны, когда они—звѣри, и какъ они жалки, если они люди. Лева, Мика, Ника... Ну, что все это?

— Намъ просто не везетъ.

— Подумай, Маша, какъ это странно! Я собираюсь выходить замужъ, ты только что разсталась съ человѣкомъ, который тебѣ очень не по сердцу, а теперь мы обѣ идемъ и мечтаемъ о звѣрѣ и человѣкѣ, о комъ-то, кто, если придетъ, то мы не задумаемся... мы уже измѣняемъ... подумай.

Волненіе все больше и больше охватывало насъ обѣихъ. Таня шептала.

— Знаешь, Маша. У Лиды настоящій романъ съ Левицкимъ, они—мужъ и жена, а она уже два раза любила.

— Два раза?

— Да. И одинъ ея другъ отказался отъ нея потому, что чувствовалъ себя, по ея словамъ, какъ лошадь, которую вѣчно держатъ въ упряжи, ужь очень она много суетится, читаетъ, разсуждаетъ, это показалось утомительнымъ.

— А другой?

— Другой нашелъ ее въ концѣ концовъ безнравственной, не помню почему. Кажется, она разсказала ему исторію съ первымъ, и затѣмъ не хотѣла вѣнчаться.

— Гдѣ она открыла такого мѣщанина?

— Ахъ, они не мѣщане только за порогомъ своего дома, а тамъ внутри... всѣ мечтаютъ о добродѣтельной кухаркѣ.

— Какъ мы о звѣрѣ...

— Ну, нѣтъ, это будетъ похуже.

— Какъ мнѣ хотѣлось бы сейчасъ, чтобы хоть Миша вернулся. Таня.

— Ого, мы откровенничаемъ во всю. Но твой Миша ни рыба, ни мясо. Лида говорила какъ-то, что любить и выходить замужъ надо только тогда, когда чувство сильнѣе тебя и нѣтъ никакихъ силъ бороться. А я вотъ не дѣлаю этого. Борись хоть ты. Съ Мишей все равно ничего не выйдетъ. Ба, смотри-ка, кто идетъ.

Навстрѣчу намъ медленно шелъ докторъ Штурмъ, о чемъто глубоко задумавшись. Его шляпа была сдвинута на затылокъ, руки онъ держалъ въ карманахъ распахнувшагося пальто.

Днемъ онъ казался инымъ, пожилымъ и болѣе темнымъ. Рѣзкія черты были точно еще рѣзче, выступала впередъ нижняя челюсть, глубоко провалились глаза, губы сжаты, брови нахмурены.

Его взглядъ разсѣянно скользнулъ по моему лицу и внезапно слегка оживился, точно Штурмъ старался вспомнить что-то. Не совсѣмъ увѣренно, онъ снялъ шляпу.

Я покраснѣла, растерялась и тоже поклонилась ему, спѣша скорѣе пройти.

— Вы знакомы развѣ?—удивилась Таня.

— Нѣтъ, онъ просто разсѣянъ...

Потомъ мы обѣ разомъ обернулись—докторъ Штурмъ стоялъ на мѣстѣ, высокій, слегка согнувшійся, со шляпой въ рукѣ, и смотрѣлъ намъ вслѣдъ.

Е. В. Бровцына.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Великая научная революція.

(Принципъ относительности).

(Продолженіе).

VIII. Отказъ отъ мірового эфира.

Еще лѣтъ десять тому назадъ почти всѣ физики говорили о существованіи эфира, какъ и о существованіи матеріи, и считали ихъ принадлежащими къ тѣмъ наиболѣе достовѣрнымъ реальностямъ, о которыхъ можно говорить научно. Въ знаменитыхъ словахъ великаго англійскаго физика лорда Кельвина, сказанныхъ въ 1904 г., эта вѣра въ существованіе міровой среды получила наиболѣе сильное выраженіе. Онъ говорилъ: „Прежде всего мы не должны обращать вниманія на сдѣланное нѣкоторыми учеными предложеніе разсматривать свѣтовой эфиръ, какъ идеальную картину, созданную нами для объясненія оптическихъ явленій. Я думаю, что между нами и самой отдаленной звѣздой должна существовать реальная матерія, и я полагаю, что свѣтъ дѣйствительно представляетъ форму движенія этой матеріи... Если это тѣло вамъ кажется загадкой, то я вамъ скажу, что шотландскій сапожный варъ также загадка, такая же, какъ и вся матерія, а эфиръ вовсе не представляется чѣмъ-нибудь еще болѣе загадочнымъ... Мы знаемъ о немъ больше, чѣмъ о воздухѣ, водѣ, стеклѣ или какомъ-нибудь иномъ тѣлѣ“.

Мы уже сказали, что идея о міровомъ эфирѣ въ послѣднія десятилѣтія неразрывно была связана съ представленіемъ объ абсолютномъ покоѣ. По собственному выраженію Лоренца, онъ сохранилъ эфиръ въ своей теоріи исключительно для того, чтобы было къ чему относить движеніе матеріальныхъ тѣлъ, т. е. онъ принималъ существованіе эфира въ качествѣ основного тѣла, относительно котораго всѣ соотношенія въ пространствѣ обладали бы абсолютнымъ и неизмѣннымъ характеромъ. Но въ мірѣ, гдѣ существуетъ принципъ относительности, не можетъ быть никакого мѣста для эфира.

Въ самомъ дѣлѣ! Изъ принципа относительности, какъ уже сказано, вытекаетъ, что ни абсолютнаго движенія, ни абсолютнаго покоя не только фактически не существуетъ, но и самыя понятія о нихъ должны быть признаны лишенными всякаго смысла. Вѣдь если бы они существовали, то состояніе движенія чѣмъ-нибудь бы отличалось отъ состоянія покоя, притомъ именно по отношенію къ свѣтовымъ явленіямъ. Но этого нѣтъ! Всѣ равномѣрныя и прямолинейныя движенія равноцѣнны и всѣ безъ исключенія явленія происходятъ во всѣхъ движущихся системахъ совершенно одинаково. Но если это такъ, если съ равнымъ правомъ можно считать эфиръ и неподвижнымъ, и имѣющимъ какое угодно равномѣрное и прямолинейное движеніе, то фактъ неизмѣнности измѣреній скорости свѣта въ пустотѣ несовмѣстимъ съ существованіемъ эфира. Поэтому, основываясь на принципѣ относительности, мы неминуемо должны заключить, что эфира не существуетъ— его нѣтъ. Эйнштейнъ прямо и заявляетъ: „Мірового эфира въ современной физикѣ болѣе не существуетъ, и всѣ представленія, связанныя съ его существованіемъ, нужно разсматривать, какъ устраненныя".

Нашъ выдающійся физикъ проф. Хвольсонъ, который еще въ 1908 г, (повидимому, не оцѣнивъ еще вполнѣ значеніе ученія Эйнштейна) считалъ, что „вѣроятность гипотезы о существованіи эфира въ высшей степени близка къ достовѣрности", уже черезъ два года послѣ этого пишетъ: „Въ нынѣшней наукѣ о природѣ эфиръ не играетъ никакой роли. Мы, конечно, можемъ продолжать называть эфиромъ ту среду, въ которой происходятъ электромагнитныя явленія. Но это будетъ уже пустой звукъ и мы ничего не потеряемъ, если замѣнимъ слово „эфиръ" словомъ „пространство". Объ эфирѣ мы въ настоящее время ничего не знаемъ".

Замѣняя эфиръ пустотой, мы не приписываемъ пустотѣ никакихъ положительныхъ свойствъ, такъ какъ это, конечно, было бы нелѣпо. Но какъ же въ такомъ случаѣ распространяется энергія?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ новое ученіе объ энергіи. Послѣднее допускаетъ, что электромагнитные процессы не нуждаются ни въ какомъ носителѣ, ни въ какомъ передатчикѣ, что электро магнитная энергія, однимъ изъ видовъ которой является лучистая энергія, свѣтъ и теплота—имѣетъ вполнѣ самостоятельное существованіе, независимо отъ какого-либо матеріальнаго субстрата. Слѣдовательно, она можетъ испускаться и поглощаться тѣлами и можетъ распространяться въ пространствѣ, которое абсолютно пусто въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова. Къ этому ученію прибавилось еще одно ученіе (такъ называемая „теорія квантъ", развитая знаменитымъ нѣмецкимъ физикомъ Максомъ Планкомъ), согласно которому лучистая энергія не представляетъ непрерывнаго сплошного потока, какъ всѣ до сихъ поръ

думали, но испускается прерывисто частями, отдѣльными опредѣленными порціями, атомами энергіи, которые получили названіе „квантъ". Это новое ученіе представляетъ какъ бы возвращеніе къ старой „теоріи истеченія", данной Ньютономъ, хотя и въ существенно измѣненной формѣ. Послѣ мы увидимъ, что ученіе Эйнштейна приводитъ къ необходимости приписать энергіи еще другое, еще болѣе поразительное, свойство.

Слѣдуетъ замѣтить, что цѣлый рядъ ученыхъ въ послѣднее время сталъ сомнѣваться въ существованіи эфира и независимо отъ принципа относительности. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ не удалось выяснить вопроса о механизмѣ передачи электромагнитной энергіи, т. е. видимыхъ и невидимыхъ лучей, черезъ эфиръ. Мы имѣемъ передъ собою фактъ, что тѣла испускаютъ потоки этой энергіи, и притомъ можетъ быть не непрерывно, но квантами, отдѣльными порціями. Такъ какъ введеніе гипотезы объ эфирѣ здѣсь ничего не разъясняетъ и къ самой картинѣ происходящаго ничего полезнаго не прибавляетъ, то получается такое впечатлѣніе, что эфиръ сейчасъ наукѣ не нуженъ, что онъ безполезенъ и, слѣдовательно, можетъ быть исключенъ изъ картины міра. Насколько эфиръ раздражилъ многихъ физиковъ, видно изъ того, что Кэмпбелль и Корбино желаютъ, чтобы „онъ поскорѣе былъ выброшенъ въ ту мусорную яму, гдѣ нынѣ уже гніютъ „флогистонъ" и „тепловая жидкость". Само собою разумѣется, что этотъ фактъ усиливаетъ позицію релятивистовъ, приверженцевъ принципа относительности.

IX. Новое ученіе о времени.

Теперь мы переходимъ къ самой поразительной, къ самой смѣлой части ученія Эйнштейна,—его взгляду на время и пространство. Этотъ именно взглядъ и переворачиваетъ вверхъ дномъ тѣ элементарнѣйшія представленія, къ которымъ мы привыкли съ малолѣтства, которыми мы неразрывно пользуемся и которыя, какъ справедливо замѣчаетъ Хвольсонъ, мы никогда не считали нужнымъ формулировать, убѣжденные въ томъ, что они какъ бы самоочевидны. Начнемъ съ ученія о времени.

Какъ мы представляемъ себѣ время? Какъ наиболѣе общую форму нашихъ воспріятій, именно, какъ способность воспринимать чередованіе явленій. Все происходящее и существующее располагается въ непрерывномъ и однородномъ теченіи времени, не имѣющемъ ни начала, ни конца. Оно едино, всеобъемлюще и течетъ вездѣ и всюду съ одинаковой быстротой. Правда, бываетъ иногда, что мы, въ зависимости отъ настроенія, отъ душевнаго состоянія, жалуемся на время, что оно ползетъ слишкомъ медленно или летитъ слишкомъ быстро, но мы, конечно, понимаемъ, что

здѣсь измѣняется не темпъ времени, что здѣсь виноваты мы сами, наша психика. Словомъ, одно и то же время течетъ во всемъ мірѣ, т. е. нѣтъ и быть не можетъ двухъ временъ, которыя въ различныхъ мѣстахъ вселенной текли бы не одинаково быстро: темпъ времени всегда остается неизмѣннымъ.

Это обычное представленіе о времени вполнѣ основывается на двухъ первоначальныхъ понятіяхъ объ „одновременности" событій и объ ихъ „послѣдовательности"—о „раньше" и „позже". Пользуясь этими двумя элементарнѣйшими понятіями, доступными даже малому ребенку, мы и распредѣляемъ во времени происходящія вокругъ насъ событія, причемъ созданный нами такимъ образомъ порядокъ событій остается неизмѣннымъ, обладаетъ вездѣ и всюду однимъ и тѣмъ же значеніемъ. Слѣдовательно, если, напримѣръ, мнѣ кажется, что два событія произошли одновременно, то я твердо убѣжденъ, что они фактически одновременны и для любого наблюдателя, въ какой бы части міра онъ ни былъ. Въ понятіи времени, какъ видно, кроется для насъ нѣчто абсолютное, нѣчто вполнѣ безотносительное. Другими словами, вопросъ, одновременны ли или нѣтъ два событія, происходящія въ двухъ различныхъ мѣстахъ, имѣетъ опредѣленный физическій смыслъ безотносительно къ наблюдателю, производящему измѣреніе времени. Отсюда самоочевидный выводъ: между количествами, относящимися къ пространству, съ одной стороны, и ко времени—съ другой, нѣтъ никакой взаимной зависимости. Пространство и время это—двѣ совершенно различныя сущности, которыя можно разсматривать отдѣльно и независимо другъ отъ друга.

Такъ думали всѣ втеченіе тысячелѣтій.

Но вотъ теорія относительности заявляетъ, что всѣ эти взгляды совершенно ложны и что, стало быть, мы должны отъ нихъ совершенно отречься. Дѣло въ томъ, что, благодаря признанію относительности всѣхъ движеній (первый постулатъ теоріи относительности), простое, привычное представленіе объ одновременности пришло въ конфликтъ съ закономъ постоянства скорости свѣта (второй постулатъ теоріи относительности), такъ что, если считать принципъ относительности экспериментально доказаннымъ, то приходится пожертвовать либо принципомъ постоянства скорости свѣта, либо же взаимной независимостью между пространствомъ и временемъ.

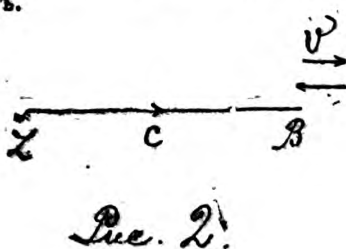

Рис. 2.

Достаточно взглянуть на рис. 2, чтобы въ этомъ убѣдиться: L—сточникъ свѣта, B—наблюдатель. а c—то разстояніе, которое ихъ отдѣляетъ. Для простоты разсужденія допустимъ, что источникъ свѣта и наблюдатель неподвижны по отношенію другъ къ другу, и при такихъ условіяхъ свѣту необходимо ровно секунду, чтобы пробѣжать путь c. Предположимъ теперь, что источникъ свѣта движется со скоростью v къ наблюдателю или, что все равно, согласно принципу относительности, наблюдатель движется со скоростью v къ источнику свѣта. Тогда, согласно этому принципу, наблюдателю кажется, что скорость свѣта c увеличивается на величину v. И, наоборотъ, ему кажется, что скорость свѣта c уменьшается на величину v, когда источникъ свѣта удаляется. А вѣдь, согласно принципу постоянства скорости свѣта, онъ долженъ, какъ мы знаемъ, всегда для каждаго наблюдателя имѣть постоянное значеніе c. Слѣдовательно, намъ остается либо пожертвовать этимъ принципомъ, либо же признать, что опредѣленіе времени зависитъ отъ движенія наблюдателя.

Вотъ еще примѣръ для поясненія этого заключенія. Представимъ себѣ, что изъ нѣкоторой центральной станціи, напримѣръ, съ Эйфелевой башни, безпроволочнымъ телеграфомъ посылается сигналъ времени,—какъ это, впрочемъ, въ настоящее время дѣйствительно дѣлается Международнымъ бюро времени. Всѣ станціи, находящіяся на окружности на одинаковомъ разстояніи отъ центральной станціи, получатъ сигналъ въ одинъ и тотъ же моментъ и могутъ сообразно съ нимъ вывѣрить свои часы. Но этотъ способъ контролированія времени становится принципіально невозможнымъ, коль скоро мы, основываясь на принципѣ относительности, на первомъ постулатѣ Эйнштейна, перенесемся мысленно съ земли на солнце и будемъ, слѣдовательно, разсматривать землю, какъ находящуюся въ поступательномъ движеніи. Въ самомъ дѣлѣ, согласно принципу постоянства скорости свѣта, ясно, что тѣ станціи, которыя для наблюдателя съ центральной станціи находятся въ направленіи движенія земли, получатъ сигналъ позже, чѣмъ станціи, лежащія въ противоположномъ направленіи, такъ какъ первыя станціи движутся прочь отъ свѣтовыхъ волнъ сигнала, которымъ приходится поэтому ихъ догонять, тогда какъ противоположныя станціи, напротивъ, несутся навстрѣчу волнамъ. Такимъ образомъ ясно, что принципъ постоянства скорости свѣта дѣлаетъ невозможнымъ абсолютное, безотносительное опредѣленіе времени т. е. независимое отъ состоянія движенія наблюдателя: отъ одного изъ двухъ мы должны отказаться. Эйнштейнъ вмѣстѣ съ Лоренцомъ отказались отъ абсолютнаго времени, и до настоящаго времени, можно сказать, рѣшительный перевѣсъ въ борьбѣ остается за ними.

Итакъ, чтобы устранить создающееся противорѣчіе, необходимо новое времяисчисленіе,—необходимо признать, что времяисчисленіе

каждаго наблюдателя зависитъ отъ его собственнаго движенія и что онъ долженъ такъ опредѣлить секунду, чтобы принципъ постоянства скорости свѣта остался справедливымъ, т.-е. чтобы скорость свѣта для каждаго наблюдателя всегда имѣла постоянное значеніе. Слѣдовательно, распредѣленіе событій во времени уже не можетъ считаться абсолютнымъ; какъ и всѣ доступныя намъ величины, время является лишь чѣмъ-то относительнымъ [1]).

Наша мѣра времени, по новому ученію, должна всегда считаться со скоростью свѣта, считаемой неизмѣнной, постоянной, всегда равной 300.000 километровъ въ секунду. Еслибы свѣтъ имѣлъ меньшую скорость, время текло бы медленнѣе, чѣмъ теперь; и, наоборотъ, еслибы скорость свѣта почему-либо увеличилась, время потекло бы быстрѣе. А еслибы совсѣмъ не было скорости свѣта, т.-е. свѣтъ ни откуда бы до насъ не доходилъ, то мы бы не имѣли способности зрительно воспринимать явленія, и тогда у насъ было бы совсѣмъ другое время, измѣряемое, положимъ, скоростью звука; время это было бы весьма несовершенно, такъ какъ оно мѣнялось бы сообразно частымъ измѣненіямъ скорости звука въ различныхъ средахъ, но мы, конечно, не замѣчали бы этого несовершенства, такъ какъ не знали бы болѣе совершеннаго времени. Отсюда ясно, что время, какъ нѣчто абсолютное, разъ навсегда данное, въ мірѣ не существуетъ!..

Наше времяисчисленіе, тотъ порядокъ, въ которомъ мы распредѣляемъ событія во времени, зависитъ также отъ скорости и направленія перемѣщенія системы, къ которой мы принадлежимъ. Въ самомъ дѣлѣ, общеизвѣстно, что если на какомъ-нибудь небесномъ тѣлѣ происходитъ то или иное явленіе, то мы, на землѣ, узнаемъ объ этомъ явленіи не въ тотъ самый моментъ, когда явленіе произошло, а лишь спустя нѣкоторое время,—то время, которое необходимо свѣту, чтобы пробѣжать разстояніе между свѣтиломъ и землей. Это обстоятельство астрономамъ при ихъ вычисленіяхъ всегда приходится учитывать. Такъ, еслибы земля и солнце находились въ покоѣ, т.-е. еслибы движеніемъ земли вокругъ солнца мы могли совершенно пренебречь, то объ явленіи, происшедшемъ на солнцѣ, мы узнали бы на землѣ лишь 8-ью минутами позже, такъ какъ свѣтъ отъ солнца до земли идетъ приблизительно это время. Теперь допустимъ (а въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго), что солнце и земля движутся съ одинаковой, общей скоростью, напримѣръ, въ направленіи отъ земли къ солнцу, такъ что земля приближается къ солнцу, а солнце съ такою же скоростью удаляется отъ земли. Что тогда произойдетъ? Очевидно, въ такомъ случаѣ обитатели земли объ

---

[1]) Уже при разборѣ фантазіи Фламмаріона мы видѣли, что абсолютнаго времени нѣтъ, что въ зависимости отъ той или другой скорости наблюдателя время течетъ медленнѣе или быстрѣе.

явленіи, имѣвшемъ мѣсто на солнцѣ, узнали бы раньше 8 минутъ, потому что свѣтовая волна, несущая съ собою землѣ вѣсть отъ солнца, распространяется съ одинаковой скоростью, независимо отъ того, находится ли источникъ, пославшій ее, въ покоѣ или въ движеніи, и, слѣдовательно, раньше встрѣтитъ на своемъ пути догоняющую солнце землю,—время между событіемъ и наблюденіемъ его укоротится. Противоположное произошло бы, еслибы движеніе получило направленіе отъ солнца къ землѣ, т.-е. еслибы земля удалялась отъ солнца, а послѣднее слѣдовало за ней на одномъ и томъ же направленіи: въ этомъ случаѣ свѣтовой волнѣ пришлось бы „догонять“ землю, и, слѣдовательно, она принесла бы вѣсть позже, чѣмъ въ 8 минутъ, — время между событіемъ и наблюденіемъ его удлинится. Отсюда понятно, что дѣйствительное, истинное время, какое нужно свѣту для прохожденія разстоянія отъ солнца до земли, намъ неизвѣстно.

Итакъ, когда ставятъ вопросъ, напримѣръ, о томъ, какое время въ дѣйствительности протекаетъ между какимъ-нибудь особеннымъ явленіемъ на солнцѣ и наблюденіемъ его на землѣ, т.-е. сколько времени въ дѣйствительности требуетъ свѣтъ, чтобы пробѣжать пространство отъ солнца до земли, то это равнозначно вопросу, какова дѣйствительная, т.-е. абсолютная, скорость земли и солнца въ пространствѣ, такъ какъ то земля приближается къ солнцу, то солнце къ землѣ. А такъ какъ этотъ вопросъ, согласно принципу относительности, ни при какихъ условіяхъ не имѣетъ физическаго смысла, то невозможно также сужденіе о дѣйствительномъ или абсолютномъ времени. Показаніе времени могло бы обладать опредѣленнымъ абсолютнымъ смысломъ только въ томъ случаѣ, еслибы принималась въ разсчетъ скорость абсолютнаго движенія наблюдателя, къ которому это показаніе относится. А разъ это невозможно, то никакого абсолютнаго времени, одинаковаго во всѣхъ частяхъ вселенной, не существуетъ. Словомъ, время переносится въ списокъ величинъ, имѣющихъ смыслъ только, если ихъ понимать, какъ величины относительныя, и потому мы должны признать, что быстрота теченія времени неодинакова для двухъ системъ, движущихся съ различной скоростью.

Отсюда вытекаетъ то замѣчательнѣйшее и поразительнѣйшее слѣдствіе, что понятія объ одновременности и послѣдовательности явленій совершенно теряютъ свое абсолютное значеніе, т.-е. въ общемъ смыслѣ—не существуютъ. Предположимъ, что въ мірѣ произошли два событія, наблюдаемыя различными наблюдателями. Эти событія могутъ представляться одному наблюдателю одновременными, другому—послѣдовательными, а третьему—хотя и послѣдовательными, но слѣдующими одно за другимъ въ обратномъ порядкѣ: то, что для второго произошло раньше, для третьяго можетъ произойти позже! Парадоксы эти подобны привычному для насъ явленію, что изъ двухъ горъ неодинаковой высоты, въ зави-

симости отъ точки наблюденія, то меньшая кажется болѣе высокой, то обѣ кажутся равно высокими, то, наконецъ, болѣе высокая дѣйствительно кажется болѣе высокой. Только теперь рѣшающее значеніе пріобрѣтаетъ не точка зрѣнія наблюдателя, а состояніе его движенія [1]). Такимъ образомъ Эйнштейнъ сдѣлалъ съ понятіями раньше и позже то же самое, что сдѣлалъ Коперникъ съ понятіями верхъ и низъ.

Конечно, здравый человѣческій разсудокъ, привыкшій оперировать съ временемъ, какъ съ чѣмъ-то, внѣ явленій стоящимъ, нелегко помирится съ этимъ представленіемъ. Но надо принять во вниманіе, что это не первый случай, когда здравый разсудокъ, покоющійся на непосредственномъ привычномъ созерцаніи, трудно воспринимаетъ научные выводы, предъявляющіе большія требованія къ силѣ абстракціи. Вѣдь когда Коперникъ провозгласилъ относительность понятій верхъ и низъ, то это также не воспринялось безъ борьбы здравымъ человѣческимъ разсудкомъ. Но нашъ здравый смыслъ побѣждается научнымъ воззрѣніемъ—дѣло не въ очевидности новой идеи, а въ ея результатахъ, въ ея плодотворности.

Прекрасно иллюстрируетъ это Планкъ (одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и счастливыхъ піонеровъ современной теоретической физики). Онъ говоритъ: „Выводъ, заключающійся въ томъ, что величина времени, подобно величинѣ скорости, получаетъ значеніе чисто относительное, что понятія „раньше“ и „позже“ по поводу двухъ независящихъ другъ отъ друга событій, происшедшихъ въ различныхъ мѣстахъ, могутъ имѣть прямо противоположный смыслъ для двухъ различныхъ наблюдателей, звучитъ въ первый моментъ какъ-то чудовищно и совершенно непріемлемо для лицъ, способныхъ лишь къ обыденному воззрѣнію. Но все же оно, можетъ быть, не звучитъ менѣе непріемлемо, чѣмъ утвержденіе, провозглашенное 500 лѣтъ тому назадъ, что вертикальное направленіе не остается абсолютно постояннымъ, но что оно втеченіе 24 часовъ описываетъ въ пространствѣ конусъ. Требованіе очевидности, будучи во многихъ случаяхъ справедливымъ, можетъ, смотря по обстоятельствамъ, служить и вреднымъ тормозомъ, въ особенности тогда, когда новыя великія идеи прокладываютъ себѣ путь въ науку. Безспорно, многія плодотворныя идеи физики выросли на почвѣ непосредственнаго созерцанія. Но между ними всегда существовали и такія, и притомъ не послѣднія, которыя принуждены были завоевать себѣ соотвѣтствующее положеніе въ борьбѣ съ традиціонными воззрѣніями. Каждый изъ насъ прекрасно помнитъ о тѣхъ

[1]) Мы можемъ теперь дать такое опредѣленіе понятію „одновременно“: два событія, наступившія въ двухъ различныхъ мѣстахъ А и В, одновременны въ томъ случаѣ, если посланный изъ В въ А свѣтовой сигналъ приходитъ въ А настолько позднѣе наступленія событія, сколько времени требуетъ свѣтъ для прохожденія разстоянія АВ, т.-е. насколько этому соотвѣтствуетъ отношеніе разстоянія АВ къ скорости свѣта.

трудностяхъ, съ которыми пришлось считаться его дѣтской способности представлять себѣ, когда онъ въ первый разъ силился понять, что на земномъ шарѣ живутъ люди, которые стоятъ по отношенію къ намъ вверхъ ногами, что эти люди такъ же самоувѣренно, какъ и мы, передвигаются по землѣ, не рискуя сорваться съ шара или, по крайней мѣрѣ, не испытывая страданій отъ болѣзненнаго прилива крови къ головѣ. Пусть сегодня кто-нибудь приведетъ существеннымъ возраженіемъ противъ относительности всѣхъ пространственныхъ направленій недостаточную наглядность этого,—его просто высмѣютъ. Я не увѣренъ, что, спустя 500 лѣтъ, та же участь не повторится съ тѣмъ, кто начнетъ сомнѣваться въ относительномъ характерѣ времени".

X. Особенности новаго времяисчисленія.

Итакъ, принципъ относительности учитъ, какъ это ни кажется страннымъ, что ни о какомъ абсолютномъ времени, текущемъ во всѣхъ частяхъ міра однимъ темпомъ, одной и той же быстротой, не можетъ быть никакой рѣчи! Правда, на одной и той же системѣ, движущейся, какъ цѣлое, напримѣръ, на землѣ, и по этому ученію существуетъ одно только время, и для событій, происходящихъ въ различныхъ мѣстахъ этой системы, конечно, существуетъ одновременность, какъ нѣчто вполнѣ опредѣленное, а слѣдовательно и слова „раньше" и „позже" имѣютъ вполнѣ опредѣленный, ясный смыслъ, не могущій вызвать никакихъ сомнѣній или недоразумѣній. Но единица времени этой системы не тожественна съ единицей времени другой системы, движущейся относительно первой, т.-е. понятіе времени на второй системѣ глубоко отличается отъ того, котораго придерживается наблюдатель, находящійся на первой системѣ и вмѣстѣ съ ней движущійся. Словомъ, каждая изъ неодинаково движущихся системъ имѣетъ свое собственное время, а потому для наблюдателей, на нихъ находящихся, быстрота теченія времени неодинакова.

Съ этой точки зрѣнія, если въ тѣлѣ, движущемся по отношенію къ наблюдателю, происходитъ какой-нибудь процессъ, то наблюдателю этотъ процессъ всегда представляется замедленнымъ. Иначе говоря, съ точки зрѣнія покоющихся часовъ кажется, что движущіеся часы отстаютъ, и наоборотъ. Если два поѣзда проносятся другъ мимо друга и въ каждомъ изъ нихъ сидитъ по путешественнику, имѣющему часы съ одинаковымъ ходомъ, заведенные нѣкогда одновременно на одномъ и томъ же мѣстѣ, то каждый изъ путешественниковъ, еслибы онъ могъ увидѣть часы другого, получилъ бы впечатлѣніе, что часы того по сравненію съ его собственными отстаютъ. Это впечатлѣніе немедленно исчезло бы, еслибы оба поѣзда были остановлены.

Возьмемъ еще конкретный примѣръ. Представимъ себѣ въ пространствѣ систему съ двумя наблюдателями, каждаго съ идеально идущими часами. Пусть, вслѣдствіе какихъ-нибудь силъ, второй наблюдатель оторвался отъ своей системы и съ пріобрѣтенной скоростью совершилъ путешествіе въ пространствѣ и вновь вернулся къ первому наблюдателю. Еслибы время было абсолютно и неизмѣнно, то послѣ путешествія показанія обоихъ часовъ были бы тожественны. Но время неизмѣнно, а потому съ того момента, какъ второй наблюдатель отдѣлился отъ системы, время для него стало течь медленнѣе: его часы стали отставать. Но здѣсь происходитъ замедленіе не только съ часами, но и со всякими событіями— всякими физическими, химическими и даже жизненными процессами, такъ что второй наблюдатель фактически сталъ бы старѣть медленнѣе перваго. Слѣдовательно, еслибы оказалось, что оба наблюдателя—сверстники, то послѣ путешествія второй наблюдатель выглядѣлъ бы моложе перваго.

Это замедленіе времени тѣмъ больше, чѣмъ скорѣе движется тѣло, но проявляется оно въ ощутительной степени только въ совершенно рѣдкихъ, а для насъ, жителей земли, и почти вовсе недоступныхъ, условіяхъ, а именно, когда скорость тѣлъ близка или сравнима со скоростью свѣта. Еслибы нашъ второй наблюдатель пропутешествовалъ безостановочно втеченіе 15 лѣтъ по 60 верстъ въ часъ (скорость желѣзнодорожнаго поѣзда), то оказалось бы, что его часы отстали всего на одну полуторамилліонную долю секунды, т.-е. на промежутокъ времени, который мы подмѣтить не въ состояніи. Но если тотъ же наблюдатель—пусть ему до путешествія будетъ 20 лѣтъ—двигался бы со скоростью, равною $^{14}/_{15}$ скорости свѣта, т.-е. со скоростью 280.000 километровъ въ секунду, безостановочно втеченіе сорока лѣтъ, то его часы отстали бы ровнымъ счетомъ на 27 лѣтъ. Другими словами, онъ вернулся бы къ намъ 33-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ въ то время, какъ его оставшіеся въ живыхъ сверстники имѣли бы за собой 60 лѣтъ. Значитъ, наблюдатель, еслибы онъ имѣлъ сына, могъ бы послѣ путешествія фактически оказаться моложе его! Еслибы скорость этого второго наблюдателя достигла скорости свѣта, 300.000 километровъ въ секунду, то намъ бы показалось (ниже мы объ этомъ будемъ говорить подробнѣе), что его часы остановились, что для него нѣтъ больше времени: онъ показался бы намъ безсмертнымъ!..

Вотъ что сталось съ человѣческимъ представленіемъ о времени! Вотъ куда дѣвался тотъ абсолютный смыслъ, который мы ему всегда приписываемъ!

Изложенный выводъ даетъ возможность тому изъ насъ, кто захотѣлъ бы посвятить этому 2 года жизни, узнать, чѣмъ будетъ земля черезъ 200 лѣтъ, даетъ возможность изслѣдовать будущность земли, сдѣлавъ въ жизни ея скачокъ, который для нея бу

детъ длиться два вѣка, а для него самого—лишь два года. Для этого достаточно, по фантастическому проекту французскаго физика Лянжевепа, чтобы нашъ путешественникъ заперся въ снарядъ, который метнули бы съ земли со скоростью, достаточно близкой къ скорости свѣта, хотя и меньшей,—что, какъ мы ниже увидимъ, физически возможно. При этомъ надо было бы все дѣло устроить такъ, чтобы черезъ годъ жизни путешественника произошло столкновеніе ядра, напримѣръ, съ какой-нибудь звѣздой, и чтобы такимъ образомъ онъ былъ присланъ обратно къ землѣ съ той же самой скоростью. Вернувшись на землю болѣе старымъ лишь на два года, онъ выйдетъ изъ своего ковчега и найдетъ нашъ шаръ постарѣвшимъ на два вѣка, если только скорость его будетъ отличаться отъ скорости свѣта не болѣе, чѣмъ на $^1/_{20.000}$, т.-е. если его скорость будетъ отличаться отъ 300.000 километровъ въ секунду на 15 километровъ. Разберемся же въ томъ, какими представлялись бы другъ другу нашъ фантастическій путешественникъ и земля, еслибы они могли съ помощью свѣтовыхъ сигналовъ оставаться въ непрерывномъ сообщеніи во время своей разлуки. Это поможетъ намъ понять, откуда берется разница между обоими измѣреніями продолжительности разлуки.

Въ то время, какъ нашъ путешественникъ и земля будутъ удаляться другъ отъ друга со скоростью, близкой къ скорости свѣта, каждому изъ нихъ будетъ казаться, что другой бѣжитъ передъ посылаемыми ему свѣтовыми сигналами, такъ что онъ потратитъ очень значительное время для полученія сигналовъ, посланныхъ втеченіе даннаго времени. Вычисленіе показываетъ, что для каждаго изъ нихъ другой будетъ жить въ 200 разъ медленнѣе, чѣмъ обыкновенно. Втеченіе года, который будетъ длиться для нашего изслѣдователя его путешествіе на звѣзду, онъ получитъ съ земли свѣдѣнія лишь за 2 первые дня послѣ его отъѣзда: за весь этотъ годъ онъ будетъ знать „поведеніе“ земли лишь за два дня. Кромѣ того, по той же самой причинѣ, излученія, которыя онъ получитъ съ земли за это время, будутъ имѣть для него длину волны, въ 200 разъ бо̀льшую, чѣмъ для нея, и потому то, что̀ будетъ казаться ему свѣтовымъ излученіемъ, съ помощью котораго онъ сможетъ видѣть землю, будетъ излучаться эю, какъ (невидимое) крайнее ультра-фіолетовое излученіе. Во время же возвращенія путешественника все будетъ происходить наоборотъ. Жизнь путешественника и земли будетъ взаимно казаться имъ сильно ускоренной, въ 200 разъ болѣе быстрой, чѣмъ обыкновенно, и потому за годъ возвращенія путешественникъ будетъ знать „поведеніе“ земли за два вѣка. Понятно, поэтому, что по возвращеніи онъ найдетъ ее постарѣвшей на 200 лѣтъ. Кромѣ того, втеченіе этого періода онъ ее увидитъ съ помощью волнъ, которыя для него будутъ свѣтовыми, но для нея будутъ принадлежать къ длиннымъ, инфра-краснымъ волнамъ.

Чтобы понять несоотвѣтствіе, слѣдуетъ замѣтить, что на землѣ потратятъ два вѣка для полученія сигналовъ, посланныхъ путешественникомъ втеченіе его движенія по направленію къ звѣздѣ, длящагося для него одинъ годъ. Съ земли увидятъ, что втеченіе этого времени онъ живетъ въ своемъ ковчегѣ жизнью, замедленной въ двѣсти разъ. Съ нея будутъ знать его „поведеніе" за одинъ годъ. Къ концу этихъ двухъ вѣковъ на землю получится извѣстіе о встрѣчѣ ядра со звѣздой,—встрѣчѣ, отмѣчающей начало обратнаго путешествія. Возвращеніе путешественника произойдетъ черезъ два дня, во время которыхъ съ земли будетъ казаться, что путешественникъ живетъ въ 200 разъ быстрѣе, чѣмъ обыкновенно. По возвращеніи на землю онъ постарѣетъ лишь на два года. Такимъ образомъ, различіе, зависящее отъ того, что одинъ только путешественникъ испыталъ во время своего путешествія ускореніе, измѣняющее направленіе его скорости и приводящее его обратно къ исходной точкѣ на землѣ, выражается въ слѣдующемъ фактѣ: путешественникъ видитъ, какъ земля удаляется отъ него и приближается къ нему втеченіе промежутковъ времени, равныхъ каждый для него одному году; на землѣ же, которую извѣщаютъ объ этомъ ускореніи лишь свѣтовыя волны, видятъ, что путешественникъ удаляется отъ нея втеченіе двухъ вѣковъ, а возвращается втеченіе двухъ дней, т.-е. въ промежутокъ времени въ 40.000 разъ меньшій!

Итакъ, принципъ относительности учитъ, что явленіе, происходящее въ любомъ движущемся тѣлѣ (системѣ), должно происходить не такъ, какъ оно покажется наблюдателю со стороны, причемъ искаженіе явленій должно зависѣть отъ отношенія относительной скорости движенія къ скорости свѣта. Иными словами, быстрота теченія времени, темпъ процессовъ на движущейся системѣ зависитъ отъ отношенія ея скорости къ скорости свѣта. Чѣмъ больше скорость этой системы, тѣмъ болѣе замедленнымъ будетъ казаться намъ теченіе ея времени, тѣмъ болѣе спокойнымъ представится намъ темпъ происходящихъ на ней процессовъ. Когда же скорость системы достигнетъ скорости свѣта, намъ будетъ казаться, что всѣ процессы, на ней происходящіе, остановились, что ея время перестало течь, словомъ, что все на ней заснуло...

Весьма наглядно иллюстрируетъ эту мысль нашъ выдающійся, недавно скончавшійся, физикъ-мыслитель проф. Умовъ. Онъ пользуется оптическимъ приборомъ, который даетъ на экранѣ изображенія предметовъ, находящихся на лентѣ, въ немъ движущейся, причемъ этой лентѣ можно сообщать различныя скорости. При этомъ приходится предполагать измѣненными свойства сѣтчатки нашего глаза въ такомъ направленіи, чтобы смѣна фигуръ при измѣненіи скорости движенія ленты не вызывала несообразныхъ ощущеній. Этотъ приборъ имѣетъ сходство съ кинематографомъ,

почему можно сохранить за нимъ это названіе, подогнавъ его устройство къ тому требованію, чтобы онъ въ точности воспроизводилъ картины, на которыхъ мы останавливаемъ свое вниманіе. На лентѣ кинематографа изображены люди въ разныхъ позахъ, часы, на цыферблатѣ которыхъ стрѣлки указываютъ разное время, изображены различныя фазы дѣйствія, которое должно совершаться. Но пока лента стоитъ, нѣтъ ни движеній, ни времени, ни дѣйствія. Это—соотвѣтстствуетъ системѣ, движущейся со скоростью свѣта. Лента кинематографа приходитъ въ движеніе; картины смѣняются на экранѣ съ опредѣленной скоростью, и вы, находящіеся въ покоѣ, получаете впечатлѣніе жизни, дѣйствія. Люди двигаются, страдаютъ, разыгрывается драма, часы идутъ. Но для васъ темпъ этого дѣйствія, ходъ часовъ, быстрота поступковъ людей, а, слѣдовательно, и быстрота ихъ сужденій, зависитъ отъ скорости движенія ленты, но люди на лентѣ не замѣчаютъ никакой перемѣны; они не могутъ опредѣлить—быстрѣе или медленнѣе текутъ явленія. Кинематографъ показываетъ вамъ чрезвычайно медленно развертывающуюся драму. Вы удивляетесь, какъ слабы страсти у дѣйствующихъ лицъ. Но они слабы для васъ, для нихъ они такъ же сильны, какъ наши. Явленія міра, это—картины кинематографа. На землѣ, движущейся съ опредѣленной скоростью, явленія—это лента кинематографа, движущаяся съ опредѣленной скоростью, для другой планеты—другой кинематографъ съ другой скоростью. Благодаря небольшимъ скоростямъ нашихъ планетъ по отношенію къ скорости свѣта (наибольшая принадлежитъ Меркурію—100 километровъ въ секунду), разница даваемыхъ ими картинъ въ пространствѣ ничтожна.

Итакъ, изъ приведенныхъ примѣровъ нетрудно видѣть, что въ каждой изъ движущихся системъ находящіеся на ней наблюдатели совершенно одинаково удовлетворены тѣмъ, что въ нихъ происходитъ, и что удивляться начинаютъ они только тогда, когда заглядываютъ не въ свою, а въ чужую систему. Иначе это и быть не можетъ, разъ нѣтъ никакихъ основаній говорить объ абсолютныхъ движеніяхъ въ пространствѣ, разъ образъ наблюдаемыхъ явленій зависитъ только отъ относительныхъ скоростей движущихся тѣлъ. Способъ перечисленія картины, открывающейся одному наблюдателю, въ картину, открывающуюся другому, впервые данъ Лоренцомъ и разработанъ Эйнштейномъ.

Резюмируя, мы скажемъ, что по ученію Эйнштейна никакого абсолютнаго, мірового времени, одинаково текущаго на всѣхъ тѣлахъ вселенной, внѣ явленія стоящаго, не существуетъ. На каждомъ изъ тѣлъ, обладающихъ относительными другъ къ другу движеніями, существуетъ свой потокъ времени, воспринимаемый и измѣряемый наблюдателями, находящимися на этихъ тѣлахъ. Поэтому понятія объ одновременности и порядкѣ послѣдовательности двухъ событій теряютъ всякій смыслъ: то, что для одного

будетъ раньше, для другого можетъ быть позже. Все это выводы, ошеломляющіе своею необыкновенной парадоксальностью не только профана, но и ученаго, и не даромъ Минковскій назвалъ ихъ „дерзновеніемъ математической мысли". Планкъ по этому поводу говоритъ: „Новое пониманіе идеи времени превосходитъ по своей смѣлости все, что было сдѣлано до сихъ поръ въ области умозрительнаго естествознанія и въ философской теоріи познанія; въ сравненіи съ этимъ не-Эвклидова геометрія—не больше, какъ дѣтская игрушка. Между тѣмъ, въ противоположность не-Эвклидовой геометріи, имѣющей пока серьезное значеніе только для чистой математики, принципъ относительности съ полнымъ правомъ претендуетъ на реальное физическое значеніе. По широтѣ и глубинѣ вызываемаго имъ переворота въ области физическаго міровоззрѣнія съ нимъ можно сравнить развѣ введеніе Коперниковской системы міра".

XI. Новое ученіе о пространствѣ.

Перейдемъ теперь ко взгляду Эйнштейна на пространство или, точнѣе говоря, на размѣры и форму пространства, занимаемаго даннымъ физическимъ тѣломъ. Взглядъ этотъ, находящійся въ глубочайшей связи съ изложеннымъ новымъ ученіемъ о времени, также достаточно парадоксаленъ.

По этому новому взгляду, тѣло отнюдь не обладаетъ застывшей и для всѣхъ одинаковой формой, какъ въ этомъ до сихъ поръ всѣ были увѣрены. Если для наблюдателя одной системы тѣло представляетъ изъ себя, напримѣръ, шаръ, то для наблюдателя другой системы то же самое шарообразное тѣло покажется сплюснутымъ, сжатымъ (эллипсоидомъ). Вообще всякое тѣло, движущееся относительно наблюдателя равномѣрно поступательно, укорачивается въ своемъ размѣрѣ, взятомъ въ направленіи движенія. Другими словами, одно и то же тѣло, разсматриваемое различными наблюдателями, изъ которыхъ одни находятся въ покоѣ, а другіе въ движеніи по отношенію къ нему, короче для тѣхъ, кто наблюдаетъ его со стороны, чѣмъ для тѣхъ, кто находится вмѣстѣ съ нимъ. Правда, при обыкновенно наблюдаемыхъ нами скоростяхъ это укороченіе вообще чрезвычайно мало: даже при относительной скорости, равной 400 километрамъ въ секунду (скорость кометы Галлея въ ея ближайшемъ разстояніи отъ солнца—одна изъ самыхъ значительныхъ изъ извѣстныхъ намъ астрономическихъ скоростей), это укороченіе составляетъ всего одну милліонную долю размѣра тѣла. Однако, чѣмъ больше скорость, тѣмъ больше и укороченіе, а по мѣрѣ приближенія скорости движенія разсматриваемаго тѣла къ скорости свѣта, продольные размѣры тѣла стремятся къ нулю: тѣло стремится превратиться въ тонкую пластинку!..

Замѣчательно то, что это измѣненіе линейныхъ размѣровъ движущагося тѣла по величинѣ и по направленію (направленію движенія) совершенно тожественно съ тѣмъ, которое предполагаетъ извѣстная намъ гипотеза Лоренца-Фицжеральда. Но необходимо принять во вниманіе, что по существу дѣла разница огромная.

Въ самомъ дѣлѣ. Какъ мы уже знаемъ, Лоренцъ и Фицжеральдъ рисовали себѣ дѣйствительную деформацію тѣла, какъ слѣдствіе дѣйствительнаго движенія сквозь неподвижный эфиръ, т. е. они предполагали, что уменьшеніе линейныхъ размѣровъ тѣла зависитъ отъ его абсолютной скорости въ неподвижномъ эфирѣ, такъ что покоющійся въ эфирѣ шаръ фактически сплющивается, когда онъ приходитъ въ движеніе. Теорія эта вызвала значительныя пренія относительно природы силъ, которыя необходимы, чтобы произвести такое измѣненіе формъ тѣлъ. Въ ученіи Эйнштейна также говорится о покоющемся шарѣ, который при движеніи сплющивается. И это сплющиваніе выражается какъ разъ формулой Лоренца-Фицжеральда. Но здѣсь это явленіе разсматривается не какъ дѣйствительное, фактическое, реальное, но какъ мнимое, кажущееся, иллюзорное,—здѣсь все дѣло сводится не къ реальному уменьшенію размѣровъ тѣлъ, а къ измѣненію вида, воспринимаемаго наблюдателемъ.

Дѣйствительно, разъ покой и движеніе имѣютъ у Эйнштейна только относительный характеръ, то при движеніи тѣла по отношенію къ нѣкоторой системѣ тѣлъ, служащей для сравненія, мы не можемъ знать, что именно движется — тѣло или самая система. Размѣры масштаба не мѣняются для наблюдателя, находящагося на одной съ этимъ тѣломъ системѣ. И этотъ покоющійся наблюдатель считаетъ движущійся масштабъ болѣе короткимъ, чѣмъ свой. Но также и движущійся наблюдатель будетъ считать покоющійся масштабъ короче своего, такъ какъ и онъ вправѣ считать себя покоющимся, а масштабъ — движущимся Подобно этому, какъ мы уже знаемъ, покоющемуся наблюдателю будетъ казаться, что и движущіеся часы идутъ медленнѣе, чѣмъ его собственные, а движущемуся наблюдателю это будетъ представляться наоборотъ. Такимъ образомъ, если представимъ себѣ нѣкоторое тѣло (планету, камень, пылинку и т. п.) и нѣсколько наблюдателей, движущихся по различнымъ направленіямъ относительно него, то каждому наблюдателю, наивно думающему, что онъ самъ въ покоѣ, тѣло покажется укороченнымъ въ различныхъ направленіяхъ и на различную величину. Но физическое состояніе тѣла, очевидно, не зависитъ отъ мнѣнія наблюдателей.

Итакъ, когда при помощи эйнштейновскаго исчисленія времени опредѣляютъ размѣры и форму движущагося тѣла, то эти размѣры и форма остаются безъ измѣненія для наблюдателя, движущагося вмѣстѣ съ тѣломъ, и сокращаются для недвижущагося или движущагося съ другой системой наблюдателя. При этомъ въ

результатѣ получается то же самое, что было уже указано Лоренцомъ и Фицжеральдомъ, признавшими сжатіе движущихся тѣлъ необходимой гипотезой для разрѣшенія противорѣчія между теоріей и практикой. Но здѣсь эта деформація не реальна, а фиктивна.

XII. Новая механика.

Мы переходимъ теперь къ тѣмъ выводамъ, вытекающимъ изъ принципа относительности, которые заставляютъ отказаться даже отъ основныхъ положеній Ньютоновской механики,—этой твердыни естествознанія и идеала всѣхъ наукъ о природѣ, этого вѣковѣчнаго фундамента, на которомъ физика строила всѣ свои разсужденія Насколько этотъ принципъ затрагиваетъ механику, видно хотя бы изъ того, что великій физико-математикъ Пуанкарэ называетъ его прямо „новой механикой".

Вспомнимъ о Люменѣ, который отстаивалъ для себя возможность развить скорость, превышающую скорость свѣта, и потому нашелъ въ свѣтѣ средство для распознаванія своего собственнаго движенія, и спросимъ: что же отвѣтитъ принципъ относительности на возраженія этого фантастическаго экспериментатора? Отвѣтъ будетъ гласить, что эксперименты Люмена невозможны даже въ представленіи, такъ какъ сама по себѣ скорость, превышающая скорость свѣта, абсурдна, не имѣетъ никакого физическаго смысла: скорость свѣта есть „критическая" скорость, — предѣлъ для движенія тѣлъ въ пространствѣ!..

Дѣйствительно. Допустимъ, что подъ дѣйствіемъ какой-либо силы тѣло перешло изъ состоянія покоя въ движеніе и къ концу первой секунды пріобрѣло скорость 1. Что произойдетъ, если сила будетъ продолжать свое дѣйствіе на тѣло и втеченіе еще одной, второй секунды? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, представимъ себѣ, что рядомъ съ этимъ тѣломъ движется и нѣкій наблюдатель, который перемѣщается также со скоростью 1, но воображаетъ, что онъ находится въ покоѣ. Въ концѣ первой секунды разсматриваемое нами тѣло ему будетъ казаться неподвижнымъ, такъ какъ послѣднее обладаетъ такой же скоростью, какъ и самъ наблюдатель. Въ силу галилео-ньютоновскаго принципа относительности, для наблюдателя кажущееся перемѣщеніе этого тѣла должно представляться такимъ же, какимъ было бы оно, еслибы кажущійся покой тѣла былъ дѣйствительнымъ, т. е. въ концѣ второй секунды скорость тѣла по отношенію къ наблюдателю будетъ 1, а такъ какъ самъ наблюдатель движется съ той же скоростью 1, то ясно, что абсолютная скорость тѣла будетъ 2. Итакъ, скорость втеченіе второй секунды удваивается. Такимъ же путемъ можно показать, что черезъ три секунды скорость будетъ равна 3, черезъ четыре секунды—4 и т. д. Такимъ образомъ, при достаточно про-

должительномъ дѣйствіи силы, тѣло можетъ пріобрѣсти очень большую скорость, превосходящую всякія границы, — безконечную скорость. Это заключеніе кажется, повидимому, неоспоримымъ и оно было положено въ основу классической механики. Принципъ относительности Эйнштейна опрокидываетъ это заключеніе: вѣдь послѣднее допустимо только потому, что мы разсматривали время, какъ абсолютное, мы считали, что наблюдатель перемѣщающійся ведетъ счетъ времени точно такъ же, какъ и наблюдатель покоющійся, а это противорѣчитъ новому ученію. Но если перемѣщающійся и неподвижный наблюдатели судятъ о времени различно, то такъ же различны будутъ ихъ сужденія о скоростяхъ. И мы получаемъ, принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, на основаніи нашихъ предыдущихъ разсужденій, что скорость тѣла въ концѣ второй секунды не будетъ равна въ точности двумъ. Она, разумѣется, значительно увеличится, но на величину меньшую, нежели въ первую секунду; еще на меньшую величину она возростетъ втеченіе третьей секунды и т. д. Однимъ словомъ, въ каждую секунду скорость будетъ возростать все на меньшую и меньшую величину.

Въ этомъ-то и лежитъ главный пунктъ расхожденія новаго ученія со старымъ. Старая классическая механика говоритъ: подъ дѣйствіемъ постоянной силы тѣло принимаетъ равномѣрно-ускоренное движеніе, какъ бы ни была велика пріобрѣтенная скорость. Новое ученіе отрицаетъ это и говоритъ: ускореніе движенія тѣла будетъ постольку слабѣе, поскольку будетъ возростать пріобрѣтаемая скорость. Отсюда ясно, что ускореніе можетъ при сильномъ увеличеніи скорости уменьшиться до нуля. И это, согласно вычисленію, будетъ тогда, когда движущееся тѣло достигнетъ скорости, равной скорости свѣта: тогда ускореніе немыслимо. Такимъ образомъ мы и заключаемъ, что скорость свѣта есть предѣлъ скоростей всякаго движенія: какъ бы велика ни была ускоряющая сила и какъ бы долго она ни дѣйствовала—предѣлъ этотъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть перейденъ (см. ниже).

Этотъ поразительный выводъ означаетъ, что сколько бы тысячъ скоростей одного и того же тѣла мы ни сложили и какъ бы мало каждая изъ нихъ ни отличалась отъ скорости распространенія свѣта, мы все-таки никогда не заставимъ это тѣло двигаться со скоростью свѣта. Скорость, полученная отъ сложенія произвольнаго числа скоростей, изъ которыхъ каждая немного меньше скорости свѣта, всегда либо меньше скорости свѣта, либо равна ей въ томъ случаѣ, если число слагаемыхъ безконечно велико. Больше того: если къ свѣтовой скорости прибавить полсвѣтовую,—она все-таки не увеличится. И даже, если къ свѣтовой скорости прибавить еще свѣтовую, опять-таки получится свѣтовая скорость! Отсюда видно, что скорость распространенія свѣта является „предѣльной“ величиной для скоростей, возможныхъ во вселенной.

Итакъ, фламмаріоновскій Люменъ, движущійся съ сверхсвѣтовой скоростью, невозможенъ, неосуществимъ. Онъ отвергается дѣйствительностью, не только теперешней, но и всякой возможной дѣйствительностью. И потому онъ всегда останется фантазіей и даже фантазіей абсурдной, кроющей въ себѣ противорѣчіе. Наибольшая изъ скоростей, которую онъ могъ бы достигнуть, была бы близка къ скорости свѣта, но, и двигаясь съ такой скоростью, онъ не могъ бы обнаружить своего движенія, такъ какъ абсурдно само по себѣ движеніе, называемое абсолютнымъ. Что было бы съ системой, достигшей скорости свѣта,—мы увидимъ ниже.

XIII. Передача дѣйствія.

Такъ какъ скорость свѣта не можетъ быть перейдена, сколько бы ни взять полсвѣтовыхъ или свѣтовыхъ скоростей, то эта скорость играетъ роль физически безконечной скорости. Она есть также предѣлъ для скорости распространенія физическихъ дѣйствій. Этотъ выводъ кореннымъ образомъ измѣняетъ наше представленіе о причинности. Посмотримъ же, въ чемъ заключается это измѣненіе.

Зададимъ основной вопросъ: почему мы всегда отказываемся допустить, что два событія, одновременныхъ для нѣкоторой группы наблюдателей, могутъ не быть таковыми для другой, находящейся въ движеніи по отношенію къ первой? Иначе говоря, почему мы не допускаемъ, что перемѣна положенія наблюдателя позволяетъ измѣнить порядокъ послѣдовательности во времени двухъ событій? Очевидно, въ силу молчаливаго допущенія, что изъ двухъ событій, слѣдующихъ другъ за другомъ въ нѣкоторомъ порядкѣ для даннаго положенія наблюдателя, то событіе, которое произошло первымъ, могло оказать свое дѣйствіе, какъ причина, и измѣнить условія, въ которыхъ произошло второе событіе, каково бы ни было разстояніе, отдѣляющее ихъ въ пространствѣ. Конечно, при такихъ условіяхъ нелѣпо предположить, что для другихъ наблюдателей второе событіе—т. е. дѣйствіе—можетъ предшествовать причинѣ. Такимъ образомъ абсолютный характеръ одновременности, какъ она обыкновенно понимается, зависитъ отъ молчаливой гипотезы о причинности, могущей распространяться съ безконечной скоростью, отъ гипотезы, что какое-нибудь событіе можетъ стать мгновенно на любомъ разстояніи причиной. Такая гипотеза вполнѣ согласовалась съ представленіями классической механики (Ланжевенъ).

Въ настоящее время эта гипотеза отпадаетъ, такъ какъ въ мірѣ, подчиненномъ принципу относительности, нѣтъ дѣйствій, которыя переносятся мгновеннымъ образомъ. Максимальная скорость передачи дѣйствія,—это скорость свѣта. И она играетъ въ новомъ міровоззрѣніи ту же роль, какую играетъ въ старомъ міро-

воззрѣніи безконечная скорость. Это выяснится изъ слѣдующаго разсужденія.

Возьмемъ два такихъ событія, разстояніе между которыми въ пространствѣ больше пути, проходимаго свѣтомъ въ отдѣляющій ихъ во времени промежутокъ, т. е. если съ помощью свѣтовыхъ сигналовъ сообщать объ этихъ событіяхъ, каждое изъ нихъ имѣетъ мѣсто до прохожденія сигнала, исходящаго изъ другого событія. Принципъ относительности показываетъ, что въ этомъ случаѣ порядокъ послѣдовательности обоихъ событій во времени не имѣетъ абсолютнаго значенія, что если для какого-нибудь наблюдателя оба событія слѣдуютъ другъ за другомъ въ нѣкоторомъ порядкѣ, то этотъ порядокъ будетъ обратнымъ для наблюдателей, движущихся по отношенію къ первому со скоростью, меньшей скорости свѣта, т. е. со скоростью, физически осуществимой. Само собою разумѣется, что два событія, порядокъ послѣдовательности которыхъ можетъ быть измѣненъ такимъ образомъ, ни за что не могутъ быть соединены между собой отношеніемъ причины къ дѣйствію. Вѣдь еслибы между этими двумя событіями существовало подобное отношеніе, то нѣкоторые наблюдатели видѣли бы причину происходящею послѣ слѣдствія,—что нелѣпо. Къ тому же въ этомъ случаѣ, т. е. принимая, что разстояніе въ пространствѣ между обоими событіями больше пути, проходимаго свѣтомъ въ отдѣляющій ихъ во времени промежутокъ, первое событіе могло бы стать причиной второго лишь при томъ условіи, еслибы связь причинности могла распространяться со скоростью, бо́льшей скорости свѣта. И вообще, еслибы существовалъ сигналъ, могущій распространяться со скоростью, бо́льшей скорости свѣта, то можно было бы найти наблюдателей, до которыхъ этотъ сигналъ дошелъ бы раньше, чѣмъ онъ былъ отправленъ, и для которыхъ была бы извращена причинная связь, устанавливаемая этимъ сигналомъ, такъ что можно было бы, какъ выражается Эйнштейнъ, „телеграфировать въ прошедшее", а мы считаемъ это невозможнымъ, нелѣпымъ, абсурднымъ. Слѣдовательно, мы должны признать, что причинность, какова бы ни была ея природа, не можетъ распространяться со скоростью, большей скорости свѣта, что не существуетъ ни вѣстника, ни сигнала, способнаго проходить болѣе 300.000 километровъ въ секунду.

Итакъ, намъ приходится допустить, что никакое событіе не можетъ дѣйствовать мгновенно на разстояніи въ качествѣ причины, что его дѣйствіе можетъ чувствоваться непосредственно лишь въ той точкѣ, гдѣ оно имѣетъ мѣсто, затѣмъ позже на возростающихъ разстояніяхъ, максимумъ которыхъ имѣетъ мѣсто въ случаѣ скорости свѣта. Такимъ образомъ ясно, что скорость свѣта въ новомъ физическомъ міровоззрѣніи играетъ ту же роль, какую играетъ въ старомъ міровоззрѣніи безконечно большая скорость, представляющая въ немъ предѣльную скорость, съ которой можетъ распространяться причинность. Это—выводъ большого философскаго значенія

Какъ заключеніе къ этимъ соображеніямъ, основаннымъ на принципѣ относительности, я позволю себѣ привести слѣдующія слова проф. Классена. „Тотъ, кто впервые знакомится съ выводами Эйнштейна — говоритъ онъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ многочисленныя, въ высшей степени изящныя и многообѣщающія примѣненія ихъ, тотъ сначала можетъ счесть все это какимъ-то удивительнымъ математическимъ фокусомъ. Кажется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ отрицательный результатъ опыта Майкельсона, будучи независимымъ отъ того, движется ли наблюдатель вмѣстѣ съ своимъ приборомъ въ пространствѣ или не движется, долженъ быть объясненъ только тѣмъ, что въ данномъ случаѣ мы понимаемъ опредѣленіе времени иначе, чѣмъ привыкли дѣлать это. Затрудненіе устраняется лишь благодаря слѣдующему: при старомъ мышленіи мы всегда стремимся давать абсолютныя объясненія, мы стремимся раскрыть до нѣкоторой степени истинную связь событій. Но, согласно этому новому методу мышленія, физика можетъ и хочетъ установить только относительную, свободную отъ внутреннихъ противорѣчій, общую математическук связь между всѣми событіями. Самое замѣчательное въ новомъ умозрѣніи—это роль, которую играетъ въ ней скорость свѣта. Свѣтъ есть процессъ, посредствомъ котораго другія отдаленныя событія извѣщаютъ различныя мѣста о своемъ существованіи; съ этой точки зрѣнія свѣтъ становится, такъ сказать, носителемъ измѣренія времени. Этотъ процессъ опредѣляется тѣмъ, какъ распространяются въ природѣ силы, если онѣ не подвергаются вліянію различныхъ матеріальныхъ субстанцій, т. е. если онѣ распространяются черезъ пустое пространство. Что скорость распространенія этихъ силъ конечна, есть результатъ опыта. Еслибы эта скорость была безконечно велика, то характеръ распространенія этихъ силъ можно было бы изслѣдовать не на много глубже, чѣмъ въ случаѣ силы тяготѣнія. Существеннымъ оказывается то, что скорость распространенія ихъ въ абсолютной пустотѣ есть наибольшая скорость, какую мы можемъ указать въ природѣ. И вотъ почему: если въ основаніи всякаго опредѣленія скорости лежитъ измѣреніе времени, то, какъ показываетъ простое вычисленіе, самый методъ опредѣленія времени обнаруживаетъ, что высшимъ, повидимому, предѣломъ произвольно возростающей скорости является скорость свѣта. Слѣдовательно, при такомъ пониманіи обнаруживается фактъ, что распространеніе въ пустомъ пространствѣ наблюдаемыхъ нами въ природѣ силъ съ конечной скоростью есть свойство этихъ силъ, а не пустого пространства или воображаемаго въ немъ эфира“.

XIV. Еслибы мы двигались со скоростью свѣта.

Изъ изложеннаго мы видимъ, что скорость свѣта играетъ существенную роль въ новыхъ формулированкахъ законовъ природы

Въ новомъ міровоззрѣніи длины, время, скорости, массы, силы и пр. оказываются зависящими отъ отношенія скорости движенія системы къ скорости свѣта. Что же былобы, еслибы система достигла скорости свѣта? Мы уже знаемъ, какія измѣненія претерпѣли бы тогда понятія о времени и пространствѣ. Но я не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь два весьма красивыхъ конкретныхъ примѣра Умова, такъ какъ эти примѣры особенно наглядно иллюстрируютъ разницу между классическими и новыми воззрѣніями. Первый примѣръ знакомитъ насъ съ явленіями, которыя произошли бы въ системѣ, движущейся съ свѣтовой скоростью. А изъ второго примѣра мы поймемъ, почему эта скорость является предѣломъ, который не можетъ быть перейденъ.

„Допустимъ,—говоритъ Умовъ—что утомленные моей рѣчью, присутствующіе, въ томъ числѣ и я, заснули такъ крѣпко, что не почувствовали, какъ мы всѣ и этотъ залъ получили равномѣрное прямолинейное движеніе въ пространствѣ со скоростью свѣта и въ направленіи отъ васъ ко мнѣ. Пользуясь старой физикой, на похоронахъ которой мы сейчасъ присутствуемъ, построимъ тѣ явленія, которыя можно ожидать въ нашемъ движущемся залѣ.

„Наступаетъ ночь,—и я просыпаюсь. Все погружено въ мракъ, и, желая оріентироваться, стоя лицомъ къ вамъ, я зажигаю спичку. Къ своему удивленію, я не вижу пламени, не вижу своей руки, не вижу васъ; но спичка догораетъ и обжигаетъ мнѣ пальцы. Я въ полномъ недоумѣніи: зрительное и осязательное ощущеніе находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи. Почему они разошлись? Изъ пламени въ моемъ направленіи выходитъ свѣтъ; но онъ неизмѣнно остается при пламени, потому что движется ко мнѣ съ тою же скоростью, какъ пламя, и потому не можетъ дойти до моего глаза. По той же причинѣ я не вижу руки, которая держитъ спичку. Лучи пламени, направленные къ вамъ, дойдутъ до васъ, такъ какъ двигаются въ другую сторону, чѣмъ пламя, и на встрѣчу вамъ. Дойдя до васъ, они отразятся, но эти отраженные лучи, двигаясь въ томъ же направленіи и съ тою же скоростью, какъ вы, останутся при васъ и не дойдутъ до моего глаза. Чтобы провѣрить себя, я поворачиваюсь на 180° спиною къ вамъ и снова зажигаю спичку. Къ своему удивленію, я вижу пламя, вижу свою руку, но не вижу ничего, что находится позади пламени. Это опять понятно. Лучи по направленію ко мнѣ идутъ теперь въ сторону, противоположную движенію пламени, они попадаютъ въ мой глазъ, идущій къ нимъ на встрѣчу, и я вижу пламя. Но лучи, идущіе съ задней стороны пламени, движутся въ томъ же направленіи и съ той же скоростью, какъ пламя, а потому, неизмѣнно при немъ оставаясь, не могутъ дойти до предметовъ, находящихся за нимъ. Обдумывая эти удивительныя явленія, я нахожу имъ объясненіе, которое только-что было изложено, и догадываюсь о движеніи этой залы со скоростью свѣта въ пространствѣ.

„По принципу относительности такая догадка невозможна. По

Лоренцу, который принимаетъ сокращеніе размѣровъ тѣлъ по направленію движенія, такое сокращеніе при скорости движенія, равной скорости свѣта, сведетъ размѣры тѣла къ нулю. По Лоренцу весь этотъ залъ, со всѣми здѣсь присутствующими, долженъ обратиться въ тончайшій блинъ съ безконечно большой массой, т. е. такой, какъ всѣ свѣтила и планеты міра; иными словами, мы превратимся въ тѣнь съ безконечно большой массой. При такихъ условіяхъ никакія разсужденія, конечно, невозможны. Теорія относительности не такъ жестока; сокращеніе размѣровъ будетъ кажущимся для стороннихъ наблюдателей, скажемъ,—для жителей земли, стоящихъ внѣ этого зала. По отношенію къ зрительнымъ ощущеніямъ теорія относительности укажетъ непримѣнимость правила сложенія скоростей, которымъ я пользовался. Свѣтъ будетъ распространяться съ одинаковою скоростью по всѣмъ направленіямъ въ движущемся залѣ по оцѣнкѣ наблюдателя, участвующаго въ этомъ движеніи".

Согласно принципу относительности, дѣло будетъ происходить такъ. „Послѣ того, какъ залъ двинулся со скоростью свѣта, я уже не могъ проснуться или, правильнѣе, мое пробужденіе продолжается цѣлую вѣчность, въ моей мысли застылъ тотъ сонъ, который занималъ ее въ моментъ начала движенія; я потерялъ способность сужденія и произвольныхъ движеній; я остаюсь въ неизмѣнной позѣ. Замолкли силы, поддерживающія жизнь, а также и ее разрушающія. То же произошло и съ вами, и со всѣми силами, которыя дѣйствовали въ этой залѣ; ваши часы остановились. Для васъ нѣтъ болѣе времени. Намъ съ застывшими мыслями и чувствами нѣтъ болѣе ни жизни, ни смерти, нашъ удѣлъ—безсмертіе! Какой же выводъ сдѣлаемъ мы изъ этого застывшаго состоянія? Для кого безсмертны наши движущіеся двойники? Не для себя: они просто спятъ и видятъ одинъ и тотъ же сонъ и чувствуютъ себя такъ же хорошо или дурно, какъ мы, когда спимъ. Они безсмертны не для себя, а для насъ, остающихся въ покоѣ и о нихъ разсуждающихъ. Для насъ, стороннихъ наблюдателей, часы въ движущемся залѣ представляются остановившимися и всѣ происходящіе въ немъ процессы безконечно медленными. Мы станемъ стариками, будемъ при смерти, а для нашихъ двойниковъ будетъ длиться одно и то же мгновеніе".

Итакъ, въ залѣ, движущейся со скоростью свѣта, все застыло: тамъ нѣтъ ни движеній, ни времени, ни дѣйствій. Въ кинематографѣ это бываетъ, когда лента стоитъ, не движется. Ниже мы увидимъ, что, достигнувъ такой скорости, даже мельчайшая частица матеріи получаетъ столь большую массу, что ее не могутъ сдвинуть никакія силы: поэтому-то въ залѣ все и пришло въ застывшее состояніе! Если же скорость движенія зала начнетъ уменьшаться, то время, на нашъ взглядъ, начнетъ течь, и притомъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе эта скорость будетъ приближаться къ скорости движенія земли. Темпъ процессовъ въ движущемся тѣлѣ отъ безко-

нечно медленнаго будетъ приближаться къ темпу процессовъ земли. Въ кинематографѣ это можетъ быть достигнуто, благодаря увеличенію скорости движенія ленты.

Но есть разница между кинематографами міра и тѣми, которые служатъ для нашего развлеченія. И Умовъ пользуется этимъ различіемъ, чтобы выяснить тотъ странный предѣлъ для скорости матеріи, который не можетъ быть ею перейденъ—скорость свѣта.

Если мы будемъ замедлять движеніе ленты кинематографа, начиная съ той скорости, которая соотвѣтствуетъ темпу явленій земли, то постепенно будемъ приближаться къ темпу явленій въ тѣлахъ, въ своемъ движеніи приближающихся къ скорости свѣта. Наконецъ, лента остановилась—достигнута скорость свѣта. Теперь мы начинаемъ вращать ленту кинематографа въ обратную сторону: явленія, которыя намъ раскроются, будутъ соотвѣтствовать тѣлу, движущемуся со скоростью большей, чѣмъ скорость свѣта—съ сверхсвѣтовою скоростью. Подобно фантастическому Люмену, „кинематографъ покажетъ, какъ пошли бы явленія въ мірѣ, движущемся съ сверхсвѣтовой скоростью. Вы видали такія картины: лошадь бѣжитъ ногами впередъ, но тѣмъ не менѣе она удаляется отъ насъ. Все пошло бы въ обратномъ порядкѣ: старики молодѣютъ, умершіе воскресаютъ, слѣдствіе предшествуетъ причинѣ, примиреніе предшествуетъ ссорѣ. Послѣднимъ актомъ жизни человѣка является возвращеніе въ утробу матери, т. е. смерть обратнымъ порядкомъ“.

Но эта картина противорѣчитъ одному основному закону физики, такъ называемому „закону разсѣянія энергіи“ или „второму принципу термодинамики“ (ученія о теплотѣ, какъ особаго рода движенія), по которому всѣ естественные процессы текутъ только въ опредѣленномъ направленіи и не могутъ быть обращены. Итакъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ принципомъ стоитъ и невозможность для матеріи двигаться со скоростью, большею скорости свѣта. „Этотъ предѣлъ, соотвѣтствующій скорости движенія лучистой энергіи въ пустотѣ,—говоритъ Умовъ—вноситъ изумительное единство въ электромагнитное представленіе о мірѣ. Это какъ бы послѣдній штрихъ, его окончательно устанавливающій. Классическая механика, не знающая предѣловъ для скоростей движенія матеріи, является той абстракціей, тѣмъ отвлеченіемъ, которое и въ другихъ областяхъ уноситъ умъ человѣка за предѣлы реальности. Не можетъ быть больше рѣчи о механическомъ міровоззрѣніи на прежнихъ устояхъ. Въ новыхъ воззрѣніяхъ міръ является, благодаря ограниченію въ своихъ скоростяхъ, несравненно болѣе реальнымъ, и познаніе, уходя съ поверхности вещей и явленій въ ихъ глубину, зоветъ насъ къ исканію основъ реальной механики“.

Г. А. Гуревичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Дядя Яковъ и Яша.

I

Въ долу течетъ тихая рѣчка Илевна. Съ одной стороны къ ней спустились огороды Починка-Зарѣчнаго, съ другой—Потапова-Починка. Надъ рѣкой наклонились старые вязы, а къ нимъ прислонились плетни огородовъ; а если бы не прислонились, то упали бы—ихъ бы подмыла Илевна. Въ Илевнѣ водятся самыя горластыя лятушки на всемъ свѣтѣ.

Въ Починкѣ-Зарѣчномъ семь дворовъ, а въ Потаповѣ—девять. Въ Потаповѣ—всѣ Потаповы, въ Зарѣчномъ фамилии разныя.

Тутъ у насъ кругомъ все лѣса и все—«починки», все деревни, какъ говорится, четыре двора—семь улицъ. Мужики, надо правду сказать, живутъ привольно, все подъ руками и подъ бокомъ: вонъ—поле, вонъ—лѣсъ, палкой докинешь.

Еще до Петрова дня установились знойные, томительно длинные дни и въ жнитво сушь стояла. Въ поляхъ уже легла тишина. Полевая и лѣсная крикливая тварь поженилась, обзавелась собственнымъ домомъ и достаткомъ, остепенилась и умолкла. Это—такъ же, какъ и у людей бываетъ. Только билъ перепелъ по вечерамъ въ концахъ полосъ, должно быть, бранилъ бабъ, наступавшихъ на его владѣнія съ острыми серпами, да еще звенѣли сверчки: въ ночь начиналась такая музыка, точно сотни пилъ точили. Ночи стояли темныя, душныя, томящія. Въ ночь какъ будто набѣгали облака, начинали тревожно шумѣть рябины, а утро опять вставало ясное.

Бабы жали, а мужики пахали.

Дядя Яковъ Потаповъ тоже пахалъ. Подъ вечеръ проѣхалъ въ послѣдній разъ, подрѣзалъ межу, посмотрѣлъ на край краснаго заходившаго солнышка и сталъ выпрягать. Вывелъ мерина «Лукьяныча» изъ оглобель, повѣсилъ ему дугу на спину и пустилъ домой—домой онъ дорогу знаетъ,—а самъ за-

прокинулъ бороду, набралъ побольше воздуху и подалъ голосъ:

— Э-эй! Время! Конча-ай... Ба-бы!

Въ темномъ молчаливомъ ельникѣ и справа и слѣва раскатилось: «а-ай-ай! бабы!»

И у Зарѣчныхъ послышалось, закричали:

— Вре-емя! Эй-бабы! Кончай!

И тоже отдалось въ лѣсу.

Кричалъ Кузьма. У насъ—дядя Яковъ, у Зарѣчныхъ—Кузьма началъ держать, порядки ведутъ и сроки устанавливаютъ.

Дядя Яковъ—мужикъ широкій, ходитъ грудью, не торопясь, запрокинувъ широкую бороду, важный. Подъ усами обыкновенно прячется, шевелитъ усы усмѣшка. Руки, изъподъ засученыхъ рукавовъ, волосатыя, и весь онъ волосатый, пропахъ землей и прожженъ солнышкомъ.

Не торопясь, онъ прошелъ межой и садомъ. Пустилъ мерина и коровъ, которыя стояли, повѣсивъ головы, у воротъ. Въ избѣ никого не было. Сетя еще не воротилась съ поля, а Пава куда-то умчалась—ея никогда не бываетъ дома.

— Шельма дѣвка, прахъ; хоть за косу привязывай!

Дядю разстояніе не стѣсняетъ—вышелъ на крыльцо и закричалъ:

— Зарѣчны, эй! Кузьма... крикни тамъ Паву! У васъ гдѣнибудь...

— Па-ава!—кричитъ за рѣкой Кузьма.

«Па-вва!»—разносится по лѣсу.

— Картошки окапывать завтра!—кричитъ дядя.

— И мы хотимъ! Надо!—отвѣчаетъ Кузьма.

Начинается съ берега на берегъ очередная бесѣда.

А черезъ минуту откуда-то вывертывается Пава; мчится межъ плетей, балансируетъ на лавахъ черезъ рѣчку, красиво перегибаясь, точно танцуя, тонкая въ поясѣ, гибкая, стройная; платокъ у ней съѣхалъ съ головы.

Зачѣмъ она бѣгала за рѣку—напрасно спрашивать, все равно не скажетъ; будетъ егозить, говорить глупости, краснѣть, хихикать и увильнетъ такъ или иначе... пожалуй, заплачетъ.

Пава празднуетъ первую весну и живетъ безпокойно. У ней во всемъ тайна, все скрыто, спрятано. Какъ птица лѣсная пугливая, сейчасъ и затаится.

Дядя и не станетъ спрашивать, онъ выше этихъ пустяковъ, онъ не касается «бабьихъ дѣлъ».

Ужинаютъ еще засвѣтло, а послѣ ужина сейчасъ же и засыпаютъ оба Починка.

И наступаетъ ночь, теплая, темная.

Теперь ужь, однако, не всѣ и въ Починкахъ ложатся по-

старинному рано, напримѣръ—Яша... Да и дядя Яковъ послѣ ужина еще сходитъ на пчельникъ, непремѣнно.

Ничего не подѣлаешь—охота. Пчельникъ вѣдь это не то, что, напримѣръ, телятникъ или другая какая-нибудь доходная хозяйственная статья, а дѣло душевное,—пчеловоды вообще мечтающій народъ.

Идетъ дядя, поглаживаетъ животъ послѣ ужина и вздыхаетъ:

— Хорошо какъ... Эка благодать-то, Господи! Ночка божья теплая...

Дядя босъ; воротъ рубашки у него разстегнутъ.

По небу опять потянули тучки, опять тревожно зашептали рябины, а вѣтерокъ такъ и обдаетъ тепломъ и горячимъ ароматомъ разогрѣтой хвои изъ лѣсу. И—еще не спятъ: подъ рябинами—сидятъ—чуть видно—Пава и подруга ея Онька; покрылись однимъ платкомъ, прижались и тихонько поютъ пѣсню:

«Въ саду ягода-малина...»

«Не спится дѣвкамъ...»—усмѣхается дядя въ усы.

Пчельникъ у него тамъ, гдѣ Илевна входитъ въ лѣсъ, на этой сторонѣ, а на другой—черезъ рѣку—Яши.

Вокругъ пчельника стоитъ густой ельникъ темной стѣной, то есть еще изгородь, черезъ которую «зря не пройдешь»—это всѣ знаютъ: на кольяхъ изгороди въ темнотѣ бѣлѣютъ оскаленными зубами лошадиные черепа, и высокія ели шумятъ мягко и мрачно... У стариковъ занятіе съ пчелой было отуманено тайной. Пчелякъ—это старикъ, которому природа однажды прошептала кое-что на ухо по секрету; онъ обыкновенно и травки знаетъ. Не у всякаго пчелы водятся, надо «слово» знать. Дядя Яковъ уже не настоящій пчелякъ. Но рядомъ съ дядинымъ есть пчельникъ Яши, такъ это дѣло уже ни на что не похожее...

Дядя бѣлѣетъ между елями и ходитъ по рядамъ, какъ колдунъ,—слушаетъ, какъ гудятъ сытыя пчелы.

Не всѣ одинаково гудятъ: есть такія, что уныло воютъ, а у двухъ-трехъ суетливая бѣготня и раздраженный пискъ—это обворованныя. У пчелъ, какъ и у людей, воровство ведется съ давнихъ поръ.

«Яшины воруютъ»,—думаетъ дядя и испытываетъ нѣкое задорное чувство къ Яшѣ. И еще одно чувство онъ постоянно къ нему испытываетъ, въ которомъ ни за что себѣ не сознается.

И воруютъ, и вообще дѣла на пчельникѣ у дяди идутъ плохо. О причинахъ дядя догадывается, но не хочетъ ихъ признать; къ лошадинымъ черепамъ давно не чувствуетъ уваженія, но не сниметъ ихъ съ кольевъ ни за что. Поглядыва-

етъ, какъ они скалятъ зубы, да усмѣхается въ усы... Не поймешь дядю.

— Ахъ, Господи, духъ-атъ-какой! Дышишь не надышишься.

Стоитъ, слушаетъ дремотный мрачный шумъ лѣса. Какъ туманъ, онъ обволакиваетъ сознаніе, что-то мягкое и печальное входитъ въ душу. Умиротворенный пойдетъ дядя домой... Но всякій разъ, какъ пойдетъ домой, бѣсъ его толкаетъ подъ руку и повернетъ онъ къ Яшѣ, непремѣнно...

Погнется объ лѣвую руку и возьметъ къ рѣкѣ.

Когда-то тутъ хлеснулъ съ берега на берегъ подмытый старый осокорь—по немъ и перебираются на ту сторону.

Вода темная, старое чудовище съ голыми сучьями ощетинилось и точно костлявыми руками ищетъ что-то въ темной водѣ, будто живое.

У Яши пчельникъ на открытомъ мѣстѣ, и все здѣсь посаженое, а не Богъ выростилъ, и все не такъ, какъ у дяди Якова. Вдоль изгороди густыя подстриженныя акаціи; за изгородью посажены рядами яблони и—теперь не видно—но есть и грядки и ягодные кусты—тоже подстриженные. Да еще мало того, на каждомъ деревѣ или кусту есть дощечка, привязанная проволокой и на ней написано, какъ называется растеніе и—сортъ его. Рядами бѣлѣютъ рамочные ульи, точно памятники на городскомъ кладбищѣ. И ульи имѣютъ имена, написанныя синей краской на каждомъ. Есть—«Богатырь», «Энергичный», «Москва», «Петербургъ», «Америка»... Есть одна, печальнаго вида, простая колода, на которой написано: «Антонъ Горемыка». Это въ насмѣшку, это—демонстрація.

Войти на пчельникъ очень просто: калитка рядомъ и не заперта, но дядя раздвигаетъ густыя акаціи и вѣшаетъ бороду черезъ изгородь.

— Эй, читатель!—кричитъ онъ.

На пчельникѣ—келья, въ окнѣ—огонекъ. Яша и живетъ здѣсь на пчельникѣ въ кельѣ; отъ дома онъ совсѣмъ отбился.

Однообразно гудятъ ульи, верещатъ сверчки и все-таки кажется, что тишина здѣсь безмятежная, только слышно, какъ щелкаютъ стручки на акаціяхъ, стрѣляя въ дядю горохомъ.

Изъ кельи выходитъ Яша. Въ полосѣ свѣта изъ окна видно, что онъ большой, угловатый—молодой еще парень.

— Все читаешь?—начинаетъ дядя Яковъ.

— Читаю,—угрюмо отвѣчаетъ Яша.

— Зачитаешься, братъ, съ ума сойдешь.

Яша молчитъ.

— Одинъ вотъ такъ-то читалъ-читалъ, да и зачитался, говоритъ—Бога нѣтъ...

Яша молчитъ.

— Вотъ и ты, братъ, такъ же... Придется тебя отчитывать и на веревку, какъ примѣрно теленка, привязывать.

Яша упорно молчитъ.

— Что молчишь? Не нравится... Эхъ, Яша, бить бы тебя надо, да некому!

— То-есть какъ бить?—живо отзывается Яша.—За что?

— За волосья, или за что другое.

Яша дѣлаетъ полъоборота, чтобы уйти, а дядя продолжаетъ:

— За непочтеніе старшихъ, за гордость твою, за то, что ты не желаешь жить по-людски, какъ добрые люди живутъ, а хочешь быть всѣхъ умнѣе... Вотъ, примѣрно, за это самое.

— Я никому не позволю себя бить!—ощетинивается Яша.—И не желаю съ вами разговаривать...

— Постой, братъ, малость... Старшихъ почитать надо, ай нѣтъ?

— Нѣтъ,—отрѣзываетъ Яша.

— Та-акъ...—тянетъ дядя, притворно изумляясь.—Ну-ну-у! Вотъ до чего дочитался!.. И молоко въ постъ, стало быть, ѣсть можно? И никакого грѣха ты не признаешь?.. Ну-ну-у!

Дядя дѣлаетъ видъ, что пораженъ и огорченъ.

— Я такъ и зналъ... Стало быть, говоришь ты, и ада нѣтъ, а растопленная массыя, лава, то-ись? И въ Писаніи, значитъ, неправильно написано: «сошелъ еси въ преисподняя земли...». Значитъ, по наукѣ ты ни во что не вѣришь... и Бога нѣтъ, и жечь тебя, думаешь, не станутъ, и ничего не боишься?

— Тыщу разъ вамъ доказывалъ,—хмуро роняетъ Яша и хочетъ уйти.

— Нѣтъ, ты постой, братъ... Молодъ ты изъ своего ума, это я слышалъ... И вотъ за это самое и слѣдовало бы тебя поучить хорошенько березовой лозой... и еще за то, что свою волю взялъ и про себя жить хочешь...

Яша уходитъ и громко хлопаетъ дверью.

— А мощи—какъ?.. Ага, не любишь! То-то...

Дядя постоитъ, усмѣхаясь въ густые усы, и уходитъ, посмѣиваясь.

Идетъ, совершенно довольный собой, подставляя ласковому вѣтру разстегнутую грудь, точно купается въ теплой душистой ночи,—идетъ и довольная усмѣшка бродитъ у него подъ усами.

— Какъ хорошо, Господи! Ночка божья теплая.

Стали вспыхивать зарницы надъ лѣсомъ, точно взмахнетъ кто краснымъ платкомъ съ черной зубчатой каймой внизу. Ночь темная, теплая, томящая.

«Не дастъ ли Богъ дождя,—думаетъ дядя.—Хорошо бы».

Тревожно шумятъ рябины. Пава и Онька еще сидятъ подъ рябинами.

— Спать пора!—говоритъ имъ дядя.—Чего однѣмъ-то сидѣть...

Трогаетъ плетень у сосѣда Ивана и бормочетъ:

— Хилъ. Давно смѣнить колья надо. Хоз-зявы!..

Какъ только скрипнули ворота за дядей, дѣвицы снялись и помчались прямо къ лѣсу.

Струсили, еще не добѣжавъ до лѣсу. Не помнили, какъ переправились черезъ Илевну, потому что смертельно перепугались на переправѣ, чуть въ воду не попадали. Ночь темная, вода подъ ногами черная; тишина... и—вдругъ... вылѣзла, должно быть, большая лягушка, раздула зобъ и крякнула: курракъ!

Чуть въ воду не попадали и насилу отдышались у Яшика пчельника. А, отдышавшись, принялись хохотать, чуть не задохнулись отъ смѣха.

Яша стоялъ у изгороди.

— Яша, насъ лягушка напугала... ха-ха-ха!

— А, можетъ, это не лягушка, а нечистый духъ? Ха-ха-ха!

— Глупости!—говоритъ Яша.—Никакихъ духовъ нѣтъ. Это суевѣрія.

— Яша, ты не боишься здѣсь одинъ?

— А чего мнѣ бояться?

— Нечистыхъ духовъ, бѣсей...

— Не вѣрю въ это; это же старинныя суевѣрія.

— Такъ и ночуешь всю ночь одинъ?

— Одинъ.

— А, можетъ, не одинъ? Хи-хи-хи.

Яша конфузливо отворачивается.

Дѣвицы стоятъ, прижавшись другъ къ другу по одну сторону изгороди, Яша—по другую.

— Яша, ты что сейчасъ дѣлалъ?

— Книжку читалъ.

— Какую?

— Сочиненіе графа Толстова.

— Объ чемъ тамъ написано?

— Объ чемъ... объ разномъ... про жизнь.

— А стихи ты умѣешь говорить... про любовь?

— Не умѣю.

Дѣвицы хихикаютъ, возятся, шепчутся.

— Яша... мы меду хотимъ... хи-хи-хи!

— Ладно. Я сейчасъ принесу.

— Мы сами придемъ...

— Такъ—идите.

— Идемъ, Онька?

— Идемъ...

Опять возятся, о чемъ-то шепчутся

— Я лучше здѣсь перелѣзу, Яша?—говоритъ Пава.

Пава перелѣзаетъ; изгородь трещитъ, она взмахиваетъ руками и взвизгиваетъ:

— Ой, падаю, падаю!

Ничего не подѣлаешь... Яша растопыриваетъ свои грабли и Пава виснетъ у него на шеѣ, гибкая, горячая... и какъ-то это само случилось—Яша прижимаетъ ее крѣпко и задерживаетъ на рукахъ.

За это въ одну минуту получаетъ щелчокъ по лбу и по рукамъ.

— Ишь какой... облапилъ, лѣзетъ ручищами!

Яша отступаетъ; ему до крайности неловко.

— Ай, пчела!—визжитъ Пава.—Въ волосахъ!.. Пымай ее! Ой!—на шеѣ...

Яша дотрагивается до волосъ и касается голой шеи...

— Никакой пчелы нѣтъ.

— Она, видно, улетѣла,—хихикаетъ Пава и бѣжитъ въ келью.

Изба мала и низка; пахнетъ керосиномъ отъ выгорѣвшей лампы. Уголокъ около стола оклеенъ иллюстраціями изъ журналовъ. И на столѣ стопки книжекъ. Безпорядокъ въ избѣ возмутительный. Роевни, дымари, корзина съ углями, ведро, зеленый однобокій самоваръ; на столѣ, гдѣ книжки, горшокъ съ картошкой... въ углу—лопата, грабли; на постели—какой-то хламъ въ кучѣ...

Пава поглядѣла на Яшино хозяйство и только руками всплеснула:

И Ахъ, батюшки! Ахъ, дурачина безтолковый! Тоже—житель! Горшокъ-то здѣсь зачѣмъ? Угли-то зачѣмъ просыпалъ?. Лопату сюда вперъ!.. Ахъ, батюшки!

Засучила рукава и принялась за дѣло. Лопата полетѣла за дверь, за ней грабли, корзина... Яша стоялъ столбомъ и смотрѣлъ, какъ вихремъ кружилась по избѣ проворная дѣвка, задѣвая его то косой, то платьемъ и затѣсняя въ уголъ. Убирала, разставляла, вытирала и всплескивала руками:

— Ахъ, муракъ, ну и дуракъ! Хоть бы стекло-то почистилъ... А самоваръ-атъ у него—батюшки! Постель-то, постель-то! Рубашки-то!—налетѣла она на Яшу, тыча ему въ лицо связкой грязныхъ рубашекъ.—Ты ими чего затыкалъ?..

— Не тронь, не твое тутъ дѣло!—пытался отстоять Яша свои рубашки отъ нескромнаго осмотра. Но задѣлъ руками за что-то упругое и нѣжное и опустилъ руки.

— Чѣмъ ты рожу свою утираешь? А?—наступала Пава грудью.—Гдѣ у тебя утиральникъ?.. Ай! Ха-ха-ха!—рубашкой утирается!—вскрикнула, какъ ужаленная, и залилась:—

Утирку онъ къ ведру привязалъ вмѣсто веревки!—И опять залилась.—Вотъ дуракъ, ну и дуракъ!

Какъ-то сразу она бросила все и исчезла.

Смѣхъ послышался за плетнемъ, дальше, и потухъ въ темнотѣ теплой ночи. Онька, вѣрная подруга, оставалась на мѣстѣ; а про медъ онѣ, должно быть, забыли.

Яша долго не могъ уснуть.

II.

Нельзя понять, почему дядя донимаетъ Яшу. А донимаетъ онъ его постоянно. Точно бѣсъ его, въ самомъ дѣлѣ, толкаетъ, потому что непріязни какъ будто у него нѣтъ къ нему. Иногда не поймешь дядю Якова.

Есть въ Починкѣ-Потаповѣ мужикъ Антипа. Мужикъ сутулый, въ землю глядитъ и втихомолку «про себя» живетъ, скрытный и жадный. Яша—сынъ этого Антипы и тоже про себя живетъ. Книжки читать началъ Яша давно и, конечно, потихоньку. Попадало ему за это занятіе, какъ водится, даже съ излишкомъ. Но Яша упрямъ, какъ быкъ. Самъ Антипа зналъ только одно: если парень читаетъ, значитъ, дома сидитъ, не гуляетъ,—значитъ,—меньше сапоговъ бьетъ; только не было бы въ дѣлахъ упущенья. Упущенья же не было: Яша вину за собой чувствовалъ и работалъ со рвеніемъ. Но отъ другихъ, въ томъ числѣ отъ дяди, Яша много перенесъ скорпіоновъ.

Не поймешь дядю. Донималъ онъ Яшу за чтеніе больше всѣхъ, но виноватъ больше всѣхъ именно онъ, именно онъ привезъ Яшѣ однажды цѣлый коробъ книжекъ... А въ оправданіе—совралъ:

— Былъ-ста въ усадьбѣ у Батурлихи, а лакей ихній, старичокъ Павелъ Иванычъ, и хочетъ этимъ вотъ хламомъ печку топить. Я-ста и говорю: отдай мнѣ, потолокъ оклею или на цыгарки годится...—Возьми, говоритъ...

Здорово совралъ дядя: за книги съ барскаго чердака онъ заплатилъ лакею Павлу собственную трешницу.

Потомъ, какъ потѣшался дядя, когда Яша трогалъ свой первый улей...—«Ха-ха, нашъ Яша камоду дѣлаетъ про пчелъ, хочетъ ихъ въ гальдеропъ посадить! Ты, Яша, имъ диванъ сдѣлай...» А самъ между тѣмъ зайдетъ, какъ будто мимоходомъ, и какъ будто такъ, между прочимъ, скажетъ: «Гвозди тамъ у меня есть, видѣлъ, зря же валяются, для твоего баловства авось годятся—ты возьми». А то: «доски у меня тамъ валяются, зря гніютъ,—можетъ, тебѣ для твоего бездѣлья надо — возьми, сгніютъ же» И келью, въ которой Яша живетъ теперь,

дядя Яковъ построилъ, это его бывшая баня,—«стара, ломать же, я себѣ новую хочу строить».

Онъ же далъ Яшѣ и молодыхъ поройковъ: «знаю, что уморишь, да ужь—ладно... пускай они тебя пожалятъ хорошенько, поучатъ».

Но Яша не уморилъ, а дѣло у него быстро пошло на ладъ. Онъ подсиливалъ, во время кормилъ, мѣнялъ матокъ, обновлялъ гнѣзда... Дядя посмѣивался, а пчельникъ у Яши росъ да росъ, и меду въ Яшинахъ комодахъ бывало всегда больше, чѣмъ въ дядиныхъ колодахъ. И весь ушелъ Яша въ свое хозяйство и въ книжки. Все у него по своему, все по новому, отъ дому совсѣмъ отбился, сталъ жить на пчельникѣ и стараніемъ неусыпнымъ изумлялъ даже дядю.

Растерялся было дядя, но скоро нашелся...—«Вотъ дурачина, гдѣ найдешь такого... Не даромъ говорится: заставь глупаго молиться—онъ готовъ расшибиться. Парень—въ возрастѣ, живетъ, какъ сычъ въ дуплѣ, знаетъ себѣ со пчелами да съ грядами возится; гдѣ бы погулять, съ дѣвчонками поиграть, пѣсенокъ попѣть, такъ нѣтъ—какъ старикъ какой—знаетъ свои книжки да ульи... тратитъ молодые годы, золотое время! Все, братъ, во время хорошо... Женить тебя, Яковъ, надо, вотъ что...».

И сталъ этимъ изводить Яшу.

А парень не выноситъ такого рода разговоровъ, просто не знаетъ, куда дѣвать себя отъ смущенія.

Не далѣе какъ вчера, дядя какъ будто случайно зашелъ къ Антипѣ, когда Яша былъ дома—вся семья обѣдала.

— Вотъ что, сосѣдъ... надо тебѣ женить парня.

Яша густо покраснѣлъ и пересталъ ѣсть.

— Ты объ этомъ, сосѣдъ, подумай въ своей головѣ. Парень въ возрастѣ, надо къ мѣсту опредѣлить, образовать парня живетъ онъ ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ—зря...

Дядя озабоченно-серьезенъ, а самъ искоса коварно наблюдаетъ за Яшей. Яша не знаетъ, куда дѣвать свои глаза, красенъ, какъ кумачъ, и полонъ негодованія.

— Парень онъ, конечно, объ этомъ не скажетъ, а ты, сосѣдъ, самъ долженъ понимать.

Примирительно присоединяется мать Яши:

— Парень у насъ не балуется, Яковъ Васильичъ; а ежели хочетъ—что жъ,—съ нашей стороны—съ Богомъ...

Яша швыряетъ ложку и, уходя, бранится:

— Не желаю я васъ слушать! И не ваше это дѣло... И не имѣете вы права! Дураки вы!

Яша уходитъ, а дядя посмѣивается, поглаживая бороду, и безъ него разговора о женитьбѣ не продолжаетъ.

Не поймешь дядю Якова. Мнѣ, напримѣръ, казалось, что

если бы самъ Антипа вздумалъ женить Яшу, дядя бы возсталъ противъ этого.

III.

Казанская—праздничный день. Завтра на сѣнокосъ.

Послѣ перваго обѣда въ праздничный день на той и на этой сторонѣ всѣ спятъ—«отдыхаютъ».

Дядя Яковъ не любилъ спать днемъ и не знаетъ, куда дѣвать себя въ это время.

Выйдетъ на улицу. Зной... Сонная тишина; точно все застыло въ зноѣ. На улицѣ только куры трепыхаются въ горячей, какъ зола, землѣ на завалинахъ. Солнышко каждый день заберется Богъ знаетъ на какую высь, и палитъ, и палитъ...

Скука.

— Спятъ!—качаетъ головой дядя.—Спится имъ... Наро-дъ! Хоз-зявы!

Постоитъ, покачаетъ головой. Запрокинетъ бороду и подаетъ голосъ вдоль Починка-Потапова:

— Антипа! Э-ей!.. Иванъ!... Ба-абы!..

Тьфу! Точно умерли...

Постоитъ и подаетъ голосъ за рѣку:

— Эй, зарѣчны! Кузьма, э-эй! Григорій!.. Тьфу! Точно передохли...

Плюнетъ и съ сердцемъ махнетъ рукой: «наро-дъ!».

Пойдетъ въ поле. Поле потускнѣло, запылилось, на буграхъ подъ ногами хруститъ сухая трава. И тоже все застыло въ зноѣ.

Подниметъ дядя руки къ небу и возопитъ:

— Господи Владыко! Палитъ тебѣ и палитъ... Четвертую недѣлю хоть бы капля! Хоть бы какая капля! Жаритъ тебѣ и жаритъ! Что ты тутъ подѣлаешь? Все сохнетъ, все горитъ Какъ будутъ жить мужики? Всѣ подымутъ руки на небо!

Въ полѣ тишина, знойный сонъ и скука.

Куда идти?.. Пошелъ бы дядя на пчельникъ къ Яшѣ, но чувствуетъ себя сильно не въ духѣ и поэтому не пойдетъ.

Изъ села отъ обѣдни идетъ яркая нарядная толпа дѣвицъ. Въ зеленыхъ, желтыхъ, розовыхъ, золотистыхъ, оранжевыхъ платкахъ. Дядя остановился, сказалъ: платки выгорятъ и полиняютъ. Смутилъ дѣвицъ. Потомъ приложилъ руку козырькомъ—узналъ, видитъ прямикомъ по межамъ отъ лѣса мчится Пава. Нагнула голову, прячетъ лицо. Хотѣла стрѣльнуть мимо, дядя остановилъ:

— Куда бѣгала?

— Никуда...

Не сталъ настаивать. Все равно, ничего не узнаешь: наговоритъ дѣвка разныхъ глупостей. Усмѣхнулся и махнулъ рукой.

Между нами говоря, Пава бѣгала на пчельникъ къ Яшѣ. Воротился дядя въ улицу, и опять послышалось:

— Антипа, эй! Ба-абы! Эй, зарѣчны!

Дядя табунный баранъ и одиночества не выноситъ, теряется и вянетъ.

Наконецъ, черезъ добрый часъ дядина томленія на лавочку подъ рябины сходятся всѣ мужики и бабы, всѣ восемь домохозяевъ, въ томъ числѣ Степанида да Анна.

Дядя оживаетъ и гогочетъ, какъ пѣтухъ.

— Бабы, овчины сушить! Сейчасъ же раскиньте... И шубное, и ватное чтобы... Часомъ теперя высушишь. А потомъ айда все ко мнѣ въ кладовую. Время—сушь, долго-ли до грѣха...

— Завтра, Господи благослови, на сѣнокосъ на Огибные. Значитъ, въ ночь бабы печки топить, хлѣбовъ, лапшей готовить...

Бабы слушаются; развѣшиваютъ на плетни, на шесты овчины и шубы, а дядя похаживаетъ и гогочетъ:

— Это, Онька, тебѣ на шубу припасено? Сколько овчинъ?

— Семь, дядя Яковъ.

— Надо—восемь, Онька. Дѣвкамъ надо восемь, чтобы была бористая, густая шуба. Ты выпроси у Антипы... а не дастъ, у меня возьми. Я Сетѣ купилъ, ну, а Сетя—баба, бабамъ будетъ семи...

На лавочкѣ непремѣнно зайдетъ разговоръ объ Афонѣ, девятомъ домохозяинѣ Починка, блудномъ сынѣ общества.

— Нашъ Аѳоня еще косы въ руки не бралъ...

— Лежитъ на печи, да газету читаетъ.

— Знать ничего не хочетъ.

— На что надѣется!

— Надѣется, что зимой опять дадимъ!—возбуждается Антипа.— А я первый не дамъ. Такъ бы онъ и зналъ!—Антипа тычетъ палкой:—не дамъ!

— Ты бы сходилъ къ Аѳонѣ, дядя Яковъ, усовѣстилъ бы?

— Сходилъ бы дядя... сказалъ бы: не дадутъ, молъ,—будетъ, потеръ мірскую-то шею.

И дядя возбуждается:

— Что жь, я схожу. Я скажу... Я такъ скажу, что онъ сразу слѣзетъ съ печи! Прокушу до больного мѣста! О-онъ подумаетъ... Скажу, мужики послали; Антипа, молъ, говоритъ—не дамъ... Я прохвачу!

Дядя строитъ суровое лицо и идетъ къ Аѳониной избѣ.

Афонина изба—большая съ большими, «по богатому», окошками—потемнѣла и носитъ явные слѣды упадка, и совсѣмъ валится большой дворъ.

Жили старики, по прозвищу Забота да Заботиха, ѣли рѣдь

ку съ квасомъ и накопили Аѳонѣ Заботину денегъ. Старики говаривали: «умремъ, плохо тебѣ, Афоня, будетъ». И умерли. Аѳоня купилъ себѣ хорошаго коня, казанскія козырчатыя саночки и завелъ знакомство съ образованными людьми; повадились къ нему въ гости писаря, лѣсничіе господа, и членъ управы заѣзжалъ. Аѳонѣ нужно пахать, а онъ съ господами на охоту поѣхалъ. Господамъ это можно, они жалованье получаютъ, а Аѳоня могъ получить только за работу. Ну, сегодня пиры, да завтра пиры, и обозначились у Аѳони въ карманѣ дыры: господамъ однихъ рыжиковъ не подашь на закуску. Когда дыры явственно обозначились, господа перестали ѣздить, а Аѳоня легъ на печь. Либо на печи лежитъ, либо чай пьетъ, жиденькій, иногда безъ сахара, и старую газету читаетъ. Баба у него дура, потатчица, за своего Аѳанасья Иваныча горой стоитъ. Мужикъ онъ большой, гладкій, добрый и веселый. А ребятишекъ — куча.

Приходитъ дядя въ избу, садится на лавку, качаетъ головой и начинаетъ:

— Гляжу я на тебя, Аѳоня: лежишь ты—ноги-то на аршинъ съ печи свѣсились...

— Что я тебѣ помѣшалъ?—отзывается Аѳоня съ печи.

— А то... что люди добрые косить собрались, а ты о чемъ думаешь? Смотри, придетъ зима, сѣна тебѣ не дадимъ,—такъ и знай!

— Дашь,—спокойно говоритъ Аѳоня.

— Не дадимъ.

— Дашь.

— Ну, я, можетъ, дамъ, а ужъ бабы-то не дадутъ!

— Дадутъ.

— Можетъ, и бабы дадутъ, а ужъ Антипа не дастъ; онъ такъ и сказалъ: скажи, говоритъ, что не дамъ.

— Дастъ. Чѣмъ же скотина-то будетъ виновата?

Тьфу ты!—возмущается дядя.—Не скотина, а ты виноватъ! Бери косу да иди въ поле!

— Мало ли что... А ты не ругайся, а садись-ка вотъ чай пить.

— Я говорю: бери косу да иди въ поле!

— И пойду, дай срокъ... Вотъ разыщу ее, косу, и пойду; коса у меня, тово... гдѣ-то завалилась.

Дядя только руками разводитъ. А на помощь Аѳонѣ приходитъ баба:

— Онъ у насъ что-то все не больно здоровъ, Яковъ Василичъ; такъ видимость одна, а нѣтъ въ емъ настоящаго здоровья.

Дядя головой качаетъ, а бороду закусилъ, чтобы не разсмѣяться:

— Дура баба, потатчица...

— Садись-ка вотъ чай пить,—добродушно говоритъ Аѳоня, слѣзая съ печи.—Я тебѣ про происшествіе прочитаю... а то—стишокъ въ газетѣ занятный есть.

Аѳоня знаетъ, что дядя любитъ послушать что-нибудь этакое...

Зимой опять придется дядѣ ходить по избамъ и уговаривать дать Аѳонѣ сѣна или муки и повторять про скотину: «чай, скотина-то она не виновата»... Антипа бы дѣйствительно не далъ, но онъ не рѣшается пойти противъ дяди.

IV.

Луга рядомъ, верстахъ въ двухъ по Илевнѣ, но во время сѣнокоса оба Починка цѣлую недѣлю живутъ въ лугахъ. Такъ ведется. Покосы по обѣимъ сторонамъ рѣки, но у обоихъ Починковъ въ одной межѣ. Обыкновенно Кузьма трясетъ шапку, а дядя вынимаетъ жребій и—кому гдѣ достанется. Косятъ вмѣстѣ, и дѣлятъ сѣномъ. Антипа давно противъ этого, но большина въ обществѣ—дяди и Антипа подчиняется. Живутъ въ одномъ шалашѣ, варятъ въ одномъ котлѣ, харчи разверстаютъ послѣ — на кого что придется, поровну. А въ порядкахъ, и въ началѣ дядя Яковъ.

Только Яша на этотъ разъ отдѣлился, поставилъ свой шалашъ.

И никто, кромѣ дяди, не знаетъ, какая у Яши великолѣпная коса!

Косьба—работа молодецкая и на виду у всѣхъ; для молодого парня вопросъ чести выстоять въ ряду настоящихъ косцовъ, а Яша парень самолюбивый и хотѣлъ бы быть впереди всѣхъ. Передъ сѣнокосомъ онъ сходилъ въ городъ, обошелъ всѣ лавки и перепробовалъ всѣ косы, какія были въ земскомъ складѣ, и выбралъ—не пожалѣлъ денегъ—косу, настоящую «киньонку». Долго и тщательно подбиралъ косье по рукѣ; присаживалъ, пробовалъ,—добивался, чтобы присадка была по росту, привольна къ размаху, по вѣсу, захватъ—по силѣ. И добился. Наточилъ, направилъ; попробовалъ—взмахнулъ: не коса, а бритва! Даже засмѣялся отъ удовольствія. Принесъ ее сюда, бережно завернутую въ тряпки (порвалъ рубашку въ тряпки). Но дядя увидалъ—онъ все видитъ. Посмотрѣлъ, приладился и сказалъ только: «не коса, братъ, коситъ, а косецъ».

Вышли до восхода солнца.

Точно сквозь небесныя занавѣси, разливался изъ края въ край, дремалъ тихій кроткій свѣтъ. Трава отяжелѣла отъ росы

и поникла, сизая,—точно плавныя волны по долу къ рѣкѣ. Еще все спало; первая—въ рощѣ, въ высокихъ осокоряхъ за рѣкой—какая-то птичка звонко прощебетала: «цве-ти-ве-цве-ти-ве-ге!» И за ней—другая начала свое однообразное: «це! це! це!»—и только одно—«це!».

Надъ Илевной поднимался паръ, надъ лугами—благовонія.

— Благодать-то какая Господня!—вздыхалъ дядя во всю широкую грудь.—Ну-ка, скажи, читатель, отвѣть мнѣ на вопросъ: есть, къ примѣру, города, въ городахъ фабрики, машины, магазины, небель разная... для чего это?

Яша подумалъ, нѣтъ ли въ вопросѣ дяди какого коварства, и отвѣтилъ:

— Для чего? По моему для того, что жизнь была удобнѣе.

— Та-акъ... А для меня она вотъ и безъ этого удобна. Ахъ какъ удобна! Зимой—изба теплая, сытъ, одѣтъ, слава Богу... А теперя—гляди-ка: просторъ-атъ, духъ-атъ... духъ-атъ, духъ-атъ какой! Нѣтъ, это тамъ ни къ чему выдумано, одна тѣснота...

Дядя не кончилъ, спохватился.

— Ну, ребятушки, молимся Богу! Господи, благослови... Читателя пустимъ передомъ... Ну-ка, читатель, расправляй лопатки! Это тебѣ, братъ, не книжки читать. Поглядимъ мы на тебя, каковъ ты есть человѣкъ въ ряду? Ежели ты, братъ, желаешь гордость свою соблюдать—иди передомъ. Ну-ка, становись!

— Съ Богомъ!—скомандовалъ дядя.

Пошелъ Яша. Дядя сзади готовится. Всѣ глядятъ и взгляды вяжутъ по рукамъ и по ногамъ. Руки, какъ деревянныя, стали, коса, какъ оглобля въ рукахъ, подъ ноги, точно палки подсовываютъ. Машетъ—взмахъ невѣрный, шагъ—не въ ладъ, качается, коса спотыкается—бѣда!.. А дядя—радъ: дразнитъ, насмѣшками, какъ кнутомъ хлещетъ.

— Такъ-то... Ай да читатель! На костыляхъ пошелъ. Ай да косецъ! Ай да молодецъ! Хромаешь, братъ! Тебѣ съ бабами косить! Нѣтъ, по нашему не такъ... А вотъ какъ! Рразъ! Рразъ! Держись, братъ,—я пошелъ!.. Эй, береги пятки!

Какъ кнутомъ хлещетъ. Пава смотритъ... Уши горятъ, лицо пылаетъ. Озлобился Яша, стиснулъ зубы, сердце, какъ кипяткомъ обожгло, и... вдругъ наладился. Какъ услышалъ дядины мѣрные взмахи за собой, такъ и наладился. Сразу стало легко—вздохнулъ во всю грудь; развернулъ плечи, шире шагнулъ, шире взмахнулъ,—подъ косой, какъ выбрито... И пошелъ, развертывая плечи, все шире шагая, все шире забирая, вольно, легко, упруго. Въ груди такая удаль, что, кажись, весь свѣтъ бы выкосилъ!—Ага, дядя, погоди, постой—кто кого...

— Дер-жись! Дер-жись! Пятки убирай!—задорно приговаривалъ сзади дядя, наступая.

— Не достанешь! Не достанешь!—бормоталъ Яша, забирая во всеь взмахъ своихъ длинныхъ рукъ.

— Это тебѣ не книжки читать... По нашему—вотъ-какъ! Вотъ-какъ!

— А по нашему—вотъ-какъ! да вотъ какъ!

— Мы, братъ, по-просту! Мы по-просту! Безъ книжекъ...

Все прибавляетъ дядя. Во всю ширь пустилъ. Смотритъ—а до Яшиныхъ пятокъ не достанешь.—Ахъ, свиненокъ, какъ распластался,—какъ настоящій косецъ!—Еще прибавилъ. Въ половину загона вкосились, смотритъ и—глазамъ своимъ не вѣритъ: Яшины длинныя ноги какъ будто дальше шагаютъ... Быть не можетъ! Дядя—знаменитый косецъ. Нѣтъ ли пропусковъ въ прокошевѣ?—Нѣтъ: чисто, какъ выбрито. Еще наддалъ дядя и сталъ покрикивать ужь неувѣренно, сбавилъ тона.

Кончилъ Яша. Оглянулся и... сердце его залило побѣдное ликованіе—дядя отсталъ! Обнялъ косу: не коса, а сестра родная! Отвернулся—онъ великодушенъ—чтобы не обижать дядю. А дядя неловко, торопливо докашивалъ, сконфуженъ и обезкураженъ. Кончилъ, вытеръ лысину и забормоталъ:

— Ты бы полегче, Яша; ты горячо взялъ, смотри, скоро упаришься, упадешь, братъ... Ты не равняйся со мной, меня надолго хватитъ, а ты, братъ, слабъ еще... Главное, коса у тебя хороша, хорошая коса...

— Не коса коситъ, а косецъ,—отплачиваетъ дядѣ Яша и прибавляетъ съ важностью:—Вотъ для чего фабрика-то.—А про себя думаетъ: «Увидимъ вотъ, кто будетъ слабъ...»

Вечеромъ Яша лежалъ у свѣже-сметанной копны на душистомъ сѣнѣ,—не на сѣнѣ лежалъ онъ, а на лаврахъ.

День закончился полной побѣдой и всеобщимъ признаніемъ. Возбужденный торжествомъ, Яша не чувствовалъ усталости, а просто чувствовалъ себя великолѣпно и все тутъ... Надъ нимъ кротко мигали звѣздочки, плавали медовые ароматы усыхающаго сѣна и откуда-то, либо изъ Бѣласовскихъ луговъ, либо со Стрѣлки, приносило дѣвичьи пѣсни, и пѣсни издали звучали нѣжно и печально... Вотъ только эти пѣсни самыя нѣсколько какъ будто и безпокоили Яшу... И здѣсь молодежь—слышно было—собралась на берегу Илевны въ ветлахъ. Но Яша не пошелъ бы къ нимъ ни за что. Въ его положеніи это было неподходящее дѣло, онъ не позволялъ себѣ этого, а теперь бы ужь и смѣлости на это не хватило. Его удѣлъ—одиночество и слава.

Между нами говоря, съ нѣкоторыхъ поръ Яша сталъ нѣсколько прислушиваться къ дѣвичьимъ пѣснямъ и ужь испы-

тываетъ нѣкоторую виноватость передъ собой, потому что это глупости. У него, Яши, есть важныя задачи: во-первыхъ, нужно ему купить самоучитель французскаго языка, во-вторыхъ, свою жизнь описать и хорошо бы еще купить книжку о томъ, какъ стихи сочинять. И сейчасъ онъ пытается думать объ этомъ, но въ мысляхъ торжествующій хаосъ, а уши какъ-то сами навастриваются въ сторону ветелъ и Илевны. Оттуда тоже слышны пѣсни и смѣхъ... а смѣхъ—Павы... Въ томъ-то и дѣло, что Павы... Какъ-то непріятно слышать тамъ ея смѣхъ.— Вотъ дура, чего смѣется... и смѣшного-то, навѣрное, ничего нѣтъ, однѣ глупости... И—пусть; мнѣ-то что, мнѣ все равно,— отмахивается Яша. А уши не слушаются, ловятъ звуки...

Позже, когда голоса въ ветлахъ разбрелись и стали потухать, настороженныя уши уловили звуки подозрительные —какъ будто рядомъ за копной. Онъ притворился, что спитъ.

— Онька, полѣземъ на эту копну?—говорила тихо Пава и хихикнула въ рукавъ.

—Полѣзай сначала ты, а я потомъ,—отвѣчала Онька, дѣвка сообразительная, подруга вѣрная.

Пава влѣзла на самую верхушку и скатилась съ другой стороны внизъ, прямо на Яшу.

— А!—вскрикнула она, какъ будто испугалась. — Кто тутъ?

— Попа-алась!.

Яша сегодня былъ смѣлъ.

— Тише...—шептала Пава.—Ой—жмешь!.. Убери руки... не лѣзь, куда не слѣдуетъ... Ишь, какой дуракъ..:

Отталкивала и прижималась... Ущипнула Яшу больно.

Какая-то птица крикнула. Прислушалась. Тихо; только сверчки звенятъ, да что-то стучитъ,—должно быть, у Яши сердце. Онька пропала.

Яша ткнулся губами куда-то подъ носомъ, но Пава сама прильнула гдѣ слѣдуетъ и все шептала:

— Ну ты смотри... смотри... не очень... Убери руки! Убери руки!.

V.

Во время сѣва и потомъ молотьбы у дяди Якова много работы и еще больше заботы. Нынче, кромѣ того, пособляли солдаткамъ. А въ этомъ случаѣ нужно было всѣхъ уговорить, согласить, и, какъ это говорится, объединить. Съ однимъ Антипой сколько возни—человѣкъ несогласный, все въ сторону лѣзетъ. Правда, собрать народъ у насъ просто: выйдетъ дядя на улицу, запрокинетъ бороду и гаркнетъ, сначала вдоль деревни, а потомъ за рѣку. Или еще проще—не собираясь, посовѣтуются: дядя—отсюда, Кузьма—изъ-за рѣки подаетъ голосъ, а

Иванъ или Антипа—отъ своихъ воротъ кричать, почесывая спину.

Давно Сетя пыталась поговорить съ дядей, да не уловишь его никакъ, наконецъ, вложила таки въ уши.

— Что я хотѣла тебѣ сказать, Яковъ Васильичъ...—зашептала она несмѣло.—Дѣло какъ будто, оно, и не ладно... Какъ будто, оно, и не тово... Гляжу я и думаю: чего бы не вышло, сраму какого. Сумливаюсь, какъ бы чего не случилось! Долго ли до грѣха... всяко оно бываетъ: дѣло молодое, глупое...

Долго бы прибирала Сетя, ходила вокругъ да около, плела паутину изъ подстрекающихъ словъ, но дядя сердито топнулъ ногой, и она разсказала:

— Я про Паву...—И разсказала, что Пава къ Яшѣ бѣгаетъ. Да что тутъ, ежели правду сказать, такъ и ночуетъ иной разъ, видно, на пчельникѣ! Въ кладовую будто уходитъ, а сама—къ Яшѣ... Стала замѣчать она: то горшокъ пропадетъ, то плошка, то ухватъ... А вчера, когда утромъ уходила за грибами, Пава всѣ свои наряды изъ сундука выбрала и куда-то унесла; туда же видно... Стала ее допрашивать, а дѣвка избычилась и молчитъ...—Такъ я и ахнула!..

Дядя не сталъ больше слушать, только бороду закусилъ.

Въ избѣ Павы не было. Вышелъ на крыльцо и гаркнулъ: «Пава!».

И Пава пришла.

Еще когда она шла, дядя уже все понялъ. Она бѣжала отъ пчельника, быстро мелькая босыми ногами, но, когда увидѣла, что отецъ ждетъ ее на крыльцѣ, заюлила, стала заплетаться ногами, пошла шагомъ и ноги у ней точно вязли. «Избычилась», и то краснѣла, то блѣднѣла...

Дядя, ничего не говоря, первымъ дѣломъ было потянулся за косу. Пава покорно присѣла. Но сейчасъ же дядя одумался, сообразилъ, что Паву этимъ не возьмешь, дѣвка только того и ждетъ, чтобы отецъ потаскалъ ее за косу; да и не его теперь воля въ Павиной косѣ, а Яши... Да и не въ Павѣ дѣло, а въ Яшѣ...

— Ступай, откуда пришла! Чтобы не видалъ я тебя...—сказалъ онъ и разговаривать больше не сталъ.

Ушелъ въ сарай, легъ на яровую солому и весь вечеръ и всю ночь лежалъ и думалъ.

Онъ не слыхалъ, какъ мать и дочь ревѣли сначала по одиночкѣ, а потомъ—вдвоемъ, и не видалъ, какъ ночью онѣ уходили на пчельникъ.

Всю ночь думалъ дядя. Ночью пошелъ дождикъ и до утра сыпалъ по крышѣ, точно горохомъ, и дядя думалъ до утра. А къ утру надумалъ и утвердился въ мысляхъ.

«Тутъ не Яша, а Пава въ зачинѣ. Пава глупа, но она змѣя

лукавая,—опутала парня. Сообразила, что честнымъ порядкомъ Яшу въ оглобли не введешь, и сдѣлала «такъ»... Думала еще, должно быть, что онъ, дядя, не отдастъ ее за Яшу и перетащила свои наряды—сожгла мосты... Змѣя-дѣвка, недаромъ бабы—змѣиное поколѣніе! Надѣла на парня узду. Жаль Яшу и —точно Яша обманулъ его, дядю...

«Исторія выходитъ простая: этакъ часто случается... Только вотъ не по-людски они, не по порядку—старшихъ не спросили. Но все можно поправить: сводить къ попу, а за непорядки, за непочтеніе старшихъ, пусть прощенья просятъ... Все это такъ,—думалъ дядя,—но Яша, Яша какъ будто обманулъ дядю. Былъ одинъ—единственный, особенный человѣкъ, теперь какъ будто нѣтъ его.—Росъ гусенокъ, думали галанскій гусь выростетъ—ждали, а оказался нашъ домашній сѣрякъ».

Ладно,—рѣшилъ дядя,—разъ такъ, пусть-ка онъ за непорядокъ, за непочтеніе старшихъ прощенья попроситъ и въ ноги поклонится... Поглядимъ еще, какимъ онъ себя покажетъ... Ну-ка?

Дядя вышелъ изъ сарая. Вышелъ и первымъ дѣломъ о своемъ рѣшеніи далъ знать вдоль Потапова и за рѣку, потому что совершенно справедливо полагалъ, что вся исторія ужъ хорошо извѣстна на обоихъ берегахъ Илевны.

— Эй, Антипа! Иванъ!.. Зарѣчны... Я говорю: пусть они въ ноги поклонятся! Вотъ что!

Объ этомъ рѣшеніи дано было знать на пчельникъ.

А вечеромъ Сетя, тайно отъ дяди, по задамъ да черезъ Зарѣчный побѣжала на пчельникъ сама.

Тамъ на пчельникѣ бабы уговаривали, плакали, а Яша страдалъ, но не сдавался.

— Сходи, Яша, поклонись отцу,—убѣждала Сетя.—Не трудно, парень,—голова не отвалится. Всего только одинъ разъ и поклониться то надо... Надо, чтобы все по-доброму, по-людски было: случился грѣхъ, провинились, ну и нагнуться надо. Тебѣ не тяжело, а ему будетъ любо, отцу то...

— Пойдемъ, Яша,—хныкала Пава.

— Я пойду, а только кланяться въ ноги не стану,—угрюмо отзывался Яша.—Да и не виноваты мы.

Всю ночь плакала Пава, а Яша страдалъ.

Утромъ пошли.

Дядя сидѣлъ на лавочкѣ подъ рябинами, а около него Антипа и почти все населеніе Починка-Потапова въ полномъ составѣ. Дядя былъ спокоенъ и важенъ.

— Что скажете?—спросилъ онъ, когда виноватая пара встала передъ нимъ.

Пава повалилась въ ноги и дернула Яшу за рукавъ:

— Прости, тятенька, Христа-ради!

Дядя испытующе смотрѣлъ на Яшу, а Яша сгоралъ отъ стыда.

— Что стоишь? Кланяйся въ ноги...

— Простите, дядя Яковъ, ежели что...

— Ты въ ноги кланяйся, не ломайся... Тебѣ, читатель, теперя гордиться не полагается, потому, какъ ты оказался не настоящій—баба хвостомъ тебя замела,—значитъ, становись въ ряды, слушайся старшихъ и соблюдай порядокъ. Кланяйся въ ноги!

Яша поблѣднѣлъ, топнулъ ногой и отрѣзалъ:

— Не поклонюсь!

Повернулся и пошелъ прямикомъ по межамъ черезъ поле. За нимъ, плача, побѣжала Пава.

Не поймешь дядю. Послѣ этого онъ какъ будто веселѣе сталъ. Ходилъ, поглаживая бороду, и шевелилъ, какъ котъ усами, усмѣхаясь. Точно по его вышло.

Ночью все приставала Сетя. Она опять успѣла сходить на пчельникъ. Не спала, бродила по избѣ и хныкала:

— Охъ, прости, отецъ! Сердечушко мое изболѣлось, на нихъ глядючи. Пава реветъ, а онъ не знаетъ, что съ собой дѣлать...

— Спи знай! Ничего ты не понимаешь!—крикнулъ грозно дядя.

И она замолчала, потому что очень боялась его. Дядя поколачивалъ ее и вообще къ бабамъ относился неуважительно.

Утромъ на томъ же мѣстѣ подъ рябинами, опять стояла опухшая отъ слезъ Пава, а за ней—блѣдный Яша, и сошлись оба Починка.

Со всѣхъ сторонъ налетѣли на Яшу:

— Поклонись, Яковъ! Экъ, закоснѣлъ парень... Что тебѣ стоитъ? чай, голова не отвалится... Только разъ и поклониться то; не великъ трудъ. Поклонись и—все... Ну взялъ да и поклонился!

А дядя сидѣлъ и ухмылялся.

И вдругъ у Яши перекосилось лицо и запрыгала губа. Онъ опустился на скамью и горько заплакалъ. Совсѣмъ по-дѣтски.

Дядя крякнулъ и махнулъ рукой.

— Ладно, прощаю... Неси, мать, образъ. Не настоящій ты, Яша, не изъ цѣлаго куска. Я думалъ: вотъ, молъ, у насъ самородный человѣкъ ростетъ, а ты—не то... Противъ бабы не выстоялъ.

Осенью дядя построилъ Яшѣ новую избу, и мужики выдѣлили ему изъ дядинаго добра долю, что полагалось.

— Вмѣстѣ намъ съ тобой, Яша, жить все-таки не рука, не уживемся,—сказалъ дядя. И не удержался, усмѣхнулся въ усы и прибавилъ:—Теперя, братъ, некогда будетъ книжки читать,—телятъ будешь выпаивать.

С. Матвѣевъ

И. С. ШМЕЛЕВЪ.

Кажется, далеко не все, написанное И. С. Шмелевымъ, вошло въ семь томиковъ его сочиненій. Мы вспоминаемъ нѣкоторые разсказы, печатавшіеся въ свое время въ журналахъ и газетахъ, не включенные, однако, въ эти шесть книжекъ. Для полноты сужденій не столько о характерѣ творчества Шмелева, сколько о тѣхъ измѣненіяхъ, какія оно претерпѣло—были бы полезны и эти его вещи; а такъ какъ именно вопросъ о его писательской эволюціи наиболѣе важенъ и интересенъ для автора предлагаемой статьи, то ему приходится пожалѣть о строгости авторскаго отбора, вообще говоря—достойной и уваженія, и подражанія. Однако и матеріалъ, предоставленный авторомъ читателю, даетъ все-таки возможность болѣе или менѣе увѣренно судить о томъ, куда направлена и какъ протекаетъ творческая работа Шмелева.

I.

Вопросъ о динамикѣ его творчества интереснѣе всѣхъ другихъ, какіе оно ставитъ предъ читателемъ. Потому что Шмелевъ—если не слишкомъ рѣдкій (хотя и не столь ужь частый) примѣръ писателя съ устойчивымъ, субъективно-консервативнымъ содержаніемъ, за то примѣръ на рѣдкость чистый и тѣмъ особенно интересный. Онъ являетъ какъ бы препаратъ художнической дѣятельности съ неподвижнымъ содержаніемъ и съ крайне подвижной формой. И для сужденій объ эволюціи формы и стиля въ нашей художественной литературѣ за послѣдніе полтора десятка лѣтъ—мало кто даетъ изслѣдователю матеріалъ болѣе характерный, чѣмъ Шмелевъ.

Понятіе содержанія подвижно. Говоря о содержаніи, мы имѣемъ въ виду не ту сумму свѣдѣній, не то количество и качество познанія, какое читатель выноситъ изъ произведеній Шмелева и которое, разумѣется, измѣнчиво въ строгомъ и абсолютномъ соотвѣтствіи съ эволюціей его формы и стиля а ту общую точку зрѣнія, ту идею,

которой проникнуто его творчество. Вотъ она-то у него прочна и почти неизмѣнна, отъ первой книжки до послѣдней. Онъ ничего не сжегъ изъ того, чему когда-либо поклонялся, и ничему не поклонился изъ того, что когда-либо сжигалъ: его симпатіи, грусть, печаль, радость, негодованіе направлены въ I томѣ разсказовъ точно такъ же, какъ и въ VII,—никакихъ отказовъ, раскаяній, разочарованій.

Его нравственный компасъ—весьма простъ, почтененъ и мало оригиналенъ. Если хотите—оригиналенъ въ томъ смыслѣ, что въ послѣднее время ему часто въ литературѣ измѣняютъ, но это—оригинальность и относительная, и недолговѣчная. Нравственный компасъ этотъ можно охарактеризовать, какъ стремленіе къ справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ. Автора часто (чаще всего) занимаютъ коллизіи, вытекающія изъ соціальнаго неравенства людей, его очерки и разсказы сплошь да рядомъ посвящены изображенію психологіи либо личности, соціально угнетенной (обычно сознавшей это и такъ или иначе протестующей), либо созерцающей это угнетеніе со стороны, либо, наконецъ, творящей соціальное зло. Затѣмъ обычная фигура въ разсказахъ Шмелева человѣкъ, засасываемый средой, соблазняемый матеріальными благами жизни и продающій свое духовное первородство, свое достоинство за уголъ, обезпеченность, вкусный кусокъ.

Въ этихъ фигурахъ и картинахъ авторъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ не столько на чисто-матеріальномъ злѣ—лишеніяхъ, страданіяхъ, болѣзняхъ, сколько на злѣ нравственномъ, на несправедливости, какъ таковой. Въ повѣсти „Распадъ“, первой вещи перваго сборника, изображенъ распадъ, казалось, необыкновенно прочной и крѣпкой, семьи, оказавшейся разъѣденной въ корнѣ той соціальной несправедливостью, на которой зиждилось все ея внѣшнее могущество и которая сама же къ себѣ возростила ненависть и отрицаніе внутри самой семьи. „Гражданинъ Уклейкинъ“, вторая повѣсть сборника, изображаетъ человѣка, жаждущаго осмысленнаго существованія, озареннаго мелькнувшей надеждой подняться надъ уровнемъ жалкаго животнаго прозябанія и вновь оказавшагося въ прежнемъ мизерномъ положеніи, уже безъ всякихъ надеждъ впереди. Во II томѣ почти всѣ разсказы либо прямо посвящены картинамъ общественнаго зла и психологіи его жертвъ, либо косвенно соприкасаются съ этимъ мотивомъ: тамъ затхлая общественная атмосфера мелкаго городишка отравляетъ всѣхъ, кто въ него попадаетъ; тамъ бѣдность прелестной татарской дѣвушки, любящей и любимой, обрекаетъ ее на страданія, униженія и отнимаетъ у нея того, кого она полюбила, и т. д. Третій томъ почти цѣликомъ занятъ повѣстью „Человѣкъ изъ ресторана“, съ которой и началась популярность писателя, — эта вещь вся построена на чувствѣ протеста противъ неправды въ человѣческихъ отношеніяхъ. Приблизительно то же самое мы можемъ про-

слѣдить и въ другихъ книжкахъ, правда, съ теченіемъ времени въ формѣ все менѣе открытой и не столь прямолинейно протестующей.

II.

Все это, какъ видитъ читатель, довольно обычно для русскаго писателя. Есть однако въ соціальныхъ мотивахъ Шмелева одна нотка и не совсѣмъ обычнаго свойства, порою выдѣляющая автора изъ родственной ему литературной среды протестантовъ противъ нравственнаго зла, порождаемаго соціальной несправедливостью. Въ публицистикѣ, впрочемъ, эта нотка — явленіе отнюдь не рѣдкое. Мы имѣемъ въ виду изображаемый авторомъ характеръ отношеній между интеллигенціей и простыми людьми изъ народа. Въ русской литературѣ въ данной области господствуетъ два основныхъ тона. Одни изображаютъ недовѣріе простого человѣка къ интеллигенту, обусловливаемое темнотой и непониманіемъ (это самый частый мотивъ); другіе рисуютъ постепенное разрушеніе недовѣрія, обусловливаемое опять-таки проникновеніемъ свѣта въ народную темноту. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ въ сущности мы имѣемъ двѣ стороны одного явленія, ибо въ обоихъ недовѣріе прямо пропорціонально темнотѣ и незнанію. Исключенія здѣсь рѣдки, — и даже у столь скупого цѣнителя интеллигенціи, какъ Толстой (въ „Воскресеніи"), изображенъ міръ подлинно-человѣчныхъ отношеній между соціалистами Марьей Павловной и Крыльцовымъ—съ одной, Масловой—съ другой стороны, отношеній, возникшихъ именно на почвѣ пониманія.

Но Шмелевъ—явное исключеніе въ данномъ отношеніи. У него простые люди обычно относятся къ интеллигентамъ съ глубокимъ недовѣріемъ и не на почвѣ непониманія, а какъ разъ потому, что отлично ихъ умѣютъ раскусить и, такъ сказать, разоблачить. И авторъ даетъ недвусмысленно понять, что его простые герои не заблуждаются, что они раздѣляютъ въ этомъ вопросѣ мнѣніе его самого. У Шмелева, если герой-интеллигентъ встрѣчается съ матеріальнымъ соблазномъ, толкающимъ на поступокъ, противный его совѣсти, побѣдителемъ выходитъ всегда соблазнъ („Патока", „Поѣздка"). Въ повѣсти „Гражданинъ Уклейкинъ" авторъ рисуетъ образъ простого человѣка съ незауряднымъ чувствомъ гражданскаго достоинства и ставитъ его лицомъ къ лицу съ интеллигентами, земскими служащими, къ которымъ Уклейкинъ является за совѣтомъ о наилучшемъ использованіи своихъ правъ гражданина-избирателя. Надобно отмѣтить тутъ же, что дѣло происходитъ въ періодъ политической весны, всеобщаго подъема. По аналогіи съ тѣмъ, что писалось о подобныхъ встрѣчахъ на политической почвѣ интеллигентовъ и протестующе настроенныхъ простолюдиновъ, читатель невольно ждетъ, что Уклейкинъ будетъ встрѣченъ, какъ желанный гость, что ему обрадуются и т. п. (часто писателя заста-

вляли въ подобныхъ случаяхъ своихъ героевъ - интеллигентовъ даже слегка заискивать у своихъ единомышленниковъ изъ народа). Но читателя постигаетъ разочарованіе, столь же горькое, какъ и бѣднаго Уклейкина: земцы, къ которымъ явился за совѣтомъ сапожникъ, мертвецки пьяны, орутъ, скандалятъ, заняты картами и визитъ кончается тѣмъ, что они напаиваютъ сапожника, зарекшагося было не пить ни капли. „Ты... — бормочетъ одинъ изъ „земцевъ“,—знаешь, ты кто? А?.. Постигъ ты это, а?.. Ты... я тебѣ объясню... Ты... гражданинъ!.. Это-то ужъ... романсъ безъ словъ... Ты хор-рошо... дѣлаешь. И я тебя... хвалю... Наплюй!..“ Большей профанаціи гражданскаго чувства и не придумать...

И еслибы читатель вздумалъ утѣшиться тѣмъ соображеніемъ, что Уклейкинъ попалъ случайно на отбросы интеллигентнаго общества, не характерные для интеллигенціи вообще, то авторъ предложитъ ему острыя и саркастическія реплики человѣка изъ ресторана, выслушавшаго безчисленное множество рѣчей самыхъ образованныхъ, самыхъ передовыхъ интеллигентовъ и разочаровавшагося не менѣе сапожника Уклейкина. „Образованный человѣкъ и учитель гимназіи,— скорбно повѣствуетъ человѣкъ изъ ресторана—и даже въ газетахъ пишутъ... склонивши голову ко мнѣ на грудь, всю манишку и жилетъ винной и другой жидкостью изъ своего желудка окатили. Противно смотрѣть на такое необразованіе! А какъ Татьянинъ день... ужь тутъ-то пятенъ, пятенъ всякихъ и по всѣмъ мѣстамъ... Нравственныя пятна! Пятна высшаго значенія! Значитъ, гдѣ же правда? И, значитъ, нѣтъ ея въ обиходѣ? Къ этому я ужасно въ послѣднее время склоняюсь“.

Въ газетахъ-то, допустимъ, пишутъ тоже разные люди, не одни типичные интеллигенты, не говоря ужъ о тѣхъ, кто Татьянинъ день празднуетъ; но человѣкъ изъ ресторана какъ бы предвидитъ и этотъ отводъ: „меня не обманешь,—замѣчаетъ онъ— хоть ты тамъ что хочешь говори всякими словами, чего я очень хорошо послушалъ въ разныхъ собраніяхъ, которыя у насъ собирались и разсуждали про разное... Банкеты были необыкновенные, со слезой говорили, а все пустое... Ужь если здѣсь нѣтъ настоящаго проникновенія, такъ на моментъ только все и испаряется, какъ послѣ куража“. „Собственно, вреда никакого нѣтъ... Стоишь и слушаешь. Такъ это скворчитъ въ ухѣ: зу-зу-зу... зу-зу-зу... Одинъ пустой разговоръ“. И человѣкъ изъ ресторана осуждаетъ этихъ „разсуждающихъ про разное“ интеллигентовъ не только за то, что никакихъ результатовъ отъ ихъ разговоровъ и рѣчей онъ не видитъ, а за самое лицемѣріе ихъ рѣчей. „Одна такъ-то все про то, какъ въ подвалахъ обитаютъ, и жалилась, что надо прекратить, а сама-то рябчика-то въ бѣломъ винѣ такъ и лущитъ, такъ это ножичкомъ-то по рябчику, какъ на скрипочкѣ играетъ. Соловьями поютъ въ тепломъ мѣстѣ и передъ зеркалами, и очень мнѣ обидно, что подвалы тамъ и всякія заразы... Ужь лучше бы

ругались. По крайности сразу видать, что ты изъ себя представляешь. А нѣтъ... знаютъ тоже, какъ падать, чтобы съ пылью". И авторъ не упускаетъ случая, когда онъ представляется, употребить терминъ „интеллигентъ" въ самомъ обидномъ, казнящемъ интеллигента, смыслѣ, какъ въ разсказѣ „Смѣна", гдѣ рабочіе жалуются на обмѣривающаго ихъ подрядчика кутящимъ съ проститутками городскимъ чиновникамъ, вызывая у одного изъ нихъ, землемѣра, нѣчто вродѣ негодованія и протеста: „Это надо вывѣсить!—восклицаетъ онъ. — Это что же! Я самъ изъ среды... Фирочка, глупо же... Мы все-таки интеллигенты, господа"...

Здѣсь это гордое слово звучитъ особенно жалко и оскорбительно, но это—лишь повышенная степень обычнаго у Шмелева аспекта, въ которомъ его героямъ-простолюдинамъ и, чувствуется, самому автору—рисуется отношеніе между интеллигентами, хотя бы и самыми настоящими, и простыми людьми, хотя бы и самыми недюжинными, какъ гражданинъ Уклейкинъ или „человѣкъ изъ ресторана".

III.

Въ чемъ лежитъ причина указаннаго явленія, что образуетъ пропасть между интеллигентомъ и простолюдиномъ? Повторяю, не темнота простого человѣка; недаромъ въ томъ единственномъ, кажется, случаѣ, когда авторъ рисуетъ моментъ тѣснаго, хотя и короткаго, сближенія и пониманія интеллигента-учителя и мужиковъ („Ненастье"), это происходитъ не въ результатѣ проясненія сознанія темнаго простого человѣка, а, наоборотъ, какъ слѣдствіе осѣнившаго учителя луча внутренней правды, лежащей въ глубинѣ народной души.

Тогда, быть можетъ, причиной, вырывшей пропасть, является не темнота простого, но испорченность образованнаго, интеллигентнаго, человѣка? Названный только-что разсказъ и еще нѣкоторыя страницы у Шмелева какъ будто намекаютъ на рѣшеніе вопроса именно въ указанномъ смыслѣ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи приходится отъ такого рѣшенія отказаться, какъ отъ неправильнаго по существу, ибо всякаго рода испорченности и зла авторъ видитъ не мало и въ необразованной средѣ. И хотя, правда, онъ однѣми красками рисуетъ гурманство, жадность, развращенность интеллигента и гораздо болѣе смягченными эти же пороки (порою даже переходящіе въ нѣчто болѣе близкое добродѣтели, чѣмъ пороку), у людей простыхъ, хотя бы и богатыхъ („Ровстани"— здѣсь десятки чудесныхъ страницъ съ описаніемъ повальнаго обжорства и пьянства, но все это въ формѣ какого-то мудраго и полнаго скрытаго смысла священнодѣйствія), хотя авторъ въ одномъ случаѣ гораздо безпощаднѣе, чѣмъ въ другомъ, тѣмъ не менѣе у него не мало заправскихъ кулаковъ, грабителей, ханжей и лицемѣровъ и изъ среды простой, мужицкой. Однако все дѣло

въ томъ, что тутъ ханжество, и лицемѣріе, и развращенность—какъ-то просты, ясны для всѣхъ, въ томъ числѣ и для самихъ жертвъ этихъ грѣховъ, все идетъ на чистоту, открыто. Между тѣмъ какъ у интеллигентовъ все въ корнѣ чуждо простому человѣку. И въ то время, какъ простой человѣкъ понимаетъ другого простого человѣка, даже порою противъ воли послѣдняго, интеллигентъ и простолюдинъ не могутъ правильно подойти другъ къ другу, даже когда оба этого жаждутъ.

И потому причину отчужденности надо объяснить иначе, а именно,—не количественной разницей въ познаніяхъ и свѣдѣніяхъ интеллигента и простолюдина, а глубокимъ качественнымъ различіемъ ихъ внутреннихъ міровъ. Когда репетиторъ Васинъ, въ прекрасномъ разсказѣ „Поденка", дѣлаетъ попытку уйти изъ засасывающей его грубой среды и затѣмъ, едва не утонувъ, попадаетъ въ шалашъ къ плотовщику, онъ невольно сопоставляетъ внутренній міръ — свой и предполагаемый пріютившаго его плотовщика: „казалось, что смѣшное думаетъ о немъ этотъ складный, размашистый, спокойный и сильный мужикъ. Сейчасъ повернетъ опять на плоты, поѣстъ своего хлѣба изъ тряпочки, напьется изъ черного чайника и будетъ подтаскивать лошадьми бревна къ машинѣ. И все у него вѣрно и просто, все ясно и оправдано... И думалъ Васинъ въ защемившей тоскѣ, какъ у него все невѣрно, неопредѣленно, смутно".

Васинъ не знаетъ этого мужика, онъ не можетъ, конечно, знать и столь увѣренно утверждать, что на душѣ у него все „вѣрно, просто, ясно и оправдано", не можетъ не знать и авторъ, что увѣренность его героя виситъ въ воздухѣ,—кто его знаетъ, можетъ быть, плотовщикъ не болѣе не менѣе, какъ Никита изъ „Власти Тьмы", съ душой, запутавшейся въ противорѣчіяхъ, тоскѣ и грѣхахъ... И однако читатель съ точки зрѣнія художественной условности не протестуетъ противъ „неосновательнаго" сужденія Васина, чувствуетъ и законность его, и умѣстность. И не только потому, что она субъективно-законна, но потому, главнымъ образомъ, что это противопоставленіе міра, простого и оправданнаго, и міра, запутаннаго и невѣрнаго, мы принимаемъ не буквально, не по содержанію ихъ, а именно какъ безотносительное противопоставленіе, какъ знакъ глубокаго различія двухъ душевныхъ міровъ, какъ и въ чемъ бы это различіе ни выражалось, чѣмъ бы конкретно ни характеризовалось. Пусть не А бѣло и В черно, но, наоборотъ, А черно и В бѣло,—важно, что одно изъ нихъ бѣло, другое—черно.

Съ особенной выразительностью это противопоставленіе проведено въ одномъ изъ лучшихъ разсказовъ Шмелева, и притомъ въ разсказѣ, выдержанномъ отъ начала до конца въ лирическомъ тонѣ, всегда наиболѣе полно раскрывающемъ затаенную авторскую мысль, въ „Волчьемъ Перекатѣ", на такомъ противопоста-

вленіи, собственно, цѣликомъ и построенномъ. Этотъ разсказъ, относящійся къ позднѣйшему періоду творчества Шмелева, выдѣляется среди другихъ произведеній этой полосы тѣмъ, что въ немъ есть опредѣленный и значительный сюжетъ, между тѣмъ, какъ почти во всѣхъ другихъ разсказахъ послѣдней поры почти нѣтъ никакого сюжета, фабулы, которую можно было бы передать или которая, внѣ той формы, въ какую она воплощена, что-либо говоритъ уму или сердцу читателя. И это исключеніе „Волчьяго переката“ тоже характерно для автора: повидимому, фабула этого разсказа не только объективно, но и субъективно значительна, важна для самого автора, разъ она нашла для своего выраженія свою особенную форму лирической сосредоточенности.

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе разсказа. Поздней осенью среди пустынныхъ береговъ и на безлюдномъ пароходѣ плывутъ: молодая пѣвица и ея партнеръ, баритонъ, направляясь къ городу, гдѣ имъ предстоитъ дать концертъ. Баритонъ—человѣкъ грубый, самоувѣренный, тупой; но пѣвица—чутка, нервна, впечатлительна и отзывчива. Для себя самой незамѣтно она цѣликомъ подпадаетъ во власть окружающихъ впечатлѣній, основнымъ фономъ и характернѣйшей чертой которыхъ является сѣрое, унылое и убогое безмолвіе. Мало-по-малу это начинаетъ томить ее и вытѣснять изъ души всякія иныя мысли и чувства. Кругомъ не видать человѣческаго жилья, попутчиковъ—два-три, да и тѣ безцвѣтные—какой-то батюшка, который разсказываетъ, что тамъ, гдѣ онъ живетъ, волковъ больше, чѣмъ въ городѣ фонарей. „Все тянулись изрытые берега, замутившіяся, въ бѣлыхъ гребешкахъ, воды, захмурившіеся лѣса. На одной пристани, гдѣ ничего не было, кромѣ сарая и лѣса за нимъ, выгрузили піанино. Его выкатили пароходные молодцы и поставили къ горкѣ мѣшковъ. Мужикъ въ полушубкѣ потыкалъ кнутомъ въ доски.—Всматриваюсь я,—говоритъ пѣвица—думаю... Чѣмъ живутъ эти всѣ здѣсь... Что у нихъ хоть немножко яркаго въ жизни? Куда-то идутъ,—бѣгутъ, везутъ, валятъ бревна... точно проѣзжаютъ все и никакъ не могутъ устроиться... Да... кругомъ лѣса, неуютъ... кому-то выгрузили піанино... Кому нужно здѣсь піанино!

— Какой-нибудь попадьѣ, — замѣчаетъ баритонъ. — Будетъ попадья играть, а попъ будетъ танцовать... а волки—выть...

— Живешь въ городѣ,—продолжаетъ свои размышленія пѣвица — не замѣчаешь... Петербургъ, Москва, культура, яркая жизнь... А отсюда... всѣ они какія-то пылинки, свѣтлыя точечки... во всемъ этомъ. Вся Россія — огромная, сѣрая, а мы въ ней... будто какой-то малюсенькій придатокъ... какъ то піанино у лѣса. Вся жизнь, эта вотъ и вездѣ, идетъ какимъ-то своимъ сѣрымъ путемъ, куда-то идетъ, идетъ... а мы только скользимъ, скользимъ. и мнѣ кажется иногда, что она кѣмъ-то обижена... Будни, будни“...

Когда пѣвица уже ни о чемъ не можетъ думать внѣ рамокъ

этого томительнаго настроенія, на пароходъ ночью садится новый пассажиръ, судоходный смотритель, человѣкъ совсѣмъ простой, необразованный, крѣпкій, сильный и своеобразный. У него—своя тоска: служба то и дѣло кидаетъ его изъ стороны въ сторону, и въ этихъ скитаніяхъ онъ потерялъ любимую дѣвушку. Съ радостнымъ волненіемъ въ душѣ онъ спѣшилъ туда, гдѣ ненадолго оставилъ ее, отвлеченный службой, но тѣмъ временемъ отецъ выдалъ дѣвушку за другого... Скупое на внѣшнее выраженіе горе сильнаго, простого, но нѣжнаго человѣка изображено авторомъ съ захватывающей искренностью. Тоскующій человѣкъ ни словомъ не обмолвился пѣвицѣ о своемъ горѣ, хотя душа и рвалась открыться; да и вообще онъ ей ни на что не жаловался за эти недолгіе часы, что они бесѣдовали въ безлюдной общей каютѣ. Увлеченный ея живымъ вниманіемъ, онъ ей разсказывалъ про жизнь въ тамошнихъ мѣстахъ, про свои медвѣжьи охоты, про трудъ, борьбу и людей, живущихъ среди природы. И она изъ его разсказовъ могла бы вывести заключеніе скорѣе о его силѣ, крѣпости и мужествѣ, чѣмъ о его невзгодахъ. Но она чутко уловила за этими эпическими интересными разсказами дальніе отголоски подавленнаго и спрятаннаго страданія, драму сильнаго, втихомолку томящагося, одинокаго человѣка... И вотъ — почти одновременно—у обоихъ явился порывъ: у него—обо всемъ личномъ ей разсказать, у нея—спѣть ему что-либо отъ души... и обоихъ что-то удержало... Смотритель, сойдя съ парохода, исчезаетъ въ ночной тьмѣ, такъ и не узнавъ даже, кто была его недолгая и участливая попутчица, къ нѣжной и чего-то ищущей душѣ которой онъ вдругъ почувствовалъ необъяснимое довѣріе...

И вотъ—пѣвица опять остается съ не понимающимъ ея пошлякомъ-баритономъ, съ еще болѣе обострившеюся тоской въ душѣ. „Да, я хотѣла бы спѣть ему...—говоритъ она.—Хотѣла бы спѣть всѣмъ этимъ пустымъ просторамъ... Да, я хотѣла спѣть, и почему-то было стыдно... Я пѣла на пароходахъ, но теперь... мнѣ показалось это такимъ... Что бы я стала пѣть? Онъ, вѣроятно, никогда ничего не слыхалъ... Но что бы я стала пѣть ему? „И тихо, и ясно, и пахнетъ сиренью?“ Что-нибудь бодрое? А онъ послушаетъ и пойдетъ въ ночь?.. Мы можемъ пѣть съ вами тамъ, въ залахъ, рядамъ... а здѣсь надо что то другое пѣть, въ этой жути, какую-то страшную симфонію... Мои пѣсенки были бы здѣсь насмѣшкой, какимъ-то пискомъ. Да, да!.. Сюда надо идти не съ подаяніемъ!.. А когда-нибудь и здѣсь будутъ пѣть... другіе!..“

Можно, конечно, привести не мало возраженій противъ высказанныхъ здѣсь мыслей, но въ мою задачу вовсе не входитъ споръ по существу съ Шмелевымъ или его героями. Его пѣвица, повидимому, полагаетъ, что то искусство, въ которомъ она подвизается, создано безъ всякаго участія народа, независимо отъ него, и что

для народа будетъ создано какое-то спеціальное искусство. Все это крайне односторонне и ошибочно, какъ и многое другое въ ея разсужденіяхъ. Но, повторяю, не важно для нашего вопроса, права ли она, правъ ли авторъ. Интересно для насъ то, что въ переданномъ разсказѣ взятъ, какъ нарочно, наиболѣе благопріятный случай для сближенія, для взаимнаго обоюднаго пониманія человѣка интеллигентнаго и простого. У обоихъ является сильное взаимное тяготѣніе къ раскрытію своего внутренняго міра; пѣвица—человѣкъ тонкій, чуткій, благородно настроенный. Они нуждаются другъ въ другѣ и они оба способны удовлетворить эту взаимную нужду въ пониманіи и сближеніи, и... все-таки они расходятся, такъ и не понявъ другъ друга, оборвавъ и подавивъ свои порывы. Предъ нами—какъ бы препаратъ этой фатальной разобщенности интеллигентнаго и простого человѣка, предъ которой все безсильно. Какой-то разный языкъ души у того и другого и только знаками обречены они объясняться, хотя бы и томились отъ этого несовершеннаго общенія, хотя бы сознавали необходимость иного. Вотъ какъ этотъ духовно сытый и ограниченный баритонъ не разумѣетъ ищущихъ порывовъ духовно-алчущей пѣвицы, такъ всегда и въ отношеніяхъ интеллигентнаго и простого человѣка.

И можно лишь догадываться, что обусловливаетъ указанное фатальное непониманіе: это, кажется, тотъ грѣхъ несправедливости въ обладаніи духовными благами, который даже лучшаго интеллигента дѣлаетъ какъ бы духовно сытымъ, какимъ-то улучшеннымъ экземпляромъ пошляка-баритона, которому во-вѣки не уразумѣть и глубины, и сущности голода обойденнаго культурой простолюдина. Вмѣстѣ съ культурой, не распространенной на всѣхъ, человѣкъ какъ бы получаетъ проклятіе несправедливости, и выраженіемъ, и слѣдствіемъ которой является это фатальное непониманіе, и сознаніе его, и, у лучшихъ, страданіе отъ этого сознанія...

Сопоставьте съ этимъ непониманіемъ блаженство, радость, легкость и полноту взаимнаго пониманія людей одинаковой интеллигентной культуры, какъ это изображено въ разсказѣ „Какъ надо", и вы почувствуете эту качественную разницу языковъ, на которыхъ объясняются люди культурные между собою и культурные съ некультурными. Съ другой стороны, взгляните, хотя бы въ „Розстани", какъ прекрасно понимаютъ другъ друга нищіе и милліонеры, но съ общими корнями простой, малой культуры—и вы придете къ тѣмъ же выводамъ.

IV.

Сказаннымъ, разумѣется, не исчерпывается весь интересъ содержанія разсказовъ Шмелева. Хотѣлось бы въ частности отмѣтить и выдѣлить содержаніе и общій духъ его военныхъ мотивовъ, т. е. разсказовъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ событіямъ

войны, хотѣлось бы выдѣлить ихъ потому, что сами они выдѣляются на общемъ фонѣ нашей военной беллетристики. Шмелевъ одинъ изъ немногихъ нашихъ писателей, удержавшійся отъ соблазна взглянуть на войну глазами, умиленными самоотверженіемъ и геройствомъ, проявленными на фронтѣ и въ тылу. Его разсказы выдержаны въ тонѣ глубоко-серьезномъ, вдумчивомъ, въ духѣ сознанія прежде всего огромности и глубины той массовой катастрофы, которая обрушилась на людей. Вѣроятно, Шмелеву въ будущемъ, каково бы оно ни было, не понадобится вносить измѣненія и передѣлки въ свои военныя произведенія, передѣлки, обусловленныя не внутреннимъ постигновеніемъ художника, а толчками фактовъ, которыхъ, къ сожалѣнію, не опередило предвидѣніе большинства нашихъ беллетристовъ...

Но разсказовъ этихъ не такъ много, да они и не всѣ включены въ его сборники. Что же касается всего остального, написаннаго авторомъ, то, если говорить о чертахъ, отличающихъ Шмелева отъ другихъ писателей, а не общихъ съ другими, то основную мы намѣтили: въ ней смыслъ его произведеній. И потому мы можемъ перейти къ обозрѣнію вопроса о формѣ и стилѣ въ творчествѣ Шмелева, гдѣ онъ, не въ примѣръ нѣкоторой однотонности содержанія, все время измѣнчивъ, всегда въ движеніи.

Можно даже сказать, что по сравненію съ первыми своими вещами онъ положительно сдѣлался неузнаваемъ. Въ то время, какъ рѣдкое произведеніе I, II и III томовъ не страдаетъ растянутостью, послѣднія, особенно же входящія въ VI томъ, написаны съ величайшей экономіей средствъ.

Отъ растянутости къ сжатости—такова общая формула эволюціи стиля и формъ у Шмелева. Эту формулу намъ и предстоитъ теперь, такъ сказать, раскрыть,—она интересна особенно въ томъ отношеніи, что даетъ наглядный и характерный примѣръ того, какъ упорно ищетъ порою художникъ свойственнаго его дарованію выраженія и какіе результаты даетъ соотвѣтственное обрѣтеніе этого адэкватнаго дарованію выраженія и стиля.

Когда вы читаете первоначальныя вещи Шмелева, васъ невольно удивляетъ порою значительная неровность выполненія отдѣльныхъ сценъ и страницъ. Уже и здѣсь вы набредете на яркую фигуру, живое лицо, мѣткое наблюденіе; но все это перемежается какими-то тусклыми, вялыми, безхарактерными эпизодами, положеніями и описаніями, точно написанными другимъ лицомъ. Сравните въ „Распадѣ“ яркую, колоритную, законченную фигуру главнаго героя—дяди Захара и его сына. Нѣсколько мелодраматически-выразительный, дядя Захаръ—все же дышитъ пусть и условной правдой, въ то время, какъ сынъ его—рисуется точно въ туманѣ, не въ томъ таинственно-романтическомъ туманѣ, въ какомъ хочетъ показать его авторъ, а въ туманѣ художественной

невыясненности, недоговоренности. Сравните въ томъ же произведенiи чудесно написанную скрягу-бабку и неуловимую для читателя жену дяди Захара, — опять тѣ же далеко отстоящiе одинъ отъ другого уровни художественныхъ достиженiй.

Ту же неровность выполненiя порою находишь у Шмелева даже въ предѣлахъ одного и того же образа. Сравните гражданина Уклейкина въ его семьѣ за верстакомъ или скандалящимъ на улицѣ—съ тѣмъ же Уклейкинымъ, умирающимъ послѣ ряда невзгодъ и неудачъ,—поразительная разница между живостью, правдивостью и яркостью съ одной стороны, вялостью, натянутостью и фальшью—съ другой. Взгляните на героя разсказа „Иванъ Кузьмичъ“ въ его лабазѣ и среди революцiонно возбужденной толпы—это два разныхъ человѣка не только по содержанiю мыслей и чувствъ того и другого, но всего больше—по ясности и убѣжденности одного и безпомощной вялости другого.

Количество такихъ примѣровъ можно значительно увеличить. Ихъ не легко продемонстрировать въ соотвѣтственныхъ выпискахъ изъ разсказовъ Шмелева, безъ чего однако они не могутъ показаться убѣдительными. Поневолѣ приходится ограничиваться именно отрицательными примѣрами, ибо въ то время, какъ удачный, законченный образъ (особенно въ произведенiяхъ вообще растянутыхъ, каковы разбираемыя) становится таковымъ въ совокупности всѣхъ своихъ чертъ, неудачный бываетъ испорченъ и болѣе или менѣе частными дефектами, которые легче потому привести.

Вотъ, хотя бы, нѣсколько строкъ изъ упомянутаго выше описанiя смерти Уклейкина: „Еще семь дней прошло въ жизни Уклейкина. Онъ не видалъ ихъ. Они проползли безъ задержки, проваливаясь подъ ровное и сухое чиканье ходиковъ въ тусклой и затхлой мастерской. Для него уже не было времени, потому что онъ не могъ различать, когда начинался день, когда густились сумерки. Ни долгiй, ни короткiй рядъ спутанныхъ видѣнiй кружилъ его въ одной точкѣ пространства, неизвѣтно — въ какой, потому что и сознанiе пространства потерялось, какъ теряется оно для завертѣвшагося на одной точкѣ человѣка. И не жалко, пожалуй, было потерять и время, и пространство. Жалко терять цѣнимое, а какую цѣну могъ дать Уклейкинъ времени и пространству? Время уже давно обратилось въ одинъ долгiй, пустой и томительный часъ,—такъ всѣ часы были похожи и скучны этой похожестью. Пространство... Оно было такъ невелико. Мастерская и переулокъ, винная лавочка и чайная и, какъ предѣлъ, голубые купола и облупившiяся стѣны въ землю вростающаго монастыря. Было еще далеко—*тамъ*... откуда вершила жизнь невѣдомая сила, откуда наплывали путы и петли. *Тамъ*, на землѣ, надъ землей или подъ землей, кругомъ. За далекими ли звѣздами или невидимо разлитое повсюду, близкое или далекое. Неизвѣстное—*тамъ*...

Но теперь уже ничего не существовало для него. Ни *здѣсь*, ни *тамъ*. Онъ былъ нигдѣ и вездѣ". И такъ на протяженіи нѣсколькихъ страницъ, гдѣ вы встрѣтите и „провалъ, черный провалъ", и „ужасъ кричалъ въ немъ безмолвнымъ крикомъ" (между прочимъ—ужасъ предъ смертью, не смотря на только что передъ этимъ высказанное: „не жалко, пожалуй, было потерять и время, и пространство"...), и въ этомъ же духѣ другія дешевыя словечки изъ словаря ужасовъ, въ самое короткое время опошленныя и замызганныя подражателями Леонида Андреева.

Авторъ пишетъ, что Уклейкину не жалко, пожалуй, было умирать, потому-де, что терялъ онъ мало цѣнное, а читатель этому не вѣритъ, ибо знаетъ, какъ странно примѣнять къ жизни мѣрку объективной цѣнности, какъ жалко бываетъ разставаться съ нею самымъ горькимъ ея пасынкамъ. Авторъ хочетъ въ другомъ мѣстѣ показать читателю всю громадность тоски Уклейкина, столь обманутаго жизнью, и пытается это сдѣлать посредствомъ такого подчеркиванія: „Онъ даже на небо *никогда* не глядѣлъ" (курсивъ мой). И далѣе слѣдуетъ „логическая" тому мотивировка, въ духѣ только-что приведенной: „Звѣзды, когда-то обѣщавшія его просительному взору заманчивый, далекій и незнаемый міръ и навѣвавшія примиряющую грусть, уже давно были только свѣтящимися точками (точками, значитъ, все-таки были, хотя „никогда" вѣдь онъ на небо не глядѣлъ въ эту пору),—неизвѣстно для чего".

Очень характерны для пониженнаго уровня достиженій Шмелева описанія революціоннаго времени и его эпизодовъ въ разсказѣ „Иванъ Кузьмичъ". Порой получается впечатлѣніе точно отъ второсортнаго газетнаго фельетона на революціонный мотивъ, до того это безпомощно и банально: „Забастовка почты и телеграфа разросталась. Тамъ и сямъ начинались и умирали забастовки по фабрикамъ. Отдѣльные очаги бурлили и кипѣли. Заревомъ пылали пожары. Подымалась волна, и въ широтѣ полей и степей, теперь закрытыхъ покойной пеленой снѣга, зрѣло тревожное". Или еще: „Жизнь не переставала бурлить. Казалось, что въ тысячахъ тревогъ, слуховъ и дѣйствій росло и создавалось что-то новое: намѣчалось только, а то стройное цѣлое, во что должна облечься въ концѣ концовъ жизнь, еще таилось въ неясности". Вотъ лабазникъ Иванъ Кузьмичъ попадаетъ въ революціонную толпу: „Толпа гудѣла. Ивана Кузьмича точно подхватилъ вихрь и закружилъ, закружилъ. Все дрожало въ немъ, билось, ходило, клокотало. Его захватило всего, захватила блеснувшая передъ нимъ правда". Далѣе слѣдуетъ описаніе разгона толпы и ужъ окончательно неубѣдительная потеря внезапно обрѣтенной Иваномъ Кузьмичемъ правды, потеря, обусловленная буквально тѣмъ, что онъ загрузъ въ снѣгу во время бѣгства и ссадилъ себѣ кожу. Больше никакихъ мотивовъ этого скачка отъ обрѣтенія правды къ потерѣ ея—мы не находимъ... „Мелькнувшая тамъ, на бульварѣ, когда онъ стоялъ

въ народѣ, правда, учуянная, воспринятая сердцемъ, вдругъ точно провалилась куда. Она затерялась въ снѣгу, на мостовой, по переулкамъ". Излишне, я полагаю, доказывать, какъ мало для читателя этой равной нулю отписки—„вдругъ, точно провалилась куда", какъ она, въ этомъ нераскрытомъ видѣ, незаконна и не нужна!

Въ разсказѣ „Подъ небомъ" авторъ долго, разсчитанно и настойчиво подготовляетъ читателя къ глубокому впечатлѣнію, каковое онъ долженъ получить отъ появленія лебедей въ заповѣдномъ озерѣ, къ которому герой подбирается съ рискомъ ежеминутно утонуть въ болотѣ. И вотъ что въ концѣ концовъ получаетъ читатель: —„Смотрите! Смотрите!..—Я поднялъ голову и увидалъ красоту. Невдалекѣ отъ насъ, изъ-за островка, выплывалъ лебедь. Бѣлый, сверкающій въ золотомъ просторѣ. Онъ плылъ медленно, красиво выгибая тонкую шею. Свободный и гордый".

Читатель разочарованъ: его готовили Богъ вѣсть къ чему, а дали нѣсколько банальныхъ фразъ, безъ малѣйшей живой искры свѣжаго и оригинальнаго воспріятія.

Къ числу промаховъ Шмелева приходится отнести также и его, кажется, единственную попытку выйти изъ круга чисто-русскихъ образовъ и описаній въ разсказѣ „Подъ горами", стилизованномъ въ духѣ южной природы и мусульманскаго фатализма. И лучшія страницы этого разсказа не выходятъ за предѣлы посредственнаго, но тамъ, гдѣ авторъ пытается взглянуть на вещи глазами чистой татарской дѣвушки Нургэтъ,—получилось ужъ черезчуръ слабо и фальшиво. „Хорошо въ холодкѣ у воды. Ломоносъ по утрамъ такъ густо пахнетъ и фонтанъ такъ сонно журчитъ тихую пѣсенку. А вода свѣтлая, свѣтлая... Она бѣжитъ изъ земли, изъ самой глубины, гдѣ груды голубой бирюзы и яркихъ сапфировъ, и оттого такая свѣтлая и играющая, какъ молодые глаза. А если закрыть глаза и прислушаться, можно понять, о чемъ разсказываютъ струйки"... Передъ нами типичная банальная оперная декорація, съ той не то южной, не то восточной экзотикой, въ какой эти темы и мотивы трактуетъ глухая провинція. Еще фальшивѣе любовныя объясненія Нургэтъ и Ганэма: „Цикадочка моя! — Нургэтъ спряталась въ зелень и закрыла глаза.—Зачѣмъ ты называешь меня цикадочкой?

— А такъ... Звонкая ты... Нѣтъ, ты лучше. Ты еще не знаешь, какъ я хочу называть тебя! Ты бабочка! Да? Иволга ты, маленькая лягушечка, которая играетъ въ дудочку по ночамъ. Ты золотенькая рыбка, какихъ продаютъ на набережной. Бѣлая голубка! Твое лицо розовое, какъ розоватыя яйца страуса... У пророка была жена, у ней было такое лицо... Ну, посмотри на меня, покажи свои глазки... Ну, покажи!" Или еще образчикъ той же стилизаціи: „А надъ ними стояла плодоносная тяжелая черешня, знающая и весну, и лѣто, и осень. И разливалась творящая сила. сытая и буйная, спасающая отъ смерти. Сила солнца".

Здѣсь всякіе комментаріи излишни; и, зная послѣдующее творчество автора, остается лишь диву даваться, какъ не возсталъ онъ внутренно противъ этихъ лягушечекъ, золотенькихъ рыбокъ и черешенъ, „знающихъ“ почему-то три времени года изъ четырехъ...

V.

Внимательно наблюдая работу „десницы и шуйцы“ Шмелева, его яркость, перемежающуюся блѣдностью и вялостью, начинаешь замѣчать уже въ первыхъ двухъ томахъ нѣкоторую какъ бы систематичность этихъ промаховъ, нѣкоторыя сопутствующія имъ обстоятельства. Такой-то образъ удался, такой-то—нѣтъ. Въ такой-то обстановкѣ фигура ясна и убѣдительна, въ такой-то—расплывчата; вотъ стиль простой и свѣжій, и рядомъ—безжизненная „словесность“.

Чѣмъ обусловлена эта неровность, если извѣстныя явленія заставляютъ думать, что она не случайна?

Кажется, вопросъ рѣшается весьма просто: въ одномъ рядѣ случаевъ Шмелевъ занятъ описаніемъ и изображеніемъ и хорошо ему знакомыхъ, и имъ любимыхъ, его внутреннему міру интересныхъ и близкихъ, фигуръ и явленій; въ другомъ рядѣ случаевъ онъ далекъ отъ этой непосредственной атмосферы творчества и сразу какъ бы слабѣетъ. И, систематизируя его слабыя и сильныя страницы, мы обнаруживаемъ, что удается ему то, что опредѣленно, оформлено, законченно, то, въ чемъ преобладаютъ черты характерныя надъ малохарактерными, особенно то, что тѣсно срослось съ прочнымъ русскимъ сословнымъ бытомъ. Удачна фигура самодура „цыгана“ дяди Захара, столь знакомая еще недавнему нашему прошлому; блѣдна фигура его сына—носителя какой-то промежуточной, междувременной и междуклассовой психологіи, искупителя грѣховъ отца и жертвы ломки стараго быта. Удачна скряга-бабка—фигура опредѣленная и точная по самымъ заданіямъ своимъ; неуловима жена дяди Захара, съ ея психологіей безхарактернаго, слабовольнаго существа. Въ повѣсти она какъ-то ненужна (именно,—не „лишній человѣкъ“, а художественно ненужный, ни къ чему авторомъ порядкомъ непристроенный), точно съ неба свалилась. Ясенъ и понятенъ Иванъ Кузьмичъ за прилавкомъ въ лабазѣ, но онъ же въ революціонной толпѣ съ какими-то анти-бытовыми сомнѣніями и разочарованностью—въ одно и то же время тусклъ и баналенъ. Хорошъ Уклейкинъ въ работѣ, въ пьяномъ скандалѣ, хотя бы и на идейной подкладкѣ, въ своей неудовлетворенности; изъ рукъ вонъ плохъ и натянутъ тотъ же образъ въ своей внѣбытовой заключительной сценѣ. О Ганэмѣ и Нургэтъ—излишне распространяться: они изъ далекаго автору міра, по человѣчеству онъ ихъ можетъ любить, но ихъ бытъ и психологію онъ могъ воспринять лишь въ отраженной искусствомъ

и литературой формѣ, посредственно, и... творчески онъ не овладѣлъ ими. Къ перевоплощенію исключительно интуитивному онъ, повидимому, не способенъ, въ этомъ отношеніи принадлежа къ Гончаровской, а не Пушкинской вѣтви писателей. Вспомните, что начало популярности Шмелева положилъ его „Человѣкъ изъ ресторана", вещь, насквозь характерная, о характерномъ бытѣ, съ характернымъ языкомъ, положеніями, психологіей и т. д. Именно въ этомъ произведеніи авторъ какъ бы нашелъ себя, свой писательскій темпераментъ, нашелъ и постарался имъ овладѣть и усовершенствовать его.

VI.

Въ такомъ видѣ намъ представляется творческій путь Шмелева: сначала неувѣренные шаги, когда авторъ то ощупью находитъ твердую дорогу, то теряетъ ее, еще не зная и не чувствуя,—какъ ее искать, почему она то и дѣло уходитъ изъ подъ ногъ. Этому фазису соотвѣтствуютъ первые два тома его разсказовъ, дающіе впечатлѣніе именно не постепеннаго роста и совершенствованія, а скачковъ отъ силы къ слабости. Затѣмъ какъ бы моментъ авторскаго самопознанія, соотвѣтствующій III тому. Далѣе періодъ сознательнаго отношенія къ найденному, что выражается въ напряженной шлифовкѣ и отдѣлкѣ, въ усовершенствованіи обрѣтеннаго орудія, въ культивированіи правильно понятой силы,—это IV томъ. Наконецъ, послѣдніе томы, являя образецъ неуклоннаго совершенствованія художника, непрекращающагося роста и упорной работы надъ своимъ дарованіемъ, въ то же время указываютъ на то, что писатель стоитъ на своей дорогѣ вполнѣ твердо, увѣренно, что онъ научился владѣть своимъ новымъ оружіемъ свободно, легко, безъ напряженія.

Очевидно, свои недостатки авторъ ясно увидѣлъ лишь послѣ того, какъ нашелъ себя. Его переходная вещь, „Человѣкъ изъ ресторана", любопытна какъ разъ въ томъ отношеніи, что въ ней постоянный до того грѣхъ Шмелева—растянутость—на лицо, но невыгодное впечатлѣніе отъ этого слабѣе по сравненію съ прежними произведеніями. На протяженіи 187 страницъ человѣкъ изъ ресторана говоритъ на специфическомъ, полупрофессіональномъ жаргонѣ,—пріемъ, крайне нехудожественный: неизбѣжная монотонность этого испорченнаго языка мало-по-малу заставляетъ читателя позабыть про его условность, про его профессіональный рисунокъ, про то, что это не стиль, но стилизація... И въ концѣ концовъ притупляется въ сознаніи читателя какъ разъ то самое впечатлѣніе, котораго авторъ добивается—впечатлѣніе характерности. И тѣмъ не менѣе повѣсть все-таки не наскучиваетъ до конца: спасаетъ характерность самой фигуры, опредѣленная, хотя порою и нѣсколько назойливо выдвигаемая, бытовая окраска, профессіональная психологія ея...

На IV томѣ разсказовъ Шмелева больше, чѣмъ на какомъ-либо иномъ, лежитъ печать усиленной, напряженной авторской работы. Вѣроятно, онъ не меньше работалъ и надъ послѣдующими, но потъ лица его тамъ какъ бы стертъ, здѣсь имъ обильно полита чуть не каждая страница и строчка. Читатель какъ бы собственными глазами видитъ эти лѣса вокругъ зданія, авторъ воздвигъ ихъ, но убрать еще не сумѣлъ, и читатель спотыкается о нихъ. Читать быстро, страничку за страничкой, этотъ IV томъ—физически трудно, до того напряженно онъ написанъ. Слова тщательно подобраны, тщательно составлены фразы, тщательно обдуманъ эффектъ не только отдѣльнаго эпизода, но и мельчайшаго момента, тщательно прослѣжено за всѣмъ тѣмъ, въ чемъ авторъ подмѣтилъ скользкія мѣста для своего дарованія. Но въ этомъ лѣсу тщательности приходится не идти, а какъ то пробираться, отвѣчать напряженностью читательской на писательскую напряженность. Авторъ, напримѣръ, пытается побороть нѣкоторую вялость стиля обильнымъ употребленіемъ словъ эмоціональныхъ, полныхъ движенія, но нарочитость этого пріема на первыхъ порахъ проглядываетъ въ злоупотребленіи имъ. Раскройте разсказ „Стѣна" и чуть не на каждой страницѣ вы набредете на слѣдъ, оставленный этимъ пріемомъ. „*Билъ съ вывертами* ребрами бляхъ вытянувшагося въ струну, *набирающаго бросками* Пугача"; „*Рванкомъ* осадилъ Пугача на заднія ноги"; „неслышно выскочила изъ кустовъ долгоногая пѣгая собака и *швырнулась* къ головѣ Пугача"; „Выбѣжали крывшіяся въ бузинѣ службы, и Пугачъ, въ мягкомъ хрустѣ ломкаго молодого лопуха, *вывернулся* по широкому пустынному двору и сталъ"; „въ сиреневомъ кусту *швырялъ щелканьемъ* соловей"; „О-о-ой!..—*выкинулось* острымъ крикомъ"; „солдатъ *выкинулся*, точно опять хотѣлъ броситься на приказчика"; „въ тихомъ, уже вечернемъ, саду *бился визгливый смѣхъ* и *прыгалъ жирный хохотъ*"; „Тавруевъ *выкинулся однимъ взмахомъ* и ухватилъ Курчонка"; „*наддалъ* Пугача и пригнулся. Стрѣлой *вывернулся* онъ съ боку отъ инженеровъ, подальше отъ зарослей, дѣлая видъ, что не можетъ сдержать, и, не слушая оклика, цыкая и передергивая, *выкинулся* къ плотинѣ. Здѣсь *шмякнулъ* онъ бляхами въ бока, совсѣмъ пригнулся къ передку и погналъ къ городу".

Въ этомъ же томѣ авторъ отдалъ довольно обильную дань пріему недавняго времени, быстро пріѣвшемуся и нынѣ доживаемому уже въ газетныхъ фельетонахъ—писать сказуемыми безъ подлежащихъ, выпускать имена и мѣстоименія, вродѣ „покосились на Шарика", „отвернулись отъ Шарика и смотрѣли въ садъ", „Посмотрѣли подъ вишнякъ. Тамъ крался котъ. Подымалъ лапку" и т. п. И въ послѣдующихъ томахъ напрасно стали бы мы искать такихъ образцовъ словесной перегруженности и затѣйливости, какіе даетъ указанный IV томъ, хотя бы въ такомъ

родѣ: „Спали тяжко и мутно, какъ спитъ только одна лапотная Русь, голая Русь. Досыпали недоспанное. А, можетъ быть, только побитыя и помятыя въ работѣ тѣла ихъ лежали въ пустомъ сараѣ, а сами они, иные, были подъ свѣтлымъ небомъ, въ вольныхъ поляхъ, въ раскатистыхъ саняхъ, уносящихъ въ снѣговые просторы, въ погромыхивающей телѣгѣ, пробирающейся вечеркомъ съ базара къ тихой тѣсной деревенькѣ, на вечерней уличкѣ, еще не проглянувшей изъ поднятой стадомъ пыли и уже поющей ночныя пѣсни подъ дробный топотъ и играющій дѣвичій смѣхъ".

Надобно замѣтить, что пріемы оживленія повѣствованія, намѣренное ускореніе темпа, въ какомъ движется разсказъ налицо и въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ Шмелева. И въ V томѣ, напримѣръ, мы встрѣчаемся даже съ новыми пріемами, преслѣдующими ту же цѣль, такова, напримѣръ, манера выпускать слово, котораго читатель „ждетъ", что сообщаетъ какой-то толчокъ его вниманію, нѣчто вродѣ логическаго междометія. Вотъ изображеніе внезапныхъ остановокъ плывущаго парохода: „Радостно вскрикивалъ пароходъ—такъ! такъ!—колоколъ билъ отбой, и кожаная спина проваливалась". Тутъ выпущена цѣлая фраза, что отъ внезапной остановки и толчка покачнувшагося парохода пассажировъ кидало на кожаную спинку дивана. Или вотъ изъ описанія трактира. Какой-то посѣтитель „тычетъ въ грудь тонкимъ пальцемъ, и бьется на печкѣ черное колючее пятно",—здѣсь выпущено указаніе, что это—отраженная тѣнь. Еще: „Уже сидитъ сапожникъ съ Першовымъ, закрыли ихъ широкія спины. Гудятъ. И синіе винтики подымаются надъ неспокойной грудой",—винтики дыма отъ закуренныхъ папиросокъ. „Николай Данилычъ вспомнилъ, что надо поѣхать въ монастырь, сказать обложить дерномъ и внести о. казначею на сорокоустъ",—обложить дерномъ могилу,—и т. д. Въ этомъ же V томѣ замѣчается появленіе особенныхъ эмоціональныхъ прозвищъ, вродѣ „Хандра-Мандра", „Достань-Воробушка" и т. п.

Однако эти спеціальные и мало прикрытые „пріемы" постепенно все исчезаютъ и въ VI томѣ ихъ уже нѣтъ, между тѣмъ, какъ въ IV они многочисленны, настойчивы, характерны для всего облика книги, для общаго впечатлѣнія, какое она оставляетъ.

И если попытаться охарактеризовать эволюцію Шмелева въ предѣлахъ послѣднихъ трехъ сборниковъ его разсказовъ, то придется указать на замѣну внѣшняго, нарочитаго движенія описаній—экспрессіей и энергіей ихъ внутренняго ритма. Художникъ шелъ правильнымъ путемъ и добился значительныхъ результатовъ. Онъ правильно оцѣнилъ свое главное призваніе—изобразителя характернаго и притомъ національно-характернаго въ русской жизни. И не менѣе мѣтко онъ опредѣлилъ свой главный недостатокъ,—не природный, а нажитой въ блужданіяхъ ощупью по

чуждымъ его темпераменту темамъ и положенiямъ—растянутость и медлительность письма. Съ этимъ несовершенствомъ онъ, повторяемъ, вступилъ въ упорную борьбу, достойную стать примѣромъ работы художника надъ своимъ дарованiемъ, побѣдилъ и достигъ очень крупныхъ результатовъ.

Уже и въ IV томѣ, не говоря объ отдѣльныхъ проблескахъ краткой выразительности и въ предыдущихъ сочиненiяхъ,—онъ даетъ примѣры живыхъ образовъ, сдѣланныхъ буквально двумя-тремя штрихами. Такiе образы начинаютъ уже „толпиться"—что характерно для нынѣшняго Шмелева—въ разсказѣ „Поденка", гдѣ на первой же страницѣ мы находимъ такое, напримѣръ, описанiе нѣкоей Матрены Тимофеевны, которая, послѣ сытнаго тяжелаго ужина, „доѣла даже оставшееся отъ обѣда вымя": „Была она тучная, расплывающаяся книзу, и въ темнозеленомъ капотѣ напоминала репетитору Васину земляную жабу, которую онъ видѣлъ сегодня въ канавѣ. Ѣла жадно, почмокивала и сопѣла, и ему казалось, что помретъ она какъ-нибудь вдругъ, за столомъ, и непремѣнно—съ кускомъ во рту". Тутъ же рядомъ не менѣе краткiй и выразительный образъ ея невѣстки Людмилы: „Ея полная, бѣлая шея играла, вкусныя губы собирались въ колечко, а сѣрые, дерзкiе глаза щурились и казались жадными; наваливалась на столъ грудью, бросала голыя руки съ шумящими цѣпями браслетъ, и Васинъ думалъ, что такiя женщины бываютъ въ гаремахъ".

Въ IV томѣ такiе сжатые портреты составляютъ еще исключенiе. Въ слѣдующемъ, V-мъ, разсказы „Виноградъ" и „Розстани" уже изобилуютъ ими. Наконецъ, VI томъ почти весь, исключая нехарактерную для автора символическую сказку „Про черную жемчужину", сплошь состоитъ изъ сжатыхъ до послѣдней степени и замѣчательно выпуклыхъ фигуръ и образовъ, своего рода образцовъ конденсированной художественности, импрессiонистской выразительности. Здѣсь у автора, употребляя выраженiе одного изъ его героевъ, „каждое словцо навырѣзъ"... Въ V томѣ еще можно порой уловить самый процессъ этого „вырѣзыванiя" слова, видно, какъ онъ, какъ говоритъ гдѣ-то въ письмѣ Чеховъ, не пишетъ, а вышиваетъ. Напримѣръ, въ разсказѣ „Весеннiй шумъ" еще встрѣчаются такiя усиленно-выразительныя строки: „Онъ вышелъ на крылечко, не зная,—зачѣмъ,—вызванный солнцемъ и стономъ перержавѣвшихъ петель, и ударило въ глаза жидкимъ золотцемъ, отсвѣтомъ соломенной крыши и отстоявшихся занавоженныхъ лужъ,—вешнимъ золотцемъ заднихъ двориковъ и закутковъ. За подтопленной дверкой звенѣло мѣрное дзеньканье о пустое ведерко и потягивали влажные коровьи вздохи. Горѣли золотинки въ крышѣ, сыпали въ сѣнцы зайчиками, и терпѣливецъ-паукъ уже наплелъ за ночь въ разбитомъ оконцѣ надъ дверью, на мушиномъ ходу, широкую паутину—кт

погожимъ днямъ". Здѣсь въ отдѣльныхъ словечкахъ и въ ихъ суммѣ еще проглядываетъ авторская старательность... Но все рѣже и рѣже,—все опредѣленнѣе и чаще становится впечатлѣніе свободы и непринужденности, съ какою мѣткія нужныя скупыя слова сплетаются какъ-то сами собой въ твердый узоръ, все богаче, причудливѣе, разнообразнѣе, остроумнѣе и въ то же время—проще и убѣдительнѣе и, главное, какъ бы стихійнѣе становится мозаика его богатаго стиля, гдѣ за какой нибудь характерной фразой встаетъ живой и убѣдительный образъ. Не хотѣлось бы злоупотреблять цитатами, чтобы демонстрировать, чего достигъ Шмелевъ въ области стиля, да и трудно приводить выписки изъ его послѣднихъ разсказовъ, именно потому, что это—верхъ скупости на слово, сжатости, въ которой сцѣпленіе всѣхъ частей и производитъ главное впечатлѣніе и отдѣльные элементы даютъ очень отдаленное представленіе о цѣломъ. Прочтите въ разсказѣ „Виноградъ" такую элементарную сценку, какъ описаніе работы коридорнаго Василія, разомъ налаживающаго десятокъ самоваровъ, и вы почувствуете эту внутреннюю стремительность ритма, какую усвоилъ авторъ, и эту энергію сжатаго и яркаго письма. И затѣмъ, въ этихъ разнообразныхъ восклицаніяхъ и вопросахъ—не готовъ-ли самоваръ—вы сразу почувствуете индивидуальные оттѣнки многихъ дачниковъ,—точно каждый изъ нихъ на мгновенье отражается, какъ въ зеркалѣ, въ одной и той же короткой фразѣ. Или вотъ образчикъ біографіи героевъ нынѣшняго Шмелева: „У чиновника жила, на трехъ дѣтяхъ,—стиркой замучили и жалованья за два мѣсяца не отдали; у барина душевная болѣзнь въ головѣ стала,—такъ и не отдали двадцать рублей. Потомъ у богатаго лавочника служила, на Зацѣпѣ. У него два сына въ коммерческомъ училищѣ учились, долгіе да нескладные, какъ дураки какіе. Ну, нельзя стало служить чрезъ нихъ",—развѣ не замѣнятъ эти немногія строки, вызывающія невольную улыбку, страницы длинныхъ описаній?

Эта увѣренность рисунка и свѣжесть авторскаго воспріятія особенно живо чувствуются, когда Шмелевъ изображаетъ нѣчто элементарное, обычное, тысячи и тысячи разъ до него изображенное. Тутъ-то видишь то магическое, что есть въ глазѣ подлиннаго художника, умѣющаго и въ тысячу первый разъ подмѣтить новый, углубляющій образъ, штрихъ, сдѣлать банальное оригинальнымъ, нужнымъ и интереснымъ. Что старѣе изображенія старика? Не какого-нибудь особеннаго старика съ рѣзкой индивидуальностью, а просто старика имя рекъ? А Шмелевъ изобразилъ старика такъ свѣжо и самостоятельно, что читатель точно первый разъ встрѣчается съ такого рода описаніемъ, до того оно ново. „Близкое вѣчному начинало проступать въ немъ. Было оно въ запавшемъ, ушедшемъ во внутрь и застоявшемся, взглядѣ безцвѣтныхъ глазъ, въ зелено-бурыхъ усохшихъ щекахъ, принявшихъ цвѣтъ кожи зано-

шеннаго полушубка; высыпалась и порѣдѣла бородка, засквозило лицо, какъ тронутое октябрьскимъ морозцемъ жниво, пожелтѣли и заершились брови, а уши надсохли и засквозили на солнышкѣ желто-розовой, жидкой кровью. Выступили подъ сухой кожицей, какъ скрытыя проволочки, загрубѣвшія жилки, померкли губы, выставились шишками скулы, и уже чуяли въ немъ зоркіе бабьи глаза близкое смёртное, тронувшее землей лицо". Въ тѣхъ же „Розстаняхъ", откуда взята эта цитата, находимъ и чудесные образчики такой не легкой живописи, какъ семейный портретъ, какъ компановка въ одномъ общемъ изображеніи то двухъ-трехъ родственныхъ фигуръ, то и всей громадной фамиліи Лаврухиныхъ, отъ умирающаго старца до малыхъ ребятъ.

Былая вялость и медлительность переходитъ буквально въ собственную противоположность. Едва-ли можно найти разсказъ, въ которомъ была бы достигнута бо́льшая краткость, большее движеніе при сохраненіи ясности и выпуклости множества толпящихся фигуръ, какъ въ разсказѣ „По приходу",—не вѣришь, прочтя его, что все это умѣстилось менѣе чѣмъ на двадцати страничкахъ,—всѣ эти десятки разнообразныхъ лицъ, каждое со своей индивидуальной особенностью, профессіональнымъ признакомъ, бытовой окраской. Движеніе становится главнымъ отличіемъ разсказовъ и героевъ Шмелева, движеніе внутреннее, душевное еще чаще, чѣмъ внѣшнее. Вспоминаешь прочитанный разсказъ и видишь, что всего ярче осталась въ памяти та или иная картинка движенія, сосредоточенной энергіи, порыва. Въ разсказѣ „Какъ надо" съ особеннымъ волненіемъ читаешь ту главку, гдѣ врачъ и всѣ окружающіе бьются и стараются вокругъ упрямаго и недовѣрчиваго старика, которому грозитъ смерть, если онъ такъ и не согласится на необходимую операцію. Какъ сильно и правдиво передалъ здѣсь авторъ эту напряженность всеобщаго волненія, эту человѣческую заинтересованность въ томъ, чтобы не совершилась роковая нелѣпость,—вы чувствуете это душевное кипѣніе всѣхъ окружающихъ, не смотря на то, что описано оно на трехъ страничкахъ! Припомните разсказъ „Друзья"—и вы увидите, что общее впечатлѣніе, которое онъ оставилъ, это какое-то стремленіе людей, стремленіе ихъ мыслей, желаній, между прочимъ, мастерски переданное въ самомъ характерѣ ихъ разговорной рѣчи, особенно главнаго героя, матроса Залетайки. И это же движеніе и стремительность чуть не въ каждомъ разсказѣ даютъ въ цѣломъ впечатлѣніе какой-то быстро несущейся панорамы, гдѣ всякое лицо, всякая деталь—ясны и отчетливы.

VII.

Въ началѣ статьи было отмѣчено, въ какомъ смыслѣ приходится признать неизмѣнившимся содержаніе творчества Шмелева. Его послѣднія произведенія, какъ было указано, совсѣмъ иначе

воспринимаются читателемъ, его образы, ихъ познавательное значеніе, претерпѣли не меньше перемѣнъ, чѣмъ и стиль его и пріемы. И если съ нѣкоторыми первоначальными разсказами Шмелева „разсчетъ“ былъ коротокъ именно въ силу ихъ художественной убогости, — просто по несогласію съ ихъ невоплощеннымъ содержаніемъ читатель, отвергая послѣднее, отвергалъ и весь разсказъ,— то совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ послѣдними вещами Шмелева. Здѣсь все воплощено, здѣсь читатель побѣжденъ образомъ, долженъ его принять и долженъ уже болѣе сложно и серьезно заняться примѣненіемъ къ жизни того, что далъ ему художникъ. Съ другой стороны внутренніе законы художественной правды столь властны сами по себѣ, что и авторъ не могъ навязать своимъ героямъ какой-либо торчащей и крикливой тенденціи, долженъ былъ углубить свой взглядъ на вещи, проникнуться той мудрой осторожностью въ распоряженіи своими героями, ихъ судьбой и смысломъ, требованіе на какую всегда въ той или иной степени предъявляетъ подлинно-художественный образъ къ своему создателю. Послѣднія вещи Шмелева и производятъ впечатлѣніе свободно сложившихся, точно авторъ ограничилъ свою задачу исключительно внимательнымъ наблюденіемъ за своими героями, передачей въ возможно точной и сжатой формѣ результатовъ этихъ наблюденій — и ничѣмъ больше, ничѣмъ, похожимъ на „вмѣшательство“ въ изображаемую жизнь. Отсюда замѣчательная правдивость его изображеній, но отсюда и та ихъ черта, которая обусловливаетъ ихъ нѣкоторую отрывочность, ихъ пестроту и порою случайность. Въ концѣ концовъ—это все-таки блестяще написанные эпизоды и, чтобы вырости изъ художника подлиннаго, каковъ Шмелевъ сейчасъ, въ художника значительнаго и крупнаго, ему предстоитъ сдѣлать еще одинъ серьезный и нелегкій шагъ—такъ или иначе стать въ центрѣ своихъ блестящихъ эпизодовъ, чѣмъ-либо ихъ объединить, слить эти яркія, выпуклыя, но отграниченныя, фигуры въ широкую композицію. Послѣдняя, въ противоположность эпизоду, немыслима безъ общаго обдуманнаго плана, безъ болѣе или менѣе сложнаго замысла. Но это уже не будетъ тѣмъ вмѣшательствомъ, навязываніемъ авторской тенденціи, которое Шмелевъ счастливо преодолѣлъ, это должно свестись къ овладѣнію своими героями въ томъ приблизительно родѣ, какъ овладѣлъ авторъ своими пріемами чисто стилистическаго характера, къ распознанію законовъ свободнаго сочетанія образовъ въ композиціи, подобно такому же сочетанію словъ въ гибкомъ и богатомъ стилѣ, къ угаданію внутреннихъ скрытыхъ склонностей, побужденій и взаимной связи образовъ.

Однако этотъ трудный шагъ уже не есть шагъ чисто литературно-техническій, это—опредѣленная фаза міроощущенія, которое чаще всего у художника и проявляется въ склонности къ широкимъ композиціямъ. Если, напримѣръ, въ творчествѣ Сергѣева-

ценскаго наблюдается постоянное тяготѣніе къ обобщенію и композиціи, а въ творчествѣ Ал. Н. Толстого и Шмелева — отрывочность образовъ и нѣкоторая отъединенность послѣднихъ другъ отъ друга,—то это, разумѣется, не случайность и не техническая особенность, а именно особенность міроощущенія того или другого художника.

Правда, въ „Розстаняхъ“ дано нѣчто вродѣ композиціи, но это, какъ выше указано, скорѣе обширный семейный портретъ, а та связь между умирающимъ старикомъ и общимъ ходомъ жизни, какая здѣсь изображена и даже подчеркнута, играетъ въ сущности вторую роль — первая отведена чисто бытовой сторонѣ повѣсти, для которой самая смерть Лаврухина является какъ бы фономъ.

И такъ какъ вопросъ объ этомъ дальнѣйшемъ авторскомъ шагѣ, такимъ образомъ, выходитъ за предѣлы чисто литературнаго обсужденія, то на сказанномъ покуда можно и остановиться. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни сложилась дальнѣйшая судьба творчества Шмелева, онъ и сейчасъ художникъ нужный, интересный и цѣнный. Ни одного золотника изъ отпущеннаго ему таланта онъ не зарылъ въ землю, но преумножилъ его; это не только талантъ, но талантъ культурный, взыскательный къ себѣ, упорный въ постоянномъ совершенствованіи, своего рода примѣрный и поучительный образецъ того, какъ важно художнику напряженно искать свое призваніе, какъ плодотворно найти его и служить ему въ полную мѣру отпущенныхъ судьбою силъ.

А. Дерманъ.

У ВРАТЪ САМАРІИ.

Романъ Уильяма Дж. Локка.

Пер. съ англійскаго З. Н. Журавской.

(Окончаніе).

XXIII

1-го августа къ Клитіи зашелъ ея бывшій натурщикъ, Джекъ, только что пріѣхавшій въ Лондонъ на лѣтнія вакаціи. За этотъ годъ онъ очень выросъ и окрѣпъ. Печать уличной грязи и распущенности сошла съ него, и онъ смотрѣлъ теперь цивилизованнымъ юношей. Клитія, откинувшись на спинку стула, съ любопытствомъ разглядывала этого возмужалаго подростка, чинно сидѣвшаго на кончикѣ стула и вертѣвшаго въ рукахъ свою фуражку. Съ точки зрѣнія художника, онъ измѣнился къ худшему: его живописность исчезла, вмѣстѣ съ грязными лохмотьями и спутанными локонами; но теперь, не смотря на коротко остриженные темные волосы и форменный костюмъ изъ бумажнаго полосатаго бархата, онъ былъ красивъ. И такъ странно не соотвѣтствовалъ этотъ костюмъ облагороженному овалу лица, яркимъ темнымъ глазамъ и красиво очерченному рту, обнажавшему при улыбкѣ два ряда ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ. И однако же, въ линіяхъ рта была жестокость—квинтъ-эссенція той животной свирѣпости, которую такъ подчеркнула Клитія въ своей знаменитой картинѣ. Правда, маленькій звѣренышъ преобразился въ человѣка, но это не значитъ, чтобы въ немъ не осталось животныхъ страстей. Въ прежнемъ Джекѣ неукротимость непріятно и унизительно смѣшивалась съ низменностью стремленій; но теперь, когда лицо его стало болѣе одухотвореннымъ, она выступала еще яснѣе. Бесѣдуя съ мальчикомъ, Клитія про себя отмѣчала все это.

— Ты становишься совсѣмъ взрослымъ мужчиной,—сказала она.—Когда ты кончаешь ученье въ своей школѣ?

— М-ръ Кентъ говоритъ, что мнѣ надо остаться тамъ еще на годъ. А затѣмъ поступить въ ученики.

— Къ столяру?

— Должно быть, что такъ.—Джекъ замялся, поскребъ ногою по полу и вопросительно поднялъ глаза на Клитію:—Вы думаете, мнѣ необходимо быть столяромъ? А ежели мнѣ не хочется.

— Не хочется, такъ и не нужно.

— Правда?—Лицо его просвѣтлѣло.—Я вотъ все думаю, что мнѣ, пожалуй, другое занятіе больше пришлось бы по душѣ.

— Какое же именно?

— Рѣзчика и позолотчика.

— Чѣмъ же тебя такъ особенно привлекаетъ эта профессія?—засмѣялась Клитія.

— Не знаю. Такъ, я думалъ, что...

Голосъ его звучалъ обиженно. Клитія посмотрѣла на него и почувствовала, что она затронула больное мѣсто.

— Скажи мнѣ, Джекъ, почему тебѣ хотѣлось бы стать рѣзчикомъ и позолотчикомъ?

— Я бы тогда дѣлалъ всѣ рамки для картинъ вамъ и миссъ Марчпэнъ.

Клитія была тронута.

— Спасибо, Джекъ. Но, можетъ быть, мы нашли бы для тебя занятіе и получше этого. Я вѣдь не знаю, къ чему тебя тянетъ. Скажи мнѣ, Джекъ, чѣмъ бы мы могли бы тебя сдѣлать.

Въ головѣ у нея бродили смутныя мысли о томъ, что Джека можно было бы поднять выше теперешняго уровня его общественнаго положенія. Вѣдь онъ, во всякомъ случаѣ, не заурядный мальчикъ. Въ немъ заложены блестящія возможности. Жаль тратить ихъ въ ординарной, тупой атмосферѣ жизни британскаго ремесленника. Милліоны людей годятся только на то, чтобы пилить дрова или носить воду. Почему же не заняться воспитаніемъ и развитіемъ болѣе тонкой организаціи, почему не помѣстить ее въ обстановку, болѣе благопріятную для всесторонняго ея развитія? Она только не могла рѣшить, что же можетъ выйти изъ этого мальчика: талантливый адмиралъ, лордъ-канцлеръ или же писатель? Потому и спрашивала такъ патетически—чѣмъ бы она могла его сдѣлать. Но Джекъ только покачалъ головою. Въ школѣ онъ проникся убѣжденіемъ, что жизнь—штука серьезная и безъ ученичества въ ней не обойдешься.

— Надо же мнѣ научиться какому-нибудь ремеслу, такъ ужь лучше быть рѣзчикомъ по дереву и позолотчикомъ, нежели чѣмъ-нибудь другимъ.

— Ну, а представь себѣ, Джекъ, что пришла бы добрая волшебница и объявила бы, что тебѣ вовсе не надо учиться ремеслу, или, что, если ты даже и начнешь учиться ему, потомъ ты можешь пойти дальше и стать великимъ человѣкомъ и совершать славные подвиги—представь себѣ, что выборъ былъ бы предоставленъ тебѣ самому — чѣмъ бы ты хотѣлъ быть? Какіе великіе и благородные подвиги больше всего привлекаютъ тебя?

Она оживилась, увлеклась и вся перегнулась впередъ, приподнявъ подбородокъ и слегка раскрывъ губы—обычная ея поза въ моментъ экзальтаціи.

Мальчикъ съ минуту смотрѣлъ на нее, затаивъ дыханіе. Чувствовалось, что въ немъ идетъ какая-то напряженная работа; глаза его горѣли; дыханье стало частымъ.

— Ты что-то надумалъ, Джекъ. Ну, говори же, что.

— хотѣлъ бы быть военнымъ, какъ мой отецъ,—почти шопотомъ высказалъ онъ свою смутную завѣтную мечту, которую онъ лелѣялъ всѣ эти полгода.

— Твой отецъ?—изумилась Клитія.—Я даже не знала, что у тебя есть, т. е. я хочу сказать, что ничего не знала о твоемъ отцѣ. Ты, значитъ, все время говорилъ мнѣ неправду, Джекъ.

— Ой, нѣтъ! Я же и самъ не зналъ. Я только узналъ, когда гостилъ здѣсь на Рождествѣ, а вы тогда были больны, такъ что я вамъ не могъ сказать. Мой отецъ былъ военный, офицеръ. И мнѣ тоже хотѣлось бы быть офицеромъ.

— А знаешь, Джекъ, это вѣдь очень интересно. Вѣдь тебѣ же пріятно имѣть отца, которымъ ты можешь гордиться. Онъ былъ очень храбрый.

— У него была сабля,—сказалъ Джекъ, съ такою гордостью, какъ будто это было несомнѣннымъ доказательствомъ доблести его отца.

— Ну, поди, сядь на свое обычное мѣсто, на коврикъ у камина, и разскажи мнѣ все подробно.

Мальчикъ послушно, хотя и робко, опустился на медвѣжью шкуру у ногъ Клитіи. Но скоро освоился съ ней и улегся въ своей обычной позѣ.

— Мать мнѣ мало что разсказывала. Но я самъ однажды началъ рыться у нея въ ящикѣ, въ комодѣ, и увидѣлъ фотографическую карточку—офицера—нарядный такой, весь въ пуговицахъ, въ галунахъ, при саблѣ и съ преогромными усами. Удивился. Прихожу къ матери и спрашиваю: «Кто, молъ, такой?» А она и говоритъ: «Твой отецъ». А потомъ вырвала у меня изъ рукъ карточку и пристукнула меня по головѣ,

чтобъ я не лазилъ безъ спросу по комодамъ. И, какъ я ни допытывался, ничего не разсказала мнѣ; но я все-таки знаю, что онъ былъ офицеръ, потому у него звѣздочка на воротничкѣ. Мнѣ ли не распознать съ перваго взгляда офицера,—добавилъ онъ съ самоувѣренностью жизненнаго опыта мальчишки, выросшаго на улицѣ.—И, теперь, когда матери нѣтъ дома, я все смотрю на эту карточку.

— А все-таки безъ спроса по чужимъ ящикамъ лазить нельзя,—наставительно замѣтила Клитія.

— Имѣю же я право смотрѣть на своего отца; почему же она имѣетъ право, а я нѣтъ,—возразилъ Джекъ такъ обиженно, что Клитія тихонько засмѣялась.

— Ты странный мальчикъ. Я бы очень хотѣла, чтобы ты сдѣлался офицеромъ. Но боюсь, что это не въ моей власти.

— А я думаю, что вы можете все, что только захотите.

Въ его убѣжденномъ тонѣ было столько наивной дѣтской вѣры въ нее, что Клитія и растрогалась, и огорчилась. И пожалѣла, что разбудила въ этой юной душѣ надежды, которыя заранѣе были обречены на крушеніе. Ей вдругъ представились всѣ затрудненія, стоявшія на пути къ реальной попыткѣ осуществленія этихъ надеждъ. И она со вздохомъ поспѣшила охладить его порывъ.

— Нѣтъ, Джекъ, боюсь, что этого я не могу. Но самъ ты можешь сдѣлать многое. Современемъ, когда ты подростешь, ты можешь поступить на военную службу, и, если ты будешь вкладывать всю душу въ исполненіе своихъ обязанностей и непрестанно помнить, что ты хочешь дослужиться до офицерскаго чина и всячески стараться объ этомъ—ты добьешься своего. Это единственный путь. Это называется производствомъ изъ нижнихъ чиновъ. Но до этого еще далеко, а пока я постараюсь сдѣлать для тебя, Джекъ, все, что могу. Хотя, можетъ быть, въ конечномъ счетѣ, ты будешь гораздо полезнѣе и счастливѣе въ качествѣ рѣзчика и позолотчика. Кто можетъ знать?

Джекъ не уловилъ въ этихъ словахъ пессимистической нотки. Онъ весь горѣлъ восторгомъ отъ мысли о возможности выслужиться въ офицеры и ушелъ отъ Клитіи въ самомъ радужномъ настроеніи.

Клитія посидѣла еще немного въ раздумьѣ надъ тою же психологической проблемой, которая встала передъ нею съ перваго дня знакомства съ Джекомъ. Она была рада, что чутье не обмануло ея. Но многое еще оставалось для нея неяснымъ, хотя физіологическая сторона вопроса теперь отошла на задній планъ передъ болѣе практическими соображеніями. Неужели она не можетъ найти способа помочь Джеку выйти

въ люди? Такъ пуста и безрадостна ея жизнь и столько еще унылыхъ лѣтъ впереди—она заглянула въ будущее, какъ это часто теперь съ ней бывало, и у нея защемило сердце—и вотъ, судьба поставила на ея пути этого бѣднаго мальчика, въ сущности, никому не нужнаго. Если она захочетъ взять его себѣ, никто не воспрепятствуетъ. А онъ и такъ привязанъ къ ней...

Послѣ завтрака она пошла къ Винифредъ, въ надеждѣ, что и Кентъ заглянетъ въ мастерскую. Ей надо было посовѣтоваться съ нимъ. У него столько здраваго смысла. Она не сказала Винифредъ о своемъ планѣ, потому что та бы только бросилась обнимать ее и восхвалять, какъ будто она задумала нивѣсть какой благородный подвигъ. И рѣшила подождать прихода Кента, который дѣйствовалъ на нихъ обѣихъ отрезвляюще.

Онъ пришелъ въ обычный часъ и принесъ въ бумажномъ мѣшкѣ персиковъ для Винифредъ. Онъ долго шелъ съ ними по улицамъ и персики слегка потерлись, такъ что отъ нихъ остались мокрыя пятна на бумагѣ. Но, тѣмъ не менѣе, когда ихъ положили, рядомъ съ хлѣбомъ и масломъ, на уголокъ плетенаго столика, на которомъ былъ приготовленъ чай, они выглядѣли очень аппетитно. И такъ отраденъ былъ всѣмъ троимъ этотъ возвратъ былой интимности, что они за чаемъ болтали безъ умолку, какъ будто все было по прежнему.

Затѣмъ Клитія передала имъ свой разговоръ съ Джэкомъ и они всѣ трое составили комитетъ для обсужденія устройства его участи.

— Не люблю я такихъ экспериментовъ,—говорилъ Кентъ.—Это значитъ выступать въ роли Провидѣнія, не располагая всѣми рессурсами, какими обладаетъ Провидѣніе. Одинъ винтикъ не на мѣстѣ, и глядишь—вся машина стала.

— Но и я же вовсе не стремлюсь къ экспериментамъ,—горячо возразила Клитія.—Какъ это гадко съ вашей стороны такъ говорить.

— А какъ же иначе? Вы хотите взять мальчика, обучающагося въ профессіональной школѣ, мальчика, несомнѣнно, незауряднаго — и не обычнаго типа, — и всунуть его въ наиболѣе строго-кастовую и полную условностей профессію. Это все равно, что бросить въ воду кусочекъ кальція. Результатъ будетъ обычный—взрывъ.

— О, вѣдь сначала его надо будетъ воспитать, сдѣлать изъ него джентльмена,—вскричала Винифредъ, спѣша на помощь Клитіи.

— Конечно,—подхватила Клитія.—Если ему удастся попасть въ армію, онъ станетъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ онъ есть теперь.

— Для этого вы должны держать его строго, воспитывать въ подчиненіи всякимъ условностямъ, а этимъ вы испортите его.

— Ничуть онъ не испортится отъ того, что выучится правильно говорить по-англійски и владѣть ножомъ и вилкой.

— Одного этого недостаточно. Да и кто же будетъ обучать его?

— Вотъ объ этомъ-то я и хочу посовѣтоваться съ вами.

Кентъ задумался, поглаживая бороду.

— Вамъ непремѣнно этого хочется—вывести его въ люди?

— Да.

— Я не знаю иного способа, кромѣ...

— Кромѣ?

— Усыновить его. Въ его ремесленной школѣ все-равно, кто будетъ обучать—экспериментъ не изъ опасныхъ; но для того, чтобы сдѣлать изъ человѣка джентльмена, нужны особыя условія.

Онъ затронулъ струну, которой сама она боялась касаться, формулировалъ ея смутное желаніе. Она замолкла. Винифредъ зачѣмъ-то вызвала хозяйка на площадку, и Клитія съ Кентомъ остались одни.

— Боюсь, что я высказался слишкомъ прямо и обидѣлъ васъ,—сокрушенно молвилъ онъ.

Она покачала головой и съ улыбкой посмотрѣла на него

— Я пришла къ вамъ за здравымъ смысломъ. И нашла его. Вы сдѣлали тотъ выводъ, какого не рѣшилась сдѣлать я.

— Что вы не можете усыновить его?

— Да, я сама это чувствую. Я теперь уже не госпожа самой себѣ. Тутъ возникло бы столько затрудненій. О, Кентъ, не будемъ говорить о нихъ—вы же видите, я обратилась къ вамъ за помощью, ни къ кому больше.

— Я не совсѣмъ васъ понимаю, Клитія...—началъ Кентъ, обезпокоенный ея внезапнымъ возбужденіемъ.

Она по-женски быстро овладѣла собой и заставила себя засмѣяться.

— Будь я одинокой, богатой старухой, можетъ быть, это и было бы возможно, но, какъ видите, это не такъ. Нѣтъ, нѣтъ, усыновить Джека я не могу, и, что бы съ нимъ ни случилось, ужъ придется намъ, видно, воспитывать его сообща.

— Ну, на чемъ же вы порѣшили?—спросила вернувшаяся Винифредъ.

— А на томъ, что для Джека лучше будетъ, если мы предоставимъ ему выбиваться самому,—отвѣтилъ Кентъ.—Пусть поступаетъ солдатомъ въ армію—можетъ, и дослужится до офицера. Вы не находите, Клитія, что это слишкомъ зло съ моей стороны—нѣтъ?

Клитія отъ души расхохоталась, и Кентъ утѣшился.

Они поболтали еще о разныхъ разностяхъ, а затѣмъ рѣшили выйти вмѣстѣ, такъ какъ Винифредъ пора было домой. Винни надѣвала шляпу передъ зеркаломъ; Кентъ и Клитія на минутку остались одни. Кентъ тихонько вздохнулъ:

— Я какъ-будто вовсе и не видѣлъ васъ—и ничего вамъ не успѣлъ сказать; только что совѣтъ далъ, да и то неважный.

— А вамъ такъ много надо было мнѣ сказать?—улыбнулась она, чувствуя, что эти слова нашли откликъ и въ ея сердцѣ.—Такъ за чѣмъ же дѣло стало? Вѣдь мы же не обязаны уйти отсюда потому только, что Винни уходитъ. Хотите, правда, остаться поболтать?

До того, какъ Кентъ заговорилъ объ этомъ, Клитіи и въ голову не приходило провести вечеръ въ мастерской. Но тутъ ей мгновенно представился нескончаемо долгій вечеръ, который ей предстояло провести совсѣмъ одной въ большомъ пустынномъ домѣ. Торнтонъ рѣдко приходилъ домой къ обѣду. Онъ и переодѣвался въ клубѣ. Нерѣдко тамъ и ночевалъ. Въ такихъ случаяхъ Клитія узнавала о томъ, что мужъ ея не ночевалъ дома, все отъ того же безстрастнаго дворецкаго, который утромъ приходилъ къ ней въ студію и докладывалъ: «Пришелъ посыльный, ма'мъ, за письмами для барина». Иной разъ они съ мужемъ не видались по три дня. А когда имъ случалось ненадолго остаться вдвоемъ, иной разъ эти часы проходили спокойно; иной разъ разражалась буря. Это зависѣло отъ настроенія Торнтона. Въ общемъ онъ былъ учтивъ, даже веселъ и занимателенъ, и жизнь съ нимъ, при такихъ условіяхъ, была сносна. Но теперь она съ горечью подумала: «Не все ли ему равно, когда я вернусь: въ семь, въ восемь или въ двѣнадцать. Почему мнѣ не отдохнуть часокъ душою съ Кентомъ».

Онъ сразу просіялъ весь отъ такого предложенія. Но тотчасъ же смутился.

— Вы слишкомъ-слишкомъ добры. Конечно, я радъ былъ бы поболтать съ вами часокъ. Но вы—можно ли вамъ?

— О да,—безпечно перебила она его.—Дома меня никто не ждетъ. И мнѣ самой хочется поболтать съ вами часокъ. Винни, голубка, знаешь, ты иди одна, а мы еще немножко посидимъ здѣсь. Дай мнѣ ключъ—я отдамъ его м-ссъ Гуркинсъ, когда буду уходить. Я не спросила тебя, но ты вѣдь не обидишься.

— Что ты, милочка. Конечно, нѣтъ,—поспѣшила завѣрить Винни, нѣжно цѣлуя ее на прощанье.—Ты отлично знаешь, что эта студія по прежнему твоя.

И Винифредъ ушла, а они, какъ въ былыя времена, оста-

лись. Клитія вспомнила эти былыя времена, и у нея вдругъ сжалось сердце. Восторженный интересъ къ участи Джекз сразу смѣнился упадкомъ духа и она устало опустилась въ кресло.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Кентъ, набивая трубку.— Вы сами на себя не похожи. Это все Лондонъ съ его противными туманами. Вамъ бы въ деревню надо, на свѣжій воздухъ.

— Не все ли равно, гдѣ? Дѣло не въ Лондонѣ и не въ погодѣ, а въ томъ, что какъ-то все неладно. Боюсь, что я хандрю. Надо будетъ завести себѣ кошку. Тогда можно будетъ дѣлиться съ ней своими горестями. Кошки хороши тѣмъ, что онѣ никогда не хандрятъ. Мурлыкаютъ себѣ преблагодушно, пока онѣ въ теплѣ и ихъ хорошо кормятъ, а когда у васъ нелѣпое настроеніе и вы говорите парадоксами, онѣ не требуютъ никакихъ объясненій. Вы любите кошекъ—я забыла.

— Изъ-за чего же вы хандрите?—освѣдомился онъ, исчезая въ облакахъ табачнаго дыма.

— Ахъ, оставьте этотъ шутливый тонъ. Мало ли какія у человѣка бываютъ настроенія. Вы лучше бы утѣшили меня.

— Работайте,—сдерживаясь, отвѣтилъ Кентъ.—Вѣдь вы весь этотъ годъ въ серьезъ ни разу не брались за кисть. Оттого вы и не удовлетворены, что оставляете въ небреженіи такія серьезныя потребности своей натуры. Почему вы не пишете? При чемъ тутъ то, что вамъ теперь нѣтъ надобности зарабатывать? Неужто изъ-за этого бросать искусство?

— Какъ: при чемъ. При всемъ.

— Не вѣрю. Вы не такая женщина, чтобъ просто облѣниться. Полноте, Клитія, встряхнитесь, возьмите себя въ руки и напишите большую, хорошую картину. Что ваша «Фаустина», что съ ней сталось?

— О,нѣтъ, не надо! Ради Бога, не надо!—воскликнула она, закрывая лицо руками.—Не могу я писать это теперь—даже думать объ этомъ не могу. Можетъ быть, когда-нибудь,—современемъ,—когда я состарѣюсь,—если только у меня хватитъ охоты дожить до старости,—но не теперь.

Кентъ отложилъ трубку и придвинулся къ ней ближе. Онъ былъ огорченъ и встревоженъ. Онъ видѣлъ, что у нея нервы натянуты, какъ струны, но Клитія была не такая женщина, чтобъ давать волю нервамъ. Но тутъ ему пришло на умъ другое—и сердце въ немъ упало.

— Бѣдная моя Клитія!—выговорилъ онъ ласково.—У васъ такой несчастный видъ. Какъ бы я хотѣлъ чѣмъ-нибудь помочь вамъ.

— Ахъ, теперь ужь поздно!—вырвалось у нея неудержи-

мымъ порывомъ. Полтора года тому назадъ вы могли бы — еслибъ не разыгрывали изъ себя Донъ-Кихота...

— Что вы хотите сказать этимъ?—спросилъ онъ, все больше и больше волнуясь и чувствуя себя виноватымъ.—Полтора года тому назадъ? Какимъ же образомъ тогда я могъ помочь вамъ? Я любилъ васъ и скрывалъ отъ васъ свою любовь, которая могла лишь огорчить васъ. Я и теперь люблю васъ. И не скрываю этого. Зачѣмъ? И я готовъ помочь вамъ, чѣмъ могу. Я теперь сильнѣе и мудрѣй, чѣмъ былъ тогда. Чѣмъ же я могъ тогда помочь вамъ, если не могу сдѣлать этого теперь.

Эти простыя коротенькія фразки и искренность его тона тронули ее до глубины души.

— Вы могли бы помочь мнѣ, еслибъ не таились...

— Не понимаю. Какой же могъ быть прокъ для васъ отъ того, что вы знали бы, что я люблю васъ, разъ вы сами не любили меня.

— Быть можетъ, я полюбила бы,—устало выговорила она.

— О, Боже! Клитія! не говорите такъ! Это жестоко,—вскричалъ онъ, въ волненіи вскакивая на ноги.—Я знаю, что поступалъ по-дурацки, но, вѣдь, у меня же были серьезныя причины: не корите меня за это. Я не могу этого вынести.

Тутъ только Клитія поняла, что она сказала. Приступъ унынія прошелъ такъ же внезапно, какъ и овладѣлъ ею, и она живо почувствовала всю его правоту.

— О, Кентъ, Кентъ! простите меня.—вскричала она со слезами на глазахъ.—Я сама не знаю, что говорю. Вы такой благородный, такой сердечный человѣкъ, что вы должны простить меня. Когда женщина несчастна, она иной разъ не владѣетъ собой, а я очень несчастна, Кентъ. Я думала больше о себѣ, чѣмъ о васъ,—потому и говорила такія вещи, которыя огорчаютъ васъ. Скажите мнѣ, что вы меня прощаете.

У Кента сердце было слишкомъ нѣжное, чтобъ не откликнуться на такой искренній порывъ. Онъ снова сѣлъ возлѣ нея, взялъ ея руку и тихонько поцѣловалъ ее.

— Я никогда не видѣлъ васъ такой... Какъ мнѣ хотѣлось бы утѣшить васъ.

Онъ зналъ, что не минутное раздраженіе, не усталость исторгли это признаніе у такой гордой женщины, какъ Клитія. Очевидно, она, дѣйствительно, глубоко несчастна, и ея семейная жизнь окончательно не удалась. За ея горемъ онъ забылъ о своемъ собственномъ, такъ онъ жаждалъ хоть чѣмъ-нибудь облегчить ея участь. Онъ выпустилъ ея руку и она безсильно упала на колѣни.

— Не знаю, зачѣмъ я вамъ сказала это,—говорила она, не глядя на него.—Я еще ни разу, ни одной живой душѣ, даже

намекомъ не заикнулась объ этомъ, а теперь вдругъ прорвалось. Не презирайте меня, Кентъ.

— Клитія! За что?

— О, да! Я знаю, что сказалъ бы свѣтъ. Что я разыгрываю изъ себя непонятную женщину. Что я отбросила свой женскій стыдъ и гордость. Что васъ, во всякомъ случаѣ, мнѣ не слѣдовало избирать своимъ повѣреннымъ. Съ точки зрѣнія общепринятыхъ правилъ, я достойна презрѣнія, ибо что же иное можетъ свѣтъ сказать о женщинѣ, которая признается человѣку, все еще любящему ее, что она жалѣетъ, что не вышла за него.. Нѣтъ, не прерывайте меня. Дайте мнѣ разъ въ жизни высказаться передъ вами до конца. Вы сами какъ-то сказали мнѣ, что, если мы сумѣли поставить себя выше условностей въ нашихъ привычкахъ, это должно распространиться и на область чувства. Вы честный и стойкій. Вы можете помочь мнѣ, оставаясь моимъ другомъ, потому, что больше у меня никого нѣтъ. Мой бракъ—ужасная ошибка. Мое искусство не удовлетворяетъ меня, потому что у меня нѣтъ больше надеждъ. Чтобъ быть художницей, нужна вѣра въ себя, а моя погасла. Теперь вы знаете.

Это самоуничиженіе доставляло ей жгучую отраду. Словно ея высшая природа мстила низшей, и духовное «я» бичевало плоть.

Онъ, не отвѣчая, смотрѣлъ на нее съ невыразимой скорбью.

— Если вы презираете меня за то, что я сказала вамъ, скажите прямо. Это будетъ лучше.

— Боже избави!—тихо выговорилъ онъ.—Я никогда не примѣнилъ бы къ вамъ шаблонныхъ мѣрокъ. Ваше признаніе священно для меня, и я всѣмъ сердцемъ благодаренъ вамъ за то, что вы настолько цѣните меня, что оказали мнѣ довѣріе, И никогда больше не предлагайте мнѣ такихъ вопросовъ, Клитія—мнѣ это больно.

— Я вѣрю вамъ, Кентъ,—сказала она, искренно и просто глядя ему въ глаза.—И я была неправа, говоря, что вы тогда могли помочь мнѣ, потому что и теперь вы можете. И будете мнѣ помогать.

— До послѣдняго моего вздоха! Самое мучительное для меня въ эти полтора года было то, что я, при всемъ желаніи, ничего не могъ сдѣлать для васъ.

— Но чѣмъ же я могу отплатить вамъ, мой добрый Кентъ?

— Тѣмъ, что вы опять станете прежней, ясной и беззаботной и снова займетесь живописью. Вотъ это и будетъ моей наградой. Мнѣ сладко будетъ думать, что мое вліяніе просвѣчиваетъ сквозь вашъ геній. О, Клитія! какъ вы неправы. Такъ рѣдко бываетъ, чтобъ жизнь была испорчена безповоротно, такъ чтобъ уже нельзя было ее поправить. Это предполагаетъ

полную утрату вѣры. А вѣдь вѣра горами двигаетъ, и, если человѣкъ утратилъ вѣру, лучше ему покончить съ жизнью: тогда долгъ его—не жить.

— Я была на волосокъ отъ этого въ началѣ нынѣшняго года,—молвила Клитія, грустно улыбнувшись.—Когда-нибудь я, можетъ быть, скажу вамъ, почему. Я хотѣла убить себя, потомъ мнѣ показалось это трусостью и малодушіемъ. Можетъ быть, меня удержало просто любопытство—безсознательно хотѣлось посмотрѣть, что будетъ дальше. Но теперь, милый Кентъ, вы показали мнѣ все въ новомъ свѣтѣ. Какъ мнѣ отблагодарить васъ за вашу доброту?

— Я уже сказалъ вамъ,—съ улыбкою отвѣтилъ онъ.

XXIV.

На другое утро, написавъ письма и распорядившись по хозяйству, Клитія отправилась въ студію съ похвальнымъ намѣреніемъ взять себя въ руки и начать работать. Кентъ правъ, думала она. Ея жизнь еще можно перестроить на новыхъ началахъ. Она снова будетъ, какъ прежде, работать для заработка и выпускать свои картины на рынокъ. Изъ многихъ смутныхъ мыслей, вызванныхъ бесѣдой съ Джекомъ, выдѣлилась одна, болѣе ясная: усыновить его она не можетъ. Это было желаніе бездѣтной матери, до нѣкоторой степени эгоистическое, возникшее въ горькій часъ крушенія болѣе свѣтлыхъ надеждъ. Ей немножко грустно было отказаться отъ него, но она вѣрила Кенту и на этотъ счетъ успокоилась. И, однакожъ, въ ея власти было оказать Джеку матеріальную помощь современемъ, какъ разъ тогда, когда для него чрезвычайно важно будетъ имѣть небольшой капиталецъ. По крайней мѣрѣ, она сдѣлаетъ хоть какое-нибудь добро человѣку, а то вѣдь она живетъ какъ будто только для себя. И тутъ совѣты Кента относительно занятій живописью переплелись съ этими ея мыслями и ей вдругъ пришло въ голову, что отъ продажи своихъ картинъ она могла бы скопить довольно значительную сумму. Отъ восторга она даже захлопала въ ладоши. Сразу точно гора свалилась съ плечъ ея. На радостяхъ она тутъ же черкнула двѣ строчки Кенту и опустила ихъ въ ящикъ, раньше, чѣмъ успѣли высохнуть чернила:

«Я начну въ серьезъ работать и продавать мои картины, а деньги копить для Джека. Ладно?».

Настроеніе у нея въ это утро было чудеснѣйшее, ибо теперь она нашла цѣль въ жизни. Будущее обыкновенно гораздо больше вліяетъ на наши настроенія, чѣмъ прошлое. Однако-жъ, настроеніе Клитіи отчасти обусловливалось и недавнимъ прошлымъ. Наканунѣ ее немного тяготило признаніе, которое она

сдѣлала Кенту. Она провела вечеръ наединѣ съ собой и съ истиной, которую она послѣдніе два мѣсяца избѣгала формулировать и которая теперь встала передъ нею въ совершенно ясной и конкретной формѣ. Она даже написала Кенту слѣдующее маленькое письмецо, которое тутъ же и разорвала въ клочки. Впрочемъ, и, когда писала его, врядъ ли собиралась посылать.

«Дорогой мой Кентъ!—гласило это чисто женское по экспансивности посланіе:—то, что я сказала вамъ сегодня,—правда. Еслибъ вы восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ сказали мнѣ, что любите меня, я бы заглянула въ свою душу и осознала мои чувства къ вамъ. Женщина не такъ легко читаетъ въ своемъ сердцѣ, какъ думаютъ иные. Иной разъ это дается ей даже съ большимъ трудомъ. Въ сердце не ведутъ избитыя дороги... Но теперь я знаю себя, умѣю читать въ своемъ сердцѣ, и это знаніе далось мнѣ очень тяжело: я вся измучилась. О, Кентъ, мой честный, вѣрный Кентъ. Устала я, устала таить правду отъ самой себя, насиловать себя, вопреки сердцу и разсудку. Я—женщина, и мнѣ не слѣдовало бы признаваться въ томъ даже самой себѣ, не только вамъ. Такъ люди говорятъ,—а люди, вѣдь, умнѣе насъ, не правда-ли? Я люблю васъ, Кентъ. Вотъ, теперь это написано чернымъ по бѣлому. Это звучитъ дико, смѣшно, ужасно, и въ то же время необычайно утѣшительно. Я люблю васъ, Кентъ! Зачѣмъ мнѣ долѣе обманывать себя. Одинъ Богъ знаетъ, принесетъ ли мнѣ эта любовь въ будущемъ счастье или горе; но въ ней такая красота, что сейчасъ я счастлива необычайно. Да, изумительно, необычайно, невѣроятно счастлива».

Дописавъ, она бросила перо и старательно изорвала написанное въ мелкіе кусочки. Н;, тѣмъ не менѣе, у нея стало легче на сердцѣ. Все вокругъ казалось ей привѣтливѣй и радостнѣй. Щеки ея пылали огнемъ при мысли, что Кентъ знаетъ объ ея чувствѣ. Мысленно она рисовала себѣ между Кентомъ и собой отношенія необычайно нѣжныя и деликатныя. Онъ, завѣдомо влюбленный въ нее, будетъ дарить ей утѣшеніе и добрые совѣты друга; она, оставшаяся въ роли друга, сумѣетъ найти самые утонченные способы усладить и скрасить его жизнь своей любовью. Новый рай тончайшихъ и самыхъ сладостныхъ эмоцій открывалъ предъ ней свои неуловимыя врата. Впервые въ жизнь ея входило чувство, чистое и нѣжное, чуть розовѣющее, какъ весенніе бутоны. Правда, если продлить аналогію, придется вспомнить и о томъ, что бутоны эти подъ лѣтнимъ солнцемъ распустятся пышнымъ цвѣтомъ; но, весной, пока ласки солнца, еще не жгучія, не успѣли раскрыть ихъ, они тоже прелестны, по своему.

Клитія расхаживала по мастерской и пѣла,—что означало

у нея полное довольство собой и окружающими. Окно было открыто и утреннее солнце лило въ него потоки свѣта, веселя большую комнату съ тяжелыми портьерами, искрясь на волосахъ Клитіи, когда она попадала въ полосу свѣта и окружая ея голову, словно золотымъ ореоломъ; глаза ея на свѣту казались еще синѣе. На ней было свѣтлое утреннее платье, стянутое золотымъ шнуркомъ по таліи, съ стариннымъ кружевомъ у открытаго ворота, съ широкими рукавами, которые она подобрала, чтобъ они не мѣшали ей работать, такъ что руки ея были обнажены до локтей. Шелковая матерія при каждомъ быстромъ поворотѣ облипала ея станъ съ нѣжнымъ шелестомъ, который нравился ей, она сама не знала, почему. Она снова была счастлива, и жизнь стала для нея цѣнной вдвойнѣ. Наконецъ, она присѣла за небольшой мольбертъ, на которомъ былъ наколотъ большой листъ Ватмановской бумаги и быстро, размашисто, принялась набрасывать эскизъ картины, идея которой, какъ вдохновеніе, осѣнила ее. Посрединѣ, на лѣвомъ планѣ влюбленная парочка; женщина, запрокинувъ голову назадъ и приподнявъ лицо смотритъ на мужчину, который обнимаетъ ее. На переднемъ планѣ, справа, изъ-за кустовъ выглядываетъ дѣвушка лѣтъ семнадцати, съ письмомъ въ рукѣ.

Контрастъ между этими двумя женскими лицами и долженъ былъ составлять сюжетъ картины—«Женщина и дѣвушка»—одна уже знаетъ, другая только начинаетъ угадывать. Клитія торопливо и упорно работала надъ этимъ наброскомъ, вся дрожа отъ наплыва вдохновенія. Она знала, что сумѣетъ вложить въ эти два женскихъ лица то, что сдѣлаетъ эту картину не только красивой. Аксессуары должны быть строги до скудости. Деревья чуть намѣчены, безъ тонкихъ эффектовъ свѣта и тѣни. Принципъ отвлеченности замысла долженъ быть проведенъ безъ всякихъ компромиссовъ, какъ на офортахъ Сеймура Хэдена. Вся художественная мощь картины должна быть сосредоточена въ этомъ контрастѣ между уже пробужденной и пробуждающейся душой.

Она вся ушла въ свою работу, когда въ дверь постучали и вошелъ Джекъ. Клитія съ улыбкой взглянула на него.

— Это ты, Джекъ? Хорошо, что ты пришелъ. Но только чуръ—не разговаривать! Ни единаго слова—я страшно занята. Садись и жди, пока я кончу.

Мальчикъ, уже пріученный къ этому своими покровительницами, посидѣлъ немного, обводя глазами студію, разглядывая картины и бездѣлушки. Потомъ пошелъ детально разсматривать вазы и фотографіи, наципочкахъ, стараясь не стучать своими подбитыми желѣзомъ подошвами по гладкому натертому паркету. Потомъ нашелъ на полкѣ иллюстрированную исторію Англіи и улегся съ ней на своемъ любимомъ мѣстѣ у

камина. И такъ они съ полчаса сидѣли молча: Клитія за своимъ мольбертомъ, Джекъ, свернувшись клубочкомъ, надъ книгой съ картинками. Въ комнатѣ царила тишина. Порой въ окно залеталъ шмель, сердито жужжа, словно досадуя, что онъ не могъ найти дороги въ поле въ этомъ душномъ Лондонѣ, и снова улеталъ. Изъ людской чуть слышно доносился голосъ одной изъ горничныхъ, пѣвшей гимны; еще дальше гдѣ-то глухо гудѣла фисгармонія. И эти немногіе звуки, слабые, но четкіе, еще усугубляли тишину.

Положивъ послѣдніе штрихи, Клитія вздохнула съ облегченіемъ.

— Какъ ты находишь это, Джекъ?—спросила она, слегка отодвигаясь и склоняя на бокъ голову, чтобъ лучше судить о сдѣланномъ.—Тебѣ не кажется, что изъ этого можетъ выйти чудесная картина?

Джекъ тотчасъ вскочилъ на ноги, оставивъ книгу на коврѣ, и подошелъ къ ней. Онъ не былъ знатокомъ, хоть и имѣлъ нѣкоторое отношеніе къ искусству, поэтому онъ ничего не сказалъ, только одобрительно осклабился, и почесалъ одну ногу объ другую.

— Ну. Что же ты не восхищаешься?

— А что жь онѣ безъ лицъ-то?

— Ахъ, вотъ что! Одно лицо будетъ такое—она указала на крохотный рисунокъ внизу листа—или въ этомъ родѣ. Теперь призови на помощь, Джекъ, воображеніе. Вотъ это будетъ—женщина, душа которой проснулась и радуется жизни, и эта радость свѣтится въ ея глазахъ, дрожитъ на ея устахъ, трепещетъ въ каждомъ фибрѣ ея существа—все это для тебя китайская грамота, мой бѣдный мальчикъ, но все равно—ужъ начала, такъ доскажу. А теперь мнѣ надо найти еще другое лицо. Какъ ты думаешь, какое лицо должно быть у дѣвушки?

— Н-не знаю. А мужчина на кого будетъ похожъ?

— Ахъ ты, маленькій филистеръ. Мужчина все равно какой—при чемъ онъ тутъ? Мужчина всегда лишній. Мнѣ очень хочется сдѣлать его уродливымъ, съ физіономіей носорога. Вотъ такимъ—гляди!

Она быстро, нѣсколькими штрихами углемъ, заполнила овалъ, оставленный для лица мужчины, и получилось живописное чудовище, носатое, съ мефистофельскими бровями и усами, закрученными вверхъ къ ушамъ. И оба покатились со смѣху.

— Ну, а теперь, давай рисовать смѣшныхъ человѣчковъ,—весело предложила она.—Давай мнѣ сюда листъ бумаги, который вонъ тамъ лежитъ.

Она наколола на доску листъ, поданный ей Джекомъ, и начала рисовать карикатуры.

— Вотъ я тебѣ нарисую нѣсколькихъ, а ты выбери, котораго мнѣ посадить въ картину, Джекъ.

Давно-давно уже она не позволяла себѣ такихъ художественныхъ шалостей. И теперь изъ-подъ ея пальцевъ буйно вырывались фигуры одна другой забавнѣй и нелѣпѣй. То голова съ огромнымъ, перекошеннымъ ртомъ и остроконечными ушами, вродѣ дьявола, который смотритъ на Линкольна; то свиное рыло съ кошачьими усами, въ цилиндрѣ и съ моноклемъ въ глазу; то вытянутая, лошадиная, раскосая физіономія; то маска трупа, намѣченная тремя-четырьмя точками и линіями. Джекъ былъ въ полномъ восторгѣ. Никогда еще Клитія не рисовала для него человѣчковъ. Онъ поминутно прерывалъ ее восклицаніями:

— Ой, батюшки! какой уродина! Носъ-то, носъ ему нарисуйте подлиннѣе—и бородавку посадите на носъ. У насъ есть тамъ въ школѣ одинъ учитель съ бородавкой на носу. Вотъ теперь совсѣмъ похоже на него. А этотъ какой чудной!—только туловище и ноги—голова жъ куда дѣвалась?

И когда голова чудного человѣка высунулась промежду его колѣнъ, какъ у человѣка-змѣи въ циркѣ, Джекъ завизжалъ отъ радости, хлопая въ ладоши.

Заполнивъ послѣдній кусочекъ мѣста на листѣ, Клитія бросила уголь на подносъ и встала.

— Ну, вотъ тебѣ, Джекъ! А хорошо иной разъ подурачиться. Если хочешь, можешь взять эти картинки и показать ихъ своимъ товарищамъ въ школѣ.

Она свернула въ трубку толстую бумагу, надѣла на нее резинку и вручила ее Джеку, который могъ только смотрѣть на нее восторженными глазами, не находя словъ для благодарности.

— А теперь мнѣ надо пойти вымыть руки и привести себя въ приличный видъ для ленча. Пойди внизъ и скажи м-ссъ Паукинсъ, чтобъ она дала тебѣ чего-нибудь поѣсть. Постой—картинки лучше оставь здѣсь; потомъ зайдешь за ними.

Она взяла у него свертокъ и положила его на столикъ у дверей. Ей не хотѣлось, чтобъ любопытный взоръ прислуги былъ свидѣтелемъ барскихъ чудачествъ. Джекъ еще кой-какъ понималъ ее, но м-ссъ Паукинсъ и Мэри, и Джонъ, навѣрное, подумали бы, что она спятила.

Джекъ потоптался немножко на порогѣ и затѣмъ застѣнчиво вытащилъ грязный замусоленный пакетикъ, завернутый въ его носовой платокъ, и подалъ его Клитіи.

— Я принесъ показать вамъ вотъ это. Нынче утромъ стибрилъ у матери изъ комода. Вы вѣдь отдадите мнѣ назадъ—я только показать...

— Слѣдовало бы наказать тебя,—строго сказала Клитія.—

Еслибъ мать твоя узнала это, она бы очень разсердилась и тебѣ влетѣло бы. Но, если ты будешь умницей, я только погляжу и отдамъ тебѣ назадъ. Теперь бѣги.

Джекъ исчезъ, а Клитія, обойдя комнату и приведя ее болѣе или менѣе въ порядокъ, развернула грязную бумажку и съ насмѣшливымъ любопытствомъ поднесла къ глазамъ карточку отца Джека.

Но мгновенно любопытство, насмѣшливость, праздный интересъ—все смѣшалось въ безграничномъ изумленіи. На карточкѣ былъ изображенъ Торнтонъ, ея мужъ. Ошибиться было немыслимо. Двойникъ этой карточки былъ у нея въ альбомѣ. Однажды, давно уже, ей случайно попалась эта карточка и она выпросила ее у мужа. Ей понравилась эта карточка, гдѣ онъ былъ снятъ въ военной формѣ, хотя такимъ она никогда не видала Торнтона. Онъ былъ здѣсь такой сильный, мужественный, такой великолѣпный. Эта карточка—ея любимая—была ей слишкомъ хорошо знакома. Въ первый моментъ она даже не поняла—ударъ былъ слишкомъ неожиданнымъ. Затѣмъ сразу сообразила, что означаетъ эта карточка.—Торнтонъ—отецъ Джека. А м-ссъ Бурместеръ—его мать. Съ дрожью отвращенія она бросила карточку на столъ.

Загадка происхожденія Джека разъяснилась совершенно непредвидѣнно. Тайна, скрытая въ невѣдомыхъ глубинахъ страсти, предстала передъ ней во всей своей неприглядной наготѣ. И ей тошно было отъ такой правды. Она выходила замужъ не съ невѣдѣніемъ дѣвочки. Книги, столкновенія съ реальной жизнью, до извѣстной степени дали ей познаніе добра и зла. Она знала о существованіи женщинъ вродѣ Лулу Мендэсъ, торгующихъ любовью. Что мужчина можетъ имѣть связь съ такой женщиной—это она могла понять. Она и не воображала, что мужъ ея принесъ ей свою душу дѣвственной и чистой. И не возмутилась бы, узнавъ, что мужъ, до встрѣчи съ ней, такъ сказать, былъ невѣренъ ей. Въ чисто-плотской красотѣ куртизанки могло быть обаяніе и прелесть для натуры низшаго порядка. Она слыхала, какъ мужчины увлекаются такими женщинами и до какого паденія ихъ иногда доводитъ страсть. Еслибъ мать Джека была такого рода женщиной, она бы, пожалуй, только удивилась совпаденію, почувствовала бы нѣкоторую неловкость въ своихъ отношеніяхъ съ мальчикомъ. Но мать Джека была совсѣмъ иною. Въ ней никогда не было колдовского обаянія и прелести. Не было даже миловидности. Чернорабочая, тупая, грубая, топорная—чѣмъ могла она привлечь мужчину?..

Теперь Клитія стала ясной правда, и раньше задѣвавшая ее порой темнымъ крыломъ летучей мыши, нагоняя жуткую дрожь—гадкая, тошнотворная правда о вѣчномъ звѣрѣ, си-

дящемъ въ мужчинѣ. Теперь мужъ ея цѣликомъ былъ ясенъ для нея, и ея равнодушіе перешло въ презрѣніе. Въ сущности, для Торнтона была ли разница между нею и матерью этого мальчика.

Она быстро прошлась по студіи, заломивъ руки, по временамъ вздрагивая плечами отъ непреоборимаго отвращенія. Вся прелесть яснаго дня погасла для нея. Густая тѣнь окутала его.

Неожиданно предъ нею предсталъ самъ Торнтонъ, радостно взволнованный, съ телеграммой въ рукѣ. Онъ только что верхомъ катался въ паркѣ и еще не успѣлъ переодѣться. Держа подъ мышкой хлыстъ съ серебряной ручкой, онъ побѣдоносно размахивалъ телеграммой.

— Меня просятъ выставить свою кандидатуру отъ Визерби. За это стоитъ накормить меня завтракомъ. Надѣюсь, завтракъ будетъ?

— Завтракъ, по всей вѣроятности, будетъ поданъ въ обычное время,—не глядя на него, сказала Клитія.

Онъ подождалъ немного, постегивая свои ляжки хлыстикомъ.

— Могла бы ты, кажется, и поздравить меня, хотя бы только изъ вѣжливости,—обиженно замѣтилъ онъ.

— Ахъ, да; поздравляю!

Она сама не узнала своего голоса. Ее неудержимо толкало бросить ему въ лицо всю правду, всю горечь и презрѣніе, накопившіяся въ ея сердцѣ. Она сдержала себя, но отъ этого насилія надъ собой голосъ ея сталъ гортаннымъ и глухимъ. Она отвернулась къ окну.

— Въ чемъ дѣло, чортъ побери?—нетерпѣливо допытывался онъ.—Я спѣшилъ къ тебѣ, думалъ: ты обрадуешься. Вакансія надежная. Ужъ мнѣ ли не побить этого проклятаго радикалишку, въ шапкѣ на бекрень? Полтора года я работалъ, какъ каторжный, въ потѣ лица, добиваясь этого, только теперь добился, думалъ, ты хоть изъ вѣжливости сдѣлаешь видъ, что довольна. Но ты вѣрна себѣ—мнѣ слѣдовало бы это предвидѣть. Ну, что жь, вѣдь тебѣ, и вправду, совершенно безразлично, какъ идутъ мои дѣла.

Онъ гнѣвно бѣгалъ по комнатѣ. Ему попалась на глаза фотографическая карточка, лежавшая на столикѣ; онъ разсѣянно взглянулъ на нее и, срывая злость, швырнулъ ее въ дальній уголъ. Клитія обернулась на легкій стукъ картона, ударившагося о стѣну, и глаза ихъ встрѣтились. И на мигъ приковались одни къ другимъ. Тутъ распахнулась дверь и вбѣжалъ Джекъ, попятившійся назадъ при видѣ Торнтона.

— Какого чорта нужно этому мальчишкѣ?—сердито крикнулъ тотъ.

Быстро-инстиктивно, Клитія сравнила взглядомъ два лица.

Сходство между ними было поразительное. Тѣ же красивыя черты, темные, блестящіе глаза, темные, курчавые волосы, ровные, ослѣпительно бѣлые зубы; тѣ же жесткія черточки по угламъ рта. Странно, что, такъ внимательно изучая физіономію Джека, она могла проглядѣть это сходство. Испуганный гнѣвнымъ окрикомъ Торнтона, мальчикъ воззрился на него, потомъ на Клитію, и попятился назадъ, норовя улизнуть. Но Клитія окликнула его.

— Возьми же свои картинки, Джекъ. Это,—холодно пояснила она мужу,—мой протеже. Онъ раньше мнѣ позировалъ —для моей картины: «Джекъ». Вотъ тебѣ твои картинки, Джекъ. Бѣги домой. Спасибо, что пришелъ провѣдать меня.

— А карточка? Вы говорили—отдадите мнѣ назадъ.

Клитія пошла къ столику, на который она положила фотографію. Не нашла ея, вспомнила слышанный ею звукъ, обернулась и увидала карточку лежащей на полу. И взволновалась. Положеніе становилось драматическимъ, а она къ этому не была подготовлена. Торопясь отослать мальчика, она забыла объ этой фотографіи... Надо же вернуть ее, чтобы спасти честь мальчугана и, по всей вѣроятности, его спину отъ побоевъ. Торнтонъ стоялъ, прислонясь къ камину, заложивъ руки въ карманы и угрюмо наблюдая за женой. Внѣшне спокойная, но съ сильно бьющимся сердцемъ, Клитія подняла фотографію, завернула ее въ ту же грязную бумажку и сунула въ руки Джеку. Торнтонъ, съ возрастающимъ изумленіемъ слѣдившій за каждымъ движеніемъ жены, шагнулъ впередъ:

— Какого чорта?

Но Клитія мгновенно встала между нимъ и мальчикомъ.

— Бѣги скорѣй!—торопливо шепнула она Джеку, и тотъ, съ дѣтства привыкшій удирать отъ всяческихъ опасностей, моментально исчезъ. Клитія, прислонясь къ двери, смотрѣла на мужа странными глазами. Все это было продѣлано съ быстротой фокуса.

— Объясни, пожалуйста, что все это значитъ?—спрашивалъ Торнтонъ,—и съ какой стати ты раздаешь мои фотографіи уличнымъ мальчишкамъ? Ей Богу, ты съ ума сошла. Ужъ это ты, пожалуйста, оставь. Можешь сама строить изъ себя дуру, если тебѣ это нравится, но меня и мои вещи оставь въ покоѣ. Я не желаю, чтобъ моими карточками хвастались на улицахъ. Ты что жь, можетъ быть, еще кому-нибудь преподнесла мою особу? Хорошо же ты бережешь мои подарки!

— О, Боже! Торнтонъ, ты самъ плохо берегъ себя. Если хочешь, я объясню. Карточка принадлежитъ матери этого мальчика. Онъ—сынъ твой.

— Что такое? — загремѣлъ Торнтонъ.

— Да, твой сынъ, твое дитя. Фамилія его матери—Бурместеръ. Ты самъ подарилъ ей эту карточку—давнымъ давно. Я только сейчасъ передъ твоимъ приходомъ сдѣлала это открытіе. О, какой ужасъ!—она закрыла лицо руками.

— Ха-ха! Ты опять сѣла на своего конька. Какой тутъ ужасъ? Ну, да, я подарилъ когда-то свою фотографическую карточку одной изъ служанокъ моего отца, и у нея былъ ребенокъ, и я заплатилъ ей за безпокойство, и—чортъ побери! Да тебѣ-то до этого какое дѣло? Вѣдь не была же ты такая дура, чтобы воображать себѣ, будто ты вышла замужъ за святого

— Довольно. Ни слова болѣе. Не унижай себя и меня. Я никогда не думала, что ты святой—даже и когда любила тебя. Теперь я вижу тебя насквозь, и—о, Господи!—это конецъ всему... Еслибъ ты соблазнилъ невинную хорошенькую дѣвушку, это было бы гнусно, но не грязно—хорошенькую, привлекательную, милую—я бы могла понять это; но эту несчастную глупую бабу—судомойку—немногимъ лучше животнаго...

Торнтонъ ринулся къ ней и схватилъ ее за плечо.

— Послушай! Клянусь Богомъ, если ты не придержишь своего языка, я прибью тебя.

Она видѣла, что онъ взбѣшенъ. Она намѣревалась спокойно высказать мужу свое мнѣніе о немъ, изложить факты и сказать ему, что имъ лучше разъѣхаться. Но грубый цинизмъ его признанія такъ возмутилъ ее, что она утратила власть надъ собой. Видя такъ близко отъ себя его горящіе глаза и ослѣпительно бѣлые зубы, она пожалѣла, что не сдержалась, но она не была трусихой, и обидныя слова и боль въ плечѣ пробудили въ ней гнѣвное мужество ея предковъ-пуританъ. Глазомъ не моргнувъ, она смотрѣла на него.

— Если ты ударишь меня, это только будетъ лишнимъ доказательствомъ, до какой степени ты скотски-грубъ.

— А! будь ты проклята!—крикнулъ онъ въ бѣшенствѣ и, замахнувшись хлыстомъ, съ размаху ударилъ ее по спинѣ, разрѣзавъ тонкую матерію, которая распалась надвое, обнаживъ плечи Клитіи, потомъ толкнулъ ее прочь отъ себя съ такою силой, что она упала, и выбѣжалъ изъ комнаты.

Сверхчеловѣческимъ усиліемъ молодая женщина поднялась на ноги, постояла минутку ошеломленная, вся горя отъ обиды и стыда—и повалилась, какъ стояла, на медвѣжью шкуру, лицомъ на иллюстрированную Исторію Англіи.

XXV.

Когда Клитія поднялась, наконецъ, и вышла изъ студіи, у нея едва хватило силы дотащиться до своей спальни. Какое-то странное оцѣпенѣніе сковывало ея члены. Сердце ея было какъ-будто выжжено; огненный мечъ насквозь пронизалъ ей

виски. Ни разу еще за свою недолгую супружескую жизнь она не переживала такого ужаса и униженія. Одна единственная мысль владѣла ею: бѣжать изъ этого дома, изъ сферы вліянія Торнтона, спрятаться гдѣ-нибудь подальше отъ него. Машинально она переодѣлась, выбравъ одно изъ простенькихъ платьевъ, которыя она носила еще до замужества, и освѣжила водой пылающія руки и лицо. Холодная вода немного ослабила ея нервное возбужденіе, и она вновь обрѣла способность мыслить связно и обдумывать, что дѣлать дальше.

Сегодня же она переѣдетъ въ свои прежнія комнаты на Кингсъ-Родѣ—кстати, онѣ не заняты. И снова будетъ жить, какъ Клитія Давенантъ, и вытравитъ изъ памяти кошмаръ послѣднихъ мѣсяцевъ. Порѣшивъ на этомъ, она поспѣшила привести въ исполненіе своей планъ. Всего пріятнѣй было бы ей сейчасъ же уйти изъ этого дома, и ужъ навсегда. Но и въ моменты сложнѣйшихъ эмоцій приходится считаться съ практической стороной жизни. Нельзя уйти, не взявъ съ собой вещей, не уложивъ ихъ въ чемоданы, не отобравъ, что нужно взять и что оставить. При этомъ необходима помощь слугъ. Наскоро оглядѣвъ себя въ зеркалѣ, Клитія придала болѣе спокойное выраженіе своему лицу, кликнула горничную и спокойнымъ ровнымъ голосомъ велѣла ей укладываться, словно дѣло шло объ обычномъ отъѣздѣ на дачу.

Пока служанки укладывали отобранныя ею вещи, она пошла въ студію собрать немногіе предметы, наиболѣе дорогіе для нея, которые можно было наскоро захватить съ собою: офортъ Руперта Кента—Жакемаръ, подаренный ей Кентомъ-сыномъ, двѣ-три книги, любимый ящикъ красокъ. Все остальное пусть остается здѣсь, вмѣстѣ со всѣми подарками Торнтона. Горничная, великолѣпно выдрессированная, укладывалась быстро, но Клитіи казалось, что она копается невыносимо. И она едва сдерживалась, чтобъ не накричать на нее, не вырвать изъ ея рукъ вещей и не начать совать ихъ въ сундуки самой. куда попало. Каждая минута промедленія была для нея нестерпимымъ униженіемъ. Потомъ уже она дивилась, какъ это она даже не вспомнила о мужѣ: вѣдь, еслибъ онъ былъ дома, онъ могъ бы не пустить ея. На самомъ дѣлѣ, послѣ дикой сцены съ Клитіей, онъ поспѣшилъ удрать изъ дому, но она такъ была поглощена своимъ, что даже не интересовалась тѣмъ, гдѣ онъ и что съ нимъ.

Когда, наконецъ, сундуки были уложены и заперты, горничная, позвякивая ключами, освѣдомилась, когда прикажетъ барыня подать карету.

— Подите и возьмите мнѣ извозчичью карету сейчасъ же. Я уѣду вмѣстѣ съ вещами.

Горничная, изумляясь про себя, ушла; а Клитія, оставшись одна, надѣла шляпку и, присѣвъ на край кровати, стала натягивать перчатки. Тутъ впервые взоръ ея сознательно остановился на обручальномъ кольцѣ и она осознала все значеніе своего теперешняго ухода изъ дому—полный разрывъ съ мужемъ, утвержденіе собственной индивидуальности, начало новой жизни. И, все же, несмотря на это, связь между ними остается, пока смерть не разлучитъ ихъ, этотъ тоненькій золотой обручикъ—символъ этой связи. Морщась отъ боли, такъ какъ кольцо было ей тѣсно, она сняла его и бросила въ шкатулку, гдѣ лежали всѣ драгоцѣнности, подаренныя ей Торнтономъ. Отъ этого ежечаснаго напоминанія о своемъ замужствѣ она, во всякомъ случаѣ, можетъ себя избавить...

Подумавъ еще, она рѣшила, что уходъ ея отъ мужа не долженъ имѣть вида унизительнаго тайнаго бѣгства. Изъ уваженія къ самой себѣ она сообщитъ ему о своемъ рѣшеніи. Когда горничная пришла за вещами, письмо было уже написано. Оно гласило:

«Я ухожу изъ Вашего дома. Возвращаюсь въ прежнія свои комнаты на Кингсъ-Родѣ и буду жить, какъ жила до знакомства съ Вами».

Тутъ только ей пришло въ голову спросить у камердинера, дома ли м-ръ Гаммердайкъ. Лакей, привыкшій къ тому, что у его господъ жизнь шла врозь, ничуть не удивился и отвѣтилъ, что м-ръ Гаммердайкъ передъ самымъ завтракомъ ушелъ.

— Положите это письмо на столъ у него въ кабинетѣ. Я на время уѣзжаю.

Черезъ нѣсколько минутъ она уѣхала. Съ невольнымъ стономъ, исторгнутымъ у нея физической и нравственной мукой, она прислонилась головой къ потертымъ подушкамъ и закрыла глаза. День былъ все тотъ же чудный, солнечный, на улицахъ жизнь и движеніе. Всѣмъ, кромѣ нея, онъ несъ свѣтъ и радость. Когда экипажъ замедлилъ ходъ при переѣздѣ черезъ Фульгамъ-Родъ, она на мигъ открыла глаза и, какъ въ полуснѣ, выглянула изъ окна. Потомъ снова закрыла ихъ.

— А нынче утромъ я была такъ счастлива,—прошептала она.—Я могла бы жить лучшей жизнью—съ помощью Кента.

Кентъ! Она вздрогнула и покраснѣла до корней волосъ. Вѣдь она ѣдетъ къ Кенту, будетъ снова жить подъ одной кровлей съ нимъ, видѣться съ нимъ ежедневно, снова онъ войдетъ въ ея жизнь, и еще ближе прежняго. До этой минуты она не сознавала этого такъ ясно. Смутныя мысли о немъ мелькали въ ея умѣ, но она была слишкомъ ошеломлена, измучена, слишкомъ стремилась вырваться поскорѣе изъ своей неволи, чтобы связывать эти мысли съ своимъ ближайшимъ будущимъ. И теперь она корила себя: какъ же она сразу не

вспомнила о Кентѣ, вѣрномъ, преданномъ другѣ и влюбленномъ, у котораго она всегда найдетъ поддержку и утѣшеніе. Какъ могла она быть до такой степени поглощена своей обидой, чтобъ не удѣлить и ему мѣста въ своихъ планахъ жизни... Но тотчасъ же волна теплаго чувства отхлынула, оставивъ только грусть и холодъ въ сердцѣ. Какъ она посмотритъ ему въ глаза? Что скажетъ? Вѣчно женственное въ ней боялось и стыдилось предстоящей исповѣди. Еслибъ онъ былъ только ея другомъ, это было бы легко. Но вѣдь она любитъ его. Вѣдь сегодня утромъ сердце пѣло въ ней, радуясь нѣжности и чистотѣ ея пробужденной, наконецъ, любви. И она, каъ истая женщина, боролась, сама не зная, противъ чего, силясь выскользнуть изъ путъ, сотканныхъ обстоятельствами и любовью, въ которыхъ безпомощно запуталось ея бѣдное сердце. И, тѣмъ не менѣе, жаждала поскорѣй свидѣться съ Кентомъ. Еслибъ онъ пришелъ сегодня же и сѣлъ возлѣ нея и молча дружески сжалъ ей руку,—она преодолѣла бы въ себѣ стыдъ и робость и мужественно сказала бы ему всю правду. Должна же она дать ему хоть маленькое удовлетвореніе. Женской природѣ свойственно испытывать иной разъ наслажденіе, признавая себя неправой.

Экипажъ остановился передъ знакомой дверью. М-ссъ Гуркинсъ, стоявшая подъ навѣсомъ своей лавки, между грудами капусты и плодовъ, ахнула отъ изумленія, увидя Клитію, выходящую изъ извозчичьей кареты. И побѣжала открывать входную дверь.

— Неужто вы къ намъ совсѣмъ, миссъ?

Она рѣдко называла Клитію ея новымъ титуломъ: «ма'мъ».

— Ну, да, совсѣмъ. Вѣдь мои прежнія комнаты свободны.

— Конечно, миссъ, но...

— Ну, такъ берите мои вещи и тащите ихъ прямо наверхъ. Вѣдь вы же, м-ссъ Гуркинсъ, знаете, какая я бродяга—долго мнѣ нигдѣ не усидѣть на мѣстѣ. Но кажется, на этотъ разъ я къ вамъ надолго. Я пойду повидаюсь съ миссъ Марчпэнъ, а вы тутъ все устройте. Вы не разсердитесь на меня за то, что я вамъ доставила столько хлопотъ?

— Полноте, миссъ, т. е. ма'мъ, я такъ рада, что вы опять будете жить у насъ. Но миссъ Марчпэнъ сегодня ушла рано—уже съ часъ будетъ, какъ она ушла. Вы пока посидите въ гостиной. Я ее вчера только вымыла и прибрала.

Клитія пошла наверхъ въ знакомую комнату и сняла шляпу и перчатки. Черезъ нѣсколько минутъ принесли вещи. Пока она распаковала ихъ, все разложила по мѣстамъ и подкрѣпилась, насколько это было для нея возможно, ужиномъ, приготовленнымъ для нея м-ссъ Гуркинсъ, яркій закатъ смѣнился вечеромъ. Клитія сѣла у открытаго окна, глядя на шумя-

вую улицу внизу. Вечеръ былъ субботній. Все населеніе этого района суетилось, закупая себѣ на завтра: кто—провизію, кто—головную боль. Молодежь обоего пола кучками ходила по тротуарамъ, а то и посерединѣ улицы, съ громкими разговорами и пѣснями. Вдоль тротуара, въ рядъ, стояли тележки зеленщиковъ и рыбниковъ, освѣщенныя пылающими нефтяными факелами, и лица продавцовъ и покупателей ярко вырѣзывались на свѣту. Въ воздухѣ стояло какое-то столпотвореніе звуковъ: нестройный гулъ крикливыхъ грубыхъ голосовъ, хриплые выкрики торговцевъ, предлагавшихъ свои товары, пронзительныя зазыванья мясника и заунывныя гнусавыя причитанья какой-то нищенки или бродяги съ неопредѣленной формы сверткомъ въ рукахъ, походившимъ на ребенка, непрестанное шарканье ногъ по камнямъ тротуара, громыханье омнибусовъ и телѣгъ по мостовой.

Въ былое время Клитія нерѣдко проводила такъ субботніе вечера у своего окна, силясь разобраться въ индивидуальностяхъ отдѣльныхъ единицъ, составлявшихъ суетливую, орущую, смѣющуюся и ругающуюся толпу. И теперь ее снова охватывало былое обаяніе. Этотъ шумъ и движеніе заглушили огненный вихрь эмоцій, владѣвшихъ ею втеченіе дня. Чувство одиночества, душевной боли и физической усталости потонуло въ этой суетѣ. Изъ-за чего хлопочутъ всѣ эти люди, чего они добиваются, куда спѣшать? Взятая въ цѣломъ, вся эта суета словно напоминала, что жизнь всегда спѣшитъ, всегда напряжена, трепещетъ нескончаемымъ разнообразіемъ страстей, что она сама по себѣ смыслъ и цѣль, ради которой можно жить. Планеты вращаются около солнца; наша солнечная система вращается вокругъ иного фокуса. Она колоссально велика, блестяща, служитъ какой-то великой и блестящей цѣли—но, что это за цѣль—человѣку невѣдомо. То же и съ коллективной жизнью, кипѣвшей подъ окномъ Клитіи, слѣпо повинуясь незыблемымъ законамъ, правящимъ космосомъ. Если все это движеніе и суета безцѣльны, тогда и звѣзды безъ цѣли блуждаютъ по своимъ орбитамъ. Грѣхъ и стыдъ, и горе, любовь и смѣхъ, и счастье—что все это въ прогрессѣ коллективной жизни? Всѣ эти психическія силы такъ же мало способны затормозить ея неудержимый ходъ, какъ неустанное движеніе людей повліять на вращеніе земли.

Но что такое жизнь для отдѣльныхъ личностей, если ихъ оторвать отъ массы, отъ конгломерата? Очень ли радуется жизни вотъ этотъ напримѣръ ярмарочный гаеръ, съ сиплымъ голосомъ, съ краснымъ, тупымъ и распухшимъ отъ пьянства лицомъ? А эта фабричная дѣвица въ шляпкѣ съ перьями и густой челкѣ, закрывающей весь лобъ, съ увядшимъ лицомъ безъ выраженія, кромѣ голодныхъ глазъ;—эта грузная, не-

интеллигентная жена рабочаго, громогласно разговаривающая о болѣзни, смерти и похоронахъ,—или этотъ пьяный матросъ, спотыкаясь, ковыляющій подъ руку съ болѣе трезвымъ пріятелемъ—насколько всѣ они принимаютъ сознательное, интеллектуальное и духовное участіе въ жизни?

Снова, какъ встарь, эти вопросы роились въ мозгу Клитіи. Въ послѣдніе мѣсяцы она была слишкомъ поглощена проблемами своей собственной личности, чтобы интересоваться жизнью другихъ. Но теперь проснувшееся самосознаніе давало ей ключъ къ разгадкѣ тайнъ, которыя такъ волновали ее прежде и которыя она пыталась разгадать силою своего художественнаго таланта. Она постигла относительность всякой индивидуальной жизни. Абсолютной полноты нѣтъ ни въ чьемъ существованіи. Всѣ они—торговецъ, фабричная работница, государственный дѣятель, поэтъ—ищутъ, каждый по своему, болѣе полной жизни, но идеалъ полноты ограничивается для каждаго его индивидуальной способностью мыслить, чувствовать и дѣйствовать. И потому, относительно жизнь этой фабричной работницы можетъ быть не менѣе полна, чѣмъ ея собственная, и жажда неизвѣданнаго можетъ говорить въ ней не менѣе громко. Клитія была въ этотъ моментъ довольна, почти счастлива. Новые художественные импульсы шевелились въ ея душѣ. До сихъ поръ она искала разрѣшенія вопросовъ жизни въ своемъ искусствѣ. Теперь, быть можетъ, новое познаніе, обрѣтенное ею, и расширенныя симпатіи позволятъ ей найти иныя формы, болѣе доступныя, для постигнутыхъ ею истинъ, сдѣлаютъ ея искусство менѣе эгоцентрическимъ и болѣе общедоступнымъ.

Долго она сидѣла такъ, въ раздумьи, у окна, подперевъ рукою щеку. Но постепенно мысли ея смѣшались, физическое утомленіе взяло свое и подъ уличный шумъ она такъ и уснула, сидя.

Неожиданно она почувствовала, что возлѣ нея кто-то есть вздрогнула, открыла глаза—и увидѣла передъ собою Кента.

— Смотрите, вы простудитесь—надуетъ въ шею или въ уши—развѣ можно такъ спать при открытомъ окнѣ?—ласково-наставительно замѣтилъ онъ.—А все-таки мнѣ жалко было васъ будить.

— Да, шея и сейчасъ плохо ворочается,—сказала Клитія, вставая.—Но вечеръ теплый. Возьмите себѣ стулъ и присаживайтесь. Я ужь больше не усну.

Кентъ повиновался, и они сѣли по обѣ стороны окна. Клитія, глядя въ окно, на улицу, Кентъ, нагнувшись впередъ и тревожно глядя на нее. Нѣкоторое время оба молчали. Кентъ первый окликнулъ ее:

— Клитія!

— Что?

— Мнѣ не надо было приходить? Вамъ хочется быть одной. Скажите откровенно—я уйду.

— Нѣтъ, оставайтесь,—медленно выговорила Клитія, не поворачивая головы.—Я хотѣла, чтобъ вы пришли. Зачѣмъ—не знаю. Какъ вы узнали, что я здѣсь?

— М-ссъ Гуркинсъ поймала меня въ коридорѣ, и сказала, что вы рѣшили поселиться здѣсь на время. Я постучался къ вамъ, вы не отвѣтили; я заглянулъ сюда—вижу: вы спите. Я не удержался отъ искушенія зайти взглянуть на васъ. У васъ такое измученное лицо—вамъ надо пораньше лечь и хорошенько выспаться.

— Ахъ, Кентъ! Какъ это похоже на васъ,—молвила Клитія, быстро взглядывая на него. Она была очень довольна, что онъ не выразилъ удивленія по поводу ея переѣзда на старую квартиру и не пристаетъ къ ней съ разспросами, но, вмѣсто этого, старается подбодрить ее деликатно выраженнымъ сочувствіемъ.

— Вы угадываете, почему я здѣсь?—понизивъ голосъ, спросила она.

— Не смѣю угадать.

— Я совсѣмъ ушла отъ мужа.

— Господи Боже! Клитія, что вы такое говорите? Навѣрное, какое-нибудь недоразумѣніе? Въ свое время все разъяснится —пытался онъ утѣшить ее, полный глубокой жалости къ этой женщинѣ, которая была ему такъ дорога.

Клитія покачала головой.

— Нѣтъ; благодаря Бога, это кончено. Взгляните на мою руку—то, что было на ней, я сегодня сняла впервые. И ужъ больше не надѣну.

— Клитія, мой дорогой другъ, Клитія!—говорилъ Кентъ, глубоко взволнованный.—Что я могу сказать вамъ? Сердце мое болитъ за васъ. Сколько вы должны были выстрадать, чтобы принять такое рѣшеніе. Вы давеча сказали мнѣ, что ваша жизнь не такова, какой я ее себѣ представляю, а я вѣдь думалъ, что вы счастливы, что у васъ есть все, что дѣлаетъ жизнь ясной и радостной. Теперь — я не знаю, что думать. Неужто ваше счастье погибло безвозвратно?

— О, нѣтъ, Кентъ. Счастье не погибло. Дайте мнѣ сказать вамъ теперь же все, что я могу. Не судите меня слишкомъ строго. Я дѣлала все, что могла. Терпѣла такія вещи, которыя съ ума меня сводили, хотя другія женщины на моемъ мѣстѣ, можетъ быть, и не тяготились бы ими. Но все-таки мое замужество было ошибкой—обоюдной. И вотъ—о, какъ мнѣ сказать это вамъ? Сегодня произошло нѣчто такое, что переполнило

чашу, сдѣлало дальнѣйшую совмѣстную жизнь невозможной... Нѣтъ, я не могу ни говорить, ни думать объ этомъ.

Она со стономъ закрыла лицо руками. Кентъ, весь дрожа, вскочилъ на ноги.

— Клитія, вы жестоко обижены. Тутъ не просто недоразумѣніе... Неужто онъ осмѣлился?..

— Да, да. Не думайте объ этомъ. Это все прошло.

— Я не могу не думать. Это раскаленнымъ желѣзомъ жжетъ мнѣ сердце. Я не могу перенести этого. Когда вы мнѣ сказали, что вы несчастливы, я всю ночь не спалъ, мучился угрызеніями, ненавидѣлъ человѣка, изъ-за котораго жизнь вамъ стала въ тягость. Но мнѣ и въ голову не приходило... Подлый негодяй! О, Боже, Боже...

Онъ бѣгалъ по комнатѣ, стискивая зубы, сжимая кулаки. Клитія съ удивленіемъ смотрѣла на него. Никогда еще она не видала спокойнаго, сильнаго Кента такъ не владѣющимъ собой. Она подошла къ нему, положила руку ему на плечо, заглянула ему въ лицо.

— Не надо, Кентъ, ни думать, ни говорить объ этомъ. Все это прошло и похоронено разъ навсегда. Мы уже съ годъ жили все равно, что врозь, были почти такими же чужими другъ другу, какъ будемъ теперь. Я становлюсь прежней Клитіей Давенантъ и буду снова жить прежней моей трудовой и счастливой жизнью съ вами и Винни. Я знаю, что у меня хватитъ силъ стереть изъ памяти эти полтора года, какъ дурной сонъ, въ которомъ я много страдала и многому научилась. Мы снова будемъ работать вмѣстѣ, какъ бывало, Кентъ, и я надѣюсь, что теперь я стала лучше и добрѣе. Ну, вотъ, и забудьте все скверное, какъ я забуду. Помните, что вы сказали мнѣ вчера, что не можетъ жизнь быть испорчена такъ безвозвратно, чтобъ ужь нельзя было ее поправить или перестроить заново. Вы сами не знаете, какъ вы утѣшили меня. Не умѣю сказать вамъ, какъ я была счастлива сегодня, пока—ахъ, нѣтъ, не надо—о, Кентъ, мой добрый, вѣрный Кентъ! Я такая женщина, такая слабая, мнѣ такъ нужна вся ваша доброта, и нѣжность, и поддержка. Прошлаго не вернешь и не отплатишь за него. А для меня вы можете сдѣлать такъ много въ будущемъ.

— Увы! я очень мало могу сдѣлать.

— Знаете, что вы можете сдѣлать для меня?

— Скажите—буду знать.

— Дайте мнѣ забыть о себѣ и о своихъ эгоистическихъ запросахъ въ заботѣ о васъ, о томъ, чтобы внести немножко красоты и радости въ вашу жизнь. Я жестоко обидѣла васъ—и себя тоже; позвольте мнѣ загладить это.

Кентъ отвернулся и провелъ рукой по лбу.

— Обо мнѣ нечего заботиться. Я крѣпокъ и силенъ и ни

какихъ особенныхъ тяготъ у меня нѣтъ. Когда-нибудь, когда вы будете счастливы, я приду къ вамъ со своими маленькими горестями—ради того, чтобъ вы, какъ добрая волшебница, сразу свѣяли ихъ своимъ участіемъ; но до того позвольте мнѣ думать о васъ и помогать вамъ, чѣмъ могу. А если не смогу, видитъ Богъ, это будетъ не отъ недостатка желанія.

— Кентъ,—мягко выговорила Клитія, безсознательно придвигаясь къ нему ближе,—я и теперь счастлива. Развѣ вы не видите, какъ счастлива?

Въ груди у Кента стучало, словно молоткомъ, отдаваясь въ вискахъ и въ кончикахъ пальцевъ; страсть закипала у него въ крови. Онъ чувствовалъ, что, стоитъ ему обернуться, волосы ея коснутся его щеки. Никогда еще женщина не говорила съ нимъ такимъ страннымъ голосомъ. На мигъ вся жизнь словно остановилась. Затѣмъ, ослѣпленный внезапнымъ яркимъ свѣтомъ, въ которомъ потонули небо и земля, онъ повернулся, привлекъ ее къ себѣ и покрылъ поцѣлуями ея лицо.

Клитія потихоньку высвободилась, ласково отстранивъ его рукой, шатаясь, перешла черезъ комнату къ кушеткѣ, сѣла и уткнулась лицомъ въ подушки. Кентъ подождалъ минутку, силясь овладѣть собой; до сихъ поръ еще у него голова кружилась отъ этого перваго поцѣлуя, даннаго имъ женщинѣ. Затѣмъ подошелъ и сталъ возлѣ нея.

— Простите меня, Клитія. Это было низко съ моей стороны. Но это вышло помимо моей воли. Вы забываете, что я люблю васъ. Я обидѣлъ васъ, моя царица, жизнь моя. Если вы простите меня и вернете мнѣ свое довѣріе, я все сдѣлаю, чтобы вы забыли, что я осмѣлился любить васъ. Клитія, я прошу у васъ прощенія.

Онъ постоялъ еще немного, глядя на ея согбенную фигуру, но, такъ какъ она ни звукомъ не откликнулась, онъ отошелъ и съ странной смѣсью радости и муки въ сердцѣ направился къ двери. Но только рука его легла на ручку двери, какъ Клитія вскочила, и, вся пылая, съ растрепавшимися волосами, бросилась къ нему и сама отворила дверь.

— Милый, вы прощены, потому что и я люблю васъ.

Мигъ спустя она была одна. И снова сѣла у окна, глядя на уличную суету внизу. Но теперь она уже не замѣчала ея. Взоръ ея силился проникнуть въ тайны невидимаго міра.

XXVI.

Послѣднія слова Клитіи всю ночь звучали въ ушахъ Кента. Она любитъ его. Она не уклонилась отъ его поцѣлуя, она искренно и просто открыла ему свое сердце. Упоенный счастьемъ, онъ въ первыя минуты не замѣчалъ мрачного фона ихъ

любви. Онъ только чувствовалъ, что Клитія не ужилась въ томъ мірѣ, гдѣ ему не было мѣста, и возвратилась къ прежней жизни и къ нему, что ея дружескія чувства къ нему смѣнились иными, несравненно болѣе нѣжными и сладостными. И будущее представлялось ему въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Онъ видѣлъ себя и Клитію живущими честной трудовой жизнью, выполняя завѣтъ, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь, скрашенной ихъ любовью и вѣрой другъ въ друга. Видѣлъ Клитію создающей прекрасныя и благородныя произведенія искусства, черпая силу и вѣру въ себя въ его сочувствіи и дружбѣ—видѣлъ себя неуклонно стремящимся къ все болѣе высокимъ достиженіямъ и прозу жизни превращенной въ звучную поэму, полную лирической нѣжности и элегической прелести. Жаръ въ крови не давалъ ему уснуть. Представлялась ли ему Клитія идущей рядомъ съ нимъ по ярко освѣщеннымъ улицамъ, или стоящей передъ мольбертомъ, склонивъ головку на бокъ, чтобы провѣрить эффектъ подсказанныхъ имъ нѣсколькихъ штриховъ, или же сидящей у его рабочаго стола, въ мягкомъ свѣтѣ лампы—финаломъ каждой грезы было нѣжное прикосновеніе губъ Клитіи и тихій, нѣжный голосъ, говорившій ему: «Люблю».

Большинство людей, когда они горячо любятъ, склонны къ экзальтаціи. Но у Кента она была тѣмъ интенсивнѣй, что и человѣкъ онъ былъ особенный. До сихъ поръ онъ жилъ вдали отъ женщинъ. Пылкость его натуры нашла себѣ иное русло. Всѣ его надежды, вся энергія сосредоточивались на его работѣ, замѣнявшей ему и любовь, и жену. Потребность заполнить свое существованіе удовлетворялась тѣмъ, что одна строка прибавлялась къ другой, рукопись становилась все объемистѣе, и онъ радовался волнующей радостью, какъ радуется строитель, когда на глазахъ его постепенно выростаетъ, кирпичъ за кирпичомъ, величественное зданіе. Къ тому же всякая работа, будь то сидѣнье въ пыльной библіотекѣ, въ поискахъ цитатъ и указаній, или блужданіе пѣшкомъ по норвежскимъ горамъ, гдѣ воздухъ такой бодрящій и живительный, плѣняла его и поглощала всю его энергію. Онъ по своему смотрѣлъ на свѣтъ и находилъ, что онъ прекрасенъ. Жизнь его была полна, и то, что не укладывалось въ сферу его жизни, казалось ему лишнимъ. Въ женщинѣ онъ не ощущалъ потребности; импульсы пола претили ему. Именно въ силу пылкости своей натуры онъ упорно открещивался отъ сексуальнаго начала, на которомъ зиждется любовь. И потому, когда любовь пришла, помимо его воли, она испугала и ужаснула его. Въ то январьское утро, когда онъ прижалъ къ губамъ платочекъ Клитіи, пропитанный ея духами, и покрылъ его поцѣлуями, онъ былъ ошеломленъ собственной гнусностью. Сознаніе, что

онъ готовъ продать свою душу дьяволу за то, чтобы держать ее въ своихъ объятіяхъ и цѣловать, было для него униженіемъ и мукой. Реакція была болѣзненна именно потому, что она была страшно сильна. А затѣмъ пришли укоры совѣсти за измѣну дружбѣ и довѣрію. Когда же, наконецъ, онъ вновь обрѣлъ душевное равновѣсіе, было ужь поздно и Клитія была утрачена для него. И постепенно стасть его, пройдя сквозь очистительный огонь, перешла въ глубокую и пылкую преданность, которая сама въ себѣ носила и радость, и награду. Еслибы обстоятельства не измѣнились, Кентъ донесъ бы эту романическую любовь до могилы. Она вросла въ его сердце, въ ту подсознательную сферу, которая составляетъ индивидуальную жизнь человѣка. Даже въ эти послѣдніе мѣсяцы, когда они встрѣчались просто, какъ друзья, любовь его качественно почти не измѣнилась. Онъ былъ увѣренъ, что любимая женщина счастлива въ супружествѣ и любитъ своего мужа, съ которымъ онъ однажды, въ горькую минуту, сравнилъ себя и вынужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ. Самое драгоцѣнное для него—ея дружба, была возвращена ему, и притомъ, безъ обмана съ его стороны, и дружба эта проявлялась тѣмъ нѣжнѣе, что она знала теперь объ его любви. Увѣренность, что она счастлива, никогда не позволила бы ему уклониться отъ честнаго пути и такъ онъ жилъ бы до конца, въ тихомъ довольствѣ, быть можетъ, порой омраченномъ сожалѣніями о томъ, что могло бы быть, но никогда не нарушаемомъ томленьемъ по недостижимому.

Но обстоятельства измѣнились. Клитія ушла отъ мужа, унося съ собою только обидныя и горькія воспоминанія. Теперь она была связана съ нимъ только въ глазахъ закона, на самомъ же дѣлѣ сама себѣ госпожа, вольна думать и поступать, какъ ей угодно. Даже имя она хочетъ принять свое прежнее—Клитія Давенантъ—это она сама сказала ему такимъ страннымъ тономъ, какого онъ никогда не слыхалъ отъ нея—и потомъ позволила ему поцѣловать себя. Всю душу свою Кентъ ей отдалъ въ этомъ поцѣлуѣ. И теперь весь окружающій міръ сталъ для него совсѣмъ другимъ... Однакожъ утро принесло съ собой иныя мысли, болѣе трезвыя и практичныя. Ну, хорошо, теперь оба они признались въ своей любви—но къ чему же можетъ привести эта любовь? Трудный вопросъ! Такой трудный, что Кенту не хотѣлось даже сейчасъ ломать себѣ голову надъ его разрѣшеніемъ. Мужество и стойкость, говорилъ онъ себѣ—и все будетъ хорошо. Но отъ собственной совѣсти, отъ сознанія своей отвѣтственности такъ легко не отдѣлаешься. Если вы стряхнете его съ плечъ, оно опутаетъ вамъ ноги. И Кентъ чувствовалъ, что онъ теперь скованъ по рукамъ и по ногамъ. Его терзало еще и другое—укоры совѣсти

за то, что онъ еще до свадьбы зналъ кое-что о Гаммердайкѣ и не сказалъ Клитіи, не предостерегъ ея. Быть можетъ, еслибь онъ тогда поговорилъ по душѣ съ Клитіей, предупредилъ ее, ей не пришлось бы такъ страдать. Напрасно онъ тогда не разспросилъ Уизера о подробностяхъ, о томъ, какіе именно дурные слухи ходятъ о Гаммердайкѣ—Клитія всегда была мужественна—ей можно сказать всякую правду— и она не загубила бы такъ своей жизни. И все же Кентъ чувствовалъ, что этого онъ не въ состояніи былъ бы сдѣлать. Однако прошлаго ужь не вернешь и не поправишь. Что о немъ думать? Достаточно у него заботъ о настоящемъ и о будущемъ. И онъ долго лежалъ въ постели, раздумывая о томъ, какъ ему надо держать себя въ ближайшемъ будущемъ. И только въ половинѣ десятаго всталъ, одѣлся и пошелъ въ гостиную готовить завтракъ. Это не требовало большихъ усилій. На двѣ газовыхъ печки, соединенныя резиновыми трубками съ двумя газовыми рожками въ его комнатѣ, онъ поставилъ чайникъ съ водой и сковородку для яичницы. Затѣмъ накрылъ салфеткой уголъ стола, досталъ посуду и все необходимое для завтрака изъ нижнихъ ящиковъ буфета, а изъ третьей комнаты, на лѣстницѣ, служившей ему и кладовой, и складочнымъ мѣстомъ для всякаго стараго хлама, принесъ начатый кусокъ ветчины, масло и варенье. Обыкновенно эти воскресные завтраки доставляли Кенту огромнѣйшее удовольствіе. Можно было не торопиться, не смотрѣть ежеминутно на часы, послѣ завтрака посидѣть въ креслѣ съ трубкой и газетой или иллюстрированнымъ еженедѣльникомъ. Воскресенья были единственными днями, когда онъ давалъ себѣ отдыхъ отъ своей рабочей жизни. Но въ это утро яйца показались ему несвѣжими, ветчина безвкусной, газеты скучными, и онъ ежеминутно смотрѣлъ на часы. Въ одиннадцать онъ рѣшилъ пойти къ Клитіи и теперь никакъ не могъ дождаться одиннадцати и считалъ минуты Удивительно, какъ долго тянутся минуты, когда ихъ надо насчитать цѣлыхъ шестьдесятъ.

Наконецъ, пробило одиннадцать и Кентъ спустился внизъ. Но оказалось, что Клитія уже ушла и не вернется къ ленчу, какъ сообщила ему м-ссъ Гуркинсъ. Можетъ быть, часамъ къ пяти придетъ. Такъ что Кентъ, разочарованный, опять пошелъ наверхъ, но ничѣмъ не въ состояніи былъ заняться и, послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ, взялъ шляпу и пошелъ бродить между Путнеемъ и Вимбльдономъ. Странныя и противорѣчивыя чувства волновали его сердце и время тянулось для него невѣроятно медленно. Изъ нихъ двухъ Клитія, навѣрное, провела этотъ день пріятнѣе.

Къ пяти часамъ онъ возвратился и, проходя мимо студіи, услыхалъ голоса Клитіи и Винифредъ. Онъ постучался:

— Можно войти?

— Конечно. Что за вопросъ! Мы давно ждемъ васъ. Даже чаю не пили—васъ дожидались.

Онъ положилъ шляпу и палку, по обыкновенію привѣтствовалъ Винифредъ дружескимъ кивкомъ головы и съ протянутой рукой подошелъ къ Клитіи. Она неторопливо вложила въ его руку свою, подняла на него глаза и засмѣялась.

— Вы забываете, Кентъ, что я теперь уже не гостья,—съ укоромъ молвила она.

— Это только сегодня, чтобы привѣтствовать васъ снова среди насъ.

— Гдѣ вы научились говорить такъ красиво?—спросила Клитія.

Ей понравились его слова и она крѣпко сжала его руку.

Кентъ подсѣлъ къ столу, попытался было завязать легкій разговоръ, но ничего не вышло. Скоро всѣ трое замолчали. Чай внесъ диверсію. и они старались болтать о всякихъ пустякахъ, но и тутъ разговоръ не вязался. Клитія, наконецъ, встала и, по обыкновенію, разрубила узелъ.

— Ну, я уйду въ гостиную. У меня тамъ есть кой-какія дѣла. А вы безъ меня тутъ займите другъ друга.

Кентъ отворилъ ей дверь. На порогѣ она обернулась и шепнула.

— Отведите душу съ Винифредъ. Это будетъ полезно вамъ обоимъ.

Кентъ затворилъ дверь и вернулся къ Винифредъ.

— Итакъ, Клитія снова съ нами.

— Да, и я не знаю, огорчаться мнѣ или радоваться.

— Вы знали, догадывались сколько-нибудь, что она несчастлива? Я до вчерашняго дня не зналъ.

— Пожалуй, я и знала—раньше—можетъ быть, потому, что я женщина. И болѣла душой за мою Клитію.

— Но, вѣдь, теперь она не несчастлива! Такъ что вы должны радоваться.

Винифредъ быстро вскинула на него глаза. Не смотря на ихъ кроткое выраженіе, все же это были женскіе глаза, умѣющіе быстро и тонко подмѣчать все, ихъ интересующее.

— Но будетъ ли она счастлива съ нами, Кентъ?—спросила она, склоняясь надъ шитьемъ. Рисовать она сегодня не могла и потому для успокоенія нервовъ начала что-то шить для Клитіи.

— Что вы подразумѣваете?—спросилъ онъ, по-мужски, предпочитая отвѣтить на прямой и конкретный вопросъ, а не на намекъ.

— Не будутъ ли эти узы, которыхъ все равно нельзя разорвать, всю жизнь тяготить и сковывать ее?

— Это извѣстно только Богу.—Лицо Кента омрачилось на минуту, потомъ вновь просвѣтлѣло.—Но теперь вѣдь она будетъ съ нами, Винифредъ; мы оба любимъ ее—можетъ быть, мы и сумѣемъ заставить ее забыть.

— Сумѣемъ ли мы, милый Кентъ?—Она отложила шитье и, уронивъ руки на колѣни, пристально смотрѣла на него.—Вы любите ее, но вы не можете любить ее такъ, какъ я. О, нѣтъ, нѣтъ!—вскричала она, горячо, видя, что онъ съ улыбкой качаетъ головой.—Вы думаете, что можете, но это невозможно. Вы, напримѣръ, находите недостатки въ Клитіи, браните ее—о, очень мягко, деликатно, я знаю, но все же, по вашему, Клитія можетъ поступать нехорошо. А въ моихъ глазахъ, что бы она ни сдѣлала, все хорошо,—въ томъ-то и разница. Клитія не такая, какъ другія дѣвушки. Подобной ей нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. Передъ нею все должно склониться и всѣ давать дорогу. Еслибъ даже Клитія сдѣлала что-нибудь «ужасное»—ну, напримѣръ, убила бы кого-нибудь, и то я чувствовала бы, что она, значитъ, имѣла право это сдѣлать, и любила бы ее еще нѣжнѣй.

— Благослови Господь ваше любящее сердечко! Такая любовь, какъ ваша, можетъ сдѣлать самое убогое существо на землѣ счастливымъ.

— Ахъ нѣтъ, Кентъ! Что я могу для нея? Слушайте: когда я впервые встрѣтилась съ Клитіей, я была бѣдной, невѣжественной, никому не интересной дѣвчонкой. А она—она была такая мужественная, сильная, умная, красивая, что я даже боялась ея. Я чувствовала себя передъ нею такой маленькой и ничтожной. А она была добра ко мнѣ. Она меня выдѣлила изо всѣхъ прочихъ дѣвушекъ въ нашей школѣ и сдѣлала меня своимъ другомъ. Я даже понять не могу, что она нашла во мнѣ.

— Ну, она-то знаетъ, что—и я это знаю,—съ неожиданной горячностью воскликнулъ Кентъ:—нашла чистѣйшій и нѣжнѣйшій цвѣтокъ души, какой когда-либо благоухалъ на свѣтѣ.

Яркая краска залила смуглыя щечки дѣвушки.

— О, Кентъ! Не надо! Зачѣмъ такъ говорить? Клитія все, все для меня сдѣлала, а я...

— А вы помогали Клитіи, какъ никто другой не могъ бы ей помочь, и теперь дѣлаете то же.

— Правда?

— Ну, разумѣется. Развѣ вы не видите, какая она сразу стала веселая и радостная?

— Она и вправду веселѣе, чѣмъ я ожидала,—задумчиво сказала Винифредъ.—Но надолго ли?

— Мы съ вами постараемся, чтобы надолго.

Съ минуту онъ сидѣлъ въ раздумьѣ, сравнивая свое чув-

ство къ Клитіи съ беззавѣтной любовью этой дѣвушки. Какъ она чиста и безкорыстна. Онъ не могъ оцѣнить всей ея красоты, однакоже былъ слишкомъ чутокъ, чтобы не быть глубоко тронутымъ.

— Вы многому научили меня, Винифредъ, — выговорилъ онъ. наконецъ, послѣ паузы, въ теченіе которой она спокойно шила.—И я тоже сталъ теперь спокойнѣй и счастливѣе, чѣмъ былъ съ утра.

Вскорѣ затѣмъ вернулась Клитія. Она съ любопытствомъ оглядѣла лица двухъ своихъ друзей и, угадывая, что произошло между ними, подошла къ Винни и поцѣловала ее. Послѣ этого разговоръ наладился самъ собой—о быломъ и о планахъ на будущее. Послѣдняго никто не представлялъ себѣ отчетливо, ибо въ началѣ будущаго года Винифредъ должна была обвѣнчаться съ Трегерномъ, а мастерская безъ Винифредъ была немыслима.

Когда Винифредъ ушла, Кентъ пошелъ съ Клитіей въ гостиную, гдѣ, вооружившись молоткомъ и гвоздями, посѣсилъ для нея картины, захваченныя ею съ собой и, на придачу, тѣ, которыя были оставлены ею въ студіи. Для него было наслажденіемъ оказывать ей эти маленькія услуги, а она по женски была счастлива, что возлѣ нея мужчина, болѣе сильный и ловкій, во всемъ готовый ей помочь. Изъ своей комнаты онъ притащилъ этажерку для книгъ, которую укрѣпилъ у стѣны, нѣсколько бездѣлушекъ и цѣлую гору подушекъ и всякихъ салфеточекъ, накидочекъ и занавѣсочекъ, которыми его сестра Агата съ излишнимъ рвеніемъ изъ года въ годъ набивала его шкафы и комоды.

— Я знаю,—извинился онъ—это не такъ изящно и художественно, какъ еслибъ вы все это выбирали сами, но, пока вы купите себѣ другія, это все же пріятнѣй, чѣмъ попытки декорированія гостиной м-ссъ Гуркинсъ.

Не успѣли они все развѣсить и разложить, какъ пришла м-ссъ Гуркинсъ накрывать на столъ для обѣда. Кентъ собрался было уходить, но Клитія удержала его, застѣнчиво спросивъ:

— Развѣ вы не останетесь со мной пообѣдать?

Она не въ состояніи была отпустить его теперь. Да и зачѣмъ? Ради приличія—что за лицемѣріе! Притомъ же она чувствовала себя такой безпомощной, ей такъ нужно было, чтобы кто-нибудь думалъ и дѣйствовалъ за нее. Нервы ея были такъ взвинчены, что, случись что-нибудь мало-мальски драматическое, она забыла бы о всякой сдержанности и начала бы страстно молить его не покидать ея. Къ счастью, все вышло очень просто. У Кента заблестѣли глаза отъ радости.

— И мы потомъ весь вечеръ проведемъ вмѣстѣ?—спросилъ онъ, умоляюще заглядывая ей въ глаза.

— Конечно,—сказала Клитія, улыбаясь про себя.

Въ понедѣльникъ утромъ Кентъ, идя въ Музей, заглянулъ въ дверь гостиной Клитіи. Она завтракала, такъ какъ встала позже обыкновеннаго. На столѣ возлѣ нея лежало на столѣ распечатанное письмо. При входѣ Кента она быстро отодвинулась отъ стола, взглянула на него и огорченное выраженіе въ ея глазахъ смѣнилось радостнымъ. Эта внезапная перемѣна не укрылась отъ вниманія Кента.

— Вы грустили, Клитія? Это нехорошо. Вѣдь вы же обѣщали мнѣ вчера, что вы будете веселы и счастливы.

— Я и буду,—возразила она, беря его руку въ свои и отворачивая голову.—Но есть вещи, которыя какъ ножемъ рѣжутъ сердце. Вы не поймете этого—вы мужчина, а мужчинѣ никогда не понять женщины, какъ бы онъ ни любилъ ея. Вотъ, прочтите—это финалъ грязной исторіи послѣднихъ двухъ лѣтъ моей жизни. Ахъ, Кентъ, не стою я вашей любви. Я такъ унижена всѣмъ этимъ, а теперь еще это послѣднее оскорбленіе. Прочтите сами—вы увидите. Лучше, чтобъ вы знали, какъ я мало стою.

Кентъ взялъ изъ ея рукъ письмо и, не читая, разорвалъ его въ мелкіе клочки и выбросилъ въ окно. Затѣмъ подошелъ и обнялъ ее.

— Если другой мужчина васъ обидѣлъ, дорогая, тѣмъ больше основаній для меня любить васъ и жалѣть. Эта часть вашей жизни умерла—забудьте о ней. Вы сами же сказали, что это письмо—финалъ. Пусть это такъ и будетъ, Клитія!

Его нѣжность и деликатность глубоко тронули ее. Ей и хотѣлось, чтобы онъ прочелъ письмо, и въ то же время она была глубоко благодарна ему за то, что онъ не сдѣлалъ этого. Это было ея собственное письмо къ Торнтону, которое онъ ей вернулъ съ припиской: «Можешь убираться къ чорту».

Грубость этого отвѣта такъ принизила ее, что теперь она сама себѣ казалась ничтожной и недостойной почтительно преданной любви своего друга. Она взглянула на него и прочла въ его глазахъ столько беззавѣтной нѣжности, а онъ въ ея глазахъ такую вѣру и любовь, что кинулся передъ ней на колѣни и спряталъ лицо въ складкахъ ея платья:

— Любовь моя! Родная!

Глубоко взволнованная, съ радостной болью въ сердцѣ, она обвила руками его шею и поцѣловала его.

XXVII.

Прошло два года, по внѣшности ничѣмъ не замѣчательные, но оставившіе глубокій слѣдъ въ эволюціи внутренней жизни

обоихъ. Иной разъ ея замужество казалось Клитіи далекимъ сномъ, въ которомъ и сама она была совсѣмъ иною, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Однакоже слѣды его вліянія остались; оно разбудило импульсы, которые ужь не могли теперь уснуть снова; дало знаніе, которое не могло безслѣдно кануть въ Лету. Въ ежедневномъ общеніи съ Кентомъ расцвѣтала ея душа, незамѣтно утрачивая оттѣнокъ жестокости, привитый ей борьбою за саморазвитіе и еще усиленный разочарованіями, испытанными ею въ семейной жизни. За исключеніемъ краткаго періода чувственнаго опьяненія, она не знала сладости и великаго торжества добровольнаго подчиненія женщины желанію любимаго, да и тогда не извѣдала его вполнѣ. Но эти два года, проведенные ею не подъ кровомъ мужа, научили ея сердце новымъ радостямъ.

Правда, въ нихъ было много и горькихъ минутъ. Хотя Торнтонъ и исчезъ изъ ея жизни, все же въ глазахъ закона они оставались мужемъ и женой. М-ссъ Фаркгарсонъ, никогда ничего не дѣлавшая наполовину, разочаровавшись въ своемъ кумирѣ, сама сбросила его съ пьедестала, разбивъ его на тысячу кусковъ и растоптавъ ихъ ногами, и теперь усиленно убѣждала Клитію хлопотать о разводѣ. Она даже убѣдила ее обратиться къ ходатаю по бракоразводнымъ дѣламъ. Но, такъ какъ явныхъ уликъ и свидѣтелей насилія и жестокости мужа не имѣлось, Клитія, скрѣпя сердце, рѣшила оставить всякую мысль объ этомъ и примириться съ тѣмъ, что, въ глазахъ свѣта, она—жена Гаммердайка и останется ею, пока смерть не разлучитъ ихъ. Быть можетъ, когда мы станемъ взаправду культурными людьми, измѣнятся и наши законы о разводѣ, ибо они основаны на печальномъ старомъ предразсудкѣ, будто можно регулировать не только человѣческое поведеніе, но и человѣческія чувства. И пока мы умѣемъ заботиться о ближнемъ только въ матеріальномъ смыслѣ—о томъ чтобъ онъ былъ сытъ, тепло одѣтъ, и чтобы никто не отнималъ у него собственности. О томъ же, чтобы помочь человѣку съ разбитымъ сердцемъ или искалѣченною жизнью, мы думаемъ только тогда, когда это входитъ въ сферу нашихъ личныхъ интересовъ. Убѣжденіе же, что всѣ люди одинаково способны страдать душевно, морально и эмоціонально, еще не стало всенароднымъ. Когда это будетъ достигнуто, тогда, быть можетъ, станетъ легче жить на свѣтѣ.

Торнтонъ самъ позаботился о томъ, чтобы не мѣшать Клитіи въ ея новой жизни. Не смотря на всѣ его интриги и усилія, на дополнительныхъ выборахъ, состоявшихся вскорѣ послѣ отъѣзда Клитіи, въ округѣ, гдѣ онъ разсчитывалъ пройти, избиратели предпочли ему радикала-адвоката и самой невзрачной внѣшности, и возмутительныхъ тенденцій. Торнтонъ

былъ глубоко возмущенъ и униженъ своимъ пораженіемъ. Политика утратила для него всякую привлекательность. Какъ разъ въ это время подоспѣло предложеніе отъ бельгійскаго правительства провести административныя реформы въ одной изъ колоній, границы которой опустошали набѣгами дикія арабскія племена, и Торнтонъ принялъ его. Безъ всякой грусти простился онъ съ м-съ Клаверингъ и снова исчезъ съ англійскаго горизонта.

Винифредъ недолго оставалась на Кингъ-Родъ. Въ концѣ января она повѣнчалась съ Трегерномъ; первое время мастерская казалась Клитіи покинутой, утратившей всю прелесть нѣжной граціи, смягчающаго и облагораживающаго вліянія изящной души милой дѣвушки. Однакожь она утѣшала себя сознаніемъ, что Винни счастлива—что она замужемъ за человѣкомъ, который сумѣетъ оцѣнить рѣдкое счастье, выпавшее ему на долю.

— Счастливица ты, дорогая,—сказала она новобрачной, въ первый же визитъ къ ней въ ея новый домъ.

— Еще бы! Такой человѣкъ, какъ Викторъ!

— О, да! Я знаю. Викторъ—совершенство. Но, дитя мое, въ мірѣ нѣтъ мужчины, который былъ бы достоинъ чистить тебѣ сапоги. Я не то хотѣла сказать—я хотѣла сказать, что тебѣ посчастливилось уйти отъ участи, которую готовила тебѣ судьба.

Винифредъ раскрыла глаза отъ изумленія.

— Я всегда грустила о тебѣ заранѣе, боясь, что ты выйдешь за человѣка недостойнаго тебя, который будетъ дурно обращаться съ тобой, а ты будешь любить и баловать его тѣмъ больше, чѣмъ хуже онъ будетъ относиться къ тебѣ, и вся твоя жизнь будетъ тяжкой и безцѣльной жертвой. Но этой участи ты избѣжала. Твой Викторъ—какъ разъ такой человѣкъ, какого я сама бы выбрала тебѣ въ мужья. Потому я и говорю, что ты счастливица.

— Какъ бы я хотѣла, чтобъ и ты была счастлива, какъ я, моя милочка,—сказала Винифредъ, глядя на нее грустными глазами.

Клитія слегка покраснѣла.

— Можетъ быть, я и счастлива. Кто знаетъ. Полное счастье немыслимо въ этомъ несовершенномъ мірѣ, и, если въ моей жизни есть пробѣлы, которые ощущаются болѣзненно, повѣрь мнѣ, милая, въ ней есть и полнота. И я теперь счастливѣй, чѣмъ была когда-либо. Въ концѣ концовъ, маленькій недочетъ не такъ ужь много значитъ.

— Ну, этого ужь я не понимаю.

— И незачѣмъ тебѣ это понимать, дѣтка. Ты только про

должай любить меня и вѣрить мнѣ. Развѣ ты не видишь, что я счастлива—вѣдь и меня любитъ хорошій человѣкъ.

— Но, еслибы... еслибы ты была... еслибъ все было по другому, ты могла бы повѣнчаться съ нимъ.

— Отъ этого любовь не стала бы краше и благотворнѣе.

Такіе разговоры постепенно разсѣяли сомнѣнія Винифредъ относительно счастья Клитіи и сняли тяжкое бремя съ ея души, омрачавшее ее даже и въ первые счастливые мѣсяцы замужества. Она беззавѣтно вѣрила Клитіи и только укрѣпилась въ своей давнишней мысли, что душа Клитіи слишкомъ глубокая и сложная, чтобы она, простушка, могла понять ее, и не подлежитъ законамъ, управляющимъ обыкновенными людьми. Сильная своею вѣрой, она вышла побѣдительницей изъ перваго же столкновенія, возникшаго между нею и ея мужемъ по поводу подруги. Хорошій и великодушный человѣкъ, Трегернъ тѣмъ не менѣе строго соблюдалъ приличія и установленныя правила поведенія и требовалъ того же отъ другихъ. Признанная интимность между Клитіей и Кентомъ, представлявшаяся такой невинной до выхода Клитіи замужъ, теперь смущала его. Онъ любилъ обоихъ, и ради нихъ самихъ, и потому, что они были дороги его женѣ. И ему не хотѣлось думать о нихъ дурно; однакоже дурныя мысли приходили сами и постепенно формулировались все яснѣе. И, наконецъ, совѣсть заставила его заговорить объ этомъ съ Винифредъ. Она выслушала, краснѣя, и неожиданно разразилась такимъ горячимъ панегирикомъ въ защиту Клитіи, что Трегернъ очень удивился. Онъ не считалъ способной свою кроткую, тихую жену на подобную пылкость чувствъ. Ея логика любви и дружбы перевѣсила его сомнѣнія и Винифредъ почти удалось обратить его въ свою вѣру. Какъ бы то ни было, съ этихъ поръ онъ сталъ вѣрнымъ другомъ и союзникомъ Клитіи.

А за эти два года Клитія иной разъ нуждалась въ друзьяхъ. Въ то общество, гдѣ она вращалась во время своей замужней жизни, ей теперь не было доступа. Остался только кругъ знакомыхъ, гдѣ она бывала до замужества, да и тамъ иные отнеслись неодобрительно къ ея теперешнему образу жизни. Поэтому она особенно цѣнила всякую поддержку и довѣріе и безсознательно жадно хваталась за каждую дружески ей протянутую руку.

Возвращеніе ея на прежнюю квартиру и возобновленіе дружбы съ Кентомъ испортило ей и отношенія съ родными, и дѣло кончилось полнымъ разрывомъ.

«Я ни на одну минуту не предполагаю ничего дурного въ вашихъ отношеніяхъ,—писала ей м-ссъ Блазеръ въ послѣднемъ своемъ письмѣ:—я вполнѣ увѣрена, что они—самыя невинныя и честныя съ обѣихъ сторонъ. Но все же ты ведешь себя весь-

ма неосторожно и, если это будетъ продолжаться, не избѣжать скандала. Твой долгъ и передъ именемъ, которое ты носишь (какъ бы ни были тягостны связанныя съ нимъ ассоціаціи), и передъ тѣмъ именемъ, которое носитъ твой отецъ,—жить такъ, чтобъ клевета не смѣла коснуться тебя, а для этого ты не должна жить подъ одной кровлей съ м-ромъ Кентомъ. До тѣхъ же поръ, пока ты тамъ живешь, мы всѣ—папа, Джэнетъ и я—можемъ только предполагать, что ты или не питаешь никакого уваженія къ намъ лично, или совсѣмъ не дорожишь честью рода, и, какъ мнѣ ни прискорбно писать это, если не наши сердца, то двери нашего дома для тебя закрыты».

Клитія съ грустью прочла этотъ приговоръ. Она не осудила сестры. М-ссъ Блазеръ поступила добросовѣстно, согласно вѣрѣ и традиціямъ, унаслѣдованнымъ ею отъ ея богобоязненныхъ предковъ. Какъ ни мелочны и узки были многія изъ формулъ, которыми она привыкла регулировать человѣческіе поступки, были, однакожъ, среди нихъ и такія, которыхъ нельзя было не уважать. Въ законѣ сказано: «Не грѣши», но, если грѣхъ свершенъ, объ этомъ знаютъ иной разъ только одно или два человѣческихъ сердца. Жизнь говоритъ иное: «Живи такъ, чтобы тебя не заподозрили въ грѣхѣ». М-ссъ Блазеръ именно этого и требовала, и позиція ея была неуязвима. Возлѣ нея не было Винифредъ, которая бы своимъ краснорѣчіемъ любви сумѣла поколебать ея вѣру въ незыблемую правду формулъ. Наоборотъ, и убѣжденія, привитыя съ дѣтства, и сочувствіе отца и младшей сестры только укрѣпляли ее въ этой вѣрѣ. Письмо это разбило послѣднія надежды Клитіи когда-либо быть понятой своими близкими. Она знала, что ея родные, по существу, добрые люди, но знала и ихъ принципы,—и, не сердясь на нихъ, съ грустью покорилась ихъ рѣшенію.

Какъ это сплошь и рядомъ бываетъ, ей пришлось сдѣлать извѣчный выборъ женщины между ея семьей и человѣкомъ, котораго она любитъ. Ни на минуту не задумываясь, она выбрала любимаго и порвала совсѣмъ съ родными. Теперь она знала, что любила Кента и до брака. Ей казалось, что она обидѣла его, не догадавшись объ этомъ во время, не сумѣвъ отвѣтить сердцемъ на его беззавѣтную и безкорыстную преданность, и никакая жертва ради его счастья не казалась ей слишкомъ большой. И если жизнь ея не была сплошною жертвой, то лишь потому, что Кентъ не допускалъ этого. Она любила его всѣми силами своей пылкой и сильной натуры. Ей даже въ голову не пришло ради Грэсъ и Джэнетъ порвать ихъ ежедневное общеніе, которымъ оба они такъ дорожили, и переѣхать на другую квартиру или заставить переѣхать Кента, который такъ привыкъ къ своему рабочему кабинету. И последнее письмо м-ссъ Блазеръ осталось безъ отвѣта.

Но Кентъ не въ состояніи былъ отнестись къ этому такъ снисходительно. Отношеніе къ Клитіи ея семьи вызывало его глубокое негодованіе.

— Никогда они васъ не любили,—говорилъ онъ.—Вы всегда у нихъ были занозой въ тѣлѣ, и они воспользовались первымъ же предлогомъ, чтобы вырвать васъ.

— Вы не правы, милый,—возражала Клитія.—По своему, они меня любятъ и, если бы я умерла, онѣ проливали бы искреннія слезы и цѣлый годъ носили бы трауръ по мнѣ. Но развѣ вы не понимаете, что я для нихъ—самарянка. Мнѣ запрещено молиться въ Іерусалимскомъ храмѣ и двери домовъ Израиля закрыты для меня. Такъ учитъ ихъ поступать ихъ религія. Хлѣбъ самарянъ для нихъ нечистъ, какъ и свиное мясо. Не въ нашей власти измѣнить ихъ вѣру. Мы можемъ только въ Самаріи искать менѣе тягостныхъ условій жизни и любви тѣхъ, кто самъ въ душѣ самарянинъ.

— Еслибъ я меньше любилъ васъ, я, можетъ быть, и способенъ былъ бы стать на такую возвышенную точку зрѣнія. Но меня возмущаетъ, когда фарисеи осмѣливаются судить васъ.

— Что дѣлать: всю мою жизнь обо мнѣ судятъ вкривь и вкось,—съ улыбкою сказала Клитія.—Я сама бросила имъ вызовъ, пламенный и бурный, еще дѣвушкой, когда жизнь лежала предо мной закрытой книгой, которой не хотѣли для меня раскрыть. Теперь, когда завѣса для меня уже приподнялась, я бросаю имъ тотъ же вызовъ, уже съ спокойной увѣренностью человѣка, который знаетъ, что онъ повинуется болѣе высокимъ законамъ. Такъ что вы не тревожьтесь обо мнѣ, дорогой мой. Вы такъ мнѣ дороги, что ради васъ я бы пожертвовала всѣмъ на свѣтѣ, еслибъ вы только согласились принять такую жертву.

Кентъ обнялъ ее и покрылъ поцѣлуями ея лицо.

— Я и такъ страшный эгоистъ и принимаю отъ васъ слишкомъ много. Я былъ счастливъ и прежде, когда жилъ одинъ, но теперь уже не могъ бы жить одинъ. Такъ что, не смотря ни на что, я скажу: Клитія, не уходите отъ меня.

— Если бы вы и не сказали этого, я, все равно,—не ушла бы. Не воображайте, что вы только берете,—вы и даете мнѣ очень много.

За эти годы у Клитіи было одно только большое огорченіе: бывшій натурщикъ, Джекъ, умеръ отъ дифтерита.

Въ первый разъ, когда онъ пришелъ къ ней послѣ достопамятной сцены въ студіи, у нея больно сжалось сердце при видѣ этой миніатюрной копіи съ Торнтона. Но это ощущеніе скоро прошло и смѣнилось глубокой жалостью. Джекъ оставался Джекомъ, хотя бы Торнтонъ и двадцать разъ былъ его отцомъ. И за то, что у него такой отецъ, его можно было только

еще больше жалѣть. Никогда еще она не чувствовала такого влеченія къ этому мальчику. Никому, кромѣ Кента, она не сказала о томъ, что онъ сынъ ея мужа,—ни даже Винни, которой Джекъ не успѣлъ показать карточку отца. А потомъ м-ссъ Бурместеръ, открывъ временную пропажу, выбранила Джека и спрятала свое сокровище въ болѣе надежное мѣсто.

Какія бы надежды ни возлагала Клитія на Джека, теперь, когда ея собственныя обстоятельства измѣнились, она ужь не могла разсчитывать оказать ему большую матеріальную поддержку. Она могла лишь вносить свою лепту на обученіе его въ профессіональной школѣ, куда помѣстили его Кентъ и Трегернъ. Да, впрочемъ, и самъ мальчикъ не обнаруживалъ большой интеллектуальности. Онъ былъ скорѣе дѣятельною натурой: книги скоро ему надоѣдали, кромѣ тѣхъ, гдѣ рѣчь шла о блестящихъ подвигахъ и путешествіяхъ по дикимъ странамъ. А что касается поступленія его на военную службу,—Клитіи теперь ужь и самой этого не хотѣлось. Рѣшено было, что мальчикъ еще годъ пробудетъ въ школѣ, а затѣмъ поступить въ ученье, выбравъ какое-нибудь чистое и прибыльное ремесло. Кентъ убѣдилъ ее, что, если у Джека есть задатки, онъ, все равно, пробьетъ себѣ дорогу. Вѣдь передъ нимъ вся жизнь съ ея несчетными возможностями. Вдобавокъ, у него есть преданные друзья, которые заботятся о немъ и направляютъ его—неужто жь онъ ничего не добьется? И Клитія, въ свою очередь, утѣшала мальчика, стараясь своимъ женскимъ вліяніемъ смягчить и облагородить его душу.

Въ послѣдній годъ своего пребыванія въ школѣ Джекъ сталъ любимцемъ всѣхъ учителей. Маленькій звѣрёнышъ превратился въ веселаго, самостоятельнаго мальчика съ благородными порывами, правда, подверженнаго иногда приступамъ неукротимой ярости, но за то и отходчиваго, готоваго и простить врага, и самому раскаяться, и дать какое угодно удовлетвореніе. Неожиданно пришла телеграмма съ извѣстіемъ, что Джекъ опасно захворалъ. Клитія бросила работу и помчалась въ школу. Оказалось, что тамъ свирѣпствуетъ эпидемія дифтирита и у Джека болѣзнь приняла особенно тяжелую форму. День и ночь Клитія ухаживала за нимъ, но это не помогло. Мальчикъ умеръ, и Клитія вернулась въ Лондонъ, глубоко огорченная своей утратой. М-ссъ Бурместеръ, зашедшая къ ней послѣ похоронъ, похныкала немного, потомъ выразила надежду, что Клитія порекомендуетъ ее своимъ знакомымъ, которымъ, можетъ быть, нужна поденщица. Клитія посмотрѣла на мать, вспомнила отца—и рѣшила, что, можетъ быть, и лучше для Джека, что онъ умеръ въ ранней юности. Когда прачка ушла, она посмотрѣла на копію своей знаменитой картины, написанную для Кента, и скорбно покачала головой.

— Вся эта жестокость и животность, подмѣченныя мной въ его лицѣ, въ послѣдніе годы какъ-будто стушевались, но вѣдь, на самомъ дѣлѣ, онѣ только ушли вглубь. Человѣческая натура—что мѣдная доска, мой милый: если на ней что вырѣзано, этого ужь не сотрешь: съ виду какъ будто стерто, а, на самомъ дѣлѣ, можно снова всѣ буквы вызвать на поверхность. И, по моему, счастье для Джека, что онъ умеръ.

За исключеніемъ этого эпизода, недѣли и мѣсяцы тянулись мирно и безъ всякихъ яркихъ событій. Вначалѣ мастерская безъ Винифредъ казалась унылой и пустой. Но постепенно и это ощущеніе сгладилось. Какъ только стало извѣстно, что Клитія Давенантъ снова вернулась къ своей профессіи, заказы посыпались въ изобиліи и скучать ей было некогда. Притомъ же отсутствіе Винифредъ еще больше сблизило Клитію съ Кентомъ. Иной разъ, когда работа не шла, для нея было великимъ утѣшеніемъ знать, что скоро придетъ Кентъ и подбодритъ ее, утѣшитъ, разгонитъ приступъ унынія и недовѣрія къ себѣ. Они очень зависѣли другъ отъ друга и помогали другъ другу. Научились дѣлить всѣ настроенія, и никогда имъ не надоѣдало быть вмѣстѣ. Вмѣсто того, чтобъ возвращаться домой изъ Музея пѣшкомъ, какъ онъ дѣлалъ въ прежніе годы, Кентъ теперь спѣшилъ на поѣздъ, чтобы хоть на полчаса быть раньше дома. Чашка чаю, разговоръ о сдѣланномъ и передуманномъ за день, изрѣдка прогулка по набережной, обѣдъ, потомъ тихій вечеръ, какъ въ былые дни, таково было обычное ихъ времяпрепровожденіе. Кенту, конечно, пришлось нѣсколько измѣнить свои привычки, но, какъ, смѣясь, увѣряла Клитія, это было ему на пользу. Теперь онъ рѣдко сидѣлъ у себя наверху. И разучился жить богемой. Какой законъ, божескій, или человѣческій, запрещаетъ намъ обѣдать вмѣстѣ? — шутя, спросила Клитія еще въ самомъ началѣ. И Кентъ настоялъ на томъ, чтобы расходы по найму обоихъ помѣщеній они дѣлили пополамъ, такъ какъ недобросовѣстно же съ его стороны все время сидѣть въ ея гостинной, портить мебель и занавѣски табачнымъ дымомъ, и все это безплатно. Клитія протестовала было, но, въ концѣ концовъ, согласилась и только мастерскую удержала за собой.

Очарованіе этой тихой интимной близости съ каждымъ днемъ сильнѣй захватывало Кента. Онъ часто говорилъ это Клитіи, искренно и неумѣло, какъ говоритъ мужчина только съ женщиной, которую онъ глубоко любитъ. А Клитія, радостно смѣясь, возражала:

— Вамъ скоро надоѣстъ это правильное распредѣленіе времени и васъ опять потянетъ къ свободной жизни безъ стѣсненій. Развѣ вамъ не хочется иногда напиться кофе, расчесывая въ то же время щеткой волосы? И развѣ не раздража-

етъ васъ, когда вы сидите въ Музеѣ, мысль, что вамъ надо спѣшить домой къ обѣду?

— Представьте, нѣтъ, — смѣялся онъ. — Мнѣ даже это нравится. Повидимому, я становлюсь респектабельнымъ.

Соединивъ свои рессурсы, они даже изрѣдка могли принимать у себя друзей,—немногихъ, понимавшихъ характеръ ихъ отношеній—Фаркгарсоновъ, Трегерновъ, Уизера. Въ такихъ случаяхъ мужъ м-ссъ Гуркинсъ, худой и скромный мужчина лѣтъ подъ сорокъ, прислуживалъ за столомъ, весь въ черномъ и съ такимъ важнымъ видомъ, что придавалъ всему необычайную парадность. Чаще всѣхъ бывалъ Уизеръ. Монастырь распался: Ферфаксъ получилъ выгодную практику въ провинціи, Гринъ женился. Уизеръ горько плакался на нихъ обоихъ, укоряя ихъ въ возмутительномъ эгоизмѣ. Клитія полюбила этого востроглазаго, гномообразнаго маленькаго человѣка, съ его циническими парадоксами и сердечнымъ благородствомъ, которое онъ такъ усиленно старался скрывать. Нерѣдко, когда жизнь казалась тяжелѣй обыкновеннаго и будущее безпросвѣтнымъ и Кентъ съ Клитіей проводили вечеръ въ грустномъ безмолвіи, неожиданно влеталъ Уизеръ и, тонкимъ, какъ у женщины, чутьемъ мгновенно угадавъ ихъ настроеніе, изощрялся въ остроуміи и смѣхомъ разгонялъ набѣжавшую тучку. Мужчинѣ отнюдь не нужно много деликатности и такта, чтобы пріобрѣсти любовь женщины, но, если мужчина систематически проявляетъ тактичность и чуткость по отношенію къ женщинѣ, онъ всегда завоюетъ въ ея сердцѣ свободный уголокъ, Клитія была признательна Уизеру. Однажды, прощаясь съ нимъ — Кентъ первый вышелъ въ коридоръ — она порывисто протянула ему руку и сказала: — «и спасибо».

Онъ посмотрѣлъ на нее по своему, уголкомъ глаза, и усмѣхнулся.

— За что? За то, что я хандрю и одинокъ и утилизирую васъ, чтобы вылечить себя?

Но, все же, они поняли другъ друга, и онъ былъ тронутъ этимъ выраженіемъ признательности. А Клитія сказала отъ души.

Ибо, не смотря на радость быть вмѣстѣ и взаимную помощь, которую они другъ другу оказывали, въ жизни ихъ были пробѣлы, которые иногда ощущались болѣзненно, какъ давеча сказала Клитія Винни. Въ Кентѣ была бездна нѣжности, чисто мужской силы и участія: онъ скорѣй отрѣзалъ бы себѣ языкъ, чѣмъ высказалъ желаніе, которое не могло быть удовлетворено. Но бывали моменты когда иронія жизни казалась имъ слишкомъ жестокой, и тогда словно завѣса грусти раздѣляла ихъ. Какъ всегда искренно любящіе, каждый изъ нихъ

чувствовалъ всякій оттѣнокъ въ настроеніи другого. И Клитія въ такія минуты жаждала невозможнаго: удержать навсегда въ глазахъ любимаго тотъ свѣтъ радости, который ей былъ такъ дорогъ, взять его подъ руку и передъ цѣлымъ свѣтомъ назвать себя его женой. Такъ къ тихому ручью ихъ мирной строгой жизни все же примѣшивалась струйка скорби.

Но протекшіе годы, со всѣми ихъ разнообразными эмоціями, переживаніями и разочарованіями, годы, принесшіе пробужденіе страсти и щедрый даръ слезъ, а потомъ святое уединеніе двухъ душъ, завершили эволюцію женщины и художницы. Одно лишь неудовлетворенное стремленіе оставалось въ ней — стремленіе, которому не было мѣста въ ея дѣвичьихъ мечтахъ — священный голодъ материнства, такъ удивительно смягчающій женскую душу. И въ глазахъ Клитіи появился ласковый свѣтъ, котораго они не знали раньше, и сужденія ея стали менѣе рѣзкими, быть можетъ, менѣе остроумными, но за то болѣе широкими и снисходительными. Она умѣла теперь заглядывать вглубь жизни и видѣть ее въ цѣломъ. Многія тайны были уже ей открыты, и она нашла путь къ сущности другихъ. Урокъ Кента не пропалъ даромъ. Теперь искусство уже не было для нея только ступенькой къ жизни, экраномъ для волшебнаго фонаря, на которомъ проэктировались явленія и факты жизни, съ цѣлью уяснить себѣ ихъ значеніе. Не было оно и объективной формой, въ которую выливались ея смутныя стремленія, — теперь оно было идеализированной сводкой ея жизненнаго опыта. И теперь, когда она писала грустное, съ старческими глазами личико сиротки, въ ней уже не билась трепетная, нетерпѣливая надежда на полотнѣ уяснить себѣ смыслъ этого взгляда, ея собственный пробужденный взоръ читалъ въ глубинѣ юной души скорбь познанія, и рука художницы силилась дать и другимъ заглянуть въ эту душу. И живопись ея стала теперь иною: болѣе углубленной, интенсивной и въ то же время болѣе спокойной. И, вмѣстѣ съ зрѣлостью кисти, явилось сознаніе отвѣтственности, необходимости усовершенствовать изображеніе жизненной правды. И, по мѣрѣ того какъ развивался ея геній, ей открывался тайный смыслъ формулы: «искусство для искусства» — какъ пользованія «великимъ и мучительнымъ даромъ» художника — черезъ посредство чувствъ, разума и прикосновенія кисти касаться обнаженной живой души человѣческой.

Свои модели она, какъ и встарь, брала прямо изъ гущи жизни, съ улицы, выбирая ихъ среди тѣхъ, кто менѣе всего понятенъ филистерамъ, силясь освѣтить духовное и вѣчное въ омерзительномъ и отверженномъ, въ нищемъ и въ куртизанкѣ. Странны были эти ея прогулки съ Кентомъ по огромно-

му городу, днемъ и ночью; странны и тѣ образчики человѣчества, которые она приводила съ собой въ свою студію. Они посѣщали мюзикъ-холлы Истъ-Энда, публичные балы, воровскіе притоны, ночные клубы въ Вестъ-Эндѣ, куда дамъ пускаютъ безплатно, по рекомендаціи членовъ. Чаще всего взоръ Клитіи останавливался съ участіемъ и жалостью на женщинахъ. Струна, впервые зазвучавшая въ ея сердцѣ при встрѣчѣ съ однимъ изъ милыхъ и погибшихъ созданій въ отелѣ въ Динанѣ, звучала теперь полнѣе и вѣрнѣе. Она научилась писать этихъ женщинъ, и молодыхъ, и увядшихъ, и совсѣмъ дряхлыхъ старухъ,, уже позабывшихъ свое темное прошлое. Пусть моралисты осуждаютъ, вырабатываютъ нравственные принципы: духожникъ стоитъ на болѣе высокой точкѣ зрѣнія, онъ отдѣляетъ духовное отъ животнаго и облекаетъ его въ форму Истины. Комедія нищеты, трагедія пола, нескончаемая драма порока и преступленія у однихъ исторгаетъ злобный смѣхъ, у другихъ слезы. Каждому уготовано свое мѣсто въ космосѣ. Клитія, женщина и художница, шла чистая среди юдоли жизненной грязи и скорби, открывая людямъ глаза на лучи духовности, иногда озаряющіе эту юдоль.

Снова она взялась за этюды, сдѣланные ею когда-то для задуманной большой картины: «Фаустина». Нѣтъ, этой картины написать теперь она не могла. Не было больше въ ея душѣ жадныхъ и страстныхъ исканій разгадки тайнъ непостижимыхъ. И у картины не могло быть художественнаго raison d'être; она могла бы выйти только жестокимъ, полнымъ отчаянія произведеніемъ, трагедіей цинизма. Жизненный опытъ далъ ей познаніе самой себя, и она знала теперь, что въ юномъ лицѣ Фаустинѣ она стремилась изобразить тѣ смутныя предвѣстія страсти, которыя томили ея собственную душу. Въ тѣ дни ей не трудно было бы найти модель—стоило взглянуть на себя въ зеркало, и эта интимная, личная нотка въ картинѣ спасла бы ее отъ бездушія. Но теперь ей захотѣлось написать совсѣмъ другое—Фаустину, уже захваченную вихремъ страстей, но съ отсвѣтами невинности въ тайникахъ души. Идея картины росла и зрѣла въ ея душѣ, постепенно цѣликомъ завладѣвая ея воображеніемъ. И уже съ волнующимъ сознаніемъ своей духожественной мощи, въ порывѣ вдохновенія, новаго для нея, какъ первый поцѣлуй любви для невинныхъ дѣвичьихъ устъ, она взялась за работу.

Это было 5-го августа, два года спустя послѣ возвращенія Клитіи на прежнюю свою квартиру. День былъ жаркій и душный. Усталая Клитія прилегла отдохнуть на кушетку у окна: она все лѣто упорно работала и утомленіе начинало сказываться весьма ощутительно.

Они только что вернулись съ выставки въ Вестъ-Эндѣ, на

которой весь сезонъ картина Клитіи привлекала множество публики. Сегодня былъ день закрытія выставки, и они пошли въ послѣдній разъ взглянуть на картину, купленную богатымъ американцемъ для музея своего родного города. Завтра ее должны были упаковать и увезти за море.

— Это все равно, какъ разстаться съ любимымъ ребенкомъ,—грустно говорила Клитія.—Это самое худшее въ живописи. Поэтъ, музыкантъ, даже граверъ можетъ оставить у себя свою работу; художникъ, разъ продавъ, теряетъ ее навсегда. Это жестоко, не правда ли?

Кентъ согласился, но утѣшилъ ее, напомнивъ, что всякое искусство требуетъ жертвъ. Съ другой стороны, развѣ мало ей дала эта картина?—извѣстность, славу, восторги тѣхъ, чьимъ мнѣніемъ она дорожитъ.

— Да; все это было и даже въ гораздо большей степени, чѣмъ я могла мечтать. У Редгрэва давеча на меня всѣ глазѣли, напрерывъ старались быть представленными Клитіи Давенантъ. Мужчины восхваляли въ моей картинѣ какъ разъ ея недостатки; женщины старались перенять мою манеру причесываться. Это, конечно, льститъ тщеславію и, по совѣсти, должна сказать: все это было мнѣ пріятно. Но вѣдь это такое поверхностное удовольствіе. А теперь я думаю о томъ, чего мнѣ стоила эта картина, сколько на нее положено было моей души. Никакими деньгами не оплатишь этого.

— Не забывайте, сколько счастья дали вамъ тѣ часы, когда вы работали надъ нею.

— О, Кентъ. Неужели же вы не понимаете, о чемъ я говорю? Вѣдь вы же сами только что говорили о неизбѣжности жертвъ. Развѣ вы не знаете, что для того, чтобъ создалась эта картина, надо было принести въ жертву традиціи и формулы моей родной семьи—первый чистый цвѣтъ дѣвичьей любви, а потомъ иллюзіи жены, радость материнства, женскую гордость и достоинство...

Она порывисто приподнялась на локтѣ и продолжала, сверкая глазами:

— Неужели же вы этого не понимаете—вы, дѣлившій со мной горечь жертвы? Да, вы, мой самый лучшій, самый дорогой, самый любимый! И вы принесли въ жертву свою жизнь, свою любовь, свою преданность и благородство. Одинъ разъ въ жизни расплатился мужчина, а не женщина. Вотъ ужъ два года мы живемъ подъ однимъ кровомъ, ѣдимъ за однимъ столомъ, духовно живемъ общей жизнью, которая,—если бы не было одного факта—могла бы быть такой счастливой. Я самарянка?—пусть, мнѣ все равно. Я предлагала вамъ бросить вызовъ свѣту, поселиться открыто вмѣстѣ, носить ваше имя. Вы отказались, ради меня пожертвовавъ собой. Но неужели же и всегда будетъ то же? Вѣдь за эти два года сколько у кажда-

го изъ насъ накопилось въ душѣ задушевныхъ желаній, обузданныхъ порывовъ, горечи и сожалѣній, заглушенныхъ, но не угаснихъ! Ты слишкомъ порядочный человѣкъ, чтобъ говорить о нихъ; я боюсь упоминать объ этомъ, чтобъ не внести въ твою жизнь еще больше горя...

— Я счастливъ,—возразилъ Кентъ.—И все время былъ счастливъ. Тысячная доля того, что ты даешь мнѣ, сдѣлала бы меня болѣе, чѣмъ счастливымъ.

— Но вѣдь ты заслуживаешь въ тысячу разъ большаго. Я такъ мало даю тебѣ, такъ много отъ тебя беру—самое дыханіе жизни, силу, страсть, волю къ творчеству, которая помогла мнѣ достигнуть моего жалкаго успѣха. Такъ не можетъ продолжаться; это жестоко и несправедливо.

— Милая, не надо!—вскричалъ смятенный Кентъ.—Вѣдь я мужчина, я люблю тебя—нельзя мужчинѣ слушать такія слова отъ женщины, которую онъ любитъ. Оставимъ этотъ разговоръ, пока не поздно, иначе я не ручаюсь за себя. Я столько думалъ обо всемъ этомъ—я все обдумалъ. Что было невозможно два года назадъ, невозможно и теперь. Не загублю я твоей жизни, сдѣлавъ тебя мишенью насмѣшекъ и презрѣнія, отнявъ у тебя все, что тебѣ можетъ дать внѣшній міръ.

Клитія, не отвѣчая, повернулась лицомъ къ окну, нахмуривъ брови, глядя на полоску голубаго неба надъ крышами противоположныхъ домовъ. Великая тоска была въ ея душѣ, безконечная нѣжность къ человѣку, способному такъ забывать о себѣ. Ей такъ хотѣлось, шепнуть ему два слова—завѣтное желаніе своего сердца: «Для меня!» Но сейчасъ она не имѣла духу ихъ произнести. Быть можетъ, въ другой разъ, захвативъ его врасплохъ...

Кентъ машинально вынулъ изъ кармана вечернюю газету, купленную имъ по пути домой, машинально раскрылъ ее и началъ просматривать. И неожиданно—вскочилъ на ноги и крикнулъ:

— Клитія!

Она тоже вскочила, изумленная. Онъ стоялъ, весь бѣлый, и трясущейся рукой протягивалъ ей газетный листъ.

— На, читай—онъ—онъ—читай сама.

Клитія взяла у него изъ рукъ газету и сразу инстинктивно нашла нужныя строки:

«Изъ Лаонго получено по телеграфу извѣстіе о смерти м-ра Торнтона Гаммердайка, извѣстнаго изслѣдователя и путешественника, убитаго въ стычкѣ съ арабскими работорговцами. Подробности въ слѣдующемъ выпускѣ».

Газета выпала изъ ея рукъ. Съ минуту они стояли, дрожа, другъ противъ друга. Затѣмъ, потупивъ взоръ, она смиренно подошла къ нему.

Конецъ.

Изъ цикла «Алтай».

Посвящаю К. В. Юргановой-Вяткиной.

1.

Я затерялся въ травахъ буйныхъ,
Трава, куда ни погляди.
А лепетъ рѣчекъ звонко-струйныхъ
Замолкъ далеко позади.
И нѣтъ дорогъ, и нѣтъ тропинокъ,
А стебли, камни и цвѣты
Сѣтями сѣрыхъ паутинокъ
То здѣсь, то тамъ перевиты.
Трава подъ вѣтромъ бьетъ поклоны,
И, какъ живые лепестки,
Плывутъ и рѣютъ махаоны,
Летятъ, качаясь, на цвѣтки.
А звонъ кузнечиковъ неистовъ,
Я потонулъ въ его волнѣ...
Какъ много шелестовъ и свистовъ!
Какъ весело и жутко мнѣ!
И съ каждымъ шагомъ гуще, выше,
Пышнѣе заросли травы,
И вотъ надъ ихъ сплетенной крышей
Ужъ не поднять мнѣ головы.
А дальше—каменныя кручи
И, вѣющій гнилымъ тепломъ,
Сырой, трухлявый и дремучій,
Непроходимый бурееломъ.

2.

Горное озеро, съ темной прозрачной водою—
Синій, огромный, невиданный въ мірѣ цвѣтокъ.

Горное озеро—дивная чаша Господня,
Полная радости—чистые сердцемъ—для васъ.

Справа и слѣва, какъ вѣрные давніе стражи,
Острыя пики овѣянныхъ маревомъ горъ,
Сзади—высокія травы и темные кедры,
А впереди — золотые отъ солнца снѣга.

День угасаетъ и нѣжно дышетъ прохладой.
Солнце уходитъ, темнѣютъ долины внизу,
Падаютъ росы...
— Вставайте, лучистыя звѣзды
Въ небѣ далекомъ и въ озерѣ темномъ, какъ ночь!

3. Змѣя.

Надъ бездной, надъ кипящимъ водопадомъ
Легла змѣя въ расщелинѣ скалы
И смотритъ внизъ—сквозь дымку сизой мглы—
Горячимъ, жаднымъ, неподвижнымъ взглядомъ.

Ее чаруетъ мощный гулъ валовъ,
Сверканье ихъ, паденіе и грохотъ,
И стонъ, и вой, и сатанинскій хохотъ
И въ пышной пѣнѣ пляска жемчуговъ.

Лежитъ, глядитъ, вся устремясь впередъ.
Какъ чешуя, блеститъ кольцо тугое.
А тамъ, надъ нею, небо въ тяжкомъ зноѣ
И беркутовъ распластанный полетъ.

4.

Осыпаются листья, уходитъ мечта за мечтой...
Въ эти грустные дни, въ сентябрѣ,
Весь Алтай—золотой, золотой,
А вершины его въ голубомъ серебрѣ.

Поброди надъ рѣкой. Какъ прозрачна она,
Голубая Катунь въ сентябрѣ!
Полюбуйся на волны въ ихъ буйной игрѣ,
На цвѣтистые камешки дна...

И подумай: какая крутомъ тишина.

Подъ туманнымъ плащомъ
Золотою кольчугой горя,
Въ эти грустные дни сентября.
Горы думаютъ, горы мечтаютъ... О чемъ?

Потомъ подуютъ вѣтры ледяные
И золотые листья разметутъ.
Луга парчею бѣлой зацвѣтутъ,
Лѣса надѣнутъ ризы кружевныя.

Подъ небеса холодно-голубыя
Дымки изъ трубъ лѣниво поползутъ,
А пышный снѣгъ сравняетъ тамъ и тутъ
Ущелья, бомы [1]), пропасти нѣмыя...

Все до весны сожмется и заснетъ.
Но шалый вихрь кой-гдѣ надъ котловиной
Подточитъ снѣгъ. Шипя, онъ поползетъ
И рухнетъ внизъ грохочущей лавиной.

Но эхо звукъ его не повторитъ
Алтай зимой, какъ плѣнный царь, молчитъ.

Г. Вяткинъ.

---

[1]) Бомъ—узкая тропа надъ обрывомъ.

Очерки соціальной исторіи Малороссіи.

4. Образованіе крестьянскаго сословія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв. [1]).

I.

Моментъ созданнаго возстаніемъ Богдана Хмельницкаго разрыва Малороссіи съ польскимъ государствомъ былъ для нея вмѣстѣ съ тѣмъ и моментомъ серьезныхъ и глубокихъ измѣненій въ ея общественномъ строѣ. Строгій сословный строй, навязанный ей передъ тѣмъ силой польской государственной власти, строй, отдававшій главную часть населенія въ крѣпостную зависимость шляхетскому сословію, рухнулъ подъ яростнымъ натискомъ народныхъ массъ, поднявшихся на зовъ Хмельницкаго. Привилегированное шляхетское сословіе исчезло въ вихрѣ возстанія, а немногочисленные уцѣлѣвшіе остатки его безслѣдно растворились въ рядахъ козацкаго войска. Исчезло за время возстанія и крѣпостное крестьянство, обратившееся въ главной своей массѣ въ свободныхъ землевладѣльцевъ. Въ результатѣ малорусское общество послѣ Богдана Хмельницкаго получило несравненно болѣе простой и однородный характеръ, чѣмъ тотъ, какой оно имѣло подъ польскимъ владычествомъ, тѣмъ болѣе простой и однородный, что за время возстанія и вообще стерлись тѣ рѣзкія грани, которыя существовали раньше между различными общественными группами. Двѣ главныя группы, на которыя распалось послѣ возстанія населеніе Малороссіи,—козацкое „товариство", съ одной стороны, и

---

[1]) Два первые очерка этой серіи—„Возстаніе Богдана Хмельницкаго и его послѣдствія" и „Формы землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв." — были напечатаны въ „Русскомъ Богатствѣ" за 1912 г., №№ 8—11, и 1913 г., №№ 9—12; третій очеркъ — „Свободныя войсковыя села и владѣльческія имѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв."— въ „Р. Богатствѣ", 1914 г., № 9, и „Р. Запискахъ" 1915 г., №№ 1, 3, 5, 7, 8, 11.

объединявшее въ себѣ крестьянъ и мѣщанъ „посполиство", съ другой,—не были раздѣлены одна отъ другой никакими непереходимыми гранями. И въ бурные годы возстанія Богдана Хмельницкаго, въ періодъ напряженной борьбы съ Польшей, и въ непосредственно слѣдовавшіе за этимъ періодомъ годы переходъ изъ одной группы населенія въ другую совершался вполнѣ свободно. Вчерашній козакъ сегодня становился по своему желанію посполитымъ, вчерашній посполитый сегодня переходилъ въ козаки — и сами мѣстныя власти смотрѣли на такіе переходы, какъ на явленіе вполнѣ естественное, само собою разумѣющееся и не вызывающее никакихъ сомнѣній.

Черниговскій полковникъ Иванъ Аврамовичъ, разрѣшая въ 1657 г. своему „пріятелю" Ивану Войцеховичу поселить слободу на урочищѣ Московскомъ Селищѣ между селами Пекуровкой и Конотопомъ, позволилъ Войцеховичу призывать на эту слободу въ качествѣ поселенцевъ всѣхъ, „кто толко такъ изъ товариства войска запорожского, яко тежъ (равно какъ) изъ посполства, зичить и жадаетъ (хочетъ и желаетъ) себѣ на слободу ити". Вслѣдъ за тѣмъ то же позволеніе подтвердилъ Войцеховичу и смѣнившій Аврамовича на посту черниговскаго полковника Іоанникій Силичъ [1]). Ни Аврамовичъ, ни Силичъ не усматривали, очевидно, ничего неправильнаго и непріемлемаго въ переходѣ отдѣльныхъ козаковъ въ положеніе посполитыхъ частнаго владѣльца, разъ этотъ переходъ совершался козаками добровольно. Не усматривали въ такомъ переходѣ ничего неправильнаго и другіе полковники этого времени. Прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко сообщалъ въ 1680 г. товариству и посполитымъ людямъ с. Деймановки, отданнаго гетманомъ Густынскому монастырю, что по условію, заключенному имъ, полковникомъ, съ игуменомъ, козаки даннаго села должны пользоваться „своей давной и неотступной козацкой вольностью". „А которие—прибавлялъ тутъ же полковникъ—в доброй волѣ своей за Третякова полковництва, откинувшися з реестру нашего, сами доброволне монастыреви оповидалися (обязались) служити, такъ теды ми, южъ отставивши от своего послушенства и из реестру витерши, под монастирское начало подали, що южъ (такъ что уже) теперь жаденъ (каждый) таковый, болше не чинячи себе козакомъ, належного пилнуетъ послушанья (обязанъ отбывать должное послушаніе)" [2]). И Горленко такимъ образомъ не считалъ нужнымъ протестовать противъ перехода отдѣльныхъ козаковъ по ихъ „доброй волѣ" въ ряды владѣльческихъ посполитыхъ, принимая фактъ такого перехода, какъ вполнѣ нормальное явленіе.

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, Ч. 1909, с. 527.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевскій Центральный Архивъ, № 1616/1027. Семенъ Третякъ былъ былъ прилуцкимъ полковникомъ въ 1671—72 г.г.

Такой переходъ изъ козаковъ въ посполитые совершался тѣмъ легче и незамѣтнѣе, что, и оставаясь въ рядахъ „товариства", козаки не всегда лично отбывали свою военную повинность, а порою выставляли за себя на этотъ случай наймитовъ. Въ 1664 г. Григорій Косаговъ, отправившись съ московскими ратными людьми и съ нѣсколькими сотнями козацкаго войска въ походъ подъ Корсунь, съ дороги писалъ въ Москву: „а черкасъ въ моемъ полку самихъ козаковъ немного, все наймиты овчары изъ винницъ, и малыхъ робятъ много; а сами козаки живутъ въ домахъ своихъ" [1]). Случалось порою и такъ, что наймитомъ, отправлявшимся въ походъ вмѣсто козака, являлся владѣльческій посполитый, причемъ за его службу козакъ расплачивался съ нимъ своей землей. И опять-таки мѣстныя административныя и судебныя власти, вплоть до членовъ генеральнаго суда, еще въ концѣ XVII вѣка не находили нужнымъ протестовать противъ такого рода сдѣлокъ, не усматривая въ нихъ ничего неправомѣрнаго. Вотъ для примѣра одинъ изъ документовъ, наглядно обрисовывающихъ эту сторону взаимныхъ отношеній козаковъ и посполитыхъ въ первыя десятилѣтія послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, — уступная запись, выданная въ 1696 г. „товарищемъ понорницкой сотни" Якимомъ Полевымъ. „Я, нижей подписанный,—говорится въ этой записи—сознаю симъ писаніемъ моимъ теперъ и на потомніе часы, кому о томъ вѣдати належитъ, ижъ (что) подданый обители святыя Кіево-Печерскія, а житель радичевскій, именно Михалъ Плотка, доброволне от мене нанятій, не толко на господарскую (хозяйственную) работу, но и въ походы военніе отъ мене посилаемый хожовалъ, а служилъ самъ собою лѣтъ шесть, а со женою своею лѣтъ мало не пять, всего чинитъ (составляетъ) близъ одинадцати годъ. За таковую его вѣрную службу ведлугъ (согласно) слова и постановленія моего повиненъ я оному Михалеви третью часть имѣнія во всѣхъ кгрунтахъ моихъ виделить и дать, и ужемъ (уже я) былъ по должности моей оному слузѣ третину во всемъ отделилъ. Но за совѣтомъ пана сотника нашего... не попущалемъ тоей третини ему, Михалеви, заживать (пользоваться); за таковую теды кривду позивалъ мене Михалъ Плотка в Батуринъ до суду войскъ Запорозкихъ енералнаго... Тамо передъ судомъ панскимъ енералнимъ, яко позваный, очевисте ставши, по совершенной інквезицыи (разбирательству) между нами обѣма сторонами, декретовано мене двома способами, албо (или) ему, Михалеви, яко доброволному слузѣ, за его вѣрную працу (работу) третую часть имѣнія моего в кгрунтахъ дать, албо грошми копъ пятьдесятъ платить велено. Повинуючися теди суду святому, избралемъ себѣ з тихъ двоихъ декреталныхъ наказовъ третину кгрунтовъ моихъ отдать, которую видѣливши,

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, т. V, № 63, с. 158.

вѣчне ей отступаю и не мѣю южъ вѣчними часы такъ я самъ, яко и потомки и кревніи, близкіи и далекіи, до тоей третини кгрунтовъ інтересоватися, але (но) ему, Михалеви, яко власнимъ (собственнымъ) своимъ кгрунтомъ, волно, якъ хотѣти, диспоновати" [1]).

Не отбывая лично военной повинности, посылая за себя въ походы наймита, козакъ сближался уже съ посполитымъ, но продолжалъ еще оставаться въ рядахъ „войскового товариства". Бывало однако и такъ, что козаки, стремясь совершенно избавиться отъ тягостей военной службы, дѣлали еще одинъ шагъ и формально переходили въ положеніе посполитыхъ. Съ другой стороны, бывали и такіе случаи, что сами козаки не дѣлали этого шага, довольствуясь лишь уклоненіемъ отъ военной службы, но власть, именно въ виду такого ихъ уклоненія, сама переводила ихъ въ ряды посполитыхъ. Въ 1687 г. архимандритъ Новгородсѣверскаго монастыря жаловался гетману Мазепѣ, что „козаки, прошлого лѣта в маетностехъ монастирскихъ ново до реестру козацкого повписованые, любо (хотя) двигнены были в походъ теперешное войсковое дороги посполу (вмѣстѣ) з иными козаками, однакъ, не дочекавши (дождавшись) належитого в той службѣ конца, знать не хотячи тоее праци (работы) войсковое двигати, прежде времени поворотилися назадъ до домовъ своихъ, а теперъ волностями козацкими себе охороняютъ". Въ виду этого игуменъ просилъ возвратить такихъ нововписанныхъ козаковъ „подъ послушенство монастырское" и гетманъ нашелъ возможнымъ удовлетворить эту просьбу. „Мы теды,—писалъ Мазепа въ своемъ универсалѣ „паномъ полковникомъ черниговскому, нѣжинскому и стародубовскому и всей старшинѣ и черни, в тыхъ полкахъ найдуючойся",—„уважаючи самою слушностю, же (считая вполнѣ справедливымъ, что) козакъ нововписаный давному такому, який от килка десять (втеченіе нѣсколькихъ десятковъ) лѣтъ, а иный з отца, албо и з дѣда працы войсковіи двигаетъ, ровенъ быти не можетъ, для чого и волности козацкой ровной новому з давнымъ уживати (имѣть) не доводится, яко тотъ тыхъ утѣкачовъ нестатокъ ганимъ (проступокъ порицаемъ), такъ и мѣти хочемъ и приказуемъ, абы (чтобы) всѣ тые, хочъ старіе козаки, якіе, безвременно з войска поворочавшися, до домовъ поприходили, а новіе всѣ под послушенство монастира Новгородского были подвернены, кромѣ тыхъ давныхъ, що в войску працовалы и працовати хочутъ статечне" [2]). Иногда, впрочемъ, гетманъ въ аналогичныхъ случаяхъ ограничивался и менѣе рѣшительными мѣрами. Такъ, тотъ же Мазепа, получивъ въ 1698 г. жалобу отъ архимандрита черниговскаго Елецкаго монастыря на чрезмѣрное

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевскій Центр. Архивъ, № 1616/1319.

[2]) Тамже, № 1616/2487.

обремененіе подданныхъ монастырскихъ имѣній „общенародными повинностями“, удовольствовался предписаніемъ, чтобы „козаки, в тихъ же селахъ монастирскихъ живучии, котории нѣколи (никогда) до войска не ходятъ, помочними были людямъ тяглимъ в кормленю компанѣйцовъ и пѣхотного товариства“ [1]). За то даже исправно отбывавшіе военную повинность козаки иногда наравнѣ съ посполитыми обязывались нести нѣкоторыя повинности въ пользу владѣльцевъ, чаще всего—исправлять плотины („гатить гребли“) у владѣльческихъ мельницъ. Гетманъ Многогрѣшный, напримѣръ, въ 1669 г. предписалъ и посполитымъ, и козакамъ с. Кирѣевки исправлять въ этомъ селѣ плотину, на которой стояли мельницы Новгородсѣверскаго монастыря, и послѣ того это распоряженіе было подтверждено и гетманами Самойловичемъ и Мазепой. Въ 1704 г. архимандритъ Новгородсѣверскаго монастыря пожаловался Мазепѣ, что это распоряженіе не выполняется, и тогда Мазепа обратился къ „атаману съ товариствомъ и войту со всѣми посполитыми людьми, жителями села Кириевки“, съ особымъ универсаломъ. „Приказуемъ вамъ симъ писаніемъ нашимъ грозно,—писалъ онъ въ этомъ универсалѣ—абысте (чтобы вы) по прежнему миромъ оную греблю в гаченю направляли, поневажъ (такъ какъ) черезъ оную до млиновъ ихъ ездите и в ихъ млинахъ всякое збоже (хлѣбъ) мелете и вигоду себѣ мѣете, а над то еще, череду (стадо) свою гоничи в поле и з поля, также и сами уставичне (постоянно) ездячи за своими потребами, греблю розбиваете; а еслибы по давнему обыкновенію за упоромъ и огурствомъ якимъ тоей греблѣ Кирѣевской не похотѣлисте гатити, то позволимо имъ, законникамъ (монахамъ), на той греблѣ кобылицю закинути и переездъ черезъ оную вамъ зборонити“ [2]). И такія повинности козаковъ по отношенію къ владѣльцамъ порою сохранялись довольно долго. Еще въ 1723 г. игуменъ Омбышскаго монастыря просилъ наказного нѣжинскаго полковника распорядиться, чтобы въ с. Омбышѣ козаки „греблю всѣ обще, всякому селянину до переезду и млыва (помола) потребную, гатили“, и полковникъ въ отвѣтъ на эту просьбу, дѣйствительно, заявилъ, что „греблю, якъ всѣмъ омбышанамъ потребную, селомъ гатити надлежитъ, якъ везде дѣется по городахъ и селахъ“ [3]).

Въ нѣкоторыхъ сторонахъ своей жизни козаки стояли такимъ образомъ очень близко къ посполитымъ, настолько близко, что даже иныя повинности послѣднихъ по отношенію къ владѣльцамъ имѣній порою распространялись и на козаковъ. При этомъ, отличаясь отъ посполитыхъ прежде всего своей военной службой, козаки на первыхъ порахъ не всегда отбывали эту службу не-

---

[1]) Тамже, № 1616/746.
[2]) Тамже, №№ 1616/2468, 1616/2469, 1616/2482, 1616/2494, 1616/2493.
[3]) Тамже, № 1616/1760

премѣнно лично: они могли выставлять—и нерѣдко дѣйствительно выставляли — въ отправлявшееся въ походъ войско своихъ наймитовъ и такими наймитами подчасъ являлись посполитые, вполнѣ уравнивавшіеся въ этомъ случаѣ съ козаками. Вмѣстѣ съ тѣмъ козацкое „товариство“, какъ оно сложилось послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, не представляло собою и замкнутой, строго обособленной отъ остальнаго населенія, группы. Отдѣльнымъ членамъ этого „товариства“ всегда открыта была дорога изъ него и на практикѣ они нерѣдко и переходили въ посполитые, не встрѣчая никакого препятствія къ такому переходу со стороны власти. Въ свою очередь эта послѣдняя считала за собою право переводить отдѣльныхъ козаковъ, не выполнявшихъ своей служебной повинности, въ число посполитыхъ и порою пользовалась этимъ правомъ на практикѣ.

Но если козакамъ была открыта дорога въ „посполъство“, то посполитые, съ своей стороны, могли переходить и, дѣйствительно, переходили въ ряды козачества. Съ началомъ возстанія Богдана Хмельницкаго, послѣ первыхъ побѣдъ его надъ поляками, крестьянство и мѣщанство массами хлынуло въ ряды козацкаго войска. „Посполъство —разсказывалъ гетманскій посланецъ въ Москвѣ— въ козачество все поворотилось“ [1]). И это чуть не сплошное окозаченіе Украины, окозаченіе, доходившее до того, что населеніе такихъ крупныхъ городовъ, какъ Стародубъ, цѣликомъ переписывалось въ козаки, продолжалось, съ нѣкоторыми лишь перерывами, почти до самаго присоединенія ея къ Московскому государству. Съ теченіемъ времени, правда, немалая часть мѣщанъ и крестьянъ, ушедшихъ было въ козаки, вновь вернулась въ посполъство. Но та причина, которая заставляла Богдана Хмельницкаго въ 1648—54 гг. призывать посполитыхъ въ козачество, не прекратила своего существованія и послѣ присоединенія Малороссіи къ Москвѣ, и послѣ смерти самого Богдана. Съ одной стороны, непрерывныя войны съ сосѣдями, съ другой, внутреннія междоусобицы, раздиравшія Малороссію, побуждали и ближайшихъ преемниковъ Богдана Хмельницкаго въ цѣляхъ увеличенія своей военной силы время отъ времени призывать посполитыхъ въ козацкіе полки. Такіе призывы практиковались еще въ концѣ XVII вѣка, и малорусскій лѣтописецъ, описывая приготовленія гетмана Самойловича къ походу на Крымъ въ 1687 г., отмѣчаетъ среди этихъ приготовленій и такое: „козаковъ приболшано з посполства“ [2]).

Но переходъ посполитыхъ въ козаки совершался и помимо этихъ, повторявшихся отъ времени до времени призывовъ со стороны власти. Отдѣльные посполитые переходили въ козачество и по своему собственному почину, причемъ такой переходъ въ свою

---

[1]) Востоковъ. Первыя сношенія Богдана Хмельницкаго съ Москвой, „Кіевская Старина“, 1887 г. № 8, стр. 123.

[2]) Лѣтопись Самовидца, с. 166.

очередь порою достигалъ весьма значительныхъ размѣровъ. Въ с. Быстрикѣ, лежавшемъ на территоріи Нѣжинскаго полка и принадлежавшемъ Черниговскому Каѳедральному монастырю, как разсказывалъ въ 1705 г. одинъ изъ старожиловъ этого села, еще въ 1665 г. монастырскихъ подданныхъ насчитывалось 120 тяглыхъ человѣкъ. „Тилко—продолжалъ упомянутый старожилъ свой разсказъ—часъ отъ часу стало насъ, людей тяглыхъ, уменьшатись, бо почали вписоватися въ козацтво", и, наконецъ, къ гетманству Мазепы „подданнихъ монастырскихъ такъ далеце уменьшилося, же (что) зосталося было тяглыхъ пять человѣка" [1]. Подобные же переходы посполитыхъ въ козаки практиковались и въ другихъ мѣстностяхъ, встрѣчая порою прямую поддержку со стороны властей. Въ 1708 г. посполитый с. Поповой-Горы, принадлежавшаго Кіево-Печерской лаврѣ, Климъ Ильичъ, вслѣдствіе притѣсненій монастырскаго управляющаго, оставилъ свою землю и ушелъ въ с. Ширки, гдѣ купилъ землю у козака и сталъ отбывать козацкую повинность, обратившись при этомъ къ защитѣ стародубовскаго полковника Лукьяна Жоравки. Послѣдній не отказалъ ему въ его „слушномъ прошеніи" (справедливой просьбѣ) и принялъ просителя въ „компутъ козацкій" [2]), такъ какъ „онъ, Климъ Ильичъ, увесь свой грунтъ оставивши въ Поповой-Горѣ, никому не завелъ и уже на ономъ тяглій человѣкъ мешкаетъ (живетъ), ченцамъ отбуваетъ всякую повинность и послушенство" [3]).

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ принятіе посполитаго въ число козаковъ было мотивировано тѣмъ, что онъ покинулъ тотъ земельный участокъ, на которомъ онъ жилъ, будучи посполитымъ. Но въ болѣе раннее время, и въ особенности въ первыя десятилѣтія послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, посполитые, не исключая и посполитыхъ владѣльческихъ, переходили въ козачество, удерживая за собою и свои земельные участки. И въ сохранившихся отъ начала XVIII вѣка разсказахъ старожиловъ о болѣе раннемъ времени имѣется рядъ свидѣтельствъ, показывающихъ, какъ легко и по какимъ разнообразнымъ поводамъ совершались тогда такіе переходы. Я позволю себѣ воспроизвести здѣсь для примѣра нѣкоторыя изъ этихъ свидѣтельствъ, такъ какъ только на такихъ конкретныхъ примѣрахъ можно вполнѣ ясно представить себѣ характеръ тѣхъ отношеній, какія установились между различными группами населенія въ селахъ и деревняхъ Малороссіи послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго.

Въ селѣ Омбышѣ, принадлежавшемъ устроенному здѣсь по просьбѣ прежней владѣлицы Кіево-Печерской Лаврой Омбышскому

---

[1]) Обозрѣніе Румянцевской Описи Малороссіи, вып. 2, сс. 350-1, примѣчаніе.

[2]) „Компутами" назывались списки козаковъ, ведшіеся сотенными и полковыми властями.

[3]) Обозрѣніе Рум. Описи, вып. 3, сс. 713-13.

монастырю,—разсказывалъ въ XVIII вѣкѣ 83-лѣтній мѣстный старожилъ, „бояринъ" Савва Грушевскій, хорошо помнившій со словъ своего отца Хмельнищину, — до возстанія Богдана Хмельницкаго вовсе не было козаковъ. При Хмельницкомъ же многіе изъ мѣстныхъ посполитыхъ перешли въ козаки и монахамъ нельзя стало „належите владѣти" оставшимися въ ихъ подданствѣ людьми изъза этихъ „назвавшихся козаковъ, якіе насилне чрезъ лютую свою злобу панскими и людскими борами, лѣсами, полями, сѣнокосами и прочими пахатными и непахатными грунтами и рыболовлями, отнимаючи, позавладѣли". Но этимъ дѣло не ограничилось и переходъ посполитыхъ въ козаки продолжался въ Омбышѣ и послѣ Хмельницкаго. Немало людей,—разсказывалъ Грушевскій—„з сторони пришовши предъ Чигринщиною, в Омбишѣ поселилися на монастирскихъ грунтахъ и, слободу висидѣвши, не схотѣли зоставати у подданствѣ да вписалися въ козаки". „Васко Кушвидъ—сообщалъ Грушевскій о нѣкоторыхъ изъ такихъ переселенцевъ—пришелъ до Омбиша на слободу предъ Чигринщиною и з швагромъ своимъ Лаврѣномъ и, поселившись на монастырскомъ грунтѣ, вписались в козатство... Иванъ Кузменко, пришовъ до Омбиша на слободу и поселившись на монастирскомъ грунтѣ, сталъ козакомъ... Максюта, пришовъ до Омбиша на слободу и поселившись на монастирскомъ грунтѣ, сталъ козакомъ и оный Максюта синовъ не имѣлъ, а принялъ к себѣ до половини Юска Бабича, махновского родимця (уроженца), и въ походахъ оный Бабичъ не бивалъ, а на грунтѣ якомъ Максюта жилъ и козаковалъ, и по смерти Максютиной на томъ же монастирскомъ грунтѣ и Бабичъ жилъ, а по смерти Бабичевой жена его той грунтъ продала козаку Данилу Легкому... Степанъ Дрига, родимецъ Хорошого Озера и в ономъ селѣ не козаковалъ, ибо не имѣлъ своего грунту, но в своего дядка вмѣсто наймита жилъ, когда жъ взялъ за себе в козака Леска Лузана дѣвку и, перейшовши з Хорошого Озера до Омбыша, сталъ жить при тестю, потомъ купилъ (у другого изъ новыхъ омбышскихъ козаковъ) половину грунту и, жиючи на той половинѣ, сталъ козаковать". Иные изъ этихъ козаковъ, вписавшись въ козачество, ходили и въ походы, иные не бывали въ нихъ, а иные старательно и небезуспѣшно избѣгали всякихъ походовъ. „Грицко Дурейченко—разсказывалъ Грушевскій—родился в Омбышѣ и нѣ в якихъ походахъ не былъ, ибо толко загадаютъ (позовутъ) в походъ, то онъ пойдетъ из села и не является, поки козаки виступлятъ в походъ... Жукъ жилъ на монастирскомъ грунтѣ и былъ нѣ подданый, нѣ козакъ, ибо если загадуютъ в войско, то онъ подданимъ називается, толко жъ войско проминетъ, то онъ знову козакомъ зовется, и в походахъ нѣякихъ не былъ" [1]).

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевскій Центр. Архивъ, № 1616/1164.

Такія же или почти такія же показанія сохранились и о населеніи многихъ другихъ мѣстностей лѣвобережной Малороссіи. Такъ, въ селѣ Коровинцахъ, расположенномъ въ Лубенскомъ полку, въ 1722 г. произведено было, по распоряженію наказнаго гетмана Полуботка, „изслѣдованіе" о „причисляющихся къ чину козачому", и изслѣдованіе это дало картину, въ очень многомъ похожую на ту, какая нарисована была показаніями Саввы Грушевскаго для с. Омбыша. Наряду съ козаками, неизмѣнно остававшимися членами войскового „товариства", и въ Коровинцахъ оказалось не мало такихъ козаковъ, которые вошли въ козачество изъ рядовъ посполитыхъ. На первомъ мѣстѣ среди коровинскихъ старожиловъ „изслѣдованіе" поставило Юска Юхту, „козака старости глубокой, понеже не токмо имени его в компутѣ сотни Роменской отъ начала козацтва его жь, но и компуту самого нѣтъ одъ того времени". Юхта показалъ о себѣ, что „родился онъ, Юско, въ Коровинцяхъ, а памятаетъ Хмелницкого гетмана старого", и всю жизнь пробылъ козакомъ, причемъ участвовалъ въ рядѣ походовъ. Но тутъ же онъ прибавилъ, что „самъ онъ, Юхта, принялъ Науменка, сына мужичого, зятя своего, на пляцъ (въ усадьбу) и щититъ (защищаетъ) одъ повинностей мужичихъ". Другой старинный коровинскій козакъ, Иванъ Яковенко, заявилъ, что онъ „поселився в Коровинцяхъ одъ Хмелницкого, на отчимовскомъ козачомъ кгрунтѣ, сыновъ з нимъ четверо на едномъ пляцу и зять, сынъ мужичій, Иванъ Загребелненко". Еще одинъ козакъ, Федоръ Лаврикъ,— „сыновъ зоставилъ четырехъ: Ивана, Матвѣя, Ивана и Андрѣя; служатъ козацко в куренѣ, живутъ селитбою порознь: Иванъ старѣйший на Тишковскомъ лядковскомъ козачомъ кгрунтѣ и тестя мужика принялъ, а тестевскимъ пляцомъ владѣетъ; Матвѣй купивъ кгрунтъ у мужика Андрѣя Журавля; Иванъ молодший на Коноваловомъ мужичомъ пляцу; Андрѣй на отцевскомъ кгрунтѣ". „Семенъ Бѣлокобила, синъ мужичій,—записывалъ далѣе производившій „изслѣдованіе" войсковой товарищъ—принятъ в реестръ козачій и, понявши дочь Терешка, тогда атаманствовавшого, живъ и живетъ на родителскомъ кгрунтѣ мужичомъ... Грицко Коваленко, атаманъ нинѣшний, по родителю Федору Ковалю, за Самойловича гетмана з Смѣлой зашедшомъ [котрий подъ Казикерменомъ чрезъ его жь неразсудокъ взятъ в неволю на чужомъ коню], не былъ нигде в козачей службѣ ни онъ, ни Охрѣмъ, братъ его молодший, доселѣ и служатъ к дворцу (владѣльческой усадьбѣ); поселився Грицко з волѣ державской на мужичомъ Пригариномъ пустомъ кгрунтѣ... Василь Щербина, синъ мужичий, по полтавской баталіи упросився у козацтво и живетъ на мужичомъ отческомъ кгрунтѣ, и дядка маетъ Щербину мужика... Иванъ Кудлаенко [по отцу, подъ Казикерменомъ бывшомъ, а потомъ в мужики вписавшемся

и помершемъ], которого матка війшла била за козака, живетъ на отческомъ кгрунтѣ некупномъ державскомъ“ [1]).

Ни Омбышъ, ни Коровинцы, конечно, не представляли собою какого-либо исключенія. Тѣ факты, которые имѣли мѣсто въ этихъ селахъ, повторялись на протяженіи второй половины XVII вѣка и въ другихъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи. Какъ козаки свободно выходили по своей волѣ изъ рядовъ „товариства“ и вступали въ число посполитыхъ, такъ въ свою очередь и посполитые нерѣдко покидали свою группу и вступали въ козачество. Иногда толчкомъ къ такому переходу являлись родственныя отношенія. Посполитый, женившійся на дочери козака, порою и самъ переходилъ въ козаки, даже независимо отъ того, переходилъ ли онъ при женитьбѣ въ дворъ тестя, устраивалъ себѣ новый дворъ или оставался въ своемъ старомъ дворѣ. Точно также и посполитый, выдававшій свою дочь за козака, порою и самъ переходилъ въ козачество. Бывали и обратные случаи, когда зять-посполитый перетягивалъ тестя-козака въ число посполитыхъ или когда посполитый, выдавъ свою дочь за козака, привлекалъ и этого послѣдняго въ свою группу. Но наряду съ этимъ не мало было и такихъ случаевъ, когда переходы посполитыхъ въ козаки и обратно совершались внѣ всякой связи съ родственными отношеніями, исключительно въ силу того, что тотъ или иной козакъ либо посполитый находилъ для себя почему-либо болѣе выгоднымъ и подходящимъ оставить свою группу и приписаться къ другой. „Посполство“ лѣвобережной Малороссіи въ томъ видѣ, какой оно получило послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, такъ же мало, какъ и козачество, являлось замкнутой и обособленной группой, и между двумя этими группами населенія долгое время шло живое и непрерывное общеніе и совершался постоянный обмѣнъ людьми, лишь временами создававшійся мѣрами власти, въ главной же своей части протекавшій внѣ прямой зависимости отъ такихъ мѣръ и обязанный своимъ возникновеніемъ воздѣйствію иныхъ, болѣе глубокихъ и серьезныхъ, причинъ.

Во всякомъ случаѣ эти двѣ основныя группы населенія Малороссіи послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго не были обособлены одна отъ другой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не были обособлены ни отъ нихъ, ни между собой и всѣ остальныя группы населенія. Какъ козакъ свободно переходилъ по своей волѣ въ мѣщане или крестьяне, какъ крестьянинъ или мѣщанинъ легко и безъ особыхъ препятствій вписывался въ козацкій „компутъ“ и становился членомъ „войскового товариства“, точно такъ же рядовой членъ этого товариства могъ при удачѣ подняться до любой должности, до любого „уряда“ въ войскѣ, могъ, иначе говоря, стать членомъ стар-

---

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго, нынѣ хранящейся въ библіотекѣ Кіевскаго университета.

шины. Эта старшина довольно скоро сложилась въ особую группу, тѣсно сплоченную общностью своихъ интересовъ, но группа эта въ свою очередь не являлась замкнутой и отдѣленной какими-либо рѣзкими гранями отъ остального населенія. Доступъ къ „урядамъ", а, слѣдовательно, и путь въ старшину былъ свободенъ для всякаго козака и тѣмъ самымъ былъ до извѣстной степени открытъ и для посполитыхъ, пока для нихъ оставалась открытой дорога въ козачество. Мало того,—бывали иногда и случаи непосредственнаго перехода отдѣльныхъ посполитыхъ въ группу старшины, и такіе случаи бывали не только въ XVII вѣкѣ, но еще и въ началѣ XVIII столѣтія. „Покойный антецессоръ (предшественникъ) мой—заявлялъ, напримѣръ, въ 1719 г. прилуцкій полковникъ Галаганъ—кревнихъ (родныхъ) своихъ, посполитихъ синовъ, в козацкий компутъ принялъ, а особливе без жадной (всякой) войсковой заслуги Григорія Панченка на урядъ асаулства, сина посполитого, произвелъ" [1]. Въ 1745 г. управитель принадлежавшей гетману Разумовскому Быковской волости подалъ жалобу на проживавшихъ въ с. Усовкѣ, лежавшемъ въ предѣлахъ этой волости, войсковыхъ канцеляристовъ Ивана и Ефима Данилевскихъ. По словамъ жалобщика, отецъ этихъ Данилевскихъ, Никита, „будучи в подданствѣ и отбуваючи к дворцу Быковскому всякія общенародныя повинности, распахалъ собственной его ясновелможности немалымъ числомъ земли и, оною владѣя, платилъ по минувшій 737 годъ чиншевыхъ в казну денегъ по шесть рублей", послѣ же того онъ, а по его смерти и дѣти его, перестали платить этотъ чиншъ и, пользуясь землей безплатно, еще посадили на ней нѣсколько подсусѣдковъ [2]. Въ XVIII вѣкѣ подобные случаи считались уже чѣмъ-то ненормальнымъ, но въ болѣе раннее время—то время, когда складывался общественный строй гетманщины,—они были хотя и не частымъ, но все же нормальнымъ явленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и владѣніе имѣніями, сосредоточивавшееся по преимуществу въ рукахъ старшины, не составляло исключительной привилегіи этой послѣдней. Наряду съ старшиной имѣнія давались и такимъ козакамъ, которые не занимали никакого „уряда", а иногда имѣнія получались и мѣщанами, по большей части вступавшими при этомъ въ ряды „войскового товариства". И случаи такого вступленія людей „посполитого чину" въ козачество, благодаря пріобрѣтенію ими имѣній, бывали опять-таки еще въ началѣ XVIII вѣка. Въ 1724 г. стародубскій мѣщанинъ Иванъ Тищенко, женившись на вдовѣ Василія Журмана, внука полкового стародубовскаго обозного, просилъ генеральную войсковую канцелярію, „дабы на всѣ движимие и недви-

[1]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ. Дѣла Черниг. Палаты Уг. и Гражд., оп. 2, св. 1, № 1

[2]) Кіев. Центр. Архивъ старыя дѣла бывшаго архива намѣстническаго правленія.

жимие добра поостали Журмановские, которими першій нинѣшной жони его мужъ по унѣверсалахъ гетманскихъ и по премощнѣйшой императорского величества грамотѣ владѣлъ, позволено ему владѣть же безперепонно, такожъ и з тихъ добръ, яко козачихъ, войсковую отправовать бы ему противъ протчіихъ службу". И правители генеральной канцеляріи, представлявшіе тогда въ Малороссіи высшую мѣстную власть, „видячи его, Тищенка, до службы войсковой згодность и способность, якъ казали оного до компуту козачого между значковое полку стародубовского принять и вписать товариство", такъ и позволили ему „всѣми движимими и недвижимими добрами, по умершому Василію Журману, такожъ селомъ Задубеню с мелницею, владѣть спокойне" [1]). Такимъ образомъ не только тѣ или иныя личныя заслуги, но порою даже фактъ женитьбы на вдовѣ владѣльца имѣнія, могъ еще въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія сдѣлать мѣщанина въ свою очередь владѣльцемъ имѣнія и ввести въ „войсковое товариство". Но, вступая въ последнее въ качествѣ владѣльца имѣнія, мѣщанинъ входилъ именно въ тотъ слой козачества, который ближе всего стоялъ къ старшинѣ и изъ котораго главнымъ образомъ и рекрутировалась она,—въ слой, носившій наименованіе „значнаго товарищества".

Къ тому же слою „значнаго товарищества" примыкали обыкновенно и сыновья лицъ, занимавшихъ болѣе или менѣе видные „уряды" въ войскѣ, разъ сами эти сыновья не успѣвали получить какіе-либо уряды и войти такимъ образомъ въ ряды старшины. Но наряду съ этимъ нерѣдки были и факты перехода изъ старшины и тѣсно примыкавшаго къ ней „значнаго товарищества" въ другія группы населенія. Нерѣдко случалось, что тотъ или иной козакъ, просидѣвъ нѣкоторое время на какомъ-либо урядѣ, затѣмъ вновь возвращался въ массу рядового козачества и навсегда уже затеривался въ ней. Еще чаще возвращались въ эту массу и смѣшивались съ нею сыновья и болѣе далекіе потомки „урядниковъ", порою даже очень видныхъ. А бывало и такъ, что потомки даже такихъ крупныхъ сравнительно „урядниковъ", какъ полковники и члены полковой старшины, переходили въ разрядъ посполитыхъ и въ концѣ концовъ оказывались въ положеніи владѣльческихъ крестьянъ [2]). Иначе говоря, на первыхъ порахъ самостоятельнаго существованія Малороссіи ея старшина представляла собою лишь одинъ изъ разрядовъ козачества, столь же мало замкнутый отъ остальнаго населенія, какъ и все вообще „войсковое

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Стародубовскаго полка, рукопись библіотеки Кіевской коллегіи Галагана, № 9, Документы, л. 83-об.

[2]) Такъ, правнуки переяславскаго полкового судьи Якова Рустановича, Петръ и Яковъ Рустановичи, въ 1749 г. называли себя „протекціантами" Разумовской, иначе говоря, были ея посполитыми. Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Воронковской сотни, № 153 И такихъ примѣровъ можно было бы привести немало.

товариство". И, быть можетъ, наиболѣе нагляднымъ выраженіемъ этого отсутствія замкнутости отдѣльныхъ группъ населенія являлось то обстоятельство, что члены старшины, получая въ свое владѣніе населенныя имѣнія, порою находили въ нихъ, въ качествѣ своихъ „подданныхъ", своихъ же родныхъ. При этомъ власти, распоряжавшіяся раздачей имѣній, не только не усматривали ничего непріемлемаго въ такой отдачѣ однихъ родственниковъ въ „подданство" другимъ, но и утверждали ее спеціальными распоряженіями. Такъ, въ 1712 г. переяславскій полковой судья Иванъ Берло обратился къ гетману Скоропадскому съ просьбой подтвердить ему всѣ его владѣнія въ сс. Рогозовѣ, Жеребятинѣ и Софіевкѣ и въ томъ числѣ „три человѣка его жъ кревнихъ", и гетманъ исполнилъ эту просьбу [1]). Подобнымъ же образомъ въ 1715 г. гетманъ Скоропадскій подтвердилъ сыну переяславскаго полковника Стефана Томары, Василію Томарѣ, различныя владѣнія его отца и въ числѣ ихъ „кревнихъ Лизогубовскихъ" [2]). Стефанъ Томара былъ женатъ на дочери Ефима Лизогуба [3]) и такимъ образомъ гетманъ утвердилъ во владѣніи Василія Томары его родственниковъ по матери. Какъ можно видѣть уже изъ этихъ примѣровъ, члены одного и того же рода, а то даже одной и той же семьи, размѣщались порой по очень различнымъ ступенямъ соціальной лѣстницы: въ то время, какъ одни изъ нихъ достигали болѣе или менѣе видныхъ урядовъ и занимали положеніе старшины, другіе оставались рядовыми козаками либо переходили въ посполитые и въ этомъ послѣднемъ случаѣ временами попадали даже въ „подданство" къ своимъ болѣе удачливымъ родственникамъ.

Старшина, значное товариство, рядовое козачество, посполитство, включавшее въ себя мѣщанство и крестьянство, всѣ эти разряды и группы малорусскаго общества послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго не были такимъ образомъ отгорожены и обособлены другъ отъ друга, наоборотъ, всѣ они находились въ непрерывномъ общеніи, постоянно отдавая каждый своихъ членовъ въ другія, сосѣднія группы населенія и въ свою очередь воспринимая изъ этихъ послѣднихъ новыхъ членовъ въ свой составъ. И тѣми же чертами въ значительной мѣрѣ опредѣлялся характеръ и еще одной группы малорусскаго общества, какъ оно сложилось въ моментъ, непосредственно слѣдовавшій за возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, — группы духовенства. Какъ и всѣ другія общественныя группы Малороссіи этой эпохи, духовенство не представляло собою замкнутаго класса. Мѣста приходскихъ священниковъ

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукописное отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, № 1159, документы, № 30.

[2]) Тамже, № 65; такое же подтвержденіе дано было Василію Томарѣ въ 1729 г. гетманомъ Апостоломъ—тамже, № 66.

[3]) А. М. Лазаревскій, Люди старой Малороссіи, К. 1882, с. 24.

почти всегда заполнялись по выбору прихожанъ и выборъ этихъ прихожанъ—козацкаго „товариства“ и посполитской „громады“—очень часто падалъ на свѣтское лицо, на того или иного козака либо посполитаго, который лишь послѣ состоявшагося уже выбора принималъ посвященіе въ санъ. Нерѣдко случалось, что какой-либо козакъ, послуживъ въ войскѣ и даже посидѣвъ нѣкоторое время на болѣе видныхъ урядахъ, затѣмъ оставлялъ козацкую службу, переходилъ въ ряды духовенства и либо становился приходскимъ священникомъ, либо занималъ по назначенію духовныхъ властей другую, болѣе важную, должность. Такъ, козакъ Лаврентій Каспровичъ, принявъ священство, сталъ въ 60-хъ годахъ XVII вѣка „войсковымъ капелланомъ“, выбельскій сотникъ Шуба, перейдя въ это же время въ духовенство, сдѣлался приходскимъ священникомъ въ Черниговѣ, прилуцкій полковой писарь Лисаневичъ въ началѣ XVIII вѣка покинулъ козачество и былъ назначенъ прилуцкимъ протопопомъ. Такіе переходы посполитыхъ, рядовыхъ козаковъ и членовъ старшины въ духовенство въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го вѣка были, можно сказать, повседневнымъ явленіемъ. Но, съ другой стороны, не менѣе часты были и факты иного порядка. Въ бурную эпоху, послѣдовавшую за присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ, эпоху, когда въ страну то и дѣло вторгались иноземныя войска, а внутри ея вспыхивали и разгорались почти непрерывныя междоусобицы, даже священники, случалось, отлагали въ сторону свои обѣты и обращались въ воиновъ: „Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу—писалъ въ Москву въ 1659 г. одинъ малорусскій священникъ—бьетъ челомъ богомолецъ твой, города Зинькова церкви архангела Михаила попъ Григорьище Ивановъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 167 году, какъ приходилъ твой государевъ измѣнникъ Иванъ Выговской съ ляхами и съ нѣмцы и съ татары и своими козаки и приступалъ ко городу Зинькову... тѣмъ непріятелямъ городъ Зиньковъ не поддался и бились съ ними, сколько мочи было; и я, богомолецъ твой, на приступѣ подъ Зиньковомъ, бороняся отъ себя и отъ города, убилъ твоихъ государевыхъ измѣнниковъ человѣкъ съ 60 и больше, и отъ тѣхъ, государь, мѣстъ я, богомолецъ твой, безъ твоего государева указу и безъ благословенія архіерейскова служить въ церкви Божіи не смѣю... Вели, государь, мнѣ служить по прежнему, чтобъ церковь Божія, твое государь богомолье, впустѣ безъ пѣнія не была и чтобъ мнѣ, богомольцу твоему, разореному отъ воинскихъ людей, было чѣмъ кормиться“[1]). Такое превращеніе священника въ воина было, конечно, лишь рѣдкимъ исключеніемъ и при этомъ даже обратившійся временно въ воина священникъ все же оставался священникомъ Но уже съ дѣтьми духовныхъ лицъ дѣло стояло иначе. Эти дѣти

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. IV, № 110. II, сс. 207—8.

далеко не всегда оставались въ духовномъ званіи и сыновья священниковъ очень часто переходили въ козачество, а то и прямо въ старшину. Для сына священника, какъ и для сына козака, была открыта дорога ко всѣмъ „урядамъ", вплоть до гетманскаго, и Самойловичъ, напримѣръ, такъ и остался въ памяти своихъ современниковъ и ближайшаго потомства подъ именемъ „гетмана Поповича". А наряду съ этимъ бывали и такіе случаи, что послѣ смерти священника семья его переходила въ посполитые и даже попадала въ „подданство" къ тому или другому владѣльцу. Иногда такой переходъ семьи священника во владѣльческіе посполитые совершался даже по его собственной волѣ. „Записую—писалъ, напримѣръ, въ 1725 г. въ своемъ духовномъ завѣщаніи священникъ лежавшаго въ Переяславскомъ полку села Коробовки—овдовѣлую жену мою и дѣти моя з дворомъ, в Коробовцѣ стоячимъ, во вѣчное до святой обители (Красногорскаго Золотоношскаго монастыря) послушаніе... в чомъ они весма би имѣли всякую слушную (справедливую) чинити имъ, когда востребують оны, законники, послугу, яко жена моя и дѣти, подъ клятвою моєю и неблагословеніемъ грожу и приказую, а если бы они хотѣли где уклонитись на сторону тайно, или иного защитителя востребовати, или своей, яко владѣлцомъ своимъ, не чинить повинности, волно имъ, законникомъ, ихъ отдалить отъ двора и иного вселить, кого имъ надобно, а они, законники, повинни мене по християнску погребсти, сорокоустъ отслужить и всячески отпоминать" [1]). Въ результатѣ такихъ переходовъ духовенство находилось въ постоянномъ общеніи съ другими группами населенія. И если лица, переходившія въ него изъ этихъ группъ, въ дальнѣйшемъ были прочно привязаны къ духовному званію, то уже для ихъ дѣтей опять-таки была открыта возможность безпрепятственнаго ухода изъ послѣдняго и перехода въ иныя общественныя группы.

Такимъ образомъ въ первое время послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго распредѣленіе населенія по различнымъ общественнымъ группамъ совершалось въ Малороссіи вполнѣ свободно, внѣ прямого воздѣйствія со стороны государственной власти. И движущимъ мотивомъ такого распредѣленія являлись по преимуществу соображенія экономическаго характера. „Якъ осѣли люде,—разсказывали въ 1729 г. старожилы лежавшаго въ Стародубовскомъ полку села Горчаковъ исторію этого села,—тогда можнѣйшіе (болѣе зажиточные) announce писалися въ козаки, а подлѣйшіе (болѣе бѣдные) осталися въ мужикахъ" [2]). То же самое происходило и въ другихъ мѣстахъ, и притомъ происходило не только въ первоначальный мо-

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Домонтовской сотни, ч. I, № 63.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Стародубовскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та), л. 794.

ментъ заселенія той или иной мѣстности. Многіе люди, записанные въ ревизіи 1731 г. посполитыми, — показывалъ въ 1762 г. кобеляцкій городовой атаманъ—„некоторіе сами или отци или браття ихъ родние въ прежнихъ ревизняхъ состоятъ между козаками и служили всероссійскому престолу сами от себе козачо и вписованни въ посполитне на время по тогдашнему обыкновенію, такожъ когда кто, приубоживши, служить не в состояніи были" [2]). Въ этихъ позднѣйшихъ показаніяхъ нашелъ себѣ яркое отраженіе общій порядокъ, дѣйствовавшій въ тотъ начальный моментъ, когда въ освобожденной отъ власти польскаго государства Малороссіи наново складывался ея общественный строй. Болѣе состоятельные элементы населенія въ этотъ моментъ становились козаками, беря на себя требовавшую бо́льшихъ матеріальныхъ средствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ освобождавшую отъ большинства другихъ повинностей по отношенію къ государству, военную службу, менѣе состоятельные—вписывались въ посполитые и освобождаясь отъ военной службы, принимали на себя главное бремя другихъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей по отношенію къ государству. Но такое распредѣленіе населенія не носило постояннаго характера и между раздѣлившимися группами продолжалъ и въ дальнѣйшемъ совершаться постоянный обмѣнъ людьми. Обѣднѣвшій почему-либо козакъ нерѣдко переписывался въ посполитые, а разбогатѣвшій посполитый часто вступалъ въ козачество. Въ свою очередь наиболѣе зажиточные элементы въ средѣ самого козачества составили особую группу „значнаго товариства", отличавшуюся отъ остальной массы козаковъ исключительно своимъ экономическимъ благосостояніемъ и не огражденную никакими формальными гранями. Изъ этой группы по преимуществу вербовались члены старшины, и это обстоятельство довольно скоро сообщило данной группѣ въ цѣломъ извѣстную устойчивость, но личный составъ ея долго продолжалъ оставаться текучимъ и измѣнчивымъ. Обѣднѣвшій и опустившійся членъ „значнаго товариства" быстро затеривался въ массѣ рядового козачества, а эта послѣдняя съ своей стороны постоянно выдвигала въ названную группу новыхъ членовъ. Въ „знатное товариство" вступали и сыновья наиболѣе зажиточныхъ священниковъ, въ то время, какъ сыновья болѣе бѣдныхъ изъ нихъ или оставались въ духовномъ званіи, или становились рядовыми козаками, или, наконецъ, переходили въ посполитые. Въ общемъ такимъ образомъ ни одна изъ тѣхъ группъ, на которыхъ распалось на первыхъ порахъ малорусское общество, не являлась сколько-нибудь замкнутымъ и обособленнымъ классомъ. Эти группы различались между собою по характеру тѣхъ обязанностей, какія онѣ несли по отношенію къ государству, различались, въ связи съ

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., Рум. Опись, св. № 61.

этимъ, и по степени своей экономической состоятельности, но не были отгорожены одна отъ другой никакими правовыми гранями. Члены каждой такой группы пользовались возможностью перехода въ другія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, даже оставаясь въ различныхъ общественныхъ группахъ, они обладали въ сущности одинаковыми гражданскими правами. Такъ строго сословный строй, вплоть до самаго возстанія Богдана Хмельницкаго водворявшійся на Украинѣ силою польской государственной власти, въ результатѣ этого возстанія уступилъ свое мѣсто иному, несравненно болѣе простому общественному укладу.

Первоначальная простота этого уклада не долго однако сохранялась въ совершенно неприкосновенномъ видѣ. Довольно скоро укладъ этотъ въ свою очередь испыталъ нѣкоторыя осложненія, стоявшія въ прямой связи съ тѣми отношеніями, какія установились между населеніемъ страны и вновь слагавшейся въ ней государственной организаціей.

Съ первыхъ моментовъ дѣйствія новаго строя лица, занимавшія болѣе или менѣе видныя мѣста въ этой организаціи, болѣе или менѣе видные „уряды", были изъяты изъ-подъ вѣдѣнія мѣстныхъ судовъ и подчинены судебной власти гетмана. Такое изъятіе было, конечно, вполнѣ естественно и необходимо. Не могъ сотникъ, вѣдавшій сотенный судъ, самъ судиться въ немъ, какъ не могъ судиться въ полковомъ судѣ полковникъ, самъ олицетворявшій въ себѣ этотъ судъ или, по меньшей мѣрѣ, руководившій имъ. Точно также не могли судиться въ полковомъ судѣ и члены полковой старшины, сами являвшіеся по своему служебному положенію членами этого суда. И, какъ въ военно-административномъ отношеніи члены полковой старшины, проживавшіе на территоріи той или иной сотни, до тѣхъ поръ, пока они оставались на занимаемыхъ ими „урядахъ", не входили въ военную организацію сотни, такъ въ судебныхъ дѣлахъ они, пока занимали свои уряды, были изъяты изъ компетенціи сотенныхъ и полковыхъ судовъ и подчинены непосредственно гетману и состоявшему подъ его верховнымъ руководствомъ генеральному суду. Но уже очень скоро такое изъятіе было распространено и на нѣкоторыхъ лицъ, не состоявшихъ въ числѣ войсковыхъ „урядниковъ".

Въ 1685 г. гетманъ Самойловичъ выдалъ бывшему передъ тѣмъ полтавскимъ полковникомъ Прокопу Левенцу универсалъ, которымъ бралъ его подъ особую свою охрану. Такъ какъ—писалъ гетманъ въ этомъ универсалѣ—„и за антецессоровъ нашихъ, покойнихъ гетмановъ войска Запорозского, тое дѣялося, же (что) годнии и заслуженнии в войску особи, значность свою и порядки пристойние маючие, окриванни были рейментарскою звѣрхностию

и для оздоби и для поваги рейментарской хожували (были покрываемы гетманской властью и для красы и авторитета гетмана ходили) в военнихъ оказияхъ под бунчукомъ рейментарскимъ, теди (то) и ми теперъ старинного в полку Полтавскомъ мужа и заслуженного в войску товариша пана Прокопа Левенця з синомъ Иваномъ з полковихъ служебъ и повинностей виймуемъ (исключаемъ), а, заховуючи (сохраняя) при особливой нашой гетманской оборонѣ, прилучаемъ (присоединяемъ) его до особъ инших, котори подъ знакомъ нашимъ рейментарскимъ ходятъ, ижъби (чтобы) оний за указомъ звѣрхности нашой ставалъ навсегда в оказияхъ всякихъ при боку нашомъ и чинилъ услугу, которая ему по нашой волѣ указанна будетъ". „Особно—прибавлялъ гетманъ—варуемъ (требуемъ) тое виразною волею нашою, аби о справи припадковии, якие розсудку потребуютъ (чтобы по дѣламъ, требующимъ суда), тамъ в Полтавѣ его, пана Левенця, не суженно, але (но) до насъ, гетмана, заношенно скарги (приносили жалобы), а ми розсудкомъ нашимъ такие справи разузнавати и декретовати будемъ, и если его, пана Левенця, поткала (постигла) би от кого уразa (обида), а не чиненно би тамъ справедливости, теди до насъ оний удаватись (обращаться) маетъ" [1]). Этимъ универсаломъ для Прокопа Левенца, не занимавшаго въ данное время никакого „уряда", создавалось положенiе, близкое къ положенiю полковой старшины и кое въ чемъ даже болѣе льготное, чѣмъ это послѣднее: освобождаясь отъ всякихъ полковыхъ службъ и повинностей, Левенецъ долженъ былъ отправляться въ походъ не съ сотней и не съ полкомъ, а лишь вмѣстѣ съ гетманомъ, подъ гетманскимъ бунчукомъ; въ мирное время онъ оставался въ распоряженiи гетмана и долженъ былъ исполнять лишь его порученiя; наконецъ, судить его могъ только гетманъ, но не сотенный и не полковой судъ. Въ 1711 г. это же положенiе было закрѣплено и за сыномъ Прокопа Левенца, Иваномъ, по универсалу, выданному гетманомъ Скоропадскимъ въ подтвержденiе универсала Самойловича и въ воздаянiе „давнихъ и значныхъ войсковыхъ заслугъ" Ивана Левенца. „Онъ, панъ Левененць,—писалъ Скоропадскiй въ этомъ универсалѣ—зостаючи подъ нашею протекцiею гетманскою, и походи военнiе не подъ полкомъ, але при боку нашомъ же подъ бунчукомъ, и всякiе войсковiе услуги, якiе ему отъ насъ назначенны будутъ,

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Колл., Рум. Опись, св. № 49, документы с. Милицъ; тотъ же документъ см. въ рукописи библiотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кiевск. ун-та), п. з.: „Полтавскiе земельные универсалы", № 25. Въ несовсѣмъ точномъ переводѣ этотъ документъ напечатанъ покойнымъ А. М. Лазаревскимъ въ „Кiев. Старинѣ", 1886 г., № 7, сс. 447—8. Не вполнѣ точенъ и данный здѣсь Лазаревскимъ комментарiй къ этому универсалу, изображающiй, между прочимъ, содержанiе послѣдняго, вопреки его тексту, какъ небывалую до Самойловича новость.

маетъ отправовати. А если би хто отъ него, пана Левенця, въ чомъ собѣ узналъ обиду, таковій з скаргою (жалобой) не до полкового суда, лечъ (но) до насъ, гетмана, и до суду войскового енералного удаватися и аппеліовати повиненъ" [1]).

Универсалъ, выданный въ 1685 г. Самойловичемъ Прокопу Левенцу, содержитъ въ себѣ первое изъ извѣстныхъ намъ актовыхъ свидѣтельствъ о „бунчуковыхъ товарищахъ". Но, какъ видно изъ текста этого универсала, онъ не создавалъ какого-либо новаго порядка,—бунчуковые товарищи, обладавшіе тѣми правами, какія Самойловичъ предоставилъ Прокопу Левенцу, существовали и при предшественникахъ Самойловича и послѣдній въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ по установившемуся раньше его гетманства образцу. Такимъ образомъ уже при первыхъ гетманахъ вокругъ носителей гетманской булавы началъ складываться кругъ лицъ, не занимавшихъ никакихъ выборныхъ должностей, но тѣмъ не менѣе несшихъ, по крайней мѣрѣ, временно, нѣкоторыя административныя обязанности. Находясь въ непосредственномъ подчиненіи гетману, эти лица исполняли его порученія, ходили въ походы не съ полкомъ, къ составу котораго они принадлежали, а съ гетманомъ, подъ его бунчукомъ, и, будучи освобождены отъ полковыхъ службъ и повинностей, вмѣстѣ съ тѣмъ были изъяты изъ компетенціи полковыхъ судовъ и подчинены юрисдикціи лишь генеральнаго суда и самого гетмана. Собирая около себя кругъ такихъ лицъ, долженствовавшихъ служить до извѣстной степени ихъ помощниками въ дѣлѣ суда и управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать большему великолѣпію самой гетманской власти, гетманы, естественно, останавливали свой выборъ прежде всего на „заслуженныхъ въ войскѣ особахъ", выдѣлявшихся своей „значностью" и „пристойными порядками",—иначе говоря, на членахъ „значнаго товариства". И чаще всего, конечно, принимались „подъ бунчукъ" лица, успѣвшія выдвинуться на тѣхъ или иныхъ видныхъ „урядахъ", но почему-либо вынужденныя разстаться съ ними. Нахожденіе подъ германскимъ бунчукомъ въ значительной мѣрѣ возмѣщало такимъ лицамъ потерю тѣхъ льготъ, какія они имѣли, сидя на „урядѣ", и не давало имъ смѣшаться съ массою рядового казачества. Благодаря этому съ теченіемъ времени прочно установился обычай, въ силу котораго чуть не всякій крупный „урядникъ", покидая почему-либо свою должность, просился подъ бунчукъ. И такія просьбы нерѣдко удовлетворялись даже въ тѣхъ случаяхъ, когда разставаніе „урядника" съ должностью носило далеко не добровольный характеръ. Такъ, въ 1719 г. Семенъ Шаула, покинувъ изъ-за недоразумѣній съ сотнянами должность

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та), п. з.: „Полтавскіе земельные универсалы", № 32.

сотника въ м. Носовкѣ Кіевскаго полка, обратился къ гетману Скоропадскому съ просьбой принять его съ братомъ и племянникомъ „под бунчукъ войсковій“. Скоропадскій исполнилъ эту просьбу и позволилъ Шаулѣ „подъ бунчукомъ военние отбувати походи“, предписавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы „начальники, товариство и посполитство тамошное, нѣкто би ему, Шаулѣ, не затѣвали дорѣкания і утисливостей (обидъ и притѣсненій) и до жаднихъ (никакихъ) би его войсковихъ не займали повинностей, лечъ (но) хто би мѣлъ на преречоного Шаулу якую в томъ претенсию, повиненъ не у кого иного, толко у насъ, гетмана, здесь искать справедливости и сатисфакціи“ [1]). Подобнымъ же образомъ сотникъ м. Великихъ Будищъ въ Полтавскомъ полку Дмитрій Колачинскій, судившійся въ 1723 г. съ своими сотнянами и помирившійся съ ними лишь на томъ условіи, что онъ покинетъ свой сотничій урядъ, просилъ наказного гетмана Полуботка принять его въ число бунчуковыхъ товарищей и Полуботокъ исполнилъ эту просьбу [2]).

На выдѣленіи изъ „войскового товариства“ бунчуковыхъ товарищей разслоеніе первоначально однородной массы козачества не остановилось. Подобно тому, какъ около гетмана сложился кругъ козаковъ, отбывавшихъ службу подъ гетманскимъ бунчукомъ, въ полкахъ съ теченіемъ времени образовался кругъ козаковъ, служившихъ не подъ сотенной „корогвой“, а подъ полковымъ значкомъ. Роль этихъ значковыхъ товарищей въ полкахъ была до извѣстной степени аналогична роли бунчуковаго товарищества при гетманѣ. Избавленные отъ службы въ сотнѣ и отъ сотенныхъ повинностей, они находились въ непосредственномъ распоряженіи полковника и исполняли разнообразныя порученія, какія онъ находилъ нужнымъ возлагать на нихъ въ военной, административной и судебной сферѣ. Первоначально такіе значковые товарищи, повидимому, назначались полковникомъ съ одобренія козацкаго товариства. До насъ, по крайней мѣрѣ, сохранился выданный въ 1714 г. кіевскимъ полковникомъ Антономъ Танскимъ универсалъ, въ которомъ Танскій, обращаясь къ населенію остерской сотни, заявлялъ, что онъ „за изволеніемъ пановъ полчанъ“ принимаетъ въ „компутъ войсковый“ и вписываетъ въ „реестры козацкіе“ пана Федора Булгака и „притягаетъ навсегда услуги его под значокъ полковий, а не отъ сотни острицкой“ [3]). Въ общемъ однако согласіе козацкаго товарищества врядъ-ли могло играть особую роль

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Академіи Наукъ, т. 20, л. 569—70.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., I, св. 1, № 98; Указы генеральной войсковой канцеляріи, рукопись библіотеки Н. П. Василенка. Пользуюсь случаемъ выразить здѣсь мою искреннюю признательность Н. П. Василенку, дружески предоставившему мнѣ въ свое время возможность ознакомиться съ этою цѣнною рукописью.

[3]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ кіевск. ун-та, Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни, т. III, № 240.

при назначеніи значковыхъ товарищей, такъ какъ въ этихъ случаяхъ рѣчь шла не о замѣщеніи должности, связывавшей занимавшаго ее человѣка съ опредѣленной территоріей и опредѣленнымъ кругомъ населенія, а исключительно о подборѣ низшихъ агентовъ полковой власти, отправлявшихъ по ея порученіямъ главнымъ образомъ чисто исполнительныя функціи. Въ связи съ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ въ значковое товариство обыкновенно стремились и попадали лица, лишь немногимъ выдававшіяся надъ уровнемъ рядового козачества,—для лицъ, болѣе состоятельныхъ и „значныхъ", положеніе значкового товарища не заключало въ себѣ большой привлекательности. Въ болѣе позднее время для каждаго полка было установлено опредѣленное число значковыхъ товарищей и они назначались уже не полковниками, а генеральной войсковой канцеляріей, выбиравшей кандидатовъ иногда самостоятельно, а иногда по рекомендаціи полковника и полковой старшины [1]).

Наряду съ выдѣленіемъ изъ рядовъ козачества бунчуковыхъ и значковыхъ товарищей, вызывавшимся въ значительной мѣрѣ потребностями самой службы козачества, но вмѣстѣ съ тѣмъ создававшимъ въ его сферѣ привилегированныхъ лицъ, гетманское правительство довольно рано стало практиковать и другую мѣру, приводившую къ тому же самому результату и сводившуюся къ принятію семей умершихъ „значныхъ" и заслуженныхъ козаковъ, занимавшихъ при своей жизни тѣ или иные видные „уряды", подъ „гетманскую протекцію и оборону". Первоначально эта гетманская протекція, повидимому, выражалась лишь въ сохраненіи за такими семьями тѣхъ имѣній, какими они пользовались при жизни своего главы. Но довольно скоро—во всякомъ случаѣ, уже со временъ гетманства Мазепы—къ этому стало присоединяться и изъятіе принимаемыхъ подъ гетманскую оборону семей изъ-подъ юрисдикціи сотенныхъ и полковыхъ судовъ, сопровождавшееся переносомъ всѣхъ судебныхъ дѣлъ этихъ семей на разсмотрѣніе генеральнаго суда и самаго гетмана. „Панею Елену Ивановну Михайлову Бороховичеву зъ синами, зятями и всѣми ихъ кревними,—писалъ, напримѣръ, Мазепа въ универсалѣ, данномъ имъ въ 1704 г. вдовѣ гадяцкаго полковника Михаила Бороховича,—беремо въ особливую нашу гетманскую оборону, респектомъ небожчиковскихъ (покойника) въ войску запорожскомъ значне роненнихъ услугъ, заховуючи (сохраняя) ихъ при всякомъ межи людми почитаніи и пошанованю (уваженіи) и заступаючи отъ судовъ полкового и инныхъ, ибо хочъ кто когда буде имѣти до оныхъ якіи претенсіи, то неповиненъ будетъ нихто до суду полкового или иного якого ихъ потягати, такожде и судіи оніи ихъ судити, но

[1]) См., напр., указъ, данный въ 1753 г. генеральной канцеляріей о назначеніи козака Алексѣя Жука въ значковые товарищи Кіевскаго полка по аттестаціи полковника и полковой старшины,—тамже. т. VII, № 278.

всякъ до насъ, гетмана, аппеліовати маетъ" [1]). Подобнымъ же образомъ гетманъ Скоропадскій въ 1711 г. въ память заслугъ Михаила Бороховича взялъ его зятя, Захарія Рощаковскаго, подъ свою „гетманскую оборону и протекцію", указавъ при этомъ, что, „хотя бы въ чемъ пана Рощаковскаго явилось и преступство", обиженный „повиненъ зъ него у насъ, гетмана, искати справедливости" [2]). Такая же льгота давалась при Мазепѣ и Скоропадскомъ и нѣкоторымъ другимъ семьямъ умершихъ „урядниковъ", принимавшимся подъ гетманскую протекцію.

Благодаря всѣмъ этимъ явленіямъ, постепенно осложнявшимъ первоначальный общественный укладъ Малороссіи, въ этомъ укладѣ уже къ началу XVIII вѣка произошла замѣтная перемѣна. То „значное товариство", которое существовало въ странѣ въ первое время послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго и, объединяя въ себѣ старинные козацкіе роды, уцѣлѣвшіе остатки старой шляхты и всѣ вообще наиболѣе сильные экономически элементы козачества, являлось неопредѣленнымъ и расплывчатымъ слоемъ, отличавшимся отъ остальныхъ козаковъ лишь бытовыми и хозяйственными признаками, къ началу XVIII столѣтія постепенно сомкнулось въ болѣе плотную и устойчивую группу, отдѣленную отъ массы населенія, въ томъ числѣ и отъ рядового козачества, не только условіями своего хозяйственнаго быта, но и нѣкоторыми правовыми гранями. Сидѣвшая на разнообразныхъ „урядахъ" старшина, бунчуковые товарищи, значковые товарищи, наконецъ, семьи умершихъ членовъ старшины, успѣвшія въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ пріобрѣсти для себя гетманскую протекцію,—всѣ эти элементы къ данному времени образовали изъ себя особую привилегированную группу козачества, близкую къ власти, владѣвшую имѣніями, пользовавшуюся податными льготами, изъятую изъ-подъ юрисдикціи низшихъ судовъ и судившуюся лишь въ высшихъ судебныхъ инстанціяхъ. Группа эта оставалась, правда, незамкнутой, но въ связи съ достигнутыми ею пріобрѣтеніями она во всякомъ случаѣ получила и болѣе устойчивый характеръ. И этой перемѣнѣ, совершившейся на верхнихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы, соотвѣтствовала до извѣстной степени аналогичная перемѣна, происшедшая приблизительно къ тому же времени на нижнихъ ея ступеняхъ.

Въ моментъ присоединенія Богданомъ Хмельницкимъ Малороссіи къ Московскому государству гетманское правительство предполагало сохранить въ неприкосновенномъ видѣ существовавшую прежде грань между крестьянствомъ и козачествомъ, ограничившись лишь количественнымъ расширеніемъ послѣдняго. По

[1]) Генеральное слѣдствіе о мѣстностяхъ Гадяцкаго полка, Полтава, 1893, с. 34.

[2]) Тамже, с. 21.

условіямъ, заключеннымъ Хмельницкимъ съ Москвой, число козацкаго войска должно было быть увеличено до 60.000, а гетманское правительство обязывалось само „учинить смотръ" населенію: „и кто козакъ, тотъ будетъ вольность козацкую имѣть, а кто пашенной крестьянинъ, тотъ будетъ должность обыклую царскому величеству отдавать, какъ и прежде сего бывало". Это обязательство не разъ повторялось и позже, но, не смотря на упорныя настоянія Москвы, оно не было выполнено ни Богданомъ Хмельницкимъ, ни его ближайшими преемниками,—не было выполнено потому, что оно слишкомъ рѣзко противорѣчило тому дѣйствительному строю, который установился въ это время въ странѣ и который не зналъ никакихъ непереходимыхъ граней между козакомъ и посполитымъ. Когда Бруховецкій „ударилъ челомъ государю малороссійскими городами", московское правительство попыталось само установить такія грани, закрѣпивъ существовавшія въ данный моментъ въ странѣ группы населенія, и съ этою цѣлью предприняло перепись посполитства. Но эта перепись и совпавшее съ нею введеніе воеводскаго управленія въ Малороссіи подняли въ странѣ бурю возстанія противъ Москвы—и московское правительство отступило, рѣшивъ отказаться отъ своего плана и отъ обѣщавшихся имъ доходовъ для государевой казны, лишь бы удержать Малороссію въ своемъ подданствѣ. Но, отказавшись отъ полученія прямыхъ доходовъ съ посполитскаго населенія Малороссіи московское правительство временно потеряло и всякій интересъ къ активному участію въ дѣлѣ разграниченія различныхъ группъ малорусскаго народа.

Правда, въ глуховскихъ статьяхъ, заключенныхъ съ гетманомъ Многогрѣшнымъ, возвратившимъ лѣвобережную Малороссію въ подданство Москвы, были помѣщены и условія относительно численности козацкаго войска и способовъ его выполненія. Число козацкаго войска было на этотъ разъ опредѣлено въ 30.000, такъ какъ рѣчь шла уже не о всей Малороссіи, а лишь о лѣвобережной ея части. „А что въ которомъ полку будетъ козаковъ",—говорилось далѣе въ четвертомъ пунктѣ глуховскихъ статей—и тому учинить реестръ, а быти козакомъ реестровымъ, а въ реестръ писать которые старые козаки и многую службу служили, а чего старыхъ козаковъ въ тридцати тысячахъ не достанетъ, и въ то число принимать въ козаки мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей". При этомъ сдѣлана была оговорка относительно монастырскихъ имѣній: въ нихъ предписывалось „изъ мужиковъ въ реестръ въ козаки не писать и не принимать" [1]). Этотъ четвертый пунктъ глуховскихъ статей былъ молчаливо признанъ сохранившимъ свою силу и при смѣнѣ Многогрѣшнаго Самойловичемъ и затѣмъ до-

[1]) Источники малороссійской исторіи. собранныя А. Н. Бантышемъ-Каменскимъ. М. 1858. ч. I, с. 219.

словно повторенъ въ переяславскихъ статьяхъ послѣдняго, когда Самойловичъ былъ провозглашенъ и правобережнымъ гетманомъ; только количество козацкаго войска для правобережной Малороссіи было опредѣлено при этомъ не въ 30.000, а въ 20.000. Тотъ же самый пунктъ былъ дословно повторенъ и въ коломацкихъ статьяхъ, составленныхъ при избраніи гетманомъ Мазепы [1]). Но, включая этотъ пунктъ въ гетманскія статьи, московское правительство теперь смотрѣло на него скорѣе какъ на необходимую формальность и мало интересовалось тѣмъ, какъ онъ осуществляется въ дѣйствительной жизни.

Для послѣдней же онъ въ сущности долго оставался мертвой буквой. Въ этой дѣйствительной жизни долго не существовало ни точно опредѣленнаго и не поддающагося измѣненіямъ числа козацкаго войска, ни денежнаго жалованья для него, о которомъ также шла рѣчь въ глуховскихъ, переяславскихъ и коломацкихъ статьяхъ, ни предусмотрѣннаго этими статьями строгаго разграниченія козаковъ отъ посполитыхъ, допускавшаго включеніе „мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей“ въ козачество только въ случаяхъ недостачи указаннаго въ статьяхъ числа реестровыхъ козаковъ. Не только мѣщане и свободные посполитые, но и посполитые владѣльческихъ имѣній въ дѣйствительной жизни то и дѣло переходили въ козаки, совершенно не считаясь съ тѣмъ, сколько людей уже записано въ данное время въ козацкихъ реестрахъ, и въ свою очередь козаки уходили въ посполитство, также не справляясь съ этими реестрами.

Съ теченіемъ времени однако переходы перваго рода стали встрѣчать для себя нѣкоторое противодѣйствіе со стороны гетманской власти, побуждаемой къ такому противодѣйствію настояніями владѣльцевъ имѣній. Особенно большую энергію въ этомъ направленіи проявили монастыри. Даже въ самый разгаръ возстанія Богдана Хмельницкаго нѣкоторые изъ православныхъ монастырей такъ жалобно и настойчиво просили вождя возставшаго народа воспретить ихъ крестьянамъ уходъ въ козачество, что Хмельницкій, при всей испытывавшейся имъ нуждѣ въ войскѣ, порою не находилъ въ себѣ достаточно рѣшимости отклонить эти просьбы и удовлетворялъ ихъ. Такъ, въ іюлѣ 1648 года онъ по просьбѣ монаховъ Густынскаго монастыря выдалъ имъ универсалъ, въ которомъ предписывалъ, чтобы „з ихъ кгрунтовъ и футоровъ до войска подданныхъ ихъ не приймовали“ [2]). Въ концѣ концовъ монастырямъ пришлось все-таки, правда, примириться съ тѣмъ, что за время возстанія и въ первые годы послѣ него немалая часть ихъ „подданныхъ“ ушла изъ-подъ ихъ власти. Но это

---

[1]) Тамже, сс. 256, 309—10.

[2]) См. мою статью „Возстаніе Богдана Хмельницкаго и его послѣдствія“, „Р. Богатство“, 1912, № 9, с. 120, примѣчаніе 1-е.

не мѣшало имъ при всякомъ удобномъ случаѣ горько жаловаться на убытки, причиненные имъ переходомъ ихъ посполитыхъ въ козачество, и просить о воспрещеніи такого перехода. И по мѣрѣ того, какъ взволнованныя было возстаніемъ народныя массы приходили въ болѣе спокойное состояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ теряли свое вліяніе на дѣла управленія, эти жалобы и просьбы начинали приносить все болѣе ощутительные результаты. Какъ мы видѣли сейчасъ, въ глуховскія статьи гетмана Многогрѣшнаго, несомнѣнно, подъ вліяніемъ настояній высшаго малорусскаго духовенства, принимавшаго большое участіе въ возвращеніи Многогрѣшнаго въ подданство Москвы, внесено было даже общее запрещеніе принимать монастырскихъ посполитыхъ въ козачество. Такимъ образомъ всего черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ присоединенія Малороссіи къ Московскому государству малорусскимъ монастырямъ удалось добиться постановленія, рѣзко обособлявшаго крестьянство ихъ имѣній отъ козачества. Въ качествѣ общей мѣры это постановленіе не было, правда, осуществлено въ жизни. Но въ рядѣ частныхъ случаевъ монастыри все же успѣвали добиться отъ властей такихъ мѣропріятій, которыя шли въ направленіи, указанномъ этимъ постановленіемъ.

Въ 1673 г. гетманъ Самойловичъ, по просьбѣ архимандрита Новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря, отправилъ въ имѣнія этого монастыря генеральнаго бунчучнаго Леонтія Полуботка— „для зревидованя монастырскихъ подданыхъ и ново сего року (въ этомъ году) сталыхъ козаковъ". Выполняя это порученіе, Полуботокъ вписалъ въ монастырскихъ селахъ нѣсколько человѣкъ въ козаки, предоставивъ имъ „волность звичайную, то есть волное мешкане (жительство) въ поляхъ розробленнихъ и при сеножатехъ", но при этомъ тѣхъ изъ нихъ, которые пользовались монастырской „отчиной", т. е. бортями въ лѣсахъ, обязалъ „до монастыря новгородского по давнымъ окладамъ роковую (ежегодную) дань медовую давати", такъ какъ „з давнихъ вѣковъ до всемилостивого Спаса тая отчина належала и належитъ" [1]). Въ данномъ случаѣ такимъ образомъ монастырь при помощи властей воспрепятствовалъ перешедшимъ въ козачество жителямъ своихъ селъ пріобрѣсти право собственности въ лѣсахъ, которые онъ считалъ своими. Но въ другихъ случаяхъ монастырямъ удавалось добиться и бóльшаго. Такъ, въ 1687 г. игуменъ Густынскаго монастыря жаловался Самойловичу на посполитыхъ принадлежавшаго этому монастырю села Мацѣевки, которые вышли изъ повиновенія и собрались вписываться въ козаки, а монастырскаго посланнаго, требовавшаго отъ нихъ исполненія повинностей въ пользу монастыря, похвалялись убить. Получивъ эту жалобу, гетманъ послалъ въ Мацѣевку свой

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/2500.

универсалъ, въ которомъ предписывалъ посполитымъ отказаться отъ „такихъ бунтовъ“ и по старинному порядку отбывать всякое послушенство и повинность Густынскому монастырю. „А в козацтво—прибавлялъ Самойловичъ — мужики абы не вписовались, а на зосланного (монастырскаго посланнаго) перехвалокъ не чинили, бо и тыхъ трохъ мужиковъ, которые своеволно, не хотячи оддавати повинности, въ реестръ козацкій вмазалися, жебы (чтобы) ихъ з оного выключилъ, писалисмо (писали мы) о томъ до пана полковника прилуцкого“ [1]). И такія распоряженія дѣлались не только гетманомъ, но и полковниками. Въ томъ же 1687 году черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ, получивъ отъ игумена Макошинскаго монастыря аналогичную жалобу на посполитыхъ с. Бутовки, заявилъ имъ, что считаетъ такое ихъ поведеніе „за противность власти ясневелможного его милости пана гетмана и моей полковничой“. „Засилаю васъ—продолжалъ Лизогубъ—симъ моимъ листомъ, абысте (чтобы вы) не тилко давніе мужики тягліе по своей звиклости повинность и послушенство належное его милости отцу ігуменови отдавали, але (но) и тіи, которіе з мужицства в козацство без вѣдома ігуменского уписалися, конечнее (непремѣнно) ровне, якъ перед тимъ, тяглую повинность отдавали, приказую“. „Тихъ козаковъ,—прибавлялъ Лизогубъ въ припискѣ къ этому „листу“—которіе в реестру зостають, визволяемъ; а которіе самоволствомъ хотя и були у войску, не заступаемъ от посполства“ [2]). Иначе говоря, Лизогубъ возвращалъ въ монастырское подданство даже такихъ посполитыхъ, которые уже участвовали въ походѣ, разъ это участіе ихъ было „самовольнымъ“ и ему не предшествовало принятіе ихъ властями въ козацкій реестръ.

Въ свою очередь и Мазепа, получивъ въ свои руки гетманскую булаву, проявлялъ не меньшую внимательность къ просьбамъ монастырей, чѣмъ Самойловичъ. Когда въ 1687 г. архимандритъ Новгородсѣверскаго монастыря пожаловался гетману, что вновь вписанные въ имѣніяхъ этого монастыря козаки самовольно вернулись изъ похода, въ который они были назначены, Мазепа, какъ мы видѣли, распорядился обратить въ подданство монастыря не только всѣхъ нововписанныхъ козаковъ, но и тѣхъ старыхъ, которые безвременно возвратились изъ похода [3]). Въ слѣдующемъ году, получивъ отъ игумена Максаковскаго монастыря жалобу на борзенскаго и шаповаловскаго сотниковъ, вписывавшихъ въ монастырскихъ имѣніяхъ посполитыхъ въ козаки, Мазепа строго осудилъ такія дѣйствія. „Козаковъ—писалъ онъ названнымъ сотникамъ—болше не вписовати, и тые теперь вписанные нехай робятъ (отбываютъ) монастыреви свою повинность, кгдыжъ (такъ какъ) безъ указу нашого не доводится вамъ уписовати никого у реестръ ко-

[1]) Тамже, № 1616/985.
[2]) Тамже, № 1616/72.
[3]) См. выше, стр. 148.

зацкий“ [1]). Нѣсколькими годами позже, въ 1695 г., архимандритъ Новгородсѣверскаго монастыря съ своей стороны жаловался Мазепѣ, что подданные этого монастыря стали въ большомъ количествѣ переходить въ козачество („з тяглости въ козацтво почали силомуць тиснутися“), къ чему ихъ поощряетъ поблажка со стороны понорницкаго сотника. Въ отвѣтъ на эту жалобу Мазепа предписалъ понорницкому сотнику, чтобы онъ не смѣлъ „таковыхъ тяглыхъ людей въ козацтво приймовати, кгдыжъ (такъ какъ) не только нашъ войсковый приговоръ, але (но) и монаршиий ихъ царского пресвѣтлого величества указъ того забороняетъ, абы никого з козацтва въ тяглость, а з тяглости въ козацтво не приймовано“. „А еслибысте—прибавлялъ гетманъ—над сей заказъ нашъ важилися (осмѣлились) тихъ подданихъ архимандричихъ к собѣ в козацтво приймовати, то не толко на чести, але и на здоровю своемъ будете от насъ сурово караны“ [2]). Десятью годами позже, въ 1705 г., архимандритъ того же монастыря вновь жаловался Мазепѣ, что нѣкоторые посполитые монастырскаго села Ксендзовки, „заможнѣйшие и достатнѣйшие люде, в недавнихъ прошлихъ временахъ вытиснувшися упорне и самоволне з посполства, повписовалися жолдацкий чинъ и не тылко сами от повинности зостали волны, але и своихъ кревнихъ (родныхъ) иншие от тяглости заступаютъ“, и гетманъ по этой жалобѣ предписалъ возвратить „ново повписовавшихся жолдаковъ до первобытной посполитой тяглости и монастырскаго послушенства“ [3]).

По слѣдамъ монастырей шли и свѣтскіе владѣльцы имѣній. Съ конца XVII вѣка эти свѣтскіе владѣльцы также нерѣдко обращались къ властямъ съ просьбами воспретить посполитымъ ихъ имѣній переходъ въ козачество и эти просьбы въ свою очередь встрѣчали сочувственное отношеніе со стороны властей. Носители власти къ этой порѣ одновременно были въ большинствѣ случаевъ и владѣльцами имѣній. Для нихъ поэтому близко и понятно было стремленіе владѣльца не выпустить посполитаго своего имѣнія въ козачество и они охотно готовы были пойти на встрѣчу этому стремленію. Такъ, напримѣръ, черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ, утверждая въ 1687 г. Федору Зеленскому с. Осняки, предписалъ отбывать повинность въ пользу владѣльца вмѣстѣ съ тяглыми людьми и „козакамъ, которіе, будучи мужиками, сего прошлого лѣта первій разъ важилися (осмѣлились) ходити в тую дорогу военную“ [4]). Къ

[1]) См. мою книгу „Къ исторіи Нѣжинскаго полка“, СПб. 1896 г., приложенія, № 9.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/2506.

[3]) Тамже, № 1616/2475. „Жолдаками“ назывался особый козацкій отрядъ, служившій при гетманской резиденціи и игравшій роль тѣлохранителей гетмана.

[4]) Генеральное слѣдствіе о мѣстностяхъ Черниговскаго полка. Ч. 1909, стр. 314.

имѣнію свѣтскаго владѣльца Лизогубъ примѣнялъ такимъ образомъ тотъ же принципъ, что и къ монастырской маетности,—что даже участіе въ козацкихъ походахъ, разъ оно было „самовольнымъ", не дѣлаетъ посполитаго козакомъ и не освобождаетъ его отъ его обязанностей по отношенію къ владѣльцу имѣнія. Въ 1697 г. тотъ же Яковъ Лизогубъ предписалъ „всѣмъ прошлаго лѣта новоуписнимъ козакамъ, в селѣ Суличовцѣ зостаючимъ", чтобы они, „яко и прежде тягло належитую повинность и вшелякое (всякое) послушенство державцу того села отдавали, такъ и теперь, посполу (вмѣстѣ) з мужами, нѣчего прежнего не уменшаючи, пану Михайловѣ Яциничовѣ, значному товарѣшевѣ полковому, яко державцѣ того села, всякое тягло належитое послушенство безъ жадной спреки и отмови (безъ всякаго спора и отказа) отдавали"[1]). И такъ дѣйствовалъ не одинъ только черниговскій полковникъ. Въ 1701 г. генеральный войсковой судъ разбиралъ дѣло семи посполитыхъ изъ принадлежавшаго черниговскому полковому писарю Булавкѣ села Смичина, которые, „ухиляючися (уклоняясь) отъ повинности своей тяглой, хотѣли были зостати козаками" и участвовали въ походѣ предыдущаго года въ Лифляндіи. Судъ просмотрѣлъ различные реестры козаковъ Черниговскаго полка, отъ чигиринскаго похода до азовскаго, но не нашелъ здѣсь именъ этихъ посполитыхъ, а они съ своей стороны не выставили никакихъ свидѣтелей въ доказательство „своего и отцевского козацства". Въ виду этого генеральный судъ вынесъ такое рѣшеніе: „яко в поважнихъ монаршихъ грамотнихъ и статейнихъ указахъ и въ войсковыхъ постановленіяхъ тое положено, абы (чтобы) з войсковихъ людей въ посполитую тяглость, такъ и з посполитыхъ людей въ козацство до войсковихъ волностей нихто не былъ пріймованъ, такъ судъ, стосуючися (примѣняясь) до волѣ ясневелможного его милости пана гетмана, наказуетъ, жебы (чтобы) всѣ сѣмь человѣка до прежней повинности тяглой, якъ и инние посполитие села Смичина жители, належитое пану Петровѣ Булавцѣ, писаревѣ полку чернѣговского, оддавали послушенство и обыкліи подлугъ установи (по уставу) кормовіи охочонѣхот ному товариству, станцію в селѣ Смичинѣ имѣючому, вистатчали (поставляли) без отмовы датки"[2]).

Такого же рода распоряженія дѣлались и при преемникѣ Мазепы. Въ 1709 г. архимандритъ Новгородсѣверскаго монастыря пожаловался Скоропадскому, что около двадцати посполитыхъ монастырскаго села Собича, „не хотячи своей подданской отдавати повинности и послушенства, насилно тиснутся в компутъ козацкій". Въ отвѣтъ на эту жалобу гетманъ, „исполняючи—по его словамъ—монаршій его царского величества указъ, жебы козаковъ в мужицство, а мужиковъ в козацство не пріймовано", позволилъ „тыхъ человѣка

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, 2.

[2]) Тамже, т. 14.

двадцяти знову по прежнему до посполитой повинности нахилити (возвратить) и всякое послушенство отбирати". „А еслибы—прибавлялъ гетманъ въ своемъ универсалѣ къ собичскимъ козакамъ и посполитымъ—которий сему указови нашому оказался быти противнымъ, такового не тилко казалисмо (приказали мы) грабити, лечъ (но) за зисканемъ сюда до насъ турмою и кіевимъ боемъ прикритъ будетъ, декляруемъ" [1]). Получивъ въ томъ же году жалобу отъ черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича, что посполитые Черниговскаго Каѳедральнаго монастыря, живущіе въ м. Мринѣ, „упорне тиснутся до волности войсковой и не хотятъ жадного (никакого) отдавати послушенства", Скоропадскій опять-таки распорядился, чтобы мринскіе посполитые отдавали архіепископу послушенство безъ всякаго упорства („без жадной упорчивости"). „А пану полковникови нѣжинскому—прибавлялъ онъ—прекладаемъ, абы пригрозилъ сотниковѣ мрынскому, чтобъ тихъ посполитыхъ людей не тылко не важился (осмѣливался) приймовати до реестру козацкого, котриѣ вновь з посполитой тяглости мѣли бы до войсковой волности тиснутися, лечъ абы (но чтобы) з под знаковъ сотенныхъ росказалъ выгнати и значне публѣчнымъ скарати мязенемъ (арестомъ)" [2]). Суровыми „публичными карами" угрожалъ Скоропадскій и посполитымъ черниговскаго Елецкаго монастыря, которые, какъ жаловались монахи этого монастыря въ томъ же 1709 году, также отказывали имъ въ повиновеніи и въ значительномъ количествѣ стремились перейти въ козаки [3]).

Аналогичный результатъ имѣла и поданная Скоропадскому въ слѣдующемъ году жалоба Густынскаго монастыря на принятіе въ козачество 25 посполитыхъ изъ принадлежавшихъ этому монастырю селъ Половы и Левковъ. Скоропадскій распорядился вернуть этихъ посполитыхъ въ монастырское подданство и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ прилуцкому полковнику, чтобы онъ „впередъ такъ сотникамъ полку своего, яко и атаманнѣ тихъ селъ, зганивши (осудивши) таковой ихъ самоволный поступокъ, же (что) без жадного разсмотренія и старшихъ позволеня мужиковъ до козацкого компуту приймують, приказалъ болшъ таковыхъ вновь вписуючихся козаковъ не приймать до реестру козацкого" [4]). Иногда же Скоропадскій не дожидался и жалобъ монастырей на какіе-либо конкретные случаи, чтобы повторить запрещеніе принимать монастырскихъ посполитыхъ въ козаки. Такъ, утверждая въ 1710 г. Переяславскому Каѳедральному монастырю его имѣнія и земли,

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ № 1616/2473.

[2]) Тамже, № 1616/2925.

[3]) Обозрѣніе Рум. Описи, вып. IV, стр. 44—5.

[4]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/991.

Скоропадскій вмѣстѣ съ тѣмъ, ссылаясь на „давное войсковое постановленіе, монаршою грамотою утверженное, что вездѣ козаки в мужицтво, а мужики въ козацство вписоватися не повинни", требовалъ, чтобы „всякая старшина полковая и городовая людей монастырскихъ, подданскую повинность отбуваючихъ, безъ нашего вѣдома и особливого на писмѣ виразного указу в козацкій не пріймовали компутъ" [1]). Подобнымъ же образомъ, отдавая въ 1712 г. во владѣніе Кіевскаго Софійскаго монастыря с. Вовчокъ, Скоропадскій особо оговаривалъ свое строгое требованіе, чтобы „нихто посполитыхъ людей вовчковскихъ въ козацкій компутъ уписовати не дерзалъ" [2]).

Подобныя распоряженія и Скоропадскимъ дѣлались опять-таки не только по отношенію къ монастырскимъ имѣніямъ. Такъ, утверждая въ 1711 г. барышевскому протопопу Григорію Максимовичу с. Ерковцы, гетманъ сопровождалъ это утвержденіе требованіемъ, чтобы „панъ полковникъ переясловскій и нихто з старшины тятлихъ его, отца протопопи, людей, такъ тихъ, которіи іздавна тамъ в селѣ Ерковцяхъ найдуются, яко особливе тихъ, которіи вновь до того его села приходять и на грунтахъ тамошнихъ мужичихъ осѣдають, жадною мѣрою не важился (никакимъ способомъ не осмѣливался) отъ тяглостей посполитихъ отдаляти и в козацтво вписовати" [3]). Въ 1716 г. Скоропадскій распорядился возвратить въ вѣдѣніе переяславской ратуши свободныхъ посполитыхъ г. Переяслава, вписанныхъ въ прежнее время мѣстными полковниками въ козаки [4]). Пятью годами позже, утверждая за вдовою генеральнаго хоружаго Ивана Сулимы находившееся ранѣе во владѣніи ея мужа село Большую Старицу, Скоропадскій требовалъ, чтобы „вономъ панъ полковникъ кіевскій мужиковъ у козаки не пріймалъ" [5]).

То обстоятельство, что гетманамъ приходилось на протяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій вновь и вновь повторять такія требованія, ясно показываетъ, что они не такъ просто и легко осуществлялись въ жизни страны. Дѣйствительно, существовавшій долгое время въ послѣдней порядокъ, допускавшій свободный переходъ посполитыхъ въ козаки и козаковъ въ посполитые, плохо гармонировалъ съ этими требованіями. Но они во всякомъ случаѣ имѣли серьезное значеніе, и какъ выраженіе тѣхъ взглядовъ на отно-

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о монастыряхъ Переяславскаго полка, рукоп. отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, № 1159, Документы, № 7.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/1901.

[3]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукоп. отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, № 1159, Документы, № 11.

[4]) Тамже, № 58.

[5]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та), Документы, л. 39.

шенія различныхъ группъ населенія, какіе постепенно установились въ правящихъ кругахъ Малороссіи, и какъ показатели тѣхъ усилій, какія дѣлали эти круги для проведенія своихъ взглядовъ въ жизнь. Къ концу XVII и — въ еще большей мѣрѣ — къ началу XVIII вѣка глуховскія статьи гетмана Многогрѣшнаго въ той ихъ части, въ которой говорилось о взаимныхъ отношеніяхъ козаковъ и посполитыхъ, перестали быть для Малороссіи мертвой буквой. По крайней мѣрѣ въ сознаніи правившей страною старшины, успѣвшей къ этому времени далеко отойти отъ народной массы, онѣ превратились въ обязательное „войсковое постановленіе“, рѣшительно воспрещавшее переходъ посполитыхъ въ козачество. При той силѣ, какою располагала старшина въ жизни края, эта ея тенденція къ установленію рѣзкой грани между посполитствомъ и козачествомъ сама по себѣ уже была достаточно серьезна. Но она пріобрѣтала еще большее значеніе въ условіяхъ того процесса быстраго разслоенія населенія, какой переживала лѣвобережная Малороссія во второй половинѣ XVII вѣка и какой отбросилъ къ посполитству цѣлый рядъ группъ козачества въ то самое время, какъ наиболѣе сильные элементы его собирались въ классъ старшины.

В. Мякотинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

УТРОМЪ.

Утро. Фабричный гудокъ
Воетъ, настойчивъ и строгъ.
Сердце щемитъ;
Воетъ, гудитъ:
«Эй, становитесь скорѣй
Къ жерламъ печей
Трубкою длинной опять
День весь стекло выдувать...
Печи не ждутъ...
Вы истомитесь, другіе придутъ...
... Эй, подымайтесь скорѣе... Вашъ срокъ».
Воетъ гудокъ.

Леонидъ Б.

О томъ, что будетъ [1])...

I.

Огосударствленіе и обобществленіе, о которыхъ я говорилъ въ предыдущей статьѣ, какъ о логическомъ послѣдствіи теперешней войны и повелительномъ требованіи подготовленія къ будущей войнѣ,—если нынѣшняя не послѣдняя,—не исчерпывая всей картины будущаго дня, позволяютъ, тѣмъ не менѣе, предугадать нѣкоторыя основныя линіи и общій тонъ этого будущаго.

Первымъ результатомъ будетъ рѣзкое увеличеніе силы государства, его роли и значенія въ жизни народовъ.

Это увеличеніе мощи государства скажется не только въ расширеніи его компетенціи, не только въ ростѣ государственнаго бюджета, увеличеніи контингента арміи и умноженіи кадровъ чиновничества, чего потребуетъ расширеніе хозяйственной и посреднической дѣятельности государства, но, что гораздо важнѣе, и въ тѣхъ чувствахъ, которыя оно будетъ вызывать въ средѣ населенія, въ новой, болѣе крѣпкой и тѣсной связанности его съ населеніемъ. Въ этомъ смыслѣ, быть можетъ, будетъ правильнѣе говорить объ измѣненіи самой позиціи государства, какъ учрежденія, объ измѣненіи объема и содержанія самого понятія государства.

Долгая эволюція, которую переживало государство, шла въ направленіи все большаго освобожденія личности отъ власти государства. Еще сравнительно недавно наиболѣе правильной ролью государства считалось именно невмѣшательство въ жизнь индивидуума и во взаимоотношенія группъ индивидуумовъ,—роль благороднаго и безпристрастнаго — такъ теоретически считалось — свидѣтеля борьбы классовъ и свободной игры интересовъ. И степенью корректности и безпристрастности этого свидѣтельскаго поведенія измѣрялась высота гражданской жизни въ странѣ.

Рядомъ съ этимъ, благодаря все возроставшему общенію госу-

---

[1]) См. „Р. Записки", май

дарствъ въ сферѣ торгово-промышленной жизни, въ области науки, искусства, наконецъ, во всей культурной жизни, благодаря, съ другой стороны, рѣзко вставшей противоположности интересовъ внутри государствъ, а, главное, вслѣдствіе повышеннаго осознанія и обостреннаго чувствованія этой противоположности, постепенно создавалось такое положеніе вещей, при которомъ отдѣльныя группы населенія чувствовали себя ближе, — такъ имъ казалось, по крайней мѣрѣ — къ аналогичнымъ группамъ другихъ государствъ, чѣмъ къ нѣкоторымъ группамъ своего государства-отечества, — ближе по чувству и сознанію, по духу и быту, по интересамъ и требованіямъ, которыя эти группы предъявляли къ жизни.

Капиталъ давно сталъ международнымъ и капиталисты разныхъ странъ давно уже товарищи и сотрудники въ самыхъ разнообразныхъ предпріятіяхъ, вплоть до участія въ крупныхъ заводахъ военнаго оборудованія. А съ другой стороны, лозунгъ: „у пролетаріата нѣтъ отечества", какъ бы теперь ни старались объяснить и ограничить его значеніе, — если не являлся чувствованіемъ рабочихъ массъ, то считался основнымъ положеніемъ, исходя изъ котораго пытались опредѣлить ихъ отношенія къ государству.

А теперь люди разныхъ классовъ почувствовали себя связанными другъ съ другомъ и съ государствомъ, и противопоставленными людямъ такихъ же классовъ, объединенныхъ въ другія государства...

Болѣе, нежели вѣроятно, что государство измѣнится и вмѣститъ въ себя новое содержаніе. Оно уходитъ и будетъ уходить все дальше и дальше отъ своей основной идеи—отъ невмѣшательства, отъ стараго laissez faire—laissez passer. Оно вмѣшивается и будетъ все больше вмѣшиваться.

Я не буду касаться въ цѣломъ вопроса, какія послѣдствія произойдутъ отъ этого вмѣшательства для самого государства и для всей структуры страны, — частью я касался уже этого въ предыдущей статьѣ и укажу здѣсь только на одинъ видъ этого вмѣшательства, чтобы отмѣтить всю огромность измѣненія будущей жизни,— на вмѣшательство въ отношенія труда и капитала.

Та анархія, которая существовала въ этихъ отношеніяхъ, когда какая-нибудь желѣзнодорожная забастовка или забастовка рабочихъ-углекоповъ могли останавливать цѣлыя отрасли хозяйственной жизни страны, непричастныя притомъ къ желѣзнодорожному и угольному конфликту, и заставляли страдать ни въ чемъ неповинныхъ людей, цѣлое населеніе страны, — слишкомъ вопіяла въ своемъ безобразіи съ точки зрѣнія элементарныхъ требованій порядка и благоустройства гражданской жизни, чтобы государство, не вотчинное государство, могло оставаться равнодушнымъ. И мы знаемъ, что вмѣшательство въ этой области началось уже задолго

до войны, но путь, пройденный въ этомъ отношеніи государствомъ, слишкомъ коротокъ, чтобы замѣтно отразиться на отношеніяхъ труда и капитала.

Не предрекая формъ и государственныхъ институтовъ, въ которые выльется это вмѣшательство, можно съ большой степенью увѣренности утверждать, что въ дальнѣйшемъ государство не потерпитъ этой анархіи, такъ какъ она — помимо всего прочаго — угрожаетъ самой безопасности и независимости государства, и что въ той или иной мѣрѣ путемъ энергическаго вмѣшательства оно постарается урегулировать классовую борьбу.

Въ новомъ организаціонномъ шествіи государству придется отречься отъ многихъ старыхъ, казавшихся непреложными, навыковъ, придется перешагнуть черезъ многіе барьеры, казавшіеся непереходимыми святыми мѣстами,—придется сильнѣе затронуть священный институтъ собственности, обуздать и подчинить болѣе строгому контролю пресловутую свободную игру интересовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ логика жизни приведетъ, нужно думать, и къ нѣкоторому большему подчиненію личности государству, къ пріостановкѣ, пусть временной, — той эволюціи освобожденія личности отъ государства, о которой я говорилъ.

Государственная необходимость, которая потребуетъ не только большей арміи, но и организованности народнаго труда во всей странѣ, и заставитъ держать на учетѣ всѣхъ гражданъ и всю хозяйственную жизнь страны, неизбѣжно приведетъ государство къ нѣкоторому ограниченію личной инициативы, къ уменьшенію правъ личности, къ призыву ея на службу государству не только въ чисто-военной сферѣ, въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ практиковалось раньше, но и въ тѣхъ областяхъ частнаго труда, которыя никогда не считались подвѣдомственными государству и всегда оставались въ области частной инициативы.

Нынѣшняя война только эпизодъ въ длинной цѣпи эволюціи государства и общества. И давняя тенденція раскрѣпощенія личности, освобожденія ея отъ всепоглощающей власти коллектива, несомнѣнно, въ концѣ - концовъ, завоюетъ міръ, но возможно, что временно человѣчество переживетъ, наоборотъ, періодъ большей подчиненности личности государству.

Быть можетъ, именно такъ, пройдя черезъ новую стадію государства, государства—организатора народнаго труда и хозяйственной жизни, отдавши себя государству-отечеству и приспособивши государство къ себѣ, личность завершитъ свою давнюю исторію и воплотитъ въ жизнь свою исконную мечту, — полную автономію личности при сохраненіи и расширеніи тѣхъ благъ, которыя даетъ организованный коллективъ.

Самое централизованное государство и самое талантливое правительство будутъ не въ состояніи справиться съ колоссальной за-

дачей, которая встанетъ передъ ними. И та же государственная необходимость приведетъ неизбѣжно къ требованію сочетать огромную государственную организованность сверху съ еще большей общественною организованностью снизу, такъ какъ—мнѣ уже приходилось говорить объ этомъ — рѣшеніе будущей задачи возможно только при использованіи всѣхъ, рѣшительно всѣхъ, общественныхъ силъ страны.

II.

Отчасти параллельно государству, отчасти преслѣдуя свои спеціальныя задачи, измѣнится, въ свою очередь, и общественность. Она тоже выростетъ и усилится и будетъ переживать новую эволюцію.

Усилится и укрѣпится, прежде всего, за счетъ того слоя инертныхъ обывателей, такъ сказать, абсентеистовъ гражданско - политической жизни, который составлялъ мертвый балластъ, тяжкое бремя гражданственности и общественности во всѣхъ, даже передовыхъ странахъ. Нынѣшняя война стянула, собрала въ кучу всѣхъ обывателей и не оставила равнодушныхъ зрителей ни въ райкѣ, ни въ партерѣ. Нельзя будетъ разойтись имъ и послѣ войны, такъ какъ нынѣшняя драма будетъ имѣть свой эпилогъ, который можетъ оказаться прологомъ къ еще болѣе ужасной драмѣ.

Общественность усилится и вслѣдствіе расширенія и усложненія ея функцій, вслѣдствіе того обобществленія многихъ отраслей мѣстной хозяйственной жизни, о которомъ я говорилъ въ предыдущей статьѣ, какъ о неизбѣжномъ ближайшемъ будущемъ.

И не только выростетъ и усилится общественность, но измѣнится самый характеръ ея, предѣлы ея вѣдѣнія и дѣйствованія. Отпадетъ исключительно *мѣстный*, территоріальный характеръ дѣятельности организованной общественности, который считался столь же неотъемлемымъ признакомъ ея, какъ общія задачи страны, дѣятельность на всемъ протяженіи въ предѣлахъ границъ,—существеннымъ признакомъ государственности.

Уже осуществленіе мѣстныхъ задачъ, которыя будутъ поставлены грядущимъ обобществленіемъ мѣстной хозяйственной жизни, заставятъ выйти изъ предѣловъ *мѣста* и стремиться къ широкому объединенію и мѣстныя самоуправленія, и всяческаго рода коллективы. Того же и еще въ гораздо большей степени потребуютъ и тѣ *государственныя* задачи, которыя уже поставлены передъ общественными силами нынѣшней войной и будутъ продиктованы еще болѣе повелительно въ ближайшемъ будущемъ.

Долженъ измѣниться самый составъ общественности, — группировки и взаимоотношенія общественныхъ силъ.

Огосударствленіе и обобществленіе отдѣльныхъ областей хо-

зяйственной жизни страны, монополіи и полумонополіи, сокращеніе до минимума частнаго посредничества, до извѣстной степени сдѣлаютъ ту работу, которую поставилъ себѣ и не успѣлъ выполнить капитализмъ,—сведеніе до минимума мелкаго производства, мелкой торговли. Это выброситъ изъ жизни огромную массу мелкихъ хозяевъ и посредниковъ,—людей, самостоятельно ставившихъ себѣ цѣли и по своему усмотрѣнію избиравшихъ средства.

Къ тому же будетъ вести широко развивавшееся еще до войны синдицированіе крупной промышленности, которому государства, нужно думать, не только не станутъ противодѣйствовать, но, наоборотъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, всячески содѣйствовать, въ виду несомнѣннаго удобства для государства держать на учетѣ и, до извѣстной степени, регулировать тѣ или иныя крупныя области промышленности. Къ тому же приведетъ тоже уже значительно продвинувшееся, но все еще далеко не закончившее свою объединяющую и организующую хозяйственную жизнь низовъ, кооперативное движеніе.

Въ результатѣ значительное количество людей будетъ переведено въ разрядъ чиновниковъ и служащихъ, — людей, собранныхъ и сорганизованныхъ вокругъ общаго дѣла, работниками котораго явятся они. Убавится и пріумалится не только маленькій хозяинъ, лавочникъ и посредникъ, малый цензовый человѣкъ, но и обслуживающій ихъ значительный слой такъ называемыхъ людей либеральныхъ профессій,—докторовъ, адвокатовъ, архитекторовъ, инженеровъ, которые тоже изъ, такъ сказать, вольнопрактикующихъ людей перейдутъ въ разрядъ обслуживающихъ государство, самоуправленія и тѣ или иныя коллективныя организаціи.

Едва-ли нужно подробно останавливаться на той огромной роли, которую игралъ, въ особенности въ городской и провинціальной жизни, этотъ большой соціальный слой, залегавшій между крестьянствомъ и рабочимъ классомъ—съ одной стороны, и верхними слоями дворянства и крупной буржуазіи—съ другой стороны,—и едва-ли нужно подчеркивать все значеніе новаго класса, новаго слоя людей, разныхъ по своей позиціи, но объединенныхъ и служилымъ положеніемъ, и самымъ фактомъ, что они стоятъ не у *своего*, не у личнаго дѣла. Какъ конструируется, какую позицію и въ государственности, и въ общественности займетъ этотъ разросшійся классъ—я думаю, что дозволительно употреблять здѣсь этотъ терминъ,—трудно сказать, но удѣльный вѣсъ его, несомнѣнно, поднимется въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ является онъ въ настоящее время. Можно думать, что съ пріумаленіемъ малаго и средняго цензоваго человѣка именно этому слою предстоитъ играть значительную роль въ будущей жизни.

Какъ сложатся въ будущемъ взаимоотношенія государственности и общественности,—трудно сказать. Трудно сказать даже относительно передовыхъ странъ, такъ какъ даже въ нихъ остались пережитки отъ временъ государства побѣдителей и побѣжденныхъ, отъ временъ государства-вотчины,—нѣкоторая отдаленность и обособленность государственности и общественности, убѣжденіе въ существованіи отдѣльныхъ государственныхъ цѣлей, не поглощаемыхъ и не исчерпываемыхъ нуждами общественности, понимая ее даже въ смыслѣ всего населенія страны, наивное и не слишкомъ разумное убѣжденіе, что сверху виднѣе и что только сверху можно видѣть, вытекающее изъ этого нѣкоторое пренебреженіе къ общественности,—и цѣлый рядъ иныхъ архаическихъ переживаній.

Однимъ изъ яркихъ проявленій этихъ старыхъ пережитковъ военнаго государства и государства-вотчины является не менѣе нелѣпая—при существованіи народнаго представительства и парламентскаго строя—тайна дипломатическихъ сношеній, та тайна секретныхъ договоровъ и союзовъ, изъ-за которой война можетъ вспыхнуть неожиданно для населенія и даже вопреки волѣ населенія.

Тѣмъ труднѣе будетъ, конечно, складываніе этихъ отношеній въ отсталыхъ опоздавшихъ странахъ, гдѣ народное представительство еще молодо и не создало традицій и, наоборотъ, вотчинныя переживанія сильны и ярки.

Нужно думать, что эти будущія отношенія сложатся въ зависимости отъ взаимныхъ позицій, какія установились до войны, и, съ другой стороны, отъ степени осознанія огромности размѣровъ предстоящихъ задачъ и пониманія средствъ, потребныхъ для выполненія этихъ задачъ, какія проявятъ и государственность, и общественность. Иначе говоря, въ зависимости отъ того, насколько государственность окажется на высотѣ и не поставитъ интересовъ отдѣльныхъ группъ страны выше интересовъ отечества и насколько общественность пойметъ, что ей не только принадлежитъ право, но что на ней лежитъ и обязанность принять широкое и дѣятельное участіе въ оборонѣ страны.

Нужно думать, что теперешнія формы государственнаго устройства, гдѣ такъ перепутанно и несогласованно живетъ рядомъ старое и новое, никогда и нигдѣ не считавшіяся законченными и совершенными и оказавшіяся такъ неприспособленными для новыхъ, вставшихъ предъ государствомъ, задачъ, — потребуютъ коренной перестройки, въ смыслѣ выбрасыванія отжившаго и отмершаго и закрѣпленія и признанія давно родившагося и вновь нарождающагося, въ смыслѣ наиболѣе полнаго и совершеннаго организовыванія и использованія общественныхъ силъ и прежде всего въ смыслѣ новой и болѣе крѣпкой связанности государственности и общественности

. . . .

. . . .

III.

Въ мою задачу не входитъ расцѣнивать, хорошо или дурно, желательно или нежелательно то новое, о которомъ я говорилъ,— и я пытался только предугадать, что логически неизбѣжно, независимо отъ того, желаемъ-ли мы или не желаемъ, должно войти въ жизнь.

Нынѣшняя война перепутала и обманула многія ожиданія и надежды, казавшіяся такими устойчивыми и необманными. Она перешагнула чрезъ многое, что считалось незыблемымъ, открыла перспективы, которыя еще вчера казались невозможными, она перемѣшала въ неожиданныхъ комбинаціяхъ общественныя группы, а, съ другой стороны, вскрыла въ человѣческихъ сердцахъ чувства, которыя считались давно, со старинныхъ временъ, потушенными, отмершими, и потушила чувства, которыя казались несомнѣнной, неотрывной частью современнаго человѣчества...

Нужно думать, и періодъ, который начнется послѣ войны, нельзя будетъ озаглавить общимъ заглавіемъ, уложить въ опредѣленное ложе, диктуемое тѣмъ или инымъ законченнымъ міровоззрѣніемъ и прежде всего покрыть одной краской,—пріятнаго или непріятнаго...

Какъ сложится въ ближайшемъ будущемъ внутренняя жизнь европейскихъ государствъ?

Куда, въ какомъ направленіи пойдутъ въ ближайшемъ будущемъ собранные вокругъ отечества люди?

Возможно, что они будутъ готовиться къ новой войнѣ... Будутъ готовить въ несмѣтномъ количествѣ пушки и снаряды, придумывать и изготовлять самые совершенные способы истребленія людей—будутъ строить сверхъ-дредноуты, и воздушные, и надводные, и подводные, устраивать крѣпости надъ землей и подъ землей и лагерями и цѣлыми городами изроютъ нѣдра земли по границамъ отечест_а!..

Будутъ усиленно работать въ области техники, развивать производства, которыхъ не было и которыхъ нужно, чтобы были. По широкому плану, гдѣ ничего не будетъ упущено, будутъ накапливать матеріальныя средства, запасаться всѣмъ, что нужно для веденія долгой и страшной войны, чтобы ни отъ кого не зависѣть и никого не бояться. Настанетъ долгій вѣкъ техники и накопленія матеріальныхъ силъ. Въ этомъ направленіи будетъ усиленно работать мысль, на этомъ сосредоточатся чувства народа, къ этому будетъ звать воля народа и на это будутъ идти средства народа...

О, жизнь не замретъ, не будетъ болотомъ, сумерками! Быть можетъ, наоборотъ, напряженнѣе будетъ работать научная мысль,

вспыхнетъ энергія дѣланія, а техническій и матеріальный прогрессъ, огосударствленіе и обобществленіе многихъ сторонъ хозяйственной жизни страны, небывалая организованность народнаго труда—создадутъ картину обновленія, расцвѣта жизни. И за шумомъ и блескомъ новой жизни, люди, быть можетъ, долго не замѣтятъ, что жизнь стала уже, духовно скуднѣе, бѣднѣе...

Да, меньше будутъ слагать пѣсенъ, поблекнетъ красота жизни, пріумалится накопленіе духовныхъ цѣнностей, уменьшится—будетъ некогда и некому—исканіе истины и стремленіе водворить правду на землѣ... Давно встали и ждутъ рѣшенія важнѣйшіе и острые вопросы человѣческой жизни, въ области морали, права, соціальной справедливости, культуры,—они подождутъ, какъ ждали эти два года, ихъ рѣшеніе придется отложить, быть можетъ, до конца будущей войны... Да, будущее огромное увеличеніе силы государства несетъ съ собой серьезную угрозу личности и можетъ свести на нѣтъ нѣкоторыя права личности, каждое изъ которыхъ добывалось путемъ долгой и тяжкой борьбы. Все это такъ, но предъ людьми будетъ стоять еще болѣе страшная угроза—потерять отечество,—необходимость обороны отъ врага.

„Симъ побѣдиши!..“ Да, говорила когда-то эти слова о силѣ креста старая легенда, милая, не лишенная красоты легенда, какъ многое милое, старое, вышедшее изъ употребленія... И новый человѣкъ скажетъ: мы-то теперь знаемъ, чѣмъ побѣдить! Мы знаемъ, благодаря чему, нѣмцы оказались наилучше приготовленными къ войнѣ, почему они такъ долго и такъ блестяще оказывали сопротивленіе огромной коалиціи!“ А нѣкоторое неуваженіе къ духовнымъ цѣнностямъ, вродѣ нарушенія данныхъ обѣщаній и писанныхъ договоровъ, истребленіе древнихъ человѣческихъ святынь, нѣкоторое пренебреженіе, пусть даже—презрѣніе къ человѣческимъ слезамъ и къ потокамъ крови, — развѣ помѣшали нѣмцамъ такъ блестяще сражаться? Нельзя-ли сказать наоборотъ, что это только должнымъ образомъ укрѣпляло нервы, наводило несомнѣнный страхъ и на врага, и на нейтральнаго сосѣда-зрителя, развязывало руки и облегчало военное дѣйствованіе?

И можно думать, что именно тѣ, кто больше всего кричали о технической, только матеріальной культурѣ нѣмцевъ и объ упадкѣ ихъ духовной культуры, кто винили нѣмцевъ въ культурномъ одичаніи и ученомъ варварствѣ,—именно они будутъ громче всего звать свой народъ къ этой технической культурѣ, къ накопленію матеріальныхъ средствъ, къ подражанію нѣмцамъ въ способахъ приготовленія къ войнѣ и веденія самой войны.

Что останется въ душѣ народа отъ двухъ лѣтъ войны, отъ крови и ужасовъ, отъ замиранія морали мирнаго времени и превознесенія морали военной, гдѣ дозволено все, что въ мирное время карается, какъ преступленіе, отъ привычки къ крови и ужа-

самъ? Скоро-ли время сотретъ воспоминанія о жестокостяхъ, о взаимныхъ обидахъ? И развѣетъ-ли вѣтеръ мира ту ненависть, которая, какъ ядовитые газы, повисла надъ мертвыми полями, или эти газы уже успѣли отравить землю, насытить города и села, просочиться въ дома, въ самые внутренніе покои, вплоть до дѣтскихъ комнатъ?

Не вспыхнетъ-ли національзмъ, дикій, грубый, жестокій, самомнѣнный, тотъ, у котораго нѣтъ правды, у котораго два вѣса, двѣ мѣры, для котораго дозволено все, что служитъ къ возвышенію своего и къ приниженію чужого? И не выйдетъ-ли въ концѣ-концовъ такъ, что нѣмецкій милитаризмъ и имперіализмъ замѣнятся чѣмъ-либо инымъ, даже всеобщимъ милитаризмомъ и имперіализмомъ? Не проснутся-ли эти чувства въ странахъ, которыя уже прошли чрезъ эту стадію, а въ особенности въ странахъ, которыя еще не переживали этого, повидимому, неизбѣжнаго періода государственной жизни и психологіи народовъ?

Все это, быть можетъ, и не такъ страшно для западно-европейскихъ странъ. Слишкомъ глубоки тамъ традиціи, слишкомъ крѣпки давно завоеванныя позиціи личности и нормы гражданской жизни, чтобы можно было опасаться за грубое нарушеніе правъ и нормъ. Да, и тамъ народы, быть можетъ, будутъ охвачены одной цѣлью, однимъ стремленіемъ, но слишкомъ богаты онѣ умственными силами и слишкомъ великъ тамъ запасъ духовныхъ цѣнностей, чтобы техническая работа и матеріализація жизни не оставили мѣста для иной работы, чтобы остановилась духовная жизнь страны и чтобы сняты были съ очереди насущные вопросы, которые будетъ ставить жизнь.

И та же Германія... Вѣдь рядомъ съ той, воистину огромной, технической работой, которую дѣлала Германія за истекшее полстолѣтіе,—продолжалась и напряженная работа мысли въ области чистой науки. И по старому ѣздили въ Германію учиться не только на заводы и въ лабораторіи, но и въ кабинеты ученыхъ, на лекціи представителей философской мысли. Да, можно говорить о значительномъ перегибѣ старой идеалистической Германіи въ сторону практицизма и милитаризма, можно признать, что громадная масса умовъ и талантовъ уходила на дѣло технической и матеріальной подготовки войны, и въ этомъ смыслѣ, быть можетъ, дозволительно говорить о нѣкоторомъ оскудѣніи поэзіи и художественнаго творчества въ сравненіи съ первой половиной истекшаго вѣка и относительно страшно выросшей массы интеллигенціи,—но не пріостанавливалась въ Германіи и область художественнаго творчества, какъ не прекращалась и борьба за лучшее устроеніе жизни, за завоеваніе гражданскихъ позицій.

Безконечно опаснѣе будетъ все это,—и рѣзкое усиленіе государства, и подчиненіе гражданской жизни военнымъ цѣлямъ, и

направленіе всей жизни въ сторону техники и накопленія матеріальныхъ силъ,—для странъ молодыхъ, отсталыхъ, опоздавшихъ, гдѣ личность слишкомъ огосударствлена и не успѣла завоевать для себя элементарныхъ правъ, гдѣ такъ мало традицій, такъ легко отдаются только вчера занятыя позиціи, гдѣ культура бѣдна, гдѣ народъ духовно богатъ, но это богатство не успѣло воплотиться въ гражданскія нормы, въ нравы и учрежденія, въ бытъ и культуру...

Послѣ окончанія нынѣшней войны и въ предвидѣніи будущей войны тамъ люди будутъ говорить, что все дѣло этихъ странъ—въ развитіи производительныхъ силъ, только въ техническомъ прогрессѣ, только въ накопленіи матеріальныхъ силъ. Они забудутъ или сдѣлаютъ видъ, что не знаютъ, что для самой „техники" необходимо предварительное накопленіе духовныхъ цѣнностей и нуженъ извѣстный уровень гражданственности. Они будутъ кричать, что не духовными цѣнностями побѣждаютъ, что духовныя нужды страны могутъ подождать, что вопросы соціальной справедливости нужно отложить, что можетъ и должна потерпѣть и личность, и гражданственность,—о, такъ легко откладывается тамъ рѣшеніе самыхъ важныхъ, неминучихъ вопросовъ жизни!.. Будутъ звать народъ и требовать отъ государства жертвъ чтобы всѣ заботы, всѣ средства страны шли на содѣйствіе техни ческому прогрессу, на воспособленіе промышленности, крупной промышленности.

И возможно, что люди большого горла и малой критики, которые больше всего бранили все нѣмецкое, будутъ звать къ ра[illegible]скому подражанію всему нѣмецкому.

IV.

Изъ возможныхъ послѣдствій теперешней войны есть одно, о которомъ пока мало говорятъ,—вліяніе войны на физическое здоровье и на складываніе психики европейскихъ странъ, втянутыхъ въ войну, мало говорятъ потому, что это еще не вскрылось.

Черезъ недѣлю послѣ мобилизаціи дама-иностранка сообщила мнѣ, что въ ея семьѣ взяты на войну, какъ запасные, три брата ея, три профессора разныхъ университетскихъ каѳедръ. И съ самаго начала войны время отъ времени,—у насъ, у союзниковъ, и у враговъ — стали появляться въ газетахъ извѣстія о смерти на полѣ битвы или отъ полученныхъ тамъ ранъ и болѣзней крупныхъ, выдающихся дѣятелей науки, поэтовъ, художниковъ, общественныхъ дѣятелей.

О молодыхъ писали, что они были радостью и надеждой въ той области знанія и искусства или гражданской жизни, въ которой начали работать, что они успѣли уже дать первыя оправданія надеждамъ, успѣли блеснуть какъ загорѣвшіяся звѣздочки на небѣ

и такъ горестно падающими звѣздами скатились въ бездну. О другихъ говорили, что они были гордостью страны, общепризнанной силой и погибли въ самомъ разгарѣ крѣпкихъ творческихъ силъ; случалось, писали, что съ ними погибли творенія, на которыя затрачена цѣлая жизнь труда и таланта.

Ушло на войну и гибнетъ на войнѣ самое сильное, энергичное, творившее жизнь. Не легко и не скоро пополнятся израсходованные запасы страны, сильные мускулы, энергичная воля дѣлателей жизни, неоцѣнима и невознаградима для страны утрата молодыхъ надеждъ и зрѣлыхъ силъ,—выдающихся силъ науки, искусства, общественной дѣятельности,—но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не объ этомъ ущербѣ.

Было время, когда войны также велись всѣмъ народомъ, и нѣкоторые ученые люди говорятъ, что тѣ войны отражались благопріятно на расѣ, въ смыслѣ подбора, вели къ своего рода оздоровленію и возрожденію расы, такъ какъ слабые люди, болѣвшіе люди, неловкіе, неприспособленные гибли скорѣе и въ большемъ количествѣ, чѣмъ сильные, ловкіе, умѣлые, съ Гинденбурговскими крѣпкими нервами.

Но тогда не было коммиссій, не было предварительнаго медицинскаго осмотра. Теперь тоже происходитъ отборъ, только въ обратную сторону. Какъ въ мирное время, остаются во время войны полны тюрьмы, больницы, санаторіи, всякія убѣжища, отбираются и оставляются въ тылу всѣ хилые, немощные, отсталые и недоразвившіеся, люди съ поврежденнымъ разумомъ, всякіе припадочные, туберкулезные, сифилитики, всякіе уроды, убогіе, слѣпые, глухіе. И, нужно думать, многіе изъ нихъ, не имѣвшіе въ нормальное время шансовъ сдѣлаться отцами, теперь будутъ имѣть потомство. Не даромъ горько острятъ теперь въ деревняхъ: „пойдутъ въ ходъ и безносые“...

Да, конечно, не всѣ тѣ погибнутъ, которыхъ увела война; но сколько вернется ихъ и какими,—такими ли, какими пошли, вернутся они? Сколько вернется съ надломленнымъ здоровьемъ, съ надорванными силами, съ нажитыми тяжкими заболѣваніями, съ нервными и психическими болѣзнями, съ туберкулезомъ, съ дурными болѣзнями?

Какъ отразится эта огромная, небывалая по количеству людей, втянутыхъ въ нее, война на будущемъ поколѣніи? Какого потомства нужно ждать отъ этихъ родителей? Если находятся ученые, которые въ отборѣ, производившемся инквизицией (въ продолженіе 500 лѣтъ около 300,000 сожженныхъ на кострахъ, осужденныхъ на долгое тюремное заключеніе и покинувшихъ родину) видятъ причину пониженія и умственнаго уровня Испаніи [1]), если они придаютъ большое значеніе въ смыслѣ вліянія на расу подбору, кото-

[1]) Людвигъ Крживицкій. Психическія расы. Стр. 67—69.

рый долгое время производился монастырями въ Европѣ и въ Тибетѣ, то не дозволительно-ли говорить о возможности вырожденія европейскихъ народовъ, какъ результатѣ войны, гдѣ число убитыхъ и вырванныхъ изъ жизни болѣзнями нужно будетъ считать не однимъ десяткомъ милліоновъ людей цвѣтущаго возраста?

И что станетъ съ подростающимъ поколѣніемъ, какъ сложится душа теперешнихъ дѣтей, вотъ уже два года ростущихъ въ атмосферѣ ненависти, для которой такъ усердно вспахиваютъ людскія души и сѣмена, которой такъ безудержно сыплютъ,—такъ всхожи они въ дѣтскихъ душахъ. Не встанетъ ли эта ненависть между народами, какъ безконечные ряды колючей проволоки, и не сдѣлаетъ ли труднымъ взаимное пониманіе, прежнее общеніе? И какъ претворяются въ дѣтскихъ душахъ всѣ ужасы, которые кругомъ обступили дѣтей и ни на минуту не отпускаютъ ихъ отъ себя вотъ уже два года?

Во всѣхъ гаданіяхъ и предположеніяхъ о будущемъ европейскихъ народовъ,—есть одно, и самое огромное по значенію, неизвѣстное—самъ народъ, его чувство, его будущая воля. И потому можетъ не оправдаться то, что теперь кажется намъ логически неизбѣжнымъ. Живя въ атмосферѣ ненависти,

мы думаемъ теперь, что если не ненависть, то вражда и отчужденіе, долго будетъ раздѣлять теперь воюющіе народы,—а быть можетъ, именно народу въ цѣломъ будетъ легко забыть и простить, быть можетъ, очень скоро вмѣсто раздѣленія и обособленія будетъ еще большее общеніе и сближеніе.

И относительно будущей войны...

Возможно, что послѣдствія теперешней войны будутъ такъ ужасны и такъ всѣмъ народамъ станетъ ненавистна самая мысль о возможности повторенія войны, что случится то, что теперь кажется невѣроятнымъ, — что нынѣшняя война будетъ послѣдней...

С. Елпатьевскій.

ИЗЪ АНГЛІИ.

Дублинская драма.

I.

Къ кровавой исторіи Ирландіи прибавилась новая страница: дублинскій мятежъ, продолжавшійся отъ понедѣльника до субботы Пасхальной недѣли. Въ одной изъ своихъ комедій Сарду опредѣляетъ разницу между мятежомъ и революціей: „L'émeute, c'est quand le populaire est battu; tous de vauriens! La révolution, c'est quand il est le plus fort; tous des héros!" (Мятежъ, это—когда народъ разбитъ; и тогда всѣ канальи! Революція, это — когда народъ побѣдилъ; и тогда всѣ герои!) Мятежъ въ Ирландіи подавленъ, но ни англичане, ни тѣмъ болѣе ирландцы, подавляющее большинство которыхъ было противъ возстанія, не говорятъ о повстанцахъ, какъ о „vauriens". И еслибы возстаніе удалось, оно все-таки было бы безуміемъ. „Всякая революція является послѣдствіемъ и *причиной* другой революціи". Благоразумные люди въ Англіи знаютъ это и стараются предупредить новые взрывы, какъ послѣдствія подавленнаго мятежа.

Въ Ирландіи давно уже не было вооруженнаго выступленія: въ послѣдній разъ феніи пытались поднять возстаніе въ мартѣ 1867 года; но такъ какъ тогда у нихъ было очень мало оружія, то солдаты и полиція быстро справились съ мятежниками. Послѣ этого въ восьмидесятыхъ годахъ въ Ирландіи бывали террористическіе акты, но являлись они результатомъ заговора отдѣльныхъ кружковъ. Ирландія возложила всѣ надежды на конституціонные методы борьбы и добилась всего того, чего требовали революціонеры шестидесятыхъ годовъ... Прежде мятежи въ Ирландіи носили безпорядочный характеръ, какъ выступленіе орды. Теперь—все было продумано и организовано. Только ничтожное меньшинство ирландцевъ участвовало въ дублинскомъ мятежѣ; но эти повстанцы носили характеръ правильной арміи, дисциплинированной, имѣвшей офицеровъ и подобіе генеральнаго штаба. Офицеръ, участвовавшій въ усмиреніи возстанія, привелъ мнѣ такой фактъ, доказывающій замѣчательную организацію мятежниковъ. Всѣ они были вооружены, но ружьями всякаго образца: тутъ были германскіе маузеры, американскія винтовки, ружья англійскаго образца и даже громадные карабины для охоты на слоновъ. И то обстоятельство, что повстанцы, вооруженные такимъ разнообразнымъ оружіемъ, не испытывали до самаго конца недостатка въ патронахъ, свидѣтель-

ствуетъ о томъ, что у мятежниковъ, по выраженію знакомаго офицера, „былъ геніальный квартирмейстеръ“.

У феніевъ въ 1867 г. было гораздо больше людей, чѣмъ оружія; у повстанцевъ въ 1916 г. было гораздо больше оружія, чѣмъ людей. Тотъ же офицеръ сказалъ мнѣ, что повстанцы смастерили даже подобіе пулеметовъ. У повстанцевъ былъ не только талантливый „квартирмейстеръ“; но и очень хорошій „штабъ“. „Одной изъ характерныхъ чертъ мятежа является точность и продуманность,—говоритъ очевидецъ въ Daily Chronicle.—Все было заранѣе продумано и выполнено почти съ математической точностью. Какъ только началось возстаніе, на всѣхъ стѣнахъ появилась прокламація временнаго правительства, возвѣщавшая о нарожденіи „Ирландской республики“ Немедленно въ Дублинѣ явилось революціонное правительство, выпускавшее „офиціальную“ газету Irish War News, выдававшее паспорта и даже печатавшее ассигнаціи... Повидимому, весь городъ былъ тщательно изученъ заранѣе въ стратегическомъ отношеніи. Повстанцы сразу заняли общественныя зданія и частные дома, представлявшіе удобные пункты для защиты города. Они тщательно изучили всѣ подвалы и водостоки. Такимъ образомъ, прорубивъ по указанію своихъ офицеровъ туннели между водостоками и подвалами, повстанцы могли свободно передвигаться изъ одного своего „форта“ въ другой“ [1]).

И, когда началось возстаніе, во всѣхъ странахъ, вѣроятно, спрашивали, что означаетъ „Sinn Fein“, такъ какъ именно это общество играетъ главную роль въ возстаніи.

Въ 1899 г. въ Дублинѣ появилась брошюра: „The Resurrection of Hungary A. Parallel for Ireland“, т. е. „Воскресеніе Венгріи—примѣръ для Ирландіи“. Авторомъ брошюры былъ журналистъ Артуръ Гриффитъ. Въ исторіи литературы мы знаемъ нѣсколько попытокъ изобразить несуществующія идеальныя страны (Утопія, Солнечное государство, Атлантида, Эльдорадо). Мы знаемъ также попытки идеализировать существующія страны. Такъ было когда-то съ Соединенными Штатами, а сравнительно недавно — съ Новой Зеландіей. Артуръ Гриффитъ сдѣлалъ смѣлую попытку идеализировать Венгрію. Когда брошюру Гриффита показали графу Аппоньи, тотъ сказалъ:

— C'est très intéressant, mais c'est la première fois que j'en ai entendu parler“. (Это очень интересно, но я впервые слышу объ этомъ). Что же должна была, по мнѣнію Гриффита, сдѣлать Ирландія, подражая Венгріи? Эрину рекомендовалось запереться въ націоналистическую раковину и объявить бойкотъ всему англійскому. Не надо посылать депутатовъ въ британскій парламентъ. Пусть ирландская парламентская партія останется въ Дублинѣ, и вотъ явится сразу законодательное собраніе. Пусть никто изъ ирланд-

[1]) Daily Chronicle, May 1 1916

цевъ,—совѣтовалъ Гриффитъ,—не обращается къ судьямъ, назначеннымъ центральнымъ правительствомъ; дѣла должны разбираться своими третейскими судьями. Такимъ образомъ явится судъ. Не надо покупать англійскихъ товаровъ, и тогда возникнетъ своя ирландская промышленность. Не надо школъ, въ которыхъ преподаваніе идетъ на англійскомъ языкѣ. Пусть возникнутъ собственныя школы. Ирландія должна выставить своимъ девизомъ „Мы сами" или по-гельски Sinn Fein, что произносится такъ: *шинъ-фейнъ*. „Ирландіи нѣтъ никакого дѣла до остального міра. Она должна быть *шинъ-фейнъ*",—говоритъ Гриффитъ. По мнѣнію автора, парламентское движеніе „глубоко деморализовало ирландскій народъ; вотъ почему, для достиженія какого-нибудь прогресса, партія Редмонда должна быть уничтожена".

Брошюра Гриффита имѣла громадный успѣхъ въ Ирландіи, и тамъ народилась партія „мы—самовцевъ", т. е. шинъ-фейнистовъ. Послѣдователями ученія Гриффита была, по преимуществу, молодежь изъ среднихъ классовъ. Я возьму нѣсколько строкъ изъ брошюры „Ourselves" (Мы сами), написанной священникомъ Хэнни въ 1908 г. „Хотя *духъ* шинъ-фейнизма—духъ вооруженной революціи, но *методы* нашего общества исключаютъ мятежъ. Мы абсолютно противъ тайно обучаемыхъ революціонныхъ армій. Мы очень хорошо знаемъ, что средства, которыми располагаетъ современное государство, дѣлаютъ всякое революціонное выступленіе невозможнымъ. Вотъ почему шинъ-фейнъ не думаетъ испытать счастье на полѣ битвы. Тактика его по отношенію къ Англіи опредѣляется двумя словами: „Пассивное сопротивленіе". Предположеніе, что англійское правительство оставитъ Ирландію на произволъ судьбы, если ему объявятъ бойкотъ, было до такой степени несообразно, что шинъфейнизмъ долго считался обществомъ безобидныхъ чудаковъ, покуда въ него не влилась новая струя:—анархическій націонализмъ, или „ларкинизмъ", такъ какъ въ Ирландіи движенія получаютъ названія отъ имени вождя. Анархическій націонализмъ, или своеобразный синдикализмъ созданъ былъ Джимомъ Ларкинымъ, о которомъ я подробно писалъ въ свое время въ *Русскомъ Богатствѣ* [1]). „Ларкинизмъ" внесъ въ общество „Мы сами" идею о вооруженномъ выступленіи.

Въ лицѣ шинъ-фейнистовъ мы имѣемъ крайнихъ націоналистовъ, мечтающихъ о закрытой раковинѣ и живущихъ по преимуществу *въ прошломъ*. Ирландія должна быть отдѣльной націей,—говорятъ они. Она должна имѣть собственные идеалы, выраженные на собственномъ языкѣ. Гельскій языкъ [2]), на которомъ когда-то говорила вся Ирландія, теперь быстро вымираетъ, не смотря на

---

[1]) См. главы „Предметный урокъ" и „Переворотъ въ Ирландіи" въ моей книгѣ „Мѣняющаяся Англія".

[2]) Онъ принадлежитъ къ группѣ кельтскихъ языковъ.

усилія гельской лиги, возникшей въ 1893 г. Вотъ цифры, показывающія это вымираніе.

	Знали одинъ гельскій языкъ.	Два языка.
1851 году	319.602	1.204.684
1861 „	163 275	942.261
1871 „	103.562	714.313
1881 „	64.167	885.765
1891 „	38.192	642.053
1901 „	20.953	620.189

Гельскій языкъ очень трудный, а фонетика его еще болѣе сложна, чѣмъ англійская. Въ результатѣ то, что изъ „ста тысячъ лицъ, посѣщавшихъ школы и курсы, основанные гельской лигой, лишь 1-2% сколько-нибудь порядочно усвоили языкъ“, читаемъ мы въ *Британской Энциклопедіи* (томъ V, изданіе 11-е, стр. 616). Это не остановило энтузіастовъ, которые устроили школы съ обязательнымъ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ на гельскомъ языкѣ. Такова была гимназія St. Enda's College, основанная въ Ратфарнхэмѣ (близъ Дублина) Патрикомъ Пирсомъ, „президентомъ“ ирландской республики. Пирсу пришлось составить всѣ учебники для гимназіи. Такъ какъ гельскій языкъ архаическій, давно уже переставшій быть литературнымъ, то пришлось составить новыя слова для передачи математическихъ терминовъ. Шинъ - фейнъ при этомъ, главнымъ образомъ, заботился о томъ, чтобы новыя слова не походили ни на англійскія, ни на какія-либо другія. Даже въ области ариеметики и геометріи крайніе націоналисты желали быть Sinn Fein. Ирландскіе литераторы XI и XII вѣковъ пользовались двумя азбуками: латинской и архаической, основанной на рунахъ—*огамъ*. Послѣдняя азбука очень некрасива и буквы въ ней мѣшаются, но она „Sinn Fein“ и крайніе націоналисты взяли именно ее.

На этомъ архаическомъ языкѣ шинъ-фейнисты выражали идеалы далекаго прошлаго, заключающіеся въ старинныхъ памятникахъ. Большинство ирландскихъ литературныхъ памятниковъ принадлежитъ къ XII—XVI вѣкамъ. Самымъ старымъ литературнымъ памятникомъ является *Книга денской коровы* (Lebar na h'Uidhre), составленная въ двѣнадцатомъ вѣкѣ монахомъ Mac Ceileachair (Макъ-Келлехэръ). Странное названіе рукописи объясняется тѣмъ, что одинъ изъ разсказовъ, входящихъ въ сборникъ, записанъ на пергаментѣ, изготовленномъ изъ дёнской коровы. Книга эта называется также Ольстерскимъ цикломъ. Затѣмъ мы имѣемъ еще сборники героическихъ разсказовъ, „Линстерскую книгу“, „Леканскую желтую книгу“ и „Книгу Бэйлимота“. Первая книга говоритъ только о богахъ старой Ирландіи; центральнымъ героемъ второй книги является богатырь Кукуланъ, или „ирландскій Ахиллъ“, какъ его называютъ современные гельскіе литераторы. Когда онъ издавалъ боевой кликъ, то другимъ казалось, что „рушатся небеса“ Сра-

жаясь, такъ онъ разгорячался, что потомъ, когда богатырь погружался въ море, — вода закипала. Третья и четвертая книги — болѣе современны. О размѣрахъ этихъ четырехъ сборниковъ говоритъ то, что въ печати они занимаютъ 9400 страницъ. Литераторы, или „fili“, повидимому, играли выдающуюся роль въ средневѣковой Ирландіи. Они дѣлились на нѣсколько степеней въ зависимости отъ того, какое количество героическихъ разсказовъ написали. Такъ, напр., высшая степень ollam давалась тому, кто написалъ 850 разсказовъ. Низшую степень oblaire получали авторы семи разсказовъ.

Мы имѣемъ старый, высококультурный міръ, въ которомъ литература такъ высоко цѣнилась, что литераторы выбирались въ brithem, т. е. въ судьи. И этими рукописями по преимуществу вдохновлялись шинъ-фейнисты. Оттуда они заимствовали идеалы и слова для новыхъ понятій. Гельская новѣйшая литература всецѣло навѣяна старинными рукописями. Она состоитъ, главнымъ образомъ, изъ драмъ, героями которыхъ являются Кухулинъ, Конгобаръ, Аилинъ, Баиле, Дейрдже, фигурирующіе въ старинныхъ рукописяхъ, и изъ стихотвореній, воспѣвающихъ Ирландію и тѣхъ же легендарныхъ дѣятелей.

Шинъ-фейнисты затѣмъ воспитались на исторіи Ирландіи, на страшной исторіи, повѣствующей о безпрерывныхъ войнахъ между классами и о мятежахъ, чтобы возвратить Эрину утерянное во время войнъ между королями отдѣльныхъ провинцій. Шинъ-фейнеръ живетъ въ лѣтописяхъ, говорящихъ про вторженіе Генриха II въ Ирландію, про вторичное завоеваніе острова Генрихомъ VII, про страшный разгромъ населенія латниками Кромвеля, про безстыдный подкупъ, при помощи котораго въ самомъ началѣ XIX вѣка упраздненъ былъ гратановскій парламентъ. „Даже Атлантическій океанъ не можетъ смыть своими волнами всѣ эти преступленія“! — восклицаетъ поэтъ націоналистъ, — конечно, на гельскомъ языкѣ...

II.

Итакъ, мы видѣли, что шинъ-фейнизмъ, это — крайній націонализмъ, весь погруженный въ прошломъ, мечтающій объ отдѣльной раковинѣ для Ирландіи. Какъ же случилось, что такое движеніе, захватившее *по преимуществу* средніе классы; движеніе главнымъ образомъ, литературное, — завершилось кровавымъ и совершенно безумнымъ революціоннымъ выступленіемъ? Шинъ-фейнизмъ былъ совершенно невиннымъ движеніемъ, покуда наступательный націонализмъ въ Ольстерѣ, страшившійся потерять при гомрулѣ прежнее вліяніе, не нашелъ вождя въ сэрѣ Эдуардѣ Карсонѣ. Я много писалъ въ *Русскомъ Богатствѣ* о томъ, что дѣлалъ наступательный націонализмъ въ Ольстерѣ. „Я ѣду въ Ирландію, чтобы нарушить тамъ всѣ законы! — воскликнулъ сэръ Эдуардъ Карсонъ

на митингѣ въ 1913 году.—Пусть правительство сдѣлаетъ со мною что хочетъ. Я не боюсь этого жалкаго, презрѣннаго сброда оппортунистовъ, сидящихъ теперь въ парламентѣ!“ Ольстеръ, по иниціативѣ Карсона, подписалъ клятвенное обѣщаніе бороться *всѣми средствами* противъ гомруля. Наступательный національзмъ снова выдвинулъ формулу, сложенную тогда, когда Гладстонъ вносилъ свой билль о гомрулѣ: Olster will fight and Olster will be right, т. е. Ольстеръ будетъ сражаться и будетъ правъ. Слово „сражаться“ ольстерцы понимали буквально. Читатели знаютъ, вѣроятно, какъ Карсонъ сформировалъ въ Ольстерѣ армію, чтобы повести ее потомъ противъ Дублинскаго парламента. „Если кабинетъ вздумаетъ принять какія-нибудь репрессивныя мѣры противъ вождей Ольстера, то населеніе Лондона расправится съ министрами по закону Линча“,—грозилъ Observer. Церковная протестантская газета „Irish Churchman“ доказывала, что „король, подписавъ билль о гомрулѣ, нарушитъ присягу на вѣрность конституціи, которую далъ во время коронаціи“. Вотъ почему Ирландія (т. е. консервативный Ольстеръ) „не обязана соблюдать лояльность по отношенію къ суверену“. Другіе ультра-„лоялисты“ недвусмысленно намекали, что въ случаѣ, если въ Ирландіи данъ будетъ гомруль, они—обратятся къ защитѣ „континентальнаго протестантскаго монарха“.

Я писалъ также въ *Русскомъ Богатствѣ* о томъ, какъ въ апрѣлѣ 1914 г., т. е. за три мѣсяца до войны, ольстерцы ввезли ружья и пушки, купленныя въ Германіи. При этомъ армія Карсона захватила желѣзную дорогу, перерѣзала телеграфныя и телефонныя проволоки и арестовала полицію. Консервативныя газеты восхваляли это революціонное выступленіе. Помѣщики и протестантскіе священники дали свои автомобили, чтобы доставить оружіе съ корабля отдѣльнымъ „палатамъ“ оранжистовъ. И когда правительство, ошеломленное этимъ революціоннымъ выступленіемъ оранжистовъ, захотѣло принять рѣшительныя мѣры, офицеры, квартирующіе въ Ирландіи, недвусмысленно дали понять, что станутъ на сторону ольстерцевъ. Тогда это повело къ отставкѣ генерала Фрэнча, требовавшаго, чтобы дисциплина среди офицеровъ была поддержана.

И вотъ выступилъ крайній національзмъ другого оттѣнка—шинъ-фейнизмъ. Въ газетахъ, издаваемыхъ ими, указывалось, что такъ какъ наступательный національзмъ (оранжизмъ) прямо грозитъ вооруженнымъ выступленіемъ и погромомъ (это слово пріобрѣло теперь право гражданства въ англійскомъ языкѣ), то ирландцамъ надо имѣть свою собственную армію. И два шинъ-фейниста: Макъ-Нейль и сэръ Роджеръ Кэйзементъ тотчасъ же стали формировать армію волонтеровъ. Правительство, разрѣшивъ Карсону формировать армію или, точнѣе, не имѣя возможности запретить

консерваторамъ сдѣлать это,—не могло помѣшать также и шинъ-фейнистамъ набирать волонтеровъ. За оружіемъ тоже дѣло не стало. Шинъ-фейнисты подражали ольстерцамъ. Имъ, къ счастью, удалось ввезти контрабандой только ружья, а не пушки. Затѣмъ выступилъ новый элементъ—ларкинисты, или ирландскіе синдикалисты. Они тоже формировали свою армію, „гражданскую гвардію", которая соединилась съ шинъ-фейнистами. Шинъ-фейнисты и ларкинисты являлись врагами, какъ ольстерцевъ, такъ и ирландской парламентской партіи (т. е. редмондистовъ). Шинъ-фейнисты находили, что парламентская партія „мѣшаетъ" образованію независимой Ирландіи, тогда какъ „ларкинисты" усматривали въ „редмондистахъ" представителей капиталистическаго класса.

Вы видите, какой запутанный узелъ получился на островѣ съ населеніемъ въ четыре милліона. Надо сказать, что шинъ-фейнисты рѣшили дать редмондистамъ возможность продѣлать опытъ самоуправленія. Они сказали, что не будутъ мѣшать Редмонду. Такимъ образомъ въ Ирландіи былъ миръ, покуда гомруль не былъ отложенъ до конца войны. Консервативныя газеты, а главнымъ образомъ Morning Post въ Англіи и Irish Times въ Ирландіи, не скрывали своей радости по поводу отсрочки введенія закона и утверждали, что теперь „съ гомрулемъ покончено". И это обстоятельство побудило шинъ-фейнистовъ и ларкинистовъ думать о рѣшительныхъ выступленіяхъ. Когда редмондисты убѣждали ирландцевъ быть лояльными и поддержать Британскую имперію во время войны, шинъ-фейнисты отвѣчали:

— Несчастье Англіи—наше счастье. Англія—извѣчный врагъ Ирландіи.

— Но мы вѣдь имѣемъ гомруль!—указывали редмондисты.

—Англія не выполнитъ обѣщанія, притомъ ольстерцы не дадутъ возможности осуществить гомруль, даже еслибы Англія пожелала,—отвѣчали шинъ-фейнисты.

По всей вѣроятности, даже недовѣріе это не повело бы къ вооруженному выступленію, еслибы не Германія. Мы увидимъ дальше, какъ она увѣрила шинъ-фейнистовъ, что явится къ нимъ на помощь съ солдатами и кораблями, если крайніе націоналисты поднимутъ возстаніе. Наканунѣ того дня, когда вся республиканская армія сдалась, главнокомандующій ея сообщилъ, что „наши храбрые союзники на континентѣ спѣшатъ къ намъ на встрѣчу". Главнымъ виновникомъ того, что ирландская революція изъ статическаго состоянія перешла въ динамическое, является Германія. А теперь постараюсь подтвердить документами только что намѣченныя положенія.

„Мы, живущіе здѣсь и работавшіе всю жизнь для созданія обновленной, свободной Ирландіи, спрашиваемъ себя: какія причины толкнули шинъ-фейнистовъ,—пишетъ мнѣ дочь ирландскаго помѣщика.—Вкратцѣ причины эти: прежнія несправедливости по

отношенію къ Ирландіи, глубокое недовѣріе, горькія воспоминанія, затѣмъ сформированіе ольстерской арміи и отсрочка гомруля". Мой корреспондентъ, кромѣ того, рѣзко нападаетъ на статсъ-секретаря Биррелля, обвиняя его въ „слабости". Такова трагедія высоко культурныхъ, благородныхъ, гуманныхъ и вполнѣ либеральныхъ людей, какъ только-что вышедшій въ отставку статсъ-секретарь. При немъ были отмѣнены въ Ирландіи законы объ усиленной охранѣ; онъ выработалъ билль о національномъ университетѣ въ Дублинѣ, который сталъ закономъ; при немъ расширенъ былъ законъ о выкупѣ земли и при Бирреллѣ, наконецъ, прошелъ законъ о гомрулѣ. Но Биррелю пришлось уничтожать недовѣріе, создававшееся вѣками. Ему пришлось бороться съ ирландской администраціей, съ Dublin Castle, воспитавшимся въ традиціяхъ насилія и произвола...

На Германію, какъ „на спасительницу", какъ мы видѣли, возлагали надежду ольстерскіе консерваторы. На нее поглядывали также крайніе націоналисты, т. е. шинъ-фейнисты. Предо мною нумеръ Irish Review за іюль 1913 года. Тамъ помѣщена статья „Ирландія, Германія и ближайшая война", авторъ которой Shan Van Vocht. „Ирландія, занятая нѣмецкими войсками и отдѣленная отъ Англіи моремъ, на которомъ властвуетъ германскій флотъ, будетъ навсегда потеряна для Великобританіи. Тогда она можетъ легко стать независимой, нейтральной республикой, существованіе которой гарантировано всѣми государствами". Надобна большая наивность или крайнее національное ослѣпленіе, чтобы вѣрить, будто Англія можетъ когда-либо согласиться на возникновеніе Ирландской республики. Маленькое государство это легко стало бы достояніемъ Германіи, а между тѣмъ Ирландія загораживаетъ отъ океана всѣ великія гавани на западномъ берегу Англіи.

У меня въ рукахъ еще довольно безтолковый документъ, выясняющій причины возстанія. Приведу его потому, что авторъ— шинъ-фейнистъ. Передъ нами выясняется психологія крайнихъ націоналистовъ. Документъ носитъ форму обращенія къ населенію Англіи. Рѣзкость тона — отличительный признакъ всѣхъ ирландскихъ публицистовъ. „Меня изумляетъ дерзость англичанъ. Вы посылаете къ намъ англійскихъ чиновниковъ, чтобы они управляли нами, чиновниковъ, не имѣющихъ никакого представленія объ ирландскихъ дѣлахъ. Ваше неспособное правительство довело Ирландію до возстанія и до кровопролитія, а теперь вы еще толкуете въ вашей печати, что неправильно въ Ирландіи, и указываете намъ, какъ должны были вести себя шинъ-фейнисты! Возстаніе обусловливалось тремя причинами: 1) вашимъ диктаторскимъ вмѣшательствомъ въ наши чисто домашнія дѣла, совершенно не касающіяся васъ; 2) вашей системой администраціи въ Ирландіи (Dublin Castle), захватившей функцію законодательнаго

собранія; 3) вашимъ примѣненіемъ къ намъ политики моральной трусости, слабости и компромисса, которую вы называете либерализмомъ и которая состоитъ въ пресмыканіи предъ такъ называемымъ народомъ [1]).

„Что касается первой причины, то о ней трудно писать спокойно. Понравилось ли бы вамъ, еслибы ирландская національная партія, захвативъ въ свои руки большинство въ парламентѣ, назначила бы вамъ въ статсъ-секретари ирландца, который во всю жизнь ни разу не былъ въ Англіи? Теперь говорятъ, что намъ и послѣ мятежа хотятъ послать англичанина — статсъ-секретаря. Все это въ высшей степени оскорбительно для насъ. Относительно второй причины скажу, что система, въ силу которой исполнительная власть сама рѣшаетъ, какъ истолковать законъ, раззорила Ирландію и сдѣлала хорошее правительство невозможнымъ“. Любопытно, что авторъ шинъ-фейнеръ заступается за сэра Эдуарда Карсона. „Онъ не отвѣтственъ за мятежъ,—говоритъ авторъ.—Вина лежитъ не на сэрѣ Эдуардѣ Карсонѣ, а на британскомъ правительствѣ, не поддержавшемъ законъ, когда Ольстеръ началъ вооружаться. Правительство дозволило Карсону совершить противозаконное дѣло (ввозъ оружія) и вынуждено было поэтому разрѣшить то же самое націоналистамъ и шинъ-фейнистамъ“. По мнѣнію автора, шинъ-фейнистовъ поражаютъ рѣшительныя мѣры, употребленныя правительствомъ при подавленіи возстанія. „Вы позволили намъ вооружиться и обучаться военному строю,—могли бы сказать шинъ-фейнеры.—Вы разрѣшили намъ даже продѣлать въ Дублинѣ репетицію возстанія; вы позволили нарушить законъ и не исполнять распоряженій исполнительной власти. Какъ же мы могли знать, гдѣ демаркаціонная линія между дозволеннымъ и недозволеннымъ?“ Авторъ шинъ-фейнеръ обвиняетъ также британское правительство за „приторное толкованіе того, что такое либерализмъ“.

Быть можетъ, не смотря на всѣ указанные факторы, вооруженное выступленіе все-таки не произошло бы. Теперь выяснилось, что на тайномъ совѣщаніи передъ возстаніемъ вожди шинъ-фейнеровъ высказались противъ мятежа, за который были по преимуществу ларкинисты. Тогда, чтобы сдѣлать возстаніе неизбѣжнымъ, сторонники его обнародовали документъ, какъ оказывается теперь, подложный. Въ документѣ этомъ, будто бы составленномъ въ Dublin Castle, военнымъ властямъ предписывается арестовать всѣхъ вождей ирландскихъ волонтеровъ, національныхъ волонтеровъ (редмондистовъ), совѣтъ шинъ-фейнеровъ и дублинскаго архіепископа. Въ то же время въ деревняхъ пущено было извѣстіе, что законъ о всеобщей воинской повинно-

[1]) Эта политика заключаетъ, между прочимъ, отмѣну спеціальныхъ законовъ и разрѣшеніе тѣмъ же шинъ-фейнистамъ вести свою пропаганду.

сти будетъ послѣ Пасхи распространенъ и на Ирландію. Вотъ причины, породившія мятежъ въ Ирландіи.

III.

Нашъ читатель, взглянувъ на карту Ирландіи, замѣтитъ, что рѣка Шаннонъ образуетъ при впаденіи въ Атлантическій океанъ широкій и длинный лиманъ. Лѣвый берегъ лимана выдается въ океанъ высокимъ мысомъ Керри-Хэдъ. Отсюда дальше на югъ на нѣсколько миль тянется песчаный берегъ, поросшій низкимъ, густымъ кустарникомъ. Нѣсколько дальше отъ берега видны въ кустахъ развалины стариннаго замка. Въ это время года берегъ отъ Керри-Хэда до города Трали совершенно пустыненъ. И вотъ на этомъ берегу на разсвѣтѣ 21 апрѣля береговой стражникъ нашелъ брошенную лодку, очевидно выстроенную или въ Англіи, или въ Ирландіи. Въ лодкѣ лежалъ брошенный кинжалъ. Стражникъ, позвавшій на помощь двухъ товарищей, пошелъ по слѣдамъ, которые вели отъ лодки. Въ кустахъ, у развалинъ замка, нашли двухъ людей. Одинъ изъ нихъ былъ джентльмэнъ, очень красивый и стройный. Другой походилъ на обыкновеннаго фермера. Платье обоихъ было совершенно мокро отъ морской воды. Красивый джентльмэнъ заявилъ, что никому нѣтъ дѣла до того, гдѣ ему явилась охота провести ночь, но прятавшіеся люди были арестованы и доставлены въ Трали. И здѣсь въ красивомъ джентльмэнѣ узнали сэра Роджера Кэйзмента.

По происхожденію—онъ ольстерецъ, а по вѣрѣ—протестантъ; но онъ давно уже принимаетъ большое участіе въ шинъ-фейнерскомъ движеніи. Сэръ Роджеръ долго служилъ съ большой пользой для Англіи генеральнымъ консуломъ въ южныхъ странахъ. Во время службы въ Пара (въ Бразиліи) Кэйзментъ раскрылъ дѣло о жестокомъ обращеніи съ индѣйцами на каучуковыхъ плантаціяхъ въ Путумайо. Тогда это дѣло произвело громадное впечатлѣніе. Передъ войною Кэйзментъ вышелъ въ отставку съ большой пенсіей. Въ моментъ объявленія войны сэръ Роджеръ находился въ Соединенныхъ Штатахъ, откуда немедленно уѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ принялъ сторону нѣмцевъ. Кэйзментъ выпустилъ въ Берлинѣ рядъ брошюръ, въ которыхъ доказывалъ, что именно теперь наступилъ для Ирландіи моментъ отложиться отъ Англіи и провозгласить независимую республику. „Германія—писалъ Кэйзментъ—поможетъ ирландцамъ освободиться отъ ига". Нѣмцы дали возможность Кэйзменту, содѣйствіе котораго, повидимому, цѣнили очень высоко, посѣтить лагерь, гдѣ находились плѣнные ирландскіе солдаты. Этихъ послѣднихъ сэръ Роджеръ убѣждалъ перейти на сторону нѣмцевъ и сформировать отдѣльную ирландскую бригаду для борьбы за независимую Ирландію. Отъ имени Германіи Кэйзментъ обѣщалъ солдатамъ, что, если они измѣнятъ Англіи,

имъ послѣ войны дадутъ возможность переселиться въ Соединенные Штаты. Миссія Кэйземента кончилась тогда неудачей, такъ какъ солдаты прогнали его изъ лагеря свистками.

Передъ возстаніемъ нѣмцы послали въ Ирландію корабль, нагруженный ружьями и пушками. На пароходѣ находился также Кэйзементъ. Судно плавало подъ датскимъ флагомъ, но весь экипажъ состоялъ изъ нѣмецкихъ моряковъ, состоящихъ въ военномъ флотѣ. Судно имѣло подложныя бумаги и могло показать совершенно невинный грузъ. Корабль отплылъ отъ нѣмецкой гавани, поднялся высоко на сѣверъ и вышелъ въ Атлантическій океанъ между Исландіей и Фарерскими островами, затѣмъ онъ повернулъ на югъ. Недалеко отъ Керри-Хэда, Кэйзементъ съ двумя товарищами сѣли въ лодку и отправились на берегъ. По условію, здѣсь должны были ждать ихъ шинъ-фейнеры съ автомобилями для принятія оружія, но произошла ошибка: автомобили отправились въ другое мѣсто, а отрядъ волонтеровъ шинъ-фейнеровъ опоздалъ. Такъ какъ море было бурно, то Кэйзементъ не могъ возвратиться на корабль, и такимъ образомъ состоялся арестъ сэра Роджера. Германскій корабль съ оружіемъ отправился дальше на югъ, но былъ остановленъ англійскимъ военнымъ судномъ. Тогда нѣмцы пустили свой корабль ко дну. Арестъ Кэйземента и гибель корабля, повидимому, побудили многихъ ирландскихъ вождей настаивать на томъ, чтобы возстаніе было отложено, но ларкинисты, какъ я сказалъ, взяли верхъ. На 21 апрѣля назначенъ былъ въ Дублинѣ большой смотръ шинъ-фейнеровъ. Такіе смотры введены были въ Ольстерѣ Карсономъ, и шинъ-фейнеры слѣдовали только примѣру оранжистовъ.

Двадцать второго апрѣля (въ страстную субботу) главнокомандующій войсками шинъ-фейнеровъ, Джемсъ Коннолли, выпустилъ приказъ, что смотръ отмѣняется, „вслѣдствіе критическаго положенія дѣлъ“. Дублинская администрація, ждавшая безпорядковъ, сочла, что теперь, когда смотръ отмѣненъ, все пройдетъ спокойно. И 24 апрѣля большинство дублинской полиціи находилось по случаю праздника въ отпускѣ, а почти всѣ офицеры мѣстнаго гарнизона отправились за городъ на скачки. Повидимому приказъ „главнокомандующаго“ представлялъ собою условленный сигналъ, потому что 24 апрѣля съ утра въ Дублинъ со всѣхъ окрестныхъ городовъ начали собираться пѣшкомъ и на велосипедахъ волонтеры—шинъ-фейнисты. Населеніе привыкло къ зеленымъ мундирамъ этихъ волонтеровъ. Привыкло оно также къ тому, что волонтеры являлись съ ружьями за плечами, поэтому на появленіе вооруженныхъ шинъ-фейнеровъ никто въ Дублинѣ не обратилъ вниманія. Дублинъ раздѣляется рѣкой Лиффи на двѣ части: на сѣверную и южную. Перпендикулярно къ рѣкѣ въ сѣверной части города идетъ самая лучшая и самая богатая улица—

Саквиль-стритъ. На этой улицѣ находится громадное гранитное зданіе почты. На западъ отъ Саквиль-стрита, на берегу рѣки, въ той же сѣверной части города находится колоссальное зданіе суда, Four-Courts, съ круглой башней, какъ въ крѣпости. Въ южной части города, тамъ, гдѣ у моста черезъ рѣку кончается Саквиль-стритъ, лежитъ знаменитый въ исторіи Ирландіи Dublin Castle, представляющій собою символъ англійскаго владычества. Dublin Castle это—штабъ-квартира администраціи. Тутъ же живетъ и вице-король. Dublin Castle состоитъ изъ стариннаго замка, кажется, XII вѣка, окруженнаго болѣе новыми зданіями. Чтобы покончить съ топографіей Дублина, играющей важную роль въ исторіи послѣдней революціи, упомяну еще, что на югъ отъ Dublin Castle, скажемъ—въ полуверстѣ отъ него, лежитъ большой паркъ Ст. Стивенсъ-гринъ. Еще одно зданіе въ Дублинѣ часто упоминалось въ послѣдніе три года и во время рево люціи. Это Liberty Hall, или залъ свободы, штабъ-квартира ларкинистовъ. Liberty Hall—старое, неказистое зданіе, лежащее (точнѣе, *лежавшее*, такъ какъ теперь оно разрушено пушечными выстрѣлами) на самомъ берегу рѣки.

Не всѣ шинъ-фейнеры были въ мундирахъ. Вмѣстѣ съ волонтерами явились мальчики, вооруженные пистолетами или саблями, и женщины, носившія сумки съ патронами и перевязочными средствами. За арміей двигалась оборванная толпа, выползшая изъ страшныхъ дублинскихъ трущобъ и выжидавшая, что будетъ. Ровно въ полдень волонтеры собрались у почты. Когда часы пробили двѣнадцать, шинъ-фейнеры ворвались въ зданіе и по данному сигналу перерѣзали всѣ телеграфныя проволоки. Другіе шинъ-фейнисты принялись баррикадировать окна, употребляя для этого тюки съ письмами и газетами. Въ то же время другой отрядъ волонтеровъ занялъ паркъ (Ст. Стивенсъ-гринъ), о которомъ я сказалъ выше. Повстанцы сложили ружья въ козлы и поспѣшно принялись копать траншеи. Этотъ паркъ — единственное мѣсто въ городѣ, гдѣ повстанцы пробовали открыто встрѣтить войска. По словамъ англійскаго офицера-очевидца, о которомъ я упомянулъ, траншеи были сдѣланы „далеко не невѣждами въ этомъ дѣлѣ“. Противъ парка лежатъ лучшія гостиницы въ Дублинѣ, между прочимъ, громадный Шелборнъ-отель. Въ эту гостиницу вошли повстанцы, забрали всю провизію, за которую заплатили деньгами, забранными при захватѣ почты. Эту провизію отнесли на почту, которую повстанцы превратили въ цитадель. Здѣсь находился все время, до тѣхъ поръ, покуда мятежъ не былъ подавленъ, главнокомандующій Джемсъ Коннолли. Отсюда также выпускались „манифесты“ Ирландской республики.

Почта была цитаделью шинъ - фейнистовъ, а Liberty Hall—главной крѣпостью и штабъ - квартирой ларкинистовъ. Здѣсь задолго до революціи синдикалисты - націоналисты (ларкинисты)

собрали много оружія и съѣстныхъ припасовъ. Третій отрядъ повстанцевъ между тѣмъ отправился, чтобы захватить Dublin Castle. Повстанцы убили полисмена; но администрація успѣла запереться и продержалась до вечера, когда въ Дублинъ явились войска. Другіе отряды заняли между тѣмъ общественныя и частныя зданія: судъ (Four Courts), электрическій генераторъ, газовый заводъ, громадную, всемірно-извѣстную, бисквитную фабрику Джэкобса, желѣзнодорожныя станціи, водочный заводъ. Здѣсь шинъ-фейнеры забрали зерновой хлѣбъ, которымъ наполнили мѣшки для устройства баррикадъ. Заняты были общественныя зданія, имѣющія стратегическое значеніе, и такіе частные дома, съ крышъ которыхъ удобно обстрѣливать улицы. Планъ дѣйствій, повидимому, тщательно былъ заранѣе выработанъ опытными людьми, знающими военное дѣло. Занятіе лучшихъ общественныхъ зданій обусловливалось, по словамъ офицера-очевидца, предположеніемъ революціонеровъ, что правительство остановится передъ тѣмъ, чтобы пустить въ ходъ пушки и разрушить такимъ образомъ городъ. На самомъ берегу Лиффи стоитъ также колоссальное зданіе, представляющее большую цѣнность въ глазахъ націоналистовъ: здѣсь когда-то помѣщался ирландскій парламентъ. Теперь въ этомъ зданіи помѣщается Ирландскій банкъ. Повстанцы пытались взять зданіе въ понедѣльникъ же, но были отбиты небольшой партіей молодыхъ офицеровъ. Но нѣкоторымъ повстанцамъ удалось забраться на крышу банка, откуда они втеченіе двухъ дней обстрѣливали площадь и выходящія на нее двѣ большія улицы: Дэймъ-стритъ и Вестморлэндъ.

Между тѣмъ отдѣльныя группы повстанцевъ заняли всѣ большія зданія, выходящія на Саквиль-стритъ (на главную улицу). Немедленно были прорублены стѣны изъ одного дома въ другой, такъ что шинъ-фейнисты могли передвигаться вдоль всей улицы подъ прикрытіемъ, Мятежъ начался такъ неожиданно, что до утра вторника правительство не могло оказать фактически никакого сопротивленія. Планъ захвата Дублина и изоляціи его былъ выполненъ шинъ-фейнерами очень хорошо; но имъ не удалось перерѣзать телефонныя проволоки, соединяющія дворецъ вице-короля съ остальной Ирландіей. И по телефону вызваны были въ Дублинъ войска изъ громаднаго лагеря въ Курра (Curragh), верстахъ въ 45 отъ столицы Ирландіи. Партіи солдатъ начали прибывать въ городъ на автомобиляхъ въ первый же день возстанія, поздно ночью. И тогда же на улицахъ начался бой между войсками и шинъ-фейнистами. Но первыя стычки произошли на окраинахъ и въ южной части Дублина.

Что касается сѣверной половины города, а въ особенности кварталовъ, прилегающихъ къ главной Саквиль-стритъ, то она находилась въ полной власти повстанцевъ до среды, т. е. два дня. Здѣсь шинъ-фейнисты установили сперва извѣстный порядокъ. Граждан-

скому населенію разрѣшено было свободно ходить по улицамъ; ему разрѣшалось даже „перейти черезъ границу“ въ другія части города, занятыя „непріятелемъ“, но для этого требовался спеціальный паспортъ, выдаваемый генераломъ Джемсомъ Коннолли. Въ первые часы шинъ-фейнерамъ удалось даже удержать толпу, выползшую изъ трущобъ, отъ грабежа. Штабъ-квартирой и главной цитаделью шинъ-фейнистовъ была почта. Здѣсь на всѣхъ захваченныхъ денежныхъ бонахъ шинъ-фейнисты положили штемпель со словами „Ирландская республика“. Уполномоченные агенты отбирали въ предѣлахъ „республики“ всю провизію, сносили ее въ цитадель, а вмѣсто денегъ выдавали, „по указу центральнаго правительства“ чеки на „Банкъ шинъ-фейнеровъ“. Офицеръ, дневникомъ котораго я пользуюсь, отмѣчаетъ: „Мнѣ говорили, что повстанцы перечеканили часть захваченной золотой и серебряной монеты, но я не видалъ ни одной монеты „республики“.

IV.

Изъ штабъ-квартиры, немедленно послѣ занятія ея, „временное“ правительство издало манифестъ объ утвержденіи Ирландской республики. Привожу полностью этотъ документъ. Въ началѣ одна строка по-гэльски – Poblacht Na H'Eireann, т. е. Временное правительство Ирландской республики. Дальше прокламація написана по-англійски. „Ирландцы и ирландки! Именемъ Бога и отошедшихъ поколѣній, отъ которыхъ Ирландія получила традиціи обособленной націи, Эринъ, черезъ наше посредство призываетъ своихъ сыновъ подъ знамя для борьбы за свободу. Ирландія сформировала мужское населеніе и обучила его военному строю, какъ въ тайныхъ революціонныхъ организаціяхъ, какъ Ирландское республиканское братство, такъ и въ легальныхъ учрежденіяхъ, какъ гражданская армія. Эринъ терпѣливо ждалъ затѣмъ наступленія подходящаго момента, чтобы проявить себя. И теперь онъ наступилъ. Ирландія, поддерживаемая ея изгнанными дѣтьми въ Америкѣ и *доблестными союзниками въ Европѣ*, но уповая, главнымъ образомъ, на собственныя силы,—зоветъ теперь къ побѣдѣ

„Мы провозглашаемъ за ирландскимъ народомъ право собственности на весь островъ. Державныя права народа въ вершеніи собственныхъ судебъ должны быть неопровержимы. Чуждое намъ правительство чужого намъ народа долго узурпировало эти права; но они не могутъ быть забыты, развѣ только весь ирландскій народъ будетъ истребленъ. Каждое поколѣніе спѣшило заявить о правахъ Ирландіи на національную свободу и на державную самостоятельность. За послѣднія триста лѣтъ ирландцы съ этою цѣлью шесть разъ брались за оружіе. Опираясь на это основное право, а также на силу оружія, мы передъ лицомъ всего міра

объявляемъ Ирландію независимымъ государствомъ, для защиты котораго мы готовы отдать жизнь.

„Ирландская республика имѣетъ право требовать поддержки и лояльности отъ всѣхъ своихъ сыновъ и дочерей. Республика гарантируетъ всѣмъ свободу совѣсти, неприкосновенность имущества, равенство передъ закономъ, а также равныя права на достиженіе успѣха въ жизни и на счастье. Въ этомъ отношеніи республика не будетъ слѣдовать примѣру чуждаго намъ народа, раздѣлившаго населеніе Ирландіи на державное меньшинство и на подчиненное большинство.

„До тѣхъ поръ, покуда представится возможность утвердить постоянное національное правительство, представляющее весь ирландскій народъ и выбранное всѣмъ мужскимъ и женскимъ населеніемъ,—временное правительство, конституированное теперь, будетъ вѣдать гражданскія и военныя дѣла республики. Мы молимъ Всевышняго о защитѣ Ирландской республики и о благословеніи нашего оружія. Мы молимъ также, чтобы никто изъ нашихъ единомышленниковъ не опозорилъ этого оружія. Въ этотъ трудный часъ ирландскому народу необходима вся высокая доблесть и вся дисциплина для защиты родины. Народъ долженъ доказать, что достоинъ священной судьбы, призывающей его теперь".

Подъ манифестомъ значатся имена семи лицъ, вошедшихъ въ составъ временнаго правительства [1]). Никого изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ.

„Манифестъ", отпечатанный заблаговременно, былъ расклеенъ всюду на Саквиль-стритъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ провозглашенія Ирландской республики вышелъ также первый нумеръ „оффиціальной газеты" ея Irish War News. Редакція ея помѣщалась въ цитадели „ларкинистовъ", въ Залѣ Свободы, на берегу рѣки. Въ моихъ рукахъ находится точная копія перваго нумера. Состоитъ онъ изъ четырехъ страницъ небольшого формата, отпечатанныхъ по-англійски и по-гельски. „Irish War News" выходятъ сегодня, ибо случилось важное событіе,—читаемъ мы.—Въ Дублинѣ провозглашена Ирландская республика и назначено временное правительство". Дальше слѣдуютъ имена членовъ временнаго правительства. „Сегодня утромъ главнокомандующій Патрикъ Пирсъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе. Ирландская республика провозглашена на второй день Пасхи, 24 апрѣля, ровно въ полдень. Одновременно съ провозглашеніемъ республики, Дублинская армія ея, состоящая изъ Ирландскихъ волонтеровъ, Гражданской гвардіи (ларкинисты), иберійскихъ стрѣлковъ и другихъ отрядовъ, заняла стратегическіе пункты въ городѣ. Почта была захвачена въ пол-

[1]) Томасъ Кларкъ, Синъ Макъ-Дермонтъ, Патрикъ Пирсъ, Джемсъ Коннолли, Томасъ Макъ-Дона, Иморнъ Синтъ и Джозефъ Пленкетъ. О нихъ—дальше.

день. Замокъ (Dublin Castle) атакованъ одновременно. Затѣмъ занято зданіе суда. Ирландскія войска овладѣли ратушей, господствующей надъ замкомъ. Англійскія войска начали наступленіе, но всюду отбиты. Республиканскія силы удержали всѣ позиціи. Англичанамъ нигдѣ не удалось прорваться. Идетъ безпрерывный бой. Непріятель потерялъ гораздо больше людей, чѣмъ мы. Республиканскія войска всюду дерутся необыкновенно мужественно. Населеніе Дублина внѣ сомнѣнія на сторонѣ республики, офицеры и солдаты которой всюду встрѣчаемы аплодисментами. Весь центръ города находится въ рукахъ республики, знамя которой развѣвается надъ зданіемъ почты. Главнокомандующій Пирсъ назначенъ временнымъ президентомъ республики. Генералъ Конголли командуетъ дублинской арміей. Сообщеніе съ остальными мѣстами на островѣ большею частью прервано; но, по полученнымъ извѣстіямъ, всюду начинается возстаніе. Изъ Кильдара и Фингала прибыли уже республиканскіе отряды".

Повстанцы не трогали штатское населеніе, но во всѣхъ солдатъ и офицеровъ стрѣляли изъ оконъ и съ крышъ. Нѣкоторые офицеры, возвращавшіеся со скачекъ, были убиты въ понедѣльникъ вечеромъ. Въ окрестностяхъ Дублина были убиты также раненые солдаты, находившіеся на излеченіи въ госпиталѣ. Произошло то, что постоянно бываетъ во время возстаній: вожди, не смотря на все желаніе, не могли удержать толпу. До вечера въ понедѣльникъ шинъ-фейнерамъ удалось удержать толпу отъ грабежа, но, какъ только наступила ночь, оборванцы изъ трущобъ, воспользовавшись темнотой, разгромили лавки и разграбили всѣ товары. „Мальчишки и подростки, вооруженные молотами, разбивали витрины, и драгоцѣнныя вещи, сукна, сапоги, шляпы немедленно расхищались",— пишетъ офицеръ въ своемъ дневникѣ. Товары подбирались и отвозились на ручныхъ тачкахъ и въ дѣтскихъ колясках. На тротуарахъ можно было видѣть босяковъ, примѣрявшихъ новые сапоги. Женщины-босоножки уходили домой въ котиковыхъ или же въ каракулевыхъ шубкахъ, въ шляпахъ со страусовыми перьями и съ алмазными кольцами на пальцахъ. Тутъ же производился торгъ: бриліанты продавались за шиллингъ, а пара башмаковъ— за полтора пенса. Тогда же начались пожары на Саквиль-стритѣ: запылали лавки, въ которыхъ грабившая чернь забывала свѣчи и фонари...

Во вторникъ утромъ въ Дублинъ начали прибывать войска изъ Курра.. Къ тому времени повстанцы успѣли уже забаррикадировать трамвайными вагонами всѣ улицы, ведущія къ почтѣ. Такъ какъ баррикады эти были устроены людьми, знающими военное искусство, то сѣверная часть Дублина представляла собою одну крѣпость, которую войска взяли только въ среду. Со вторника же войска „обложили крѣпость", т. е. составили цѣпь вдоль длинной улицы, опоясывающей всю сѣверную половину города. Отдѣльные

форты этой крѣпости, т. е. главныя зданія, были особенно укрѣплены повстанцами. Такимъ образомъ, напримѣръ, было забаррикадировано громадное зданіе суда. Повстанцы, вмѣсто мѣшковъ съ пескомъ, пустили въ ходъ громадные фоліанты изъ великолѣпной юридической библіотеки при судѣ и папки съ дѣлами изъ архива. Я говорилъ уже, что въ южной половинѣ города повстанцы заняли громадный паркъ С.-Стивенсъ-гринъ, гдѣ окопались траншеями. Тогда же они заняли выходящій въ паркъ лучшій отель Дублина—Шельборнъ. Во вторникъ утромъ войска обошли этотъ отель и взяли его штурмомъ. Затѣмъ они втащили на крышу по нѣскольку пулеметовъ и начали обстрѣливать траншеи въ паркѣ. Повстанцы продержались подъ огнемъ только минутъ двадцать и поспѣшно отступили въ находящуюся рядомъ медицинскую академію, гдѣ забаррикадировались. Тутъ отрядомъ повстанцевъ командовала эксцентричная графиня Маркевичъ, ирландка, бывшая замужемъ за полякомъ. О ней я скажу дальше, когда дамъ общую характеристику вождей.

Во вторникъ въ полдень въ Дублинъ прибылъ кавалерійскій отрядъ изъ Курра, который захотѣлъ врубиться въ крѣпость. Гусары промчались галопомъ по Саквиль-стритъ, но повстанцы встрѣтили ихъ выстрѣлами изъ оконъ и съ крышъ. Повидимому, тогда войска понесли наибольшія потери. Въ тотъ же день пожары усилились. Повстанцы подожгли, между прочимъ, редакцію старой націоналистической газеты Freeman's Journal, представляющей собою главный органъ партіи Редмонда. Повидимому, повстанцы, занимая главныя зданія, разсчитывали, между прочимъ, на то, что англичане не рѣшатся бомбардировать городъ изъ пушекъ.

V.

Двадцать шестого апрѣля, въ среду утромъ, въ Ирландію прибыли войска изъ Англіи. Они высадились въ Кингстоунѣ, верстахъ въ десяти отъ Дублина, и немедленно отправились въ городъ, захваченный повстанцами. На полпути въ Болсбриджѣ шинъ-фейнисты пробовали задержать войска. Болсбриджъ вытянулся вдоль дороги, ведущей въ Дублинъ. Повстанцы заняли школу и другое большое зданіе, гдѣ укрѣпились; кромѣ того, они вырыли траншеи. Солдаты были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ, но англичане обошли укрѣпленныя зданія и подожгли ихъ. Послѣ этого траншеи были очищены уже безъ труда. Въ тотъ же день, когда войска изъ Англіи прибыли въ Дублинъ, они заняли позиціи, ведущія къ главной цитадели „ларкинистовъ“, т. е. къ Залѣ свободы, Liberty Hall на берегу Лиффи. На этихъ позиціяхъ поставлены были пушки, и послѣ двѣнадцати выстрѣловъ главная квартира синдикалистовъ, упоминавшаяся постоянно въ послѣдніе три года, была разрушена до основанія. Засѣвшіе тамъ ларкинисты частью были

убиты, частью скрылись черезъ посредство подземнаго хода, вырытаго задолго до возстанія. Тутъ же былъ тяжело раненъ въ бедро генералъ Джемсъ Коннолли, что явилось непоправимымъ ударомъ для повстанцевъ, такъ какъ въ раненомъ шинъ-фейнисты потеряли лучшаго своего организатора, человѣка съ большими военными способностями и громадной волей. Товарищи унесли Джемса Коннолли, но онъ уже не могъ командовать.

Возстаніе въ Дублинѣ потеряло характеръ организованнаго, планомѣрнаго движенія и превратилось въ рядъ отдѣльныхъ выступленій. Въ среду вечеромъ войска взяли послѣднія уличныя баррикады въ Эрлъ-стритъ, ведущей къ Саквиль-стритъ. Шинъфейнисты упорно защищали баррикады и дважды даже пробовали перейти въ наступленіе, но послѣ двухчасового боя были вытѣснены. За баррикадами и впереди ихъ осталось много труповъ. На четвертый день возстанія, т. е. въ четвергъ 27 апрѣля, на улицахъ Дублина уже нигдѣ не было баррикадъ. Городъ не представлялъ уже собою крѣпость, а только рядъ отдѣльныхъ фортовъ. Повстанцы засѣли въ занятыхъ зданіяхъ и стрѣляли изъ оконъ, съ крышъ, изъ-за трубъ. Въ южной части Дублина такими фортами были, главнымъ образомъ, медико-хирургическая академія и громадная бисквитная фабрика Джэкобса. Въ четвергъ утромъ эти форты были заняты войсками. Чтобы вытѣснить стрѣлковъ, засѣвшихъ въ домахъ, англійскія войска принялись методически разрушать зданія пушками: сперва разносили верхній этажъ, потомъ слѣдующій и такъ далѣе, до земли. И когда оставшіеся въ живыхъ шинъ-фейнисты (если они не успѣвали скрыться подземнымъ ходомъ) выбѣгали на улицу, ихъ обстрѣливали изъ пулеметовъ.

Беру изъ рукописи очевидца описаніе того, какъ разрушена была такимъ образомъ мельница Болэнда, въ которой засѣли шинъфейнисты, вооруженные карабинами. „Пушечный выстрѣлъ. Крыша мельницы падаетъ. Взвивается столбъ огня. Еще выстрѣлъ, еще и еще. Рушатся стѣны съ развивающимся надъ ними флагомъ повстанцевъ. Еще выстрѣлъ—и мельница представляетъ собою только груду развалинъ“. Къ вечеру въ четвергъ улицы Дублина представляли собою подобіе поля битвы между команчами и сіуксами: шинъ-фейнеры и солдаты пытались подползти другъ къ другу и взять хитростью. Южная часть Дублина уже вся находилась въ рукахъ англійскихъ войскъ, и тамъ шелъ повальный обыскъ изъ дома въ домъ. Въ сѣверной части города повстанцы имѣли еще нѣсколько фортовъ. До утра 28 апрѣля эти форты освѣщались прожекторами, чтобы открыть засѣвшихъ на крышахъ стрѣлковъ. Въ четвергъ обѣ стороны усиленно пользовались бомбами и ручными гранатами. У шинъ-фейнистовъ бомбы были самодѣльныя, наполненныя динамитомъ и кусками стараго желѣза. Самодѣльные пулеметы отобраны были у повстанцевъ въ Liberty Hall. Въ четвергъ ночью начались большіе пожары, уничтожившіе почти всѣ

большіе дома на Саквиль-стритъ. Частью пожары эти произведены были, какъ я упомянулъ, небрежностью громилъ; частью дома поджигались отступавшими шинъ-фейнистами; но больше всего пожары обусловливались орудійнымъ огнемъ. „Занялось большое зданіе,—пишетъ очевидецъ въ своемъ дневникѣ,—раздался оглушительный взрывъ. Снопы пламени полетѣли въ разныя стороны, какъ ракеты, ярдовъ на сто въ воздухъ. Должно быть, взорвался арсеналъ шинъ-фейнеровъ. Затѣмъ послышался грохотъ, и стѣны упали. Такъ свѣтло отъ пожара, что я пишу мой дневникъ, хотя нахожусь на разстояніи мили отъ огня“.

Въ пятницу двадцать восьмого апрѣля возстаніе было фактически раздавлено. Въ домахъ держались только еще отдѣльные стрѣлки. Территорія ирландской республики состояла только изъ укрѣпленныхъ зданій почты и суда. И вотъ въ пятницу, когда все уже было потеряно, главнокомандующій республиканской арміей издаетъ манифестъ, въ которомъ говорится о неминуемой побѣдѣ и о нѣмцахъ, спѣшащихъ на помощь къ повстанцамъ. „Къ солдатамъ республиканской арміи!—читаемъ мы.—Сегодня—пятый день существованія ирландской республики. Флагъ нашей страны все еще развѣвается на главныхъ дублинскихъ зданіяхъ. Наши солдаты и офицеры доблестно защищаютъ это знамя. Не проходитъ дня безъ того, чтобы наша армія не получала новыя подкрѣпленія. Ирландцы всѣхъ партій горятъ желаніемъ сражаться за общее дѣло. Не смотря на всю бдительность непріятеля, мы получили извѣстіе, что все мужское населеніе Ирландіи, воодушевленное нашимъ примѣромъ, готово къ выступленію и рѣшило отдать, если понадобится, даже жизнь за святое дѣло. Мы засѣли въ зданіи почты, потому что непріятель считаетъ эту цитадель сердцемъ великаго движенія.

„Напомнимъ вамъ все то, что сдѣлано уже. Впервые за семьсотъ лѣтъ знамя свободной Ирландіи побѣдно развѣвается надъ Дублиномъ. Британская армія, похваляющаяся тѣмъ, что штурмовала нѣмецкіе окопы на Марнѣ,—сидитъ неподвижно подъ прикрытіемъ пушекъ и пулеметовъ, не рѣшаясь двинуться на наши позиціи. Громадныя потери, понесенныя англичанами въ первые дни сраженія противъ насъ, такъ напугали ихъ, что они не рѣшаются послать пѣхоту, чтобы штурмовать наши позиціи. Коменданты отдѣльныхъ фортовъ крѣпко держатся“.

Дальше слѣдуетъ подробный отчетъ о положеніи этихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, хотя въ тотъ моментъ, когда прокламація издана, большая часть крѣпостей была уже потеряна. „Изъ Дёндолка 200 республиканцевъ идутъ намъ на подмогу. Въ Голуэѣ капитанъ . . . [1]), только что бѣжавшій изъ-подъ ареста, ведетъ своихъ солдатъ въ походъ. Вексфордъ и Викло стоятъ крѣпко за насъ. Коркъ и Керри

[1]) Имя пропущено въ прокламаціи.

тоже держатся съ честью. Мы *питаемъ абсолютную вѣру въ помощь со стороны нашей союзницы Германіи* и въ нашихъ земляковъ въ Америкѣ. *Германія напрягаетъ всѣ усилія, чтобы придти къ намъ на помощь.* Вы знаете, конечно, что вчера я былъ дважды раненъ и не могу поэтому двигаться; но я приказалъ, чтобы меня въ койкѣ принесли въ линію огня. Смѣлѣе, дѣти мои! Мы побѣждаемъ. И въ этотъ моментъ побѣды не забудемъ смѣлыхъ женщинъ, поддерживавшихъ и ободрявшихъ насъ. Никогда раньше еще передъ мужчинами и женщинами не стояла болѣе высокая цѣль, какъ передъ нами теперь. Никогда раньше цѣль эта не достигалась при помощи такихъ подвиговъ, какъ теперь". Подъ прокламаціей стоитъ подпись Джемса Конноли.

Германія использовала фанатизмъ крайнихъ націоналистовъ. Что же касается помощи, которую такъ ждали шинъ-фейнисты, то о ней говоритъ фактъ, выяснившійся на допросѣ сэра Роджера Кэйземента. Нѣмцы, правда, отправили небольшой пароходъ съ оружіемъ (не свой, а англійскій) къ берегамъ Ирландіи, но погрузили его не маузеровскими ружьями,

Что же касается патроновъ, *то они не приходились къ этимъ винтовкамъ.* Другими словами, Германія за человѣческую душу заплатила *фальшивыми деньгами.* Событія въ Ирландіи и поведеніе Германіи въ этомъ случаѣ должны получить самую широкую извѣстность. Если есть гдѣ-нибудь ослѣпленные націоналисты, вѣрящіе, что самобытность и „самостойность" могутъ быть добыты при содѣйствіи Германіи, пусть они видятъ, какой фальшивой монетой расплачивается она...

Къ вечеру того же дня, когда выпущенъ былъ манифестъ: „мы побѣждаемъ", повстанцы вынуждены были очистить почту. Они облили все горючее въ ней керосиномъ, подожгли это и удалились въ сосѣднія зданія—въ мюзикъ-холлъ. Ночью пожары въ сѣверной части Дублина усилились. Въ субботу 28 апрѣля, въ полдень, „президентъ республики" былъ раненъ, сдался въ плѣнъ и отдалъ передъ этимъ приказъ всѣмъ повстанцамъ сложить оружіе, такъ какъ дѣло потеряно. Когда къ вечеру шестого дня существованія „Ирландской республики" сдалась послѣдняя цитадель — „Four Courts" (зданіе суда),—возстаніе было подавлено окончательно.

Число убитыхъ и раненыхъ въ Дублинѣ выяснено во время запроса въ парламентѣ. Шинъ-фейнистовъ убито 180, а солдатъ 124. Всего же шинъ-фейнисты потеряли 794 человѣка, а англійскія войска 521.

„Я зналъ лично прежнихъ вождей ирландской революціи Парнелля, Майкеля Дэвитта, О'Лири,—пишетъ мнѣ знакомый ирландецъ, живущій въ одномъ изъ городовъ на западномъ берегу Эрика.—Я знаю, кромѣ того, изъ книгъ про революціонеровъ 1798 года. И я все спрашиваю себя: что у нихъ общаго съ поэтами, журналистами и профессорами, принимавшими участіе въ движеніи

шинъ-фейнистовъ? Ничего! Другомъ Ирландіи отъ вѣка была Франція. Она помогала намъ въ революціонныхъ движеніяхъ конца XVIII вѣка. Шинъ-фейнисты воспитывались на французскихъ идеяхъ. И, если принять все это во вниманіе, еще большей нелѣпостью явится то, что именно эти вожди обратились за помощью къ Германіи, къ врагу испытаннаго друга Ирландіи—Франціи. Неменьшимъ чудомъ для меня является то, что съ *такими* вождями-поэтами возстаніе продержалось шесть дней". Мой пріятель—націоналистъ (редмондистъ)—особыхъ симпатій къ Англіи ни въ коемъ случаѣ не чувствуетъ. Помню, какъ рѣзко, въ первый моментъ знакомства, онъ сказалъ мнѣ: „Я ирландецъ, а не англичанинъ".

VI.

Прежде, чѣмъ продолжать разсказъ про несчастное движеніе въ Ирландіи, я хочу познакомить читателей съ „поэтами, журналистами и профессорами", какъ выразился мой пріятель-ирландецъ, т. е. съ вождями шинъ-фейнистовъ. Самымъ сильнымъ человѣкомъ движенія былъ Джемсъ, или Джимъ, Коннолли. Надо себѣ представить коренастаго человѣка, круглоголоваго, съ рѣшительнымъ красивымъ лицомъ. Широкій, нависшій лобъ, квадратный, гладко выбритый подбородокъ, характерный ротъ съ плотно сжатыми губами говорили о силѣ и о большой волѣ. Я его слышалъ одинъ разъ, три года тому назадъ, когда онъ выступалъ въ Лондонѣ, въ Альбертовой залѣ, вмѣстѣ съ Джимомъ Ларкиномъ. У послѣдняго былъ характерный ирландскій акцентъ. Онъ плохо зналъ литературный англійскій языкъ, говорилъ нескладно и бралъ только большимъ чувствомъ. Коннолли говорилъ гладко, очень литературно и скорѣе напоминалъ человѣка, прошедшаго черезъ Кэмбриджскій университетъ, чѣмъ рабочаго-самоучку. Онъ былъ прекрасный ораторъ и недурной публицистъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его книга „Labour in Irish History", вышедшая года три тому назадъ. Джемсъ Коннолли долго жилъ въ Америкѣ, откуда привезъ въ Ирландію ученіе синдикализма. Въ Дублинѣ онъ распропагандировалъ Ларкина. Сторонниками ихъ были, по преимуществу, дублинскіе чернорабочіе.

Одной изъ загадокъ возстанія является не только то, что ирландцы, друзья французовъ, обратились за помощью къ Германіи. Непонятно также, какимъ образомъ вождь синдикалистовъ сталъ также вождемъ узкаго націоналистическаго движенія, захватившаго, по преимуществу, обезпеченные средніе классы. По всей вѣроятности, Коннолли оцѣнивалъ шинъ-фейнизмъ, главнымъ образомъ, какъ орудіе, способное разрушить „редмондизмъ", опирающійся на консервативные средніе классы и на фермеровъ. Во время большой стачки докеровъ въ Дублинѣ въ 1913—14 годахъ Коннолли проповѣдывалъ мѣстнымъ чернорабочимъ синдикализмъ, „какъ онъ прак-

тикуется въ Лосъ - Анджелосъ и въ другихъ городахъ Западныхъ Штатовъ". Недоговоренныя слова эти означаютъ очень многое. Джемсъ Коннолли былъ тогда арестованъ и отправленъ въ тюрьму за прикрытый призывъ къ взрывамъ; но онъ объявилъ „голодный бунтъ" и былъ выпущенъ послѣ семидневной голодовки.

Джемсъ Коннолли явился главнымъ вождемъ возстанія, такъ сказать, его динамической силой. Слѣдующій по важности вождь, „президентъ Ирландской республики", Патрикъ Пирсъ, представляетъ совершенно другой типъ. Коннолли — рабочій-самоучка, тогда какъ Пирсъ — интеллигентъ, получившій университетское образованіе. Коннолли видѣлъ свой идеалъ впереди. По мнѣнію Пирса,—Ирландія пережила свой золотой вѣкъ семьсотъ лѣтъ тому назадъ, во время расцвѣта средневѣковой культуры. И, чтобы возродить далекое прошлое, Пирсъ сперва основалъ въ Дублинѣ Общество возрожденія вымершаго языка, потомъ сталъ самъ писать на гельскомъ языкѣ драмы и поэмы, въ которыхъ фигурировали легендарные герои; потомъ открылъ St. Enda's College, въ которомъ все преподаваніе шло на гельскомъ языкѣ, а затѣмъ принялъ участіе въ насажденіи стариннаго идеала путемъ оружія. „Въ 1899 г. Гельская лига представляла собою никому неизвѣстную организацію, занимавшую двѣ темныя комнаты въ пустой улицѣ Дублина,—пишетъ Луисъ Уолшъ...—Лига привлекала очень мало вниманія въ академическихъ кругахъ. Организаторы Гельской лиги поэтому ужасно обрадовались, когда имъ удалось убѣдить насъ, молодыхъ студентовъ, прослушать курсъ гельскаго языка. Собралось насъ на лекцію человѣкъ десять, не больше. Нашимъ преподавателемъ былъ молодой человѣкъ, застѣнчивый, въ очкахъ, по имени Патрикъ Пирсъ...

„Предскажи намъ какой-нибудь пророкъ въ 1899 г. кровавую дублинскую драму 1916 г., никто изъ насъ не повѣрилъ бы, что красивый, застѣнчивый молодой преподаватель съ блѣднымъ интеллигентнымъ лицомъ станетъ вождемъ революціоннаго движенія и главою временнаго правительства. И прежде всего не повѣрилъ бы этому самъ Патрикъ Пирсъ. Всѣ данныя говорили за то, что молодой преподаватель состарится въ библіотекѣ, надъ средневѣковыми рукописями... Пирсъ въ то время всецѣло былъ поглощенъ изученіемъ особенностей стараго гельскаго языка и восторгался красотами гельской литературы. Онъ передалъ намъ, молодымъ студентамъ, свой энтузіазмъ къ „старымъ народнымъ ирландскимъ пѣснямъ". Тогда Патрикъ Пирсъ поражалъ молодыхъ студентовъ, мечтавшихъ о гомрулѣ, своимъ равнодушіемъ къ политикѣ, такъ какъ въ первую голову ставилъ національное возрожденіе языка и культуры. Луисъ Уолшъ приводитъ выдержку изъ лекціи Пирса, прочитанной въ 1899 г. „Сотни благородныхъ людей, горячо преданныхъ Ирландіи, боролись за освобожденіе гельской расы и

гибли, не добившись успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, если былъ когда-нибудь идеалъ, достойный осуществленія, то это тотъ, за который боролись и гибли Ю изъ Дёнганона, Оуэнъ Ро, Ульфъ Тонъ, Робертъ Эмметъ и Граттанъ; тотъ идеалъ, который воспѣвали Муръ и Дэвисъ. И между тѣмъ усилія этихъ героевъ пропали напрасно".

Патрикъ Пирсъ объясняетъ причину неудачи. Историческая миссія гельскаго народа заключается не въ созданіи политически-независимаго государства. „Кельтъ-ирландецъ не похожъ на остальныхъ людей: лопата, станокъ и мечъ созданы не для него. И тѣмъ не менѣе гельской націи уготовлена судьба болѣе славная, чѣмъ досталась на долю Риму и Британіи. Гельская нація спасетъ идеализмъ въ современномъ обществѣ. Она возродитъ и обновитъ міровую литературу. Гельской націи предопредѣлено быть учителемъ другихъ народовъ, проповѣдникомъ евангелія культа природы, культа героевъ и Бога. Вотъ судьба гельскаго народа!"

Передъ нами сущность ученія всякаго крайняго націонализма, а именно вѣра въ избранный народъ и въ историческую миссію, предопредѣленную отъ вѣка... Пирсъ былъ не только профессоромъ, но и литераторомъ. Главныя его произведенія написаны подъ вліяніемъ старинкаго сборника о дѣяніяхъ ирландскаго Ахилла, Кухулина, но у него есть также разсказы изъ жизни крестьянъ въ Западной Ирландіи. Всѣ эти произведенія тоже написаны по-гельски. Говорятъ, разсказы „Іосаганъ" и „Байрбре" очень хороши. Гимназія, основанная Пирсомъ (St. Enda's College), имѣла большой успѣхъ. Пирсъ оказался прекраснымъ директоромъ, любовно относившимся къ дѣлу. Такимъ образомъ, на основаніи всѣхъ данныхъ, передъ нами вырисовывается теоретикъ, оторванный отъ дѣйствительности [1]) поэтъ, жившій въ атмосферѣ XII вѣка, и энтузіастъ крайняго націонализма, не успѣвшаго еще перейти изъ оборонительнаго фазиса въ наступательный.

Передъ нами еще поэтъ:—третій членъ временнаго правительства, Томасъ Макъ-Дона. Это — магистръ, профессоръ англійской литературы въ дублинскомъ университетѣ. Спеціальность его — литература эпохи Елизаветы. Степень магистра получена имъ за работу о жизни и трудахъ неизвѣстнаго поэта и музыканта Томаса Кэмпіона, современника Шекспира. Макъ - Дона считался также большимъ знатокомъ классическихъ языковъ. Онъ принималъ, вмѣстѣ съ Пирсомъ, дѣятельное участіе въ гельской лигѣ, но писалъ свои стихи не по-гельски, а по-англійски. Эти стихотворенія посвящены прошлому Ирландіи и борьбѣ Эрина за свободу.

„Let Erin remember the heroes brave".

(Пусть Эринъ вспомнитъ доблестныхъ героевъ). Эта первая строчка стихотворенія представляетъ собою ключъ ко всему сбор-

---

[1]) Daily Chronicle, May 11, 1916.

нику, въ которомъ оно помѣщено. У меня имѣется только сборникъ стихотвореній Томаса Макъ-Дона „Songs of Myself" (Пѣсни о самомъ себѣ), вышедшій въ 1910 г. Всѣ стихотворенія посвящены любви и смерти. Тонъ ихъ—крайне пессимистическій. Одно стихотвореніе называется „Самоубійца". Макъ-Дона, какъ поэтъ, не можетъ быть сравненъ съ Муромъ, но онъ, несомнѣнно, очень талантливъ. Стихи его искренни и звучны. Ни по этимъ стихотвореніямъ, ни по магистерской работѣ о Томасѣ Кэмпіонѣ нельзя предположить, что авторъ будетъ революціонеромъ, членомъ временнаго правительства и найдетъ трагическую смерть послѣ короткаго военно-полевого суда.

Вотъ еще членъ временнаго правительства, тоже разстрѣлянный,—Томасъ Кларкъ. Передъ нами совершенно другой типъ, чѣмъ Патрикъ Пирсъ и Томасъ Макъ-Дона. Кларкъ — старикъ, бывшій феній, принимавшій въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ участіе въ динамитномъ взрывѣ и осужденный тогда въ каторжныя работы. Послѣ освобожденія изъ тюрьмы, Кларкъ уѣхалъ въ Америку, возвратился оттуда съ кое-какими деньжонками и завелъ лавку въ Дублинѣ. Старый феній вѣрилъ только въ то, что ирландцы называютъ physical force method, и съ презрѣніемъ относился къ парламентскимъ средствамъ борьбы. Собственно говоря, для стараго фенія „physical force" была самоцѣль.

Крайне романтической фигурой является слѣдующій членъ „временнаго правительства" — Джозефъ Плёнкетъ. Передъ нами совсѣмъ еще молодой человѣкъ, почти юноша, сынъ графа Плёнкета (титулъ этотъ данъ папой), очень богатаго ирландскаго помѣщика и мецената. Такіе, какъ Джозефъ Плёнкетъ, фигурировали въ польскихъ возстаніяхъ и въ венгерской революціи 1848 года. Вся семья Плёнкетовъ принимала дѣятельное участіе въ шинъфейнистскомъ движеніи. Въ то же время вся семья — ревностные католики, сумѣвшіе проявить свою преданность папѣ. Къ слову сказать. Всѣ вожди ирландскаго движенія—ревностные католики. Они исповѣдались и причастились передъ возстаніемъ. Патрикъ Пирсъ былъ извѣстенъ, какъ свободный мыслитель, но передъ возстаніемъ пожелалъ примириться съ церковью. Онъ тоже исповѣдался и причастился. Графиня Маркевичъ крещена, какъ протестантка, а потомъ стала свободной мыслительницей; но послѣ мятежа присоединилась къ католической церкви. Идеалы семьи Плёнкетъ — феодально-націоналистическіе. Джозефъ Плёнкетъ былъ присужденъ полевымъ судомъ къ разстрѣлянію. Наканунѣ казни произошло событіе, которое произвело глубокое впечатлѣніе на романтическіе умы ирландцевъ. Джозефъ Плёнкетъ обвѣнчался въ тюрьмѣ съ дѣвушкой, которую любилъ. Черезъ три часа мужа повели на казнь.

Скажу еще нѣсколько словъ о графинѣ Маркевичъ. Передъ нами

эксцентричная, одаренная натура, часто выступавшая, какъ суффражистка-милитантка. Она хорошо рисовала, и картины ея были даже приняты въ парижскомъ салонѣ. Маркевичъ недурно писала стихи и драмы. Во время суффражистскихъ манифестацій она появлялась или верхомъ, или въ каретѣ, запряженной четверкой лошадей, которыми сама правила. Во время большой дублинской стачки докеровъ, графиня Маркевичъ переселилась въ трущобы, гдѣ работала съ утра до вечера, какъ кухарка, стряпая для дѣтей стачечниковъ. Во время возстанія Маркевичъ, переодѣвшись въ мужское платье, командовала отрядомъ, захватившимъ медико-хирургическую академію.

А теперь буду продолжать разсказъ о дублинской драмѣ.

Діонео.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВНУТРЕННЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. Обязательныя постановленія о топливѣ, желѣзѣ, мануфактурѣ.

Судьбѣ было угодно, чтобы время пасхальныхъ вакацій Думы и Совѣта стало начальнымъ періодомъ рѣшительныхъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, быть можетъ, и рѣшающихъ, мѣропріятій... Вышло такъ отчасти само собою. И прежде всего потому, что съ разрѣшеніемъ многихъ острыхъ нуждъ у насъ ужь очень не торопились. Откладывали, оттягивали, отодвигали. Однимъ это выгодно или, по крайней мѣрѣ, не убыточно. Другимъ—убыточно, но они уповали на авось. Третьи говорили: вотъ Дума соберется, Дума устроитъ... Но Дума разочаровала не меньше, чѣмъ авось. А нужда достигла той точки, когда „ждать больше нельзя“,—хочешь или не хочешь, а принимай мѣры...

И мѣры посыпались, какъ градъ. Ихъ много. Не знаешь, съ чего начать. Ну, вотъ хотя бы нефть... Съ нею давно неважно. Осенью прошлаго года цѣны вскочили до 60 коп. за пудъ, не считая фрахта. Въ концѣ прошлой осени открыта была, какъ извѣстно, панацея противъ „дороговизны“—твердыя цѣны. И противъ нефтяной болѣзни въ первую голову выдвинули это лекарство. Виднѣйшіе нефтепромышленники—гг. Гукасовъ, Нобель, фонъ-Дитмаръ—настаивали, чтобы зафиксировать и объявить твердой рыночную тогдашнюю цѣну—60 коп. Но начальство воспротивилось. И правилами 31 декабря 1915 г. была зафиксирована твердая цѣна—45 коп. пудъ на мѣстѣ добычи. Затѣмъ стали потихоньку, но не очень медленно, „дополнять“ эту

твердую цѣну. Предоставили продавцу законную возможность—получать не 45, а 55 коп., за пудъ, если продаваемая имъ нефть годится для моторовъ (а для моторовъ, по словамъ специалистовъ, годится почти всякая нефть). Прибавили до 15 коп. на пудъ за продажу „въ бочкахъ или иной, болѣе мелкой, посудѣ". Прибавили оптовому продавцу на утечку, на перекачку, еще кое за что. И такимъ порядкомъ при помощи „дополненій" достигли того, что установилось двѣ твердыхъ цѣны: для промышленника на мѣстѣ добычи 45 коп., а для потребители, также на мѣстѣ добычи, 72½ коп. за пудъ. Бакинская газета „Каспій" (№№ 26.IV и 18.V) попыталась подсчитать, во что обошлись потребителю эти „дополненія". По ея вычисленіямъ оказывается, что они равносильны налогу на страну въ размѣрѣ около 11 мил. руб. въ пользу нѣкоторыхъ крупныхъ нефтепромышленниковъ. Эта сумма 11 мил. руб., по комментаріямъ того же „Каспія", попадаетъ въ кассы около 20 фирмъ, объединенныхъ въ три группы. Эти фирмы не только добываютъ нефть, но располагаютъ транспортной и распредѣлительной организаціей для оптовой торговли нефтью и нефтяными продуктами. Передъ потребителемъ они являются фактически монопольными торговцами. Именно въ качествѣ торговцевъ они и получаютъ прибавки къ предѣльной цѣнѣ на основаніи „дополненій" къ правиламъ 31 декабря. А въ качествѣ монополиста, они забираютъ нефть у 150 (приблизительно) фирмъ, занимающихся добычей. Положеніе, значитъ, создано такое: монополистъ беретъ у добытчика нефть по „твердой цѣнѣ" 45 коп. пудъ; и, какъ только онъ ее купилъ, она получаетъ уже другую „твердую цѣну"—72½ коп.,—моментальная прибыль свыше 61%. Такимъ образомъ достигнуто то, что для капитала мало интересна добыча, но очень интересна торговля тѣмъ, что добыто. Добыча придавлена. Голоданіе рынка усиливается. Начальство видитъ, понимаетъ и принимаетъ мѣры. Для конкретнаго поясненія, какія именно мѣры укажу хотя бы слѣдующее обращеніе, опубликованное 16 мая, одесскаго градоначальника г. Сосновскаго къ потребителямъ:

„Настоящимъ объявляется, что распредѣленіе жидкаго минеральнаго топлива между потребителями Херсонской и Бессарабской губерній съ одесскимъ и николаевскимъ градоначальствами возложено на меня и совѣщаніе, образованное при мнѣ"... Въ виду этого „всѣ заявленія о потребномъ жидкомъ минеральномъ топливѣ должны быть каждый разъ, не позже 1 числа мѣсяца, предшествующаго тому, на который подается заявленіе, подаваемы на мое имя и отправляемы моему замѣстителю, начальнику одесскаго отдѣленія юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ инженеру К. А. Влодеку"...

Одновременно одесскій градоначальникъ предупреждаетъ, что и „твердаго минеральнаго топлива" „безусловно не хватитъ для всѣхъ потребителей, а потому надо заранѣе „стремиться" къ переходу на „дрова, солому и т. п.".

Съ твердымъ минеральнымъ топливомъ невзгода такая же. Винили углепромышленниковъ въ умышленной задержкѣ добычи, въ устройствѣ искусственнаго угольнаго голода на рынкѣ. И не безосновательно винили. Противъ этого спекулятивнаго средства была примѣнена общая реквизиція добычи. Но эта мѣра оказалась довольно платонической.

. . . .

Устранять всѣ эти недостатки—дѣло сложное, трудное. Но считаться съ ихъ послѣдствіями надо. И въ той же, напр., Одессѣ того же 16 мая опубликовано обязательное для потребителей постановленіе. Кому нуженъ уголь для промышленныхъ цѣлей, тотъ долженъ сначала обратиться къ участковому фабричному инспектору за удостовѣреніемъ. Получивъ удостовѣреніе, надо приложить къ нему разные документы и все это подать одесскому градоначальнику, какъ уполномоченному особаго совѣщанія по топливу съ просьбой о разрѣшеніи на уголь. Въ такомъ порядкѣ надо подавать просьбы ежемѣсячно. И только при точномъ соблюденіи этого порядка можно получить „твердое минеральное топливо“ въ томъ количествѣ, какое при разверсткѣ окажется возможнымъ... Не только въ Одесскомъ районѣ такъ. Данная мѣра вообще проводится въ жизнь при помощи обязательныхъ постановленій, публикуемыхъ отъ имени уполномоченныхъ особаго совѣщанія по топливу. Одесскія постановленія мною взяты для примѣра.

Пришло время подойти вплотную и къ вопросу о желѣзѣ. Эта отрасль сосредоточена въ металлургическомъ комитетѣ при особомъ совѣщаніи по оборонѣ. Комитетъ позаботился „составить общій балансъ металла“.

. . . .

Были, сколько извѣстно, разные проекты. Всего проще усилить добычу угля... Но мы уже знаемъ, что дорогу въ эту сторону загородили желѣзнодорожныя условія. А они — вопросъ, дѣйствительно, „коренной“, имѣющій связь со всею системою хозяйства. Были проекты освободить нѣкоторое количество угля, замѣняя его, гдѣ можно, инымъ топливомъ. Но мы уже знаемъ, какъ стоитъ дѣло съ нефтью. Дорогу загораживаетъ опять „коренной вопросъ“,— о промышленной политикѣ вообще и политикѣ по отношенію къ крупнѣйшимъ промышленникамъ въ частности. Говорили о замѣнѣ, гдѣ это возможно, угля, необходимаго для металлургіи, дровами. Чего бы проще: и лѣсу много, и доставить можно бы во многія мѣста сплавомъ. Но усилія расширить заготовку дровъ разбиваются о невозможность собрать необходимое количество рабочихъ. Они есть,—рабочіе-то. Хватило бы для такого дѣла. Но и тутъ дорогу перегородилъ „коренной вопросъ“ — объ организаціи народнаго труда. „Коренные вопросы“ „внѣ компетенціи“ металлургическаго комитета. И неизвѣстно, какое учрежденіе считаетъ ихъ входящими въ его компетенцію. Но съ послѣдствіями все-таки считаться

надо. Металлургическій комитетъ установилъ съ 24 апрѣля предѣльныя цѣны: чугунъ отъ 1 р. 25 к. до 1 р. 35 коп. за пудъ, сортовое желѣзо отъ 2 р. 30 коп. до 3 р. пудъ, кровельное желѣзо отъ 3 р. 40 коп. до 3 р. 90 коп. за пудъ. Но это—цѣны „для нуждъ обороны", въ защиту интересовъ казны. Частный потребитель платитъ 40—50 коп. за фунтъ гвоздей, стоившихъ до войны 6 коп., 5 руб. за топоръ, вмѣсто 80—90 коп. до войны, 80 коп. за вилы, которымъ до войны красная цѣна была 20 коп., и т. д.

. . . .

Понадобилось принять героическія мѣры. О характерѣ ихъ приходится судить по обязательнымъ постановленіямъ. Беру обязательныя постановленія, опубликованныя отъ имени вятскаго губернатора 18 мая, за №№ 42 и 43. Касаются они Уральскаго металлургическаго района и устанавливаютъ такую систему распредѣленія. Выпускъ въ продажу „всѣхъ сортовъ чугуна, желѣза и стали" изъ заводовъ и заводскихъ складовъ подчиненъ особому порядку, контролю и надзору. Что же касается „торговыхъ складовъ, конторъ и магазиновъ, торгующихъ исключительно металлами" и имѣющихъ металловъ и металлическихъ издѣлій не менѣе 200 пудовъ, то они должны не позже 25 мая представить уральскому заводскому совѣщанію вѣдомости о томъ, сколько у нихъ товара въ наличности, а затѣмъ къ 1 числу каждаго мѣсяца представлять тому же совѣщанію учетныя вѣдомости, „съ указаніемъ по каждому роду металловъ", откуда что поступило, въ какомъ количествѣ, куда и сколько за мѣсяцъ продано. Продавать же и отпускать товары изъ этихъ магазиновъ, конторъ и торговыхъ складовъ вообще воспрещается. Разрѣшается оптовая продажа и отпускъ лишь въ двухъ случаяхъ: 1) для предпріятій, работающихъ на оборону, если покупатель предъявитъ надлежащее о томъ удостовѣреніе; 2) для ремонта и изготовленія сельскохозяйственныхъ машинъ и орудія,—опять-таки, если будетъ предъявлено покупателемъ удостовѣреніе. „Для необходимѣйшихъ потребностей населенія" разрѣшается торговля только розничная — не болѣе 10 пудовъ „въ одинъ разъ отдѣльному лицу", и притомъ о всѣхъ такихъ продажахъ должны вестись подробныя записи въ торговыхъ книгахъ. Въ поясненіе этой максимальной цифры—10 пудовъ—замѣтимъ, что такимъ количествомъ, напр., кровельнаго желѣза нельзя покрыть крышу обычной —девятиаршинной — крестьянской избы

Сверхъ надзора за продажей, обязательными постановленіями воспрещается вывозъ металловъ изъ губерній Уральскаго района сплавомъ по рѣкамъ. „Желѣзо сортовое, фасонное или фигурное и ломъ, а также чугунъ и сталь, какъ въ болванкахъ, такъ и въ издѣліяхъ и въ ломи" разрѣшается вывозить по рѣкамъ только для нуждъ обороны, если будетъ предъявлено соотвѣтствующее удостовѣреніе „военнаго начальства или управленія желѣзной дороги", или „управленія заводского предпріятія, работающаго на оборону".

Не имѣющимъ такого удостовѣренія сплавъ по рѣкамъ можетъ быть разрѣшенъ только главнымъ начальникомъ уральскихъ горныхъ заводовъ, въ качествѣ уполномоченнаго предсѣдателя особаго совѣщанія по оборонѣ. Безъ разрѣшенія можно отправлять „внизъ по рѣкамъ Вяткѣ и Камѣ“ лишь кровельное желѣзо.....

. . . .

Разрѣшенія на покупку и вывозъ оптовыхъ партій для нуждъ обороны выдаются: управленіями горнозаводскихъ округовъ, комитетами земскаго и городского союзовъ, военнопромышленными комитетами, уральскимъ заводскимъ совѣщаніемъ. Разрѣшенія на оптовую покупку и вывозъ для сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій выдаются земскими или городскими управами... Остается неяснымъ, какъ получить желѣзо для шинъ, подковъ, шкворней, лопатъ, ломовъ, кирокъ и т. д... Все это нужды, которыя даже для сельскаго хозяйства и обороны, во всякомъ случаѣ, не менѣе важны, чѣмъ вѣялки и молотилки. Но какъ ихъ удовлетворить,—неизвѣстно.

Изложенныя правила, повторяю, относятся къ Уральскому району. Продукты южныхъ заводовъ, объединяемыхъ синдикатомъ „Продамета“, поддаются болѣе простому распредѣлительному регулированію. По свѣдѣніямъ „Русскихъ Вѣдомостей“, металлургическій комитетъ „вмѣшался“ въ дѣятельность какъ „Продаметы“, такъ и „Кровли“ (синдикатъ уральскихъ заводовъ по производству кровельнаго желѣза).

Втеченіе тѣхъ же вакаціонныхъ для Совѣта и Думы 40 дней (съ 5 апрѣля по 16 мая) приняты дополнительныя мѣры относительно мануфактурнаго сырья и тканей. По обязательному постановленію министра торговли и промышленности отъ 29 апрѣля 1916 г. „вся шерсть мериносовая, цигейская и перероды стрижки 1916 г. поступаютъ на изготовленіе сукна для нуждъ арміи“. Въ виду этого право покупать шерсть предоставляется лишь тѣмъ лицамъ, предпріятіямъ или организаціямъ, которыя имѣютъ „дозволительные листы“, „выдаваемые отдѣломъ тонкихъ суконъ комитета по дѣламъ суконной промышленности“; „всѣ сдѣлки, совершенныя (ранѣе обязательнаго постановленія) на покупку шерсти стрижки 1916 г., объявляются недѣйствительными“. Одновременно усилены мѣры въ томъ же направленіи относительно хлопка, льна, джута. Не забыты и ткани. Въ частности, особымъ обязательнымъ постановленіемъ, опубликованнымъ отъ имени владимірскаго губернатора, запрещено вывозить ткани Иваново-Вознесенскаго района изъ Владимірской губерніи, безъ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія. По словамъ „Новаго Времени“ (11. V) мѣстный губернаторъ истолковалъ предоставленную ему власть надзора шире, чѣмъ бы слѣдовало,—взялъ на себя оцѣнку даже интендантскихъ заказовъ, счелъ возможнымъ и необходимымъ разрѣшать вывозъ иваново-вознесенской мануфактуры изъ Владимірской губерніи только по срочнымъ заказамъ интендантства... Но от-

мѣчаемыя „Новымъ Временемъ“ крайности и увлеченія у насъ неизбѣжны. Надзоръ за распредѣленіемъ фактически вѣдь возложенъ на администрацію. А ей свойственно увлекаться. Независимо отъ этого,—вообще остается неяснымъ, чѣмъ собственно данный—мануфактурный—циклъ мѣръ вызванъ.

Никто изъ отвѣтственныхъ офиціальныхъ лицъ не попытался доказать или объяснить, что онѣ необходимы. Возможна догадка: правительство, дескать, считаетъ, что мануфактурнаго сырья у насъ мало и ничего не можетъ быть уступлено на долю частнаго потребленія. Но эта догадка рѣшительно опровергается спѣшно возникшимъ проектомъ налога на ткани. Налогъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, предполагалось ввести безъ замедленія,—писали даже о намѣреніи воспользоваться пасхальными вакаціями, дающими юридическую возможность примѣнить 87 статью. Значитъ, доходъ предполагается не въ какомъ-то будущемъ, а въ ближайшее время. По проекту, обложенію акцизомъ подлежатъ всѣ вообще ткани. Причемъ между представителями правительства и промышленниками-мануфактуристами возникъ споръ: представители правительства считали болѣе правильнымъ облагать именно ткани (усиливая акцизъ по мѣрѣ перехода отъ общеупотребительныхъ дешевыхъ сортовъ къ болѣе дорогимъ), мануфактуристы же, ссылаясь на техническія трудности фиска, предлагаютъ акцизъ на пряжу. Этимъ споромъ и затормозилось экстренное введеніе налога на ткани. Но само собою понятно, что проектъ такого налога былъ бы безсмыслицей, еслибы правительство считало, что Россія не располагаетъ сколько-нибудь достаточными запасами сырья для текстильной промышленности и что населеніе обречено остаться безъ необходимаго для одежды. Въ сущности и нельзя оставить населеніе совсѣмъ безъ тканей. Какъ бы ни было круто съ сырьемъ и какъ бы ни мало оказывалось въ наличности машинъ для выработки мануфактурнаго товара, а все-таки тыловому населенію надо уступить нѣкоторое, хотя бы и очень ограниченное, количество тканей. Но еслибы правительство предполагало, что уступать придется очень немного только на случай самой крайней нужды, то опять-таки не было бы финансоваго смысла спѣшно выдвигать налогъ на ткани. А разъ такъ, то чѣмъ объяснить, напр., запрещеніе вывоза мануфактуры изъ такихъ крупныхъ производственныхъ центровъ, какъ Владимірская губернія, или изъ такихъ крупныхъ распредѣлительныхъ центровъ, какъ Одесса? Навѣрное, у начальства есть свои резоны и мотивы. Но они не оглашены, а сами собою непонятны

Въ самомъ началѣ я сказалъ, что кипучую дѣятельность во время пасхальныхъ вакацій было бы неосторожно считать сплошь преднамѣренною. Можетъ быть, многое вышло такъ же непроизвольно, какъ непроизвольно падаетъ созрѣвшій плодъ. Можетъ быть, непроизвольно вышло съ нефтью, углемъ и желѣзомъ. По крайней мѣрѣ, эти распоряженія могутъ быть достаточно объяс-

няемы. Къ числу такихъ же достаточно объясняемыхъ распоряженій можно отнести постановленіе комитета по дѣламъ кожевенной промышленности о предѣльныхъ розничныхъ цѣнахъ. Съ чисто-дѣловой точки зрѣнія это постановленіе не очень-то удовлетворительно. Оптовыя цѣны не зафиксированы. Розничныя зафиксированы ужь очень просто: прибавлена прибыль въ 30% къ себѣстоимости производства. Да и себѣстоимость, какъ можно полагать, вычислена безъ обиды для фабрикантовъ обуви. Но все это касается исполненія. А замыселъ самъ по себѣ понятенъ. Съ обувью, и въ самомъ дѣлѣ, до того дошло, что хоть босикомъ ходи. Иные прекраснодушные господа рекомендуютъ въ лапти обуться. Но вѣдь и лаптей нѣтъ. Лапти даже въ лѣсистыхъ мѣстахъ центральной Россіи (гдѣ коренное ихъ производство) продаются нынѣ по 70—80 к. за пару (за деньги), а при разсчетѣ на продукты ровно вдвое дороже натуральной стоимости: пара лаптей обычно считалась въ одной цѣнѣ съ десяткомъ яицъ, а теперь за ту же пару два десятка отдай. При этихъ условіяхъ, повторяю, даже неудачная попытка нормировать цѣны на обувь можетъ быть понята и объяснена.

И все-таки остается неудовлетвореннымъ правовое чувство и нѣтъ удовлетворительнаго отвѣта на соображенія государственной осторожности. Мѣры принимаются исключительныя,—капитальнѣйшаго экономическаго значенія, огромной отвѣтственности. Онѣ затрагиваютъ разнообразнѣйшія стороны государственной жизни. Дѣлаютъ же это спеціальныя учрежденія, предназначенныя работать въ узкой, практической области, но отнюдь не замѣнять законодателя, единственно правоспособнаго соображать всю совокупность государственныхъ нуждъ. Насколько эти совѣщанія, комитеты и иные спеціальные органы власти уполномочены дѣлать то, что они стали дѣлать, можно судить уже по слѣдующему факту: нѣкоторыя принимаемыя ими мѣры оформляются юридически мѣстными начальниками на основаніи статей 15 и 26 приложенія перваго къ примѣчанію второму статьи первой Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Первое приложеніе ко второму примѣчанію статьи первой этого Устава называется „Положеніемъ объ охранѣ государственнаго порядка и общественнаго порядка". Статья 15 этого „приложенія" предоставляетъ извѣстнымъ начальствующимъ лицамъ „издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія общественнаго порядка и государственной безопасности,—какъ, напр., относительно обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и ихъ управляющихъ по внутреннему наблюденію въ границахъ ихъ владѣнія, относительно способовъ сего наблюденія, порядка опредѣленія и смѣщенія лицъ, на которыхъ будутъ возложены владѣльцами упомянутыя обязанности и т. п.". Это какъ разъ та статья, на основаніи которой существуютъ дворники, обя-

занные вести „внутреннее наблюденіе". Статья 26 того же приложенія по второму примѣчанію предоставляетъ главноначальствующимъ разныя права: закрывать учебныя заведенія, пріостанавливать газеты, „разрѣшать экстренныя, пріостанавливать и закрывать очередныя собранія" земскихъ, городскихъ и сословныхъ учрежденій, заключать въ тюрьму до 3 мѣсяцевъ, штрафовать въ размѣрѣ до 3000 руб. и т. п. И вотъ, на основаніи этихъ-то, 15 и 26, статей приложенія ко второму примѣчанію изданы, напр., обязательныя постановленія, коими регулируется по всей странѣ распредѣленіе желѣза, чугуна и стали, производимыхъ горнозаводскимъ Ураломъ... Авторы „временнаго положенія" объ охранахъ были склонны къ распространительному толкованію. Но такую распространительность спеціальнаго добавленія къ полицейскому уставу едва-ли и они могли предполагать.

II. Реквизиція труда. — Попытки усилить власть надъ капиталомъ.—О плодахъ попытокъ вообще.

Даже мѣры, понятныя и поддающіяся достаточному объясненію не удовлетворительно построены въ смыслѣ юридическомъ.

Не всѣ однако мѣры понятны... Распоряженія, относящіяся къ мануфактурѣ, мною уже отмѣчены. Еще важнѣе предпринятое въ цѣляхъ „устраненія недостатка рабочихъ рукъ". Для этихъ цѣлей давно уже рекомендуется „реквизиція труда". И въ отдѣльныхъ мѣстахъ такая реквизиція производилась, — въ видѣ гужевой повинности, возстановленія натуральной дорожной повинности и т. п. Но это въ порядкѣ обязательныхъ постановленій на основаніи все того же всеобъемлющаго приложенія ко второму примѣчанію. Были аналогичныя мѣры изъ центра, — достаточно вспомнить „окопную повинность". Теперь дѣлаются дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи. На основаніи 87 статьи проведенъ законъ, предоставляющій предсѣдателю особаго совѣщанія по оборонѣ право реквизировать трудъ—привлекать къ принудительнымъ работамъ населеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этомъ усматривается необходимость для цѣлей обороны.

Управленіе особаго совѣщанія выработало правила, регламентирующія это право реквизиціи труда. Согласно правиламъ, предсѣдатель совѣщанія или, съ его разрѣшенія, мѣстныя военныя власти могутъ въ какой угодно мѣстности въ тылу привлечь къ принудительной работѣ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, и предусматривается, что въ случаѣ недостатка рабочихъ рукъ въ окрестностяхъ того предпріятія, для котораго этотъ принудительный трудъ будетъ признанъ необходимымъ, населеніе можетъ быть взято изъ другихъ мѣстностей. („Русскія Вѣдомости", 24. V).

При обсужденіи правилъ возникли между членами совѣщанія разногласія:

Членъ Государственнаго Совѣта А. С. Стишинскій предложилъ, чтобы къ принудительнымъ работамъ привлекались только крестьяне или (и?) мѣщане... Члены Государственной Думы, входящіе въ совѣщаніе, возражали противъ установленія въ тылу принудительнаго труда, который цѣликомъ возлагается на крестьянство.

— Въ Государственной Думѣ—говорили они—въ настоящее время стоитъ на очереди законопроектъ объ уничтоженіи разнаго рода натуральныхъ повинностей, которыя несетъ крестьянство, въ связи съ отмѣной сословныхъ ограниченій для крестьянъ. Вѣдомство должно отнестись осторожно къ проектируемой мѣрѣ. Въ противномъ случаѣ предложеніе, проведенное по 87 ст., не будетъ одобрено Государственной Думой.

Въ виду возраженій членовъ Думы, особое совѣщаніе постановило передать этотъ вопросъ на обсужденіе въ особую коммиссію. (Тамже).

Характерная юридическая черта: законъ проведенъ на основаніи 87 статьи въ порядкѣ спѣшности, правила же для его примѣненія вырабатываются во время законодательной сессіи, т. е. когда 87 статья юридически невозможна. Надо однако сказать, что въ данномъ случаѣ, поскольку дѣло касается предоставленія права реквизировать трудъ предсѣдателю особаго совѣщанія по оборонѣ, юридическая сторона вопроса все-таки принимается во вниманіе. Комитетъ по дѣламъ кожевенной промышленности въ предѣлахъ своей компетенціи подошелъ къ реквизиціи труда нѣсколько проще. Не ожидая предоставленія ему правъ на такую реквизицію для обывательскихъ нуждъ, онъ одновременно съ фиксаціей цѣнъ на готовую обувь, продаваемую въ магазинахъ, постановилъ нормировать и цѣны за починку обуви сапожниками. Съ назначеннаго комитетомъ срока, т. е. съ 15 іюня, сапожникъ долженъ чинить обывательскіе сапоги и башмаки за ту цѣну, какая указана въ постановленіи... Надо напомнить, что еще въ началѣ войны трудъ сапожниковъ реквизированъ, но для нуждъ государства. Тогда было въ модѣ считать, что тыловыя потребности не важны. Мода прошла, но плоды ея остались. „На весь городъ Островъ, Псковской губ.,—читаемъ, напр., въ „Рѣчи“ (28. V)—имѣется сейчасъ только одинъ освобожденный по крайней бѣдности и старости отъ работы на армію сапожникъ Василій Босый, къ которому теперь всѣ, богатые и бѣдные, несутъ свою обувь въ починку“... Немногіе освобожденные или не вполнѣ способные выполнять обязательный казенный заказъ за назначенную казной плату и обслуживаютъ обывательскія нужды. „Реквизиціей“ (уже для обывательскихъ нуждъ) настигнутъ нынѣ и этотъ остатокъ. Кстати сказать,—г. Стишинскій могъ бы поднять интересующій его вопросъ и въ данномъ частномъ случаѣ: конечно, въ подавляющемъ большинствѣ сапожники принадлежатъ къ мѣщанскому и крестьянскому сословіямъ, но есть среди нихъ и привилегированные,—по крайней мѣрѣ, изъ ближайшихъ потомковъ духовенства и чиновничества...

Новеллой, проведенной въ порядкѣ 87 статьи, предусматривается общая реквизиція труда для нуждъ обороны. Эта формула

не вполнѣ опредѣленна. И нѣкоторыя уѣздныя земства Саратовской губерніи уже попытались расширить ее. По ихъ мнѣнію, нужно произвести „реквизицію труда“ и для сельскаго хозяйства. Оно вѣдь тоже имѣетъ значеніе для обороны. Да и какая вообще отрасль экономической жизни не имѣетъ значенія для обороны?

Какъ отнесется особое совѣщаніе по оборонѣ къ попыткамъ расширить реквизицію,—мы не знаемъ. Но 3 іюня „Новое Время“ сообщило, что министръ земледѣлія постановилъ: „привлекать населеніе къ гужевымъ перевозкамъ продовольственныхъ грузовъ и топлива“... Начало трудно положить. А разъ начало положено, дѣло само собою расширится и распространится.

Разнородныя и разнообразныя мѣры приводятъ къ нѣкоторому общему результату. Съ одной стороны, мы видимъ усиленіе административной власти надъ распредѣленіемъ. Съ другой—усиленіе той же власти надъ трудомъ. Сдѣланы нѣкоторыя попытки расширить власть и надъ капиталомъ. Объ одной изъ нихъ пока имѣются лишь неопредѣленныя свѣдѣнія. По словамъ петроградскихъ газетъ, „министерство торговли, ссылаясь на постановленіе совѣта министровъ, отклоняетъ всѣ ходатайства объ открытіи въ Петроградѣ новыхъ заводовъ и фабрикъ“. „Министерство признаетъ цѣлесообразнымъ, чтобы фабрики и заводы въ будущемъ строились въ мѣстностяхъ къ востоку отъ меридіана Архангельскъ-Москва-Севастополь, группируясь преимущественно въ поволжскихъ районахъ и далѣе въ Сибири“... Это не опровергнуто. Но, думается, тутъ есть какое-то недоразумѣніе. Я не знаю, какъ отнесется совѣтъ министровъ къ предпріятію, поставившему своей цѣлью утилизировать для цѣлей производства энергію, скажемъ для примѣра, водопада Кивача, но мнѣ кажется все-таки, что министрамъ должно быть извѣстно, что мѣсто возникновенія фабрикъ и заводовъ опредѣляется сложной совокупностью экономическихъ и географическихъ факторовъ. Устанавливать для производствъ черту осѣдлости, и притомъ по меридіанамъ и параллелямъ,—это что-то невозможное. Скорѣе шаржъ юмориста или путаница невѣжды, чѣмъ дѣйствительность.

Болѣе опредѣленны и не возбуждаютъ недоумѣній свѣдѣнія о проектѣ усилить надзоръ и контроль надъ дѣятельностью банковъ. По словамъ газетъ, эту мѣру предполагалось осуществить такъ же спѣшно, втеченіе тѣхъ же пасхальныхъ вакацій и на основаніи той же 87 статьи. Банки немедленно позаботились о контръ-мѣрахъ.

Депутація банкировъ посѣтила предсѣдателя совѣта министровъ Б. В. Штюрмера, которому высказала свои соображенія по поводу усиленія надзора за банками. Депутація вручила премьеру докладную записку, аналогичную той, которая была представлена П. Л. Варку. Б. В. Штюрмеръ, какъ и министръ финансовъ, завѣрилъ банкировъ, что проектъ не будетъ проведенъ въ порядкѣ 87 статьи, а пойдетъ нормальнымъ законодательнымъ путемъ („Русское Слово“, 12. V).

Сверхъ того, возникновеніе проекта „вызвало среди банкировъ твердую рѣшимость создать сильный представительный органъ банковскихъ организацій".

Представители крупнѣйшихъ банковъ возбудили въ министерствѣ финансовъ вопросъ объ учрежденіи новаго органа, подобнаго совѣту съѣздовъ промышленности и торговли, съ правомъ широкаго представительства во всѣхъ правительственныхъ коммиссіяхъ, обсуждающихъ тѣ или иные вопросы, касающіеся финансоваго положенія страны или банковскаго дѣла („Русское Слово", 2. V).

Заговорили объ усиленіи власти надъ банками, а свели разговоръ къ усиленію вліянія и власти банковъ... И постановка этой второй задачи пока оказывается болѣе реальной и болѣе близкой къ осуществленію.

Тутъ опять передъ нами тотъ же „коренной вопросъ", съ которымъ мы встрѣтились на отмѣченномъ выше примѣрѣ нефтяной фиксаціи. Были попытки показать крупнымъ нефтепромышленникамъ власть, отвергнуть ихъ домогательства. И вначалѣ какъ будто удалось. Но все - таки нефтепромышленники настояли на своемъ и сумѣли достигнуть даже большаго, чѣмъ домогались. Такъ оно выходитъ и съ банкирами. И не только съ ними.

Административная власть надъ распредѣленіемъ усилена. Но усиленіе можетъ оказаться чисто формальнымъ... Втеченіе тѣхъ же 40 вакаціонныхъ дней продѣланъ опытъ съ административнымъ распредѣленіемъ сахара. Издали постановленія. Установили строжайшій надзоръ, — ни одного фунта ни одинъ заводъ не долженъ отпускать безъ особаго разрѣшенія центральнаго комитета по закупкамъ. Ни рафинада, ни песку... Но можно получить сахарную крошку. И, по словамъ „Кіевлянина", произошло слѣдующее: мѣстами запасы рафинада быстро были раздроблены, покрошены, крошку стали продавать съ заводовъ по цѣнѣ до 16 р. пудъ. А въ розничной продажѣ ее можно получить копеекъ по 70—80 фунтъ. Запретили вывозъ за границу,—главнымъ образомъ въ Персію. Всѣмъ запретили. Но для тѣхъ, кто имѣетъ солидную протекцію, запреты не обязательны. А коммерція выгодная: при помощи протекцій легко можно получить песокъ по твердой цѣнѣ,—примѣрно, 5 р. 30 коп. за пудъ, и продать его въ Персію, которая платитъ рублей по 16 за тотъ же пудъ. Бакинская городская дума сочла долгомъ безпокоить высшее начальство телеграфными воплями по этому поводу: вывозъ, запрещенный на бумагѣ, фактически идетъ во всю, и не контрабандно, а вполнѣ открыто, по спеціальнымъ распоряженіямъ начальниковъ, неспособныхъ сопротивляться вліятельнымъ или располагающимъ вліяніями экспортерамъ. Въ провинціи во многихъ мѣстахъ на внутреннемъ рынкѣ сахаръ вообще исчезъ. И тамъ, гдѣ это случилось, для рядового обывателя гарантированные $^5/_6$ ф. въ селахъ и $1^1/_3$ ф. въ городахъ оказались басней. Золотника не достанешь. То-есть рядовые обыватели не достанутъ. А есть другіе

обыватели, которые получаютъ сахаръ пудами и даже мѣшками. И частнымъ порядкомъ продаютъ,—копеекъ по 70—80 фунтъ. Можно получить, впрочемъ, и дешевле. Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ лично мнѣ нѣсколько разъ приходилось получать предложенiй: 5 фунтовъ песку (или 4 фунта рафинаду) за бутылку денатурированнаго спирта. Дѣло въ томъ, что сахару можно достать сколько угодно и даже не дорогого, по настоящей твердой цѣнѣ, но болѣе или менѣе темными путями. И его достаютъ въ значительномъ количествѣ даже такiе люди, которые лишены возможности получить на законномъ основанiи денатуратъ... Имъ оно и лестно—добыть бутылочку „гарнаго спирту" за 85 коп. (стоимость около 5 фунтовъ песку по розничной таксѣ, сообразованной съ твердыми цѣнами). А способному пойти на такiя сдѣлки тоже лестно—получить 5 фунтовъ песку за бутылку денатурата, которая стоитъ всего лишь около 20 коп...

Постановленiе кожевеннаго комитета о фиксацiи цѣнъ на обувь вызвало своеобразную „панику": многiе бросились возможно скорѣе, поскольку хватаетъ средствъ, покупать сапоги и башмаки въ запасъ. Отчасти тутъ не лишенный основательности учетъ одного изъ основныхъ пороковъ данной мѣры. Зафиксирована розничная цѣна, оптовикъ же можетъ продавать розничному торговцу по какой угодно цѣнѣ,—лишь бы не выше предѣльной. Очевидно, оптовики получили соблазнъ экспропрiировать возможно большую часть прибыли розничника. А розничнику, сжатому оптовикомъ, не будетъ разсчета продавать обувь по таксѣ. А что въ такихъ случаяхъ происходитъ,—хорошо извѣстно по опыту. Но, независимо отъ этой критической оцѣнки возможностей, много значитъ нѣкоторое огульное чувство, возникшее вслѣдствiе того же опыта. Какъ и почему,—все равно, но, когда администрацiя принимается распредѣлять и нормировать, нормируемые продукты то вдругъ исчезаютъ на рынкѣ, то вдругъ появляются, и судьба ихъ, а равно и обывателя, нуждающагося въ нихъ, становится непостижимой.

Дорога въ сторону усиленiя административной власти тоже вѣдь перерѣзана. Была перерѣзана уже тогда, когда Чеховъ писалъ „Хамелеона". Еще больше ее перерѣзало, когда пьяные сапожники, нацѣпивъ значокъ „истинно-русскаго союза", стали кричать на губернаторовъ. А теперь слишкомъ много расплодилось совершенно дикихъ случайностей и шалыхъ человѣчковъ, противъ которыхъ администрацiя безсильна. Сколько угодно пишите на бумагѣ, чтобы распоряжалась она. Въ дѣйствительности распоряжаются и будутъ распоряжаться они.

III. Мѣры относительно общественныхъ организацій и учрежденій.

Въ обязательныхъ постановленіяхъ, нормирующихъ распредѣленіе желѣза, чугуна и стали, какъ бы учитываются погрѣшности административной организаціи, — на подмогу привлечены общественные элементы, выдача разрѣшеній на оптовую покупку и вывозъ предоставлена, между прочимъ, земскому и городскому союзамъ, военно-промышленнымъ комитетамъ, земскимъ и городскимъ управамъ... Но тутъ новый „коренной вопросъ". И втеченіе тѣхъ же 40 вакаціонныхъ дней онъ изрядно обостренъ.

Предсѣдатель совѣта министровъ въ личной бесѣдѣ освѣдомилъ московскаго городского голову и представителя союза городовъ М. В. Челнокова, что „состоялось постановленіе не разрѣшать"

никакихъ съѣздовъ впредь до окончанія войны... На основаніи этого постановленія не разрѣшенъ даже съѣздъ археологическій, хотя во главѣ археологическаго общества стоитъ товарищъ министра гр. А. А. Бобринскій. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, дѣловыя совѣщанія союза городовъ могутъ имѣть мѣсто и въ будущемъ подъ условіемъ однако полученія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія, которое будетъ выдаваться въ томъ же порядкѣ, въ какомъ состоялось и самое запрещеніе съѣздовъ. Для этого каждый разъ предстоитъ обращаться съ особымъ ходатайствомъ и точно указывать, какъ программу, такъ и составъ совѣщанія („Русскія Вѣдомости" 24. V).

Главноуполномоченный земскаго союза кн. Львовъ освѣдомленъ о томъ же письмомъ отъ московскаго градоначальника. Въ письмѣ сообщается,

что совѣтомъ министровъ признаны въ настоящее время, впредь до новаго распоряженія, съѣзды вообще нежелательными по соображеніямъ государственнаго характера („Русскія Вѣдомости", 27. V).

Эта послѣдняя формулировка не вполнѣ соотвѣтствуетъ фактамъ... Въ настоящее время вошли въ моду съѣзды губернаторовъ. Совершенно свободно прошелъ съѣздъ банкировъ. По иниціативѣ самого начальства созываются по округамъ съѣзды педагоговъ средней школы... По епархіямъ происходятъ съѣзды духовенства, — часть ихъ выноситъ предуказанныя архіереями рѣшенія по вопросу о „реформѣ прихода". Назначенъ съѣздъ объединеннаго дворянства...

. . . .

Пусть правительство считаетъ съѣзды, совѣщанія, собранія нежелательными. Но вѣдь для чего-нибудь существуютъ правила 4 марта 1906 г. И нѣкоторые представители печати заинтересовались вопросомъ, — какъ же быть съ тѣми статьями этихъ правилъ, „на основаніи которыхъ собранія зарегистрованныхъ обществъ и

союзовъ созываются явочнымъ порядкомъ". Обратились за разъясненіями въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Руководящіе чины вѣдомства любезно разъяснили, что правила 4 марта 1906 г. могутъ, въ случаѣ надобности, „лишиться силы", и такую ихъ участь легко оформить „въ порядкѣ обязательныхъ постановленій"...

Съ правилами 4 марта, дѣйствительно, сладить не трудно. Но не въ нихъ лишь юридическое затрудненіе. Возникли вѣдь и такія болѣе или менѣе общественныя организаціи, которыя собираются, совѣщаются, засѣдаютъ по праву учрежденій государственныхъ. Въ видѣ примѣра можно указать на мѣстные органы особыхъ совѣщаній. Кое-какія „реформы" и относительно ихъ министерство внутреннихъ дѣлъ намѣтило и отчасти осуществило. Пояснить характеръ этихъ реформъ могутъ слѣдующія свѣдѣнія объ одномъ изъ апрѣльскихъ засѣданій пензенскаго губернскаго комитета помощи бѣженцамъ. На этомъ засѣданіи главноуполномоченный по устройству бѣженцевъ Пензенской и Тамбовской губерній г. Стерлиговъ (люблинскій губернаторъ) предложилъ

реорганизовать пензенскій губернскій комитетъ на новыхъ началахъ, согласно правиламъ, выработаннымъ особымъ совѣщаніемъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ... Г. Стерлиговъ пытался убѣдить, что „новое положеніе, въ сущности говоря, только завершаетъ естественный ходъ всей работы по дѣламъ бѣженства, ставя во главѣ всего дѣла губернатора въ качествѣ обязательнаго предсѣдателя, при чемъ самъ губернскій комитетъ превращается въ совѣщаніе дѣятелей отдѣльныхъ организацій при губернаторѣ".

Представители многочисленныхъ организацій, уѣздныхъ комитетовъ, городскіе головы и земцы заявили г. Стерлигову, что такая реорганизація не только ничего общаго не имѣетъ съ завершеніемъ, якобы, естественнаго хода работъ, а является разгромомъ общественныхъ организацій, — превращеніемъ ихъ въ придаточный механизмъ при мѣстныхъ администраторахъ.

Г. Стерлиговъ сдѣлалъ попытку въ качествѣ ultima ratio убѣдить общественныхъ дѣятелей ссылкой на то, что выработанныя особымъ совѣщаніемъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ новыя правила являются закономъ Общественные дѣятели и этотъ доводъ не согласились признать убѣдительнымъ, такъ какъ губернскій комитетъ помощи бѣженцамъ организованъ на основаніи того же закона, на основаніи котораго организовано и само особое совѣщаніе о бѣженцахъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ...

Въ запасѣ главноуполномоченнаго оказался еще одинъ доводъ: новыя правила предусматриваютъ организацію особаго совѣщанія при губернаторѣ, и всѣ ассигнованія будутъ предварительно проходить черезъ это совѣщаніе.

На это представители общественныхъ организацій отвѣтили:

— Если нужно еще надъ губернскими комитетами создать особое совѣщаніе при губернаторахъ,—пусть создаютъ,—дѣло не наше, а мы будемъ по прежнему работать, какъ работали до сихъ поръ.

Въ заключеніе представители городовъ въ губернскомъ комитетѣ категорически заявили:

— Отъ городскихъ думъ мы получили свои полномочія и безъ согласія думъ не сложимъ своихъ обязанностей.

Аналогичное заявленіе сдѣлали и представители земствъ („Утро Россіи" 13. IV).

На мѣстахъ не приняли „реформу", проведенную, какъ извѣстно, въ особомъ совѣщаніи голосами эвакуированныхъ губернаторовъ. И „реформа" совершилась въ центрѣ. Товарищъ министра кн. Волконскій, на котораго было возложено предсѣдательство въ особомъ совѣщаніи о бѣженцахъ, сложилъ съ себя эти обязанности. О назначеніи новаго предсѣдательствующаго свѣдѣній нѣтъ. Въ серединѣ мая газеты сообщили, что за отсутствіемъ лица, которое несло бы обязанности предсѣдателя, самое совѣщаніе о бѣженцахъ не созывается... Правда, другія совѣщанія продолжаютъ работать.

Земства привлечены къ распредѣленію желѣза на нужды сельскаго хозяйства, а земскій союзъ—и къ распредѣленію на нужды обороны. Земства привлечены къ распредѣленію убойнаго скота и мяса. Но отдѣльныя земства, каждое за себя, безъ возможности и обязанности учесть и сообразить общее положеніе, общую совокупность нуждъ. Съ мясомъ при раздробленной и разобщенной дѣятельности земствъ съ самаго начала вышла путаница. Уполномочившая земства въ данномъ случаѣ организація при министерствѣ земледѣлія вмѣшалась и отмѣнила земскіе запреты вывозить скотъ изъ однихъ губерній и уѣздовъ въ другіе. Но, лишь только организація при министерствѣ земледѣлія это сдѣлала, немедленно вмѣшались губернаторы и по праву главноначальствующихъ возстановили въ цѣломъ рядѣ губерній отмѣненные запреты,—при помощи, конечно, обязательныхъ постановленій на основаніи приложенія перваго ко второму примѣчанію статьи первой Устава о предупрежденіи и пресѣченіи... Съ мясомъ изъ-за раздробленныхъ и разобщенныхъ полномочій вышло очень плохо.

Съ желѣзомъ можетъ оказаться еще хуже. Каждая земская каждая городская управа естественно заботится возможно полнѣе удовлетворить свои мѣстные нужды. Недостаточный запасъ расхватаютъ по капризу случайностей: кому достанется много, кому ничего, и въ суматохѣ важныя отрасли народнаго хозяйства легко могутъ остаться забытыми и не обезпеченными самымъ необходимымъ. Земскій и городской союзъ могли бы стать объединяющимъ распредѣлительнымъ центромъ. Но имъ „запрещены" не только съѣзды. Запрещены даже обычныя и необходимѣйшія для работы совѣщанія мѣстныхъ уполномоченныхъ,—„о разрѣшеніи" каждаго такого совѣщанія надо просить заблаговременно, примѣрно, недѣли за три, и заблаговременно надо указать, какіе вопросы будутъ обсуждаемы, хотя никто не знаетъ и не можетъ знать, какіе вопросы возникнутъ, когда уполномо-

ченные встрѣтятся и предварительно обмѣняются мнѣніями и впечатлѣніями.

Конечно, совѣщанія и съѣзды нужны не только для того, чтобы планомѣрно распредѣлить желѣзо. На данной детали я остановился между прочимъ вотъ по какой причинѣ. Особое совѣщаніе по оборонѣ—одно изъ центральныхъ государственныхъ учрежденій. Министерство врутреннихъ дѣлъ—такъ же. Совѣщаніе по оборонѣ находитъ необходимымъ расширить компетенцію того же хотя бы земскаго союза и принимаетъ соотвѣтствующія мѣры. Министерство внутреннихъ дѣлъ считаетъ, что эту дѣятельность надо „сузить"—и тоже принимаетъ соотвѣтствующія своему заданію мѣры. Одно государственное учрежденіе при посредствѣ обязательныхъ постановленій губернаторовъ, подчиненныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, возлагаетъ на земскій союзъ обязанность участвовать въ распредѣленіи металловъ, а стало быть, и нести отвѣтственность за исполненіе задачи. Другое государственное учрежденіе ставитъ условія, при которыхъ невозможна координація дѣйствій, безусловно необходимая для выполненія данной новой обязанности. И оба столь противорѣчивыя распоряженія исходятъ изъ центральныхъ органовъ государственной власти въ одно и то же время, втеченіе однихъ и тѣхъ же 40 дней.

Использовано это время и еще въ одномъ отношеніи. 16 мая, какъ разъ въ самый день возобновленія законодательной сессіи, Петроградское телеграфное агентство сообщило о новыхъ узаконеніяхъ, послѣдовавшихъ въ порядкѣ 87 статьи. Сразу было опубликовано 9 узаконеній. Среди нихъ оказались: 1) налогъ на военную прибыть; 2) „наказуемость лицъ, принадлежащихъ къ составу общественныхъ и частныхъ организацій, учреждаемыхъ для удовлетворенія вызываемыхъ войною потребностей", въ случаѣ „подлога, мздоимства, лихоимства и особыхъ злоупотребленій по подрядамъ и поставкамъ"; 3) „образованіе особаго комитета для учета убытковъ, понесенныхъ въ связи съ войною русскими подданными внѣ Россіи"; 4) „ссудная помощь пострадавшему отъ войны населенію"; 5) предоставленіе министру торговли и промышленности „нѣкоторыхъ особыхъ полномочій въ отношеніи акціонерныхъ предпріятій"; 6) установленіе новаго „особаго сбора на желѣзныхъ дорогахъ на время войны", и т. д... Ни одинъ изъ этихъ законовъ—писала „Кіевская Мысль" (17. V)—„въ Думу не поступалъ, о срочности ихъ ничего не было слышно"; какъ представляется кіевской газетѣ, „въ прошломъ еще не было случая столь энергичнаго примѣненія чрезвычайнаго внѣпалатнаго законодательства", пріуроченнаго ко дню возобновленія законодательной работы палатами; отдѣльныя распоряженія, и притомъ очень важныя, бывали въ такомъ родѣ и раньше, но „массовое произ-

водство", „чтобы сразу преподнести девять готовыхъ законовъ какъ разъ ко дню, когда къ законодательной работѣ собирается приступить Государственная Дума,—такого случая что-то не припомнишь".

И особенно достойна замѣчанія вотъ какая новинка. Законъ есть законъ лишь съ момента опубликованія его въ должномъ порядкѣ. 16 мая официозное агентство сообщило объ утвержденіи такихъ-то и такихъ-то постановленій совѣта министровъ на основаніи 87 статьи. Это, конечно, не опубликованіе закона, а лишь информаціонный матеріалъ для газетныхъ хроникъ, оплачиваемый извѣстнымъ гонораромъ. Опубликованіе же новыхъ законовъ произошло позже. И одинъ изъ нихъ—объ отвѣтственности лицъ, принадлежащихъ къ общественнымъ организаціямъ,—опубликованъ въ концѣ мая. Другими словами, актъ изданія закона на основаніи 87 статьи совершился въ моментъ законодательной сессіи,—т. е. какъ разъ тогда, когда эта статья безусловно дѣйствовать не можетъ.

Черты чрезвычайнаго законодательствованія.

Присмотримся нѣсколько ближе къ серіи новеллъ, объ утвержденіи которыхъ въ порядкѣ 87 статьи Петроградское агентство сообщило 16 мая. Едва ли не самая крупная изъ нихъ—установленіе налога на приростъ прибыли, обусловленный военными обстоятельствами. По замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей" (18. V),

если оставить въ сторонѣ группы, непосредственно заинтересованныя, то во всѣхъ остальныхъ кругахъ нашего общества идея обложенія военной прибыли пользуется горячей поддержкой и сочувствіемъ.

И не только—замѣтимъ отъ себя—въ общественныхъ кругахъ. Идея налога на военную прибыль весьма популярна и въ народныхъ низахъ... Быть можетъ, именно вслѣдствіе популярности осуществленіе и попало на стезю 87 ст. Проектъ вообще возникъ съ большимъ опозданіемъ, — лишь въ концѣ 1915 года, первоначально предполагалось подвергнуть налогу и прибыли этого послѣдняго года. Но идея столкнулась съ противодѣйствіемъ организованныхъ владѣльческихъ слоевъ. И одинъ изъ нихъ совершенно отбился отъ налога въ моментъ зачатія проекта. А другой—торговцы и промышленники — постарались изувѣчить остальное. Стали клянчить, вносить поправки, добиваться пересмотра. Переговоры, соглашенія шли въ канцеляріяхъ, помимо законодательныхъ собраній (къ нимъ проектъ и не поступалъ). И прежде всего достигли той цѣли, что проектъ, и безъ того запоздавшій, затормозился. „И прибыли,—пишетъ „Кіевлянинъ" (25 V)—часто гро-

мадныя прибыли 1915 окладного года, полученныя въ связи съ войной, ускользнули отъ налога".

Повторяю, уже въ моментъ зачатія проекта были сдѣланы крупныя уступки одному владѣльческому слою. А въ дальнѣйшемъ — какъ замѣчаетъ, напр., тотъ же „Кіевлянинъ"—„кампанія промышленныхъ и торговыхъ организацій" вызвала „рядъ существенныхъ измѣненій, внесенныхъ министерствомъ финансовъ въ угоду собственникамъ". Получился компромиссъ, очень сложный и во многихъ отношеніяхъ трудно защитимый.

Министерство финансовъ могло опасаться, — пишутъ „Русскія Вѣдомости" (18. V), — что новый проектъ встрѣтитъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ и ихъ представителяхъ въ Государственной Думѣ и Государсявенномъ Совѣтѣ упорное сопротивленіе.

Начать хотя бы съ того, что новый налогъ видитъ только военную прибыль торгово-промышленныхъ предпріятій и совершенно не замѣчаетъ такую же военную прибыль землевладѣнія... Быть можетъ, не всѣ землевладѣльцы черезчуръ наживаются на войнѣ, да вѣдь и торговцы съ промышленниками не всѣ. Быть можетъ, среди землевладѣльцевъ въ гораздо большей степени, чѣмъ среди промышленниковъ и торговцевъ, наживаются на войнѣ не наиболѣе предпріимчивые, а наиболѣе вліятельные и наиболѣе беззастѣнчивые. Но это отнюдь не можетъ считаться резономъ противъ налога на военную прибыль землевладѣльцевъ. Не будемъ говорить, каково можетъ быть отношеніе въ странѣ къ столь неосновательному освобожденію отъ налога цѣлой группы плательщиковъ. Но само собою понятно, что могли бы сказать по этому поводу представители торговли и промышленности въ Государственномъ Совѣтѣ. И тѣмъ болѣе понятно отношеніе со стороны, по крайней мѣрѣ, прогрессивныхъ группъ Государственной Думы. При сколько-нибудь публичномъ обсужденіи было бы мудрено отстоять этотъ новый подарокъ казны землевладѣнію

Облагается только военная прибыль торговцевъ и промышленниковъ. Но и торгово-промышленный классъ рѣзко разграниченъ на двѣ группы, подпавшія подъ обложеніе весьма неравномѣрно. Наименѣе милостиво министерство финансовъ отнеслось къ предпріятіямъ, не обязаннымъ публичною отчетностью. Они платятъ новый налогъ, если ихъ прибыль достигаетъ въ данное время не менѣе 2000 р. въ годъ, и если приростъ прибыли достигъ не менѣе 500 р. по сравненію съ средней суммою прибыли за 1913 и 1914 г.г.; первые 500 руб. прироста освобождаются отъ налога, все, что выше этой цифры, облагается въ размѣрѣ 20%.

Предпріятія, обязанныя публичной отчетностью, не подвергаются налогу, если ихъ прибыль не превышаетъ 8% капитала, полагаемаго за основной. Не лишне напомнить, что въ первоначальныхъ проектахъ этого налога предполагалось освободить отъ

обложенія только 8-процентную прибыль. 5% крупные промышленники выторговали. Налогу подлежитъ не просто всякая прибыль, достигшая больше 8%; она должна „превысить при томъ среднюю сумму прибылей“ за 1913 и 1914 г.г. Далѣе,—при исчисленіи прибыли предпріятіямъ, работающимъ на оборону (а они наиболѣе полно извлекаютъ изъ войны доходъ), разрѣшается списывать на амортизацію имущества, пріобрѣтеннаго въ 1915—1916 г.г., до 30% его стоимости. Приростъ дохода свыше 8% или свыше средняго процента, показаннаго въ отчетахъ за 1913—14 г.г., облагается въ размѣрѣ отъ 20% до 40%—въ зависимости отъ размѣра прибыли: приростъ прибылей отъ 8 до 9% облагается налогомъ въ размѣрѣ 20%, приростъ прибыли отъ 19 до 20% облагается въ размѣрѣ 40%... По отчетамъ, напр., сахарныхъ предпріятій за 1915 г. извѣстны случаи, когда прибыль операціоннаго года достигаетъ 75, 100 и даже 180% на основной капиталъ. Новый законъ не считается съ этими непозволительными (но, къ сожалѣнію, не единичными) случаями. Приростъ на прибыль до 20% и приростъ на прибыль до 180% одинаково обложены въ размѣрѣ 40%.

Тенденцію такого распредѣленія плательщиковъ на двѣ основныя группы можно пояснить такимъ примѣромъ. Мелкій купецъ или промышленникъ, если его прибыль въ 1913—1914 г.г. опредѣлялась въ 2000 р., а теперь будетъ опредѣлена въ 3000 р. долженъ заплатить 100 рублей налога на военную прибыль. Бездоходное до войны акціонерное предпріятіе съ номинальнымъ капиталомъ, положимъ, въ 1 милліонъ рублей свободно отъ новаго налога, если нынѣ даетъ, за разными отчисленіями, 80000 чистой прибыли. По этому гипотетическому примѣру можно судить, какую крупную льготу получила хотя бы только та уральская промышленность, которая до войны находилась въ жестокомъ упадкѣ, а во время войны сразу и буйно расцвѣла. Отмѣтимъ и еще деталь. Если бездоходныя или малодоходныя до войны предпріятія нынѣ даютъ болѣе 8%, то налогу подлежитъ только превышеніе этой нормы,—приростъ до 8% отъ налога освобождается. Если вспомнить, что столь щедрыя льготы оказываются въ моментъ такъ называемой „налоговой безпощадности“, не останавливающейся даже передъ проектами акциза на ткани, то уже по одному этому станетъ понятнѣе нерасположеніе къ нормальному законодательному порядку. Но дѣло не только въ томъ... Компромиссъ между министерствомъ финансовъ и организованными владѣльческими группами достигнуть особымъ порядкомъ и при особыхъ условіяхъ. Въ заключительныхъ собраніяхъ другіе условія, другой порядокъ. И достигнутый компромиссъ, навѣрное подвергся бы пересмотру. Нечего говорить, что вышло бы въ результатѣ пересмотра. Но всего вѣрнѣе, много времени ушло бы на новыя тренія, на оттяжки, отсрочки. И представители владѣльческихъ

слоевъ въ Думѣ и особенно въ Совѣтѣ не лишены были возможности затормозить движеніе проекта такъ, что и военная прибыль 1916 года могла бы ускользнуть отъ налога, какъ ускользнула прибыль 1915 года...

Одновременно съ налогомъ на военную прибыль въ томъ же чрезвычайномъ порядкѣ проведенъ законъ „объ образованіи особаго комитета для учета убытковъ, понесенныхъ въ связи съ войной русскими подданными внѣ Россіи, и объ обязательной заявкѣ имуществъ, принадлежащихъ непріятельскимъ подданнымъ, товариществамъ, обществамъ и установленіямъ"... Вопросъ этотъ возникъ въ началѣ войны. И тоже обострился по очень простой, хотя и частной, причинѣ: правительство Германіи арестовало суммы, хранимыя русскими подданными въ германскихъ банкахъ. Въ былые годы среди русской знати пользовался не малымъ фаворомъ знаменитый банкиръ Мендельсонъ. Къ нему или черезъ него и направлялись нѣкоторые русскіе капиталы въ Германію. Потомъ уже послѣ того, какъ эти капиталы подверглись аресту, появились извѣстія, что Мендельсона постигъ крахъ. И если это вѣрно, то судьба капиталовъ, довѣренныхъ ему, стала еще болѣе сомнительной. Естественно видвинулся принципъ взаимности,—имущества германскихъ подданныхъ, находящіяся въ Россіи, явились какъ бы фондомъ, способнымъ возмѣстить часть потерь, понесенныхъ россійскими подданными „за границей". Въ общемъ вопросѣ объ охранѣ имущественныхъ правъ все это лишь деталь. Но она позволяетъ до нѣкоторой степени понять нерасположеніе къ нормальному пути съ его оппозиціонными рѣчами, гласностью и другими неудобствами.

Среди новелъ, проведенныхъ чрезвычайнымъ порядкомъ предъ самымъ открытіемъ законодательныхъ собраній, находимъ законъ „объ оказаніи ссудной помощи пострадавшему отъ войны населенію"... Вопросъ сложный и даже неразрѣшимый: съ одной стороны, принципъ—пострадавшихъ надо вознаградить, съ другой—физическая невозможность для государства возмѣстить потери населенія ассигновками казны. А поскольку ассигновки возможны и необходимы, нужна обширная организація и большая высота государственной мысли, чтобы направлять силы и средства справедливо и, съ точки зрѣнія государства, цѣлесообразно. Интересъ извѣстныхъ группъ и тенденціи извѣстной политической партіи подсказываютъ иное рѣшеніе.

Въ прошломъ году среди екатеринославскихъ помѣщиковъ возникла мысль воспользоваться бѣженцами-земледѣльцами, какъ готовыми кадрами, изъ которыхъ можно создать фермеровъ, арендаторовъ частно-владѣльческой земли. За годъ эта мысль формилась, хотя и нелегализована. И въ той же Екатеринославской губерніи уже приступили къ ея осуществленію. А для другой части „пострадавшаго отъ войны населенія", кото-

рая принадлежитъ къ владѣльческимъ слоямъ, изъ центра отпускаются ссуды. И то и другое, конечно, не рѣшеніе задачи, а лишь подступъ къ ней. Не рѣшаетъ задачу и новый законъ. Имъ лишь закрѣпляется, поскольку рѣчь идетъ о ссудахъ, тотъ же фактически совершившійся подступъ. для котораго мало удобны нормальные и гласные пути. Приходится лишь признать, что онъ, безъ сомнѣнія, желателенъ и выгоденъ нѣкоторымъ группамъ, солидно представленнымъ и въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ.

Солидно представлены и тѣ группы, которымъ выгодно получившееся осуществленіе идеи налога на военную прибыль. Группа, пострадавшая „за-границей" отъ военныхъ событій, едва ли велика вообще. Но и она представлена. Представители заинтересованныхъ группъ входятъ между прочимъ и въ либеральный блокъ. Лѣвое, прогрессивное крыло блока, вѣроятно, многаго не одобряетъ про себя. Но блокъ и безъ того имѣетъ видъ чахлый. Надо поддерживать солидарность разнородныхъ элементовъ. И этому положенію внутри законодательныхъ собраній логически не противорѣчитъ характеръ возобновленія законодательной сессіи Наоборотъ, можно установить логическое соотвѣтствіе.

Несмотря на все, что произошло за 40 дней, возобновили работу „самымъ будничнымъ образомъ",—понадобилось даже прибѣгнуть къ репрессіямъ, чтобы сохранить кворумъ. И работа подходящая нашлась. Въ одну изъ первыхъ очередей выдвинули законопроектъ о мясопустныхъ дняхъ. Депутаты почти всѣхъ фракцій признавали и заявляли, что этотъ законопроектъ—мелочь въ вопросѣ о мясномъ и скотоводческомъ кризисѣ, палліативъ. Капитальнымъ, хотя и не цѣлесообразнымъ, образомъ этотъ большой вопросъ рѣшается въ другомъ мѣстѣ,—и рѣшается въ порядкѣ обязательныхъ постановленій. И значительная часть депутатовъ, въ качествѣ земскихъ гласныхъ, принимаетъ близкое участіе въ этихъ рѣшеніяхъ,—не всегда цѣлесообразныхъ, но часто выгодныхъ отдѣльнымъ группамъ.

Не одни, конечно, палліативы и мелочи. „Первое же засѣданіе" Думы по возобновленіи сессіи „ознаменовано"—писала Кіевская Мысль (22. V)—

> принятіемъ одного изъ законопроектовъ по рабочему вопросу; на повѣстку второго засѣданія намѣченъ другой законопроектъ; въ коммиссіи обсуждается третій...

Но, оговаривается та же газета,—

> на всѣхъ трехъ проектахъ лежитъ печать значительной давности. Законопроектъ объ обезпеченіи рабочихъ и служащихъ министерства финансовъ на случай профессіональныхъ заболѣваній возникъ еще 10 лѣтъ тому назадъ; тогда же, собственно, возникъ и прошедшій по 87 ст. законъ о нормальномъ отдыхѣ торговыхъ служащихъ; наконецъ, и законопроектъ о

введенія женской фабричной инспекціи внесенъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Словомъ, „зады сидѣли повторяли“... Капитальнѣйшій же рабочій вопросъ момента—о „реквизиціи труда“ рѣшается въ другомъ мѣстѣ. Вопросъ о рабочемъ представительствѣ въ военно-промышленныхъ комитетахъ рѣшается опять-таки въ другомъ мѣстѣ. Вопросъ о примирительныхъ камерахъ и кое о чемъ другомъ, столь же важномъ, поднятъ военно-промышленными комитетами, но можно подумать, что законодательныя собранія этимъ просто не интересуются.

Большинство Думы въ спеціальныхъ засѣданіяхъ блока занято, безъ сомнѣнія, интересными, но нѣсколько академическими въ данное время, вопросами о возможной при нынѣшнихъ условіяхъ реформѣ мѣстнаго общественнаго управленія. А тѣмъ, какъ и на какомъ основаніи рѣшаются насущные вопросы государственной жизни,—это законодательному собранію опять таки какъ будто даже не интересно. У него съ 16 мая своя забота,— какъ сохранить кворумъ. Утѣшаютъ, что до 20-хъ чиселъ іюня эту задачу рѣшить удастся. А послѣ 20 іюня кворумъ, дескать, непремѣнно исчезнетъ. И если правительство не проявитъ спасительной иниціативы, то придется самимъ хлопотать о роспускѣ на новыя каникулы.

Говорятъ, это—крахъ системы 3 іюня. Но крахъ случился давно, еще при Столыпинѣ. И самъ Столыпинъ, творецъ третьеіюньской системы, въ своей хронологически послѣдней рѣчи, сказанной въ защиту искусственнаго трехдневнаго роспуска, это призналъ. Мы живемъ лишь въ условіяхъ, созданныхъ крахомъ.

А. Петрищевъ.

Съ больной головы на здоровую.

Уже первая статья г. Изгоева („Землеустройство и его противники“), которою онъ началъ полемику со мной, была усыпана полемическими перлами, въ родѣ „плодовъ фантазіи“, „натяжекъ“, „извращеній“, „прямо-таки непозволительныхъ пріемовъ“, которые онъ приписывалъ мнѣ. Въ еще болѣе повышенномъ тонѣ онъ продолжаетъ теперь эту полемику. Въ его новой статьѣ [1]) читатели найдутъ уже цѣлую „сѣть мелкаго крючкотворства г. Пѣшехонова“, цѣлый рядъ его „искаженій“ и „ложныхъ навѣтовъ“, „вздоръ, явно для него самого вымышленный“, „прямую“ и „сознательную неправду“. Г. Изгоевъ, походя, честитъ меня въ этой статьѣ „инсинуаторомъ“, сравниваетъ съ „испанскимъ быкомъ“ и т. д. Будучи не въ состояніи, очевидно, найти ничего въ прошломъ, чѣмъ бы можно было уязвить меня, онъ обращается къ будущему и проникновенно рисуетъ картину, какъ „лѣтъ черезъ 10—15“ я могу быть произведенъ въ „маститые“, которые „представительствуютъ русскую литературу“ и играютъ „роль свадебныхъ генераловъ“. „Часть изъ нихъ—пишетъ г. Изгоевъ—подвигается по этой дорогѣ, благодаря своимъ заслугамъ, другая часть въ совершенствѣ изучила цѣлый рядъ пріемовъ, ведущихъ къ „маститости“ и выступаетъ въ осіяніи лучей отъ какого-нибудь живого или мертваго, дѣйствительно большого, человѣка“... Хотя прямо это и не сказано, но, судя по всему, г. Изгоевъ относитъ меня ко второй категоріи. По его словамъ, мною въ совершенствѣ усвоенъ основной пріемъ этихъ „фютюръ-маститыхъ“, которые добиваются успѣха у толпы „политическимъ шельмованіемъ“ истинныхъ „борцовъ за свободу русской мысли, за свободу русскаго слова“, какимъ является онъ, г. Изгоевъ...

Легко понять, что полемика по существу, разъ она отливается въ такія формы, становится немыслимой. Можетъ быть, это и входитъ въ разсчеты г. Изгоева: иной разъ ничего вѣдь не остается, какъ довести полемику до ругани, перевести ее, какъ выражались наши бабушки, на „личности“, чтобы скрыть свое пораженіе, если человѣкъ не хочетъ въ немъ признаться. Состязаться на этой почвѣ съ г. Изгоевымъ у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія, и если я считаю необходимымъ все-таки ему отвѣтить, то имѣя въ виду исключительно моральный отпечатокъ, какой эта полемика можетъ

[1]) „Сердитъ, но не силенъ“...—„Отвѣтъ г. Пѣшехонову“; „Русская Мысль“, май.

оставить на моемъ и его писательскомъ обликѣ. Поэтому и въ своемъ отвѣтѣ я ограничусь лишь соотвѣтствующими пунктами. Остановлюсь прежде всего на тѣхъ, въ которыхъ могла бы быть усмотрѣна хотя малѣйшая тѣнь неправоты съ моей стороны.

Въ моемъ отвѣтѣ [1]) г. Изгоевъ увидѣлъ „сплошную политическую инсинуацію, стремленіе убить его политическимъ шельмованіемъ". Онъ утверждаетъ, что я обвиняю его въ томъ, что онъ „поступилъ на службу къ землеустроительному вѣдомству", что онъ „работаетъ казеннымъ перомъ". Ничего подобнаго я не говорилъ и не думалъ. Напротивъ, въ самомъ началѣ своей замѣтки я отмѣтилъ, что отвѣчаю на статью, появившуюся въ „независимой прессѣ". Въ дальнѣйшемъ же я прямо противопоставлялъ перо г. Изгоева (хотя и болѣе усердное въ нѣкоторыхъ случаяхъ) казеннымъ перьямъ, которыми работали авторы пояснительнаго текста, изданнаго землеустроительнымъ вѣдомствомъ. Ни малѣйшаго намека на матеріальную зависимость г. Изгоева отъ этого или какого другого вѣдомства въ моей замѣткѣ нѣтъ.

Конечно, я не могу быть увѣреннымъ въ своемъ безусловномъ умѣньѣ выражать свои мысли. Возможно, что именно на этотъ разъ я выразилъ ихъ неудачно и моя статья была понята читателями иначе, чѣмъ я желалъ. Въ виду этого я обратился къ цѣлому ряду лицъ, читавшихъ мою статью, и оказалось, что всѣ они поняли ее правильно. При этомъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ лицомъ, которое имѣло на эту тему бесѣду съ г. Изгоевымъ и убѣждало его, что такъ понимать мою статью, какъ онъ хочетъ, никакъ нельзя. Но г. Изгоевъ все-таки понимаетъ ее по-своему... потому что иначе понимать ее онъ не желаетъ.

Если я писалъ, что г. Изгоевъ привязалъ свою ладью къ землеустроительному пароходу, что онъ является адвокатомъ землеустройства и т. п., то мнѣ не трудно, конечно, было бы пояснить разъ онъ не понялъ, въ какомъ смыслѣ это было сказано. Но объяснять мнѣ не зачѣмъ. Г. Изгоевъ это, въ сущности, знаетъ, но только слышать этого не хочетъ. Вотъ, что онъ пишетъ: „Г. Пѣшехоновъ, какъ и всѣ инсинуаторы, предусмотрителенъ и, конечно ускользнетъ въ какую-нибудь щель, заявивъ, что имѣлъ въ виду не служебную, не фактическую, а какую-нибудь идейную, моральную зависимость. Слова то онъ найдетъ"...

И искать не буду. Я вполнѣ удовлетворенъ: мой полемическій ударъ, видимо, пришелся въ надлежащее мѣсто. Если же г. Изгоевъ, чтобы отвлечь вниманіе, теперь кричитъ, что я не туда попалъ, то... это вѣдь бываетъ, У однихъ это бываетъ отъ смущенія

---

[1]) „Адвокатъ землеустройства"; „Русскія Записки", мартъ.

у другихъ это—система. Типы тѣхъ и другихъ людей уже даны художественной литературой. Но напоминать ихъ я не буду.

О „служебной зависимости“ г. Изгоева я ни прямо, ни намеками не говорилъ, а идейная его близость къ землеустроителямъ мною была опредѣленно указана.

Г. Изгоевъ въ первой статьѣ писалъ: „Юридическій фундаментъ для новаго дополнительнаго надѣленія найденъ. Основа эта—покупка земли“· „Уже не «принудительное отчужденіе», а «покупка»,—отмѣтилъ я,—та самая основа, на которой построена вся новѣйшая земельная политика. Что же послѣ этого отдѣляетъ г. Изгоева отъ ея вдохновителей и руководителей?“

Г. Изгоевъ теперь утверждаетъ, что я „продѣлалъ фокусъ“, „спуталъ“ дополнительное надѣленіе съ принудительнымъ отчужденіемъ. Сначала онъ какъ-будто склоненъ допустить, что я сдѣлалъ это „неумышленно, по юридическому невѣдѣнію или въ состояніи излишняго раздраженія“. „Къ сожалѣнію,—пишетъ онъ вслѣдъ затѣмъ, — трудно этому вѣрить. Послѣ процитированныхъ г. Пѣшехоновымъ словъ у меня прямо сказано: «Частная собственность повсюду мирится съ извѣстными, продиктованными интересами государства ограниченіями. Предѣлъ дробимости внизу, *предѣлъ концентраціи земли наверху*—таковы ограниченія, государственно необходимыя», и т. д.“...

Но это именно мѣсто статьи г. Изгоева еще больше сближало аграрную программу, которую онъ въ ней отстаивалъ, съ программой землеустроительнаго вѣдомства,—сближало ихъ до полнаго совпаденія. Надо сказать, что въ приведенномъ мѣстѣ г. Изгоевъ отвѣчалъ на мое указаніе, что землеустроители, провозгласивъ принципъ неприкосновенности частной собственности, оказались уже вынужденными ограничивать его по отношенію къ крестьянской землѣ. Какъ извѣстно, они поставили предѣлъ концентраціи ея сверху, воспретивъ сосредоточеніе ея болѣе шести надѣловъ въ однѣхъ рукахъ. Они намѣтили, съ другой стороны, предѣлъ дробимости ея снизу и уже внесли соотвѣтствующій законопроектъ въ законодательныя учрежденія. Вотъ эти-то мѣры г. Изгоевъ и отстаивалъ въ приведенномъ мѣстѣ, какъ „государственно-необходимыя“...

А теперь, подчеркнувъ слова „предѣлъ концентраціи земли наверху“, вырвавъ все это мѣсто статьи изъ прежняго контекста и окруживъ его новымъ, г. Изгоевъ даетъ понять, что я лишь въ силу свойственной мнѣ недобросовѣстности не замѣтилъ у него „принудительнаго отчужденія“, не замѣтилъ, другими словами, цѣлой пропасти, которая отдѣляетъ его отъ землеустроителей. Съ другой стороны, онъ совершенно незамѣтно къ слову „покупка“ приставилъ теперь, какъ его синонимъ, слово „выкупъ“, благодаря

чему покупка, сдѣлалась гораздо болѣе похожей на „дополнительное надѣленіе“.

Эти, воистину, „фокусы“, несомнѣнно, дѣлаютъ честь находчивости и даже изворотливости г. Изгоева, какъ полемиста. Но, я увѣренъ, ни одинъ читатель первой статьи г. Изгоева не могъ, конечно, разсмотрѣть за „покупкой“, „выкупа“ и за „предѣломъ концентраціи“,—„принудительнаго отчужденія“; не могъ разсмотрѣть уже потому, что ихъ тамъ не было. Во всякомъ случаѣ лично я пасую и долженъ прямо повиниться: такой проницательности я не проявилъ, да таковой и не обладаю.

Что касается „юридическаго невѣдѣнія“, то не слишкомъ-ли г. Изгоевъ разсчитываетъ на такое невѣдѣніе своихъ читателей если полагаетъ, что ограниченіе концентраціи земли, къ которому, какъ сказано, безъ всякаго внѣшняго принужденія прибѣгло правительство, они сочтутъ равнозначущимъ принудительному отчужденію, которое то же правительство, несмотря на все давленіе, подъ которымъ оно въ свое время находилось, объявило „недопустимымъ“. Мое же „юридическое невѣдѣніе“, если оно доходитъ даже до полнаго невѣжества, никакой роли въ данномъ случаѣ не играло: говоря о „дополнительномъ надѣленіи“ и „принудительномъ отчужденіи“, я имѣлъ въ виду не юридическія понятія, а программныя положенія к.-д. партіи, въ органахъ которой много лѣтъ работаетъ г. Изгоевъ. Но послѣдній такъ сумѣлъ отвѣтить, что даже вотъ теперь нельзя сказать, остается-ли онъ вѣренъ этимъ положеніямъ въ томъ пониманіи ихъ, какое давалось имъ въ 1906 году. Ну, а Столыпинское землеустройство онъ уже давно защищаетъ..

Между прочимъ, говоря о томъ, какъ г. Изгоевъ защищаетъ изданные землеустроительнымъ вѣдомствомъ труды, я отмѣтилъ, что онъ увѣрилъ своихъ читателей, что гдѣ-то имѣется таблица, вполнѣ совпадающая съ выводами землеустроителей. „Г. Пѣшехоновъ,—пишетъ теперь г. Изгоевъ,—говоритъ неправду и, несомнѣнно, сознательно. Предлагаю ему процитировать буквально то мѣсто моей статьи, гдѣ говорится о существованіи такой извѣстной мнѣ *таблицы*“...

Такихъ мѣстъ нѣсколько и одно изъ нихъ я тогда же процитировалъ. Вотъ оно: „Г. Пѣшехоновъ,—писалъ г. Изгоевъ,—хотѣлъ уличить ихъ (авторовъ пояснительнаго текста) во лжи, но, поторопившись, привелъ цифры не изъ той таблицы“ („Русская Мысль“, февраль, стр. 135). Если я привелъ цифры *не изъ той* таблицы, то, стало быть, гдѣ то есть и *та* таблица... Какъ же иначе могли понять это мѣсто читатели?—въ особенности читатели, лично не знакомые съ трудами землеустроительнаго вѣдомства и вовсе не освѣдомленные о томъ, какіе вообще матеріалы имъ собраны и какъ разработаны.

Прибавлю, что изъ двухъ приведенныхъ мною примѣровъ рѣзкаго противорѣчія между пояснительнымъ текстомъ и таблицами г. Изгоевъ взялъ лишь второй, умолчавъ о первомъ. Между тѣмъ изъ перваго примѣра для читателей было бы ясно, что таблицы, изъ которой, по мнѣнію г. Изгоева, я долженъ былъ, не торопясь, взять цифры, *нигдѣ* нѣтъ,—нѣтъ даже въ нѣдрахъ землеустроительнаго вѣдомства, такъ какъ послѣднее отрицаетъ самое явленіе (сдачу надѣловъ полностью наличными домохозяевами). Я это отмѣтилъ и спросилъ г. Изгоева, почему онъ умолчалъ о первомъ изъ приведенныхъ мною примѣровъ. „Потому,—отвѣчаетъ онъ теперь, — что разбирать каждую строку статьи г. Пѣшехонова заняло бы очень много мѣста". О! къ каждой своей строкѣ я вниманія и не требовалъ. Думаю, что для самого г. Изгоева было бы лучше, если бы ни одной моей строки онъ не разбиралъ. Но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ совсѣмъ о другомъ. Продѣланное г. Изгоевымъ равнозначуще вѣдь тому, какъ если бы онъ процитировалъ фразу, взявъ лишь утвержденіе и откинувъ стоявшее передъ нимъ отрицаніе. И потомъ заявилъ бы, что для отрицанія, для частички „не", у него не было мѣста...

Отрицая, что онъ увѣрялъ читателей въ существованіи таблицы г. Изгоевъ утверждаетъ въ то же время, что самъ вѣрилъ въ это существованіе. „Я *потребовалъ*, — пишетъ онъ, — чтобы авторы предисловія привели цифры".. Такого требованія со стороны г. Изгоева я что-то не помню—въ несовпаденіи опубликованныхъ выводовъ съ цифрами онъ видѣлъ просто „курьезъ" и „досадную небрежность". Во всякомъ случаѣ „требованіе" г. Изгоева осталось невыполненнымъ. „Теперь, *послѣ появленія въ печати моей статьи*,—пишетъ и подчеркиваетъ г. Изгоевъ,—долженъ замѣтить, что *молчаніе* авторовъ предисловія, или отвѣтственныхъ за нихъ лицъ... *производитъ весьма странное впечатлѣніе*". Теперь, видите-ли, и самъ г. Изгоевъ сомнѣвается, есть-ли у землеустроителей цифры, соотвѣтствующія ихъ выводамъ. Но вмѣсто того, чтобы прямо извиниться передо мною, онъ еще обвиняетъ меня въ „сознательной неправдѣ"...

„Требованія" г. Изгоева землеустроители не исполнили и вообще никакой поддержки ему не оказали, а его дружескою помощью съ удовольствіемъ воспользовались. Присяжный рекламистъ землеустройства, г. Юрьевскій,—тотъ самый г. Юрьевскій, который не далѣе, какъ въ 1912 году вмѣстѣ съ нѣмецкими профессорами ѣздилъ на казенный счетъ по Россіи производить „землеустроительный смотръ" и затѣмъ давалъ отчетъ о немъ въ „частномъ", лишь содержавшемся на казенныя деньги, изданіи,—прямо взыгралъ сердцемъ и помѣстилъ въ „Новомъ Времени" статью подъ заголовкомъ: „Бѣдный г. Пѣшехоновъ", — статью, основанную исключительно на статьѣ г. Изгоева. О томъ что я уже отвѣтилъ

послѣднему, г. Юрьевскій, видимо, не зналъ, а потомъ, если и узналъ, то ни гу-гу,—какъ воды въ ротъ набралъ...

Къ слову сказать: трактуя о „фютюръ-маститыхъ", г. Изгоевъ пишетъ о какой-то „тучѣ поддужныхъ хихикающихъ диффаматоровъ". Никакой тучи я около себя что-то не замѣчалъ, а вотъ около г. Изгоева радостно взвилась этакая птичка, упитанная казенными бутербродами. Послѣ второй его статьи, можетъ быть, и еще разъ взовьется...

На „искаженіяхъ", какія г. Изгоевъ нашелъ въ моей статьѣ, можетъ быть, и останавливаться не стоило бы. Г. Изгоевъ употребляетъ это крѣпкое слово, видимо, даже не думая, что оно, въ сущности, значитъ.

Напримѣръ, я отмѣтилъ его не въ мѣру оптимистичный выводъ, что въ Мологскомъ уѣздѣ, гдѣ насчитано всего лишь 86 надѣльныхъ хуторовъ, этотъ видъ хозяйства „пустилъ прочные и здоровые корни". Упорно повторяя, что я уклонился отъ спора по существу, г. Изгоевъ и въ данномъ случаѣ никакого возраженія себѣ не замѣтилъ, нашелъ лишь „искаженіе". Онъ, видите-ли, говорилъ не объ абсолютныхъ цифрахъ, а объ отношеніи хуторовъ къ отрубамъ. Другими словами: если бы въ какомъ-нибудь уѣздѣ было только одно землеустроенное хозяйство и это былъ бы хуторъ, то г. Изгоевъ пришелъ бы къ выводу, что хуторское хозяйство въ этомъ уѣздѣ получило полное господство. Можно, конечно, и такъ пользоваться статистическими данными. Я нахожу выводы, полученные такимъ путемъ, необоснованными, г. Изгоевъ считаетъ ихъ вполнѣ основательными. Споръ должны, конечно, разрѣшить читатели. Но гдѣ же тутъ „искаженіе"?

Или еще примѣръ, касающійся, по признанію самого г. Изгоева, „центра тяжести" всей нашей полемики. Я указалъ, что увеличеніе числа сдающихъ надѣльную землю нельзя считать прогрессивнымъ явленіемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ; нельзя считать такимъ явленіемъ,—указывалъ я дальше,—даже увеличеніе числа арендующихъ, такъ какъ аренда, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, равнозначуща для крестьянъ потерѣ ихъ экономической независимости; тѣмъ болѣе нельзя, какъ дѣлаетъ это г. Изгоевъ, сдачу однихъ возмѣщать арендой другихъ. Но и въ этомъ г. Изгоевъ нашелъ не возраженіе по существу, а искаженіе. „Конечно,—пишетъ онъ,—для Ивана не безразлично, что сдаетъ въ аренду землю онъ, а снимаетъ ее Петръ. Но когда имѣешь дѣло со статистической работой о 16.704 хозяйствахъ, то 3.799 сдающихъ Ивановъ и 5.120 снимающихъ Петровъ неизбѣжно превращаются въ простыя колонки цифръ, которыя складываются и вычитаются". Опять повторю: можно, конечно, и такъ пользоваться статистикой, т. е. складывать и вычитать колонки цифръ, совсѣмъ не думая о реальныхъ явленіяхъ, какія этими цифрами выражены. Но усомниться

въ правильности и неизбѣжности такого пользованія статистикой, казалось бы, можно, не рискуя подвергнуться обвиненію въ искаженіяхъ.

Наконецъ, еще одинъ примѣръ. Я отмѣтилъ, что г. Изгоевъ упрекая, какъ и я, землеустроителей, что они до сихъ поръ тщательно скрывали соотношеніе между хуторами и отрубами, въ самомъ больномъ для нихъ мѣстѣ мимоходомъ прибавилъ, что „это досадно, но не такъ ужъ трагично". И это мое замѣчаніе г. Изгоевъ отнесъ въ рядъ „искаженій". Надо сказать, что въ „самомъ больномъ для землеустроителей мѣстѣ", какъ я его назвалъ, рѣчь шла о раздѣлившихся хозяйствахъ. „Вѣдь такихъ хозяйствъ,—восклицаетъ теперь г. Изгоевъ:—всего 323 (г. Пѣшехоновъ предусмотрительно не приводитъ цифры) на 17.000! И тутъ самое «больное мѣсто»! Для какихъ читателей г. Пѣшехоновъ пишетъ?"... Для какихъ читателей,—повторю я,—пишетъ г. Изгоевъ? Повидимому, онъ слишкомъ ужъ разсчитываетъ на ихъ невѣжество. А вѣдь они могутъ догадаться, почему я назвалъ этотъ вопросъ больнымъ для землеустроителей. Раздѣлившихся хозяйствъ немного,—ихъ и не могло получиться много за „четыре полевыхъ періода". Но черезъ стадію раздѣла рано или поздно пройдутъ почти всѣ землеустроенныя хозяйства. Какая же ихъ ждетъ судьба? Останутся-ли хутора послѣ раздѣла хуторами? или превратятся въ отруба? или, наконецъ, землеустроенныя хозяйства увязнутъ опять въ черезполосицѣ? Это-то и скрыли въ своихъ таблицахъ господа землеустроители. И въ этомъ именно пунктѣ г. Изгоевъ явился имъ на выручку... Очевидно, по г. Изгоеву такъ выходитъ: если имѣются двѣ цифры, большая и маленькая, то на послѣднюю, хотя бы ей суждено было поглотить въ концѣ концовъ первую, плевать можно. А тотъ, кто думаетъ иначе, виновенъ въ „искаженіи".

Не знаю: можетъ быть, г. Изгоевъ черезчуръ ужъ вѣритъ въ свои „выкладки", и потому всякое возраженіе противъ нихъ ему представляется кощунствомъ; но возможно и то, что онъ просто взялся не за свое дѣло, ибо, чтобы съ толкомъ пользоваться статистикой, однихъ лишь „складываній" и „вычитаній" недостаточно.

Ну, о моихъ „искаженіяхъ", о моихъ „инсинуаціяхъ", о моей „неправдѣ", кажется, довольно. Теперь, хоть немного, объ Изгоевскихъ...

Остановлюсь на одномъ лишь пунктѣ. Г. Изгоевъ приписалъ мнѣ „категорическое пророчество", будто нынѣшняя война матеріально не можетъ продолжаться болѣе шести мѣсяцевъ, причемъ часть этого пророчества онъ процитировалъ даже въ кавычкахъ. Никогда такого пророчества я не изрекалъ и не могъ изрекать, но, допуская, что я могъ дать поводъ для недоразумѣнія, я про-

силъ г. Изгоева указать, откуда онъ взялъ это пророчество. И вотъ что онъ теперь отвѣтилъ:

„Пророчество г. Пѣшехонова о *скоромъ прекращеніи войны по причинамъ матеріальнымъ, по отсутствію денегъ*, я слышалъ въ засѣданіи вольно-экономическаго общества въ концѣ 1914 года, причемъ даже было прибавлено, что война прекратится какъ-то вдругъ, какимъ-то мистическимъ образомъ (говорилось о настроеніи и волѣ массъ). Довольно твердо запомнился и срокъ въ 6 мѣсяцевъ. Стенографической записи засѣданія нѣтъ, г. Пѣшехоновъ можетъ всѣхъ обвинять въ неточной передачѣ его словъ и, если онъ утверждаетъ, что шестимѣсячнаго срока для истощенія не назначалъ,—я спорить объ этой цифрѣ не стану. Согласенъ допустить, что „6 мѣсяцевъ" (цифра эта приводилась) относилась къ чему-либо другому, но на главномъ настаиваю твердо г. Пѣшехоновъ въ засѣданіи вольно-экономическаго общества в концѣ 1914 г. доказывалъ невозможность *длительной* войны по матеріальнымъ соображеніямъ (сравнивалъ милліарды расходовъ съ общей суммой богатства странъ) и предсказывалъ близкое окончаніе войны какъ-то вдругъ. Неужели г. Пѣшехоновъ, въ виду отсутствія стенограммы, рѣшится и это отрицать?"

Да, я утверждаю, что все это—сплошная неправда. Ничего подобнаго въ засѣданіи вольно экономическаго общества—оно происходило 20 декабря 1914 г.,—не было: скораго окончанія войны я не предсказывалъ, о томъ, что она кончится какъ то вдругъ, не говорилъ и даже военныхъ расходовъ съ *богатствами* странъ не сравнивалъ (сравнивалъ я ихъ съ текущими *доходами*, что далеко не одно и то же).

Г. Изгоевъ разсчитывалъ, что я буду не въ состояніи его опровергнуть въ виду отсутствія стенографической записи,—особенно послѣ того, какъ онъ дважды позволилъ себѣ намекнуть, что именно этимъ я и воспользуюсь. Нѣтъ! я воспользуюсь другимъ. Г. Изгоевъ не разсчиталъ, что могутъ найтись и другіе, опровергающіе его, документы.

Стенографической записи нѣтъ, но имѣется вѣдь журналъ засѣданія, имѣются отчеты о моемъ докладѣ, данные газетами. Если бы я, въ качествѣ докладчика, предсказывалъ скорое окончаніе войны, то неужели это не отразилось бы въ преніяхъ? Если бы вопросъ объ окончаніи войны, такъ всѣхъ волнующій, дебатировался въ ученомъ обществѣ, то неужели это не отмѣтили бы газеты?—не отмѣтили бы хотя въ видѣ курьеза? Никакого намека однако ни въ журналѣ, ни въ газетахъ на это нѣтъ.

Зато въ нихъ есть другое, изъ чего ясно видно, что приписаннаго мнѣ г. Изгоевымъ я не говорилъ и не могъ говорить. Такъ, въ журналѣ засѣданія, какъ онъ опубликованъ въ „Трудахъ Вольно-

Экономическаго Общества" [1]) часть моего доклада, предшествующая заключенію, изложена такъ: „Откуда же взять деньги?.. Надо обратиться къ накопленному страной имуществу. Но взять его надо осторожно, чтобы не нарушать хода промышленной жизни страны". По отчету „Русскихъ Вѣдомостей" [2]), докладчикъ указывалъ на неизбѣжность „обращенія къ основному и оборотному капиталамъ страны". „Но для пользованія этимъисточникомъ,—говорилъ онъ,—необходима особенная осторожность и строго обдуманный планъ. Нужно добывать средства такъ, чтобы страна не оказалась послѣ войны истощенной". Если я, по истеченіи пяти мѣсяцевъ войны, указывалъ, откуда можно взять рессурсы, и еще разсчитывалъ, что ихъ можно взять осторожно, не нарушая хода промышленной жизни и не доводя страны до истощенія, то ясно вѣдь, что я не могъ говорить, будто взять деньги скоро будетъ не откуда, что война въ ближайшее время (черезъ мѣсяцъ, въ сущности, такъ какъ пять мѣсяцевъ уже прошло) кончится отъ истощенія.

Стенографической записи нѣтъ... Но мой докладъ—не только полностью, но и въ распространенномъ еще видѣ—напечатанъ. Въ засѣданіи вольно-экономическаго общества я, въ сущности, реферировалъ статью Иноходцева, напечатанную въ ноябрьской и декабрьской книгахъ „Русскихъ Записокъ" за 1914 годъ. Читать цѣликомъ эту статью я не могъ,—слишкомъ велика она была для одного засѣданія. Поэтому я излагалъ ее сжато, но излагалъ по оттискамъ, которые лежали передъ мной. Г. Изгоевъ могъ этого, конечно, не замѣтить, но онъ—достаточно хорошо освѣдомленный въ литературныхъ дѣлахъ человѣкъ и могъ бы, желая возстановить въ своей памяти, что говорилъ Пѣшехоновъ, посмотрѣть, что писалъ въ это время Иноходцевъ.

А онъ понадѣялся на то, что стенографической записи нѣтъ... И въ результатѣ я обвиняю отнюдь не всѣхъ, а только его одного въ неточной передачѣ моихъ словъ,—больше того: въ томъ, что онъ сказалъ, повторилъ и усугубилъ, всячески изукрасивъ, прямую неправду.

Но даже уличивъ документально г. Изгоева въ неправдѣ, я не рѣшусь все-таки сказать, что онъ допустилъ ее сознательно. Болѣе вѣроятнымъ мнѣ представляется другое: „Моя статья о землеустройствѣ, сухая, спокойная и дѣловая, переполненная цифровыми данными и выкладками,—такъ пишетъ г. Изгоевъ,—лишила г. Пѣшехонова душевнаго равновѣсія". Вотъ это именно съ нимъ самимъ и произошло. А онъ съ больной головы валитъ на здоровую.

Все валитъ... Инсинуируя самъ, кричитъ объ инсинуаціяхъ

[1]) 1915 г. № 1.

[2]) 21 декабря 1914 года.

другого; говоря самъ неправду, обвиняетъ въ сознательной лжи противника; не отличаясь самъ писательской добросовѣстностью, приписываетъ недобросовѣстность послѣднему. Наконецъ, чувствуя, что самъ отъ полученныхъ ударовъ уже утратилъ душевное равновѣсіе, онъ и это спѣшитъ свалить съ больной головы на здоровую...

Бываетъ такая болѣзнь, бываетъ и такая повадка. Болѣзнь ли это у г. Изгоева или система,—судить не берусь. Но, въ томъ и другомъ случаѣ спорить съ нимъ не стоитъ.

А. Пѣшехоновъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Слово. Сборникъ шестой. (*Леонидъ Андреевъ*—Младость. *В. Вересаевъ*—Дѣдушка. *И. Сургучевъ*—Мельница (часть II). *Графъ Алексѣй Н. Толстой*—Искра. *Ив. Шмелевъ*—Ликъ скрытый). Москва. Книгоиздательство писателей. 1916. Ц. 2 р.

Первое дѣйствіе „повѣсти въ діалогахъ“, какъ назвалъ Л. Андреевъ свою „Младость“, написано такъ радостно и талантливо, свѣжо и непосредственно, что нельзя читая освободиться отъ примѣси страха—за дальнѣйшее въ повѣсти. И это чувство страха очень скоро оправдывается, къ сожалѣнію. Авторъ „Младости“—оказывается—далъ себѣ только маленькую передышку, любовно занявшись мальчикомъ Васей перваго дѣйствія повѣсти, которому все одинаково близко: и раскупориваніе оконъ въ ясный весенній день, и стояніе въ Великій Четвергъ со свѣчой, которую нужно донесть до дому горящей—во что бы то ни стало, и отецъ, котораго жалко оставить одного въ домѣ, и бабки, которыми полны карманы... Увы! Со второго дѣйствія все приходитъ въ нормальный порядокъ; окно перваго дѣйствія повѣсти, черезъ которое въ творчество Л. Андреева неожиданно ворвалась струя свѣжихъ, непосредственныхъ переживаній, оказывается вновь плотно закрытымъ. Передъ читателемъ—въ качествѣ автора—не Л. Андреевъ даже, а самъ Анатэма, пожелавшій воспѣть очарованія молодости и молодой мужской дружбы. Конечно, Анатэма остается Анатэмой и ни молодости, ни „младости“ въ повѣсти не чувствуется—чувствуется нагроможденіе всяческихъ осложненій и страданій, чувствуется напряженная истерика авторской мысли, и только. Второе дѣйствіе цѣликомъ занято двумя представителями „младости“, которые обѣщаютъ одинъ другому покончить съ собой. Одинъ изъ-за недостатка въ жизни смысла, другой—изъ дружбы. Тема—грозная, но развивается въ повѣсти совершенно спокойно. Будущіе самоубійцы долго говорятъ о своей рѣшимости умереть; читатель долго читаетъ объ этомъ и не вѣритъ. Неизвѣстно, чѣмъ кончили бы

словоохотливые самоубійцы, если бы ихъ не выручила смерть отца героя.

Для повѣсти это тяжелая утрата, такъ какъ въ первомъ дѣйствіи, единственно интересномъ, этотъ старикъ былъ намѣченъ хорошимъ размашистымъ рисункомъ, что-то обѣщалъ и, на самомъ дѣлѣ, если бы остался живъ, быть можетъ, скрасилъ бы, вмѣстѣ съ сыномъ Васей, всю Андреевскую повѣсть въ діалогахъ. Но суждено другое, старикъ умираетъ, и на долю читателя остается не интересно очерченный и мало жизненный старшій сынъ старика, рѣшающійся жить ради осиротѣвшихъ матери и сестры, и при немъ—изъ дружбы хотѣвшій умереть другъ его, офицеръ Нечаевъ, теперь изъ дружбы же намѣревающійся жить.

Дальнѣйшее въ повѣсти заключается въ слѣдующемъ. Несостоявшіеся самоубійцы все изъ той же дружбы передаютъ другъ другу дѣвушку Зою, которую любятъ оба (но которая любитъ все же одного). Затѣмъ—ужъ изъ особой дружбы--оба отказываются отъ дѣвушки. Оба забываютъ о душѣ—о грядущей судьбѣ дѣвушки, которая вѣдь любитъ. Забываютъ герои, забываетъ авторъ или, вѣрнѣе, забываетъ Анатэма, навожденіемъ котораго является вся эта пьеса въ діалогахъ, такъ хорошо—по-старому—изъ временъ „Жили-были"—начатая и такъ грустно испорченная.

Хотя повѣсть г. Сургучева называется „Мельницей", но мельница въ ней оказывается почти не при чемъ. Это неодушевленный вводный персонажъ, не больше. То, что происходитъ въ повѣсти, остается немотивированнымъ и непонятнымъ, хотя дѣйствующія лица достаточно подчеркнуты авторомъ. Такъ, святость и неотмірность старика-отца, намѣченная въ первой части, доведена во второй—до предѣльности.

Противоположностью старику, предрѣшающей неизбѣжность разрухи въ домѣ и на мельницѣ (?), является зловѣщая невѣстка, неизвѣстно (не для читателя) откуда явившаяся въ домъ святого старика и внушившая мысль прекратить торговлю ситцемъ и построить паровую мельницу, сгубившую жизнь всей семьи. Автору, какъ-будто, хотѣлось внушить читателю, что присутствіе этой зловѣщей женщины само по себѣ излучаетъ вокругъ тревогу, неустойчивость и гибель—всему, къ чему она проявитъ вниманіе и интересъ. Но этого не получилось; это не оправдано ни событіями, ни даже тономъ разсказа. Неожиданно происходитъ крахъ, неожиданно кончается разсказъ. Зловѣщая женщина, неизвѣстно откуда явившаяся, неизвѣстно куда исчезаетъ съ братомъ своего мужа. Такой развязкѣ содѣйствуетъ самъ старикъ-отецъ.

Въ повѣсти не разъ упоминается, что имя старшаго сына старика—Илья, что значитъ, по еврейски, „сильный". Это неизмѣнно сообщаетъ старикъ-отецъ, начитанный въ писаніи, и читатель ждетъ событій, которыя подтвердятъ на самомъ дѣлѣ, что имя „Ильи", такъ умышленно подчеркиваемое авторомъ, принадлежитъ

„сильному“ душой человѣку... Онъ на самомъ дѣлѣ перенесетъ все, что ему достанется на долю: разореніе семьи и потерю жены—женщины, которую онъ вызволилъ откуда-то силой своей любви изъ притона.

Но читатель ждетъ напрасно. Приходятъ послѣднія страницы повѣсти. Оказывается, наступила война, и Илья... взятъ на военную службу. Автору это кажется развязкой, а читателю—авторскимъ недоразумѣніемъ. Чтобы такъ вынести разыгравшуюся драму своей жизни, не нужно имѣть имя „Илья“, что значитъ по-еврейски „сильный“; достаточно имѣть отъ роду менѣе 43-хъ лѣтъ и не имѣть болѣзней, перечисленныхъ въ надлежащихъ статьяхъ Устава о воинской повинности.

Въ результатѣ—читательское недоумѣніе при словѣ: „конецъ“.

Въ повѣсти есть сочность и краски; данъ безспорный бытъ; но все это испорчено вычурно-строительными стремленіями автора, какъ это уже отмѣчали мы по поводу первой части „Мельницы“.

Въ остальныхъ разсказахъ „Слова“ философія такъ явно торжествуетъ надъ беллетристикой, что приходится и говорить о философіи вмѣсто беллетристики.

Необычаенъ разсказъ В. Вересаева „Дѣдушка“. Съ первыхъ же строкъ читатель освѣдомленъ, что героиня только-что пріѣхала изъ-за границы, гдѣ „проходила у Далькроза курсъ ритмической гимнастики“. Конечно, эта рекомендація дается не спроста. Оказывается, что ученики и ученицы Далькроза „новаго человѣка ищутъ,—вольнаго, сильнаго, живущаго ритмически“. Тутъ же мы узнаемъ, однако, со словъ героини, что о ритмической гимнастикѣ нельзя почти—какъ говорится—ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать: „... о ней можетъ судить только тотъ, кто самъ ею занимался. Что-то прямо чудотворное! Самая смятая душа расправляется, становится гармоничной и ритмичной“.

Примѣромъ такой расправленной и ритмичной души является героиня, протанцовавшая „въ Геллерау подъ Дрезденомъ“ (адресъ указанъ В. Вересаевымъ) все, что слѣдуетъ.

По ходу разсказа выясняется, что героинѣ свойственъ даръ угадывать безошибочно, когда человѣку надлежитъ умереть. На глазахъ читателя происходятъ два случая. Въ одномъ—близка къ смерти мать героини. Она (героиня) чувствуетъ: „вотъ она—смерть!“ и чувствуетъ безошибочно, что матери надо дать умереть—иначе будетъ плохо. Однако, ея братъ—„популярный газетный философъ“—держится иного мнѣнія, зоветъ врача; мать выздоравливаетъ. Это имѣетъ тяжелыя послѣдствія, такъ какъ послѣ болѣзни мать потеряла одухотворенность, опредѣляющую цѣнность человѣческой души... Въ другомъ случаѣ—при смерти человѣка съ большимъ общественнымъ именемъ. Героиня опять безошибочно угадываетъ день его смерти и принимаетъ—наученная опытомъ съ матерью—мѣры, чтобы онъ умеръ безъ помощи со стороны

„палача", т. е. врача, не разумѣющаго, что „смерть важнѣе его банокъ и камфоры".

Вы недоумѣваете, въ чемъ дѣло? Особенно, если принять во вниманіе, что авторъ ритмичной героини самъ, какъ извѣстно, врачъ. Увы! онъ не только врачъ, но и читатель Ницше, и это все объясняетъ. Удрученный ужасами одряхлѣнія и медленнаго старческаго умиранія, Ницше рекомендовалъ: „Stirb zur rechten Zeit." Что это значитъ, поясняетъ въ переводѣ самъ авторъ „Дѣдушки": надо умѣть *умереть* во время, т. е. надо умѣть *самому* умереть во время. Героиня же, протанцовавшая весь курсъ ритмической гимнастики, дѣлаетъ отсюда, съ разрѣшенія г. Вересаева, выводъ: надо пассивно *содѣйствовать*, чтобы *другой* умеръ въ тотъ срокъ, который *я* признаю благовременнымъ для *его* смерти. При всей ритмичной утонченности, героиня В. Вересаева не понимаетъ и не чувствуетъ, что пассивное содѣйствіе смерти *другого* гораздо ближе къ понятію „убить", чѣмъ къ понятію „умереть".

Нужно прибавить, что и съ художественной стороны разсказъ силенъ не болѣе, чѣмъ съ философско-ницшеанской.

Дальше слѣдуетъ поучительное беллетристическое слово графа А. Н. Толстого. Въ его разсказѣ есть яркія, красочныя пятна, обладающія убѣдительностью. Но автору зачѣмъ-то понадобились философскіе розыски о человѣческой жизни. Въ результатѣ мы узнаемъ, что „тигры и змѣи менѣе жестоки, чѣмъ мы", потому что... „у нихъ нѣтъ высшаго закона". Любопытно, что въ разсказѣ идетъ рѣчь о человѣкѣ, убившемъ жену—за нежеланіе любить— и того, кто осмѣлился полюбить ее—женщину, принадлежащую другому. Но кается въ жестокости... не убійца, а тотъ, кто будетъ убитъ. Жесточе тигра и змѣи оказывается именно онъ, ибо подчинился „высшему закону"—любви.

Такимъ образомъ, по гр. А. Н. Толстому, людскую жестокость создаетъ „высшій законъ", живущій въ душахъ.

Приходится говорить о философіи и по поводу разсказа И. Шмелева: „Ликъ скрытый". Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ искренній художникъ искрененъ и какъ философъ, пытающійся осознать метафизику войны, почувствовать внутреннюю пріемлемость ея на основѣ „непостижнаго уму". На-ряду съ капитаномъ Шемётовымъ и подпоручикомъ Сушкинымъ въ разсказѣ фигурируютъ разные инкогнито въ родѣ „Лика вещей" и „Великаго Равновѣсія".

Проигралъ бы разсказъ безъ этихъ высокопоставленныхъ особъ философіи?—Думаемъ, что нѣтъ. Истерическій капитанъ и юновпечатлительный подпоручикъ намъ ближе и интереснѣе—сами по себѣ.

Да и не составляютъ таинственныя вещи, уважительно обозначаемыя прописными буквами, подлинной стихіи творчества И. Шмелева, такъ же, какъ и гр. А. Н. Толстого. И по сей причинѣ было бы жаль

если бы ихъ экскурсы въ область „игры ума" оказались не случайнымъ явленіемъ. Ихъ стихія—художественное, а не поучительное слово.

Когда-то изъ слова, сказаннаго Богомъ, возникъ цѣлый міръ. У художниковъ есть свой завидный даръ творить чудеса. У нихъ цѣлый міръ самъ собою вмѣщается въ слово. И безъ этого слова не можетъ жить человѣчество.

Для художниковъ этого, казалось бы, достаточно. Зачѣмъ имъ философія?

Георгій Гребенщиковъ. „Въ просторахъ Сибири". Повѣсти и разсказы, т. II. Издат. т-ва писателей. Пг. 1915 г. Стр. 293; ц. 1 р. 25 к.

Хотя въ книжкѣ г. Гребенщикова не мало страницъ и цѣлыхъ разсказовъ, къ Сибири не имѣющихъ ровно никакого отношенія, тѣмъ не менѣе сборникъ названъ удачно: дѣйствительно особенной ширью и просторомъ, уже не европейскаго размаха, вѣетъ на читателя отъ этой прекрасной книжки молодого, но многообѣщающаго автора. Уже давно не приходилось читать такихъ чудесныхъ, полныхъ движенія, страсти, драматизма и красоты описаній лѣса, звѣрей, охоты, какъ у г. Гребенщикова. Его звѣри—маралъ, медвѣдь, волкъ, — хитря и избѣгая хитростей человѣка, разсуждая, строя свои звѣриные силлогизмы, ни на минуту не теряютъ своего звѣринаго облика, не превращаются въ „звѣря для читателя",— условные пріемы ихъ изображенія—для каждаго очевидны, просты при всей ихъ искусности и убѣдительности, и читатель ясно видитъ, что авторъ не выдумываетъ и не навязываетъ звѣрю человѣческихъ мыслей и чувствъ, но просто переводитъ ихъ съ лѣсного, неразборчиваго языка инстинктовъ, доступнаго лишь пониманію художника, на богатый и крѣпкій, но доступный и читателю языкъ. Автору достаточно двухъ-трехъ строкъ, чтобы показать дикую красоту, грацію и живую особенность звѣря. Вотъ „маралъ съ безрогой подругою" мчатся по лѣсу. — „Скрылись за семьею пихтъ и снова замерли на мѣстѣ, словно высѣченные изъ камня. Черные выпуклые глаза искрились отъ снѣжнаго сіянія, а изъ расширенныхъ ноздрей вылетали тонкія струи пара, будто выбрасывались и растворялись въ воздухѣ острые серебряные мечи"... И какъ эти внѣшнія, такъ отчетливы и тонки внутреннія черты его изображеній, звѣриная психологія, лѣсныя драмы, и т. д.

Надобно прибавить, что ясность, точность и простота авторскихъ пріемовъ, отчетливость его картинъ достигается отнюдь не за счетъ упрощенія сложнаго—съ одной стороны или искусственнаго и элементарнаго усложненія простыхъ положеній—съ другой, съ цѣлью придать имъ увлекательный характеръ (оба пріема, характеризующіе, напримѣръ, манеру Джэка Лондона). Нѣтъ, г. Гребенщиковъ, напротивъ, раскрываетъ простое, показывая его таинственную и чудесную сложность. Его примитивы никогда не эле-

ментарны, не бѣдны. У него несомнѣнная склонность къ изображенiю именно примитивной души, примитивнаго быта, — его лучшiя вещи въ книжкѣ именно таковы, — при чемъ характерно, что и всего тоньше и всего богаче вышли изъ-подъ его кисти образы и людей примитивныхъ, степныхъ кочевниковъ, дурачка, дѣтей-нищихъ,—людей полуживотнаго существованiя. Но посмотрите, какъ расцвѣли и обогатились они подъ перомъ художника, раскрывшаго, безъ малѣйшей идеализацiи, цѣлый мiръ душевныхъ движенiй, глубоко человѣчныхъ порывовъ, подлинныхъ трагедiй, страсти, лиризма въ этихъ убогихъ душахъ! Прочтите разсказъ „Царь Максимилiанъ"—эту чудесную исторiю волшебнаго преображенiя полудикихъ человѣческихъ существъ въ артистовъ, охваченныхъ творческимъ порывомъ; или „Степашкину любовь", гдѣ деревенскiй дурачекъ возвышается до подлинно-трагической любви, ни въ чемъ не измѣняя своей грубой, бѣдной, полуживотной натурѣ; то же надо повторить и о „Ханствѣ Батырбека", съ его захватывающимъ и искреннимъ драматизмомъ, съ рядомъ прекрасно выписанныхъ фигуръ, изъ которыхъ особенно хочется выдѣлить прелестную Бибиндо, совершенно живую въ разсказѣ; тоже и о разсказѣ „Волчья жизнь", „Всходы", „Лѣсные короли", и др.,—вездѣ предъ нами тотъ же прiемъ раскрытiя сложнаго въ простомъ, удачное примѣненiе котораго и является лучшимъ и вѣрнѣйшимъ признакомъ подлиннаго художника.

Нельзя, однако, умолчать и о недостаткахъ, кои въ чемъ портящихъ общее прекрасное впечатлѣнiе отъ книжки. Это тѣмъ болѣе необходимо сдѣлать, что дефекты автора—не имѣютъ характера рокового, не только не связаны съ его достоинствами, но какъ разъ напротивъ—либо просто случайны, либо являются результатомъ его недостаточной вѣры въ свои молодыя, но обѣщающiя силы, либо, наконецъ,—простое слѣдствiе недостаточной опытности или внимательности. Къ разряду послѣднихъ относятся такiя шероховатости стиля, какъ „ссоры происходятъ *издавна, вскорѣ послѣ свадьбы*"; или: „Важнѣе всего казалось то, что *оживило бы ихъ унынiе*" (авторъ, конечно, хотѣлъ сказать противоположное — разогнало бы унынiе); или: „*одѣлъ* покрѣпче на голову шапку"; „*одѣвая* старые бутылы"—вмѣсто „надѣвъ", „надѣвая", и т. п. мелочи.

Серьезнѣе и досаднѣе же дефекты, которые обусловлены желанiемъ автора вынудить отъ читателя то или иное чувство. Здѣсь онъ впадаетъ въ тенденцiозность, въ сентиментальный тонъ, портитъ психологiю своихъ героевъ навязанными имъ чувствами и мыслями. О ханѣ Бекмурзѣ онъ пишетъ, что „ему хотѣлось всю ее (ширь и даль степныхъ просторовъ) обнять и выпить однимъ поцѣлуемъ"... Конечно, „хотѣлось" не хану самому, киргизу-кочевнику, а автору. Изображая работу въ шахтѣ, г. Гребенщиковъ увѣряетъ, что при каждомъ подъемѣ бадьи „у *каждаго* (рабочаго)

въ сердцѣ поселялась жгучая тревога: дойдетъ ли она доверху, не обрушится ли ихъ шахта, сотрясенная грознымъ паденіемъ бадьи"... Это, конечно, гипербола не изъ удачныхъ. Во-первыхъ, отъ паденія бадьи шахта и не подумаетъ обрушиваться; во-вторыхъ, подъемъ бадьи вовсе не сопровождается какимъ-то специфическимъ напряженіемъ душевнаго состоянія рабочихъ,—это самая простая операція, и занятые ею въ шахтѣ рабочіе находятся по отношенію къ другимъ въ наиболѣе безопасномъ положеніи. По шаблону написана психологія отставного полицейскаго въ разсказѣ „Дорога",—это не тема г. Гребенщикова, и не даромъ здѣсь такъ непривычно много для его живого пера мертвыхъ словъ, въ родѣ „Пугливо и безпомощно заметалась душа его, пытаясь отыскать цѣль и оправданіе жизни, оправданіе и смыслъ той многолѣтней служебной маяты, которая"... и т. д. Преувеличенную чувствительность проявляетъ и жандармскій ротмистръ въ разсказѣ „Лебедь"' которому, послѣ того, какъ онъ подстрѣлилъ лебедя, кажется, что „не лебедь лежитъ на льду озера, а собственноручно имъ подстрѣленная совѣсть его", и которому захотѣлось „броситься къ озеру, достать лебедя и, обнявъ его, вмѣстѣ съ нимъ надрывнымъ плачемъ откликаться на зовъ одиноко летающей во тьмѣ птицы".

Ни у кого такія строки и сценки не казались бы хороши нужны, но особенно ненужны и излишни онѣ у г. Гребенщикова, съ его свѣжестью и убѣдительностью тамъ, гдѣ онъ пишетъ просто и о простомъ, никого не пытаясь ни разжалобить, ни привести къ заранѣе намѣченнымъ заданіямъ. Онъ—подлинный художникъ и меньше всего нужны ему суррогаты творчества.

Гюставъ Флоберъ. Переписка. Ч. I. Письма къ племянницѣ. (Полное собраніе сочиненій. Т. VIII). Пер. А. А. Кублицкой-Піотухъ. Подъ ред. Александра Блока. Изд. „Шиповникъ". Спб. Стр. 432. Ц. 3 р.

Переписка Флобера находитъ у насъ подготовленную почву. Главнѣйшія произведенія его переведены по нѣсколько разъ; о перепискѣ, при появленіи отдѣльныхъ ея томовъ, были въ свое время статьи (Д. С. Мережковскаго въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ", А. И. Красносельскаго въ „Русскомъ Богатствѣ"). Она стоитъ этого вниманія. Содержаніе ея полновѣсно; какъ общая психологія большого художника слова, такъ и индивидуальная психика творца „Бовари", получаютъ въ ней любопытнѣйшее освѣщеніе. Кто знаетъ, какъ сложно и напряженно протекалъ творческій процессъ въ Флоберѣ, какъ противорѣчивы были различныя тенденціи его природы, тотъ пойметъ, что факты и обобщенія, даваемые и подсказываемые перепиской Флобера, должны быть причислены къ наиболѣе цѣннымъ матеріаламъ для пониманія загадки художественнаго творчества. У Флобера почти не было случайной переписки; число его корреспондентовъ не велико, потому что онъ

переписывался съ людьми, которыхъ зналъ, любилъ и цѣнилъ. И письма его не литературныя произведенія, выношенныя, отдѣланныя, и даже—какъ это бывало у французовъ,—почищенныя и подправленныя для отдѣльнаго, прижизненнаго изданія. Въ противоположность литературнымъ произведеніямъ Флобера, письма его не носятъ ни слѣда тщательной и мучительной словесной чеканки; высокое искусство интимнаго слова видно въ ихъ скромной безыскусственности, здѣсь могучій темпераментъ Флобера находилъ выраженіе не въ гигантской власти надъ собой, но въ вольномъ полетѣ свободныхъ чувствъ и импровизированныхъ выраженій. Понятно, какъ цѣнна такая исповѣдь большого художника, особенно, если она обращена туда, гдѣ онъ могъ разсчитывать на полное пониманіе его творческихъ требованій. Этому послѣднему условію не вполнѣ соотвѣтствуютъ письма, которыми русское издательство начинаетъ собраніе писемъ Флобера. Въ лежащемъ предъ нами томѣ собраны письма къ племянницѣ, которой онъ былъ воспитателемъ и другомъ втеченіе всей жизни; переписка ихъ охватываетъ болѣе четверти вѣка. Но ни ребенкомъ, ни молодой дѣвушкой, ни замужней дамой г-жа Комманвиль не была ни въ какомъ смыслѣ подъ-стать Флоберу. При всей любви и нѣжности къ ней, при всей искренности и обстоятельности въ разсказѣ о повседневныхъ мелочахъ своей жизни, онъ не писалъ къ племянницѣ, какъ къ духовно-равному человѣку, и просто не писалъ о томъ, что насъ болѣе всего могло-бы интересовать. Это чувствуетъ и редакція перевода и оттого изъ 300 писемъ выбрала для перевода всего 274; въ выбранныхъ тоже немало „мелочныхъ подробностей, едва ли нужныхъ для русскаго читателя". Мы думаемъ, для русскаго читателя нужно иное: если ужъ „полному собранію" сочиненій Флобера суждено быть неполнымъ, то лучше всего было удѣлить письмамъ одинъ-два тома и выбрать для этого все дѣйствительно цѣнное. Одно изъ двухъ: или для насъ дорога каждая строка большого художника, или мы рѣшаемся отличать важное отъ неважнаго. Въ послѣднемъ случаѣ надо дѣйствовать рѣшительно и съ сознаніемъ своей отвѣтственности. Это сознаніе едва-ли было дѣйственно въ г. Блокѣ, когда онъ скрѣпилъ своимъ именемъ плохой переводъ г-жи Кублицкой-Піотухъ; переводчица не важно знаетъ французскій языкъ и не владѣетъ какъ слѣдуетъ русскимъ. Она сообщаетъ, что нѣмцы „швыряли метательные снаряды" (?); хотя рѣчь идетъ о пушечныхъ ядрахъ; она пишетъ русское С. В. П. тамъ, гдѣ находитъ французское S. V. P. (s'il vous plaît); она заставляетъ Флобера употреблять выраженіе „простофилецъ", „свахлять", „многихъ господиновъ", „онъ надѣлалъ дѣловъ"—все это для легкости непринужденной рѣчи; она знаетъ городъ Сентъ-Кентинъ, „декана протестантской теологіи" и господина „Чернусскаго" (итальянецъ Cernuschi). Нельзя также было ограничиться примѣчаніями французскаго изданія: вѣдь если фран-

цузскіе читатели нуждались въ объясненіи разныхъ собственныхъ именъ, то откуда же русскимъ знать, кто такіе, напримѣръ, Бадингэ и де-Фальи, которыхъ готова была съѣсть вдова одного полковника, убитаго подъ Седаномъ. Второго хоть въ Энциклопедіи найдешь—онъ командовалъ резервнымъ корпусомъ въ несчастномъ сраженіи; первый-же—это самъ Наполеонъ III, носившій безъ чести это непріятное прозвище.

В. В. Брусянинъ. „Въ странѣ озеръ"—очерки изъ финляндской жизни. Кн-во „Жизнь и Знаніе", Птд. Стр. 233; ц. 1 р. 25 к.

Книжка г. Брусянина, не отличаясь ни особенной глубиной, ни новизной содержанія, ни яркостью описаній, тѣмъ не менѣе написана искренно и съ любовью къ странѣ и людямъ, которые въ ней изображены. Въ этихъ очеркахъ, порою напоминающихъ газетныя корреспонденціи, порою — отрывочныя замѣтки изъ записной книжки, кой-какъ приведенныя въ подобіе системы, читатель знакомится со столь близкой и столь далекой намъ во многихъ отношеніяхъ страной, — вѣрнѣе — съ нѣкоторыми сторонами ея бытовой, общественно-политической и религіозной жизни. Всего больше авторъ повѣствуетъ о различныхъ политическихъ партіяхъ, религіозно-нравственныхъ сектахъ и группахъ, описываетъ выборы въ сеймъ; на этомъ фонѣ, „приправленномъ" мѣстами описаніемъ природы, проходятъ передъ читателемъ отдѣльныя фигуры и типы, не всегда впрочемъ для Финляндіи характерные.

Книжка г. Брусянина выиграла бы, ограничься авторъ изображеніемъ лишь того, что онъ видѣлъ и непосредственно наблюдалъ въ жизни Финляндіи; совершенно не удались ему попытки придать повѣствованію „настроеніе": одиночества, брошенности, тоски по родинѣ и проч. („На чужомъ берегу", „Камни"),—этого настроенія такъ и не чувствуетъ читатель,—дѣланность и претенціозность — единственный результатъ этихъ попытокъ. Особенно слабъ очеркъ „Камни"; лучше другихъ очеркъ „Въ сосновомъ лѣсу",—здѣсь есть и живость, и легкость, и образность.

Весьма неряшливъ стиль очерковъ. Совсѣмъ не рѣдки такія фразы, какъ „терпѣливо прячетъ онъ свои слезы", „онъ жестомъ руки выразилъ мнѣ гостепріимство", „дождевой ливень застлалъ все небо", „Давыдка состоялъ при кухнѣ нѣчто вродѣ кухоннаго мужика", и т. п.

Къ десятилѣтію первой Государственной Думы. Сборникъ статей перводумцевъ. Изд-во „Огни", Петроградъ. 1916. 231 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Десять лѣтъ—срокъ небольшой. Событія и лица, о которыхъ говоритъ сборникъ перводумцевъ, какъ будто даже и не отошли еще „какъ слѣдуетъ" въ исторію, не приняли опредѣленнаго ико-

нописнаго облика, не отстоялось, не перебродило до конца вино тѣхъ чаяній и иллюзій, печалей и горечи, которыя далъ русской жизни 1906-й годъ. Потому, можетъ быть, мемуары, вошедшіе въ въ сборникъ о первой Думѣ такъ проникнуты лиризмомъ восторженности и умиленія, окрашены ясной, волнующей грустью. Это, впрочемъ, не лишаетъ ихъ исторической цѣнности: настроеніе, которымъ они проникнуты, отражаютъ не преувеличенно и передаютъ точно настроеніе и чувства, пережитыя русскимъ обществомъ десять лѣтъ назадъ. И, пожалуй, болѣе даже, чѣмъ фактическимъ содержаніемъ, цѣнны воспоминанія первыхъ представителей народа русскаго силой и устойчивостью этихъ чувствъ, близостью и понятностью этого русскаго „плача на рѣкахъ Вавилонскихъ“ русскому читателю. Самой Думѣ, тѣмъ 72 днямъ парламентской работы и словесныхъ битвъ съ представителями правительства, воспоминанія удѣляютъ сравнительно немного мѣста (статьи покойныхъ В. Обнинскаго и М. Ковалевскаго, статьи Н. Гредескула и М. Винавера). Большая часть статей говоритъ о начальномъ и конечномъ періодахъ: о выборной кампаніи и о событіяхъ, послѣдовавшихъ за роспускомъ Думы, главнымъ образомъ—о судьбѣ наиболѣе яркихъ ея дѣятелей. Въ предисловіи редакція сборника поясняетъ, что въ силу слишкомъ краткаго срока, бывшаго въ ея распоряженіи отъ момента, когда мысль отмѣтить десятилѣтіе первой Думы сборникомъ была надлежаще оформлена (въ концѣ февраля), до дня годовщины (27 апрѣля),—пришлось и поступиться выдержанностью плана и отказаться отъ нѣсколькихъ намѣченныхъ статей. Полнѣе всего изображены различные моменты выборной борьбы, картины выборовъ въ центрахъ и глухихъ углахъ обширнаго нашего отечества. Выборы въ Петербургѣ (ст. Н. Карѣева), выборы въ Самарѣ (ст. Д. Протопопова), выборы въ Таврической губерніи (ст. кн. В. Оболенскаго), выборы въ Киргизской степи (ст. Алихана Букейханова)—все это необычайно жизненно, красочно, оригинально. „Трибуною ораторамъ служила кобыла (половину слушателей составляли киргизы верхомъ),—другой подходящей трибуны не было. Былъ моментъ, когда на кобылѣ сидѣло въ рядъ два оратора: батюшка и Аппаевъ, Передній говорилъ, второй ждалъ очереди“... (Букейхановъ—„Выборы въ степи“). Съ большимъ интересомъ читаются также воспоминанія крестьянина И. Лаврентьева, И. Рамишвили („Изъ тюрьмы въ Государственную Думу“). Особый отдѣлъ сборника посвященъ „свѣтлой памяти покойныхъ депутатовъ 1-го призыва“—статьи о Муромцевѣ, Герценштейнѣ, гр. Гейденѣ, Лунинѣ, Іоллосѣ, Шершеневичѣ, Обнинскомъ, Ковалевскомъ и др. Списокъ усопшихъ членовъ первой Думы, однако, страдаетъ неполнотой. Достаточно обстоятельный списокъ литературы о первой Думѣ составленъ Н. А. Бородинымъ.

Первое изданіе сборника почти уже разошлось. Но онъ заслу-

живалъ бы и второго изданія—какъ по цѣнности своего содержанія, такъ и по цѣли, поставленной инціаторами изданія: доходъ съ книги поступаетъ на пополненіе средствъ помощи депутатамъ всѣхъ созывовъ, оказавшимся въ стѣсненномъ положеніи въ силу прикосновенности своей къ званію русскаго народнаго представителя.

Записки декабриста И. И. Горбачевскаго. (Библіотека мемуаровъ. Вып. II). Съ приложеніями и съ вступительной статьей Б. Е. Сыроѣчковскаго. „Задруга". М. 1916. Стр. XXXIV+323. Ц. 2 р.

Записки И. И. Горбачевскаго—одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ мемуарной литературы, связанной съ движеніемъ декабристовъ. Видный членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, одинъ изъ первыхъ принятый въ него и затѣмъ игравшій большую роль при соединеніи его съ Южнымъ Обществомъ, Горбачевскій до самой смерти, застигшей его въ 1869 г. въ Петровскомъ Заводѣ, гдѣ онъ продолжалъ жить и послѣ освободившаго декабристовъ коронаціоннаго манифеста 1856 г., оставался убѣжденнымъ и ярымъ „славяниномъ". До послѣднихъ своихъ дней онъ сохранялъ горячую преданность тѣмъ идеямъ, на служеніе которымъ онъ отдалъ свою жизнь въ молодости, и трогательную сердечную привязанность къ тѣмъ товарищамъ, съ которыми связало его служеніе этимъ идеямъ. За время долгой ссылки его мысли и чувства, по его собственнымъ словамъ, „всегда были обращены на другое дѣло, давно прошедшее"; всегда онъ „жалѣлъ о проигранномъ и этого никогда не могъ забыть". Постоянно возвращаясь мыслью къ этому безконечно дорогому для него прошедшему, постоянно возстановляя и оживляя его въ своей памяти, онъ естественно долженъ былъ притти къ намѣренію сохранить это прошлое и для будущихъ поколѣній и съ этой цѣлью записать все, что самъ онъ помнилъ и зналъ о немъ. Къ этому же побуждали Горбачевскаго и совѣты товарищей. С. И. Муравьевъ-Апостолъ еще въ 1825 г., въ минуту грустнаго раздумья о будущемъ, завѣщалъ Горбачевскому, если онъ останется въ живыхъ, написать о намѣреніяхъ и цѣли членовъ тайнаго общества, объ ихъ „преданности и любви къ ближнему, о жертвѣ для Россіи и русскаго народа". Позднѣе, въ годы ссылки, съ подобными же совѣтами и увѣщаніями обращались къ Горбачевскому другіе товарищи. Съ своей стороны онъ и самъ находилъ, что такая задача была бы ему по силамъ, и неоднократно мечталъ написать и личныя свои воспоминанія, и такой трудъ по исторіи движенія декабристовъ, который охватилъ бы это движеніе во всемъ его цѣломъ. Осуществить свои замыслы въ полномъ объемѣ ему однако не пришлось. Постоянно отвлекаемый отъ этихъ замысловъ необходимостью зарабатывать себѣ средства къ существованію, онъ успѣлъ написать только „Записки", посвященныя Обществу Соединенныхъ Сла-

вянъ, т.-е., какъ разъ той группѣ декабристовъ, о которой мы имѣемъ сравнительно наименьшее количество свѣдѣній и въ которой между тѣмъ было много своеобразныхъ и любопытныхъ чертъ.

„Это какъ бы своего рода монографія объ Обществѣ Соединенныхъ Славянъ, обрабатывающая матеріалъ различнаго происхожденія,—говоритъ объ этихъ „Запискахъ" авторъ предпосланной имъ въ настоящемъ изданіи біографической статьи о Горбачевскомъ, г. Сыроѣчковскій.—Объективность изложенія, большая точность, обнаруживаемая при сличеніи „Записокъ" съ офиціальными и иными документами, строго продуманный планъ, опредѣленная точка зрѣнія на излагаемыя событія, анализъ ихъ причинной связи, проведенной черезъ всю работу,—дѣлаютъ названіе монографіи вполнѣ заслуженнымъ въ примѣненіи къ труду Горбачевскаго. Его „Записки" такимъ образомъ одновременно и первоисточникъ, и историческое изслѣдованіе, притомъ на данную тему единственное во всей литературѣ. Литературныя достоинства „Записокъ" очень высоки: прекрасный языкъ, живое изложеніе, ясный планъ дѣлаютъ чтеніе ихъ увлекательнымъ и пріятнымъ и заставляютъ отвести имъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди русскихъ мемуаровъ" (XXXII—XXXIII). Такую характеристику „Записокъ" Горбачевскаго можно признать вполнѣ правильной, за исключеніемъ одного лишь пункта. Та „объективность", которую г. Сыроѣчковскій нашелъ въ изложеніи Горбачевскаго, въ дѣйствительности не особенно присуща послѣднему—для этого онъ былъ слишкомъ страстнымъ человѣкомъ и слишкомъ горячо отстаивалъ ту группу членовъ тайнаго общестаа, къ которой принадлежалъ онъ самъ. Противопоставляя въ своихъ „Запискахъ" трезвый демократизмъ Общества Соединенныхъ Славянъ скороспѣлому радикализму и доктринерству заправилъ Южнаго Общества, умѣвшихъ однако своимъ воздѣйствіемъ сбить „славянъ" съ правильнаго пути, Горбачевскій порою впадаетъ даже въ явное противорѣчіе съ самимъ собою и во всякомъ случаѣ не проявляетъ достаточной объективности. Не очень много объективности и въ тѣхъ частыхъ упрекахъ, которые онъ посылаетъ по адресу С. И. Муравьева-Апостола и возможную несправедливость которыхъ онъ самъ вынужденъ по-временамъ оговаривать. Но матеріалъ для необходимыхъ поправокъ читатель почти во всѣхъ такихъ случаяхъ найдетъ въ изложеніи самого же Горбачевскаго, а между тѣмъ именно это отсутствіе объективности придаетъ его „Запискамъ" трепетъ подлинной жизни и позволяетъ читателю ближе подойти къ пониманію психологіи и ихъ автора и цѣлой группы его ближайшихъ товарищей, занимавшихъ своеобразное положеніе въ томъ политическомъ движеніи, которое такъ трагически оборвалось въ 1825 г. Все это дѣлаетъ „Записки" Горбачевскаго въ высшей сте-

нени цѣннымъ памятникомъ и заставляетъ горячо привѣтствовать появленіе ихъ въ отдѣльномъ изданіи.

Нельзя не пожалѣть только, что редактировано это изданіе нѣсколько неряшливо. Въ одномъ—и самомъ важномъ—случаѣ эта неряшливость носитъ, правда, скорѣе комическій характеръ. Во вступительной статьѣ г. Сыроѣчковскаго мы читаемъ: „въ настоящемъ изданіи „Записки" печатаются въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были опубликованы въ „Русскомъ Архивѣ" въ 1882 г.; свѣрить текстъ съ рукописью было для редакціи, къ сожалѣнію, невозможно, между тѣмъ, по свидѣтельству П. И. Бартенева, при опубликованіи „Записокъ" Горбачевскаго въ 1882 г. онъ встрѣтилъ серьезныя цензурныя препятствія, и „Записки" во многихъ мѣстахъ были урѣзаны" (XXXIII). Въ дѣйствительности же всякій, кто возьметъ на себя трудъ сличить текстъ „Записокъ" Горбачевскаго въ настоящемъ изданіи съ текстомъ „Р. Архива", легко убѣдится, что первый по сравненію со вторымъ значительно пополненъ. Мы не беремся судить, возстановлена ли при этихъ пополненіяхъ рукопись Горбачевскаго цѣликомъ, но во всякомъ случаѣ странно, что редакторъ изображаетъ свое изданіе много хуже, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Въ этомъ случаѣ редакторская неряшливость, по крайней мѣрѣ, не отразилась на самомъ изданіи. Иначе обстоитъ дѣло въ другомъ случаѣ—не съ самыми „Записками" Горбачевскаго, а съ присоединенными къ нимъ въ настоящей книгѣ приложеніями. Въ качествѣ такихъ приложеній здѣсь даны статья Горбачавскаго объ И. И. Сухиновѣ, одиннадцать писемъ Горбачевскаго къ кн. Оболенскому, три письма къ М. А. Бестужеву и два автобіографическіе разсказа Горбачевскаго въ передачѣ П. И. Першина-Караксарскаго. Но при этомъ одно—и какъ разъ наиболѣе богатое фактическими свѣдѣніями о декабристахъ—письмо Горбачевскаго къ Бестужеву г. Сыроѣчковскій нашелъ возможнымъ напечатать не полностью, а лишь въ извлеченіяхъ, а два письма его же къ Першину, опубликованныя раньше въ „Истор. Вѣстникѣ", счелъ совершенно излишнимъ включать въ приложенія, какъ „незначительныя". Доказывать неправильность подобныхъ пріемовъ нѣтъ надобности, и остается только пожалѣть, что они нашли себѣ примѣненіе въ настоящемъ изданіи, которое не только заслуживало большей тщательности, но и легко могло бы быть сдѣлано безупречнымъ.

А. В. Амфитеатровъ. Свѣтъ и Сила. Сочин. т. XXXV II. изд. книгоизд. т-ва „Просвѣщеніе". Стр. 361. Ц. 1 р. 75 к.

Въ новый томъ сочиненій плодовитаго г. Амфитеатрова вошли по преимуществу статьи некрологическаго и мемуарнаго рода, написанныя по поводу смерти или литературныхъ поминокъ того

или иного писателя,—Бакунина, Герцена, Михайловскаго, Вл. Соловьева, Чехова, Мамина-Сибиряка, и др.

Книжка читается легко и съ интересомъ и отличается обычными достоинствами, свойственными многочисленнымъ писаніямъ г. Амфитеатрова: живостью изложенія, мягкостью и въ то же время изобразительностью стиля, обиліемъ, порой характерныхъ, черточекъ, изъ коихъ авторъ составляетъ свои портреты и которыхъ его большая память удержала и сохранила въ себѣ, повидимому, великое множество.

А недостатки книжки тоже обычно-амфитеатровскіе; но—потому ли, что въ сотый разъ встрѣчается съ ними читатель, или на этотъ разъ они особенно характерно проявились,—но только послѣ прочтенія „Свѣта и Силы" они сознаются съ особенной отчетливостью.

Г. Амфитеатровъ въ значительной степени несомнѣнно импрессіонистъ. Онъ чрезвычайно воспріимчивъ къ злобѣ дня и живо легко на нее откликается, и для публициста это была бы драгоцѣнная черта, если-бы воспріимчивость не столь уже подчиняла себѣ автора, если бы она все-таки оставалась на положеніи средства для *всегда* строго направленнаго общаго публицистическаго устремленія. Къ сожалѣнію, это не такъ; несомнѣнно, съ полной искренностью, но все же съ чрезмѣрной легкостью, авторъ отдается въ плѣнъ своей впечатлительности, которая склонна порою въ одинаковый цвѣтъ раскрашивать совсѣмъ разнородные факты и явленія. Обычный грѣхъ мемуаристовъ—пускать въ ходъ весь запасъ суперлативовъ по всякому поводу—особенно тяжекъ у г. Амфитеатрова. И потому порой случается, что одни суперлативы оказываются посрамлены другими—въ другой статьѣ. Такъ, въ статьѣ, посвященной памяти Н. К. Михайловскаго, мы читаемъ, что „имя Михайловскаго стало на Руси символомъ литературной порядочности, а его авторитетное благословеніе—паспортомъ на принадлежность къ передовому полку русскаго прогресса", „хорошо было сознавать, что сидитъ негдѣ этакая живая правда журналистистики, которую ты хочешь—люби, не хочешь—не люби, а признавать долженъ, если въ душѣ у тебя совѣсть жива". Достаточно опредѣленно—и о личности и о роли Михайловскаго въ журналистикѣ. Но переверните нѣсколько страницъ, и вы встрѣтите въ суперлативахъ о Суворинѣ и такой: „Суворинъ спасъ Чехова и отъ опасности истрепаться въ безразличной мелкой работѣ, и отъ насильственной дрессировки своего таланта по трафарету тогдашнихъ передовыхъ толстожурнальныхъ программъ". Здѣсь не названо *имя* Михайловскаго, но *дѣло* его названо вполнѣ опредѣленно дрессировкой талантовъ по трафарету, отъ которой, слава тебѣ Господи, Суворинъ только и спасъ Чехова. И съ одинаковой, между тѣмъ, восторженностью пишется о томъ и о другомъ. Точно также въ некрологѣ Мамина-Сибиряка г. Амфи-

театровъ восклицаетъ: „и жила въ немъ и сильная воля, которая сдерживала его темпераментъ желѣзною рукою и вела мысль и трудъ по дорогѣ чести, на которой онъ не зналъ ни заминокъ, ни блужданій, ни спотыканій... На тотъ свѣтъ онъ придетъ съ гордымъ, безукоризненнымъ, побѣдоносно - чистымъ знаменемъ. Слава тебѣ, великій дѣвственникъ русской литературы!" А въ поминальной замѣткѣ о Чеховѣ мы читаемъ (въ той же апологіи Суворина, которая выше была цитирована): „Для начинающаго писателя либеральная пресса того времени была настоящимъ Прокрустовымъ ложемъ... Десятки очень талантливыхъ людей, оказавшихся выше мѣрки, либо *покорно пригинали свои головы* ниже ея уровня (*Маминъ*), либо больно ушибались объ нее". Вотъ тебѣ и желѣзная рука, и дорога чести, и великій дѣвственникъ, и прочая и прочая! А на повѣрку выходитъ, что были и много храбрѣе Мамина, предпочитавшіе больно ушибаться, чѣмъ пригинать свою голову по мѣркѣ... Не это, конечно, хотѣлъ сказать г. Амфитеатровъ, но сказалъ онъ именно это, потому только, что, перефразируя извѣстную формулу Михайловскаго, приходится сказать, что не онъ, г. Амфитеатровъ, владѣетъ своимъ впечатлѣніемъ, но оно имъ владѣетъ, и оно его не щадитъ: для того, чтобы выйти изъ-подъ его пера попышнѣе, оно не задумается лишить пышныхъ розъ предыдущія впечатлѣнія того же г. Амфитеатрова, а г. Амфитеатровъ не задумается помѣстить ихъ рядомъ, подъ одной обложкой. Нечего и говорить, что если это пристрастіе къ суперлативу сталкивается съ фактомъ, то послѣдній оказывается вынужденнымъ почтительно посторониться. Ну вотъ, хотя бы и по вопросу о роли, сыгранной „Новымъ Временемъ" въ біографіи Чехова. Г. Амфитеатровъ признавалъ ее благодѣтельной, когда въ 1914 году писалъ свою статью, а затѣмъ раньше, въ 1913 году, вышелъ изъ печати III томъ писемъ Чехова, гдѣ на стр. 296 г. Амфитеатровъ могъ-бы прочитать такія строки: „мое сотрудничество въ „Нов. Вр."... не принесло мнѣ, какъ литератору, ничего, кромѣ зла" (это писалось въ 1891 году, до разрыва Чехова съ „Нов. Вр." на почвѣ травли этимъ органомъ Дрейфуса). Конечно, г. Амфитеатровъ могъ этого письма не читать, и тогда упрекъ въ жестокомъ обращеніи съ фактами самъ собою отпадаетъ, но не заслуживаетъ ли онъ въ послѣднемъ случаѣ весьма тяжкаго для публициста упрека въ чрезмѣрно легкомъ отношеніи къ очень серьезной общественной темѣ: писать статью „Антонъ Чеховъ и А. С. Суворинъ", не ознакомившись предварительно хотя-бы съ письмами Чехова, непосредственно къ данному вопросу относящимися! Замѣнять фактическія данныя собственными вымыслами! Развѣ это публицистика? Это скорѣе хиромантія, гаданіе на гущѣ...

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить у г. Амфитеатрова слиш-

комъ торопливой манеры цитированія. Полагаясь на память, онъ пишетъ: „Ты *самъ* доволенъ ли, взыскательный художникъ?“; или: „точно въ *скверной*, *душной* комнатѣ *вдругъ нечаянно разлили* склянку съ духами“ (все подчеркнутое—неправильно); или:

Не пойметъ и не *оцѣнитъ*
Гордый *взглядъ* иноплеменный,
Что *горитъ* и *ярко* свѣтитъ
Въ *простотѣ* твоей смиренной...

—подчеркнутое—искажено, и искажено до извращенія смысла и духа подлинника, ибо „горитъ и ярко свѣтитъ“—противоположно „сквозитъ и тайно свѣтитъ“, какъ у Тютчева. И невольно думаешь: если въ цитатахъ, которыя такъ соблазнительно легко и повелительно необходимо провѣрить, доставъ книжку съ полки, г. Амфитеатровъ допускаетъ такія неточности и такую неаккуратность, то что же (быть можетъ) таится въ его мемуарахъ, гдѣ весь источникъ, не подлежащій часто и провѣркѣ,—его память и вся гарантія точности—его строгое отношеніе къ слову? Можно ли полагаться на нихъ? Сомнѣнія—въ примѣненіи къ книгѣ публициста—крайне тяжкія...

Евелина Панкхерстъ. Моя жизнь. Записки суффражистки. Пер. съ англ. С. І. Ведербаумъ. Изд. б. М. В. Попова. Петроградъ. Стр. 263. Ц. 2 руб.

Это одна изъ самыхъ любопытныхъ женскихъ автобіографій. Въ ней нѣтъ никакихъ лирическихъ отступленій, никакихъ интимныхъ изліяній, ничего того, что до сихъ поръ привыкли считать характернѣйшимъ признакомъ женскихъ мемуаровъ. Сухо и кратко сообщаетъ г-жа Панкхерстъ внѣшнія даты своей жизни, останавливаясь лишь на тѣхъ обстоятельствахъ, которыя оказали вліяніе на ея отношеніе къ суффражистскому движенію, и торопясь перейти къ наиболѣе волнующему ее вопросу, къ исторіи этого движенія. Это записки суффражистки и только суффражистки; вся книга насквозь пропитана политическимъ духомъ и сразу вводитъ въ атмосферу англійской политической жизни. Мы начинаемъ понимать, что суффражистское движеніе, которое на первый взглядъ представляется намъ не лишеннымъ нѣкоторыхъ чертъ чудачества, аффектаціи и слѣпой прямолинейности,—именно въ такомъ видѣ, какъ оно есть, не могло не развиться въ этой странѣ характеровъ и свободы, гдѣ право ощущается, какъ насущнѣйшая потребность человѣческой жизни, и гдѣ общественное мнѣніе является не пустымъ звукомъ, а, дѣйствительно, послѣдней и высшей инстанціей во всѣхъ гражданскихъ спорахъ.

И вотъ передъ нам и развертывается пестрая картина суффражистской борьбы со всѣми пріемами и методами выработан-

ными вѣками широко развитой и свободной политической жизни: обструкція правительству во всѣхъ видахъ и формахъ; агитація противъ правительственныхъ кандидатовъ на общихъ и на дополнительныхъ выборахъ; настойчивое напоминаніе о правахъ женщинъ, напоминаніе, кончающееся по большей части „высаживаніемъ“ спрашивающей изъ залы собранія; агитація на ярмаркахъ, на площадяхъ, въ церквахъ, въ кулуарахъ Палаты; демонстраціи, манифестаціи, процессіи и шествія въ самыхъ причудливыхъ инсценировкахъ; митинги сочувствія, митинги протеста, запросы въ Палатѣ, петиціи министрамъ, петиціи королю и, наконецъ, когда все это не приводитъ къ ожидаемымъ результатамъ, переходъ къ милитантскимъ пріемамъ, битье стеколъ, поджоги почтовыхъ ящиковъ, уничтоженіе телеграфной и телефонной проволоки, произведеній искусства, и, какъ послѣднее средство,— упорная тюремная голодовка заключенныхъ суффражистокъ, лишающая правительство фактически возможности какой бы то ни было серьезной борьбы противъ нихъ. И всѣ эти дерзкія выступленія проникнуты древней англійской стихіей, движутся въ струѣ старой испытанной традиціи; при каждомъ новомъ своемъ революціонномъ пріемѣ суффражистки могутъ ссылаться на свидѣтельства далекой исторической старины. По поводу первыхъ, разбитыхъ суффражистками, стеколъ, г-жа Панкхерстъ пускается въ цѣлые историческіе экскурсы. Въ этой странѣ, гдѣ борьба за свободу является лучшей аттестаціей гражданина, имъ въ свое оправданіе передъ судомъ, передъ правительствомъ и передъ общественнымъ мнѣніемъ, только и нужно доказать, что и онѣ тоже борятся за свободу. „Я стремлюсь увидѣть женщинъ нашей страны освобожденными“,—говоритъ г-жа Панкхерствъ въ одной изъ своихъ защитительныхъ рѣчей. „Мы готовы жертвовать собою, *какъ въ минувшемъ дѣлали ваши предки во имя того же дѣла*“.

Сама Панкхерстъ, какъ она вырисовывается изъ ея записокъ, отнюдь не является тѣмъ истерическимъ чудовищемъ, какимъ ее изображаютъ противники суффражистокъ. Это вполнѣ солидная, почтенная дама, мать пятерыхъ взрослыхъ дѣтей, которая очень дорожитъ своимъ „уютнымъ очагомъ“, охотно занимается рукодѣліями и, когда попадаетъ въ тюрьму, жалуется на то, что ей не даютъ посѣщать часовню. Невозмутимо она разсказываетъ о своихъ безчисленныхъ арестахъ и голодовкахъ. „Очутившись въ тюрьмѣ, я прежде всего потребовала начальника ея и сказала ему, что суффражистки рѣшили отнынѣ не допускать съ собою обращенія, какъ съ уголовными преступниками“. „Я сказала начальнику, что не подчиняюсь правилу о безмолвіи, какимъ бы наказаніямъ онъ меня ни подвергалъ“. „Послѣ трехъ дней голодовки съ отказомъ отъ пищи у меня сдѣлалась желтуха“.

„На этотъ разъ я рѣшила не только сопротивляться заключенію въ тюрьмѣ, но и протестовать изо всѣхъ силъ противъ возможности для меня даже войти въ тюрьму. Поэтому, когда мы подъѣхали къ тюрьмѣ, я отказалась выйти изъ кеба, и меня вынесли и перенесли въ камеру". „Утромъ я почти не могла двигаться. Но... объ освобожденіи ничего не было слышно. Я рѣшила, что должна вынудить его и начала ходить взадъ и впередъ по камерѣ Когда силы совсѣмъ покинули меня и я уже не могла держаться на ногахъ, я легла на каменный полъ, гдѣ меня нашли безъ чувствъ". „На этотъ разъ я очень ослабѣла, и для спасенія моей жизни пришлось сдѣлать мнѣ вспрыскиваніе соляного раствора". „Оставаясь вѣрной своему рѣшенію.. скоро покинуть тюрьму,—живой или мертвой... я весь день шагала взадъ и впередъ; при чемъ часто падала... пока... докторъ не объявилъ мнѣ... о моемъ освобожденіи",.. Можетъ быть, съ точки зрѣнія иныхъ бытовыхъ условій не такъ ужъ велики эти жертвы. Но единодушіе и непреклонность, съ которыми тысячи женщинъ всѣхъ классовъ, возрастовъ и степеней образованія отбываютъ свою голодовочную повинность,—показываетъ намъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ случайной кучкой истерическихъ феминистокъ, а, дѣйствительно, съ широкимъ массовымъ движеніемъ.

Какія, помимо политическихъ, цѣли преслѣдуютъ суффражистки, что обѣщаютъ онѣ дать странѣ, если примутъ участіе въ ея управленіи? На этотъ вопросъ г-жа Панкхерстъ не даетъ намъ прямого отвѣта; однако цѣлый рядъ замѣчаній, разбросанныхъ въ ея книгѣ по поводу законовъ о бѣдныхъ, женскаго труда, проституціи, страхованія женщинъ, охраны дѣтства и т. д., указываетъ на то, что англійскія женщины готовятся приступить къ участію въ управленіи не съ голыми руками, а съ цѣлой программой глубокихъ соціальныхъ реформъ. Суффражистки, которыя гордятся тѣмъ, что при всей своей аггрессивности онѣ не проливаютъ ничьей крови, „кромѣ своей собственной", полагаютъ, что, можетъ быть, не было бы и всѣхъ ужасовъ настоящей войны, если бы женщины имѣли больше вліянія на судьбы государствъ. „Не можетъ міръ наслаждаться дѣйствительнымъ миромъ, пока женщина, мать человѣческой семьи, не получитъ доступа къ управленію дѣлами вселенной". Все это указываетъ намъ на то, что суффражистки борятся не за одну только власть, но и за высокія и вѣчныя общечеловѣческія цѣнности, за лучшее будущее всего человѣчества. „Мы боремся за освобожденіе цѣлой половины человѣчества и вмѣстѣ съ тѣмъ за спасеніе другой его половины".

Краснянскій М. Б. Записки донского штейгера. Томъ первый. Ростовъ-на-Дону. 1916. Ц. 3 р. Стр. 360.

Если-бы кому-нибудь пришло въ голову подвергнуть сомнѣнію основательность современныхъ ссылокъ и жалобъ на бумажный голодъ,—не нашлось бы лучшаго опроверженія этихъ жалобъ, болѣе краснорѣчиваго, живого и внушительнаго, чѣмъ эта солидная книга въ три фунта вѣсомъ, напечатанная на хорошей, толстой бумагѣ, съ портретомъ автора и 58-ю рисунками въ текстѣ. Внушительная внѣшность ея и заглавіе нѣсколько пугаютъ. Съ перваго взгляда можно подумать, что это нѣчто узко-спеціальное, горнопромышленное, дѣловое, скучное. Но матеріалъ, вошедшій въ этотъ „юбилейный сборникъ за 20 лѣтъ корреспонденцій, замѣтокъ, изслѣдованій, докладовъ",—гораздо шире обѣщаемаго заглавіемъ. Когда начинаешь перелистывать книгу, то уже съ первой страницы, съ портрета, изображающаго пріятнаго господина среднихъ лѣтъ—бородка гвоздемъ—въ фуражкѣ съ бѣлымъ верхомъ, украшеннымъ кокардой, при бѣлыхъ перчаткахъ и при шпагѣ, въ вѣдомственномъ мундирѣ, обозначенномъ по лацкану звѣздочкой коллежскаго регистратора, — чувствуешь нѣчто ясное, разгоняющее уныніе и скуку. Когда, затѣмъ, знакомишься мелькомъ съ дальнѣйшими страницами сборника, то оказывается, что „Записки донского штейгера" столь же занимательны, какъ „Записка сумасшедшаго", „Записки маркера", „Дневникъ горничной", „Романъ кондитера" и т. п. произведенія. Во вступительной статьѣ „Отъ издателей" излагается исторія появленія въ свѣтъ „Записокъ штейгера". „Нашъ уважаемый учредитель горнотехническаго бюро и справочной конторы, горный штейгеръ, Михаилъ Борисовичъ Краснянскій, своею опытностью и неутомимой энергіей далъ намъ возможность безбѣдно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ при его работахъ по изслѣдованію грунта и копкѣ артезіанскихъ и другихъ колодцевъ, а потому мы, нижеподписавшіеся, по случаю его 20-лѣтняго юбилея (1893—20-го іюля—1913) на поприщѣ служенія горному дѣлу рѣшили издать техническія статьи М. Б. Краснянскаго, разбросанныя по разнымъ журналамъ, и изданіе это преподнести юбиляру въ знакъ нашей признательности". Подписавшіеся подъ симъ горнорабочіе, колодезные и буровые мастера, конторщики сообщаютъ далѣе, что ихъ желаніе увѣковѣчить такимъ образомъ память полезной дѣятельности юбиляра совпало какъ разъ съ желаніемъ и самого чествуемаго Б. М. Краснянскаго. Къ тому же на помощь имъ въ осуществленіи сей задачи пришла писчебумажная фирма И. С. Панченко, подарившая бумагу, и редакторъ „Вѣдомостей Ростовскаго градоначальства" А. И. Павловскій, оказавшій содѣйствіе по корректированію сборника. Такимъ образомъ и былъ воздвигнутъ этотъ „памятникъ нерукотворный", хвала—если не мѣдная, то бумажная—давальцу и хозяину отъ безвѣстныхъ Кондрашки-

ныхъ, Гороховыхъ, Жученковъ и пр. И надо правду сказать: по тщательности и полнотѣ это изданіе твореній М. Б. Краснянскаго и документовъ, къ его біографіи относящихся, превосходитъ академическія изданія Ломоносова, Грибоѣдова и др. Каждая строка, которой юбиляръ наслѣдилъ въ печати (а онъ писалъ и корреспонденціи, и фельетоны, и стихи) и даже рукописныя его вещи собраны здѣсь съ любовью и трогательной заботливостью. Цѣлый отдѣлъ книги посвященъ „документамъ юбиляра 1885—1916 г.г.“. Тутъ и свидѣтельство приходскаго училища объ окончаніи курса юбиляромъ въ 1885 г., свидѣтельство войскового наказного атамана области В. Донского 1887 г. объ участіи сына частнаго землемѣра Михаила Краснянскаго, 14 лѣтъ, въ конномъ строю на Высочайшемъ смотру въ г. Новочеркасскѣ и удостоеніи его, въ числѣ другихъ, одобренія Государя Императора и пожалованія въ награду серебрянаго рубля чеканки 1887 года. Тутъ и копіи съ десятка „открытыхъ листовъ“ на предметъ разныхъ осмотровъ, проѣздовъ, присутствій, копія съ членскаго билета горнаго клуба,—всего 28 документовъ, завершенныхъ послужнымъ спискомъ юбиляра, изъ каковаго послужного списка узнаемъ, что юбиляръ еще очень нестарый человѣкъ (лѣтъ 42-хъ), женатъ, имѣетъ въ г. Новочеркасскѣ домъ, деревянный, крытый тесомъ, съ подворною землею; у жены въ г. Новочеркасскѣ домъ деревянный, обложенный кирпичомъ и крытый желѣзомъ, съ подворною землей; въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля не былъ, наказаніямъ или взысканіямъ не подвергался... Не лишено любопытства, что въ сонмѣ знаменитыхъ лихостью донцовъ портреты которыхъ приложены къ одной исторической статьѣ юбиляра, рядомъ съ атаманомъ Платовымъ, генераломъ Яковомъ Баклановымъ, помѣщены и такіе донцы, какъ Арутюновъ, издатель „Приазовскаго Края“, В. Г. Танъ-Богоразъ, Налбадянъ, Патканянъ и др.

Э. Лёви. Греческая скульптура. Переводъ Вѣры Конради. Съ 297 иллюстр. Книгоиздательство „Огни“. П-градъ, 1915 г. Ц. 3 р. 50 коп.

Книжка Лёви, директора одного изъ римскихъ музеевъ, издана была авторомъ на двухъ языкахъ—итальянскомъ и нѣмецкомъ и теперь вышла по русски съ хорошо исполненными иллюстраціями и въ прекрасномъ, *точномъ* переводѣ. Это отличное введеніе въ греческую скульптуру, написанное выдающимся спеціалистомъ и мастеромъ своего дѣла. Очеркъ развитія скульптуры античной Греціи превращается подъ перомъ Лёви въ очеркъ общей эволюціи формъ и задачъ античнаго искусства, иллюстрированный матеріаломъ греческой скульптуры. Авторъ развиваетъ въ своей книгѣ мысль, что искусство, передавая природу, можетъ держаться двухъ разныхъ принциповъ—оно можетъ изображать по преимуществу формы, встрѣчающіяся въ отдѣльномъ индивидѣ (это—

путь реализма), или формы, существующія въ нашемъ представленіи, какъ обобщенный результатъ тысячи индивидуальныхъ воспріятій (путь идеализма). Греческое искусство все шло именно по вѣрному пути—идеалистическаго претворенія природы, исканія въ индивидуальности *типа*; этотъ путь всегда связанъ съ творчествомъ *стиля*, и этимъ объясняется тотъ фактъ, что греческое искусство во всѣ эпохи своей исторіи было искусствомъ и стиля, и извѣстной стилизаціи. Но, разумѣется, въ самомъ идеализмѣ въ искусствѣ есть тысяча оттѣнковъ, есть безконечная градація въ приближеніи къ правдѣ, есть своя эволюція, и Лёви показываетъ на разборѣ отдѣльныхъ эпохъ греческой скульптуры, какъ постепенно общій идеалистическій ходъ ея развитія плодотворно осложнялся реалистическими заданіями, какъ путемъ художественныхъ поисковъ великихъ скульпторовъ совершенствуется и передача формъ природы отъ эпохи древне-греческой архаики до эллинистическаго періода. Онъ прослѣживаетъ все болѣе совершенную передачу наружныхъ покрововъ тѣла, одежды; затѣмъ развитіе изображенія человѣка отъ неподвижности архаическаго Аполлона Тенейскаго до усложненнаго *движенія* у Лизиппа и у позднихъ эллинистическихъ художниковъ; обобщеніе темъ художественныхъ изображеній—отъ торжественно-прекрасныхъ боговъ и божественныхъ людей эпохъ Фидія и Поликлета до „очеловѣченныхъ“ прельстительницъ, какъ Венера Медичи, и до эллинистическихъ изображеній типовъ изъ простонародья или звѣрей; наконецъ, усложненіе выраженія лица отъ условно-шаблонной улыбки всѣхъ лицъ на фронтонѣ Эгинскаго храма до сложнаго изображенія душевныхъ переживаній, какъ тревожной задумчивости у Лизиппа, паѳоса страданія у Скопаса и далѣе опять въ эллинизмѣ болѣе индивидуализированныхъ чувствъ, какъ у умирающаго Галла въ Капитолійскомъ музеѣ. Это искусство должно было придти и къ дальнѣйшей стадіи—къ индивидуализму, который въ скульптурѣ можетъ выразиться ярче всего въ *портретѣ*. И дѣйствительно эллинистическая скульптура оказалась мастеромъ и въ портретѣ (знаменитые портреты Демосѳена, Эзопа изъ виллы Альбани, т. наз. Сенеки въ Неаполитанскомъ музеѣ и т. д.) Но и здѣсь Лёви очень тонко отмѣчаетъ особенности идеалистическаго подхода къ индивидуализму въ античной скульптурѣ. Такъ проходитъ передъ читателемъ рядъ линій художественнаго развитія, иллюстрированныхъ тонкимъ разборомъ многочисленныхъ шедевровъ античнаго ваянія. Авторъ подкупаетъ своими сдержанными и сжатыми, но чудесными, характеристиками (см., напр., сравненіе Скопаса съ Праксителемъ на стр. 71—73), чуткимъ пониманіемъ столь долго остававшейся непонятой эпохи эллинизма въ искусствѣ. Онъ подкупаетъ также прекрасной манерой изложенія. Мы сказали бы, что, какъ книга по исторіи искусства, очеркъ Лёви написанъ *образцово*: въ немъ нѣтъ ни одной мысли, ни

одного оттѣнка мысли, не подтвержденныхъ иллюстраціей, и поэтому чтеніе книжки является непрерывной прогулкой вслѣдъ за авторомъ по исторической галлереѣ греческой скульптуры. Въ этомъ смыслѣ книжка, кромѣ своего общеобразовательнаго значенія, можетъ быть превосходнымъ путеводителемъ по историческому музею слѣпковъ античнаго ваянія, какъ, напр., по Московскому Музею Александра III.

Авторъ не пишетъ полной исторіи греческой скульптуры. Его замыселъ иной, и поэтому онъ даже можетъ себѣ позволить пропустить вовсе въ своемъ очеркѣ такого важнаго именно для *исторіи* скульптуры художника, какъ Поликлетъ (онъ упоминаетъ о немъ лишь мелькомъ), этого „академика“ V вѣка до Р. Х. Книга Лёви только талантливое *введеніе* въ исторію античной скульптуры, и настоящей полной исторіи послѣдней въ русской литературѣ еще нѣтъ, если не считать малодоступныхъ университетскихъ курсовъ казанскаго профессора Миронова, одесскаго проф. А. А. Павловскаго (1905 г., съ цѣннымъ атласомъ фототипій по исторіи древняго искусства, 1907 г.) и петроградскаго проф. Б. В. Фармаковскаго. Кромѣ этихъ общихъ трудовъ, мы имѣемъ еще цѣнную работу того же покойнаго А. А. Павловскаго о скульптурѣ Аттики до греко-персидскихъ войнъ (СПБ. 1896 въ Запискахъ Имп. Археол. Общ.). Вотъ все существенное на русскомъ языкѣ, и слѣдуетъ только надѣяться, что вслѣдъ за книжкой Лёви появится на русскомъ языкѣ переводъ либо классическаго французскаго труда о греческой скульптурѣ М. Колиньона (правда, очень плохо иллюстрированнаго въ оригиналѣ), либо построенной на болѣе широкой базѣ популярной, но прекрасной, общей исторіи античнаго искусства (и притомъ превосходно иллюстрированной) на нѣмецкомъ языкѣ Шпрингеръ-Михаэлисъ.

Генри Вольфъ. Народные банки. Перев. съ 3-го пересмотрѣннаго и дополненнаго англійскаго изданія М. И. Розенфельдъ, подъ ред. прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца. Москва. 1915 г. Стр. 436. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Обыкновенно, подходя къ изученію какого-либо явленія политической или соціальной жизни, мы начинаемъ съ Англіи, ибо тамъ впервые появился тотъ или другой разсматриваемый нами институтъ и тамъ онъ достигъ наибольшаго развитія. Кооперативный кредитъ составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. А между тѣмъ родиной коопераціи является Англія—ея общества оптовой закупки со своими огромными складами, собственными фабриками, пароходами и плантаціями занимаютъ въ области коопераціи первое мѣсто. И точно также, если она и не является родиной кредита вообще, то во всякомъ случаѣ современный торгово-промышленный кредитъ развился въ Англіи, и Англія до сихъ поръ

остается банкиромъ всего міра, не смотря на всѣ попытки нѣмцевъ вытѣснить ее изъ этого положенія.

Такимъ образомъ, оба элемента—и кооперація, и кредитъ налицо. Но кредитной коопераціи все-таки нѣтъ въ Англіи. Она процвѣтаетъ не только въ Германіи, Бельгіи, Италіи, но также въ Индіи, привилась въ Сербіи и Румыніи, на Кипрѣ и на Ямайкѣ, но въ Англіи никакъ не можетъ добиться признанія. Въ кредитныхъ кооперативахъ нуждается англійское сельское хозяйство, фермеры, ремесленники и мелкіе торговцы жалуются на то, что съ возникновеніемъ крупныхъ акціонерныхъ банковъ исчезли небольшія банкирскія конторы, которыя охотно открывали имъ кредитъ, тогда какъ банки не въ состояніи оцѣнивать гарантію, предлагаемую этими ремесленниками и торговцами, ибо не знаютъ ихъ лично, да и не желаютъ заниматься мелкими операціями. Наконецъ, кредитные кооперативы или кооперативные банки нужны англійскому населенію и въ качествѣ сберегательныхъ кассъ. Въ настоящее время населеніе прибѣгаетъ къ почтовымъ сберегательнымъ кассамъ и пользуется ими также въ качествѣ депозитныхъ банковъ, а послѣднее создаетъ большія неудобства для почтоваго вѣдомства.

Казалось бы, кооперативные банки нужны Англіи не менѣе, чѣмъ прочимъ странамъ, въ которыхъ они процвѣтаютъ. Почему же ихъ нѣтъ, почему они развиваются такъ слабо? Генри Вольфъ указываетъ на различныя причины этого явленія. Для однихъ слоевъ англійскаго населенія понятіе коопераціи и потребительной коопераціи совпадаетъ, они считаютъ, что кооперація „начинается и кончается потребительской коопераціей". Другіе опасаются конкуренціи кооперативовъ съ акціонерными банками, забывая о томъ, что первые занимаются совершенно другими операціями, чѣмъ „настоящіе" банки. Третьи находятъ, что заниматься банковымъ дѣломъ безъ крупнаго капитала есть безусловно безуміе. Есть и противники кредитныхъ кооперативовъ, называющіе кооперацію „отвратительной соціалистической выдумкой".

Какъ бы то ни было, кооперативнаго кредита въ Англіи до сихъ поръ не существуетъ. Ревностный поборникъ его, Генри Вольфъ, въ цѣляхъ ознакомленія своихъ соотечественниковъ съ тѣмъ, что сдѣлано въ этой области въ другихъ странахъ, написалъ свою книгу о кооперативныхъ банкахъ или о народныхъ банкахъ. Являясь,—какъ его называютъ,—„самымъ распространеннымъ кооператоромъ", Вольфъ разъѣзжалъ по всей Европѣ и детально ознакомился на мѣстахъ съ положеніемъ кредитной коопераціи въ различныхъ странахъ. Онъ даетъ въ лежащей предъ нами книгѣ, первое изданіе которой вышло на англійскомъ языкѣ въ 1893 году, подробное описаніе народныхъ банковъ въ Германіи, Австріи, Франціи, Италіи, Бельгіи, Швейцаріи, Индіи; вкратцѣ онъ касается и другихъ государствъ—Скандинавскихъ, Балкан-

скихъ, Голландiи, Россiи, Испанiи и Португалiи, Египта, Канады, Японiи.

Въ то время, какъ сельскохозяйственные кредитные кооперативы въ Германiи и Францiи подробно изучены проф. Анцыферовымъ и Косинскимъ, итальянскiе народные банки, хотя и затрагиваются въ различныхъ сочиненiяхъ В. Ѳ. Тотомiанца, но до сихъ поръ не были предметомъ подробнаго анализа на русскомъ языкѣ. Вольфъ восполняетъ этотъ пробѣлъ, давая яркую картину развитiя этихъ кооперативовъ, создавшихъ такъ много для итальянскаго крестьянства, и выпукло изображая роль Луццати и Воллемборга въ качествѣ ихъ насадителей. Въ живомъ и красочномъ изложенiи онъ показываетъ, какъ Луццати, изучившiй кооперацiю „въ школѣ Шульце-Делича", все же „не скопировалъ какого-нибудь учрежденiя, а создалъ новый типъ, наложивъ на него печать итальянской оригинальности"—„мы создали наши народные банки". Онъ разсказываетъ о томъ, какъ въ 1866 г. Луццати открылъ двери своего перваго банка, имѣя 28 ф. ст. собственнаго капитала—ту самую сумму, съ которой рочдэльскiе пiонеры начали свои обороты—и какъ онъ началъ свою дѣятельность среди насмѣшекъ, подобныхъ тѣмъ, которыми была встрѣчена дѣятельность рочдэльскихъ кооператоровъ. А теперь рядомъ съ этимъ миланскимъ „королемъ народныхъ банковъ" имѣется цѣлая масса подобныхъ же учрежденiй, и Италiя составляетъ „нацiю въ банкахъ", которая „можетъ возбудить зависть всей Европы".

Генри Вольфъ упоминаетъ и о Россiи (для русскаго изданiя онъ написалъ спецiальное предисловiе), хотя свѣдѣнiя его здѣсь весьма неточны; переводчику приходится даже выпустить въ одномъ мѣстѣ „цѣлый абзацъ, лишнiй разъ свидѣтельствующiй о томъ, какъ плохо иностранцы информированы относительно Россiи". И выводы его, касающiеся Россiи, не блещутъ оригинальностью. „Очевидно,—говоритъ онъ,—что русскому кооперативному кредиту предстоитъ еще сдѣлать много прежде, чѣмъ можно будетъ признать его качественно равнымъ кооперативному кредиту въ другихъ странахъ. Но даже и количественно онъ все же уступаетъ существующимъ въ Россiи кооперативнымъ учрежденiямъ мелкаго кредита... И все-таки надо признать, что за послѣднее время созданъ большой шагъ впередъ, а главное, видно явное желанiе улучшить и развить свои кооперативно-кредитныя учрежденiя. „Пробудился кооперативный духъ" (стр. 355).

Напротивъ, большого вниманiя заслуживаетъ глава о кооперативномъ кредитѣ въ Индiи, гдѣ первоначально, въ виду своеобразныхъ условiй этой страны, задача насажденiя народныхъ банковъ казалась очень трудной, но гдѣ очень скоро удалось устранить всѣ препятствiя. И эта глава даетъ русскому читателю новыя свѣдѣнiя, весьма цѣнныя, такъ какъ Вольфъ не только самъ былъ въ Индiи, но явился въ извѣстной мѣрѣ инициаторомъ учре-

жденія тамъ народныхъ банковъ, и къ нему лордъ Керзонъ, вице-король Индіи, обращался за совѣтами относительно различныхъ вопросовъ, касавшихся кооперативнаго кредита, правительственныхъ мѣропріятій въ этой области.

Книга Вольфа написана очень увлекательно, не смотря на то что онъ сообщаетъ много деталей, входитъ въ разсмотрѣніе подробностей объ организаціи кредитныхъ кооперативовъ въ различныхъ странахъ. Она изобилуетъ яркими сравненіями, удачными метафорами, „крылатыми словечками", высказанными по различнымъ поводамъ о кредитной коопераціи. Ее прочтетъ охотно даже тотъ, кто не раздѣляетъ основной мысли автора о вредѣ всякой матеріальной помощи, оказываемой государствомъ кредитнымъ кооперативамъ. Повторяя это положеніе многократно, авторъ противорѣчитъ сообщаемымъ имъ же фактамъ, изъ которыхъ видно, что выдаваемыя казной средства вовсе не всегда приносили вредъ развитію коопераціи, а напротивъ, при наличности соотвѣтствующихъ условій, являлись толчкомъ къ успѣшному росту ея, давали возможность насадить народные банки тамъ, гдѣ безъ такой помощи это было бы невозможно.

Съ другой стороны, Вольфъ совершенно не различаетъ тѣхъ политическихъ и соціальныхъ стремленій, которыми вызывалась дѣятельность по учрежденію кооперативовъ въ различныхъ случаяхъ. Нейтральные кооперативы и банки, созданные католическимъ духовенствомъ и всякаго рода „христіанскими" кооператорами, съ его точки зрѣнія одинаково хороши. Даже кооперативы, насаждаемые крупными помѣщиками въ интересахъ мѣстнаго населенія, не вызываютъ его критики, ибо и они не пользуются государственной помощью.

С. Л. Франкъ. Предметъ знанія. Объ основахъ и предѣлахъ отвлеченнаго знанія. Петроградъ. 1915 г. Стр. VII+504. Ц. 3 р. 50 к.

„Предлагаемая книга посвящена изслѣдованію *предмета* знанія, т. е. есть попытка разрѣшенія основного гносеологическаго вопроса о природѣ и условіяхъ возможности знанія". Такими словами опредѣляетъ самъ авторъ (на стр. III) основную тему своего изслѣдованія. Далѣе онъ продолжаетъ: „Знаніе есть необходимо знаніе о *предметѣ*, т. е. раскрытіе для нашего сознанія содержаній предмета, какъ бытія, сущаго независимо отъ нашего познавательнаго отношенія къ нему;... Но если это такъ, то знанію необходимо предшествуетъ то первичное отношеніе потенціальнаго обладанія предметомъ, внѣ котораго познаваніе и знаніе столь же немыслимы, какъ невозможно сознательное осуществленіе какой-либо цѣли безъ предвосхищенія этой цѣли или какъ невозможна никакая дѣятельность надъ предметомъ, котораго у насъ нѣтъ подъ руками. Мы стараемся показать, что это исконное обладаніе

предметомъ, предшествующее всякому обращенію сознанія на предметъ, возможно лишь при условіи, если субъектъ и объектъ знанія укоренены не, какъ это принято думать, въ какомъ-либо сознаніи или знаніи, а въ *абсолютномъ бытіи*, какъ непосредственно и неотъемлемо присутствующемъ у насъ и въ насъ первичномъ единствѣ, на почвѣ котораго впервые возможна раздвоенность между познающимъ сознаніемъ и его предметомъ" (стр. III—IV).

Развивая свое ученіе далѣе, нашъ авторъ различаетъ два вида знанія: знаніе *о предметѣ* и знаніе, тожественное „съ осуществленнымъ обладаніемъ самимъ предметомъ" (стр. IV). Первый видъ знанія есть *отвлеченное знаніе*, знаніе, достигаемое при посредствѣ понятій, оно имѣетъ всегда предметъ внѣ себя и поэтому не есть подлинное обладаніе предметомъ. „Предметъ же, въ его отличіе отъ знанія о немъ, обнаруживается, какъ всеединство, интуитивное обладаніе которымъ есть условіе и недостижимый руководящій идеалъ отвлеченнаго знанія" (стр. IV).

Дальше „изслѣдованіе отношенія между знаніемъ и бытіемъ дополняется уясненіемъ понятія бытія, какъ *конкретно-сверхвременнаго* всеединства, именно, какъ единства внѣвременности и становленія или идеальности и реальности. Отсюда открывается, что высшей ступенью индукціи можетъ быть лишь *знаніе—жизнь*, гдѣ субъектъ вообще не противостоитъ объекту, а знаетъ объектъ въ силу того, что слитъ съ нимъ въ самомъ своемъ бытіи, или гдѣ бытіе и знаніе, дѣйствительно, есть одно и то же" (стр. VI).

Мы изложили ученіе г-на Франка по возможности его собственными словами. Компетентный читатель, конечно, уже замѣтилъ, что ученіе г-на Франка является новой варіаціей основной философской темы, давно уже разработанной Плотиномъ, философомъ 3-го вѣка, главой новоплатониковъ. Да и самъ г. Франкъ (кстати сказать иронически относящійся къ „философскимъ новинкамъ", стр. 353) открыто признаетъ свою зависимость отъ Плотина и даже какъ бы гордится ею, присоединяя лишь къ имени Плотина имя Николая Кузанскаго въ качествѣ второго своего руководителя. Ученію Плотина вообще посчастливилось въ Россіи, ибо вслѣдъ за Баадеромъ и Шеллингомъ, возобновившими новоплатонизмъ въ Германіи, это ученіе нашло у насъ своихъ адептовъ сначала у шеллингіанцевъ первой половины XIX в., а затѣмъ у Владиміра Соловьева. Послѣдняго г. Франкъ также причисляетъ къ своимъ учителямъ.

Критика какого-либо философскаго ученія, не претендующаго на полную новизну, можетъ имѣть двѣ совершенно различныя цѣли: единомышленники или, по крайней мѣрѣ, люди, духовно близкіе къ автору, могутъ критиковать его съ точки зрѣнія вопроса о томъ, какія улучшенія и усовершенствованія вноситъ его книга въ данное философское теченіе; люди же, отрицательно относя-

щіеся къ основнымъ принципамъ этого теченія, могутъ на примѣрѣ данной книги показать, въ чемъ лежитъ источникъ заблужденій, присущихъ данному философскому теченію. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ, конечно, чѣмъ талантливые и ученѣе авторъ разбираемой книги, тѣмъ важнѣе именно на его примѣрѣ показать несостоятельность всей его школы. А такъ какъ въ лицѣ г. Франка мы имѣемъ, безспорно, очень виднаго представителя философской мысли въ Россіи, то мы и постараемся показать нашимъ читателямъ, какими смертными грѣхами страдаетъ все его ученіе.

Чтобы дать сразу руководящую нить читателямъ, мы скажемъ, что основной грѣхъ всѣхъ этихъ философовъ отъ Платона до Франка включительно заключается въ томъ, что они чисто словесныя рѣшенія принимаютъ за рѣшенія реальныя: они употребляютъ слова многосмысленныя, причемъ въ своихъ разсужденіяхъ постоянно переходятъ отъ одного смысла къ другому.

За примѣрами не далеко ходить. Мы уже познакомились съ утвержденіемъ г. Франка, что „знанію необходимо предшествуетъ" „потенціальное обладаніе предметомъ". Теперь спрашивается, что понимаетъ г. Франкъ подъ выраженіемъ „*потенціальное*" обладаніе? Въ физикѣ терминъ „потенціальное" имѣетъ вполнѣ точный смыслъ; но что значитъ онъ у г. Франка? У него въ понятіи „потенціальнаго" смѣшано два смысла: смыслъ „предварительнаго" и смыслъ „возможнаго", причемъ вся убѣдительность его утвержденія связана со смысломъ „возможное", а все значеніе этого понятія и все его дальнѣйшее употребленіе связано со смысломъ „предварительное". Безспорно, что знанію предшествуетъ „потенціальное" обладаніе предметомъ въ смыслѣ „возможнаго" обладанія имъ, но это ни мало не устраиваетъ г-на Франка: ему нужно „потенціальное" обладаніе въ смыслѣ обладанія „предварительнаго", ибо лишь наличность подобнаго обладанія поможетъ ему создать ученіе о всеединствѣ, этой основѣ всей его философіи. Онъ самъ довольно наивно выдаетъ себя головой. Въ самомъ дѣлѣ; мы уже цитировали слѣдующія его слова: „знанію необходимо предшествуетъ то первичное отношеніе потенціальнаго *обладанія* предметомъ, внѣ котораго познаніе и знаніе столь же немыслимы, какъ невозможно сознательное осуществленіе какой-либо цѣли безъ предвосхищенія этой цѣли или какъ невозможна никакая дѣятельность надъ предметомъ, котораго у насъ нѣтъ подъ руками". Здѣсь въ двухъ своихъ примѣрахъ г. Франкъ придаетъ термину „потенціальное" два разныхъ смысла. А именно: „предвосхищеніе цѣли" есть „потенціальное" обладаніе этой цѣлью въ смыслѣ *предварительнаго* обладанія ею, а „нахожденіе предмета подъ руками" является „потенціальнымъ" его употребленіемъ въ смыслѣ *возможнаго* употребленія. Для того, чтобы стремиться къ цѣли, мы должны *предварительно* ее знать, а для пользованія предметомъ достаточно одной *возможности*; напримѣръ такъ: мы поскользнулись, ин-

стинктивно, для возстановленія равновѣсія протянули руку, рука коснулась какого-либо предмета, о существованіи котораго мы не знали, и мы нашли въ этомъ предметѣ опору—здѣсь мы употребили опору безъ всякаго предварительнаго знанія о ея существованіи. Точно такъ, какъ внезапный звукъ или внезапное оптическое явленіе даютъ намъ знаніе, безъ всякаго „предшествовавшаго“ „потенціальнаго обладанія предметомъ“.

Мы остановились на этомъ не только потому, что здѣсь данъ довольно яркій примѣръ чисто словеснаго рѣшенія вопроса, но также и потому, что здѣсь мы входимъ въ самую суть ученія г. Франка. Мы уже говорили, что эта суть его ученія заключается въ идеѣ всеединства. А путь къ всеединому пролагается посредствомъ „потенціальнаго“ обладанія „имѣющимся“. Г. Франкъ различаетъ „данное“ отъ „имѣющагося“. „Данное“ есть то ясное и опредѣленное, надъ чѣмъ мы оперируемъ, „имѣющееся“ есть фонъ для „даннаго“ или его окружающая среда. Авторъ говоритъ: „Всматриваясь непредвзято въ непосредственное, самоочевидное содержаніе моего сознанія, я вижу въ немъ не только „непосредсвенно данные образы“, но и безграничный, „не-данный“, мыслимый ихъ фонъ. Этотъ мыслимый безграничный фонъ отличается отъ всего остальнаго „мыслимаго“, отъ всѣхъ частныхъ содержаній, которыми я могу его наполнить, тѣмъ, что онъ *неотмыслимъ*, т. е. не можетъ быть устраненъ. При всемъ моемъ (возможномъ) полномъ невѣдѣніи о томъ, *что именно* лежитъ за предѣлами видимаго мною... я какъ бы нѣкоторымъ косвеннымъ воспріятіемъ съ абсолютной, непререкаемой достовѣрностью „вижу“—точнѣе говоря, не видя, „имѣю“—это безграничное бытіе за предѣлами непосредственно видимаго, имѣю его въ качествѣ чего-то вообще, содержанія чего я не знаю, но присутствіе, наличность чего я знаю съ очевидностью“ (стр. 115—6).

Здѣсь г. Франкъ, этотъ ревностный гонитель „психологизма“, смѣшиваетъ двѣ точки зрѣнія: психологическую и логическую причемъ опять-таки вся сила довода основана на одномъ, именно на психологическомъ фактѣ, а всѣ гносеологическіе и онтологическіе выводы исходятъ изъ другого, именно логическаго толкованія. Тотъ психологическій фактъ, что всякое наше воспріятіе имѣетъ „фонъ“, несомнѣненъ. Но это объясняется филэгенетически всей предыдущей исторіей развитія человѣка. Дѣлать же изъ этого логическій выводъ, будто мы „потенціально“ владѣемъ этимъ „имѣющимся“, которое намъ „не дано“ и о которомъ мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что мы имъ потенціально владѣемъ,—дѣлать подобный выводъ и строить на немъ онтологическое ученіе значитъ, во-первыхъ, смѣшивать психологію съ логикой, а, во-вторыхъ, злоупотреблять двусмысленностью термина „потенціальный“. Когда въ исторіи міроздания явилось первое существо, которое испытало свое первое ощущеніе, то это ощущеніе не имѣло и не могло имѣть никакого

психологическаго фона, слѣдовательно фактически и логически ощущеніе не связано съ психологическимъ фономъ, хотя наши теперешнія ощущенія и воспріятія, конечно, такой фонъ имѣютъ. Но, повторяемъ, на этомъ *психологическомъ* фактѣ нельзя строить *гносеологическаго и онтологическаго* ученія.

Но пойдемъ дальше. Сознаніе, какъ переживаніе, наполненное только „даннымъ", не можетъ, по г. Франку, быть высшимъ и первичнымъ понятіемъ абсолютнаго бытія, такимъ понятіемъ должно быть то, что включаетъ, и „данное" и „имѣющееся", и опредѣленное, и „исконное единство", т. е. такимъ понятіемъ является „всеединство". „Ни переходъ отъ одной опредѣленности къ другой, ни установленіе отдѣльной опредѣленности, ни само понятіе опредѣленности, какъ нѣкоего A, отличнаго отъ non-A, немыслимы иначе, какъ на почвѣ такого первоначальнаго обладанія предметомъ, при которомъ предметъ интуитивно данъ намъ, какъ непрерывность или всеединство—единство, вмѣщающее въ себѣ систему опредѣленностей, но не тожественное ей, а возвышающееся надъ ней и въ себѣ самомъ ее порождающее". (Стр. 241—2).

„Всеединство, будучи единствомъ „этого" и „иного", есть единство не въ смыслѣ противоположности множественности, а въ смыслѣ единства единства и множественности" (стр. 257). Если при пользованіи такимъ сравнительно простымъ понятіемъ, какъ „потенціальное", г. Франкъ смѣшалъ два его смысла, то можно себѣ представить, какой широкій просторъ для всевозможныхъ qui pro quo даетъ понятіе „всеединства". Ибо *„всеединство"* есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *всесмысленность* и поэтому не удивительно, что, по мнѣнію г. Франка, „всѣ ...трудности сразу же пропадаютъ, если мы встанемъ на точку зрѣнія всеединства, какъ единства покоя и становленія, или внѣвременнаго и временнаго бытія" (стр. 411). Да и какія могутъ быть трудности для философа, который владѣетъ такимъ „философскимъ камнемъ", какъ „совпаденіе противоположнаго (coincidentia oppositorum)" (стр. 220). Этотъ терминъ для обозначенія своего „всеединства" г. Франкъ употребляетъ, чтобы подчеркнуть свою связь съ Николаемъ Кузанскимъ, творцомъ ученія о coincidentia oppositorum.

Мѣсто не позволяетъ намъ растягивать дальше свою замѣтку и поэтому мы лишь упомянемъ о двухъ характерныхъ сторонахъ ученія г. Франка: о его попыткѣ реабилитировать знаменитое онтологическое доказательство и о его концепціи „живого знанія". „Живое знаніе" звучитъ заманчиво; но когда намъ говорятъ, что это есть интуитивное овладѣваніе всеединствомъ, то мы чувствуемъ, что здѣсь нагромождено n+1 смысловъ! Много можно было бы сказать по этому поводу, но мы ограничимся однимъ. Мы спросимъ, какимъ образомъ въ книгѣ, написанной при содѣйствіи „мертваго" и „односторонняго" дискурсивнаго мышленія, г. Франкъ думаетъ дать понятіе о „безконечно богатомъ" и „жи-

вомъ“ интуитивномъ знаніи. Право, тотъ древній грекъ-философъ, который ничего не говорилъ, а только тыкалъ пальцемъ, былъ послѣдовательнѣе г-на Франка!

Столь презираемые г. Франкомъ позитивисты твердо держатся правила, что когда говоришь, то долженъ точно и ясно знать, о чемъ говоришь. Медленна и трудна ихъ работа; нѣтъ въ ихъ писаніяхъ ни блестящихъ фейерверковъ, ни бенгальскихъ огней; но за то нѣтъ и тѣхъ двусмысленностей, многосмысленностей и всесмысленностей, какія на каждомъ шагу встрѣчаются у людей, оперирующихъ при содѣйствіи „интуитивнаго просвѣтленія“, „экстаза“, „восхищенія“ и „потенціальнаго овладѣванія всеединствомъ“!

Проф. У. Макъ-Дауголлъ. Основныя проблемы соціальной психологіи. Пер. съ 4 англ. изд. М. Смирновой подъ ред. Н. Д. Виноградова. Москва. Изд. „Космосъ“. 1916. XIV+281 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ противоположность творцу соціологіи Конту или такому крупному представителю ея въ настоящее время, какъ Э. Дюркгеймъ, проф. Макъ-Дауголлъ признаетъ психологію тѣмъ основнымъ базисомъ, на которомъ должна быть возведена соціальная наука. Но психологія эта не должна ограничиваться одними сознательными процессами, не должна пользоваться только интроспективнымъ методомъ, игнорируя обширную область эмоціональной жизни. Наоборотъ, для соціальныхъ наукъ первостепенное значеніе представляетъ именно та часть психологіи, которая имѣетъ дѣло съ источниками человѣческой дѣятельности—импульсами и мотивами, регулирующими человѣческое поведеніе. Среди нихъ исключительное мѣсто занимаютъ нѣкоторыя врожденныя, унаслѣдованныя склонности, образующія, согласно Макъ-Дауголлу, два класса: 1) специфическія склонности, или инстинкты и 2) общія, или неспецифическія склонности. Роль инстинктовъ, по мнѣнію англійскаго соціолога, чрезвычайно велика и, онъ увѣренъ, что выясненіе полнаго объема и функцій человѣческихъ инстинктовъ „покажется нашимъ преемникамъ наиболѣе важнымъ завоеваніемъ, сдѣланнымъ психологіей нашихъ дней“ (17). Съ понятіемъ инстинкта у нашего автора неразрывно связано и другое важное понятіе—первичной эмоціи. Въ разговорной рѣчи слово „эмоція“ употребляется въ довольно неопредѣленномъ смыслѣ. Макъ-Дауголлъ рекомендуетъ болѣе строгое опредѣленіе его, употребляя слово „эмоція“ въ смыслѣ нѣкотораго эмоціональнаго возбужденія особаго, свойственнаго каждому инстинкту, характера. Такимъ образомъ аффективная сторона каждаго основного инстинкта и есть первичная эмоція. Къ основнымъ инстинктамъ Макъ-Дауголлъ относитъ инстинктъ бѣгства (съ которымъ связана эмоція страха), инстинктъ отталкиванія (съ нимъ связана эмоція отвращенія), инстинктъ любопытства (соотвѣтственная эмоція—удивле-

ніе), инстинктъ драчливости (эмоція гнѣва) и нѣкоторыя другія. Отъ инстинктовъ онъ отличаетъ—подъ названіемъ общихъ, или не-спицифическихъ врожденныхъ склонностей—такія важныя для соціальной жизни явленія, какъ симпатія, внушеніе, подражаніе. Отъ настоящихъ инстинктовъ, за которые ихъ принимаютъ нѣкоторые авторы, они отличаются своимъ многостороннимъ, общимъ характеромъ, будучи вызываемы самыми разнообразными предметами или дѣйствіями. Въ ту же категорію Макъ-Дауголлъ зачисляетъ и столь универсальное въ человѣческомъ и животномъ мірѣ явленіе игры. Исходя изъ своего строгаго опредѣленія понятія первичной эмоціи, Макъ-Дауголлъ строитъ затѣмъ—руководясь теоріей чувствъ англійскаго психолога Шанда—различныя эмоціональныя состоянія, какъ результатъ совмѣстнаго комбинированнаго дѣйствія небольшого числа простыхъ эмоцій (чувства восхищенія, благоговѣнія, признательности, негодованія и пр.). Исходя изъ этого анализа, англійскій ученый пытается въ видѣ дальнѣйшихъ главъ рѣшить вопросъ о томъ, какимъ образомъ общество формируетъ отдѣльно индивида, родившагося въ его средѣ, дѣлая изъ него соціальное существо и научая его нравственному поведенію. Здѣсь имъ высказывается рядъ интересныхъ мыслей о представленіи собственнаго „я" и о чувствѣ собственнаго достоинства, какъ соціальныхъ продуктахъ, о проблемѣ общественнаго мнѣнія, о свободѣ воли и детерминизмѣ и т. д. Оригинальна попытка представить картину непрерывнаго хода развитія человѣческой воли изъ первичныхъ инстинктивныхъ клонностей, общихъ человѣку и животнымъ.

Вообще въ книгѣ Дауголла разбросано много интересныхъ отдѣльныхъ мыслей. Но главное ея достоинство—въ основной идеѣ о роли инстинктовъ для общественной жизни. Въ самой классификаціи инстинктовъ и описаніи соотвѣтствующей имъ аффективной стороны духа найдется немало спорнаго (напримѣръ, теорія объ особомъ инстинктѣ самоуниженія или покорности и связанной съ нимъ эмоціи отрицательнаго самочувствія); точно также далеко не все можетъ удовлетворить въ дауголловской теоріи чувствъ и жизни соціальнаго поведенія. Но всѣ эти недостатки не колеблютъ цѣнности руководящей идеи.

Не нося характера популярнаго руководства по соціологіи, книга Макъ-Дауголла разсчитана на широкую публику, для которой авторъ, по его словамъ, хотѣлъ сдѣлать ее понятной и полезной.. И, дѣйствительно, книга не представляетъ никакихъ техническихъ трудностей для чтенія. Но она страдаетъ другимъ недостаткомъ, который иногда опаснѣе всякихъ техническихъ трудностей: она написана слишкомъ абстрактно, сухо, вяло. Въ ней нѣтъ свѣтотѣней, и не только въ узко-стилистическомъ смыслѣ, но и въ логическомъ: мысль развивается очень одно-

образно, и даже собственно не развивается, а какъ-то тянется безъ подчеркиваній, безъ логическихъ удареній. При всей понятности и доступности такого изложенія, оно рискуетъ не вызвать къ себѣ интереса и вниманія читателя, который или просто отвернется отъ книги, или пропуститъ самое цѣнное въ ней. Поэтому, при всѣхъ достоинствахъ книги Макъ-Дауголла, трудно присоединиться къ хвалебной рекомендаціи ея редакторомъ перевода, г. Виноградовымъ, находящимъ ее очень цѣнной для русскихъ читателей.

У. Х. Браггъ и У. Л. Браггъ. Рентгеновскіе лучи и строеніе кристалловъ. Пер. съ англ. проф. Г. В. Вульфъ. Изд. „Космосъ". Москва. 1916. Стр. 232. Цѣна 2 р. 50 к.

Природа рентгеновскихъ лучей, открытыхъ болѣе двадцати лѣтъ назадъ, до самаго недавняго времени оставалась совершенно темной. Учеными было собрано безчисленное множество фактовъ, характеризующихъ особенности этихъ таинственныхъ излученій, но „сущность" ихъ все не поддавалась анализу. Они имѣли рядъ свойствъ, общихъ съ лучами обыкновеннаго свѣта, но въ то же время они не обнаруживали столь типичныхъ для лучей свѣта свойствъ, какъ правильное отраженіе, преломленіе, диффракція и т. п. Въ связи съ этимъ выдвигались различныя теоріи рентгеновскихъ лучей: одни физики видѣли въ нихъ признаки матеріальныхъ частицъ, сближая ихъ въ этомъ отношеніи съ α- и β-лучами радія, другіе же утверждали, что это—лучи обыкновеннаго свѣта, но съ несравненно меньшей длиной волны, благодаря чему у нихъ и не наблюдаются явленія диффракціи и пр. Замѣчательныя работы Лауэ и его учениковъ, произведенныя въ 1912 г., доставили полное торжество этому послѣднему предположенію. Лауэ удалось теоретически предвидѣть, а его ученикамъ экспериментально подтвердить существованіе явленій диффракціи у рентгеновскихъ лучей, пропущенныхъ черезъ кристаллы. Для полученія диффракціонныхъ явленій пропускаютъ свѣтовой пучокъ черезъ узкую щель или рядъ такихъ щелей. Предпринимавшіяся въ этомъ направленіи до Лауэ нѣкоторыми учеными попытки съ рентгеновскими лучами не дали никакихъ результатовъ. Исходя изъ предположенія, что употреблявшіяся въ этихъ опытахъ искусственныя щели еще слишкомъ велики по сравненію съ длиной волны рентгеновскихъ лучей, Лауэ напалъ на замѣчательную мысль использовать, въ качествѣ такъ называемой „диффракціонной рѣшетки", тѣ естественныя „щели", какія образуютъ правильные промежутки между атомами кристалловъ, если вѣрна общепринятая гипотеза кристаллическаго строенія, согласно которой атомы въ кристаллахъ расположены правильными геометрическими рядами. Основываясь на этой гипотезѣ, Лауэ развилъ

математическую теорію диффракціонныхъ явленій, которыя должны наблюдаться при пропусканіи рентгеновскихъ лучей черезъ кристаллъ. Его ученикамъ, Фридриху и Книппингу, удалось на опытѣ подтвердить эту теоретическую концепцію и открыть такимъ образомъ явленіе диффракціи у рентгеновскихъ лучей. Благодаря этому, было доказано ихъ тождество съ лучами обыкновеннаго свѣта. Все отличіе отъ нихъ рентгеновскихъ лучей заключается лишь въ несравненно меньшей—приблизительно въ 10.000 разъ—длинѣ волны. Открытіе Лауэ вызвало цѣлый рядъ изслѣдованій, среди которыхъ особенно выдѣляются замѣчательныя работы Брагговъ—отца и сына. Браггъ-отецъ, недавно еще сторонникъ корпускулярной теоріи рентгеновскихъ лучей, мало по-малу принимаетъ теорію Лауэ, которую онъ дополняетъ и углубляетъ. Огромную роль при этомъ сыгралъ открытый имъ іонизаціонный спектрометръ, благодаря которому, оказалось возможнымъ изучить спектры рентгеновскихъ лучей, испускаемыхъ различными веществами. Это дало огромный толчокъ впередъ спектрометріи, послуживъ основой для весьма важныхъ работъ Мозеля, Дарвина и др. связавшихъ положеніе химическихъ элементовъ въ періодической системѣ Менделѣева съ соотвѣтственными линіями ихъ спектра. Съ другой стороны, изучая спектры рентгеновскихъ лучей, пропущенныхъ черезъ кристаллы, можно было опредѣлить расположеніе атомовъ въ кристаллахъ, напримѣръ, въ кристаллахъ каменной соли, алмаза, мѣди и т. д. Насколько цѣнны въ этой области работы Брагговъ, показываетъ фактъ присужденія имъ въ прошломъ году Нобелевской преміи по физикѣ. Въ реферируемой книгѣ Брагговъ дается ясная и доступная и не спеціалистамъ сводка ихъ собственныхъ изслѣдованій и работъ другихъ ученыхъ по вопросамъ, связаннымъ съ ученіемъ о рентгеновскихъ лучахъ и кристаллической структурѣ.

П. Г. Ганзенъ. Охрана дѣтства въ Англіи. (Выпускъ III изданій Романовскаго комитета). Петроградъ. 1916. Стр. 163. Цѣна не обозначена.

Названіе этой книги пожалуй, черезчуръ широко: собственно авторъ очень мало говоритъ о государственной охранѣ дѣтства: онъ лишь вскользь касается охраны дѣтскаго труда, ни словомъ не упоминаетъ объ охранѣ и страхованіи материнства, не затрогиваетъ и многихъ, важныхъ частныхъ вопросовъ. Рамки книги не выходятъ за предѣлы вопросовъ дѣтскаго призрѣнія; но и здѣсь авторъ не столько знакомитъ насъ съ различными системами и принципами призрѣнія, сколько разсказываетъ о тѣхъ органахъ и учрежденіяхъ, которые ему самому пришлось видѣть. Многое изъ того, что онъ видѣлъ, дѣйствительно, поучительно и любопытно; но описываетъ онъ суховато, монотонно, порою сбиваясь на протоколъ,

не всегда отдѣляя существенное отъ случайнаго и не внося въ свои описанія никакого критическаго элемента. Съ одинаковымъ одобреніемъ разсказываетъ онъ и о томъ, что на основаніи какого-то шотландскаго закона о бѣдныхъ „родители, которые, не будучи въ состояніи содержать своихъ дѣтей, отказываются отъ предложенія поступить вмѣстѣ съ дѣтьми въ „Домъ призрѣнія бѣдныхъ“ (знаменитые „рабочіе дома“!) или отдавать туда дѣтей“, подвергаются судебной отвѣтственности за пренебреженіе родительскими обязанностями; — и о томъ, что въ знаменитыхъ учрежденіяхъ д-ра Бернардо, поставившихъ своимъ девизомъ не отказывать ни одному безпріютному ребенку, все же допускается одно только ограниченіе для повторно родившихъ дѣвушекъ-матерей, „на томъ основаніи,—поясняетъ авторъ,—что дѣвушка лишь въ первый разъ можетъ стать матерью помимо собственной вины— по неопытности и невѣдѣнію, когда, слѣдовательно, имѣетъ и безусловное право на сочувствіе и помощь“ (увы! слѣдовало бы помнить, что дѣти всегда являются на свѣтъ „помимо собственной вины“ и, казалось бы, имѣютъ безусловное право на сочувствіе и помощь даже и тогда, когда они обязаны жизнью не только „неопытности и невѣдѣнію“ своихъ матерей!); съ одинаковымъ одобреніемъ разсказываетъ г. Ганзенъ и о томъ, какъ какое-то учрежденіе для эпилептиковъ „изъ благотворительнаго превращается въ промышленное, вполнѣ окупающее себя матеріально“ и даже начинаетъ приносить чистый доходъ (авторъ не задумался о томъ, не заключаетъ-ли въ себѣ такой „промышленный“ принципъ опасности эксплуатаціи труда призрѣваемыхъ).

Въ общемъ въ описываемыхъ авторомъ органахъ и учрежденіяхъ проглядываютъ два основныхъ принципа современнаго дѣтскаго призрѣнія: принципъ такъ называемаго семейнаго патроната, т. е. отдачи дѣтей на воспитаніе въ частныя семьи, въ связи съ постояннымъ контролемъ пріемной семьи и условій жизни патронируемыхъ дѣтей, и принципъ малыхъ пріютовъ, пріютовъ-семей, которые при благопріятныхъ условіяхъ могутъ соединяться группами въ пріюты-колоніи и которые должны замѣнить теперешнія пріютскія казармы. Однако принципы эти недостаточно выдѣлены авторомъ и онъ слишкомъ мало мѣста удѣляетъ ихъ обоснованію, какъ и всей борьбѣ мнѣній, которая велась вокругъ нихъ. Кое-что узнаемъ мы и о роли тѣхъ громадныхъ штатовъ безплатныхъ сотрудниковъ, которыхъ англійское общество доставляетъ во всѣ лучшія благотворительныя учрежденія и которые даютъ послѣднимъ возможность вступать на болѣе широкое поприще общественныхъ силъ; но о связи между этою наличностью общественныхъ работниковъ и всею широко развитою англійскою общественностью авторъ не говоритъ намъ ничего. И довольно трудно понять, чего собственно хочетъ авторъ, когда онъ въ заключительныхъ строкахъ вдругъ начинаетъ говорить о томъ,

что „наше время есть время особеннаго расцвѣта общественной и частной инициативы въ области благотворительности. Общественнымъ и частнымъ благотворительнымъ организаціямъ дается широкій просторъ и возможность проявить себя драгоцѣнными пособниками государству въ великомъ крестовомъ походѣ противъ различныхъ соціальныхъ золъ“. Но „расцвѣтъ общественной иниціативы“, хотя бы даже въ узкой области благотворительности, выражается, разумѣется, не въ томъ, что тому или иному обществу разрѣшается открыть то или иное учрежденіе, а въ чемъ-то совершенно иномъ, въ широкомъ развитіи и организаціи общественности, въ созданіи условій, при которыхъ общественныя силы могутъ найти себѣ примѣненіе.

Нельзя, однако, отказать автору въ несомнѣнно искреннемъ интересѣ къ разсматриваемому имъ вопросу дѣтскаго призрѣнія. Порою его сухой разсказъ обрывается теплыми нотками, особенно тамъ, гдѣ онъ рисуетъ личность и дѣятельность извѣстныхъ филантроповъ или описываетъ картины дѣтской безпризорности и дѣтской нужды. Ему удалось привести нѣсколько образцовъ той широкой филантропіи, которая, разъ задавшись цѣлью борьбы противъ какой-нибудь нужды, не останавливается ни передъ какими усиліями и ни передъ какими матеріальными затратами и которая, не смотря на всѣ суровые предразсудки пуританской Англіи, насквозь пропитана глубокою и истинною человѣчностью. Объ этой человѣчности не мѣшало лишній разъ напомнить тѣмъ, кому предстоитъ заботиться объ участи десятковъ тысячъ дѣтей, которыхъ война лишила родительской заботы и попеченія.

М. М. Рубинштейнъ. Общественное или семейное воспитаніе Москва. 1916. Изд. „Задруга“. Цѣна 75 коп. Стр. 120.

Елена Кричевская. „Письма о материнствѣ“. Письмо первое. Письмо второе. Стр. 32. Ц. 60 коп.

М. М. Рубинштейнъ исходитъ изъ кризиса современной семьи. „Семья до сихъ поръ продолжаетъ оставаться почти единственнымъ органомъ воспитанія, т. е. правильнѣе сказать, весь укладъ нашей жизни приноровленъ къ мысли, что задача воспитанія дѣтей выполняется нормально функціонирующимъ соціальнымъ учрежденіемъ. На самомъ же дѣлѣ тамъ, гдѣ должна стоять на стражѣ семья, часто, слишкомъ часто оказывается или недѣеспособный калѣка, или же прямо краснорѣчивое пустое мѣсто“. Воспитательныя силы семьи вытекали до сихъ поръ изъ тѣснаго сообщества входящихъ въ ея составъ и объединенныхъ кровною органическою связью родителей и дѣтей, и живого совмѣстнаго труда для общихъ нуждъ семьи. Развитіе современныхъ хозяйственныхъотношеній разрушаетъ всѣ эти воспитательные элементы семьи. По мѣрѣ того, какъ семья утрачиваетъ свои

производительныя функціи, дѣти перестаютъ разсматриваться, какъ „даръ Божій", какъ желанные будущіе участники въ общей работѣ семьи, а обострившаяся борьба за существованіе, съ одной стороны—и расширившійся размахъ человѣческихъ потребностей съ другой, все больше заставляютъ людей нашего времени видѣть въ дѣтяхъ тяжелую обузу и помѣху къ личному счастью. Перемѣщеніе труда „изъ непосредственной семейной обстановки во внѣшній міръ" и особенно вовлеченіе женщины въ профессіональную жизнь лишаетъ семью ея главнаго воспитательнаго фактора—труда. „Функціи труда и воспитанія уже больше не совпадаютъ, а можетъ быть даже и не соприкасаются. Трудъ родителей далекъ, тѣмъ самымъ для дѣтей отвлеченъ и не можетъ ни учить, ни воспитывать. Трудиться въ этихъ условіяхъ значитъ выполнять одну функцію, а воспитывать другую. Такъ какъ трудъ въ массѣ поглощаетъ все время и энергію, то для второго не остается уже времени... отсюда ощущеніе обязанности воспитанія, какъ непосильной тяготы, и стремленіе уклониться отъ него" Сюда присоединяются еще индивидуалистическія тенденціи нашего времени, выражающіяся въ данномъ случаѣ прежде всего въ стремленіи женщины къ самостоятельной жизни, независимой отъ жизни семьи, а также во все чаще замѣчающемся стремленіи супруговъ къ раздѣльной жизни. Все это вноситъ въ современную семью двойственность, неустойчивость и разладъ; въ промышленныхъ городахъ, жилищныя условія широкихъ массъ населенія, лишаютъ семью даже и внѣшняго центра собранности: дѣти фактически вырастаютъ не въ семьѣ, а на улицѣ, въ толпѣ. Неудивительно, что въ связи съ этимъ кризисомъ современной семьи сторонники общественнаго воспитанія все громче и громче подымаютъ свой голосъ. Они указываютъ на то, что только общественное воспитаніе можетъ освободить воспитаніе отъ случайностей родительскихъ склонностей и инстинктовъ и построить его на разумныхъ педагогическихъ основаніяхъ. только оно одно можетъ осуществить принципы трудового воспитанія, для котораго у современной семьи нѣтъ уже необходимыхъ элементовъ; оно одно подготовляетъ человѣка къ коллективной жизни, и въ противоположность обособленному узко-эгоистическому духу семьи, развиваетъ духъ общественности и общечеловѣческія чувства; наконецъ, оно одно является единственнымъ исходомъ изъ тяжелой дилеммы, возникающей между материнскими обязанностями женщины и ея стремленіемъ къ свободному самоопредѣленію. Тѣмъ не менѣе, авторъ полагаетъ, что полное устраненіе семейнаго воспитанія должно было бы привести къ тяжелымъ послѣдствіямъ. Прежде всего послѣдовательное проведеніе общественнаго воспитанія должно привести къ опекѣ надъ всею личностью человѣка въ ея наиболѣе свободныхъ, интимныхъ проявле-

ніяхъ. Изъ этого принципа принужденія и исходятъ собственно всѣ утопіи общественнаго воспитанія (Платонъ, Фихте). Передача всего воспитанія въ единоличное вѣдѣніе общества несовмѣстима, далѣе, съ свободою самого воспитанія. „Лишенное теплаго, согрѣвающаго чувства родственныхъ связей“, общественное воспитаніе, не дополненное семейнымъ, должно было бы привести не только къ обезличенію индивидуума, но и къ атомизаціи, къ раздробленности самого общества; подавляя индивидуальность, оно вмѣстѣ съ тѣмъ лишало бы и общественность всѣхъ живыхъ, согрѣвающихъ силъ. „При чрезмѣрно разросшемся обществѣ личность легко утрачиваетъ конкретное чувство своей близкой принадлежности къ нему и своей связи съ нимъ“. Именно это конкретное, живое воспитаніе и даетъ намъ семья, которая дѣйствуетъ при помощи живыхъ, органическихъ связей, живого примѣра и непосредственныхъ переживаній“. Поэтому общественное воспитаніе должно мыслиться только какъ дополненіе къ семейному воспитанію, а отнюдь не какъ замѣна его. Развитіе ряда воспитательныхъ учрежденій, особенно учрежденій дошкольнаго воспитанія, ведетъ насъ именно по этому пути. Къ оздоровленію семьи ведутъ насъ съ другой стороны и улучшеніе соціальныхъ условій жизни массъ. На ряду съ вліяніемъ соціально-экономическихъ факторовъ необходимо также и вліяніе извѣстныхъ идеологическихъ факторовъ, созданіе извѣстной душевной культуры. „Необходимо не только осуществить соціальныя реформы, но насущно необходимо выступить и противъ дискредитированія семьи и материнства, противъ противосемейной пропагады, которая до сихъ поръ продолжается и въ литературѣ и въ жизни почти безпрепятственно вершитъ свою разрушительную работу. Идейная борьба съ этими разрушителями должна вестись на всемъ фронтѣ“

Всѣ эти вопросы авторъ трактуетъ вдумчиво и широко, освѣщая многія стороны нашей современной жизни. Книга эта, несомнѣнно, должна будетъ найти своихъ читателей; она идетъ навстрѣчу оживившемуся въ послѣднее время интересу нашего общества къ вопросамъ семьи и семейнаго воспитанія.

О степени оживленія этого интереса свидѣтельствуетъ успѣхъ лежащей передъ нами брошюрки „Письма о материнствѣ“. Только голодомъ нашего общества по положительной оцѣнкѣ материнства можно объяснить успѣхъ этихъ тощихъ, дѣтскихъ и наивныхъ писемъ. Авторъ много говоритъ о „творческомъ материнствѣ“, о „материнствѣ, какъ общественномъ служеніи“, но, когда онъ подходитъ къ опредѣленію этого „творчества“ и „служенія“, онъ не находитъ ничего другого, кромѣ трафаретнаго обвиненія интеллигентныхъ матерей въ томъ, что онѣ предоставляютъ своихъ дѣтей невѣжественнымъ нянямъ, недостаточно подготовляются къ своимъ материнскимъ обязанностямъ и недостаточно времени посвящаютъ ихъ выполненію. Очень смутна и сбивчива эта мысль, о подготовкѣ къ материнству, какъ къ особой профессіи, которую можно проти-

вопоставить всякой другой. Разсказ автора о томъ, какъ сама она, будучи еще совсѣмъ молоденькой дѣвушкой, начала готовиться къ материнству, можетъ быть и искрененъ, но едва ли особенно поучителенъ; можетъ быть, автору и пріятно вспомнить обо всѣхъ этихъ настроеніяхъ, которыя она пережила въ теченіе трехъ лѣтъ, предшествующихъ ея материнству и которыя она называетъ „молитвеннымъ настроеніемъ"; можетъ быть, она и въ правѣ гордиться тѣмъ, что въ 17 лѣтъ, когда всѣ ея подруги опредѣляли свое будущее мѣсто въ жизни, она одна заявила, что хочетъ „быть матерью и только ею",— тѣмъ не менѣе, трудно представить себѣ, что могутъ дать для подготовки женщины къ материнству всѣ эти неясныя, неопредѣленныя переживанія и настроенія.

Твердохлѣбовъ, В. Н. Финансовые очерки. Вып. I. Петроградъ. 1916.

Финансовые очерки проф. Твердохлѣбова составились частью изъ статей, помѣщенныхъ въ „Извѣстіяхъ Петроградскаго Политехническаго Института", частью же появляются впервые. Внѣшнія причины (ликвидація типографіи) заставили автора пока ограничиться первой частью своей работы, и онъ поступилъ вполнѣ правильно, выпустивъ въ свѣтъ первые семь очерковъ, не дожидаясь того времени, когда станетъ возможнымъ довести работу до конца. Въ настоящее время стоитъ на очереди податная реформа; проектируется въ связи съ только-что установленнымъ подоходнымъ налогомъ измѣненіе всей системы нашего прямого обложенія. Возникаетъ вопросъ о замѣнѣ не существующей болѣе винной монополіи какими-либо иными косвенными налогами въ формѣ монополій или акцизовъ. Много сторонниковъ имѣетъ идея введенія у насъ поимущественной подати и налога съ прироста цѣнности земель или всякаго имущества вообще; предполагается значительное увеличеніе налога съ наслѣдствъ.

Между тѣмъ, при обсужденіи этихъ столь важныхъ проблемъ финансовая наука является весьма ненадежнымъ руководителемъ. Не только у насъ, но и за границей она мало разработана, и то, что имѣется, сводится главнымъ образомъ къ описанію существующихъ финансовыхъ системъ и формъ обложенія; финансовая же теорія въ смыслѣ тѣхъ общихъ положеній, на которыхъ могла бы быть построена финансовая политика, податная организація, почти совершенно отсутствуетъ.

В. Н. Твердохлѣбовъ въ своихъ „Финансовыхъ очеркахъ" дѣлаетъ попытку построенія такой финансовой теоріи и затѣмъ уже, исходя изъ опредѣленныхъ, установленныхъ имъ положеній, онъ разсматриваетъ различные виды налоговъ и дѣлаетъ указанія относительно того, въ какомъ смыслѣ должна быть произведена у

насъ податная реформа. Но создать финансовую или, точнѣе, податную теорію (ибо о ней пока только идетъ рѣчь) значитъ прежде всего привести въ связь фискальный моментъ и экономическія условія, установить взаимодѣйствіе между формами обложенія и хозяйственной жизнью.

Къ сожалѣнію, современные финансисты, и опять-таки не только русскіе, но и западно-европейскіе, совершенно чужды экономической наукѣ; не только чистая теорія, но и экономическая политика въ области сельскаго хозяйства, промышленности и торговли являются для нихъ большею частью совершенно посторонними областями знанія. Въ результатѣ, конечно, они не въ состояніи опираться при построеніи податной системы на экономическую дѣйствительность, не могутъ ей дать того единственнаго крѣпкаго основанія, на которомъ можетъ и должна быть построена финансовая наука.

В. Н. Твердохлѣбовъ привлекаетъ на помощь экономическую теорію и политику; говоря о задачѣ и методахъ финансовой науки, о переложеніи налоговъ и въ особенности о принципахъ обложенія онъ все время исходитъ изъ данныхъ экономической науки, опирается въ своихъ выводахъ на различныя экономическія теоріи и на факты экономической жизни. Въ главѣ VI онъ затѣмъ выясняетъ вліяніе налоговъ на экономическую жизнь. И наконецъ, въ послѣдней главѣ идетъ уже рѣчь о практическихъ вопросахъ—о реформѣ прямыхъ налоговъ въ Россіи.

Хотя авторъ приступилъ къ своимъ финансовымъ очеркамъ, повидимому, независимо отъ предстоящихъ измѣненій въ нашей податной системѣ, но вопросы современности заставили его коснуться и этой столь важной въ настоящее время проблемы. Цѣнность его теоретическихъ построеній сказалась именно въ томъ, что на основаніи ихъ возможно было дать схему реформы прямого обложенія, примѣнить ихъ немедленно же въ области податной политики. Такимъ образомъ, получилась тѣсная связь между третьей главой „о принципахъ обложенія“ и послѣдней, трактующей о желательныхъ измѣненіяхъ въ области нашихъ прямыхъ налоговъ.

Къ сожалѣнію, ставя себѣ столь важныя задачи, г. Твердохлѣбовъ слишкомъ много удѣляетъ мѣста изложенію различныхъ теорій и гораздо меньше времени посвящаетъ критикѣ ихъ и выясненію собственной точки зрѣнія. Многіе весьма существенные вопросы остаются, вслѣдствіе этого, недостаточно выясненными. Укажемъ, напр., на слѣдующее мѣсто на стр. 54. „Глубоко правы поэтому,—говоритъ авторъ,—англійскіе экономисты, выдвигающіе развитіе производительныхъ силъ въ качествѣ основного принципа податной политики; при оцѣнкѣ экономическихъ результатовъ налога (онъ цитируетъ Маршаля) мы должны учитывать интересы

производства такъ же, какъ и распредѣленія; а иногда даже отдавать предпочтеніе первымъ". Сдѣлавъ по этому поводу еще одно замѣчаніе и приведя цитату изъ Edgeworth'a, В. Н. Твердохлѣбовъ сейчасъ же переходитъ къ другой проблемѣ о соотношеніи экономическаго и этическаго моментовъ и, коснувшись ея въ нѣсколькихъ словахъ, на стр. 56 уже дѣлаетъ тотъ выводъ, что „развитіе производительныхъ силъ—тотъ высшій объективный принципъ обложенія, который долженъ лечь въ основу всякой податной системы и съ точки зрѣнія котораго наука имѣетъ право оцѣнивать эти системы, не вторгаясь въ область этики и сохраняя свой политическій нейтралитетъ".

Противъ этой фразы читатель, несомнѣнно, поставитъ вопросительный знакъ, и не потому, что необходимость считаться съ развитіемъ производительныхъ силъ при построеніи податной системы вызоветъ у него сомнѣнія, а по той причинѣ, что для него останется невыясненнымъ вопросъ о распредѣленіи, о томъ, будетъ-ли обложеніе, исходящее изъ развитія производительныхъ силъ, имѣть въ виду и моментъ распредѣленія, или же должно его игнорировать. Неяснымъ остается и другой, тутъ же затронутый авторомъ, вопросъ относительно антагонизма настоящаго и будущаго поколѣній, интересовъ и выгодъ того и другого. Это проблема чрезвычайно важная для финансиста и ограничиваться цитатой изъ довольно слабой статьи Струве едва-ли можно было, когда рѣчь идетъ объ установленіи основныхъ принциповъ податной политики.

Съ точки зрѣнія принципа развитія производительныхъ силъ авторъ критикуетъ затѣмъ различные виды прямыхъ налоговъ, но дѣлаетъ это слишкомъ бѣгло, не мотивируя подробнѣе своихъ взглядовъ. Въ частности, онъ на основаніи этого принципа утверждаетъ, что промысловое обложеніе слѣдуетъ у насъ понизить и вообще щадить капиталъ предпринимателей. Неужели же въ настоящее время, въ эпоху колоссальныхъ прибылей въ области промышленности и торговли, слѣдуетъ придерживаться такого положенія? Ведетъ-ли это дѣйствительно къ развитію производительныхъ силъ?

Въ послѣдней главѣ авторъ гораздо подробнѣе разбираетъ наше прямое обложеніе, но о промысловомъ налогѣ и здѣсь говорится весьма мало. По поводу подоходнаго налога В. Н. Твердохлѣбовъ утверждаетъ, что вопросъ о свободномъ отъ обложенія минимумѣ былъ поставленъ неправильно: высокій минимумъ необходимъ, но вовсе не по соображеніямъ „справедливости", а по техническимъ соображеніямъ (усложненіе взиманія налога). Онъ указываетъ на то, что въ Пруссіи свободны только доходы ниже 900 мар., забывая о томъ, что въ Англіи минимумъ составляетъ 120 ф. ст., а въ Соединенныхъ Штатахъ 3000 долларовъ, и прибавляетъ—если жизнь въ Россіи стала дорога, то „съ точки зрѣнія справедли-

вости" слѣдовало бы понизить нѣкоторые косвенные налоги, а не повышать минимумъ подоходнаго обложенія (стр. 137). Почему? На это никакого отвѣта не дается и самыя кавычки, въ которыя ставится моментъ справедливости, вызываютъ недоумѣніе. Ихъ слѣдовало также обосновать.

Несмотря на эту недоговоренность, на то, что авторъ слишкомъ бѣгло касается многихъ весьма важныхъ и сложныхъ вопросовъ, книга его представляетъ крупный интересъ. Уже одно то, что онъ приступилъ къ разсмотрѣнію проблемъ финансовой теоріи, исходя изъ положеній экономической науки, и что эту теорію онъ непосредственно примѣняетъ къ критикѣ современной податной системы и приходитъ въ этомъ отношеніи къ очень любопытнымъ и заслуживающимъ вниманія выводамъ, составляетъ несомнѣнную заслугу автора. Съ тезисами его, приведенными въ концѣ книги и касающимися нашей реформы прямыхъ налоговъ, можно согласиться. Книгу его съ интересомъ прочтетъ всякій, желающій себѣ дать отчетъ въ происходящихъ въ настоящее время въ финансовой области событіяхъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

Савва Чукаловъ. Сумерки Пѣсни сердца. П. 1916. Ц. 60 к.

А. В. Тищенко, его работы, статьи о немъ. П. 1916. Ц. 2 р.

Комитетъ по землеустроительнымъ дѣламъ. 1906—1916 гг. Краткій очеркъ за десятилѣтіе. П. 1916.

Сборникъ армянской литературы. П. ред. М. Горькаго. П. 1916. Ц. 2 р.

В. В. Аршиновъ. Аллюминіевыя руды и возможности ихъ нахожденія въ Россіи. П. 1916. Ц. 20 к.

Юбилейный сборникъ Крымско-Кавказскаго горнаго клуба. 1890—1914 гг. П. ред. М. А. Познанскаго. Одесса. 1915. Ц. 2 р.

Изд.-во „Огни". П. 1916. — А. Н. Пыпинъ. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Редакція и примѣчанія Г. В. Вернадскаго. Ц. 4 р. 75 к.—Его же. Религіозныя движенія при Александрѣ I. Предисловіе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. Ц. 4 р.—В. М. Хижняковъ. Воспоминанія земскаго дѣятеля. Ц. 2 р. 25 к.—О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Ц. 1 р. 20 к.

Вопросы финансовой реформы въ Россіи, подъ ред. проф. В. Я. Желѣзнова. Томъ второй. В. 1-й. М. 1916. Ц. 1 р. 75 к.

Сельско-хозяйственная текущая статистика за 1912—1913—1914 гг. Изд. Ярославскаго Губ. Земства. 1916 г.—Движеніе цѣнъ въ Ярославской губ. за сентябрь 1914 г.—февраль 1915 г.

М. М. Виноградова. Потребленіе водки въ Россіи и урожай. Изд. Петрогр. Политехн. Института. П. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Заславскій. Ст. Ивановичъ. Кадеты и евреи. П. 1916. Ц. 50 к.

Д. С. Мережковскій. Зачѣмъ воскресъ? П. 1916. Ц. 40 к.

А. А. Кауфманъ проф. Учетъ сельскохозяйственныхъ силъ. М. 1916, Ц. 60 к.

К-во „Жизнь и Знаніе". П. 1916. А. Деборинъ. Введеніе въ философію діалектическаго матеріализма. Съ предисл. Г. Плеханова. Ц. 3 р.—К. П. Ягодовскій. Уроки по естествознанію въ начальной школѣ. Ч. I и II. Ц. 1 р. 75 к. — Семенъ Юшкевичъ. Наши сестры. Ц. 1 р. 25 к.—Изгнанникъ. На пирѣ земли. Разсказы и пѣсни. Ц. 1 р. 50 к.—Демьянъ Бѣдный. Диво дивное и др. сказки. Ц. 15 к.

Изд-во К. Ф. Некрасова. М. 1916.—Иванъ Новиковъ. Изъ жизни духа. Романъ. Ц. 1 р. 80 к.—Его же. Золотые кресты. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 80 к. — Д. Дарскій. „Радость земли". Изслѣдованіе лирика Фета. Ц. 2 р.—Валерій Брюсовъ. Семь цвѣтовъ радуги. Ц. 2 р. — М. Н. Коваленскій. Путешествіе Екатерины II въ Крымъ. Ц. 50 к.—А. М. Скворцовъ. Д. К. Левицкій. 1725—1822. Ц. 75 к.

Н. П. Карабчевскій. Рѣчи. 1882—1914. Изд. 3-е дополненное 7-ю рѣчами. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. П. 1916. Ц. 4 р. 50 к.

Е. И. Игнатьевъ. Законы природы. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

Левъ Лыщинскій. За мечтой. П. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

П. Мижуевъ. Національный минимумъ. П. 1916. Ц. 70 к.

Изд-во „Огни". П. 1916.—Къ десятилѣтію первой Государственной Думы. Сборникъ статей перводумцевъ. Ц. 2 р. 25 к.—Елена Грекова. Кусочекъ голубого неба. Разсказы. Книга вторая. Ц. 1 р. 25 к.

Кн-во І. А. Маевскаго. М. 1916. Джэкъ Лондонъ. Звѣздныя скитанія. Ц. 1 р. 25 к.

Кн-во „Звѣзда". П. С. М. Чевкинъ. Шестая Держава. Ц. 1 р. 75 к.

Проф. М. И. Фридманъ. Винная монополія въ Россіи. Т. II. П. 1916. Ц. 5 р.

Самарское общество народныхъ университетовъ. Самара. 1916.—Ив. Е. Марковъ. Новый алкоголизмъ. Ц. 10 к.

Кн-во бывш. М. В. Попова. П. 1916. — С. А. Золотаревъ. Синхронистическая діаграмма по исторіи русской литературы и историко-литературная карта Россіи (1661—1904). Ц. 80 к.—А. Н. Потресовъ. Война и вопросы международнаго демократическаго сознанія. Выпускъ 1-й. Ц. 75 к. —Г. В. Плехановъ. Дневникъ соціалъ-демократа № 1. Ц. 40 к.—Г. Магнитскій. Докторъ Орловъ. Романъ. Ц. 2 р.

Страда. Литературный сборникъ. Изд. А. Д. Семеновскаго. П. 1916. Ц. 2 р. 75 к.

Н. А. Гредескулъ. Россія и ея народы. П. 1916. Ц. 75 к.

Евг. Вѣнскій. Въ тылу. Ц. 1 р. 25 к.

Ив. Наживинъ. Вечернія облака. М. 1916. Ц. 2 р.

Живая Сила. Органъ демократическаго студенчества № 1—2—3. Май 1916. П. Ц. 40 к.

Сергѣй Рунинъ (Псевдонимъ). П. 1916.—„Отклики" № 6. Война и все остальное. Ц. 20 к.—№ 7. Россія на распутьѣ. Ц. 20 к.—№ 8. Война и дипломатія. Ц. 20 к.

Изд. т-ва М. О. Вольфъ. П. 1915.— Загадочный фельдмаршалъ. Ц. 50 к.— И. И. Замотинъ. Сороковые и шестидесятые года. Второе просмотрѣнное и дополненное изданіе. Ц. 2 р.

Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1916.—Еврипидъ. Драмы. Т. I. Ц. 3 р. 50 к.

М. Г. Флееръ. Явка съ повинной въ русскомъ правѣ. П. 1916. Ц. 60 к.

А. К. Солонинъ. Идеализмъ и его логика въ связи съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. П. 1916. Ц. 50 к.

Кн-во „Памфлетъ". П. 1916. Н. Я. Абрамовочъ „Новое Время" и соблазненные младенцы № 3. Ц.65 к..

Иркутскіе вечера. Стих. Альманахъ первый. Иркутскъ. 1916 Ц. 1 р.

Пути и формы. Распространеніе профессіональныхъ знаній. Составилъ В. А. Киндъ. П. 1916. Ц. 2 р. 70 к.

Весь языкъ Эсперанто. Составилъ А. А. Сахаровъ. М. 1916. Ц. 1 р. 60 к.

„Живая Старина". П. 1915. I. Ѳ. Каллиниковъ. Сказочники и ихъ сказки. Ц. 30 к.

М. Д. Загряцковъ. Земская служба и соціальное страхованіе. 1916.

Его же. Всероссійскій Земскій Союзъ. Изданіе журнала „Земское Дѣло". П. 1915. Ц. 50 к.

1915 г. въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Выпускъ VI, ч. 2. П. 1916.

1916 г. въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Выпускъ I. П. 1916.

Страховой бюллетень Московскаго Губернскаго Земства № 14. М. 1916.

М. Я. Феноменовъ. Причины самоубійствъ въ русской школѣ. М. 1914. Ц. 85 к.

Гвидо де Верона. Жизнь начинается завтра!.. Романъ съ итальянскаго. Переводъ З. Н. Журавской. П. 1916. Ц. 2 р. 50 к.

К-во „Сѣверные Дни". М. Ф. Анстей. Мѣдный кувшинъ. Романъ. Ц. 1 р. 75 к.

Павелъ Плоховъ. Человѣкъ здраваго смысла и др. разсказы. М. 1916. Ц. 1 р.

Г. И. Ивановъ. Картины Россіи по географическимъ областямъ. Учебникъ географіи Россіи для младшаго возраста. П. 1916. Ц. 60 к.

Изданіе Казанскаго Губернскаго Земства. Годъ трезвости въ Казанской губерніи. Казань. 1916. Ц. 1 р.

Краткій отчетъ о дѣятельности Пироговской врачебно-продовольственной комиссіи въ 1912—1915 гг. Составили Д. Н. Жбанковъ и О. А. Дашкевичъ. М. 1916. Ц. 50 к.

Отчетъ конторы журнала.

Въ контору журнала „Русскія Записки“ поступило: черезъ студент А. Гернера, собранные въ тѣсномъ кругу товарищей—30 р.; отъ служащихъ К° Зингеръ въ Киренскѣ—40 р.; черезъ И. Балаева изъ Читы, собранные чинами Забайкальскаго поземельно-устроительнаго отряда—22 р.; отъ В. М. Ворошилина изъ Сумъ—3 р.; отъ А. М. Шуваева, изъ Урупской ст., Куб. обл.—5 р.; отъ педагогическаго персонала Ставроп. Ольг. женск. гимназіи—85 р.; отъ свящ. Д. Голубятникова—10 р.; отъ В. И. Дубовской изъ Новочеркасска—3 р.; черезъ редакцію газеты „Сибирь“—18 р. 25 к.; отъ разныхъ лицъ, черезъ врача А. Н. Шульцъ изъ Опочки—35 р.; отъ А. В. Горячковскаго изъ Манзурки, Ирк. губ.—2 р.; отъ служащихъ Андреевскаго пріиска Ленскаго Т-ва: И. Н. Куксина—2 р., М. В. Китаева — 2 р., А. Г. Залуцкаго—1 р. 50 к., П. Г. Шемякина — 2 р., неизвѣстнаго — 1 р., А. И. Дмитріева—1 р., Л. Г. Фетисова—1 р., Л. И. Поповича — 2 р., А. П. Баскина — 3 р., Д. Е. Барамыгина—1 р., С. П. Уманскаго—2 р., В. С. Горяшина—1 р., В. Ф. Несарева—2 р., Г. Е. Логинова—50 к., И. А. Розова—3 р., А. А. Гилева—3 р., Д. В. Старосельцева—1 р., Б. Б. Уткина—2 р., С. Т. Соболева—2 р., Ф. У. Дзгоева—1 р., А. И. Земляной — 1 р., А. К. Скродэра — 3 р., Х. В. Магаева—1 р., Г. А. Бутырина—1 р., А. И Сараева—1 р., Н. Я. Рапацкаго—5 р., В. М. Грудзинскаго—2 р., С. Б. Шрагеръ—72 к., А. Д. Галкина—3 р. П. С. Корзуна—1 р., П. М. Дывыдовича—1 р. 50 к., И. С. Окунева—1 р., Е. П. Дубровской — 1 р.; отъ мирового судьи В. А. Владимірскаго изъ г. Кузнецка, Томск. губ.—25 р.; отъ В. Коршуновой — 3 р., отъ Правленія ссудо-сберегательной кассы служащихъ Черниговскаго Губ. Земства—50 р.; отъ Н. Н. Лескевича изъ Одессы—5 р.; „отъ служащихъ Пароходства Т-ва „Н. И. К. Глотовы“, г. Киренскъ, Ирк. губ. — 60 р. 68 к.; отъ Я. Т. Дуновича послѣ общаго собранія В. О. К—в. и Г. П. въ Москвѣ 24 мая 1916 г.—36 р.; отъ А. Константинова изъ Ревеля—1 р.; отъ Акціонернаго Общества Ливонгофскихъ стекляннаго и пробочнаго производствъ — 31 р.; отъ Е. Г. Крушель—25 р.; отъ членовъ педагогическаго совѣта Никольскъ-Уссурійской учительской семинаріи—40 р. 20 к.; отъ „группы тифлисцевъ“—60 р.

На имя В. Г. Короленко въ маѣ мѣсяцѣ: отъ А. О. Розальонъ-Сошальской (Полтава) — 10 р.; черезъ Н. Іос. Отарашвили (отъ 32 лицъ изъ Бодайбо)—60 р.

Итого . . . . . 716 р. 35 к.

А всего съ прежде поступившими . 13.253 р. 20 к.

Редакторъ В. Н. Цѣховская. Издатель Н. С. Русановъ.

Свѣчи „Проктолъ-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья
ПЕТРОГРАДЪ.

Санаторія
СОКОЛЬНИКИ
Д-РА Н. В. СОЛОВЬЕВА.

Москва, Сокольники, Поперечн. просѣкъ. Телеф. 3—84.

Оборудована новѣйшими физическими методами для лѣченія болѣзней, **НЕРВН., ВНУТРЕН.. ОБМѢНА** и т. п. По роскоши, удобствамъ и научной постановкѣ не уступаетъ лучш. заграничн. Проспекты по треб. Справки на мѣстѣ или у владѣльца: Мыльниковъ пер., с. д. Тел. 102—77.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 годъ

НА НОВЫЙ ДВУХМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЕДИНЕНІЕ“.

Журналъ ставитъ своей задачей по мѣрѣ силъ служить дѣлу обновленія жизни и единенію въ свѣтѣ разума и любви.

Журналъ будетъ выходить въ Москвѣ одинъ разъ въ два мѣсяца, книжками объемомъ не менѣе 3 листовъ, съ иллюстраціями въ текстѣ и съ приложеніемъ къ каждому номеру отдѣльной картины.

Въ каждомъ номерѣ журн. будетъ помѣщаться нигдѣ неизданное изъ писаній **Л. Н. ТОЛСТОГО.**

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ ПОСТОЯННОЕ УЧАСТІЕ:
В. Г. ЧЕРТКОВЪ, И. И. ГОРБУНОВЪ-ПОСАДОВЪ и П. И БИРЮКОВЪ.

Подписной годъ считается съ I января.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на I годъ съ достав. и пересылкой **2 руб.**, на полгода **1 руб.**

Цѣна отдѣльной книжки 35 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: МОСКВА, Петровскія линіи, книжный магазинъ „ПОСРЕДНИКЪ“.

Редакторъ-издатель **А. С. ЗОНОВЪ.**

Тип. Акц. Общ. „СЛОВО". Петроградъ, ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. домъ.

Русскія Записки

1916 г.

№ 7. ІЮЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

№ 7. ІЮЛЬ

Русскія Записки

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 7.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1916.

СОДЕРЖАНІЕ.

АМАЗОНКА.

Романъ.

XVII.

Старая исторія повторяется съ смѣхотворной точностью: чувство къ Мишѣ уходитъ, какъ вода изъ треснувшаго кувшина. Но откуда взять вѣрности, если ея нѣтъ? Не поучиться ли у преданной любящей Рахили, у Леночки?

Рахиль приходитъ не часто, жмется блѣдная и заплаканная къ Леночкѣ, завидуетъ тому, что мы веселы и здоровы.

Говорить она можетъ только о мужѣ и ребенкѣ, на этомъ для нея клиномъ сошелся міръ и некуда, незачѣмъ идти дальше.

Ребенокъ поправился, но все онъ безобразенъ, и судя по неправильной формѣ большого черепа, едва ли будетъ изъ него толкъ. Но она-то находитъ его хорошенькимъ и необыкновенно смышленнымъ: «О, онъ беретъ уже въ руки чайную ложечку и улыбается матери».

Напрасно мы заводимъ съ ней разговоры о книгахъ и о театрѣ, о любви и объ искусствѣ: слушаетъ съ милой улыбкой и точно извиняется за то, что ее это не интересуетъ: вѣдь дома мужъ отказался ѣсть супъ, и она не знаетъ, капризъ это или что серьезное.

— Но я все-таки очень счастлива,—неизмѣнно добавляетъ она.

Въ послѣдній разъ я усумнилась:

— Это счастье? Рахиль, Рахиль, это всего на всего больной ребенокъ и больной мужъ!

Она нахмурилась, но снова расцвѣла:

— Они поправляются, но... я боюсь только вѣрить... у меня есть надежда имѣть скоро другого ребенка.

Совершенно ошеломленная, я не нашлась сказать ей что-нибудь на это: шутитъ она, что ли? Но она не шутитъ.

Чтобы не разобидѣть ее моимъ отношеніемъ къ этой семейной радости, я ушла къ Танѣ, оставивъ Рахиль съ Леночкой.

Таня стоитъ у зеркала и старается естественно произнести какой-то неестественный монологъ. Она увлечена мечтой о сценѣ.

— Ты слышала, Таня?

— Что?

Она оглядывается, вся еще погруженная въ свое занятіе, и съ трудомъ возвращается къ дѣйствительности. Я сообщаю ей новость.

— Бѣдняжка! Она очень убита?

— Ничуть.

— Огорчена, по крайней мѣрѣ?

— Она еле вѣритъ своему счастью.

Тогда Таня разражается новымъ монологомъ, уже естественнымъ:

— Дура! Нелѣпая баба! Точно мало ей одного урода, чтобы еще разводить эту нечисть. Да почему же, ради Создателя, сдѣлать несчастнымъ взрослаго человѣка скверно, а произвести на свѣтъ младенца, которому предстоитъ быть несчастнымъ—хорошо! И вѣдь считаетъ себя образцомъ добродѣтели, и всѣ считаютъ.

— Ну, не непремѣнно же онъ будетъ больнымъ,—говорю я.

— Но къ чему свелись тогда наши теоріи? Не она ли первая разглагольствовала о здоровой расѣ и прочихъ широкихъ задачахъ?

— Такова жизнь. Вѣдь и ты собираешься выходить замужъ за Никитина. А можно ли тутъ ждать здоровыхъ дѣтей: это клубокъ нервовъ въ слабомъ тѣлѣ.

Таня осѣклась. Потомъ сказала мнѣ увѣренно:

— Я постараюсь обойтись безъ дѣтей. Какая я мать? Но не ужасно ли, что дѣти обязаны расплачиваться за наше благополучіе? И если я выбру подходящаго отца для моего ребенка, добродѣтельное бабье и всѣ грязные развратники предадутъ меня анафемѣ. Благодарю покорно! Пусть другія мамаши упражняются въ добродѣтели и приносятъ ей въ жертву своихъ дѣтей. Отъ меня этого не дождутся. Если я заведу себѣ дѣтей, то имъ грѣхъ будетъ жаловаться на родителей.

— Ты ясно понимаешь, что говоришь?

— Вполнѣ ясно. Но ты не завидуешь, что я нашла себя и буду артисткой?

— Я только рада. Меня это не увлекло бы.

— Чѣмъ же, наконецъ, будешь ты?

Я вполнѣ искренно отвѣчаю:

— Не знаю.

— Ты собиралась быть и врачомъ, и юристомъ, и профессоромъ.

— Это прошло. Я не люблю ни больныхъ, ни преступниковъ. Мнѣ хотѣлось бы жить для здоровыхъ и сильныхъ.

— Тогда будь матерью многочисленнаго семейства. Или хочешь быть писательницей, не смотря на всѣ неудачи?

— Идеальная мать—Рахиль, но это не по мнѣ. Писательницей? Конечно! И ты это отлично знаешь. Но вѣдь бѣда въ томъ, что у меня нѣтъ ни въ чемъ твердой и ясной увѣренности. О чемъ писать съ увлеченіемъ?

— И серьезна же ты стала. Совсѣмъ умный Пильцъ изъ нѣмецкаго перевода: умный Пильцъ спрятался подъ кровать и сталъ обдумывать положеніе...

— Не такъ давно ты упрекала меня въ несправедливомъ легкомысліи. Чему вѣрить?

Она широко раскрываетъ глаза:

— Вѣдь вѣрно! Умный Пильцъ бросился на негодяя какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ противорѣчилъ самому себѣ.

Я перестала слушать ее. Вспомнила почему-то Авдѣя Павловича съ его Евангеліемъ. Неужели нѣтъ для меня ничего, чему бы я такъ радостно отдала жизнь? И не странно ли, что до сихъ поръ за поддержкой и примѣромъ я обращаюсь исключительно къ простымъ и бѣднымъ людямъ, среди которыхъ протекло мое дѣтство! Но, можетъ быть, такіе люди есть и здѣсь. Надо хорошенько присмотрѣться, понять ихъ вкусы и узнать, что они живы, мужчины и женщины.

Въ одинъ тревожный, совсѣмъ ужъ по-весеннему шумный день ко мнѣ забѣжала Кернъ. Нарядная, благоухающая и чѣмъ-то недовольная. Принесла книжку своихъ разсказовъ и сразу заговорила:

— Вотъ единственная радость, какую даетъ мнѣ весна: вышла моя книжка. Это экземпляръ для васъ. Дайте-ка я сдѣлаю надпись.

Она приподняла вуаль, взяла перо и задумалась, приложивъ ко лбу розовые пальчики съ отшлифованными, какъ зеркало, ногтями.

Ея туалетъ ошеломилъ меня, какъ всегда, и не роскошью своей—на это у нея не хватало средствъ,—но какой-то необыкновенной дерзостью. Это, дѣйствительно, крикъ моды и притомъ, что за отчаянный крикъ!

Перо на шляпѣ торчитъ въ сторону, шляпа держится на прическѣ совершенно непостижимымъ образомъ, узоръ на вуалѣ дѣлаетъ Кернъ похожей на татуированнаго индѣйца, въ сущности скромный тальеръ удивительно нескромно охваты-

ваетъ ея фигуру, даже ручка зонтика, въ видѣ изогнувшагося дракона, вопитъ и взываетъ ко всеобщему вниманію. Но это идетъ къ ней, и, кажется, никто другой не посмѣлъ бы такъ одѣться и, во всякомъ случаѣ, никто другой не вышелъ бы изъ этого испытанія съ такимъ блескомъ и трескомъ, какъ она.

Она сдѣлала росчеркъ во всю страницу, передала мнѣ книжку и принялась жаловаться:

— Милая моя, вы видите передъ собой совсѣмъ несчастную женщину! Терпѣть не могу этихъ некомфортабельныхъ сезоновъ—весны и лѣта. То жара, то пыль, то дождь! Не знаешь, что надѣть! Волосы развиваются, кожа портится, журналы наполнены всякой дрянью. Вѣрите ли, за все лѣто не найдешь иногда путной темы для разговора. И я вообще не знаю, о чемъ можно говорить лѣтомъ. Всѣ интересные люди или перестаютъ быть интересными, или совсѣмъ куда-то пропадаютъ... Нѣтъ, нѣтъ, можетъ быть, все это нужно крестьянамъ для овса или еще для какихъ-то полезныхъ растеній, но для интеллигентнаго человѣка это—гробъ.

Принесли чай, Кернъ взяла чашку и ужаснулась:

— Можно ли пить такія чернила! Хорошо, что есть кипятокъ... я разбавлю... вотъ такъ... А то сонъ и цвѣтъ лица.. Но что я вижу! У васъ веснушки! Какъ вы это допустили! Я дамъ вамъ рецептъ крема, напомните мнѣ. Что же съ вами будетъ въ маѣ?

— Я не боюсь испортить кожу. За то отдохну какъ слѣдуетъ въ деревнѣ.

Она ахнула:

— Хорошъ отдыхъ!

— Неужели вы не любите деревню?

— Лучше не говорите! Всѣ эти пригорки и ручейки страшно надоѣдаютъ! Живешь три мѣсяца среди какихъ-то дешевыхъ открытокъ. И еслибы еще все это было собрано въ одномъ мѣстѣ и видно хоть съ балкона. А то, тамъ пригорокъ, а черезъ три версты ручеекъ, а черезъ пять—лѣсъ. Я зябну отъ ужаса, когда мнѣ предлагаютъ пойти «смотрѣть виды». Какъ потащутъ васъ въ корсетѣ, да на высокихъ каблукахъ, да безъ шляпы черезъ какіе-то рвы... О, Боже мой! Нѣтъ! А страшные мужики, которые васъ все время съ чѣмъ-то поздравляютъ и надо имъ давать за это деньги! Кошмаръ!

Брезгливыя гримаски на ея подвижномъ личикѣ краснорѣчиво дополнили этотъ своеобразный монологъ.

Потомъ она перебила себя.

— Между нами, милая Марія Васильевна, сколько же времени вамъ предстоитъ еще мучиться съ вашими скучными книгами? Васъ нигдѣ не видно, о вашихъ поклонникахъ ни-

чего не слышно, о васъ почти не сплетничаютъ, а вы вѣдь хорошенькая...

И, не дожидаясь отвѣта, залпомъ, продолжала:

— Я никогда не могла увлечься наукой. Все системы и всѣ другъ друга опровергаютъ. Почему я знаю, кому вѣрить? Лучше подожду, когда всѣ сойдутся на чемъ-нибудь одномъ. Вотъ мнѣ доказали, что земля вертится, и очень хорошо, такъ-то бы и все остальное... Я лично люблю только изящную литературу... Но надо спѣшить, я такъ болтлива. Бѣгу мѣрить новое платье, хотя настоящій шикъ возможенъ только зимой. Не грустно ли это? Да, кстати... не черкнете ли вы пару словъ о моей книжкѣ? Лучше даже, если вы ее разбраните. Ну, хоть за рискованный выборъ темъ, что ли. Это такъ поднимаетъ спросъ!

Она щебетала еще минуты двѣ, расцѣловала меня, схватила свой зонтикъ, сумочку, пакетъ, перевязанный розовой ленточкой и сбѣжала. По двору она шла, слегка покачиваясь, приподнявъ двумя пальцами платье и осторожно ступая по выложенной кирпичами дорожкѣ, ведущей отъ дверей флигеля къ воротамъ.

Я смотрѣла ей вслѣдъ. Какіе, однако, счастливцы всѣ, кто нашелъ себя и доволенъ своими достиженіями. Я, какъ ни муштрую себя, ничего путнаго пока не вижу. Слишкомъ быстро какъ-то достаю до дна собственной души и вижу, какъ невеликъ мой духовный багажъ. Обнадеживаю себя, но стоитъ только выпустить вожжи изъ рукъ, и я точно падаю въ пропасть, бѣдная, обокраденная, нищая...

— Маша,—зоветъ Таня—Лена уѣзжаетъ, а мы и не заботимся о томъ, чтобы убрать все къ Пасхѣ!

За меня отвѣчаетъ Леночка:

— До Пасхи цѣлая недѣля, и я уѣду еще не скоро, вы успѣете все сдѣлать. Но вы вѣдь и не гонитесь за этимъ

Таня выскакиваетъ изъ своей комнаты:

— Какъ это такъ! У насъ все должно быть, «какъ у людей». И яйца будемъ красить, и даже сдѣлаемъ бумажные цвѣты.

И цѣлую недѣлю мы ведемъ себя «по-людски»: занимаемся уборкой, готовимъ пасхальный столъ. Мы добились-таки того, что создали атмосферу праздника: гардины у насъ ослѣпительно бѣлы, ручки дверей и задвижки ослѣпительно ярко вычищены, половики, цыновки, запахъ мастики, кажутся иными, чѣмъ въ обыкновенные дни, а цвѣты ужь навѣрное смотрятъ зеленѣй и пушистѣй.

— Ну, вотъ тебѣ примѣръ формы безъ содержанія,—сказала Таня—плохо ли? По твоимъ глазамъ вижу, что не совсѣмъ то, что нужно. Какъ хочешь, а мнѣ скучно безъ Бога. Пошли тамъ какіе-то логосы, субстанціи, да ужь и не знаю еще

что, но знаю, что скука. О, Господи! Ужъ если Ты создалъ меня женщиной, такъ не портилъ бы Ты дѣла рукъ Твоихъ и не награждалъ бы меня проклятой мужской сметкой. Любятъ эти господа откапывать плоскія истины и раскрывать тайны. Ты замѣть, Маша, что дѣвочкамъ всегда интересно знать, кто живетъ въ цвѣткѣ, въ лѣсу, въ рѣкѣ, а мальчишки добиваются узнать, что тамъ, и ихъ за это не сѣкутъ...

— Ты бы для праздника придержала языкъ,—мирно говорю я.

— Вотъ именно для праздника я и разрѣшаю себѣ отвести душу. Не бойся, «завоеванія разума» скоро возьмутъ свое. Но... «боги видятъ, какъ я сопротивлялась». Теперь сознайся только въ одномъ, и я умолкну. Скажи, тебѣ не жаль, что все переполнено чѣмъ-то,—тайнами, истинами, законами, но за т кого-то нѣтъ нигдѣ? Пріятна тебѣ эта великолѣпная истина? И неужели тебѣ интересны разныя клѣтки, электроны, атомы, вся эта міровая физіологія, какія бы чудеса она ни хранила?

— На эту тему ты лучше поговори съ Павлищевымъ, онъ охотникъ просвѣщать заблудшіе умы, а мнѣ скажи, съ кѣмъ мы пойдемъ къ заутренѣ, хотя намъ и не съ чѣмъ туда идти?

— Съ Никитинымъ и Павлищевымъ. Но оба будутъ липнуть ко мнѣ, и тебѣ не мѣшаетъ позаботиться о болѣе внимательномъ кавалерѣ.

— Ничего, пускай Павлищевъ поскучаетъ со мной.

Въ субботу мы еле успѣли убрать столъ и одѣться. Никитинъ и Павлищевъ пришли ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и теперь торопили насъ. Мы вышли на улицу и праздникъ точно принялъ насъ въ свои объятья.

Въ Кремлѣ было людно, но тихо, хотя и слышался немолчный говоръ, даже смѣхъ.

Я шла впереди съ Павлищевымъ, вдругъ Таня окликнула:

— Маша, не убѣгай отъ насъ, у насъ, кстати, новый спутникъ. Позволь представить тебѣ доктора Штурма.

Очень высокій, немного согнувшійся, стоялъ передо мной Штурмъ. Онъ снялъ шляпу, и я, совсѣмъ растерявшись, смотрѣла на густые сѣдѣющіе кудри, на темные глаза, и вся моя душа улыбалась и радовалась навстрѣчу человѣку, которому я впервые протянула руку.

— Вы разрѣшите мнѣ пойти съ вами?—спросилъ онъ—я шатаюсь одинъ, а сегодня это немного грустно.

— Конечно, непремѣнно,—сказала я. И сейчасъ же заговорила съ нимъ.

Мы пошли рядомъ, пробираясь черезъ толпу, потомъ вышли на темную набережную, остановились надъ рѣкой, прислушиваясь къ странно-тихому оживленію.

Все жило, дышало и трепетало вокругъ насъ, но никакой

звукъ не выдавался и плескъ воды не заглушался голосами: никто вѣдь не говоритъ громко и не кричитъ передъ заутреней у Кремля.

Мы оперлись на ограду.

— Какой хорошій моментъ,—сказалъ Штурмъ.

Онъ улыбался, и близко около себя я видѣла невыразимо привлекательное для меня лицо, очень смуглое, мужественное и открытое.

Вдругъ сильный и мягкій ударъ бросился внизъ съ колокольни и вольно поплылъ надъ городомъ, а въ отвѣтъ ему вздрогнула, загудѣла и зазвучала вся Москва, колокола звонили и у меня въ душѣ, смѣясь и перебивая другъ друга.

Весенній вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, ошеломлялъ, кружилъ голову.

— Маша, Христосъ воскресе!—крикнула Таня, удерживая шляпу отъ вѣтра и кивая головой.

Она подошла, приподняла вуаль и поцѣловала меня, блестя глазами.

— Поцѣлую и васъ, Андрей Павловичъ! Развѣ это плохо для начала?

Штурмъ съ неловкой улыбкой наклонился сначала къ ней, а потомъ ко мнѣ. Я еле уловила прикосновеніе его холодныхъ губъ, но все смѣшалось и спуталось у меня въ головѣ.

Почти не помню, какъ мы очутились опять дома. Торжественная и нарядная Матильда встрѣтила насъ поклонами и поздравленіями, въ столовой на затѣйливо накрытомъ столѣ кипѣлъ самоваръ, комнаты казались новыми, наши гости по новому интересными, немного далекими.

На вопросы я отвѣчала не сразу.

Штурмъ сѣлъ около меня. Я добросовѣстно старалась занять его и показать себя съ самой выгодной стороны. Потомъ вспомнила. что отъ вѣтра мои волосы совсѣмъ сбились, лицо, вѣроятно, красно, и почти упала духомъ. Я говорила однѣ глупости, повторялась, неумѣстно смѣялась, а мнѣ такъ хотѣлось ему нравиться.

XVIII.

Экзамены на носу, а я...

Штурмъ приходилъ часто, правда, на короткое время, и я узнала его довольно близко. Это не трудно. Онъ откровененъ, охотно отвѣчаетъ на всѣ вопросы, ничего не скрываетъ, ничего не прибавляетъ. Онъ изъ тѣхъ, кому всего выгоднѣе оставаться самимъ собою.

Кернъ разсказала мнѣ, что у него былъ продолжительный романъ съ Гончаровой.

— Милая моя, это очень потѣшная исторія. Они десять

разъ сходились и расходились. Гончарова собиралась выходить замужъ. Штурмъ собирался жениться, а потомъ они сплавляли куда-то этихъ жениховъ и невѣстъ и опять оказывались вмѣстѣ. Теперь они въ ссорѣ, и она даже завела какой-то сентиментальный флиртъ.

Послѣднія слова меня успокоили. Я не стараюсь себя сдерживать, не скрываю отъ Штурма своей симпатіи къ нему. Но онъ молчитъ, молчу и я.

Въ концѣ-концовъ, надо бы до іюня закрыть глаза и уши на всѣхъ и все, иначе экзамены сойдутъ хуже, чѣмъ слѣдуетъ. Я стала избѣгать Штурма и бороться съ возростающимъ влеченіемъ къ нему. Онъ угадалъ, въ чемъ дѣло, и сталъ бывать рѣже.

А скоро случилась нелѣпая исторія: куда-то на цѣлыхъ два дня исчезла Таня, и мы напрасно искали ее всюду. Никитинъ сходилъ съ ума. Оказалось, она уѣхала съ Кернъ къ ея родственникамъ въ имѣніе, недалеко отъ Москвы. И обрадовались же мы потомъ оглушительно затрещавшему звонку.

Таня вбѣжала веселая и смѣющаяся и сейчасъ же стала просить прощенія:

— Ну, не сердитесь же! Вѣдь я думала, что успѣю во время вернуться, но такъ веселилась, такъ хорошо мнѣ было, что я все забыла. Подумайте: весна, распутица, тревога какая-то, какія-то черныя птицы такъ и надрываются, скворцы, должно быть... А ужъ компанія подобралась на диво.

— Это грубый эгоизмъ,—возмутилась я.—Мы тутъ всѣ головы потеряли!

— Мусикъ, ты упрекаешь меня въ эгоизмѣ! Ты! Но я добра сегодня, и ничего тебѣ не скажу. Будетъ, Лена, вѣдь я цѣла и невредима. А впередъ знайте, что если я пропаду, то не ищите меня въ церкви святой Параскевы и не ищите меня у ложа больного старца, а ищите меня у Кернъ. Теперь же заключимъ скорѣе миръ.

Мы отложили объясненія и выговоры до другого раза, не хотѣлось портить ей настроеніе.

— Собственно, все затѣялъ Ника,—сказала Лена,—я-то знала, что ничего страшнаго съ тобой не случится.

Таня усмѣхнулась:

— Ну, теперь и Ника предупрежденъ, и я могу исчезать, когда хочу.

Никитинъ нервничалъ и кусалъ губы:

— Что-жь, буду и я исчезать...

Таня посмотрѣла на него сверху внизъ:

— Это идея! Еслибы я знала, что ты нападешь на эту блестящую мысль, я пропала бы недѣли на двѣ.

И такимъ холодомъ и искренностью звучали ея слова, что я испугалась за Никитина.

— Что такое?—растерянно спросилъ онъ,—ты хочешь, чтобъ я...

— Ничего не имѣю противъ,—спокойно сказала Таня, проходя къ себѣ.

Онъ медленно, точно сконфуженно, поднялъ руки къ головѣ, робко улыбнулся...

Этого я не могла перенести и пошла за Таней.

— У тебя нѣтъ ни такта, ни состраданія,—сказала я ей— у тебя грубая душа, и ты не любишь Нику...

Она поправляла волосы передъ зеркаломъ и безъ всякаго раздраженія отвѣтила:

— Кажется и правда, не люблю. Такъ что надо бы покончить съ этимъ. Но, если я не оборву разомъ, то не оборву никогда....

— Но что же случилось? Почему такъ сразу?..

— Не знаю. Знаю только, что не чувство управляетъ мной, а я всячески его направляю и раздуваю, потому что хочу заставить себя любить хорошаго человѣка, а то мнѣ все такая дрянь нравится! Но ты видишь, что это не выгораетъ. Захочу полюблю, захочу разлюблю, хорошо для цыганки, а мнѣ, видно, суждено не хотѣть, да любить и наоборотъ.

Вошла Лена, красная и злая, и разразилась цѣлымъ монологомъ:

— Ты безсердечна и неблагодарна, ты—дрянь! Ты играешь его душой, а сама не стоишь его мизинца. Отними у тебя твою красоту и ты останешься просто скверной испорченной бабой, которую надо засадить въ лечебницу...

Таня вздрогнула, быстро схватила острыя ножницы и ударила ими себя по лицу. Страшный крикъ Лены, какой-то толчокъ внутри меня, и ножницы очутились у меня въ рукахъ.

Леночка билась въ слезахъ у ногъ Тани, Никитинъ откуда-то появился и заметался по комнатѣ, но я точно окаменѣла и не могла оторвать глазъ отъ окровавленнаго лица Тани, отъ ея взгляда печальнаго и тяжелаго.

Рана оказалась глубокой, почти насквозь прорѣзавшей щеку, но Леночкѣ удалось скоро остановить кровь. Черезъ нѣсколько минутъ Таня уже лежала въ постели съ закрытымъ до половины лицомъ и мы всѣ столпились вокругъ нея.

— Боже мой, я такъ люблю тебя, я не знаю, чего бы я не сдѣлала, лишь бы тебѣ было хорошо,—плакала и жаловалась Леночка.

Таня съ трудомъ прошептала:

— Прости, такъ было нужно... Я запуталась... Помогите мнѣ обѣ.

Страстная нѣжность къ Танѣ охватила меня. Я не думала раньше, что люблю ее такъ сильно. Люблю въ ней все,—и ея вздорный характеръ, и злобныя выходки. Но больше всего, конечно, не поддающееся опредѣленію ея обаяніе. Она давала намъ что-то большое и хорошее, была постояннымъ праздникомъ въ нашемъ домѣ. Я наклонилась къ ней и поцѣловала ея руку.

— Милая,—прошептала я—ты лучше и милѣе всѣхъ. Дѣлай, что хочешь и все будетъ хорошо.

Никитинъ сидѣлъ въ креслѣ, закрывъ лицо.

— Ника,—сказала Лена—если вы любите ее, не женитесь на ней. Откажитесь отъ нея такъ легко, чтобы она не боялась заставить васъ страдать. Повѣрьте, это всего лучше. Я знаю, что такъ нужно, вижу это уже давно...

Минута напряженнаго молчанія, и совсѣмъ спокойно Никитинъ сказалъ:

— Неужли вы думаете, что еслибы я раньше сомнѣвался я бы осмѣлился... Я хочу только ея счастья и ничего больше Въ концѣ-концовъ, она распоряжается мной, какъ хочетъ. Вѣдь если даже она и выйдетъ за меня, она не теряетъ ничего ровно, будетъ такъ же свободна, какъ и сейчасъ, а я просто получу право открыто посвятить ей всю мою жизнь. Но если и этого она не хочетъ, то я не скажу ни слова противъ, ни въ чемъ не измѣню своего отношенія къ ней...

Я еле сдержала вздохъ облегченія. Онъ продолжалъ:

— Вѣдь ты все-таки останешься моимъ другомъ, Таня?

— Милый,—со слезами отвѣтила Таня—какое я ничтожество передъ тобой, передо всѣми вами... эгоистка и истеричка. Какъ ты можешь думать, что я откажусь отъ тебя. И откуда Лена взяла это? Я буду всю жизнь любить только тебя одного...

Его лицо страдальчески исказилось отъ радости, онъ наклонился къ ней:

— Не говори ничего, будь спокойна, моя славная дѣвочка. А я хочу привезти Штурма на всякій случай.

Онъ вышелъ.

— Что ты сдѣлала, Таня?—заговорили мы обѣ разомъ.

Но она перебила насъ:

— Не смущайте меня больше. Какъ я могу пройти мимо такой любви, и стоитъ же чего-нибудь прекрасная человѣческая душа.

Мысль, что сейчасъ можетъ придти Штурмъ, совсѣмъ заполонила меня. Я вышла въ гостиную. Тамъ Матильда зажгла лампадку передъ образомъ, и только этотъ красноватый свѣтъ освѣщалъ комнату, маленькую и уютную, всю заставленную цвѣтами, тѣнь отъ которыхъ чернымъ подвижнымъ

узоромъ легла на потолокъ и стѣны. Сердце билось во мнѣ рѣдкими сильными ударами, руки ослабѣли.

Не слѣдовало довѣрять этому. Вѣдь въ этой же самой комнатѣ когда-то говорилъ мнѣ въ первый разъ о любви Миша, и здѣсь же я ждала въ тоскѣ и смятеніи Алексѣя Ивановича, и здѣсь же цѣловала Леву. Не довольно ли? Вѣдь каждый разъ мнѣ казалось, что это уже настоящее, «на всю жизнь». И скоро все проходило. Я равнодушна къ нимъ всѣмъ. Только Миша еще возбуждаетъ во мнѣ время отъ времени теплое и нѣжное чувство. Но оно такъ мало похоже на настоящую любовь. Нѣтъ, надо заглушить въ себѣ влеченіе къ Штурму...

Я вошла къ Танѣ. Лена говорила ей что-то, прижавшись щекой къ ея ладони. Я сказала:

— Посовѣтуйте мнѣ что-нибудь, я сейчасъ такъ волнуюсь, не сбѣжать ли мнѣ отъ Штурма.

Леночка улыбнулась:

— Не стоитъ, у тебя это быстро проходитъ, и безболѣзненно. Хотя его не мѣшало бы пощадить. По зубамъ ли ему такая добыча, какъ ты?

Мнѣ однако было не до шутокъ. И когда раздался звонокъ, я вылетѣла въ гостиную вихремъ и стояла тамъ, совсѣмъ задохнувшись, съ пылающими щеками, все время, пока не прошли Штурмъ и Никитинъ въ комнату Тани.

Они пробыли тамъ не долго. Штурмъ нашелъ рану не опасной, сдѣлалъ необходимыя распоряженія и вышелъ въ коридоръ вмѣстѣ съ Леной.

— Почему не видно Марьи Васильевны?—услышала я.

Тогда я рѣшилась показаться.

— Здравствуйте, Андрей Павловичъ. Вы не спѣшите, надѣюсь?

Говорила, а сама еле слышала свой голосъ и не помнила, какъ это мы очутились вдвоемъ въ полутемной гостиной.

Я стояла передъ нимъ, точно школьница, налетѣвшая на учителя, готовая просить прощенія за что-то. Не догадалась даже предложить ему сѣсть.

— Васъ такъ давно не видно.

— Да, мы оба, оказывается, заняты порядкомъ. Я все думалъ, что вы пріѣдете какъ-нибудь на стройку.

Тѣни отъ мелькающей лампадки скользили по его лицу, ставшему далекимъ и неузнаваемымъ. Мнѣ показалось, что онъ холоденъ и слишкомъ равнодушенъ ко мнѣ. А я-то все еще не овладѣла собой и всей душой стремилась къ нему.

Онъ разспросилъ меня о Танѣ.

— Она—типичная истеричка, увѣряю васъ,—сказалъ онъ мнѣ.—Если Николай Степановичъ женится на ней, бракъ бу-

детъ самый несчастный, а онъ такой хорошій и талантливый человѣкъ.

— Она не истеричка. Это просто странный характеръ.

— «Просто» странныхъ характеровъ не бываетъ. Скажите мнѣ, почему у васъ горятъ лампадки? Неужели вы религіозны?

— Нѣтъ. Но мы всѣ тяжело разстались съ религіей. Приблизительно такъ, какъ съ прекрасной сказкой. И это внѣшняя связь съ дѣтской вѣрой. Ни одна изъ насъ не нашла еще ничего, что замѣнило бы религію вполнѣ. Вы никогда не были религіозны?

— Никогда. Мой отецъ былъ большимъ скептикомъ по натурѣ. А матери я не помню.

— Кто васъ воспитывалъ?

— Отецъ же. Мнѣ никогда не давали читать ни сказокъ, ни стиховъ, вообще воспитывали на самыхъ аскетическихъ началахъ. Я былъ довольно слабымъ ребенкомъ, и отецъ всячески пытался закалить меня. Я не ѣлъ сладкаго, обливался по утрамъ холодной водой, дѣлалъ гимнастику, всѣ занятія распредѣлялись очень строго по часамъ. Теперь я могу похвастать рѣдкимъ здоровьемъ и выносливостью.

— Вы съ удовольствіемъ вспоминаете дѣтство?

— Нѣтъ. До сихъ поръ мнѣ жаль, что у меня не было матери. Бабку я помню. Она была очень добра и ласкова со мной. Но за то, что она дѣлала попытки внушить мнѣ правила нашей религіи, отецъ разрѣшалъ мнѣ ѣздить къ ней только съ нимъ вмѣстѣ по праздникамъ. А она была такой правовѣрной еврейкой, что со стороны отца было настоящей жестокостью на ея глазахъ дѣлать меня отщепенцемъ.

— И у васъ нѣтъ никакой связи съ еврействомъ?

— Такая же, какъ со всякой другой націей.

— Какъ странно не знать ни религіи, ни поэзіи, ни любви къ своему народу.

— Это не вѣрно. Я люблю свой народъ. Но я люблю и вашъ, и всякій другой. Мнѣ кажется страннымъ любить одну націю больше, чѣмъ другую, только потому, что самъ принадлежишь къ этой націи. Зачѣмъ такъ ограничивать себя?

— Какъ-то поневолѣ любишь то, что ближе.

Меня заинтересовала тема разговора и мы говорили еще долго. Прощаясь, онъ просилъ меня навѣстить его послѣ экзаменовъ, и я обѣщала, очень обрадованная.

Кое-что въ немъ выяснилось, для меня, но я подумала, что при всей справедливости его сужденій отъ нихъ вѣетъ нѣкоторымъ холодомъ, такъ долженъ бы думать человѣкъ не рожденный женщиной, а приготовленный въ ретортѣ. Но мнѣ это нравилось почему-то.

XIX.

Черезъ три недѣли послѣдній экзаменъ и свадьба Тани. Я заперлась, махнувъ рукой на бѣготню и хлопоты. Таня и Лена забросили занятія, кое-какъ готовятся къ экзаменамъ, что меня настоящимъ образомъ возмущаетъ. Точно нельзя обвѣнчаться послѣ.

Таня демонстративно свищетъ, поетъ и хохочетъ, какъ лѣшій, у самыхъ моихъ дверей, пока я не прогоню ее покупать ея идіотскія тряпки или примѣрять платья.

Ея родители пишутъ ей отчаянныя письма, умоляютъ одуматься. Они мечтали о принцѣ для Тани.

Каждый день приходитъ злой и нахмуренный Лева и подъ предлогомъ разговоровъ о томъ, нельзя ли какъ-нибудь разстроить бракъ Тани, отнимаетъ у меня добрый часъ времени. Онъ все еще влюбленъ и не теряетъ надежды. Но у меня по отношенію къ нему появилось такое несправедливое чувство насмѣшливаго презрѣнія, такое опредѣленное, что я искренно почти не замѣчаю бѣднаго юношу. Ни одно его слово не доходитъ до моего сердца и его попытки обратить на себя мое вниманіе вызываютъ только смѣхъ.

Я, къ стыду моему, стала понимать тѣхъ мужчинъ, которые презираютъ своихъ мимолетныхъ возлюбленныхъ, вѣроятно, за то, что тѣ не сумѣли вызвать въ нихъ болѣе глубокихъ чувствъ.

Лена занимается по ночамъ и сильно отстаетъ отъ меня Но за то моими успѣхами она гордится, какъ своими собственными.

Я умышленно закрываю глаза и на переутомленіе Лены, и на «патетическую» нѣжность Тани къ Никитину, котораго она не отпускаетъ отъ себя ни на шагъ.

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ не до нихъ.

Но отъ себя самой я не могу скрыть, что не только домашняя суета мѣшаетъ мнѣ какъ слѣдуетъ заниматься. Она ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что происходитъ во мнѣ самой.

Въ нашемъ маленькомъ саду уже просохла земля, уже въ зелени и цвѣту всѣ деревья. Небо ярко, солнце жарко, и днемъ я сижу съ моими книгами подъ яблоней. Но я не смѣю ни на минуту оторвать мысль отъ рамокъ моей програмы. Когда я отдыхаю, я заставляю себя думать о какихъ-нибудь далекихъ людяхъ прошлаго вѣка, о томъ, что хорошо было бы поговорить съ самимъ Василіемъ Осиповичемъ о «тяглыхъ людишкахъ».

Цвѣтущая, пушистая вѣтка сама тянется ко мнѣ. Пригибаю ее, закрываю глаза и вижу темное лицо съ рѣзкими чер-

тами, суровые глаза, сжатыя губы... Блѣдная вѣтка сломана, изорвана и истерзана. Слезы досады бѣгутъ изъ глазъ. Я бьюсь головой объ столъ, отъ отчаянья, отъ жажды любви, и именно его любви, какъ ни борюсь я съ мыслью о немъ.

Смѣшно сказать, что я принимаю бромъ, обливаюсь холодной водой, смертельно боюсь случайно встрѣтить Штурма, иначе пропалъ день.

Раза два меня увидѣла въ такомъ состояніи Таня.

— Ага! Амазонка гнетъ Маргариту въ бараній рогъ. Туда ей и дорога. Плачь, Маргарита. За то потомъ будешь шельмовать другихъ съ чистымъ сердцемъ. Личный примѣръ—великое дѣло.

Это жестоко, но достигаетъ цѣли. Я смѣюсь и немного успокаиваюсь.

Схватка съ любовью кончилась все-таки побѣдой. Экзамены сошли блестяще всѣ до одного.

Теперь я могла влюбиться хоть до потери сознанія. Я радовалась, бѣсновалась, и мнѣ безконечно хотѣлось скорѣе увидѣть Штурма. Но до свадьбы оставалось всего пять дней, и у меня не хватало времени. А послѣ свадьбы пора уже ѣхать къ дядѣ.

Мои страхи относительно Тани разсѣялись. Она была очень весела, не разставалась съ Никой, радовалась, что останется съ нимъ на всю жизнь.

Никитинъ спросилъ меня, удобно ли будетъ, если Штурмъ и Гончарова встрѣтятся на свадьбѣ.

Я взяла на себя обязанность предупредить ее. Она засмѣялась:

— Да я очень рада. Я такъ давно его не видѣла. Впрочемъ, я ручаюсь вамъ и за него. Вѣдь мы не ссорились. Самое лучшее, ничего ему не говорить, онъ терпѣть не можетъ, когда его опекаютъ или вмѣшиваются въ его личныя дѣла.

Утромъ въ день свадьбы Таня меня разбудила:

— Вставай скорѣе. Ты проспала. Тамъ уже пришелъ парикмахеръ.

Послѣ экзаменовъ я спала по десяти часовъ въ сутки, отсыпалась за все разомъ. И первой мыслью при пробужденіи было: сегодня увижу Штурма.

Домъ уже полонъ суеты и шума. Леночка, Рахиль, Ирина носятся по комнатамъ. Въ столовой Таня спѣшно глотаетъ черный кофе.

Гончарова кажется подросткомъ среди насъ, все высокихъ и крупныхъ. Ея бѣлое платье сильно подчеркиваетъ смуглую блѣдность кожи и яркую линію рта.

— За что именно онъ любилъ ее?—думаю я.—Вѣроятно, за эту нервную живость, да развѣ еще за неизмѣнно ровную веселость, за которой что-то кроется. Но что?

Трудно было скрыть волненіе, и я старалась какъ можно меньше попадаться на глаза Танѣ и Леночкѣ.

— Дайте мнѣ причесать васъ,—говоритъ Гончарова.—Завиваться вамъ не нужно, и парикмахеру съ вами нечего дѣлать.

Я усаживаюсь у туалета и, пока она возится съ моими волосами, я разсматриваю ее въ зеркало и ловлю себя на томъ, что изучаю ее съ пристрастіемъ, стараясь найти недостатки.

Она не отличается красотой, но она не хуже меня. Она проста и очень скрытна, то есть ничего не говоритъ о себѣ лично. Когда она не улыбается, ея глаза почти теряютъ выраженіе. У нея свободный, воспріимчивый умъ и скорѣе короткій умъ, чѣмъ умное сердце. Всего этого достаточно, чтобы Штурмъ могъ любить ее, но мало, чтобы она навсегда овладѣла его сердцемъ. Я моложе, интереснѣе, а главное, я нравлюсь ему больше сейчасъ. Хорошо, что она равнодушна къ нему.

Вошла Таня, нарядная, блестящая, похожая на снѣжную королеву во всемъ ея бѣломъ великолѣпіи.

— Сейчасъ пріѣдутъ за нами,—сказала она.—Вы, Ириночка, и ты, Маша, приготовьтесь къ встрѣчѣ съ вашимъ темнымъ прошлымъ. Пріѣдутъ Лева и Штурмъ. Вы не смущаетесь этимъ?

— Ничуть,—весело отвѣтила Ирина.

Меня безконечно интересовало, какъ встрѣтитъ Штурмъ Ирину. Но ничего любопытнаго не случилось. Онъ поздоровался со всѣми и обратился къ ней:

— Какъ поживаешь, Ирина? Что это тебя такъ давно не видно?

— Для желающихъ меня видѣть я всегда дома,—отвѣтила она, лукаво улыбаясь.

— Ты приглашаешь?

— Милости просимъ. Но надо ѣхать, господа.

Вотъ и все. Мнѣ показалось, что было что-то насмѣшливое въ этомъ разговорѣ, точно они поддразнивали другъ друга. Потомъ Штурмъ заговорилъ со мной:

— Какъ мы размѣстимся, Марья Васильевна?

Пріѣхалъ Павлищевъ, сначала не пожелавшій быть шаферомъ Тани.

— Я разъ и навсегда отказываюсь играть какую бы то ни было роль въ вашей жизни,—торжественно заявилъ онъ ей.

— Но вашъ выходъ уже былъ,—невинно удивилась она.—Помните, «вмѣстѣ съ народомъ?» Вы изображали толпу. У васъ есть способности.

Въ каретѣ противъ меня и Тани помѣстились Лева и Штурмъ. Мы всѣ молчали и смѣялись, но я про себя сравнивала Штурма съ Левой.

Штурмъ не молодъ, черты его лица кажутся почти грубыми, и рядомъ съ нимъ Лева напоминаетъ юнаго полубога. И все-таки я удивляюсь, какъ могло мнѣ нравиться это возмутительно красивое, живое и тонкое лицо, и какъ можно оставаться равнодушной къ лицу Штурма.

Никитинъ уже ждалъ насъ въ церкви, куда съѣхалось нѣсколько человѣкъ знакомыхъ. И, должно быть, общая усталость сказалась во мнѣ, потому что я видѣла все точно сквозь легкій туманъ.

Началось вѣнчаніе. Весело было отъ бѣлыхъ нарядовъ, отъ молодыхъ, почти сплошь красивыхъ и интересныхъ сегодня лицъ, отъ цвѣтовъ, запаха духовъ, даже отъ того, что священникъ былъ очень старъ и сѣдъ и дрожащимъ голосомъ читалъ трогательныя слова обряда.

Я встала такъ, чтобы все время видѣть Штурма. Смотрѣла на него и думала, что нельзя разлюбить такого человѣка, его всю жизнь пронесешь въ сердцѣ, что бы ни случилось, такъ несомнѣнно и выгодно онъ отличается отъ другихъ.

Лицо Тани было скрыто отъ меня ея вуалемъ, Никитинъ стоялъ, какъ каменный.

Штурмъ иногда оглядывался все въ одну и ту же сторону. Я посмотрѣла туда: у стѣны, позади всѣхъ неподвижно стояла Гончарова, бѣлая, какъ ея платье, и о чемъ-то глубоко и печально думала.

Сейчасъ же послѣ обряда Штурмъ направился къ ней, и я видѣла, какъ онъ взялъ ее за руку, заботливо посмотрѣлъ ей въ лицо и спросилъ что-то. Потомъ оба подошли ко мнѣ.

— Иринѣ нездоровится,—сказалъ онъ.—Мы должны извиниться передъ вами, и я отвезу ее домой.

— Вѣдь вы живете недалеко, Ириночка,—сказала я,—можетъ быть вы отдохнете и позднѣе пріѣдете?

— Нѣтъ, нѣтъ, сегодня ужь пускай она останется дома,—перебилъ Штурмъ.

Мнѣ стало тяжело, и шевельнулось враждебное чувство къ Иринѣ. Все было потеряно, всѣ надежды, оставалось только собрать всѣ силы, чтобы не терять наружнаго спокойствія и равновѣсія. Мнѣ удавалось сдѣлать это для всѣхъ, кромѣ Лены. Она ласково взяла меня подъ руку:

— Успокойся. Надо справиться съ собой, дорогая. Сама видишь, тутъ что-то не такъ.

Подошла Кернъ, въ такой прическѣ, что я на минуту забыла все остальное:

— Какова Гончарова? Рѣжьте меня на куски, если я понимаю что-нибудь въ этомъ романѣ. Да и романъ ли еще это? Вѣдь «амазонки» мастерицы выдумывать новыя отношенія и сбивать съ толку простыхъ смертныхъ.

Она блестѣла глазами, зубами, сережками, пряжками, вся искусственная, причудливая и занятная. Ничто печальное не могло имѣть мѣста въ ея присутствіи, хотя бы потому, что это портило цвѣтъ лица.

Я положительно уцѣпилась за нее. И мы усѣлись съ ней и съ Павлищевымъ въ карету, прихвативъ съ собой еще блѣднаго, красиваго Луневича, прозваннаго «Пьеро» и неслыханнаго баловня женщинъ. Я знала его мало. Теперь онъ былъ въ большой дружбѣ съ Кернъ.

Тѣснота въ каретѣ, остроты, анекдоты и рискованныя шутки Кернъ развлекли и немного взвинтили меня. Я смѣялась такъ много и искренно, что сама себѣ не вѣрила. Дома мы завтракали, пили вино, потомъ провожали на вокзалъ новобрачныхъ. Они ѣхали къ родителямъ Тани и должны были вернуться черезъ недѣлю: Никитина ждали дѣла.

На вокзалѣ тоже пили вино. Я точно утратила какую-то часть себя и при томъ наиболѣе тяжеловѣсную. Мнѣ стало легко и весело.

Насъ было всего человѣкъ десять мужчинъ и женщинъ, но мнѣ казалось, что вдвое больше. Всѣ шумѣли, кричали, возвращались съ вокзала въ другихъ какихъ-то экипажахъ, неизвѣстно, гдѣ добытыхъ.

Почему-то мнѣ показался необыкновенно привлекательнымъ Павлищевъ. До этого дня онъ не производилъ на меня никакого впечатлѣнія. Онъ отвѣчалъ мнѣ взаимностью, и когда я вышла въ свою комнату, онъ безъ разрѣшенія вошелъ вслѣдъ за мной и нѣсколько разъ крѣпко поцѣловалъ меня. Я отвѣтила ему съ неменьшимъ энтузіазмомъ, но, когда онъ впослѣдствіи напомнилъ мнѣ объ этомъ безпочвенномъ событіи, я отговорилась сначала «запамятованіемъ», потомъ «незнаніемъ законовъ».

Послѣдующіе дни, вплоть до отъѣзда къ дядѣ, я не давала себѣ ни отдыха, ни срока, стараясь заглушить обиду и тоску. Я почти не разставалась съ Кернъ, веселой и безпечной.

Павлищевъ и Луневичъ стали нашими постоянными спутниками. И за Луневичемъ нельзя было не признать права на званіе любимца женщинъ. Въ немъ точно было два пола, и оба проявлялись какъ разъ когда надо.

— Удивительно. Когда мнѣ надоѣдаетъ мужское общество, я забываю, что Луневичъ—мужчина, когда у меня начинается тоска «о немъ», я вспоминаю, что Луневичъ—мужчина,—говорила Кернъ.—А главное, и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ—совершенство.

Всѣ мы подозрѣвали, что у него было не мало побѣдъ. но никогда ни одного намека на это отъ него не слышали, такъ

же, какъ и о многихъ довѣренныхъ ему тайнахъ. Намъ не нравилось отпускать его въ мужское общество, да и самъ онъ къ нему не стремился, мужчины его не жаловали.

Мы разстались съ нимъ добрыми друзьями и до самой осени я о немъ не вспомнила, такъ свободно отъ всякаго лишняго обязательства было отношеніе къ нему. За то радость при встрѣчѣ шла отъ самаго сердца.

Такое отношеніе къ людямъ я стала цѣнить очень высоко. Все, что сильнѣе и глубже, только отвлекаетъ меня отъ намѣченнаго плана.

XX.

У дяди все шло такъ, точно и не прошло почти года съ тѣхъ поръ, какъ я была здѣсь.

Такъ же ходитъ онъ по саду, подрѣзая и подвязывая цвѣты и вѣтки. Такъ же тетя Соня, съ утра затянутая въ корсетъ, сѣдая и величественная, читаетъ французскіе журналы и книги, изрѣдка поправляя золотое пенснэ и далеко отставивъ руку съ журналомъ. Такъ же мама въ бѣломъ батистѣ праздно сидитъ на балконѣ, очень счастливая и очень юная.

— Идеалъ женщины—ваша матушка,—сообщилъ мнѣ дядя.—Она мечтательна, изящна и молчалива. Право, я не знаю лучшаго примѣра для подражанія. Это—сама поэзія, не смотря на пережитыя ею испытанія, о которыхъ вы не сообщили мнѣ своевременно, Мари, и прощаю вамъ это только потому, что вижу здѣсь большой героизмъ. Она лѣнива, учитесь у нея: дѣятельныя женщины такъ вульгарны.

На другой день явился Миша. Я обрадовалась ему, но онъ держался почти холодно.

— Онъ охладѣлъ ко мнѣ,—подумала я.—Ну и слава Богу!

Какъ нѣкогда по Москвѣ, мы шатались теперь по Петербургу и окрестностямъ. Миша зналъ всѣ живописные уголки, всѣ интересныя мѣста, и прогулки съ нимъ были одна другой увлекательнѣе.

Всѣ удивляются моей неудержимой страсти къ экскурсіямъ.

— Вы понятія не имѣете о томъ, что такое сидѣть дома,—говоритъ дядя.—Въ мое время...

Но я перебиваю:

— Дядя, увѣряю васъ, что это время еще не прошло. До сихъ поръ эта virtus antiqua считается одной изъ первыхъ добродѣтелей женщины, да, пожалуй, и мужчины. Но развѣ вамъ не нравится Шумановскій «Мельникъ»?

И я, смѣясь, напѣваю ему:

Плохой тотъ мельникъ долженъ быть,
Что дома вѣкъ свой хочетъ жить,
Все дома, все дома...

Онъ качаетъ въ тактъ головой:

— Вы выбрали не то мѣсто. Вамъ слѣдовало взять:

> Вода ничѣмъ не дорожитъ,
> Она впередъ себѣ бѣжитъ,
> Все дальше, все дальше...

— Вѣрно! Все дальше! И самое лучшее, конечно, ничѣмъ не дорожить, каждую минуту быть готовой измѣнить всему: людямъ, вещамъ, чувствамъ, убѣжденіямъ...

— Не шутите такъ, Мари. Даже убѣжденіямъ!

— О, имъ всего больше.

— Еслибы я не былъ увѣренъ въ томъ, что вы шутите, я пришелъ бы въ ужасъ. Вѣдь должно же въ насъ хоть что-нибудь быть вѣчнымъ.

— А наша измѣнчивость?

— Парадоксально, но мило!

У меня нѣтъ охоты дольше запугивать дядю, и мы ѣдемъ съ Мишей кататься по Невѣ.

— А ты вѣдь не шутила, когда говорила объ измѣнѣ всему,—говоритъ Миша и смотритъ на меня съ настороженнымъ любопытствомъ.

— Не знаю, право. Почти не шутила.

— И по твоему вѣрность и устойчивость чуть ли не пороки?

— Около того. Все, чего не сдвинешь съ мѣста, что разъ и навсегда признано лучшимъ, часто портитъ жизнь.

— Такъ что любить десять разъ лучше, чѣмъ разъ на всю жизнь?

— Это уже навѣрное! Каждая новая любовь обновляетъ душу, дѣлаетъ ее богаче и свѣжѣе, затрогиваетъ новыя струны. Донъ-Жуанъ куда ярче Ромео или Филемона, не правда ли?

Онъ сжимаетъ губы и смотритъ въ сторону.

«А онъ былъ много интереснѣе, когда былъ влюбленъ въ меня»,—думаю я, и говорю:

— Посмотри мнѣ въ глаза, Миша.

— Что за фантазія!

Мы смотримъ оба съ минуту и смѣемся.

— Ледъ таетъ!—вскрикиваю я

Онъ покраснѣлъ.

— Какой тутъ, къ чорту, ледъ! Но, знаешь ли... Не многія женщины даютъ столько поводовъ думать о себѣ дурно, какъ ты.

— Думай, что хочешь. Я не боюсь.

Черезъ нѣсколько дней Миша сказалъ мнѣ:

— У меня есть свободныхъ дней десять. Хочешь проѣхаться въ Финляндію и Швецію пароходомъ?

Я еле повѣрила этой возможности.

— А наши? Какъ отнесутся?

— Нашла о чемъ безпокоиться!

Но особенныхъ протестовъ и не послѣдовало.

— Это по-американски, Мари,—сказалъ дядя.—Но Миша —вашъ кузенъ, а въ роду у насъ всѣ были рыцарями. Да и вы исключительная дѣвушка, нравственная и сильная, я убѣжденъ, что вашъ первый поцѣлуй будетъ данъ только жениху въ день свадьбы.

Я не пыталась возражать...

И вотъ мы на пароходѣ, на пути къ Гельсингфорсу.

Радость переполняетъ меня. Мнѣ трудно стоять на мѣстѣ, еще труднѣе сидѣть, и, конечно, я ни за что не лягу сегодня въ постель, не пропущу возможности провести ночь на палубѣ.

Миша взялъ свой прежній холодный тонъ, но это меня больше не трогаетъ. Мнѣ хорошо и такъ.

Цѣлыми часами я смотрю, какъ заколдованная, въ море.

— Чему ты улыбаешься?—спрашиваетъ Миша.

— Морю. Мнѣ кажется, что я выиграла въ лотереѣ жизни весь міръ и еще что-то на придачу.

— Напримѣръ?

Я смѣюсь и опускаю глаза:

— И еще пару самыхъ хорошенькихъ туфелекъ!

— А я, кажется, готовъ былъ бы отдать весь этотъ выигрышъ за одну твою туфельку...—неожиданно говоритъ онъ. И я до сихъ поръ не могу сказать, отчего у меня замерла душа.

— Ты очень любезенъ,—холодно роняю я, и мы оба молчимъ нѣсколько мгновеній.

— Ты недовольна мной?—тихо спрашиваетъ онъ.

И, не смотря на то, что нѣжность и благодарность къ нему рвутся наружу, несмотря на то, что его близость мнѣ пріятна сейчасъ, я... щажу его.

— Не будемъ говорить о любви, Миша. Мнѣ хорошо съ тобой, но я не хочу большой любви, а то, что я могу дать, такъ безконечно мало: минутная радость... вотъ и все.

— Хорошо,—говоритъ онъ.—Я не стану больше огорчать тебя.

Но и самъ онъ не огорченъ, потому что надѣется на что-то.

Сказка жизни развернулась для меня во всей ея фантастической прелести. И я переживаю ее такъ сильно и страстно, точно медленно сгораю съ утра до вечера и съ вечера до утра.

Мое обычное, «я» разстояло въ другомъ и, должно быть, настоящемъ «я». Передвиженіе, новые люди, новая природа,

чужой языкъ разсѣивали во мнѣ какой-то туманъ, облегчали грузъ, который я беззаботно сбрасывала съ души.

Все хорошо, и то, что вѣчно, и то, что измѣнчиво!...—пѣло и трепетало во мнѣ.

Къ Стокгольму мы подъѣзжали утромъ. И когда я издали увидала прекрасный городъ съ его шумомъ и звономъ, съ красками и громадами зданій, мнѣ на минуту показалось, что я быстро и легко лечу внизъ съ головокружительной высоты, и меня охватило острое желаніе закричать, какъ дикарь, и броситься въ волны, чтобы плыть самой къ берегу.

Совершенно спутались дни и ночи. Вмѣсто десяти дней, мы путешествовали три недѣли, и когда возвращались домой, то могли говорить только о томъ, какъ и куда мы поѣдемъ въ слѣдующій разъ.

Послѣдняя ночь на пароходѣ показалась мнѣ чудесной и знаменательной. Мѣсяцъ, какъ золотой мячъ, прыгаетъ въ волнахъ, соленое прохладное дыханіе моря опьяняетъ, какъ вино. Въ головѣ стоитъ легкій шумъ.

— Это кровь поетъ,—думаю я.—Можетъ ли кто-нибудь, какъ-нибудь передать музыку крови? И это все мое. У меня не будетъ ни друзей, ни дома, ни привязанностей, потому что настоящая я—пилигримъ міра. Для меня не будетъ даже смерти: вѣдь ея ужасъ существуетъ только для окружающихъ, для тѣхъ, кому тяжело безъ насъ; для себя мы только крѣпко и сладко засыпаемъ, вотъ и все... Хорошо, что меня никто особенно сильно не любитъ. И хочу ли я чьей-нибудь любви?

А что, еслибы Андрей Штурмъ спросилъ меня объ этомъ?

Я вздрагиваю такъ сильно, что еле удерживаюсь на ногахъ. Я ясно и близко увидѣла смуглое лицо, почувствовала прикосновеніе холодныхъ губъ... И, не сдержавъ стона, я прижала руку къ загорѣвшейся щекѣ.

Миша остановился около меня, онъ все время ходилъ по палубѣ.

— Что съ тобой. Маша?

Я дрожала съ головы до ногъ, и, когда онъ подошелъ, я обняла его.

— Что я дѣлаю? Что я дѣлаю?—пронеслось въ головѣ.

Но такъ было легче...

Помню, Таня сказала мнѣ какъ-то:

— Воображаю, какой мерзавецъ-мужчина пропалъ въ тебѣ! Вѣдь ты абсолютно не считаешься съ чувствами тѣхъ, кѣмъ тебѣ угодно забавляться. Сейчасъ ты разбиваешь только надежды и податливыя сердца, но тогда ты спокойно разбивала бы жизни.

Я спорила и сердилась, но теперь видѣла, что она, пожалуй, права.

Миша догадался ни о чемъ меня не спрашивать, а самой мнѣ было неловко и стыдно за себя.

Утромъ я собирала свои вещи въ каютѣ, и онъ пришелъ помочь мнѣ. Я была очень смущена и сконфужена, а на этотъ именно разъ и слѣдовало бы сказать правду, сознаться, что вчерашняя вспышка—нехорошее пятно на моей совѣсти. Но, когда онъ обнялъ меня и посмотрѣлъ мнѣ въ лицо безконечно счастливыми, вѣрящими глазами, у меня не хватило мужества не отвѣтить на поцѣлуй и не оставить его въ заблужденіи.

Дома я тоже все откладывала объясненіе, тѣмъ болѣе, что онъ упорно молчалъ, а цѣловать себя я разрѣшала безъ протестовъ. Было даже хуже, иногда, когда меня особенно мучила тоска о Штурмѣ, я пыталась заглушить ее, удвоивъ вниманіе къ Мишѣ. Въ такія минуты онъ имѣлъ всѣ основанія жестоко обманываться на мой счетъ и думать, что я не помню себя отъ любви...

Я нашла у себя нѣсколько писемъ: отъ Лены и Тани, отъ Гончаровой и Рахили.

Два письма Гончаровой были остроумны и веселы.

О Штурмѣ она писала только, что почти не видитъ его, а когда видитъ, то отъ него такъ же мало толку, какъ отъ использованнаго трамвайнаго билета.

Никитинъ вернулся, его присутствіе было необходимо на стройкѣ, и Таня жила съ нимъ на дачѣ, недалеко отъ Гончаровой. О Танѣ я ничего больше не узнала, и ея двѣ открытки съ припиской Гончаровой, мнѣ ничего не сказали.

Сейчасъ же я написала и той, и другой, требуя обстоятельныхъ отвѣтовъ. Но Таня отвѣтила только, что путешествіе было великолѣпно, родители любезны и ласковы, мужъ вѣренъ и заботливъ, а сама она изнываетъ отъ жары и бездѣлья, спитъ ночью въ гамакѣ и жалѣетъ, что въ свое время не вышла замужъ за эскимоса,—«все, чай, было бы прохладнѣе!»

Гончарова надъ своимъ письмомъ поставила подзаголовокъ: «Въ высшей степени секретно».

... «Ваша подруга престранное созданіе. Я никогда не разберу шутитъ она самыми серьезными вещами, или тутъ есть и доля правды. Недавно сказала мнѣ:—«Завидую всѣмъ, кто безсердеченъ, особенно Машѣ. Она на моемъ мѣстѣ купила бы мужу хорошій револьверъ и рекомендовала бы ему узнать, есть ли еще жизнь за гробомъ или нѣтъ, да кстати ужъ и не мозолить ей глаза».—Что вы на это скажете? Я не рѣшилась ее допрашивать, тѣмъ болѣе, что она очень мила съ мужемъ. А потомъ она спросила меня, всѣ ли мужчины отвратитель-

ны, когда ихъ одолѣваетъ страсть, или есть исключенія?—Это уже симптомъ, имѣйте все это въ виду.

До отъѣзда въ Москву оставалось нѣсколько дней, и я съ удовольствіемъ думала, что теперь у меня будетъ много времени. Я докончу повѣсть и найду еще тьму интересныхъ для меня дѣлъ. А пока я только читала, строила планы и готовила докладъ, чтобы прочесть въ какой-нибудь маленькой аудиторіи и провѣрить себя, могу ли я просто говорить съ каѳедры, или буду сбиваться, и мнѣ лучше читать по тетради.

— Тебѣ ужъ опять некогда,—сердился Миша.—Вѣдь такъ будетъ некогда и всю жизнь. И куда ты только торопишься?

Но я не тороплюсь, я попросту не могу ни минуты провести безъ дѣла.

Я попросила маму переписать мой докладъ, и надо было видѣть, какъ усердно она выводила буквы, прямая и маленькая, похожая на прилежную школьницу.

У нея прекрасный почеркъ, и съ работой она справилась отлично. Но лучше всего былъ ея наивный восторгъ:

— Какая ты умница, Маша... Я даже многаго и не поняла въ твоемъ докладѣ!

Мнѣ было странно называть матерью этого вѣчнаго ребенка, и мнѣ никогда даже въ голову не приходило просить ея разрѣшенія что бы то ни было сдѣлать.

Однажды я увидѣла, что она пришла на балконъ съ Декамерономъ въ рукахъ.

— Дядя, это вы дали мамѣ Декамерона?—спросила я.

— Нѣтъ... это я сама нашла въ библіотекѣ...—робко отвѣтила мама.

Тогда я взяла у нея книгу:

— Ты не знаешь исторіи этой книги, мамочка, и потому не найдешь въ ней самаго главнаго, того, что ее оправдываетъ и объясняетъ. А безъ этого ее читать, пожалуй, не стоитъ. Какъ вы думаете, дядя?

— Я думаю, что вы правы, Мари. Но можно вѣдь познакомить Елену Дмитріевну съ необходимой литературой по этому вопросу.

— Если она хочетъ...

— Ахъ, нѣтъ, Маша,—взмолилась мама—я совсѣмъ не умѣю читать серьезныя книги. Лучше выбери мнѣ сама что-нибудь для чтенія.

Моими указаніями она осталась очень довольна. Я прекрасно знала ея вкусъ.

Передъ моимъ отъѣздомъ мы съ Мишей вышли вечеромъ въ садъ. Миша, видимо, былъ чѣмъ-то озабоченъ и удрученъ.

— Будь повеселѣе,—попросила я.

Онъ пожалъ плечами:

— Чему мнѣ особенно радоваться?

— Но не о чемъ и горевать.

— Не говори того, чего не думаешь; ты знаешь, какъ мнѣ тяжело. И неужели ты не догадываешься, что давно пора сказать мнѣ что-нибудь опредѣленное?

— То есть?

— Ты не находишь, что мнѣ важно знать, чѣмъ все это кончится?

Я не рѣшилась притворяться непонимающей.

— Предоставимъ это времени, Миша. Сейчасъ я не могу сказать тебѣ ничего. Когда все выяснится для меня самой, мы поговоримъ.

Въ этотъ моментъ онъ сидѣлъ у моихъ ногъ и моя рука лежала на его головѣ. Казалось, всѣ элементы любви были налицо, не было только самой любви.

— Что именно тебѣ не ясно?—спросилъ онъ, еще далекій отъ подозрѣній.

— Мое собственное отношеніе къ тебѣ

Онъ всталъ на ноги, весь покраснѣвъ.

— Ну, эти шутки, Маша, ты оставь. Нашу близость можно объяснить или любовью, или твоей испорченностью, чтобы не сказать больше.

— Это я и сама хочу провѣрить

— Ахъ, вотъ даже какъ? Но ты надѣюсь, знала, что я люблю и уважаю тебя, смотрю на тебя, какъ на будущую жену. Теперь оказывается, что я могъ бы... что у меня были основанія...

— Не стѣсняйся, Миша. Говори прямо, что я соблазнила тебя обѣщаніемъ выйти за тебя замужъ, и ты пропустилъ хорошій случай,—насмѣшливо сказала я, хотя смѣяться было довольно опасно, я еле узнавала его.

Онъ схватилъ мою руку.

— Случай я не пропустилъ! Я и сейчасъ могу это доказать, я знаю тебя.

— Одну минуту,—сказала я,—выслушай меня, вѣдь я не отказываюсь, и ты...

— Ты лжешь,—прошепталъ онъ, и я чувствовала, что ему не хватаетъ голоса, что онъ потерялъ всякое самообладаніе.— Ты лжешь, какъ лгала до сихъ поръ, но моей женой ты все-таки будешь. Я не остановлюсь больше ни передъ чѣмъ. Съ тобой всѣ средства хороши.

Я не чувствовала обиды, вѣдь онъ былъ правъ.

Но его гнѣвъ, его бѣшенство испугали меня. Совершенно ясно было, что это другой человѣкъ, котораго я не знала до сихъ поръ, и что человѣкъ этотъ ускользнулъ отъ моей власти, да, можетъ быть и отъ своей собственной.

Въ минуту нѣсколько плановъ замелькало у меня въ головѣ, надо было какъ-нибудь прекратить эту сцену.

Древняя Ева проснулась во мнѣ.

— Миша, вѣдь не о себѣ одной я думаю. Стою ли я такого человѣка, какъ ты? Я только испорчу тебѣ жизнь, какъ бы я ни старалась ее украсить и сдѣлать счастливой.

Но древняя Ева во мнѣ плохо знала свое дѣло и мои слова только подлили масла въ огонь.

— Объ этомъ у тебя было время подумать,—крѣпко стиснувъ мои руки, прошепталъ Миша, и я съ ужасомъ увидѣла что онъ смѣется.

— У тебя было время, но ты пустила его въ ходъ, чтобы разбудить во мнѣ звѣря, а теперь дрожишь и пугаешься... Ты все-таки женщина, какъ всѣ другія... отлично, это развязываетъ мнѣ руки. Съ другомъ я не поступилъ бы такъ...

— Чего ты хочешь?

Онъ взялъ мою голову въ руки, нѣсколько разъ поцѣловалъ меня...

Да что же это, что съ нимъ!

Я совсѣмъ растерялась, не понимала ровно ничего и видѣла только, что онъ опасенъ сейчасъ для насъ обоихъ.

— Прости меня, милый!

Былъ ли это маневръ все той же Евы, или жалость взяла верхъ надъ страхомъ, но я сама обняла Мишу.

— Прости меня, я сдѣлаю все, что ты хочешь!

Онъ отстранилъ меня немного, пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и неожиданно спокойно сказалъ: «Идемъ!»

Мнѣ оставалось только послѣдовать за нимъ. Когда мы подошли къ балкону, я почти успокоилась. Миша овладѣлъ собой.

Наши всѣ «сумерничали» на балконѣ.

— Вы опоздали къ чаю,—сказала мама.

Миша наклонился къ ея рукѣ.

— У меня есть извиненіе,—сказалъ онъ,—я сдѣлалъ предложеніе вашей дочери и получилъ ея согласіе. Вы не противъ нашего брака, тетя Лена?

Нужно ли говорить, что прежде всѣхъ и больше всѣхъ удивилась именно я и почти не слышала ни возгласовъ изумленія, ни поздравленій, ни разспросовъ...

Уже поздно вечеромъ, скорѣе ночью, я вышла опять въ садъ, такъ какъ не могла спать.

Я долго стояла одна, подставивъ лицо вѣтру, не пытаясь собрать разметавшихся мыслей. Какой-то важный шагъ былъ сдѣланъ, и я не думала отступать.

Дверь балкона скрипнула,—это вышелъ вслѣдъ за мной Миша.

Подошелъ ко мнѣ.

— Ну-съ, моя дорогая невѣста! Впередъ насъ двигаютъ только поступки, не правда ли? Долгія размышленія ни къ чему не ведутъ.

Его слова, его глаза были холодны. Онъ стоялъ передо мной, засунувъ руки въ карманы, глядя на меня сверху внизъ, чуждый и странный.

Я вдругъ подумала: «А что, если я скажу ему о Штурмѣ?»

Но тамъ, около Штурма стояла Ирина, насмѣшливая и увѣренная...

— Люби меня, какъ можешь, сильнѣе,—прошептала я.

XXI

Въ Москвѣ Таня встрѣтила меня на вокзалѣ, блѣдная, постарѣвшая и какая-то тихая.

Сначала я стала разсказывать о себѣ, мнѣ хотѣлось услышать, что она скажетъ.

Я разсказала, какъ изъ мелкихъ, почти незамѣтныхъ, ошибокъ, ложныхъ шаговъ, трусливыхъ умалчиваній создалось что-то большое и непоправимое. Клубокъ недоразумѣній увеличивался съ каждымъ днемъ, и въ результатѣ—я невѣста человѣка, хорошаго, близкаго, но такъ мало любимаго, что если бы кто-то захотѣлъ...

— Берегись, онъ можетъ захотѣть,—перебила меня Таня,—онъ не встрѣчается больше съ Гончаровой, и, кажется, это уже настоящій конецъ. По крайней мѣрѣ, такъ онъ сказалъ моему супругу, они вѣдь друзья.

Горячая волна подступила къ моему лицу. Я слегка задохнулась, и еле сдержала нервныя слезы.

— Что ты говоришь, Таня!

— А ты что такъ волнуешься? Вотъ видишь, какъ все это неладно!

— Вижу и не скрываю. Но что дѣлать теперь? Заглушить все, остаться съ Мишей и ни на кого больше не смотрѣть? Я смогу это сдѣлать, воли хватитъ, но это только дружба, симпатія, долгъ, а онъ захочетъ большой любви и въ бракѣ будетъ ясно, что ея нѣтъ.

— О чемъ ты спрашиваешь меня, если сама такъ ясно все видишь?

— Я не кончила. Я не въ силахъ сказать все Мишѣ, поправить дѣло... Это такъ глубоко оскорбительно для него. Повѣрь мнѣ, Таня, я не лицемѣрю, когда говорю, что ясно сознаю всю мою подлость, и поступаю все-таки противъ совѣсти.

— Напрасно. Лучше испортить человѣку годъ жизни, чѣмъ

всю жизнь. Ты, и правда, Маша, не годишься въ жены, развѣ только въ «невѣрныя», но ему это едва ли по душѣ.

— Что же дѣлать? Я слишкомъ мало люблю его для жены, и слишкомъ много, чтобы мучить его... Ахъ, не то я говорю! Помоги, Таня! Скажи что-нибудь.

Таня встала съ мѣста и подошла къ окну.

За окномъ накрапывалъ дождикъ, въ комнатѣ было холодно и неуютно, потому что не было еще занавѣсокъ, мебель стояла въ чехлахъ, на стульяхъ валялись мои неубранныя вещи.

Меня охватила тоска. Я безсильна и безпомощна передъ жизнью. Есть что-то сильнѣе меня, что заставляетъ меня дѣлать ошибки, ни минуты не сомнѣваясь въ томъ, что это именно ошибки, а не правильные шаги.

Неужели я такъ нелѣпо размотаю жизнь, безъ толку и смысла!

Таня обернулась.

— Видишь ли, Маша, видишь ли...

Она съ трудомъ собиралась съ мыслями, еще больше поблѣднѣла, и брезгливая гримаса все время набѣгала на ея лицо.

— Въ чемъ дѣло, Таня?

Она перевела духъ.

— Не мнѣ учить тебя. Все, что я могу, это предостеречь тебя отъ глупости, которую сдѣлала сама. Можно жалѣть, можно цѣнить умъ и сердце, можно любить братской любовью, но все это летитъ къ чорту послѣ первыхъ же объятій. Бракъ совершается не для насъ самихъ и нашихъ личныхъ удобствъ, а для какихъ-то другихъ цѣлей. Ничего ни предугадать, ни обдумать заранѣе мы не можемъ. Легко можетъ быть, что твой бракъ съ Мишей окажется на рѣдкость счастливымъ, но такъ же легко можетъ оказаться и несчастнымъ. Вы оба тутъ не причемъ. Я даю тебѣ слово, что любила Нику такъ, какъ это мнѣ доступно, но теперь я ненавижу его... ненавижу до того, что хочу ему всякаго зла. Меня не трогаютъ больше его страданія, не восхищаютъ его талантливость, его чудесная душа, его любовь ко мнѣ... Я дрожу отъ отвращенія, когда вспоминаю его лицо, его руки, прикосновеніе...

Она съежилась, закрыла лицо ладонями. Потомъ продолжала:

— Ради Бога, Маша, не повтори этого. Бракъ сначала союзъ тѣлъ, а потомъ ужъ душъ, души не нуждаются въ двухспальной кровати... Если совпадаетъ и то, и другое,—это великое счастье, но если приходится выбирать, то выбирай тѣло. Все простишь привлекательному внѣшне человѣку, и ничего тому, котораго противно поцѣловать!

— Мнѣ не противно цѣловать Мишу.

— Иди ещ. дальше. Иначе будетъ то же, что со мной. Я точно умерла. Сѣрая, нудная, глупая жизнь...

Стало еще тоскливѣе.

— Поѣдемъ къ тебѣ, Таня,—предложила я.—Очень ужъ тутъ неуютно, даже лампы не горятъ путемъ...

— Это онѣ безъ Леночки такъ. И чего Ника на ней не женился! Были бы они счастливы, какъ боги. Но знаешь что! Если ты не очень устала, одѣнься-ка ты какъ слѣдуетъ, а я поѣду домой, тоже переодѣнусь и вызвоню Павлищева и Луневича. Поѣдемъ вмѣстѣ куда-нибудь ужинать. И скорѣе заводи у себя телефонъ, а то...

— Теперь скоро, хотя и не стоитъ...

— Почему? Ахъ да... Ну,, до твоей свадьбы еще много воды утечетъ, повѣрь мнѣ!

Она ушла и скоро вернулась съ Павлищевымъ и Луневичемъ. Опять она стала какъ будто прежней, развеселилась, разговорилась. А я безконечно обрадовалась милому «Пьеро», который такъ хорошо «во всѣ зубы» улыбался.

— У васъ волосы созданы для самыхъ эффектныхъ причесокъ,—сказалъ онъ мнѣ —а вы не умѣете причесываться. Дайте-ка я вамъ это устрою.

И онъ принялся дѣлать мнѣ прическу съ искусствомъ, какому позавидовалъ бы не одинъ парикмахеръ

Мы отправились въ «Прагу».

— И пропащій же мы народъ,—весело сказала Таня, усаживаясь за столъ въ маленькомъ кабинетѣ.—Домашней обстановкѣ предпочитаемъ кабакъ, законнымъ мужьямъ какихъ-то, прости Господи, безпризорныхъ...

— То-то я радуюсь, что мнѣ не удалось на васъ жениться, —отозвался Павлищевъ.—Сидѣлъ бы я теперь дома, а вы здѣсь съ Никитинымъ обо мнѣ бы сокрушались и пили бы за мое здоровье и за мои добродѣтели. Будь я Парисомъ, я отдалъ бы яблоко Леночкѣ. Жена должна быть Юноной!

— Но ваше яблоко уже надкусила Афродита,—усмѣхнулась Таня.

— И разъ даже слегка лизнула Миневра,—не сдержалась я.

Мы смѣялись и веселились потомъ до поздней ночи, но безъ обычной схватки между Павлищевымъ и Таней дѣло все же не обошлось. Таня, не долюбливавшая Штурма, замѣтила вскользь, что онъ, «какъ всѣ мужчины», дѣлаетъ карьеру даже изъ любви къ ближнему.

— Какъ это такъ?—немедленно прицѣпился Павлищевъ.— Изъ чего вы это заключаете?

— Вижу,—упрямилась Таня.—Строитъ санаторій, ищетъ тамъ какой-то ядъ для туберкулезныхъ бактерій, а самъ честолюбецъ ужасный. Ужь я это знаю.

— Стыдитесь говорить такую чушь! Ищетъ ядъ, а самъ честолюбецъ. Что это за бабье разсужденіе!

Изъ поднявшейся вслѣдъ за этимъ бури еле можно было выхватить, что, съ одной стороны, мужчины и умирать-то любятъ съ трескомъ, да еще на глазахъ у публики... они готовы чертить проекты собственныхъ монументовъ... они всякую идею превращаютъ въ окаменѣлость или въ прокрустово ложе... христіанскую любовь насаждаютъ съ помощью огня и меча... а супружескую... да они устроили настоящій департаментъ любви... чиновники... себялюбцы...

Съ другой стороны не уступалъ и Павлищевъ.

— Отлично! Мы вотъ утвердили себя съ нашимъ честолюбіемъ и себялюбіемъ, и всѣмъ прочимъ... а вы, самоотверженныя и мудрыя, плететесь гдѣ-то на пристяжкѣ, и мы еще не имѣли случая убѣдиться, что вы не чиновницы и не узколобыя законницы... еще намъ двадцать очковъ впередъ дадите...

Затѣмъ оба несли вздоръ уже исключительно на зло другъ другу.

Мнѣ и Луневичу это быстро надоѣло, и мы пригрозили тѣмъ, что перейдемъ въ другой кабинетъ. Это подѣйствовало.

— Помиримся,—какъ ни въ чемъ не бывало,—сказала Таня, чокаясь съ Павлищевымъ.—Тѣмъ болѣе, что вы правы. Еслибы вы знали, до чего скучны и бздарны женщины въ массѣ! Лѣнтяйки, сплетницы...

Павлищевъ перебилъ великодушно:

— И все-таки онѣ лучше нашего брата. Тоже хороши! Мелкота, зависть, узколобость...

Мужчины получили свою долю брани...

— И Штурмъ славный малый,—созналась Таня, ставя рюмку на столъ.—Все у него какъ-то разумно, честно, скромно. И не честолюбецъ онъ, конечно, я клевещу на него. Просто завидую этой внутренней цѣльности и силѣ... Не могу только понять его отношенія къ Иринѣ. Люди они умные и другъ друга любятъ. Ну, что еще имъ нужно?

— Гончарова вашего поля ягода,—сказалъ Павлищевъ,—а вы не годитесь въ жены.

— Ну-ка, выразитесь яснѣе,—вступилась теперь ужъ я.

— Могу! Только какъ бы это... ну... теплоты въ васъ, что ли, нѣтъ настоящей. Помните, какъ у Чехова въ «Свадьбѣ» посаженый отецъ говоритъ объ электричествѣ? «Сунутъ туда уголекъ, и думаютъ глаза отвести. Нѣтъ, ты подавай мнѣ огонь, который настоящій, а не умственный».

— Браво, браво,—обрадовалась Таня.—Павлищевъ, милый, да я просто въ восторгѣ отъ васъ. Вы сказали именно то, что я всегда думала!

Павлищевъ просіялъ.

— Это золотыя слова! И разсуждаете вы совсѣмъ, какъ чеховскій посаженый отецъ! Полная иллюзія!

Сіянье на лицѣ Павлищева быстро померкло при общемъ хохотѣ.

А вдругъ онъ правъ? — подумала я про себя.

XX

Кернъ грѣлась въ большомъ креслѣ у камина.

— Просите Никитина подправить какъ-нибудь вашъ милый домъ. Подумайте, вы составляете такой чудесный контрастъ съ этимъ анахронизмомъ. Дѣвицы-модернъ и деревянный домъ съ каминомъ и съ кухней въ подвальномъ этажѣ! Теперь этого по всей Москвѣ не сыщешь.

Она куталась въ пледъ, подставляя озябшія ноги веселому огню. Яркое зимнее солнце подчеркивало всѣ дефекты потертыхъ креселъ, выцвѣтшихъ обоевъ и полинявшихъ ковровъ, но цвѣты и чистота являлись на выручку. Отъ зоркихъ глазъ Лены не укрывалась ни одна пылинка, и все, что могло блестѣть, блестѣло, что есть мочи.

Матильда принесла кофе и поставила его на столикъ подлѣ Кернъ.

— И кофе такого тоже нигдѣ больше не встрѣтишь. Ужасно боюсь, что всѣ хорошія женщины, вродѣ Леночки, скоро вымрутъ, и мы останемся горькими и безпріютными холостяками, весь уютъ и всѣ кухонные рецепты погибнутъ вмѣстѣ съ ними.

— Ничего, химики изобрѣтутъ что-нибудь для капризныхъ аппетитовъ,—успокоила я.

— Химики! Ихъ только не хватаетъ! Нѣтъ, по мнѣ хорошія привѣтливыя женщины куда милѣе и нужнѣе химиковъ. Кстати, вѣдь, вы скоро окончите вашу повѣсть? Что же вы не спѣшите ее пристроить? Давно пора.

— Милая Ольга Владимировна, я затѣмъ и просила васъ придти сегодня, чтобы на этотъ счетъ посовѣтоваться.

— Имѣйте въ виду, что, если вашъ талантъ не ошеломляетъ сразу, то вамъ придется туго.

— Я не думаю, что онъ ошеломляетъ сразу,—улыбнулась я.

— Хорошо, будемъ надѣяться, что онъ захватываетъ постепенно. Но начнемъ мы съ того, что вы прочтете двѣ-три главы у меня въ присутствіи людей, которые могутъ быть вамъ полезны.

— Боюсь я этого.

— Вздоръ. Закажите себѣ хорошенькое платье, причешите

волосы прилично, а то вы причесаны, какъ попадья, Сусанна Петровна приготовитъ вамъ лицо...

— То есть?

— Т. е. изъ вашего лица «Матрешки», правда—недурной, сдѣлаетъ лицо интеллигентной женщины. Вѣдь вы даже не пудритесь, это просто смѣшно. Я уже не говорю о большомъ гримѣ, куда вамъ, но маленькій вечерній макильяжъ необходимъ.

— Но я все же надѣюсь, что для меня вы сдѣлаете исключеніе.

— Господи, до чего вы бываете иногда старомодны.. И что это за мѣщанскій страхъ передъ гримомъ! Наши бабушки и даже дѣды пудрились и румянились во всю. И это только красиво, увѣряю васъ. Впрочемъ, послушайте лучше Сусанну Петровну, она докажетъ вамъ, что гримъ дѣлаетъ чудеса.

И она принялась передразнивать Сусанну Петровну, «директриссу» института красоты.

— «Ко мнѣ пришелъ мадамъ Цацарофф, и это биль стари лошадь, а теперь за ней ухаживаль жандармски польковникъ...» Вы представляете себѣ, что можно сдѣлать изъ васъ, если какая-то «старая лошадь» подцѣпила жандармскаго полковника! А въ общемъ, вы удивительно наивны!..

Она произнесла это въ тотъ самый моментъ, какъ я подумала: «Боже мой, до чего она наивна!»

Она продолжала:

— Но гдѣ же вашъ пустоцвѣтъ, Таня? Ужъ кончала бы она свой брачный водевиль. Мы недавно говорили о ней. мы, «Аспазіи». И нашли, что васъ, «Амазонокъ», все-таки некому сѣчь, чтобы вы тамъ ни толковали.

— За что именно?

— А вотъ за такія штуки! На что похоже, что взрослая разумная дѣвушка по доброй волѣ выходитъ замужъ за умнаго, добраго, талантливаго человѣка, и начинаетъ куралесить чуть не на другой же день послѣ свадьбы. Онъ некрасивъ, правда. Но онъ не вчера подурнѣлъ. И къ тому же, зачѣмъ мужу красота? Мужъ—уважаемый человѣкъ, товарищъ на всю жизнь, у нихъ одно имя, одна жизненная цѣль, одни взгляды...

— Подождите, Кернъ, все это вѣрно, но тутъ есть кое-что что трудно преодолѣть...

— Слыхала! Тоже чепуха! Капризы темперамента. Для такихъ вещей существуютъ Луневичи Но съ ними о мужьяхъ даже и говорить не принято. Это раньше «друзья дома» считались чуть не героями, а законные мужья чуть не дураками. Теперь кончено. На паразитовъ домашнихъ очаговъ такъ и смотрятъ, какъ на паразитовъ, альфонсовъ и темныхъ лично-

стей. И на мѣстѣ Тани, если ужь она не можетъ обуздать себя, я устроила бы мужу покойную счастливую жизнь, а Луневича...

— Довольно, дорогая, у меня уши вянутъ,—перебила я.

— У меня тоже, когда я слушаю о похожденіяхъ Тани,—парировала Кернъ.

— Вы разсуждаете, какъ элементарная мѣщанка!

— А вы, какъ монахиня изъ Декамерона!

— Вы открыто проповѣдуете самую отвратительную пошлость и подлость.

— Ну, это надо еще доказать! Вѣдь мы не сами творили себя по нашему плану, а дѣлала это природа, намъ остается только дать ея непристойному замыслу сколько-нибудь пристойную и пріемлемую форму.

— Недурная пристойность!

— И очень! Пускай природа влетаетъ въ окно, съ этимъ мы безсильны бороться, но двери... двери должны быть заперты!

При этомъ она съ самымъ серьезнымъ видомъ подняла палецъ и смотрѣла на меня, какъ смотритъ какая-нибудь патронесса пріюта Магдалинъ на свою питомицу.

Почему-то я вспоминаю о Штурмѣ, о Мишѣ, обо всѣхъ моихъ романахъ и теряю охоту спорить...

— Мы разучились любить, это ужасно. Я потеряла всякое представленіе объ истинной, хорошей любви!

Кернъ дѣлается еще торжественнѣе.

— Я тоже! Этому искусству надо посвятить жизнь, а мы ужь научились цѣнить многое другое, кромѣ любви, въ этомъ все дѣло.

— Напримѣръ?—съ интересомъ спрашиваю я.

— Напримѣръ, свободу, самостоятельность, право мѣнять привязанности, когда хотимъ. Скажите-ка сами, на чемъ бы вы остановились, еслибы вамъ предложили выборъ между счастливой любовью и удачной литературной карьерой?

Я вскрикнула:

— Ну, вотъ еще!

— Вотъ видите, для васъ нѣтъ даже сомнѣній. Но неужели вы не знаете моментовъ, когда вы съ наслажденіемъ послали бы къ чорту всю вашу карьеру ради прекрасныхъ глазъ... кого бы это... ну, Нежанова, что ли, или Штурма, я никакъ не могу разобрать, «кого же дѣва сердцемъ избрала?».

Одного имени Штурма было достаточно, чтобы сразу всколыхнуть во мнѣ душу. А что, еслибы онъ самъ спросилъ меня объ этомъ?

Приходъ Никитина меня выручилъ. Кернъ закричала:

— Легокъ на поминѣ! Мы только что говорили о васъ. А Таня гдѣ?

— Не могу вамъ сказать, должно быть, бѣжала въ Америку. Но что за морозы! Я зашелъ погрѣться.

Онъ сѣлъ поближе къ камину и подбросилъ дровъ.

Я давно не видѣла его днемъ: онъ сталъ еще некрасивѣе, и сердце больно сжалось у меня, когда я приглядѣлась къ порѣдѣвшимъ вискамъ, къ углубившимся линіямъ у рта, къ глазамъ, утратившимъ огонь и живость...

— Хотите кофе, Ника?—спросила я.

Онъ кивнулъ головой.

— Я пойду къ Леночкѣ на минутку,—сказала Кернъ,—и кстати попрошу прислать вамъ кофе.

Мы остались одни. Нужно было какъ-нибудь развлечь и утѣшить его, но я могла только молча провести рукой по его мягкимъ кудрямъ. Онъ взялъ мою руку и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее нѣжно и пламенно, понявъ безъ объясненій, какъ я страдала сейчасъ за него...

— Маша, дорогой мой другъ, вѣдь Таня ушла вчера и до сихъ поръ не возвращалась...

— Всюду ли вы справлялись. Ника?

— Всюду, гдѣ это удобно. Лена тоже спрашивала у всѣхъ. Хорошо, что у васъ есть теперь телефонъ...

— Не у Гончаровой ли она?

— Зачѣмъ? Онѣ не такъ близки!

Кернъ вернулась:

— Вамъ несутъ кофе. А Лена по уши занята. И какъ только она умудряется быть такой здоровой и сильной. Я ни разу не видѣла, каъ она ѣстъ или спитъ.

Мы стали говорить о разныхъ пустякахъ и Никитинъ былъ такъ спокоенъ и сдержанъ, что я еле вѣрила своимъ глазамъ. Но притворство это или отчаяніе?

Кернъ, наконецъ, собралась уходить:

— Ну, я бѣгу, мнѣ давно пора быть въ редакціи. Да не забѣжите ли и вы туда черезъ часокъ, Марья Васильевна? Я затѣю тамъ одинъ разговоръ, а вы меня поддержите.

Я обѣщала и пошла проводить ее въ переднюю.

Она зашептала:

— Таня негодная жена, это правда, но и Никитинъ... уффф!.. Хоть бы искра энергіи, силы, какого-нибудь мужского начала. Я и женщинъ-то не люблю, когда онѣ распускаются, а отъ такого мужчины просто тошнитъ.

— Вы, однако, не хотѣли понять, что отъ этого могло тошнить и Таню.

— Не хотѣла и не хочу. Надо было видѣть это раньше.

Она ушла, разсерженная. Я вернулась къ Никитину. Онъ разсѣянно мѣшалъ ложкой кофе и не замѣтилъ даже, какъ я вошла. Не отвѣтивъ на мой вопросъ о какомъ-то пустякѣ, онъ вдругъ заговорилъ оживленно:

— Знаете, Маша, мы вчера долго спорили съ Штурмомъ. Онъ говоритъ, что женится только на женщинѣ, которую никуда не тянетъ, на лѣнтяйкѣ, которая будетъ сидѣть дома, на капризницѣ, которую хочется баловать, но непремѣнно на преданной ему одному, на очень женственной...

— Женственной!—возмутилась я.—Но для этого онъ самъ долженъ быть мужественнымъ. Ахъ, тамъ ищутъ женщину тутъ мужчину, точно оба пола пропали. Впрочемъ, такъ оно и есть. Я вотъ не нахожу для себя мужчины... Я хочу сказать, настоящаго носителя вѣчно мужественнаго. Мелькнетъ иногда что-нибудь въ этомъ родѣ, присмотришься, а изъ-подъ тонкаго налета такъ и прорывается мяготѣлый мирный обыватель.

— Какимъ вы себѣ представляете вашего носителя вѣчно мужественнаго?

Онъ уже улыбался и съ любопытствомъ ждалъ отвѣта.

— О, прежде всего сильнымъ, настойчивимъ... Онъ долженъ быть бѣднымъ и фанатичнымъ, рыцаремъ идеи... во всякомъ случаѣ не отцомъ, не мужемъ, «не хорошимъ семьяниномъ»...

— Все это красивыя слова, Маша, но сейчасъ нѣтъ и не можетъ быть ни Лоэнгриновъ, ни Донъ-Кихотовъ. Надо же съ этимъ считаться. Какъ вы его себѣ конкретно представляете?

— Конкретно? Ну, хотя бы въ образѣ борца за какую-нибудь идею. Онъ можетъ быть ученымъ, литераторомъ, общественнымъ дѣятелемъ, но такъ, чтобы его дѣло поглощало всѣ личныя выгоды, всѣ разсчеты...

— Развѣ такихъ нѣтъ?

— Есть, но я не нашла такого для себя.

— Возьмите Штурма. Онъ рѣшилъ спасти человѣчество отъ цѣлаго ряда болѣзней, и, если понадобится, не задумается привить себѣ любую гадость... Согласитесь, что это уже кое-что. Но стоитъ ли тогда рисковать быть его супругой? Онъ, пожалуй, не прочь будетъ и вамъ предложить подвергнуться какому-нибудь научному опыту.

Я еле сдерживала улыбку радости и гордости за Штурма.

— Ну, что жь! Я бы не отказалась. Только вѣдь онъ ищетъ вѣчно-женственнаго, а какая же я Маргарита или Пенелопа! Посудите сами!

— Да, на Пенелопу вы не похожи, что и говорить, и до Маргариты вамъ далеко. А ужъ какъ мы соскучились по Маргаритамъ и Пенелопамъ, еслибы вы только знали!

— Стыдитесь, Ника,—сказала я.—Неужели въ насъ нѣтъ совсѣмъ ничего хорошаго?

Онъ сталъ серьезенъ и нахмурился.

— Какъ не быть, но все это не про насъ... Не того мы хотимъ.

— Чего же?

— Отдыха. Я былъ «натасканъ» вами, какъ гимназистъ передъ экзаменомъ, а теперь вижу, что проваливаюсь. Право, по вашей милости мы, то есть я, вашъ кузенъ, Штурмъ, Павлищевъ, всѣ мужчины, которые окружаютъ васъ, устали, потеряли почву подъ ногами. Теперь мы мечтаемъ о старозавѣтной семьѣ, съ вѣрностью, съ дѣтьми, съ цѣломудріемъ жены и властью мужа.

Я не хотѣла возражать ему особенно рѣзко: понимала, что онъ пришелъ ко мнѣ озлобленный и измученный, но отъ маленькаго укола все-таки не воздержалась:

— Разведитесь съ Таней и женитесь еще разъ. Только не берите такихъ, какъ я, Ирина, Кернъ, Таня... Добродѣтельныхъ и смирныхъ Маргаритъ еще такъ много...

— Поздно теперь. Вы отравили насъ. Знаемъ, что все въ васъ гибельно, горько, непрочно и безпокойно, но на чистую воду уже не можемъ перейти. Но я задерживаю васъ, идите, мнѣ нужно сказать слова два Леночкѣ.

Мы простились внѣшне по-дружески, но я была задѣта и слегка обижена.

Въ редакціи журнала, гдѣ мы съ Кернъ были постоянными сотрудницами, я застала обычную картину. Въ редакторской, мутной и ненужно огромной, сидѣлъ равнодушный ко всему міру редакторъ, Владимиръ Федоровичъ. Противъ него Кернъ брезгливо держалась на кончикѣ стула, вся красная и злая. Мальчишка принесъ черный чай въ большихъ липкихъ стаканахъ.

Облокотившись о столъ, нашъ присяжный поэтъ, онъ же и завѣдующій объявленіями, Моисей Ильичъ Файнъ, псевдонимъ «Арбенинъ», ерошилъ свои великолѣпные кудри, щурилъ томные глаза и цѣдилъ:

— Но это ново, ново, и при томъ такъ неожиданно прелестно... «Въ рдяной чащѣ вертограда...».

— Э, вздоръ,—лѣниво басилъ Владимиръ Федоровичъ,—ужасный вздоръ. Скажите лучше, какъ вы раздѣлались съ этой толстой дамой?

— Это насчетъ ея родильнаго пріюта? Да все устроилось, пойдетъ въ слѣдующемъ номерѣ...

Моисей Ильичъ обладалъ способностью мѣнять настроеніе съ такой же быстротой, какъ и темы.

Кернъ увидала меня:

— Ага! Вотъ и она. Скажите, Марья Васильевна, развѣ

правда, что вы «съ благодарностью» берете десять копѣекъ за строчку, когда даже Капринскому, неучу и бездарности платятъ двѣнадцать?

— Во всякомъ случаѣ безъ энтузіазма,—вступилась я, сразу понявъ, въ чемъ дѣло.

Мы принялись «насѣдать» на Владимира Федоровича изъ-за двухъ копѣекъ за строчку и отвоевали-таки ихъ, какъ онъ ни упирался.

Уходя, мы ясно слышали, какъ онъ пустилъ вслѣдъ

— Чортово бабье!

Но насъ это мало трогало.

XXIII.

Таня телефонировала откуда-то, что она придетъ къ намъ ночевать позднѣе, можетъ быть, очень поздно, и просила о ней не бозпокоиться. Лена разсердилась, но мнѣ почему-то стало тяжело за Таню, и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше становилась тоска. Было нестерпимо жаль Таню. По звуку ея голоса, по тону умышленной бравады, я угадывала, какъ она борется съ собой и какъ глубоко страдаетъ. Всего семь часовъ вечера, она придетъ еще не скоро, а мнѣ такъ захотѣлось посмотрѣть въ ея глаза, попытаться ее утѣшить.

Лена собралась къ Рахили. Спросила меня, не пойду ли я хоть «въ кои-то вѣки разъ» взглянуть на мальчика Рахили и посвятить ей самой нѣсколько минутъ.

— Нѣтъ, не пойду,—почти рѣзко отвѣтила я.—У меня нѣтъ охоты говорить о дѣтскихъ болѣзняхъ и о гигіенѣ беременности.

Лена хмурится:

— Не говори такъ, ты знаешь, какъ Рахили плохо живется.

— Оттого-то я и не иду. Не люблю людей, которымъ плохо живется.

Лена густо краснѣетъ:

— Это ново! Но тогда почему ты жестока только къ Рахили?

— Никакой жестокости тутъ нѣтъ. Просто, мнѣ скучно у нея. Противный зеленый мужъ, противный желтый ребенокъ и еще другой наготовѣ...

— Она въ этомъ не виновата... Къ Танѣ ты, однако, много снисходительнѣе...

Я моментально выхожу изъ себя:

— Вотъ и прекрасно! Носись съ твоей мамашей-Рахилью, какъ съ писаной торбой, а меня оставь. Я нахожу, что всѣхъ больныхъ надо отравить, а всѣхъ нытиковъ перевѣшать!..

— А тебя надо посадить на цѣпь, какъ бѣшеную!—разражается Лена.

— Ужь не вы ли съ мадамъ Фишъ посадите меня на цѣпь? Но чего ты добиваешься отъ меня, не понимаю, и почему не уходишь?

— Я добиваюсь справедливости къ Рахили и приличнаго отношенія къ ней.

— Удовольствуйся просто искренностью: меня возмущаетъ Рахиль, я нахожу ее слишкомъ нетребовательной, слишкомъ мѣщанкой, прѣсной, скучной, сѣрой. Таня была права: Рахиль изъ тѣхъ женщинъ, для которыхъ бракъ—могила души.

— Не Танѣ говорить объ этомъ съ такимъ апломбомъ!

— Именно ей.

— Нѣтъ не ей, да и не тебѣ! Обѣ вы грубыя эгоистки, и обѣ не представляете себѣ, что можно любить ребенка и мужа, каковы бы они ни были.

— И понимать не хотимъ! Мужъ долженъ быть силенъ и энергиченъ, а ребенокъ здоровъ. А она вышла замужъ за завѣдомо больного Фиша и собирается имѣть неопредѣленное количество завѣдомо негодныхъ дѣтей. Это-то и есть грубый эгоизмъ, но ни ты, ни Рахиль этого во вѣкъ не поймете...

— Куда ужь намъ! Но все-таки патентованнымъ умницамъ не мѣшаетъ напомнить, что не только мужъ и ребенокъ должны быть имъ по вкусу, но и женѣ не грѣхъ попытаться быть приличнѣе, да кстати ужь и невѣстѣ...

Я бросаюсь лицомъ внизъ на диванъ и больше не возражаю ни звука на всѣ упреки и обвиненія Лены. Она уходитъ наконецъ, глубоко возмущенная.

А что, если Рахиль любитъ своего мужа, какъ я Штурма? Можетъ быть, и сильнѣе, и мучительнѣе. Смогла ли бы я сама во имя какихъ-то постороннихъ соображеній отказаться отъ счастья быть его женой и матерью его ребенка?

Не знаю. Это такъ трудно себѣ представить. Но вотъ сейчасъ между нимъ и мной нѣтъ никакихъ другихъ преградъ, кромѣ его равнодушія ко мнѣ. Будь я мужчина, онъ—женщина, я бы грубо добивалась его любви. Но въ качествѣ женщины я только жду, я только позволяю себѣ не скрывать отъ него моей радости и тревоги, когда я вижу его, вотъ и все.

Беру въ руки маленькое зеркало со стола. Ну, на наружность мнѣ лучше не разсчитывать. Я похудѣла и поблѣднѣла, изнервничалась, какъ старая дѣва или молодая вдова. Я хочу любви Штурма и должна или добиться ея, или побѣдить себя окончательно, всѣми средствами... Попытка обратить чувство на Мишу не удалась, вышла только некрасивая, жестокая игра человѣческимъ сердцемъ, да еще добрымъ и преданнымъ.

Потомъ, не совсѣмъ ясно сознавая, что именно я собираюсь дѣлать, я иду къ телефону:

— Вы не заняты сейчасъ, Андрей Павловичъ?

— Занятъ, какъ всегда, но поговорю съ вами все-таки съ удовольствіемъ.

— Мнѣ мало этого, мнѣ необходимо васъ видѣть...

— Даже необходимо! Когда же вы хотите, чтобы я пріѣхалъ къ вамъ?

— Возможно скорѣе, сейчасъ...

— Вы нездоровы?

— Хуже...

— Ого! Тогда черезъ полчаса я буду у васъ. Очень радъ, что смогу оказать вамъ какую-нибудь услугу и очень польщенъ вашимъ довѣріемъ.

Въ его голосѣ слышна улыбка, и я прихожу въ отчаяніе: никогда, никогда не смогу я отдѣлаться отъ его власти надо мной. Пускай это обыкновенный порядочный человѣкъ, не очень молодой, не очень красивый, совсѣмъ не похожій ни на одного изъ моихъ воображаемыхъ героевъ, но, Боже мой, могла ли я думать, что обаяніе прямой и ясной мужественной души такъ неодолимо для меня? Я мысленно сравниваю его съ собою. Стою ли я его? Я суетна и въ глубинѣ души честолюбива. я жадно спѣшу жить, боюсь, не прошла бы мимо меня какая-нибудь невѣдомая мнѣ радость жизни. Иногда мнѣ хочется устраивать жизнь, но гораздо чаще и больше просто использовать ее для себя. Но Штурмъ совсѣмъ не знаетъ, что такое личная радость. Къ себѣ самому онъ безконечно равнодушенъ. Онъ бѣденъ, хотя зарабатываетъ много: всѣ средства уходятъ на опыты... Я думаю о немъ съ возрастающимъ чувствомъ нѣжности и восхищенія, а время идетъ, черезъ четверть часа онъ будетъ здѣсь.

Зачѣмъ я позвала его, что я скажу? И, чтобы не думать объ этомъ, я подвигаю къ себѣ клеенчатую растрепанную тетрадку, куда вотъ уже два года какъ вношу разные парадоксы, афоризмы и прочія случайныя мысли, такъ, ради забавы, чтобы посмотрѣть потомъ, чѣмъ я была и о чемъ думала...

«Знаніе привидѣнное и мечтательное, коего вкусивши, человѣцы глупѣйшіи бываютъ неразумныхъ, ибо, весьма темны сущи, мнятъ себя быти совершенны. Ѳеофанъ Прокоповичъ».

Это записано было для Павлищева.

«Есть два чуда на свѣтѣ: звѣздное небо надъ нами и нравственный законъ внутри насъ. Кантъ».

А вотъ и два афоризма «собственной кухни»:

«Разумъ дѣлаетъ насъ свободными, чувство—рабами».

«Горящій духъ творитъ, угасающій критикуетъ».

Захлопываю тетрадь. Я надоѣла себѣ самой, мнѣ хочется

обмѣнять мое «я» на какое-нибудь другое, а то я всюду тащу его за собой, какъ калѣка сломанную ногу. Теперь спрашивается, что я скажу Штурму?

Его звонокъ застаетъ меня врасплохъ, онъ пришелъ раньше, чѣмъ я думала.

— Скажу, что было скверное настроеніе, тоска, что просто хотѣлось его увидѣть... поговорю о Танѣ...

Но онъ уже входитъ, протягиваетъ мнѣ обѣ руки, улыбаясь смотритъ мнѣ въ глаза.

— А я, признаться, и не ждалъ такой чести. Ну-съ, такъ что же случилось?

Онъ сегодня такой, какимъ я люблю его всего больше, какимъ часто его себѣ представляю.

Онъ не догадывается, онъ не любитъ меня,—мелькаетъ въ головѣ. И почти сквозь слезы, скороговоркой, съ отчаяньемъ и ужасомъ въ душѣ, я говорю:

— Простите меня, что я васъ вызвала, потому что мнѣ совсѣмъ нечего сказать вамъ... я...

— Нѣтъ, я вижу, что что-то есть.

Я перебиваю его:

— Я хочу быть вашей женой, Андрей Павловичъ... то есть нѣтъ... я хочу, чтобы вы любили меня... если можете...

Онъ ошеломленъ такъ, точно я стрѣляю ему въ лицо изъ револьвера; но я не даю ему опомниться:

— Не отказывайтесь отъ меня, вѣдь я вамъ нравлюсь немного, не отвергайте меня.

Я еще о чемъ-то прошу, что-то обѣщаю, но все это уже не нужно ни мнѣ, ни ему. Ласковыя руки легкимъ движеніемъ скользятъ по моимъ волосамъ, онъ приподнимаетъ мое лицо и смотритъ мнѣ въ глаза близко, близко...

— Неужели это не капризъ, Маша? Неужели вы думаете, что я смѣю мечтать о такомъ счастьѣ, какъ ваша любовь?

Я собираю всѣ свои силы, чтобы самымъ позорнымъ образомъ не расплакаться отъ волненія.

— Вѣдь это... вѣдь это я сдѣлала вамъ предложеніе...— дрожа съ головы до ногъ и нервно смѣясь, говорю я.

— Да, я былъ слишкомъ глупъ, чтобы рѣшиться на это. Я такъ боялся отказа. И вообще мнѣ не казалось возможнымъ... я старъ для васъ. Я и сейчасъ плохо вѣрю во все это: что я такое? Вы скоро разочаруетесь во мнѣ...

Онъ, сильный и умный, считалъ чуть ли не честью для себя предложеніе со стороны вздорной дѣвчонки, измотавшейся въ поискахъ собственной души. Онъ продолжалъ:

— Но я не буду считать этотъ вопросъ рѣшеннымъ, пока вы не узнаете все, что вамъ необходимо знать.

Я засмѣялась:

— Что же именно я должна знать?

— Очень многое. Я по многимъ причинамъ не гожусь въ мужья. Не говоря уже о моемъ возрастѣ, о разницѣ возрастовъ. Но я, кромѣ того, небогатъ, моей женѣ придется имѣть это въ виду. Если я примусь за расширеніе практики, за платный трудъ, мнѣ не удастся заниматься такъ много наукой. Вотъ видите. Какъ тогда быть съ выборомъ между семьей и наукой?

— Выбирайте по вкусу.

— А если наши вкусы не совпадутъ?

— У насъ есть время сговориться. Ну, что, напримѣръ, вы предпочли бы, еслибы сейчасъ пришлось выбирать между мной и вашимъ любимымъ дѣломъ?

Я положила руки ему на плечи. Онъ улыбнулся, хотѣлъ наклониться ко мнѣ, но я отодвинулась.

— Рѣшайте сейчасъ. До вашего отвѣта я не поцѣлую васъ...

Тогда онъ сталъ серьезенъ. —

Всего полчаса тому назадъ ничто не предвѣщало мнѣ, что я переживу одинъ изъ самыхъ страшныхъ и значительныхъ моментовъ моей жизни. Я смотрѣла въ лицо человѣку, котораго просила быть моимъ мужемъ, съ любовью къ которому казалась безсильной бороться, и въ его глазахъ читала приговоръ себѣ.

Черезъ нѣсколько мгновеній онъ медленно, съ тяжкимъ усиліемъ надъ собой, отвелъ мои руки:

— Я отказался бы отъ васъ, Маша. Но вы должны вѣрить, что сейчасъ мнѣ такъ тяжело, какъ никогда еще не было за всю мою жизнь... Я долго и хорошо скрывалъ мою мечту о васъ, даже отъ самого себя, а сейчасъ мнѣ кажется, что вы не сможете простить мнѣ... я и самъ отталкиваю васъ. Попытайтесь понять, если можно...

Волненіе не давало мнѣ перебить его, но я все-таки скоро овладѣла собой:

— Одну минуту...

Я обняла его:

— Конечно, такъ, и только такъ вы должны были отвѣтить, и я недостойна была бы васъ, если бы потребовала лжи и притворства. Совсѣмъ не нужно любить меня на смерть, совсѣмъ не нужно ничего измѣнять въ вашей жизни ради меня. Я люблю васъ, а не кого-то, что не похожъ на васъ.

Кажется, я хотѣла сказать что-то куда болѣе понятное, но какъ выразишь словами вещи, о которыхъ не принято много разговаривать?

Ничего путнаго и опредѣленнаго мы сказать не успѣли и особенно къ этому не стремились, но главное было налицо: предложеніе сердца не было отвергнуто, а рука... вопросъ о

«рукѣ» я отложила, благо онъ самъ не ставилъ его на очередь. Онъ только просилъ сегодня же написать Мишѣ все.

Когда онъ ушелъ, я сѣла и написала:

— «Дорогой мой. Не спѣши ѣхать въ Москву. Я измѣнила тебѣ и этого не нужно даже стараться исправить. Не даю тебѣ шаблоннаго совѣта «быть мужчиной», но если ты захочешь когда-нибудь и сможешь простить меня за все зло, которое я причинила тебѣ, то это будетъ для меня огромнымъ счастьемъ, вѣдь я все-таки люблю тебя, какъ брата и друга. Маша».

Теперь я могла лечь и предоставить хаосу, поднятому во мнѣ, укладываться въ любыя формы.

Пришла Лена. Она ни за что не легла бы въ постель, не примирившись со мной послѣ недавней стычки. Мы изгнали изъ употребленія обычай объясняться послѣ ссоръ, просто первый, въ комъ стихало раздраженіе, подходилъ и протягивалъ руку другому. Такъ было и сейчасъ, руки мы протянули одновременно.

Я молча указала глазами на письмо къ Мишѣ.

Она прочла, сѣла у стола, и черезъ пальцы ея покатились слезы.

— О чемъ это, Лена?—съ изумленіемъ спросила я.

И сквозь рыданія она отвѣтила:

— Обо всемъ. О тебѣ, о Танѣ, о Рахили. Всѣ пути, прямые и окольные, честные и нечестные ведутъ къ какому-нибудь несчастью. Какъ же жить и что дѣлать?

— Все уладится, Лена.

— Нѣтъ. Многое уже не поправишь. Ты и Таня ведете себя такъ, точно весь міръ предоставленъ вашему милостивому усмотрѣнію. Измучили Нику, Мишу, я не говорю уже о нѣкоторыхъ другихъ. И сама я никуда больше не гожусь...

— Да ты-то почему?

— Я потеряла почву подъ ногами. Какъ бы я ни сопротивлялась, я уже не могу смотрѣть на вещи иначе, чѣмъ ты и Таня. Но вѣдь мнѣ не нравится ни единый вашъ шагъ! Сегодня я сердилась на тебя за Рахиль, а вотъ была у нея и все время чувствовала себя предательницей. Она мила и добра и несчастна, я очень страдаю за нее. Но настоящимъ образомъ я люблю васъ, эгоистокъ и вѣтрениць, и вашу любовь я смертельно боюсь потерять. Права во всемъ Рахиль, но я больше всего боюсь походить на нее. Не ужасно ли, что мнѣ почти смѣшны и ея кротость, и ея вѣрность, и все хорошее въ ней, а ты накричала на меня сегодня, наговорила грубостей, и я еле дождалась, когда приду домой и поцѣлую тебя. И еслибы Таня...

Оглушительный, нетерпѣливый звонокъ затрезвонилъ въ прихожей и не прекращался, пока мы не впустили Таню.

— До свиданія, Пьеро,—бросила она кому-то черезъ пле-

И вошла, румяная, яркая, смѣющаяся. Даже прихожая точно сдѣлалась нарядпѣе отъ ея большой шляпы, мѣха, брилліантовъ и запаха духовъ. Сейчасъ же заговорила громко:

— А я думала, что вы уже спите, потому такъ и звонила. Здравствуйте, милыя дѣвочки, и угостите меня чаемъ, я буду ночевать у васъ. Не удивляйтесь. А если будете предлагать мнѣ глупые вопросы, то получите умные отвѣты... въ двухъ шагахъ отъ истины. Истина шляется нагишомъ, и вы сконфузитесь.

Мы благоразумно воздержались отъ глупыхъ вопросовъ.

Леночка принялась кипятить воду.

Столовая была ярко освѣщена, и тутъ бросилось въ глаза, что шляпа сбилась въ сторону надъ спутанной прической Тани, на щекахъ горятъ красныя пятна, глаза расширены и обведены темными кругами.

Но она смѣялась:

— Не стройте непроницаемыхъ лицъ, благоразумныя дѣвы, и дайте мнѣ скорѣе что-нибудь съѣсть, не могу привыкнуть къ ресторанной ѣдѣ, только пью, какъ писатель изъ народа.

— Хоть бы разсказала, гдѣ была и какъ веселилась,—робко попросила Леночка.

— Была я, моя мадонна, въ разныхъ учрежденіяхъ и, какъ и подобаетъ Коломбинѣ, въ обществѣ милаго Пьеро. При этомъ и Пьеро, и учрежденіе положительно составляли одно цѣлое, такъ, что я не рѣшилась портить стиль. Ахъ, хорошая все-таки вещь—стройный, красивый юноша, веселая болтовня, вино. Начинаю вѣрить, что красота имѣетъ смыслъ, и что въ мірѣ есть только одна удачная комбинація: молодой красивый мужчина и молодая красивая женщина. Все остальное—суррогаты и развратъ, а при этой комбинаціи все пойдетъ гладко и все станетъ на мѣсто. Когда ты примешься умничать, Маша, прими это въ разсчетъ и провѣрь на опытѣ. Кромѣ того, мнѣ интересно было узнать, всѣхъ ли цѣлуешь, какъ суринамскую жабу или только моего Арлекина. Представьте, не всѣхъ! Настоящее открытіе.

— Таня,—дрожа и краснѣя, сказала Леночка,—подумай, ты всего нѣсколько мѣсяцевъ замужемъ и уже...

Таня перебила:

— Леночка! Совершенно достаточно быть замужемъ одинъ единственный день, чтобы проклясть день свадьбы. Но ты не пугайся, я не измѣнила Арлекину. Нѣтъ, онъ сумѣлъ меня отравить и застраховать отъ «измѣнъ». Но я хуже сдѣлала, я измѣнила моему Адаму, единственному... не дождалась его, а теперь я его больше не стою...

— Ну, хватитъ теперь возни на всю ночь,—подумала я, и попыталась предупредить истерику:

— Что же ты не берешь цыпленка, Таня, или кусочекъ сыру?..

— Спасибо. Да ты не бойся, Маша, очередной скандалъ сегодня уже былъ.

Я покраснѣла за себя.

— Неужели нельзя какъ-нибудь уладить твои отношенія съ мужемъ, Таня?—спросила Лена:—вѣдь такъ вы вгоните въ гробъ другъ друга.

— Можно. Самое лучшее мнѣ уйти теперь же. Но еслибы вы знали, какъ трудно съ живого человѣка сдирать кожу. Я отказалась быть его женой, и это не капризъ... мнѣ казалось, что меня обнимаетъ паукъ, и хотѣлось прямо кричать и молить о помощи. Что подѣлаешь. Онъ хорошій человѣкъ и понялъ это, просилъ только остаться съ нимъ, пока онъ не примирится съ мыслью о разлукѣ. Я согласилась, но онъ любитъ все больше и больше, ко всѣмъ ревнуетъ, все видитъ и слышитъ, точно у него сотня глазъ, хотя ничего не говоритъ. Это настоящій кошмаръ! Я всюду вижу его глаза, какъ у виноватой собаки. Онъ выслѣживаетъ меня, и я никогда не ручаюсь, что я одна, все хочется внезапно вскочить и распахнуть дверь. Я стала лгать и обманывать ради ощущенія свободы. Но толку мало. Тутъ есть что-то, отъ чего не отдѣлаешься. Какая-то невѣдомая внѣшняя сила, мы ея игрушки, и всѣ наши разсужденія летятъ вверхъ ногами, когда госпожѣ природѣ угодно бываетъ покапризничать. Какъ бороться съ ревностью, со страстью, съ отвращеніемъ? Помогаетъ только смерть. Но почему умирать должна я, а не онъ?

Она застучала по столу.

— Я, а не онъ! Но если я умру, онъ все равно не будетъ свободенъ отъ любви и горя.

Лена кусала губы:

— А если онъ?

— Тогда я вздохну свободно. Буду жалѣть объ умномъ и добромъ архитекторѣ и художникѣ, какъ жалѣютъ о талантѣ, погибшемъ вѣка два-три тому назадъ, но въ то же время буду радоваться, что меня больше не преслѣдуетъ отвратительный фавнъ. Вѣдь онъ точно изъ-подъ земли выростаетъ... Ай!...

Она вскрикнула, вскочила, разрыдалась: Леночка уронила крышку чайника, и ей показалось, что въ комнатѣ есть еще кто-то. Мы спѣшно утѣшали ее, давали капли, но она билась и кричала:

— Онъ здѣсь, вы спрятали его, скажите правду!

Съ трудомъ удалось успокоить ее, и, какъ обычно, она успокоилась внезапно, разсмѣявшись надъ собой:

— Ну, не дура ли я! Это все коньякъ! Лучше всего раздѣться и лечь.

Мы облекли ее въ японскій халатъ, причесали и заплели косу на ночь.

— «Кто прежней Тани, бѣдной Тани теперь въ княгинѣ бъ не узналъ»,—прошептала она, оглянувшись на себя въ зеркало.—Здорово я истратилась и издержалась. Я, Маша, лягу въ твою постель, она широкая и мягкая, а ты ужь переселись сегодня въ мою комнату, кстати она заготовлена для Миши, и ты будешь видѣть его во снѣ.

— Она его и на яву-то отказалась видѣть,—сорвалось у Леночки.

Таня широко раскрыла глаза

— Что я слышу! Повторите это еще разъ.

— Штурмъ сдѣлалъ мнѣ сегодня предложеніе... То есть я сдѣлала предложеніе Штурму, и онъ его принялъ,—быстро сказала я.

— Кратко и сильно. А Миша? Но откуда эта волчья тактика? Съ Мишей ты придерживалась змѣиной.

— Брани меня скорѣе и ложись въ постель.

— Нѣтъ, бранить не за что. Еслибы я во время сумѣла поступить такъ, какъ ты, не произошло бы со мной и съ Никой этого несчастья.

— И все-таки я поступаю скверно,—созналась я.—Мнѣ жаль Мишу, а я ничего не дѣлаю, чтобы смягчить ему непріятность...

— Нѣтъ ничего хуже, опаснѣе и оскорбительнѣе жалости, Маша. Она умѣстна только по отношенію къ тѣмъ, кто ниже по духу или слабѣе насъ. Моя жалость къ Никѣ—величайшая изъ мерзостей, какія я по отношенію къ нему совершала. Знаешь, я могла бы простить даже насиліе надъ собой, измѣну, грубость, но никогда не простила бы, еслибы, допустимъ, человѣкъ женился на мнѣ изъ состраданія.

Леночка насмѣшливо пожала плечами:

— Итакъ?

— Итакъ, Миша самъ справится со своимъ горемъ и навсегда останется уважаемымъ и дорогимъ другомъ для Маши, какъ и она для него.

— Объ этомъ надо сначала спросить самого Мишу.

— Вѣрно. Но не раньше, какъ черезъ годъ. Во время болѣзненной операціи хочется умереть, а потомъ благодарить Бога за то, что не умеръ.

— Да здравствуетъ волчья тактика!

— Напрасно иронизируешь. Или тебѣ нравится, какъ я влетѣла съ овечьей?

— Не очень. Для себя я выбрала бы просто человѣческую. Оно и ближе, и естественнѣе.

— То есть?

— То есть не начинала бы того, чего не могу съ честью закончить, только и всего. Съ самаго начала было видно, что ни ты съ Никой, ни Маша съ Неждановымъ совсѣмъ не подходите другъ къ другу. Не было ни непреодолимой любви, ни исключительной духовной близости. Ну, вотъ, обѣ и влетѣли.

— А ты увѣрена въ томъ, что никогда ни въ чемъ не ошибешься и не влетишь?

— Нѣтъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что я не должна видѣть вашихъ ошибокъ и не называть вещи своими именами.

— Какъ ты называешь наши поступки?

— Твой—глупостью, а Машинъ подлостью.

— Подадимъ другъ другу руки, Маша. Мы... Впрочемъ, Лена права. Она не заставитъ страдать никого и вовсе не потому, что она безстрастна. Въ ней есть какой-то хорошій регуляторъ. Всѣ его хвалятъ и уважаютъ, то есть всѣ мужчины, конечно. Но рѣшительно никто не согласенъ любить такъ, какъ любятъ въ насъ наше змѣиное и волчье начало.

Лена нервно вмѣшалась.

— Но вѣдь и я сама люблю васъ обѣихъ, не смотря ни на что. Ругаю, осуждаю, а все-таки люблю. Мы только что говорили объ этомъ съ Машей. За минуту до твоего прихода. Я думаю, что ты останешься съ нами, Таня, совсѣмъ и навсегда. Но объ этомъ поговоримъ завтра. Ложись наконецъ.

На глазахъ у нея были слезы. Таня какъ-то поникла сразу и угасла. Потомъ подняла на Леночку печальные, спокойные глаза.

— А вѣдь я оскорбила тебя. Прости. Тебя мало цѣнятъ не потому, что ты недостаточно привлекательна, а потому, что ты создана для человѣка больше, чѣмъ для звѣря. Но еслибы ты знала, какъ силенъ проклятый звѣрь. Какъ онъ вопитъ и голоситъ и заглушаетъ всѣ человѣческія разсужденія.

Лена почти не слушала и чуть не насильно укладывала Таню. Мы сѣли у кровати въ ожиданіи, когда она уснетъ. Засыпая, она шептала:

— Пьеро сидитъ, какъ статуя... Это хорошо. Сдѣлай онъ одно только движеніе и я выброшу его за дверь.

Е. В. Бровцына.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Подоходный налогъ на Западѣ и у насъ.

Съ 1 января 1917 года у насъ будетъ взиматься общеподоходный налогъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Послѣ многихъ мытарствъ подоходный налогъ все же восторжествовалъ, одержалъ побѣду надъ своими многочисленными врагами. Въ области подоходнаго обложенія, какъ и во многомъ другомъ, мы сильно отстали. Не только Англія и Германія,—въ чемъ ничего страннаго нѣтъ,—но и Италія, Голландія, Индія опередили насъ въ этомъ отношеніи. Періодомъ борьбы за подоходный налогъ являлась на Западѣ послѣдняя четверть XIX вѣка и первое десятилѣтіе XX-го. Въ настоящее время прогрессивное подоходное обложеніе входитъ въ спеціальный инвентарь всякаго культурнаго государства наравнѣ съ конституціоннымъ строемъ, всеобщимъ обученіемъ, свободой рабочихъ союзовъ. Подоходный налогъ означаетъ проникновеніе соціальнаго момента въ налоговую систему, является признакомъ перехода отъ стараго сословнаго государства къ общественному строю, основанному на болѣе справедливыхъ началахъ. Конечно, это только первый шагъ. Въ настоящее время и въ области податной выдвигаются уже новыя требованія и осуществляются новыя мѣры. Двадцатый вѣкъ перестраиваетъ всю податную систему на совершенно новыхъ основаніяхъ. Но для этого необходимъ въ качествѣ базиса подоходный налогъ: онъ является исходной точкой для дальнѣйшихъ податныхъ реформъ въ соціальномъ направленіи.

I.

Впервые подоходный налогъ появился въ Англіи, и Англія являлась долгое время единственной страной съ подоходнымъ обложеніемъ [1]).

---

[1]) О подоходномъ налогѣ въ Англіи см. Озеровъ. Подоходный налогъ въ Англіи. 1898. Покровскій. О подоходномъ налогѣ. 1915. Dowell. Income-tax. 6 edit. 1908. Seligman. The Income Tax. 1911. Vocke. Geschichte der Steuern des Britischen Reiches. 1866.

Въ Англіи уже съ XVII ст. существовали поразрядные налоги, взимавшіеся соотвѣтственно соціальному положенію плательщика, причемъ наиболѣе высоко облагались титулованныя лица, ибо „если послѣднія и не владѣютъ крупнымъ имуществомъ, то все же титулъ обезпечиваетъ имъ такое мѣсто, котораго они въ противномъ случаѣ не могли бы занимать“. Поэтому, согласно акту 1641 г., герцогъ платилъ 100 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, маркизъ—80 ф., графъ—60 ф., виконтъ или баронъ—40 ф.; джентльменъ, если онъ расходуетъ 100 фунтовъ въ годъ, платилъ 5 ф. ст.; если его расходъ меньше, налогъ составлялъ отъ 40 до 1 шилл., а все прочее населеніе подлежало подушной подати въ 1 пенсъ. Въ этой схемѣ обложенія существенной является градація, установленная для джентльмена, хотя она приводится въ связь еще не съ доходами, а съ расходами его—въ зависимости отъ того, составляютъ ли его расходы 100, 50, 20, 10 или 5 фунтовъ, онъ платилъ налогъ въ 5 ф., 40 шилл., 5, 2 или 1 шилл.

Но тотъ же принципъ обложенія по титулу и рангу и по расходамъ проводился въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, при помощи налоговъ на роскошь—на мужскую прислугу, на лошадей, на право выставлять гербы на экипажахъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ связи съ этими налогами на роскошь или на расходы и возникъ подоходный налогъ. Онъ былъ установленъ въ самомъ концѣ XVIII ст., когда велась война съ французской республикой, чтобы „искоренить гидру революціи“, какъ говорили тогда. Государственный долгъ Англіи, составлявшій въ 1793 г. 238 милл. ф. стерл., увеличился къ 1798 г., т. е. за пять лѣтъ, еще на 118 милл. ф. или возросъ въ полтора раза. Въ Амстердамѣ возникалъ вопросъ о томъ, долго ли Англія еще въ состояніи будетъ уплачивать проценты по своимъ долгамъ, а англійскіе писатели утверждали, что либо нація должна уничтожить свои долги, либо долги уничтожатъ ее. Питтъ по старой привычкѣ прибѣгъ къ увеличенію акцизовъ и къ введенію новыхъ, причемъ „ни одного способа, кажется, не было пропущено, при помощи котораго можно было бы обложить подданнаго налогомъ; лицамъ, изобрѣтавшимъ новые налоги, выдавались награды“. Появились и новые налоги на роскошь—на женскую прислугу, на перчатки, на шляпы и часы, на пудру для волосъ, на собакъ. Они вызвали большое неудовольствіе среди аристократіи. Герцогъ Норфолькскій, одинъ изъ богатѣйшихъ людей Англіи, выразилъ свой протестъ противъ налога на пудру тѣмъ, что, вопреки установившемуся обычаю, перестал пудриться и запретилъ употреблять пудру своимъ слугамъ; напротивъ, герцогъ Бедфордскій устроилъ демонстрацію противъ налога, приказавъ пудрить хвосты лошадямъ. Налогъ на собакъ былъ выдуманъ нѣкіимъ Дентомъ якобы въ цѣляхъ борьбы съ водобоязнью, вызываемой большимъ количествомъ собакъ. Дентъ получилъ прозвище Dog-Dent и въ парламентѣ ему совѣтовали не

опасаться водобоязни, ибо, по существующему въ Голландіи повѣрью, укушеніе бѣшеной собаки дѣлаетъ человѣка умнымъ. Жаловались и на то, что налогъ вызоветъ избіеніе собакъ, а между тѣмъ „армія собакъ въ Ямайкѣ сражается успѣшно съ бѣглыми невольниками, поддерживая дѣло общественнаго порядка, гуманности и религіи (!!)“.

Но протесты и насмѣшки не остановили Питта; онъ, напротивъ, еще усилилъ обложеніе состоятельныхъ лицъ, заставивъ въ 1798 г. тѣхъ, кто уплачивалъ налоги на роскошь (на мужскую прислугу, лошадей, собакъ, часы и т. д.), вносить еще дополнительный налогъ, который взимался сообразно размѣру налоговъ на роскошь. Если сумма налоговъ на роскошь, уплачиваемыхъ даннымъ лицомъ, составляла менѣе 25 фунтовъ ст., то дополнительный налогъ взимался въ троекратномъ размѣрѣ этой суммы, если налоги на роскошь равнялись 25—30 ф. ст., то добавочный налогъ устанавливался въ 3½ кратномъ размѣрѣ; при болѣе высокой суммѣ налоговъ на роскошь дополнительный налогъ уплачивался въ 4, 4½ и 5-кратномъ размѣрѣ. Мало того, Питтъ не ограничился чисто-механическими надбавками къ налогамъ на роскошь, но установилъ и извѣстную связь между добавочнымъ налогомъ и доходомъ плательщика. Именно добавочный налогъ не долженъ былъ вовсе распространяться на лицъ съ доходомъ ниже 60 фунт. ст.; съ тѣхъ, кто имѣетъ 60—65 ф. ст., онъ не долженъ превосходить $^1/_{120}$ дохода; при доходѣ въ 65—70 ф. ст. онъ не долженъ превышать $^1/_{95}$ дохода и т. д.,—вплоть до дохода въ 200 ф. ст. и выше, когда добавочный налогъ долженъ составлять не свыше $^1/_{10}$ дохода. При этомъ плательщикъ, находящій, что взимаемый съ него добавочный налогъ выше указанныхъ предѣльныхъ нормъ, долженъ подать объ этомъ заявленіе, представить декларацію размѣровъ своего дохода за своей подписью и за подписью двухъ свидѣтелей; если комиссіонеры внутренняго обложенія, какъ они назывались, признавали ходатайство правильнымъ, то они понижали налогъ.

Какъ мы видимъ, въ приведенномъ законѣ 1798 г. имѣются уже главные элементы подоходнаго обложенія. Установленъ свободный отъ обложенія прожиточный минимумъ, такъ какъ лица, имѣющія менѣе 60 фунтовъ дохода, не подлежали совсѣмъ добавочному налогу. Установлена прогрессія въ обложеніи (отъ 0,8 проц. дохода), такъ какъ добавочный налогъ не долженъ превышать на низшей ступени $^1/_{120}$ дохода, на дальнѣйшихъ ступеняхъ $^1/_{95}$, $^1/_{70}$, $^1/_{65}$, $^1/_{60}$ и т. д., на высшей же ступени (при доходѣ свыше 200 ф. ст.) онъ можетъ доходить до $^1/_{10}$ дохода. Есть и зачатки декларацін: кто желаетъ воспользоваться правомъ быть обложеннымъ не свыше опредѣленной части дохода, долженъ сообщить, каковъ этотъ доходъ, декларировать его размѣры. Не хватало лишь одного—нужно было разорвать связь между нало-

гами на роскошь и подоходнымъ налогомъ. Вмѣсто того, чтобы подоходный налогъ взимался въ опредѣленномъ кратномъ отношеніи къ налогамъ на роскошь, не превышая лишь извѣстной доли дохода, необходимо было установить, что онъ попросту долженъ равняться такой-то и такой-то части дохода. Такъ и поступилъ Питтъ въ слѣдующемъ году, сохранивъ лишь вторую часть прежняго закона—предѣльные оклады налога были сдѣланы нормальными. Налогъ освободился отъ своей скорлупы въ видѣ налоговъ на роскошь и выступилъ на свѣтъ въ чистой формѣ подоходнаго налога, взимаемаго въ зависимости исключительно отъ величины дохода, причемъ плательщикъ обязанъ былъ объявить свой доходъ—подать декларацію.

Подоходный налогъ былъ введенъ на покрытіе расходовъ, вызываемыхъ войной, и какъ только въ 1802 г. былъ заключенъ Амьенскій миръ, такъ тотчасъ же въ парламентъ посыпались петиціи съ требованіями объ отмѣнѣ этого „дьявольскаго“ налога, ибо онъ противорѣчитъ основамъ британской конституціи и правамъ и привилегіямъ жителей свободной страны и наноситъ ущербъ торговлѣ, промышленности и кредиту; населеніе скорѣе готово—говорилось въ петиціяхъ—отдать девять десятыхъ своего имущества государству, чѣмъ уплачивать этотъ ненавистный налогъ. Пришлось отмѣнить подоходный надогъ, сохраняя его про запасъ на будущее время.

Но уже годъ спустя возобновившіяся военныя дѣйствія снова заставили Англію прибѣгнуть къ нему. Форма обложенія и все построеніе его были однако значительно измѣнены. Прежняя форма, при которой устанавливался весь доходъ даннаго лица, независимо отъ того, изъ какихъ источниковъ онъ получался, причемъ обязательна была подача декларація о доходѣ, являлась слишкомъ совершенной для того времени, была сопряжена въ тѣ времена со слишкомъ большими затрудненіями. Питту принадлежитъ большая заслуга въ томъ, что онъ впервые создалъ подоходный налогъ, включилъ его въ податную систему Англіи, провозгласилъ самый принципъ подоходнаго обложенія. Но онъ игнорировалъ при построеніи этого налога историческій опытъ прошлаго, условія соціальной жизни и податную технику того времени. Въ Англіи, классической странѣ свободы индивида, органы правительства не могутъ проникать въ домъ, поскольку они не посланы судьей; это было бы нарушеніемъ свободы. „My home is my castle“. Населеніе помнило еще тѣ времена, когда существовалъ поочажный сборъ, при которомъ сборщики налога могли входить въ домъ и провѣрять количество очаговъ; этотъ налогъ создавалъ рабство для населенія, — жаловались впослѣдствіи въ парламентѣ, — ибо чужіе люди могли вторгаться въ жилище и производить обыски. Онъ былъ одной изъ причинъ изгнанія Стюартовъ и съ воцареніемъ

Вильгельма III въ 1689 г. былъ немедленно отмѣненъ. Теперь, съ введеніемъ подоходнаго налога, чиновникамъ, правда, не предоставлялось права проникать въ жилище англичанина, но за то послѣдній обязанъ былъ сообщать размѣръ всего своего дохода и давать возможность постороннимъ лицамъ провѣрять правильность этого заявленія. Въ этомъ правѣ податныхъ органовъ выяснять доходъ каждаго лица англичане усматривали нарушеніе свободы личности, вмѣшательство въ частную жизнь. Злоупотребленія фискальныхъ органовъ, ихъ жестокое отношеніе къ населенію было еще у всѣхъ въ памяти,—времена Стюартовъ еще не были забыты.

По этой причинѣ преемникъ Питта, Аддингтонъ, возстановляя подоходный налогъ въ 1803 году, построилъ его на иныхъ основаніяхъ,—онъ разбилъ весь доходъ на 5 частей, на тѣ пять шедулъ, которыя сохранились и до настоящаго времени. Плательщику не приходилось сообщать общей суммы своего дохода; послѣдняя оставалась тайной. Онъ уплачивалъ доходъ по отдѣльнымъ источникамъ; для каждаго вида доходовъ устанавливался какъ бы самостоятельный налогъ. По шедулѣ A облагалась недвижимость—земли и дома; по шедулѣ B доходъ отъ сельскаго хозяйства,—доходъ фермера; въ шедулу C входятъ доходы отъ государственной ренты и различныхъ иныхъ фондовыхъ бумагъ; шедула D обнимаетъ всѣ доходы отъ промышленности, торговли и всякаго рода профессій; наконецъ, по шедулѣ E облагаются жалованія и пенсіи чиновниковъ.

При этомъ не только общая сумма дохода является тайной, не только устранена ненавистная плательщикамъ декларація о доходѣ (только по шедулѣ D она сохранилась), но и отдѣльные виды доходовъ облагаются не на основаніи опредѣленія дѣйствительнаго размѣра дохода, а по извѣстнымъ нормамъ, по столь распространенной въ тѣ времена и столь свойственной прежней эпохѣ системѣ внѣшнихъ признаковъ. Такъ, напр., доходъ землевладѣльца (шедула A) предполагался равнымъ той рентѣ, которую могъ бы доставлять земельный участокъ, будучи сданъ въ аренду; доходъ арендатора (шедула B) предполагался равнымъ $^3/_4$ уплачиваемой имъ ренты. Другіе виды доходовъ—отъ государственныхъ фондовъ, доходы чиновниковъ—были извѣстны и выясненіе ихъ не требовало никакихъ заявленій со стороны плательщиковъ и никакой провѣрки. Но законъ 1803 г. (и поправки къ нему слѣдующихъ лѣтъ) и тутъ упростилъ технику обложенія,—налогъ уплачивался у источника, онъ вычитался при самой выплатѣ жалованія, пенсіи, процентовъ съ фондовыхъ бумагъ. Точно также фермеръ уплачивалъ налогъ не только со своего дохода, но и съ дохода собственника земли и затѣмъ вычиталъ его при внесеніи арендной платы; должникъ уплачивалъ налогъ съ процентовъ, причитающихся кредитору, и вычиталъ его при уплатѣ долга, — избѣга-

лось, слѣдовательно, непосредственное обращенiе къ землевладѣльцу и кредитору.

Такимъ образомъ подоходный налогъ распался какъ бы на рядъ налоговъ, обложенiе прiобрѣло упрощенный характеръ, устанавливалось на основанiи опредѣленныхъ нормъ. Налогъ взимался автоматически, почти незамѣтно для плательщика,—къ послѣднему нерѣдко вовсе не обращались, не спрашивали его о тѣхъ или другихъ доходахъ, не безпокоили его. Вычетъ налога производился изъ причитающихся ему полученiй, какъ бы за спиной плательщика, подобно тому, какъ акцизъ совершенно невидимо для плательщика включается въ цѣну покупаемаго имъ товара.

Конечно, эта упрощенная техника взиманiя имѣла и свои отрицательныя стороны. Она была несовмѣстима съ новыми принципами обложенiя—свободнымъ отъ налога прожиточнымъ минимумомъ и прогрессiей въ ставкахъ налога. Освобожденiе лицъ съ очень малымъ доходомъ было необходимо, такъ какъ при небольшомъ доходѣ трудно покрыть даже самые необходимые расходы и никакого избытка, который могъ бы быть отданъ государству, не остается; уплата налога въ этомъ случаѣ обозначала бы сокращенiе самыхъ насущныхъ потребностей. При болѣе значительномъ доходѣ взиманiе налога уже возможно, но на низшихъ ступеняхъ дохода оно не можетъ составлять большого процента дохода, тогда какъ съ возростанiемъ дохода этотъ процентъ можетъ и долженъ повышаться: чѣмъ крупнѣе доходъ, тѣмъ большая доля его остается свободной за удовлетворенiемъ необходимыхъ потребностей плательщика и его семьи и, слѣдовательно, тѣмъ большую часть дохода плательщикъ обязанъ передать государству на общiя нужды населенiя.

Правда, кое-что въ этомъ направленiи было допущено въ Англiи закономъ 1803 года: лица съ доходомъ не свыше 50 фунтовъ стерл. были изъяты отъ налога, а лица съ доходомъ отъ 50 до 150 фунт. облагались въ пониженномъ размѣрѣ; при 150 фунт. наступало обложенiе въ 5 проц., которое сохранялось и на всѣхъ дальнѣйшихъ ступеняхъ обложенiя; такъ что лишь до 150 ф. дохода процентъ обложенiя возрасталъ съ увеличенiемъ дохода, при болѣе же высокомъ доходѣ уже устанавливался пропорцiональный налогъ. Кромѣ того, только тотъ могъ воспользоваться освобожденiемъ отъ налога или обложенiемъ въ пониженномъ размѣрѣ, кто доказалъ, что общая сумма его дохода не превышаетъ 50 фунтовъ въ первомъ и 150 фунтовъ во второмъ случаѣ; иначе говоря, эти льготы предоставлялись лишь тому, кто соглашался на выясненiе совокупности дохода, на подсчетъ дохода по всѣмъ источникамъ, вмѣстѣ взятымъ, и кто подавалъ объ этомъ декларацiю. Такъ что въ этихъ случаяхъ необходимо было отступленiе отъ обложенiя дохода по частямъ, безъ всякой связи между ними, отъ упрощенной и авто-

матической техники обложенія,—лучшее подтвержденіе того принципа, что свойственные подоходному налогу признаки въ видѣ изъятія прожиточнаго минимума, скидокъ и т. д. мыслимы лишь тогда, когда имѣется дѣйствительно подоходный налогъ, т. е. налогъ, взимаемый съ общей суммы дохода.

II.

Ту форму, которую англійскій подоходный налогъ получилъ въ 1803 году, онъ сохранилъ вплоть до начала двадцатаго вѣка. Лишь въ послѣдніе годы были введены существенныя измѣненія, хотя система пяти шедулъ существуетъ и въ настоящее время. Но было бы ошибочно думать, что налогъ взимался непрерывно втеченіе свыше столѣтія: онъ просуществовалъ въ своей новой формѣ всего нѣсколько лѣтъ, затѣмъ былъ отмѣненъ и лишь 30 лѣтъ спустя снова возстановленъ на прежнихъ началахъ.

Подоходный налогъ разсматривался въ качествѣ чрезвычайной мѣры,—рессурса, необходимаго на веденіе войны. Поэтому,—какъ мы видѣли,—онъ былъ отмѣненъ въ 1802 г. и снова введенъ въ 1803 г.; по той же причинѣ въ 1815 году, послѣ заключенія мира, населеніе настаивало на упраздненіи его. Когда военный деспотизмъ Франціи—говорится въ одной изъ петицій, поданныхъ въ парламентъ, — угрожалъ свободѣ и независимости Европы, населеніе охотно несло это бремя, не имѣвшее процедентовъ въ исторіи; но теперь, когла Франція побѣждена дважды и занята военной силой, настало время уничтожить его. Въ другой петиціи аргументируется нѣсколько иначе: налогъ этотъ созданъ былъ для гнусной цѣли—поддерживать Людовика XVIII на тронѣ Франціи противъ желанія французскаго народа, съ помощью иностранной арміи, оплачиваемой англійскимъ народомъ; а теперь онъ даетъ возможность содержать въ Англіи военную силу, которая и здѣсь угрожаетъ свободѣ населенія.

Петиціи подавались въ огромномъ количествѣ, были среди нихъ такія, какъ, напр., петиція отъ Сомерсетшира въ 25 ярдовъ длины (ярдъ почти равенъ метру), причемъ подписи шли въ два ряда. Даже рабочіе, не платившіе налога, протестовали противъ него, усматривая въ немъ причину своего бѣдственнаго положенія. Больше всего кричали, конечно, промышленники, о которыхъ еще Вальполь сказалъ, что они не позволятъ вырвать у себя ни одного клочка шерсти безъ того, чтобы не оглушить весь приходъ своими криками. Лишь немногіе благоразумные люди старались „остановить этотъ потокъ общественнаго шума, который заглушаетъ голосъ разсудка". „Здѣсь говорилось,—заявлялъ канцлеръ казначейства въ парламентѣ — что сохраненіе подоходнаго налога есть заговоръ богатыхъ противъ бѣдныхъ. Нѣтъ, я бы сказалъ наоборотъ: отмѣна этого налога была бы заговоромъ, такъ какъ это

взвалило бы на бѣдныхъ то податное бремя, котораго они въ противномъ случаѣ избѣгли бы".

Налогъ былъ отмѣненъ въ 1816 г. Но лордъ Брумъ внесъ кромѣ того предложеніе объ уничтоженіи всѣхъ документовъ, относящихся къ подоходному налогу. Предложеніе было принято, причемъ первоначально предполагалось выскоблить имена плательщиковъ, самые же списки и деклараціи сохранить. Но палата постановила по-просту сжечь всѣ документы, и уже черезъ нѣкоторое время она затребовала отъ податныхъ учрежденій отчетовъ относительно выполненія этой операціи. Такое ауто-да-фе не являлось, повидимому, въ Англіи чѣмъ-либо необычайнымъ; по крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что въ 1806 году, когда былъ отмѣненъ налогъ на желѣзо и на пивовареніе для собственныхъ надобностей, всѣ относящіеся къ этимъ налогамъ документы, по приказанію палаты общинъ, были сожжены. Но такой образъ дѣйствія во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, какой страхъ состоятельные классы въ Англіи питали передъ подоходнымъ обложеніемъ, какъ они хотѣли устранить самую мысль о возможности возвращенія его, уничтожить даже воспоминаніе о немъ, стереть всѣ слѣды подоходнаго обложенія съ лица земли.

Но это не удалось. Подоходный налогъ былъ отмѣненъ, но населеніе его не забыло. Во многихъ петиціяхъ рабочаго класса, поданныхъ въ парламентъ въ началѣ 1830-хъ годовъ, снова упоминается о необходимости подоходнаго обложенія. Рабочіе жалуются на тяжелое бремя косвенныхъ налоговъ, просятъ объ уменьшеніи косвеннаго обложенія и о замѣнѣ его прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ; послѣдній долженъ достигать при доходѣ свыше 8 тысячъ фун. ст. 25 проц. съ дохода. Жалобы усиливаются, ибо косвенное обложеніе втеченіе 30-хъ годовъ становится нестерпимымъ. Акцизы взимаются со всего рѣшительно: облагается ситецъ и коленкоръ, мыло и свѣчи, кирпичъ и черепица, стекло, крахмалъ, бумага; облагается, слѣдовательно, чистота тѣла, наука и образованіе, замѣна деревянныхъ построекъ каменными. „Налоги—говорилъ лордъ Брумъ — установлены на все, что попадаетъ въ ротъ, покрываетъ тѣло или лежитъ подъ ногами; налоги существуютъ на все, что пріятно видѣть, слышать, чувствовать, нюхать или вкушать; налоги—на все на землѣ, въ водѣ и подъ землею; на все, что произростаетъ дома или привозится изъ-за границы; налоги—на сырые матеріалы и на издѣлія изъ нихъ, полученныя трудомъ человѣка; налоги—на всякій кусокъ хлѣба, который съѣдаетъ здоровый человѣкъ, и на всякое лекарство, которое принимаетъ больной; налогъ на горностай, который украшаетъ судью, и на веревку, на которой вѣшаютъ преступника; налогъ на ленты для подвѣнечнаго платья и на бронзовые гвозди для гроба... Умирающій англичанинъ наливаетъ лекарство, съ котораго взимается налогъ въ 7 проц., въ ложку, которая оплачивается

налогомъ въ 15 проц., и ложится въ постель, налогъ съ которой составляетъ 22 проц. ея стоимости; онъ составляетъ завѣщаніе, за которое платитъ 8 фунтовъ ст. пошлины, и испускаетъ духъ на рукахъ врача, который уплачиваетъ 100 фунт. ст. за привилегію довести его до смерти. Все его имущество облагается 2—10-проц. налогомъ, его добродѣтели возвѣщаются потомству на оплаченномъ налогомъ мраморѣ, а главное—онъ самъ отправляется ad patres, чтобы ужь болѣе не платить никакихъ налоговъ".

Противниками акцизовъ были не только рабочіе, но и фабриканты, находившіе, что они удорожаютъ производство и затрудняютъ вывозъ англійскихъ издѣлій за границу. Они отрицательно относились и къ таможенному протекціонизму, къ пошлинамъ на привозные товары. Къ этому присоединился дефицитъ въ бюджетѣ, который невозможно было покрыть дальнѣйшимъ повышеніемъ косвенныхъ налоговъ. Въ этомъ отношеніи были достигнуты предѣлы обложенія. Единственнымъ исходомъ являлся подоходный налогъ. Пиль заключилъ съ промышленниками какъ бы молчаливое соглашеніе: они покупали себѣ свободу торговли подоходнымъ налогомъ. Акцизы понижались, хлѣбные законы и многочисленныя иныя пошлины отмѣнялись, но поступленія отъ нихъ съ избыткомъ покрывались подоходнымъ налогомъ, такъ что дефицитъ въ бюджетѣ устранялся, а принципы фритредерства осуществлялись.

Дѣйствительно, въ 1840-хъ годахъ была произведена коренна реформа. Хлѣбные законы въ 1846 г. были упразднены и замѣнены номинальной пошлиной въ 1 шилл. съ квартера. Изъ 1200 статей таможеннаго тарифа 750 было понижено; въ 1846 г. число статей тарифа сократилось до 500. А вмѣстѣ съ тѣмъ появился подоходный налогъ съ 1842 года. Пиль оправдывалъ введеніе его крайней необходимостью. Онъ успѣлъ сдѣлать столь непопулярный подоходный налогъ почти популярнымъ, сдѣлавъ его средствомъ уничтоженія большого количества налоговъ, которые стѣсняли промышленность на каждомъ шагу и были болѣе обременительны, чѣмъ самый подоходный налогъ.

Промышленники заключили выгодную сдѣлку. Пиль заявилъ имъ: „я вамъ дамъ огромное благодѣяніе, но за это вы должны заплатить; я вамъ дамъ торговлю всего міра, но я обращаюсь къ вашимъ доходамъ". Но, не смотря на выгодность введенія подоходнаго налога для торговопромышленнаго класса, послѣдній „съ присущей ему привычкой торговаться, и въ этомъ случаѣ считалъ не лишнимъ прибѣгнуть къ тому же пріему, который нерѣдко въ частной жизни приводилъ къ выгоднымъ результатамъ", тѣмъ болѣе, что инипіатива введенія налога исходила отъ правительства, слѣдовательно, создавала выгодное положеніе для представителей торговли и промышленности. Этимъ объясняются, повидимому, тѣ протесты, которые и теперь раздавались противъ возста-

новленія подоходнаго налога. Въ петиціяхъ говорилось объ инквизиторскомъ характерѣ налога, о томъ, что онъ обозначаетъ гибель англійской свободы, что уничтоженіе его привѣтствовалось съ такой же радостью, какъ прекращеніе чумы или пораженіе вражеской арміи. „Times" писалъ, что для подоходнаго налога нѣтъ ничего святого, „онъ вмѣшивается въ брачныя и родственныя отношенія, поскольку они отражаются въ завѣщаніяхъ, отыскиваетъ контракты и документы въ письменныхъ столахъ и извлекаетъ ихъ на свѣтъ; онъ стоитъ у дверей лавокъ и ведетъ счетъ покупателямъ, онъ вскакиваетъ въ коляску врача и подсчитываетъ полученный имъ гонораръ, онъ высчитываетъ помощь, оказываемую старикамъ... Мы, пожалуй,—заключаетъ авторъ статьи—ничего не имѣли бы противъ допущенія цѣлой арміи солдатъ въ свои дома, когда врагъ находится поблизости, но есть ли это достаточное основаніе къ тому, чтобы поставить въ наши дома взводъ мушкетеровъ навсегда?" Говорилось и о томъ, что подоходный налогъ необходимо беречь, какъ рессурсъ на время войны. „Что подумаютъ за границей, когда узнаютъ, что мы прибѣгаемъ къ такому источнику? Это произведетъ тамъ впечатлѣніе, что другихъ источниковъ у насъ нѣтъ, что Англія изнемогаетъ въ борьбѣ за существованіе, что наша страна не подготовлена къ войнѣ".

Въ виду этого подоходный налогъ былъ введенъ лишь въ качествѣ временной мѣры на три года. Онъ былъ построенъ по прежнему по системѣ 5 шедулъ, общую же сумму дохода плательщикъ обязанъ былъ показать только въ томъ случаѣ, когда онъ желалъ воспользоваться освобожденіемъ отъ уплаты налога или пониженіемъ его. Первое было опредѣлено при доходѣ ниже 150 ф. ст., второе—для всѣхъ доходовъ до 200, позже до 400 фунт. ст. Въ 1845 г., по истеченіи трехлѣтняго срока, налогъ былъ продолженъ снова на три года; это повторялось еще нѣсколько разъ до начала 50-хъ годовъ. Но раздавались голоса за упраздненіе подоходнаго налога, такъ какъ онъ свою задачу выполнилъ—реформа 40-хъ годовъ была осуществлена. На такой точкѣ зрѣнія стоялъ и Гладстонъ, называвшій подоходный налогъ грандіознымъ орудіемъ, необходимымъ въ критическій моментъ, но излишнимъ въ обычное время. Джонъ Ст. Милль утверждалъ, что, будучи въ принципѣ наиболѣе справедливымъ изъ всѣхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, подоходный налогъ въ жизни оказывается менѣе справедливымъ, чѣмъ другіе налоги, вызывающіе на первый взглядъ много сомнѣній. Милль считалъ поэтому наиболѣе правильной старую теорію, согласно которой прямые налоги должны примѣняться лишь въ качествѣ чрезвычайной мѣры въ годы нужды, когда передъ необходимостью быстраго увеличенія государственныхъ доходовъ всѣ прочія соображенія должны отступать на второй планъ. Въ виду этого въ 1853 г. рѣшено было сохранить по-

доходный налогъ лишь на 7 лѣтъ, но затѣмъ покончить съ нимъ; обложеніе втеченіе этого семилѣтія должно было постепенно понижаться и въ 1860 г. совершенно прекратиться.

Крымская кампанія разрушила всѣ планы. Налогъ, составлявшій въ періодъ 1842—1853 гг. 7 пенсовъ съ фунта стерл. или почти 3 проц. дохода, вмѣсто пониженія до 6 и 5 пенсовъ, какъ предполагалось, былъ повышенъ въ 1854—56 гг. до 14 и 16 пенсовъ, т. е. до 5,8—6,7 проц. дохода. Изъ $77^1/_2$ милліоновъ фунт., истраченныхъ на военныя нужды, $42^1/_2$ милл. были покрыты займами, 24 милл. подоходнымъ налогомъ и всего 11 милл. прочими налогами. Подоходный налогъ такимъ образомъ снова, уже въ третій разъ, оказался тѣмъ фискальнымъ оружіемъ, которое вынимается и пускается въ ходъ во время войны.

Любопытно, что еще въ 1860 г., когда вызванные войной расходы были окончательно ликвидированы и послѣдніе остатки таможеннаго протекціонизма уничтожены, возникла снова мысль о томъ, нельзя ли вычеркнуть подоходный налогъ изъ англійскаго бюджета. Но оказалось, что, въ случаѣ отмѣны его, получилось бы еще болѣе неравномѣрное обложеніе, чѣмъ то, которое имѣется при подоходномъ налогѣ. Населеніе постепенно освоилось съ этимъ налогомъ, признало его необходимой составной частью бюджета. Борьба противъ налога мало-по-малу затихла, раздавались лишь отдѣльныя жалобы, одинокіе голоса.

Но если подоходному налогу уже не приходилось болѣе бороться за свое существованіе, то имущіе классы все же вели съ нимъ борьбу въ другой формѣ—старались держать процентъ обложенія возможно ниже, сдѣлать налогъ нечувствительнымъ, вслѣдствіе незначительныхъ размѣровъ обложенія. Появилась „теорія резерва и низкаго уровня". Подоходнымъ налогомъ слѣдуетъ пользоваться и въ обыкновенное время, но только взимая его въ невысокомъ размѣрѣ для того, чтобы онъ являлся резервомъ на черный день, на случай необходимости. Всякій лишній пенсъ обложенія понижаетъ способность налога выступить въ качествѣ сильнодѣйствующаго средства въ случаѣ нужды. „Вспоминая тѣ великія задачи, которыя выполнили Питтъ, Пиль и Гладстонъ при помощи подоходнаго налога и осуществленіе которыхъ было бы немыслимо безъ него,—говорилъ одинъ авторъ въ 1892 г.—и имѣя въ виду, что въ немъ мы имѣемъ важный рессурсъ въ случаѣ войны или для разрѣшенія великихъ экономическихъ реформъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что сохраненіе этого налога въ нашей податной системѣ являлось мудрымъ рѣшеніемъ. Но для того, чтобы обезпечить себѣ его помощь въ часъ нужды, необходимо пользоваться имъ въ нормальное время лишь въ минимальныхъ размѣрахъ". „Въ этомъ случаѣ и дурныя свойства его чувствуются меньше и не являются чрезмѣрной преміей за тѣ

почти неисчислимыя благодѣянія, которыя онъ способенъ оказать въ моментъ національной опасности".

Дѣйствительно, втеченіе всего тридцатилѣтія 1864—1894 гг. подоходный налогъ въ Англіи составлялъ лишь два раза, въ 1886 и 1887 гг., 8 пенсовъ съ фунта стерл. или $3^1/_3$ проц. дохода, обычно же равнялся всего 4—6 пенсамъ или 1,7—2,5 проц. дохода, а въ нѣкоторые годы понижался до 3 и даже 2 пенсовъ, т. е. до 1,25 проц. или падалъ ниже 1 проц. (0,8 проц.). Въ 1895—1900 гг. онъ составлялъ снова 8 пенсовъ и только подъ вліяніемъ бурской войны повысился до 12—15 пенс., т. е. до 5—6 проц. съ дохода, выполняя снова обязанности военнаго налога, „резерва, привлекаемаго въ грозный часъ опасности". Въ повышеніи его втеченіе всего мирнаго періода 1860—1900 гг. не было надобности, такъ какъ богатство англійскаго населенія быстро возростало и поэтому каждый пенсъ налога, взимаемый съ фунта стерл., съ теченіемъ времени доставлялъ гораздо больше, чѣмъ раньше. По вычисленіямъ Bowley, народный доходъ Англіи, составлявшій въ 1860 г. 700 милліоновъ фунтовъ стерл., повысился уже спустя десять лѣтъ до 950 милл., т. е. на 35 проц., въ 1880 г. до 1.150 милл., а въ 1890 г. до 1.350 милл.; въ 1900 г. онъ рявнялся 1.650 милл., т. е. успѣлъ увеличиться за одно лишь послѣднее десятилѣтіе болѣе чѣмъ на 20 проц., а за весь 40-лѣтній періодъ 1860—1900 гг.—на 130 проц., между тѣмъ какъ населеніе въ Соединенномъ Королевствѣ за то же сорокалѣтіе возросло всего съ 30 до $41^1/_2$ милл. или на 40 проц. Поступленія подоходнаго налога при 1 пенсѣ съ фунта составляли въ 1843 г. всего 772 тысячи фунт стерл., а 20 лѣтъ спустя 1,2 милл. фунт., еще черезъ 20 лѣтъ, въ 1880 г., 1,9 милл., въ 1895 г. 2 милл. и въ 1909 2.8 милл. Въ 1885 г. общія поступленія отъ подоходнаго налога равнялись 13 милл. ф. ст. или шестой части бюджета, въ 1907 году онъ достигалъ 32,4 милл., что равнялось четверть бюджета.

III.

Втеченіе столѣтія подоходный налогъ въ Англіи почти совершенно не измѣнялъ своего первоначальнаго характера. Повышался и понижался размѣръ обложенія, нѣсколько измѣнялись скидки для небольшихъ доходовъ, но система и организація оставалась та же. За это время подоходный налогъ успѣлъ распространиться по Европѣ; въ другихъ государствахъ стали примѣнять принципъ прогрессивнаго обложенія, продолжая прогрессію вплоть до самыхъ высшихъ ступеней, стали допускать пониженное обложеніе для тѣхъ плательщиковъ, которые вынуждены прокармливать большую семью, стали принимать во вниманіе помимо размѣровъ дохода (объективныя условія) и другіе семейные и хозяйственные моменты (субъективные). Все это мыслимо было, конечно, лишь при опредѣленіи всей совокупности дохода; плательщикъ сообщаетъ

ее въ подаваемой имъ деклараціи, которая провѣряется различными способами. Проводится и разграниченіе между доходами, заработанными личнымъ трудомъ и зависящими отъ трудоспособности человѣка, его жизни и здоровья, съ одной стороны, и тѣми доходами, съ другой стороны, которые получаются отъ земли и капитала, получаются, и въ томъ случаѣ, если плательщикъ не ударилъ палецъ о палецъ, и имѣютъ постоянный, вѣчный характеръ. Для доходовъ второй категоріи вводится повышенное обложеніе обыкновенно въ формѣ дополнительной къ подоходному налогу поимущественной подати, взимаемой со всякаго имущества, но только съ имущества, такъ что тотъ, кто живетъ съ одного лишь труда, ему не подлежитъ.

Континентъ Европы и Америка создали такимъ образомъ новую, болѣе совершенную, организацію подоходнаго обложенія. Англія же все оставалась при своей прежней формѣ подоходнаго налога, введенной Аддингтономъ въ 1803 году, возстановленной въ 1842 году и сохранявшейся еще въ началѣ XX вѣка. Первоначально на подоходный налогъ смотрѣли, какъ на временную мѣру, и поэтому о реоганизаціи его и не думали. Позже, когда пришлось признать, что вычеркнуть подоходный налогъ изъ англійскаго бюджета невозможно, стали обращать вниманіе на устарѣлость его организаціи, на необходимость введенія новыхъ началъ въ подоходное обложеніе. Но всѣ попытки ударялись объ одно препятствіе,—отсутствіе деклараціи о суммѣ дохода. Нужно было прежде всего отказаться отъ взиманія какъ бы пяти самостоятельныхъ налоговъ по пяти шедуламъ, отказаться отъ взиманія налога у источника, отказаться, слѣдовательно, отъ столь удобнаго для плательщика, какъ и для казны, автоматическаго характера обложенія. Но кто рискнулъ бы на такую коренную реформу, кто рѣшился бы отказаться отъ формъ, съ которыми свыклось англійское населеніе и вернуться къ первоначальной системѣ подоходнаго обложенія, вызвавшей столько неудовольствія въ свое время? Двѣ трети всѣхъ поступленій отъ подоходнаго налога получалось путемъ такихъ вычетовъ у источника, взимались раньше, чѣмъ доходъ попалъ въ руки того лица, которому онъ причитается, безъ какихъ бы то ни было разслѣдованій объ имущественномъ положеніи и доходахъ этого лица. А при сохраненіи этой системы мыслимы были лишь частичныя улучшенія. Наиболѣе важное изъ нихъ заключалось въ томъ, что пониженное обложеніе, установленное для доходовъ до 400 ф. ст. (доходы не свыше 150, позже 160 фунт. вовсе изъяты), было распространено на доходы до 500 фунт. ст., а съ 1898 года на доходы до 700 фунтовъ. Именно при доходѣ до 400 фунт. вычитается 160 фунт., такъ что обложенъ лишь доходъ въ 240 фунт., при доходѣ въ 400 — 500 фунт. вычитается 150 ф., при доходѣ въ 500—600 фунт. вычетъ составляетъ 120 ф., а изъ доходовъ въ 600—700 вычитается 70 фун-

товъ. Для доходовъ до 700 фунтовъ, т. е. до 7,000 рублей, получается, слѣдовательно, прогрессивное обложеніе или точнѣе,—какъ оно именуется въ наукѣ—дегрессивное обложеніе, ибо оно все же заканчивается на 700 ф. и затѣмъ уже становится пропорціональнымъ. На первый взглядъ между дегрессіей и прогрессіей нѣтъ существенной разницы; однако, если ближе присмотрѣться, они отличаются другъ отъ друга, „какъ оборона отъ наступленія". Дегрессивный налогъ сохраняетъ принципъ пропорціональнаго обложенія, но только старается облегчить мелкихъ плательщиковъ, понизить для нихъ бремя налога. Напротивъ, прогрессивный налогъ послѣдовательно осуществляетъ принципъ возростанія процента обложенія съ ростомъ дохода, стараясь захватить крупные доходы, „преслѣдуя одновременно цѣли политическаго, соціальнаго и фискальнаго характера".

Но даже и это дегрессивное обложеніе достигалось путемъ весьма искусственныхъ мѣръ. Для того, чтобы воспользоваться дегрессіей или вовсе быть изъятымъ отъ налога, если общая сумма дохода не превышаетъ 150 фунт. ст., плательщикъ вынужденъ, уплативъ уже налогъ по соотвѣтствующимъ шедуламъ, подать заявленіе объ общей суммѣ своихъ доходовъ съ просьбой вернуть ему излишне уплаченный налогъ обратно. Иначе и быть не можетъ при обложеніи по шедуламъ, при взиманіи налога у источника, нерѣдко за другихъ лицъ (за землевлевладѣльца, за кредитора). Какъ бы незначительна ни была уплачиваемая въ томъ или другомъ случаѣ сумма налога, доходъ, съ котораго она взимается, вѣдь можетъ оказаться частью весьма крупнаго дохода Поэтому и приходится сначала платить налогъ, а потомъ требовать его обратно. Въ началѣ XX вѣка среди 1.100.000 плательщиковъ съ доходомъ въ 700 милл. ф. ст. имѣлось около семисотъ тысячъ лицъ съ доходомъ въ 250 милліоновъ фунтовъ, декларировавшихъ свой доходъ съ цѣлью воспользоваться правомъ на пониженіе обложенія, такъ какъ доходъ ихъ не достигалъ 700 фунт. Этимъ лицамъ выплачивалось обратно около 1.600.000 фунтовъ ст., т. е. казна возвращала около 16 милліоновъ рублей обратно—такимъ путемъ осуществлялась дегрессія въ подоходномъ налогѣ.

Первую значительную реформу въ англійскомъ подоходномъ обложеніи произвелъ Асквитъ въ 1907 году[1]). Не измѣняя общей организаціи налога, онъ внесъ однако слѣдующее новшество: провелъ различіе между „заработанными" (earned) и „незаработанными" (inearned) доходами,—къ первымъ отнесены жалованья,

---

[1]) Относительно новѣйшихъ реформъ въ подоходномъ обложеніи Англіи см. The Lords Debate on the Finance Bill. 1909. Hansard. Parliamentary Debates. Commons. Vol. 4 p. 1954 sqq. vol. 5. p. 514 sqq. Escarra. Les modifications apportées á l'income-tax par le finance-act de 1909—10, а также Bulletin de statist. et legisl comparée. Mai; 1909.

заработная плата, доходы отъ либеральныхъ профессій и отъ самостоятельнаго веденія предпріятія; доходы же въ видѣ земельной ренты, процентовъ и дивидендовъ или прибыли, получаемой отъ предпріятія, управляемаго другимъ лицомъ, признаются незаработанными и облагаются по повышенной шкалѣ. Такое повышенное обложеніе такъ называемыхъ фундированныхъ доходовъ, по сравненію съ доходами отъ личной дѣятельности, и само по себѣ весьма существенно. Но оно имѣло еще болѣе важныя послѣдствія въ смыслѣ вліянія на общую систему подоходнаго обложенія. Правда, новый принципъ разграниченія заработанныхъ и незаработанныхъ доходовъ проводился старымъ испытаннымъ способомъ: кто желаетъ получить скидку, ссылаясь на то, что его доходъ получается отъ труда, либеральныхъ профессій и т. д., обязанъ подать объ этомъ заявленіе и тогда обложеніе для него соотвѣтственно понижается. Но при этомъ онъ обязанъ доказать, что общая сумма его дохода не превышаетъ 2.000 фунтовъ, ибо только для лицъ, имѣющихъ не болѣе 2 тыс. ф. дохода (въ настоящее время повышено до $2^1/_2$ тысячъ), проводится различіе между фундированными и нефундированными доходами; при болѣе высокой суммѣ дохода обложеніе одинаковое, независимо отъ того, изъ какихъ источниковъ получается доходъ. Такимъ образомъ всѣ лица, имѣющія исключительно или частью доходъ отъ труда или иной личной дѣятельности, вынуждены подать декларацію объ общей суммѣ своего дохода; примѣненіе принципа установленія всего дохода съ подачей декларацій теперь сильно расширилось: не только лица съ доходомъ до 700 фунтовъ, но и значительная часть плательщиковъ съ доходомъ отъ 700 до 2.000 (нынѣ до до 2.500) фунт. вынуждена подавать декларацiи.

Но на этомъ реформа не могла остановиться; возникалъ еще гораздо болѣе важный вопросъ осуществленія прогрессіи въ подоходномъ обложеніи. За это принялся Ллойдъ-Джорджъ. Подоходный налогъ—заявлялъ онъ—не является болѣе временнымъ средствомъ, предназначеннымъ для доставленія казнѣ рессурсовъ въ эпохи кризисовъ; это основная статья англійскаго бюджета, ключъ и якорь спасенія англійскихъ финансовъ. Поэтому-то размѣръ его не можетъ уже опредѣляться въ настоящее время величиной тѣхъ расходовъ, которые онъ долженъ покрывать; онъ долженъ соразмѣряться съ платежеспособностью каждаго, а, слѣдовательно, долженъ возростать по мѣрѣ увеличенія дохода, долженъ имѣть прогрессивный характеръ. Предложеніе Ллойдъ-Джорджа вызвало много возраженій. Какъ всегда, когда рѣчь идетъ о прогрессивномъ обложеніи, противники его называли прогрессію несправедливой, говорили о революціонномъ характерѣ ея, о томъ, что ее невозможно примѣнить безъ произвола и инквизиторскихъ пріемовъ, что подоходный налогъ потеряетъ пріобрѣтенную имъ среди англійскаго населенія популярность

Ллойдъ-Джорджъ, будучи государственнымъ человѣкомъ, „конечно, не могъ остановиться—какъ говоритъ одинъ авторъ—передъ этими теоретическими, если хотите, сантиментальными разсужденіями". Но какъ осуществить прогрессивное обложеніе? На упраздненіе шедулъ и взиманія у источника и на установленіе обязательной для всѣхъ декларацiи о суммѣ дохода даже у Ллойдъ-Джорджа не хватило мужества. Парламентская коммиссія, которой было поручено разсмотрѣніе вопроса о реформѣ подоходнаго налога, предложила осуществить прогрессію двоякамъ путемъ. Прежде всего повысить ту сумму налога, при которой допускаются вычеты т. е. продолжить дегрессію свыше 700 фунтовъ. Но она же указывала на то, что значительно повысить этотъ размѣръ невозможно, ибо въ случаѣ установленія скидокъ и для болѣе крупныхъ доходовъ, получилось бы огромное количество плательщиковъ, требующихъ возвращенія излишне уплаченной суммы; крупныя суммы отнимались бы у населенія на продолжительное время и создавалась бы колоссальная, совершенно непроизводительная, работа по взиманію ихъ и затѣмъ обратной уплатѣ, своего рода переливаніе изъ пустого въ порожнее. Еслибы, напр., скидки допускались для всѣхъ доходовъ ниже 40.000 ф. ст., то получилось бы дѣйствительно прогрессисвное обложеніе, но при сохраненіи системы шедулъ всѣ лица съ доходомъ ниже этого размѣра вынуждены были бы подавать декларацiи о суммѣ своего дохода, и имъ бы пришлось обратно возвращать излишне уплаченную сумму; въ такомъ положеніи находились бы всѣ плательщики, за исключеніемъ маленькой группы лицъ, имѣющихъ болѣе 40.000 фунт. дохода. Налогъ уплачивался бы съ 450 милліоновъ фунтовъ и затѣмъ частью возвращался бы съ 430 милліоновъ; только съ 20 милл. налогъ былъ бы уплаченъ окончательно.

Въ виду этого коммиссія признала, что повышеніе того уровня дохода, при которомъ допускаются скидки, возможно лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Она предложила продолжать дегрессію до 1.000 фунтовъ вмѣсто существующихъ 700. А Ллойдъ-Джорджъ и отъ этого отказался, сохранивъ прежній уровень скидокъ.

Другой путь, указанный коммиссіей (она предложила комбинировать оба способа) и принятый и Ллойдъ-Джорджемъ, заключался въ томъ, чтобы къ основному налогу, взимаемому по старой системѣ шедулъ, присоединить еще дополнительное обложеніе крупныхъ доходовъ, но уже взимаемое на новыхъ основаніяхъ—со всего дохода сразу и путемъ обязательной подачи декларацiи. Дополнительный налогъ super-tax былъ установленъ въ 1910 г. для доходовъ свыше 5.000 ф. ст. (впослѣдствіи для доходовъ свыше 3.000 ф. ст.) и взимался только съ той части ихъ, которая превышала 3.000 ф. ст., причемъ оказывалось всего 10 тысячъ плательщиковъ съ доходомъ въ 120 милліоновъ фунтовъ, подлежащихъ

дополнительному налогу. Первоначально дополнительный налогъ былъ установленъ въ одинаковомъ размѣрѣ для всѣхъ доходовъ свыше 5 тыс. фунтовъ, но нѣсколько лѣтъ спустя, когда началась война, онъ получилъ прогрессивный характеръ: для каждой слѣдующей тысячи фунтовъ дохода установлена болѣе высокая ставка, чѣмъ для предыдущей, и налогъ достигаетъ максимума для той части дохода, которая превышаетъ 10 тысячъ фунтовъ ст. Вслѣдствіе этого, на основаніи послѣдняго (третьяго) военнаго бюджета 1915—16 гг., плательщикъ съ доходомъ въ 5 тыс. ф. ст. уплачиваетъ 21 проц. своего дохода (въ качествѣ основного и дополнительнаго налога, вмѣстѣ взятыхъ), при доходѣ въ 10 тысячъ ф. онъ платитъ 33$^{1}/_{3}$ проц. дохода, если же доходъ составляетъ 100 тысячъ ф., то налогъ повышается до 34$^{1}/_{6}$ проц. При еще болѣе высокомъ доходѣ онъ приближается къ предѣльной величинѣ— 35 проц. дохода, никогда однакоже не достигая ея.

Говоря о размѣрахъ обложенія на основаніи послѣдняго бюджета, мы перешли къ роли англійскаго подоходнаго налога и организаціи его во время нынѣшней европейской войны. Уже въ послѣдніе годы до войны налогъ былъ значительно повышенъ Ллойдъ-Джорджемъ, который заявлялъ, что еслибы налогъ былъ даже удвоенъ, то все же плательщики его, уплативъ двойной, по сравненію съ предыдущимъ годомъ, налогъ, остались бы при томъ доходѣ, который они имѣли пять лѣтъ тому назадъ. Главной причиной повышенія налога являлась та крупная соціальная реформа, къ которой приступилъ Ллойдъ-Джорджъ, введя въ 1911 г. обязательное страхованіе рабочихъ отъ болѣзни и отъ безработицы. Страхованіе отъ болѣзни было признано обязательнымъ для всѣхъ рабочихъ и служащихъ старше 16 лѣтъ, имѣющихъ менѣе 160 ф. ст. годового дохода, т. е. доходъ, не подлежащій подоходному налогу. Казна вноситъ $^{2}/_{9}$ страховой суммы рабочихъ и $^{1}/_{4}$ страховой суммы работницъ. Страхованіе отъ безработицы было пока введено лишь въ горной промышленности, металлургической, машиностроительной и кораблестроительной, причемъ четверть всѣхъ расходовъ брало на себя государство. Въ бюджетѣ 1913/14 г. на страхованіе рабочихъ было уже ассигновано 20 милл. ф. ст. Между тѣмъ въ области страхованія отъ безработицы это былъ еще только первый опытъ; говоря, что подоходный налогъ теперь уже не является болѣе чрезвычайнымъ рессурсомъ для особенно крупныхъ расходовъ во время войны или для осуществленія соціальныхъ и экономическихъ реформъ, Ллойдъ-Джорджъ былъ вполнѣ правъ: онъ смотрѣлъ на новое соціальное законодательство лишь, какъ на начало цѣлой эпохи реформъ, и на вызываемые имъ расходы, какъ на явленіе не временное, а постоянное. Поэтому и подоходное обложеніе не могло въ будущемъ понизиться, а, напротивъ, должно было и въ дальнѣйшемъ обнаруживать повышеніе. Но, конечно, значительное увеличеніе налога мыслимо было лишь, поскольку

рѣчь шла о крупныхъ доходахъ; распространять его на небольшіе доходы невозможно было. Отсюда и получилось вполнѣ естественно дополнительное обложеніе для доходовъ свыше 5000 ф. ст., впослѣдствіи свыше 3000 ф. ст.,—получилось въ извѣстныхъ предѣлахъ прогрессивное обложеніе.

Ллойдъ-Джорджу принадлежитъ большая заслуга, что онъ ввелъ дополнительный налогъ для крупныхъ доходовъ. Это повлекло за собой и расширеніе системы декларацій, такъ какъ всѣ лица съ доходомъ свыше 5000 ф. должны были декларировать общую сумму своего дохода. Подача декларацій стала обязательной и въ другихъ случаяхъ: податнымъ органамъ предоставлено было во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они признаютъ это необходимымъ, разсылать плательщикамъ бланки для декларацій дохода, которые плательщики, подъ страхомъ наказанія, обязаны заполнить и вернуть къ опредѣленному сроку. Онъ ввелъ, въ цѣляхъ контроля, обязанность для всѣхъ предпринимателей, компаній, учрежденій и т. д. сообщать податнымъ органамъ не только имена служащихъ у нихъ лицъ, но и размѣръ получаемаго послѣдними содержанія. Онъ же установилъ впервые въ интересахъ малоимущихъ плательщиковъ, обремененныхъ большой семьей, скидки по числу дѣтей моложе 16 лѣтъ: если доходъ не превышаетъ 500 фунтовъ, то изъ него дѣлается вычетъ въ размѣрѣ 10 фунтовъ на каждаго ребенка. Такой вычетъ производился еще при Питтѣ въ концѣ XVIII стол., но затѣмъ былъ упраздненъ, такъ какъ опытъ показалъ, что злоупотребленія чрезвычайно велики: плательщики не гнушались показывать подъ присягой, что у нихъ имѣется обширная семья, хотя бы ея въ дѣйствительности не было.

Ллойдъ-Джорджъ сдѣлалъ первые шаги. Великая европейская война заставила Англію пойти еще гораздо дальше въ томъ же направленіи. Въ 1910 г. подоходный налогъ составлялъ еще 14 пенсовъ съ фунта (или 6 проц. дохода), понижаясь до 9 пенс. (или 4 проц.) для трудовыхъ доходовъ и повышаясь до 20 пенс. или $8^1/_2$ проц. для доходовъ свыше 5000 ф. (съ суммы, превышающей 3000 ф.). Гигантскіе расходы военнаго времени заставили удвоить и утроить ставку основного налога, повысивъ ее до 30, а затѣмъ и до 42 пенсовъ съ фунта (т. е. до $12^1/_2$ и $17^1/_2$ проц. дохода), а для трудовыхъ доходовъ до 18 и 25 пенс. ($7^1/_2$ и $10^1/_2$ проц.),—размѣровъ, совершенно неслыханныхъ. А къ этому присоединяется еще дополнительный налогъ для крупныхъ доходовъ, благодаря которому, какъ мы видѣли выше,—подоходное обложеніе прогрессируетъ вплоть до 35 проц. Роль подоходнаго налога въ качествѣ военной подати такимъ образомъ вовсе не отошла въ область преданій. Его пришлось немедленно мобилизовать и въ несравненно большихъ размѣрахъ, чѣмъ это было въ прошломъ, ибо предыдущія войны—крымская кампанія и война съ бурами—являются, по сравненію съ нынѣшней европейской войной, небольшими похо-

цами. Какъ и во время тѣхъ войнъ, Англія и теперь придерживается того принципа, что необходимо использовать оба возможныхъ пріема покрытія расходовъ—какъ займы, такъ и налоги. Не въ традиціяхъ англичанъ сваливать все бремя военныхъ расходовъ путемъ займовъ на будущія поколѣнія, напротивъ, и нынѣшнее поколѣніе должно участвовать въ несеніи финансовыхъ тягостей войны,—въ особенности всѣ тѣ, кто обладаетъ обильными средствами, для кого война является не раззореніемъ, а источникомъ крупныхъ доходовъ. А это достигается путемъ подоходнаго обложенія. Если парламентъ вынужденъ былъ подъ давленіемъ консерваторовъ повысить акцизы и таможенныя пошлины на пиво, сахаръ, чай, какао, кофе, табакъ, спиртъ, а также увеличить почтовый, телеграфный и телефонный тарифы, то все же главное бремя падаетъ на подоходное обложеніе, ему принадлежитъ первая роль въ финансовой оборонѣ отечества. Въ первые годы XX вѣка подоходный налогъ доставлялъ казнѣ около 30—33 милл. фунтовъ ст. ежегодно; подъ вліяніемъ реформы Ллойдъ-Джорджа, поступленія въ 1912/13 и 1913/14 гг. повысились до 45—46 милл., а въ бюджетѣ 1915/16 г. эта послѣдняя цифра увеличилась болѣе, чѣмъ вдвое: подоходный налогъ долженъ дать 103 милл. ф. ст., т. е. около полутора милліарда рублей (по теперешнему курсу). По послѣднему „мирному" бюджету на 1913/14 г. подоходный налогъ равняется четвертой части всѣхъ поступленій; въ „военномъ" бюджетѣ на 1915/16 г. онъ составляетъ почти 40 проц. или двѣ пятыхъ всѣхъ государственныхъ доходовъ.

Военные бюджеты закончили преобразованіе подоходнаго обложенія въ Англіи въ прогрессивный налогъ. Прежде имѣлось лишь прогрессивное обложеніе для доходовъ до 700 ф. ст. и прогрессивное для доходовъ свыше 5000 ф. ст. — ихъ раздѣляло обширное пространство, на которомъ господствовало обложеніе изъ одинаковаго процента. Въ настоящее время этотъ пробѣлъ устраненъ, рядъ сомкнулся, образовалась одна непрерывная цѣпь прогрессивнаго обложенія, начинающаяся — по послѣднему бюджету — съ 0,7 проц. дохода и доходящая до 35 проц.

IV.

Въ области политической и соціальной жизни Англія всегда являлась тѣмъ идеаломъ, къ которому стремились либеральные и радикальные круги на континентѣ Европы. Въ сферѣ конституціоннаго права, суда, торговой политики, рабочаго вопроса континентальныя государства подражали Англіи, копировали англійскія учрежденія, рѣдко подвергали ихъ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ, гораздо чаще портили ихъ. Къ числу такихъ исключеній, когда англійскій институтъ, попавъ на континентъ Европы, не былъ искалѣченъ, а, напротивъ, успѣшно развивался дальше, при-

надлежитъ подоходный налогъ. И онъ былъ занесенъ изъ Англіи въ другія страны Европы; о немъ мечтали уже давно, но привить его удалось лишь весьма не скоро. Въ Пруссіи въ началѣ XIX в., въ эпоху реформъ Штейна и Гарденберга, вмѣстѣ съ либеральными идеями о свободѣ промысловъ и уничтоженіи цеховъ, стѣснявшихъ производство, проникла изъ Англіи и идея подоходнаго налога: при невозможности облагать каждаго по его доходу „мы играемъ по необходимости въ жмурки“—говорили сторонники его. Но противники отвѣчали, что подоходный налогъ „по своей природѣ вмѣшивается въ частную собственность и вслѣдствіе этого деморализуетъ населеніе, богатаго иностранца удерживаетъ отъ переселенія въ страну, а состоятельнаго жителя гонитъ изъ страны“. Подоходному налогу предпочли грубую подушно-поразрядную подать (такъ наз. классный налогъ), которая была введена въ 1820 году, но и то не вездѣ; въ болѣе крупныхъ городахъ она замѣнялась обложеніемъ предметовъ первой необходимости—хлѣба и мяса посредствомъ налога на помолъ и убой. Съ отмѣной подоходнаго налога въ Англіи, когда даже тамъ выяснился его вредный характеръ—какъ утверждали,—конечно, на континентѣ о немъ не могло быть болѣе рѣчи. Но къ концу 40-хъ годовъ, въ годы броженія, послѣ того, какъ онъ былъ возстановленъ Англіей, и въ Пруссіи былъ выработанъ законопроектъ подоходнаго налога, который долженъ былъ замѣнить налогъ на помолъ и убой. По проекту, налогъ, какъ и въ Англіи, разбивался на пять частей, по источникамъ дохода, но доходъ облагался въ общей суммѣ и съ подачей декларацій (хотя и въ запечатанныхъ конвертахъ); впрочемъ, никакого прожиточнаго минимума, въ силу котораго лица съ небольшимъ доходомъ освобождаются отъ налога, не устанавливалось. Однако „врагамъ отечества“ и теперь не удалось „искусственно навязать Пруссіи ненавистную иноземную подать“. Примѣромъ могла служить и Голландія, гдѣ „пало двѣнадцать министерствъ“ изъ-за попытокъ ввести общеподоходный налогъ съ деклараціей дохода. Обложеніе хлѣба и мяса въ Пруссіи сохранялось, а подоходному налогу предпочли нѣкоторое улучшеніе поразряднаго налога, но безъ свободнаго отъ обложенія минимума и безъ прогрессивнаго обложенія. И то, и другое появилось лишь въ 1873 году.

Прогрессіи еще и въ 60-хъ и 70-хъ годахъ сильно боялись, усматривали въ ней нѣчто коммунистическое, революціонное, клонящееся къ ниспроверженію монархіи. Дѣйствительно, прогрессивное обложеніе еще въ половинѣ XIX вѣка весьма мало соотвѣтствовало господствовавшему въ то время податному строю. Послѣдній покоился на обложеніи предметовъ первой необходимости и на прямыхъ налогахъ, имѣвшихъ еще недавно характеръ поголовныхъ податей, т. е. взимаемыхъ въ равномъ размѣрѣ со всѣхъ

плательщиковъ, независимо отъ ихъ состоятельности; богатый и бѣдный платили одинаковую сумму, иначе говоря, бѣдный уплачивалъ гораздо большую долю своего имущества, чѣмъ богатый. Постепенно эти сборы стали измѣнять свой характеръ, принимая форму подушно-поимущественныхъ, поземельныхъ, поразрядныхъ податей, гдѣ болѣе состоятельныя лица хотя и платили больше, чѣмъ тѣ, кто ничего не имѣлъ, но все же еще далеко не пропорціонально размѣрамъ своего имущества или дохода. Если, напр., тотъ, кто обладалъ имуществомъ въ 100 гульденовъ, уплачивалъ 1 гульд., т. е. налогъ въ размѣрѣ 1 проц., то владѣлецъ имущества въ 1000 гульд. платилъ не 10 гульд., какъ должно было бы быть при пропорціональномъ обложеніи, а всего 5 гульд., т. е. лишь $^1/_2$ проц., а имущество въ 5000 гульд. облагалось $12^1/_2$ гульд., т. е. въ размѣрѣ $^1/_4$ проц. Такъ что болѣе состоятельныя лица, правда, платили абсолютно больше, чѣмъ лица съ меньшими средствами, но въ процентномъ отношеніи къ своему имуществу значительно меньше. Получалась обратная прогрессія, при которой процентъ обложенія не наростаетъ, а, напротивъ, понижается. И это считалось въ тѣ времена вполнѣ справедливымъ: богатый, конечно, долженъ вносить нѣсколько больше въ пользу города или государства, чѣмъ бѣдный, но эта разница не должна быть слишкомъ велика и не должна соотвѣтствовать разницѣ въ ихъ состоятельности, такъ какъ оба пользуются въ равной мѣрѣ защитой города или государства, и выгоды, извлекаемыя ими изъ дѣятельности правительства или городскихъ властей, вовсе не обусловливаются размѣрами ихъ имущества.

Французская революція впервые провозгласила принципъ пропорціональнаго обложенія. Изъ идеи равенства вытекало равное обложеніе, равномѣрное разверстаніе налоговъ между всѣми плательщиками, сообразно средствамъ каждаго, иначе говоря: каждый обязанъ отдать одинаковую часть своего имущества государству. Если въ XVIII вѣкѣ обратно-прогрессивное прямое обложеніе считалось вполнѣ правильнымъ, наряду съ обложеніемъ необходимыхъ предметовъ пропитанія, то со времени революціи обнаруживалось и въ литературѣ, и въ законодательствѣ стремленіе облагать каждаго по его средствамъ, т. е. пропорціонально послѣднимъ. Прежде исходили изъ того, что всякій новый налогъ не только не раззоряетъ населенія, а, напротивъ, является стимуломъ къ увеличенію производства, заставляя больше работать, чтобы пріобрѣсти необходимый и на пропитаніе, и на уплату податей заработокъ. Это вполнѣ соотвѣтствовало ученію о выгодности для населенія низкой заработной платы, высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, продолжительнаго рабочаго дня—все это увеличиваетъ количество труда, сокращаетъ расходы предпринимателя, удешевляетъ товары, облегчаетъ конкуренцію съ иностранной промышленностью. Съ начала XIX вѣка точка зрѣнія измѣнилась—о выгодности для на-

селенія высокаго обложенія болѣе не говорили; теперь государство разсматривалось въ качествѣ своего рода страховой компаніи: за охрану своего имущества каждый уплачиваетъ извѣстную сумму въ видѣ податей государству на содержаніе его органовъ; отдавая одну десятую своей собственности, онъ, благодаря этому, сохраняетъ остальныя девять десятыхъ. А изъ этого вытекала пропорціональная система обложенія: „каждый долженъ пропорціонально участвовать въ несеніи государственныхъ расходовъ,—заявлялъ Тьеръ еще въ 40-хъ годахъ XIX вѣка—пропорціонально тому, что онъ пріобрѣтаетъ или чѣмъ онъ владѣетъ, по той вполнѣ естественной причинѣ, что въ расходахъ соціальной охраны необходимо принимать участіе по количеству охраняемыхъ цѣнностей". Государство—по его мнѣнію—ближе всего подходитъ къ страховому обществу, которое взимаетъ премію по цѣнности страхуемыхъ вещей.

Эта новая точка зрѣнія лишь постепенно вытѣсняла старые принципы. Либераламъ, отстаивавшимъ идею равенства и пропорціональности въ обложеніи, нелегко было бороться съ поклонниками старины, которые заявляли, что въ монархическомъ государствѣ къ прямому обложенію можно прибѣгать лишь въ видѣ исключенія, въ республикѣ же оно допустимо, но каждый долженъ платить то же, что и другіе; заставлять богатаго платить больше потому только, что онъ можетъ это сдѣлать,—это разсужденія нищихъ, а не ученыхъ, мотивы, которые могутъ имѣть значеніе въ области благотворительности, но совершенно не умѣстны тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о выполненіи своихъ обязанностей. И на практикѣ пропорціональность въ прямомъ обложеніи проводилась далеко не вполнѣ: въ Пруссіи поразрядно-подоходный налогъ вплоть до 1873 г. составлялъ 3 проц. со всѣхъ доходовъ, не исключая и самыхъ минимальныхъ, но для очень крупныхъ доходовъ онъ понижался, ибо абсолютный максимумъ обложенія составлялъ 7200 тал. при доходѣ въ 240 тыс. тал. и выше, какъ бы высокъ онъ ни былъ. Поэтому тотъ, кто имѣлъ 480 тыс. тал., уплачивая тѣ же 7200 тал. налога, платилъ уже не 3, а всего $1^1/_2$ проц. своего дохода, а при доходѣ въ 720 тысячъ налогъ въ 7200 тал. равнялся всего 1 проценту дохода.

Въ эпоху, когда приходилось бороться за проведеніе пропорціональности въ обложеніи, для прогрессивнаго налога очевидно совсѣмъ не было мѣста, идея прогрессіи являлась совершенно несвоевременной. Правда, и она уже была давно извѣстна, но извѣстность эта доставляла ей мало выгоды: прогрессія была примѣнена революціоннымъ правительствомъ во Франціи и тѣмъ самымъ для всѣхъ „благомыслящихъ гражданъ" являлась чѣмъ-то запретнымъ, о чемъ даже помышлять не слѣдуетъ. Впервые „l'imposta progressiva" появилась, повидимому, во Флоренціи, той самой Фло-

ренціи, гдѣ въ 1378 году произошло возстаніе чіомпи, popolo minuto, „предковъ всѣхъ нынѣшнихъ пролетаріевъ". Начавшись съ невысокаго обложенія, прогрессія въ послѣдующіе годы, при взиманіи чрезвычайныхъ налоговъ съ недвижимостей, стала доходить до 22, 33 и даже до 50 проц. дохода; такъ, decima displacente 1447 г. начиналась съ 8 проц. при доходѣ въ 1—50 флор., составляла при 1000—1200 флор. уже 43 проц., а при доходѣ свыше 1500 флор.—50 проц., вселяя ужасъ въ крупныхъ землевладѣльцевъ. „Такъ люди никогда не довольны достигнутымъ и, добившись одного, они тотчасъ же стремятся уже къ другому, еще большему". Медичи же имѣли возможность посредствомъ такого обложенія „вполнѣ законнымъ путемъ раззорять богачей и аристократію, бороться со своими врагами". Итальянскій писатель XVI ст. Гвиччардини останавливается на вопросѣ о прогрессивномъ налогѣ. Въ діалогѣ Гвиччардини противникъ прогрессіи, на сторонѣ котораго стоитъ, повидимому, и авторъ, жалуется на нарушеніе принципа равенства, разъ однимъ приходится платить 12 проц., другимъ же 20, 25 и 30 проц. своего дохода. Но кромѣ того налогъ этотъ опасенъ, такъ какъ богатыхъ онъ превращаетъ въ бѣдняковъ; а это наноситъ ущербъ городу, ибо богачи создаютъ славу городу, поддерживаютъ его въ случаяхъ нужды, приходятъ на помощь и бѣднымъ. Правильно устроенное государство не стремится къ устраненію имущественныхъ различій, а старается сохранить каждому то состояніе, которое онъ имѣетъ. Сторонникъ прогрессіи на это заявляетъ, что „послѣдняя необходима въ цѣляхъ равенства въ обложеніи, ибо только при прогрессивномъ налогѣ каждый приноситъ ту же жертву, что и прочіе плательщики; для государства же не можетъ получиться опасности отъ того, что богачи отдаютъ часть своего богатства, такъ какъ чрезмѣрное богатство ведетъ лишь къ распущенной, вредной для здоровья, жизни, вызывающей опасное подражаніе и у менѣе состоятельныхъ жителей, плодитъ опасныхъ, ищущихъ новшествъ, бездѣльниковъ-аристократовъ". Но на это ему отвѣчаютъ, что равенство заключается въ томъ, что каждый гражданинъ пользуется равной съ прочими защитой, что всѣ подлежатъ одинаковымъ законамъ, и голосъ одного, имѣетъ такое же значеніе, какъ и другого. Равенство же въ имущественномъ отношеніи означало бы прекращеніе всякаго прогресса, уничтоженіе человѣческаго общества. Расходы не у всѣхъ одни и тѣ же, ибо люди занимаютъ различное положеніе. „Если бѣдный человѣкъ имѣетъ всего одну служанку и одну одежду, то никто въ этомъ не усматриваетъ чего-либо дурного, напротивъ, богачъ, ограничиваясь такими же расходами, вызывалъ бы упреки, возмущеніе и насмѣшки". Наконецъ—исходя изъ опыта—противникъ прогрессіи называетъ прогрессію произволомъ, ибо никто не можетъ поручиться за то, что государство остановится на опредѣленной шкалѣ обложенія и „decima scalata" не пойдетъ все дальше

и дальше: „природа вещей такова, что всякое начало незначительно, но затѣмъ, если человѣкъ не достаточно остороженъ, та же вещь быстро ростетъ и ведетъ къ цѣли, которую даже невозможно предвидѣть“. Въ результатѣ прогрессія привела бы къ тому, что „добродѣтель, прилежаніе, трудъ замѣнились бы бездѣліемъ, грабежомъ, лѣностью, дурными словами и еще худшими поступками“. Прогрессія—заключаетъ онъ—„есть тотъ ядъ, который въ началѣ кажется сладкимъ, но затѣмъ оказывается убійственнымъ“.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Гвиччардини, жившій въ XVI вѣкѣ, въ эпоху строгихъ сословныхъ перегородокъ, знакомый съ доходившимъ до „ультрапрогрессивныхъ“ ставокъ въ 50 проц. обложеніемъ Флоренціи, не могъ стоять на сторонѣ прогрессіи: вѣдь каждый долженъ зарабатывать и жить сообразно своему сословію и „грѣшно подняться выше своего сословія, ибо самое дѣленіе на сословія установлено Богомъ“. Но характерно, что тѣ же выраженія мы находимъ у писателей XIX вѣка. Находимъ у Бастэбля, который говоритъ о соціально-необходимыхъ потребностяхъ богатыхъ классовъ, хотя дорогіе туалеты, ужины въ лучшихъ ресторанахъ и тысячные проигрыши въ карты едва-ли могутъ считаться удовлетвореніемъ необходимыхъ для богатыхъ людей потребностей. Находимъ у Гнейста, заявляющаго, что прогрессивное обложеніе есть нарушеніе самыхъ священныхъ политическихъ идей равенства, что оно вноситъ „ядъ“ въ прямое обложеніе (повтореніе словъ Гвиччардини). Находимъ у Макъ Келлоха, Тьера, Рошера, по мнѣнію которыхъ прогрессія есть произволъ; примѣняя ее, мы оказываемся „въ безбрежномъ морѣ несправедливости безъ руля и компаса“; прогрессія есть идея „выродившейся демократіи“, эксплоатирующей богатыхъ людей въ качествѣ „безправныхъ враговъ“.

Въ послѣднихъ словахъ слышится намекъ на „демократію“ эпохи конвента, „сдѣлавшаго аристократію богатства безусловно опасной“. Бабефъ смотрѣлъ на прогрессивное обложеніе, какъ на переходную ступень къ коммунистическому строю, Камбонъ предлагалъ „налогъ съ богачей и эгоистовъ, спокойно выжидающихъ результатовъ революціи или вступающихъ въ борьбу съ ней“. Но первый прогрессивный налогъ 1792 года отличался и тутъ еще умѣренностью: освобождая доходъ до 900 фр. отъ обложенія, онъ начинался съ 0,3 проц. при доходѣ въ 900—3000 фр. и достигалъ 5 проц., если доходъ превышалъ 150.000 фр. Но и здѣсь „суверенный народъ“ требовалъ дальнѣйшихъ шаговъ въ томъ же направленіи, заявляя, что классъ бѣдный все время приноситъ жертвы его кровь лилась въ защиту свободы; „пусть же богачи примутъ участіе въ томъ бремени, которое до сихъ поръ несли одни бѣдняки. Мы настаиваемъ на военномъ налогѣ съ богачей!“. Правда, предложенный Робеспьеромъ прогрессивный налогъ, основанный на принципахъ „вѣчной справедливости“, не былъ введенъ, вслѣд-

ствіе протеста болѣе умѣренныхъ членовъ конвента. Но послѣдній произвелъ принудительный заемъ, который при доходѣ въ 40—50 тыс. фр. составлялъ 20 тыс. фр., т. е. 40—50 проц., а при болѣе высокомъ доходѣ равнялся всей суммѣ, превышающей 30 тыс. фр.; такъ что при доходѣ въ 200 тыс. фр. онъ достигалъ 170 тыс. фр. или 65 проц., при доходѣ въ 500 тыс. фр.—470 тыс. фр. или 94 проц. дохода, постепенно охватывая чуть не весь доходъ богатыхъ людей. Такіе же принудительные займы, означавшіе не что иное, какъ конфискацію имущества, происходили и впослѣдствіи нѣсколько разъ въ эпоху Конвента, предпочитавшаго ихъ налогу, причемъ они шли еще дальше займа 1793 года: въ пользу государства съ 9000 фр. уплачивалась половина, а съ болѣе крупныхъ доходовъ, кромѣ того, и вся та часть, которая превышала 9 тыс. фр.; такъ что владѣлецъ дохода въ 30 тыс. фр. платилъ уже 25.500 фр. или лишался 80 проц. своего дохода. „Ты богатъ,—заявлялъ Камбонъ,—твои взгляды вызываютъ расходы для республики, такъ отдай свое имущество ей". А Дантонъ къ этому прибавлялъ: „Граждане, облагать богачей это значитъ придти имъ на помощь. Для нихъ это не жертва, а истинная благодать. Въ Парижѣ много роскоши, огромныя богатства. Такъ выжмемъ же эту губку!".

V.

Не удивительно, если послѣ такого образа дѣйствій уже одна мысль о возможности прогрессивнаго обложенія бросала людей въ дрожь. Прогрессія и конфискація имущества считались синонимами. Въ революціонныя эпохи 1830 и 1848 годовъ идея прогрессивнаго обложенія вновь выплыла, но также въ связи съ идеалами коммунизма. Первые 200 талеровъ—гласитъ прусскій проектъ 1849 года—облагаются въ размѣрѣ 1 проц., вторые 200 въ 2 проц. и т. д., а все, что превышаетъ 9900 талеровъ, поступаетъ цѣликомъ въ казну. „При такомъ подоходномъ обложеніи—прибавляетъ авторъ—тѣ густыя облака, которыя нависли между престолами царей и народами, исчезли бы до послѣдняго атома. Ибо лучшей и единственно хорошей формой правленія является та, при которой бѣдность становится невозможной. Передъ ней преклонятся всѣ колѣни, ей должны подчиняться ангелы и каннибалы, это истинно-неограниченная и истинно-свободная форма правленія".

Знаменіемъ времени являлся однако тотъ фактъ, что прусскимъ правительствомъ былъ выработанъ въ 1849 году проектъ прогрессивнаго подоходнаго налога; налогъ начинался съ 3 проц. и достигалъ 5 проц. съ дохода. Послѣ изложеннаго не приходится, конечно, удивляться тому, что на него набросились со всѣхъ сто-

[1]) См. Stourm. Les finances de l'Ancien Régime et de la Révolution. Vol. II. 1885.

ронъ, усматривая въ такомъ налогѣ „уступку краснымъ республиканцамъ“, называя его осуществленіемъ „соціалистическаго и коммунистическаго принципа“, и законопроектъ провалился.

Но многіе города въ Германіи уже съ 30-хъ и 40-хъ годовъ XIX ст. взимали въ свою пользу прогрессивные подоходные налоги, хотя и очень небольшихъ размѣровъ или съ чрезвычайно умѣренной прогрессіей. Такъ, въ Галле съ 1841 г. существовалъ коммунальный подоходный налогъ, который составлялъ отъ 0,0085 проц. при доходѣ въ 240—270 мар. до 0,25 проц. съ дохода въ 9000 мар. (т. е. доходы крупные облагались въ 30 разъ выше, чѣмъ мелкіе), доходъ же, не превышавшій 240 мар., былъ свобо-денъ отъ обложенія. Въ Эрфуртѣ уже съ 20-хъ годовъ XIX вѣка находимъ прогрессивный налогъ въ пользу кассы общественнаго призрѣнія, который взимался въ размѣрѣ отъ 0,7 проц. при 150—225 маркахъ дохода, до 1,2 проц. при доходѣ въ 6000 мар. и болѣе. Въ Килѣ въ 1830 г., т. е. еще до перехода его отъ Даніи къ Пруссіи, былъ введенъ прогрессивный налогъ съ доходовъ и имущества, причемъ установленіе прогрессіи мотивировалось—одна изъ наиболѣе раннихъ мотивировокъ прогрессіи—тѣмъ, что при уплатѣ каждымъ одинаковаго процента со своего дохода получилось бы болѣе тяжелое обложеніе для менѣе состоятельныхъ, чѣмъ для болѣе богатыхъ плательщиковъ; первые вынуждены отдать часть того дохода, который не вполнѣ покрываетъ или только покрываетъ необходимое для нихъ и ихъ семействъ содержаніе, тогда какъ для болѣе состоятельныхъ, чѣмъ больше ихъ доходъ, тѣмъ менѣе чувствительнымъ становится налогъ, при которомъ ихъ необходимыя потребности не ограничиваются.

И прусское городовое положеніе 1853 года не препятствовало сохраненію городами прогрессивнаго обложенія въ будущемъ; попытка внести въ законъ постановленіе, что прогрессивное обложеніе недопустимо, не встрѣтила сочувствія въ ландтагѣ. Такое предложеніе сдѣлано было въ верхней палатѣ однимъ изъ ораторовъ, заявившимъ, что прогрессивное обложеніе противорѣчитъ основнымъ законамъ Пруссіи, что оно нарушаетъ миръ въ общинѣ и ведетъ къ войнѣ между малоимущими и состоятельными лицами наконецъ, что оно обозначаетъ коммунизмъ и не соотвѣтствуетъ существующему хозяйственному строю. Въ нижней палатѣ въ пользу такого же предложенія приводились слѣдующія соображенія. Системы коммунизма существуютъ различныя. Всѣ они имѣютъ цѣлью уничтоженіе собственности и религіи; но однѣ системы идутъ напроломъ, другія же дѣйствуютъ медленно, болѣе осторожными средствами; къ числу послѣднихъ относится и прогрессивное обложеніе. Въ то время, какъ господствующій строй признаетъ, что каждому принадлежитъ его имущество, независимо отъ того, каковы его размѣры, коммунизмъ заявляетъ, что все то имущество, которое превышаетъ извѣстную сумму, принадлежитъ

обществу, а не отдѣльнымъ лицамъ; распоряженіе этимъ имуществомъ со стороны общества и осуществляется въ первую голову въ видѣ повышенія процента обложенія, начиная съ извѣстной суммы имущества или дохода. Вмѣсто того, чтобы налогъ уплачивался всѣми въ равномъ процентѣ за защиту имущества государствомъ, въ этомъ случаѣ получается, что плательщикъ сохраняетъ свое имущество не потому, что имѣетъ на это право, а лишь благодаря тому, что общество благоволитъ оставить ему столько-то. Это первый шагъ на пути къ коммунизму.

Эти разсужденія весьма характерны, но они не могли имѣть успѣха, такъ какъ опытъ городского обложенія показалъ, что рядомъ съ „ультрапрогрессивнымъ" обложеніемъ временъ Робеспьера мыслима и самая умѣренная прогрессія, достигающая въ максимумѣ $1/2$—1 проц. дохода и совершенно не чувствительная для состоятельныхъ лицъ. Запретить же всякое прогрессивное обложеніе означало бы отмѣнить его во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ оно уже существовало, гдѣ населеніе съ нимъ вполнѣ свыклось и гдѣ оно во многихъ случаяхъ шло на погашеніе огромныхъ долговъ города. Ландтагъ и высказался въ томъ смыслѣ, что всѣ эти запугиванія коммунизмомъ и революціей совершенно неосновательны, что все это софизмы, не имѣющіе никакого отношенія къ прогрессіи. Вполнѣ справедливо, чтобы тѣ, кто больше имѣютъ, отдавали и болѣе значительную часть своего избытка; при иной же системѣ обложенія пришлось бы установить равный для всѣхъ процентъ обложенія въ гораздо болѣе высокомъ размѣрѣ, чѣмъ въ настоящее время платятъ лица малоимущія, такъ что послѣднія были бы обложены слишкомъ высоко [1]).

Такимъ образомъ въ городахъ постепенно прививалось прогрессивно-подоходное обложеніе, и не только въ Пруссіи, но и въ другихъ германскихъ государствахъ, въ особенности въ Саксоніи. Въ послѣдней появился и первый государственный подоходный налогъ въ 1874—78 годахъ. За Саксоніей въ 1884 г. послѣдовали Баденъ и Гессенъ, установивъ обще-подоходный налогъ въ размѣрѣ отъ $1/2$ до $2^1/_2$ проц. (въ Гессенѣ отъ 1 до $2^1/_2$ проц.) со свободнымъ отъ обложенія прожиточнымъ минимумомъ въ 500 мар. Только въ 1891 году и Пруссія произвела коренную реформу своего поразряднаго обложенія (классснаго и классифицированнаго налоговъ); но за то прусскій подоходный налогъ, который послужилъ впослѣдствіи образцомъ и для другихъ государствъ, имѣлъ болѣе совершенную организацію, чѣмъ его предшественники. Онъ усилилъ прогрессію, доведя ее до 4 проц. дохода (впослѣдствіи до 5 проц.) и освободилъ отъ обложенія недостаточное населеніе, установивъ прожиточный минимумъ въ 900 мар. Законъ исходилъ изъ того соображенія, что доходъ менѣе 900 марокъ едва доста-

[1]) Кулишеръ. Коммунальное обложеніе въ Германіи въ его историческомъ развитіи. 1914, стр.

точенъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей и изъ него ничего не остается для уплаты налоговъ; между тѣмъ налоги на потребленіе, и притомъ въ значительныхъ размѣрахъ, вынуждено уплачивать и населеніе съ минимальнымъ доходомъ; очевидно, его необходимо во всякомъ случаѣ освободить отъ подоходнаго обложенія. Имѣя въ виду, что платежеспособность опредѣляется не только суммой дохода, но и хозяйственными и семейными условіями, въ которыхъ находится плательщикъ, прусскій законъ допускаетъ въ широкихъ размѣрахъ пониженіе окладовъ, напр., въ случаѣ болѣзни, отсутствія заработка, необходимости содержать другихъ членовъ семьи; кромѣ того, изъ дохода вычитается по 50 марокъ на каждаго ребенка моложе 14 лѣтъ, что составляетъ облегченіе для многосемейныхъ. Прусскій законъ вводитъ принципъ самообложенія: каждый плательщикъ (съ доходомъ свыше 3 тыс. мар.) обязанъ подать декларацію, показывая въ ней размѣры своего дохода по 4 рубрикамъ (доходы отъ недвижимости, торговли и промышленности, денежныхъ капиталовъ, прочихъ занятій). Эти декларацiи провѣряются оцѣночными коммиссіями, въ составъ которыхъ входятъ плательщики; постановленіе коммиссіи можетъ быть обжаловано въ апелляціонныя коммиссіи и въ административный судъ. Введеніе декларацій встрѣтило сильное противодѣйствіе, но опытъ показалъ, что при отсутствіи ихъ доходы ускользаютъ отъ обложенія въ весьма большихъ размѣрахъ, притомъ именно крупные доходы. Извѣстный судебный процессъ, имѣвшій мѣсто въ Бохумѣ въ 1891 г., обнаружилъ, что нерѣдко дѣйствительный доходъ въ 10 и болѣе разъ превышалъ доходъ, установленный коммиссіей. Послѣдняя безъ декларацій не въ состояніи была справиться со своей задачей, а нерѣдко и намѣренно оцѣнивала доходъ ниже, чѣмъ слѣдовало, изъ личныхъ выгодъ или подъ вліяніемъ воздѣйствія извнѣ. Этотъ процессъ послужилъ въ значительной мѣрѣ стимуломъ къ введенію обязательныхъ декларацій; и, дѣйствительно, уже въ слѣдующемъ году доходъ плательщиковъ, подавшихъ деклараціи (т. е. съ доходомъ свыше 3 тыс. мар.), былъ установленъ почти въ полтора раза выше, чѣмъ въ предыдущемъ году—вмѣсто 1,9 милліардовъ мар., получилось 2,8 милліард. Въ 1907 году доходъ этихъ лицъ превышалъ уже 5 милліард. мар. Поступленія отъ подоходнаго налога въ Пруссіи равнялись въ 1892 году 125 милл. мар., а въ 1914 году 380 милл., т. е. увеличились за это время въ три раза. Къ подоходному налогу присоединился и поимущественный, введенный также въ 1892 г.; хотя послѣдній, именуемый дополнительнымъ налогомъ (Ergänzungssteuer), и является пропорціональнымъ и размѣры его весьма невелики (1/2 проц. съ тысячи мар. имущества)—эти уступки пришлось сдѣлать правымъ партіямъ, такъ какъ иначе налогъ не прошелъ бы въ ландтагѣ,—но все же онъ имѣетъ существенное значеніе: онъ даетъ возможность рядомъ съ

равнымъ для всѣхъ видовъ дохода подоходнымъ налогомъ еще дополнительно облагать лицъ, владѣющихъ доходами отъ земли или капиталовъ, слѣдовательно, болѣе платежеспособныхъ, чѣмъ лица съ одинаковымъ доходомъ, но получающимся отъ собственнаго труда.

Прусскій подоходный налогъ 1891 года оказалъ большое вліяніе на распространеніе подоходнаго обложенія въ Европѣ. Нѣмецкія государства, не только крупныя, но и мелкія и самыя мелкія, поспѣшили послѣдовать примѣру Пруссіи, а тѣ, которыя уже раньше имѣли подоходное обложеніе, измѣнили и улучшили его по прусскому образцу. Впрочемъ, прожиточный минимумъ, свободный отъ обложенія, лишь въ немногихъ изъ нихъ достигаетъ 900 мар.; даже Саксонія, Вюртембергъ, Гессенъ, освобождаютъ только населеніе, имѣющее менѣе 400—500 мар. дохода. Прогрессія у нихъ также большей частью не идетъ дальше 2—3 проц. съ дохода, только въ Любекѣ она достигаетъ 8 проц. Но въ общемъ большинство нѣмецкихъ государствъ построило свое подоходное обложеніе на прусскій манеръ; по образцу Пруссіи организовано оно въ значительной мѣрѣ также въ Австріи, Венгріи, Даніи и другихъ странахъ; въ Даніи введенъ одновременно съ подоходнымъ, по примѣру Пруссіи, и поимущественный налогъ. Въ Италіи и Швейцаріи находимъ комбинацію изъ поимущественнаго и подоходнаго налоговъ.

Подоходное обложеніе не ограничилось предѣлами Европы; оно перекинулось и въ другія части свѣта,—подоходный налогъ въ настоящее время имѣется въ Канадѣ, Японіи, Индіи, австралійскихъ колоніяхъ. Въ 1913 году онъ введенъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Временно онъ взимался тамъ и раньше, повидимому, подъ вліяніемъ примѣра Англіи; онъ устанавливался и тамъ на покрытіе военныхъ расходовъ въ 1812—14 и въ 60-хъ годахъ XIX вѣка. Но со времени отмѣны его въ 1872 г. подоходнаго обложенія, взимаемаго союзомъ, болѣе не существовало; имѣлись лишь подоходные налоги въ отдѣльныхъ штатахъ. Правда, въ 1895 году была снова сдѣлана попытка перейти къ подоходному обложенію, но едва оно было установлено, какъ въ верховный судъ была подана жалоба на то, что оно противорѣчитъ американской конституціи. Согласно послѣдней, прямые налоги должны быть взимаемы союзомъ въ отдѣльныхъ штатахъ по численности населенія, а вовсе не по доходамъ, имѣющимся въ каждомъ штатѣ. Вслѣдствіе этого законъ 1894 года былъ призналъ антиконституціоннымъ и отмѣненъ. Подобно тому, какъ Англія въ 1816 году устроила ауто-да-фе, и Соединенные Штаты подвергли сожженію всѣ документы, относящіеся къ подоходному налогу, чтобы потомство даже не знало объ этомъ, столь опасномъ для республики, покушеніи на ея конституцію.

Лишь въ 1913 году американцы снова вернулись къ мысли о подо-

ходномъ налогѣ: положеніе о немъ появилось въ качествѣ второго отдѣла закона о таможенной реформѣ—между таможеннымъ тарифомъ и правилами о таможенномъ досмотрѣ. Въ этомъ должно было особенно ярко выразиться связь между подоходнымъ обложеніемъ и новыми таможенными пошлинами. Послѣднія имѣли до сихъ поръ рѣзко-протекціонный характеръ, и такъ какъ промышленность въ Соединенныхъ Штатахъ блестяще развивалась, то всѣ были увѣрены, что тарифъ приноситъ огромную пользу, что тѣ милліарды, въ которыхъ выражается ростъ производства, экспорта и т. д., созданы таможенными пошлинами—post hoc ergo propter hoc. Но стоило конъюнктурѣ измѣниться, и вѣра въ спасительность протекціонизма сразу исчезла—сдѣланы были значительныя уступки фритредерамъ и таможенный тарифъ былъ переработанъ на новыхъ началахъ; это было признано необходимымъ и въ цѣляхъ борьбы съ „тираніей трестовъ“. А такъ какъ при пониженномъ таможенномъ тарифѣ поступленія должны сократиться, то на покрытіе недостающей части ихъ и былъ введенъ подоходный налогъ. Построенъ налогъ весьма своеобразно, на чисто-американскій манеръ, съ американскимъ размахомъ. Прожиточный минимумъ составляютъ не 1200 руб., какъ въ Англіи, и не 450 р., какъ въ Пруссіи, а 6000 руб., (3000 долл.), т. е. въ 5 разъ болѣе, чѣмъ въ Англіи, и въ 13 разъ больше, чѣмъ въ Пруссіи. Съ доходовъ свыше 3000 долларовъ налогъ взимается въ размѣрѣ 1 проц., но съ доходовъ свыше 20.000 долл. берется еще дополнительный налогъ на прогрессивныхъ началахъ, равняющійся 1 проц. съ той части дохода, которая составляетъ 20—50 тыс. долл., затѣмъ 2 проц. (съ 50—100 тыс. долл.) и т. д. вплоть до 6 проц. съ суммы дохода, превышающей 500.000 долл. Такимъ образомъ лица, съ доходомъ менѣе 3 тыс. долл., ничего не платятъ, при доходѣ въ 50 тыс. долл., платятъ всего $1^1/_2$ проц., напротивъ—при доходѣ въ 250 тыс.—4 проц., а если доходъ составляетъ 20 милл. долл.—7 проц. дохода. Недаромъ американцы называютъ этотъ налогъ податью на милліардеровъ.

Изъ Англіи американцы заимствовали уплату налога у источника—удержаніе его при выплатѣ какихъ-либо доходовъ плательщику; а для того, чтобы воспользоваться правомъ изъятія отъ обложенія (ибо общая сумма доходовъ неизвѣстна удерживающему налогъ лицу или учрежденію) или иными льготами, плательщикъ долженъ доставить уплачивающему за него налогъ лицу или учрежденію точную декларацію размѣра всѣхъ своихъ прочихъ доходовъ и просить о примѣненіи къ нему соотвѣтствующихъ льготъ. Такъ что частнымъ лицамъ и частнымъ учрежденіямъ подается декларація о доходѣ, они ее провѣряютъ, и казна разрѣшаетъ имъ опредѣлять льготы, на которыя имѣетъ право плательщикъ. Такого сообщенія свѣдѣній о всѣхъ своихъ доходахъ всякому, отъ кого плательщикъ получаетъ доходъ, и такого довѣрія со стороны

казны мы нигдѣ, кромѣ Америки, не найдемъ. Правда, это касается только основного оклада въ 1 проц., но и въ этихъ предѣлахъ составляетъ неслыханную для Европы мѣру. Съ нею вполнѣ гармонируетъ и постановленіе, что податной надзоръ имѣетъ право требовать предъявленія торговыхъ книгъ и притомъ не только отъ плательщика но и отъ всякаго другого лица, имѣющаго съ нимъ дѣла, и требовать отъ нихъ показаній подъ присягой—и въ этомъ отношеніи Америка оставила далеко позади Старый Свѣтъ. Своеобразную чисто-американскую мѣру составляетъ и командировка чиновъ податной администраціи въ разныя мѣстности для отыскиванія плательщиковъ. Предполагается, что они скрываются и необходимы спеціальныя лица для отысканія ихъ и выясненія ихъ доходовъ. Наконецъ, характерно, что въ Америкѣ не подлежатъ обложенію государственные фонды и—это еще любопытнѣе—изъяты отъ налога почему-то президентъ Соединенныхъ Штатовъ, судьи и чиновники. Въ Европѣ такой льготой пользуются только коронованныя особы [1]).

Такъ, прогрессивный общедоходный налогъ,—тотъ самый налогъ, который противники его называли самымъ ужаснымъ орудіемъ разрушенія и междоусобной войны, какое когда-либо было извѣстно,—этотъ самый подоходный налогъ въ различныхъ формахъ обошелъ весь міръ, сталъ полноправнымъ членомъ податной системы всякой культурной страны. Мало того, не довольствуясь своей первоначальной скромной ролью надстройки къ существующимъ прямымъ налогамъ—поземельному, подомовому, промысловому, съ денежныхъ капиталовъ,—онъ вскорѣ сдѣлалъ дальнѣйшіе шаги и вытѣснилъ ихъ, занявъ то мѣсто, которое прежде принадлежало этимъ реальнымъ налогамъ съ отдѣльныхъ видовъ имущества; изъ надстройки онъ превратился такимъ образомъ въ основу прямого обложенія. Въ настоящее время во многихъ государствахъ—Пруссіи, Баденѣ, Саксоніи, Швейцаріи Даніи, Италіи,—все прямое обложеніе состоитъ исключительно или почти исключительно изъ подоходной и поимущественной податей, въ Англіи—изъ одной только подоходной; отъ реальныхъ же налоговъ сохранились въ этихъ государствахъ—въ противоположность Россіи, Франціи, Австріи — лишь незначительные остатки, воспоминанія отъ тѣхъ временъ, когда подоходнаго налога еще не знали

(Окончаніе слѣдуетъ).

І. Кулишеръ.

---

[1]) См. Покровскій, стр. 92.

СТЕПНЫЕ СИЛУЭТЫ.

ОТЪѢЗДЪ.

Горденко (Вячеславъ Горденко—скрипачъ) стоялъ однимъ колѣномъ на своей постели и снималъ со стѣны старинное оружіе. У него была своя собственная небольшая коллекція, за составленіе которой ушла одна четверть его состоянія.

Бережно снимая драгоцѣнный хламъ, онъ неторопливо, почти нѣжно, обтиралъ вещи тряпкой и складывалъ ихъ тутъ же на постель. Два ящика, въ которые должна была перемѣститься коллекція, стояли рядомъ на полу, раскрытые, длинные, похожіе на гробы, ждущіе эти драгоцѣнные трупы вещей, вышедшихъ изъ употребленія.

Ружья Лебеды и Мортимера, старые кинжалы, кремневыя винтовки и пистолеты, толедскія шпаги и необыкновенныя курительныя трубки,—все это лежало на дешевомъ, потрепанномъ одѣялѣ, которымъ Горденко прикрывалъ свое великолѣпное тѣло спортсмена.

Одинъ изъ пистолетовъ онъ задержалъ дольше другихъ. Эта вещь всегда нѣсколько волновала его, такъ какъ принадлежала когда-то его дѣду, который во время бунта застрѣлилъ крѣпостного человѣка. Было вполнѣ возможно, что онъ сдѣлалъ это изъ этого пистолета.

Горденко осмотрѣлъ кремень, съ задумчивымъ видомъ закрылъ полку и щелкнулъ куркомъ. Звѣздочки искръ брызнули на затравку.

Это его взволновало. Его душа была такъ подстроена, что всякій звукъ, всякое движеніе, вызванные изъ тьмы прошлаго, отзывались въ ней, подобно тому, какъ униссоны переходятъ отъ одной струны къ другой.

Странное волненіе овладѣло имъ. Онъ стоялъ на колѣняхъ среди вещей прошлыхъ вѣковъ, держалъ въ рукѣ старый пистолетъ и потемнѣвшими глазами смотрѣлъ въ пространство. Онъ ничего не видѣлъ ни въ прошломъ, ни

въ настоящемъ, но ощущалъ томленіе, легкое замираніе сердца, какъ будто невидимыя руки протянулись изъ тьмы прошлаго и прикоснулись къ его умиленной душѣ. Онъ утратилъ представленіе о дѣйствительности и пересталъ ощущать себя.

Нѣсколько мгновеній въ его сознаніи не было ни мыслей, ни представленій. Потомъ тамъ что-то случилось, вспыхнуло нѣсколько блѣдныхъ пятенъ, тьма дрогнула, и Горденко увидѣлъ берегъ рѣки, домъ съ мезониномъ и колоннами, своего прадѣда въ напудренномъ парикѣ, какихъ-то дамъ и еще что-то неопредѣленное и смутное, какія-то движенія и мельканія, похожія на переливы свѣта въ хрустальныхъ призмахъ.

Два нервныхъ кирпично-красноватыхъ пятна показались на его матово-блѣдныхъ щекахъ. Въ этотъ моментъ онъ былъ почти прекрасенъ со своимъ блѣднымъ, отчетливо очерченнымъ лбомъ и темными, мерцающими глазами. Въ немъ было какое-то сходство съ Христомъ, не съ Христомъ опредѣленнаго художника, а съ тѣмъ общимъ у всѣхъ художниковъ лицомъ, которое, не смотря на разнообразіе отдѣльныхъ толкованій, неизбѣжно вырисовывается въ чертахъ Спасителя.

Стукъ проѣхавшей по двору телѣги спугнулъ видѣнія.

Горденко вздохнулъ и опять увидѣлъ свою комнату, кучу стараго оружія, наполовину свернутый коверъ на полу, гимнастическія гири, брошенныя въ безпорядкѣ на срединѣ комнаты,—весь этотъ хаосъ изъ ружейныхъ гильзъ, трубокъ, коробокъ, старыхъ брюкъ, охотничьихъ гетръ, бумажекъ, валявшихся всюду на столѣ, диванѣ и полу.

Рука съ пистолетомъ безсильно опустилась.

Скрипачъ вспомнилъ обстоятельства, предшествовавшія превращенію тихаго мірка, созданнаго имъ въ своей комнатѣ, въ эту безформенную кучу обломковъ и почувствовалъ боль въ груди.

Ему было больно; онъ томился и страдалъ, потому что чувствовалъ себя униженнымъ.

Его гнали вонъ.

Положимъ, не вполнѣ гнали и даже, собственно говоря, совсѣмъ не гнали!.. Но какого же чорта не идетъ она просить его остаться?

Безъ сомнѣнія, она была виновата. Она тронула самую больную струну его души; она его оскорбила.

— А-а, Боже мой!

Пистолетъ полетѣлъ въ общую кучу; подброшенная носкомъ сапога коробка изъ-подъ гильзъ взлетѣла на воздухъ.

— А если она не придетъ?

Нѣсколько безформенныхъ темныхъ пятенъ пролетѣло въ его головѣ. Онъ началъ укладывать свои вещи только для того, чтобы она пришла, но теперь, когда въ комнатѣ не осталось ни одной не перевернутой вверхъ ногами вещи, ему начало казаться, что моментъ упущенъ и что она уже не можетъ придти.

Онъ провелъ по лицу дрожащей отъ гнѣвнаго волненія рукой.

Да, возможно, что онъ проигралъ и что кой-какія слова не слѣдовало употреблять.

Отъ одной фразы во всякомъ случаѣ слѣдовало воздержаться.

Да, это была ошибка. Она проститъ ему все, что угодно, но не это.

Какъ она ощетинилась!

И подумать, что все началось изъ-за этой проклятой старинной чашки. Для нея—это только хламъ; для него—обломокъ исчезнувшаго міра, съ которымъ у него существуетъ какая-то таинственная связь.

Они спорили около часа. Потомъ въ раздраженіи она высказала нѣсколько упрековъ, пользуясь фразами, слышанными отъ тетки, которая пріѣзжала разъ въ мѣсяцъ только для того, чтобы поставить племянницѣ на видъ предосудительность ея поведенія.

Вотъ тогда-то онъ и сказалъ ей нѣсколько словъ, отъ которыхъ у ней задрожали губы.

Но развѣ по существу дѣла онъ былъ не правъ?

Онъ сказалъ ей, что ея превосходство надъ нимъ—мнимое. Шестьсотъ десятинъ земли. Подумаешь, какъ это внушительно!

Онъ сердито повалился на диванъ въ кучу хлама и взялся руками за голову.

Ну, да... Онъ прижился у нея и пользуется частью ея доходовъ, но что въ этомъ недостойнаго, собственно говоря?

Ея мужъ прежде, чѣмъ умеръ, дѣлалъ то же самое, и то же самое дѣлали и дѣлаютъ милліоны людей... Вотъ Гайднъ, напримѣръ... А она сама, — эта помѣщица съ неувѣренными манерами и непріятнымъ цвѣтомъ лица,—развѣ она сама не живетъ по существу дѣла на средства своего умершаго дяди? Между нимъ— бездомнымъ скрипачомъ—и ею разницы по существу дѣла нѣтъ никакой. Они оба состоятъ на содержаніи: онъ у живой помѣщицы, а она у умершихъ родственниковъ.

А если нѣсколько углубиться въ эту тему...

Но вотъ именно этого-то и не слѣдовало дѣлать.

Онъ сказалъ, что по существу дѣла онъ даже больше.

чѣмъ кто онъ то ни было, имѣетъ право жить здѣсь, въ этомъ домѣ, такъ какъ онъ — единственный здѣсь человѣкъ, чувствующій связь съ тѣмъ прошлымъ, въ которомъ создавались и эти стѣны, и эти картины, и паркъ, и земельная рента. Его душа — такой же обломокъ исчезнувшаго міра, какъ и всѣ эти вещи, которымъ онъ ближе, чѣмъ сама ихъ хозяйка...

Это было красиво, но неосторожно сказано.

Съ этого момента тонъ разговора рѣзко измѣнился и черезъ нѣсколько минутъ его подруга уже кричала.

Онъ замѣчалъ это и раньше. Всѣ онѣ становятся необычайно чувствительны, какъ только въ ихъ мутномъ воображеніи мелькаетъ что-нибудь въ родѣ опасности, угрожающей ихъ праву. Онѣ щетинятся, какъ собака, охраняющая кость.

Ну, и чортъ съ ними! У него есть чувство чести и онъ не позволитъ такъ съ собой разговаривать.

Чтобы успокоиться, онъ взялъ скрипку.

Это былъ инструментъ одного изъ послѣднихъ Амати. Земля четыреста разъ обернулась съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ собранъ въ счастливой комбинаціи, дающей такой глубокій и мягкій тонъ.

Горденко чувствовалъ почти физическое удовольствіе отъ прикосновенія къ этимъ потемнѣвшимъ доскамъ, въ которыхъ скрывался замыселъ мастера, когда-то жившаго, мучившагося въ творчествѣ, искавшаго новыхъ комбинацій. Нѣсколько мгновеній онъ безцѣльно держалъ въ рукахъ скрипку, потомъ провелъ по декамъ платкомъ и взялъ смычокъ.

Могучій, гнѣвный аккордъ и слѣдомъ за нимъ бурное „летучее" стаккато; еще аккордъ и еще стаккато.

Благородные, законченные, уплотненные звуки наполнили весь домъ. Это былъ импровизированный призывный вопль, который въ переводѣ на обычный языкъ означалъ:

— Милая моя, ты должна же, наконецъ, понять, какъ мнѣ больно. Я не могу придти къ тебѣ самъ, потому что ты оскорбила меня. Тебѣ удобнѣе сдѣлать первый шагъ Пощади меня. Иначе я уѣду, какъ ни жутко мнѣ опять начать нищенствовать.

Нѣсколько случайно подвернувшихся подъ пальцы фразъ изъ „Манфреда въ горахъ" заинтересовали его.

Онъ видѣлъ теперь эстраду, стройную спину Кусевицкаго, управлявшаго оркестромъ, и слышалъ наполнявшіе залъ аккорды мрачнаго отчаянія. Съ серьезнымъ и прислушивающимся выраженіемъ лица онъ искалъ эти звуки на скрипкѣ...

Игра никогда не доставляла ему полнаго удовлетворенія.

Его утонченный слухъ улавливалъ всѣ малѣйшіе шорохи смычка и незамѣтныя для рядового слушателя случайныя неточности звука. Онъ игралъ почти хорошо и могъ бы играть совсѣмъ хорошо, еслибы не былъ такъ лѣнивъ. Но даже, еслибы онъ игралъ, какъ виртуозъ, игра все-таки не дала бы ему полнаго удовлетворенія, такъ какъ въ его сознаніи рождались звуки такой чистоты и выразительности, что ихъ нельзя было передать ни на какомъ инструментѣ.

И теперь, вслушиваясь въ части аккордовъ изъ Манфреда, онъ чувствовалъ смутное безпокойство, которое становилось тѣмъ опредѣленнѣе, чѣмъ яснѣе ему становился замыселъ композитора. Теперь онъ уже не видѣлъ Кусевицкаго. Въ его сознаніи скользили пятна горнаго ландшафта, сверкающее озеро, туманная дымка долинъ и холодная прозрачность воздуха на вершинахъ. Онъ видѣлъ и самого мрачнаго графа, исключительныя чувства котораго среди исключительной природы казались почти вѣроятными.

Зрительныя впечатлѣнія, наконецъ, подавили музыкальныя. Съ задумчивымъ видомъ Горденко сдѣлалъ нѣсколько неопредѣленныхъ щипковъ лѣвой рукой и опустилъ скрипку.

Вслѣдъ затѣмъ онъ швырнулъ смычокъ въ футляръ.

Она не пришла все-таки.

Скрипку онъ уложилъ дрожащими руками, но очень бережно.

Она не придетъ. Это ясно теперь.

Оружіе опять полетѣло со стѣны на постель и съ постели въ ящики.

Поѣздъ отходитъ въ семь съ четвертью. Прекрасно! Онъ успѣетъ уѣхать сегодня же.

— Надя!

Вошла чистенькая горничная.

— Скажите, чтобы приготовили телѣжку къ пяти часамъ. Я уѣжаю.

Горничная вышла.

Онъ прислушался. Неужели ничего, ни малѣйшей попытки удержать? Ему легче было бы уѣхать, сопротивляясь и капризничая.

О, какъ больно!

И какъ это случилось, что его вліяніе такъ ослабѣло?

Онъ провелъ рукой по лысѣющему лбу. Да, онъ старѣетъ, теряетъ волосы и зубы. Ему уже сорокъ лѣтъ.

Когда-то этотъ возрастъ казался ему предѣломъ, до котораго стоило жить. Теперь ему хотѣлось бы прожить еще лѣтъ пять, шесть, десять... Дольше пятидесяти во всякомъ случаѣ жить не стоило.

Онъ представилъ себѣ эти десять лѣтъ безъ комфорта и денегъ, въ полномъ одиночествѣ. Ему придется, конечно, давать уроки. Это было всего ужаснѣе. Порой онъ чувствуетъ раздраженіе и почти физическую боль отъ своей собственной игры; каждая фальшивая нота влетаетъ въ его сознаніе, какъ капля расплавленнаго свинца, а ученики издаютъ втеченіе первыхъ двухъ лѣтъ однѣ только фальшивыя ноты.

Въ сосѣднихъ комнатахъ послышались шаги.

Онъ всталъ и, нервно потирая руки, прислушался.

Нѣтъ, это не она.

Онъ почувствовалъ себя во власти враждебныхъ случайностей и, почти смирившись, началъ заколачивать ящики.

Черезъ часъ онъ сидѣлъ въ телѣжкѣ и благосклонно отвѣчалъ на поклоны прислуги, которой онъ раздалъ на чай одну треть своихъ наличныхъ денегъ.

Его будутъ здѣсь помнить.

Лошади тронули; домъ и садъ качнулись.

Но онъ еще продолжалъ ждать. Онъ всматривался въ темную зелень вишневыхъ кустовъ, разсаженныхъ по границѣ сада, и нѣсколько разъ ему казалось, что онъ видитъ что-то, похожее на дамскую блузку.

И только, когда садъ остался позади, его чувства и мысли приняли новый оттѣнокъ полной безнадежности.

И домъ, и садъ, и эта женщина, которая четыре года была такъ терпѣлива и такъ послушна, всѣ эти вещи и люди, нѣсколько минутъ тому назадъ составлявшія условія его жизни, теперь отошли въ прошлое. Ему предстояло войти въ какія-то другія условія, усвоить вліяніе какихъ-то новыхъ вещей и новыхъ лицъ.

Острая грусть овладѣла имъ и нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ охваченный ощущеніями, въ которыхъ было что-то общее съ сильнымъ, сладковатымъ запахомъ сѣна, наполнявшимъ степь.

Когда онъ очнулся, вдали уже виднѣлась красная крыша станціи.

Это вызвало въ его сознаніи рядъ новыхъ представленій. Онъ думалъ теперь о станціи, о поѣздѣ, о дорожныхъ встрѣчахъ.

Годъ тому назадъ, проѣзжая по этой же дорогѣ, онъ встрѣтился и разговорился съ дѣвушкой, у которой были нѣсколько приподнятыя плечи, воинственно торчащія уши и паралитикъ отецъ, съ которымъ она жила въ своемъ имѣньѣ.

Тогда онъ не довелъ дѣло до конца, но развѣ подобная встрѣча не могла повториться?

Полузакрывъ глаза, онъ увидѣлъ окно вагона и дѣвушку съ торчащими ушами. Дѣвушка стояла у окна, смотрѣла на разбѣгающіяся въ стороны кривыя отдѣльныхъ точекъ степи и слушала. Онъ держалъ въ рукахъ старинные часы, послужившіе поводомъ для начала разговора, но эта тема была оставлена еще полчаса тому назадъ.

Теперь онъ говорилъ о прелестяхъ кочевой жизни. Историческія мѣста и названія волновали его. Равнина между Днѣпромъ и Волгой, которую они перерѣзали поперекъ, была населена мрачными призраками прошлаго. Это былъ путь гунновъ, печенѣговъ, половцевъ, татаръ и гдѣ-то здѣсь же проходили полки Игоря.

— Смотрите, вотъ Донъ!

Самый звукъ этого имени взволновалъ его.

— Донъ!

Небольшая, но необыкновенно нѣжная, голубая рѣка, прижавшаяся къ бѣлому, мѣловому горному берегу, вызвала у него нѣсколько восторженныхъ междометій.

— О, какъ это красиво!

На другомъ, степномъ, берегу далеко впереди весело и привѣтливо бѣлѣла церковь, и весь этотъ кусокъ пейзажа съ примитивными линіями и нѣжными тонами былъ похожъ на тѣ милыя стереотипныя заставки, которыя такъ часто употребляются въ хорошихъ дѣтскихъ книжкахъ.

— Древніе называли Донъ Танаисъ,—сказалъ онъ—они поднимались, можетъ быть, сюда на своихъ лодкахъ, какъ теперь европейцы поднимаются по Конго, и это не всегда благополучно сходило имъ съ рукъ.

Дѣвушка лучше его знала мѣста, по которымъ они ѣхали, и сказала:

— А вонъ, смотрите, это—Шатрище,—гора, гдѣ прятался Стенька Разинъ.

— Онъ, кажется, вездѣ прятался.

Потомъ, щурясь на бѣлые склоны холма, Горденко заговорилъ, нѣсколько преувеличивая свое волненіе:

— Нѣтъ ничего болѣе волнующаго, чѣмъ путешествіе. Первыя впечатлѣнія—всегда самыя яркія и самыя цѣнныя. Въ первыхъ впечатлѣніяхъ улавливаешь самую душу предмета. Вонъ у той бѣленькой церкви, напримѣръ, душа—привѣтливая и наивная,—что-то въ родѣ души хорошей деревенской дѣвушки... Иногда я дѣлаю тысячу верстъ въ вагонѣ, чтобы уловить улыбку какой-нибудь старой барской усадьбы или полуразвалившейся крѣпости... Я—обломокъ прошлаго; моя душа принадлежитъ тому, что уже умерло... Я—что-то въ родѣ осколка погибшей планеты, которая когда-то

была полна жизни, а теперь безформенными кусками носится въ пространствѣ. Я нигдѣ не могу создать себѣ прочное гнѣздо.

— Вы играете на скрипкѣ? — спросила дѣвушка, глядя на скрипичный футляръ.

Онъ зналъ женщинъ и не удивился внезапному зигзагу ея мысли.

— Да,—отвѣтилъ онъ—я скрипачъ немного.

— Скучно въ степи... Такая тоска, просто ужасъ.

Даже теперь, переживая эту сцену въ мечтаніяхъ, Горденко почувствовалъ нѣкоторое удовлетвореніе и облегченно вздохнулъ.

То, что было, мѣшалось въ его мечтаніяхъ съ тѣмъ, что могло быть и что, можетъ быть, когда-нибудь дѣйствительно будетъ. Онъ еще не оформилъ въ опредѣленные образы то, что должно было послѣдовать вслѣдъ за заявленіемъ дѣвицы о скукѣ, но уже ощущалъ возможность благополучнаго конца.

Да, въ степи было скучновато, и онъ могъ разсчитывать на нѣкоторое вниманіе.

Щуря свои близорукіе глаза, онъ всматривался въ бѣлесовато-синюю даль степи, гдѣ скрывалось его будущее,—тѣ новыя условія жизни, которыя ему предстояло найти.

Волненіе ожиданія, смутныя предчувствія, почти съ юношеской силой овладѣли имъ. Онъ втянулъ нервными ноздрями сладковатый ароматъ вянущей степи и не подумалъ, а ощутилъ, что жизнь для него еще не кончена и что впереди есть кой-что неизвѣстное и волнующее.

ПОЛЮДЬЕ.

Кончивъ сѣдлать, Арчаковъ попробовалъ пальцемъ подпругу, тряхнулъ сѣдло и вошелъ въ избу за нагайкой и револьверомъ.

Маленькая, чистенькая, въ бѣлыхъ манжетахъ и воротничкѣ женщина, сидѣвшая за накрытымъ клеенкой столомъ, подняла голову отъ книги и оглядѣла его грустными глазами.

Это сочетаніе изящной женской фигурки съ плохо выкрашеннымъ, покоробившимся поломъ и стѣнами, оклеенными потрескавшимися дешевыми обоями, всегда нѣсколько дѣйствовало на его нервы, раздражая, какъ длительный диссонансъ. Было бы лучше, еслибы она въ этой обстановкѣ отказалась отъ своихъ культурныхъ привычекъ.

— Ты ѣдешь?—сказала она.

— Надо будетъ... Ты вѣдь знаешь, что это надо... Я поѣду и соберу кой-какія старыя недоимки.

Онъ поднялъ брови и напряженно наморщилъ свой покатый лобъ.

Эта тема была исчерпана еще утромъ, но онъ все же боялся какихъ-нибудь новыхъ словъ, какихъ-нибудь неожиданныхъ аргументовъ, которые могли зародиться въ этой маленькой лабораторіи, скрывавшейся за нѣжнымъ, осѣненнымъ бѣлокурыми локонами, лбомъ жены. Тамъ не прекращалась смущавшая его работа, результаты которой всегда казались ему неожиданными, такъ какъ онъ не въ состояніи былъ уловить подготовительный процессъ.

На минуту жена опустила глаза въ литографированныя лекціи по исторіи литературы. Потомъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ уже началъ считать себя свободнымъ, сказала:

— А если эти твои... ужасные двоюродные братья придутъ и что-нибудь сдѣлаютъ?

— Они не придутъ.

— Ну, а если?

— Зачѣмъ они придутъ, Олюшка, если меня не будетъ? Они на меня злятся, а не на тебя.

Ей хотѣлось чѣмъ-нибудь расплатиться съ нимъ за тѣ нѣсколько часовъ одиночества, которые ей предстояли, и она настойчиво повторила:

— Но если придутъ?

Онъ вдругъ сдѣлалъ неопредѣленный порывистый жестъ правой рукой; его верхняя губа слегка приподнялась, обнаруживъ два ряда прекрасныхъ, бѣлыхъ зубовъ.

Въ своей черной, крѣпко стянутой на высокой таліи, поддевкѣ, со скошеннымъ назадъ лбомъ и хищнымъ выраженіемъ рта, онъ былъ похожъ на большую, злую осу.

— Тогда,—сказалъ онъ, блѣднѣя отъ гнѣва,—тогда я имъ... я ихъ...

— О-о!

Жена опять опустила голову и безцѣльно перевернула страницу. Она жила въ этихъ условіяхъ полгода, но уже начала сознавать, что взяла на себя бремя свыше силъ.

Со стороны это не казалось такъ страшно, и, даже увидѣвъ прошлой весной избу, въ которой имъ предстояло прожить годъ, она не упала духомъ. Лѣтомъ эта изба, уцѣлѣвшая среди пепелища усадьбы, сожженной въ 1906 году, казалась даже привлекательной. Вся площадка передъ ней заросла густой и высокой травой, а у самаго крыльца цвѣли вырождающіяся, но еще яркія, штокъ-розы.

И они поселились здѣсь, потому что мужъ убѣдилъ ее въ необходимости этого. Собственно говоря, она такъ и не усвоила, почему это было необходимо для хозяйства, но поняла, что мужъ находится во власти навязчивой идеи. Она любила этого красавца, чувствовавшаго себя свободнѣе на лошади, чѣмъ за банковской конторкой, и на ея рѣшеніе оказало нѣкоторое вліяніе эстетическое чувство: ея мужъ въ роли сельскаго хозяина представлялъ изъ себя законченную фигуру, которая особенно нравилась ей. Кромѣ того, она иногда почти вѣрила, что изъ этого предпріятія дѣйствительно что-нибудь можетъ выйти.

О, какъ она была неосторожна!

Она увѣрила себя, что этотъ годъ въ степи не помѣшаетъ ея занятіямъ и что въ тиши зимнихъ вечеровъ она сможетъ пройти, по крайней мѣрѣ, два семестра.

Но съ первыхъ же дней она почувствовала себя во власти силъ, о существованіи которыхъ не подозрѣвала. Оказалось, что цвѣтъ стѣнъ, размѣръ оконъ, форма печки и состояніе пола имѣютъ огромное, почти рѣшающее, вліяніе на работу мысли. И всякій разъ, когда она садилась за книги, ей приходилось преодолѣвать вліяніе всѣхъ этихъ грязныхъ, безформенныхъ вещей, которыя дѣлали безсильными, жалкими и безсодержательными слова, которыя она читала въ своихъ лекціяхъ.

И такъ же примитивны и грубы, какъ вещи, были здѣсь и человѣческія отношенія.

Иногда на улицахъ деревни она встрѣчала веселыхъ парней (не арендовавшихъ землю у мужа), которые съ безпечнымъ нахальствомъ оглядывали ее съ ногъ до головы и говорили тономъ, насыщеннымъ юморомъ:

— Госпожа... помѣщица.

Или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Она перестала жаловаться мужу, такъ какъ онъ въ такихъ случаяхъ хватался за нагайку, и человѣческія отношенія угрожали перейти въ драку.

Въ состояніе, близкое къ дракѣ, перешли и ихъ отношенія съ двоюродными братьями мужа.

При размежеваніи наслѣдства дѣда оказалось, что въ натурѣ земли на двадцать десятинъ больше, чѣмъ по документамъ. Ни та, ни другая группа наслѣдниковъ не пожелала ни уступить, ни подѣлить спорный кусокъ пополамъ. Никто не зналъ причинъ такого приращенія, но всѣ какими-то таинственными для Ольги путями пришли къ заключенію, что спорная земля заключается въ „Моховомъ баракѣ“.

При такомъ оборотѣ дѣла шансы мужа Ольги повыша-

лись, такъ какъ его отецъ сдавалъ Моховое въ аренду, но оказалось, что мать двоюродныхъ братьевъ послѣ смерти брата тоже сдала спорное угодье другимъ крестьянамъ. По этой причинѣ двоюродные братья пришли разъ пьяные, угрожали, хватались за карманы, въ которыхъ были револьверы, и ушли, ругаясь.

Ольга съ полнымъ довѣріемъ относилась къ такимъ понятіямъ, какъ право и владѣніе, но способы аргументаціи противниковъ поразили ее. По существу дѣла она присутствовала при процессѣ зарожденія права собственности на двадцать десятинъ земли, но не видѣла ничего, кромѣ угрожающихъ жестовъ.

Теперь оскаленные зубы мужа вызвали въ ней непріятное чувство.

На мгновеніе она утратила связь съ дѣйствительностью и этотъ скалившій зубы красивый мужчина показался ей чужимъ. Онъ въ своей поддевкѣ и папахѣ съ малиновымъ верхомъ сливался съ обстановкой, въ которой Ольга чувствовала себя чуждымъ пятномъ.

Переступивъ съ ноги на ногу, онъ сказалъ:

— Ты ужь, пожалуйста... ты не волнуйся, сдѣлай одолженіе. Что же дѣлать, если надо ѣхать? Вѣдь у насъ нѣтъ денегъ.

Она сдѣлала неопредѣленное движеніе плечомъ.

— Это девятый вѣкъ какой-то... Иногда мнѣ кажется, что большіе города, театры, книги, мои профессора, курсы, все это—сонъ какой-то, что-ли, а реально и безусловно только то, что насъ окружаетъ. Такъ жили тысячу лѣтъ тому назадъ и такъ живутъ теперь. Такъ же возятся съ землей, такъ же чувствуютъ, пьянствуютъ и дерутся, такъ же собираютъ и платятъ оброкъ... Ты вотъ собрался, напримѣръ, на полюдье... Внѣшне разница очень небольшая, а по существу дѣла ея нѣтъ вовсе. Иногда я чувствую, какъ глупѣю. Еще немного—и я перестану мѣнять бѣлье, начну сушить грибы, кричать и думать только о томъ, что вижу... Это—ужасно. И было бы хотя ради чего мучить себя. Изволите видѣть, мы собрались копить деньги на домъ. Какъ это убѣдительно выходило, когда ты говорилъ!.. А теперь у насъ нѣтъ денегъ, чтобы заплатить за молоко.

— Но вѣдь ты знаешь, — нынѣшній годъ неурожайный. У насъ есть деньги,—только онѣ еще тамъ, у крестьянъ, но это совершенно все равно. Я вотъ поѣду и получу деньги.

Она опять шевельнула плечомъ.

— Ну, это, конечно, все равно, есть у насъ деньги или ихъ у насъ нѣтъ.

— И потомъ (ты же вѣдь и это знаешь) мы не могли ве-

сти хозяйство изъ города. Нуженъ былъ приказчикъ. Какой же смыслъ былъ платить приказчику столько, сколько я самъ зарабатывалъ въ этомъ банкѣ. А? Вѣдь это убытокъ прямой.

Онъ надѣлъ нагайку черезъ плечо и подошелъ къ ней.

— Такъ я поѣду, — сказалъ онъ цѣлуя,—ты ужь, пожалуйста, не волнуйся, сдѣлай одолженіе.

Потомъ онъ торопливо, наклоняя голову въ низкихъ для него дверяхъ, вышелъ во дворъ.

Подъ ногами возбуждающе звонко скрипѣлъ снѣгъ; лошадь, вся покрытая легкимъ инеемъ, нервно поводила ушами и, когда Арчаковъ отвязалъ поводъ, начала отплясывать въ сторону.

Почти не глядя на нее, тѣмъ машинальнымъ и отчетливымъ движеніемъ, которое вырабатывается только долгой практикой, онъ попалъ ногой въ стремя и легко и мягко опустился въ сѣдло.

И тотчасъ вслѣдъ затѣмъ въ его головѣ погасли всѣ тѣ темные огоньки, которые вспыхивали тамъ во время разговора съ женой. Теперь въ его сознаніи было только то, что онъ непосредственно воспринималъ: блескъ солнца на снѣжной равнинѣ, нѣжныя тѣни, лежавшія въ складкахъ почвы, движенія лошади и скрипъ воротъ гдѣ-то за оврагомъ въ деревнѣ.

Повернувъ по плохо наѣзженой дорогѣ, онъ выѣхалъ на берегъ оврага, гдѣ семь лѣтъ тому назадъ стояла усадьба. Теперь тамъ виднѣлись только снѣжные, уродливые бугры, подъ которыми скрывались остатки фундамента. Кусты дикаго терна и одичавшей вишни, выбравшіеся изъ оврага, торчали изъ-подъ снѣга на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то была площадка для крокета.

Придерживая лошадь, косившуюся на остатки фундамента, которые даже подъ снѣгомъ оставались чуждыми окружающему и странно мертвыми, Арчаковъ началъ спускаться внизъ къ саду и усадьбѣ тетки.

Еще издали, съ берега оврага, онъ разглядѣлъ своими степными глазами у воротъ дома фигуру старшаго изъ братьевъ, который съ ружьемъ на перевязи стоялъ и разговаривалъ съ двумя крестьянами.

Ощущеніе враждебности,—легкое, едва сознаваемое волненіе,—охватило его. Тамъ внизу что-то предстояло, и онъ ничего не имѣлъ противъ хорошей перебранки, а, пожалуй, и нѣсколькихъ жестовъ съ нагайкой.

Онъ нарочно особенно медленно проѣхалъ мимо воротъ, но двоюродный братъ проводилъ его мрачнымъ взглядомъ и ничего не сказалъ.

Выбравшись въ степь, Арчаковъ толкнулъ лошадь и по-

ѣхалъ дѣловитой, сдержанной рысью. Онъ ѣхалъ автоматически, такъ, какъ обычно ходятъ,—не ощущая привычныхъ движеній,—и его сознаніе было теперь въ такой степени заполнено голубовато-бѣлымъ полукругомъ степи, что онъ ощущалъ себя почти исключительно черезъ боль въ ушахъ, которыя начали зябнуть.

Черезъ полчаса онъ задержалъ лошадь. Ему предстояло сдѣлать выборъ между двумя деревнями. Въ одной крестьяне изъ года въ годъ снимали у него свои участки и тамъ не предстояло никакихъ осложненій. Въ другой деревнѣ снимали „Моховой", и населеніе ея дѣлилось на сторонниковъ Арчакова и его братьевъ, въ зависимости отъ того, кто кому заплатилъ аренду.

Арчаковъ въ точности зналъ, что его противники склонны избить его, такъ какъ у него вышло съ ними нѣсколько недоразумѣній весной при попыткахъ запахать спорный участокъ. Тогда кой-кто изъ нихъ ушелъ съ кровоподтеками на разныхъ частяхъ тѣла, и Арчаковъ не безъ чувства нѣкотораго удовлетворенія думалъ о томъ, что впечатлѣніе произведенное имъ, очевидно, еще не изгладилось.

Сама по себѣ возможность столкновенія была настолькс привлекательна, что онъ не колебался бы, еслибы разсчитывалъ собрать въ этой деревнѣ хотя сколько-нибудь значительную сумму. Впрочемъ, потребности духа скоро преодолѣли соображенія матеріальнаго порядка, и онъ повернулъ влѣво, навстрѣчу возможной дракѣ.

Черезъ четверть часа онъ спустился въ ложбинку, переѣхалъ незамерзшій ручеекъ, вода котораго казалась черной, какъ чернила, и постучалъ нагайкой въ окно крайней избы.

Вышелъ благообразный, чернобородый мужикъ въ одной ситцевой рубахѣ и безъ шапки.

— Алексѣй Степанычъ, — сказалъ онъ и принялъ лошадь.

Онъ не проявлялъ ни суетливости, ни особенной радости, но Арчаковъ зналъ, что въ немъ можно было быть увѣреннымъ, такъ какъ основной чертой его характера была вѣрность. Онъ не видѣлъ большой разницы между Алексѣемъ и его братьями, но, разъ ставъ на сторону Алексѣя, онъ считалъ себя обязаннымъ занимать эту позицію до конца.

Войдя въ избу, Арчаковъ снялъ папаху и сѣлъ за столъ

— Сходи, братъ, скажи тамъ кой кому, чтобы несли Марьѣ Прокофьевой скажи, Сашкѣ кривому... Ну, вали братъ!

Потомъ онъ досталъ квитанціонную книжку и патентованное перо. Онъ долго возился съ нимъ, пробовалъ его на ногтѣ, пытаясь заставить его писать и, наконецъ, превос-

ходнымъ почеркомъ, испытывая почти эстетическое наслажденіе, вывелъ:—Ал. Арчак... и расчеркнулся.

Операція сбора денегъ заняла около часа. Пять мужиковъ и двѣ бабы приходили, кланялись, платили деньги, просили объ отсрочкѣ, ворчали...

Онъ держался великолѣпно.

При полученіи денегъ въ такихъ обстоятельствахъ совсѣмъ не такъ просто сохранить достойный видъ. Одни вступаютъ въ излишнія пререканія съ плательщиками, другіе безсильно мякнутъ и теряютъ время и деньги; третьи кричатъ и бушуютъ, какъ завоеватели, право которыхъ не обратилось еще въ привычку.

Арчаковъ былъ сдержанъ, но въ немъ было столько увѣренности въ себѣ и въ своемъ положеніи, что сборъ протекалъ всегда успѣшно. Онъ былъ безпристрастно милостивъ и справедливо строгъ.

Въ этотъ моментъ сослуживцы по банку не узнали бы въ немъ плохо владѣющаго рѣчью счетовода, получавшаго пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

Когда все было кончено, Арчаковъ всталъ и потянулся такъ, что хрустнули кости. Онъ усталъ сидѣть.

Лошадь его тоже устала стоять, прозябла и сразу запросила поводья.

Поднимаясь въ гору, онъ замѣтилъ нѣсколько темныхъ фигуръ, мелькнувшихъ между хлѣбными амбарами, и въ его головѣ вспыхнула свѣтлая полоса, какъ будто внезапно открылась и тотчасъ захлопнулась дверь въ освѣщенную комнату.

Онъ не успѣлъ разглядѣть, что скрывалось за этой дверью, но его руки и ноги уже знали, что слѣдуетъ дѣлать.

Онъ круто задержалъ лошадь и вынулъ портъ-сигаръ.

Въ пятидесяти шагахъ отъ него чернѣли амбары, изъ-за которыхъ могла, пожалуй, сверкнуть молнія выстрѣла. Доставъ папиросу, онъ долго возился со спичками, которыя гасли, не переставая въ то же время видѣть малѣйшіе закоулки между амбарами. Тамъ что-то происходило. Быть можетъ, тамъ подсчитывались силы и шансы успѣха.

Папироса, наконецъ, задымилась, но фигура всадника продолжала оставаться неподвижной. Это былъ рѣшающій моментъ, когда тѣ, которые прятались, почувствовали, что они постепенно изъ охотниковъ превращаются въ дичь.

Обѣ стороны хранили полное молчаніе, но всѣ прекрасно понимали другъ друга.

Когда переходный моментъ кончился и охотники окончательно почувствовали себя въ роли дичи, Арчаковъ толк-

нулъ лошадь и шагомъ поѣхалъ дальше, не оглядываясь и не принимая никакихъ мѣръ предосторожности.

Отъѣхавъ саженъ сто, онъ уловилъ далекій крикъ, похожій на крѣпкое ругательство, но не оглянулся

Постепенно онъ поддавался вліянію обстановки. Нервное возбужденіе улеглось.

Онъ ѣхалъ теперь по землѣ своихъ предковъ и ощущалъ только это. Маленькая женщина въ безукоризненно чистомъ воротничкѣ одиноко сидѣла въ бывшей людской избѣ, стала крошечной точкой въ его сознаніи, значеніе которой онъ едва понималъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлалъ для этого усиліе.

То, что онъ чувствовалъ теперь, по существу дѣла было мечтаніями, хотя въ его головѣ почти не было образовъ, такъ какъ онъ не обладалъ сильнымъ воображеніемъ.

Онъ ощущалъ себя помѣщикомъ, настоящимъ бариномъ, ѣдущимъ по своимъ владѣніямъ.

Три четверти той земли, по которой онъ ѣхалъ, были еще его отцомъ спущены за долги, но теперь онъ вновь чувствовалъ ее своей. Онъ не въ состояніи былъ вызвать въ сознаніи сколько-нибудь опредѣленные и связные образы, но ощущалъ онъ прекрасно.

Ради этихъ призрачныхъ ощущеній онъ оставилъ мѣсто въ банкѣ и поселился въ избѣ, самъ наполовину сознавая, что всѣ остальныя соображенія играютъ только служебную роль.

Щурясь отъ легкаго вѣтра, онъ смотрѣлъ въ искрящееся голубоватыми отсвѣтами снѣжное пространство, время отъ времени туманившееся струями мелкаго снѣга, переносимаго низовымъ вѣтромъ.

И чѣмъ упорнѣе онъ вглядывался въ эти однообразныя мерцанія, тѣмъ блѣднѣе становились его мысли и тѣмъ опредѣленнѣе и ярче онъ ощущалъ.

Въ немъ пробуждались старые инстинкты, тысячелѣтніе навыки къ опредѣленному душевному строю.

Подъ нимъ живыми и ритмическими движеніями шевелилась лошадь; надъ нимъ было мутно-сиреневое небо; а вокругъ разстилалась необъятная бѣлая плоскость степи, по которой плыли, вились, падали и кружились на мѣстѣ тонкія струи снѣга, въ движеніяхъ которыхъ была та же порывистость и кажущаяся произвольность, какъ въ движеніяхъ песка на днѣ прозрачной и быстрой рѣчки...

Вдали темнымъ пятномъ вырисовалась дубовая поросль оврага; усадьба была уже близко.

Арчакову жаль стало разстаться со своими ощущеніями и, задержавъ лошадь, онъ поѣхалъ шагомъ.

Ф. Воскресенскій.

Великая научная революція.

(Принципъ относительности).

(Окончаніе).

XV. Міръ, какъ четырехмѣрное многообразіе.

Какъ ни странны и парадоксальны изложенныя здѣсь идеи Эйнштейна, но еще болѣе странными и парадоксальными онѣ стали, когда появилось замѣчательное ихъ толкованіе, сдѣланное черезъ три года послѣ ихъ провозглашенія, въ 1908 г., геніальнымъ Минковскимъ (сыномъ ковенскаго еврея), незадолго до его преждевременной кончины. Вообще Минковскій придалъ ученію Эйнштейна такую изящную математическую формулировку и сообщилъ ему такой глубокій философскій смыслъ, что оно вызвало особенный интересъ не только у физиковъ (и вообще у естествоиспытателей), но и у математиковъ и философовъ. Къ сожалѣнію, популярное изложеніе теоріи Минковскаго встрѣчаетъ чрезвычайныя (можетъ быть, непреодолимыя) затрудненія, и потому я ограничусь самыми общими замѣчаніями, хотя и это нелегко.

Какъ извѣстно, мы привыкли различать пространство и до извѣстной степени независимо отъ него время. До извѣстной степени, потому что, какъ справедливо указываетъ Минковскій, „никто не замѣчалъ никогда мѣста иначе, какъ въ опредѣленное время, или время иначе, какъ въ опредѣленномъ мѣстѣ". Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли себѣ кто-нибудь представить такой кубъ, который не имѣлъ бы никакой продолжительности во времени? Нѣтъ, не можетъ, потому что кубъ, какъ и всякое реальное тѣло, долженъ имѣть не только длину, ширину и высоту, но и продолжительность. Всякое тѣло ограничивается не только своими обычными протяженіями въ длину, ширину и высоту, но и временемъ своего существованія въ природѣ. И вообще мы не можемъ созерцать какое бы то ни было явленіе въ природѣ, происходящее только во времени или только въ пространствѣ: мы всегда придаемъ ему одновременно и то, и другое. Когда мы разсматриваемъ

только пространство, внѣ понятія длительности, мы получаемъ одновременность послѣдовательныхъ фазисовъ. Налагаемые другъ на друга, эти фазисы даютъ только непонятную и смутную длительность, нѣчто похожее на образы кинематографа, вмѣстѣ проектированные въ одинъ и тотъ же моментъ. Взятые въ отдѣльности, они остаются безъ взаимной связи. Однимъ словомъ, всякое явленіе, происходя въ пространствѣ, одинаково совершается для насъ и во времени, и наоборотъ, такъ что оба эти понятія другъ друга покрываютъ, пополняютъ и находятся въ нѣкоторой взаимной зависимости. Можно, конечно, мысленно отдѣлять пространственную опредѣленность явленія отъ его временной опредѣленности. Но мы не можемъ себѣ представлять воспріятіе въ пространствѣ безъ помощи воспріятія во времени, и наоборотъ. Значитъ: не существуетъ пространства безъ времени и времени безъ пространства—существуетъ только время въ пространствѣ и пространство во времени.

Принципъ относительности показываетъ это особенно рельефно. Мы видѣли, что въ нашихъ измѣреніяхъ пространства—длины и формъ—участвуютъ скорость свѣта и движеніе измѣряемаго тѣла по отношенію къ намъ. Во всѣ пространственныя измѣренія замѣшивается время: смотря на тѣло, движущееся по отношенію къ намъ, намъ кажется, что укоротились какъ его линейные размѣры, такъ и процессы, на немъ происходящіе—его время. Словомъ, согласно принципу относительности, у насъ нѣтъ ни абсолютнаго времени, ни абсолютнаго пространства. И то, и другое зависитъ отъ отношенія нашей скорости къ скорости свѣта, причемъ, поровнявшись по скорости со свѣтомъ, мы теряемъ и время, и пространство, и движеніе, и вмѣсто безконечнаго времени, безконечнаго пространства и безконечнаго движенія мы пріобрѣтаемъ (см. ниже) безконечную инертную массу!..

Чѣмъ же объяснить существованіе этой критической, предѣльной скорости, которая, при всякихъ условіяхъ измѣренія, получается неизмѣнной, постоянной? На этотъ вопросъ Минковскій, прежде всего, и даетъ интересный отвѣтъ. Онъ отвѣчаетъ и математически доказываетъ, что это обусловливается особыми свойствами пространства и времени; что въ этомъ выражается проявленіе существующей между ними глубочайшей связи. Иначе говоря, по его мнѣнію, время является неразрывно связаннымъ съ пространствомъ и связаннымъ при помощи свѣта: оттого скорость свѣта и является критической. Слѣдовательно, пространство и время не представляютъ болѣе двухъ совершенно различныхъ сущностей, которыя можно разсматривать отдѣльно и независимо другъ отъ друга, но двѣ части одного и того же цѣлаго, столь тѣсно слитыя, что ихъ не легко отдѣлить другъ отъ друга. Пространство и время это—одна и та же сущность, лишь окрашенная нашей психикой различно-

Но въ такомъ случаѣ мы должны заключить, что міръ, доступный нашему наблюденію, имѣетъ не три измѣренія, какъ думали до сихъ поръ, а четыре, и его четвертое измѣреніе—это время. Другими словами, наши пространственныя измѣренія въ дѣйствительности происходятъ не въ многообразіи трехмѣрномъ, т. е. имѣющемъ три измѣренія въ длину, ширину и высоту, какъ любое тѣло, а въ многообразіи четырехмѣрномъ, гдѣ роль четвертаго измѣренія играетъ время. Какъ же это понимать?

Разсмотримъ этотъ интересный и важный вопросъ.

Пространство, какъ всякому извѣстно, представляетъ трикратное, или трехмѣрное многообразіе (вмѣсто послѣдняго слова мы можемъ говорить также: область или міръ). Стоя на какой-нибудь опредѣленной точкѣ, можно отмѣчать направленіе налѣво и направо, впередъ и назадъ, вверхъ и внизъ. Это называется тремя измѣреніями пространства—его длиной, шириной и высотой. Наше собственное тѣло, все, что мы воспринимаемъ чувствами, имѣетъ три измѣренія. Но внутри трехмѣрнаго пространства имѣются не только трехмѣрныя образованія, тѣла (пространственныя или геометрическія тѣла, которыя не слѣдуетъ смѣшивать съ дѣйствительными или физическими тѣлами, наполненными матеріей), но и образованія меньшаго многообразія, а именно: поверхности, имѣющія только два измѣренія—въ длину и ширину; линіи съ однимъ измѣреніемъ—длиной; и точки, вовсе не имѣющія измѣренія. При этомъ безразлично, имѣемъ ли мы дѣло съ плоской поверхностью или съ кривой, съ прямой линіей или кривой,—поверхности всегда имѣютъ только два измѣренія, линіи—только одно, т. е. мѣсто точки на поверхности опредѣляется только двумя разстояніями по направленіямъ длины и ширины, а на прямой—только однимъ разстояніемъ по длинѣ. Въ настоящемъ смыслѣ слова поверхность не есть что-либо дѣйствительное, реальное, а всегда только предѣлъ, граница, напримѣръ, граница между рѣкой и находящимся надъ ней воздухомъ. Равнымъ образомъ и линіи представляютъ собственно только границы, напримѣръ, ребра куба суть границы его сторонъ.

Что же касается времени, то, когда мы хотимъ имѣть о немъ конкретное представленіе, мы его представляемъ въ видѣ безконечной линіи: съ одной стороны—прошедшее, съ другой стороны—будущее и между ними эту, всегда подвижную, точку, которую нельзя схватить и которая есть настоящее мгновеніе. Время поэтому для насъ словно пространство съ однимъ измѣреніемъ. Мы увлечены его движеніемъ впередъ, словно мнимое существо, мчащееся по прямой линіи, принужденное двигаться безпрестанно по одному и тому же направленію и оставляющее настоящій моментъ, какъ только оно его достигаетъ, ничего не знающее о будущемъ, по направленію котораго оно движется, знающее о прошломъ только то, что оно видѣло, или только то, что о немъ разсказали.

Такъ какъ, несомнѣнно, кромѣ пространства трехъ измѣреній, мы можемъ себѣ наглядно представлять и образованія меньшаго многообразія, то невольно возникаетъ вопросъ: нельзя ли себѣ представить и высшія многообразія, скажемъ, пространство четырехъ измѣреній? Наше наглядное представленіе, наше воспріятіе безусловно трехмѣрно; этимъ оно исчерпывается; и въ этомъ смыслѣ на поставленный вопросъ слѣдуетъ дать абсолютно отрицательный отвѣтъ. Но это не значитъ, что мы не можемъ нашимъ разсудкомъ постигнуть четырехмѣрное многообразіе и его свойства: когда вопросъ идетъ не о наглядномъ представленіи, а о внутреннемъ, логическомъ, то слѣдуетъ рѣшительно отвѣтить положительно. Эту возможность постигнуть четырехмѣрное многообразіе даетъ намъ такъ называемое умозаключеніе по аналогіи отъ болѣе простыхъ обстоятельствъ къ болѣе сложнымъ.

Представимъ себѣ существа, живущія въ пространствѣ двухъ измѣреній, т. е. на поверхности (это мы можемъ себѣ наглядно представить) и могущія двигаться только по этой поверхности, подобно тѣнямъ птицъ, пробѣгающимъ иногда по всѣмъ направленіямъ по гладкой поверхности воды. Такія существа, дѣйствительно, были бы своего рода тѣнями, призраками, имѣющими только длину и ширину, но не имѣющими третьяго измѣренія—высоты, т. е. не имѣющими никакого представленія о чемъ-нибудь, находящемся внѣ этой поверхности. Другими словами, такіе одаренные жизнью и интеллектомъ призраки, кромѣ своей поверхности, ничего не знаютъ, а потому они обладаютъ представленіемъ пространства только двухъ измѣреній. Все, что находится внѣ ихъ поверхности, все, переходящее въ третье измѣреніе — въ высоту, будетъ для нихъ невоспринимаемо. Пусть ихъ міръ движется въ нашемъ трехмѣрномъ пространствѣ, принимая послѣдовательно (см. рис. 8)

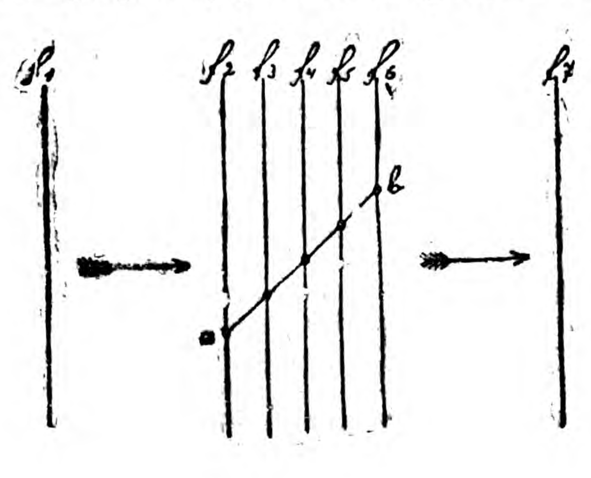

Рис 3.

положенія f_1, f_2, f_3..., о чемъ, конечно, эти существа совершенно и не подозрѣваютъ. Въ нашемъ пространствѣ, съ другой стороны, пусть имѣется косая линія ab. Въ положеніи f_1 призрачныя существа вовсе не будутъ видѣть этой линіи, въ положенія f_2 они вдругъ увидятъ точку a, которая будетъ затѣмъ для нихъ постепенно подниматься вверхъ, пока, наконецъ, она опять не исчезнетъ въ точкѣ b. Что же отсюда слѣдуетъ? То, что мы созерцаемъ, какъ нѣчто одновременное, какъ нѣчто находящееся другъ возлѣ друга, какъ линію, какъ пространственное измѣреніе, двухмѣрныя существа, оказывается, понимаютъ и непремѣнно должны понимать, какъ нѣчто послѣдовательное, какъ движеніе одной единичной точки, какъ время. Образованія внутри своей поверхности и они также разсматриваютъ, какъ пространственныя. Но все, что выходитъ за предѣлы ихъ міра, все, переходящее въ третье измѣреніе, становится для нихъ явленіемъ во времени!

Если мы теперь примѣнимъ умозаключеніе по аналогіи, то мы можемъ себѣ представить нашимъ разумомъ, что постигаемое нами какъ послѣдованіе, какъ время, какъ совершеніе, становленіе, будетъ представляться существу съ высшей организаціей четвертымъ измѣреніемъ пространства, чѣмъ-то одновременнымъ, находящимся другъ возлѣ друга. Интересно отмѣтить, что Данте, поэтъ такъ называемаго „глубокаго средневѣковья", говоритъ о Божествѣ, что оно однимъ взглядомъ обнимаетъ все, даже то, что совершается послѣдовательно во времени. Приведенное разсужденіе во всякомъ случаѣ показываетъ намъ, что только вслѣдствіе ограниченности нашей способности нагляднаго представленія пространство и время кажутся намъ по существу различными и что для неограниченнаго интеллекта они по существу одинаковы.

И вотъ Минковскій математически показалъ, что принципъ относительности со всѣми его выводами приводитъ насъ именно къ такому заключенію, такъ что вмѣсто того, чтобы говорить о трехъ измѣреніяхъ пространства и о времени, мы можемъ говорить вообще о четырехъ многообразіяхъ міра. Другими словами, онъ показалъ, что время связано съ тремя измѣреніями пространства столь же неизмѣнно, столь же нераздѣльно, какъ эти измѣренія между собой. И о пространствѣ, какъ о таковомъ, можно теперь говорить, примѣрно, лишь въ такомъ смыслѣ, какъ до сихъ поръ говорили о двухмѣрныхъ образованіяхъ—о поверхностяхъ. Этимъ Минковскій совершенно уничтожилъ отдѣльныя другъ отъ друга понятія о пространствѣ и времени, сковалъ эти два понятія въ одно нераздѣльное и однородное цѣлое. Мы теперь понимаемъ его знаменитыя слова: „Отнынѣ время по себѣ и пространство по себѣ должны сдѣлаться всецѣло тѣнями, и только особаго рода сочетаніе ихъ сохранитъ самостоятельность"...

Итакъ, на основанія заключенія, вытекающаго изъ принципа относительности, что измѣреніе времени вліяетъ на измѣреніе про-

странства и что, слѣдовательно, существуетъ внутренняя связь между пространствомъ и временемъ, мы можемъ создать понятіе міра, образующаго одно органическое цѣлое, съ четырьмя измѣреніями: длиной, шириной, вышиной и временемъ. Три первыхъ измѣренія этого многообразія можемъ изобразить тремя лентами рулетокъ, на которыхъ отмѣчены аршины, сажени или другія мѣры длины, а четвертое измѣреніе—лентой кинематографа, на которой каждая точка соотвѣтствуетъ новой фазѣ явленій міра. Разстоянія точекъ этой четвертой ленты измѣряются часами, идущими безразлично съ той или другой скоростью, такъ что одинъ наблюдатель измѣритъ разстояніе двухъ точекъ однимъ годомъ, другой сотней лѣтъ, другими словами, переходъ отъ одной точки этой ленты до другой соотвѣтствуетъ нашему понятію теченія времени.

Но если міръ представляетъ собою четырехмѣрное многообразіе, то мы въ немъ имѣемъ не одно трехмѣрное пространство, а безконечное множество такихъ пространствъ, подобно тому, какъ въ пространствѣ трехъ измѣреній имѣется безконечное множество плоскостей, причемъ каждому изъ пространствъ соотвѣтствуетъ свое время. При этомъ Минковскій показалъ, что всѣ такія комбинаціи пространства и времени совершенно равноправны между собой, что въ каждомъ изъ нихъ явленія природы представляются намъ совершенно одинаковыми. Другими словами, всѣ четыре протяженія міра совершенно равнозначущи. Они, подобно длинѣ и ширинѣ и плоскости, могутъ обмѣниваться ролями, могутъ быть взяты на безчисленное множество равноправныхъ между собою ладовъ. Что же это значитъ? То, что нѣтъ никакой разницы между временемъ и какимъ-нибудь изъ измѣреній пространства. Слѣдовательно, время не течетъ, какъ не течетъ пространство: течемъ мы, странники, въ четырехмѣрной вселенной. Время — такое же протяженіе пространства, какъ длина, ширина и высота, и потому, переставляя ихъ въ выраженіи какого-либо закона природы, мы приходимъ тоже къ ея закону.

Все человѣчество всегда было убѣждено въ томъ, что прошедшее прекращаетъ свое существованіе, исчезаетъ, какъ только оно прошло. Но разъ время ничѣмъ не отличается отъ пространственныхъ протяженій, то прошедшее, тотъ моментъ времени, который соотвѣтствовалъ какому-нибудь событію, уже протекшему, напримѣръ, зарожденіе жизни на землѣ, не исчезъ, а прошелъ — онъ существуетъ. Онъ не переживетъ вселенной, а только землей; только для послѣдней онъ канулъ въ бездну прошедшаго, на самомъ же дѣлѣ онъ существуетъ во всей своей полнотѣ и неприкосновенности. Мѣсто этого событія въ четырехмѣрной вселенной опредѣляется нѣкоторымъ пунктомъ, и этотъ пунктъ существовалъ, существуетъ и будетъ существовать; теперь черезъ него, черезъ эту пройденную землей станцію, проходитъ другой странникъ. Однимъ

словомъ, по ученію Минковскаго, основанному на принципѣ относительности, во вселенной существуетъ заразъ и вѣчно и прошедшее, и настоящее, и будущее. Слѣдовательно, еслибы мы могли передвигаться по времени, по этому четвертому протяженію пространства, произвольно, подобно тому, какъ мы передвигаемся по тремъ обычнымъ пространственнымъ протяженіямъ, еслибы мы могли „летѣть черезъ время", то мы видѣли бы какъ давно прошедшее, такъ и грядущее, какъ то, что мы считаемъ уже исчезнувшимъ, такъ и то, что мы считаемъ еще не возникшимъ. Въ основѣ знаменитаго фантастическаго романа Уэллса „Машина времени" положена именно такого рода идея.

Резюмирую сказанное словами Умова: „Во вселенной дано все: для нея нѣтъ прошлаго и будущаго, она — вѣчное настоящее: ей нѣтъ предѣловъ ни въ пространствѣ, ни во времени. Перемѣны происходятъ въ индивидуальностяхъ и соотвѣтствуютъ ихъ перемѣщенію по міровымъ путямъ въ четырехмѣрномъ вѣчномъ и безпредѣльномъ многообразіи. Эти картины въ области философской мысли должны произвести переворотъ большій, чѣмъ смѣщеніе Коперникомъ земли съ центра вселенной. Со временъ Ньютона естествознанію не развертывались болѣе блестящія перспективы. Не звучитъ ли мощность естествознанія въ переходѣ отъ несомнѣннаго опытнаго факта—невозможности опредѣленія абсолютнаго движенія земли—къ вопросамъ психики! Философъ-современникъ въ смущеніи воскликнулъ: „по ту сторону истины и обмана!"

XVI. Непостоянство массы.

Изъ многочисленныхъ парадоксальныхъ положеній, выдвинутыхъ принципомъ относительности, укажемъ теперь на тѣ, которыя приводятъ насъ къ новому поразительному ученію о массѣ и объ энергіи, ученію, которое перестраиваетъ всѣ основныя естественныя науки — механику, физику, химію, астрономію—и все зданіе философіи природы.

Всѣмъ извѣстно, что признаки, характеризующіе тѣла, напримѣръ, твердость, форма, цвѣтъ и т. д., непостоянны и легко могутъ утрачиваться, замѣняясь новыми. Неизмѣнна при всѣхъ явленіяхъ только масса матеріи, которая опредѣляется обыкновенно, какъ количество вещества въ данномъ тѣлѣ. Эта неизмѣнность массы потому считается самымъ основнымъ и неотъемлемымъ, самымъ характернымъ и постояннымъ признакомъ матеріи, единственной твердой опорной точкой въ подвижномъ многообразіи естественныхъ явленій. Она позволяла физику и химику слѣдить за матеріей при всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. И они поэтому смотрѣли на нее, какъ на нѣчто постоянное, неразрушаемое, вѣчное. На измѣреніяхъ матеріальной массы тѣлъ покоятся всѣ построенія физики,

химіи, механики и астрономіи. Но что такое въ сущности эта масса, мы до сихъ поръ не знаемъ: всѣ попытки выяснить реальное содержаніе этого понятія не привели ни къ какому положительному результату. Въ настоящее время мы умѣемъ ее только измѣрять съ очень большою точностью. Измѣренія массы тѣлъ основаны на двухъ загадочныхъ явленіяхъ, неизбѣжно сопутствующихъ всякому веществу во всѣхъ состояніяхъ: инерціи и вѣсомости.

Инерція, это—то таинственное свойство всякаго матеріальнаго тѣла, которое выражается въ противодѣйствіи вещества тѣла всякому усилію, стремящемуся вывести тѣло изъ состоянія покоя, ускорить или замедлить его движеніе. Инерція заставляетъ тѣло, напримѣръ, крокетный шаръ, не смотря на треніе, продолжать катиться по поверхности послѣ того, какъ толкающая сила ударившаго его молотка перестала на него дѣйствовать. Инерція мѣшаетъ отходящему поѣзду сразу развить полную скорость. По величинѣ обнаруживаемой тѣломъ инерціи мы судимъ о массѣ тѣла. Другой способъ измѣренія массы основанъ на опредѣленіи вѣса. Вѣсъ тѣла измѣряется тѣмъ давленіемъ, которое это тѣло производитъ на подставку, когда оно въ состояніи покоя находится подъ вліяніемъ силы тяжести, и по которому мы также оцѣниваемъ массу тѣла. При этомъ важно запомнить, что результаты измѣренія массъ различныхъ тѣлъ по тому и другому способу всегда между собой оказываются пропорціональными, т. е. чѣмъ больше вѣсомая масса тѣла, тѣмъ больше и инертная, такъ что если принять за единицу для измѣренія какъ инертной, такъ и вѣсомой массы, инертную и вѣсомую массу одного и того же тѣла—напримѣръ, массу одного грамма (одного кубическаго сантиметра чистой воды, взятой при 4° Ц.)—то, очевидно, для любого тѣла его инертная и его вѣсомая массы будутъ имѣть одинаковыя численныя значенія. Такимъ образомъ масса тѣла познается нами или по его инерціи, когда оно движется, или по его вѣсу, по тяжести, когда оно находится въ покоѣ. Инерція и вѣсъ даннаго тѣла никакими способами измѣнены быть не могутъ. И потому ихъ надо считать основнымъ, неотъемлемымъ свойствомъ того, что мы называемъ матеріей: все, что считается не-матеріальнымъ, напримѣръ, энергія во всѣхъ ея видахъ, не инертно и не вѣсомо.

Такъ говорила намъ классическая наука.

Посмотримъ же, что говоритъ намъ новая наука, построенная на принципѣ относительности.

Механика учитъ, что ускореніе, сообщенное тѣлу нѣкоторой дѣйствующей на него силой, тѣмъ больше, чѣмъ больше сила и чѣмъ меньше масса тѣла; чѣмъ меньше сила и чѣмъ больше масса тѣла, тѣмъ ускореніе меньше. Это принято выражать такъ: получаемое тѣломъ ускореніе прямо пропорціонально силѣ и обратно пропорціонально массѣ тѣла. При этомъ принимается, какъ основ-

ной законъ, какъ научный принципъ, что масса (какъ инертная, такъ и вѣсомая) одного и того же тѣла постоянна и что, слѣдовательно, она не зависитъ отъ ранѣе пріобрѣтенной тѣломъ скорости. Изъ этого, какъ мы здѣсь уже видѣли, слѣдуетъ, что подъ дѣйствіемъ постоянной силы скорость, достигнутая тѣломъ въ концѣ первой секунды, должна удвоиться въ концѣ второй, утроиться въ концѣ третьей и т. д., такъ что съ теченіемъ времени скорость можетъ превзойти всякія границы.

Далеко не къ такому заключенію приводитъ насъ принципъ относительности: здѣсь, какъ мы уже знаемъ, скорость втеченіе второй секунды возростаетъ меньше, чѣмъ втеченіе первой, еще меньше — втеченіе третьей и т. д. Это значитъ: скорость тѣла возростаетъ втеченіе второй секунды меньше потому, что тѣло противоставляетъ ускоряющей силѣ большее сопротивленіе. Иначе говоря, тѣло оказываетъ ускоряющей силѣ тѣмъ большее сопротивленіе, чѣмъ быстрѣе оно движется.

Но сопротивленіе ускоренію, какъ сказано, опредѣляетъ величину инертной массы даннаго тѣла. Слѣдовательно, ускореніе происходитъ такъ, какъ будто инерція или масса тѣла не осталась постоянной, а увеличилась. При не очень большихъ скоростяхъ это увеличеніе инертной массы совершенно незамѣтно; и потому масса, какъ и въ старой механикѣ, можетъ быть разсматриваема, какъ постоянная величина. Но при большихъ скоростяхъ картина рѣзко мѣняется: для скорости, равной $^3/_4$ скорости свѣта, приростъ массы уже равенъ почти половинѣ покоящейся массы. Въ случаѣ же движенія тѣла со скоростью, равной скорости свѣта, его инертная масса должна была бы стать сразу безконечно большой! Другими словами: еслибы какое-нибудь тѣло перемѣщалось съ быстротою 300.000 километровъ въ секунду, то никакими усиліями уже нельзя было бы измѣнить скорости такого тѣла ни по величинѣ, ни по направленію. Поэтому-то никакое тѣло въ мірѣ не можетъ догнать свѣтовой лучъ; поэтому-то скорость свѣта является крайнимъ предѣломъ возможныхъ въ природѣ скоростей движенія.

Итакъ, принципъ относительности приводитъ къ заключенію, что инертная масса тѣла не есть нѣчто постоянное; она зависитъ отъ скорости его движенія и ростетъ вмѣстѣ съ нею. Инертная масса постоянна только для наблюдателя, двигающагося вмѣстѣ съ тѣломъ; для покоющагося же наблюдателя масса мельчайшей пылинки можетъ оказаться громадной.

Такъ какъ выводъ этотъ противорѣчитъ тому, что считали непреложнымъ закономъ цѣлыя поколѣнія учащихъ и учащихся, то является вопросъ: не можетъ-ли онъ быть подтвержденъ прямыми опытами?

Многочисленные опыты, приведшіе къ новой теоріи физическихъ явленій,—къ такъ называемой электронной теоріи, въ на-

стоящее время уже вполнѣ окрѣпшей,—показали, что отрицательное (а, вѣроятно, и положительное) электричество, подобно веществу, состоитъ изъ отдѣльныхъ частицъ, изъ атомовъ, называемыхъ электронами. Внимательно изучая эту новую реальность, ставшую въ катодныхъ лучахъ круксовой трубки и въ бета-лучахъ, испускаемыхъ удивительнѣйшимъ веществомъ—радіемъ,—такъ сказать, ощутимой въ чистомъ видѣ, ученые нашли, что она движется съ чрезвычайно большой скоростью, обыкновенно не наблюдаемой, со скоростью, достигающей 200.000 и болѣе километровъ въ секунду. А это именно тѣ скорости, которыя нужны для нашихъ цѣлей. Вообще этотъ атомъ электричества, этотъ электронъ, имѣетъ крайне замѣчательныя свойства. Такъ, напримѣръ, оказалось, какъ это ни странно, что онъ инертенъ и, слѣдовательно, подобно матеріи, имѣетъ массу (въ 2.000 разъ меньшую, чѣмъ масса атома водорода). Но электронъ не есть наэлектризованная частица матеріи. Замѣчательныя опытныя изслѣдованія, произведенныя Абрагамомъ, Кауфманомъ, Бухеромъ и Хупка показываютъ, что то, что мы называемъ массой электрона, есть не настоящая матеріальная масса, а имѣетъ чисто электрическое происхожденіе. Иначе говоря, электронъ—это чистое электричество безъ матеріи; его вѣсомая, матеріальная масса равна нулю, т. е. электронъ не имѣетъ никакой матеріальной массы...

Дѣло въ томъ, что электронъ, какъ и всякое заряженное тѣло, обладаетъ въ неподвижномъ состояніи опредѣленной электрической энергіей,—какъ говорятъ, онъ окруженъ въ пространствѣ электрическимъ силовымъ полемъ; когда же онъ приходитъ въ движеніе, то къ нему прибавляется еще магнитная энергія, къ электрическому полю прибавляется магнитное поле. Эта электрическая и магнитная энергія, это электро-магнитное силовое поле обладаетъ извѣстнымъ напряженіемъ. И дѣйствіе этого напряженія направлено такимъ образомъ, что задерживаетъ всякое движеніе электрона. И вотъ оказывается, что это задерживающее дѣйствіе электро-магнитнаго поля и создаетъ то, что учитывается, какъ инерція и масса электрона. Слѣдовательно, то, что мы называемъ инертной массой электрона, есть нѣчто фиктивное, иллюзорное, обязанное своимъ происхожденіемъ тѣмъ электромагнитнымъ явленіямъ, которыя происходятъ, когда электронъ прихо цитъ въ движеніе. И замѣчательный фактъ: опыты упомянутыхъ ученыхъ ясно показываютъ, что эта масса не постоянна, не неизмѣнна, а возростаетъ вмѣстѣ со скоростью движенія электрона. Объясняется это тѣмъ, что съ увеличеніемъ скорости электрона напряженіе электро-магнитнаго поля повышается, увеличивается его задерживающая способность, а, значитъ, увеличивается и то, что мы познаемъ, какъ его массу и инерцію. Только при среднихъ скоростяхъ, не близкихъ къ скорости свѣта, масса электрона такъ же постоянна, какъ постоянна она у всякаго матеріальнаго тѣла.

Этотъ важный результатъ вызываетъ вопросъ: не представляются-ли эти соотношенія между массой и скоростью вполнѣ одинаковыми съ тѣми, къ которымъ приводитъ принципъ относительности? Чрезвычайно тщательные опыты, продѣланные въ 1910 г. Бухереромъ и Хупка, даютъ на этотъ вопросъ положительный отвѣтъ, съ которымъ большинство физиковъ принуждено было согласиться. Первая попытка опытнаго подтвержденія одного изъ главнѣйшихъ выводовъ новаго ученія, такимъ образомъ, дала положительный результатъ.

Итакъ, какъ опытъ, такъ и теорія, приводятъ насъ къ заключенію, что инертная масса всякаго тѣла не постоянна, какъ учили до сихъ поръ, а ростетъ вмѣстѣ со скоростью, такъ что масса въ покоѣ и масса въ движеніи—не одно и то же. Но, какъ извѣстно, увеличеніе скорости соотвѣтствуетъ накопленію въ движущемся тѣлѣ такъ называемой кинетической энергіи, того, что иногда называютъ „живой силой“. Эта энергія, какъ учитъ элементарная физика, равна полупроизведенію массы на квадратъ скорости. И вотъ принципъ относительности приводитъ къ заключенію, что энергія движущагося тѣла можетъ быть принята равной этой величинѣ только въ томъ случаѣ, когда скорость тѣла весьма мала сравнительно со скоростью свѣта. Когда скорость тѣла равна скорости свѣта, энергія движенія должна стать безконечно большой—такой, которая, по старому ученію, можетъ стать только при безконечно большой скорости. Здѣсь особенно ярко выступаетъ предѣльный, критическій характеръ свѣтовой скорости: тѣло, движущееся съ такой скоростью, обладаетъ безконечно большимъ запасомъ энергіи, т. е. работоспособности. Слѣдовательно, необходимо затратить безконечно большую работу, чтобы довести тѣло до свѣтовой скорости, и потому такая предѣльная скорость неосуществима.

XVII. Масса энергіи.

Посмотримъ теперь, что сдѣлалъ принципъ относительности съ основнымъ нашимъ понятіемъ объ энергіи.

Какъ извѣстно, чтобы объяснить явленія, происходящія съ матеріальными тѣлами, ихъ измѣненія и движенія, ученые съ давнихъ поръ изобрѣли особое понятіе—„сила“, понимая подъ этимъ терминомъ всякую внѣшнюю причину, дѣйствующую на инертную массу извнѣ и вызывающую въ тѣлахъ тѣ или иныя измѣненія. Физика насчитывала много силъ, на которыя она когда-то смотрѣла, какъ на различныя, полагая, что между ними отсутствуетъ какая-либо связь, какое-либо родство. Но во второй половинѣ прошлаго столѣтія, убѣдившись въ томъ, что израсходованіе какой-либо силы всегда сопровождается появленіемъ запасовъ новой силы, ученые пришли къ заключенію, что всѣ силы происходятъ отъ превращеній особой неразрушимой сущности — отъ энергіи.

Энергія въ такихъ случаяхъ можетъ мѣнять свою форму. Но ея міровое количество, подобно матеріи, неизмѣнно и вѣчно: электричество, свѣтъ, теплота, магнетизмъ и т. д., — только различныя формы этой энергіи. Такимъ образомъ, на остаткахъ старинныхъ воззрѣній, послѣ упорнаго труда, было построено ученіе о двухъ верховныхъ и вѣчныхъ началахъ міра: о матеріи, какъ основѣ вещей, и энергіи, какъ основной причинѣ всѣхъ явленій.

Матерія и энергія совершенно различны: это—двѣ сущности, не находящіяся между собой въ какой-либо связи, въ какомъ-либо родствѣ. Какъ матерія, такъ и энергія, могутъ принимать много разныхъ формъ, видовъ. Но онѣ не могутъ превращаться другъ въ друга, т. е. матерія способна проявлять только ту энергію, которой ее раньше снабдили въ какой нибудь формѣ извнѣ; а энергія не способна обнаружиться въ видѣ матеріи потому, что она не имѣетъ главнѣйшаго, характернѣйшаго признака матеріи — массы. Такъ какъ всѣ наши органы чувствъ матеріальны, то мы не можемъ познавать энергію внѣ матеріи и, наоборотъ, мы не можемъ созерцать матерію безъ энергіи, такъ какъ безъ энергіи матерія мертва не одушевлена, не способна проявлять какія бы то ни было дѣйствія. Міръ, въ которомъ мы живемъ, такимъ образомъ, въ дѣйствительности дуалистиченъ, двойной міръ, или, скорѣе, онъ состоитъ изъ двухъ совмѣщенныхъ вѣчныхъ міровъ: изъ міра матеріи и міра энергіи.

Теперь мы можемъ выяснить одинъ изъ самыхъ странныхъ выводовъ принципа относительности. Дѣло въ томъ, что онъ приводитъ къ поразительной связи между добавляющейся при движеніи массой и пріобрѣтаемой энергіей, о которой мы выше говорили, а именно, увеличеніе массы оказывается равнымъ сообщенной тѣлу энергіи, дѣленной на квадратъ скорости свѣта, т. е. мы должны признать, что при переходѣ тѣла отъ покоя къ движенію увеличеніе его массы является прямымъ слѣдствіемъ прироста энергіи. Иначе говоря, сама кинетическая энергія движенія обладаетъ нѣкоторой инертной массой, которая численно равна этой энергіи, дѣленной на квадратъ скорости свѣта. Правда, инертная масса энергіи при обычныхъ скоростяхъ оказывается чрезвычайно малой, такъ какъ квадратъ скорости свѣта, выраженной въ километрахъ въ секунду (300.000 $\times$ 300.000 = 90.000.000.000), весьма большое число, и мы при движеніи тѣлъ непосредственными измѣреніями не можемъ замѣтить этой ничтожной разницы. Но, тѣмъ не менѣе, кинетическая энергія матеріализована, овеществлена..

Это,—одна изъ самыхъ смѣлыхъ мыслей, когда-либо возникавшихъ. Не менѣе смѣлы и вытекающія изъ этой идеи дальнѣйшія слѣдствія.

Такъ какъ всѣ формы энергіи въ отдѣльности не постоянны и не независимы, а переходятъ одна въ другую, другъ въ друга превращаются, то мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ допустить, что

только одна энергія движенія обладаетъ инертной массой, которая возникаетъ, когда эта энергія образуется изъ другихъ формъ энергіи, напримѣръ, изъ теплоты, и безслѣдно исчезаетъ, когда энергія движенія превращается въ иныя формы энергіи, напримѣръ, при ударѣ — въ энергію тепловую. Отсюда всякая форма энергіи, — въ томъ числѣ и лучистая, матеріализована и должна обладать инертной массой, весьма легко вычисляемой.

Это заключеніе о лучистой энергіи совпадаетъ какъ разъ съ результатами замѣчательныхъ опытовъ, выполненныхъ знаменитымъ безвременно скончавшимся профессоромъ московскаго университета П. Н. Лебедевымъ. Дѣло въ томъ, что, основываясь на давно уже высказанныхъ геніальнымъ Максвелломъ соображеніяхъ о свойствахъ электромагнитной лучистой энергіи, онъ первый экспериментально доказалъ, что лучистая энергія производитъ давленіе на тѣ тѣла, на которыя она падаетъ. Она давитъ, какъ движущаяся инертная масса, какъ матеріальное тѣло, хотя сама она есть энергія электромагнитная, — не что иное, какъ распространяющіяся въ пространствѣ электромагнитныя силы. Инертная масса лучистой энергіи, а въ частности инертная масса свѣтовыхъ лучей, такимъ образомъ, — это инертная масса электромагнитной энергіи, инертная масса электромагнитныхъ процессовъ.

Но если энергія обладаетъ инертной массой, то, конечно, возникаетъ интересный вопросъ: обладаетъ ли она и вѣсомой массой, т. е. обладаетъ ли энергія—свѣтъ, теплота и т. д.—вѣсомъ, тяжестью? Эйнштейнъ, изслѣдовавъ въ послѣднее время этотъ вопросъ, пришелъ къ положительному заключенію, именно, что масса лучистой энергіи есть и тяготѣющая энергія, обладающая вѣсомъ.

Изъ этого вытекаетъ другое, не менѣе поразительное, заключеніе, а именно: лучъ свѣта долженъ подъ вліяніемъ силы всемірнаго тяготѣнія отклоняться отъ своего первоначальнаго направленія, такъ что, когда лучъ, исходящій, напримѣръ, отъ какой-нибудь звѣзды, проходитъ около солнца, то его направленіе мѣняется на уголъ, который, по вычисленію Эйнштейна, составляетъ 0,83 секунды,—величина, измѣримая современными астрономическими инструментами.

Стоитъ сдѣлать изъ этихъ заключеній еще шагъ—и мы очутимся въ области ошеломляющихъ представленій о матеріи и энергіи. Напримѣръ, какъ утверждаютъ Фрицъ Хазенерль, Планкъ и Эйнштейнъ, мы должны признать, что масса каждаго тѣла зависитъ отъ его температуры, такъ что, если тѣло нагрѣть, т. е., если увеличить его тепловую энергію, оно пріобрѣтаетъ и нѣкоторое прибавленіе массы, которое строго пропорціонально количеству пріобрѣтенной тѣломъ тепловой энергіи. И, наоборотъ, при охлажденіи тѣла, т. е. при потерѣ энергіи тѣломъ оно теряетъ соотвѣтствую-

щее количество своей массы. То же самое должно имѣть мѣсто и для другихъ формъ энергіи.

Итакъ, масса тѣла перемѣнчива: тѣло, излучающее энергію, теряетъ часть своей массы, а поглощающее—увеличиваетъ ее. Иначе говоря: излученіе не только охлаждаетъ матеріальный міръ, но и уноситъ изъ него и массу. Такимъ образомъ горячій утюгъ имѣетъ бо́льшую массу, тяжелѣе, чѣмъ холодный; точно также мертвецъ имѣетъ меньшую массу, легче, чѣмъ живой. Согласно вычисленіямъ, одинъ килограммъ воды, охлаждаясь отъ 1000° до 0°, теряетъ въ своей массѣ половину одной стомилліонной доли грамма, а когда 2 грамма водорода соединяются съ 16 граммами кислорода, то образуется не 18 граммовъ воды, но меньше на 3,2 милліонныхъ милиграмма, вслѣдствіе выдѣленія теплоты при химической реакціи соединенія. Астрономъ Бослэръ недавно вычислилъ величину, на которую непрерывно уменьшается масса солнца, благодаря его лучеиспусканія. Оказалось, что втеченіе каждыхъ 30 милліоновъ лѣтъ солнце теряетъ количество вещества, равное массѣ всего земного шара!

Такимъ образомъ масса тѣла не есть постоянная величина: она измѣняется отъ скорости его движенія и отъ различныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, въ томъ числѣ и отъ полученія или потери тепловой энергіи при химическихъ реакціяхъ. Это значитъ: законъ сохраненія массы оказывается неточнымъ! Но эта неточность, эти измѣненія массы, какъ мы видѣли, настолько незначительны, что на опытѣ обнаружить ихъ нѣтъ никакой возможности. Въ предѣлахъ нашихъ измѣреній,—а физическія измѣренія въ послѣдніе годы достигли изумительной точности,—законъ сохраненія массы остается въ прежней силѣ. Иначе говоря: измѣненія массы тѣла таковы, что они не могутъ имѣть никакого практическаго значенія для современныхъ научныхъ разсчетовъ. Тѣмъ не менѣе теоретически, принципіально, этотъ выводъ имѣетъ огромное значеніе. Вѣдь онъ говоритъ намъ, что законы природы, установленные классической механикой и физикой и считавшіеся такими незыблемыми, не существуютъ болѣе, какъ прямое выраженіе истины. Они имѣютъ теперь значеніе только какъ извѣстное приближеніе къ тому, что происходитъ въ дѣйствительности.

Вдумываясь въ изложенныя представленія, мы видимъ, что, массу въ извѣстныхъ случаяхъ мы можемъ познавать то какъ массу, какъ матерію, то какъ соотвѣтствующее ей количество энергіи. Мы можемъ легко пойти дальше и принять, что, еслибы тѣло потеряло цѣликомъ всю заключенную въ немъ энергію, оно должно было бы потерять и всю свою массу: оно тогда превратилось бы въ „ничто“, исчезло! А разъ такъ, то вполнѣ естественно заключить, что масса и энергія становятся такими же эквивалентными, равнозначными, равноправными другъ другу величинами, какъ, напримѣръ, теплота и механическая работа. И достаточно, по мнѣ-

нію Эйнштейна, сдѣлать одинъ только шагъ, чтобы разсматривать вообще матерію, какъ концентрацію колоссальныхъ количествъ энергіи.

Принципъ относительности, въ связи съ изложеннымъ, приводитъ насъ еще къ одному парадоксальному результату: температура тѣла, находящагося по отношенію къ наблюдателю въ движеніи, должна быть для него ниже, чѣмъ въ такомъ же тѣлѣ, находящемся по отношенію къ наблюдателю въ покоѣ; сильно раскаленное, но очень быстро движущееся по отношенію къ намъ въ небесныхъ пространствахъ, тѣло можетъ оказаться для насъ, такимъ образомъ, настолько холоднымъ, съ настолько низкой температурой, что мы не увидимъ его въ свои телескопы.

XVIII. Новое ученіе о матеріи и энергіи.

Чтобы яснѣе себѣ представить, во что превратились прежнія понятія „масса" и „энергія", необходимо привести здѣсь и дальнѣйшіе шаги въ удивительномъ развитіи относящихся сюда идей. Для этого сначала посмотримъ, въ какомъ отношеніи стоятъ эти идеи къ идеямъ, вытекающимъ изъ другого новаго физическаго ученія—изъ электронной теоріи.

Какъ мы уже знаемъ, то, что мы называемъ электричествомъ, „матеріализовано", похоже на матерію: оно имѣетъ частичное, прерывное строеніе, т. е. составлено изъ основныхъ индивидовъ, подобно тому, какъ матерія составлена изъ атомовъ. Каждый изъ этихъ „электрическихъ атомовъ" въ состояніи покоя имѣетъ массу, почти въ двѣ тысячи разъ меньшую, чѣмъ самый легкій изъ извѣстныхъ намъ атомовъ—атомъ водорода. Но, какъ сказано, то, что мы называемъ ихъ массой,—не настоящая матеріальная масса, а имѣетъ чисто электрическое происхожденіе. Далѣе оказалось, что они принимаютъ участіе во всѣхъ извѣстныхъ намъ явленіяхъ природы. Это они являются источниками электромагнитныхъ волнъ, т. е. свѣтовыхъ, тепловыхъ, электрическихъ и пр. явленій. Они же обусловливаютъ проводимость теплоты и электричества, блескъ и цвѣтъ тѣлъ и пр. Болѣе того. Они существуютъ во всѣхъ тѣлахъ и могутъ быть выдѣлены изъ тѣлъ различными путями: при нагрѣваніи тѣлъ до извѣстной температуры, при освѣщеніи ихъ свѣтомъ, при дѣйствіи на нихъ рентгеновскихъ лучей, при химическихъ реакціяхъ и т. д.

Все это наводитъ на вопросъ: не построенъ ли матеріальный атомъ *весь* изъ электроновъ? Полученію положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ много способствовало изученіе радіоактивныхъ веществъ, гдѣ съ большой наглядностью можно наблюдать дѣйствительное разрушеніе и распаденіе матеріальныхъ атомовъ, которое сопровождается выдѣленіемъ лучистыхъ потоковъ, составленныхъ изъ электроновъ. Участіе электрическихъ индивидовъ въ архитек-

турной структурѣ атома такимъ образомъ оказалось налицо, и открылся путь къ успѣшному построенію новой теоріи физическихъ явленій—электронной теоріи матеріи, разсматривающей атомы обыкновенной матеріи, какъ системы электроновъ.

Эта навязанная фактами теорія производитъ ошеломляющій переворотъ во всемъ нашемъ физическомъ и, стало быть, научнофилософскомъ міровоззрѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, говоря, что атомы обыкновенной матеріи являются только системами электроновъ, мы тѣмъ самымъ ясно и недвусмысленно говоримъ, что матерія состоитъ всецѣло изъ электричества, что кромѣ электричества въ ней ничего нѣтъ. Такимъ образомъ мы сами, всѣ предметы, насъ окружающіе, вся наша планета, все звѣздное небо, словомъ, весь матеріальный міръ есть собраніе различныхъ системъ электрическихъ индивидовъ. А если такъ, то не только массу электроновъ, но и массу любого тѣла можно разсматривать какъ электромагнитное явленіе, т. е. какъ той же природы, что свѣтъ, электричество, магнетизмъ. Мы, стало быть, имѣемъ теперь, вмѣсто прежней „матеріализаціи" электричества, своеобразную „дематеріализацію" матеріи: „невѣсомая" субстанція—электричество—овеществилась, а „вѣсомыя" вещества—наши матеріальныя тѣла—въ теоріи сведены на эту „невѣсомую" субстанцію.

Съ новой точки зрѣнія, такимъ образомъ, понятіе, которое мы связываемъ со словомъ масса, переворачивается вверхъ дномъ. То, что мы называли матеріей, цѣликомъ совпадало съ понятіемъ масса. Это было то, что представлялось самымъ осязаемымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ постояннымъ въ природѣ. А теперь — теперь вдругъ оказывается, что такой постоянной массы вовсе и не существуетъ. То, что мы называемъ матеріальной массой, не реально, а фиктивно, иллюзорно, есть только результатъ дѣйствія электромагнитныхъ силъ!..

Итакъ, въ настоящее время мы можемъ признать, что вселенная состоитъ изъ системъ родственныхъ другъ другу электрическихъ атомовъ, связанныхъ электромагнитной энергіей—электромагнитными полями, т. е. что электроны это — какъ будто камни мірозданія, а электромагнитная энергія—его цементъ. Масса тѣла есть не что иное, какъ электрическая и магнитная энергія его электроновъ, слѣдовательно, масса матеріи равнозначуща, эквивалентна энергіи. Другими словами, мы приходимъ къ тому же заключенію, къ которому насъ приводитъ принципъ относительности, къ заключенію, что масса матеріи и энергія въ сущности не различаются между собою: онѣ вполнѣ одинаковы, глубоко аналогичны.

Такимъ образомъ мы видимъ, что крайне смѣлое, чисто умозрительное, слѣдствіе принципа относительности вполнѣ совпало съ ученіемъ о строеніи вещества, основаннымъ на экспериментахъ. Значитъ: матерія=электричество=энергія. Иначе говоря, міръ

матеріи исчезаетъ и сливается съ міромъ электромагнитнымъ, съ міромъ энергіи, и потому масса какой нибудь доли матеріи измѣняется вмѣстѣ съ внутренней энергіей послѣдней, увеличивается и уменьшается вмѣстѣ съ этой энергіей.

Такъ уничтожается классическій дуализмъ между матеріей и энергіей. Законы сохраненія массы (матеріи) и энергіи въ чистомъ видѣ сходятъ со сцены: первый законъ включается во второй. Вмѣсто двухъ несвязанныхъ между собой законовъ постоянства матеріи и энергіи мы получаемъ одинъ, который, по профессору Хвольсону, можно высказать въ такой формѣ: въ замкнутой системѣ, т. е. въ совокупности произвольнаго числа физическихъ тѣлъ, весь запасъ массы или—что то же самое—энергіи остаетс постояннымъ. Это—одинъ изъ тѣхъ выводовъ, которые по смѣлости не имѣютъ себѣ равныхъ.

Согласно принципу относительности и электронной теоріи, энергія матеріи, которая есть энергія образующихъ ее электроновъ и которую мы воспринимаемъ, какъ ея массу, эта энергія почти вся остается въ тѣлѣ при температурѣ абсолютнаго нуля (273° Ц. ниже нуля, ниже температуры таянія льда), при которой, какъ полагаютъ, тепловая энергія уже отсутствуетъ. Она неимовѣрно велика по сравненію съ той энергіей, какую мы можемъ прибавить или отнять путемъ нагрѣванія или охлажденія тѣла. Она несравненно также больше и той энергіи, которая проявляется при химическихъ взаимодѣйствіяхъ между тѣлами. Она поэтому является для насъ, какъ выражается Планкъ, какъ бы скрытой въ атомѣ, „интра-атомной энергіей", какъ ее называетъ французскій ученый, д-ръ Густавъ Ле-Бонъ. И она проявляется наружу только въ видѣ энергіи, когда мы тѣлу сообщаемъ движеніе, а также въ видѣ особой силы, которую мы называемъ силой взаимнаго и всеобщаго тяготѣнія между тѣлами, въ видѣ вѣса. По вычисленію, всякое вещество — вода, мясо, желѣзо, золото, мѣдь и т. д.,—взятое въ количествѣ одного грамма, при выдѣленіи скрытой въ немъ энергіи даетъ 20 тысячъ милліоновъ большихъ калорій (большой калоріей называется то количество теплоты, которое потребно для нагрѣванія одного килограмма чистой воды на 1° Ц.). Это колоссальное число мало говоритъ нашему уму и потому прибѣгнемъ къ иллюстраціямъ.

Еслибы мы сумѣли собрать въ резервуаръ всю воду, заключенную въ Невѣ отъ истоковъ до устья, то для этого потребовался бы громадный цилиндръ съ радіусомъ основанія около версты и высотой въ полверсты. И вотъ, еслибы вся масса этой воды имѣла температуру льда, то, чтобы ее вскипятить, потребовалось бы энергіи, заключенной всего въ одной пятой части килограмма вещества. Или другой примѣръ: по оффиціальнымъ даннымъ въ 1913 г. въ Россіи было добыто больше 2 тысячъ милліоновъ пудовъ каменнаго угля. Какъ ни трудно себѣ представить ту громадную

энергію, которая получится отъ сжиганія этого количества угля, а между тѣмъ достаточно одного только килограмма вещества, чтобы превращеніемъ его въ энергію получить тотъ же самый эффектъ. Чтобы заставить курьерскій поѣздъ сдѣлать нѣсколько оборотовъ кругомъ земного шара, достаточно энергіи, заключенной въ веществѣ булавочной головки! Еслибы когда-либо сразу выдѣлилась значительная часть скрытой въ веществѣ энергіи, то, по словамъ Де-Геена, Ле-Бона и Дж. Дж. Томсона, она взорвала бы весь земной шаръ и превратила бы его въ газообразную туманность!..

Нетрудно видѣть, что выдѣленіе скрытой, внутри-атомной энергіи есть не химическій процессъ, а фактическое превращеніе вещества въ энергію: матерія исчезаетъ и взамѣнъ ея остается энергія. Въ подтвержденіе этого говоритъ слѣдующій фактъ. Опытами многихъ ученыхъ установлено, что граммъ радія втеченіе одного часа выдѣляетъ изъ себя около 120 малыхъ калорій, т. е. теплоту, достаточную для нагрѣванія 120 граммовъ воды на 1° Ц. Вмѣсто съ этимъ доказано, что количество радія постепенно убываетъ, напримѣръ, втеченіе одного года убываніе одного грамма радія достигаетъ четырехъ тысячемилліонныхъ долей грамма. Но вѣдь, какъ учитъ физика, матерія не можетъ превратиться въ ничто, а энергія не можетъ появиться изъ ничего. Поэтому Планкъ и заключаетъ—а численныя отношенія этому не противорѣчатъ,—что теплота, которая непрерывно выдѣляется при распадѣ атомовъ радіоактивныхъ тѣлъ, и есть скрытая въ атомахъ энергія и что мы какъ разъ имѣемъ здѣсь дѣло съ самопроизвольнымъ превращеніемъ матеріи въ энергію, съ фактомъ дематеріализаціи, развеществленія вещества.

Само собою разумѣется, что эти новые взгляды на матерію и энергію имѣютъ громадное значеніе не только для науки, но также для техники. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, который достигъ бы возможности произвольно выдѣлять скрытую, интра-атомную энергію, превращать вещество въ энергію въ какихъ угодно количествахъ обладалъ бы всемогуществомъ божества: онъ могъ бы комочекъ грязи превратить въ десятки и сотни тысячъ рублей. Но кто знаетъ? Можетъ быть, достиженіе этой возможности только вопросъ времени. Вѣдь въ прежнее время (лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ) никто даже смутно не предчувствовалъ, что мы когда-нибудь сумѣемъ точно опредѣлять тѣ химическія вещества, которыя входятъ въ составъ небесныхъ свѣтилъ, отстоящихъ отъ насъ на разстояніи сотенъ, тысячъ и болѣе милліоновъ километровъ А теперь это чудо, какъ извѣстно, осуществлено.

XIX. Цѣнность новой теоріи относительности.

Мы пришли къ концу обзора главнѣйшихъ и наиболѣе парадоксальныхъ выводовъ принципа относительности. Многаго мы вовсе

не разсмотрѣли, стѣсненные мѣстомъ; многое сократили, въ цѣляхъ упрощенія. Однако и того, что здѣсь было сказано, вполнѣ достаточно, чтобы понять, какую страшную революцію произвело новое ученіе въ нашемъ научномъ міровоззрѣніи. И невольно является вопросъ: что же остается отъ стараго и что даетъ новая теорія? Хочется отвѣтить: „ничего!“, когда нашъ разумъ чувствуетъ себя безнадежно угнетеннымъ волною сомнѣній и чувствомъ разочарованія. Ничего мы не имѣемъ передъ собою, кромѣ немногихъ формулъ и геометрической картины, которой мы тщетно будемъ пытаться придать осязаемую форму, ибо она пользуется представленіемъ о четырехмѣрномъ пространствѣ.

Но релятивисты, приверженцы принципа относительности, стараются насъ ободрить. По ихъ мнѣнію, существуетъ уже достаточный матеріалъ для построенія новаго научнаго зданія, которое должно быть совершеннѣе и величественнѣе всѣхъ, донынѣ созданныхъ человѣческимъ геніемъ. Прочными, неизмѣнными элементами, которые могутъ служить основой физической картины міра, согласно съ теоріей относительности, по Планку, должны быть слѣдующія, такъ называемыя, „міровыя постоянныя“: прежде всего скорость распространенія свѣта въ пустотѣ; затѣмъ зарядъ электрона, его масса въ состояніи покоя; постоянныя формулы тяготѣнія и нѣкоторыя другія величины. Всѣ эти величины, по мнѣнію приверженцевъ теоріи относительности, обладаютъ реальнымъ, дѣйствительнымъ значеніемъ, не зависящимъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, напримѣръ, отъ положенія и скорости перемѣщенія наблюдателя.

Въ этомъ новомъ направленіи принципъ относительности представляется уже не разрушающей силой, а, наоборотъ, орудіемъ созиданія и упорядоченія новаго міровоззрѣнія. „Только ту форму,— говоритъ Планкъ,—которая и безъ того уже была уничтожена неудержимымъ стремленіемъ науки впередъ, онъ отбрасываетъ въ сторону. На мѣстѣ стараго зданія, ставшаго черезчуръ тѣснымъ, принципъ относительности воздвигаетъ новое, болѣе обширное и долговѣчное, въ которомъ найдутъ свое мѣсто въ измѣненной, но болѣе наглядной, группировкѣ всѣ сокровища прежняго и, само собою разумѣется, и атомистика, и приготовляетъ опредѣленное мѣсто для вновь ожидаемыхъ. Онъ удаляетъ изъ физической картины міра всѣ несущественныя черты, привнесенныя случайностью нашихъ человѣческихъ воззрѣній и привычекъ, и этимъ очищаетъ науку отъ антропоморфныхъ примѣсей,—обязанныхъ своимъ возникновеніемъ характеру физиковъ,—полное изгнаніе которыхъ я считаю истинной цѣлью всякаго физическаго познанія. Онъ открываетъ мятежному въ своихъ исканіяхъ изслѣдователю перспективы, полныя совершенно неизмѣримыхъ далей и величія, и ведетъ его къ такимъ системамъ, которыхъ въ прежніе періоды не могли себѣ и представить. Кто однажды нашелъ въ себѣ смѣлость

сдѣлать первый шагъ и углубиться въ послѣдовательность мыслей этихъ новыхъ идей, тотъ уже не будетъ въ состояніи надолго избѣгнуть чаръ, исходящихъ отъ нихъ. И весьма понятно, что натура, обладающая такою художественною чуткостью, какъ Германъ Минковскій, такъ рано похищенный смертью у науки, могла, благодаря имъ, воспламениться яркимъ вдохновеніемъ. Но вопросы физики рѣшаются не съ эстетической точки зрѣнія, а экспериментально. Подъ этимъ во всѣхъ случаяхъ разумѣется безпристрастная, тщательная, терпѣливая детальная работа. Въ томъ-то и заключается высокій физическій смыслъ принципа относительности, что на цѣлый рядъ вопросовъ физики, вопросовъ, до сихъ поръ полностью покрытыхъ мракомъ, онъ даетъ совершенно опредѣленный отвѣтъ, который можно подвергнуть контролю опыта. Поэтому принципъ относительности, въ противоположность механической гипотезѣ свѣтового эфира, слѣдуетъ признать, по меньшей мѣрѣ, рабочей гипотезой выдающейся плодотворности".

Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ принципа относительности, знаменитый нѣмецкій физикъ Максъ Лауэ, говоритъ: „Фактически принципъ относительности Эйнштейна претендуетъ на такое же универсальное значеніе во всѣхъ областяхъ физики, какъ, скажемъ, принципъ сохраненія энергіи... Уже теперь онъ является однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ теоретической физики, потому что онъ открылъ намъ новый законъ, охватывающій отдаленнѣйшія другъ отъ друга части науки и, благодаря этому, помогъ сдѣлать намъ крупный шагъ впередъ по направленію къ созданію единой физической картины міра".

Слѣдуетъ, однако, сказать, что немалое число ученыхъ относятся къ новому ученію скептически и даже безусловно отрицательно. Строго говоря, всѣ ученые, не желающіе отказаться отъ гипотезы эфира, не могутъ полностью стоять на почвѣ новаго ученія. Но не слѣдуетъ забывать, что пока только это ученіе даетъ выходъ изъ того страннаго, непостижимаго положенія, въ которомъ очутилась наука, благодаря отрицательнымъ результатамъ всѣхъ безъ исключенія опытовъ, сдѣланныхъ съ цѣлью обнаруженія движенія земли по отношенію къ эфиру. Съ другой стороны, надо принять во вниманіе, что, независимо отъ принципа относительности, благодаря многочисленнымъ опытнымъ и теоретическимъ изслѣдованіямъ, гипотеза объ эфирѣ въ послѣднее время привела къ такимъ непреодолимымъ затрудненіямъ, что является вопросъ, не лучше-ли совсѣмъ отъ нея отказаться, не лучше-ли совсѣмъ исключить эту міровую среду изъ картины міра. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что хотя рѣшенія спорныхъ вопросовъ и окончательнаго выясненія физическаго значенія принципа относительности слѣдуетъ ожидать отъ будущаго, но пока не видно, чтобы отъ новаго ученія пришлось когда-нибудь вполнѣ отказаться. Замѣчу, что нѣмецкій физикъ Вихертъ противоноста-

вляетъ изложенной здѣсь безусловной теоріи относительности безъ эфира Эйнштейна условный принципъ относительности, сохраняющій эфиръ.

Двѣ причины всегда будутъ оказывать сильную задержку въ распространеніи новаго ученія. Вѣдь здѣсь приходится отказаться отъ слишкомъ привычныхъ взглядовъ, отречься отъ всего нашего стараго мышленія, отъ всѣхъ тѣхъ основныхъ представленій, которыми мы пользовались втеченіе, можетъ быть, десятковъ тысячелѣтій, и потому намъ не такъ-то легко слиться съ новымъ ученіемъ. Съ другой стороны, разница между новымъ и старымъ, громадная въ области отвлеченнаго мышленія, почти совершенно неосязательна на практикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что количественныя измѣненія, вводимыя новымъ ученіемъ въ численныя значенія величинъ времени, длины, массы и проч., проявляются въ ощутительной степени только тогда, когда скорость тѣлъ близка или сравнима со скоростью свѣта. А такія скорости не встрѣчаются ни на землѣ, ни на небѣ, а только въ области электрическихъ и радіоактивныхъ явленій—въ области, знакомство съ которой надолго, а, можетъ быть, и навсегда, останется достояніемъ сравнительно небольшого числа ученыхъ. Измѣненіе нѣкоторыхъ физическихъ величинъ—энергіи и проч.,—оказывается зависящимъ даже не отъ весьма малаго отношенія скорости тѣла къ скорости свѣта, но отъ квадрата этой маленькой дроби. А такія измѣненія измѣрить почти невозможно. Однимъ словомъ, разногласія въ вопросахъ о времени, пространствѣ, скорости, силѣ, массѣ и проч. имѣютъ теоретическій интересъ, могутъ быть обнаружены только въ рѣдкихъ случаяхъ—вѣдь въ противномъ случаѣ, вѣроятно, еще и раньше пришли бы къ теоріи относительности, а потому—практически для насъ все остается по старому. Въ этомъ и заключается причина того, что величайшій изъ всѣхъ научныхъ переворотовъ разыгрывается, говоря словами Хвольсона, „какъ бы за кулисами общеизвѣстныхъ событій и врядъ-ли скоро появится на той сценѣ, съ которой долженъ быть знакомъ всякій образованный человѣкъ“.

Итакъ, новое ученіе о природѣ, возникшее благодаря электронной теоріи и принципу относительности, только еще разрабатывается и мнѣнія ученыхъ въ разныхъ пунктахъ еще расходятся. Подтвердится-ли оно вполнѣ или же только отчасти,—это покажетъ будущее, когда будетъ произведено болѣе значительное число тщательныхъ опытныхъ изслѣдованій. Но, какъ бы то ни было, непоколебимымъ остается фактъ, что мы переживаемъ теперь въ области науки о природѣ замѣчательно интересный, рѣдкій моментъ — моментъ величайшаго переворота, грандіозности котораго, безъ сомнѣнія, позавидуютъ даже отдаленнѣйшіе изъ нашихъ потомковъ. Отъ раскрывающихся передъ нами безконеч-

ныхъ перспективъ, полныхъ привлекательности и красоты, захватываетъ дыханіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ родятся сильные порывы энтузіазма и увлеченія, совершенно разсѣивается пессимистическое настроеніе, и мы начинаемъ вѣрить во всемогущество положительной науки.

Г. А. Гуревичъ.

ВЪ ГОРАХЪ.

Смуглая дѣвочка робко стоитъ на порогѣ,
Смотритъ куда-то на югъ, на туманныя горы...
Мечутся по небу черныя тучи въ тревогѣ,
Смутно на землю ложатся ихъ тѣней узоры.
Точно иззябнувъ, надвинулись горы сутуло,
Ели на склонахъ качаются жутко и дико,
Слѣпы и сумрачны черныя окна аула,
Въ улицахъ узкихъ не слышно гортаннаго крика.
Тяжко и влажно цѣпляясь по каменнымъ склонамъ,
Тучи все ниже сползаютъ къ зеленымъ долинамъ.
Вѣтеръ въ ущельяхъ съ мучительно-горестнымъ стономъ
Гонитъ ихъ дальше, путемъ одинокимъ и длиннымъ.
Словно пьянѣя въ сердитой и буйной тревогѣ,
Рветъ и бросаетъ и тучи, и листья, и звуки...
Смуглая дѣвочка робко стоитъ на порогѣ,
Въ пестрыхъ лохмотьяхъ скрывая иззябшія руки.

Е. Өедорова.

Жена сэра Айзэкса Хармана.

Романъ Г. Уэлльса. Переводъ А. Даманской.

Автомобиль въѣхалъ въ невысокія бѣлыя ворота къ подъѣзду подъ густымъ навѣсомъ изъ жасмина и остановился. Молодая женщина съ большимъ мягкимъ ртомъ, изсиня-черными волосами, лежавшими густыми волнами по обѣ стороны широкаго лба, и темно-карими, которые мгновеньями казались совсѣмъ черными, глазами, высунулась изъ автомобиля и стала осматривать домъ. Смотрѣла и любовалась имъ.

Небольшой домъ съ бѣлыми рамами оконъ сонно глядѣлъ на нее изъ-за занавѣсей и не подавалъ никакого признака жизни. Изъ-за угла видѣнъ былъ кусокъ зеленой лужайки, край клумбы, усѣянной лютиками, слышался скрипъ тачки...

— Кларансъ!—крикнула одинъ и другой разъ дама.

Кларансъ съ видомъ человѣка, совершающаго что-то превыше взятыхъ на себя обязанностей, соблаговолилъ, наконецъ, услышать ея зовъ, медленно слѣзъ съ своего сидѣнья и подошелъ къ дверцамъ...

— Кажется, это здѣсь... Посмотрите, Кларансъ, нѣтъ ли звонка?..

Кларансъ медленно взглянулъ на дверь. Лицо его выражало безконечное презрѣніе къ этой двери и отсутствіе малѣйшаго желанія исполнить приказаніе. Но тѣмъ не менѣе, онъ исполнилъ. Правда, съ такимъ видомъ, словно ему послѣ такого страннаго приказанія оставалось только ждать приказанія почистить ботинки или сварить яйца въ смятку... Онъ нашелъ звонокъ и дернулъ его изъ всѣхъ силъ, какъ человѣкъ, къ такому дѣлу совершенно непривычный. Откуда ему было знать, какъ дергать звонки?.. Онъ былъ шофферъ. Звонки не были его спеціальностью.

И, дѣйствительно, звонокъ не то что звонилъ, какъ будто взорвался и звономъ своимъ наполнилъ все пространство. И

поплыли звоны изо всѣхъ оконъ, изъ всѣхъ трубъ, и казалось, что, разъ зазвонивъ, звонокъ этотъ никогда уже звонить не перестанетъ...

Клярансъ вернулся на свое мѣсто и принялъ оборонительно-вызывающую позу. Не выѣздной же онъ лакей, въ самомъ дѣлѣ?.. Позвонить-то онъ позвонилъ, но его мѣсто у руля машины.

— Какъ онъ позвонилъ!..—тихо промолвила дама, обращаясь, очевидно, къ небу.

Дверь за изящными бѣлыми колонками открылась и на ступеньки подъѣзда вышла маленькая женщина съ краснымъ носомъ, въ криво-сидѣвшемъ чепцѣ, который она, очевидно, напялила на-спѣхъ, не посмотрѣвшись въ зеркало. Она недоброжелательно посмотрѣла поверхъ своихъ выпуклыхъ очковъ на автомобиль и на сидѣвшую въ немъ даму.

Дама помахала въ воздухѣ розоватымъ листкомъ,—это было объявленіе конторы по найму квартиръ.

— Здѣсь «Черный берегъ»?—спросила она.

Маленькая женщина медленно приблизилась къ экипажу, не сводя подозрительнаго взгляда съ розоваго листка. Она подходила осторожными, крадущимися шажками, словно намѣреваясь вырвать объявленіе изъ рукъ молодой дамы.

— Это «Черный берегъ»?—повторила дама.—Извиняюсь за безпокойство и за этотъ звонъ... Вы, пожалуйста...

— Это—«Черный берегъ»,—сказала маленькая женщина тономъ глубокой укоризны и посмотрѣла на посѣтительницу уже не поверхъ очковъ, а въ самыя очки. Лицо ея не стало привѣтливѣе отъ этого, но глаза гораздо больше. Она смотрѣла на даму и бросала быстрые, острые взгляды на розовый листокъ.

— Вы, вѣрно, посмотрѣть пріѣхали?..

— Если никого не обезпокою... И если это нисколько...

— Мистера Брумлея дома нѣтъ,—сказала маленькая женщина.—Но разъ вы пріѣхали по объявленію осмотрѣть домъ, значитъ надо смотрѣть...

— Если позволите...

Дама выпрямилась въ автомобилѣ и вся ея изящная стройная фигура, закутанная въ блестящій черный мѣхъ, выражала нетерпѣливое ожиданіе и нерѣшимость...

— Это, навѣрно, прелестный домъ?..—сказала она.

— Чистый домъ,—отвѣтила маленькая женщина.—Гдѣ угодно ищите—пылинки не найдете...

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь,—сказала дама и, сбросивъ мѣховую пелерину, осталась въ темно-красномъ платьѣ, отлично облегавшемъ ея стройное гибкое тѣло. Клярансъ вдругъ

простеръ свою любезность до того, что открылъ ей дверцы автомобиля.

— Ахъ, какія прелестныя окна!—воскликнула она, задержавшись на подножкѣ,—будто хрустальныя...

Суровость маленькой старушки растаяла отъ этой похвалы, и морщинистое лицо ея напоминало въ эту минуту сброшенное вѣтромъ яблочко, полежавшее день, другой на землѣ. Въ дверяхъ она обернулась и сдѣлала властный жестъ рукой:

— Мы входимъ,—сказала она,—это вотъ первая комната... Шляпы и трости мистера Брумлея... Видите—къ каждой шляпѣ подобрана трость—одно къ другому... А на столѣ все перчатки—тоже все подъ цвѣтъ... Дверь направо—въ кухню, а налѣво—дверь въ гостиную. М-ръ Брумлей сдѣлалъ изъ нея свой рабочій кабинетъ...—Она понизила голосъ:—а это дверь въ уборную съ умывальникомъ...

— Прелестная пріемная!—сказала дама.—Такая большая, просторная. И сколько свѣта, уюта... Ахъ, какія прелестныя итальянскія панно... И какой очаровательный садъ...

— Когда пройдетесь по саду, онъ еще лучше вамъ покажется,—сказала маленькая женщина.—М-съ Брумлей натѣшиться на него не могла. Тутъ все почти ея руками сдѣлано... А теперь войдемъ въ гостиную,—продолжала она и распахнула дверь направо.

Навстрѣчу имъ раздалось неясное восклицаніе, что-то въ родѣ: «Чортъ побери!»—Плотный, средняго роста человѣкъ, въ сѣровато-зеленомъ бархатномъ костюмѣ, произнесшій это восклицаніе, стоялъ на одномъ колѣнѣ у широкаго окна и завязывалъ шнурки башмака. У него было круглое, съ легкимъ румянцемъ, привлекательное лицо. На одинъ високъ живописно падалъ клокъ темныхъ волосъ, большой шелковый бантъ завязанъ былъ съ явно-нарочитой художественной небрежностью. Профиль у него былъ правильный и тонкій, глаза выразительные, и ротъ тоже ничего, скорѣе даже—пріятный ротъ. Лицо его въ первое мгновеніе изобразило наивный ужасъ человѣка, застигнутаго въ обнаженномъ видѣ.

Но онъ тотчасъ же сообразилъ, въ чемъ дѣло...

Догадался по восхищенному лицу дамы, мгновенно съ извиненіями отпрянувшей назадъ... Она не удержалась, однако, и опять оглянулась на прелестную, свѣтлую комнату съ большой бѣлой статуей Венеры у окна...

— Я думала, что вы ушли черезъ это окно,—фамильярно сказала маленькая женщина и едва было не захлопнула дверь между нимъ и завязкой этого романа, но голосъ человѣка, завязывавшаго свой башмакъ, остановилъ ее.

— Я... вы, очевидно, осматриваете домъ?.. Подождите, м-ссъ Раббитъ.

Онъ вскочилъ на ноги и подошелъ къ дверямъ, волоча за собою незавязанные и беззастѣнчиво щелкавшіе шнурки. Дама вспомнила недалекіе свои школьные годы, когда на такой вопросъ она не преминула бы отвѣтить: «Осматриваю домъ?.. Нѣтъ, я гуляю по Пиккадилли внизъ головой...» Но она только показала ему розовый листокъ бумаги.

— Мнѣ настойчиво рекомендовали... Извиняюсь за безпокойство... Надо было, конечно, предупредить письмомъ... Но... я внезапно собралась...

Господинъ съ художественно-завязаннымъ галстухомъ, знавшій толкъ въ художественныхъ вещахъ, тѣмъ временемъ успѣлъ уже разглядѣть, что дама молода, стройна, красива, привлекательна и одѣта съ большимъ вкусомъ.

— Я очень, очень радъ,—убѣжденно сказалъ онъ—что не успѣлъ еще уйти... Я самъ покажу вамъ домъ...

— О, вы!.. да развѣ вы сумѣете?—вставила маленькая старушка.

— Что—домъ показать? Отчего же мнѣ не сумѣть?..

— А кухню... что вы понимаете въ этихъ вещахъ?.. И черный ходъ?.. Не можете же вы показывать леди черный ходъ?

Господинъ призадумался надъ этими затрудненіями.

— Ладно, я покажу ей то, что смогу показать. А тамъ, если нужно будетъ, я васъ позову. Можете уходить...

— Я боюсь,—сказала м-ссъ Раббитъ, скрестивъ свои маленькія ручки и серьезно глядя на него,—что вы плохо будете чувствовать себя, если не прогуляетесь.

— Ступайте на кухню, м-ссъ Раббитъ,—твердо сказалъ м-ръ Брумлей и м-ссъ Рабитъ послѣ мгновенія безмолвнаго протеста исчезла, недовольно поджимая губы.

— Я не хотѣла бы хоть сколько-нибудь быть вамъ въ тягость,—сказала дама.—Я пріѣхала, не предупредивъ... Я не помѣшала вамъ?—скажите мнѣ откровенно...

— Нисколько,—сказалъ м-ръ Брумлей—я ненавижу мои послѣобѣденныя прогулки, какъ узникъ ненавидитъ верченіе станка.

— Она такая милая старушка!

— Да, она мнѣ замѣнила мать и нѣсколько тетокъ послѣ смерти моей жены. У насъ никогда другой прислуги не было.

— Весь этотъ домъ,—продолжалъ онъ, отвѣчая на вопросительный взглядъ посѣтительницы,—дѣло рукъ моей жены. Это былъ маленькій безличный домикъ на опушкѣ сосноваго лѣса. Она измѣнила и самое расположеніе комнатъ, пристроила пріемную. Мы два раза перестраивали его. А вмѣсто этой остиной были двѣ комнаты...

— А это окно и ниша?..

— Это она тоже придумала,—сказалъ м-ръ Брумлей.—На

всей этой комнатѣ печать ея личности, ея вкуса.—Онъ помолчалъ немного и продолжалъ:

— Когда мы отдѣлывали этотъ домъ, мы расчитывали, что у насъ дѣла будутъ лучше, чѣмъ оказалось впослѣдствіи, и она въ средствахъ не была стѣснена. Многое здѣсь привезено изъ Голландіи и Италіи...

— Какой милый старинный столикъ! И эта роза въ вазочкѣ!..

— Это она еще поставила здѣсь эту вазочку. Если хотите, даже роза эта поставлена ею... Конечно, она обновляется. М-ссъ Раббитъ никогда не забываетъ этого...

Онъ вздохнулъ.

— Вы... вы здѣсь работаете?—неувѣренно спросила дама.

— Да, и очень много. Я вѣдь—нѣкоторымъ образомъ писатель. Вамъ, быть можетъ, знакомы мои книги? Не Богъ вѣсть какія книги, но кое-кто читаетъ ихъ.

Розовыя щеки лэди окрасились немного гуще. Она подняла свою хорошенькую головку и спросила: «Брумлей? Брумлей?» и вдругъ вспомнила:

— Вы—Георгъ Брумлей?—спросила она:—извѣстный Георгъ Брумлей?

— Да, меня зовутъ Георгъ Брумлей,—сказалъ онъ съ гордой скромностью.—Вы, быть можетъ, знаете мои сборники, посвященные Эфеміи? Ихъ больше всего читаютъ...

Леди еще гуще покраснѣла и издала какой-то невнятный, не совсѣмъ увѣренный, утвердительный звукъ. Но ея собесѣдникъ не замѣчалъ ея смущенія.

— Эфемія—это моя покойная жена,—сказалъ онъ, ... всякомъ случаѣ, этотъ образъ Эфеміи дала мнѣ моя жена. Этотъ домъ,—добавилъ онъ, съ неподдѣльнымъ благоговѣніемъ въ голосѣ—домъ Эфеміи. И я пишу только объ Эфеміи. Я полонъ ею и воспоминаніями о ней... Но... очень тяжело стало... Теперь даже тяжелѣе, чѣмъ первое время послѣ ея смерти. И я хочу оставить этотъ домъ. Потому, вотъ, я и рѣшилъ сдать его въ наймы или продать. И не будетъ здѣсь больше Эфеміи...

Голосъ его упалъ.

Леди осматривала большую, уютно обставленную комнату, голландскіе часы, голландскій шкафъ, изящныя кресла передъ каминомъ, ширму у выходившихъ въ садъ дверей. На каждой мелочи лежала печать изысканнаго вкуса, чувствовалось, что люди устраивались заботливо и прочно, и она вздрогнула при воспоминаніи о собственномъ своемъ домѣ, на обстановку котораго потрачено было такъ много стараній и заботъ. Ей казалось, что она видитъ эту женщину, такую же, какъ она, но гораздо, гораздо красивѣе, и какъ она носится по этой комнатѣ и убираетъ ее. И вдругъ женщина эта исчезла — неизвѣстно

куда, оставивъ этого одинокаго человѣка на попеченіе м-ссъ Раббитъ.

— Она умерла?—спросила она съ мягкимъ блескомъ въ глазахъ и красивой искренней дрожью въ голосѣ.

— Она умерла,—сказала м-ръ Брумлей,—три съ половиной года тому назадъ.—Онъ подумалъ немного и добавилъ:

— Да, какъ разъ три съ половиной года...

Онъ замолкъ. Она тоже сочувственно молчала.

И вдругъ онъ оживился и заговорилъ дѣловито и спокойно; повелъ ее обратно въ пріемную и сталъ ей объяснять:

— Это не столько пріемная, сколько столовая. Когда мы не обѣдали на верандѣ, мы всегда обѣдали здѣсь. Эта дверь направо ведетъ въ кухню...

Леди опять залюбовалась большими длинными панно, на которыя обратила уже раньше вниманіе.

— Это копіи съ Карпаччіо, изъ той серіи, что въ церкви св. Георгія въ Венеціи,—сказалъ онъ.—Мы вдвоемъ покупали. Но вы навѣрно видѣли оригиналы? Знаете, такая старинная темная церковь... одинъ изъ очаровательнѣйшихъ и характернѣйшихъ для Венеціи уголковъ. Вы не находите?

— Я никогда не бывала за границей,—сказала леди.—Но мнѣ бы очень хотѣлось поѣхать. Вы и жена ваша, вѣроятно, много путешествовали?

Онъ изумился тому, что такая изящная леди ни разу не была за границей, желаніе поговорить о своемъ прошломъ помѣшало ему высказать ей свое изумленіе...

— Раза два, три,—сказалъ онъ,—ѣздили за границу до рожденія нашего мальчика. И всегда привозили съ собой что-нибудь для украшенія нашего дома. Глядите,—сказалъ онъ, выходя съ нею на чистенькую, усыпанную толченымъ кирпичомъ дорожку, огибавшую весь домъ.—Вотъ этотъ барельефъ Делла-Роббіа,—онъ указалъ на прелестную зеленую лужайку,—мы возили въ нашемъ багажѣ изъ Флоренціи, а эта каменная ваза —изъ Сіены.

— Это очаровательно!—прошептала леди, нѣсколько мгновеній молча полюбовавшись барельефомъ и вазой.—Здѣсь, навѣрно, хорошо и свѣтло даже, когда нѣтъ солнца...

Она искренне восхищалась домомъ и садомъ, превосходившимъ своей красотой все, что наговорили ей комиссіонеры. И если только она пожелаетъ, все это будетъ ея собственностью...

Она наполняла весь садъ музыкой своихъ восторженныхъ восклицаній. У нея былъ маленькій, по ея фигурѣ, свѣтлый серебристый голосокъ. Было очень тихо въ саду, ни одинъ листъ не шевелился. Даже незримая тачка перестала скрипѣть, будто затихла, прислушиваясь къ чему-то...

Одно только будничное обстоятельство нарушало поэзію ихъ

прогулки по саду: башмакъ м-ра Брумлея все еще не былъ завязанъ. До сихъ поръ не представилось еще благопріятнаго момента, чтобы завязать шнурки. Онъ не обладалъ большой ловкостью въ завязываніи шнурковъ и, когда приходилось это дѣлать торопясь, раздражался, и настроеніе его портилось. Онъ надѣялся, что спутница его не замѣтитъ волочившихся по землѣ шнурковъ, и старался все время ходить не рядомъ съ нею, а немного позади нея... А она съ своей стороны и хотѣла, и не рѣшалась обратить его вниманіе на эту ничтожную, но непріятную помѣху, и предложить ему оправиться. А шнурки, длинные, кожаные, нисколько не считались ни съ ея, ни съ его смущеніемъ, летѣли въ одну, въ другую сторону, и щелкали въ полное свое удовольствіе... Онъ наступалъ на одинъ, другой шнурокъ зацѣплялся о ея ботинки, и она дѣлала незамѣтное усилие, чтобы высвободить свою ногу. Но человѣкъ—существо ко всему приспособляющееся, и въ концѣ концовъ они оба изловчились настолько, что это непріятное обстоятельство ихъ почти уже не безпокоило. Оба стали относиться къ этимъ назойливымъ шнуркамъ, какъ деликатные воспитанные люди относятся къ человѣку грубому и невоспитанному... Просто не замѣчали ихъ...

Садъ полонъ былъ вещей, которыя многіе люди мечтаютъ завести въ своихъ садахъ и никогда не заводятъ. Былъ здѣсь цвѣтникъ изъ однѣхъ розъ, распустившихся хоромъ, и арки, увитыя сверху до низу розами, и фруктовый садъ съ стройными, холеными деревьями, стволы которыхъ выкрашены были въ бѣлую краску; каменная стѣна, густо поросшая ломоносами, и протянутыя для сушки бѣлья проволоки, на которыхъ такъ весело голубѣли и бѣлѣли фланелевыя рубашки мистера Брумлея, что казались умышленно введенной въ общую картину сада подробностью...

Здѣсь и тамъ клумбы съ многолѣтними растеніями, окаймленныя лютиками, цвѣтущимъ макомъ и мальвой... Клумба съ яркими цвѣтами, рѣзко выдѣлявшаяся подъ холмомъ съ темными соснами... Садъ, казалось, переходилъ прямо въ большой сосновый лѣсъ. Предѣлы его отмѣчала лишь едва замѣтная проволочная сѣтка, защищавшая его въ то же время отъ дѣятельнаго любопытства кроликовъ.

— Эта часть лѣса вплоть до вершины холма принадлежитъ намъ,—сказалъ онъ.—Съ вершины холма чудесный видъ... Хотите посмотрѣть?

Лэди дала ему понять, что она готова смотрѣть все, что онъ можетъ показать ей. Она съ каждой минутой все больше и больше входила во вкусъ этого обзора. М-ръ Брумлей взялъ у нея изъ рукъ стѣснявшую ее мѣховую пелеринку и повелъ ее на холмъ. Шнурки его подпрыгивали и громко пощелкивали,

— Теперь я могу вамъ показать только этотъ видъ...—сказалъ онъ, когда они вышли на вершину холма.—Раньше здѣсь былъ лучшій видъ... Но его испортили... Глядите, какіе холмы. Вы, навѣрно, полюбите ихъ... Какой просторъ! Не правда ли? Но, не видно, къ сожалѣнію, блестящихъ озеръ... Здѣсь удивительныя озера... Поглядите теперь въ эту сторону... Проѣзжая дорога портитъ пейзажъ. Вы не туда, не туда смотрите.. Сюда вотъ...

Леди внимательно смотрѣла въ одну и другую сторону:

— Да, здѣсь все восхитительно...—сказала она.—Я не вижу, ничего, что могло бы испортить пейзажъ...

— О, вы не видите... Я бы тоже хотѣлъ не видѣть этого.. Но эта кричащая вывѣска...

И, дѣйствительно, у подножія холма, на поворотѣ дороги огромное досчатое объявленіе возвѣщало о томъ, «что зерновой хлѣбъ, самый питательный въ мірѣ хлѣбъ», продается въ «Интернаціональныхъ булочныхъ»—такими яркими желтыми и синими буквами, что всѣ краски и цвѣта казались передъ ними тусклыми и поблекшими...

— О!—воскликнула леди, какъ человѣкъ внезапно понявшій какую-то нелѣпость, и слегка покраснѣла.

— По утрамъ это еще рѣзче... Солнце падаетъ прямо на него и тогда это совершенно обезображиваетъ всю мѣстность...

Леди молча щурилась на далекія озера. Теперь только онъ замѣтилъ, что она покраснѣла. Она повернулась къ своему спутнику съ видомъ растерявшейся школьницы:

— Но это и въ самомъ дѣлѣ очень хорошій хлѣбъ... Онъ изготовляется очень вкусно, изъ цѣльнаго зерна... Надо же доводить объ этомъ до свѣдѣнія людей...

Его удивило ея замѣчаніе. Онъ былъ увѣренъ, что она выразитъ ему полное свое сочувствіе.

— Въ такомъ мѣстѣ оповѣщать объ этомъ!..

— Да, пожалуй, мѣсто можно было бы выбрать иное...

— Вѣдь не хлѣбомъ единымъ живъ человѣкъ..

Леди кивнула головой.

— Это затѣя одного предпріимчиваго человѣка, нѣкоего Хармана. Не трудно представить себѣ, что это за господинъ... Вамъ не кажется, что образъ этого человѣка принижаетъ духъ? Эта чудовищная груда тѣста!.. Пошлое корыстолюбіе, внѣ котораго человѣкъ ничего не видитъ, ни красоты жизни, ни поэзіи, человѣкъ, которому необходимо лишь что-то яркое, мозолящее глаза, привлекающее вниманіе, обезпечивающее ему торжество надъ маленькими, жалкими конкурентами, и ради этого—такое вотъ объявленіе!.. Это—воплощеніе всей пошлости нашей жизни—мелочной, безсовѣстной корысти... Вотъ уже четыре, или пять лѣтъ, какъ они испортили здѣсь видъ..—добавилъ онъ.

Онъ взглянулъ на нее, ожидая выраженія сочувственнаго негодованія, но какая-то догадка внезапно мелькнула въ его головѣ и — онъ понялъ...

— Видите ли,—мягко проговорила она.—Сэръ Айзексъ—мой мужъ. Конечно... Я должна была назвать себя... Съ моей стороны глупо было...

Мистеръ Брумлей растерянно смотрѣлъ на проѣзжую дорогу, тянувшуюся подъ холмомъ, но въ оправданіе свое ничего сказать не могъ.

— Дорогая лэди!—началъ онъ съ паѳосомъ.—Я въ отчаяніи... Но слова топоромъ не вырубишь. И видъ..., видъ, дѣйствительно обезображенъ...

Воспоминаніе о нѣсколькихъ эпитетахъ, произнесенныхъ имъ, обожгло его, и онъ добавилъ:

— Простите, пожалуйста, рѣзкость моихъ замѣчаній...

Онъ повернулся къ ней, какъ бы желая совсѣмъ закрыть, заслонить собою злополучную вывѣску, но она, не двигаясь съ мѣста и слегка сдвинувъ брови, внимательно смотрѣла на предметъ его возмущенія...

— Да, это некрасиво...—проговорила она.—Я уже подумала объ этомъ... Да, конечно, это некрасиво...

— Я умоляю васъ забыть мою вспышку... Это просто озорство съ моей стороны... Но я такъ люблю этотъ пейзажъ... Съ нимъ связано столько воспоминаній...

— Мнѣ не разъ уже приходило въ голову,—продолжала она, отвѣчая на свои собственныя мысли,—что объ этомъ должны думать другіе люди... Это любопытно бываетъ послушать...

Оба молчали нѣсколько мгновеній. Она смотрѣла на вывѣску, а онъ любовался ея изящной фигурой и думалъ о томъ, что никогда еще не видалъ такой красивой женщины...

Пусть всѣ дороги и холмы безобразятъ эти крикливыя вывѣски, только бы жизнь красили такія женщины, какъ эта.

Онъ искалъ подходящихъ словъ, чтобы спасти какъ-нибудь положеніе. Но онъ былъ ненаходчивъ, мысль его не всегда приходила къ нему на помощь въ нужную минуту, а леди тѣмъ временемъ опять заговорила, съ откровенностью человѣка, вслухъ высказывающаго свои мысли.

— Да, рѣдко приходится слышать,—сказала она.—Иногда приходитъ въ голову... И вдругъ!.. Знаете, когда дѣвушка почти ребенкомъ выходитъ замужъ, она мало надъ чѣмъ задумывается... А затѣмъ...

Онъ находилъ, что не совсѣмъ связныя слова ея полны глубокаго, значительнаго смысла, но все-таки смыслъ этотъ не совсѣмъ улавливалъ... А она опять обронила нѣсколько капелекъ своей мысли:

— ... а затѣмъ начинаешь понимать многое, что лучше, пожалуй, было бы не понимать никогда...

Она повернулась, чтобы опять взглянуть на домъ, просвѣчивавшій бѣлыми полосами сквозь красноватые стволы сосенъ. Она смотрѣла, поднявъ немного голову, молча любуясь имъ. И заговорила опять мягко, съ простымъ достоинствомъ, такъ, какъ будто между нею и ея спутникомъ никогда никакого разговора о какихъ-то вывѣскахъ не было:

— Это какой-то сказочный уголокъ... будто изъ другого міра...

Она подавила тихій вздохъ.

— Вамъ очень понравится нашъ искусственный гротъ... Мы потратили на него много усилій,—продолжалъ м-ръ Брумлей, —Изъ каждой нашей поѣздки мы привозили какія-нибудь растенія, чтобы украсить его...

— Какъ вы можете разстаться съ этимъ домомъ?

Онъ разставался съ нимъ потому, что убійственно скучалъ здѣсь. Но душа человѣческая очень сложна и онъ отвѣтилъ ей съ полной искренностью:

— Это будетъ очень тяжело... Но мнѣ ничего другого не остается...

— Но вы такъ долго жили здѣсь и здѣсь написали большинство вашихъ книгъ?..

Нотка состраданія въ ея голосѣ навела его на мысль, что она приписываетъ, быть можетъ, бѣдности его рѣшимость разстаться съ этимъ домомъ. Но бѣдность писателя свидѣтельствуетъ о его непопулярности, а онъ больше всего цѣнилъ свою популярность и поспѣшилъ объясниться:

— Я уѣзжаю отсюда потому, что жизнь здѣсь одинаково тягостна, какъ для меня, такъ и для моего сына... Это мѣсто полно воспоминаній о прекрасной счастливой жизни... Сынъ мой въ школѣ, въ Маргетѣ. . И лучше, здоровѣе для насъ обоихъ совсѣмъ уѣхать отсюда, какъ бы это ни было больно на первыхъ порахъ... Каждая вещь въ этомъ домѣ связана для насъ съ неизгладимыми воспоминаніями... Мы здѣсь шагу ступить не можемъ, чтобы не переноситься въ прошлое... А прошлымъ жить нельзя... Жизнь—это перемѣна и обновленіе...

Онъ подчеркнулъ краткой паузой свое обобщеніе.

— Но вамъ, вѣроятно, пріятнѣе было бы знать, что домъ этотъ въ рукахъ людей, которые...—она замялась—людей, которыхъ вы считаете способными сочувствовать вашимъ настроеніямъ?

Мистеръ Брумлей мысленно увѣренно шагнулъ впередъ:

— Мнѣ никого такъ не хотѣлось бы видѣть въ этомъ домѣ какъ васъ,—сказалъ онъ.

— Но...—возразила она—вѣдь вы меня не знаете...

— Иныя вещи познаются нами мгновенно, какъ въ откровеніи, и мнѣ кажется, что я васъ знаю такъ, какъ еслибы двадцать лѣтъ былъ съ вами знакомъ... Это можетъ показаться вамъ глупымъ, но когда я васъ только увидалъ, я тотчасъ подумалъ: вотъ! Вотъ человѣкъ, который долженъ жить въ этомъ домѣ... Это ея домъ... Да... Потому я не пошелъ на свою обычную прогулку и сталъ вамъ показывать домъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, вы хотите передать намъ этотъ домъ,— спросила она,—не смотря на... на вывѣски?..

— Хотя бы ихъ сотни было, всякихъ вывѣсокъ... Я вамъ предоставляю мой домъ...

— Мужъ мой, навѣрно, его возьметъ,—замѣтила лэди Харманъ.

И послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія добавила:

— Я всегда мечтала о такомъ именно домѣ—не очень роскошномъ, но изящномъ и не—банальномъ... Я бы не сумѣла такъ устроиться... Очень немногіе люди умѣютъ создать себѣ уголъ...

Мистеръ Брумлей чувствовалъ, что въ завязавшемся вслѣдъ за этимъ разговорѣ осуществились самыя смѣлыя его надежды. Онъ говорилъ теперь легко, довѣрчиво и былъ несказанно радъ тому, что случайно не вышелъ въ обычный свой часъ на послѣобѣденную прогулку. При всякихъ иныхъ обстоятельствахъ не могло бы произойти этого знаменательнаго разговора о вывѣскѣ... А еслибы и произошелъ, то какъ-нибудь иначе... Во всякомъ случаѣ, теперь не время было думать объ этомъ. Онъ повелъ лэди къ двумъ маленькимъ оранжереямъ, обратилъ ея вниманіе на только что распускавшіеся пышные осенніе цвѣты и направился съ нею къ искусственному гроту, гдѣ лэди Харманъ не могла налюбоваться вдоволь горными рѣдкими растеніями...

Мистеръ Брумлей уже вполнѣ овладѣлъ собою, говорилъ увлекательно, занятно, остро, словомъ, выражаясь банально— онъ былъ очарователенъ...

Мистеръ Брумлей былъ простосердечный человѣкъ съ весьма живымъ воображеніемъ, которому женщина представлялась самой интересной вещью въ этомъ пріятномъ и интересномъ мірѣ. Это былъ добрѣйшей души человѣкъ, и перомъ своимъ онъ честно поддерживалъ устои семьи и брака, и враждебно относился ко всякимъ вѣяніямъ, подрывавшимся подъ всякія основы и требовавшимъ перемѣнъ... Но женщины, женщины влекли его къ себѣ неодолимо. Онъ наблюдалъ ихъ, думалъ о нихъ, любилъ ихъ общество, старался нравиться имъ и часто подолгу мечталъ о нихъ, мысленно оказывалъ имъ ласковое

покровительство, говорилъ имъ удивительныя, трогательныя слова, велъ съ ними нѣжную дружбу, любилъ ихъ и былъ ими любимъ.

Временами ему приходилось обуздывать свои мечты. Временами томленіе о женщинѣ овладѣвало имъ съ силой, какой онъ и не подозрѣвалъ въ себѣ, и тогда онъ становился непослѣдовательнымъ и скрытнымъ... Его собственный полъ сравнительно меньше интересовалъ его. Даже такія отвлеченныя понятія, какъ доброта и справедливость, принимали въ его воображеніи женскій обликъ и на его письменномъ столѣ, за которымъ онъ писалъ свои критическія статьи, возсѣдала хорошенькая бронзовая дельфійская Сивилла...

Своимъ опытнымъ, внимательнымъ глазомъ онъ изучалъ каждое движеніе лэди Харманъ и его чуткое, изощренное ухо ловило всѣ ея слова и оттѣнки голоса, сообщавшія какую-то особую прелесть ихъ раговору. Въз качествѣ свѣтскаго извѣстнаго писателя, онъ имѣлъ возможность видѣть и знакомиться со многими интересными женщинами. Но такой, какъ эта лэди Харманъ, ему не привелось еще встрѣтить. Она была красива, молода и свѣжа. Онъ давалъ ей не больше двадцати четырехъ лѣтъ... Держала она себя съ милой простотой, отчего казалась еще моложе своихъ лѣтъ, и съ достоинствомъ, какъ будто была гораздо старше, чѣмъ казалась. И такимъ здоровьемъ чудеснымъ вѣяло отъ нея... Такія женщины встрѣчаются иногда среди молодыхъ богатыхъ евреекъ, но въ лэди Харманъ ничего семитическаго не было, хотя она и была очень смуглой брюнеткой. Мистеръ Брумлей склоненъ былъ думать, что она итальянка... О ея богатствѣ можно было догадываться лишь по тѣмъ вещамъ, которыя были на ней—очень изысканнымъ и дорогимъ. Но держала она себя съ благородной скромностью и манеры ея были безукоризненны. Мистеръ Брумлей не ставилъ ей въ укоръ ея богатаго туалета—онъ любилъ роскошь и ничего не имѣлъ противъ дорогихъ мѣховъ...

Въ головѣ его быстро сложилась исторія, недалекая отъ дѣйствительности—о небогатой семьѣ, осиротѣвшей, быть можетъ, о бракѣ по разсчету въ семнадцать лѣтъ, и...

Наблюдательный умъ мистера Брумлея вилъ нить разсказа, а голосъ его тѣмъ временемъ не умолкалъ. Онъ искусно и полубезсознательно рисовался передъ своей посѣтительницей. Намеками, невольными признаніями, образными замѣчаніями опытнаго разказчика онъ увѣренными штрихами и какъ будто не замѣчая этого нарисовалъ передъ лэди Харманъ плѣнительную картину жизни двухъ возлюбленныхъ, счастливыхъ, беэпечныхъ, изъ которыхъ одна обречена была на смерть...

— Какое это, вѣроятно, счастье такъ начать жизнь,—проговорила лэди Харманъ съ тихимъ вздохомъ и мистеръ Бру-

млей задрожалъ отъ радости, что эта очаровательная женщина завидуетъ его Эфиміи.

— Да,—сказалъ онъ—у насъ была прекрасная весна...

— Жить душа въ душу,—продолжала она,—и въ такомъ очаровательномъ тихомъ уголкѣ...

Въ взаимоотношеніяхъ между двумя людьми всегда бываетъ такой періодъ, когда надо умѣть воспользоваться каждымъ благопріятнымъ мгновеніемъ, желая крѣпче завязать узелъ знакомства и дѣлать соотвѣтствующія случаю обобщенія. Продолжительный опытъ въ разговорахъ съ дамами изощрилъ чуткость мистера Брумлея. И онъ безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти замѣтилъ:

— Жизнь порою—удивительная вещь!..

Лэди Харманъ подумала немного, видимо, вспоминая подтвержденіе этому изреченію, и сказала:

— Да,—очень странная...

— Человѣкъ теряетъ самое дорогое въ жизни,—продолжалъ мистеръ Брумлей—и ему кажется, что все потеряно, все кончено... И все-таки продолжаетъ жить...

— А другой начинаетъ жизнь, въ которой ему ничего не дорого,—проговорила лэди Харманъ и быстро замолкла, понявъ, что сказала слишкомъ много.

— Очевидно, инстинктъ жизни въ человѣкѣ... — началъ было мистеръ Брумлей, и остановился, какъ человѣкъ, подошедшій къ самому краю бездны.

— Одинъ человѣкъ живетъ надеждами,—сказала лэди Харманъ.—А другой и надеждъ никакихъ не питаетъ... А судьба готовитъ имъ обоимъ самыя неожиданные сюрпризы...

— Да, самые неожиданные,—повторилъ мистеръ Брумлей.

На нѣсколько мгновеній оба приникли къ этой мысли, какъ двѣ бабочки къ одному и тому же цвѣтку.

— Вотъ я и покидаю теперь этотъ домъ,—сказалъ въ заключеніе мистеръ Брумлей.—Буду нѣкоторое время жить въ Лондонѣ съ моимъ мальчикомъ. А затѣмъ, быть можетъ, поѣдемъ въ Германію, въ Италію, когда у него каникулы будутъ... Будемъ вдвоемъ путешествовать... Но жить намъ все-таки придется врозь. Раньше или позже ему придется жить съ товарищами, въ какой-нибудь школѣ... Пойдетъ своей дорогой...

— Тяжело вамъ будетъ въ одиночествѣ,—сочувственно замѣтила лэди Харманъ.

— Буду работать. — съ печальной отвагой отвѣтилъ мистеръ Брумлей.

— Да, конечно, ваша работа...

Она краснорѣчиво умолкла.

— Это большое счастье...

— Я бы очень хотѣла,—съ внезапной горячею искренностью въ голосѣ начала лэди Харманъ, и покраснѣла.—Я бы очень хотѣла заниматься какимъ-нибудь дѣломъ...

— Но у васъ, вѣроятно, разныя свѣтскія обязанности... Вѣдь это занимаетъ не мало времени...

— Да, конечно... Я просто—неблагодарная душа... У меня вѣдь и дѣти...

— У васъ дѣти, лэди Харманъ!

— Да, четверо...

Онъ былъ пораженъ.

— Ваши собственныя?

Она удивленно взглянула на него своими темно-карими глазами:

— Мои ли собственныя? Чьи же дѣти могутъ у меня быть?

Въ голосѣ ея дрогнулъ веселый смѣхъ.

— Я подумалъ... Быть можетъ, пасынки или падчерицы...

— О, нѣтъ, нѣтъ. Это мои собственныя дѣти... Всѣ четверо...

Она вопросительно смотрѣла на него и ждала дальнѣйшихъ вопросовъ.

— Какъ это странно,—промолвилъ онъ, какъ будто отвѣчая себѣ самому.—Вы такъ рано начали жизнь... Вы такъ еще молоды?..

—Я не такъ молода, какъ вы думаете... Мнѣ скоро двадцать шесть лѣтъ исполнится... Но несмотря на то, что у меня четверо дѣтей, отчего бы мнѣ, какъ женщинѣ, нельзя заниматься и какимъ-нибудь дѣломъ?..

— Я не могу представить себѣ болѣе достойнаго дѣла, какъ воспитаніе дѣтей...

Лэди Харманъ молчала. Она, очевидно, колебалась, сказать ли или не сказать то, что дрожало у нея на устахъ.

— Да, конечно... Но, когда въ домѣ цѣлая рать боннъ и нянь и когда у васъ нѣтъ полной свободы дѣйствій...

Она густо покраснѣла и оборвала неминуемыя дальнѣйшія признанія.

— Нѣтъ,—добавила она,—мнѣ хотѣлось бы заниматься своимъ какимъ-нибудь дѣломъ.

На этомъ мѣстѣ разговоръ ихъ прервался приходомъ шоффера, чрезвычайно удивившимъ мистера Брумлея, но нисколько не смутившимъ лэди Харманъ.

Клярансъ подходилъ къ нимъ по зеленой лужайкѣ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ оглядывая прелестный садъ. Онъ поднесъ руку къ фуражкѣ, но не то, чтобъ прикоснулся къ

ней, а вѣрнѣе показалъ только, что могъ бы это сдѣлать, если-бы нашелъ нужнымъ.

— Пора ѣхать, лэди,—сказалъ онъ.—Сэръ Айзексъ вернется съ пятичасовымъ поѣздомъ... Что же это будетъ, если онъ васъ дома не застанетъ и я на вокзалъ не поспѣю...

Какая-то совершенно исключительная для шоффера исполнительность!

— Неужели надо сейчасъ ѣхать, Кларансъ?—спросила лэди, взглянувъ на свои часы въ браслеткѣ.—Неужели вамъ надо два часа на то, чтобы...

— Даже больше, лэди,—отвѣтилъ Кларансъ,—развѣ только вы разрѣшите мнѣ съѣздить теперь по моимъ дѣламъ...

— Но вы должны непремѣнно выпить чашку чаю,—сказалъ м-ръ Брумлей.—И вы еще кухню не видѣли...

— И службы! Знаете, Кларансъ... Тогда уже поѣзжайте пока, куда вамъ надо...

— Но вы не будете, надѣюсь, меня попрекать: «О, Кларансъ!».

На это лэди Харманъ ничего отвѣтить не могла.

— Я пойду, скажу м-ссъ Раббитъ,—сказалъ м-ръ Брумлей и, неловко наступивъ на свои шнурки, споткнулся и полетѣлъ внизъ, съ искусственной скалистой горки.

— О!—воскликнула лэди Харманъ и всплеснула руками.

У него опять вырвалось восклицаніе, похожее на «чортъ побери!», но онъ въ тотъ же мигъ вскочилъ опять на ноги, съ забавной гримасой показалъ ей свои испачканныя землею ладони и быстро пошелъ къ дому, на этотъ разъ съ зелеными пятнами на колѣняхъ. Кларансъ, которому это маленькое несчастье, видимо, доставило огромное удовольствіе, медленно повернулся и направился по параллельной дорожкѣ къ кухнѣ, предоставивъ лэди Харманъ послѣдовать за нимъ, если ей угодно будетъ...

— Хотите чашку чаю? — бросилъ ему м-ръ Брумлей.

— О, съ величайшимъ удовольствіемъ,—снисходительно отвѣтилъ Кларансъ снисходительно-добродушнымъ тономъ, какимъ говорятъ съ забавнымъ чудакомъ, стоящимъ нѣсколькими ступенями ниже на общественной лѣстницѣ...

М-ссъ Раббитъ успѣла уже тѣмъ временемъ накрыть столъ на уютной верандѣ и обидѣлась, понявъ изъ словъ м-ра Брумлея, что онъ не разсчитывалъ на такую догадливость съ ея стороны.

Мистеръ Брумлей исчезъ на нѣсколько минутъ въ дверяхъ дома. И вернулся съ посвѣтлѣвшимъ лицомъ, чистыми руками, чистыми колѣнями и аккуратно завязанными шнурками. Лэди Харманъ уже сидѣла за столомъ и разливала чай.

— Дѣло въ томъ,—начала она, въ оправданіе своей милой

смѣлости,—что автомобиль долженъ ждать мужа на станціи. Ему, конечно, и въ голову не придетъ...

Она не договорила, предоставивъ мистеру Брумлею догадываться о томъ, что мистеру Айзэксу и въ голову не можетъ придти.

Въ этотъ вечеръ мистеръ Брумлей не въ силахъ былъ приняться за работу. Онъ чувствовалъ, что въ этотъ день произошло что-то въ его жизни. Онъ преувеличивалъ это въ сущности довольно незначительное событіе... Но не переставалъ думать о немъ. Онъ видѣлъ передъ собою стройную, закутанную въ мѣхъ фигуру лэди Харманъ, ея темные, искренніе глаза, нѣжныя очертанія ея рта и ея трогательную простоту, въ которой было столько достоинства и самообладанія... Онъ опять перебиралъ мысленно разговоръ о вывѣскѣ, и жадно, какъ голодный человѣкъ, подбирающій каждую крошку и каплю, выгребалъ изъ памяти новыя и новыя крохи воспоминаній. Сколько достоинства, ея чистосердечное, ласковое прощеніе... Ни одной королевѣ съ нею не сравниться!..

Онъ старался представить себѣ среду и обстановку, въ которой она живетъ... Вѣроятно, сѣрая, безвкусная жизнь среди горъ золота... Такая обстановка, послѣ которой Карпаччіо, Делла-Роббія, старинная мебель, скромный хорошенькій садикъ и духовная атмосфера—показались ей чѣмъ-то сказочнымъ, перенесли ее въ «другой міръ» (и за границей она никогда не была). Въ другой міръ, который такъ счастливъ будетъ принять ее, со всѣми ея мѣхами, богатствомъ, молодостью...

Теплый іюньскій вечеръ разжигалъ мечты м-ра Брумлея, Изъ всѣхъ временъ года больше всего дѣйствовала на мистера Брумлея весна. Она всегда будила новыя струи чувствъ въ его сердцѣ, какъ струи свѣжихъ соковъ въ деревьяхъ его сада.

Онъ просидѣлъ около получаса надъ начатой статьей о Шекспирѣ, не написалъ ни одной строки и рѣшилъ закончить этотъ день прогулкой, отложенной благодаря нежданному визиту...

Вспоминая опять разговоръ съ лэди Харманъ, онъ говорилъ себѣ, что былъ не на высотѣ своего положенія, что не сумѣлъ показать себя ей во всемъ блескѣ, и эта мысль мучила его.

Онъ шагалъ въ сумерки вдоль ограды сада и громко говорилъ съ летучей мышью, кружившей надъ его головою:

— Увижу ли я когда-нибудь опять эти глаза?..

Уже засыпая, онъ подумалъ, что она, навѣрно, сниметъ домъ и онъ много разъ еще увидитъ ее. Эта мысль открыла передъ нимъ перспективы новыхъ бесѣдъ съ нею, новыхъ возможностей сказать ей все то, что онъ не успѣлъ сказать ей сегодня... Онъ придумывалъ одну изящную фразу за другой, пока онѣ не запестрѣли торжественными и совсѣмъ интимными словами... Потомъ стройная связь между ними стала обрываться и мистеръ Брумлей, наконецъ, уснулъ.

Работа не клеилась и на слѣдующее утро. Онъ поѣхалъ завтракать въ клубъ, катался на велосипедѣ съ Гораціемъ Тумеромъ, перечиталъ послѣ чаю написанное наканунѣ стихотвореніе, нашелъ его блѣднымъ, сунулъ его въ ящикъ, и собравшись, наконецъ, съ мыслями, часа два до ужина работалъ надъ своей статьей о Шекспирѣ. Когда м-ссъ Раббитъ по привычкѣ, которую она переняла отъ покойной м-ссъ Брумлей, спросила, какъ идетъ его работа, онъ могъ съ чистой совѣстью отвѣтить ей:

— На всѣхъ парахъ!

II.

Удивительнѣе всего было, однако, то, что два факта, которые принято считать наиболѣе значительными въ жизни женщины, гораздо менѣе занимали воображеніе м-ра Брумлея, чѣмъ всякія ничтожныя подробности, связанныя съ образомъ лэди Харманъ. М-ръ Брумлей не задумывался вовсе надъ тѣмъ, что она была замужемъ и что у нея было четверо дѣтей. Еслибы онъ долго думалъ объ этомъ, это исказило бы образъ, сложившійся въ его воображеніи, и когда мысль его останавливалась на мужѣ и дѣтяхъ лэди Харманъ, то онъ думалъ только о томъ, какъ эти два обстоятельства мало необходимы для дополненія ея образа...

Тѣмъ не менѣе онъ пытался возстановить въ памяти все, что она сказала о своихъ дѣтяхъ. Но это ему не удавалось, хотя это были самыя простыя въ мірѣ слова...

— Случайное послѣдствіе этого замужества,—пытался м-ръ Брумлей объяснить существованіе дѣтей въ жизни лэди Харманъ.

... Дорогія бонны, гувернантки—все, что можно купить на деньги, и, навѣрно, еще и свекровь...

А этотъ Харманъ?..

Но тутъ воображеніе м-ра Брумлея оказывалось безсильнымъ: у него никакихъ данныхъ не было для возсозданія его образа. «Но, несомнѣнно,—говорилъ онъ себѣ,—банальный дѣлецъ, выдвинувшійся благодаря экономической эволюціи, замѣщающей мелкихъ торговцевъ синдикатами... Человѣкъ, быть можетъ, достойный сожалѣнія, рядомъ съ этимъ непони-

мающимъ себя божествомъ»... М-ру Брумлею очень понравилась мысль о непонимающемъ себя божествѣ, и лишь въ теченіе нѣскольких ближайшихъ дней сэръ Айзексъ занялъ болѣе замѣтное мѣсто въ плоскости его мыслей...

Кое-что онъ узналъ о немъ отъ своего пріятеля Горація Тумера. Онъ былъ такъ полонъ мыслями о лэди Харманъ, что ни о чемъ иномъ говорить не могъ.

— Я, вѣроятно, скоро сдамъ мой домъ,—сообщилъ онъ своему пріятелю.—Нѣкій Харманъ хочетъ его взять...

— Это не директоръ синдиката «Интернаціональныхъ булочныхъ»?

— Да... И какое странное совпаденіе... Меня такъ выводила изъ себя эта вывѣска...

— Говорятъ, у него очень хорошенькая жена и онъ держитъ ее подъ замкомъ...

— Она пріѣзжала осматривать домъ,—сказалъ Брумлей, считая лишнимъ подчеркнуть, что она пріѣзжала одна.

— Хорошенькая?..

— По моему, очаровательная...

— Онъ очень ревнивъ... Разсказываютъ, что шофферу наказано не возить ее по лондонскимъ улицамъ, только по окрестностямъ... Они живутъ въ большомъ безобразномъ домѣ въ Путней-Хиллѣ. Отвратительный онъ господинъ...

— Въ какомъ смыслѣ?..

— Да вообще... Разоряетъ мелкихъ торговцевъ... такъ, потѣхи ради... Онъ полуинвалидъ... какая-то застарѣлая болѣзнь, почекъ, кажется... Цѣлые дни иногда проводитъ въ постели, пьетъ Контрэксвилльи и строитъ планы, какъ разорять несчастныхъ людей... Но партія носится съ нимъ... И дворянство получилъ...

— Партіи нужны деньги...

— Онъ не очень щедръ... Но чего можно ждать отъ людей, которые...

Тумеръ закончилъ фразу нецензурнымъ эпитетомъ.

Это былъ любопытный типъ человѣка по природѣ циничнаго, грубаго, но тщательно вылощеннаго воспитаніемъ, образованіемъ и претвореннаго въ безукоризненнаго джентльмена. У него была неодолимая потребность сквернословить и грязнить все чистое, порядочное самыми отборными непристойными словами... И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ жадно тянулся къ людямъ, которые были на виду, пользовались успѣхомъ, вліяніемъ... Самъ онъ утверждалъ свое положеніе на защитѣ общественныхъ и государственныхъ устоевъ и въ своемъ журналѣ «Britisch Critic» безпомощно нападалъ на все новое, молодое, на каждое благородное начинаніе, на все, что можно было

порочить и поносить безотвѣтственно... Харманъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, оскорблять которыхъ онъ считалъ и своимъ правомъ и задачей. Это былъ человѣкъ другого круга, предпріимчивый, новый и не имѣвшій еще большаго вѣса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ несмѣтно богатъ и надо было съ нимъ считаться. И знаменитый журналистъ и юмористъ расписывалъ его передъ Брумлеемъ съ безсильною радостью, плохо прикрываемой саркастическими ужимками...

— Я лично ничего противъ него не имѣю,—говорилъ онъ, затянувшись папироской и пуская дымъ тонкой струйкой.— Жена чуть ли не вдвое моложе его—понятно, что онъ ревниво оберегаетъ... Это еще ничего... А вотъ, какъ онъ дѣла свои ведетъ... Посудите сами: хлѣбъ, который печется гуртомъ и развозится, какъ газета, конечно, это не тотъ хлѣбъ, что пекли наши пекари въ доброе старое время, для каждаго покупателя по его вкусу... Теперь на эти большія предпріятія всѣ набросились. Это все изъ Чикаго идетъ... Синдикаты все теперь забрали въ свои руки: торговлю табакомъ, чаемъ, окороками, аптекарскими товарами, книжное дѣло... Люди гибнутъ, какъ мухи. Конечно, Харманъ не одинъ... Такихъ много. Приказчицы въ его булочныхъ, разумѣется, должны подрабатывать проституціей и законъ на ихъ сторону не станетъ... И потомъ, что онъ продѣлываетъ со своими вывѣсками!.. Вѣдь онъ дѣлалъ попытки водрузить эту вывѣску свою и на Шекспировской скалѣ въ Дуврѣ... Но ему не дали. А въ Тунбриджѣ на Тоадъ-Рокѣ она долго красовалась... Однако —изъ груди Тумера вырвался легкій вздохъ сожалѣнія—въ личной своей жизни онъ безупреченъ... Вѣроятно, благодаря слабому здоровью. Я наводилъ тщательныя справки, когда зашла рѣчь о возведеніи его въ дворянское достоинство... А до женитьбы онъ жилъ со своей матерью, въ Хайбюри,—жилъ очень скромно и просто.

— Значитъ, онъ не то чтобы пошловатый какой-нибудь дѣлецъ?

— Нѣтъ, скорѣе типа Рокфеллеровъ... Плохое здоровье, но большая работоспособность, организаторскій талантъ... Конечно, въ узкомъ, дѣловомъ смыслѣ... Я радъ, что я не какой-нибудь маленькій кондитеръ въ городѣ, на который онъ вздумалъ бы закинуть свой неводъ...

— Что же—выжига?

— Мелочный человѣкъ... А ужъ благородства отъ такихъ господъ ждать, конечно, нечего... Вы гдѣ пьете чай, въ клубѣ или дома?

Лишь долгую недѣлю спустя Бромлей дождался вѣсти о лэди Харманъ. Онъ начиналъ уже бояться, что она никогда больше не озаритъ его дома своимъ присутствіемъ. Наконецъ, онъ получилъ телеграмму, исполнившую его нетерпѣливаго

ожиданія. Телеграмма гласила: «Пріѣду въ субботу послѣ обѣда. Харманъ».

Мистеръ Брумлей тщательно пріодѣлся въ субботу утромъ, пробовалъ приняться за работу, но безуспѣшно. Мысль его напряженно подбирала концы прошедшаго разговора и завязывала ихъ съ началомъ предстоявшаго разговора въ изящные узлы. Онъ наводилъ ее мысленно на признанія и на полупризнанія своими искусными вопросами и отвѣтами. И не переставалъ думать объ этой удивительной, очаровательной женщинѣ, которую случай привелъ въ его домъ, а еще раньше приковалъ супружескими узами къ человѣку, къ счастью, од нако, больному и больше, стало быть, другихъ смертныхъ под верженному закону смертности... Не надо забывать, что Брумлей былъ писатель, и мысль его всегда забѣгала впередъ, по мимо его воли, сплетая всѣ событія его въ жизни въ литера турныя фабулы...

О приближеніи автомобиля его возвѣстилъ громкій лай собаки, вслѣдъ за которымъ онъ услыхалъ и гулъ мотора.

Брумлей подбѣжалъ къ окну и, прячась за занавѣску, смотрѣлъ на быстро подъѣзжавшій къ подъѣзду блестящій экипажъ. Прежде, чѣмъ Кларансъ успѣлъ остановить машину господинъ, съ просѣдью въ волосахъ, въ широкомъ мѣховомъ пальто, открылъ дверцы и соскочилъ на землю. Брумлей замѣтилъ его острый носъ и нѣсколько кривой, плотно сжатый ротъ. Онъ нетерпѣливо ждалъ появленія другого лица. Но ея не видно было... Неужели? Неужели это возможно?..

Блѣдный господинъ сбросилъ шубу на руки подоспѣвшаго Кларанса, который почтительно положилъ ее въ автомобиль и закрылъ дверцы. Мистеръ Брумлей не вѣрилъ своимъ глазамъ...

Вслѣдъ затѣмъ онъ услыхалъ низкій мужской голосъ, спрашивавшій о немъ у вышедшей на подъѣздъ м-ссъ Раббитъ. Нѣсколько мгновеній тишины, въ которой ухо тщетно ловило шорохъ женскаго платья, и, наконецъ, шаги м-ссъ Раббитъ за дверью.

— Чортъ побери!—пробормоталъ онъ съ досадой.

Ему и въ голову не приходило, что сэръ Айзексъ можетъ пріѣхать одинъ.

Но надо было сдать домъ, и сдать его сэру Айзэксу Харману, и черезъ минуту вполнѣ овладѣвшій собою писатель любезно разговаривалъ съ знаменитымъ дѣльцомъ. Онъ былъ на цѣлую голову ниже ростомъ Брумлея, тщательно выбритъ, въ темномъ изящномъ костюмѣ и аккуратно завязанномъ темномъ галстукѣ.

— Сэръ Айзексъ Харманъ?—привѣтливо спросилъ м-ръ Брумлей.

— Онъ самый,—отвѣтилъ сэръ Айзексъ, задыхаясь немного.—Вотъ пріѣхалъ посмотрѣть... Пожалуй, маловатъ домъ, но это бѣда поправимая...

— Очень радъ васъ видѣть, — выразительно промолвилъ Брумлей.

— Да... Милая пріемная... Очень... И этотъ уголъ—недуренъ. Много тутъ комнатъ?..

Мистеръ Брумлей назвалъ первую цифру, какая пришла въ голову, и съ отчаяніемъ призывалъ мысленно м-съ Раббитъ, которая могла бы избавить его отъ всѣхъ возможныхъ затрудненій.

Наконецъ, сдѣлалъ надъ собою усиліе и сталъ давать посѣтителю объясненія. Сэръ Айзексъ слушалъ, роняя время отъ времени сквозь зубы какіе-то нечленораздѣльные звуки.

— Ванную придется передѣлать,—заговорилъ онъ внезапно.—Люди Харманъ эта комната съ нишей очень понравилась, но какъ она мала!.. Милая комната, и хорошо вы ее обставили, но такая крохотная... Надо будетъ значительную пристройку сдѣлать... А это можетъ испортить стиль. А тамъ что? Бесѣдка? Гмъ! Гмъ! А это? Сарай? Пустой? Да, все это необходимо значительно расширить, увеличить...

Мистеръ Брумлей, повидимому, былъ для него только источникомъ отвѣтовъ на всѣ его вопросы, продавцомъ, который долженъ былъ назвать ему цѣну.

— Я лично сдѣлалъ бы, пожалуй, другой выборъ, но леди Харманъ плѣнилась этимъ домомъ... Во всякомъ случаѣ, надо будетъ приспособить его къ нашимъ нуждамъ...

За все это время м-ръ Брумлей ни слова не промолвилъ объ Эфеміи, ни объ ихъ молодой любви, ни о другихъ воспоминаніяхъ, которыя хранилъ въ себѣ этотъ домъ. Онъ чувствовалъ, что на сэра Айзэкса это никакого впечатлѣнія не произведетъ... Онъ старался только дѣлать видъ, что ему совершенно безразлично — купитъ сэръ Айзэксъ этотъ домъ или нѣтъ... Онъ даже держалъ себя съ такимъ видомъ, будто такіе дома вовсе не рѣдкость и продажа его для него вопросъ второстепеннаго значенія. Цѣна имъ опредѣленная, и ниже этой цѣны воспитанный человѣкъ предлагать не станетъ... Когда они вышли въ очаровательный садъ, сэръ Айзексъ замѣтилъ:

— Да, еслибы его увеличить немного, то это былъ бы оченѣ недурной садикъ...

Увидѣвъ гротъ, онъ добавилъ:

— А ночью это можетъ быть опасно...

Онъ мотнулъ головой на холмъ съ темнозелеными соснами:

— Можно бы прикупить или снять часть этой рощи и вытянуть немного садъ... Да, откровенно говоря, тутъ многаго не хватаетъ... Тѣсновато ужъ очень...

Сэръ Айзексъ нѣсколько мгновеній внимательно разглядывалъ домъ и спросилъ:

— А какъ далеко отсюда до ближайшей желѣзнодорожной станціи?

М-ръ Брумлей обстоятельно отвѣтилъ.

— Четыре мили? И поѣзда не часты?.. Стало быть, лучше доѣзжать автомобилемъ до Гюйльдфорда, а тамъ экспрессомъ до Лондона... Гмъ... А какіе у васъ тутъ сосѣди?

М-ръ Брумлей назвалъ ему сосѣдей.

— Та-акъ. А офицеровъ поблизости нѣтъ? Гмъ... Лагерь въ Альдершотѣ... Въ одиннадцати миляхъ... Ну, а всякихъ литераторовъ, музыкантовъ, художниковъ—здѣсь, надѣюсь, нѣтъ?

— Кромѣ меня, кажется, никого больше нѣтъ,—съ комической серьезностью отвѣтилъ м-ръ Брумлей.

Сэръ Айзэксъ удивленно, будто вспоминая что-то, взглянулъ на него.

— Это, впрочемъ, неважно,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

М-ру Брумлею очень хотѣлось сейчасъ же повести его на холмъ и показать ему проѣзжую дорогу и вывѣску «Интернаціональныхъ булочныхъ». Но онъ только завелъ разговоръ о видѣ, открывавшемся съ холма, рѣшивъ предоставить сэру Айзэксу обратить вниманіе на достопримѣчательность этого вида.

— Ну, что же,—сказалъ вдругъ гость, поблѣднѣвъ отъ волненія, и часто дыша,—четыре тысячи фунтовъ?.. Это—цѣна крайняя.

— Это минимальная цѣна,—отвѣтилъ м-ръ Брумлей. Сердце его стучало.—Я человѣкъ непрактичный, ничего въ дѣлахъ не понимаю, но повѣренный мой говорилъ мнѣ... Вотъ, увидите сейчасъ, какой видъ съ этого холма...

— Дѣло въ томъ, что придется почти весь домъ перестроить.

— Вотъ!—сказалъ м-ръ Брумлей, указывая рукой въ пространство.

Сэръ Айзексъ брезгливо смотрѣлъ на бѣлый фасадъ дома. Мертвенная блѣдность его вдругъ смѣнилась легкимъ румянцемъ, окрасившимъ щеки, носъ, и даже уши.

— Да, въ концѣ концовъ, перестраивать можно и позднѣй...

М-ру Брумлею стоило труда не выдать своей радости.

Сэръ Айзэксъ взглянулъ по другую сторону холма, и выраженіе его лица мгновенно измѣнилось.

— Гмъ... Эта вывѣска—ни на что не похоже...

— Вотъ!—невольно воскликнулъ Брумлей, удивившись разумному слову, которое услыхалъ, наконецъ, отъ своего посѣтителя.

— Вы понимаете, въ чемъ дѣло?—сказалъ сэръ Айзексъ.

М-ръ Брумлей не безъ труда удержался отъ краснорѣчиваго отвѣта.

— Вывѣска должна быть здѣсь бѣлая,—продолжалъ сэръ Айзексъ—съ зеленымъ... Какъ объявленія совѣта Лондонскаго Графства на Хомпстэдъ-Хизъ... Чтобы бросалась въ глаза, ослѣпляла... Сюда такъ и просится яркая, ослѣпительная вывѣска... А это что? Все равно, какъ еслибы по коричневому цвѣтъ хакки...

Онъ обернулся за сочувствіемъ къ Брумлею.

— Еслибы вывѣски вовсе не видно было,—проговорилъ Брумлей.

— Только однѣ буквы?—подхватилъ сэръ Айзэксъ.—Нѣтъ, Нѣтъ, это тоже не годится...

Онъ чмокнулъ губами и опять сталъ внимательно вглядываться въ пейзажъ и взвѣшивать мысленно его достоинства и недостатки.

— Да, жена уже говорила мнѣ объ этой вывѣскѣ...—сказалъ онъ и, опять поглядѣвъ на домъ, добавилъ:

— Я бы и говорить не сталъ объ этой усадьбѣ, еслибы не леди Харманъ. Она очень понравилась ей... Ей хочется жить здѣсь въ лѣтніе мѣсяцы... Но я не вижу причины, почему бы не жить здѣсь всегда, если перестроить и увеличить домъ.

Онъ глубоко вздохнулъ нѣсколько разъ.

— Леди Харманъ вредно жить въ Лондонѣ...—проговорилъ онъ.

— Слабое здоровье?—быстро спросилъ Брумлей.

— Нѣтъ, здоровье у нея превосходное... Но она—молодая женщина... Поддается всякимъ вліяніямъ... Да, такъ вотъ—еще... насчетъ этого сарая... Еслибы его увеличить, соединить корридоромъ со службами, а кусты эти вырубить...

М-ръ Брумлей, едва слушая его, взволнованно думалъ о томъ, что леди Харманъ «поддается вліяніямъ»,—а сэръ Айзэксъ опять заговорилъ о цѣнѣ, когда они вдругъ увидали между выкрашенными въ бѣлый цвѣтъ стволами деревьевъ и домомъ какую-то, неопредѣленныхъ очертаній, пеструю массу. Брумлей съ недоумѣніемъ вглядывался въ нее и лишь, когда они подошли ближе къ дому, разглядѣлъ пышныя формы леди Бичъ-Мандаринъ, облеченныя въ свѣтло-голубое платье и увѣнчанныя большой черной соломенной шляпой, на которой красовалась цѣлая клумба маргаритокъ...

— Я могу пройти отсюда къ автомобилю? — сказалъ сэръ Айзэксъ.—У васъ гости...

— Но вы выпьете раньше чашку чаю,—сказалъ м-ръ Брумлей, которому очень хотѣлось привести въ большую или меньшую ясность вопросъ о цѣнѣ. И онъ коварно намекнулъ на обстоятельство, казавшееся ему неодолимо-соблазнительнымъ:

— Это очаровательная женщина!.. Моя пріятельница, леди Бичъ-Мандаринъ... Она будетъ въ восторгѣ...

— Не знаю, право...—отвѣтилъ сэръ Айзэксъ,—я и не одѣтъ подобающимъ образомъ...

Лицо его выражало неподдѣльный ужасъ передъ надвигавшейся на нихъ ярко-одѣтой дамой.

— Видите,—сказалъ м-ръ Брумлей, удерживая его руку въ своей.—Чему быть, тото не миновать...

Лэди Бичъ-Мандаринъ въ своей широкополой шляпѣ, со своими бантами, развѣвающимися оборками, лентами, широкими рукавами, смѣлыми жестами, высокимъ голосомъ—представляла собою курьезную фигуру. Голубые глаза на выкатѣ, выдающійся впередъ подбородокъ, приподнятыя брови, вздернутый носъ, все въ ней, казалось, неудержимо стремилось куда-то вверхъ, возбуждаемое визгливымъ быстрымъ говоромъ, и цвѣтъ ея лица не уступалъ въ своей рѣзкой яркости ея быстрымъ порывистымъ движеніямъ... Вся она была—одно стремленіе куда-то, вся—одинъ порывъ. Лѣтъ въ пятнадцать она была вѣроятно, здоровой, веселой, цвѣтущей дѣвушкой, забавной и балованной... Роль шумнаго сорванца, видимо, пришлась ей по вкусу и она продолжала ее играть уже и въ годы почтенные, уже будучи дамой внушительной дородности...

— А! такъ-таки поймала васъ, мистеръ Брумлей!—кричала она имъ навстрѣчу.—Ну, бѣдный мой, теперь вы въ моихъ рукахъ...

И она пожала ему обѣ руки обѣими руками. М-ръ Брумлей поспѣшилъ высвободить одну руку и соотвѣтствующимъ обряду представленія движеніемъ указалъ на сэра Айзэкса.

— Мы съ мистеромъ Брумлеемъ старые друзья,—объяснила она сэру Айзэксу. — Знаемъ другъ друга уже много лѣтъ. И потому каждый разъ, когда онъ мнѣ нуженъ—онъ прячется отъ меня... Всегда... Инстинктомъ дружбы угадываетъ, что нуженъ мнѣ, и исчезаетъ съ моего горизонта...

Сэръ Айзэксъ чувствовалъ, что надо бы изъ вѣжливости вставить нѣсколько словъ, но не находилъ ни одного и молчалъ.

— Что вы... Развѣ я не всегда къ вашимъ услугамъ?—въ томъ же шутливо-оборонительномъ тонѣ отвѣтилъ м-ръ Брумлей.—И я даже не знаю пока, чѣмъ могу вамъ быть полезенъ...

Лэди Бичъ-Мандаринъ, обращаясь исключительно къ сэру Айзэксу, уже заговорила о шекспировскомъ базарѣ, который она устраивала въ сосѣдней деревушкѣ, и что мистеръ Брумлей (злющій господинъ), повидимому, не желаетъ дать ей нѣсколько своихъ книжекъ съ автографами для книжнаго кіоска... М-ръ Брумлей весело и умѣло отражалъ ея нападки. На

конецъ, они дошли до той самой веранды, на которой лэди Харманъ нѣсколько дней тому назадъ разливала чай.

Сэръ Айзексъ съ выразительной досадой на лицѣ слушалъ потокъ словъ лэди Бичъ-Мандаринъ, качалъ головой, бормоталъ: «Конечно, конечно»,—и не давалъ себѣ никакого труда скрывать свое желаніе удалиться какъ можно скорѣе. Онъ пилъ чай безъ всякаго удовольствія и раза два совершенно некстати вставилъ въ разговоръ замѣчаніе, что ему бы давно уже пора было уйти...—Но у лэди Бичъ-Мандиринъ были свои виды на него и она останавливала каждую его попытку встать и уйти.

Лэди Бичъ-Мандаринъ, какъ и многія англійскія дамы, очень увлекалась въ то время идеей созданія національнаго англійскаго театра, посвященнаго памяти Шекспира, и въ головѣ ея быстро созрѣлъ планъ использовать эту встрѣчу съ несмѣтно богатымъ сэромъ Айзэксомъ и заручиться его обѣщаніемъ содѣйствія достойному начинанію... Онъ и робѣлъ, и злился, и выражалъ явную готовность въ ближайшій же благопріятный мигъ сорваться съ мѣста и убѣжать. И лэди Бичъ-Мандаринъ рѣшила пустить въ ходъ все искусство, и очаровать его, и получить отъ него то, что ей нужно было... Она ему льстила, умасливала его, подкупала словами, взглядами, улыбочками... Она знала, что для этихъ новоиспеченныхъ милліонеровъ честь не малая видѣть у себя лэди Бичъ-Мандаринъ и не скрывала своего намѣренія почтить своимъ посѣщеніемъ его большой неуклюжій домъ въ Путней-Хиллѣ. Она вставила нѣсколько словъ о венеціанской и флорентійской республикахъ и напомнила, что «люди, подобные вамъ, стоявшіе во главѣ отечественной промышленности и торговли»—всегда были покровителями искусства... Кто больше Шекспира достоинъ просвѣщеннаго покровительства? Человѣкъ, располагающій такими огромными средствами, какъ сэръ Айзэксъ даже обязанъ поддержать національныя традиціи.

— Вы должны содѣйствовать нашему великому общему дѣлу!—многозначительно заключила она.

— Банковыми билетами?—буркнулъ сэръ Айзэксъ съ откровенной злобой пойманнаго звѣря.—Вы такъ вѣдь, очевидно, представляете себѣ мое участіе въ вашемъ комитетѣ.

— Намъ нужно ваше имя,—отвѣтила лэди Бичъ-Мандаринъ.—Въ вашемъ великодушіи я не сомнѣваюсь... Споспѣшествовать процвѣтанію искусства—достойная задача...

— Сто!—бросилъ онъ, вспыхнувъ до ушей.

— Гиней!—быстро и съ достойной ласковостью подхватила она.

Онъ тотчасъ вскочилъ, словно желая увильнуть отъ дальнѣйшихъ требованій, и она тоже встала.

— Я непремѣннно заѣду къ лэди Харманъ,—сказала она, честно, какъ ей казалось, отплачивая ему за его щедрость...

— Автомобиль меня ждетъ, извиняюсь,—пробормоталъ въ отвѣтъ сэръ Айзэксъ.

— У васъ навѣрно великолѣпный автомобиль,—продолжала лэди Бичъ-Мандаринъ.—Новѣйшей, вѣроятно, системы... Пойдемте, посмотримъ...—добавила она. И всѣ пошли процессіей смотрѣть автомобиль сэра Айзекса.

Лэди Бичъ-Мандаринъ восхищалась автомобилемъ, цвѣтомъ автомобиля, фонарями автомобиля, дверцами автомобиля и подушками автомобиля. Она восхищалась рожкомъ и формой рожка, и Кларансомъ, и одеждой Кларанса, и широкой шубой, которую онъ почтительно накинулъ на плечи своему хозяину... Еслибы у нея была такая шуба, сказала она, она носила бы ее мѣхомъ кверху. И когда автомобиль запыхтѣлъ, она пришла въ восторгъ отъ его пыхтѣнья, и когда онъ покатилъ къ воротамъ, она смотрѣла ему вслѣдъ и восхищалась номеромъ—900, такъ легко запомнить... И вдругъ оборвала потокъ своего краснорѣчія, какъ останавливаютъ воду, быстро завернувъ кранъ. Она была такъ же откровенна въ проявленіи своего цинизма, какъ и въ проявленіи всѣхъ другихъ своихъ чувствъ.

— Ну, вотъ,—сказала она, вздохнувъ съ облегченіемъ,—убила-таки бобра... Но пришлетъ ли онъ эти сто гиней, или придется еще, пожалуй, напомнить ему...

Она подумала немного и заговорила опять съ новымъ запасомъ нахлынувшихъ на нее мыслей...

— Отвратительная публика—эта плутократія... Не правда ли, м-ръ Брумлей?.. И потомъ, какъ этотъ господинъ, прославившійся своимъ хорошо выпеченнымъ хлѣбомъ, самъ-то остался такой недопеченый...

— Это занятный типъ,—замѣтилъ м-ръ Брумлей и поспѣшно добавилъ:—надѣюсь, дорогая леди Бичъ-Мандаринъ, вы не отложите въ долгій ящикъ своего визита лэди Харманъ... Это одна изъ интереснѣйшихъ женщинъ, какихъ мнѣ приходилось встрѣчать... Поѣзжайте и познакомьтесь съ нею... Она совсѣмъ на него не похожа...

— Господи, да чего же можно ждать отъ жены такого человѣка?.. Ну, въ лучшемъ случаѣ, развѣ покорная жертва...

— Она очень хороша собою... Знаете, высокая стройная брюнетка...

Лэди Бичъ-Мандаринъ остановила на немъ свои большіе, голубые глаза.

— Вотъ оно что!—насмѣшливо протянула она.

— Меня интересуетъ просто несоотвѣтствіе этихъ двухъ супруговъ.

Лэди Бичъ-Мандаринъ отвѣтила выразительнымъ молчаніемъ. Сжала губы и, глядя на м-ра Брумлея въ упоръ, подняла пальчикъ и погрозила ему. Затѣмъ тихо вздохнула и, внезапно измѣнившись, измѣнившимся голосомъ замѣтила, что никогда еще піоны не цвѣли такъ пышно, какъ въ этомъ году.

— Я обожаю піоны,—сказала она, указывая на цвѣты.— Это—мой стиль!..

Ii.

Ровно три недѣли послѣ первой встрѣчи сэра Айзэкса Хармана и лэди Бичъ-Мандаринъ, м-ръ Брумлей завтракалъ у нея въ Темперлей-Скверѣ и много и оживленно говорилъ о Харманахъ.

Завтракали у лэди Бичъ-Мандаринъ по-семейному за круглымъ столомъ, такъ что она всѣхъ гостей своихъ видѣла передъ собою, какъ на ладони. Лэди Бичъ-Мандаринъ всегда внимательно слѣдила за тѣмъ, чтобы въ разговорѣ принимали участіе всѣ ея гости; исключеніе дѣлалось только для матери, которая была глуха, какъ дерево, и швейцарской гувернантки ея единственной дочери, Филисъ, одинаково непонятно изъяснявшейся на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Мать —древняя старушка—была когда-то пріятельницей Виктора Гюго и Альфреда Мюссэ и съ убійственной обстоятельностью разсказывала о частной жизни этихъ двухъ великихъ людей. Но никто ея не слушалъ и ничьей души ея литературныя воспоминанія не обогащали. Служили за столомъ большой смуглолицый внушительный дворецкій и молодой, нервный лакей. Гостями лэди Бичъ-Мандаринъ были въ этотъ день двѣ ея незамужнихъ кузины, именитый критикъ Тумеръ, писательница миссъ Шэрсперъ, которую Тумеръ терпѣть не могъ, и мистеръ Брумлей.

— Ну, что же, продали, наконецъ, домъ?—спросила хозяйка дома м-ра Брумлея...

— Помаленьку продаю...—отвѣтилъ м-ръ Брумлей.

— Что же, торгуется?..

— Какъ старьевщикъ... Еслибы вы видѣли, какъ онъ торгуется... Его въ жаръ и холодъ бросаетъ... Въ послѣдній разъ онъ предложилъ мнѣ включить въ инвентарь дома и всѣ садовыя принадлежности...

— Такой богатый человѣкъ могъ бы быть и покладистѣе и щедрѣе...

— Тогда онъ не былъ бы такъ богатъ,—замѣтилъ Тумеръ.

— А вамъ не тяжело, м-ръ Брумлей,—спросила одна изъ кузинъ лэди Бичъ-Мандаринъ, миссъ Персъ,—продавать домъ

Эфеміи чужимъ людямъ?.. Вѣдь этотъ сэръ Айээксъ, пожалуй, еще вздумаетъ перестраивать его.

— Да, конечно, это... это очень тяжело,—сказалъ м-ръ Брумлей, вспомнивъ прежнія свои признанія,—но я вѣрю въ чуткость и вкусъ лэди Харманъ.

— Вы ее опять видѣли?—спросила лэди Бичъ-Мандаринъ.

— Да... Они пріѣзжали нѣсколько дней тому назадъ. Эта чета меня все больше и больше занимаетъ... Они такіе разные...

— Онъ старше ея на восемнадцать лѣтъ, — вставилъ Тумеръ.

— Убѣжденнаго, искренняго феминиста эта пара не можетъ не интересовать,—сказалъ м-ръ Брумлей тономъ безстрастнаго наблюдателя.—Это ясно, какъ день, что онъ широко пользуется всѣми преимуществами своего положенія... Онъ — ея собственникъ, ея сторожъ, упорный, хитрый и искусный тиранъ... Держитъ онъ себя съ нею, какъ съ дѣвочкой только, только что переставшей носить короткія платья...

— Они уже лѣтъ шесть, семь женаты... Ей было восемнадцать лѣтъ, когда она вышла за него замужъ...—опять вставилъ Тумеръ.

— Они осматривали вдвоемъ домъ, и на каждое ея замѣчаніе онъ отвѣчалъ насмѣшкой... Вышучивалъ каждое ея слово... И все время называлъ ее «лэди Харманъ»... Но, видно что все, что она говорила, онъ наматывалъ себѣ на усъ... Очень забавная, занятная пара.

— Да, въ сущности, надо бы запретить выходить замужъ раньше двадцати - пяти лѣтъ...—замѣтила лэди Бичъ-Мандаринъ...

— О, это только повело бы къ безчисленнымъ романическимъ осложненіямъ, — сказала писательница миссъ Шэрсперъ.—Восемнадцатилѣтнія не станутъ мириться съ какими-либо ограниченіями и будутъ всячески обходить законъ...

Глухая мать лэди Бичъ-Мандаринъ, уловивъ слова замужество, бракъ, сочла нужнымъ добавить, что «конечно, нельзя было стѣснять сердечные порывы Виктора Гюго...».

Мистеръ Брумлей слушалъ этотъ перекрестный разговоръ. Онъ перенесся мысленно въ свой домъ и вспоминалъ подробности второго визита лэди Харманъ. Въ первый разъ она вошла къ нему сіяющимъ, раскрывшимся цвѣткомъ, но во второй разъ уже сверкающіе лепестки были тусклы и недвижны. Она не казалась угнетенной, она не робѣла, но какъ-то вся замкнулась и свою трогательную довѣрчивость и общительность прятала за непроницаемой сдержанностью... Но вмѣстѣ съ тѣмъ м-ръ Брумлей чувствовалъ, что этой броней достойной молчаливости она ограждала себя не отъ него, а отъ не-

ловкихъ и грубыхъ замѣчаній мужа. Когда зашла опять рѣчь о цѣнѣ, глаза ея скрестились съ глазами м-ра Брумлея.

— Да, конечно,—произнесъ онъ,—выплывая вновь на поверхность общаго разговора.—Такая женщина должна проложить себѣ свою дорогу въ жизни...

— Королева Мери?.. Должна проложить себѣ свою дорогу въ жизни!..—воскликнула миссъ Шэрсперъ.

— Королева Мери?—удивился м-ръ Брумлей.—Нѣтъ— лэди Харманъ.

— Я говорила о королевѣ Мери,—отвѣтила писательница.

— А м-ръ Брумлей думалъ о леди Харманъ,—объяснила лэди Бичъ-Мандаринъ.

— Да, сознаюсь—не могу не думать о ней... Она не совсѣмъ обычная женщина... И въ личной ея женской жизни не все, повидимому, гладко...

— Я никогда ея не видѣла... Она хороша собой?—освѣдомилась Шэрсперъ.

— Я не видѣла ея,—отвѣтила лэди Бичъ-Мандаринъ.— Это м-ръ Брумлей открылъ ее.

—Вы еще не были у нея?—спросилъ онъ съ легкой укоризной.

— Знаете, я—у меня не хватило отвати... Но вы оживили мое любопытство... Почему бы, скажемъ, сегодня же, кое-кому изъ насъ...

Она ухватилась за осѣнившую ее внезапно мысль.

— Поѣдемъ!—воскликнула она.—Поѣдемъ всѣ къ женѣ этого чудовища... Поѣдемъ всѣ вмѣстѣ въ большомъ автомобилѣ...

Тумеръ замѣтилъ, что его эти люди мало интересуютъ.

— А вы, Сусанна?

Миссъ Шэрсперъ заявила, что поѣдетъ съ величайшимъ удовольствіемъ... Какъ писательница, она рада каждой возможности понаблюдать интересныхъ людей... Обѣ кузины отказались отъ поѣздки: имъ надо было дѣлать покупки.

— Ну, значитъ, насъ трое будетъ,—сказала хозяйка дома. —Если мы вернемся цѣлыми и невредимыми, мы разскажемъ вамъ о нашихъ приключеніяхъ. Я думала эти дни объ вашей красавицѣ въ терему... Но я хотѣла поѣхать къ ней съ Агатой Алимони... Она имѣетъ удивительное вліяніе на этихъ угнетенныхъ женщинъ...

— Ну, нѣтъ,—она, во всякомъ случаѣ, не производитъ впечатлѣнія угнетенной женщины,—возразилъ м-ръ Брумлей.—Это вотъ и интересно...

— Ну, и что же мы тамъ будемъ дѣлать?—воскликнула лэди Бичъ-Мандаринъ.—Этого мало—просто пріѣхать съ визитомъ... Нельзя ли намъ увести ее съ собою, м-ръ Брумлей?..

Я бы хотѣла войти къ ней и прямо сказать ей: Слушайте. Я стою за васъ... Мужъ вашъ—тиранъ. Я вамъ окажу и помощь, и поддержку. Я—женщина чуткая, женщина съ широкими взглядами... Бѣгите изъ-подъ ярма этого недостойнаго человѣка...

— Я себѣ представляю ваше бѣгство,—сказалъ Тумеръ.— Газеты отводятъ этому событію цѣлые столбцы... Заглавія статей печатаются аршинными буквами. «Умыканіе жены извѣстнаго булочника лэди Бичъ-Мандаринъ. Похищенная булочница стоитъ на палубѣ Дуврскаго пароходнаго общества»... Газеты воспроизводятъ ея портреты. Послѣ ожесточеннаго боя бѣглянка возвращена ея законному мужу. Брумлей, извѣстный писатель, потрясенный неожиданнымъ исходомъ...

— Какія мы всѣ глупости говоримъ,—прервала его лэди Бичъ-Мандаринъ.—Но какъ бы тамъ ни было—мы ѣдемъ... И вотъ, что я сдѣлаю... Я приглашу ее къ себѣ завтракать...

— Только безъ него, пожалуйста!—добавилъ м-ръ Брумлей.

Когда м-ръ Брумлей подумалъ о томъ, какой смыслъ имѣетъ въ сущности эта поѣздка, онъ почувствовалъ угрызенія совѣсти. Харманы невольно сдѣлали его свидѣтелемъ своихъ семейныхъ несогласій, и въ томъ, что онъ предалъ огласкѣ свои наблюденія, была, конечно, своего рода измѣна... Кромѣ того, какъ ему ни хотѣлось увидѣть лэди Харманъ, онъ сознавалъ теперь, что не слѣдовало для этого ѣхать къ ней въ обществѣ шумной, говорливой лэди Бичъ-Мандаринъ и миссъ Шэрсперъ, которая будетъ наблюдать ее съ профессіональнымъ интересомъ. Но когда эти мысли пришли ему въ голову, шофферъ лэди Бичъ-Мандаринъ уже мчалъ ихъ всѣхъ трехъ съ бѣшеной быстротой по дорогѣ въ Путней...

— Пріѣхали—шаловливо вскрикнула лэди Бичъ-Мандаринъ, когда автомобиль въѣхалъ въ ворота.

М-ръ Брумлей быстрымъ взглядомъ окинулъ большой грузный домъ, увитый плющемъ, и помогъ дамамъ выйти изъ экипажа.

Они вышли втроемъ на широкія ступени подъѣзда и м-ръ Брумлей позвонилъ. Имъ долго не открывали. Наконецъ тяжелая дверь распахнулась и на порогѣ показался высокій желтолицый, съ песочнаго цвѣта бакенбардами лакей и смѣрилъ ихъ внимательнымъ взглядомъ. На вопросъ—дома ли лэди Харманъ, онъ отвѣтилъ лишь, подумавъ немного... Ему надо было, очевидно, рѣшить—должна и можетъ ли она принять этихъ посѣтителей.

Гостей ввели въ обширный вестибюль съ красивой дубовой лѣстницей и длиннымъ коридоромъ, увѣшаннымъ дорогимъ смирнскими коврами, затѣмъ въ большую комнату, выходившую четырьмя зеркальными окнами на веранду и въ густой

цвѣтущій садъ. Комната заставлена была тяжелой дорогой мебелью. Въ обстановкѣ этой комнаты и тѣни не было вульгарности, какой ждалъ м-ръ Брумлей,—но это была только тщательно подобранная коллекція отмѣнно дорогихъ вещей. Было здѣсь и нѣсколько превосходныхъ вещей: три большихъ стола, окованныхъ мѣдью, письменный столикъ эпохи королевы Анны, нѣсколько прелестчыхъ цвѣтныхъ гравюръ, зеркало въ чеканной золотой оправѣ и двѣ большихъ вазы изъ французскаго фарфора, которыя тотчасъ бросились въ глаза миссъ Шэрсперъ, знавшей толкъ въ этихъ вещахъ... Посреди этой коллекціи цѣнныхъ предметовъ стояла лэди Харманъ въ бѣломъ платьѣ, скромная, сдержанная, достойная и съ такимъ видомъ, словно и она тоже была гостьей въ этой великолѣпной комнатѣ...

Длинный лакей назвалъ лэди Бичъ-Мандаринъ и медленно удалился.

— Я такъ много слышала о васъ,—начала лэди Бичъ-Мандаринъ, протягивая руку лэди Харманъ.—И я—пріѣхала къ вамъ... М-ръ Брумлей...

— Лэди Бичъ-Мандаринъ познакомилась у меня съ сэромъ Айзэксомъ,—пояснилъ м-ръ Брумлей.

Миссъ Шэрсперъ поклонилась съ такимъ видомъ, словно по забавной случайности попала сюда.

— Какой у васъ прелестный садъ,—начала лэди Бичъ-Мандаринъ.—И какое великолѣпное мѣстоположеніе! И воздухъ какой! На самой окраинѣ Лондона, куда въ любое время можете перенестись въ вашемъ великолѣпномъ автомобилѣ. Вы часто, вѣроятно, ѣздите въ Лондонъ?

— Нѣтъ, не очень часто,—отвѣтила лэди Харманъ. Она подумала немного, провѣрила свой отвѣтъ и повторила уже твердо, убѣжденно:—Нѣтъ, не очень часто...

— Но вы должны, должны бывать въ обществѣ... Вы не имѣете права прятаться отъ насъ... Я говорила уже сэру Айзэксу... Я обратилась къ нему, обращаюсь теперь къ вамъ... Вы не имѣете права скрывать свои таланты... Вы, богатая, молодая, блестящая, красивая женщина... Но если я буду продолжать въ такомъ тонѣ, то это похоже будетъ на лесть,—добавила она съ очаровательной улыбкой. — Съ сэромъ Айзэксомъ я уже столковалась... Я взяла съ него обѣщаніе внести сто гиней въ пользу шекспировскаго общества и свое имя въ списокъ членовъ... Я хочу, чтобы и ваше имя красовалось на нашемъ спискѣ... Вы не откажете, я знаю... Разрѣшите, внести ваше имя и я скромно удалюсь...

— Но развѣ одного его имени недостаточно?—спросила лэди Харманъ...

— Конечно, нѣтъ... Въ дѣлахъ, понятно довольно и одной

его подписи... Но тутъ это половина имени—безъ вашего... Я, какъ и наша незабвенная дорогая королева Викторія, хочу, чтобы и женщины выступали на общественной аренѣ...

— Но въ такомъ случаѣ...—нерѣшительно проговорила лэди Харманъ,—я думаю, однако, что сэръ Айзэксъ...

Она остановилась. И вдругъ какое-то странное волненіе овладѣло м-ромъ Брумлеемъ. Онъ чувствовалъ, что съ совершенно неумѣстнымъ и невольнымъ вниманіемъ глядитъ на лэди Харманъ и что взглядъ ея, оторвавшись отъ лэди Бичъ-Мандаринъ, потянулся почему-то къ крайнему окну... И, слѣдя за ея взглядомъ, онъ увидалъ,—ему показалось, что онъ увидалъ,—стоявшаго на верандѣ сэра Айзэкса, съ бѣлымъ, какъ смерть, гнѣвнымъ, негодующимъ лицомъ... Если это былъ сэръ Айзэксъ, то онъ отпрянулъ назадъ съ изумительной быстротой; если это былъ призракъ, то онъ исчезъ съ недостаточнымъ для призрака проворствомъ... Снаружи донесся стукъ упавшей цвѣточной кадки. М-ръ Брумлей быстро взглянулъ на лэди Бичъ-Мандаринъ, но она была слишкомъ поглощена разматываніемъ клубка своего краснорѣчія, а миссъ Шэрсперъ внимательно разглядывала въ лорнетъ черный лакированный столикъ... И м-ръ Брумлей съ облегченіемъ перевелъ взглядъ на лэди Харманъ. Ему пріятно было чувствовать себя единственнымъ, знавшимъ ея тайну, и онъ любовался ея самообладаніемъ...

— Но, дорогая лэди Харманъ,—заговорила въ это мгновеніе лэди Бичъ-Мандаринъ,—вамъ совершенно незачѣмъ спрашивать разрѣшенія у сэра Айзекса...

— Я увѣренъ, что сэръ Айзэксъ ничего противъ этого имѣть не будетъ—вставилъ м-ръ Брумлей, чувствуя, что надо такъ или иначе вмѣшаться въ разговоръ:—я увѣренъ, что...

Въ гостиную вошелъ лакей съ желтыми бакенбардами.

— Чай прикажете подать въ саду?—спросилъ онъ тономъ человѣка, знающаго уже, какой долженъ послѣдовать отвѣтъ.

— Да, да, въ саду, пожалуйста!—воскликнула лэди Бичъ-Мандаринъ.—Какъ это очаровательно имѣть садъ, такъ близко отъ Лондона, садъ, въ которомъ можно пить чай... И гдѣ на васъ не летитъ со всѣхъ сторонъ копоть...

Она направилась къ террассѣ.

— Какой великолѣпный садъ! Какой просторъ! У васъ тутъ, вѣроятно, нѣсколько десятинъ земли?..

Она съ видомъ знатока разглядывала садъ. Взглядъ ея задержался на мгновеніе на темной тѣни, скользившей за стѣною сиреневыхъ кустовъ.

— Это не нашъ дорогой сэръ Айзэксъ?

— Врядъ ли...—спокойно и любезно отвѣтила лэди Хар-

манъ.—Да, подъ большими кипарисами накройте столъ... И попросите сюда маму и сестру...—сказала она лакею.

Лэди Бичъ-Мандаринъ, выразивъ свое восхищеніе общей картиной сада, разсыпалась теперь въ восторгахъ передъ каждой его составной частью. Она подобрала свои широкія юбки и двинулась впередъ, напоминая своей круглой фигурой медленно снимающійся воздушный шаръ. М-ръ Брумлей шагалъ, какъ пажъ, позади нихъ, а миссъ Шэрсперъ, окинувъ еще однимъ быстрымъ взглядомъ комнату,—какъ школьникъ, не твердо выучившій урокъ, заглядываетъ передъ вызовомъ въ учебникъ, тоже вышла въ садъ, во всеоружіи своего наблюдательнаго таланта...

Лэди Харманъ предложила пойти направо, къ группѣ чудесныхъ кипарисовъ, дававшихъ иллюзію какого-то итальянскаго уголка, но лэди Бичъ-Мандаринъ во что бы то ни стало хотѣла пойти налѣво, къ приковавшимъ почему-то ея вниманіе кустамъ сирени, и спорить съ нею было безполезно... М-ру Брумлею показалось—онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ,—что темная тѣнь за кустами вдругъ приникла къ землѣ и куда-то сгинула... Онъ быстро взглянулъ на лэди Харманъ, но она едва успѣвала отвѣчать на вопросы, любезности и комплименты лэди Бичъ-Мандаринъ.

— Не взыщите за мое любопытство,—говорила она—но сады—моя слабость... Когда я попадаю въ какой-нибудь садъ, мнѣ хочется каждый уголокъ осмотрѣть... Мнѣ кажется, я тогда лишь узнаю васъ хорошо, когда буду знать досконально, какіе предметы васъ окружаютъ...

М-ръ Брумлей уловилъ улыбку, быстро пробѣжавшую по лицу лэди Харманъ.

Лэди Бичъ-Мандаринъ обошла сиреневую аллею и быстро пошла дальше къ лавровымъ кустамъ. Лэди Харманъ увѣряла ее, что тамъ уже кромѣ сикоморъ и ограды ничего нѣтъ, но лэди Бичъ-Мандаринъ нашла необходимымъ пробраться по узкой тропинкѣ между лавровыми кустами къ оградѣ и взглянуть на садъ съ той стороны... И такимъ образомъ они набрели на покрытый мохомъ сарайчикъ.

— О, какая прелесть!—не преминула воскликнуть лэди Бичъ-Мандаринъ.—Заглянемъ туда—тамъ, вѣроятно полно привидѣній и грибовъ... Я хочу, хочу посмотрѣть!..

— Онъ, кажется, запертъ,—сказала лэди Харманъ.

Мистеръ Брумлей двинулся впередъ, тронулъ дверь и тотчасъ отошелъ отъ нея.

— Заперто!—сказалъ онъ, заграждая лэди Бичъ-Мандаринъ дорогу.

— И потомъ здѣсь грибовъ нѣтъ,—замѣтила лэди Харманъ.—Они здѣсь не ростутъ... Къ большой досадѣ мужа...

Наконецъ, они пришли къ кипарисамъ, гдѣ ихъ ждалъ накрытый столъ, плетеныя соломенныя кресла, лакей и двѣ дамы...

Но м-ръ Брумлей поглощенъ былъ мыслями о только-что сдѣланномъ наблюденіи: въ сарайчикѣ, покрытомъ мхомъ, кто-то былъ, и вовсе дверь не была заперта... Онъ солгалъ, сказавъ это... Замокъ и ключъ валялись на землѣ, и когда онъ прикоснулся къ двери, она было подалась и тотчасъ же быстро и беззвучно прихлопнулась. Вдобавокъ, онъ отчетливо слышалъ частое, хриплое дыханіе за дверью... Такъ не дышутъ никакія насѣкомыя, водящіяся во мху...

Каждая подробность этого внезапнаго визита только усиливала интересъ м-ра Брумлея къ лэди Харманъ. Таинственный домикъ подъ мхами, и эти сестра и мать, такъ выгодно оттѣнявшія собою образъ лэди Харманъ. Мать, м-ссъ Соубриджъ, отъ которой лэди Харманъ унаслѣдовала лишь стройную фигуру и красивую посадку головы, была бѣлокурая женщина, непріятно-жеманная, приторно-любезная, въ тщательно-обдуманномъ полутраурномъ туалетѣ—сѣромъ съ лиловымъ. Сестра, тоже смуглолицая брюнетка, была повидимому, много старше лэди Харманъ. Лицо у нея, при доволь но правильномъ профилѣ, было не тонкое, не одухотворенное, и фигурой она была значительно полнѣе, солиднѣе сестры Держали онѣ себя обѣ, м-ссъ и миссъ Соубриджъ, съ такимъ видомъ, какъ будто добровольно ради блага лэди Харманъ обрекли себя на жертву, на низшее общественное положеніе... Обѣ онѣ, какъ показалось м-ру Брумлею, попытались было оказать сопротивленіе атакѣ лэди Бичъ-Мандаринъ, словно стоящія на якорѣ суда напору пѣнной волны, но, убѣдившись скоро въ безполезности своей попытки, покорились чарамъ ея краснорѣчія... Отъ болѣе подробныхъ наблюденій отвлекло м-ра Брумлея то соображеніе, что онъ единственный представитель сильнаго пола среди пяти женщинъ, и онъ счелъ своимъ долгомъ помочь лэди Харманъ разливать чай и передавать чашки и тарелки... Чайный сервизъ былъ не только изъ чистаго серебра, но, на быструю и вѣрную оцѣнку миссъ Шэрсперъ, и очень старинный и дорогой.

Лэди Бичъ-Мандаринъ, нахваливъ опять, уже м-ссъ Субриджъ, домъ и садъ, и кипарисы, и чайный сервизъ, направила всѣ свои старанія на утвержденіе дальнѣйшаго знакомства съ леди Харманъ. Она вернулась къ вопросу о Шекспировскомъ обществѣ и, желая заручиться поддержкой м-ссъ Соубриджъ, предложила и ей вступить въ «нашъ комитетъ».

М-ссъ Соубриджъ, польщенная предложеніемъ, пріятно улыбнулась и отвѣтила, что она въ Лондонѣ временно, въ го-

стяхъ и тотчасъ же согласилась съ лэди Бичъ-Мандаринъ, что лэди Харманъ нѣтъ вовсе надобности испрашивать согласія мужа на вступленіе въ члены этого общества...

— Ну, вотъ,—я внесу эти сто гиней отъ вашего имени, и отъ вашего мужа,—сказала лэди Бичъ-Мандаринъ.—Но, дорогая лэди Харманъ, намъ бы очень желательно было, чтобы вы принимали непосредственное участіе въ работѣ нашего комитета...

Лэди Харманъ выразила сомнѣніе въ своей достаточной подготовленности для такого дѣла...

— Ты должна вступить въ этотъ комитетъ, Элла, — заговорила, наконецъ ,и миссъ Соубриджъ, тономъ, какимъ говорятъ о нѣкоемъ обязательномъ общественномъ служеніи.

«Элла?—подумалъ м-ръ Брумлей.—Что это—уменьшительное отъ Элеоноры или Елены?... Или это такое имя—Элла?..

— Но что же я могу тамъ дѣлать?—возразила лэди Харманъ, очевидно, впрочемъ, уже заинтересованная этимъ предложеніемъ.

— Я буду вашей руководительницей на первыхъ порахъ,—великодушно обѣщала ей лэди Бичъ-Мандаринъ.

— Элла очень мало выѣзжаетъ,—замѣтила миссъ Соубриджъ, обращаясь къ миссъ Шэрсперъ, такъ пристально смотрѣвшей на нее, словно сосчитывала мысленно всѣ черточки ея лица.

— Это нехорошо... Необходимо бывать въ обществѣ,—отвѣтила писательница, быстро собравшись съ мыслями.

— И самостоятельно!—выразительно подчеркнула миссъ Соубриджъ.

— И самостоятельно,—поддержала ее миссъ Шэрсперъ.

Лэди Вичъ-Мандаринъ между тѣмъ уже шагнула дальше и подошла вплотную къ приглашенію на завтракъ.

— Да,—говорила она,—разъ въ недѣлю я разлучаю мужей съ женами... Пріѣзжайте одна...

М-ру Брумлею ясно было, какъ день, что лэди Харманъ очень хотѣлось поѣхать одной и что она охотно приняла бы предложеніе, и ясно было также, что и она, и мать, и сестра видятъ въ этомъ большое дерзновеніе... Когда этотъ вопросъ былъ исчерпанъ, лэди Бичъ-Мандаринъ восторженно заговорила объ обществѣ «Добрыхъ друзей», о своихъ очаровательныхъ пріятельницахъ, изъ которыхъ каждая посвящала добрую часть своего времени лондонскимъ бѣднымъ дѣвушкамъ, приказчицамъ и мастерицамъ... Для этихъ дѣвушекъ устраивались особыя угощенія, дамы, члены общества, заводили съ ними знакомство, дружбу, бесѣдовали съ ними на разныя темы и давали имъ понять, что «Общество Друзей» радѣетъ объ ихъ интересахъ и можетъ быть имъ гораздо полезнѣе соціализма

и радикализма и всякихъ революціонныхъ идей... Лэди Харманъ должна была вступить и въ это общество...

— Среди нихъ встрѣчаются совсѣмъ приличныя дѣвушки, — замѣтила м-ссъ Соубриджъ...

— Очень,—подхватила лэди Бичъ-Мандаринъ. — И онѣ такъ много работаютъ... Ихъ вездѣ эксплоатируютъ, особенно въ кондитерскихъ...—она спохватилась.—Конечно, въ разныхъ маленькихъ кондитерскихъ!—И поспѣшно добавила:—Когда вы пріѣдете ко мнѣ завтракать, вы увидите Агату Лимони... Какъ я жажду васъ познакомить съ Агатой Лимони.

— Это та *самая* Агата Лимони?—быстро спросила миссъ Соубриджъ.

— Одна и единственная,—съ очаровательной улыбкой отвѣтила ей лэди Бичъ-Мандаринъ.—Что это за женщина, если бы вы знали! Она будетъ для васъ откровеніемъ, лэди Харманъ...

Разговоръ катился, какъ по рельсамъ.

— Ну, а теперь,—сдѣлавъ умиленное лицо, промолвила лэди Бичъ-Мандаринъ насыщеннымъ нѣжностью голосомъ,—а теперь покажите мнѣ вашихъ цыплятъ...

Дамы, молча, вопросительно посмотрѣли на нее.

— Вашихъ цыплятъ,—зажурчалъ опять голосокъ лэди Бичъ-Мандаринъ.—Маленькихъ вашихъ цыплятъ...

—О!—воскикнула лэди Харманъ, догадавшись наконецъ. —Дѣтей?

— Счастливица,—вздохнула лэди Бичъ-Мандаринъ.—Ну, да, конечно, дѣтей... Я даже не представляю себѣ, какъ бы я могла завязать дружбу съ какой-нибудь женщиной, не видѣвъ ея дѣтей,—добавила она.

— Какъ это тонко сказано!—шепнула м-съ Соубриджъ м-ру Брумлею.

— Да, очень,—разсѣянно пробормоталъ онъ въ отвѣтъ.

Въ это самое мгновеніе онъ опять замѣтилъ сэра Айзэкса скользившаго змѣей за сиреневыми кустами и внезапно вновь нырнувшаго куда-то.

М-ръ Брумлей чувствовалъ, что, если лэди Бичъ-Мандаринъ увидитъ его, неминуемо пройзойдетъ что-то нелѣпое.

Но лэди Харманъ увела своихъ гостей въ домъ смотрѣть дѣтей.

— Милыя!—восторженно вскрикнула лэди Бичъ-Мандаринъ, едва передъ ними открылась дверь въ дѣтскую.—Милыя крошки!

Это была большая свѣтлая комната, съ пестрыми рисунками на стѣнахъ и широкимъ фризомъ, изображавшимъ разныя смѣшныя сценки изъ жизни домашнихъ животныхъ. Мебель напоминала эстетично-обставленную комнату образцовой

санаторіи. Низенькіе дѣтскіе стулья и столики выкрашены были въ блѣдно-зеленый цвѣтъ, полъ устланъ линолеумомъ и бѣлыми мѣховыми коврами. Сходство съ санаторіей усугублялось еще присутствіемъ двухъ вышколенныхъ, одинаково одѣтыхъ, проворныхъ боннъ, изъ которыхъ одна, повидимому, была старшей, а вторая—ея помощницей...

Три маленькихъ цвѣтущихъ дѣвочки-погодки встали на встрѣчу гостямъ. Неопредѣленнаго возраста малышъ, не обращая на нихъ никакого вниманія, продолжалъ кататься по мѣховому ковру...

— Ах-! Ахъ!—пищала лэди Бичъ-Мандаринъ, подходя къ дѣтямъ.—Дайте васъ обнять, мои крошки!

Прежде чѣмъ она успѣла опуститься на колѣни и привлечь къ себѣ оробѣвшихъ дѣтей, м-ръ Брумлей успѣлъ замѣтить, что это очень миленькія дѣвочки, но далеко не такія красивыя, какихъ можно было ждать отъ такой матери, какъ лэди Харманъ. Не трудно было уловить на ихъ дѣтскихъ личикахъ общую черту сходства съ сэромъ Айзексомъ—острый, выдававшійся впередъ носъ... И м-ръ Брумлей съ чувствомъ удовлетворенія отмѣтилъ эту черту сходства. Онъ быстро взглянулъ на лэди Харманъ, любезно, вѣжливо слушавшую восторженныя изліянія, но никакихъ растроганныхъ, материнскихъ чувствъ въ глазахъ ея вычитать не могъ... Миссъ Соубриджъ, увлеченная пылкостью лэди Бичъ-Мандаринъ, подняла съ полу самаго маленькаго изъ дѣтей и стала его ласкать и лепетать на какомъ-то смѣшномъ языкѣ, а бонна и ея помощница стояли и почтительно, но зорко смотрѣли на своихъ четырехъ питомцевъ. Миссъ Шэрсперъ дѣлала краткую характеристику каждаго ребенка, а м-ссъ Соубриджъ, прислонившись къ стѣнѣ, съ снисходительной улыбкой смотрѣла на умилительную картину...

М-ра Брумлея разбиралъ смѣхъ, но онъ подавилъ его и замѣтилъ, обращаясь къ м-ссъ Соубриджъ:

— Очень милая картина, но меня больше всего...

Онъ не договорилъ, что больше всего его занимаетъ. Не восторги лэди Бичъ-Мандаринъ и миссъ Соубриджъ и не поза м-ссъ Соубриджъ, какъ будто готовой простереть руки для благословенія, и даже не лэди Харманъ съ спокойно-безстрастнымъ лицомъ увѣнчанной лаврами богини... М-ръ Брумлей не удивлялся ея сдержанности, не искалъ ея объясненій въ сердечной сухости или въ равнодушіи къ дѣтямъ... Онъ перебиралъ мысленно наблюденія, сдѣланныя имъ во время посѣщенія его дома лэди Харманъ вмѣстѣ съ мужемъ. Ему тогда уже пришло въ голову, что въ душѣ ея совершается сложная работа, что мысль ея созрѣла позже тѣла и теперь жадно ра-

ся къ чему-то, лежащему внѣ той плоскости, въ которой пребывали ея мужъ, дѣти и все, чѣмъ она жила дотолѣ...

Опять пошли приглашенія, напоминанія, надежды на скорыя встрѣчи, на знакомство съ Агатой Лимони...

— Вы не забудете?—настаивала лэди Бичъ-Мандаринъ.— Не вычеркнете насъ изъ своей памяти, какъ только мы выѣдемъ за ворота?..

— Нѣтъ...—мягко, искренно отвѣчала лэди Харманъ. — Я не забуду...

— Отъ всей души жалѣю, что не видѣла сэра Айзэкса,— добавила лэди Бичъ-Мандаринъ.

Всѣ вмѣстѣ направились къ выходу. Лэди Бичъ-Мандаринъ пошла впередъ съ м-ссъ Соубриджъ, миссъ Соубриджъ съ писательницей, м-ръ Брумлей очутился рядомъ съ лэди Харманъ.

— Я полагаю,—началъ онъ, и повторилъ:—я надѣюсь, что мой домишко въ концѣ-концовъ все-таки останется за вами... Я брожу по моему саду и все думаю о васъ...

— Мнѣ хорошо будетъ въ вашемъ саду,—отвѣтила она.— Мнѣ только будетъ казаться, что я его недостойна...

— Мнѣ такъ много хотѣлось сказать вамъ...—тихо проговорилъ онъ.

Внизу у лѣстницы всѣ три пары опять сошлись вмѣстѣ и м-ръ Брумлей замолкъ... Лэди Харманъ тоже. Онъ былъ вполнѣ удовлетворенъ тѣмъ, что ему удалось сказать... Этими немногими словами онъ и объяснилъ, и оправдалъ свое присутствіе въ ея домѣ, въ обществѣ лэди Бичъ-Мандаринъ и миссъ Шэрсперъ... Въ вестибюлѣ онъ замѣтилъ на столѣ цилиндръ и зонтъ, которыхъ раньше не было здѣсь... Онъ взглянулъ на миссъ Шэрсперъ, но та внимательно разглядывала ножки стола... Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ лишь, когда они усѣлись въ автомобиль. Рожокъ затрубилъ, машина запыхтѣла. М-ръ Брумлей серьезно и молча поклонился опять стройной бѣлой женщинѣ на ступеняхъ подъѣзда. Двумя ступенями ниже стоялъ важный лакей съ видомъ человѣка, выполнившаго тяжелую задачу.

Какъ только автомобиль выѣхалъ за ворота, лэди Бичъ-Мандаринъ воскликнула:

— Видѣли вы сэра Айзэкса?

— Сэра Айзэкса?!—изумился м-ръ Брумлей.

— Онъ все время бродилъ по саду...

— Сэръ Айзэксъ... бродилъ по саду!.. Мнѣ показалось, что раза два промелькнула тѣнь садовника...

— Я увѣрена, что видѣла именно его...—повторила лэди Бичъ-Мандаринъ.—Навѣрно... Онъ прятался въ сарайчикѣ, который вамъ показался запертымъ...

— Что вы такое разсказываете, дорогая лэди Бичъ-Мандаринъ!—возразилъ м-ръ Брумлей съ видомъ человѣка, слушающаго нелѣпѣйшій вздоръ.—Какъ вамъ могло придти въ голову?..

— Оставьте,—я видѣла его!.. Я знаю, что видѣла его... Онъ все время метался, какъ бойскоутъ на развѣдкахъ... А вы, Сусанна, не видѣли его?

Вопросъ вывелъ миссъ Шэрсперъ изъ глубокой задумчивости. Она вздрогнула и спросила:

— Что, дорогая?

— Вы видѣли сэра Айзэкса?

— Сэра Айзэкса?

— Онъ бродилъ по саду, когда мы тамъ были...

Писательница подумала:

— Нѣтъ, не замѣтила... Я все время наблюдала...

Автомобиль лэди Бичъ-Мандаринъ удалялся, окутанный густыми облаками пыли, внушительный лакей ушелъ въ домъ, м-ссъ и миссъ Соубриджъ, нерѣшительно постояли нѣсколько мгновеній на ступеняхъ подъѣзда и тоже ушли... Только лэди Харманъ оставалась на порогѣ дома... Лицо ея выражало ожиданіе. Она ждала какъ будто, что ее окликнуть сзади... И вдругъ она увидала мужа прямо передъ собою... Онъ появился изъ-за стѣны лавровыхъ кустовъ. Лицо его было мертвенно блѣдно отъ ярости, волосы стояли дыбомъ, на колѣняхъ и протянутыхъ впередъ рукахъ глина и зеленыя пятна... Лэди Хармнъ мгновенно забыла, что собиралась дать отпоръ мужу, и взволнованно воскликнула:

— Айзэксъ! Гдѣ ты былъ?

Этотъ явно лишній вопросъ только больше разсердилъ его. Онъ забылъ о всякихъ правилахъ вѣжливости...

— Что это ты вздумала гнать меня по всему саду?—набросился онъ на нее.

— Я гнала тебя? Я тебя гнала по саду?

— Ты слышала, что я споткнулся о цвѣточную кадку, и, какъ ни въ чемъ ни бывало, вылетѣла въ садъ со всѣмъ этимъ бабьемъ, а я долженъ былъ прятаться по угламъ сада... Это еще что за новости!..

— Откуда мнѣ было знать, что ты въ саду?..

— Не трудно было догадаться, что я въ саду... Не трудно было догадаться... Если не въ саду, то гдѣ же, чортъ побери, могъ я быть!.. Э? Гдѣ же я могъ быть?.. Конечно, я былъ въ саду... А тебѣ, видимо, очень захотѣлось шута гороховаго изъ

меня сдѣлать... Взгляни, на что я похожъ. Смотри! Вотъ, на мои руки полюбуйся!..

Лэди Харманъ смотрѣла на своего господина и не рѣшалась отвѣтить ему... Она знала: что бы она ни сказала, лишь больше разозлитъ его, но она дошла уже до той точки въ своихъ отношеніяхъ къ мужу, когда его настроенія мало занимали и волновали ее.

— Ты могъ уже давно вымыть руки,—сказала она.

— Да, и не вымылъ ихъ, для того только, чтобы показать ихъ тебѣ... Я ждалъ, чтобы эта компанія, наконецъ, убралась. Я боялся, что это бабье никогда не исчезнетъ отсюда...

Къ счастью, у него не хватало больше словъ, чтобы выразить все свое негодованіе. И онъ заключилъ свою рѣчь жестомъ отчаянія...

— Если ко мнѣ пріѣзжаютъ гости, и я дома,—я должна принять ихъ,—сказала лэди Харманъ, послѣ краткой паузы.

— Одно дѣло принять, и другое дѣло—валять дуру...

— Айзэксъ!—быстро проговорила лэди Харманъ, и глухимъ взволнованнымъ шопотомъ добавила: — Снагсби.

Такъ звали великолѣпнаго лакея.

— Да чортъ съ нимъ, съ Снагсби!—прохрипѣлъ сэръ Айзэксъ, подходя къ ней вплотную.—Говорю тебѣ опять—не надо было водить въ садъ эту особу...

— Но она во что бы то ни стало хотѣла посмотрѣть садъ.

— Мало ли чего она хотѣла?.. Ты должна была осадить ее... Куда мнѣ, чортъ побери, было дѣваться, когда вся эта ватага высыпала на веранду... Я вѣдь на верандѣ былъ...

— Надо было подойти къ намъ...

— Что! И разговаривать съ этой...

— Я разговаривала съ нею...

Сэръ Айзексъ чувствовалъ, что ярость его начинаетъ дробиться на мелочи...

— Еслибы не эта фантазія ѣздить осматривать дома,—началъ онъ, упорно глядя на нее и отчеканивая каждое слово,—этой компаніи и въ голову не пришло бы ѣздить сюда... Удовольствіе!..

Онъ прошелъ впереди нея въ вестибюль, и выросшій передъ нимъ внезапно маленькій лакей принялся усердно чистить его щеткой. Харманъ разсѣянно смотрѣлъ на него и затѣмъ медленно направился въ оранжерею. Лэди Харманъ знала, что разговоръ о лэди Бичъ-Мандаринъ только еще начинается.

Она сама начала его, когда сэръ Айзэксъ, вымывъ руки, вошелъ въ гостиную. Она стояла у окна и, словно набравшись рѣшимости въ созерцаніи сада, повернулась къ мужу и сказала:

— Я не раздѣляю твоего мнѣнія о лэди Бичъ-Мандаринъ..

Сэръ Айзексъ сдѣлалъ удивленное лицо. Онъ считалъ разговоръ исчерпаннымъ.

— Что? — отрывисто спросилъ онъ.

— Я не согласна съ тобою,—повторила лэди Харманъ.—Она—очень сердечная и привѣтливая женщина...

— Она—ужасна!—сказалъ сэръ Айзэксъ.—Я уже два раза видѣлъ ее, лэди Харманъ.

— Такой визитъ,—это вѣдь не то, что завезти карточку,—такой визитъ надо отдать,—продолжала она.

— Нѣтъ, ты не отдашь ей визита,—сказалъ сэръ Айзэксъ.

Лэди Харманъ взялась за кисть кресла—ей нужно стало перебирать что-нибудь пальцами—и отвѣтила:

— Я непремѣнно должна отдать ей визитъ...

— Непремѣнно?

Она кивнула головой.

— Было бы смѣшно, еслибы я этого не сдѣлала... Мы... Потому у насъ никто и не бываетъ, что мы не отдаемъ визитовъ...

Сэръ Айзэксъ помолчалъ немного и отвѣтилъ.

— Вовсе нѣтъ надобности, чтобы у насъ бывало много народу... И потомъ... Еслибы мы стали отвѣчать на визиты, у насъ отбою не было бы отъ посѣтителей... Очень нужно! А эта особа—пріѣхала и уѣхала, и дѣло съ концомъ...

— Нѣтъ,—сказала лэди Харманъ, сжимая кисть въ рукахъ,—я должна отдать ей визитъ...

— Нѣтъ, говорю—нѣтъ!

— И не только отдать визитъ,—продолжала лэди Харманъ—я обѣщала пріѣхать къ ней завтракать...

— Завтракать?

— И пойти съ ней на одно собраніе...

— На собраніе!

— ... общества «Добрыхъ Друзей». И еще на другое собраніе... Да... На засѣданіе комитета Шекспировскаго Общества...

— Я уже слышалъ объ этомъ...

— Она говорила, что ты тоже подписался...

Сэръ Айзексъ съ трудомъ сдерживалъ себя.

— Вотъ что, ты напишешь ей, что ни къ ней, ни на одно, ни на другое собраніе поѣхать не можешь... Вотъ и все.

Онъ сунулъ руки въ карманы брюкъ и подошелъ къ окну, у котораго она сидѣла, съ такимъ видомъ, будто считалъ дѣло это рѣшеннымъ и теперь могъ спокойно любоваться изъ окна цвѣтами... Но лэди Харманъ не считала еще разговора оконченнымъ.

— Я поѣду... Я обѣщала и поѣду,—сказала она.

Онъ какъ будто не понялъ ея въ первое мгновеніе. Потомъ, процѣдивъ что-то невнятное сквозь зубы, подошелъ къ ней и прошипѣлъ:

— Это вліяніе твоей сестрицы..

Лэди Харманъ подумала немного.

— Нѣтъ, она не при чемъ... Это я сама рѣшила.

— Я предвидѣлъ, что такъ и будетъ...—сказалъ сэръ Айзэксъ, пропуская мимо ушей ея слова, все больше и больше раздражавшія его.—Эти господа—тебѣ не компанія... Намъ незачѣмъ знаться съ такими людьми...

— Но я желаю узнать ихъ поближе...

— А я нѣтъ...

— Я нахожу ихъ интересными,—сказала лэди Харманъ.—И потомъ я обѣщала...

Сэръ Айзэксъ много думалъ позднѣе надъ ея отвѣтомъ. И что-то поразило его въ ней, въ эту минуту, что-то новое...

— Да, Айзэксъ, ты такъ сторонишься людей, что...—продолжала она, но не докончила.

Въ комнату вошла м-ссъ Соубриджъ съ большимъ букетомъ прелестныхъ розъ, тѣхъ именно розъ, которыхъ сэръ Айзэксъ просилъ не рвать...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Смутно дрожащую легкую ткань паутины
Синія тѣни плетутъ на снѣгу розоватомъ,
Крадутся сумерки въ мертвыя дали равнины,
Слабо окрашенной блѣдною кровью заката.
Грѣ-то испуганно крикнула сонная птица,
Мертвая вѣтка сломалась со скрипомъ и звономъ,
Медленно падаетъ бѣлая мгла на рѣсницы,
Мысли баюкая шорохомъ смутнымъ и соннымъ.
Тихо иду я опушкою темнаго лѣса,
Вѣтки березъ осыпаютъ мнѣ голову снѣгомъ,
Тамъ, далеко, за мигающей снѣжной завѣсой,
Некому ждать меня ночью съ тепломъ и ночлегомъ.

Е. Федорова.

Очерки соціальной исторіи Малороссіи.

4. Образованіе крестьянскаго сословія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв. [1]).

(Продолженіе).

II.

При всей простотѣ общественнаго строя, установившагося въ Малороссіи вслѣдъ за возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, этотъ строй, какъ мы видѣли, не исключалъ существованія внутри малорусскаго общества различныхъ разрядовъ и группъ, оставляя лишь такіе разряды и группы необособленными другъ отъ друга. Въ частности, и наиболѣе видная изъ этихъ группъ—козачество—съ первыхъ же моментовъ самостоятельнаго существованія гетманщины включала въ себя различные разряды, подчасъ довольно рѣзко отличавшіеся отъ основного его ядра. Частью эти разряды были до извѣстной степени унаслѣдованы отъ предыдущаго, польско-литовскаго періода, частью они были всецѣло созданы новыми условіями жизни козачества, частью, наконецъ, они существовали и раньше, но въ новыхъ условіяхъ нѣсколько измѣнили свой характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно увеличили свой количественный составъ. Въ результатѣ образованія такихъ разрядовъ козачество недолго оставалось вполнѣ однородной массой. Даже оставаясь еще однороднымъ по своимъ правамъ, оно успѣло уже выдѣлить отдѣльные слои, отличавшіеся и отъ основной его массы, и другъ отъ друга либо своими занятіями, либо своимъ положеніемъ въ рядахъ „войска".

Однимъ изъ наиболѣе оригинальныхъ разрядовъ такого рода, унаслѣдованныхъ гетманской Малороссіей отъ предыдущаго періода, явились такъ называемые „бобровники" и „стрѣльцы". На сѣверѣ лѣвобережной Малороссіи, въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Ста-

---

[1]) См. „Русскія Записки", № 6

родубья и Черниговщины, въ XVII вѣкѣ водилось еще немало бобровъ и разныхъ лѣсныхъ звѣрей и, благодаря этому, среди населенія мѣстами существовали группы лицъ, главнымъ промысломъ которыхъ служила ловля бобровъ или охота на звѣря и птицу. До половины XVII вѣка эти „бобровники" и „стрѣльцы" были либо королевскими, либо частновладѣльческими крестьянами, послѣ же возстанія Богдана Хмельницкаго они, подобно многимъ другимъ крестьянамъ, перешли въ козачество, Точно также записалась въ козаки и группа лицъ, промышлявшихъ охотой на степную дичь въ южныхъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи. Такъ на территоріи трехъ ея полковъ—Стародубовскаго, Черниговскаго и Нѣжинскаго—создалась община козаковъ-бобровниковъ, а въ тѣхъ же полкахъ и, сверхъ того, въ полку Лубенскомъ—еще и такія же общины стрѣльцовъ.

Эти общины сохранили свой прежній промыселъ и по прежнему отбывали за право занятія имъ натуральную повинность, отдавая опредѣленную часть своей добычи, но теперь они несли такую повинность уже не въ пользу частныхъ лицъ, а въ пользу „войска" и главныхъ его властей, и самый ихъ промыселъ былъ взятъ „подъ протекцію" этихъ властей. Онъ являлся въ этихъ условіяхъ чѣмъ-то вродѣ регаліи, предоставленной за опредѣленную плату или, точнѣе, за опредѣленную службу въ пользованіе отдѣльныхъ общинъ, обладавшихъ самоуправленіемъ и подчинявшихся непосредственно высшей власти страны. Самыя орудія этого промысла были подчасъ казенной, „войсковой" собственностью. Такъ, гетманъ Бруховецкій, посылая въ 1669 г. въ Нѣжинскій, Стародубовскій и Черниговскій полки для ловли бобровъ своего бобровника, отправилъ его съ войсковыми орудіями для такой ловли, „з желѣзами нашими войсковыми" [1]).

Распоряжаясь трудомъ бобровниковъ и требуя отъ нихъ для себя опредѣленной службы, гетманъ за то освобождалъ ихъ отъ подчиненія низшимъ властямъ. Въ 1680 г. бобровницкій атаманъ пожаловался гетману Самойловичу на седневскаго сотника, препятствовавшаго нѣкоторымъ бобровникамъ, жившимъ въ его сотнѣ, заниматься своимъ промысломъ. „Вѣдомо то каждому, — заявилъ Самойловичъ въ отвѣтъ на эту жалобу—же (что) бобровники до оддаваня повинности никому иншому, тилки самимъ рейментаромъ (только однимъ гетманамъ) здавна належатъ". Въ виду этого гетманъ рѣшительно потребовалъ отъ седневскаго сотника, чтобы онъ непремѣнно освободилъ бобровниковъ, о которыхъ шла рѣчь, изъ-подъ своей власти и впредь не имѣлъ до нихъ никакого дѣла,— „щобъ они вкупѣ з товариствомъ своимъ бобровницкимъ намъ

1) М. Плохинскій. Матеріалы для исторіи внутренней жизни лѣвобережной Украины. I. Бобровники. II. Стрѣльцы. Харьковъ. 1891, приложеніе I, № 3.

услуги свои в ловленю звѣру отдавали" [1]). Поставленная такимъ образомъ подъ непосредственную власть гетмана, бобровничья община одна только и имѣла право ловить бобровъ. Но доступъ въ число членовъ этой общины на первыхъ порахъ не былъ ничѣмъ ограниченъ и она, подобно всѣмъ другимъ группамъ населенія, оставалась незамкнутой. Еще въ 1684 г. гетманъ Самойловичъ предписывалъ, чтобы бобровницкому атаману „того промислу знайдуючихся людей въ товариство пріймать не збороняли" [2]).

Въ качествѣ козаковъ бобровники не подлежали повинностямъ, требовавшимся отъ посполитыхъ. Въ 1711 г. гетманъ Скоропадскій подъ страхомъ строгаго наказанія приказывалъ, чтобы никто не осмѣливался назначать квартиры для проѣзжающихъ во дворахъ бобровниковъ, требовать отъ послѣднихъ „провіанта" и „до посполитыхъ повинностей потягати" ихъ [3]). Три года спустя гетманъ вновь предписывалъ старшинѣ, чтобы она не отягощала посполитскими и вообще чрезмѣрными повинностями бобровниковъ и чтобы они „такъ, якъ и иншие козаки, если самая укажетъ нужда, кормили по едному великороссійскому жолнѣру"; при этомъ гетманъ указывалъ, что съ бобровниковъ не должна взиматься и „показанщина", т. е. установленная взамѣнъ виннаго откупа („аренды") денежная плата въ войсковую казну съ винокуренныхъ котловъ (казановъ"), такъ какъ бобровники „здавна отъ тоей повинности суть волными" [4]). Еще черезъ пять лѣтъ гетманъ опять приказывалъ, чтобы никто не осмѣливался „на дворы ихъ, бобровниковъ, постоевъ насылати и коней въ подводы забирати"; „драгуновъ зась,—заявлялъ онъ—понеже то есть необходимая нужда, мѣютъ (должны) такъ кормить, якъ козаки, и провиянтъ, когда случится, заровно зъ козаками же оддавати"; а такъ какъ—прибавлялъ еще гетманъ—„у всѣхъ войскового чину людей тютюнная (табачная) десятина не одбирается", то „и ихъ, бобровниковъ, одъ тоей повинности увольняемъ" [5]). Какъ люди „войскового чина", бобровники пользовались, наконецъ, и правомъ свободнаго устройства шинковъ въ тѣхъ селахъ, гдѣ они жили, хотя бы эти села были владѣльческими, и только обязывались въ этомъ послѣднемъ случаѣ уплачивать опредѣленную „квоту" владѣльцу села [6]).

Пользуясь козацкими правами, бобровники несли такимъ образомъ и общую козацкую службу, а вмѣстѣ съ тѣмъ отбывали и свою спеціальную службу въ пользу гетмана. И по мѣрѣ того, какъ

---

[1]) Тамже, приложеніе I, № 3.
[2]) Тамже, приложеніе I, № 5.
[3]) Тамже, приложеніе I, № 7.
[4]) Тамже, приложеніе I, № 8; это же распоряженіе было повторено гетманомъ въ 1717 г., тамже, № 9.
[5]) Тамже, № 12; это же распоряженіе было повторено въ 1720 г., тамже, № 13.
[6]) Тамже, приложеніе I, № 1[illegible]

козацкая служба становилась тяжелѣе и требовала бо́льшаго напряженія силъ со стороны населенія, бремя этой двойной службы тяжело ложилось на бобровницкую общину, порождая у отдѣльныхъ ея членовъ стремленіе къ уходу изъ нея. Въ самомъ началѣ гетманства Скоропадскаго бобровницкій атаманъ уже жаловался ему, что многіе бобровники, не желая дальше отбывать своей службы, распродали свои земли козакамъ и посполитымъ людямъ, а сами поуходили на слободы. Благодаря этому, по словамъ атамана, и требовавшаяся отъ бобровниковъ повинность не могла выполняться въ полномъ размѣрѣ. Получивъ эту жалобу и стремясь охранить интересы войсковой казны („скарба войскового"), Скоропадскій въ 1703 г. распорядился, чтобы „всякъ з козаковъ и посполитихъ людей, хто толко получилъ бобровницкіе грунта, належитую з онихъ повинность, подлугъ (согласно) давнего обикновения, во мѣсто бобровниковъ отдавали до скарбу войскового" [1]). Это распоряженіе, прикрѣплявшее бобровницкую повинность къ земельнымъ участкамъ бобровниковъ, не имѣло однако большого успѣха. Далеко не всѣхъ покупщиковъ такихъ участковъ удавалось привлечь къ отбыванію бобровницкой повинности, а между тѣмъ уходъ людей изъ бобровницкой общины все продолжался, тѣмъ болѣе, что и приказы гетмана о непривлеченіи бобровниковъ къ посполитскимъ повинностямъ въ свою очередь далеко не всегда исполнялись мѣстной старшиной. Въ 1718 г. Скоропадскій вновь получилъ отъ бобровницкаго атамана жалобу, что „многое товариство хотятъ од его ухилитися и удалитися", и въ виду этой жалобы предписалъ, чтобы никто не смѣлъ этого дѣлать и „по прежнему бы все товариство для ловленія воднаго звѣру при немъ, атаману, знайдовалося" [2]).

Тотъ новый принципъ, который нашелъ себѣ выраженіе въ послѣднемъ распоряженіи, получилъ дальнѣйшее развитіе въ мѣрахъ, принятыхъ по отношенію къ бобровникамъ вслѣдъ за окончаніемъ гетманства Скоропадскаго. Въ періодъ управленія Малороссійской Коллегіи произведена была перепись бобровниковъ, а гетманъ Апостолъ, вскорѣ послѣ своего избранія, подтвердивъ бобровникамъ ихъ старыя права и нѣсколько уменьшивъ наложенный на нихъ Коллегіей платежъ, вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ, чтобы „атаманъ бобровницкій до своей службы, промыслу бобровницкого, нияких другихъ людей войсковыхъ и посполитыхъ безъ вѣдома и безъ приказу нашего, кромѣ старыхъ бобровниковъ, не привлекалъ подъ опасеніемъ штрафа и наказанія" [3]). При этомъ предполагалось, что и старые бобровники, въ свою очередь, не будутъ уходить изъ сво-

[1]) Тамже, приложеніе I, № 6; то же распоряженіе было повторено въ 1720 г.,—тамже, № 14.

[2]) Тамже, № 10.

[3]) Тамже, № 18

его „товариства". На практикѣ они однако продолжали уходить изъ него, и притомъ уходили, главнымъ образомъ, въ посполитые, частью добровольно, частью подъ вліяніемъ нерѣдкихъ насилій со стороны владѣльцевъ тѣхъ селъ, въ которыхъ они проживали. „Въ Черниговскомъ и Нѣжинскомъ полкахъ нѣкоторые владѣльцы и сотники—жаловался въ 1749 г. имп. Елизаветѣ бобровницкій атаманъ съ товариствомъ — чинятъ намъ несносныя обиды: ибо владѣльцы, не объявляя намъ жадного (никакого) указа, но своею волею зъ нашихъ товарищей притягаютъ къ себѣ въ подданство нестерпимымъ боемъ, понеже, чтобъ слушали и работали панщину имъ, растягши, плетьми бьютъ немилостиво, и между тѣмъ въ прожитіи намъ немалое препятствіе отъ нихъ имѣется съ крайнею обидою", въ результатѣ чего нѣкоторые бобровники, „не давая окладу въ казну, уже купно зъ посполитыми, отбувая повинность, панщину работаютъ" [1]). Въ виду этого гетманъ Разумовскій, подтверждая въ 1751 г. бобровникамъ ихъ права, предписалъ „имъ, бобровникамъ, быть въ толикомъ числѣ людей, сколько ихъ нынѣ есть, а сверхъ оного числа никого, какъ изъ козаковъ, такъ изъ посполитыхъ, не принимать и полковымъ и сотеннымъ канцеляріямъ до того не допущать" [2]). Такимъ образомъ, къ половинѣ XVIII вѣка „товариство" бобровниковъ окончательно обратилось— по крайней мѣрѣ въ теоріи — въ замкнутую и обособленную отъ остального населенія группу. Ни вступленіе новыхъ членовъ со стороны въ эту группу, ни уходъ изъ нея старыхъ не должны были болѣе имѣть мѣста. Въ дѣйствительности, впрочемъ, владѣльцы селъ, въ которыхъ проживали отдѣльные бобровники, и послѣ того продолжали привлекать ихъ въ свое „подданство", способствуя такимъ путемъ дальнѣйшему уменьшенію этой и безъ того малочисленной группы [3]).

Подобную же эволюцію пережила и группа „стрѣльцовъ", подраздѣлявшихся еще, въ зависимости отъ той дичи, за которой они охотились, на „вовкогоновъ", „пташниковъ", „мысливцевъ" и т. д. Стрѣлецкій промыселъ, какъ и бобровничій, былъ взятъ подъ протекцію высшихъ войсковыхъ властей, а сами стрѣльцы, подобно бобровникамъ, были обязаны служить своимъ промысломъ этимъ властямъ, причемъ такая служба ихъ выражалась въ доставленіи дичины къ дворамъ полковниковъ и гетмана, а позднѣе—и къ царскому двору. Въ соотвѣтствіи съ этимъ стрѣльцамъ предоставлялся

---

[1]) Тамже, № 25.
[2]) Тамже, № 26.
[3]) Такъ, въ 1763 г. бобровницкій атаманъ представилъ вѣдомость, въ которой было перечислено 50 бобровницкихъ дворовъ, захваченныхъ владѣльцами имѣній,—тамже, № 34.

въ цѣляхъ ихъ промысла свободный входъ во всѣ лѣса и пущи, кому бы эти лѣса и пущи ни принадлежали [1]). Сами же стрѣльцы, считаясь козаками и объединяясь въ общины, состоявшія подъ начальствомъ выборныхъ атамановъ, освобождались отъ подчиненія сотеннымъ властямъ и подчинялись непосредственно полковникамъ и гетману. Такъ, напр., черниговскій полковникъ Борковскій, выбравъ въ 1677 г. нѣсколько человѣкъ „къ потребной службѣ стрѣлецкой“ и предоставивъ имъ пользоваться „вольностью козацкой“, вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ ихъ „отъ послушенства сотницкого вольными“ и требовалъ, чтобы „панове сотникове тихъ всихъ стрѣльцовъ до своей службы козацкой не потягали и послушенства стрѣлецкого, гды роскажетъ (когда прикажетъ) атаманъ стрѣлецкій, не отрывали“ [2]). Десять лѣтъ спустя черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ утвердилъ стрѣлецкаго атамана своего полка съ его „товариствомъ“ въ числѣ 30 человѣкъ въ ихъ „вольности“ и предписалъ не чинить имъ никакихъ препятствій при ловлѣ ими звѣря въ пущахъ. „Оніе стрѣльцы—мотивировалъ Яковъ Лизогубъ свое распоряженіе — такъ намъ, а що билшое самому ясневелможному его милости пану гетману до двору его панского не чимъ иншимъ, тилко звѣромъ съ тихъ пущъ выгоду повинны отдавати“. Подобныя же распоряженія по отношенію къ стрѣльцамъ, жившимъ на территоріи Черниговскаго полка, сдѣланы были въ 1699 и 1705 гг. полковниками Ефимомъ Лизогубомъ и Павломъ Полуботкомъ, причемъ въ обоихъ этихъ случаяхъ число стрѣльцовъ опредѣлялось уже въ 40 человѣкъ [3]). „Здавна за антецессоровъ моихъ — свидѣтельствовалъ, въ свою очередь, въ 1708 г. стародубовскій полковникъ Скоропадскій—въ сотнѣ мглинской установлено на стрѣлецкой повинности человѣка 24, которые, при лѣсахъ живучи, повинны старатися на кухню рейментарскую (гетманскую) всякой звѣрины“. Скоропадскій съ своей стороны утвердилъ этихъ 24 человѣкъ при ихъ прежней стрѣлецкой службѣ и требовалъ, чтобы мглинскій

---

[1]) Г. Плохинскій въ своемъ предисловіи къ изданнымъ имъ матеріаламъ о стрѣльцахъ утверждаетъ даже, что войсковыя власти въ интересахъ стрѣлечьяго промысла заботились о сохраненіи лѣсовъ (назв. соч., с. 15). Но въ универсалѣ черниговскаго полковника Григорія Гетманича, на который ссылается г. Плохинскій въ доказательство своего утвержденія, говорится совсѣмъ иное. Здѣсь воспрещается лишь ставить препятствія стрѣльцамъ въ ихъ промыслѣ; „дерево зась рубати,—прибавляетъ универсалъ — яко и передъ тимъ, кому было вольно, не зборонаемъ на свою потребу въ пущи тоей“. Тамже, приложеніе II, № 1.

[2]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 8. Въ извлеченіяхъ этотъ документъ приведенъ въ Обозрѣніи Рум. Описи, вып. 1, сс. 61 — 2, и у Плохинскаго, назв. соч., с. 15, — въ первомъ случаѣ съ нѣсколькими мелкими неточностями.

[3]) Плохинскій, назв. соч., приложеніе II, №№ 2, 3 и 4.

урядъ не смѣлъ привлекать ихъ ни къ какимъ городскимъ повинностямъ [1]).

Не всегда однако стрѣльцы были козаками. Наряду со стрѣльцами-козаками „стрѣлецкую повинность“ въ пользу гетмана въ XVII вѣкѣ порою отбывали и посполитые гетманскихъ имѣній, не выходя при этомъ изъ группы посполитства. „Какъ село Перелюбъ — разсказывалъ въ половинѣ XVIII столѣтія одинъ изъ старожиловъ этого села, лежавшаго въ Черниговскомъ полку,—было во владѣніи гетмана Многогрѣшного, и въ то время въ тѣхъ селахъ между посполитыми были такіе, кои употребляемы были для стрѣлянія звѣру и птаства до двору гетманского“. Тотъ же порядокъ сохранился въ Перелюбѣ и въ гетманство Мазепы. Въ это время— разсказывалъ другой старожилъ, бывшій при Мазепѣ войтомъ Перелюбовской волости, — „оной волости жители всѣ находились въ посполитомъ званіи и повинность посполитую отбували... А когда (онъ) приказъ давалъ о добычѣ звѣрины и птаства, то кто не умѣлъ стрѣлять, съ тѣхъ, собравши деньгами, доплатку давали, а кто умѣлъ стрѣлять, посыланы были въ пущу“ [2]).

Съ окончаніемъ гетманства Мазепы судьба этихъ стрѣльцовъ измѣнилась. Скоропадскій, ставъ гетманомъ, въ 1709 г. отдалъ с. Перелюбъ во владѣніе черниговскаго Троицко-Ильинскаго монастыря и такимъ образомъ перелюбскіе стрѣльцы вмѣстѣ со всѣми остальными посполитыми попали въ монастырское „подданство“. Послѣ того, въ гетманство Апостола, они попытались, правда, освободиться отъ этого подданства и ихъ попытка имѣла даже временный успѣхъ, такъ какъ Апостолъ, внявъ ихъ просьбѣ, возвратилъ ихъ въ положеніе гетманскихъ стрѣльцовъ и при этомъ причислилъ къ козакамъ. Но послѣ смерти Апостола монастырь обжаловалъ его распоряженіе и, когда при разборѣ этой жалобы выяснилось, что перелюбскіе стрѣльцы и за время принадлежности Перелюбской волости „на гетманскую булаву“ были не козаками, а посполитыми, они декретомъ генеральной войсковой канцеляріи въ 1750 г. опять были повернуты въ монастырское подданство, въ которомъ уже и остались [3]).

Порою гетманы назначали стрѣльцами и отдѣльныхъ лицъ. „Стрелцовъ двохъ, именно Семена Маркова да Федоса Трофимова, жителей гутинскихъ,—писалъ въ 1709 г. Скоропадскій старостѣ с. Гуты Кочубеевой и всѣмъ тамошнимъ жителямъ—волными чинячи отъ тяглости мужицкой, постановилисмо на стрелецкой повинности, ижбы (чтобы) они на кухню нашу гетманскую з добычи

---

[1]) Тамже, № 5.

[2]) Обозрѣніе Рум. Описи, I, 126—7.

[3]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 25. Въ Обозрѣніи Рум. Оп., вып. I, с. 126, этотъ эпизодъ переданъ не совсѣмъ точно — въ такомъ видѣ, какъ будто перелюбскіе стрѣльцы были первоначально поверстаны изъ козаковъ.

стрелецкой всякого звѣру старались достатчати". Поэтому гетманъ предписывалъ, чтобы никто не препятствовалъ названнымъ лицамъ въ ихъ промыслѣ и не возбранялъ имъ входа въ Трубецкую и Шептаковскую пущи и чтобы староста с. Гути не имѣлъ до нихъ никакого дѣла [1]). Но своимъ промысломъ стрѣльцы служили не только гетману, а также и полковникамъ, и послѣдніе въ свою очередь порою приписывали отдѣльныхъ лицъ къ этому промыслу. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ козаковъ с. Мотовиловки въ Кіевскомъ полку, Андрей Жечикъ, въ 1740 г. разсказывалъ о себѣ: „онъ, Андрей, по смерти отца его изъ Кіева перешелъ въ с. Мотовиловку и, пришедъ въ оное село, явился тогда бывшему атаману Давиду Матвѣенку, который и позволилъ ему, Андрею, жить въ томъ селѣ Мотовиловкѣ и далъ ему дворъ, на которомъ строеніе одна изба, а въ козаки его, Андрея, не включали, ибо онъ служилъ кіевского полку полковнику Танскому, то-есть стрѣлялъ всякую дикую живвость и звѣрей. Поля и сѣнокосъ онъ, Андрей, имѣетъ и какъ хлѣбъ сѣялъ, такъ и сѣно косилъ свободно, ибо за ту землю и за сѣнокосъ никто ему не воспрещалъ. А въ 734 г. кіевского полку есаулъ полковый Останъ Гречка приказалъ ему, Андрею быть въ подданствѣ Кіево-Братскаго монастыря, почему онъ и былъ въ подданствѣ по 740 годъ, а въ нынѣшнемъ году приказалъ ему, Андрею, кіевской сотни сотникъ Жила, чтобъ онъ въ подданствѣ монастырскомъ не былъ, а былъ бы въ козацкой командѣ, при которой онъ нынѣ и числится" [2]).

Наряду съ стрѣльцами, постоянно отбывавшими „стрѣлецкую повинность", та же повинность порою временно налагалась и на другихъ козаковъ, причемъ обыкновенно это дѣлалось въ цѣляхъ поставки дичи къ царскому двору. „Понеже—писалъ, напримѣръ, въ октябрѣ 1727 г. гетманъ Апостолъ полтавскому, миргородскому, лубенскому и переяславскому полковникамъ—за прежнихъ антецессоровъ нашихъ было обыкновеніе такое, что зъ пограничныхъ рейменту (правленія) нашего полковъ посилаються бывало стрелцѣ и другіе козаки за Днѣпръ и въ степи за границю для добытя всякой звѣрины на отсилку ко двору его императорского величества, которая звѣрина по первомъ зимномъ пути туды одсилалася, того ради и мы, того давнего обыкновенія не запомынаючи, жадаемъ (приказываемъ) вашмосты, абы вашмость во время обыкновенное зъ полку своего зъ побережныхъ сотень стрѣлцовъ такимъ порядкомъ, якъ и прежде было, за Днѣпръ для добытя звѣрини выправилъ, которіе що промисломъ своимъ реченной звѣрини достануть, тую мѣетъ (долженъ) вашмость прислаты до насъ въ

---

[1]) Моск. Румянц. Музей, Архивъ Маркевича, № 717.

[2]) Кіев. Центр. Архивъ, старыя дѣла, переданныя изъ архива намѣстническаго правленія. Дѣла объ имуществахъ церквей и монастырей, дѣло Кіево-Братскаго монастыря съ козаками с. Мотовиловки, производившееся въ 1740—42 гг.

Глуховъ для отсилки ко двору монаршому по давному обыкновенію" [1]). Такія періодическія посылки козацкихъ отрядовъ на охоту за Днѣпръ и въ степи практиковались и позже, вплоть до окончанія гетманства Разумовскаго. Но эти посылки разсматривались не какъ особая повинность, а какъ своего рода служебныя командировки козаковъ, и участники отправлявшихся въ подобныя командировки отрядовъ не выдѣлялись въ особую группу.

Что же касается группы стрѣльцовъ, постоянно занимавшихся своимъ промысломъ, то она уже въ гетманство Апостола, подобно группѣ бобровниковъ, пріобрѣла замкнутый характеръ. Такъ, подтверждая въ 1727 г. стрѣльцамъ мглинской сотни ихъ льготы и требуя, чтобы ни стародубовскій полковникъ, ни мглинскій сотникъ „не интересовались" этими стрѣльцами и не чинили имъ обидъ, Апостолъ вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы „атаманъ стрѣлецкій до своей службы званія стрѣлецкого ніякихъ другихъ людей войсковыхъ и посполитыхъ безъ вѣдома и безъ приказу нашего, кромѣ старыхъ стрѣльцовъ, не привлекалъ". „А когда— прибавлялъ при этомъ гетманъ—до походу военного случай позоветъ, то бы онъ, атаманъ стрѣлецкій, зъ товариствомъ зналъ и отбувалъ при дворѣ нашомъ войсковую службу безъ жадныхъ ухилокъ (безъ всякихъ уклоненій), приказуемъ" [2]). Точно также и стрѣльцамъ Черниговскаго полка Апостолъ предписалъ — „до двору нашого, въ козацкомъ званіи будучи, повинности добычею своею отдавати, а отбувать, когда случится походъ, службу войсковую при боку нашемъ" [3]). Подобнымъ же образомъ, по просьбѣ стрѣльцовъ смѣлянской сотни Лубенскаго полка, Апостолъ приказалъ и имъ „для всякихъ войсковыхъ услугъ" быть при гетманскомъ дворѣ и одновременно предписалъ смѣлянскому сотнику, чтобы онъ „помянутыхъ стрѣльцовъ до полковыхъ и сотенныхъ служебъ не потягалъ и никому ниякого дѣла имѣть до нихъ не велѣлъ" [4]). Такимъ образомъ стрѣльцы, оставаясь козаками, несли свою службу лишь при гетманскомъ дворѣ путемъ отбыванія особой повинности въ пользу гетмана, освобождались отъ службы въ сотнѣ и въ полку и должны были выступать въ походъ только вмѣстѣ съ гетманомъ. Но свободнаго доступа въ эту группу уже не существовало—новыя лица могли быть приняты въ нее только съ вѣдома и по приказу гетмана.

Тотъ же характеръ сохранила стрѣлецкая группа и въ гетманство Разумовскаго. „Состоять имъ, стрѣльцамъ, — писалъ этотъ послѣдній въ универсалѣ, данномъ имъ въ 1751 г. стрѣльцамъ мглинской сотни,—въ толикомъ числѣ людей, сколько за прежнихъ

[1]) Указы генеральной войсковой канцеляріи, рукопись библіотеки Н. П. Василенка.

[2]) М. Плохинскій, назв. соч., приложеніе Ц, № 17.

[3]) Тамже, № 19.

[4]) Тамже № 22.

гетмановъ ихъ было, а сверхъ того имъ собою въ то стрѣлецкое званіе безъ дозволенія нашего никого съ козаковъ и посполитыхъ отнюдь не принимать; общенародныя повинности несть имъ зъ прочими козаками, точію излише ихъ противъ другихъ козаковъ ничѣмъ не отягощать; въ случаѣ жъ каковыхъ воинскихъ командированій имѣютъ они, стрѣльцы, службу отправлять при насъ" [1]). Однако нахожденіе при гетманскомъ дворѣ и подъ гетманской протекціей далеко не всегда защищало стрѣльцовъ отъ насилій мѣстныхъ властей и владѣльцевъ имѣній. Съ другой стороны, хотя стрѣльцы и были освобождены отъ сотенной и полковой службы, но лежавшія на нихъ, какъ и на всѣхъ козакахъ, „общенародныя повинности" въ соединеніи съ спеціальною стрѣлецкою повинностью оказывались подчасъ настолько тяжелыми, что отдѣльные стрѣльцы нерѣдко не выносили этой тяжести и сами уходили изъ своей группы въ посполитые того или другого владѣльца. Въ результатѣ такихъ уходовъ группа стрѣльцовъ, какъ и группа бобровниковъ, постепенно таяла и уменьшалась въ своемъ числѣ. Но, независимо отъ этого, и тѣ лица, которыя оставались въ обѣихъ этихъ группахъ, въ сущности занимали положеніе, среднее между положеніемъ козаковъ и посполитыхъ. Пользуясь многими правами козаковъ, они въ то же время несли на себѣ обязанности, весьма близкія по своему характеру къ тѣмъ, какія лежали на посполитыхъ гетманскихъ имѣній. Различіе, какое существовало между этими посполитыми съ одной стороны, и бобровниками и стрѣльцами, съ другой, сводилось главнымъ образомъ къ размѣру лежавшихъ на нихъ общенародныхъ повинностей. Но на практикѣ это различіе нерѣдко стиралось усиліями мѣстныхъ властей и тогда бобровнику или стрѣльцу не было уже никакого смысла удерживать свое обособленное положеніе.

Наряду съ группами бобровниковъ и стрѣльцовъ, сохранившимися отъ прошлаго и съ переходомъ въ козачество поступившими въ непосредственную зависимость отъ гетмана, въ гетманщинѣ съ теченіемъ времени образовались и новыя группы козаковъ, несшихъ ту или иную службу гетману. Таковы были гетманскіе конюшевцы или, иначе, стаенные козаки и гетманскіе палубничіе. Первые служили при гетманскихъ лошадяхъ и конюшняхъ („стайняхъ"), вторые —при гетманскихъ обозныхъ повозкахъ („палубахъ"). Тѣ и другіе отправлялись въ походъ вмѣстѣ съ гетманомъ, а въ мирное время были подчинены ему же и смотрѣли за его лошадьми и обозомъ, будучи избавлены отъ сотенныхъ и полковыхъ службъ и отъ подчиненія сотеннымъ и полковымъ властямъ. Какъ рано появились эти группы, въ точности неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ уже въ гетманство Самойловича и Мазепы въ

[1]) Также, № 47.

сс. Поповкѣ и Обмочевѣ, лежавшихъ на территорiи Нѣжинскаго полка, существовало по нѣсколько десятковъ дворовъ гетманскихъ конюшевцевъ и палубничихъ. Съ теченiемъ времени, благодаря льготному положенiю этихъ группъ, число ихъ членовъ еще болѣе увеличилось, такъ какъ подобное положенiе соблазняло и многихъ „сотенныхъ“ козаковъ. „Поповскiе многiе козаки, до сотни служачiе,—жаловался въ 1723 г. конотопскiй сотникъ наказному гетману Полуботку,—подъ сей часъ, не хотячи тяжкихъ и далекопутнихъ походовъ съ сотенцями отбувать, ухилившись отъ сотни, до стаенныхъ и палубничихъ присовокупились; и всѣхъ ихъ, стаенныхъ и палубничихъ и отъ сотни отставшихъ, у волности 80 человѣка живутъ, а на выслугу войсковую за множествомъ ихъ хиба въ килко лѣтъ (развѣ въ нѣсколько лѣтъ) якому случится на время отбутъ“. То же самое происходило и въ с. Обмочевѣ. Въ 1723 г. часть здѣшнихъ палубничихъ была возвращена „подъ сотню“, но вслѣдъ затѣмъ, съ отдачей Батурина и его сотни Меньшикову, они попали въ подданство послѣдняго. Послѣ возстановленiя гетманства Апостолъ, по ихъ просьбѣ, вернулъ ихъ въ козачество и опять опредѣлилъ подъ сотню, сохранивъ при этомъ за ними обязанности палубничихъ. Но, когда послѣ того онъ освободилъ ихъ отъ участiя въ походѣ на „линейную Орельскую работу“, указавъ, что въ случаѣ общаго похода они должны „по старымъ обыкновенiямъ“ выступать въ походъ съ гетманомъ, палубничiе „взяли предъ себе возгоржене“ и объявили мѣстному атаману, „дабы до ихъ уже жадного не имѣлъ дѣла и до общенародныхъ сотенныхъ тяжестей, яко то до годованiя (кормленiя) консистентовъ, на сторожи, на стойки и на протчiя службы не занималъ бы ихъ“, а равно не привлекалъ бы ихъ и къ сотенному суду, такъ какъ съ нихъ надо искать „сатисфакцiи въ Глуховѣ, въ двору гетмана“. По смерти Апостола, впрочемъ, обмочевскiе палубничiе, по ихъ просьбѣ, были вновь приняты подъ сотни, а затѣмъ съ окончательнымъ уничтоженiемъ гетманства, и поповскiе конюшевцы и палубничiе въ свою очередь вновь сошлись съ сотенными козаками [1])

Всѣ эти группы козаковъ, выдѣлявшихся изъ сотенной организацiи и несшихъ ту или иную службу непосредственно гетману, не отличались большимъ многолюдствомъ. Бобровниковъ насчитывалось въ ихъ лучшее время всего около 100—150 дворовъ, стрѣльцовъ разныхъ категорiй и наименованiй въ началѣ XVIII вѣка едва-ли было нѣсколько сотъ дворовъ, гетманскихъ конюшевцевъ и палубничихъ въ это же время числилось около 130—140 дворовъ. Но перечисленными группами далеко еще не исчерпывалось число козаковъ, такъ или иначе выдѣлившихся изъ сотенной орга-

---

[1]) См. А. М. Лазаревскiй, Описанiе старой Малороссiи, т. II. Полкъ Нѣжинскiй, сс. 230—2 и 274—6, и мою рецензiю на эту книгу въ Отчетѣ о тридцать седьмомъ присужденiи наградъ гр. Уварова и отдѣльно „Къ исторiи Нѣжинскаго полка“, Спб., 1896, сс. 100—1.

низаціи. Рядомъ съ этими группами постепенно образовались и другія, подобно имъ занимавшія своего рода переходное положеніе между козачествомъ и посполъствомъ и въ то же время болѣе многочисленныя по составу своихъ членовъ.

Одною изъ такихъ группъ, по своему характеру ближе всего стоявшей къ гетманскимъ конюшевцамъ и палубничимъ, явились старшинскіе „куренчики" или „курінчики" [1]). Отправляясь въ походъ, члены войсковой старшины испытывали нужду въ военной свитѣ, которая могла бы играть для нихъ и роль прислуги. Подобная свита нужна была имъ подчасъ и въ мирное время при отправленіи ими своихъ служебныхъ обязанностей, главнымъ образомъ, для разсылки разнаго рода писемъ. Стремясь удовлетворить эту потребность, члены старшины и вербовали себѣ „куренчиковъ" среди менѣе состоятельныхъ козаковъ, обыкновенно среди своихъ односельцевъ и иногда даже среди своихъ родственниковъ, беря такихъ „куренчиковъ" на время похода на свое прокормленіе, въ мирное время освобождая ихъ отъ сотенныхъ повинностей. Первоначально вербовка такихъ куренчиковъ, вѣроятно, носила вполнѣ добровольный характеръ, но съ теченіемъ времени она стала закрѣплятъся и распоряженіями высшихъ войсковыхъ властей. Началась эта вербовка, надо думать, довольно рано, еще въ первое время гетманщины. Во всякомъ случаѣ уже въ началѣ XVIII вѣка, въ эпоху гетманства Скоропадскаго, группа куренчиковъ является вполнѣ сложившейся и вмѣстѣ съ тѣмъ широко распространенной. Куренчики въ это время были у самыхъ различныхъ членовъ старшины, начиная съ гетмана и генеральной старшины, продолжая полковниками и сотниками и кончая знатными войсковыми товарищами и державцами имѣній, въ томъ числѣ даже такими, которые въ данное время не несли и не могли нести никакой войсковой службы. И у всѣхъ этихъ лицъ куренчики несли однѣ и тѣ же обязанности и занимали одно и то же положеніе, ставившее ихъ какъ бы на границѣ между козаками и посполитыми.

Въ 1766 г. два жителя с. Некрасовки, Мартынъ Демьяненко и Василій Коваленко, жаловались въ генеральный судъ на неправильное привлеченіе ихъ въ посполитые. По словамъ жалобщиковъ, „предки ихъ, дѣды и отцы, и они, просители, жіючи на имѣючихся нынѣ подъ владѣніемъ ихъ грунтахъ козачихъ, и всякія повинности ко-

---

[1]) Слово „курень" или „курінь" первоначально означало домъ, жилище. Въ дальнѣйшемъ то же слово употреблялось для обозначенія тѣхъ административно-территоріальныхъ единицъ, на которыя распадалась сотня. Въ крупномъ мѣстечкѣ обыкновенно бывало нѣсколько „куреней", съ куреннымъ атаманомъ во главѣ каждаго изъ нихъ. Наоборотъ, нѣсколько мелкихъ поселеній часто составляли одинъ курень съ общимъ куреннымъ атаманомъ. Вѣроятно, это дѣленіе на курени было заимствовано изъ Сѣчи, гдѣ козаки одного куреня и жили въ одномъ домѣ.

зачіи отбували". Потомъ „они, просители, были при дворѣ гетмана Скоропадскаго, а служили придворно на лошадяхъ въ посылкахъ по смерть его, гетмана". Вдова Скоропадскаго „при смерти своей возвратила ихъ, просителей, по прежнему подъ сотню", но тогда „бывшій при гетману Скоропадскому въ дворѣ маршалкомъ Андрей Гондзеровскій, испрося ихъ ради надобности его маршалковской всего на одинъ тиждень (недѣлю), привлекъ къ подданству неналежно; егда же они, просители, начали во владѣніи его, Гондзеровского, жить, то онъ з начала толко что въ поѣздки и въ посылки ихъ употреблялъ и по препорціи на работу высылалъ, а послѣ началъ ими работать, якъ бы и подданными своими". Генеральный судъ нашелъ эту жалобу справедливой и перечислилъ жалобщиковъ въ козаки [1]).

Держа самъ при своемъ дворѣ куренчиковъ, Скоропадскій давалъ и подтверждалъ такихъ же куренчиковъ и другимъ членамъ старшины. Такъ, въ 1711 г. онъ приказывалъ седневскому сотнику не притѣснять куренчиковъ генеральнаго асаула Бутовича, находившагося въ это время въ плѣну. Гетманъ „грозно и сурово" предписывалъ, чтобы „козаки, якіе, въ городѣ и въ селахъ его, пана асаула нашего войскового генералного, зостаючіе, в куренѣ его найдовалися, и теперь до двору, не узнаючи найменшого препятствія, належалы" [2]) Шестью годами позже, послѣ смерти Бутовича, Скоропадскій, по просьбѣ его вдовы, выдалъ ей универсалъ, которымъ „сохранялъ при ея домѣ" четырехъ „свойственныхъ умершого", „козаковъ боромиковскихъ, которіе и умершому мужу ея прислушали для случаючихся потребнихъ посилокъ" [3]). Подобнымъ же образомъ Скоропадскій въ 1708 г. подтвердилъ знатному войсковому товарищу Ивану Черняку с. Гавронцы и половину с. Рыбцовъ „с куреннемъ козаковъ, в тѣхъ же селахъ житие свое мѣючихъ, для услуги до походу военного приданныхъ", а когда въ 1718 г. Черникъ представилъ ему универсалъ Мазепы, „въ которомъ братевъ ево и иннхъ ево сродниковъ маетности его же в Гавронцахъ и в Тахтауловѣ живущихъ, а именно Алексѣя Савина Черняка Налимовскихъ, Матвѣя Павленка, предку Сохацкихъ, Койнашовъ, Бабанскихъ, Чикаловъ, Искрила, Явденка, в курень ему, какъ сродниковъ, для отбивания военнихъ походовъ опредѣлено", то Скоропадскій съ своей стороны подтвердилъ ему „всѣхъ вишепомянутихъ его сродниковъ, дабы при ономъ войсковую в походахъ отправляли службу" [4]). Такія же разрѣшенія держать

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ. Дѣла б. Черниг. Пал. Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 29, кн. 91, д. 18, лл. 155, 155—9.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, с. 518.

[3]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукописное отдѣленіе Моск. Рум. Музея, № 1159, Документы, № 61.

[4]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіев. ун-та) п. н. „Полтавскіе земельные универсалы", № 39.

куренчиковъ получали отъ Скоропадскаго и многіе другіе члены старшины, нерѣдко даже не занимавшіе особенно виднаго положенія въ „войскѣ“. Такъ, подтверждая въ 1719 г. имѣнія Семену Шаулѣ, бывшему передъ тѣмъ сотникомъ въ м. Носовкѣ Кіевскаго полка, Скоропадскій утвердилъ Шаулѣ и его куренчиковъ. „Опредѣляемъ тутже — писалъ гетманъ въ своемъ универсалѣ — ему, пану Семену Шаулѣ, в курень человѣка шесть козаковъ тамошнихъ носовскихъ для отбуванія з нимъ службъ войсковихъ, какъ прежде и за небожщика (покойника) отца его в куренѣ знайдовалися, прето абы (поэтому чтобы) панъ полковникъ и сотникъ тамошній носовскій пререченихъ шести человѣка козаковъ держати в куренѣ не боронилъ, имѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ“ [1]).

Но не всѣ члены старшины довольствовались этими разрѣшеніями гетмана. Болѣе видные изъ нихъ нерѣдко выходили далеко за предѣлы такихъ разрѣшеній и, пользуясь своимъ вліяніемъ на мѣстахъ, собирали при своемъ дворѣ несравненно болѣе куренчиковъ, чѣмъ это было дозволено имъ гетманомъ. Василію Кочубею Скоропадскій въ 1715 г. опредѣлилъ въ качествѣ куренчиковъ— „въ домѣ пребывающому для посылокъ, а въ военномъ походѣ бытность въ куренѣ его“—козаковъ с. Жуковъ, „понеже при бывшому гетманѣ и дѣду его Федору Жученку то жъ было опредѣлено“, и предписалъ „полковнику и старшинѣ полковой до найменшихъ повинностей тѣхъ козаковъ не употреблять“. Но уже два года спустя гетману пришлось, по просьбѣ козацкихъ атамановъ, приказывать Кочубею „тѣми только довольствоваться козаками, которые при умершемъ Жученкѣ, дѣдѣ его, въ куренѣ были, числомъ 20, больше же ни до кого не имѣть интересу к всѣмъ козакамъ, живущимъ въ маетностяхъ его, быть къ сотнѣ, а ему, Кочубею, ихъ уступить“. Однако гетманскій приказъ, повидимому, мало подѣйствовалъ на Кочубея и въ слѣдующемъ году полтавская полковая и городовая старшина, жалуясь на него царю, между прочимъ просила, чтобы онъ, Кочубей, „козаковъ, которые въ маетностяхъ его живутъ, подъ власть свою не принималъ, кромѣ двадцати, которые ему по универсалу гетмана опредѣлены“. Кочубей возражалъ, что козаки, о которыхъ идетъ рѣчь, „еще при дѣдѣ его по универсалу обрѣталися и ему, Кочубею, подъ команду отданы и тѣхъ хотятъ отъ него отнять“, но послѣдовавшей по жалобѣ полтавцевъ царской грамотой предписано было „козакомъ всѣмъ, которые суть въ маетностяхъ ихъ, Кочубеевыхъ, быть въ козацкой службѣ подъ вѣдѣніемъ полковника и сотниковъ, а имъ, Кочубеямъ, и инымъ никому нигдѣ козаковъ въ подданство и въ работу себѣ не привлекать и дѣла до нихъ не имѣть“ [2]). Кочубеи при-

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 29, л. 567 об.

[2]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіев. ун-та), п. н. „Полтавскіе земельные универсалы“, № 5.

влекали козаковъ въ куренчики, не располагая въ сущности никакою властью въ полку и пользуясь лишь своимъ вліяніемъ и богатствомъ. Когда же за такое привлеченіе брался членъ старшины, по своему положенію пользовавшійся болѣе или менѣе значительною властью, оно, естественно, совершалось еще легче и давало еще болѣе серьезные результаты. Такъ, прилуцкіе полчане жаловались въ 1719 г. на своего полковника Игнатія Галагана, что онъ набралъ себѣ въ куренчики до 60 козаковъ и во время похода въ Царицынъ освободилъ ихъ отъ тяжелой работы, которой были обременены остальные козаки его полка [1]). И подобныя жалобы раздавались по адресу не одного только Галагана.

За время гетманства Скоропадскаго такія жалобы, въ лучшемъ случаѣ, вызывали со стороны гетмана лишь частныя мѣры въ видѣ ограниченія числа куренчиковъ у того члена старшины, на котораго жаловалось населеніе. Иначе, какъ мы видѣли въ только что разсказанномъ эпизодѣ съ Кочубеями, относилась къ такимъ жалобамъ центральная власть. И когда по смерти Скоропадскаго управленіе Малороссіей перешло въ руки назначенной царемъ и составленной изъ великорусскихъ офицеровъ Малороссійской Коллегіи, послѣдняя въ 1722 г. распорядилась отобрать всѣхъ куренчиковъ подъ сотни [2]). Но съ возстановленіемъ гетманства получившій гетманскую булаву Апостолъ вновь возродилъ и куренчиковъ, начавъ опять назначать ихъ отдѣльнымъ членамъ старшины.

Въ 1727 г. знатный войсковой товарищъ Іосифъ Тарасевичъ обратился къ Апостолу съ просьбой подтвердить ему имѣвшихся у него по универсалу Скоропадскаго куренчиковъ въ его маетности—с. Британахъ. „Стосуючися (примѣняясь) до унѣверсалу антецессора нашего,—писалъ въ отвѣтъ на эту просьбу гетманъ—а барзѣй заховуючы (а болѣе сохраняя) давный войсковый порядокъ—что въ войску малороссійскомъ заслуженымъ людямъ и старшинѣ курѣнчиковъ потребное число бывало опредѣляется,—позволяемъ чрезъ сей нашъ унѣверсалъ, абы десять человѣка козаковъ, въ маетности его мешкаючіе, были въ курени его по прежнему и до služебъ къ походамъ войсковымъ, такожъ для посылокъ зъ писмами при немъ присутствовали, толко бъ не были въ подданской повинности и порабощеніи, упоминаемъ“ [3]). Въ слѣдующемъ году по жалобѣ генеральнаго есаула Жураковскаго, что глуховская сотенная старшина „курѣнчиковъ его до сотенныхъ повинностей, которіе прежде до того не належали, притягають“, Апостолъ отправилъ глуховскому сотнику и атаману приказъ, чтобы они не смѣли дѣлать этого [4]).

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Пал. Уг. и Гр., оп. 2, св. 1, № 1.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черн. отд., №№ 6.691, 6.692, 25.147.

[3]) Матеріалы для отечественной исторіи, изд. М. Судіенко, I, отд. II, 18.

[4]) Тамже, I, 70.

Обращались къ Апостолу съ просьбами такого рода и другіе члены старшины и тоже не встрѣчали отказа въ этихъ просьбахъ. Такъ, Василій Завадовскій просилъ гетмана въ 1728 г. „для случаючихся посылокъ и управленія опредѣляемыхъ дѣлъ" назначить „въ курень" ему „козаковъ человѣка восемь въ войсковомъ селѣ Хмелевцѣ въ сотнѣ полковой стародубовской" [1]). Въ томъ же году Андрей Лизогубъ жаловался, что у него въ 1722 г. были отобраны Малороссійской Коллегіей куренчики въ с. Сосновкѣ, которыхъ держалъ еще дѣдъ его лѣтъ тридцать назадъ, а между тѣмъ „инніи и нинѣ курѣнниxъ козаковъ при собѣ держатъ". „Того ради—писалъ Лизогубъ — прошу велможности вашой унѣверсалъ дати до пана сотника конотопского на десять человѣкъ коннихъ, а десять пѣшихъ, дабы опредѣливъ мнѣ по прежнему на послушенство" [2]). Тогда же жаловался гетману и бунчуковый товарищъ Семенъ Лизогубъ, что у него отняли его куренчиковъ въ сс. Шибириновкѣ и Андреевкѣ, которые издавна находились въ его куренѣ, „а безъ курѣнчиковъ служебъ войсковыхъ ему отправовать не безъ трудности и обиды будетъ"—и гетманъ предписалъ разслѣдовать, какіе куренчики издавна служили Семену Лизогубу, а пока отдать ему въ курень шибириновскихъ и андреевскихъ козаковъ. Вслѣдъ затѣмъ посланный для объявленія этого указа и для производства разслѣдованія наказной сотникъ доносилъ гетману: „тихъ селъ козаки всѣ согласно сказали, что наслуговувать они пану Семену Лизогубу стали с того времени, когда покойный Иванъ Скоропадскій сталъ гетманомъ; наслуговували они пану Лизогубу по прошлій 724 годъ" [3]).

Возстановляя такимъ образомъ въ прежней неприкосновенности порядки, дѣйствовавшіе при Скоропадскомъ, Апостолъ до нѣкоторой степени еще и систематизировалъ эти порядки, назначая куренчиковъ не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ группамъ старшины. Такъ, предписывая универсаломъ 30 марта 1733 г. бунчуковымъ товарищамъ Нѣжинскаго полка, „въ засеймскихъ сотняхъ жительство свое имѣющимъ", быть готовыми къ походу, гетманъ прибавлялъ: „а понеже издавна обыкновеніе в полкахъ рейменту нашего бывало, когда бунчуковое товариство в походъ виправляются, то имъ для вспомоществованія от антецессоровъ нашихъ курѣнчики бывало опредѣляются, того ради и мы симъ нашимъ унѣверсаломъ панамъ бунчуковимъ товариству всякому, если которій востребуеть, козаковъ самихъ найубожшихъ к нынѣшному военному походу для вспомоществованія опредѣлить велѣли"; „толко бъ—оговаривался Апостолъ—тихъ себѣ опредѣленнихъ куринчиковъ чрез ввесь походъ панове бунчуковіе товарищи

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниг. отд. № 25.140.

[2]) Тамже, № 25.147.

[3]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. Б.

на своемъ содержали виктѣ (кормѣ) и коштѣ, когда же з означенного походу по указу возвратятся, тогда онымъ курѣнчикамъ быть при своихъ прежнихъ командахъ предлагаемъ" [1]).

Смертъ Апостола и послѣдовавшая за ней замѣна гетманской власти въ Малороссіи „министерскимъ правленіемъ", на первыхъ порахъ не измѣнили положенія куренчиковъ. Еще въ 1734 г. бунчуковый товарищъ Петръ Корецкій обратился къ управлявшему Малороссіей кн. Шаховскому съ просьбой о назначеніи ему куренчиковъ, ссылаясь въ подкрѣпленіе своей просьбы на указъ имп. Анны 8 августа 1731 г., которымъ „ея императорское величество указать изволила о опредѣленіи генеральной старшинѣ, полковникамъ и другимъ курѣнчиковъ". Въ 1735 г. Корецкій возобновилъ свою просьбу, указывая, что при Скоропадскомъ у него „имѣлись курѣнчики 15 человѣкъ", но затѣмъ Малороссійской Коллегіей они были отобраны подъ сотню [2]). Но въ томъ же 1735 г. состоялось распоряженіе отобрать отъ всѣхъ старшинъ и бунчуковыхъ товарищей куренчиковъ и причислить ихъ къ остальнымъ козакамъ, „подъ сотню" [3]).

Существованію куренчиковъ былъ, такимъ образомъ, положенъ конецъ. Но съ уничтоженіемъ этой группы далеко не всѣ лица, входившія передъ тѣмъ въ ея составъ, вернулись, какъ это предписывалось распоряженіемъ 1735 г., въ ряды козачества. Какъ мы видѣли, куренчики въ самый моментъ своего возникновенія занимали, до извѣстной степени, среднее положеніе между козаками и посполитыми. Считаясь козаками, они не несли тѣхъ повинностей въ пользу казны, которыми было обложено посполъство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они не несли и „сотенныхъ повинностей", не отправляли козацкой службы въ сотнѣ. Взамѣнъ того они и въ военное, и въ мирное время отправляли лишь службу отдѣльнымъ членамъ старшины, къ которымъ они были назначены,—и эта служба, по крайней мѣрѣ, въ мирное время, сильно сближала ихъ съ посполитыми владѣльческихъ имѣній. Во многихъ имѣніяхъ Малороссіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка существовалъ особый разрядъ посполитыхъ, носившихъ названіе „бояръ", которые были освобождены отъ тягла, но за то несли на себѣ повинность развозки владѣльческихъ писемъ и посылокъ [4]). Различіе между этими „боярами",

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниг. стл. № 10.000.

[2]) Тамже, №№ 6.691 и 6.692.

[3]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 5.

[4]) Вотъ для примѣра нѣсколько упоминаній о такихъ „боярахъ". Въ 1695 г. въ с. Омбышѣ упоминается „бояринъ давный монастырскій"; бояринъ упоминается въ Омбышѣ и въ 1745 г. Въ 1695 г. „бояринъ" упоминается въ с. Вощилинѣ, въ 1721 г.—въ с. Онисовѣ. Въ 1721 г. „бояринъ" с. Лищичъ, маетности Кіево-Печерскаго монастыря, купилъ хуторъ у козачки за 2.000 золотыхъ. Въ 1755 г. упоминается въ Быковской волости „бояринъ"—посполитый, несущій конную службу для посылокъ и свобод-

набиравшимися изъ посполитыхъ, и „куренчиками", вербовавшимися изъ козаковъ, оказывалось очень небольшимъ, а на практикѣ оно нерѣдко и совсѣмъ исчезало. Если у козака подъ вліяніемъ тяжести сотенной службы—тяжести, быстро возроставшей съ теченіемъ времени, — подчасъ являлся соблазнъ укрыться отъ этой тяжести путемъ перехода въ „куренчики" того или иного члена старшины, то послѣднему, въ свою очередь, легко приходилъ соблазнъ обратить такого „куренчика" въ своего „боярина", а затѣмъ и въ обыкновеннаго „подданнаго". Съ уничтоженіемъ же куренчиковъ, какъ особой группы населенія, значительная часть ихъ такъ и осталась въ составѣ владѣльческихъ „подданныхъ". Еще во второй половинѣ XVIII вѣка въ малорусскіе суды поступало не мало жалобъ со стороны бывшихъ куренчиковъ на обращеніе ихъ во владѣльческихъ посполитыхъ, но суды этой эпохи не склонны были обращать большое вниманіе на подобныя жалобы и бóльшая часть ихъ признавалась неподлежащей удовлетворенію. Судьба куренчиковъ въ этомъ отношеніи оказалась, до извѣстной степени, аналогичной съ судьбою бобровниковъ, стрѣльцовъ и гетманскихъ конюшевцевъ и палубничихъ, съ той только разницей, что группа куренчиковъ была несравненно многочисленнѣе всѣхъ этихъ группъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Организація военныхъ силъ страны, происходившая въ условіяхъ примитивнаго государственнаго и соціальнаго строя, повела такимъ образомъ къ выдѣленію изъ рядовъ козачества нѣсколькихъ группъ, занимавшихъ какъ бы промежуточное положеніе между козаками и посполитыми и становившихся въ такія отношенія къ отдѣльнымъ членамъ старшины, которыя близко напоминали частную зависимость, а порой и прямо переходили въ подобную зависимость. Но наряду съ такимъ прямымъ воздѣйствіемъ государственной власти на населеніе, создававшимъ среди послѣдняго извѣстное разслоеніе, въ томъ же направленіи дѣйствовали и другія причины, въ ряду которыхъ особенно видное мѣсто занимали опять-таки послѣдствія тѣхъ войнъ, какія пришлось вести Малороссіи вслѣдъ за отдѣленіемъ ея отъ польскаго государства, и тѣхъ матеріальныхъ тяготъ, какія налагали эти войны на ея населеніе.

Въ одной сохранившейся до нашего времени отъ XVII вѣка книгѣ протоколовъ полтавскаго полкового суда имѣется любопытный документъ, выданный въ 1688 г. полтавскимъ полковникомъ Павломъ Семеновичемъ. „Ознаймуемъ симъ нашимъ писмомъ,

---

ный отъ тягла. (Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, №№ 1616/1163, 1616/1164, 1616/929, 1616/793, 1616/1243; Кіев. Центр. Архивъ, старыя дѣла изъ архива намѣстническаго правленія, дѣла о закрѣпощеніи и отысканіи вольности, дѣло 1755 г. о козакѣ Карпенкѣ по доношенію экономической канцеляріи).

всѣмъ, кому о томъ вѣдати належить,—говорится въ этомъ документѣ—ижъ (что) Ивана Мазура, жителя ивончинского, од всѣхъ тяглостей посполитихъ, а над то (сверхъ того) и од датку поборового, уволняемъ цѣле, поневажъ (такъ какъ) онъ на томъ сталъ, абы по смерти его всѣ власности рухомие и нерухомие (имущества движимыя и недвижимыя) досталися церквѣ Божой, тамже на Ивончинцяхъ селѣ стоячой, а по смерти его, Ивановой, его жъ жона до конца живота своего на всѣхъ тихъ осѣдлостяхъ мешкати маетъ (жить должна) неотмѣнне". Въ 1689 г., какъ узнаемъ мы изъ той же книги, этотъ документъ былъ представленъ новому полтавскому полковнику Федору Жученку и послѣднiй съ своей стороны подтвердилъ его. „Мѣетъ реченний Мазуръ — писалъ Жученко—под обороною церкви божественной ивончинской и нашой полковничой и врядовой ажъ до смерти его (быть), абы на немъ, Ивану Мазуру, жадних (никакихъ) вимисловъ в подводехъ, в даткахъ городовихъ и станийнихъ не било вимагано (не вымогалось) до смерти его, а по смерти вся худоба (имущество) Иванова в кгрунтехъ, рухомихъ и нерухомихъ речахъ (предметахъ) вся спадаетъ на церковь божественную ивончинскую, а не кому иншому" [1]).

Приведенные документы воспроизводятъ передъ нами лишь единичный эпизодъ малорусской жизни XVII столѣтiя, но эпизодъ этотъ представляетъ большой интересъ и самъ по себѣ, и—еще болѣе—въ сопоставленiи съ нѣкоторыми другими фактами той же эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ нѣсколько ближе приглядѣться къ содержанiю этого эпизода. Посполитый с. Ивончинецъ, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, — въ подтвердительномъ письмѣ полковника Жученка Иванъ Мазуръ именуется „подейшлымъ въ лѣтѣхъ старушкой",—завѣщалъ послѣ своей смерти все свое движимое и недвижимое имущество своей сельской церкви и въ виду этого мѣстный полковникъ взялъ его „подъ оборону" этой церкви, равно какъ подъ свою, полковничью, и урядовую оборону, освободивъ его на весь остатокъ его живни отъ всѣхъ „посполитыхъ тяглостей", т. е. отъ всѣхъ повинностей и платежей, какими облагались посполитые въ пользу „войска" и его казны. Въ Малороссiи XVII вѣка церковь являлась собственностью и средоточiемъ той общины, въ которой она стояла: община строила церковь, община выбирала для нея священника, община же распоряжалась и церковнымъ имуществомъ, причемъ нерѣдко взимала въ пользу церкви плату и за свои, общинныя земли, уступавшiяся тому или другому лицу [2]). Такимъ образомъ Иванъ Мазуръ, завѣщая все свое имущество церкви своего села, тѣмъ самымъ оказывалъ услугу своей сель-

[1]) Протоколы Полтавскаго полкового суда, кн. I, лл. 190 об.—191, рукопись библiотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ библiотекѣ кiевскаго университета).

[2]) См. мою статью „Формы землевладѣнiя въ лѣвобережной Малороссiи XVII—XVIII вв.", „Р. Богатство", 1913, № 10, сс. 237—241.

ской общинѣ и, очевидно, именно поэтому полковникъ, воплощавшій въ своемъ лицѣ власть полковой общины, и счелъ возможнымъ освободить его отъ повинностей и платежей, лежавшихъ на всѣхъ остальныхъ членахъ его общины, взявъ его „подъ оборону" той церкви, которой онъ принесъ пожертвованіе, и свою. Подобное освобожденіе отъ повинностей въ годы, къ которымъ относится исторія Ивана Мазура, не было очень ужь рѣдкимъ исключеніемъ. Людей, стоявшихъ „подъ обороной" тѣхъ или иныхъ носителей власти и избавлявшихся этой „обороной" отъ несенія общихъ повинностей, въ Малороссіи подъ конецъ XVII вѣка насчитывалось не мало и соотвѣтственно этому въ источникахъ даннаго времени можно найти довольно большое количество эпизодовъ взятія отдѣльныхъ лицъ „подъ оборону" того или другого представителя власти. Но именно приведенный выше эпизодъ бросаетъ, думается мнѣ, лучъ свѣта на происхожденіе такой „обороны" и разъясняетъ тѣ мотивы, какими она первоначально диктовалась.

Можно думать, дѣйствительно, что вначалѣ, когда еще сильна была власть всего „Войска Запорожскаго" и отдѣльныхъ его общинъ, освобожденіе отъ общихъ повинностей являлось лишь очень рѣдкимъ исключеніемъ и достигалось только въ результатѣ болѣе или менѣе серьезныхъ заслугъ, оказанныхъ всему-ли „Войску" въ цѣломъ или какой-либо изъ его общинъ. Можно думать также, что, освобождая лицъ, оказывавшихъ такія услуги, отъ несенія общихъ повинностей и принимая ихъ подъ свою „оборону", носители власти въ „Войскѣ" первоначально дѣлали это лишь съ явнаго или, по крайней мѣрѣ, молчаливаго согласія избиравшаго ихъ на ихъ уряды населенія, воплощая такимъ образомъ въ своихъ дѣйствіяхъ волю послѣдняго. Но такое положеніе во всякомъ случаѣ продолжалось не долго. По мѣрѣ того, какъ носители власти высвобождались изъ-подъ контроля тѣхъ общинъ, представителями которыхъ они являлись, и получали бóльшую самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ, они стали проявлять эту самостоятельность и въ пріемѣ различныхъ людей подъ свою „оборону". Расширяя всѣ другія права, первоначально принадлежавшія имъ, лишь какъ представителямъ избиравшаго ихъ населенія, лица, сидѣвшія на урядахъ, постепенно расширили и право принятія тѣхъ или иныхъ людей, какъ изъ козачества, такъ и изъ посполъства, въ свою „оборону", не останавливаясь притомъ и передъ примѣненіемъ этого права исключительно въ своихъ личныхъ интересахъ. И уже къ концу XVII вѣка самые различные члены старшины, начиная съ гетмана и кончая сотниками, держали подъ своей „обороной" или „протекціей" немалое количество освобожденныхъ отъ отбыванія общихъ повинностей людей, успѣвшихъ получить къ этому времени и особое имя—„протекціантовъ".

Гетманы, какъ мы знаемъ, довольно рано начали принимать „подъ свою протекцію и оборону" семьи членовъ старшины, осво-

бождая ихъ дворы отъ общихъ повинностей и перенося ихъ судебныя дѣла въ исключительное вѣдѣніе генеральнаго войскового суда. Но наряду съ этимъ въ гетманскую „протекцію“ принимались и лица совершенно иного общественнаго положенія. „Для певныхъ причинъ (по нѣкоторымъ причинамъ) мѣючи въ певномъ респектѣ нашомъ жителя чернѣговского Александра Шабелника, уволняемъ от всякихъ мѣскихъ (городскихъ) повинностей и работизнъ з ласки нашое“—писалъ гетманъ Мазепа въ одномъ изъ своихъ универсаловъ 1699 г. и требовалъ, чтобы черниговская старшина, а въ особенности войтъ съ магистратскими чинами, не осмѣливались „его, Александра, до посполитихъ повинностей потягати и жадними работизнами обтяжати“ [1]. „Мы — писалъ тотъ же Мазепа въ одномъ изъ универсаловъ 1704 г.—Алексѣя Лопату, слюсара, жителя хезіовского, уваживши, же здается (принявъ во вниманіе, что онъ годенъ) и потребенъ есть до двору нашого на дѣла, слюсарскимъ ремесломъ споражаючіеся, беремъ его подъ нашу гетманскую оборону, защищаючи, абы, кромѣ двору нашего, нѣ до кого зъ старшини полковой, сотенной и городовой не належалъ и нѣкому, кромѣ насъ, не отдавалъ повинности и тяглости. Также въ приключаючихся справахъ (дѣлахъ) у суду войсковомъ енералномъ росправлялся, а не передъ иншимъ якимъ урядомъ“ [2]. „Беручи—писалъ, въ свою очередь, гетманъ Скоропадскій въ одномъ изъ своихъ универсаловъ 1709 г.—респектомъ свойства (въ уваженіе родства) паковъ Ѳедора и Ивана Левченковъ з дѣтми въ особливую нашу гетманскую протекцію и оборону, пилно (усердно) сего ж нашего унѣверсалу повагою (авторитетомъ) варуемъ и приказуемъ, абы панъ полковникъ прилуцкий, старшина тамошная и нѣхто не тилко до войсковыхъ повинностей и до посполитыхъ людей подачокъ не смѣли и не важилися (отваживались) потягати выжейпомененнихъ, въ протекціи нашой будучихъ, лечъ абы (но чтобы) под тоею обороною и протекціею нашою волное и спокойное могли всегда мѣты мешкане“ [3].

Рядовые козаки и посполитые, поступавшіе такимъ образомъ подъ гетманскую протекцію и оборону, сильно отличались по своему положенію отъ принимавшихся подъ ту же гетманскую протекцію членовъ старшинскихъ семей. Но самая идея „протекціи“ въ тѣхъ и другихъ случаяхъ оставалась, въ сущности, одинаковой

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/784.

[2]) „Кіевская Старина“, 1898 г., № 6, сс. 92—3.

[3]) По смерти Скоропадскаго вдова его жаловалась Полуботку, что наказной прилуцкій полковникъ началъ „до тяглостей чепать“ Левченковъ, и Полуботокъ подтвердилъ универсалъ покойнаго гетмана. Позже, въ 1726 г., Скоропадская опять жаловалась генеральной войсковой канцеляріи, что полковая и сотенная старшина возобновила свои притязанія къ Левченкамъ. На этотъ разъ правители генеральной канцеляріи сочли нужнымъ запросить

беря подъ свою протекцію членовъ старшины и старшинскія семьи гетманъ пользовался властью, принадлежавшей ему, какъ представителю всего „войска", и принималъ старшину подъ свою протекцію за ту службу, которую несла эта старшина для „войска". Но точно также, какъ представитель „войска", дѣйствовалъ гетманъ и тогда, когда бралъ подъ свою протекцію того или иного козака или посполитаго въ силу болѣе или менѣе отдаленнаго свойства его съ семьей гетмана или по другимъ, извѣстнымъ ему причинамъ. Равнымъ образомъ и тогда, когда гетманъ, найдя какого-нибудь хорошаго ремесленника, обязывалъ его служить при гетманскомъ дворѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ покрывалъ своей протекціей, эта протекція служила какъ бы вознагражденіемъ за службу „войску" въ лицѣ высшаго представителя послѣдняго—гетмана. И самая форма протекціи оставалась въ этихъ случаяхъ тою же самою, сводясь къ освобожденію принимаемыхъ подъ протекцію лицъ отъ общихъ повинностей и къ исключенію—по крайней мѣрѣ, иногда—судебныхъ дѣлъ этихъ лицъ изъ компетенціи сотенныхъ и полковыхъ судовъ съ передачей всѣхъ такихъ дѣлъ въ исключительное вѣдѣніе генеральнаго войскового суда. Однако послѣдствія этой протекціи для рядовыхъ козаковъ и посполитыхъ были далеко не тѣ, что для старшинскихъ семей. Если за послѣдними она лишь закрѣпляла ихъ привилегированное по сравненію съ остальнымъ „войсковымъ товариствомъ" положеніе, то для первыхъ такая протекція, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда она давалась имъ за службу при гетманскомъ дворѣ, вмѣстѣ съ льготами устанавливала и частную зависимость. Посполитый, котораго гетманъ ставилъ слесаремъ при своемъ дворѣ, въ качествѣ гетманскаго „протекціанта" избавлялся отъ всякихъ повинностей по отношенію къ другимъ членамъ старшины и получалъ право судиться въ генеральномъ судѣ, въ которомъ судились и бунчуковые товарищи. Но за то такой посполитый обязывался работать на гетмана и именно эта работа обезпечивала за нимъ льготы, связанныя съ положеніемъ гетманскаго протекціанта.

Такого рода протекціанты были не только у гетмана. Были они и у членовъ генеральной старшины, были и у полковниковъ и у полковой старшины, были и у сотниковъ. По мѣрѣ того, какъ разросталась власть старшины и ослабѣвала ея зависимость отъ массы населенія, различные члены старшины начинали все шире пользоваться возможностью набирать себѣ „протекціантовъ", а среди населенія въ свою очередь съ теченіемъ времени появлялось все больше и больше людей, готовыхъ укрыться отъ тяжести воен-

мнѣніе Малороссійской Коллегіи. Но отвѣта послѣдней въ архивномъ дѣлѣ нѣтъ. Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ. Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 5, св. 1, № 6.

ной службы и „общенародныхъ повинностей“ подъ „протекцію“ того или иного члена старшины. Въ 1703 г. войтъ и мѣщане г. Полтавы жаловались гетману Мазепѣ, что „за нерадениемъ и нестроениемъ бывшой полковницкой власти не тилко порядки мѣские попсовалися (испортились городскіе порядки), посполитие люде значнѣйшіе и можнѣйшіе протекциею войсковой старшины, себѣ свойственой, от общой тяглости уволненніи зосталы, лечъ (но) и многие до ратуша и добра городового посполитого (общаго) належачие угодия въ руки неналежние одойшлы, наветь (даже) и людмы такъ в самомъ городѣ Полтавѣ, яко и в селахъ, до города належачихъ, многие зъ духовнихъ и свѣтскихъ особъ завладѣли и от посполитой тяглости отторгнулы, яко то панъ Искра, бившій полковникъ, тридцять человѣка мѣскихъ, у Крутого Берега зостаючихъ, попъ Спасскій полтавскій въ самомъ городѣ двадцать человѣка, Алексѣй Чернякъ в Олшаной болшъ от семидесятъ людей въ свою неналежную область одобрали“. Гетманъ, получивъ эту жалобу, предписалъ, чтобы „нѣхто з власти войсковой не смѣлъ и не важился свойственихъ своихъ людей посполитихъ от мѣской тяглости заступати, а вишше помянутие особи, панъ Искра в Крутомъ Березѣ, попъ Спасскій в самомъ городѣ Полтавѣ, Чернякъ в Олшаной, людей, собою самовластне безправне завладѣнихъ, конечно уступили и до первобытной власти мѣской (городской) привернули“ [1]). Но то же самое явленіе, на которое жаловались полтавскіе мѣщане, повторялось въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка и въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи.

Наибольшею возможностью набирать себѣ „протекціантовъ“ обладали послѣ гетмана полковники, являвшіеся „господарями“ своихъ полковъ, и многіе изъ нихъ широко использовали эту возможность, принимая подъ свою протекцію и козаковъ, и свободныхъ посполитыхъ въ обмѣнъ за тѣ или иныя услуги либо за ту или иную плату. Между прочимъ, этимъ путемъ въ нѣсколькихъ полкахъ образовались цѣлыя группы т. н. „полковничьихъ чиншевиковъ“ — людей, уплачивавшихъ полковнику опредѣленный „чиншъ“ и за это освобождавшихся отъ общихъ повинностей.

Мѣстами такіе чиншевики появились уже въ концѣ XVII вѣка. Такъ, одинъ посполитый с. Оробьевки, лежавшаго въ варвинской сотнѣ Прилуцкаго полка, въ 1744 г. показывалъ, что, когда это село было еще свободнымъ войсковымъ и его посполитые „на ратушъ варвинскую принадлежали, то иние на ратушъ кошували мало сѣна, а иние не кошували за тимъ, что на чинши сидѣли,

---

[1]) Рукопись библіотеки А. Н. Лазаровскаго (теперь въ б-кѣ кіев. ун-та), п. н.: „Полтавскіе земельные универсалы“, № 1

платячи полковникамъ прилуцкимъ Горленку да Стороженку" [1]). „Степанъ Островершенко, житель березовский,—разсказывалъ въ 1722 г. прилуцкій протопопъ Трифановскій — живучи з отца в селѣ Березовици на своихъ грунтахъ, давалъ чиншъ такъ пану Димитрию Горленку, яко и пану Носу, бывшимъ полковникомъ прилуцкимъ, а когда по размотрению покойний панъ Носъ, ради тяжести людской, не похотѣвши его держать на чиншу, приказалъ притягати до посполитихъ повинностей, онъ с прочиими, не похотѣвши мужеско отбувати, перешелъ до села Талалаевки, маетности пана асаула Мовчана, и жилъ в его на чиншу" [2]). Подъ конецъ полковничества Носа, по ревизіи 1713 г., въ Прилуцкомъ полку было насчитано до 30 дворовъ „посполитыхъ людей, якіе, такъ жадныхъ тяглостей, яко и мѣсячного датку не выстачаючи, чиншъ полковникови даютъ" [3]). Смѣнившій въ 1714 г. Носа на посту прилуцкаго полковника Игнатій Галаланъ еще болѣе увеличилъ число этихъ полковничьихъ чиншевиковъ и прилуцкіе полчане, жалуясь въ 1719 г. на различныя обиды, причиняемыя имъ Галаганомъ, въ числѣ ихъ упоминали и непомѣрное увеличеніе количества такихъ чиншевиковъ. „Передъ симъ — писали полчане— бывали в полку Прилуцкомъ чиншовіе люде и зимовчики таковіе, которіе, переехавши из того боку Днѣпра на сюю сторону з соллю, наймали себѣ тутъ хати, а полковникамъ прежнимъ бывало дают по таляру от хати, а по таляру от мажи (телѣги), якъ же тихъ зимовцовъ мало стало, такъ вмѣсто оних его милость панъ полковникъ найдостатнѣйшихъ грунтовихъ людей повписовалъ в чиншъ и беретъ з нихъ грошовий датокъ, которіи люде могли бы под сей трудній часъ не малое чинити ратушамъ и посполитимъ людямъ вспоможеня, а то оны нѣ компанѣйцямъ не даютъ, нѣ посполитимъ людямъ жадного не чинять даткою, подводами и сѣнокосомъ подпоможеня, и того ради в полку нашомъ отнюдь осидѣтися люде не могутъ, але (но) идутъ туда, где такихъ не отбуваютъ тяже

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 175, л. 157. Упомянутый здѣсь Горленко — очевидно, Лазарь — былъ послѣдній разъ прилуцкимъ полковникомъ съ 1680 г. по 1687 г.; Иванъ Стороженко былъ прилуцкимъ полковникомъ въ 1687—92 гг.

[2]) Моск. Румянц. Музей, Архивъ Маркевича, № 2.632; Дмитрій Горленко былъ прилуцкимъ полковникомъ въ 1692—1708 г.г., Иванъ Носъ — въ 1708—14 гг.

[3]) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. III, сс. 21—2. Лазаревскій, ссылаясь на Игн. Галагана, рѣшительно утверждалъ, что только предшественникъ Носа, Дмитрій Горленко, „придумалъ" полковничьихъ чиншевиковъ, какъ „совсѣмъ новую статью доходовъ" (назв. соч., с. 21). Мы видѣли однако, что въ Прилуцкомъ полку такіе чиншевики существовали и до полковничества Дмитрія Горленка. А, съ другой стороны, они не составляли и исключительной принадлежности Прилуцкаго полка. Въ виду этого утвержденіе покойнаго историка едва-ли можно считать правильнымъ.

стей“. Галаганъ возражалъ, правда, на эту жалобу, что чиншовыхъ людей при немъ въ полку столько же, сколько было и при полковникахъ Горленкѣ и Носѣ, а если и посаженъ на чиншъ кто новый, „то развѣ на мѣстце тыхъ, яковіи на чинши не хотѣли сидѣти и належитости роковой (оклада годового) не стали давати“. Однако изъ представленныхъ реестровъ выяснилось иное. Оказалось именно, что старыхъ чиншевиковъ съ зимовцами въ полку числится 20, а новыхъ, посаженныхъ на чиншъ Галаганомъ изъ козаковъ и посполитыхъ, — 78, причемъ съ этихъ 98 чиншевиковъ полковникъ собираетъ въ годъ деньгами болѣе 1.100 золотыхъ [1]).

Такіе полковничьи чиншевики существовали и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, въ 1716 г. гетманъ Скоропадскій, по просьбѣ войта и мѣщанъ г. Переяслава, возвратилъ въ вѣдѣніе переяславской ратуши людей, жившихъ на городскихъ земляхъ, но посаженныхъ мѣстными полковниками на чиншъ [2]). Въ слѣдующемъ году Скоропадскій, по аналогичной просьбѣ мѣщанъ м. Барышовки, возвратилъ имъ „въ первобытное городови владѣніе“, иначе говоря, въ число свободныхъ войсковыхъ посполитыхъ, тѣхъ людей въ сс. Морозовкѣ и Селичовкѣ, которыхъ передъ тѣмъ переяславскій полковника Томара, „уволнивши отъ всѣхъ посполитихъ повинностей, на чиншѣ посадити казалъ“ [3]). То же самое было и въ другихъ полкахъ. Въ 1726 г. два жителя с. Бѣлоцерковки въ Лубенскомъ полку жаловались въ генеральную канцелярію на неправильное привлеченіе ихъ въ подданство. Мы были — разсказывали жалобщики — козаками, „а якъ Леонтій Свѣчка сталъ полковникомъ лубенскимъ, и тогда походовъ мало до войска било, и онъ по его волѣ велѣлъ намъ чиншъ денежную давать, и бралъ отъ насъ роковъ (лѣтъ) чотири. Когда же уже Тарнавскій село Бѣлоцерковку себѣ въ под-

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 2, св. 1, № 1. Въ числѣ этихъ чиншевиковъ Галагана были и козаки, „якіе чиншъ платятъ, а до войска не ходятъ“ и „зимовцы“, которые „зимовное отбуваютъ“ или, платя чиншъ, „тылко драгуновъ сустентуютъ (кормятъ), да на одного даютъ компанѣйця, а од всѣхъ тяглостей мѣскихъ волни зостаютъ, дрова до винницѣ возятъ пану полковникови“. Чиншъ уплачивался этими чиншевиками въ самыхъ различныхъ размѣрахъ, отъ 10 талеровъ до одного золотого (талеръ равнялся 60 копейкамъ, золотой—20 копейкамъ). См. также А. М. Лазаревскій, назв. соч., сс. 46—7. Здѣсь приведенъ и „листъ“, которымъ Галаганъ освободилъ на 1714 годъ одного изъ своихъ чиншевиковъ отъ всѣхъ общихъ повинностей, „такъ поборовыхъ, яко воженя подводъ, отъ стаціи компанейцевъ и великороссійскихъ людей, всякихъ тяглостей мірскихъ и сторожовщины“. По словамъ Лазаревскаго, онъ видѣлъ такихъ „листовъ“ Игн. Галагана въ семейномъ архивѣ Г. П. Галагана около 30-ти.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукописное отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, № 1.159, документы, № 58.

[3]) Тамже, № 39.

данство понялъ, то уже не бралъ денежной чинши, но усиловалъ насъ ему панщину дѣлать и поданными насъ себѣ здѣлалъ“ [1]).

Помимо такихъ чиншевиковъ, полковники нерѣдко, подобно гетманамъ, принимали въ свою протекцію отдѣльныхъ ремесленниковъ изъ числа козаковъ и свободныхъ посполитыхъ, облагая такихъ ремесленниковъ работой на свой дворъ и освобождая ихъ за это отъ общихъ повинностей. Иногда такіе протекціанты-ремесленники оставались при дворѣ полковника и послѣ его ухода съ уряда. Бывало и такъ, что послѣ смерти самого полковника они закрѣплялись за его семьей распоряженіемъ гетмана. Такъ, гетманъ Скоропадскій въ 1713 г., послѣ смерти лубенскаго полковника Савича, оставилъ „въ прежнемъ послушенствѣ до двора Савичевой для домовой потребы универсалами опредѣленныхъ въ Лубняхъ кравцовъ двохъ, шевцовъ трехъ, бондаровъ и коваловъ по два, рыбалокъ трое, гончаровъ двохъ, а въ с. Новакахъ и Калайденцахъ стелмаховъ четырехъ человѣкъ“ [2]).

Иногда, наконецъ, полковники, пользуясь своею властью, принимали подъ свою протекцію не только козаковъ и свободныхъ посполитыхъ, но и посполитыхъ владѣльческихъ. Такъ, напримѣръ, бывшій бѣлоцерковскій обозный Павелъ Циганчукъ жаловался въ 1727 г. генеральной войсковой канцеляріи, что хотя Скоропадскимъ было дано ему 34 человѣка посполитыхъ въ с. Свидовкѣ Кіевскаго полка, но „полковникъ кіевскій Антоній Танскій по смерти гетмана Скоропадского ис тихъ 34 человѣкъ взялъ въ свою протекцію 15 человѣкъ, и з онихъ вписалъ в козаки двохъ человѣкъ, девять зась (же) человѣка розійшлося, а в его осталось всего 10 человѣкъ, да и тихъ онъ, полковникъ, велить въ дворъ свой вигонить на косовицу и на жатву“. Генеральная канцелярія подтвердила Циганчуку свидовскихъ посполитыхъ, но и послѣ этого онъ вновь жаловался, что Танскій „приказалъ онимъ людямъ его, Циганчука, не слухать и, когда онъ, Циганчукъ, пошлетъ, чтобъ ишли на якую работу, то тіе люде, надѣясь на полковника, противятся и не толко его его не слухаютъ, но и разними укоризнами досаждаютъ и ругаютъ его“. Тогда генеральная канцелярія рѣшила употребить понудительныя мѣры, однако не по отношенію къ полковнику, а по отношенію къ привлекавшимся имъ въ протекцію посполитымъ. Въ с. Свидовку отправленъ былъ войсковой канцеляристъ съ компанейцами, съ тѣмъ, чтобы они утвердили

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 10.542 Правители генеральной канцеляріи, найдя жалобщиковъ по справкѣ не въ козацкомъ компутѣ, а между посполитыми, рѣшили оставить ихъ въ подданствѣ, а „за тое, что неслушне турбуютъ и самоволне въ козацтво випраются, учинено имъ наказаніе“.

[2]) А. М. Лазаревскій. Историческіе очерки полтавской лубенщины XVII—XVIII вв. „Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца“, XI, II, с. 85, примѣч. 1.

это село въ полное владѣніе Циганчуку, „а на комъ доведется з подданнихъ тамошнихъ вышеозначенная противность и непослушенство, тихъ по розыску кіевимъ наказали б боемъ по мѣрности и по силѣ вины“ [1]).

Въ свою очередь и сотники нерѣдко принимали въ своихъ сотняхъ козаковъ и посполитыхъ подъ свою протекцію, освобождая ихъ отъ общихъ повинностей и получая съ нихъ за это либо опредѣленную работу, либо плату деньгами или продуктами. Бывало такъ, что тѣ или иные ремесленники назначались для обслуживанія сотничьяго двора высшею властью въ лицѣ полковника, избавлявшаго ихъ за это отъ другихъ повинностей. Пирятинскому сотнику Семену Вакуленку лубенскій полковникъ Марковичъ опредѣлилъ, напримѣръ, въ 1719 г. изъ числа козаковъ с. Грабаровки „для послуги“ одного портного, одного сапожника, одного кузнеца и двухъ рыбаковъ, причемъ всѣ они были освобождены отъ всякихъ повинностей, кромѣ „ралцевой и дорочной“ [2]). Но бывало и такъ, что сотникъ самъ бралъ подъ свою протекцію тѣхъ или иныхъ людей. Въ 1722 г. населеніе старо-санжаровской сотни Полтавскаго полка судилось со своимъ сотникомъ Иваномъ Тарнавскимъ. Сотникъ—жаловались, между прочимъ, старо-санжаровскіе сотняне—„цехъ рѣзницкий отъ драгунъ уволнилъ, и того ради вже пять лѣтъ в нихъ береть чорнихъ смушовъ на вѣлчуръ (шубу) по тридцять, а бѣлихъ по двадцять, и то намъ, бѣднимъ, есть убигокъ, а ему користь“ [3]). Въ концѣ концовъ Тарнавскій былъ смѣщенъ и на его мѣсто былъ назначенъ Самойло Спафарій, но уже въ 1726 г. старо-санжаровскіе сотняне жаловались, что и этотъ сотникъ оказался не лучше. Между прочимъ, по ихъ словамъ, Спафарій вскорѣ послѣ своего назначенія сталъ, подобно Тарнавскому, держать рѣзницкій и бондарскій цехи на чиншѣ, освободивъ ихъ отъ содержанія великорусскихъ солдатъ и взимая за это съ перваго цеха смушки и сало, а со второго бочки. Сверхъ того,—жаловались сотняне—Спафарій, опять-таки подобно Тарнавскому, держитъ на чиншѣ двухъ козаковъ, беретъ съ нихъ „въ годъ по два солоды и зъ оныхъ пива варитъ и продаетъ“, а двухъ посполитыхъ уволилъ отъ постоя солдать и „беретъ себѣ рыбы съ нихъ по вся дни постные на потребу свою“ [4]). Старо-санжаровскіе сотники не представляли собою какого-либо рѣзкаго исключенія и такого рода порядки къ началу XVIII вѣка установились и во многихъ другихъ сотняхъ.

Значеніе этихъ порядковъ для массы населенія было тѣмъ ощу-

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ въ Кіевскомъ полку, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіев. ун-та), лл. 26—8.

[2]) Н. В. Стороженко. Семенъ Вакуленко, сотникъ пирятинскій. „Кіев. Старина“, 1891 г., № 1, с. 138.

[3]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., I, св. 1, № 28.

[4]) Тамже, св. 2. № 197.

тительнѣе, что наряду съ гетманами, полковниками и сотниками протекціантовъ скоро стали держать и другіе члены старшины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще владѣльцы имѣній, какъ свѣтскіе, такъ и духовные. При этомъ протекціанты такихъ свѣтскихъ и духовныхъ „державцевъ" нерѣдко продавали или уступали послѣднимъ свои земли и дворы. Иногда такая продажа носила фиктивный характеръ, преслѣдуя лишь цѣли освобожденія вступавшаго въ протекцію человѣка отъ „общенародныхъ повинностей", иногда же она совершалась и на самомъ дѣлѣ. Въ 1698 г., напримѣръ, нѣкій Михайло Климовичъ уступилъ свои земли и „поддался" самъ черниговскому женскому Пятницкому монастырю, выговоривъ себѣ только сумму въ 200 золотыхъ, изъ которой монахини снабжали бы его „въ нужныхъ потребахъ" [1]). Въ 1722 г. протекціантъ охочекомоннаго ротмистра Невѣровскаго, Федоръ Гора, котораго золотоношскій сотникъ сталъ было „до гражданской потягати повинности", показывалъ на слѣдствіи, что онъ „для крайнего своего убожества" дѣйствительно продалъ свой дворъ Невѣровскому за 30 золотыхъ [2]). Въ 1737 г. новгородсѣверскій житель Федоръ Дорогая Рыбка, не имѣя при старости „спокойнаго мѣста къ прожитію", упросилъ Спасскій монастырь принять его до конца жизни и за это отписалъ на монастырь свой огородъ, лѣсокъ и три нивы, обѣщая, поскольку сможетъ, „и послушаніе, къ чему опредѣлятъ, слушать" [3]). Но и тогда, когда „державца" не покупалъ земель вступавшихъ въ его протекцію людей, онъ все же пріобрѣталъ нѣкоторое право на эти земли. О размѣрахъ этого права можетъ дать понятіе хотя бы слѣдующій эпизодъ: въ 1722 г. конотопскій козакъ Никифоръ Савостьяновичъ, „зостаючій подъ протекціею велможнаго добродѣя его милости пана писаря енеральнаго" Семена Савича, продалъ за 600 р. свой хуторъ подъ с. Талалаевкой Рыхловскому монастырю, но продалъ только послѣ того, какъ Савичъ отказался самъ купить этотъ хуторъ и разрѣшилъ продать его кому угодно другому [4]).

Количество такихъ протекціантовъ, продавшихъ свои земли или — что бывало все-таки гораздо чаще — оставившихъ ихъ за собою и только жившихъ „подъ протекціей", уже въ началѣ XVIII вѣка доходило въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Малороссіи до очень внушительныхъ цифръ. Въ г. Конотопѣ, напримѣръ, въ 1711 г. насчитывалось 297 домохозяевъ-козаковъ, 300—посполи-

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/1702.

[2]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ кіев. ун-та, Переяславскій полкъ Документы Золотоношской сотни, т. I, № 71.

[3]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/2550.

[4]) Тамже, № 1616/1542.

гыхъ и 104—протекціантовъ [1]). Въ м. Седневѣ въ 1717 г., послѣ произведеннаго по приказу гетмана розыска, возвратившаго часть здѣшнихъ протекціантовъ „до тяглости мѣской", протекціантовъ у разныхъ лицъ все-таки было насчитано 83 человѣка [2]). Столь значительное количество людей, укрывавшихся подъ протекціей владѣльцевъ отъ „общенародныхъ повинностей", естественно, сильно увеличивало тяжесть этихъ повинностей для остального населенія. Подъ вліяніемъ жалобъ послѣдняго гетманское правительство съ начала XVIII вѣка стало принимать нѣкоторыя мѣры къ сокращенію числа протекціантовъ, но мѣры эти не отличались большой рѣшительностью и не имѣли серьезнаго успѣха.

Въ 1706 г. гетманъ Мазепа, по жалобѣ борзенскихъ мѣщанъ, что многіе посполитые г. Борзны и с. Красиловки укрываются отъ общихъ повинностей подъ протекціей разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ державцевъ, поручилъ спеціально отправленному имъ въ Борзну козаку наблюдать, чтобы „всѣ такіе люди отъ належащой посполитой повинности не были вольными", а въ случаѣ упорства владѣльцевъ грозилъ имъ „непоблажнымъ караньемъ". Однако уже въ 1713 г. борзенскіе мѣщане вновь жаловались гетману Скоропадскому на рядъ державцевъ, которые приняли подъ свою протекцію многихъ людей въ Борзнѣ и Красиловкѣ и защищаютъ ихъ отъ общихъ повинностей, и Скоропадскій предписалъ этимъ владѣльцамъ возвратить такихъ людей въ свободные войсковые посполитые или, по крайней мѣрѣ, не защищать ихъ отъ общихъ повинностей. Но и это распоряженіе не дало никакихъ результатовъ. Послѣ того въ 1715 г. въ Борзнѣ и Красиловкѣ по приказу гетмана произведено было слѣдствіе, по которому отъ державцевъ должны были отойти къ ратушѣ 82 хаты. Однако уже въ 1719 г. Скоропадскій констатировалъ, что это постановленіе осталось неисполненнымъ державцами, и требовалъ отъ нихъ его исполненія подъ страхомъ лишенія имѣній [3]). Такимъ образомъ три распоряженія гетманской власти на протяженіи тринадцати лѣтъ оказались безсильными сломить сопротивленіе державцевъ и вернуть протекціантовъ къ отбыванію общихъ повинностей. При такихъ условіяхъ врядъ-ли имѣло много шансовъ на успѣхъ и четвертое распоряженіе въ этомъ смыслѣ. Однако, побуждаемые жалобами населенія, и Мазепа, и Скоропадскій,—и позднѣе—Апостолъ, не принимая какихъ-либо общихъ мѣръ противъ „протекціи", въ рядѣ частныхъ случаевъ продолжали все же требовать возвращенія протекціантовъ въ ихъ прежнія группы или, по меньшей мѣрѣ,

---

[1]) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. II, сс. 213—4.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ. Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 14.130.

[3]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, Ч. 1901, сс. 243—8

отбыванія ими общихъ повинностей. Такъ, Скоропадскій въ 1713 г., по жалобѣ остерскихъ мѣщанъ на монаховъ, имѣвшихъ мельницы около Остра и привлекавшихъ свободныхъ посполитыхъ въ свои протекцію, предписалъ этимъ монахамъ уступить своихъ протекціантовъ городу [1]). Точно также гетманъ Апостолъ, когда въ 1729 г. войтъ съ мѣщанами г. Мены жаловались ему, что „города ихъ Мени многие мѣщане, ухиляючись од повинностей градскихъ, самоволно нѣкоторимъ духовнимъ и свѣцкимъ владѣльцамъ повдавалися под протекцѣю и, живучи в ихъ владѣлческихъ хатахъ, свободно грунтами оставшимися владѣютъ, з которихъ грунтовъ, щитячися (защищаясь) протекцѣею, жадного помоществованія ни в какихъ шарваркахъ (работахъ) и в дачи на консистентовъ надлежащого не чинятъ", благодаря чему остальные мѣщане „в немалую пришли скудость и убожество", потребовалъ, чтобы эти протекціанты съ своихъ земель „отбували градскую належитость или живучи в протекцияхъ владѣлцовъ, до тихъ своихъ грунтовъ не интересовалися" [2]).

Въ большинствѣ случаевъ однако такія частныя мѣры давали очень скромные результаты, а то и вовсе не давали никакихъ, и владѣльческіе протекціанты благополучно просуществовали до половины XVIII вѣка. Еще въ 1750 г. сребрянскій сотникъ Тропина сообщалъ прилуцкой полковой канцеляріи, что въ его сотнѣ многіе козаки и посполитые вписались подъ протекцію родственниковъ гетмана, бунчуковыхъ товарищей Ефима Дарагана, Ѳедора Демьяновича и Осипа Закревскаго, ни въ чемъ его, сотника, не слушаются и ни въ службѣ, ни въ общенародныхъ повинностяхъ не хотятъ участвовать. Полковая канцелярія требовала, чтобы сотникъ привелъ непокорныхъ къ послушанію хотя бы силой, но Тропина отвѣчалъ, что употребить силу онъ не имѣетъ возможности, благодаря большому количеству вписывающихся въ протекціанты и сильному броженію среди остальныхъ козаковъ, а увѣщаній протекціанты не слушаются, заявляя: „сіе сотенная старшина сами, что хотѣли, написали, а указу такого не маютъ, а мы уже службу служили Богу и государю, а теперь не будемъ, знаемъ уже одного пана". Къ тому же—прибавлялъ Тропина—въ сотнѣ разъѣзжаютъ слуги Ѳедора Демьяновича, записывая за деньги всѣхъ желающихъ въ его протекціанты и выдавая имъ „освободительныя письма" за его печатью. Генеральная канцелярія, къ которой обратилась полковая, съ своей стороны подтвердила необходимость привлечь вписавшихся въ протекціанты къ отбыванію службы и

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та), Документы, лл. 50—1.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 4.552, л. 49.

повинностей хотя бы силою и вмѣстѣ съ тѣмъ вытребовала тѣхъ изъ протекціантовъ, которые были замѣчены въ произнесеніи „важныхъ“ словъ. Одинъ изъ этихъ протекціантовъ, принесшій сознаніе, былъ наказанъ кіями, другіе отправлены на розыскъ въ полковую канцелярію. Но бунчуковыхъ товарищей и ихъ слугъ власти не потревожили [1]).

Впрочемъ, уже въ слѣдующемъ году состоялось уничтоженіе протекціантовъ. „Вѣдомо намъ учинилось,—писалъ гетманъ Разумовскій въ универсалѣ 27 іюня 1751 г., обращенномъ къ полковникамъ, — что въ нѣкоторихъ малороссійскихъ полкахъ между гетманствомъ разние чины поприсвоили к себѣ и взяли под владѣніе свое з купечества и мѣщанства по городамъ, городкамъ и мѣстечкамъ и из козаковъ по разнымъ мѣстамъ и подавали имъ свои охранителние писма, а в свободнихъ селахъ и деревняхъ посполитие обивателѣ [которие в нашей волѣ и повелѣніи быть должны], ухиляясь отъ общенароднихъ повинностей, к такимъ же присовокупились персонамъ и въ протекціи ихъ защищаются безъ всякой к нимъ правилной принадлежности и безъ всякаго дозволенія и опредѣленія вишшей правящей власти; того ради вамъ симъ унѣверсаломъ приказуемъ, дабы вы въ городахъ, городкахъ и мѣстечкахъ, такожъ въ свободныхъ селахъ и деревняхъ велѣли справиться по предписанному и гдѣ такие, какъ упомянуто више, присвоенние и завладѣнніе самоволно изъ мѣщанъ, купечества, козаковъ и посполитихъ сищутся без дачи и указного опредѣленія, такихъ всѣхъ заразъ возвратить въ прежние ихъ мѣста и впредь такихъ самоволнихъ поступковъ чинить не допускать, опасаясь отвѣта и штрафа за несмотрение, имѣющіеся же у такихъ завладѣннихъ партикулярние отъ владѣлцовъ защитителніе писма, тотъ часъ отобравъ самие подлинние, к нашему усмотрению прислать немедленно въ генералную войсковую канцелярію“ [2]).

Оффиціально группа протекціантовъ была такимъ образомъ уничтожена. Но на дѣлѣ это уничтоженіе получило, конечно, не совсѣмъ тотъ, или, вѣрнѣе, совсѣмъ не тотъ характеръ, какой былъ намѣченъ для него въ универсалѣ Разумовскаго. Передѣлывать сдѣланное уже исторіей дѣло было слишкомъ трудно, да у малорусскихъ полковниковъ и старшины не было и желанія заниматься такой передѣлкой и вновь выпускать изъ своей власти однажды захваченныхъ въ нее людей. И на дѣлѣ универсалъ Разумовскаго явился только послѣднимъ этапомъ въ долгой исторіи протекціантовъ, этапомъ, нимало не противорѣчившимъ тѣмъ,

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 4, св. 3, № 37.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 18.538.

которые ему предшествовали. Уничтоженнымъ въ результатѣ этого универсала оказалось только имя протекціантовъ, а сами они, за исключеніемъ лишь очень немногихъ, успѣвшихъ путемъ большихъ усилій выбиться обратно въ козачество, были попросту причислены къ владѣльческимъ посполитымъ, къ которымъ они все время приближались.

Въ значительной мѣрѣ эту судьбу съ протекціантами раздѣлила и другая, близкая къ нимъ, группа населенія—подсусѣдки. Но на этой группѣ и ея судьбѣ намъ надо остановиться особо.

В. Мякотинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Глухія ночи отданы безсонницѣ и скукѣ,
И шорохамъ пугающимъ, и вкрадчивому смѣху,
Какъ будто шарятъ въ сумеркахъ искривленныя руки,
И сдавятъ, и замучаютъ кому-то на потѣху.
Мнѣ чудится давно уже при лампѣ желтоокой
Одинъ сижу я съ книгою раскрытой и забытой.
И никогда не кончится томленье одинокой,
Печальной ночи августа за окнами разлитой.
Все стонутъ въ дальнихъ комнатахъ сухія полови.
Все гдѣ-то мыши возятся. Однѣ и тѣ же ночи,
Однѣ и тѣ же старыя, истертыя страницы,
А время все торопится, а годы все короче
Летятъ, мелькая сѣрыми, безрадостными днями,
Текутъ часами сонными, лѣниво, какъ въ разлукѣ,
И шепчется безсонница съ печальными ночами,
И тянетъ къ сердцу жадныя, искривленныя руки.

Е. Федорова.

ИЗЪ АНГЛІИ.

Ирландская драма.

(Окончаніе).

VI.

Мы видѣли уже, что возстаніе шинъ-фейнистовъ означало также бунтъ крайнихъ націоналистовъ противъ ирландской парламентской партіи. Когда начался мятежъ, онъ былъ осужденъ вождемъ ея—Редмондомъ. Надо знать, что въ Соединенныхъ Штатахъ живутъ милліоны ирландцевъ, поддерживавшихъ и поддерживающихъ свою старую родину въ борьбѣ за самоуправленіе. Передъ нами любопытный парадоксъ. Ни въ одной странѣ, кромѣ развѣ Россіи, нѣтъ такой отчаянной борьбы между секціями, фракціями и группами одной и той же партіи, какую мы наблюдаемъ въ Ирландіи. Здѣсь одна фракція предаетъ проклятію другую и провозглашаетъ ее измѣнниками общему дѣлу изъ-за расхожденія во взглядахъ относительно формулировки какого-нибудь пункта общей программы Въ то же время нигдѣ нѣтъ такой партійной дисциплины, какъ въ Ирландіи. Когда возникаетъ какое-нибудь новое явленіе въ политической жизни старой родины, ирландцы въ Америкѣ, вмѣсто того, чтобы самимъ разобраться въ немъ, обращаются съ запросомъ къ вождю— Редмонду, чтобы онъ далъ имъ указанія. То же было, когда начался мятежъ въ Дублинѣ. Приведу выдержки изъ „разъясненія“ для ирланцевъ въ Америкѣ, даннаго Редмондомъ на третій день послѣ начала возстанія. „Когда я впервые услыхалъ про это безумное движеніе, мною овладѣли ужасъ, уныніе, почти отчаяніе,— сказалъ старый вождь.—Я задавалъ себѣ вопросъ: неужели и теперь, какъ случалось часто въ полной трагизма исторіи Ирландіи, кубокъ свободы будетъ вырванъ у Эрина въ послѣдній моментъ? Неужели безуміе небольшой группы населенія снова превратитъ блестящую побѣду въ пораженіе? Неужели какъ разъ въ тотъ мо-

ментъ, когда Ирландія самоопредѣляется, она будетъ отброшена далеко назадъ, къ годамъ рабства?“ Редмондъ указываетъ дальше, какъ за послѣднія сорокъ лѣтъ, вслѣдствіе рѣшенія бороться конституціонными средствами, Ирландія, почти безъ всякихъ задержекъ, побѣдно подвигалась впередъ отъ нищенства и рабства къ благоденствію и свободѣ. Ирландскій народъ получилъ обратно землю; переселенческое движеніе изъ Ирландіи въ Америку остановилось; началась эра національнаго благоденствія. И, наконецъ, удалось провести законъ о гомрулѣ. Такимъ образомъ—по выраженію Редмонда—Ирландія получила величайшую, послѣ граттановскаго парламента, хартію свободы. Вождь указываетъ дальше, что надежды, возложенныя шинъ-фейнистами на Германію, какъ на освободительницу, совершенно призрачны. До сихъ поръ Германія проявила свою дѣятельность только, какъ угнетательница маленькихъ національностей, ихъ свободы и языка. Однимъ словомъ, Германія желѣзной рукой давила все то, для достиженія чего Ирландія боролась много вѣковъ. Редмондъ напоминаетъ американскимъ соотечественникамъ про судьбу Бельгіи. „Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о принципѣ. Будемъ разсматривать дѣло только съ точки зрѣнія выгоды самой Ирландіи. Что же намъ подсказываетъ подобное отношеніе къ драмѣ, развертывающейся теперь въ Европѣ? Нейтралитетъ? Нѣтъ, мы не можемъ быть нейтральны. Еще менѣе допустимо враждебное отношеніе со стороны Ирландіи къ тому дѣлу, за которое борятся теперь союзныя государства,—продолжаетъ Редмондъ.—Выступленіе Ирландіи, какъ союзницы Германіи, означало бы, что всѣ вольности Эрина, добытыя съ такимъ трудомъ, были бы потоплены въ крови“. Вождь указываетъ, что Ирландія добилась гомруля не при помощи шинъфейнистовъ, а не смотря на оппозицію ихъ. „Вредное возстаніе теперь является ихъ послѣднимъ ударомъ, нанесеннымъ гомрулю. Мятежъ является не столько измѣной дѣлу, за которое сражаются Франція и Англія, сколько предательствомъ по отношенію къ гомрулю. Ударъ, направленный противъ гомруля, тѣмъ болѣе преступенъ, что Германія его задумала, Германія его подготовила и Германія дала деньги для его осуществленія“. Редмондъ жалѣетъ о „безумныхъ и ослѣпленныхъ молодыхъ людяхъ, принявшихъ участіе въ возстаніи“. Искренность ихъ доказывается тѣмъ, что они рисковали своею жизнью и потеряли ее... Редмондъ не находитъ словъ для осужденія тѣхъ людей, которые, „пославъ молодежь на безумное—анти-патріотическое дѣло, сами остались въ Соединенныхъ Штатахъ“. Редмондъ, конечно, имѣетъ въ виду, прежде всего, Джима Ларкина. „Я глубоко убѣжденъ, что безумное возстаніе, вредное для свободы Ирландіи, кончится неудачей,—заканчиваетъ Редмондъ.—Подавляющее большинство населенія Ирландіи сохраняетъ свое спокойствіе и единство. Они съ ужасомъ

относятся къ нападенію на ихъ интересы, права, надежды и принципы. Повстанцамъ не удастся уничтожить гомруль" [1]).

Затѣмъ, когда возстаніе было уже подавлено, вся парламентская ирландская партія выпустила манифестъ, въ которомъ она выразила свое отношеніе къ революціонному движенію. Партія настоятельно совѣтуетъ Ирландіи бороться только конституціонными средствами, покуда это возможно. Документъ этотъ очень любопытенъ, такъ какъ онъ въ значительной степени помогаетъ намъ разобраться въ ирландской драмѣ. Парламентская ирландская партія указываетъ на то, что „новая трагическая страница прибавилась къ кровавой исторіи Эрина". „Дублинъ сдѣлался ареной безумной и неудачной попытки произвести революцію... Ирландія была провоцирована подобнымъ же незаконнымъ, революціоннымъ движеніемъ на сѣверѣ [2]), поддержаннымъ до войны одно время частью арміи. Отвѣтственность за Дублинскую драму падаетъ въ значительной степени на вождей революціоннаго движенія... Теперь Ирландія приведена въ ужасъ рядомъ казней, послѣдовавшихъ по приговору военно-полевого суда. Но правда также и то, что, не смотря на все провоцированіе и на негодованіе, произведенное казнями, ирландскій народъ, не колеблясь, осуждаетъ возстаніе въ Дублинѣ, какъ опасный ударъ, нанесенный надеждамъ Эрина". Составители „манифеста" указываютъ на другіе, болѣе вѣрные, чѣмъ возстаніе, способы борьбы за національную свободу. „Мы должны ясно выяснить нашу точку зрѣнія. Если мы отречемся отъ конституціоннаго движенія, поддерживаемаго теперь подавляющимъ большинствомъ ирландскаго народа, то передъ нами будетъ только рядъ неудачныхъ революціонныхъ возстаній, могущихъ повести лишь къ анархіи". „Не впервые предлагаемъ мы ирландскому народу эту альтернативу,—читаемъ мы дальше въ манифестѣ.—За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ моментовъ, Ирландія всегда боролась конституціонными средствами". Парламентская партія напоминаетъ, какъ Исаакъ Бётъ, послѣ неудачнаго революціоннаго движенія въ шестидесятыхъ годахъ, объяснилъ ирландскому народу, что конституціонное движеніе—единственно вѣрный методъ для достиженія правъ и вольностей. Парнелль держался той же тактики. До сихъ поръ ирландскій народъ никогда не выражалъ сомнѣнія въ правильности избраннаго метода борьбы.

„Каково было положеніе Ирландіи тогда, когда она, по совѣту Бёта и Парнелля, усвоила конституціонный методъ борьбы?—читаемъ мы дальше въ манифестѣ.—Земельная система тогда лежала въ основѣ всего ирландскаго вопроса. Арендаторы являлись жертвами, изъ которыхъ выжимали чрезмѣрно высокую плату. И, когда

[1]) Times, April 30, 1916.
[2]) Т. е. въ Ольстерѣ.

фермеры не были въ состояніи платить эту ренту, ихъ изгоняли. Отливъ молодежи въ Америку шелъ безпрерывно. Такимъ образомъ Ирландія подвергалась кровопусканію изъ всѣхъ артерій Сельская Ирландія представляла міру картину націи въ руинахъ Въ деревняхъ наблюдатели видѣли жалкія мурьи, слѣпленныя изъ грязи, да вѣчно голодное населеніе, покрытое лохмотьями. Надъ этимъ населеніемъ, какъ мечъ Дамокла, тяготѣла власть лендлорда. Сельскіе рабочіе находились въ еще болѣе отчаянномъ положеніи, чѣмъ ирландскіе крестьяне. Они помѣщались въ мурьяхъ, непригодныхъ даже для домашнихъ животныхъ, получали жалкую плату и не имѣли никакого будущаго передъ собою. Что же касается высшаго идеала Ирландіи, т. е. признанія ея отдѣльной національностью черезъ посредство отдѣльнаго парламента въ Дублинѣ, то онъ казался совершенно недостижимымъ". Бётъ и Парнелль убѣдили ирландцевъ, что конституціонное движеніе и организаціи, созданныя ими, представляютъ собою достаточно сильное оружіе для завоеванія всего необходимаго. Организаціи, созданныя этими вождями, формулировали въ своихъ программахъ необходимыя реформы.

Когда была разгромлена Земельная Лига, возникла Національная Лига, выставившая на конгрессѣ, состоявшемся 17 октября 1882 г. въ Дублинѣ, такую программу:

1, Національное самоуправленіе.

2. Земельная реформа.

3. Мѣстное самоуправленіе.

4. Расширеніе парламентскаго и муниципальнаго избирательнаго права.

5. Развитіе ирландской промышленности.

Вся программа эта полностью осуществлена. Побѣды были выиграны въ парламентѣ. Чрезмѣрныя ренты, изгнанія и даже въ значительной степени самъ лендлордъ отошли теперь въ Ирландіи въ область преданій. Двѣ трети всей земли сдѣлались достояніемъ фермеровъ. Остальная треть земли тоже скоро перейдетъ къ крестьянамъ. Теперь владѣніе землей въ Ирландіи болѣе прочно, чѣмъ когда-либо въ исторіи острова. Всюду въ Ирландіи графскіе совѣты выстроили безчисленные коттеджи, которые сдаются, вмѣстѣ съ клочкомъ земли, за умѣренную плату сельскимъ рабочимъ. Сравнительно недавно никто въ Европѣ не питался, не одѣвался и не жилъ такъ скверно, какъ ирландскій сельскій рабочій. Теперь же, по утвержденію составителей манифеста (и это утвержденіе можетъ быть подтверждено всѣми, знающими Ирландію), въ Европѣ нѣтъ другихъ сельскихъ рабочихъ, которые питались бы такъ сытно, одѣвались бы такъ тепло и жили бы въ такихъ удобныхъ коттеджахъ, какъ ихъ ирландскіе собратья. Луга выкуплены у помѣщиковъ, раздѣлены на участки и переданы крестьянамъ. Вмѣсто избушекъ, слѣпленныхъ изъ грязи, теперь всюду простор-

ные коттеджи, крытые аспидомъ. Такова картина, представляемая теперь сѣверо-западными, западными и южными графствами, т. е. тѣми, гдѣ недавно еще царила лютая нищета. Прежде передъ изгнанными фермерами была такая альтернатива: рабочій домъ или эмиграція. Теперь почти всѣ они получили обратно свои земельные участки. Ирландія имѣетъ теперь совершенную систему мѣстнаго самоуправленія. Вліяніе лендлорда всюду исчезло. Въ графскихъ совѣтахъ всюду само населеніе выбираетъ предсѣдателей. Избирательные законы демократизированы и, такимъ образомъ, графскіе и муниципальные совѣты, и также, конечно, парламентская партія отражаютъ дѣйствительное настроеніе страны. Парламентская ирландская партія поддерживала англійскія партіи, боровшіяся противъ „системы выжиманія пота" и отстаивавшія права трэдъ-юніоновъ. Такимъ образомъ рабочіе въ Ирландіи получили всѣ тѣ новыя права, что и ихъ товарищи въ Англіи.

Путемъ парламентской борьбы осуществлены въ Ирландіи важныя реформы въ сферѣ народнаго образованія. Ирландія получила національный университетъ. „Впервые въ исторіи Ирландіи сыновья католиковъ могутъ достигать высшихъ завоеваній въ сферѣ знанія",—говоритъ манифестъ. Важныя реформы были произведены въ низшемъ и среднемъ образованіи.

Квартиронаниматели въ ирландскихъ городахъ находятся теперь въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ въ Англіи, т. е. ихъ права лучше ограждены закономъ. Дѣйствіе законовъ о пенсіи для стариковъ и о государственномъ страхованіи распространено и на Ирландію.

Въ манифестѣ дальше отмѣчается, что ирландская парламентская партія осуществила „высшія заданія каждаго національнаго движенія со времени уничтоженія граттановскаго парламента": гомруль сталъ закономъ. „Если борьба конституціонными средствами такъ побѣдоносно оправдала себя; если, съ другой стороны, каждое революціонное движеніе кончалось катастрофой и съ самаго начала обречено было на гибель,—то не абсолютно ли правы мы, настоятельно совѣтуя ирландскому народу стоять за первый способъ борьбы? Всѣ факты даютъ намъ право требовать отъ вождей ирландскаго народа, чтобы они указывали своимъ послѣдователямъ только на конституціонные способы борьбы,—докуда они возможны",—читаемъ мы въ манифестѣ, заканчивающемся суровыми осужденіями возстанія. Парламентская партія говоритъ дальше, что, если ирландскій народъ согласенъ съ ней, онъ долженъ поддержать ее теперь.

Вначалѣ не было никакого сомнѣнія въ томъ, что подавляющее большинство ирландскаго народа вполнѣ соглашалось съ парламентской партіей и относилось совершенно отрицательно къ возстанію. Офицеръ, дневникомъ котораго я пользовался въ прошломъ письмѣ, отмѣчаетъ что горожане сердечно встрѣчали въ Дублинѣ

солдатъ, приносили имъ пищу, фрукты и по возможности помогали войскамъ. Вотъ еще фактъ, свидѣтельствующій о лойяльности ирландцевъ. Джонъ Редмондъ прочиталъ въ парламентѣ письмо, полученное съ фронта отъ брата вождя—Вильяма Редмонда, тоже—коммонера, служащаго теперь офицеромъ въ одномъ изъ ирландскихъ полковъ. Тамъ, гдѣ находится теперь Вильямъ Редмондъ, германскія и англійскія траншеи раздѣлены только узкой полосой. И вотъ, когда начался въ Дублинѣ мятежъ, надъ германскими траншеями появились доски съ прокламаціями такого рода: „Ирландцы! Усмиряя ирландскихъ революціонеровъ, англичане стрѣляли изъ пушекъ въ вашихъ женъ и дѣтей. Законопроектъ о воинской повинности отклоненъ. Сэръ Роджеръ Кэйзементъ преданъ суду. Бросайте же оружіе. Мы встрѣтимъ васъ братски. Мы саксонцы. Если вы не будете стрѣлять, мы сдѣлаемъ то же самое. Ирландцы! Не забудьте же, что въ настоящій моментъ англійскія пушки убиваютъ вашихъ женъ и дѣтей".

Ирландцы отвѣтили на это пѣніемъ „Rule Britannia". Итакъ, когда начался мятежъ, онъ былъ осужденъ подавляющимъ большинствомъ населенія, проявившимъ свою лойяльность. Но отношеніе къ участникамъ мятежа измѣнилось, когда выяснилось, что старинное изреченіе inter arma leges silent, къ несчастью — справедливо всюду.

VII.

Къ концу пасхальной недѣли, какъ я сказалъ въ прошломъ письмѣ, дублинскій мятежъ былъ подавленъ. Гражданскій законъ со всѣми его гарантіями для личности уступилъ мѣсто законамъ военнаго времени и началась расправа съ постанцами. Суровость по отношенію къ участникамъ мятежа, которая должна была произвести устрашающее дѣйствіе, превратила враждебное настроеніе у населенія въ жалость къ наказаннымъ. — „Около трехъ тысячъ повстанцевъ находится теперь въ тюрьмѣ. Многіе изъ нихъ перевезены уже въ Англію, — писалъ спеціальный корреспондентъ Daily Chronicle.—Мнѣ говорили, что мятежниковъ въ началѣ возстанія было до пятнадцати тысячъ человѣкъ. Многіе повстанцы скрылись, переодѣвшись въ штатское платье. Теперь они спокойно ходятъ по городу, увѣренные, что никто изъ ирландцевъ не выдастъ ихъ. Къ концу третьяго дня мятежа сражалось уже не больше 5.000 шинъ-фейнистовъ". „Когда я пишу это письмо, — говоритъ спеціальный корреспондентъ Manchester Guardian — у меня подъ окномъ, по направленію къ Дублинскому замку, тянутся фургоны, нагруженные оружіемъ, отнятымъ у повстанцевъ. Тянутся въ тюрьму отряды грязныхъ, нечесанныхъ инсургентовъ, которыхъ ведутъ англійскіе солдаты съ примкнутыми штыками. Пол часа тому назадъ я встрѣтилъ такой отрядъ, угрюмо проходившій

по улицѣ, ведущей къ тюрьмѣ. Тутъ были люди всѣхъ возрастовъ и всѣхъ классовъ. Изъ ста арестованныхъ не больше двадцати носили темнозеленый мундиръ и широкополыя шляпы шинъ-фейнистовъ. Я замѣтилъ среди арестованныхъ сѣдоволосаго, тщательно одѣтаго старика, презрительно глядѣвшаго сквозь золотые очки на зрителей и на стражу. Около десяти плѣнныхъ были ранены и наскоро перевязаны. Перевязки были почти черны отъ грязи. На кандалахъ видны были слѣды просочившейся крови. Всѣ арестованные, повидимому, находились въ послѣдней степени истощенія. Щеки у нихъ впали; подъ глазами образовались черныя подпалины. Видъ у всѣхъ былъ такой, будто они не спали уже нѣсколько ночей. Но въ то же время ни у кого изъ плѣнныхъ не было удрученнаго вида. Они шли въ ногу. Арестованные смѣло смотрѣли впередъ. Я замѣтилъ среди нихъ знакомаго поэта, извѣстнаго шинъ-фейниста. Онъ потерялъ шляпу, и вѣтеръ развѣвалъ его длинные каштановые волосы. Черезъ плечо у него висѣло свернутое на военный манеръ одѣяло". Корреспондентъ Manchester Guardian отмѣчаетъ безразличное настроеніе людей на улицѣ; онъ сообщаетъ даже, что одна старуха плюнула на плѣнныхъ и крикнула: „dirty dogs» (грязныя собаки!). Но настроеніе быстро измѣнилось въ пользу шинъ-фейнистовъ, когда начались казни. Всѣ, подписавшіе „манифестъ" объ учрежденіи Ирландской республики, были осуждены военно-полевымъ судомъ и разстрѣляны. Въ прошломъ письмѣ я пытался дать портреты этихъ вождей. Затѣмъ были разстрѣляны еще 7 или 8 человѣкъ, принимавшихъ видное участіе въ возстаніи. Нѣкоторыя казни и обстановка суда какъ будто были спеціально разсчитаны на то, чтобы поразить романтическое воображеніе ирландцевъ. Въ особенности такое впечатлѣніе произвела казнь молодаго Джозефа Пленкета, сына графа Пленкета. Юноша послѣ суда, въ ночь передъ казнью, обвѣнчался со своей невѣстой. Молодыхъ затѣмъ оставили на нѣкоторое время, а передъ разсвѣтомъ Джозефа Пленкета разстрѣляли. Приведу нѣкоторыя цифры, опредѣляющія число приговоровъ и потери во время мятежа. Къ пожизненной каторгѣ осуждены 4, къ десятилѣтней каторгѣ—21, къ восьмилѣтней—2, къ пятилѣтней—3, къ трехлѣтней—33, къ двухгодичному заключенію 2 и къ годичному 2. Остальные арестованные отвезены въ Англію, гдѣ содержатся въ концентраціонномъ лагерѣ. Во время мятежа правительственныя войска потеряли 521 чел. (124 убитыхъ, 388 раненыхъ, девять пропавшихъ безъ вѣсти). Потери другой стороны—794 человѣка; сюда входятъ не только шинъ-фейнисты, но и горожане, убитые пулями солдатъ или повстанцевъ. Потери шинъ-фейнистовъ около 500 человѣкъ, т. е. повстанцы потеряли столько же, сколько и правительственныя войска.

Нѣкоторыя подробности усмиренія глубоко потрясли не только ирландцевъ, но и англичанъ. Это относится въ особенности къ

разстрѣлу извѣстнаго ирландскаго литератора Шии Скефингтона и двухъ журналистовъ. Скефингтонъ былъ пацифистъ, рѣшительно выступавшій противъ всякаго насилія. Онъ былъ противъ возстанія. Скефингтонъ предвидѣлъ, что оно произойдетъ, и за нѣсколько недѣль написалъ объ этомъ во всѣ англійскія газеты; но ни одно изданіе не помѣстило этого письма. „Положеніе въ Ирландіи въ высшей степени серьезно,—писалъ Шии Скефингтонъ.—Вслѣдствіе молчанія ежедневной печати, военныя власти имѣютъ возможность примѣнять въ Ирландіи чисто-прусскіе методы безъ вѣдома населенія въ Англіи. И, когда провоцируемый взрывъ произойдетъ, виновники постараются свалить отвѣтственность на другихъ. Я пишу для того, чтобы предупредить взрывъ". Когда началось возстаніе въ Дублинѣ, Шии Скефингтонъ отправился расклеивать имъ же составленныя воззванія, убѣждавшія населеніе воздержаться отъ грабежа. Литераторъ былъ схваченъ не какъ революціонеръ, а какъ заложникъ. Когда Скефингтонъ находился въ казармахъ, капитанъ Баунъ-Колтхерстъ велѣлъ схватить его и еще двухъ журналистовъ—Томаса Диксона и Фреда Макъ-Интайра и разстрѣлять. Приказъ былъ исполненъ. Капитанъ былъ преданъ военному суду, во время котораго выяснился весь ужасъ положенія мирнаго обывателя, когда гражданскіе законы, охраняющіе его свободу, перестаютъ дѣйствовать. Двадцать пятаго апрѣля, т. е. на второй день мятежа, капитанъ Баунъ-Колтхерстъ находился со своимъ полкомъ въ казармахъ, куда привели Скефингтона, Диксона и Макъ-Интайра. На другой день капитанъ объявилъ свидѣтелю, тоже офицеру: „Я прикажу сейчасъ разстрѣлять трехъ плѣнныхъ. Я имѣю право поступить такимъ образомъ". Офицеръ сдѣлалъ докладъ генералу, который, по судебному отчету, и послалъ увѣдомленіе подсудимому. На судѣ не выяснилось, получилъ ли капитанъ „увѣдомленіе" генерала, что безъ суда нельзя разстрѣливать даже повстанцевъ, не только заложниковъ. Во всякомъ случаѣ капитанъ Баунъ-Колтхерстъ приказалъ вывести плѣнныхъ во дворъ, гдѣ ихъ поставили у стѣны. Затѣмъ по приказу капитана семь солдатъ зарядили ружья и дали залпъ въ плѣнныхъ на разстояніи 6 шаговъ. Когда капитанъ возвратился въ казармы, онъ указалъ майону Кимбену два мотива, почему онъ застрѣлилъ журналистовъ: 1) чтобы предупредить ихъ побѣгъ; 2) чтобы предупредить попытку къ ихъ спасенію.

— Не замѣтили ли вы чего въ тѣлахъ? — спросилъ предсѣдатель суда. Свидѣтель объяснилъ, что Скефингтонъ шевелился еще, когда упалъ. Узнавъ про это, обвиняемый отдалъ приказъ „прикончить" писателя. Товарищи офицеры, давая показанія, указывали, что обвиняемый всегда поражалъ ихъ „эксцентричностью". По показанію генералъ-майора Берда, подсудимый извѣстенъ ему, какъ прекрасный офицеръ, но „порою поведеніе его бываетъ очень

странно". Капитанъ Баунъ-Колтхерстъ отличился во время отступленія отъ Монса; но когда онъ возбужденъ,—прибавилъ генералъ—„то теряетъ способность различать между тѣмъ, что можно и чего нельзя". Лейтенантъ Вильсонъ показалъ, что передъ тѣмъ, какъ разстрѣлять журналистовъ, капитанъ въ его, свидѣтеля, присутствіи произнесъ такую молитву: „Господи Боже! Если Твоя воля взять жизнь этихъ людей, то прости меня Христа ради". „Капитанъ глубоко религіозный человѣкъ",—прибавилъ свидѣтель. Докторъ Робертъ Моссъ показалъ, что свидѣтельствовалъ подсудимаго 21 ноября 1914 года, когда тотъ возвратился съ фронта, гдѣ былъ серьезно раненъ. Подсудимый тогда находился въ крайнемъ нервномъ истощеніи. По всей вѣроятности, нервная прострація оставила глубокій слѣдъ,—заключилъ докторъ. Онъ свидѣтельствовалъ также капитана, когда тотъ былъ арестованъ, и нашелъ его „въ крайне возбужденномъ состояніи". Докторъ тоже говорилъ о глубокомъ религіозномъ чувствѣ капитана. Въ казармѣ тотъ все твердилъ слова изъ Библіи: „И вотъ мои враги, не желающіе признавать моей власти. Берите ихъ и истребите". Подсудимый говорилъ свидѣтелю, что имѣетъ право убивать людей, не желающихъ признать надъ собою власть короля. „Требуется ничтожная причина, чтобы вывести подсудимаго изъ состоянія душевнаго равновѣсія". Показанія доктора Мосса были подтверждены другимъ военнымъ врачомъ—Липеромъ. „Подсудимый не въ состояніи контролировать себя и, повидимому, не сознавалъ всей важности поступка, совершеннаго имъ",—показалъ докторъ Липеръ. „Бесѣдуя съ докторомъ, подсудимый привелъ стихъ изъ Евангелія отъ Луки, который, по его мнѣнію, оправдываетъ убійство, совершенное въ извѣстныхъ случаяхъ". По утвержденію эксперта, подсудимый наканунѣ полнаго душевнаго разстройства. Судъ призналъ капитана виновнымъ въ убійствѣ трехъ журналистовъ, но нашелъ, что онъ психически ненормаленъ. „Капитанъ Баунъ-Колтхерстъ, приказавшій разстрѣлять безъ суда Шии Скефингтона и двухъ другихъ дублинскихъ журналистовъ, признанъ душевнобольнымъ,—говоритъ англійская либеральная газета, обсуждая процессъ.—Каждый, слѣдившій за показаніями согласится, что другой приговоръ былъ бы невозможенъ. И тѣмъ не менѣе у всѣхъ невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ дали такому офицеру отвѣтственный постъ въ Ирландіи". „Какъ могло случиться, что подчиненные подобнаго офицера безпрекословно исполняли приказъ, зная, что онъ исходитъ отъ душевнобольного? Еще болѣе важенъ вопросъ: почему Баунъ-Колтхерстъ не былъ арестованъ немедленно послѣ убійства и почему начальники капитана на первыхъ порахъ не полюбопытствовали даже узнать, какъ званіе разстрѣлянныхъ людей". „Впечатлѣніе, произведенное убійствомъ Шии Скефингтона на ирландцевъ,—колоссально. Правильно или нѣтъ, но ирландцы полагаютъ, что случи-

лось дѣло, которое никогда не могло бы произойти въ Англіи“ [1]).

Таковы тѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ въ последнее время измѣнилось отношеніе массы въ Ирландіи къ участникамъ мятежа, хотя послѣдній, по прежнему, признается безумнымъ дѣломъ.

VIII.

Мнѣ не разъ приходилось писать объ Ирландіи на страницахъ нашего журнала. Я указывалъ уже не разъ, что въ безконечно длинномъ спискѣ суровыхъ мѣръ, придуманныхъ философами и практиками идеи государственной народности, нѣтъ ни одной, даже самой жестокой, которая не была бы испробована въ Ирландіи. Въ спискѣ испробованныхъ мѣръ мы видимъ ограниченіе въ гражданскихъ и политическихъ правахъ, закрытіе доступа въ школы, воспрещеніе цѣлаго ряда занятій, запрещеніе языка, преслѣдованіе за вѣру, поощреніе ренегатства, конфискацію земель и массовыя избіенія [2]). Всѣ эти мѣры, вмѣсто того, чтобы привести къ усмиренію Ирландіи, порождали въ ней бурныя движенія. Правительство тогда, убѣдившись, что политика „наступательнаго національизма“ порождаетъ катастрофу, отказалось отъ этой политики. И тѣмъ не менѣе каждый разъ являлись совѣтчики, рекомендовавшіе способы, абсолютный вредъ которыхъ былъ испытанъ въ Ирландіи много разъ. Такіе совѣтчики явились и теперь. „Надобна крѣпкая власть въ Ирландіи“, — говорятъ они. Какъ будто дѣятельность латниковъ Кромвеля въ XVII вѣкѣ, гановерскихъ полковъ въ XVIII вѣкѣ и констэблей, приводившихъ въ дѣйствіе исключительные законы XIX вѣка, была проявленіемъ слабой власти! „Если Ирландія нуждается въ чемъ-нибудь теперь, то не въ гомрулѣ, а въ желѣзной рукѣ“,—говорятъ совѣтчики. „Шинъ-фейнисты, большею частью, юноши, мечтатели, гоняющіеся за призракомъ, — говоритъ одинъ такой совѣтчикъ, подписавшійся псевдонимомъ „Civis“ [3]).—Они видѣли полный индиферентизмъ дублинскаго замка (т. е. администраціи) — и вывели оттуда неизбѣжное заключеніе. Они знали, что статсъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи не предприметъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Они видѣли, что центральное правительство находится всецѣло подъ пятою у Ирландской партіи и безконечно труситъ, не рѣшаясь ввести въ Ирландіи законъ о воинской повинности. Молодые шинъ-фейнисты видѣли, какъ боится правительство остановить открытую проповѣдь мятежа... Мы прямо говоримъ вотъ что: возстанія шинъ-фейнистовъ не было бы, прояви правительство рѣшительность. И, наоборотъ, мятежъ является прямымъ послѣдствіемъ

---

1) Daily News, june 12, 1916.

2) См. „Предметный урокъ“. Діонео, „Мѣняющаяся Англія“, часть II.

3) The English Review, june, 1916, стр. 535—536.

слабости правительства“... „Теперь пора сказать всю правду... Идея о гомрулѣ—химера. Отнынѣ Ирландія должна быть разсматриваема, какъ нераздѣльная часть Соединеннаго Королевства, какъ островъ, имѣющій громадное стратегическое значеніе“. Авторъ готовъ расширить немного дѣятельность графскихъ совѣтовъ въ Ирландіи, но не больше. „Споръ о гомрулѣ не можетъ быть болѣе поднятъ въ старой формѣ“. Можно подумать, что вопросъ о самоуправленіи въ Ирландіи выдвигается только по капризу какого-нибудь политическаго дѣятеля, а не самой жизнью. Каждый, сколько-нибудь знакомый съ исторіей Ирландіи, знаетъ, что вопросъ этотъ всѣми силами устранялся, и тѣмъ не менѣе жизнь оказывается сильнѣе политическихъ партій и отдѣльныхъ государственныхъ дѣятелей. „Ирландія въ административномъ отношеніи не можетъ стать отдѣльной отъ Англіи единицей... Война разрушила много иллюзій и много идоловъ. Однимъ изъ разрушенныхъ идоловъ является самоуправляющаяся Ирландія“. „Отнынѣ никогда не можетъ быть больше самостоятельной Ирландіи, какъ понимаютъ это кельты,— продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ „Civis“.— Шинъ-фейнисты доказали окончательно, что національное правительство должно быть разъ навсегда освобождено отъ диктаторства ирландской партіи. Не будь такой абсурдно-большой ирландской партіи въ парламентѣ, Асквиту никогда не пришло бы въ голову послать въ Ирландію Бирреля, создавшаго возстаніе шинъ-фейнистовъ“. Каждый, сколько-нибудь знакомый съ исторіей Ирландіи, знаетъ, что численный составъ ирландскихъ депутатовъ въ палатѣ общинъ точно опредѣленъ въ „уніи“ послѣ отмѣны граттановскаго парламента. „Отвѣтъ на вопросъ: что же дѣлать теперь? — является самъ собою, — заканчиваетъ „Civis“. — Въ Ирландіи должно быть сильное правительство. Своею слабостью Асквитъ воскресилъ ирландскій вопросъ. Теперь премьеръ долженъ или проявить силу, или уйти въ отставку и дать мѣсто сильнымъ“. „Въ Ирландію надо послать такую власть, которая помѣшала бы ей причинять какой-нибудь вредъ Англіи“, — совѣтовало Morning Post. Дублинскій англиканскій епископъ знаетъ еще болѣе простой способъ для усмиренія Ирландіи. „Военный законъ является единственной охраной жизни и собственности... Опасность новаго возстанія можетъ быть предупреждена только принятіемъ самыхъ суровыхъ мѣръ (by the adoption of the sternest measures). Теперь не время для амнистій и для прощенія. Теперь надо наказывать, быстро и рѣшительно“ [1]).

Подобные совѣты представляли собою однако единичное явленіе, такъ какъ преобладали все же голоса благоразумныхъ людей. „Возстаніе, къ счастью, кончено,—сказалъ Редмондъ въ палатѣ общинъ.—

---

[1]) Irish Times, May 4, 1916.

Оно было подавлено рѣшительной рукой. Дѣйствовать такимъ образомъ было не только правомъ, но и обязанностью государства. Но такъ какъ мятежъ кончился, то я прошу правительство, чтобы оно не проявляло излишней суровости по отношенію къ рядовымъ повстанцамъ. Пусть къ ужасамъ, которыхъ и безъ того много въ памяти ирландцевъ, не прибавятся теперь еще новые ужасы. Пусть правительство проявитъ по отношенію къ шинъ-фейнистамъ такую же мягкость, какую проявилъ генералъ Бота по отношенію къ Дэвету и къ товарищамъ его. Такимъ образомъ будетъ проложенъ путь къ примиренію и забвенію. Гуманное отношеніе къ участникамъ подавленнаго мятежа поведетъ въ концѣ концовъ къ укрѣпленію имперіи"[1]).

За гуманное отношеніе къ участникамъ разгромленнаго движенія высказался и сэръ Эдуардъ Карсонъ. Гораздо болѣе опредѣленно высказался лордъ Брайсъ, хорошо извѣстный у насъ своимъ трудомъ объ американской демократіи. „Жившіе въ Ирландіи и изучавшіе ея исторію знаютъ, что излишняя суровость при подавленіи революціоннаго движенія провоцировала всегда тамъ еще болѣе интенсивное движеніе. Напомню читателямъ схему каждаго земельнаго движенія въ Ирландіи, покуда вопросъ этотъ не былъ разрѣшенъ окончательно. Въ основѣ всѣхъ прежнихъ движеній въ Ирландіи былъ земельный вопросъ. Попытки покончить съ земельной проблемой переживали правильный циклъ опредѣленныхъ фазисовъ: 1) какія-нибудь необычайныя причины, какъ, напримѣръ, голодъ, создавали аграрное движеніе среди крестьянъ; 2) они требовали отмѣны старой системы земельныхъ отношеній; 3) правительство, подстрекаемое лэндлордами, отвѣчало рѣшительнымъ „никогда" и для усмиренія движенія издавало спеціальные законы объ охранѣ, Coercion Acts; 4) движеніе тогда не только не уменьшалось, но принимало бурный, стихійный характеръ; Coercion Acts вызывали убійства, пожары, калѣченье скота, бойкотъ и пр.; 5) правительство уступало и издавало какой-нибудь земельный билль для Ирландіи. Но такъ такъ уступка дѣлалась крайне неохотно и такъ какъ недовольные землевладѣльцы оказывали постоянное давленіе на правительство, то реформы являлись всегда только полумѣрой и немного улучшали положеніе дѣлъ. Полумѣра не успокаивала движеніе въ Ирландіи, которое послѣ нѣкотораго перерыва снова начиналось, такъ какъ продолжали существовать создавшія его причины. Тогда намѣченный циклъ повторялся съ удивительной правильностью"[2]). Изъ этой схемы видно, что суровыя наказанія *никогда* не останавливали движенія, покуда остава-

---

[1]) Отчетъ о засѣданіи парламента 3 мая 1916 года.
[2]) „Ирландскій Ледоходъ". Діонео, „Англійскіе силуэты", стр. 327.

лись причины, порождавшія движеніе. Схема эта полностью примѣнима не только къ аграрнымъ движеніямъ въ Ирландіи.

Англійскія газеты въ особенности предупреждали правительство противъ широкаго пользованія казнями. „Противъ разстрѣла трехъ вождей ирландскаго мятежа, подписавшихъ манифестъ объ учрежденіи республики, ничего нельзя сказать, — писало Daily Chronicle. — Мы ничего не можемъ сказать также противъ той твердости, которую проявилъ генералъ Максуэль при подавленіи мятежа въ Дублинѣ. Но новые разстрѣлы заставляютъ людей, знающихъ исторію Ирландіи, тревожно глядѣть на будущее... Защитники смертной казни по отношенію къ мятежникамъ утверждаютъ, что она будто бы дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ и тѣмъ предупреждаетъ возможныя возстанія. Противники же этой мѣры указываютъ на то, что казнь окружаетъ заурядныхъ людей ореоломъ мученичества и такимъ образомъ ставитъ ихъ на пьедесталъ. Недовольство ирландцевъ поддерживалось, между прочимъ, воспоминаніемъ о суровыхъ наказаніяхъ, наложенныхъ на мятежниковъ". Газета доказываетъ, что съ государственной точки зрѣнія политическія казни въ Ирландіи *невыгодны*, и полагаетъ, что милостивое отношеніе къ побѣжденнымъ повстанцамъ принесетъ неизмѣримо лучшіе плоды. „Успѣхъ замиренія Ирландіи зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, какъ правительство поступитъ съ побѣжденными мятежниками, — говоритъ другая либеральная газета...—Политика мщенія не можетъ быть ничѣмъ оправдана... Неблагоразумные совѣтчики рекомендуютъ теперь казни, которыя канонизируютъ повстанцевъ въ глазахъ населенія" [1]). Daily News, какъ и Daily Chronicle, какъ и Редмондъ, указываетъ на то, какъ поступилъ генералъ Бота послѣ усмиренія мятежа въ Южной Африкѣ. Крайне интересны наблюденія, сдѣланныя въ Дублинѣ спеціальнымъ корреспондентомъ Daily News. „Лучшая часть Дублина представляетъ такую же картину разрушенія, какъ Ипръ или Реймсъ, — говоритъ онъ. — Это — результатъ бомбардировки и пожаровъ, явившихся послѣдствіемъ обстрѣла города изъ пушекъ. Въ этомъ городѣ, неизвѣстно гдѣ, тайно засѣдаетъ военно-полевой судъ. Весь Дублинъ находится во власти военнаго губернатора. Остальная Ирландія находится во власти другого губернатора. Никто не можетъ выйти на улицу безъ спеціальнаго разрѣшенія отъ военнаго прокурора. Населеніе Дублина знаетъ, что гдѣ-то военно-полевой судъ постановляетъ приговоры, и оно каждое утро раскрываетъ газеты, чтобы узнать о числѣ жертвъ". Корреспондентъ принимаетъ за отправной пунктъ такой же тезисъ, какъ и тѣ лица, мнѣніе которыхъ я приводилъ выше: при подавленіи мятежа необходима „твердость". Это дѣло военныхъ властей. Но какъ только возстаніе подавлено, законъ

[1]) Daily News, May 9, 1916.

военнаго времени долженъ уступить мѣсто обычному закону. И если съ этой смѣной медлятъ, то страдаетъ государство. Именно это, по мнѣнію корреспондента, случилось въ Дублинѣ, гдѣ населеніе сперва было настроено противъ шинъ-фейнистовъ.

Приведу еще любопытное мнѣніе Бернарда Шоу относительно дублинской драмы. Талантливый авторъ указываетъ, что онъ не шинъ-фейнистъ, что онъ всегда считалъ это узкое націоналистическое движеніе вреднымъ для Ирландіи и поэтому боролся съ нимъ. И стремленіе Бернарда Шоу дискредитировать идеалъ шинъ-фейнистовъ привело ихъ въ такую ярость, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ ирландскіе націоналисты въ Америкѣ устроили погромъ въ театрѣ, гдѣ ставилась пьеса „Другой островъ Джона Буля". „Я употреблялъ все мое вліяніе и всѣ литературныя способности на то, чтобы осмѣять идеалъ шинъ-фейнистовъ,—говоритъ Бернардъ Шоу.—Я доказывалъ, что долгомъ Ирландіи является—поддержать Францію противъ Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ; но я остаюсь ирландцемъ". И вотъ что говоритъ Бернардъ Шоу, какъ ирландецъ и какъ принципіальный противникъ шинъ-фейнистовъ: „По моему глубокому убѣжденію, захваченные и разстрѣлянные потомъ повстанцы были военно-плѣнные. Такимъ образомъ разстрѣлъ ихъ явился незаконнымъ актомъ... До тѣхъ поръ, покуда „дублинскій замокъ" не замѣненъ національнымъ парламентомъ и покуда Ирландія не пошла по доброй волѣ помогать Британской имперіи, какъ это сдѣлали Канада, Австралія, Новая Зеландія и Южная Африка,—ирландецъ, берущійся за оружіе, чтобы добиться независимости для своей страны, дѣлаетъ только то, что сдѣлалъ бы каждый англичанинъ, еслибы, къ несчастью, его родина была завоевана германцами". По мнѣнію Бернарда Шоу, борющійся за свободу своей страны имѣетъ моральное право искать союзниковъ, гдѣ только возможно. Авторъ указываетъ дальше, что казни не могутъ произвести того впечатлѣнія, на которое разсчитывали подавлявшіе мятежъ. Борецъ за идеалъ, хотя бы и вредный для страны, всегда вызываетъ въ зрителяхъ извѣстное уваженіе. Оно увеличивается, когда всѣмъ ясно, что борецъ сознаетъ, что побѣдитель не пощадитъ его. „Вслѣдствіе этого совершенно невозможно убить человѣка, не сдѣлавъ изъ него мученика. Неизвѣстный, третьестепенный поэтъ, вслѣдствіе трагической смерти, постигшей его, дойдетъ до потомства въ Ирландіи, какъ Эмметъ, или какъ въ Европѣ люди, погибшіе за свободу Бельгіи или Сербіи".

XI.

Бернардъ Шоу затрагиваетъ здѣсь въ высшей степени важный вопросъ, который былъ поставленъ въ Англіи еще въ 1819 году: вопросъ о томъ, цѣлесообразна ли смертная казнь и *выгодна ли* она для общества? Въ 1819 году парламентъ назначилъ особую

коммиссію для изслѣдованія вопроса, можно ли замѣнить во многихъ случаяхъ смертную казнь болѣе мягкимъ наказаніемъ. Предо мною показанія, данныя передъ этой коммиссіей ольдерменомъ Хармеромъ, адвокатомъ по профессіи, сдѣлавшимъ безчисленныя наблюденія надъ преступниками, осужденными потомъ на казнь. И ольдерменъ Хармеръ приходитъ къ категорическому заключенію, что „смертная казнь не устрашаетъ будущихъ преступниковъ и не предупреждаетъ преступленій". „Мой опытъ, какъ адвоката, убѣдилъ меня, что смертная казнь не имѣетъ устрашающаго вліянія на воровъ [1]). Скажу больше: возможная смерть на эшафотѣ наводитъ воровъ не на размышленія, а на остроты и шутки. Между собою воры, какъ о совершенно обыкновенномъ, говорятъ: „такой-то будетъ *качаться*", „такого-то *вздернутъ*". Приближеніе позорной смерти, повидимому, нисколько не угнетаетъ осужденныхъ. Я видѣлъ, какъ легко относятся они къ своей участи. Разъ я выразилъ огорченіе кліенту, котораго присудили къ смертной казни. Участь эта ждала его на другой день. Осужденный спокойно отвѣтилъ мнѣ: „Кто играетъ въ карты, долженъ быть готовъ къ тому, что обремизится когда-нибудь". Другой осужденный въ моемъ присутствіи юмористически объяснялъ мнѣ, что онъ „дрыгнетъ только нѣсколько разъ" и потомъ все будетъ кончено. „Если мое тѣло будетъ висѣть больше часа, то, въ силу завѣщанія, мои наслѣдники привлекутъ къ суду шерифа и другое начальство",—прибавилъ осужденный. Другой осужденный въ моемъ присутствіи, наканунѣ казни, юмористически развивалъ планъ, какъ онъ „на прощаніе" на эшафотѣ дастъ палачу пинокъ ногой. Я присутствовалъ наканунѣ казни при прощаніи осужденныхъ съ друзьями. Можно было подумать, что дѣло идетъ о поѣздкѣ въ деревню. Я наблюдалъ партію осужденныхъ, которыхъ казнили ежедневно группами. То обстоятельство, что товарищей увели на эшафотъ и что, такимъ образомъ, часъ смерти приблизился, не подѣйствовало угнетающимъ образомъ на оставшихся. Они продолжали играть въ карты и шутили другъ съ другомъ. Я обращаю вниманіе коммиссіи на эти подробности, чтобы показать, какъ мало страшатся казни профессіональные воры" [2]). И если смертная казнь не можетъ дѣйствовать устрашающимъ образомъ даже на воровъ, то, конечно, представленіе о ней не остановитъ фанатиковъ какой-нибудь идеи. Это обстоятельство много разъ бывало выясняемо на разныхъ языкахъ и въ разныя времена. Я напомню одно мѣсто изъ классическаго трактата, извѣстнаго всѣмъ хотя бы по названію. „Во всѣхъ странахъ мы находимъ людей, которые, хотя и желали бы уничтоженія смертной казни, тѣмъ не менѣе страшатся, что общество погибнетъ, если эта мѣра наказанія

---

[1]) Тогда воровъ въ Англіи отправляли на висѣлицу.

[2]) „Second Report on Cruminal Law", june, 1836, pp. 80—88.

отойдетъ въ область преданій“, — говоритъ Карлъ Миттермайеръ. Авторъ дальше анализируетъ доводы, приводимые защитниками смертной казни, какъ необходимой мѣры въ исключительныхъ случаяхъ. Но для насъ особенно интересны разсужденія Карла Миттермайера о казняхъ за политическія преступленія. „Громадный шагъ впередъ былъ бы сдѣланъ съ отмѣной казни за политическія преступленія... Всѣ законодатели знаютъ, что населеніе строго отдѣляетъ политическія преступленія отъ уголовныхъ, что границы между допустимымъ и недопустимымъ въ области политики не поддаются точному опредѣленію и что самые лучшіе люди, любящіе сильнѣе, чѣмъ кто-либо, свою родину, могутъ, желая ей блага, совершить дѣянія, которыя въ глазахъ угнетателя кажутся тяжкимъ преступленіемъ. Правительства, не отступающія ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей, могутъ ссылаться на законъ необходимости; они могутъ назначать исключительные суды, чтобы добиться осужденія тѣхъ, которыхъ они страшатся. Правительства могутъ, наконецъ, не прибѣгая къ исключительнымъ судамъ, подобрать присяжныхъ и назначить раболѣпныхъ или запуганныхъ судей. Намъ не для чего напоминать про трибуналы въ Англіи и во Франціи во время революцій, выносившіе смертные приговоры и отправлявшіе на эшафотъ тысячи невинныхъ людей. Наше время—продолжаетъ Миттермайеръ — даетъ намъ многочисленные факты подобнаго же рода, которые строго будутъ осуждены потомствомъ. Въ предлогахъ для того, чтобы вынести приговоръ по политическому преступленію, никогда не будетъ недостатка. Въ моменты сильнаго возбужденія политическихъ страстей никогда не будетъ недостатка въ людяхъ, которые подъ вліяніемъ ли хитрыхъ вождей, одушевленные ли благороднымъ энтузіазмомъ при созерцаніи далекаго идеала или дѣйствующіе по убѣжденію, что предупреждаютъ неминуемую для народа опасность,—принимаютъ участіе въ общемъ движеніи. И, когда послѣднее раздавлено, правительство безпощадно караетъ этихъ людей. И сдѣлать это правительству тѣмъ легче, что въ моменты усмиренія основы суда обыкновенно бываютъ расшатаны. Въ моменты острой политической борьбы мы наблюдаемъ двѣ партіи, стоящія другъ противъ друга. Одна партія, господствующая, не признающая запросовъ времени, — склонна осудить каждаго стремящагося къ реформамъ. Она употребляетъ всѣ усилія, чтобы обвинить и осудить противника, если надъ нимъ назначенъ судъ. Такая партія въ особенности становится достойной порицанія вслѣдствіе закоренѣлыхъ предразсудковъ ея и чрезмѣрной нетерпимости. Съ другой стороны, противники, ошибаясь, быть можетъ, въ пониманіи и опредѣленіи своихъ правъ, склонны считать свои собственныя дѣянія не только дозволенными, но даже продиктованными долгомъ. Справедливый судъ становится въ моменты острой политической борьбы невозможнымъ. Каждый, осужденный исключитель-

ными судами послѣ разгрома движенія, признается единомышленниками за мученика. Суровыя наказанія, и въ особенности казни, порождаютъ въ населеніи недовольство и сильное раздраженіе противъ правительства. Затѣмъ надо еще указать на то, что за моментами сильнаго политическаго возбужденія слѣдуютъ спокойныя времена. И тогда наказанія, а въ особенности смертные приговоры, вынесенные во время усмиренія движенія, кажутся особенно несправедливыми. Правительство, естественно, старается исправить сдѣланныя ошибки; но казни уже непоправимы“ [1]). Всѣ эти правильныя соображенія были забыты въ Ирландіи на время, когда шли казни шинъ-фейнистовъ. Результатомъ, какъ я указалъ, явилась перемѣна въ настроеніи населенія по отношенію къ шинъ-фейнистамъ.

Правительство быстро замѣтило это и обратилось къ испытанному средству для замиренія страны, только что пережившей политическую бурю. Средство это было успѣшно испробовано британскимъ правительствомъ въ Канадѣ и потомъ черезъ семьдесятъ лѣтъ въ Южной Африкѣ. Крайне любопытно, что въ 1837 г. ольстерцы сыграли въ исторіи Канады такую же роль, какъ въ 1914 году — въ исторіи Ирландіи. Всѣ знаютъ, что въ Канадѣ рядомъ жили и живутъ англичане и французы. Нижняя Канада представляетъ и теперь еще обломокъ старой, до-революціонной Франціи, а въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка этотъ характеръ былъ еще болѣе замѣтенъ. „Нижняя Канада желала, чтобы ее оставили въ покоѣ,—говоритъ историкъ.—Она довольствовалась вполнѣ мирной, старой жизнью“... Верхняя Канада представляла собою новую страну съ энергичнымъ населеніемъ, только что занявшимъ недавно еще дикій край. „Сюда прибывали по преимуществу выходцы изъ сѣверной Ирландіи (т. е. изъ Ольстера). Переселенцы изъ южной Ирландіи направлялись тогда, главнымъ образомъ, въ Соединенные Штаты, такъ какъ эта страна настроена была враждебно по отношенію къ Англіи. Выходцы изъ Ольстера переселялись по преимуществу въ Канаду, такъ какъ она находилась подъ британскимъ флагомъ и такъ какъ англиканская церковь здѣсь господствовала... Они пытались сдѣлать новую страну возможно болѣе похожею на ту родину, которую оставили“ [2]). Въ Ирландіи были католики, представлявшіе подчиненную народность, и протестанты, игравшіе роль господствующей народности. Въ Канадѣ переселившіеся ольстерцы тоже нашли католиковъ и тоже пожелали быть господствующей народностью. Но французы не пожелали играть указанную имъ роль. Надо знать, что по конституціи 1791 г. Канада была раздѣлена на двѣ провинціи, Верхнюю и Нижнюю, изъ которыхъ каждая

---

[1]) Цитирую по англійскому переводу: „Karl M. Mittermaier, Capital Punishment“, London. 1865, стр. 201—203.

[2]) Mc-Carthy, „A History of Our Own Times“, v. I, стр. 48—50.

имѣла свое правительство, состоявшее изъ губернатора, законодательнаго совѣта по назначенію и совѣщательной выборной палаты. Кромѣ того, при губернаторахъ состояли еще совѣщательные совѣты съ членами по назначенію.

Политика центральнаго правительства состояла въ томъ, чтобы опираться въ Канадѣ на англичанъ. И получилось вотъ что. „Французское населеніе Нижней Канады съ болѣзненной завистью слѣдило за каждымъ правительственнымъ актомъ, клонившимся къ выгодѣ англійскихъ колонистовъ. Что же касается послѣднихъ, то они обличали центральное правительство въ преступной слабости, за то, что оно открыто не даетъ имъ занять первое мѣсто въ колоніи... Переселенцы изъ Ольстера отказывались понимать, почему правительство открыто не помогаетъ имъ проводить ту же политику, что и въ Ирландіи“ [1]). Положеніе осложнилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, которое въ ближайшемъ будущемъ, къ несчастью, навяжетъ много узловъ въ Европѣ. Въ 1791 году, когда Канаду дѣлили на двѣ провинціи, предполагалось, что ее дѣлятъ по національностямъ. Предполагалось, что въ Верхней Канадѣ живутъ только англичане, а въ Нижней Канадѣ — только французы. Въ дѣйствительности же оказалось, что національности перемѣшаны, такъ что въ Нижней Канадѣ, рядомъ съ французами, живутъ англичане. И такъ какъ центральное правительство проводило политику державной народности, хотя не такъ энергично, какъ хотѣлось бы выходцамъ изъ Ольстера, то положеніе дѣлъ въ Нижней Канадѣ крайне осложнилось. Законодательный совѣтъ былъ по назначенію и правительство назначало туда по преимуществу англичанъ. Совѣщательное собраніе было выборное, состоявшее по преимуществу изъ французовъ, такъ какъ они составляли большинство населенія Нижней Канады. И вотъ между законодательнымъ совѣтомъ и совѣщательнымъ собраніемъ возникъ конфликтъ, осложнившійся тѣмъ, что центральное правительство „поощряло и въ сущности содержало на жалованіи британскую партію“,—говоритъ историкъ. Въ результатѣ въ Нижней Канадѣ въ 1837 г. возникло сильное броженіе, перешедшее въ мятежъ. „Въ военномъ отношеніи возстаніе не представляло никакой опасности. Мятежъ захватилъ англичанъ врасплохъ, но военныя власти быстро справились съ возстаніемъ, хотя инсургенты дрались упорно и много крови было пролито“. Какъ и въ Ирландіи теперь, наиболѣе сложный вопросъ возникъ *послѣ* мятежа.

Въ Англіи вѣсть о возстаніи произвела сильное впечатлѣніе. Большинство коммонеровъ могло рекомендовать только одну мѣру: политику „желѣзной руки“, т. е., по-русски: ежевыя рукавицы и бараній рогъ. Лордъ Джонъ Гёссель внесъ въ парламентъ билль въ этомъ духѣ. Рѣшено было послать въ Канаду генералъ-губер-

[1]) Mc-Carthy, „A History of Our Own Times“, vol. I, стр. 51.

натора съ безграничными полномочіями, словомъ—диктатора. Въ Англіи всѣ были убѣждены, что диктаторъ ѣдетъ въ Канаду для того, чтобы объявить усмиренному населенію: „Горе побѣжденнымъ!“ Такъ именно понялъ назначеніе диктатора извѣстный радикалъ того времени Рёбекъ. Онъ явился поэтому въ парламентъ, чтобы „у барьера“ (Рёбекъ не былъ въ тотъ моментъ коммонеромъ) защищать интересы Канады. Онъ произнесъ блестящую рѣчь, но палата общинъ была такъ враждебно настроена противъ Канады, что своей защитой Рёбекъ только испортилъ дѣло. Диктаторомъ былъ посланъ лордъ Дёрхэмъ. Первые же шаги его въ Канадѣ привели въ ярость представителей наступательнаго націонализма. Вмѣсто новыхъ массовыхъ арестовъ, диктаторъ объявилъ широкую амнистію, а вмѣсто „бараньяго рога“ онъ предложилъ Канадѣ широкое самоуправленіе. „Какъ можно говорить объ англійскихъ конституціонныхъ принципахъ въ колоніи, гдѣ конституція отмѣнена совершенно?—писалъ лордъ Дёрхэмъ.—О какихъ государственныхъ основахъ можетъ быть рѣчь въ Канадѣ, гдѣ у населенія берутъ налоги, не спрашивая его согласія; гдѣ представительный принципъ отмѣненъ; гдѣ законы военнаго времени замѣнили обычные законы; гдѣ судьи постановляютъ приговоры по указанію центральнаго правительства, компрометируя этимъ правосудіе и вызывая къ нему презрѣніе со стороны населенія?“ Диктаторъ послалъ въ Англію обширный докладъ, въ которомъ рекомендовалъ дать Канадѣ широкую автономію. „Причиной возстанія—доказывалъ лордъ Дёрхэмъ—является попытка центральнаго правительства вмѣшиваться во внутреннія дѣла колоніи. Дѣла Канады должны быть въ рукахъ самого населенія“. Затѣмъ лордъ Дёрхэмъ настоятельно совѣтовалъ центральному правительству отречься отъ политики державной народности. Съ этою цѣлью диктаторъ намѣтилъ для всей Канады одинъ парламентъ съ отвѣтственнымъ министерствомъ. Представители державной народности въ Канадѣ поспѣшили немедленно донести въ Англію на диктатора. Times полагавшій, что обязанностью диктатора является вѣшать возможно больше людей послѣ наиболѣе упрощеннаго судопроизводства, помѣстилъ громоносную статью, въ которой лордъ Дёрхэмъ былъ названъ „Верховнымъ лордомъ-бунтовщикомъ“ (Lord High Seditioner).

„На лорда Дёрхэма напали со всѣхъ сторонъ,—пишетъ Милль въ своей Автобіографіи.—Обличенія со стороны враговъ производились такъ яростно, что робкіе друзья отреклись отъ него“. Лордъ Дёрхэмъ былъ отозванъ въ Англію, гдѣ вскорѣ умеръ. Травля со стороны „патріотическихъ“ изданій сильно подѣйствовала на слабаго здоровьемъ диктатора. Дёрхэмъ былъ отозванъ въ 1839 г., а въ 1840 г. его проектъ реформы былъ осуществленъ полностью. Кромѣ того, самоуправленіе по этой системѣ было примѣнено потомъ въ Австраліи и Южной Америкѣ, всюду давая блестящіе ре-

зультаты. Удивительно-ли послѣ этого, что немедленно за мятежомъ въ Англіи вспомнили про „замиреніе по системѣ лорда Дёрхэма“. „Мы повторяемъ еще и еще разъ, что, будь гомруль введенъ уже на практикѣ, — мятежа въ Ирландіи не было бы, — говоритъ New Statesman.—Не подлежитъ сомнѣнію, что вожди мятежа не были довольны закономъ о самоуправленіи для Ирландіи (Home Rule Act); но это не измѣняетъ нашего утвержденія. Гомруль, даже въ той формѣ, какъ этотъ законъ прошелъ въ парламентѣ, явился бы полнымъ разрѣшеніемъ ирландскаго вопроса. Шинъ-фейнисты не начали бы мятежа противъ *ирландскаго* парламента. Ирландскіе волонтеры (т. е. армія шинъ-фейнистовъ) появились только тогда, когда возникло сомнѣніе, что законъ о гомрулѣ останется мертвой буквой. Еслибы Пирсъ и Коннолли не могли убѣдить ирландцевъ, что „Карсонъ возьметъ верхъ“, то за вождями возстанія никто бы не послѣдовалъ“ [1]). Такого же мнѣнія Daily Chronicle, Daily News, Manchester Guardian и цѣлый рядъ другихъ изданій.

X.

Послѣ усмиренія мятежа въ Ирландіи, въ парламентѣ предстоялъ запросъ по поводу событій въ Дублинѣ; но Асквитъ заявилъ, что уѣзжаетъ въ Ирландію, чтобы на мѣстѣ изучить вопросъ. Въ Англіи эту поѣздку многіе поняли такъ, что правительство намѣрено немедленно дать Ирландіи отдѣльный парламентъ. Внѣ сомнѣнія, что *все* министерство, какъ либералы, такъ и юніонисты, желало бы немедленно ввести законъ, принятый парламентомъ и отложенный по случаю войны. Но тутъ снова возникаетъ вопросъ объ Ольстерѣ. Мы снова стоимъ лицомъ къ лицу съ историческими послѣдствіями наступательнаго націонализма. Читатели *Русскихъ Записокъ* знаютъ, съ какою настойчивостью проповѣдники наступательнаго націонализма твердили: Olster will fight and Olster will be right (Ольстеръ будетъ сражаться и будетъ правъ). Въ 1913 г. въ Бельфастѣ состоялась даже „клятва въ долинѣ Рютли“, о которой я тогда писалъ [2]). Ольстерцы собрались тогда и подписали документъ, украшенный въ лѣвомъ углу окровавленной рукой, поднятой вверхъ.

„Держась по чистой совѣсти убѣжденія, что гомруль будетъ гибеленъ для благосостоянія какъ Ольстера, такъ и всей Ирландіи; что онъ разрушитъ нашу религіозную свободу и гражданскія вольности; что онъ нанесетъ ударъ имперіи,—мы, нижеподписавшіеся ольстерцы, вѣрные подданные всемилостивѣйшаго короля нашего Георга V, уповая на милосерднаго Бога, поддерживавшаго нашихъ предковъ въ трудные дни, симъ клятвеннымъ уговоромъ обѣщаемся въ эту годину бѣдствія стоять другъ за друга, защищать

[1]) New Statesman, May 27, 1916.

[2]) Діонео, „Мѣняющаяся Англія“, ч. I, стр. 199

наши права и наше положеніе въ имперіи. Мы обѣщаемся употребить всѣ необходимыя средства, дабы сокрушить существующій заговоръ съ цѣлью насажденія въ Ирландіи отдѣльнаго парламента. И если такой парламентъ будетъ введенъ вопреки нашему желанію, мы клятвенно обѣщаемся, что откажемся признать авторитетъ новаго законодательнаго собранія. Уповая, что Господь защитить наши права, мы скрѣпляемъ клятвенный уговоръ нашею подписью. Боже, храни короля!" Таковъ текстъ новой „клятвы въ долинѣ Рютли". Утвержденіе ольстерцевъ, что они „вѣрные подданные всемилостивѣйшаго короля Георга V", не помѣшало имъ составить армію, вооружить ее ружьями и пушками, купленными въ Германіи, избрать временное правительство и недвусмысленно намекнуть, что они призовутъ на помощь Вильгельма II. Конечно, это было *до* войны.

И вотъ теперь, когда правительство рѣшило примѣнить въ Ирландіи методъ лорда Дерхэма, возникъ тотъ же вопросъ объ ольстерцахъ. Представители наступательнаго національма почти три вѣка привыкли считать себя державной народностью, а ирландцевъ—низшей націей. Какъ имъ примириться съ тѣмъ, что не они, ольстерцы, будутъ у власти въ будущемъ Дублинскомъ парламентѣ, а ирландцы? Ольстеръ составляетъ только одну изъ четырехъ провинцій Ирландіи. Поднимался вопросъ о томъ, чтобы выдѣлить эту провинцію и дать гомруль только для трехъ остальныхъ провинцій. Но тутъ запротестовали ирландцы. Совмѣстное существованіе двухъ правительствъ на одномъ островѣ внесетъ большую путаницу,—утверждаютъ они. Кромѣ того, не весь Ольстеръ населенъ оранжистами. Провинція дѣлится на девять графствъ. Въ трехъ изъ нихъ католики составляютъ абсолютное большинство, тогда какъ въ остальныхъ шести графствахъ провинціи Ольстеръ католики составляютъ отъ 16—48% всего населенія. И вотъ британское правительство назначило самаго краснорѣчиваго министра своего, Ллойда Джорджа, посредникомъ между націоналистами (т. е. ирландцами) и ольстерцами. Представителю правительства поручено было убѣдить обѣ стороны, чтобы онѣ согласились принять такія реформы:

1. Законъ о гомрулѣ примѣняется немедленно, т. е. тотчасъ же въ Дублинѣ открывается парламентъ съ отвѣтственнымъ министерствомъ.

2. Къ закону о гомрулѣ, принятому уже парламентомъ, дѣлается временная поправка, дѣйствительная только до окончанія войны и на короткое опредѣленное время послѣ заключенія мира.

3. Покуда дѣйствительна эта поправка, шесть графствъ въ Ольстерѣ выдѣляются и находятся подъ контролемъ британскаго парламента.

4. До окончанія войны представители Ирландіи пребываютъ въ британскомъ парламентѣ, какъ теперь.

5. Немедленно послѣ заключенія мира созванъ будетъ конгрессъ изъ представителей всѣхъ колоній, которые, вмѣстѣ съ представителями Соединеннаго Королевства, рѣшатъ вопросъ о будущей формѣ правительства въ Британской имперіи, включая сюда и Ирландію.

6. На этомъ конгрессѣ рѣшенъ будетъ окончательно вопросъ о выдѣленныхъ шести графствахъ.

Ольстерцы приняли предложеніе, не забывъ сдѣлать при этомъ нѣсколько патріотическихъ курбетовъ. „Гомруль внушаетъ намъ ужасъ и отвращеніе,—сказали ихъ представители, собравшіеся въ Бельфастѣ,—но такъ какъ кабинетъ полагаетъ, что эта мѣра укрѣпитъ имперію, то мы согласны освободить оранжистовъ трехъ графствъ провинціи Ольстеръ отъ данной клятвы“. Тѣ, которые явились одной изъ первопричинъ дублинской драмы, фигурируютъ, такимъ образомъ, какъ благородные спасители отечества. Тѣ, которые ввозили оружіе, купленное въ Германіи, выступаютъ, какъ новый Регулъ. Тѣ, которые грозили, что обратятся къ помощи Вильгельма II, заявляютъ теперь, что ради отечества, находящагося въ опасности, готовы признать (хотя не въ полномъ объемѣ) законъ, трижды принятый палатой общинъ и скрѣпленный подписью короля. Поворотъ въ отношеніи ирландцевъ къ участникамъ мятежа сдѣлалъ теперь очень труднымъ положеніе парламентской ирландской партіи, готовой принять правительственное предложеніе, формулированное выше. За исключеніемъ газеты Редмонда „Freeman's Journal“, всѣ остальныя націоналистическія изданія въ Ирландіи относятся или очень холодно, или рѣзко враждебно къ проекту выдѣленія графствъ съ протестантскимъ населеніемъ. „Мы увѣрены, что Ирландія никогда не приметъ такую мѣру,—читаемъ мы въ Irish Independent (газета коммонера Хили).—Отъ этого проекта ирландцевъ тошнитъ. Насъ безконечно огорчаетъ то, что парламентская партія согласилась хоть на минуту обсуждать столь постыдное предложеніе“. „До сихъ поръ врядъ-ли хоть одинъ націоналистъ выступилъ въ защиту правительственнаго проекта,—пишетъ ирландскій корреспондентъ New Statesman.—Провинціальная печать, безъ исключенія, относится враждебно къ предложенію“ [1]).

Въ концѣ концовъ, въ классической странѣ политическаго компромисса все „образуется“, вѣроятно.

Драма въ Дублинѣ закончилась такъ еще недавно, что безпристрастный наблюдатель, стоящій въ сторонѣ, покуда можетъ и долженъ дать только сгруппированные матеріалы; но хочется, тѣмъ не менѣе, сдѣлать хоть какія-нибудь обобщенія. За послѣднія сто лѣтъ Ирландія не видѣла болѣе благожелательнаго и либераль-

---

[1]) „The New Statesman“, juni 17.

наго статсъ-секретаря, тѣмъ Биррель. Я помню, какое впечатлѣніе произвело въ парламентѣ его заявленіе, что законъ усиленной охраны, дѣйствовавшій въ Ирландіи со времени уніи, отмѣненъ и похороненъ. И тѣмъ не менѣе именно при Биррелѣ произошелъ мятежъ въ Ирландіи. Мы знаемъ, что Англія была наказана не за новые, а за *старые* грѣхи: за политику наступательнаго націонализма, которую она неукоснительно проводила въ Ирландіи до недавняго еще времени. Эта политика создала ольстерскій вопросъ. Дублинская драма показываетъ намъ, кромѣ того, что реформа должна быть *дана во время* и что ее нельзя откладывать. Мятежъ былъ бы предупрежденъ, еслибы гомруль, принятый парламентомъ, сталъ немедленно закономъ, но правительство „проявило излишнюю нѣжность къ ульстерскимъ мятежникамъ",—какъ выражается журналъ Nation.

Діонео.

Граждане второго разряда.

Въ минуту народной невзгоды обычно всегда появляются хищники, которые стараются изъ чужой бѣды извлечь для себя выгоду. Проявилось это и въ такомъ огромномъ народномъ бѣдствіи, какъ бѣженство. Не мало отзывчивости къ попавшимъ въ бѣду людямъ проявило населеніе тѣхъ губерній, куда вливались потоки бѣженцевъ, но не мало также хищниковъ кружилось надъ ними. Беззастѣнчивые и ловкіе люди разбирали на вокзалахъ бѣженцевъ и ставили ихъ на работу на худшихъ по сравненію съ установившимися въ данномъ районѣ условіями, откровенно эксплуатируя подъ видомъ благодѣянія трудъ бѣженцевъ.

Эта эксплуатація сначала носила частный и случайный характеръ, но постепенно она начала пріобрѣтать характеръ системы. Съ особенной силой это проявилось съ началомъ сельско-хозяйственнаго періода, когда на бѣженцевъ начали смотрѣть, какъ на возможный резервуаръ рабочей силы. Идея привлеченія бѣженцевъ на сельско-хозяйственныя работы получила особую популярность.

. . . .

Идею предоставленія трудоспособнымъ слоямъ бѣженцевъ работы въ сельскомъ хозяйствѣ, саму по себѣ, надо признать здоровой и правильной: съ одной стороны, это давало возможность заработка нуждающимся въ работѣ людямъ, съ другой—давало новую рабочую силу сельскому хозяйству, испытывающему въ настоящее время острый недостатокъ въ рабочихъ рукахъ.

. . . .

Нѣкоторые общественные слои и организаціи не удержались на своихъ общественныхъ позиціяхъ и, соблазнившись возможностью получить дешевый трудъ, достаточно ярко проявили свои классовые интересы и вожделѣнія. усиліями и опредѣленныхъ соціальныхъ слоевъ, заинтересованныхъ въ полученіи дешеваго труда бѣженцевъ, послѣдніе поставлены теперь въ положеніе, которое неизбѣжно должно вызывать тревогу во всѣхъ,

. . . .

Какъ извѣстно, сельское хозяйство въ связи съ мобилизаціями и общимъ разстройствомъ трудового рынка переживаетъ въ настоящемъ году очень остро недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Этотъ недостатокъ въ рабочихъ силахъ проявился въ сокращеніи посѣвныхъ площадей какъ въ частныхъ экономіяхъ, такъ отчасти и въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Явленіе это начало пріобрѣтать всероссійскій характеръ и вопросъ о восполненіи убыли рабочихъ рукъ въ сельскомъ хозяйствѣ, естественно, сталъ предметомъ заботы и для правительственной власти. Обозрѣвая наличный рынокъ труда, власть обратила, между прочимъ, вниманіе и на возможность привлеченія къ сельско-хозяйственнымъ работамъ бѣженцевъ.

Въ январѣ и февралѣ текущаго года министры внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія разослали губернаторамъ, также губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ управамъ, циркулярныя распоряженія о привлеченіи бѣженцевъ къ сельско-хозяйственнымъ работамъ [1]). Согласно этимъ распоряженіямъ, всѣ трудоспособные бѣженцы снимались съ казеннаго (продовольственнаго и квартирнаго) пайка, кромѣ вставшихъ на сельско-хозяйственныя работы. Размѣры пайка по разнымъ губерніямъ сильно колеблются—отъ 2 р. 80 коп. до 7 р. 50 коп. на одну душу въ мѣсяцъ; причемъ въ этихъ колебаніяхъ замѣтно отсутствіе всякой системы—въ однихъ губерніяхъ, напр., дѣтскій паекъ отличается отъ пайка для взрослыхъ, въ другихъ—они одинаковы. Для очень многихъ бѣженскихъ семей и отдѣльныхъ бѣженцевъ пайки являлись единственнымъ средствомъ существованія, для огромнаго большинства—большой поддержкой, а потому такое поощрительно-принудительное средство, какъ лишеніе пайка, явилось для бѣженцевъ мѣрой очень сильной. Это министерское мѣропріятіе открыло собой цѣлую систему

мѣръ, принятыхъ противъ бѣженцевъ.

На основаніи указанныхъ выше министерскихъ распоряженій, цѣлый рядъ губернаторовъ и мѣстныхъ комитетовъ по устройству бѣженцевъ городского и земскаго союзовъ приняли систему мѣръ,

[1]) Циркулярныя телеграммы отъ 25, 30 января, 1, 9, 18, 25 февраля, 2 и 10 марта; 12-го же февраля былъ изданъ особый подробный циркуляръ, посвященный тому же вопросу. См. „Правит. Вѣстникъ" 27 апр., 1916 г.

которыя должны были понудить бѣженцевъ пойти на сельско-хозяйственныя работы [1]). Мѣры эти начались съ угрозы лишенія пайковъ,

. . . .

Нѣкоторые комитеты сразу же пошли дальше министерскихъ распоряженій. Такъ, согласно министерскому циркуляру, отказавшіеся отъ сельско-хозяйственныхъ работъ бѣженцы должны быть лишены пайка съ 1 апрѣля, а донской областной комитетъ о бѣженцахъ рѣшилъ лишить ихъ пайковъ съ 15 марта. На мартовскомъ совѣщаніи бахмутскаго уѣзднаго комитета всероссійскаго земскаго союза совмѣстно съ сельскими и поселковыми попечительствами постановлено „возбудить ходатайство о предоставленіи уѣздному комитету и мѣстнымъ попечительствамъ права лишать пособія семейства трудоспособныхъ бѣженцевъ съ тѣмъ, чтобы, если трудоспособные члены такого семейства станутъ на работы и окажутся хорошими работниками, выдавать пособіе только на нетрудоспособныхъ членовъ семьи, а никакъ не на самихъ работниковъ, какъ то рекомендуется министерствомъ земледѣлія".

Согласно рѣшенію отдѣла по устройству бѣженцевъ земскаго и городского союзовъ, трудоспособный возрастъ для мужчинъ опредѣленъ въ 16 — 55 лѣтъ. Но симферопольскій уѣздный комитетъ всероссійскаго земскаго союза нашелъ, что „возрастъ 16 лѣтъ преувеличенъ" и постановилъ „считать работоспособными дѣтей обоего пола съ 14 лѣтъ". При опредѣленіи трудоспособнаго возраста высказано было также предположеніе, что „бываютъ старики и въ 60 лѣтъ вполнѣ трудоспособные". Веневскій уѣздный комитетъ постановилъ считать трудоспособными мужчинъ до 65 лѣтъ, а тульскій губернаторъ предложилъ земскимъ управамъ привлекать къ огороднымъ работамъ „даже 10-лѣтнихъ дѣтей". (Это „даже" принадлежитъ самому г. тульскому губернатору).

Жиздринскій уѣздный комитетъ земскаго и городского союзовъ на засѣданіи 21 апрѣля додумался до мысли „выдать трудоспособнымъ бѣженцамъ особыя рабочія книжки-дневники, въ каковыхъ работодатель будетъ записывать ихъ работу, причемъ тѣхъ бѣженцевъ, которые откажутся отъ работы, лишать пайка. Книжки эти будутъ служить котролемъ ихъ работъ".

Въ уѣздахъ развѣшиваются афиши съ обращеніями къ бѣженцамъ. Напримѣръ:

---

[1]) Мы располагаемъ свѣдѣніями о подобныхъ распоряженіяхъ со стороны слѣдующихъ лицъ и учрежденій: тульскій, самарскій, могилевскій губернаторы; лебедянскій, инсарскій, борисоглѣбскій, малоархангельскій, верхнеднѣпровскій, ставропольскій, житомірскій, жиздринскій, пензенскій, орскій, бѣлевскій, веневскій комитеты по устройству бѣженцевъ, бахмутскій уѣздн. комит. всерос. земскаго союза, симферопольскій уѣздн. ком. всерос. зем. союза, покровскій уѣздн. зем. гор. ком. пом. бѣженцамъ. Списокъ этотъ несомнѣнно надо значительно увеличить.

„Лебедянскій комитетъ по устройству бѣженцевъ доводитъ до свѣдѣнія бѣженцевъ, поселившихся въ Лебедянскомъ уѣздѣ, что на засѣданіи комитета 13 февраля 1916 г. постановлено: лишить пайка всѣхъ трудоспособныхъ бѣженцевъ съ 1 апрѣля, въ случаѣ если они не запишутся на сельско-хозяйственныя работы. Записываться на сельско-хозяйственныя работы должны всѣ здоровые—женщины съ 15 до 50 лѣтъ, мужчины съ 15 до 55 лѣтъ. Бѣженецъ, записавшійся на работу, не имѣетъ права отказаться отъ предложеннаго ему труда независимо отъ того, предложена-ли ему работа въ районѣ его жительства или въ другой волости Лебедянскаго уѣзда“.

Не всѣ афиши такъ строго дѣловиты.

Вотъ, напр., что гласитъ „Обращеніе ко всѣмъ бѣженцамъ, живущимъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ“ (Самарской губерніи) отъ уѣзднаго комитета: „Наступаетъ весна, а съ нею и теплое время, когда холода и непогода перестанутъ губительно отражаться на здоровьѣ и жизни неимущихъ и малоимущихъ, и къ вамъ, бѣженцамъ и выселенцамъ, обращается съ призывомъ правительство, къ вамъ обращается съ тѣмъ же и уѣздный комитетъ по оказанію помощи бѣженцамъ. Тяжелая участь выпала на вашу долю, война лишила васъ крова, родныхъ мѣстъ... Примите участіе въ общей работѣ, и вамъ будетъ легче, потому что работа полевая укрѣпитъ здоровье, успокоитъ, поможетъ хотя на время забыть то тяжелое, что вамъ пришлось пережить... Вы найдете хорошо оплачиваемый трудъ [1])... Пусть всѣ горячо и дружно примутся за работу съ весны. Идите добровольно, не дожидайтесь лишенія пайка. Не бойтесь уходить отъ вашихъ семей. Съ Богомъ, за работу. Помните, что кто не встанетъ на сельско-хозяйственную работу, тотъ будетъ лишенъ казеннаго пайка“. Подписано это краснорѣчивое воззваніе предсѣдателемъ уѣзднаго комитета Н. Тресвятскимъ и секретаремъ П. Масловымъ.

Еще болѣе поэтическую и рѣшительную (такое сочетаніе оказывается на практикѣ вполнѣ возможнымъ) афишу составилъ самарскій губернаторъ: „Настанетъ весна, скоро солнышко согрѣетъ землю и крестьянинъ-пахарь, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, выйдетъ въ поле — начнется сѣвъ. Бѣженцы, васъ постигло тяжелое несчастье, вы временно лишились родныхъ полей, но Богъ поможетъ нашей доблестной арміи сломить врага, и вы опять вернетесь къ роднымъ очагамъ. А чтобъ сломить вражескую силу, надо всѣмъ помочь арміи и, прежде всего,—обработкой полей... Не жмитесь къ городамъ; всякъ, кто можетъ, выѣзжайте въ деревню, со всей семьей, на крестьянскій трудъ. Поможете вы крестьянамъ [2])—

---

[1]) Ниже мы на фактахъ увидимъ, какъ „хорошо“ этотъ трудъ бѣженцевъ оплачивается.

[2]) Самарская губернія, какъ извѣстно, является губерніей промышленнаго земледѣлія, и въ рабочихъ рукахъ въ ней нуждается не столько трудовое крестьянство, сколько крупные помѣщики, хозяйство которыхъ преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, промышленныя цѣли.

и сами будете сыты. Но кто можетъ и станетъ отказываться, тому, знайте напередъ, никакой помощи не будетъ и съ пайка будетъ снятъ. Увѣренъ, что никто на такой поступокъ не рѣшится. Приглашаю всѣхъ желающихъ работать въ деревняхъ записываться На запись дается двѣ недѣли—не больше. Самарскій губернаторъ Андрей Станкевичъ. Апрѣля 2 дня, Самара".

Лишеніе уклоняющихся отъ работы бѣженцевъ казеннаго пайка повлекло за собой рядъ другихъ распоряженій,

Эти послѣдствія были только логичны

. . . .

Разъ родилась идея принудить бѣженца идти на работы подъ угрозой лишенія его казеннаго пайка, слѣдующей должна явиться мысль о размѣрахъ оплаты бѣженскаго труда.

. . . .

Потому необходимо фиксировать заработныя платы, необходимо установить на трудъ твердыя цѣны, отъ которыхъ бѣженецъ не имѣетъ права отказываться подъ угрозой лишенія пайка. Руководствуясь этой мыслью, цѣлый рядъ административныхъ органовъ и „общественныхъ" организацій устанавливаютъ въ своихъ районахъ таксы на трудъ, обязательныя для бѣженцевъ. Тѣмъ самымъ отмѣнялось элементарное условіе свободнаго труда—добровольное соглашеніе между рабочимъ и нанимателемъ, и бѣженцы лишены были права свободно вынести свою рабочую силу на рынокъ. И въ дѣлѣ установленія твердыхъ цѣнъ на трудъ стремленіе воспользоваться дешевымъ принудительнымъ трудомъ и вожделѣнія опредѣленныхъ классовыхъ слоевъ сказались особенно сильно. Въ моментъ острой нужды въ рабочихъ рукахъ, когда положеніе трудового рынка, казалось бы, должно было быть особенно выгоднымъ для носителей рабочей силы, благодаря наличности административнаго механизма, поддержаннаго имущественно заинтересованными слоями, произведено было насильственное давленіе на трудовой рынокъ и въ лицѣ бѣженцевъ насильственно былъ выброшенъ на рынокъ дешевый трудъ. Подавляющее большинство таксировокъ цѣнъ на рабочія руки бѣженцевъ говоритъ о пониженной расцѣнкѣ: установленныя администраціей и комитетами твердыя цѣны на трудъ почти повсемѣстно оказались значительно ниже тѣхъ, которыя устанавливаются на мѣстномъ рынкѣ въ силу свободнаго взаимодѣйствія между спросомъ и предложеніемъ.

Изъ многочисленнаго матеріала, имѣющагося по этому вопросу въ моемъ распоряженіи, я приведу только нѣсколько примѣровъ. Данныя относятся преимущественно къ апрѣлю—маю.

Лебедянскимъ уѣзднымъ комитетомъ (Тамбовской губ.) на апрѣль и май установлена слѣдующая заработная плата, „отъ кото-

рой бѣженецъ не имѣетъ права отказаться въ случаѣ предложенія ему труда":

мужчинамъ поденная	— р. 60 коп.		на своихъ харчахъ.
" мѣсячная	8 " — "		
женщинамъ поденная	— " 30 "		
" мѣсячная	4 " — "		

Позднѣе комитетъ самъ счелъ нужнымъ повысить плату:

мужчинамъ поденная	— р. 80 коп.	на своихъ харчахъ.
" мѣсячная	12 " — "	
женщинамъ поденная	— " 40 "	
" мѣсячная	7 " — "	

Но даже эта повышенная плата значительно ниже той заработной платы, которая, согласно земскимъ даннымъ, установилась въ Лебедянскомъ уѣздѣ для сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ 1915 г., когда трудъ вообще расцѣнивался дешевле:

мужчинамъ поденная, на хоз. харчахъ	— р. 89 коп.
женщинамъ " " " "	— " 39 "
мужчинамъ поденная на своихъ харчахъ	1 " 78 "
женщинамъ " " " "	— " 96 "

Малоархангельскій комитетъ помощи бѣженцамъ (Орловской губ.) установилъ предѣльную таксу для бѣженцевъ:

мужчинамъ мѣсячная	12 р. — коп.
" поденная	— " 60 "
женщинамъ мѣсячная	8 " — "
" поденная	— " 35 "

Между тѣмъ въ прошломъ году въ Малоархангельскомъ уѣздѣ по даннымъ земской статистики цѣны стояли:

мужчинамъ поденная	1 р. 15 коп.
женщинамъ "	— " 53 "

Бахмутская уѣздная земская управа, по предложенію мѣстнаго комитета всероссійскаго земскаго союза, установила для бѣженцевъ:

мужчинамъ мѣсячная	16 руб.
женщинамъ "	12 "

тогда какъ рыночныя цѣны установились здѣсь: мужчинамъ—20 р., женщинамъ—16—17 р. [1]).

На губернскомъ совѣщаніи въ Минскѣ, подъ предсѣдательствомъ губернатора Чернявскаго, твердая цѣна на сельско-хозяйственныя работы, подъ угрозой лишенія пайка, установлена въ серединѣ марта:

---

[1]) Изъ письма инструктора всероссійскаго бюро труда отъ 20 апрѣля.

мужчинамъ мѣсячная	13 р. — к.	на харчахъ рабочаго.
„ поденная	— „ 70 „ —1 р.	
женщинамъ мѣсячная	9 „ — „	
„ поденная	— „ 40 — 65 к.	

Между тѣмъ на черныхъ работахъ бѣженцы въ томъ же Минскомъ районѣ зарабатывали въ мартѣ 2 р.—2 р. 50 к. Что, спрашивается, можетъ ихъ понудить идти на сельско - хозяйственныя работы? Конечно, только угроза лишенія пайка.

Въ области Войска Донского въ ст. Каменской и въ Сулинѣ установлена была обязательная заработная плата мужчинамъ поденно 80 к., женщинамъ 50 — 60 к. (на своихъ харчахъ), тогда какъ „вольная" заработная плата для мужчинъ опредѣлилась въ 22 р. помѣсячно на хозяйскихъ харчахъ.

Нижеслѣдующая табличка также достаточно краснорѣчиво говоритъ о тенденціяхъ, которыя преслѣдуютъ твердыя цѣны на трудъ бѣженцевъ:

Губерніи.	Мѣсячная.		Поденная.		
	мужч.	женщ.	мужч.	женщ.	
Тульская [1]) . .	8—10 р.	4— 5 р.	50 к.—1 р. 20 к.	35—70 к.	
Минская [2]) . .	12—15 „	8—12 „	70 „ —1 „ — „	40—65 „	на св. хар.
Оренбургская [3])	9—15 „	7 „			
Волынская [4]) .	15 „	10 „	на св. хар.		

Чтобы правильнѣе учесть эти цѣны, необходимо сравнить съ ними тѣ „вольныя" заработныя платы, которыя установились на сельско - хозяйственномъ рабочемъ рынкѣ за означенный періодъ путемъ добровольнаго соглашенія сторонъ въ различныхъ районахъ. На всемъ готовомъ заработныя платы поднялись въ Херсонской губ. до 25 р., въ Таврической — до 30 р., въ Московской—до 35 р. (въ концѣ апрѣля), въ Екатеринославской [5])—мужчинамъ мѣсячно—40 — 45 р., поденно—1—3 р., женщинамъ мѣсячно—20—25 р., поденно—75 к.—2 р., въ Саратовской и Томской—до 50 р. въ Кубанской области—до 90 р. въ мѣсяцъ, 3 р. поденно [6]).

Достаточно сравнить эти данныя, чтобы убѣдиться, насколько принудительный трудъ бѣженцевъ дешевле свободнаго труда на открытомъ рынкѣ. Тенденція использовать этотъ болѣе дешевый трудъ заинтересованными слоями выступаетъ вполнѣ очевидно. Они сами, впрочемъ, и не стремятся скрыть того, что установле-

[1]) По даннымъ всероссійскаго бюро труда и богородицкой уѣздной земской управы.

[2]) По даннымъ пинской уѣздной земской продовольственной коммиссіи.

[3]) По даннымъ орскаго уѣзднаго комитета по устройству бѣженцевъ всероссійскаго земскаго союза и ташлинскаго участковаго комитета по оказанію помощи бѣженцамъ.

[4]) По даннымъ житомірскаго уѣзднаго комитета помощи бѣженцамъ.

[5]) Александровское бюро труда, свѣдѣнія отъ 20 мая.

[6]) Станица Вознесенская, лабинскаго отдѣла.

ніе твердыхъ цѣнъ на трудъ связано съ желаніемъ получить дешевыхъ рабочихъ. На засѣданіи стерлитамакскаго (Уфимской губ.) уѣзднаго комитета помощи бѣженцамъ 15 апрѣля члены совѣта „находили назначенную бѣженцамъ заработную плату слишкомъ высокою и высказались за необходимость нормировки“ и, конечно нѣтъ ничего удивительнаго, что вслѣдъ затѣмъ на засѣданіи „поставленный на баллотировку вопросъ о желательности нормировки заработной платы рѣшается въ положительномъ смыслѣ“.

У могилевскаго губернатора есть на этотъ счетъ и болѣе общая точка зрѣнія. 12 марта имъ было разослано наставленіе о „надлежащемъ использованіи труда бѣженцевъ“ — уѣзднымъ земскимъ управамъ, городскимъ общественнымъ управленіямъ и всѣмъ дѣйствующимъ въ губерніи правительственнымъ и общественнымъ организаціямъ, обслуживающимъ нужды бѣженцевъ. Основной идеей этого наставленія была мысль о томъ, что „бѣженское населеніе ни въ какомъ случаѣ не должно быть оставляемо въ праздности“. Согласившись съ этой мыслью, могилевскій губернскій комитетъ всероссійскаго земскаго союза 5 апрѣля пришелъ къ заключенію, что „распространеніе среди бѣженцевъ плакатовъ всероссійскаго бюро труда о мѣстахъ нужды въ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и болѣе высокихъ цѣнахъ на рабочія руки [1]), по мнѣнію губернскаго комитета, является нецѣлесообразнымъ, какъ не достигающее прямой цѣли и могущее лишь создать тревогу на мѣстахъ, вызывая искусственное, не оправдываемое мѣстными условіями, повышеніе цѣнъ на рабочія руки“.

Не надо забывать, что лишеніе пайка и принудительное назначеніе низкихъ заработныхъ платъ коснулось не какой-либо ничтожной группы населенія—согласно свѣдѣніямъ земскаго и городского союзовъ бѣженцы исчислялись въ количествѣ свыше трехъ милліоновъ. Правда, въ ихъ числѣ, наряду съ трудоспособными и здоровыми, имѣется не мало дѣтей, женщинъ, стариковъ и больныхъ. Но мѣры, направленныя противъ трудоспособныхъ, неизбѣжно затрагиваютъ интересы всѣхъ бѣженцевъ, независимо отъ возраста, пола и состоянія здоровья.

Согласно официальнымъ свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (отъ 27 апрѣля), къ 1 апрѣля по 17 губерніямъ, подъ угрозой лишенія пайковъ, встало на сельско-хозяйственныя работы 52.706 бѣженцевъ, уклонилось отъ работъ и снято съ пайковъ по 9 губерніямъ—4.451 бѣженецъ. Такимъ образомъ 52 слишкомъ тысячи вынуждены были приняться за низко оплачиваемый трудъ и 4 съ половиной тысячи—лишены всякой поддержки со стороны государства въ постигшей ихъ бѣдѣ. Какую роль

[1]) Здѣсь имѣлась въ виду попытка всероссійскаго бюро труда принять участіе въ дѣлѣ трудового посредничества на сельско-хозяйственномъ рабочемъ рынкѣ.

играли въ снятіи бѣженцевъ съ пайковъ комитеты союзовъ, видно хотя бы изъ того факта, что одинъ волынскій комитетъ всероссійскаго земскаго союза лишилъ казеннаго пайка, „вслѣдствіе отказа отъ предложенныхъ работъ", 1.152 бѣженца.

Но какъ быть съ тѣми бѣженцами, которые уже находятся на работахъ въ городѣ—слѣдуетъ-ли ихъ лишать пайковъ, какъ уклоняющихся отъ сельско-хозяйственныхъ работъ? Циркуляры на этотъ счетъ категоричны и тѣмъ вызываютъ на мѣстахъ не мало затрудненій. Судогодскій (Владимір. губ.) земско-городской комитетъ по устройству бѣженцевъ отмѣчаетъ, что „изъ 500 разселенныхъ по уѣзду бѣженцевъ двѣсти человѣкъ трудоспособныхъ работаютъ на фабрикахъ и заводахъ; отвлеченіе ихъ на сельско-хозяйственныя работы нежелательно и сопряжено съ неудобствами, такъ какъ за этими трудоспособными потянутся и нетрудоспособные, которыхъ болѣе, нежели трудоспособныхъ". Секретарь бюро труда при обществѣ для оказанія помощи бѣженцамъ въ Оренбургѣ въ письмѣ отъ 7 апрѣля указываетъ, что мѣстный комитетъ помощи бѣженцамъ „особенно настаиваетъ" на привлеченіи бѣженцевъ къ сельско-хозяйственнымъ работамъ. Между тѣмъ большинство бѣженцевъ находятся на казенномъ пайкѣ и зарабатываютъ въ городѣ отъ 2 до 3 руб. въ день, причемъ условія труда въ городѣ гораздо лучше, чѣмъ на сельско-хозяйственныхъ работахъ. Бюро труда при моршанскомъ уѣздномъ комитетѣ по устройству бѣженцевъ на засѣданіи 27 марта поступило гораздо проще: оно предписало „снять съ 1 апрѣля съ пайка лицъ, если не представятъ доказательствъ, что они находятся на сельско-хозяйственныхъ работахъ". Россія—страна земледѣльческая!

Въ связи съ принудительнымъ привлеченіемъ бѣженцевъ къ сельско-хозяйственнымъ работамъ всталъ и вопросъ о принудительномъ выселеніи бѣженцевъ изъ городовъ въ сельскія мѣстности. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ была проявлена членомъ Государственной Думы В. А. Харламовымъ, подъ предсѣдательствомъ котораго 2 февраля была принята настоящая мѣра особымъ совѣщаніемъ донского областного комитета въ Ростовѣ. Согласно принятому постановленію, рѣшено было съ 15 марта „выселить изъ городовъ принудительнымъ порядкомъ на время предстоящихъ весеннихъ и лѣтнихъ полевыхъ работъ трудоспособныхъ бѣженцевъ сельскаго состоянія", выселенію подлежатъ также дѣти, старики и маломощные, пособіе выселеннымъ бѣженцамъ допускается въ исключительныхъ случаяхъ, отказывающіеся отъ работъ лишаются всѣхъ видовъ вспомоществованія [1]). Повидимому, въ апрѣлѣ была

[1]) Журналъ засѣданія особаго совѣщанія по вопросу о выселеніи бѣженцевъ изъ Ростова и Нахичевани 2 февраля, отношеніе донского областного комитета въ правленіе новочеркасскаго общества помощи населенію мѣстностей Россіи, пострадавшихъ отъ войны, отъ 9 февраля.

разослана министромъ внутреннихъ дѣлъ телеграмма губернаторамъ „о настоятельной необходимости привлеченія всѣхъ свободныхъ отъ работъ бѣженцевъ къ сельско-хозяйственному труду" съ предложеніемъ „принять въ семъ отношеніи исчерпывающія мѣры, въ томъ числѣ и выводъ проживающихъ въ городахъ бѣженцевъ въ сельскія мѣстности". На эту телеграмму имѣются указанія въ распоряженіи тульскаго губернатора отъ 14 апрѣля и въ журналѣ засѣданія моршанскаго уѣзднаго комитета отъ 21 апрѣля Принудительно выселяли бѣженцевъ изъ Саратова, Тулы, Житоміра, Томска.

. . . .

когда возникло опасеніе, что бѣженецъ можетъ отказаться отъ голодной платы и уйти съ работы, придумали юридическую формулу: „нарушеніе договора". Такъ, Орскій (Оренбург. губ.) уѣздный комитетъ по устройству бѣженцевъ всероссійскаго земскаго союза 28 марта постановилъ: „въ цѣляхъ предотвращенія безпричиннаго ухода бѣженцевъ съ работъ предупредить ихъ, что нарушеніе договора съ нанимателемъ и уходъ съ работъ безъ уважительной причины повлечетъ за собой лишеніе ихъ продовольственнаго пособія". Но дальше всѣхъ пошелъ въ этомъ направленіи тульскій губернаторъ; распоряженія его настолько интересны, тексты бумагъ настолько красочны, что на нихъ стоитъ остановиться подробнѣе.

За подписью тульскаго губернатора А. Тройницкаго 14 апрѣля разослано было распоряженіе „гг. уѣзднымъ предводителямъ дворянства, тульскому городскому и уѣздному комитетамъ помощи бѣженцамъ, всѣмъ національнымъ комитетамъ и отдѣльнымъ уполномоченнымъ, завѣдующимъ помощью бѣженцамъ, губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ начальникамъ Тульской губерніи".

„За министра внутреннихъ дѣлъ,—гласитъ эта бумага,—товарищъ министра кн. Волконскій сообщилъ мнѣ, что, въ виду выяснившагося въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отрицательнаго отношенія къ использованію бѣженцевъ на сельско-хозяйственныя работы, а равно уклоненія бѣженцевъ отъ этихъ работъ, министерство вновь подтверждаетъ настоятельную необходимость безусловнаго привлеченія всѣхъ свободныхъ отъ работъ бѣженцевъ къ сельско-хозяйственному труду, принявъ въ семъ отношеніи исчерпывающія мѣры, въ томъ числѣ выводъ проживающихъ въ городахъ бѣженцевъ въ сельскія мѣстности. Пріюты въ городахъ, содержимые на средства казны, переполнены бѣженцами. При громадныхъ цѣнахъ на рабочія руки многіе бѣженцы, проживающіе на казенный счетъ въ пріютахъ, тайно отъ попечителей пріютовъ зарабатываютъ деньги на сторонѣ, тратя ихъ на предметы роскоши. Поэтому я предлагаю всѣмъ комитетамъ по оказанію помощи бѣженцамъ немедленно отправить изъ городовъ живущихъ въ пріютахъ вмѣстѣ съ ихъ семьями въ сельскія мѣстности. Бѣженцы, которые отка-

жутся отъ посильной работы въ пріютахъ, должны быть немедленно выдворены изъ пріютовъ и лишены всякой матеріальной помощи. Убѣдительно прошу комитеты приступить къ немедленному сокращенію пріютовъ въ городахъ. Съ 1 мая мною будутъ приняты мѣры къ сокращенію средствъ на содержаніе пріютовъ. Всѣ бѣженцы, отказывающіеся отъ работы, должны быть лишены пайка, и если изъ дошедшихъ до меня свѣдѣній окажется, что трудоспособные бѣженцы, не нанявшіеся по договорнымъ листамъ на сельско - хозяйственныя работы, продолжаютъ получать пайки, то будетъ возбужденъ вопросъ объ обращеніи всѣхъ излишне выданныхъ имъ суммъ въ начетъ на лицъ, виновныхъ въ этой выдачѣ, развращающей бѣженцевъ и истощающей средства казны въ военное время. Больше 8 мѣсяцевъ казна кормила бѣженцевъ, и тѣ почти совсѣмъ не работали—нынѣ необходимо имъ дать работу, заставить работать, — въ этомъ заключается главная задача всѣхъ организацій".

Настоящее предписаніе нашло откликъ у веневскаго уѣзднаго комитета помощи бѣженцамъ. Въ постановленіи, направленномъ 8 апрѣля въ тульскую губернскую земскую управу, говорится слѣдующее: „изъ имѣющихся въ распоряженіи веневскаго уѣзднаго комитета помощи бѣженцамъ свѣдѣній усматривается: 1) что бѣженцы не желаютъ поступать на постоянныя работы, особенно сельско - хозяйственныя, а предпочитаютъ заниматься поденнымъ трудомъ, 2) что при страшно, сравнительно съ прошлымъ, высокихъ цѣнахъ на рабочія руки, бѣженецъ можетъ поденнымъ трудомъ заработать во много разъ больше его суточнаго пайка и что такимъ образомъ лишеніе пайка лишь одного трудоспособнаго бѣженца въ то время, какъ его семья будетъ получать паекъ, не достигнетъ цѣли—побудить его стать на работы и 3) что лишь только такая серьезная мѣра, какъ лишеніе пайка не только нежелающихъ работать, но и ихъ семей, можетъ побудить бѣженца поступить на постоянныя работы". На основаніи этихъ соображеній веневскій комитетъ постановилъ: 1) лишать пайка не только бѣженца, отказавшагося или не желающаго поступить на постоянныя работы, какого бы рода онѣ ни были, но и его семью, 2) считать мужчинъ до 65 лѣтъ, а женщинъ до 55—трудоспособными.

22 апрѣля въ Тулѣ было опубликовано слѣдующее постановленіе.

„Сплошь и рядомъ бѣженцы проявляютъ преступную въ нынѣшнее время склонность всячески уклоняться отъ труда. Предпочитая, даже въ случаѣ полной работоспособности, жить лучше на средства всевозможныхъ комитетовъ и организацій, чѣмъ собственнымъ трудомъ, такіе бѣженцы изощрились еще и слѣдующимъ образомъ получать легкую наживу—заключать контракты и договоры, получать задатки и затѣмъ уже или вовсе не являться на работу, или бросать ее въ самомъ началѣ. Въ виду изложеннаго

я призналъ своевременнымъ издать въ отношенiи бѣженцевъ, проживающихъ въ Тульской губернiи, нижеслѣдующее обязательное постановленiе:

1. Бѣженецъ, подрядившiйся на какую-либо сельско-хозяйственную работу по письменному договору или иному письменному обязательству, долженъ выполнить свою работу по этому договору или обязательству до условленнаго конца.

2. Виновный въ неисполненiи сего будетъ подвергнутъ заключенiю въ тюрьмѣ или крѣпости на 3 мѣсяца или аресту на тотъ же срокъ или денежному штрафу до 3 тысячъ рублей.

3. Настоящее обязательное постановленiе входитъ въ дѣйствiе немедленно по опубликованiи.

И. д. главноначальствующаго въ Тульской губернiи и. д. губернатора и. д. вице-губернатора Шеншинъ".

. . . .

Послѣднимъ распоряженiемъ въ этой области является запрещенiе вывоза и переѣзда рабочихъ изъ одной губернiи въ другую Началось это съ отказа въ льготной перевозкѣ бѣженцевъ, о чемъ губернаторы были циркулярно увѣдомлены 2 марта (за № 102) телеграммой товарища министра внутреннихъ дѣлъ кн. Волконскаго. Уже этимъ распоряженiемъ передвиженiе бѣженцевъ было стѣснено.

По сообщенiю инструктора Всероссiйскаго бюро труда отъ 11 мая, „работа мѣстныхъ бюро труда по прiисканiю мѣстъ бѣженцамъ, желающимъ получить работу, въ настоящее время испытываетъ большое затрудненiе въ виду отказа губернаторовъ предоставлять бѣженцамъ, отправляющимся на работу за предѣлы губернiи, безплатный проѣздъ по желѣзной дорогѣ. Мѣстное бюро труда не имѣетъ кредитовъ на покупку своимъ клiентамъ желѣзнодорожныхъ билетовъ; предприниматель въ большинствѣ случаевъ отказывается принять проѣздъ рабочаго на свой счетъ, и бѣженецъ принужденъ, если у него нѣтъ средствъ на дорогу, отказываться отъ предлагаемаго заработка. Бѣженцамъ объявлено, что они, въ случаѣ самовольнаго переѣзда въ другую губернiю, лишаются права на правительственное воспособленiе—объявленiе такого рода виситъ, напр., въ коридорахъ и залахъ ст. Рязань Московско-Рязанской ж. д.—Съ апрѣля-мая почти повсемѣстно въ Россiи трудоспособные бѣженцы, не ставшiе на сельско-хозяйственныя работы, независимо отъ того, имѣютъ они заработокъ или нѣтъ, лишены казеннаго пайка. Отказъ мѣстныхъ учрежденiй въ выдачѣ безплатнаго билета поставилъ въ нѣкоторыхъ губернiяхъ бѣженцевъ въ безвыходное положенiе: за отсутствiемъ работы на мѣстѣ и невозможностью выѣхать, они должны голодать Для примѣра можно взять Калужскую губернiю: Дорогомиловскiй распредѣлительный пунктъ „Общества помощи жертвамъ войны" отмѣтилъ, что за послѣднiе мѣсяцы—мартъ-апрѣль—большинство

проходящихъ черезъ него бѣженцевъ являются бѣженцами вторично: въ Калужской губерніи на мѣстахъ остается только тотъ, кто имѣетъ право на паекъ—дѣти до 14 лѣтъ и старики отъ 80 лѣтъ; остальнымъ дѣлать въ Калужской губерніи нечего, такъ какъ это—губернія постояннаго отхода на заработки и женское населеніе уже приспособилось къ сельско-хозяйственной работѣ.— Слѣдуетъ отмѣтить, что сама мѣстная администрація совѣтуетъ идти искать работу въ сосѣднихъ губерніяхъ".

Между тѣмъ лишеніемъ права на льготную перевозку дѣло не ограничилось. Повидимому, той же телеграммой г. Волконскаго было воспрещено выдавать паспорта рабочимъ-бѣженцамъ, желавшимъ выѣхать въ другую губернію. „Отправка рабочихъ-бѣженцевъ согласно объявленному спросу,—сообщаетъ 28 марта саратовская биржа труда,—чрезвычайно затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въѣздъ бѣженцевъ въ другія губерніи безъ особаго разрѣшенія мѣстныхъ губернаторовъ вообще не разрѣшенъ. Такое постановленіе, по сообщенію уполномоченнаго по распредѣленію бѣженцевъ въ Саратовской губерніи, г. Дверницкаго, послѣдовало отъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 2 марта с. г. Затрудненіе отправки бѣженцевъ-рабочихъ на работы вредно отражается какъ на интересахъ рабочихъ, такъ и нанимателей. Въ настоящее время саратовской биржей труда получено разрѣшеніе на отправку рабочихъ отъ Минскаго и Астраханскаго губернаторовъ. Подано соотвѣтствующее заявленіе самарскому губернатору. Отвѣтовъ приходится ждать подолгу, работа тормозится".

Тульскій губернаторъ запретилъ выѣздъ изъ своей губерніи всѣмъ рабочимъ-бѣженцамъ, кромѣ сельско-хозяйственныхъ.

Въ Кинешмѣ полученъ циркуляръ о запрещеніи вывоза бѣженцевъ на работы изъ Кинешемскаго уѣзда.

Лохвицкое общество сельскихъ хозяевъ (Полтавской губ.) жалуется, что „въ данное время отходъ рабочихъ изъ губерній не разрѣшается, не выдаютъ паспортовъ".

Таковы мѣры, которыя принимаются для привлеченія бѣженцевъ къ сельскохозяйственнымъ работамъ

. . . .

В. Михайловичъ.

ВНУТРЕННЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. Къ роспуску Государственной Думы.

Дума четвертаго созыва подходитъ къ концу полномочій. По свѣдѣніямъ газетъ, правительство колеблется между двумя рѣшеніями: приступить къ подготовкѣ новыхъ выборовъ или продлить полномочія депутатовъ даннаго состава.

Представительство, организованное на началахъ 3 іюня, подняло вопросъ о чрезвычайномъ обиліи праздниковъ въ Россіи и чрезмѣрной поэтому потерѣ рабочихъ дней тамъ, гдѣ эти праздники соблюдаются. Но для законодательныхъ собраній именно послѣ 3 іюня вошло въ обычай устраивать ужъ слишкомъ долгія каникулы. Въ предлогахъ и мотивахъ недостатка нѣтъ. Рождественскія вакаціи должны быть длинными потому, что какъ разъ совпадаютъ съ сезономъ губернскихъ земскихъ собраній, и депутатамъ, состоящимъ губернскими земскими гласными, не до законодательства. Пасхальныя вакаціи, конечно, совпадаютъ съ весенними посѣвами. А лѣтомъ некогда потому, что уборка урожая, потомъ—реализація урожая, потомъ—уѣздныя земскія собранія... По этимъ и другимъ соображеніямъ члены законодательныхъ собраній не переутомляютъ себя законодательной работой: мѣсяцевъ пять въ году засѣдаютъ, мѣсяцевъ семь въ общей сложности отдыхаютъ.

Если такое распредѣленіе времени считать нормальнымъ, то IV Дума „нормально" работала лишь двѣ сессіи: 1912—13 и 1913—14 гг. Сессія 1914—15 гг. ограничилась однимъ манифестаціоннымъ засѣданіемъ въ іюлѣ и нѣсколькими засѣданіями въ январѣ, посвященными бѣглому и чисто формальному разсмотрѣнію бюджета въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ вѣдомствами (при этомъ молчаливо были признаны изъятыми изъ общаго бюджетнаго права многомилліонныя суммы военныхъ расходовъ). Такимъ образомъ третій годъ законодательной „работы" былъ почти сплошь каникулярнымъ. Сессія 1915—16 гг. началась подъ вліяніемъ тяжкихъ событій необычно рано,—съ 19 іюля. Затѣмъ съ 3 сентября до 9 февраля были каникулы. Съ 3 апрѣля по 16 мая снова каникулы. А съ 20 іюня до 1 ноября назначены новыя каникулы.

По выраженію одного провинціальнаго публициста, министры

очень любятъ Думу, когда она отдыхаетъ. Какъ извѣстно, и первой Думѣ, когда она только что собралась въ 1906 г., очень благожелательно предложили прежде всего отдохнуть до осени... Но первая Дума не расположена была отдыхать. Не расположена была къ отдыху и вторая Дума. Послѣ 3 іюня и въ этомъ отношеніи обнаружилась рѣзкая перемѣна. III Дума „упорядочила" вопросъ о депутатскихъ діэтахъ,—чтобы отдыхъ не былъ убыточнымъ. И довольно быстро установился взглядъ на законодательство, какъ на такое дѣло, которое „не медвѣдь,—въ лѣсъ не уйдетъ". Часть депутатовъ являлась въ столицу лишь за полученіемъ діэтъ. А послѣ Пасхи и болѣе прилежные депутаты расползались. Засѣданія частенько шли при очень сомнительномъ составѣ. Установилось, словомъ, взаимное пониманіе и сочувствіе: Думѣ нравится отдохнуть и министрамъ пріятно, когда Дума отдыхаетъ. Такъ прожили 5 лѣтъ депутаты III созыва. Такъ прожили 2 года и депутаты IV созыва.

Катастрофа 19 іюля 1914 г. внесла новые мотивы. Дума присоединилась къ общей и безспорной мысли: должно быть единеніе. Но думское большинство не сочло нужнымъ принять обязывающіе выводы изъ этой мысли и не поставило вопроса объ отказѣ отъ групповыхъ цѣлей и корыстей во имя общаго блага. На своихъ позиціяхъ и при своихъ цѣляхъ остались Горемыкинъ, Маклаковъ, Щегловитовъ, Сухомлиновъ, Дурново, Хвостовъ, Марковъ, Балашовъ, союзники, націоналисты и т. д. За отдѣльными исключеніями, они ничего не забыли, ни отъ чего не отказались. Очевидно, единеніе могло быть только фиктивнымъ. И создать видимость такого единенія можно было лишь однимъ способомъ: совершенно не касаться вопросовъ, способныхъ вскрыть рознь. Фактически это значило, что дѣятельность законодательнаго собранія, принявшаго такое рѣшеніе, не возможна. Она и прекратилась... Для министерства Горемыкина-Маклакова это было удобно. А для думскаго большинства, полагавшаго задачу момента въ томъ, чтобъ разладъ казался единствомъ, бездѣйствіе стало необходимымъ.

Такъ прошелъ третій годъ. Четвертый начался при настроеніяхъ, созданныхъ тяжелой расплатой за грѣхи и ошибки. Думское большинство разсталось съ попытками создать иллюзію безусловнаго единенія. Начали строить единеніе относительное. Былъ составленъ либеральный парламентскій блокъ. Вопреки примѣру прошлыхъ лѣтъ, депутаты (за исключеніемъ крайняго праваго фланга) обнаруживали видимое желаніе не отдыхать, а работать. Струкову и Горемыкину это представлялось нежелательнымъ, и отдыхъ съ 3 сентября по 10 февраля былъ невольнымъ. Настроеніе депутатовъ при возобновленіи сессіи представлялось неяснымъ: вернулись-ли они къ свойственной третьеіюнцамъ склонности отдыхать отъ законодательныхъ трудовъ или сохраняется у нихъ вспыхнувшая было въ августѣ жажда потрудиться?..

Зимняя треть сессіи обнаружила довольно пестрыя настроенія. Правое крыло оказалось склоннымъ отдыхать даже по политическому разсчету. Оно полагало, что Дума должна ограничиться лишь бюджетомъ и затѣмъ удалиться на покой. Вошедшіе въ либеральный блокъ не могли присоединиться къ этой точкѣ зрѣнія. Но многіе изъ нихъ, видимо, остались вѣрны обычному для нихъ отношенію къ депутатскимъ обязанностямъ. Къ открытію собрались, а затѣмъ потихоньку, одинъ по одному стали разъѣзжаться по болѣе пріятнымъ для себя мѣстамъ и возвращаться къ дѣламъ, не столь отвѣтственнымъ, какъ участіе въ законодательствѣ. Пресса отмѣтила исчезновеніе депутатовъ изъ Думы. Даже „Новое Время" выступило съ укоризнами: развѣ можно такъ относиться къ обязанностямъ „народныхъ представителей" въ моментъ величайшихъ затрудненій государства и величайшей для него опасности?.. Укорять легко, но не всегда укоризны достигаютъ цѣли. Если позволено взять рѣзкій примѣръ, то какой толкъ убѣждать Обломова въ пользѣ труда? Обломовъ и самъ знаетъ, что трудъ полезенъ и необходимъ...

Словомъ, не смотря на чрезвычайныя обстоятельства, очень значительная часть IV Думы обнаружила, видимо, обычную для третьеіюнцевъ трудоспособность. На пасхальныхъ каникулахъ въ видѣ неформальнаго отвѣта на неизмѣнные слухи о преждевременномъ и насильственномъ роспускѣ въ газетахъ появились такія разъясненія изъ освѣдомленныхъ круговъ: по примѣру прошлыхъ лѣтъ, надо ожидать, что ко времени сѣнокосовъ въ Думѣ не окажется кворума, и нѣтъ надобности прибѣгать къ какому-либо ускоренію событій. По словамъ газетныхъ информаторовъ, въ правыхъ кругахъ полагали воспользоваться примѣромъ прошлыхъ лѣтъ для коварныхъ цѣлей: Думу не распускать, а выждать времени, когда она сама себя распуститъ и тѣмъ обнаружитъ собственное ничтожество... Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ такой разсчетъ кое у кого былъ. Но онъ оказался преувеличеннымъ. Въ первое же засѣданіе послѣ пасхальныхъ вакацій (16 мая) правые прибѣгли къ маневру, — вышли изъ залы, а г. Марковъ II остался и заявилъ: „нѣтъ кворума". Но правые ошиблись. Если очень значительная часть IV Думы сохранила обычное тяготѣніе къ отдыху, то у другой части, видимо, явилось повышенное желаніе трудиться. Не смотря на уходъ правыхъ, въ первомъ послѣ пасхальныхъ вакацій засѣданіи оказался законный, хотя и слабый составъ. Впослѣдствіи правые не прибѣгали къ этому маневру. И Дума всю лѣтнюю треть сессіи 1915—1916 гг. оставалась при законномъ, хотя и слабомъ, составѣ.

31 мая предсѣдателя совѣта министровъ посѣтила депутація отъ Воронежа—просила о разрѣшеніи городу займа. Въ числѣ во-

ронежскихъ депутатовъ былъ членъ Государственной Думы Е. П Ковалевскій.

Попутно въ бесѣдѣ г. Ковалевскій затронулъ вопросъ о времени роспуска. Б. В. Штюрмеръ объяснилъ, что вопросъ о перерывѣ сессіи въ правительственныхъ кругахъ не обсуждался и что вообще правительство въ данномъ случаѣ предоставляетъ полную свободу дѣйствій Государственной Думѣ („Русск. Слово", 3. VI).

Въ то же самое время

въ соединенномъ засѣданіи финансовой и бюджетной коммиссій Думы обсуждался вопросъ о времени разсмотрѣнія законопроекта о расширеніи эмиссіоннаго права государственнаго банка. Гг. Годневъ, Сувчинскій и др. настаивали на необходимости скорѣйшаго разсмотрѣнія законопроекта, не дожидаясь возвращенія докладчика Шингарева, такъ какъ Дума съ 20 іюня можетъ быть распущена.

— Откуда это извѣстно и кто рѣшилъ вопросъ о роспускѣ Думы? — спросилъ Керенскій.

— Блокъ, видимо, рѣшилъ,—замѣтилъ кто-то изъ соціалъ-демократовъ.

Представители большинства энергично протестовали противъ этого предположенія. Н. А. Ростовцевъ разъяснилъ, что вопроса о роспускѣ Думы никто не рѣшалъ, но позже 25 іюня сохранить Думу физически не удастся, кворума не будетъ. Коммиссія рѣшила ускорить разсмотрѣніе проекта и замѣнила докладчика А. И. Шингарева А. С. Посниковымъ. („Русское Слово": l. VI).

Такъ дѣло обстояло къ началу іюня. Общественное мнѣніе полагало, что Дума должна работать. Дума, по отзывамъ нѣкоторыхъ освѣдомленныхъ съ ея настроеніями депутатовъ, не могла устоять противъ соблазна удалиться на лѣтній отдыхъ. Правительство ждало... Въ началѣ іюня, по свѣдѣніямъ А. Я. Ефимовича, бывшаго редактора „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" и екатеринославской „Южной Зари", Б. В. Штюрмеръ и М. В. Родзянко имѣли разговоръ „о времени роспуска законодательныхъ палатъ".

. . . .

Черезъ нѣсколько дней, 12 іюня произошла,—какъ разсказываетъ тотъ же г. Ефимовичъ,—новая бесѣда на ту же тему

. . . .

Бесѣда получила огласку.

И товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. Бобринскій счелъ нужнымъ выяснить правительственную точку зрѣнія,—побесѣдовалъ съ сотрудникомъ одной петроградской газеты.

„Правительство — заявилъ гр. Бобринскій этому сотруднику — имѣетъ основаніе считать, что, распуская Государственную Думу, оно идетъ на встрѣчу желаніямъ подавляющаго большинства членовъ Думы, ибо многіе изъ нихъ спѣшатъ на сельскохозяйственныя работы, особую важность которыхъ выдвинули переживаемыя событія. Иные же связаны на мѣстахъ другими интересами. Въ результатѣ мы видимъ, что кворумъ въ Тавриче-

скомъ дворцѣ все таетъ. Правительство, распуская законодательныя учрежденія, не думаетъ ставить какихъ-либо препятствій ихъ работѣ, да врядъ ли кто-либо и сталъ бы серьезно обвинять правительство въ такихъ несуществующихъ намѣреніяхъ.

Еслибы подавляющее большинство желало работать въ области законодательной, — правительство благожелательно пошло бы на встрѣчу. Но подавляющее большинство желаетъ отдохнуть отъ законодательной работы и отчасти заняться сельскимъ хозяйствомъ,— правительство идетъ на встрѣчу и этому желанію, понимая, между прочимъ, что и сельское хозяйство — отрасль важная.

. . . .

Заявленіе гр. Бобринскаго было опубликовано 15 іюня. Депутаты имѣли, значитъ, и время, и возможность выяснить, насколько правильно мнѣніе, что „подавляющее большинство Думы“ желаетъ роспуска. Но Дума предпочла остаться безъ выясненій.

Возможно, что въ словахъ гр. Бобринскаго о подавляющемъ большинствѣ есть преувеличеніе. Кто и какъ считалъ, сколько депутатовъ желаютъ отдыхать и сколько работать,—мы во всякомъ случаѣ не знаемъ. Несомнѣнно лишь, что третьеіюньскій духъ остается неизмѣннымъ. Теперь исключительное время. Но вѣдь и въ 1907 г. оно было исключительнымъ, хотя не въ столь явной степени. Весь періодъ, начиная, примѣрно, съ манчжурской кампаніи, по справедливости надо отнести къ числу исключительныхъ и критическихъ. Втеченіе всего этого періода странѣ жизненно необходимо законодательное творчество. А для депутатовъ III и IV созывовъ характерно, пожалуй, не столько безсиліе удовлетворить эту потребность, сколько равнодушіе къ ней и абсентеизмъ,— почти такой же абсентеизмъ, какой наблюдается во многихъ, особенно захолустныхъ, городскихъ и земскихъ общественныхъ управленіяхъ. Сходство, безъ сомнѣнія, не случайное: на выборахъ по указу 3 іюня огромная роль отведена тѣмъ же цензовымъ слоямъ, которые господствуютъ и въ мѣстныхъ представительныхъ учрежденіяхъ.

На другой день послѣ роспуска Госуд. Думы „Рѣчь“ писала: „Мы наткнулись на своеобразный союзъ укоренившихся привычекъ той соціальной среды, къ которой принадлежитъ большинство депутатовъ Думы, избранной по Положенію 3 іюня“... . . . .

. . . . Съ кѣмъ, по мнѣнію „Рѣчи“, состоятъ въ союзѣ привычки большинства депутатовъ, осталось неизвѣстнымъ. Но на привычки-то во всякомъ случаѣ „мы наткнулись“. Не о программахъ въ данномъ случаѣ споръ, не о тактикѣ. Рѣчь идетъ объ оченъ элементарномъ качествѣ,—всего лишь о желаніи и способности работать. И тѣмъ не менѣе наткнулись и споткнулись.

II. Думскіе проекты о мѣстномъ самоуправленіи.

Оцѣнивая законопроекты, проведенные въ минувшую сессію, печать приходитъ къ довольно неутѣшительнымъ выводамъ. Органы разнообразныхъ направленій говорятъ о „грустныхъ итогахъ", о „политическомъ фіаско", о „результатахъ, сводимыхъ къ нулю", или, по болѣе снисходительной оцѣнкѣ, о „неудачной сессіи". Даже „Рѣчь",—вынужденная защищать идею блока, его тактику, достигнутые имъ результаты, защищать, хотя бы и съ оговорками, съ попытками отмежевать свою линію отъ линіи блока,—признаетъ „активъ сессіи" „сравнительно скромнымъ". Но, по ея мнѣнію, блокъ тутъ не виноватъ. Онъ принялъ мѣры, онъ заготовилъ „важнѣйшіе законопроекты", призналъ ихъ „необходимыми для скорѣйшей организаціи страны".

„Если эти законодательные матеріалы не могли изъ коммиссій перейти въ общее собраніе Думы, то лишь потому, что обсужденіе не менѣе важныхъ законовъ, которые считались не вызывающими сомнѣній, затянулось въ Думѣ сверхъ мѣры. Можно жалѣть или не жалѣть объ этомъ, можно считать безконечныя полемическія рѣчи по поводу крестьянскаго равноправія очень полезными или, напротивъ, совершенно безплодными. Какъ бы то ни было, фактъ затяжки налицо, и только этимъ фактомъ объясняется сравнительно скромный активъ сессіи, которая началась при такихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ...

„Только этимъ объясняется", что остались неразсмотрѣнными „готовый волостной законопроектъ, готовый земскій, близкій къ окончанію городской и т. д."... Искать виноватыхъ—занятіе, не всегда плодотворное. Но присмотрѣться къ тому, что происходило въ дѣйствительности, не лишне.

Возобновленіе сессіи послѣ сентябрьскаго роспуска ожидалось „не позже ноября". По извѣстнымъ причинамъ оно состоялось лишь въ февралѣ. Времени на подготовку, на составленіе программы у большинства Думы, объединяемаго платформой блока, было достаточно. И тѣмъ не менѣе большинство начало сессію безъ программы... Можно полагать, что уже въ этотъ періодъ осенняго и зимняго бездумья „мы наткнулись" на работоспособность и дѣловую цѣнность „той соціальной среды, къ которой принадлежитъ большинство депутатовъ Думы, избранной по Положенію 3 іюня".

Очередную парламентскую программу пришлось вырабатывать во время работы, на ходу. По какимъ соображеніямъ—вопросъ иной, но большинство рѣшило выдвинуть на первую очередь именно тѣ проекты, о которыхъ упоминаетъ „Рѣчь": волостное земство, реформа земскаго положенія, реформа городового положенія. Рѣшеніе состоялось къ началу марта. Черезъ три мѣсяца, къ концу мая проектъ, напримѣръ, городового положенія находился, по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ такомъ состояніи:

„Проектъ въ количествѣ 274 статей составленъ. Но какъ? Отдѣльные депутаты составили отдѣльныя части и внесли ихъ въ коммиссію, а въ коммиссіи по поводу ихъ идутъ споры. Пробовали-было обратиться въ бюро блока, чтобы оно какъ нибудь помирило спорящихъ, но изъ этого вышло только то, что заспорили въ самомъ бюро. Перенесли споръ на обсужденіе отдѣльныхъ фракцій, а отсюда получился такой результатъ: заспорили во фракціяхъ".

Основная причина безконечныхъ треній и споровъ въ томъ что думская коммиссія съ самаго начала рѣшила реформировать городовое устройство, оставляя открытымъ вопросъ о муниципальномъ избирательномъ правѣ.

„Коммиссія нашла возможнымъ высказаться только за необходимость расширенія городского избирательнаго права, не предрѣшая, въ какихъ рамкахъ должно быть произведено это расширеніе".

По вопросу объ избирательномъ правѣ внутри блока, оказалось, трудно достигнуть согласія. И вначалѣ полагали, что если этотъ спорный вопросъ изъять, то дѣло пойдетъ скорѣй. Увы,— безъ измѣненія избирательнаго права всѣ другія предположенія стали сомнительными и спорными. Спорнымъ и сомнительнымъ оказалось даже расширеніе компетенціи городскихъ думъ и уничтоженіе административнаго надзора за цѣлесообразностью.

Одни говорятъ: такъ плохъ личный составъ городскихъ самоуправленій, опредѣляемый безобразнымъ избирательнымъ закономъ, что опасно снабжать такіе муниципалитеты широкой компетенціей и хорошими средствами.

Другіе говорятъ другое. Аргументы за и противъ довольно сильны. И возъ ни съ мѣста. А попытки придти къ соглашенію относительно избирательнаго закона кончились тоже довольно плачевно. Беру одно изъ газетныхъ сообщеній отъ 16 іюня,—о происходившемъ всего за 5 дней до роспуска соединенномъ засѣданіи бюро блока съ членами думской коммиссіи по городскимъ дѣламъ, входящими въ составъ того же блока. Обсуждалась избирательная система для городовъ.

Представители пяти фракцій, входящихъ въ блокъ, за исключеніемъ к.-д., высказались за куріальную систему. Конституціоналисты-демократы Новиковъ и Велиховъ рѣшительнымъ образомъ возражали противъ куріальной системы. На вопросъ предсѣдателя бюро блока г. Шидловскаго, на какія же уступки могутъ пойти представители к.-д., гг. Новиковъ и Велиховъ заявили, что ихъ фракція высказалась за единую курію и не уполномочивала ихъ сходить съ этой точки зрѣнія и вести какую-либо торговлю въ смыслѣ улучшенія куріальной системы, противъ принципа которой она возражаетъ. Тогда собраніе предложило конституціоналистамъ-демократамъ еще разъ разсмотрѣть этотъ вопросъ въ своей фракціи. Резюмируя пренія г. Шидловскій заявилъ, что сторонники куріальной системы въ блокѣ пойдутъ на всѣ уступки и примутъ поправки къ ней, кромѣ тѣхъ, которые уничтожаютъ самую систему.

Очевидно, и тутъ „мы наткнулись" на особенности „той соціальной среды, къ которой принадлежитъ большинство депутатовъ".

Дробленіе избирателей на куріи есть одинъ изъ важныхъ способовъ, при помощи которыхъ эта малоспособная къ государственному творчеству среда удерживаетъ въ своихъ рукахъ господство. И отказаться отъ одной изъ своихъ самыхъ сильныхъ позицій она, естественно, не желаетъ. Она согласна на расширеніе избирательнаго права лишь при сохраненіи курій, которыя обезпечивали бы ей и впредь господство. Въ спорахъ о куріяхъ и застряла городская реформа.

Съ подготовкой „земской реформы" дѣло подвинулось дальше, но только потому, что она задумана безъ измѣненія нынѣ дѣйствующаго избирательнаго закона. Для сужденій, чего стоитъ такая „реформа", достаточно вспомнить о многочисленныхъ выморочныхъ уѣздахъ, гдѣ земскіе выборы по первой куріи фактически не производятся,—всѣ наличные избиратели записываютъ въ гласные самихъ себя... Надо, впрочемъ, отмѣтить, что 12 іюня, за недѣлю до роспуска, въ газетахъ появились свѣдѣнія, что бюро блока рѣшило предложить своей коммиссіи по мѣстному самоуправленію „приступить къ разработкѣ проекта объ измѣненіи земскаго избирательнаго закона". Непосвященные въ секреты блока могутъ лишь догадываться, почему это порученіе не было дано коммиссіи мѣсяца на три раньше, напр., въ мартѣ. И среди разныхъ догадокъ возможна и такая: большинство блока не согласилось измѣнить избирательный законъ и отказаться отъ власти какою оно располагаетъ въ земствѣ, но это твердое рѣшеніе замаскировано запоздалымъ и ни къ чему не обязывающимъ порученіемъ коммиссіи разработать проектъ измѣненій.

Кстати сказать,—проектъ земской реформы, совершенно не затрагивающій избирательныхъ правъ, предполагалось поставить въ послѣдній моментъ передъ роспускомъ. Помѣшало внѣшнее обстоятельство,—выдвинутый правыми вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ. Еслибы правые не помѣшали, то земская „реформа" могла бы пройти, по условіямъ времени, лишь въ вермишельномъ порядкѣ, безъ критики и преній. Въ этомъ случаѣ имѣло бы тактическій смыслъ и запоздалое порученіе: теперь примите, что даютъ, а на счетъ земскаго избирательнаго закона поговоримъ послѣ,—коммиссіи уже предложено этимъ заняться...

Съ волостнымъ земствомъ замѣшкался опять-таки самъ блокъ. Съ самаго начала онъ до крайности—подъ предлогомъ ускоренія—упростилъ задачу: было рѣшено новаго проекта не составлять, а воспользоваться старымъ, столыпинскимъ проектомъ,—благо онъ принятъ былъ третьей Думой, а въ Государственномъ Совѣтѣ хотя отвергнутъ, но очень ничтожнымъ большинствомъ. Кажущійся практицизмъ этого рѣшенія соединенъ однако съ очень существенными неудобствами. Въ проектѣ Столыпина, какъ извѣстно, ярко отразилась свойственная объединенному дворянству соціальная тенденція. Теперь не тѣ настроенія, что при

Столыпинѣ. Въ Думѣ — плохо-ли, хорошо-ли — поднятъ разговоръ о крестьянскомъ равноправіи. И если рядомъ хотя бы только съ этимъ разговоромъ выдвинуть столыпинскую тенденцію, ставящую основную массу населенія волости въ положеніе гражданъ второго сорта, отдающую волостное земство подъ административную опеку и административное усмотрѣніе, то получился бы ужь очень рѣзкій диссонансъ. Получался диссонансъ и въ другомъ отношеніи. Волостное земство—по столыпинскому проекту—подъ опекою. А сущность намѣченной блокомъ мѣстной „реформы" сводится къ нѣкоторому освобожденію земскихъ и городскихъ общественныхъ управленій отъ опеки. Уже однихъ этихъ неудобствъ было достаточно, чтобы отказаться отъ буквальнаго повторенія столыпинскаго проекта. Но отказывались медленно, какъ бы нехотя. Лишь 20 мая въ газетныхъ хроникахъ появились извѣстія, что блокъ занялся внесеніемъ поправокъ въ старый законопроектъ о волостномъ земствѣ. Но и тутъ большинство блока стало проводить свою тенденцію. Не пожелало расширить кругъ избирателей,—оставило тотъ же цензъ, какой былъ установленъ III Думой. Смягчая административный надзоръ, рѣшили поставить волостное земство въ подконтрольную зависимость отъ земства уѣзднаго. А такъ какъ избирательная система, опредѣляющая составъ уѣздныхъ земствъ, оставлена безъ измѣненій, то получился контроль какъ бы „панскаго" (уѣзднаго) земства надъ „мужицкимъ" (волостнымъ)... Послѣ такихъ поправокъ представители к.-д. фракціи заявили, что оставляютъ за собою право указать въ общемъ собраніи Думы, что они, принимая нѣкоторыя детали, какъ компромиссъ, продолжаютъ отстаивать свою принципіальную точку зрѣнія...

Мелкая земская единица, земская реформа, городская реформа... Орѣхъ называется золотымъ. Но это—елочный орѣхъ. Золото на немъ сусальное. Дѣтямъ рекомендуется смотрѣть, любоваться, но не раскусывать, — ибо внутри подъ скорлупой горькая гниль. Въ сущности блоку выгоднѣе, что приготовленные имъ орѣхи такъ и остались подъ флеромъ. Критики въ общемъ собраніи Думы разгрызли бы ихъ, — и едва-ли получилось бы пріятное для блока впечатлѣніе. А провести всѣ три проекта въ порядкѣ вермишельномъ, гильотинировавъ пренія, было бы не легко.

III. Какъ большинство Думы осуществляло свою платформу по религіозному, національному и сословному вопросамъ.

Въ платформѣ думскаго — блоковаго—большинства значатся между прочимъ: вѣротерпимость, урегулированіе на либеральныхъ началахъ польскаго вопроса, примирительныя начала въ финляндскомъ вопросѣ, „вступленіе на путь отмѣны ограниченій для евреевъ", уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями.

Эти пункты, помимо своего общаго значенія, имѣютъ и злободневную остроту.

Дальнѣйшее отступленіе отъ началъ вѣротерпимости въ последне время особенно остро чувствуется общинами баптистовъ и евангелическихъ христіанъ. По типу религіозной мысли они являются характернымъ сочетаніемъ англо-саксонскихъ вліяній съ исканіями русскаго простонародья. Но нѣкоторые наши миссіонеры и администраторы сообразили, что баптизмъ—„нѣмецкая вѣра". И на этомъ основаніи начали дѣйствовать свойственнымъ имъ способомъ (хотя баптизмъ признанъ нашими законами, какъ правоохраняемое вѣроученіе). Любопытная черта: „нѣмецкой вѣрой", если ужь позволено окрашивать вѣры въ національные цвѣта, всего больше можно бы признать протестанство. Но протестанство у насъ исповѣдуется значительной частью высшихъ слоевъ и на его правовомъ положеніи война не отразилась сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ. А баптизмъ, проповѣдуемый по преимуществу низшими слоями, преслѣдуется, хотя онъ и не нѣмецкій... Получается двойное несоотвѣтствіе государственнымъ принципамъ и интересамъ: во-первыхъ, преслѣдованіе за вѣру (пусть даже „нѣмецкую"), во-вторыхъ, преслѣдованіе за такую вѣру, къ которой близка и въ которой заинтересована видная часть населенія союзной съ нами Великобританіи.

Злободневная острота польскаго, финляндскаго и еврейскаго вопросовъ понятна сама собою. Крестьянскія же права издавна имѣютъ злободневную остроту. Нынѣшними же событіями застарѣлая острота доведена до крайнихъ предѣловъ абсурда. Общественному дѣятелю поручается,—напр., земствомъ или земскимъ союзомъ—работа, имѣющая важное государственное значеніе. Но этотъ общественный дѣятель—крестьянинъ. И его, какъ крестьянина, можно „отечески" посадить въ клоповникъ за то, что онъ, напр., стоялъ передъ земскимъ начальникомъ въ шапкѣ. Крестьянинъ за боевыя отличія получаетъ офицерское званіе, чины, ордена. По указу 5 октября 1906 г., онъ можетъ при этомъ оставаться крестьяниномъ. Но, какъ крестьянинъ, онъ подлежитъ упрощенной распорядительности земскихъ начальниковъ, волостныхъ старшинъ и всякой иной близкой власти. Съ самими офицерами изъ крестьянъ, кажется, не „поступаютъ по закону". Но о положеніи ихъ отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ приходится слышать несообразное. Съ ними поступаютъ. Ради педагогическихъ цѣлей поступаютъ,—не за что-либо въ каталажку, а просто такъ, чтобы чувствовали, чтобы не зазнавались. Конечно, бывало въ этомъ родѣ и раньше. Но количество замѣтно поднявшихся снизу на болѣе высокія ступеньки соціальной лѣстницы ростетъ. Подъ вліяніемъ событій быстро ростетъ. И старые грѣхи принимаютъ характеръ уже не отдѣльныхъ случаевъ, хотя и типичныхъ, а

общаго несоотвѣтствія между архаическими и противорѣчивыми законами, съ одной стороны, и условіями жизни, съ другой.

Въ предѣлахъ хотя бы только этихъ пунктовъ платформы Думѣ было надъ чѣмъ поработать. Но вопросами, связанными съ вѣротерпимостью, Дума не заинтересовалась. О полякахъ молчала. Отъ финляндскаго вопроса забаррикадировалась соображеніями о компетенціи и прерогативахъ. Евреи же имѣли несчастье стать пробнымъ камнемъ, на которомъ впервые испытана платформа думскаго большинства. Вышло случайно: возобновленіе сессіи въ февралѣ хронологически совпало съ оглаской одного изъ циркуляровъ департамента полиціи. Лѣвая часть Думы организовала запросъ. Запросъ былъ принятъ. Но при его обсужденіи часть блока заняла опредѣленно антисемитскую позицію. И обнаружилось, что вошедшіе въ блокъ октябристы и націоналисты склонны соединиться съ правыми и признать объясненія правительства въ защиту циркуляра удовлетворительными. Это было бы равносильно поддержкѣ тѣхъ обвиненій, которыя содержались въ циркулярѣ. Дѣло ограничилось простымъ переходомъ, — безъ какой бы то ни было квалификаціи правительственныхъ объясненій. Но смыслъ урока былъ ясенъ: въ платформѣ написано объ отмѣнѣ ограниченій для евреевъ, но подписавшіе эту платформу, въ силу внутреннихъ противорѣчій, за осуществленіе взяться не могутъ и не возьмутся. На этомъ и кончились надежды, что думское большинство отзовется на явленія жизни, требующія болѣе культурной постановки религіознаго и національнаго вопросовъ.

Съ вопросомъ сословнымъ блокъ поступилъ по иному. Въ архивахъ Думы есть любопытный „законодательный матеріалъ", который нельзя принять безъ оговорокъ, но нельзя и отвергнуть. Въ числѣ такихъ „матеріаловъ" лежитъ безъ движенія въ архивахъ Думы, напр., законопроектъ о западномъ земствѣ. Пять лѣтъ уже лежитъ. Земство, на основаніи этого законопроекта, проведеннаго по 87 ст., существуетъ. Но Думѣ трудно согласиться относительно спорныхъ деталей съ Государственнымъ Совѣтомъ. А въ случаѣ разногласія весь законопроектъ можетъ оказаться отвергнутымъ,— тѣмъ самымъ и земская организація западныхъ губерній подпадетъ подъ раскассированіе на законномъ основаніи. По аналогичнымъ причинамъ хранился почти 10 лѣтъ въ архивахъ Думы и проектъ „объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей", введенный въ дѣйствіе, на основаній 87 ст., указомъ 5 октября 1906 г. Теперь о немъ вспомнили. И выдвинули въ качествѣ... обѣщаннаго блоковой платформой уравненія крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями.

Впрочемъ, правая часть блока согласилась нѣсколько дополнить нормы, фактически дѣйствующія уже 10 лѣтъ. Указомъ 5 октября 1906 г. отмѣнено право земскихъ начальниковъ налагать административныя взысканія на лицъ, принадлежащихъ къ сельскимъ

обществамъ. Теперь блокъ рѣшилъ признать подлежащимъ отмѣнѣ такое же право волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. Правая часть блока согласилась на отмѣну права сельскихъ обществъ подвергать сочленовъ административной высылкѣ. Едва-ли не самое крупное дополненіе, вносимое блокомъ, сводится къ попыткѣ,— правда, очень робкой—придать сельскому обществу не сословный характеръ: устанавливается свободная для всѣхъ сословій приписка къ сельскому обществу и устраняются преграды къ выходу изъ сельскаго общества. Значеніе этихъ и другихъ „поправокъ", внесенныхъ къ дѣйствующему указу, В. А. Маклаковъ, въ качествѣ докладчика и апологета, опредѣлилъ такъ: всѣ онѣ „ничто" по сравненію съ тѣмъ, что далъ самый указъ... Тутъ есть нѣкоторое преуменьшеніе. „Поправки" даютъ не ничто, а все-таки нѣчто. Но, разумѣется, очень скромное нѣчто. А по сравненію съ задачей—„уравнять сословныя права", т. е. упразднить сословность и водворить равноправіе,—очень скромны не только поправки. Самый проектъ, къ которому онѣ внесены, по сравненію съ этой задачей, очень скроменъ. Въ общемъ собраніи Думы одинъ изъ депутатовъ при обсужденіи законопроекта коснулся „упраздненія сословій". Представитель правительства, гр. Бобринскій, весьма рѣшительно возразилъ на это:

„Во-первыхъ, объ уничтоженіи сословій обсуждаемый законопроектъ ни слова не говоритъ. Во-вторыхъ, категорически заявляю, что правительство въ настоящее время не имѣетъ въ виду заниматься какимъ-либо упраздненіемъ сословій въ Россіи".

Въ самомъ указѣ содержится лишь отмѣна нѣкоторыхъ ограниченій. Отмѣна нѣкоторыхъ ограниченій, менѣе существенныхъ, содержится и въ поправкахъ, внесенныхъ блокомъ. Опытъ показалъ, что отмѣна этихъ ограниченій нисколько не препятствуетъ установленію другихъ ограниченій. 5 октября 1906 г. нѣкоторыя ограниченія крестьянскихъ правъ отмѣнены. Актомъ 3 іюня 1907 г. крестьяне-землевладѣльцы лишены права участвовать въ выборахъ въ Гос. Думу по землевладѣльческой куріи. Тогда же ограничены избирательныя права крестьянской куріи: выборщики не могутъ, какъ прежде было, выбирать самостоятельно въ Думу сословнаго депутата отъ крестьянъ; выборъ крестьянскаго депутата, по Положенію 3 іюня 1907 г., производится губернскимъ избирательнымъ собраніемъ, а въ этихъ собраніяхъ выборщики крестьянской куріи составляютъ меньшинство и мѣстами довольно слабое. Такъ было. Такъ оно и есть. Одновременно обсуждается и отмѣна нѣкоторыхъ ограниченій, и возложеніе на крестьянъ и мѣщанъ гужевой повинности... Одно отмѣняется, другое вводится. Сословность подтачивается вліяніями жизни. Но законъ очень слабо отражаетъ эти вліянія. И мало имъ соотвѣтствуетъ. Во многомъ же и противопоставляется имъ, какъ плотина, которая предназначена сдер-

живать напоръ воды. И въ конечномъ итогѣ трудно не замѣтить характерную черту нашей критической эпохи: жизнь подтачиваетъ сословную обособленность, нѣкоторыя ограниченія отмѣнены 5 октября 1906 г., но во многихъ нашихъ внутреннихъ политическихъ отношеніяхъ духъ сословности не только не ослабѣваетъ, но, наоборотъ, усиливается, принимаетъ все болѣе и болѣе боевую окраску.

„Въ настоящее время правительство не имѣетъ въ виду заниматься какимъ-либо упраздненіемъ сословій въ Россіи". Не имѣетъ этого въ виду и большинство Думы. Блокъ согласился на отмѣну нѣкоторыхъ ограниченій. Но другія ограниченія желаетъ сохранить. Такъ, напр., онъ согласился отмѣнить лишеніе крестьянъ-землевладѣльцевъ права при выборахъ въ Государственную Думу входить въ курію землевладѣльцевъ, но воспротивился предложенію возстановить прежній порядокъ выборовъ по крестьянской куріи,—чтобы она сама, только своими голосами, выбирала представителя. Противъ этого предложенія можно, разумѣется, найти и принципіальные резоны. Но едва-ли они очень интересуютъ октябристовъ и націоналистовъ, входящихъ въ блокъ. Съ октябристской и націоналистской точки зрѣнія, пожалуй, интереснѣе чисто практическая сторона дѣла: пока крестьянская курія сама выбирала своихъ представителей, въ ней преобладали трудовики; а когда выборы крестьянскихъ депутатовъ стали зависѣть отъ владѣльческаго большинства избирательныхъ собраній, — въ гораздо большемъ числѣ проходятъ хозяйственные мужички, склонные держаться возлѣ охранительныхъ думскихъ фракцій и группъ.

Скромное оформленіе законопроекта, давно дѣйствующаго на основаніи 87 статьи, могло бы пройти мало замѣченнымъ. Но дѣятели думскаго большинства придали скромному дѣлу нѣсколько рекламный характеръ. Можетъ быть, это было психологически необходимо: много обѣщали сначала, много хвастали, надавали векселей, а платить нечѣмъ, —и возникла потребность называть гроши рублями. Въ шумѣ, поднятомъ вокругъ „крестьянскаго законопроекта", поскольку онъ все-таки привлекалъ умы къ фундаментальнѣйшему изъ нашихъ государственныхъ вопросовъ, можно, пожалуй, найти и положительную сторону. Но это положительное тонетъ въ отрицательномъ.

Общественныя силы оказались отвлеченными въ такое дѣло, которое трудно признать плодотворнымъ. Съ одной стороны, естественно, понадобилось вскрыть, что дѣятели блока преподносятъ, какъ новинку, старый матеріалъ, и что они подновляютъ его ужъ очень скудно. Эта тягостная и неблагодарная задача въ Думѣ выпала на долю трудовиковъ и соціалъ-демократовъ, а въ странѣ почти на всю прогрессивную печать. И надо отдать справедливость органамъ конституціонно-демократическаго направленія, — за исключеніемъ „Рѣчи" и немногихъ другихъ изданій,—они на сей разъ

выступили противъ позиціи, занятой въ Думѣ единомышленниками, вошедшими въ либеральный блокъ. Въ видѣ примѣра укажу хотя бы на отзывъ прогрессивно-либеральнаго „Южнаго Края“: эта большая провинціальная газета высказывала что въ вопросѣ о крестьянскомъ равноправіи конституціонно демократическая фракція Думы, „несомнѣнно“, „капитулировала передъ правой частью блока“ и совершенно напрасно „докладчикъ проекта, членъ конституціонно-демократической партіи В. А. Маклаковъ“, прикрываетъ „принципіальные моменты формальными“. Другая сторона—и, прежде всего, думскіе ка-деты—такъ же, естественно, стала отстаивать свою позицію. Получился шумный споръ. И притомъ споръ, главнымъ образомъ, внутри прогрессивнаго лагеря, — къ несомнѣнной выгодѣ для лагеря реакціоннаго.

Изъ отдѣльныхъ деталей, на которыхъ сталкивались мнѣнія, пожалуй, особенно характерна слѣдующая... Въ выдвинутомъ изъ думскихъ архивовъ правительственномъ законопроектѣ, которому толкователи произвольно придали слишкомъ шумный заголовокъ („крестьянское равноправіе“), первая статья была редактирована такъ:

„Предоставить всѣмъ россійскимъ подданнымъ безразлично отъ ихъ происхожденія, за исключеніемъ инородцевъ (св. зак. т. IX, изд. 1899 г., зак. о сост., ст. 762), одинаковыя въ отношеніи государственной службы права, примѣнительно къ таковымъ правамъ лицъ дворянскаго сословія“...

Третья Дума одно время взялась-было за этотъ законопроектъ. И коммиссія рѣшила, вмѣсто словъ: „за исключеніемъ инородцевъ“, поставить: „за исключеніемъ евреевъ“. Такимъ образомъ глухая ссылка на 762 ст. закона о состояніяхъ была расшифрована. Нынѣшній либеральный блокъ собрался снова ее зашифровать,—возстановить формулу правительственнаго проекта: „за исключеніемъ инородцевъ“. Но В. А. Маклакову удалось найти формулу еще болѣе дипломатическую. И первая статья проекта получила такой видъ:

„Предоставить всѣмъ россійскимъ подданнымъ, какъ имѣющимъ право поступать на государственную службу, такъ и тѣмъ, коихъ на основаніи ст. 6 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (св. зак., т. III) воспрещается принимать на службу,—одинаковыя права въ отношеніи государственной службы и награжденія орденами и другими знаками отличія соотвѣтственно такому же праву лицъ дворянскаго сословія“.

Исчезло „исключеніе“, исчезли „инородцы“. За то получилось, прежде всего, несоотвѣтствіе заголовку проекта. Заголовокъ говоритъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей. А статья 6 устава о службѣ запрещаетъ принимать на гражданскую службу: 1) купцовъ и дѣтей ихъ (за исключеніемъ первой гильдіи и коммерціи совѣтниковъ), 2) личныхъ почетныхъ гражданъ (за исключеніемъ сыновей чиновниковъ и офицеровъ), 3) сыновей не служившихъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, 4) лицъ быв-

шихъ податныхъ состояній. За исключеніемъ „бывшихъ податныхъ состояній“, — всѣ остальные совсѣмъ не сельскіе обыватели и совсѣмъ не крестьяне. Зачѣмъ эта юридическая перетасовка понадобилась? Отвѣтъ легко найти въ статьѣ 9 того же устава о службѣ: „запрещается принимать на гражданскую службу евреевъ“ (кромѣ имѣющихъ нѣкоторыя ученыя степени). Объ этой статьѣ проектъ, конечно, не упоминаетъ.

Зашифровка получилась болѣе ловкая. Но именно эта ловкость привела къ цѣлому ряду неловкостей. Быть можетъ, особенную неловкость почувствовали евреи, состоящіе въ рядахъ к.-д. партіи,— а тѣмъ болѣе входящіе въ к.-д. думскую фракцію. На прямой вопросъ: что же у васъ, господа, происходитъ?—нѣкоторые изъ нихъ отвѣтили чрезвычайно тонко: они, видите-ли, входятъ лишь въ к.-д. фракцію, но не состоятъ и не состояли въ либеральномъ блокѣ, хотя фракція полностью присоединилась къ блоку. Не совсѣмъ ловко должна была чуствовать себя и фракція. Если въ законопроектѣ о сельскихъ обывателяхъ отмѣняется статья 6 о службѣ, то какія же могутъ быть, хотя бы только формальныя, основанія противъ отмѣны статьи 9? И не только ея, — замѣчу отъ себя. Въ уставѣ о службѣ гражданской есть еще, напр., статья 12: „священнослужителямъ, добровольно сложившимъ съ себя духовный санъ, воспрещается вступать въ какой бы то ни было родъ государственной службы“ (втеченіе довольно долгаго срока—до 10 лѣтъ). Но идти далеко въ этомъ направленіи значило бы обнажить логическій и юридическій произволъ, при помощи котораго г. Маклакову удалось зашифровать неудобное мѣсто. К.-д. фракція остановилась лишь на статьѣ 9 устава о службѣ и рѣшила высказаться за ея отмѣну наравнѣ со статьею 6-й.

Оставаясь въ блокѣ и поддерживая блокъ, к.-д. фракція по данному, — крайне острому и боевому—вопросу какъ бы вышла изъ блока. Но странно вышла. В. А. Маклаковъ видимымъ образомъ не подчинился фракціонному рѣшенію. И даже возражалъ противъ него въ качествѣ докладчика по законопроекту. Никакая сколько-нибудь дисциплинированная фракція не допускаетъ, чтобы ея члены, помимо ея воли, выполняли обязанность докладчиковъ. И создавалось впечатлѣніе путаницы. И не только впечатлѣніе. Въ дѣйствительности вышло такъ, что одни члены фракціи не входятъ вмѣстѣ съ нею въ блокъ, другіе болѣе вѣрны блоку, чѣмъ ей, а она сама не то съ блокомъ, не то противъ блока. Положеніе фальшивое, конфузное, выражающее сильную степень организаціоннаго разброда. И еслибы хоть по большому поводу разбродъ... А то вѣдь онъ случился всего лишь при законодательномъ оформленіи скромныхъ юридическихъ нормъ, проведенныхъ Столыпинымъ и дѣйствующихъ уже 10 лѣтъ. Еслибы хоть въ основѣ разброда и спора явно лежали крупныя принципіальныя разногласія. Увы, — спорили в

разбрелись, главнымъ образомъ, изъ-за вопроса объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ евреевъ,—т. е. какъ разъ изъ-за того вопроса, относительно котораго, навѣрное, нѣтъ разномыслія внутри к.-д. партіи и фракціи. А вмѣстѣ съ тѣмъ это какъ разъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которомъ конституціоналистамъ-демократамъ всего легче сойтись съ трудовиками и соціалистами.

Право же, — точно глубокою ночью въ дремучемъ лѣсу. Потеряли люди дорогу, заблудились и бродятъ, натыкаясь другъ на друга... Проектъ о крестьянскомъ якобы равноправіи прошелъ лишь въ самомъ концѣ сессіи. Государственный Совѣтъ сможетъ за него приняться не раньше будущаго ноября. Къ уравненію крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями либеральный блокъ насъ не приблизилъ. Но розни въ прогрессивныхъ кругахъ онъ создалъ много.

IV. Къ итогамъ сессіи.

Въ послѣдній періодъ сессіи о Думѣ и въ особенности о думскомъ большинствѣ прогрессивная печать—за исключеніемъ, какъ я уже сказалъ, „Рѣчи" и нѣкоторыхъ другихъ изданій, — отзывалась нелестно. Попытки увѣрять, что такъ отзывается только лѣвая печать,—„безотвѣтственная оппозиція",—были. Но на сей разъ мнѣнія и лѣвой, и умѣренной печати сошлись близко. Во многомъ и совпали. Выше я привелъ мнѣніе „Южнаго Края". Воспользуюсь и еще нѣкоторым любопытными замѣчаніями этой газеты. Она, между прочимъ, спрашиваетъ (24. VI):

„Почему принятый раньше Думою (а теперь принятый такъ же Совѣтомъ) проектъ объ отмѣнѣ административной гарантіи по должностнымъ преступленіямъ предусматриваетъ разсмотрѣніе такихъ дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, а вотъ при отмѣнѣ административной гарантіи для взяточниковъ Дума, по собственному почину, отступила отъ этого принципа и сама замѣнила присяжныхъ засѣдателей сословными представителями?"

Частность характерная, но требующая нѣкоторыхъ фактическихъ поясненій... Первый изъ указанныхъ „Южнымъ Краемъ" законопроектовъ принятъ еще третьей Думой,—когда былъ у насъ право - октябристскій блокъ. Проектъ года два лежалъ въ Государственномъ Совѣтѣ безъ движенія, потомъ былъ изувѣченъ поправками, переданъ въ согласительную стадію и снова вернулся въ Совѣтъ, гдѣ онъ и разсмотрѣнъ въ нынѣшнюю сессію, — въ первой половинѣ іюня. Тѣмъ временемъ уже при либеральномъ блокѣ возникъ аналогичный проектъ,—объ отмѣнѣ административной гарантіи въ случаѣ лихоимства. При прежнемъ блокѣ компетенцію суда присяжныхъ засѣдателей ревностно отстаивали и въ Думѣ, и въ печати,—между прочимъ, к.-д. фракція. И правая часть Думы въ этомъ пунктѣ пошла на уступки. Но это было, повторяю, при право-октябристскомъ блокѣ. Теперь, при блокѣ либеральномъ, случилось иначе. Правительство предложило сохранить для дѣлъ о взя-

точникахъ существующій порядокъ (разсматриваются особыми присутствіями судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей). Націоналисты, октябристы и прогрессисты не возражали Ка-деты въ печати молчали. Въ Думѣ — засѣданіе 16 мая — к.-д. Гронскій ограничился лишь очень деликатной оговоркой, что „сохраненіе въ силѣ дѣйствующаго порядка, по которому дѣла о должностныхъ преступленіяхъ разсматриваются судебной палатой съ сословными представителями", фракція народной свободы считаетъ „однимъ изъ недостатковъ законопроекта". Послѣ г. Гронскаго въ томъ же засѣданіи 16 мая говорилъ г. Чхенкели. Вѣроятно, не столь мягко говорилъ, но „стенограмма его рѣчи задержана предсѣдателемъ Государственной Думы". Предложеніе правительства было принято.

Послѣднее получило основаніе считать, что взгляды большинства Думы по спорному вопросу о судѣ присяжныхъ и судѣ сословныхъ представителей измѣнились. Между тѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ при обсужденіи стараго, третьедумскаго, проекта о должностныхъ преступленіяхъ сложилось на сей разъ робкое и очень слабое, но все же большинство, въ пользу суда присяжныхъ засѣдателей. Большинство (57 противъ 55) отстаивало судъ присяжныхъ, не смотря на заявленіе товарища министра юстиціи Совѣту, что взгляды правительства относительно этого пункта измѣнились и оно высказывается за юрисдикцію сословныхъ представителей по дѣламъ, предусматриваемымъ въ законопроектѣ... При новомъ голосованіи (10 іюня) 6 членовъ совѣта министровъ присоединились къ меньшинству Государственнаго Совѣта, и получился 61 голосъ, а бывшее большинство (57 голосовъ) оказалось меньшинствомъ... И членамъ Думы въ согласительной коммиссіи теперь трудно будетъ отстаивать прежнюю точку зрѣнія Думы, когда она сама уже сошла съ нея.

Приведу и еще одно замѣчаніе „Южнаго Края" по поводу принятаго Думою законопроекта о военной цензурѣ:

„Тяжело сейчасъ россійской печати,—что и говорить. Но при проведеніи думскаго проекта едва-ли стало бы лучше, хотя бы уже потому, что законопроектъ распространяетъ военную цензуру на всю страну. Нужно знать сложившіяся фактическія условія, чтобъ понять, что изъ думскаго проекта остался бы лишь фактъ распространенія военной цензуры на всю имперію. А вѣдь докладчикомъ проекта былъ членъ партіи народной свободы—В. А. Маклаковъ".

О фактѣ распространенія цензуры на всю имперію трудно говорить въ сослагательномъ наклоненіи. Не было бы, а уже есть. И сторонники распространенія имѣютъ возможность сказать, что они поступаютъ согласно еще не прошедшему всѣхъ стадій, но ясно выраженному вотуму „народныхъ представителей"...

Оба случая — и съ сословными представителями, и съ военной цензурой—могутъ служить примѣромъ, какъ прогрессивное крыло

чынѣшняго думскаго большинства идетъ за націоналистами и октябристами. Не всегда, быть можетъ, это дѣлается сознательно; иногда это происходитъ, повидимому, вслѣдствіе внутренней слабости и растерянности.

Довольно наглядно это сказалось на попыткѣ думскаго большинства „утвердить трезвость"... Само собою понятно, что сопротивленіе заинтересованныхъ группъ и, прежде всего винокуровъ и винодѣловъ, далеко не сломлено. И кажется, всѣ понимаютъ, что трезвость нельзя утвердить только запретительными мѣрами. Нужно дать народу блага организованности, единственно способныя внести въ жизнь полноту разумнаго содержанія и создать твердый отпоръ соблазнамъ алкоголизма. Но тутъ корысть заинтересованныхъ въ сохраненіи пьянаго змія группъ подкрѣпляется соображеніями политическими, не допускающими приблизиться къ организаціи народныхъ силъ. Недостаточность однихъ запретовъ понятна и правительству. Еще при министрѣ Маклаковѣ въ подкрѣпленіе запретовъ было рѣшено учредить особую противоалкогольную коммиссію для разработки вопроса объ утвержденіи трезвост и устройствѣ разумныхъ развлеченій... Задача крайне сужена,— одними „развлеченіями", хотя бы и разумными, не заполнишь пустоты, которая придаетъ соблазнамъ алкоголизма неотвратимую силу. Притомъ же и разумныя развлеченія невозможно организовать, не измѣнивъ существенно нынѣшнихъ правовыхъ условій. Можно было опасаться, что новая противоалкогольная коммиссія не пойдетъ дальше пресловутыхъ „попечительствъ о трезвости", созданныхъ покойнымъ гр. Витте. Къ сожалѣнію, дѣйствительность оказалась еще безнадежнѣе. Въ началѣ іюня „Современнымъ Словомъ" была напечатана фактическая справка о дѣятельности противоалкогольной коммиссіи. Картина такая: у коммиссіи было уже четыре предсѣдателя: первый — Н. А. Маклаковъ, второй—кн. Н. Б. Щербатовъ, третій—гр. А. А. Бобринскій, четвертый (нынѣшній)—кн. Д. Н. Голицынъ-Муравлинъ; при первыхъ трехъ предсѣдателяхъ коммиссія ни разу не собиралась, а при четвертомъ о ней ничего не слышно. И эти результаты не могутъ считаться необъяснимыми. Достаточно вспомнить, какую роль въ дѣлахъ играетъ организація объединеннаго дворянства и какое мѣсто въ этой организаціи занимаютъ винокуры и винодѣлы.

Но вотъ за укрѣпленіе трезвости взялся либеральный блокъ. Трудно требовать, чтобы онъ однимъ ударомъ рѣшилъ задачу— водворилъ условія, благопріятныя для организованности, безъ которой пьянаго змія не одолѣешь. Но и поставить—только поставить—правильно задачу значитъ приблизиться къ ея разрѣшенію. Мало того, — жизненная постановка задачи обладаетъ свойствомъ стягивать и сплачивать силы, необходимыя для рѣшенія. Къ сожалѣнію, либеральный блокъ даже не пытался поставить задачу во всей ея значительности. Предпринятое укрѣпленіе трезвости онъ

свелъ къ подтвержденію запретительныхъ мѣръ, принятыхъ уже правительствомъ. Это вѣдь такъ легко и просто—подтвердить запреты. И въ Государственномъ Совѣтѣ не станутъ прекословить противъ того, что уже введено распоряженіями правительства. И прославлять самихъ себя можно: мы, дескать, укрѣпили трезвость.

Лично я въ данномъ случаѣ и такое „укрѣпленіе" не считаю дѣломъ безплоднымъ. Нормы, оформленныя въ законодательномъ порядкѣ, все-таки тверже и прочнѣе мѣръ, принятыхъ административною распорядительностью. Пусть сдѣлано было бы хоть это. Но у Думы вышло слѣдующее. Запрещеніе водки она „подкрѣпила". Подкрѣпила и запрещеніе всѣхъ вообще напитковъ, если они содержатъ больше $1^1/_2$ градусовъ алкоголя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ подкрѣпила и достигнутое винодѣлами изъятіе изъ общаго правила: продажа виноградного вина разрѣшается, и притомъ оно можетъ быть крѣпостью до 12 градусовъ. Въ засѣданіи 17 іюня к.-д. Пападжановъ поддерживалъ формулу, которая съ разными оговорками признаетъ „свободнымъ промысломъ" выдѣлку, продажу и вывозъ виноградныхъ винъ, крѣпостью не свыше 12 градусовъ по спиртомѣру Траллеса. А едва эта формула была принята, тотъ же к.-д. Пападжановъ (въ томъ же засѣданіи 17 іюня) внесъ другую формулу, выражающую пожеланіе, „чтобы правительство выработало и внесло на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій законопроектъ о виноградарствѣ и винодѣліи въ цѣляхъ.. прекращенія потребленія также и виноградного вина"... И эта новая формула была тоже принята... Не отказались, стало быть, отъ безусловной защиты трезвости. Но пошли и за винодѣлами. И туда, и сюда въ одно и то же время, однѣ и тѣ же фракціи, больше того—даже отдѣльные члены фракцій.

„Съ Шульгина, Бобринскаго, Крупенскаго и Савенка — пишетъ тотъ же „Южный Край" — немногое взыщется, ибо ихъ недавніе еще идеалы и стремленія общеизвѣстны. Ничего непріятно-неожиданнаго не проявили и октябристы. И еслибы блокъ состоялъ только изъ этихъ группъ, — намъ некого было бы упрекать". Но когда къ дѣламъ націоналистовъ и октябристовъ „активно прикосновенны тѣ, на чьемъ знамени стоитъ слово прогрессъ, когда докладчиками такихъ проектовъ и проводниками такой тактики являются представители партіи народной свободы, конституціонно-демократической, то на такія партіи падаетъ тяжелая моральная отвѣтственность".

„Грустные итоги протекшей сессіи заключаются едва-ли не главнымъ образомъ въ томъ, что она выявила глубоко печальный фактъ равненія Маклаковыхъ по Шульгинымъ, а не наоборотъ". „Идейный разбродъ въ средѣ лойяльной оппозиціи и ея капитуляція передъ правой частью блока,— вотъ поистинѣ грустные итоги сезона" (курсивъ „Южнаго Края").

Нельзя сказать, что всѣ к.-д. равнялись по Шульгинымъ. Маклаковы равнялись (не безъ попытокъ управлять событіями), Некрасовы не равнялись (не безъ уступокъ однако общему партій-

ному сдвигу). Но въ томъ-то и заключается разбродъ. И не только въ Думѣ разбродъ. Онъ отразился и въ странѣ. Въ предѣлахъ того же конституціонно-демократическаго направленія одни попытались отстаивать принципіальную позицію — пошли съ Некрасовыми. Другіе же стали равняться по Шульгинымъ, — пошли съ Маклаковыми. И далеко пошли. Иные сумѣли пойти и дальше В. А. Маклакова. Вотъ, напр., сообщеніе „Приазовскаго Края“ (28.

. . . . Стоитъ лишь понизить уровень принципіальности, потерять идейный компасъ, этого достаточно, чтобы люди разбрелись, а иные и зашли слишкомъ далеко. Быть можетъ, не вчера лишь компасъ потерянъ, не со дня вступленія въ связь съ націоналистами и октябристами. Но со дня связи движеніе безъ компаса легло въ основу тактики. Удачъ и пріобрѣтеній не вышло. А грустныхъ явленій хоть отбавляй. И нельзя считать ихъ дѣломъ только партійнымъ. Лѣвое крыло либеральнаго блока есть правый флангъ прогрессивной Россіи. И этотъ флангъ разстроенъ, смятъ, приведенъ въ дезорганизованное состояніе.

. . . .]

V. Внѣ жизни и внѣ народа.

Связанный договоромъ съ организаціями, сплоченными для защиты групповыхъ соціальныхъ интересовъ, правый флангъ прогрессивной Россіи безмолствовалъ, когда непремѣнно требовалось говорить. А, можетъ быть, и кричать. Какъ отозвалась Дума на политику извѣстныхъ владѣльческихъ группъ въ вопросѣ о твердыхъ цѣнахъ на хлѣбъ?—Никакъ. Какъ отозвалась Дума на все то, что устроили владѣльческія группы, хозяйствующія въ земствахъ, при выработкѣ твердыхъ цѣнъ на мясной скотъ?—Никакъ. И многое другое, столь же вопіющее, въ жизни осталось безъ думскаго отклика. Дума не сумѣла и не успѣла оформить попытки отклика даже на тотъ вопль, который поднятъ въ странѣ организованнымъ натискомъ домовладѣльцевъ на квартирантовъ. Да и какъ она могла откликнуться? Лѣвыя фракціи слишкомъ малочисленны и слабы. Ихъ работа протекаетъ въ очень тяжелыхъ условіяхъ. Ихъ рѣчи то и дѣло задерживаются цензурой предсѣдателя. Октябристы и націоналисты? Но эти группы представляютъ тотъ самый интересъ, противъ котораго надо бороться. Свой интересъ они проводятъ не столь откровенно, какъ правые. Но это—лишь тактическое разногласіе, суть котораго можно пояснить такимъ сравненіемъ.

Петроградская городская дума поддерживаетъ нашихъ домовладѣльцевъ грубо и откровенно, саратовская—деликатно, имѣя видъ третейскаго судьи, желающаго по возможности примирить противорѣчія сторонъ. И пока что саратовскіе домовладѣльцы до-

стигли, кажется, бо̀льшихъ успѣховъ, чѣмъ петроградскіе. Мягкость часто хитрѣе и опаснѣе грубости.

Довольно сильна для откликовъ к.-д. фракція. Но если откликаться на тѣ уродливости, которыя выгодны группамъ, близкимъ націоналистамъ и октябристамъ, то надо отказаться отъ блока съ этими послѣдними. А чтобъ сохранить съ ними связь, надо молчать. И молчали. О спекулятивной игрѣ цѣлыхъ группъ, направленной къ безмѣрному взвинчиванію цѣнъ на предметы первой необходимости, молчали столь же упорно, какъ и о слишкомъ партійномъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ поведеніи президіума, какъ и о полученіи товарищемъ предсѣдателя Думы г. Варунъ-Секретомъ 15.000 дес. казенной земли, какъ и о многомъ другомъ, изъ-за чего блоку грозила опасность распада... Молчали. Это можно бы назвать измѣной странѣ, еслибы исключалось предположеніе объ ошибочномъ разсчетѣ. Можетъ быть, имѣли благое намѣреніе. Можетъ быть, надѣялись при помощи блока достигнуть цѣнныхъ политическихъ результатовъ. Ничего цѣннаго не достигли (это, впрочемъ, и предсказывали съ самаго начала бывшіе „друзья слѣва"). А странѣ нанесли уронъ. И Думу поставили такъ, что она оказалась внѣ жизни, внѣ самыхъ злободневныхъ ея нуждъ и вопросовъ. И въ частности—внѣ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ продовольственными невзгодами.

Одинъ изъ плодовъ удаленія отъ жизни получился вскорѣ послѣ роспуска на лѣтнія каникулы. Цвѣтокъ, изъ котораго вышелъ этотъ плодъ, распустился во время сессіи. А почва, на которой онъ выросъ,—твердыя цѣны на сельскохозяйственные продукты. Самъ министръ земледѣлія, въ качествѣ предсѣдателя особаго продовольственнаго совѣщанія, заявилъ, что имъ сознательно допущены большія уступки владѣльческимъ группамъ при установленіи твердыхъ цѣнъ,—въ надеждѣ, по его словамъ, предотвратить этимъ дальнѣйшее спекулятивное повышеніе. Владѣльцы однако не удовлетворились. Они домогались новаго повышенія. Особое совѣщаніе не уступало. Возникла борьба и на мѣстахъ, и въ центрѣ. Своимъ вмѣшательствомъ Дума могла бы, если не поддержать здоровыя теченія, то вскрыть гнойникъ. Но Дума осталась внѣ борьбы. Владѣльческія же группы, представленныя въ Государственномъ Совѣтѣ, не молчали. Здѣсь образовалась „аграрная группа". И по ея иниціативѣ въ самый день роспуска Совѣта былъ предъявленъ правительству „вопросъ о кризисѣ сельскаго хозяйства".

„Главный одіумъ „вопроса" аграрной группы—комментировали „Русскія Вѣдомости" (23. VI)—направленъ противъ А. Н. Наумова, который не хотѣлъ отказаться отъ принципа пользованія твердыми цѣнами на сельско-хозяйственные продукты въ борьбѣ съ дороговизной".

По свѣдѣніямъ „Русскихъ Вѣдомостей", „сторонники увели-

ченія твердыхъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты" разсчитывали, что

при предстоящемъ послѣ урожая въ сентябрѣ пересмотрѣ твердыхъ цѣнъ министерство земледѣлія, надъ которымъ дамокловымъ мечомъ будетъ висѣть „вопросъ" о кризисѣ сельскаго хозяйства, окажется болѣе уступчивымъ и значительно повысить цѣны на продовольственные продукты.

Дѣйствительность оказалась сложнѣе этихъ предположеній. „Вопросъ" аграрной группы—точнѣе, группы крупныхъ аграріевъ—оказался толчкомъ, вызвавшимъ рядъ пререканій и столкновеній. Въ результатѣ, предпринимаются попытки радикально перестроить сложившуюся продовольственную организацію, выдѣлить изъ общихъ продовольственныхъ заботъ „борьбу противъ дороговизны" и сосредоточить эту отрасль въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Пресса ничего хорошаго не ждетъ отъ перетасовокъ. И, во всякомъ случаѣ, при перестройкахъ неизбѣжна пыль и муть. Плохо карасямъ въ мутной водѣ и хорошо щукамъ. И можно быть увѣреннымъ, что „аграрная группа" своей цѣли достигнетъ. Достигнетъ цѣли экономической. А попутно разрѣшитъ, пожалуй, и нѣкоторую политическую задачу. Для борьбы противъ дороговизны сложилась мѣстами какая ни на есть общественная работа. Привычки и задачи министерства земледѣлія допускали ее, хотя и не въ очень значительныхъ размѣрахъ. Но какую общественную работу допустятъ привычки и задачи министерства внутреннихъ дѣлъ,—гадать не стоитъ. Да и не нужно.

Одни во время сессіи работали. И на каникулахъ не сидятъ, сложа руки. Другіе во время сессіи уклонялись отъ вмѣшательства. А на каникулахъ у нихъ руки коротки. Еслибы и захотѣли вмѣшаться,—не сумѣютъ и не смогутъ.

Конецъ сессіи и первые дни каникулъ совпали съ возвращеніемъ парламентской делегаціи, ѣздившей по приглашенію въ гости въ Англію, а за одно посѣтившей и другія союзныя и нѣкоторыя нейтральныя страны Европы. Успѣвшіе вернуться до роспуска представили офиціальные доклады о своихъ впечатлѣніяхъ. Многое изъ того, что видѣли делегаты, не подлежитъ огласкѣ по соображеніямъ военной цензуры. Другое изъято изъ огласки цензурой политической. Но кое-что все-таки „пропущено" къ свѣдѣнію россійской публики. Въ этомъ немногомъ есть поучительное.

Конечно, наши союзники и друзья далеки отъ намѣреній вмѣшиваться во внутреннія русскія дѣла. Они лишь желаютъ благополучія для насъ (на то и союзники), ждутъ обѣщаннаго поворота въ сторону либеральныхъ реформъ, не сомнѣваются, что онъ дастъ Россіи многое, Это вообще. Въ частности, ихъ интересуетъ вопросъ, въ какія формы будетъ облечено провозглашенное извѣстными актами возрожденіе Польши. Кромѣ того, „въ Англіи и во Франціи" делегатамъ неоднократно

приходилось выслушивать пожеланія, исходящія изъ весьма авторитетныхъ круговъ, о необходимости реализаціи программы прогрессивнаго блока по еврейскому вопросу"; при этомъ авторитетные круги указывали, что рѣшеніе этого вопроса вызывается и практическими надобностями, — оно создало бы благопріятныя условія для заключенія внѣшняго займа.

Откровенно говоря,—и безъ путешествія за границу можно было знать, что въ союзныхъ странахъ и въ ихъ весьма авторитетныхъ кругахъ преобладаетъ мнѣніе, изложенное делегатами. Безъ дальняго вояжа можно знать, что преобладаетъ оно и въ нейтральныхъ странахъ и не чуждо даже враждебнымъ странамъ. Но наглядность нужна не только дѣтямъ. Нужна она и политическимъ дѣятелямъ. Собственными ушами слышали, собственными глазами видѣли, самолично убѣдились,—и когда сообщили о видѣнномъ и слышанномъ, то среди депутатовъ и въ нѣкоторыхъ органахъ прессы возникъ интересъ къ „наиболѣе жгучимъ вопросамъ современности", какъ выразилась „Рѣчь", заговорили о „необходимости новой или обновленной постановки" этихъ вопросовъ...

Такъ подѣйствовало просвѣщенное мнѣніе союзныхъ странъ и весьма авторитетныхъ круговъ Великобританіи и Франціи. Безъ сомнѣнія, оно подѣйствовало бы еще сильнѣе, еслибы депутаты сопоставили его съ мнѣніями и чаяніями самого русскаго народа. Къ сожалѣнію, наши парламентаріи ко взглядамъ, чаяніямъ и нуждамъ своего народа относятся не такъ внимательно, какъ къ мнѣнію авторитетныхъ круговъ союзныхъ странъ,—не съ такимъ интересомъ и не съ такимъ уваженіемъ... Будь иначе, Дума съ самаго начала сессіи обратилась бы къ „жгучимъ вопросамъ современности". Мнѣніе же союзныхъ странъ довелось лично услышать лишь въ концѣ сессіи. И его практическія послѣдствія пока свелись лишь къ тому, что парламентаріи критически взглянули на свою дѣятельность, что они дѣлаютъ не то, что нужно, и не то, чего, ради общаго интереса, ждутъ союзники...

. . . .

А. Петрищевъ.

Война и германскія финансы.

I.

Первые дни и даже недѣли войны казалось, что Германія стоитъ наканунѣ тяжелой финансовой катастрофы. Сразу же началась паника. Никто не вѣрилъ въ завтрашній день, и потому всякій старался по возможности немедленно реализовать свои денежныя права и притязанія. Спросъ на деньги росъ со стремительной быстротой. Такъ, вексельный портфель Reichsbank'а равнялся:

23 іюля .	1914 г.	750,9	мил. мк.	14 августа	1914 г.	4426,0	мил. мк
31 „	„	2081,0	„ „	21 „	„	4616,0	„ „
7 августа	„	3737,1	„ „	28 „	„	4750,1	„ „

28 августа вексельный портфель достигъ своихъ максимальныхъ размѣровъ и затѣмъ вступилъ въ полосу постепеннаго сокращенія. Къ лихорадочному забрасыванію центральнаго кредитнаго института векселями присоединилась не менѣе лихорадочная выборка вкладовъ. За недѣлю 23—31 іюля 1914 г. Reichsbank выдалъ золота на 104 мил. мк. больше, чѣмъ за соотвѣтственный періодъ 1913 г. Положеніе, въ концѣ концовъ, стало настолько угрожающимъ, что уже 31 іюля послѣ обѣда Reichsbank увидалъ себя вынужденнымъ пріостановить уплату звонкой монетой, хотя формальное право на это онъ получилъ лишь на основаніи Kriegsgesetze („законовъ военнаго времени") отъ 4 августа. Сберегательныя кассы также были осаждены своими кліентами: онѣ выдали въ критическія недѣли 1914 г. на 144 мил. мк. больше, чѣмъ за соотвѣтственныя недѣли предыдущаго года [1]). Биржа закрылась, какъ бы знаменуя тѣмъ самымъ наступленіе смутныхъ временъ, кое-гдѣ начались банкротства и крахи, изъ которыхъ наиболѣе значительнымъ было крушеніе Pforzheemer Bankverein. Картина въ общемъ получалась чрезвычайно мрачная и тревожная, и перепуганная широкая публика, да и не только одна она [2]), смотрѣла

---

[1]) См. Dr. Franz Eulenburg. Das Geld im Kriege. 1915, Leipzig, стр. 43.

[2]) Георгъ Бернгардъ въ „Archiv für Sozialwissenschaft". (Декабрь 1914 г. стр. 74) писалъ: „Большинство руководителей нашихъ частныхъ хозяйственныхъ институтовъ въ первые дни просто потеряло голову. Кто наблюдалъ въ этотъ періодъ нашъ дѣловой міръ со стороны, тотъ знаетъ, какъ въ началѣ безпомощенъ онъ былъ предъ лицомъ разыгравшихся событій".

въ будущее съ глубокимъ смущеніемъ, почти съ отчаяніемъ. Ей мерещилась впереди бездонная пропасть, къ самому краю которой она подошла...

И все-таки это было лишь заблужденіе. Есть много основаній думать, что тамъ, на руководящихъ верхахъ общественной пирамиды, не ощущалось ни особой паники, ни смятенія. И правительство, и Reichsbank, и главы важнѣйшихъ частныхъ банковъ были хорошо подготовлены къ разразившейся бурѣ и твердо, ясно и увѣренно принимали необходимыя, диктовавшіяся условіями момента, мѣры. Да и можно-ли этому удивляться? Втеченіе долгихъ десятилѣтій вопросы войны и военной подготовленности привлекали къ себѣ вниманіе незаурядныхъ умовъ Германіи. Богатый опытъ прошлаго изслѣдовался и суммировался въ различныхъ направленіяхъ. Усиленно обсуждались шансы и перспективы будущей войны,—ея политической и экономической обстановки, ея возможной продолжительности, ея вѣроятнаго исхода,—и вмѣстѣ съ тѣмъ тщательно, до послѣдней точки надъ і, разрабатывалась программа дѣйствій на случай наступленія вооруженнаго конфликта. Конечно, проблемы финансово-экономической мобилизаціи при этомъ не были забыты. Наоборотъ, на данную тему создалась обширная литература — офиціальная и неофиціальная [1]). Для благополучнаго разрѣшенія тѣхъ же проблемъ на практикѣ загодя дѣлались опредѣленные, строго разсчитанные шаги, о которыхъ рѣчь будетъ еще ниже. Вполнѣ естественно поэтому, что, когда въ іюлѣ—августѣ 1914 г. пришла такъ долго жданная военная буря, кормчіе германской политики не были слишкомъ ошеломлены налетѣвшимъ шкваломъ, у нихъ были уже готовые планы, готовыя мѣры, быть можетъ, даже готовые законопроекты въ портфеляхъ. И они немедленно же стали проводить въ жизнь продукты своихъ прежнихъ теоретическихъ изысканій, внося такимъ путемъ элементы порядка и увѣренности въ взбаломученную атмосферу критическаго времени. Для того, чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить значеніе военно-финансовыхъ мѣропріятій имперскаго правительства, мы должны нѣсколько ближе познакомиться съ основами денежно-кредитной системы Германіи.

II.

Въ обычное время цѣлямъ торговаго обмѣна въ монархіи Го-

---

[1]) Изъ новѣйшихъ работъ даннаго рода укажу хотя бы слѣдующія I. Riesser — Finanzielle Kriegsbereitschaft und Kriegsführung, 1913 M. Biermer — Die finanzielle Mobilmachung, 1913; F. Neuburger— Die Kriegsbereitschaft des deutschen Geld-und Kapitalmarktes, 1913 K. Helfferich — Das Geld in Russisch - Japanischem Kriege, 1906 Ludwig — Kriegführung und Geld; Heuke—Dos deutsche Geldwesen im Kriege.

гогенцоллерновъ служатъ средства расплаты (Zahlungsmettel) двоякаго рода: металлическая монета и бумажки.

Металлическая монета обнимаетъ золото, серебро и никкель. Золота имѣется въ обращеніи около $3^1/_2$ милліардовъ марокъ (весь міровой запасъ золотой монеты исчисляется въ 35 милліардовъ мк.), и оно считается основой всей германской денежной системы. 1 килограммъ золота приравнивается къ 2790 мк. Серебра въ обращеніи считается $1^1/_4$ милліарда; никкеля—140 мил. мк. Сумма всей звонкой монеты (Hartgeld, какъ говорятъ нѣмцы) въ имперіи достигаетъ такимъ образомъ круглымъ счетомъ 5 милліардовъ мк.

Конечно, этой суммы для безпрепятственнаго производства обмѣна оказывается недостаточно. Цѣнность одного лишь урожая Германіи доходитъ до 10 мд. мк., цѣнность ея внѣшней торговли опредѣляется въ 21 мд. мк., а размѣръ ея ежегоднаго національнаго дохода колеблется между 40 и 45 мд. мк. Естественно при такихъ условіяхъ, что звонкую монету, какъ средство расплаты, приходится дополнять бумажками. Бумажки, въ свою очередь, распадаются на три главныхъ вида:

1) *„Имперскія кассовыя свидѣтельства“* (Reichskassenscheine), выпускаемыя имперскимъ казначействомъ. Они представляютъ собой билеты 5 и 10-марковаго достоинства на опредѣленную, не мѣняющуюся сумму 240 мил. мк. (въ концѣ 1913 г.). Обезпеченіемъ этихъ бумажекъ являются 240 мил. мк. золота, составляющихъ такъ называемое „военное сокровище“ башни въ Шпандау. Въ виду того, что металлическое обезпеченіе точно равняется количеству Reichskassenscheine, послѣднія, на одинаковыхъ основаніяхъ съ золотомъ, могутъ служить обезпеченіемъ при выпускѣ второго вида бумажекъ—

2) *банкнотовъ*, выпускаемыхъ Reichsbank'омъ и четырьмя другими банками, такъ наз. Privatnotenbanken (въ Баваріи, Вюртембергѣ, Баденѣ и Саксоніи). Сумма этихъ банкнотовъ не представляетъ собой величины постоянной, какъ Reichskassenscheine, а колеблется въ зависимости отъ потребностей банка. Въ концѣ 1913 г. въ обращеніи было около $2^1/_2$ мд. мк. банкнотовъ имперскаго банка и около 160 мил. мк. банкнотовъ прочихъ четырехъ банковъ, а всего до 2,7 мд. марокъ. Банкноты должны быть обезпечены на $^1/_3$ золотомъ (или Reichskassenscheine), а на остальныя $^2/_3$ доброкачественными (т. е. обычно имѣющими три подписи) векселями. Съ 1909 г. банкноты признаны „законнымъ средствомъ уплаты“ и идутъ въ обращеніи наряду съ золотомъ. Они могутъ быть въ любой моментъ обмѣнены на звонкую монету въ имперскомъ банкѣ.

Такимъ образомъ, общая сумма металлическихъ и бумажныхъ денегъ въ Германіи на 31 декабря 1913 г. достигала приблизительно 8 мд. мк. (5+2, 7+0,24). Къ нимъ нужно еще прибавить третій видъ бумажекъ—

3) *векселя*, цѣнность которыхъ опредѣляется примѣрно въ 9 мд. мк. въ годъ (и чеки, о цѣнности которыхъ не имѣется никакихъ точныхъ данныхъ). Звонкая монета, бумажки и векселя составляютъ вмѣстѣ около 17 мд. мк., откуда необходимо вычесть $2^3/_4$ мд. мк. металлическихъ денегъ и векселей, служащихъ обезпеченіемъ банкнотовъ. Остающееся *$14^1/_4$ мд. мк.* разнообразныхъ денежныхъ знаковъ и являются собственно тѣми наличными „средствами расплаты", при помощи которыхъ германское народное хозяйство осуществляетъ свой товарный обмѣнъ. Впрочемъ, для того, чтобы имѣть правильное представленіе о роли денегъ при этомъ обмѣнѣ, необходимо принять во вниманіе еще оборотъ 24 разсчетныхъ палатъ имперскаго банка, ликвидирующихъ чисто бухгалтерскимъ путемъ, не прибѣгая къ помощи денегъ, громадное количество операцій обмѣна,—въ 1913 г. этотъ оборотъ равнялся $73^1/_2$ мд. мк.

Я упомянулъ выше о томъ, что кормчіе германской политики заблаговременно озаботились принятіемъ необходимыхъ подготовительныхъ мѣръ на случай военной мобилизаціи финансовъ. Мѣры эти были весьма разнообразны, но по существу онѣ сводились къ двумъ основнымъ пунктамъ: 1) накопленію большого золотого запаса въ рукахъ правительства и Reichsbank'a и 2) обезпеченію легкой реализуемости (Liquidität) капиталовъ, скопляющихся въ рукахъ кредитныхъ учрежденій страны.

Первая цѣль стала съ особой энергіей преслѣдоваться съ 1907 г., когда во главѣ Reichsbank'a сталъ его нынѣшній директоръ Гавенштейнъ. Подъ вліяніемъ этого послѣдняго былъ сдѣланъ рядъ шаговъ, облегчавшихъ централизацію золота въ подвалахъ имперскаго банка. Такъ, въ 1909 г. былъ проведенъ законъ, дававшій банкнотамъ силу „законнаго средства расплаты"; въ томъ же 1909 г. установлена система такъ называемыхъ „почтовыхъ чековъ" для совершенія менѣе крупныхъ денежныхъ операцій; въ различныхъ центрахъ Германіи открыто много „разсчетныхъ палатъ"; частнымъ фирмамъ и предпринимателямъ настойчиво рекомендовано пользоваться услугами сдѣлокъ „жиро" для ликвидаціи своихъ счетовъ съ должниками и кредиторами, а банкамъ указано поощрять развитіе этихъ сдѣлокъ различными льготами и преимуществами. Всѣми подобными средствами государственная власть стремилась ослабить потребность публики въ золотой монетѣ и, поскольку возможно, извлечь послѣднюю изъ обращенія. Желательный результатъ, несомнѣнно, получался, и онъ сказывался прежде всего въ значительномъ сокращеніи расплаты наличными въ сферѣ торговли и промышленности. Такъ, въ 1891 г. расплата наличными по сдѣлкамъ „жиро" въ Reichsbank'ѣ составляла 24,7% всей суммы сдѣлокъ даннаго рода, а въ 1912 г. уже

только 9,8% [1]). Далѣе быстро увеличивались въ послѣдніе годы золотые запасы центральнаго кредитнаго учрежденія имперіи. Дѣйствительно, эти запасы равнялись:

Въ 1900 г.	570,7	мил. марокъ.
„ 1905 „	745,4	„ „
„ 1910 „	777,8	„ „
„ 1913 „	1170,0	„ „

Какъ видимъ, за періодъ 1900—13 гг. золотая наличность Reichsbank'а болѣе чѣмъ удвоилась, а за періодъ 1910—13 гг. увеличилась на 50%. И для того, чтобы еще лучше укрѣпить свои финансовыя позиціи, правительство добилось у рейхстага въ 1913 г. разрѣшенія утроить размѣръ вышеупоминавшагося „военнаго сокровища“ и довести его до 360 мил. мк. (до 1913 г. оно равнялось лишь 120 мил. мк.).

Менѣе успѣшна была дѣятельность государственной власти въ другой области — въ области обезпеченія быстрой реализуемости капиталовъ кредитныхъ учрежденій. Здѣсь интересы „военной подготовленности“ нерѣдко приходили въ конфликтъ съ интересами непосредственной выгоды, и этотъ конфликтъ бо́льшей частью рѣшался не въ пользу „подготовленности“. Риссеръ свидѣтельствуетъ, напр., что размѣры легко реализуемаго капитала 158 главныхъ кредитныхъ банковъ Германіи (съ основнымъ капиталомъ не меньше 1 мил. мк. каждый) въ 1893 г. составляли 85% общей его суммы, а въ 1911 г. уже только 67% [2]). Еще хуже дѣло обстояло съ сберегательными кассами. Въ 1910 г., напр., 60% вкладовъ прусскихъ сберегательныхъ кассъ были помѣщены въ ипотеки и только 25% въ различныя иныя цѣнныя бумаги [3]). Однако въ послѣдніе годы правительство усиленно старалось, между прочимъ и при помощи законодательныхъ мѣръ, противодѣйствовать данному процессу и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, не безъ извѣстнаго эффекта.

III.

Переходъ отъ мирнаго времени къ войнѣ вызываетъ огромную потребность въ оборотныхъ денежныхъ средствахъ. Во-первыхъ, мобилизація арміи и флота и связанная съ ней массовая закупка разнообразныхъ припасовъ, транспортировка и содержаніе милліоновъ солдатъ, стремительное увеличеніе производства амуниціи и пр., не смотря даже на натуральный характеръ многихъ повинностей, уплата по которымъ въ лучшемъ случаѣ откладывается до болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, создаетъ для государ-

---

1) Riesser. Finanzielle Kriegsbereitschaft, 1913, стр. 71.
2) I. Riesser, ibid., стр. 85.
3) Ibid., стр. 92.

ственной власти необходимость располагать **исключительно большимъ количествомъ** денежныхъ знаковъ. Во-вторыхъ, приспособленіе промышленности и торговли къ новымъ условіямъ, выполненіе ими экстренныхъ заказовъ военнаго и морского вѣдомствъ, ликвидація цѣлаго ряда старыхъ и начало цѣлаго ряда новыхъ коммерческихъ и индустріальныхъ операцій также порождаютъ громадный спросъ на „средства расплаты". Въ третьихъ, наконецъ, общественная паника, находящая свое наиболѣе яркое выраженіе въ торопливой выборкѣ вкладовъ изъ кредитныхъ учрежденій, еще болѣе увеличиваетъ „денежный голодъ". Экономическій организмъ переживаетъ періодъ болѣзненно-лихорадочнаго обмѣна веществъ и требуетъ для осуществленія этого процесса небывало-крупнаго напряженія „денежной" энергіи. Уже упоминавшійся выше проф. Риссеръ исчисляетъ въ своей книжкѣ, появившейся еще въ 1913 г., размѣры этой „мобилизаціонной потребности" въ оборотныхъ средствахъ втеченіе первыхъ 6 недѣль войны приблизительно въ 3900 мил. мк., а именно: 1800 мил. мк. для государственной власти, 1500 мил. мк.—для торговли и промышленности и 600 мил. мк.—для успокоенія страховъ публики[1]).

Какъ же была разрѣшена данная финансовая проблема въ Германіи?

Наученное горькимъ опытомъ 1870 г. [2]) правительство рѣшило не выпускать займа до первыхъ крупныхъ военныхъ успѣховъ и въ ожиданіи послѣднихъ обходиться иными средствами. „Kriegsgesetze" 4 августа 1914 г. предоставили ему рядъ очень крупныхъ финансово-экономическихъ полномочій. Размѣнъ бумажекъ на золото былъ прекращенъ. „Военное сокровище" передано Reichsbank'у на усиленіе его металлическихъ резервовъ. Имперскому казначейству разрѣшено выпускать краткосрочныя (формально 3 мѣс.) обязательства (Reichsschatzwechsel) для уплаты по предъявленнымъ къ нему счетамъ. Въ 99 мѣстахъ страны открыты особыя „ссудныя кассы" (Darlehnskassen) въ цѣляхъ оказанія ломбарднаго кредита населенію: подъ залогъ товаровъ и цѣнныхъ бумагъ онѣ выдавали денежныя ссуды въ размѣрѣ 40—75% стоимости залога. Кассы получили право на выпускъ бумажныхъ денегъ (Darlehnskassenscheine) въ 5,2 и 1 мк. вначалѣ на максимальную сумму $1^1/_2$ мд. мк. Впослѣдствіи число кассъ значительно возросло, а раз-

---

[1]) I. Riesser, ibid., стр. 125—127.

[2]) Во время франко - прусской войны 1870—71 гг., Сѣверо-Германскій Союзъ обратился къ публикѣ съ займомъ въ размѣрѣ 100 мил. талеровъ уже 24 іюля 1870 г., т. е. всего лишь недѣлю спустя послѣ формальнаго объявленія войны (19 іюля); вопреки совѣту финансовыхъ экспертовъ, гарантировавшихъ успѣхъ лишь при курсѣ 85, заемъ былъ выпущенъ по 88; рекламированіе займа и организація подписки были поставлены неудовлетворительно,—въ результатѣ вмѣсто ожидавшихся 100 мил. мар. было получено только 68,3 мил. См. Riesser, ibid. стр. 202—205.

рѣшенная имъ къ выпуску сумма бумажекъ увеличена до 3 мд. мк., однако это право кассами за отсутствіемъ надобности не было цѣликомъ использовано. Крупную роль кассы играли лишь въ моменты подписки на займы, въ остальное время роль ихъ была довольно незначительна. Бумажки ссудныхъ кассъ, какъ обезпеченныя реальными цѣнностями, были приравнены къ „имперскимъ кассовымъ свидѣтельствамъ“ (Reichskassenscheine), т. е. могли служить гарантіей для выпуска тройного количества банкнотовъ. Одновременно во многихъ городахъ возникли такъ наз. „военно-кредитные банки“ (Kriegskreditbanken) въ цѣляхъ оказанія личнаго кредита нуждающимся. Форма этихъ банковъ была весьма разнообразна (акціонерныя общества, кооперативы, полуфилантропическія учрежденія и пр.), но особаго развитія они не получили: въ нихъ просто не ощущалось серьезной необходимости. Результаты не замедлили сказаться: паника первыхъ дней быстро улеглась, биржа опять открылась, дисконтъ Reichsbank'а, поднявшійся было до $6^1/_2\%$, опустился до 5% и на этомъ уровнѣ держится до сихъ поръ. Къ великой гордости германскаго народнаго хозяйства оказалось возможнымъ даже обойтись безъ мораторіума, котораго не избѣжали ни другія воюющія, ни даже нѣкоторыя нейтральныя страны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако всѣ указанныя выше мѣры означали огромное увеличеніе находящихся въ обращеніи бумажныхъ денегъ, при помощи которыхъ покрывалась внезапно возросшая потребность націи въ усиленіи ея оборотныхъ средствъ. Дѣйствительно, 23 іюля 1914 г. сумма циркулирующихъ въ странѣ бумажекъ равнялась 1890,9 мил. мк. Въ дальнѣйшемъ эта сумма, равно какъ и обезпечивающая ее золотая наличность Reichsbank'a, измѣнялись слѣдующимъ образомъ:

	Золот. наличность.	Бумажки.
31 іюля 1914 г.	1.253,2 мил. мк.	2.909,4 мил. мк.
31 августа 1914 г.	1.556,5 „ „	4.234,9 „ „
30 сентября 1914 г.	1.716,1 „ „	4.490,9 „ „

Какъ видимъ, вплоть до конца сентября было пущено въ обращеніе около $2^1/_2$ мд. мк. бумажныхъ денегъ. Такова, очевидно, была „мобилизаціонная потребность“ страны. Она, быть можетъ, нѣсколько искусственно преуменьшена поступившимъ какъ разъ въ это время очереднымъ взносомъ проведеннаго еще въ 1913 г. единовременнаго „военнаго налога“ на имущихъ, а также сбереженіями казны отъ „мирнаго бюджета“, но во всякомъ случаѣ „мобилизаціонная потребность“ едва-ли превысила 3 мд. мк. На практикѣ она оказалась такимъ образомъ существенно ниже разсчетовъ проф. Риссера, что объясняется, повидимому, отчасти меньшей остротой паники, вызванной войной, чѣмъ та, которую теоретически предполагалъ ученый финансистъ берлинскаго уни-

верситета. За то его разсчетъ, касающійся стоимости мобилизаціи арміи и флота, очень удачно выдержалъ испытаніе дѣйствительности. Читатель помнитъ, вѣроятно, что Риссеръ опредѣляетъ эту стоимость на протяженіи первыхъ 6 недѣль приблизительно въ 1800 мил. мк., фактически же до конца сентября было истрачено $2^{1}/_{2}$ мд. мк. или за первыя 6 недѣль около 1.900 мил. марокъ. Совпаденіе, поистинѣ, замѣчательное.

Потокъ бумажныхъ денегъ, хлынувшій на страну съ начала войны, въ послѣдующій періодъ не пріостановился. Сумма кредитокъ, находящаяся въ обращеніи, обнаруживала значительныя колебанія по отдѣльнымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ, но въ общемъ все-таки повышательная тенденція была внѣ сомнѣнія. Позволю привести для иллюстраціи слѣдующія цифры:

	Золот. наличность.	Бумажки.	Золотое обезпеченіе (въ %).
31 XII. 14	2.092,8 мд. мк.	5.045,9 мд. мк.	41
31 III. 15	2.337,5 " "	5.624,0 " "	42
30 VI. 15	2.387,6 " "	5.840,3 " "	41
30 IX. 15	2.419,4 " "	6.157,6 " "	39
31 XII. 15	2.445,2 " "	6.917,9 " "	35
31 I. 16	2.453,5 " "	6.502,4 " "	38
29 II. 16	2.457,4 " "	6.554,3 " "	37
31 III. 16	2.460,1 " "	6.988,1 " "	35
30 IV. 16	2.462,6 " "	6.696,9 " "	37
31 V. 16	2.464,4 " "	6.737,7 " "	36

Центральному денежному учрежденію Германіи за 22 мѣсяца войны удалось стянуть въ свои подвалы свыше 1,2 мд. золота, доведя всю свою золотую наличность почти до $2^{1}/_{2}$ мд. мк. Въ частныхъ рукахъ такимъ образомъ остается еще около 1 мд. золотой монеты. Данный успѣхъ, конечно, былъ въ очень значительной степени облегченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что силою вещей Германія оказалась отрѣзанной отъ большей части міра, вынуждена превратиться почти въ „самодовлѣющую“ экономическую единицу и освобождена такимъ образомъ отъ необходимости платить золотомъ за границей. Вмѣстѣ съ тѣмъ—и это необходимо особенно подчеркнуть—выпускъ бумажекъ все время производился умѣренно и осторожно, такъ что установленная закономъ норма обезпеченія банкнотовъ никогда не нарушалась, наоборотъ, законныя возможности обыкновенно оставались не вполнѣ использованными [1]).

[1]) Въ приведенной выше таблицѣ, составленной на основаніи публикующихся еженедѣльно отчетовъ Reichsbank'a, я бралъ за обезпеченіе только золотую наличность и даже при этомъ условіи пропорція 1:3 оказывается болѣе, чѣмъ соблюдаемой. По закону же, обезпеченіемъ служитъ не только золото, но также Reichskassenscheine и Darlehnskassenscheine Если принимать и ихъ во вниманіе, то картина получится еще благопріятнѣе. Конечно, золотое и всякое иное обезпеченіе имѣетъ главнымъ образомъ лишь психологическую цѣнность, но во время войны общественная психологія вѣдь факторъ первостепеннаго значенія.

Такъ-ли будетъ это и въ дальнѣйшемъ, конечно, неизвѣстно, но пока это было, несомнѣнно, такъ [1]).

Впрочемъ, вся сдержанность и осторожность денежной политики имперскаго правительства не могли все-таки предупредить паденія курса марки на иностранномъ рынкѣ. Въ февралѣ 1915 г. онъ стоялъ приблизительно на 20% ниже паритета, къ веснѣ 1916 г. онъ упалъ еще на 5—7%. Явленіе это, хорошо знакомое по опыту и прочимъ воюющимъ державамъ, въ особенности Россіи, объясняется, повидимому, главнымъ образомъ огромнымъ сокращеніемъ нѣмецкаго экспорта за границу. Но такъ какъ отрѣзанная кольцомъ англійской блокады отъ другихъ странъ Германія очень мало покупаетъ въ нейтральныхъ государствахъ, то обезцѣненіе ея валюты не имѣетъ для ея народнаго хозяйства слишкомъ вредныхъ послѣдствій.

IV.

Конечно, бумажки могутъ быть и дѣйствительно являются только „оборотными средствами“. Деньги для веденія войны въ собственномъ смыслѣ добываются изъ другихъ источниковъ, именно изъ *займовъ*. Еще въ августѣ 1914 г. правительство рѣшило въ цѣляхъ избѣжанія внутренней партійной борьбы и во имя сохраненія „гражданскаго мира“ вплоть до завершенія международнаго конфликта не подымать остраго вопроса о налогахъ. Оно поступило совсѣмъ не такъ, какъ англійское правительство, которое, слѣдуя вѣковымъ традиціямъ своей финансовой политики, прибѣгло и на этотъ разъ къ частичному покрытію военныхъ расходовъ при помощи расширенія прямого и косвеннаго обложенія. Но разъ налоги исключались, то, очевидно, не оставалось ничего больше, какъ усиленная эксплуатація государственнаго кредита. Имперское правительство такъ и поступало. Лишь въ началѣ 1916 г. волею обстоятельствъ оно вынуждено было отступить отъ своего основного тактическаго принципа и, скрѣпя сердце, поднять вопросъ о налогахъ,—подробнѣе объ этомъ рѣчь будетъ ниже,—однако данный шагъ приходится разсматривать,

---

[1]) Германское министерство финансовъ оказалось въ данномъ отношеніи гораздо осмотрительнѣе министерствъ русскаго и французскаго. Въ самомъ дѣлѣ, сумма золотой наличности и находящихся въ обращеніи бумажекъ равнялась:

	Золото.	Бумажки.	Золотое обезпеченіе (въ %).
Франція (8. VI. 16)	4.750,5 мил. фр.	15.746,7 мил. фр.	30
Россія (5. VI. 16)	1.540,0 „ руб.	6.340,3 „ руб.	24

Какъ видимъ, уровень золотого покрытія и во Франціи, и въ Россіи значительно ниже, чѣмъ въ Германіи.

какъ своего рода исключеніе, только подтверждающее общее правило.

За первые два года войны Германія заключила четыре внутреннихъ имперскихъ займа (сверхъ того, были еще займы отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, напр., Пруссіи, но ихъ я сейчас оставляю въ сторонѣ), а именно:

I заемъ	(сентябрь 1914 г.)	4.460 милл. мк.
II „	(мартъ 1915 г.)	9.060 „ „
III „	(сентябрь 1915 г.)	12.101 „ „
IV „	(мартъ 1916 г.)	10.667 „ „
		36.288 милл. мк.

Правительство разсчитываетъ, что до осени текущаго года ему не придется больше обращаться къ помощи кредитныхъ операцій, но это отнюдь не значитъ, что указанными 36,3 мд. мк. покрываются всѣ расходы по двухлѣтнему веденію войны. Исчисляютъ, что война въ среднемъ стоитъ Германіи около 2 мд. мк. въ мѣсяцъ, за два года, стало быть, 48 мд. мк. Разница между этой цифрой и суммой займовъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что извѣстная часть счетовъ государства подлежитъ оплатѣ не сейчасъ, а въ будущемъ (нѣкоторые по окончаніи войны) и еще тѣмъ, что наличность большого количества бумажныхъ денегъ позволяетъ затыкать пока что ими наиболѣе неотложныя дыры въ ожиданіи новыхъ доходовъ съ займовъ или иныхъ финансовыхъ операцій.

Германскіе офиціозы очень любятъ изображать всѣ нѣмецкіе займы, какъ „народные займы". Они много и охотно разсказываютъ различныя нравоучительныя исторіи о патріотическихъ школьникахъ, истратившихъ свои маленькіе пфенниги на покупку заемныхъ бумагъ, или о древнихъ, но героическихъ старухахъ, вынувшихъ изъ чулковъ для той же цѣли завѣтныя сбереженія всей своей жизни. Не довольствуясь этими „яркими индивидуальными примѣрами", офиціозы обращаются къ статистикѣ и указываютъ на громадное количество подписчиковъ на займы. Дѣйствительно, число подписчиковъ на первый заемъ равнялось 1.177,235, на второй—2.691,000, на третій—3.551,746. И все-таки „народность" займовъ приходится принимать лишь съ очень большими оговорками. И вотъ доказательство. Если суммировать три первые займа по размѣрамъ индивидуальныхъ подписокъ, то получится слѣд. картина:

		Число подписчиковъ (въ %).	Сумма подписки (въ %).
Мелкія подписки	(до 2.000 мк.).	80,00	17, 8
Среднія „	(2.000 — 10,000 мк.).	17.00	24, 0
	(10.000 — 50.000 мк.).	2,60	17, 4
Крупныя „	(50.000 — 500.000 мк.).	0,36	20, 4
Очень крупныя подписки . .	(св. 500.000 мк.).	0,04	20, 6
		100,00	100, 0

Приведенная таблица очень поучительна. Она съ неопровержимой убѣдительностью доказываетъ, что собственно „народъ" (едва-ли размѣръ индивидуальной подписки человѣка изъ „народа" могъ превышать 2000 мк.) принесъ на алтарь отечества меньше *одной пятой* потребной суммы. Если мы отнесемъ къ категоріи народныхъ подписокъ даже всѣ подписки до 10.000 мк., то и тогда окажется, что народъ далъ государству лишь около ²/₅ собранной имъ суммы. Все остальное дали средніе, богатые и очень богатые классы, численно ничтожные, но экономически чрезвычайно могущественные. Ясно такимъ образомъ, что деньги на веденіе войны получаются лишь въ сравнительно незначительной части изъ „народныхъ сбереженій" въ болѣе узкомъ смыслѣ даннаго слова. На то же указываетъ и довольно скромная роль сберегательныхъ кассъ въ дѣлѣ размѣщенія заемныхъ бумагъ [1]). Деньги на веденіе войны берутся, очевидно, у обитателей верхнихъ этажей общественной пирамиды, у банкировъ, крупныхъ промышленниковъ, торговцевъ, землевладѣльцевъ. И для того, чтобы понять, какимъ образомъ эти элементы могутъ ссужать государству столь громадныя суммы, необходимо принять во вниманіе два чрезвычайно важныхъ обстоятельства, характеризующихъ собой всю современную экономическую жизнь Германіи.

Первое изъ этихъ обстоятельствъ—сильное сокращеніе нѣмецкаго экспорта за границу, какъ результата англійской блокады. Сумма нѣмецкаго экспорта въ 1913 г. достигала 9 мд. мк:, теперь экспортъ уменьшился, по крайней мѣрѣ, на ²/₃. Естественно, громадныя массы капитала, работавшаго раньше въ цвѣтущихъ экспортныхъ индустріяхъ, а также размѣщавшагося въ разныхъ мѣстахъ за границей, освободились и искали себѣ выгоднаго при-

[1]) До конца 1915 г. изъ сберегательныхъ кассъ было взято для покупки бумагъ первыхъ трехъ займовъ около 4¹/₄ мд. мк. что составляетъ 17% всей заемной суммы.

мѣненія [1]). Такъ какъ промышленность подъ вліяніемъ войны сильно сократила нормальные размѣры своей дѣятельности, то единственнымъ прибыльнымъ помѣщеніемъ свободнаго капитала были только государственные займы.

Второе и не менѣе важное обстоятельство—это стремительное накопленіе капитала въ странѣ въ формѣ такъ наз. „военной прибыли. Накопленіе это происходитъ тѣмъ обильнѣе, что въ исключительной обстановкѣ переживаемаго времени въ цѣломъ рядѣ отраслей производства обороты совершаются гораздо быстрѣе, чѣмъ въ обычныхъ условіяхъ, а вѣдь каждый оборотъ оставляетъ въ рукахъ капиталовладѣльца огромный, нерѣдко прямо баснословный, барышъ. Результаты понятны. Людвигъ Букъ—одинъ изъ высшихъ чиновниковъ по налоговому обложенію въ участкѣ Дюссельдорфа—въ недавно выпущенной имъ интересной работѣ „Besteuerung der Kriegsgewinne [2]) на основаніи своихъ изслѣдованій и наблюденій приходитъ къ слѣдующему суммарному выводу: война, съ одной стороны, уничтожила много старыхъ зажиточныхъ фамилій, а, съ другой, создала совершенно новый общественный слой—„военныхъ поставщиковъ“, нажившихъ несмѣтныя богатства на ловкомъ использованіи нынѣшней конъюнктуры. Но большая часть этого вновь накопленнаго капитала опять-таки не находитъ себѣ пока должнаго примѣненія въ торговлѣ и промышленности и потому тоже устремляется въ государственные займы.

V.

А дальше? Долго ли имперія Гогенцоллерновъ можетъ еще находить нужныя ей средства для веденія борьбы?

Опытъ минувшихъ двухъ лѣтъ заставляетъ быть очень осторожнымъ въ отвѣтѣ на этотъ чрезвычайно важный вопросъ, но все-таки есть много основаній думать, что Германіи въ ближайшемъ будущемъ едва-ли грозятъ особыя финансовыя затрудненія. Общая сумма національнаго богатства Германіи оцѣнивается приблизительно въ 300 мд. мк., ея годовой національный

---

[1]) Такъ, напр., „Die Konjunktur“ въ № отъ 30 марта 1916 г. пишетъ „Обиліе денегъ въ 1915 г. доставляло банкамъ значительныя затрудненія въ прісканіи быстраго и выгоднаго ихъ примѣненія. Увеличеніе капитала наблюдалось даже въ маленькихъ банкахъ“. Промысловая касса въ Гейльбронѣ въ своемъ отчетѣ за 1915 г. замѣчаетъ: „Не смотря на большія суммы, истраченныя на покупку займовъ, вклады все-таки увеличились на 1922 тыс. мк. Найти полезное примѣненіе для этихъ денегъ было не всегда легко“. „Dresdener Bank“ въ свою очередь констатируетъ: „Денежный рынокъ втеченіе всего 1915 года находился въ благопріятномъ состояніи и отличался обиліемъ свободнаго капитала“. Аналогичныя ноты звучатъ почти во всѣхъ отчетахъ кредитныхъ учрежденій.

[2]) См. Finanz-Archiv, 1916, т. I.

доходъ—въ 40—45 мд. мк., ея годовыя національныя сбереженія въ 7—8 мд. мк. [1]). Сумма заключенныхъ пока займовъ равняется 36,3 мд. мк., дѣйствительная задолженность государства въ связи съ войной, какъ мы видѣли выше, нѣсколько больше и достигаетъ, вѣроятно, 48 мд. мк. Война уже стоитъ нѣмецкому народу всего его дохода за одинъ годъ, его военный долгъ уже составляетъ около 15% всего его имущества. Еслибы потраченныя деньги шли на производительныя цѣли—на постройку коммерческихъ судовъ и желѣзныхъ дорогъ, на возведеніе новыхъ фабрикъ и заводовъ, на расширеніе с.-х. площади, на соціальный подъемъ массъ и т. д., —сдѣланный долгъ не представлялъ бы ни малѣйшей опасности, съ теченіемъ времени онъ съ лихвой окупилъ бы себя. . . . . въ дѣйствительности мы видимъ совершенно иное. Потраченныя деньги въ буквальномъ смыслѣ слова разстрѣляны, развѣяны по вѣтру, больше того—употреблены на прямое уничтоженіе важнѣйшаго элемента производственнаго процесса—рабочей силы. Въ народно-хозяйственномъ смыслѣ они представляютъ собой только минусъ, только безцѣльную и безсмысленную потерю. При такихъ условіяхъ долгъ въ размѣрѣ 15% имущества становится весьма серьезнымъ явленіемъ. Это, несомнѣнно, тяжелая рана, но... все-таки не смертельная рана. И вопросъ о томъ, въ какомъ размѣрѣ нація готова еще дальше нести тѣ же непроизводительные расходы, сводится по существу къ двумъ другимъ вопросамъ: насколько нація дорожитъ достиженіемъ цѣлей, изъ-за которыхъ ведется борьба? И насколько нація увѣрена, что она сумѣетъ въ будущемъ благополучно заткнуть прорѣхи, созданныя войной? Здѣсь мы вступаемъ въ область общественной психологіи, гдѣ всякіе прогнозы еще болѣе затруднительны, чѣмъ въ сферѣ финансово-экономической. Но все-таки, если захотѣть быть объективнымъ, придется признать, что нынѣшнее состояніе германской общественной психологіи не предвѣщаетъ въ непосредственной близости какого-либо рѣзкаго скачка внизъ. Конечно, энтузіазмъ первыхъ мѣсяцевъ безвозвратно исчезъ, конечно, мечты о всесокрушающей побѣдѣ давно отлетѣли, конечно, суровая проза войны съ ея безчисленными жертвами, дороговизной, недостаткомъ припасовъ все болѣзненнѣе даетъ себя чувствовать каждому гражданину, и однако было бы непростительнымъ легковѣріемъ придавать всѣмъ этимъ обстоятельствамъ черезчуръ преувеличенное значеніе.

. . . .

. . . .

. . . .

---

[1]) См. исчисленія K. Helfferich'а („Deutschlands Volkswohlstand 1888—1913), Steenmann-Bucher'а (Das reiche Deutschland), Ballod'а (Wie gross ist das deutsche Volksvermögen?).

Правда, демократическіе низы даже при всемъ своемъ добромъ желаніи не могли бы ссудить особенно много денегъ государству просто потому, что избытки у нихъ не велики, но это не важно. Демократическіе низы нужны, какъ сочувственный фонъ, какъ яркая декорація, для произведенія должнаго впечатлѣнія дома и за границей, деньги же—мы видѣли—даютъ люди, сильные капиталомъ, т. е. финансово-индустріально-аграрная олигархія. Но будетъ ли она давать и дальше?

По всей вѣроятности. Война въ общемъ не нанесла сколько-нибудь существенныхъ ударовъ доходности германской промышленности, германскихъ кредитныхъ учрежденій, германскаго сельскаго хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ она способствовала огромному обогащенію „капиталовъ“ цѣлаго ряда крайне могущественныхъ политически и экономически производствъ—угольнаго, металлургическаго, земледѣльческаго и т. д. Естественно при такихъ условіяхъ, что сильные капиталомъ люди, съ точки зрѣнія интересовъ текущаго дня, очень сочувствуютъ продолженію войны, представляющей для нихъ поистинѣ золотой гешефтъ. Но они сочувствуютъ продолженію войны еще и по другимъ соображеніямъ. Для нихъ война имѣетъ смыслъ не какъ оборонительная война,—они не сомнѣваются, что, еслибы Германія преслѣдовала исключительно лишь цѣли защиты, почетный миръ могъ бы быть заключенъ очень скоро,—для нихъ война имѣетъ смыслъ *только*,

какъ агрессивно-имперіалистская, Они считаютъ, что въ качествѣ минимальнаго завоеванія война должна принести имъ „Среднюю Европу“ со всѣми вытекающими отсюда выгодами [1]). „Средняя Европа“, по ихъ понятіямъ, достаточная компенсація за всѣ тѣ минусы, которые можетъ нанести нѣмецкому народному хозяйству продолженіе войны. И, пока правящая Германія не потеряла надежды на осуществленіе схемы „Гамбургъ—Багдадъ“, она естественно готова тянуть, готова снабжать государство необходимыми ему средствами.

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе мою статью „Средняя Европа“ въ майской книжкѣ „Р. З.“.

Конечно, въ концѣ концовъ, можетъ наступить такой моментъ, когда сумма долговъ начнетъ слишкомъ явно превышать платежеспособность кредитора; когда и привлекательность цѣлей борьбы, и матеріальная выгода сегодняшняго дня, и сила довѣрія къ будущимъ успѣхамъ націи—потеряетъ свою цѣнность, поблѣднѣетъ и расплывется предъ ужасомъ окружающихъ событій. Быть можетъ, такой моментъ когда-нибудь и наступитъ. Но сейчасъ во всякомъ случаѣ Германія еще далека отъ него.

VI.

Долги имѣютъ то непріятное свойство, что ихъ рано или поздно приходится платить. Германія уже начинаетъ испытывать эту непріятность. Успѣхи первыхъ военныхъ займовъ вызывали въ странѣ волну шумнаго и, главное, цѣльнаго энтузіазма. Въ порядкѣ дня стояло ликованіе по поводу блестящихъ „милліардныхъ побѣдъ", и каждый добрый гражданинъ ликовалъ, не смущая своего настроенія мыслями о будущемъ. Но, чѣмъ дальше затягивалась война, тѣмъ рѣшительнѣе мѣнялась психологія. Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ былъ послѣдній, четвертый, заемъ. Его хорошо рекламировали, о немъ много писали, въ связи съ нимъ снова безчисленное число разъ склоняли слово „побѣда", и все-таки... прежняго крѣпкаго и безудержнаго восторга уже не было. Чувства были смѣшанныя: радовались и одновременно задумывались. Радовались по поводу успѣха еще одной кредитной операціи, задумывались по поводу все яснѣе вырисовывающейся необходимости платить.

А платить приходится много, страшно много. Въ своей нынѣшней бюджетной рѣчи министръ финансовъ привелъ слѣдующія любопытныя цифры, касающіяся расходовъ имперіи на уплату процентовъ и на погашеніе долговъ:

1914/15	 240	милл. мк.
1915/16	. . . . 1.286	„ „
1916/17	. . . . 2.303	„ „

За два года войны данная статья бюджета увеличилась почти въ десять разъ. И это еще далеко не все. Я указывалъ выше, что дѣйствительный „военный долгъ" государства уже сейчасъ значительно больше 36,3 мд. мк., полученныхъ имъ при помощи четырехъ займовъ, этотъ долгъ достигаетъ приблизительно 48 мд. мк., [illegible] война далеко еще не кончена. Но, если даже остановиться

на только-что приведенной цифрѣ, то и тогда сумма ежегодныхъ процентовъ (въ среднемъ всѣ нѣмецкіе займы пока выпускались изъ 5%) составитъ около 2,4 мд. мк., а вмѣстѣ съ 1% на погашеніе—2,9 мд. мк. При трехлѣтней продолжительности войны, что отнюдь не невѣроятно, размѣръ долга подымется до 72 мд. мк., а сумма ежегодныхъ расходовъ на проценты и погашеніе—до 4,4 мд. мк. Но останемся ради большей точности и несомнѣнности при двухлѣтнемъ разсчетѣ. Указанными 2,9 мд. мк. не исчерпываются новые постоянные расходы, порожденные войной. По заключеніи мира Германіи, очевидно, придется совершить еще одну „кредитную операцію" спеціально на возобновленіе изношенныхъ орудій обороны, въ наиболѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Спеціалисты оцѣниваютъ необходимую сумму примѣрно въ 10 мд. мк., что даетъ еще 600 милл. мк. ежегодныхъ расходовъ. Далѣе, пенсіи и пособія жертвамъ войны потребуютъ не менѣе $1^1/_2$ мд., а различныя соціально-политическія реформы, проведенныя на протяженіи минувшихъ 2 лѣтъ (страхованіе отъ безработицы, лучшая организація биржъ труда и т. д.),—не менѣе 400—500 милл. мк. въ годъ. Такимъ образомъ въ итогѣ имперскій бюджетъ, который передъ войной равнялся $3^1/_2$ мд. мк., теперь долженъ будетъ возрости приблизительно до 9 мд. мк. Перспектива чрезвычайно грозная, и, когда начинаешь конкретно вдумываться въ нее, невольно приходитъ на память недавно видѣнная мной въ одномъ польскомъ юмористическомъ журналѣ каррикатура: маленькій, тощій, заморенный Михель, судорожно растопыривъ руки, изо всѣхъ силъ стремится удержать на своей спинѣ исполинскую 42-стм. мортиру съ хорошо знакомой фигурой кайзера на ней...

Какъ же быть?

Въ сущности, наилучшимъ выходомъ съ точки зрѣнія интересовъ трудящейся демократіи было бы объявленіе государственнаго банкротства. И, пожалуй, не исключена возможность, что Германія, въ концѣ-концовъ, вынуждена будетъ, хотя бы частично, прибѣгнуть къ этой мѣрѣ въ формѣ какой-либо замысловатой „конверсіи" своихъ военныхъ займовъ: слишкомъ ужь непомѣрно громадны суммы, потребныя для точнаго выполненія взятыхъ на себя имперіей долговыхъ обязательствъ. Но, конечно, о полной ликвидаціи „военнаго долга" столь революціоннымъ путемъ мечтать не приходится. Нужно, стало быть, тѣмъ или инымъ путемъ добывать исполинскія суммы денегъ. Но откуда ихъ взять?

Въ какомъ духѣ хотѣли бы разрѣшить эту острую проблему господствующіе классы, не трудно догадаться. Но намъ незачѣмъ здѣсь даже прибѣгать къ содѣйствію воображенія, у насъ есть уже опредѣленный конкретный фактъ, дающій весьма поучительный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда нѣмецкая публика и печать продѣлывала обычную кампанію ликованія по поводу четвертаго займа, имперскій ми-

нистръ финансовъ внесъ въ рейхстагъ свой бюджетъ 1916—17 г., содержащій первую легкую попытку приспособленія государственнаго хозяйства къ новымъ условіямъ, созданнымъ войной. Это былъ лишь маленькій „Vorspiel", какъ говорятъ нѣмцы, маленькое предисловіе къ великимъ перемѣнамъ, которыя несетъ съ собой ближайшее будущее; тѣмъ любопытнѣе приглядѣться къ нему.

Вопреки своему нежеланію нарушать партійной борьбой „гражданскій миръ", правительство въ концѣ второго года войны увидало себя все-таки вынужденнымъ заговорить о новыхъ налогахъ, не для того, чтобы на получаемыя съ нихъ суммы вести войну,— нѣтъ, война будетъ по прежнему вестись въ долгъ, — а для того, чтобы такимъ путемъ покрыть расходы по уплатѣ процентовъ на сдѣланные уже займы. Пока рѣчь шла о сравнительной бездѣлицѣ,—министръ финансовъ исчислилъ, что за вычетомъ поступленій съ принятаго рейхстагомъ въ концѣ 1915 г. налога на военную прибыль, который обѣщаетъ дать въ нынѣшнемъ году 1—1$^{1}/_{2}$ мд. мк., необходимо еще 480 милл. мк. для того, чтобы сбалансировать бюджетъ, по крайней мѣрѣ, безъ формальнаго дефицита. Конечно, по нынѣшнимъ масштабамъ $^{1}/_{2}$ милліарда марокъ сумма ничтожная (всего лишь недѣльная стоимость войны для Германіи), но она пріобрѣтала огромное принципіальное значеніе, какъ прецедентъ, указывающій, въ какомъ направленіи господствующіе классы будутъ искать выхода изъ нынѣшнихъ финансовыхъ затрудненій. Къ тому же не подлежало сомнѣнію, что эти 500 милл очень скоро превратятся въ неизмѣримо болѣе крупную величину: налогъ на военную прибыль, который сейчасъ долженъ оплатить львиную долю процентовъ,—поступленіе случайное: кончится война и налогъ этотъ исчезнетъ, а расходы по долгамъ останутся. И для покрытія данныхъ расходовъ понадобятся какіе-либо иные постоянные источники доходовъ, дающіе ежегодно милліарды и милліарды. Министръ же финансовъ какъ разъ и говорилъ о *постоянныхъ* источникахъ. Естественно поэтому, что его налоговыхъ проектовъ страна ждала съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Что же предложилъ странѣ д-ръ К. Гельферихъ?

А вотъ что:

1) Повышеніе пошлинъ на привозной табакъ, увеличеніе налога на мѣстный табакъ и акциза на папиросы и сигары, что, по разсчетамъ Гельфериха, должно дать государству около 160 милл. мк. въ годъ (до сихъ поръ имперская казна получала съ табаку 140 милл. мк.).

2) Повышеніе сборовъ съ почты, телеграфа и телефона—вѣроятная сумма поступленій 200 милл. мк.

3) Повышеніе сборовъ съ ж.-д. грузовъ—вѣроятная сумма поступленій 30 милл. мк.

4) Введеніе обязательныхъ квитанцій при всякихъ уплатахъ не ниже 10 мк. (стоимостью въ 10 пф. при суммахъ до 100 мк. и

въ 20 пф. при суммахъ свыше 100 мк.). Вѣроятныя поступленія 100 милл. мк.

Какъ видимъ, программа очень не сложна и притомъ стара, ибо взваливаетъ новыя финансовыя тяготы на плечи широкихъ массъ населенія. „Vorwärts" совершенно правильно суммировалъ объективный смыслъ налоговой программы правительства и вызванныхъ ею въ рейхстагѣ дебатовъ, замѣтивъ:

„Результатъ обсужденія проектовъ министра финансовъ въ парламентѣ сводится къ тому, что государственная власть и буржуазныя партіи снова подтвердили свою приверженность къ существующей системѣ, системѣ, при которой доходы имперіи почерпаются, главнымъ образомъ, изъ косвенныхъ налоговъ" [1]).

Около фискальныхъ проектовъ правительства возгорѣлась борьба, причемъ самое характерное въ ней было то, что создавшаяся политическая группировка, какъ двѣ капли воды, напоминала привычную группировку добраго стараго времени: на одной сторонѣ оказались всѣ буржуазныя партіи, на другой—вся соціалъ-демократія,—и „большинство", и „меньшинство". И точно такъ же, какъ въ доброе старое время, въ результатѣ борьбы создался „гнилой компромиссъ" [2]), къ которому „съ тяжелымъ сердцемъ" и исключительно лишь „изъ соображеній патріотизма" примкнули всѣ буржуазныя партіи отъ консерваторовъ до прогрессистовъ, но противъ котораго, равно какъ и противъ всего бюджета въ цѣломъ, голосовали оба крыла соціалъ-демократіи: и Шейдеманъ, и Гаазе.

Такова фактическая сторона этой поучительной исторіи. Но, если она что-нибудь означаетъ, такъ только то, что, не смотря на широковѣщательныя объявленія о наступленіи „новаго курса" во внутренней политикѣ, господствующіе классы Германіи ничего не забыли изъ своихъ старыхъ испытанныхъ методовъ государственнаго управленія. Эти классы остались глубоко вѣрны самимъ себѣ и теперь готовятся разрѣшать великія финансовыя проблемы, выдвинутыя войной, по хорошо извѣстному шаблону: съ минимальными потерями для имущихъ и владѣющихъ и съ максимальнымъ обремененіемъ для неимущихъ и трудящихся. Es ist eine alte Geschichte, и совершенно ясно, что демократіи придется напрячь всю силу своей воли и своего сопротивленія, если она не хочетъ

---

[1]) „Vorwärts" отъ 28 марта 1916 г.

[2]) Суть этого компромисса сводится къ слѣдующему: всѣ косвенные налоги лишь съ маленькими измѣненіями формальнаго характера остаются въ силѣ и къ нимъ присоединяется еще нѣсколько видоизмѣненный налогъ на военную прибыль. Въ своемъ новомъ видѣ этотъ послѣдній налогъ представляетъ сочетаніе обложенія военной прибыли съ обложеніемъ вообще имущества. Онъ падаетъ на всякій капиталъ не ниже 20.000 мк., который втеченіе войны увеличился или уменьшеніе котораго не превышаетъ 10%. Ставки налога, постепенно подымаясь, доходятъ до 50% на приростъ свыше 300 тыс. мк. Налогъ принятъ, какъ единовременный сборъ, и только по случаю

быть окончательно раздавленной подъ невыносимымъ бременемъ косвеннаго обложенія. Надо думать, она найдетъ въ себѣ достаточный для этого запасъ духа и энергіи, ибо въ прошломъ германскій пролетаріатъ выигрывалъ свои наиболѣе блестящія политическія битвы какъ разъ на налоговой почвѣ. На этой же почвѣ ему предстоятъ грандіозныя битвы въ будущемъ и притомъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ проблемы реорганизаціи имперскихъ финансовъ станутъ во всей своей остротѣ тотчасъ же послѣ окончанія войны, а срокъ полномочій нынѣшняго рейхстага истекаетъ въ январѣ 1917 г. Стало быть, новые выборы, которые будутъ конечно, всецѣло стоять подъ знакомъ наслѣдія, оставленнаго войной, въ самомъ крайнемъ случаѣ смогутъ быть отсрочены лишь до заключенія мира...

Какъ будетъ въ конечномъ счетѣ выглядѣть доходный бюджетъ имперіи въ наступающій періодъ, пока еще трудно представить себѣ съ опредѣленностью. Вообще это будетъ чрезвычайно сложная и совсѣмъ не легко разрѣшимая задача возстановить должное равновѣсіе между государственными расходами и доходами, равновѣсіе, такъ грубо нарушенное нынѣшней войной. Но, поскольку настоящее и прошлое даютъ нѣкоторое право дѣлать гипотетическіе прогнозы относительно будущаго, постольку можно думать, что новые 5—6 мд. мк. ежегодно Германія будетъ получать изъ трехъ главныхъ источниковъ. Во-первыхъ, отъ повышенія косвеннаго обложенія, начало чему уже положено „финансовой реформой“ нынѣшняго года. Впрочемъ, особенно широкихъ фискальныхъ перспективъ на этомъ пути не имѣется: слишкомъ уже сильно здѣсь сопротивленіе массъ и слишкомъ узки естественно экономическіе предѣлы налоговаго эффекта. Не надо забывать, что косвенное обложеніе и до войны было очень развито въ Германіи (въ 1913 г. оно составляло въ среднемъ 32 мк. на душу населенія), а вѣдь матеріальное положеніе массъ послѣ войны, несомнѣнно, ухудшится. Вторымъ источникомъ будетъ, повидимому, установленіе въ той или иной формѣ прямого имперскаго обложенія (напр., налогъ на наслѣдства, налогъ на имущество и т. п.). До сихъ поръ правыя партіи упорно противились всякимъ попыткамъ введенія прямыхъ *имперскихъ* налоговъ, боясь довѣрить имущественныя судьбы „верхнихъ десяти тысячъ“ демократически выбираемому рейхстагу. Онѣ предпочитали не выпускать прямое обложеніе изъ рукъ въ общемъ гораздо болѣе консервативныхъ ландтаговъ. Можно надѣяться однако, что на этотъ разъ сила сопротивленія консерваторовъ подъ давленіемъ массъ и неумолимыхъ требованій финансовой необходимости будетъ сломлена и государству удастся переложить извѣстную часть фискальныхъ тяготъ, порожденныхъ войной, на плечи имущихъ классовъ, —тѣмъ болѣе, что прямое обложеніе въ Германіи пока еще

весьма незначительно (въ 1913 г. на голову населенія приходилось всего лишь 14 мк. прямыхъ государственныхъ налоговъ). Впрочемъ, оба указанныхъ источника окажутся, конечно, не въ состояніи заштопать исполинскія дыры имперскаго бюджета — въ лучшемъ случаѣ они вмѣстѣ смогутъ дать 1½—2 мд. мк. въ годъ,— и главная задача доставленія казначейству необходимыхъ ему средствъ падетъ, очевидно, на третій источникъ, о которомъ во время войны такъ много писалось и говорилось въ Германіи, именно на широко проектируемую сейчасъ систему *государственныхъ монополій*. Сколько и какихъ монополій будетъ введено, какъ будетъ организованъ монопольный аппаратъ, какія суммы обѣщаетъ приносить казнѣ монопольное хозяйство и т. д.,—все это, несомнѣнно, очень важные и существенные вопросы, но, къ сожалѣнію, я не могу ихъ здѣсь касаться [1]). Упомяну лишь, что въ качествѣ наиболѣе близкихъ и вѣроятныхъ экспериментовъ даннаго рода считаютъ табачную, страховую, спичечную, спиртовую, пивоваренную, электрическую, угольную и нѣкоторыя другія монополіи. Конечно, объективно разсуждая, государственныя монополіи являются лишь нѣсколько видоизмѣненной формой косвеннаго обложенія, но тѣмъ не менѣе можно считать почти несомнѣннымъ, что предполагаемая „націонализація“ различныхъ отраслей промышленности не встрѣтитъ сколько-нибудь серьезной оппозиціи со стороны трудящейся демократіи (о капиталистическихъ кругахъ правительство, конечно, позаботится и постарается удовлетворить ихъ аппетиты). Не по тому, разумѣется, что демократія считаетъ данное рѣшеніе великихъ финансовыхъ проблемъ идеальнымъ—о, нѣтъ, она прекрасно сознаетъ всѣ его недостатки [2]), а просто потому, что при создавшемся положеніи дѣлъ нѣтъ иного выхода: система монополій является, какъ никакъ, наименьшимъ зломъ.

В. Майскій.

---

[1]) Желающихъ ближе познакомиться съ этимъ вопросомъ отсылаю къ моей книгѣ „Германія и война“, изд. московскаго книгоиздательства писателей, 1916, глава „Проблемы государственныхъ монополій“.

[2]) Главный изъ этихъ недостатковъ, по мнѣнію соціалъ-демократовъ, состоитъ въ томъ, что монополіи чрезвычайно усиливаютъ экономическую и политическую мощь центральной государственной власти. И такъ какъ Германія еще весьма далека отъ идеала подлиннаго народовластія, то усиленіе правительства въ ней представляетъ особенныя опасности для широкихъ слоевъ населенія.

Памяти А. И. Иванчинъ-Писарева.

27 іюня въ Петроградѣ умеръ отъ рожистаго воспаленія Александръ Ивановичъ Иванчинъ-Писаревъ. Еще недавно, въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала, были напечатаны его воспоминанія о П. Н. Дурново. Эти воспоминанія обратили на себя большое вниманіе прессы, но они оказались и послѣдней работой А. И.,— не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени появленія ихъ въ печати, какъ самого А. И. настигла смерть.

Въ его лицѣ съ жизненной арены сошелъ человѣкъ, въ свое время игравшій замѣтную роль въ народническихъ кружкахъ. Онъ не былъ, правда, ни теоретикомъ, ни практическимъ вождемъ народничества. Роль А. И. была скромнѣе—онъ являлся лишь рядовымъ участникомъ народническаго движенія, но участникомъ долго, упорно и умѣло работавшимъ надъ осуществленіемъ тѣхъ задачъ, которыя преслѣдовало это движеніе.

Послѣднее рано захватило А. И. Родившись въ 1846 г., онъ въ концѣ 70-хъ годовъ слушалъ лекціи сперва въ московскомъ, затѣмъ въ петербургскомъ университетѣ. Эти годы были временемъ усиленнаго броженія среди учащейся молодежи и А. И. скоро увлекся этимъ броженіемъ, тѣмъ самымъ опредѣливъ свою жизненную дорогу. Будучи еще студентомъ московскаго университета, онъ примкнулъ къ кружку чайковцевъ и, по его порученію, организовалъ книжный складъ для распространенія издававшихся чайковцами народныхъ книгъ. Переѣхавъ затѣмъ въ Петербургъ, онъ вскорѣ рѣшилъ принять непосредственное участіе въ пропагандѣ среди народа и съ этою цѣлью, бросивъ университетъ, перебрался на жительство въ доставшееся ему отъ отца имѣніе Потапово въ Ярославской губерніи. Поселившись здѣсь, онъ устроилъ школу для крестьянскихъ дѣтей, завелъ артельную столярную мастерскую, сблизился съ крестьянами и повелъ среди нихъ пропаганды. Въ цѣляхъ той же пропаганды пріѣзжали въ Потапово и нѣкоторые другіе изъ тогдашнихъ видныхъ народниковъ. Скоро однако дѣятельность владѣльца Потапова обратила на себя вниманіе властей и въ маѣ 1874 г. А. И. пришлось, избѣгая ареста, скрыться изъ своего имѣнія и перейти на нелегальное положеніе.

Съ этого момента въ его жизни началась новая полоса. Семь лѣтъ онъ прожилъ въ качествѣ „нелегальнаго“ и перебывалъ за

это время въ различныхъ мѣстахъ и въ разныхъ положеніяхъ, но упорно стремился снова и снова „въ народъ“. Онъ былъ три мѣсяца слесаремъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ Саратовѣ, затѣмъ служилъ въ Скопинскомъ уѣздѣ кучеромъ у одного инженера, стараясь познакомиться съ бытомъ мѣстныхъ шахтеровъ. Начавшіеся въ это время провалы въ революціонныхъ кругахъ побудили его уѣхать за границу. Здѣсь онъ писалъ народныя брошюры, участвовалъ въ журналѣ „Впередъ“ и въ редакціи женевской газеты „Работникъ“. Но уже черезъ годъ, въ 1876 г., онъ вернулся въ Петербургъ и примкнулъ къ партіи „Земля и Воля“, а въ слѣдующемъ году вновь поселился въ деревнѣ, на этотъ разъ въ качествѣ волостного писаря. Около двухъ лѣтъ пробылъ онъ волостнымъ писаремъ сперва въ Самарской, затѣмъ въ Саратовской губерніи, но въ 1879 г. вынужденъ былъ покинуть это мѣсто и возвратиться въ Петербургъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ присоединился къ вновь образовавшейся въ это время партіи „Народной Воли“ и былъ однимъ изъ членовъ редакціи первыхъ трехъ номеровъ ея органа. Но 17 марта 1881 г. его „нелегальное положеніе“ окончилось—онъ былъ арестованъ и, послѣ довольно долгаго разбирательства, высланъ въ административномъ порядкѣ на 2 года въ Восточную Сибирь. Позднѣе, вслѣдствіе разоблаченій Дегаева, этотъ срокъ былъ увеличенъ и А. И. удалось вернуться изъ Сибири только въ 1889 г.

Еще до своей ссылки, съ конца 70-хъ годовъ, А. И. сталъ работать и въ легальной литературѣ. Онъ началъ въ ней свою дѣятельность очеркомъ „Кулакъ-общинникъ“, помѣщеннымъ въ „Дѣлѣ“ Благосвѣтлова. Послѣ того онъ писалъ въ „Дѣлѣ“, въ „Словѣ“, когда оно издавалось Е. Н. Мальневой, и въ „Русскомъ Богатствѣ“ временъ редакціи И. И. Злотовратскаго. Живя въ Сибири, А. И. принималъ участіе въ выходившей въ Томскѣ „Сибирской Газетѣ“. Получивъ въ 1889 г. разрѣшеніе выѣхать изъ Сибири въ Европейскую Россію, но безъ права жительства въ столицахъ и университетскихъ городахъ, А. И. поселился въ Нижнемъ-Новгородѣ и отсюда принималъ участіе въ выходившемъ въ Казани „Волжскомъ Вѣстникѣ“. Въ концѣ 1892 г. А. И. получилъ разрѣшеніе жить въ Петербургѣ. Въ это время Н. К. Михайловскій вошелъ въ редакцію „Русскаго Богатства“ и предпринялъ реорганизацію этого журнала, предоставивъ А. И. завѣдываніе хозяйственной его стороной. Завѣдывать хозяйственной стороной „Р. Богатства“. А. И. продолжалъ и тогда, когда въ редакцію вошли В. Г. Короленко и—немного позже—Н. Ѳ. Анненскій, и тогда, когда, послѣ смерти Н. К. Михайловскаго, къ Н. Ѳ. Анненскому и В. Г. Короленку присоединились новые, молодые члены редакціи. Самъ А. И. втеченіе долгихъ лѣтъ своего участія въ „Р. Богатствѣ“ не писалъ въ немъ, будучи всецѣло поглощенъ хозяйствомъ журнала и организованнаго при немъ—опять-таки усиліями А. И.—книгоиздательства,

выпускавшаго отдѣльными книгами произведенія ближайшихъ сотрудниковъ журнала. Въ 1907 г. А. И. сложилъ съ себя завѣдываніе хозяйствомъ „Русскаго Богатства", а черезъ нѣкоторое время и совсѣмъ отошелъ отъ него, принявъ участіе въ организаціи новаго журнала „Завѣты". Здѣсь А. И. напечаталъ, между прочимъ, воспоминанія о годахъ своего „хожденія въ народъ", вышедшія затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ. Когда „Завѣты" были закрыты, А. И. попытался организовать выпускъ въ свѣтъ періодическихъ сборниковъ, но замыселъ этотъ встрѣтилъ на своемъ пути серьезныя препятствія и осуществить его А. И. не удалось. Послѣдняя его работа, какъ я уже упоминалъ, появилась въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала за текущій годъ.

Въ послѣдніе годы здоровье А. И. замѣтно пошатнулось. Онъ въ эти годы часто хворалъ, хворалъ долго и тяжело. Долго и тяжело хворалъ онъ и въ настоящемъ году. Еще въ январѣ онъ заболѣлъ инфлуэнцой. Болѣзнь затянулась и весною А. И. былъ помѣщенъ въ Максимиліановскую лечебницу. Нѣсколько оправившись, онъ въ началѣ лѣта переѣхалъ на дачу. Но здѣсь у него началось рожистое воспаленіе и, перевезенный въ Петропавловскую больницу, онъ утромъ 27 іюня скончался въ ней.

29 іюня его похоронили на Волковомъ кладбищѣ. На кладбище его тѣло провожали представители петроградской интеллигенціи и рабочіе, собравшіеся въ довольно большомъ числѣ. И рѣчи надъ его могилой говорили и интеллигенты, и рабочіе, тепло вспоминавшіе его „хожденіе въ народъ"...

В. Мякотинъ.

БИБЛІОРАФІЯ.

Андрей Бѣлый. Петербургъ. Романъ. Петроградъ. 1916. Стр. 148 + 210 + 276. Ц. 2 р.

Романъ г. Андрея Бѣлаго откровенно тенденціозенъ. Россіи подлинной, Россіи истинно-русской противоположенъ здѣсь Петербургъ, созданіе искусственное, чуждое русскому естеству, наносное и раціоналистическое. Въ этой раціоналистической, геометрической, головной искусственности оказываются сходными и равно повинными двѣ петербургскія стихіи, съ виду враждебныя, но по существу одинаково не-русскія, настоящей Россіи чуждыя и для нея равно пагубныя. Эти двѣ стихіи—правительство и революція, бюрократія и интеллигенція. Борьба этихъ началъ и составляетъ фонъ, на которомъ развернуты событія романа и обрисованы его дѣйствующія лица. Событія эти относятся къ 1905 году, а образы дѣйствующихъ лицъ—по крайней мѣрѣ, двухъ главнѣйшихъ—явно подсказаны дѣйствительными историческими фигурами. Крупнѣйшій государственный дѣятель Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ созданъ на основаніи ходячаго представленія о Побѣдоносцевѣ; менѣе портретнымъ кажется образъ виднѣйшаго провокатора Липпанченка, но, конечно, образъ этотъ есть намекъ на Азефа, намекъ не психологическій, а болѣе политическій. Хотя оба борющіяся въ русской жизни начала представляются автору одинаково губительными для настоящей внѣ-петербургской Россіи, однако антипатіи его распредѣляются неравномѣрно: въ Аполлонѣ Аполлоновичѣ Аблеуховѣ есть нѣкоторыя человѣческія черты; авторъ не показалъ—не хотѣлъ или не сумѣлъ показать — его государственнаго ума, его дѣйственной воли, его многообъемлющаго могущества, но онъ постарался показать, что въ этомъ обездушенномъ манекенѣ, въ этой раціоналистической машинѣ есть человѣческія чувства, есть привлекательныя слабости; Аблеухова нельзя презирать, хотя иногда можно его пожалѣть. Наоборотъ, никакого, даже слабаго снисхожденія не вызываетъ въ г. А. Бѣломъ міръ борцовъ противъ Аблеухова. Русскіе революціонеры дѣлятся для автора

„Петербурга“ на двѣ категоріи: обманутыхъ дураковъ и подлыхъ обманщиковъ. Новаго освѣщенія, новыхъ художественно обобщенныхъ фактовъ онъ не даетъ; чувствуется, что онъ не знаетъ тѣхъ людей, о которыхъ пишетъ. Онъ исходитъ изъ абстракціи и, руководимый своими соціально-политическими пристрастіями, пытается дать этимъ абстракціямъ бытіе. Пристрастія эти идутъ далеко: такъ, напримѣръ, даже панегиристы романа г. А. Бѣлаго едва-ли откажутся признать, что его антисемитизмъ получилъ въ романѣ довольно пошлое выраженіе. Въ высшей степени показательно также для уясненія общественно-политической позиціи автора то освѣщеніе, которое получаетъ у него образъ провокатора Липпанченка. Провокаторъ, какъ извѣстно, предаетъ тотъ міръ, къ которому принадлежитъ лишь для видимости; провокаторъ не революціонеръ, а врагъ революціи — идейный или корыстный; часть его жизни—показное общеніе съ революціонерами, часть—общеніе съ купившей его властью. Между тѣмъ все изображеніе быта и души Липпанченка у г. А. Бѣлаго—явная карикатура на бытъ и душу революціонера. Отношеній Липпанченка съ полиціей мы не знаемъ, г. А. Бѣлый позабылъ изобразить ихъ по той простой причинѣ, что ему достаточно было изобразить пошлое, мелкое, сытое себялюбивое животное въ революціонной обстановкѣ и только приписать ему нѣкоторыя провокаціонныя дѣйствія; это его удовлетворило, потому что всякій иной революціонеръ—за предѣлами зрѣнія г-на А. Бѣлаго. Всмотрѣвшись пристальнѣе въ фигуру Липпанченка, не трудно увидѣть, что для г-на А. Бѣлаго не Липпанченко есть изображеніе типичнаго провокатора, а всякій революціонеръ,—поскольку онъ не жертва провокаціи,— есть провокаторъ. Особенно изобрѣтательнымъ въ этой обличительной работѣ назвать г-на А. Бѣлаго трудно. Наоборотъ, средства, которыми онъ старается внушить читателю безпредѣльное презрѣніе къ своему Липпанченку, не представляются ни очень новыми, ни очень тонкими: по существу Липпанченко есть мелкій буржуй, живущій въ пошлѣйшей мѣщанской обстановкѣ; по происхожденію онъ не русскій—настоящая его фамилія Липенскій—„едва-ли не жидъ“; въ связи онъ съ дамой, носящей тоже подозрительное имя Зоя Захаровна Флейшъ; онъ подло и грубо эксплуатируетъ это несчастное созданіе, и физическая грязь его обихода есть для г. Бѣлаго необходимый и естественный атрибутъ его нравственной грязи. Все это въ тѣхъ или иныхъ оттѣнкахъ давно продѣлано въ обличительныхъ изображеніяхъ русскаго освободительнаго движенія за послѣдніе полвѣка. Тѣ же средства у г. А. Бѣлаго, тѣ же враги. Кругъ замыкается Липпанченкомъ, но захватываетъ широко. Петербургъ враждебенъ г-ну А. Бѣлому и Россіи прежде всего своей раціональной мыслью, — какъ же не обличить средоточіе этой раціональной мысли въ петербургскомъ „сѣдалищѣ наукъ“, какъ не узрѣть ея символа въ Васильевскомъ Островѣ? И г. Бѣлый

вѣщаетъ и предостерегаетъ: „О, русскіе люди, русскіе люди! Толпы зыбкихъ тѣней не пускайте вы съ острова: вкрадчиво тѣни тѣ проникаютъ въ тѣлесное обиталище ваше; проникаютъ отсюда онѣ въ закоулки души: вы становитесь тѣнями клубообразно летящихъ тумановъ: тѣ туманы летятъ искони изъ-за края земного: изъ свинцовыхъ пространствъ волнами кипящаго Балта". И все свивается въ одинъ клубокъ: не только русское правительство и русская революція оказываются порожденіями единаго духа анти-русской абстракціи, но сплетаются воедино русская наука и русская провокація, и читатель долженъ быть приведенъ къ выводу, что начинается съ Академіи Наукъ, а кончается неизбѣжно Липпанченкомъ...

Нѣтъ нужды отмѣчать, что намъ эта попытка воскрешенія забытыхъ славянофильскихъ параллелей кажется въ достаточной мѣрѣ не основательной. Если однако воспользоваться словаремъ г. А. Бѣлаго, то все его произведеніе надо назвать прежде всего въ высшей степени петербургскимъ. Оно пропитано тѣмъ основнымъ порокомъ, который г. А. Бѣлому кажется столь петербургскимъ, европейскимъ, не-русскимъ: оно въ высшей степени раціоналистично, абстрактно, оно все надумано; его символы по категорической ясности и опредѣленности надо назвать геометрическими. Если реакціонеръ Аблеуховъ исчерпанъ въ четырехъ взаимно перпендикулярныхъ стѣнахъ его кареты, то и душа революціонера Александра Ивановича необходимо порождена его „міровымъ пространствомъ": четырьмя перпендикулярными стѣнами его обиталища на Васильевскомъ островѣ. И такъ во всемъ: люди и вещи г. Андрея Бѣлаго, общая структура его романа и отдѣльные его образы прежде всего механизмы; всему предначертана роль, всему предопредѣлено его значеніе. Это не психологическая жизненность всѣхъ мельчайшихъ подробностей истинно-художественнаго созданія; это механическая ихъ связанность. Психологія вообще— слабая сторона романа г. А. Бѣлаго; на психологію затрачено здѣсь много усилій и самыхъ напряженныхъ ухищреній отъ футуристскихъ словечекъ, которымъ не суждено войти въ обиходъ, до типографскихъ трюковъ, лишенныхъ какой бы то ни было выразительности. Но главная цѣль осталась недостигнутой: образы героевъ „Петербурга" не видны; они искусственны, раціонально-сочинены и мертвенно-разсудочны, какъ родившій ихъ городъ въ представленіи ихъ создателя. Никто не живетъ, никто не допускаетъ различныхъ толкованій, никто не входитъ въ живое человѣческое общеніе съ читателемъ. Въ немъ много символовъ, но символы эти говорятъ не о многомъ; это низводитъ ихъ до уровня раціональныхъ аллегорій. Они не заставляютъ думать: въ нихъ все уже сказано. Въ романѣ А. Бѣлаго есть извѣстная литературная значительность; въ немъ сказано важное для автора, и это задѣваетъ читателя; въ немъ есть эпизоды сильные и трога-

тельные. Но въ немъ нѣтъ той тайны, которая дается только живыми образами: въ немъ все открыто, все явно; не надъ чѣмъ задуматься—развѣ надъ печальными уклонами мысли его даровитаго автора. Съ основными его идеями будутъ соглашаться или не соглашаться,—въ современномъ сумбурѣ онъ легко найдетъ единомышленниковъ; и одни примутъ, другіе отвергнутъ его политическую тенденцію, его отношеніе къ интеллигенціи, къ правительству, къ наукѣ. Его романъ можетъ имѣть агитаціонное значеніе. Но онъ ничему не можетъ научить, ничего ни цѣннаго, ни важнаго, ни новаго не можетъ сказать о жизни, о Россіи, о родинѣ, о правдѣ тому, кто думалъ объ этихъ великихъ стихіяхъ и жадно искалъ отвѣта на ихъ загадки у русскихъ художниковъ слова.

Н. Тимковскій. т. X. Передъ жизнью. Разсказы. Кн-во писателей въ Москвѣ. Ц. 1 р. 25 к. Стр. 218.

Г. Тимковскій не принадлежитъ къ числу писателей, каждая новая книжка которыхъ отражаетъ либо новый поворотъ творческой эволюціи, либо новую сторону сложной авторской индивидуальности. Его новый сборникъ разсказовъ ни въ чемъ не измѣняетъ и ничѣмъ не дополняетъ впечатлѣнія отъ любой изъ его предыдущихъ книжекъ. И какъ по всякому другому, такъ и по разсматриваемому сборнику можно съ полнымъ правомъ судить о писательской личности г. Тимковскаго въ цѣломъ.

Благо, она чрезвычайно ясна, даже слишкомъ ясна—почти элементарна. Его достоинства столь же несомнѣнны, какъ и недостатки, при чемъ тѣ и другіе постигаются безъ особаго усилія. Достоинства автора по большей части отрицательнаго свойства, но переживаемый литературный моментъ подчеркиваетъ ихъ цѣнность. Онъ простъ среди повальной нынѣшней вычурности, онъ литературно-честенъ среди моря фальши, притворства и лживаго паѳоса, онъ скорбитъ и радуется среди окружающаго рявнодушія, столь часто искусственно подогрѣваемаго. Старательно, добросовѣстно, съ теплымъ участіемъ повѣствуетъ онъ намъ про горькое, обыкновенно, житьишко своихъ немудрыхъ героевъ, усердно пытаясь раскрыть предъ читателемъ ихъ душу, ихъ порывы и разочарованія.

Однако образы г. Тимковскаго тускловаты и чувствуется какъ-то, что они тускловато написаны потому именно, что не слишкомъ ярки они были въ авторскомъ воображеніи. Часто у читателя получается впечатлѣніе, что авторъ въ своихъ изображеніяхъ исходилъ отъ логической схемы, что онъ просто подбиралъ иллюстраціи къ положеніямъ, и подбиралъ не всегда удачно. Суховатой разсудочностью вѣетъ отъ книжки, не смотря на несомнѣнную субъективную теплоту автора. Не успѣетъ авторъ отмѣтить въ

ремаркѣ то или иное свойство изображаемаго лица, какъ кто-нибудь изъ героевъ тотчасъ подсовываетъ соотвѣтственную иллюстраціонную реплику съ своей стороны,—и это производитъ впечатлѣніе безжизненнаго разсудочнаго параллелизма,—пріемъ очень частый у г. Тимковскаго. Та же разсудочность и логическая схематичность проявляется и во многомъ другомъ. Врачъ, явно немолодой и опытный, лечитъ старушку, медленно, но вѣрно угасающую. „Иванъ Степановичъ сидѣлъ у стола и писалъ рецепты. Теперь онъ каждый день навѣщалъ Анну Анкудиновну, и лицо его съ каждымъ разомъ становилось все болѣе озабоченнымъ". Озабоченность на лицѣ увеличивается строго соразмѣрно со степенью опасности, которая грозитъ старухѣ-паціенткѣ, и это не у какого-нибудь близкаго человѣка, а у врача, ни въ какихъ смыслахъ особенно не пугающагося близкой кончины больной старухи... Купецъ, торгующій желѣзомъ, подверженъ припадкамъ гнѣва,— „пароксизмы бѣшенства, кончавшіеся прежде побоями жены, сына, служащихъ, Кузьма Арсентьевичъ объяснялъ властью желѣза. Ему казалось, что оно переливается, расплавленное, въ жилахъ, отравляя тѣло, кровь, самую душу. Вѣдь вся жизнь прошла подъ лязгъ металла",—объясненіе налицо, и читатель приглашается вѣрить, что Кузьмѣ Арсентьевичу дѣйствительно „казалось, будто въ его жилахъ переливается расплавленное желѣзо... Героинѣ разсказа „Смерть", когда она взглядывала на свою черствую и сухую родственницу, „начинало казаться, что все на свѣтѣ, кромѣ приходо-расходной книжки, есть не болѣе, какъ глупое ребячество или непростительная распущенность". Авторъ какъ-то слабо чувствуетъ, что такія слова, какъ „казалось", „начинало казаться", и т. п.—обязываютъ художника къ тому, чтобы читателю хоть немного казалось то самое, что, какъ онъ увѣряетъ, кажется его героямъ, иначе неизбѣженъ скептическій вопросъ читателя: кому собственно то или иное „кажется"—героямъ, или ихъ автору?

Ив. Касаткинъ. Лѣсная быль. Разсказы. Кн-во писателей въ Москвѣ. Ц. 1 р. 25 к. Стр. 216.

Среда и бытъ, изъ которыхъ г. Касаткинъ черпаетъ матеріалъ для своихъ повѣствованій, охарактеризованы имъ на первой же страницѣ книги въ такихъ словахъ: „Край нашъ—лѣса, болота да кочки,—убогій край, сѣрый. И люди, какъ и жилища ихъ, темны и нелѣпы. Все тутъ какъ-то сплющено, грубо вывихнуто, скрючено и придавлено звѣриной жизнью и безплоднымъ трудомъ къ землѣ" Въ самомъ же концѣ книжки мы находимъ опредѣленное указаніе уже на идеалъ автора: „Нѣтъ,—восклицаетъ онъ—на землѣ не должно быть такъ называемаго одинокаго человѣка! Не должно быть и слабаго человѣка, ибо человѣкъ — единственная и высшая сила, имѣющая побѣдить все, что есть темнаго и враждебнаго ему

на землѣ. Нѣтъ, жизнь должна быть величайшимъ и мощнымъ гимномъ неудержимой радости—гимномъ, слагаемымъ каждымъ и всѣми!"

Сопоставленіемъ этихъ полюсовъ идеала и дѣйствительности,—въ которыхъ, впрочемъ, какъ видитъ читатель, не заключается чего-либо новаго или неожиданнаго,—и опредѣляется почти цѣликомъ содержаніе книжки г. Касаткина: при свѣтѣ своего идеала жизни онъ разсматриваетъ жизнь, его окружающую,—надо ли объяснять, въ какомъ мрачномъ видѣ она ему представляется? И порой получается впечатлѣніе, что, войдя со свѣту своего идеала въ потемки земной юдоли, авторъ видитъ послѣднюю болѣе черной, чѣмъ она есть въ дѣйствительности. Спору нѣтъ, много жестокости, тьмы, тупости заключаетъ она въ себѣ, но... и тутъ все-таки есть мѣра. А г. Касаткинъ мѣры-то какъ будто и не знаетъ. У него—если родители, подавленные тьмой и нуждою, призываютъ смерть на своихъ дѣтей, то ужь непремѣнно чуть не въ каждомъ разсказѣ, непремѣнно съ нарочитой свирѣпостью, съ какою-то страстью. У него, напримѣръ, баба намѣренно кормитъ своихъ дѣтей зараженною больными пищей и повѣствуетъ объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ: „Я, бочкомъ, бочкомъ, да и забери обгрызочки-то, подъ зголовьями (у только-что умершихъ дѣтей)... Прибѣгла домой, дрожу, а сама быдто и радуюсь: авось, не приберетъ ли Господь къ рукамъ! Даю обгрызочки-то своимъ, гляжу: ѣдятъ, другъ у друга рвутъ даже. А сама такъ и вопіяю душой-то ко Владычицѣ: помоги, Матушка-Заступница, Егорій Стратилатъ"...

Дѣло, повидимому, объясняется просто тѣмъ, что авторъ пытается такими пріемами показать читателю степень бѣдственнаго положенія своихъ героевъ. Излишне доказывать, что единственное чувство, которое можно пробудить такимъ пріемомъ, это отвращеніе, а никакъ не состраданіе, а всего вѣрнѣе—просто никакого чувства: читатель автору не повѣритъ, и дѣло съ концомъ.

Надобно замѣтить, что въ томъ же направленіи, т. е. въ направленіи читательской недовѣрчивости, дѣйствуетъ и самый стиль г. Касаткина. Языкъ, какимъ онъ повѣствуетъ про суровую, неприкрашенную жизнь своихъ сѣрыхъ и темныхъ героевъ,—черезчуръ ужь цвѣтистъ, разукрашенъ и не простъ. Его мужикамъ и бабамъ именно первобытная простота стиля и подобала бы. А г. Касаткинъ, напримѣръ, о зимнемъ вѣтрѣ находитъ умѣстнымъ такъ писать: „Казалось, тамъ, тамъ, подъ сѣрымъ небомъ—въ поляхъ, по дорогамъ и всюду—во всю ширь распространился кто-то безпокойный и непосѣдливый, многоголосый и вездѣ поспѣвающій".... и т. д., и т. д., чуть не на цѣлую страницу тянется это клише изъ „Жизни Василія Ѳивейскаго", гдѣ все это (въ свое время новое) было умѣстно и производило впечатлѣніе и затѣмъ растеклось и разжижилось на тысячахъ и тысячахъ страницъ те-

кущей беллетристики... Или вотъ мужикъ въ пьяномъ видѣ ни за что, ни про что убиваетъ своего, тоже пьянаго, свата. Нужна и для пьянаго убійства мотивировка, и авторъ строитъ ее съ „соціальнымъ“ фасадомъ: по-пьяному дѣлу спотыкнувшись и треснувшись затылкомъ о землю, сватъ видитъ передъ собою вертящуюся воронку и вдругъ, буквально ни къ селу, ни къ городу, „когда воронка стала останавливаться и когда память прояснилась,—страннымъ образомъ, всѣ звѣзды и радуги, и колокольный звонъ—все слилось въ большое, отъ земли до неба, и знойное, какъ солнечный шаръ, слово:—за что?... Разомъ хлынуло это яркое слово въ душу Михайлы и ожгло ее больно... Михайла разомъ увидѣлъ и понялъ всю свою горькую жизнь,—вотъ она, какъ на ладони!“— За симъ слѣдуетъ и самый фасадъ горькой жизни; но если пьяный Михайла, треснувшись головой о землю, сразу не только все увидѣлъ, но даже и понялъ, то трезвый читатель все же остается въ полнѣйшемъ невѣдѣньѣ и ему все кажется, что это—неудачная выдумка, вычурная и невразумительная.

Вычуренъ и надуманъ стиль г. Касаткина и въ деталяхъ. Онъ напряженно ищетъ „словечекъ“, фотографируетъ ихъ фонетику („станцыя“, говорятъ его герои, будто не такъ же точно произноситъ и любой интеллигентъ). Онъ питаетъ пристрастіе къ такимъ формамъ, какъ „увернутая лампочка“, „удѣлавъ коня“, „побоище удвинулось къ городу“, „унырнулъ во тьму“, „учинку сдѣлать“, „улови“, и т. д., все почему-то на „у“. Отъ одного этого книжка его читается трудно, глазъ точно спотыкается о строчки.

Отъ положительныхъ героевъ автора отдаетъ позаимствованіемъ изъ Горькаго эпохи „Лѣта“, „Матери“ и др.

Добрыя намѣренія г. Касаткина не вызываютъ сомнѣній, но слишкомъ ужь наивнымъ представляетъ онъ себѣ читателя, пуская въ ходъ такіе пріемы, какъ гипербола и сгущеніе красокъ. Гораздо выразительнѣе этихъ преувеличеній тѣ немногіе образы, которые написаны авторомъ просто, безъ прикрасъ, безъ желанія во что бы то ни стало разжалобить или поразить читателя („Въ уѣздѣ“, напримѣръ).

Христо Досевъ. Вблизи Ясной Поляны (1907—1909 гг.). Изданіе „Посредника“. Москва 1916. Стр. 96. Ц. 45 к.

„Онъ съ охотой общался съ нами, отвѣчалъ, самъ спрашивалъ, любилъ насъ, радовался нами. Но онъ скажетъ что-нибудь, чего мы не понимаемъ или не чувствуемъ,—и мнѣ казалось, что онъ сидитъ на недосягаемой высотѣ, одинъ, безъ насъ, и то, что онъ видѣлъ оттуда, было невидно намъ. И мнѣ бывало тяжело и за него, и за насъ“. Это искреннее признаніе толстовца, проведшаго нѣсколько лѣтъ въ непосредственномъ общеніи съ Л. Н. Толстымъ, въ значительной степени опредѣляетъ духъ этого общенія. Въ

разныхъ воспоминаніяхъ о Толстомъ чувствуется эта духовная безплодность общенія маленькихъ людей съ большимъ человѣкомъ, но въ непритязательныхъ воспоминаніяхъ г. Христо Досева она выступаетъ съ отчетливостью тѣмъ болѣе вѣской, что она совершенно непреднамѣренна. Какъ ни „радовался нами“ Толстой, толстовцы мало давали Толстому и, въ сущности, Толстой мало давалъ толстовцамъ. „Пришли всей молодой компаніей къ Л. Н.—разсказываетъ г. Досевъ—въ Ясной уже поужинали. Собирались пить чай.—Хотите, я сегодня угощу васъ особеннымъ чаемъ,—сказалъ Л. Н. съ улыбкой.—Это прислали мнѣ мои друзья, живущіе въ Батумѣ и имѣющіе тамъ чайную плантацію... Хотя я и тронутъ этимъ, но долженъ признаться, что чай этотъ больше похожъ на сѣно, чѣмъ настоящій чай“.

Въ этомъ дружескомъ чаѣ—„больше похожемъ на сѣно“—есть нѣчто символическое; имъ — съ лучшими намѣреніями — поили друзья Толстого, имъ подчасъ — въ шутку, конечно,—поилъ Толстой друзей. Г. Досевъ говоритъ о тѣхъ тяжелыхъ мгновеніяхъ, когда толстовцы чувствовали, что не понимаютъ Толстого. Но всегда ли они умѣли почувствовать это? Вѣдь трагедія всякаго непониманія въ томъ, что оно не ощущаетъ этого непониманія; невѣжество чаще всего не знаетъ своего незнанія. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ простодушнѣе и искреннѣе воспоминаніе о Толстомъ, тѣмъ очевиднѣе, какимъ непониманіемъ онъ былъ окруженъ. Это непониманіе единомышленниковъ было, конечно, хуже непониманія его семьи. Онъ требовалъ отъ своихъ единомышленниковъ воли, а не мысли—и эту волю получалъ въ ихъ рѣшительныхъ поступкахъ. Но не все вѣдь поступки, и самъ Толстой, мыслитель, философъ, вѣдь не исчерпывалъ своего ученія вытекающими изъ него волевыми актами. Толстой горѣлъ мыслью, а его окружала грубость мысли, безмысленное пріятіе его ученія въ формѣ категорической и догматической. Толстой не зналъ ни минуты умственнаго покоя, онъ всегда искалъ, а его послѣдователи, свершивъ подвигъ отреченія отъ нѣкоторыхъ земныхъ благъ,—а то и не свершивъ этого подвига—были успокоены тѣмъ готовымъ, что получали въ результатѣ толстовскихъ исканій. А живой смыслъ-то вѣдь былъ именно въ исканіи, а не въ догматѣ, не въ результатѣ. И живой Толстой въ воспоминаніяхъ его „послѣдователей“ не разъ становится какимъ-то мало-значительнымъ, ограниченнымъ, подчасъ пошловатымъ. Какъ-то на вопросъ Толстого, что ѣдятъ въ Болгаріи, г. Досевъ, родомъ болгаринъ,—отвѣтилъ: „Фасоль, это наша національная пища“. „Это понравилось Л. Н. Нѣсколько недѣль спустя, разсказывая Гольденвезеру о нашей общинѣ и издательствѣ, Л. Н. сказалъ, смѣясь: — А знаете, эти болгары очень музыкальный народъ.—Почему?—спросилъ Гольденвейзеръ, недоумѣвая.—А вотъ, когда я спросилъ Досева, что они ѣдятъ въ своей общинѣ, онъ сказалъ мнѣ: „Фа... соль“... Правда, музыкально?„

Никто, конечно, не обязанъ быть глубокомысленнымъ или остроумнымъ въ любой моментъ своей жизни—и оно даже какъ-то трогательно, что великаго человѣка подчасъ удовлетворяла острота, достойная гимназиста перваго класса. Когда-нибудь въ полной характеристикѣ Льва Толстого найдутъ свое мѣсто и его безшабашныя шутки, и веселыя мальчишества, и надо быть благодарнымъ г-ну Досеву за фактъ, сообщенный имъ. Но въ его сообщеніяхъ нѣтъ перспективы, нѣтъ равновѣсія—и о безвкусной остротѣ онъ разсказываетъ такъ же серьезно, какъ о дѣйствительно глубокихъ словахъ Толстого. Вѣроятно, еслибы такъ острилъ не Толстой, острота показалась бы безвкусной и г-ну Досеву, но сказалъ Толстой—и кончено. Тягостно это давленіе учителя на людей, которые всякое ученіе воспринимаютъ, какъ догму. Толстой говоритъ, что музыка Листа—безсознательный шумъ, и толстовцы самодовольно повторяютъ это; Толстой говорилъ о дуракахъ: „глупъ, какъ профессоръ"—и его поклонники, сытые своимъ умомъ и своимъ знаніемъ, считаютъ, что незнаніе дѣлаетъ ихъ умнѣе всякаго профессора. Они не знаютъ,—и Толстой ихъ не научилъ этому,—что одно и то же слово звучитъ совершенно различно въ устахъ Льва Толстого и въ устахъ г. Черткова. Это обстоятельство сильно умаляетъ цѣнность всякихъ правдивыхъ воспоминаній толстовцевъ о Толстомъ; они слушали учителя, но не чувствовали человѣка во всей его цѣлокупности. Они спорятъ о томъ,—г. Досевъ передаетъ такой споръ,—кто лучше передаетъ Толстого, Сергѣенко или Тенеромо; г-ну Черткову Тенеромо кажется лучше. Между тѣмъ для всѣхъ, любящихъ Толстого, ясно, что тому, кто хочетъ знать его, лучше не читать ни Сергѣенко, ни Тенеромо.

Мы не обидимъ г-на Досева сравненіемъ съ послѣдними. Общій недостатокъ писаній толстовцевъ о Толстомъ отразился и на его книжкѣ, но въ ней есть цѣнныя мелочи и факты, которыми воспользуется характеристика Толстого. Интересенъ, напримѣръ, разсказъ о томъ, какъ Толстому не хотѣлось идти на собесѣдованіе къ рабочимъ. Собесѣдованія устраивались у г. Черткова; Толстой на приглашеніе принять въ нихъ участіе отвѣтилъ отказомъ. „Я не могу такъ, не люблю,—говорилъ онъ:—сидишь какъ истуканъ, тебя спрашиваютъ, а ты отвѣчаешь. Не могу я учительствовать. Я люблю разговаривать наединѣ. Смотришь въ глаза собесѣдника, говоришь, слушаешь, видишь его. А тутъ развѣ я увижу что въ душѣ собравшихся?" Въ концѣ концовъ поклонники, правда, уговорили Толстого, и онъ пошелъ къ рабочимъ и „учительствовалъ". Но какъ знаменательны его слова и какую пропасть полагаютъ они между его живымъ бореньемъ и духовнымъ самодовольствомъ его послѣдователей.

В. М. Хижняковъ. Воспоминанія земскаго дѣятеля. Предисловіе В. Я. Богучарскаго. Библіотека мемуаровъ издательства „Огни". Петроградъ. 1916. Стр. XV + 251. Ц. 2 р. 25 к.

Въ нашей, въ общемъ уже довольно богатой, мемуарной литературѣ, относящейся ко второй половинѣ XIX вѣка, есть одинъ большой и серьезный пробѣлъ — въ ней почти совершенно отсутствуютъ воспоминанія дѣятелей земскаго и городского самоуправленія. Тѣмъ большій интересъ способны вызвать къ себѣ воспоминанія В. М. Хижнякова, одного изъ старѣйшихъ и наиболѣе заслуженныхъ земцевъ Черниговской губерніи, горячо преданнаго земскому дѣлу и долгіе годы съ неустанной энергіей работавшаго въ области городского и земскаго самоуправленія. И содержаніе этихъ воспоминаній вполнѣ оправдываетъ ожиданія, возбуждаемыя именемъ ихъ автора. Въ сущности оно даже шире, чѣмъ это можно было бы предположить по заглавію книги. Въ дѣйствительности В. М. Хижняковъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ не только о своей работѣ въ качествѣ земскаго дѣятеля, но и обо всей своей жизни вообще, и этотъ разсказъ во всѣхъ своихъ частяхъ одинаково интересенъ. Въ первой главѣ книги авторъ описываетъ свое дѣтство, прошедшее въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ семьѣ мелкаго кіевскаго чиновника, и передаетъ тѣ впечатлѣнія, какія давали ему въ эти годы домашняя жизнь и каникулярныя поѣздки въ крѣпостную малорусскую деревню. Затѣмъ онъ въ рядѣ послѣдовательныхъ главъ разсказываетъ о своемъ ученьѣ въ 50-хъ годахъ въ одной изъ кіевскихъ гимназій, о кіевскомъ университетѣ, его профессорахъ и студентахъ въ началѣ 60-хъ годовъ, и, наконецъ, о своей службѣ въ качествѣ учителя гимназіи въ Пинскѣ и въ Черниговѣ, службѣ, продолжавшейся съ середины шестидесятыхъ до середины семидесятыхъ годовъ. Тѣ порядки жизни и порою даже тѣ лица, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой части воспоминаній В. М. Хижнякова, не разъ уже изображались въ нашей мемуарной литературѣ и тѣмъ не менѣе разсказъ В. М. Хижнякова вноситъ въ ихъ изображеніе любопытные штрихи, мимо которыхъ нельзя будетъ пройти историку и которые способны заинтересовать и читателя, уже знакомаго съ этими порядками и лицами изъ предшествующей литературы. Въ свою очередь не менѣе интересны и не менѣе богаты содержаніемъ и послѣдующія главы воспоминаній В. М. Хижнякова, посвященныя его дѣятельности въ сферѣ городского и земскаго самоуправленія. Въ 1875 г. В. М. Хижняковъ былъ избранъ черниговскимъ городскимъ головой и оставался на этомъ посту до конца 1886 года, когда его выбрали предсѣдателемъ черниговской губернской земской управы. Это послѣднее мѣсто онъ занималъ до 1896 г. и такимъ образомъ двадцать одинъ годъ его жизни были отданы напряженной работѣ въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи, работѣ, ставившей его въ тѣсное соприкосновеніе съ самыми различными слоями мѣст-

наго населенія и съ мѣстной и центральной администраціей. Описывая въ своихъ воспоминаніяхъ эту работу, онъ попутно говоритъ и о томъ наслѣдствѣ, какое получили городскія и земскія учрежденія отъ предшествовавшей эпохи, и о той дѣятельности, какую они вели, и о тѣхъ препятствіяхъ, какія встрѣчало широкое развитіе такой дѣятельности во внутренней организаціи самихъ этихъ учрежденій и—еще болѣе того—въ тяготѣвшемъ и тяготѣющемъ надъ ними административномъ контролѣ. Характеристикѣ этого контроля въ воспоминаніяхъ В. М. Хижнякова отведено особенно много мѣста и эта характеристика оказывается чрезвычайно яркой. За 40 лѣтъ земской дѣятельности и 21 годъ службы въ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ автору воспоминаній пришлось близко перевидать немало губернаторовъ и онъ почти у всѣхъ ихъ отмѣчаетъ „общія черты: введеніе разныхъ новшествъ собственнаго изобрѣтенія, незнаніе законовъ и полное неуваженіе къ нимъ, и убѣжденіе въ томъ, что „мѣстныя пользы и нужды“ они знаютъ гораздо лучше, чѣмъ мѣстные люди“ (87—88). Исключеніемъ являлся лишь одинъ губернаторъ, Веселкинъ, но онъ интересовался больше астрономіей, чѣмъ дѣлами губерніи, да и пробылъ онъ въ Черниговѣ лишь около двухъ лѣтъ. Наиболѣе же типичнымъ губернаторомъ въ сущности былъ пресловутый Анастасьевъ. „Въ 1889 г.,—разсказываетъ о немъ В. М. Хижняковъ—когда введенъ былъ институтъ земскихъ начальниковъ, онъ далъ для нихъ руководящія указанія. Онъ рекомендовалъ новымъ дѣятелямъ грозно и рѣшительно проявлять силу и полноту своей власти; разъѣзжая на тройкѣ съ колокольчиками по участку, требовать, чтобы крестьяне издали сворачивали съ дороги, подвергая тотчасъ карѣ не исполняющихъ этого требованія; ко всѣмъ лицамъ волостного и сельскаго управленія обращаться на *ты*; вообще проповѣдывались быстрота и натискъ и, при всякой провинности обывателей, розги и розги“ (93). Этотъ эпизодъ самъ по себѣ уже достаточно обрисовываетъ то лицо, къ которому онъ относится, и для полноты характеристики остается только прибавить, что, какъ показываютъ приводимые В. М. Хижняковымъ факты, Анастасьевъ и подчиненные ему администраторы, въ томъ числѣ и земскіе начальники, свою „твердую власть“ нисколько не стѣснялись самымъ безцеремоннымъ образомъ употреблять въ своихъ личныхъ интересахъ. Но Анастасьевъ былъ именно типичнымъ губернаторомъ и его ближайшіе предшественники и преемники въ большинствѣ случаевъ немногимъ отличались отъ него. А между тѣмъ всѣ эти губернаторы энергично вмѣшивались въ земское дѣло, по большей части находя себѣ полную поддержку и въ центральныхъ учрежденіяхъ. Въ воспоминаніяхъ В. М. Хижнякова разбросано немало эпизодовъ, какъ нельзя болѣе наглядно показывающихъ, къ какимъ результатамъ приводило на практикѣ такое вмѣшательство, нерѣдко вырождавшееся въ голый бюрократичесій произволъ. Не-

мало мѣста удѣлено описанію эпизодовъ подобнаго произвола и въ заключительной главѣ воспоминаній, охватывающей 1895—1906 гг. и дающей, между прочимъ, рядъ любопытныхъ, хотя въ большей своей части и не новыхъ, свѣдѣній о конституціонномъ движеніи въ земской средѣ.

Въ цѣломъ воспоминанія В. М. Хижнякова, хотя они и относятся къ одной только губерніи, даютъ своему читателю яркую картину провинціальной и, въ частности, земской жизни Россіи въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка,—картину, наводящую на самые серьезные выводы и размышленія. Несомнѣнно, не у всѣхъ читателей такіе выводы вполнѣ совпадутъ съ выводами самого автора воспоминаній. Но, думается, каждый, кто прочитаетъ эти воспоминанія, будетъ глубоко благодаренъ В. М. Хижнякову за данный имъ интересный и поучительный матеріалъ.

Мемуары князя Л. Сапѣги (1803—1863). Предисловіе графа Станислава Тарновскаго. Вступительная статья и примѣчанія Бронислава Павловскаго. Переводъ съ польскаго Л. Я. Круковской. Кн-во „Прометей" Н. Н. Михайлова. Петроградъ. 1915. Стр. 316. Ц. 3 р.

Князь Леонъ Сапѣга занималъ довольно видное мѣсто въ ряду польскихъ общественныхъ дѣятелей XIX вѣка. Членъ одного изъ наиболѣе знатныхъ и богатыхъ польскихъ родовъ, шуринъ извѣстнаго кн. Адама Чарторыйскаго, онъ молодымъ человѣкомъ началъ свою общественную дѣятельность въ конституціонномъ Царствѣ Польскомъ, поступивъ на службу въ министерство финансовъ, когда послѣднимъ завѣдывалъ Любецкій. На этой службѣ Сапѣга быстро выдвинулся, но возстаніе 1830 г. оборвало ее. Въ моментъ вспышки возстанія онъ находился за границей, въ Парижѣ. Самъ онъ мало вѣрилъ въ успѣхъ возстанія, но отстраниться отъ него не считалъ возможнымъ. Поэтому, постаравшись оказать вождямъ возстанія всѣ дипломатическія услуги, какія только были для него возможны, благодаря его связямъ въ Парижѣ и Лондонѣ, онъ затѣмъ пробрался въ Царство Польское, вступилъ здѣсь въ армію и принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ войскъ. Послѣ сдачи Варшавы, въ защитѣ которой Сапѣга также принималъ участіе, онъ съ остатками польской арміи перешелъ въ Пруссію. Но доля эмигранта, заброшеннаго среди чужого народа, пугала его и, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Пруссіи, онъ переѣхалъ въ Галицію, гдѣ и поселился навсегда, принявъ вскорѣ и австрійское подданство. Здѣсь, въ Галиціи, его жизнь вступила въ новую полосу. Его имѣнія въ Царствѣ Польскомъ были конфискованы. Но его тесть, Замойскій, отдалъ ему въ аренду имѣніе въ Галиціи, а черезъ нѣкоторое время его мать, сохранившая свои имѣнія, предоставила ему средства на покупку собственнаго имѣнія. Войдя такимъ образомъ въ число галицій-

скихъ помѣщиковъ, Сапѣга энергично занялся сельскимъ хозяйствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ развилъ и широкую общественную дѣятельность въ той средѣ, въ которую его забросила судьба. Благодаря его энергіи, во Львовѣ были основаны земельное кредитное товарищество и общество сельскихъ хозяевъ, и онъ долгое время состоялъ предсѣдателемъ обоихъ этихъ обществъ; ему же были обязаны своимъ возникновеніемъ сельскохозяйственная школа въ Дублянахъ и первая въ Галиціи сберегательная касса; наконецъ, онъ явился и главнымъ иниціаторомъ въ дѣлѣ проведенія въ Галиціи желѣзныхъ дорогъ. Все это обезпечило ему видное мѣсто въ галиційскомъ обществѣ, и въ 1861 г., когда въ государственной жизни Австріи начали проявляться новыя вѣянія, Сапѣга былъ назначенъ предсѣдателемъ провинціальнаго сейма Галиціи, что дѣлало его фактически главою ея мѣстнаго самоуправленія. Послѣ того онъ прожилъ еще семнадцать лѣтъ и умеръ въ 1878 г., 76-ти лѣтъ отъ роду.

Свои воспоминанія, доведенныя до 1863 г., Сапѣга писалъ на склонѣ лѣтъ, когда позади его уже лежала долгая и богатая событіями жизнь. Но не всѣ этапы послѣдней нашли себѣ одинаково полное и яркое освѣщеніе въ этихъ воспоминаніяхъ. Наиболѣе подробно и обстоятельно разсказаны въ нихъ годы дѣтства и юности автора и первый періодъ его участія въ общественной жизни, закончившійся съ подавленіемъ возстанія 1831 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта часть воспоминаній кн. Сапѣги представляетъ и наибольшій интересъ, по крайней мѣрѣ—для русскаго читателя. Послѣдній найдетъ здѣсь и колоритные разсказы о сохранявшихся въ Польшѣ еще въ началѣ XIX вѣка обломкахъ старопольской помѣщичьей жизни, и кое-какіе небезинтересные эпизоды изъ эпохи Наполеоновскихъ войнъ и немало любопытныхъ, хотя и частныхъ, эпизодовъ изъ исторіи конституціоннаго Царства Польскаго и возстанія 1830—31 гг. Ничего особенно новаго читатель не встрѣтитъ въ этихъ эпизодахъ, но въ своей совокупности они дадутъ ему возможность ясно представить себѣ настроеніе значительной части высшихъ круговъ польскаго общества въ 1815—31 гг. и, въ частности, отношеніе этихъ круговъ къ Россіи и къ русской государственной власти. Нельзя не пожалѣть только, что именно въ этой части воспоминаній кн. Сапѣги русское издательство по условіямъ настоящаго момента, подчинившаго вновь выпускаемыя книги военной цензурѣ, вынуждено было сдѣлать рядъ существенныхъ купюръ. Менѣе интересна для русскаго читателя остальная часть воспоминаній Сапѣги, говорящая о пребываніи его въ Галиціи и посвященная по преимуществу хозяйственнымъ дѣламъ этой провинціи. И здѣсь, правда, имѣются страницы болѣе общаго интереса, вродѣ разсказовъ о смутахъ въ Галиціи въ 1846—48 гг., о славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ въ 1848 г., о взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ слоевъ населенія Галиціи. Но такихъ страницъ

въ этой части воспоминаній Сапѣги не очень много, а, кромѣ того, для правильнаго пониманія ихъ рядовой русскій читатель, мало знакомый съ Галиціей, нуждался бы въ нѣкоторыхъ комментаріяхъ. Въ виду этого приходится пожалѣть, что русское издательство не нашло нужнымъ снабдить мемуары Сапѣги никакимъ самостоятельнымъ введеніемъ, удовольствовавшись лишь переводомъ приложенной къ польскому ихъ изданію вступительной статьи гр. Тарновскаго, быть можетъ, пригодной для польскаго читателя, но совершенно неудовлетворительной для русскаго. Переводчица мемуаровъ, г-жа Круковская, сдѣлала, правда, къ нимъ нѣкоторыя примѣчанія, но эти примѣчанія, очень немногочисленныя, нося по преимуществу формальный характеръ, мало что даютъ читателю, а временами даже являются и совершенно лишними. Врядъ ли, напримѣръ, нужно читателю такое примѣчаніе, къ тому мѣсту „Мемуаровъ“ Сапѣги, гдѣ говорится объ основаніи польскими эмигрантами Демократическаго Общества: „17 марта 1832—особый демократическій кружокъ“ (60). Самый переводъ „Мемуаровъ“ выполненъ въ общемъ удачно, хотя временами въ немъ и попадаются все же досадныя небрежности и неточности.

Шарль Жидъ. Основы политической экономіи. Переводъ съ послѣдняго, 14-го франц. изд. Виктора Сережникова, подъ ред. прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца. Съ предисловіемъ автора къ рус. изданію. Москва 1916. Стр. 615. Ц. 3 руб. 50 коп.

Книга Шарля Жида, профессора политической экономіи въ парижскомъ университетѣ, вышла въ первый разъ на русскомъ языкѣ въ 1894 г. и уже тогда нашла себѣ широкій кругъ читателей среди русской публики. Переводъ былъ тогда сдѣланъ съ 4-го изданія его „Principes d'économie politique“. Съ тѣхъ поръ этотъ учебникъ (онъ вышелъ впервые въ 1883 году) былъ неоднократно переработанъ и выдержалъ на французскомъ языкѣ рядъ изданій; онъ былъ переведенъ на много другихъ языковъ, въ томъ числѣ даже на турецкій; на шведскомъ и голландскомъ языкѣ онъ выдержалъ по три изданія. Въ учебныхъ заведеніяхъ не только Франціи и Бельгіи, но и другихъ странъ онъ принятъ въ качествѣ обязательнаго руководства. „Тиражъ учебника проф. Жида вмѣстѣ съ переводами можно приблизительно опредѣлить въ 110 тысячъ, изъ коихъ 60.000 приходится на одну Францію. Такимъ образомъ этотъ учебникъ является самымъ распространеннымъ въ мірѣ руководствомъ по политической экономіи“. (Предисл. редактора).

Въ чемъ же заключается причина столь широкой популярности этого учебника? Авторъ самъ объясняетъ это въ предисловіи. „Я не задавался—говоритъ онъ—цѣлью защищать тѣ или другія положенія; я хотѣлъ не столько дать разрѣшеніе соціальныхъ проблемъ, сколько показать, какого глубокаго интереса полны онѣ. Я

хотѣлъ бы, чтобы политическая экономія, въ теченіе столь продолжительнаго времени называвшаяся „скучной литературой“ (какъ говорилъ Тьеръ) или „сухой наукой“ (dismal science, какъ говорилъ Карлейль), могла предстать предъ всѣми, особенно же предъ молодежью, такою, какою она есть, „подобно драмѣ, захватывающей наукой“...

Въ самомъ дѣлѣ, учебникъ Шарля Жида не только написанъ чрезвычайно живо и интересно, скажемъ болѣе,—занимательно, но старается какъ бы схватить экономическую жизнь въ ея цѣломъ и въ отдѣльныхъ частяхъ съ ихъ наиболѣе интересной стороны, подмѣтить каждый разъ именно то, что должно захватывать пытливаго читателя, вызывать въ немъ новые вопросы, намѣренно оставляя въ тѣни и даже игнорируя болѣе скучныя мѣста и детали. Онъ не желаетъ разрѣшать сложныя задачи, выдвигаемыя экономической жизнью и наукой, а лишь задаетъ вопросы, указываетъ возможные способы рѣшенія и затѣмъ уже предоставляетъ читателю идти дальше, не заставляя его принимать то или другое опредѣленное рѣшеніе. Къ этому присоединяется яркость красокъ, блестящій стиль автора, чрезвычайная простота и ясность изложенія. Послѣ всего этого становится понятнымъ поразительный успѣхъ книги Шарля Жида. Она дѣйствительно заставляетъ полюбить политическую экономію, вербуетъ приверженцевъ этой науки.

Но изъ приведеннаго выше нельзя не усмотрѣть и отрицательныхъ сторонъ этого курса. Надо прежде всего отмѣтить, что, являясь по своему характеру популярнымъ руководствомъ, онъ въ то же время пріобрѣлъ въ настоящее время размѣры, совершенно несвойственные популярному учебнику и неподходящіе для него. Свыше шестисотъ страницъ содержитъ книга теперь въ русскомъ переводѣ, хотя и напечатанномъ весьма крупнымъ шрифтомъ. По сравненію съ первымъ русскимъ переводомъ, она сильно увеличилась въ объемѣ. А между тѣмъ ни цифръ, ни библіографіи въ книгѣ нѣтъ; авторъ ихъ намѣренно выбросилъ, опять-таки для того, чтобы придать ей общедоступный характеръ.

Не смотря на столь обширные размѣры, нѣтъ не только библіографіи, но и отсутствуетъ рядъ отдѣловъ, обычно помѣщаемыхъ въ учебникахъ политической экономіи. Такъ, ничего не находимъ ни о сельскомъ хозяйствѣ, ни о путяхъ сообщенія, ни о фабричномъ законодательствѣ, ни о страхованіи. Во многихъ случаяхъ авторъ отсылаетъ читателя къ другому своему учебнику—„Cours d'economie politique“, предназначенному для людей, болѣе подготовленныхъ. О кризисахъ кое-что говорится, но только кое-что. Наиболѣе любопытныя теоріи, объясняющія современные промышленные кризисы, наиболѣе оригинальныя, хотя и сложныя, конструкціи совершенно отсутствуютъ. Авторъ слишкомъ легко, слиш-

комъ упрощенно трактуетъ сложную проблему кризисовъ и критика теорій кризисовъ, поскольку она имѣется, принимаетъ у него слишкомъ наивный характеръ.

Авторъ упоминаетъ, напр., о соціалистической теоріи кризисовъ, согласно которой причина ихъ заключается въ томъ, что доходъ рабочаго класса (класса наемниковъ, — какъ неудачно передаетъ переводчикъ) ростетъ медленнѣе, чѣмъ производство (мануфактурное производство вмѣсто промышленность,—тоже неправильно переведено). „Но это тоже романъ, только менѣе поэтичный,—говоритъ по поводу этой теоріи Шарль Жидъ,—потребленіе рабочихъ классовъ быстро возростаетъ... Впрочемъ, даже допуская, что у рабочаго класса безконечно продолжали бы грабить продуктъ его труда, все-таки мы не видимъ, почему должна была бы получиться отсюда всеобщая недостаточность потребленія, ибо при этомъ во всякомъ случаѣ была бы только передача потребленія отъ одного класса къ другому“. Какъ будто бы цѣлью капиталистовъ является возможно большее потребленіе; вѣдь они имѣютъ въ виду не потреблять, а накоплять. Авторъ здѣсь совершенно не понялъ того ученія, которое онъ критикуетъ.

Есть и другіе неудачные отдѣлы, которыхъ во многихъ случаяхъ въ первомъ русскомъ изданіи еще не было. Такова, напр., глава подъ названіемъ: „почему существуетъ процентъ?“ Шарль Жидъ теперь принимаетъ теорію Бемъ-Баверка, согласно которой процентъ съ капитала вызывается различіемъ въ цѣнности благъ настоящихъ и благъ будущихъ. Онъ говоритъ здѣсь о какомъ-то „психологическомъ законѣ“ и утверждаетъ, что „эта теорія въ наибольшемъ почетѣ теперь“, не считая нужнымъ даже подробнѣе изложить ее (хотя это дѣлается въ популярныхъ учебникахъ) и умалчивая о той уничтожающей критикѣ, которой ее подвергли экономисты самыхъ разнообразныхъ направленій.

Но, не смотря на эти существенные недостатки, книга его заслуживаетъ вниманія; большая часть ея составлена удачно и она въ состояніи заинтересовать читателя и развить въ немъ любовь къ знанію вообще и къ соціальнымъ наукамъ въ особенности.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

В. В. Васильевъ (Ясавъ). Русскіе самородки. Жизнеописанія и характеристики со вступительнымъ очеркомъ А. А. Коринфскаго. Ревель. 1916 г. Ц. 75 к.

Уильямъ Дж. Локкъ. Другъ человѣчества. Романъ. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. Кн-во „Сѣверные Дни". М. 1916 г. Ц. 2 р.

Сборникъ статей о молодежи. Выпускъ первый. Кіевъ. 1916 г. Ц. 15 к.

П. Д. Бурскій. Война прежде и теперь. М. 1916 г. Ц. 40 к.—Его-же. Техника въ современной великой войнѣ. М. 1916 г. Ц. 40 к.

Весеннія дымки. Сборникъ поэзъ. Кіевъ. 1916 г. Ц. 20 к.

Изд-во „Огни" П. 1916 г. Роландъ Эшеръ. Пангерманизмъ. Сокращенный переводъ В. Я. Фанъ-деръ-Флита. Ц. 1 р.—Огни. Первая книга. С. Кондурушкинъ. Въ солнечную ночь. Ц. 1 р. 25 к. — Огни. Вторая книга. Г. Гребенщиковъ. Змѣй Горынычъ. Ц. 1 р. 25 к.—З. Гиппіусъ. Зеленое кольцо. Ц. 1 р. 25 к.

В. Флайшгансъ. Янъ Гусъ. М. Кн-во М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 2 р. 75 к.

С. Н. Кошкаровъ. „Говоръ Зорь". М. 1916 г. Ц. 20 к.

Московскій городской народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго. 1916—1917 академическій годъ. М. 1916 г. Ц. 15 к.

Е. Гинзбургъ-Гальперина. Міровая война и судьбы международнаго права. П. 1916 г. Ц. 50 к.

А. Лозина-Лозинскій. Тротгуаръ. Стихи. П. 1916 г. Ц. 1 р.

Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1916 г.—К. Тахтаревъ. Соціологія какъ наука. Ц. 1 р. — К. и О. Ковальскіе. Двуликій Богъ. Романъ. Т. I. Ч. III и IV. Ц. 1 р. 50 к.—К. и О. Ковальскіе. Двуликій Богъ. Романъ. Т. I. Ч. I и II. Ц. 1 р. 50 к.—Б. Авиловъ. Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи. Ц. 65 к.—Зоя Кирвнова. Я и Міръ. Ц. 1 р.

В. И. Кононовъ, М. Н. Николаевскій и К. П. Ягодовскій. Практическія занятія по естествознанію. Вып. I. Міръ неорганическій. Изданіе 2-е. П. 1916. Ц. 65 к. Изданіе Тенишевскаго училища.

Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. П. 1916 г.—Григорій де Волланъ. Исторія общественныхъ и революціонныхъ движеній въ связи съ культурнымъ развитіемъ Русскаго Государства. Часть первая. Т. II. Ц. 2 р. 25 к. — М. Д. Ордынцевъ-Кострицкій. Опальный князь. Историческая повѣсть. Ц. 3 р. 50 к. Въ коленкор. переплетѣ.

Д-ръ филос. І. Л. Клаузнеръ. Сущность еврейской жизни. Одесса. 1916 г. Ц. 25 к.

Княгиня А. А. Голицына. Подруги. Повѣсть для юношества. П. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Всероссійское бюро труда № 4. Трудовое посредничество. М. 1916 г.

Д. Н. Прянишниковъ. Недосѣвы, минеральныя удобренія и военныя нужды. М. 1916 г. Ц. 30 к.

Что такое кредитный союзъ и каково его значеніе. 2-е изд. Московск. союза кредитн. и ссудосберегат. т-ва по специальн заказу Ржевскаго союза. М. 1916 г.

Сельскохозяйственный обзоръ за 1914—1915 гг. Выпускъ I. Зима, весна и начало лѣта 1915 г. Изданіе Оренбургской губ. земской управы. Оренбургъ 1916 г.

В. Боголюбовъ. Н. И. Новиковъ и его время. Изд. М. и С. Са-

башниковыхъ. М. 1916 г. Ц. 3 р. 50 к.

Иванъ Морозовъ. Красный звонъ. Стихотворенія. М. 1916 г. Ц. 40 к.

Элеонора Диксонъ. Гюльхана. Ташкентъ. 1916 г. Ц. 55 к.

Л. Г. Барацъ. Источники слова о законѣ и благодати и Евангелистой пѣсни. Кіевъ. 1916 г. Ц. 75 к.

Л. Г. Барацъ. Итоги полемики по поводу финансированія промышленности. Кіевъ. 1916 г.

Всероссійскій союзъ городовъ. П. 1916 г. Обзоръ состоянія транспорта и рынковъ. Выпускъ третій. Состояніе мясного рынка. Ц. 50 к. —Выпускъ четвертый. Состояніе соляного рынка. Ц. 20 к. — Выпускъ пятый. Состояніе хлѣбныхъ рынковъ. Ц. 50 к.

В. Д. Набоковъ. Изъ воюющей Англіи. Путевые очерки. П. Ц. 1 р. 75 к.

Извѣстія студенческихъ организацій. М. С.-х. И. (Петровской Академіи). Выпускъ II. М. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Е. Н. Ефимовъ. Элементарныя понятія о государствѣ и правѣ. М. Ц. 1 р. 25 к.

Отчетъ конторы журнала.

Въ контору журнала „Русскія Записки“ поступило: въ пользу русскихъ волонтеровъ во Франціи и ихъ семей: отъ комитета служащихъ Русскаго-Торгово-Промышленнаго Банка для оказанія помощи пострадавшимъ отъ войны—200 руб.; отъ учащихъ Петроградскихъ городскихъ начальныхъ училищъ Московско-Александро-Невскаго района черезъ Л. Р. Менжинскую — 37 р. 80 к.; отъ В. П. Никольской—2 р; отъ Бакинскаго дѣтскаго кружка помощи дѣтямъ русскихъ эмигрантовъ, павшихъ на французскомъ фронтѣ — 14 р. 11 к.; отъ служащихъ о-ва потребителей Уссур. ж. д.—85 р. 18 к.; отъ служащихъ въ оцѣн.-статист. бюро Черниг. губ. земск. управы — 22 р. 35 к.; отъ Р. Ф. — 15 р.; отъ Г. Я. Калениченко изъ Троицкосавска — 5 р.; отъ А. Фортунатова изъ Москвы — 10 р.; отъ в-ча Е. Диканской — 10 р.; отъ М. И. Милашевской изъ Иркутска — 5 р.; отъ служащихъ въ канцеляріи Уманскаго окружнаго суда — 6 р. 55 к.; черезъ А. Ф. Керенскаго и Н. С. Чхеидзе: отъ М. И. Карузина—10 р., отъ Б. Е. Гурвичъ—10 р., отъ И. Усачева—2 р. 85 к., отъ ковенск. раввина Р. Шниткинда—3 р., отъ фармацевта Н. Шниткинда — 3 р., отъ фармацевта А. Шниткинда — 3 р., отъ доктора М. Датневскаго—2 р., отъ Исаева—5 р., отъ служ. кн. склада „Провинція“—8 р. 98 к., отъ служ. въ Правленіи Россійск. Страх. О-ва—60 р. 10 к., отъ служащ. тарифн. отдѣла—34 р.; отъ М. И. Петрова изъ Венева — 1 р.; отъ комитета служащихъ Ярославской губерн. зем. управы — 100 р.; отъ в-ча А. И. Покровскаго—5 р.; отъ сотрудниковъ Всероссійскаго земскаго союза въ районѣ. . . . дѣйствующей арміи—58 р.; отъ Е. С. Завьяловой—1 р.; отъ бывшаго патронажа при вспомогательномъ госпиталѣ на „Соломенной сторожкѣ“ близъ Москвы, черезъ „Современный Міръ“ — 25 р.; отъ команды пар. „Полярный“ Т. Д. Н-ки А. М. Кушнарева—21 р. 05 к.

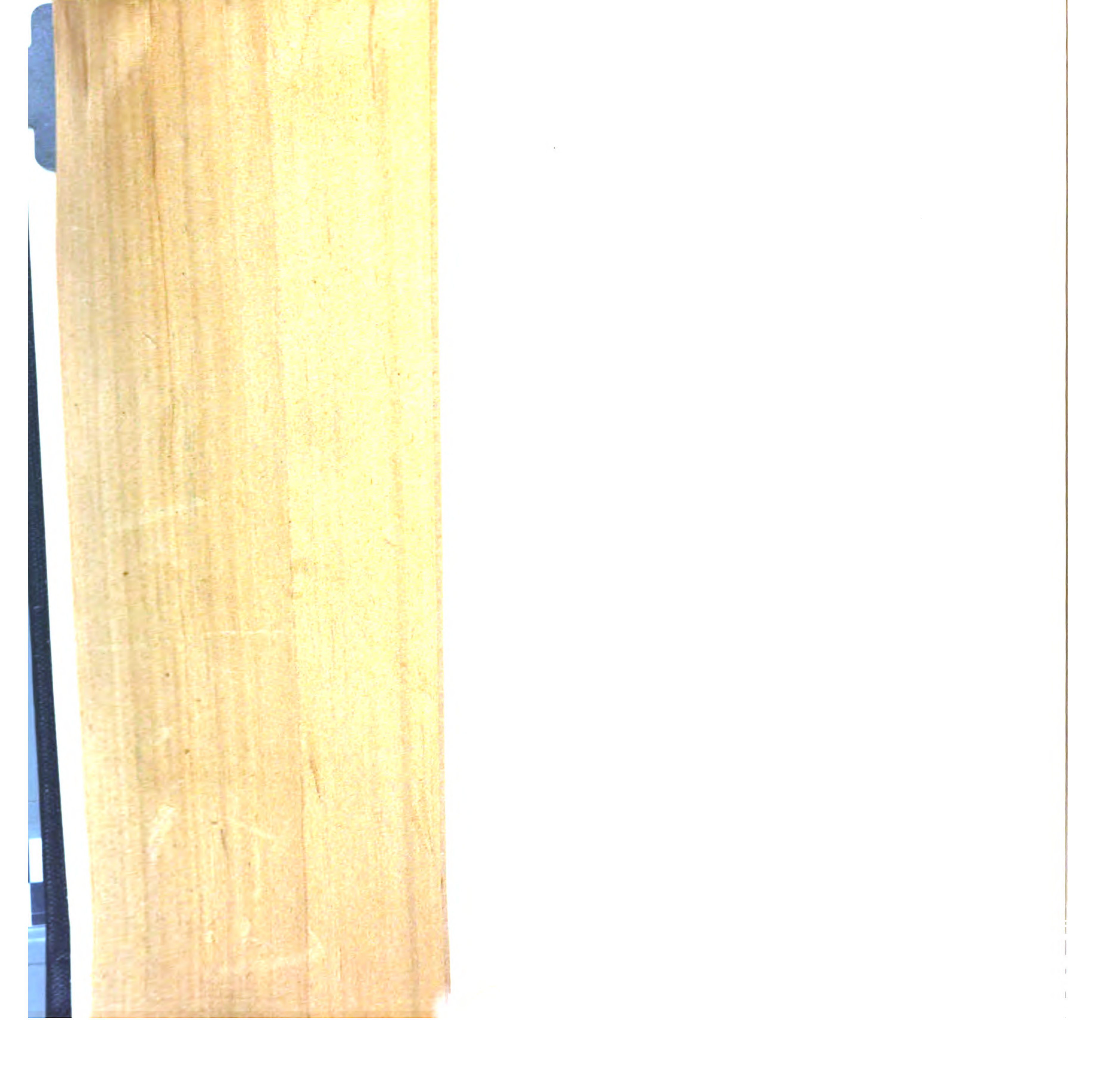
Черезъ В. Г. Короленко: отъ группы петроградскихъ учащихъ, въ память Надежды Ем. Румянцевой—29 р.

Итого . . . . . 794 р. 97 к.

А всего съ прежде поступившими . 14.048 р. 17 к.

Редакторъ В. Н. Цѣховская. Издатель Н. С. Русановъ.

Тип. Акц. Общ. „СЛОВО“, Петроградъ, ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. домъ

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 004905383